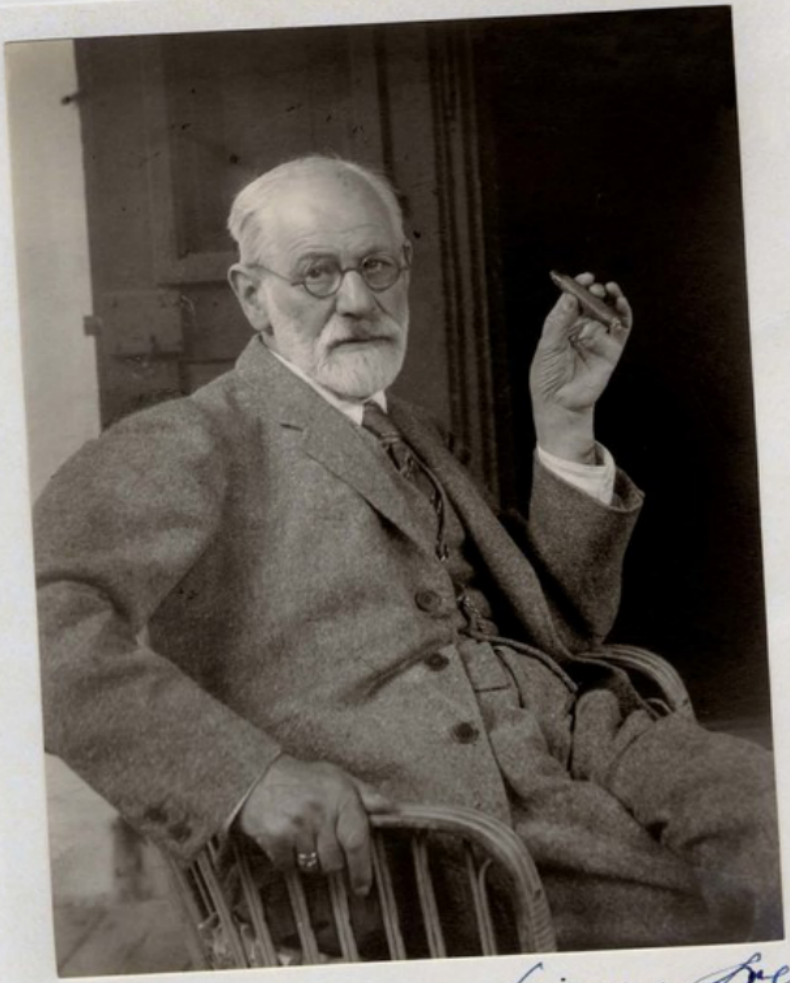


ФРЕЙД

Питер Гай

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Человек социален, сексуален и знает о том, что смертен (это три кита психоанализа). Основатель теории психоанализа Зигмунд Фрейд разработал трехкомпонентную структурную модель человеческой психики и исследовал механизмы ее защиты, сформулировал метод свободных ассоциаций и обосновал пользу толкования сновидений, ввел понятия «психоанализ», «эдипов комплекс», «бессознательное». Он создал концепцию психологии человека, которая сегодня используется при описании всех аспектов личности. У него были тысячи последователей, десятки учеников и всего несколько друзей. Труды Фрейда переведены на 39 языков и неизменно пользуются популярностью, притом что его постоянно ругали при жизни и горячо критикуют после смерти.

Питер Гай, известный историк европейской культуры, всегда говорил, что Фрейд, которым сам он восхищался, был тем не менее всего лишь человеком и поэтому уязвим для критических оценок. Об этом Гай и написал свою книгу. А еще (что делает эту монографию особенно ценной) она повествует о том, каким Зигмунд Фрейд был сыном и братом, мужем и отцом, учеником и учителем.

- Питер Гай
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Введение
  - ○ О заимствованиях и цитатах
  - ○ Основы
    - ■ Глава первая
      - ■
      - ■ Источники воспоминаний
      - ■ Притягательность исследований
      - ■ Влюбленный Фрейд
    - ■ Глава вторая
      - ■ Необходимый друг – и враг
      - ■ Больные истерией, проекты и трудности
      - ■ Самоанализ
    - ■ Глава третья
      - ■
      - ■ Тайна сновидений
      - ■ Психология для психологов
      - ■ От Рима к Вене: прогресс

        - Карта сексуальности
- Развитие теории
    - Глава четвертая
        - Пятьдесят лет
        - Чувственные удовольствия
        - Психологическое общество по средам
        - Иностранцы
    - Глава пятая
        - Юнг: наследный принц
        - Американская интерлюдия
        - Вена против Цюриха
        - Юнг: враг
    - Глава шестая
        -
        - Противоречивый дебют
        - Два классических урока
        - Ради дела: Леонардо, Шребер, Флисс
        - Ради дела: «человек-волк»
        - Руководство для специалистов
    - Глава седьмая
        - Вопрос вкуса
        - Основы общества
        - Модель психики
        - Конец Европы
- Пересмотр
    - Глава восьмая
        - Универсальные и знаковые понятия
        - Тревожный мир
        - Смерть: теория и практика
        - Эрос, «Я» и их враги
    - Глава девятая
        - Напоминания о бренности бытия
        - Анна
        - Цена популярности
        - Жизненная сила: берлинский дух
    - Глава десятая
        -
        - Отступничество Ранка и его последствия
        - Дилемма: профессионалы или дилетанты?
        - Женщина, неизведанная страна
    - Глава одиннадцатая
        - Против иллюзий
        - Цивилизация: человеческие трудности
        - Дикари-американцы

        - Награды и некрологи
    - Глава двенадцатая
        - Политика катастрофы
        - Сопротивление как идентичность
        - Finis Austriae[305]
        - Смерть стоика
- Сокращения
- Источники цитат
- Примечания
- Библиографический очерк
    - Общие замечания
    - Глава первая. Жажда знаний
    - Глава вторая. Создание теории
    - Глава третья. Психоанализ
    - Глава четвертая. Портрет критикуемого основателя
    - Глава пятая. Позиционная борьба в психоанализе
    - Глава шестая. Клинические случаи и техника анализа
    - Глава седьмая. Приложения и следствия
    - Глава восьмая. Агрессия
    - Глава девятая. Смерть против жизни
    - Глава десятая. Мерцающие огни на «черных континентах»
    - Глава одиннадцатая. Природа человека в действии
    - Глава двенадцатая. Умереть на свободе
- Благодарности
- Фотоматериалы

- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233

- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277

- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317

Питер Гай
Фрейд

…Никто не велик настолько, чтобы для него было унизительно подлежать законам, одинаково господствующим над нормальным и болезненным.

Фрейд. Воспоминания детства Леонардо да Винчи

Peter Gay
FREUD
A Life for Our Time
© Copyright © 2006, 1998, 1988 by Peter Gay
© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
КоЛибри®

Предисловие

Зигмунд Фрейд родился 150 лет назад, 6 мая 1856 года. 150-летний юбилей – повод по-новому взглянуть на его труды и на влияние, которое Фрейд оказал на всех нас. Это нелегкая задача, поскольку сегодня репутация Зигмунда Фрейда остается такой же неоднозначной, как и 100 лет назад. Другой великий человек, Чарльз Дарвин, определивший мышление людей XX века и обессмертивший свое имя в 1859 году работой «Происхождение видов» – Фрейду тогда было три года, – быстро нашел понимание и даже восторг у читателей. После непродолжительного периода жесткой полемики немало истово верующих христиан согласилось с «нечестивой» теорией Дарвина о происхождении человека. В настоящее время его позиции в биологической науке незыблемы, если не считать отдельных догматиков, особенно среди американских фундаменталистов, которые упорно протаскивают религию в те области, где – с этим согласны почти все – нерассуждающей вере нет места.

Положение Фрейда совсем иное. Позиции сторон, вовлеченных в споры по поводу его интеллектуального наследия, настолько далеки друг от друга, что шансов на достижение согласия или хотя бы приемлемого компромисса практически нет. Теория Дарвина не подвергается таким серьезным сомнениям. Механизм естественного отбора подтверждает множество общепризнанных фактов – в отличие от психоанализа, который был бы рад и малой толике таких убедительных свидетельств. Кроме того, доказательства, которые приводят психоаналитики, зачастую трудны для понимания. Разум сильнее сопротивляется их анализу и даже описанию, чем изложению истории видов. К счастью, биологам и психологам удалось немного приблизиться к пониманию психических процессов, но интерпретация, предлагаемая, скажем, для теории сновидений Фрейда, которая, как считали некоторые его критики, разрушит структуру психоанализа, в последнее время получила поддержку авторитетных специалистов, которые в своих работах убедительно доказывали, что все наши знания скорее подтверждают, чем опровергают выводы Фрейда в одной из его любимых областей. Другие положения психоанализа также остаются открытыми для обсуждения и защиты.

Данный вопрос неизбежно должен был приобрести глубоко личный характер. Сторонники Фрейда видят в нем не только интересного исследователя психики, сделавшего несколько полезных открытий, но также пророка нового мироустройства –

прямо-таки героя цивилизации. Хулители Фрейда воспринимают его не просто как заблуждавшегося психолога, но и как диктатора, лжеца, мошенника – одним словом, шарлатана. И никакой компромисс, как я уже отмечал, между ними невозможен. Читатель должен занять определенную позицию, и написанная мною биография не уклоняется от обязанности примкнуть к той или иной стороне спора.

Спешу предупредить, что эта книга написана в позитивных тонах. Я восхищаюсь Зигмундом Фрейдом и его работами, причем как человеком по большей части благодаря его свершениям. Тем не менее я верю, что моя книга не стала панегириком Фрейду. Я все время помнил о том, что он был всего лишь человеком, и поэтому открыт для скептических вопросов; неумеренное восхищение, которым первые – особенно – сторонники встречали каждое заявление Фрейда, словно он был непогрешимым верховным жрецом психоанализа, принесло лишь вред. В частности, в последние годы его теория толкования сновидений стала предметом широкой (и безрезультатной!) дискуссии. Как говорится, присяжные еще совещаются.

Более того, в наследии Фрейда остались вопросы, в которых свидетельства слишком фрагментарны или противоречивы, чтобы делать окончательные выводы. Например, действительно ли у основателя психоанализа был роман с сестрой его жены Марты? Но мне представляется, о чем будет сказано ниже, что ответ на этот вопрос почти ничего не меняет: идеи Фрейда не становятся более либо менее убедительными в зависимости от того, имелась у них любовная связь или нет. Я оставил этот вопрос открытым, хотя придерживаюсь мнения, что отношения между ними оставались чисто дружескими. Тем не менее, не желая скатываться к догматизму, я отметил, что неопровержимые свидетельства обратного убедят меня в необходимости изменить несколько абзацев. Другой пример – странный анализ личности 28-го президента США Вудро Вильсона, выполненный Фрейдом в соавторстве с американским дипломатом Уильямом Буллитом. Я назвал его недоразумением и карикатурой на прикладной психоанализ. Однако стилистические особенности позволяют мне сделать вывод, что Фрейду в нем принадлежит только вводная часть. Но исследователь наследия Фрейда Пол Розен обнаружил не так давно неопубликованный материал, указывающий, что роль мэтра в составлении этого «недоразумения», по всей видимости, больше, чем было принято считать раньше. Таким образом, несколько слов в этой объемной книге необходимо изменить. Как бы то ни было, я предпочитаю исправить все, даже мелочи.

150-летие Фрейда – причина для празднования, а не для грусти и раскаяния. Думаю, даже те психологи, которые сомневаются в непреходящей ценности части самых радикальных его взглядов, обязаны признать работу Фрейда эпохальной по своему значению, независимо от того, сколько аспектов этой работы потребует корректировки. По моему мнению, взгляд Зигмунда Фрейда на животное под названием «человек» точнее и честнее, чем кого-либо другого. Он признавал, что людям – всем без исключения – придется столкнуться с дилеммой цивилизации. Дело в том, что цивилизация является величайшим достижением человечества и одновременно его величайшей трагедией. Она требует от каждого человека сдерживать свои порывы, отказываться от желаний, ограничивать страсти. Согласно мудрому и лишенному иллюзий взгляду Фрейда, люди не могут жить без ограничений, которые накладывает цивилизация, однако с этими ограничениями их жизнь нельзя назвать по-настоящему свободной. Фрустрация и несчастья – неотъемлемые части человеческой судьбы. Самый важный и наиболее часто игнорируемый аспект образования – негативный; ребенка учат тому, что нельзя делать, что нельзя спрашивать и даже что нельзя воображать. Это не самая приятная новость, и Зигмунд Фрейд, сообщая ее, не имел шансов превратиться в пророка. Однако нам полезно помнить, что это правда.

Питер Гай
Май 2006 г.

Введение

В апреле 1885 года в своем часто цитируемом письме Фрейд объявил невесте, что только что осуществил решение, о котором одна разновидность людей, пока еще не родившихся, будет остро сожалеть как о несчастье. Он имел в виду биографов. «Я уничтожил все свои дневники за последние 14 лет, с письмами, научными записями и рукописями своих публикаций. Были оставлены лишь семейные письма», – сообщил он. Фрейд чувствовал, что все написанное им накрывает его с головой, как песок заметает сфинкса, так что из-под груды бумаг виднелся лишь нос. Он безжалостен к тем, кто будет описывать его жизнь: «Пусть нервничают биографы, мы не сделаем их задачу слишком легкой»[1]. Фрейд уже предвидел, как они будут ошибаться, изучая его личность. Во время поиска материалов и работы над книгой я часто представлял эту сцену: Фрейд в образе сфинкса освобождается от горы бумаг, которые очень помогли бы биографам. В последующие годы он не раз повторял свой деструктивный поступок, а весной 1938 года, готовясь покинуть Австрию, выбросил документы, которые извлекла из мусорной корзины внимательная сестра Анна, предупрежденная принцессой греческой и датской Мари Бонапарт – писательницей, переводчицей, сначала пациенткой, а потом ученицей и другом Зигмунда Фрейда.

Основатель психоанализа нашел и другие способы отпугивания будущих биографов. И действительно, некоторые комментарии, которые он делал по поводу жизнеописаний, должны были остановить любого, кто пытался описать его жизнь. «Биографы, – отмечал Фрейд в 1910 году в своей статье, посвященной Леонардо да Винчи, – привязаны к своему герою совсем особым способом»[2]. Они выбирают этого героя в первую очередь из-за сильной привязанности к нему, поэтому их труд неизбежно превращается в идеализацию. «Становящийся биографом, – писал Фрейд Арнольду Цвейгу, который предложил составить его биографию, – обязывается лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и даже прикрывать свое непонимание, так как биографическая правда недоступна, а если бы и была доступна, не была бы использована». Другими словами, Фрейд не доверял биографам.

Тем не менее, исследуя неизведанные области психики, он всегда был готов использовать себя в качестве подопытного кролика. Его метафора со сфинксом очень красочна, однако обычно Фрейд представлял себя соперником этого мифического

существа, Эдипом – героем, который в одиночку победил загадочного и смертельно опасного сфинкса, ответив на трудный вопрос. Не раз и не два Фрейд с сожалением отмечал, что лишь немногие люди признаются в своих чувствах, тщеславии и грешных желаниях, не обращая внимания на ущерб для собственной репутации. Он записывал и тщательно анализировал свои самые откровенные сны, а также некоторые неприятные воспоминания детства. С другой стороны, Фрейд проклинал поток саморазоблачения, когда чувствовал угрозу раскрытия его сокровенных тайн. «Кто собирается упрекнуть меня за такую скрытность, – вполне обоснованно писал он, внезапно прервав откровения своего знаменитого анализа сна об Ирме, – пусть сам попробует быть более откровенным, чем я». Будучи бесстрашным исследователем, Фрейд выставлял на общественное обозрение бо2льшую часть своего внутреннего мира, и в то же время как буржуа он очень ценил неприкосновенность частной жизни.

Фрейд оставил дразнящие автобиографические намеки, за которые с вполне понятным и некритическим энтузиазмом ухватились исследователи его жизни. В 1900 году в письме своему другу Вильгельму Флиссу он говорил о себе: «В действительности я не ученый, не наблюдатель, не экспериментатор, не мыслитель. По темпераменту я не кто иной, как конкистадор – искатель приключений, если хотите перевести это, – со всем любопытством, дерзостью и настойчивостью, свойственной людям этого сорта». Но это утверждение, подобно многим другим, лишь вводило в заблуждение тех, кто хотел понять Фрейда. Нет смысла искажать его личность, идя на поводу этого письма. Одно дело – с уважением относиться к самооценке Фрейда, что является обязанностью ответственного биографа, и совсем другое – обращаться с его заявлениями как с каноническими текстами. На страницах этой книги не раз будет показано, что Зигмунд Фрейд был не лучшим судьей самому себе.

Переполох, который вызвали идеи Фрейда, а также его пристрастные и зачастую в высшей степени субъективные саморазоблачения и самооценки, привел к тому, что каждый аспект его жизни стал предметом противоположных интерпретаций. Несмотря на десятилетия исследований и сотни посвященных Фрейду работ, его личность по-прежнему выглядит загадочной и чрезвычайно противоречивой. Его называли гением, основателем, мастером, гигантом среди властителей дум современности, а также, с не меньшей категоричностью, деспотом, плагиатором, сказочником, изощренным шарлатаном. На каждого поклонника, который провозглашал Фрейда

Колумбом, находился хулитель, язвительно сравнивавший его с графом Калиостро. Жизнь Зигмунда Фрейда стала неиссякаемым источником для инсинуаций, гипотез и мифотворчества: один американский пастор из числа фундаменталистов в своей злобной антикатолической брошюре называл его «евреем, принявшим католичество», и «первейшим из извращенцев». Сами психоаналитики – хотя они и назовут это утверждение чушью – слишком часто относились к Фрейду так, словно он на самом деле был первосвященником своей религии, а его слова воспринимали как неоспоримые истины. Примирить эти две крайности практически невозможно. Да и нежелательно – маловероятно, что правда о Фрейде лежит где-то посередине.

Бурные споры о Зигмунде Фрейде не должны никого удивлять. В конце концов, судьбой ему предназначено, как он сам говорил с несколько шутливым удовлетворением, нарушить «сон» человечества. Главная задача психоанализа, сказал он однажды писателю Стефану Цвейгу, заключается в борьбе с демоном – демоном иррациональности, причем со всей рассудительностью. Однако, уточнял Фрейд, эта рассудительность, которая низводит демона до «познаваемого наукой объекта», делает его гипотезы о сути человеческой природы еще более пугающими, еще более неприемлемыми. Неудивительно, что большинство людей защищали себя от послания Фрейда гневным отрицанием. Тем не менее сегодня мы все говорим на его языке, причем независимо от того, осознаем это или нет. Не задумываясь, мы рассуждаем о подавлении и проекции, о неврозах и амбивалентности, о соперничестве между братьями и сестрами. Если кто-то из историков называет наше время эпохой нарциссизма, все понимают, что он имеет в виду. Однако такое бездумное вербальное одобрение зачастую наносит больший вред, чем самое яростное отрицание. Это попытки, более или менее сознательные, лишить идеи Фрейда их практичного реализма. Зигмунд Фрейд не раз повторял, что способен справиться с врагами, а вот друзья его беспокоят.

Непрекращающиеся споры по поводу характера основателя психоанализа оказались, помимо всего прочего, еще более жаркими, чем дискуссии, которые вызвали его теории. Сам Фрейд создал благоприятную для слухов атмосферу, оставив запоминающиеся, но сбивающие с толку афоризмы, а также неточные оценки собственной работы. В этом заключен парадокс: как бы то ни было, детище Фрейда – психоанализ – связано с самым беспощадным дознанием; он предстает заклятым врагом скрытности, лживости и вежливой уклончивости буржуазного общества. И действительно, Фрейд очень гордился своей

репутацией разрушителя иллюзий, верного слуги научной достоверности. «Истину, – писал он в 1910 году Шандору Ференци, венгерскому психоаналитику, одному из наиболее известных своих единомышленников, – я считаю конечной целью науки». Два десятилетия спустя он снова повторил это, уже Альберту Эйнштейну: «Я больше не считаю одним из моих достоинств тот факт, что я по возможности всегда говорю правду; это стало моей профессией».

Мы очень много знаем о Фрейде. Он вел обширную переписку, бо2льшую часть которой я прочитал. Как официальные, так и личные письма позволяют узнать о нем немало важного. Фрейд оставил после себя огромное количество автобиографических работ – часть открытого и часть скрытого характера. Письма и публикации Фрейда содержат фрагменты, достойные того, чтобы присутствовать во всех его биографиях, включая данную: я старался быть точным, а не удивить читателей. Но даже с учетом скрупулезности, с которой его изучали, и тех многочисленных важных подсказок, которые он нам оставил, на карте жизни Фрейда остались довольно большие белые пятна. Все это требует дальнейшего исследования. Сколько раз был женат отец Фрейда, два или три? Был ли у Фрейда роман с сестрой его жены, Минной Бернайс, или это чистая фантазия враждебно настроенного современника либо изобретательного детектива-биографа? Почему Фрейд считал целесообразным проводить психоанализ дочери Анны, хотя в своих статьях выражал серьезное неодобрение по поводу близости психоаналитика с субъектом его профессиональной деятельности? Действительно ли Фрейд грешил плагиатом, а затем объяснял прямые заимствования плохой памятью или эти обвинения обусловлены искренним непониманием его метода либо злонамеренной клеветой на добросовестного исследователя? Был ли Фрейд наркоманом, зависимым от кокаина, и разрабатывал ли свои психоаналитические теории под его воздействием или употребление кокаина можно считать умеренным и в конечном счете не принесшим вреда?

Вопросов много. Являлся ли Фрейд научным позитивистом, о чем заявлял сам, или скорее находился под влиянием туманных предположений и романтики иудейской мистики? Был ли он действительно изолирован от медицинского сообщества своего времени, как сам любил жаловаться? Его часто декларируемая нелюбовь к Вене – это просто поза, типично венская его черта, или настоящая неприязнь? Правда ли, что продвижение по службе Фрейда замедлялось из-за того, что он был евреем, или

сие легенда, распространенная чрезмерно чувствительными собирателями жалоб, которые везде стремятся найти антисемитизм? Чем было в 1897 году его отречение от так называемой теории совращения, объясняющей причины неврозов, – актом необыкновенной научной смелости, проявлением сыновней почтительности или малодушным отказом от обобщения, которое не приняли коллеги? Насколько далеко заходили его, как он их сам называл, «гомосексуальные» чувства к близкому другу 90-х годов XIX столетия Вильгельму Флиссу? Являлся Фрейд самопровозглашенным вождем сплоченного и покорного клана учеников, Людовиком XIV от психологии, провозгласившим La psychanalyse, c'est moi[3], или гениальным, хотя иногда и строгим проводником к тайным законам разума, с готовностью признававшим вклад коллег и предшественников? Был ли он настолько тщеславен, что фотографировался на групповой портрет, встав на ящик, чтобы не оказаться ниже более высоких мужчин, или это тоже фантазия предвзятого биографа, стремившегося дискредитировать Фрейда?

Подобные противоречия в биографии Зигмунда Фрейда, увлекательные сами по себе, представляют не только биографический интерес. Они тесно связаны с самым важным вопросом, который вызывает труд всей его жизни: что такое психоанализ? Наука, искусство или мошенничество? Эта связь обусловлена тем, что, в отличие от других великих деятелей западной культуры, на Фрейда как будто наложено обязательство быть идеальным. Никто, знакомый с психопатологией Лютера или Ганди, Ньютона или Дарвина, Бетховена или Шумана, Китса или Кафки, не решится предположить, что их неврозы каким-то образом испортили гениальные творения или принизили их самих. Совсем другое дело – Фрейд, неудачи которого, реальные или выдуманные, считаются убедительным доказательством несостоятельности его работы. К счастью, психоанализ Фрейда – такая откровенно автобиографичная и одновременно такая субъективная в своих материалах дисциплина – не может не нести на себе отпечаток мышления своего создателя. Тем не менее справедливость положений психоанализа никоим образом не зависит от того, что мы узнаем об их авторе. Несложно представить Фрейда – безупречного джентльмена, отстаивающего в корне ошибочную теорию, или Фрейда с множеством недостатков и даже пороков, самого влиятельного психолога в истории.

Безусловно, нет никаких причин, почему Зигмунд Фрейд должен обладать иммунитетом от психоаналитического исследования и почему его труды и воспоминания, точные или

искаженные, нельзя использовать для раскрытия информации биографического характера. Это было бы только справедливо: в конце концов, целью Фрейда всегда являлась общая психология, которая объяснила бы поведение не только горстки страдающих неврозами современников, а всех людей – включая его самого. И действительно, сам Фрейд указывал путь. «Совсем не безразлично и даже важно, – писал он в статье о Гёте, – какие именно подробности детства избежали общей амнезии». Неменьшего внимания заслуживает и поведение взрослого человека. «Всякий, кто умеет видеть и слышать, – гласит знаменитая фраза Фрейда, – знает, что смертные не способны ничего утаить. Кто не проговорится сам, того выдадут дрожащие руки; правда все равно выйдет наружу»[4]. Мысль, которую Фрейд высказал в анализе истерии (история болезни Доры), применима и к нему самому, а не только к субъектам его анализа. На протяжении своей долгой и беспрецедентной карьеры археолога сознания Фрейд разработал целый корпус теорий, эмпирических исследований и терапевтических методов, которые в руках скрупулезных биографов могут раскрыть его желания, тревоги и конфликты, а также довольно большой диапазон мотивов, остававшихся неосознанными, но тем не менее формировавших его жизнь, поэтому я без всяких колебаний использовал открытия и по возможности методы Фрейда, чтобы исследовать его жизнь. Тем не менее я не позволил им монополизировать мое внимание. Будучи историком, я поместил Зигмунда Фрейда и его труды в самом разном контексте: профессия психиатра, которую он ниспроверг и революционизировал, австрийская культура, в которой он был вынужден жить как нерелигиозный еврей и использующий нетрадиционные методы врач, европейское общество, перенесшее за годы его жизни ужасающие травмы войны и тоталитарной диктатуры, а также западная культура в целом, та культура, самосознание которой он до неузнаваемости изменил, причем навсегда.

Я написал эту книгу не для того, чтобы польстить или осудить, а в попытке понять. В самом тексте я ни с кем не спорю: я занимаю определенную позицию в спорных вопросах, которые продолжают разделять исследователей Фрейда и психоанализа, но не привожу аргументы, которые лежат в основе моих выводов. Для тех читателей, кому интересны противоречия, делающие изучение жизни Фрейда таким увлекательным занятием, я дополнил книгу обширным и обстоятельным библиографическим очерком, который позволит им понять причины занятой мною позиции и найти материалы с изложением конкурирующих точек зрения.

Один из толкователей Фрейда, с которыми я не согласен, – это сам Фрейд. Возможно, в буквальном смысле слова он был прав, но в сущности вводил в заблуждение, когда называл свою жизнь необыкновенно тихой и бессодержательной, которая будет сведена к «нескольким датам». И действительно, на первый взгляд жизнь Зигмунда Фрейда кажется точно такой же, как у многих других высокообразованных, интеллигентных практикующих врачей XIX века: родился, учился, путешествовал, женился, практиковал, читал лекции, публиковался, дискутировал, старел, умер. Однако его захватывающая внутренняя драма способна привлечь пристальное внимание любого биографа. В знаменитом письме своему другу Флиссу, которое я уже цитировал, Фрейд называет себя конкистадором. Эта книга – история его завоеваний. Как впоследствии выяснится, самым драматичным из этих завоеваний, хотя и незаконченным, было завоевание себя.

Питер Гай

О заимствованиях и цитатах

Практически все переводы сделаны мною, но я также цитировал английские переводы работ и писем Фрейда. Читатели могут найти отрывки, которые я использовал.

В тексте я отмечаю, что воспроизвел английский Фрейда – превосходный, хотя иногда немного высокопарный и неточный – без каких-либо изменений: так, как он писал, с ошибками, неологизмами и прочим, чтобы не загромождать цитаты навязчивыми комментариями. Когда читатели встретят такие выражения, как, например, «пруссианство», это значит, что перед ними аутентичный Фрейд.

Ради благозвучия, а также для того, чтобы избежать таких неудобных оборотов, как «его/ее» или, что еще хуже, «он(а)», я везде использовал традиционный мужской род.

Основы
1856–1905

Глава первая
Жажда знаний

4 ноября 1899 года издательство Franz Deuticke, базировавшееся в Лейпциге и Вене, выпустило солидный том – работу Зигмунда Фрейда Die Traumdeutung. Однако на титульной странице «Толкования сновидений» был указан 1900 год. На первый взгляд эта неточная библиографическая информация отражает всего лишь обычную для издательского дела условность, однако с точки зрения сегодняшнего дня сие – яркий символ интеллектуального наследия и непреходящего влияния Фрейда. Его «сонник», как он сам любил называть этот свой труд, был продуктом ума, сформировавшегося в XIX веке, хотя стал достоянием – превозносимым и осыпаемым бранью, но неотвратимым – XX столетия. Название книги, «Толкование сновидений», особенно лаконичное на немецком языке, безусловно провокационно. Оно вызывало ассоциации с предназначенной для доверчивых и суеверных читателей дешевой брошюрой, которая рассматривает сны как предсказания будущей катастрофы или удачи. Фрейд осмелился, по своему собственному выражению, вопреки возражениям строгой науки принять сторону старины и суеверий.

Тем не менее какое-то время «Толкование сновидений» не вызывало интереса у широкой публики: за шесть лет продали всего 351 экземпляр, а второе издание вышло только в 1909 году. Если, как в конечном счете стал верить сам Фрейд, ему на самом деле судьбой было предназначено нарушить «сон» человечества, это случится гораздо позже, по прошествии многих лет. Такой прохладный и равнодушный прием резко контрастирует с тем, как была встречена работа другого классика, кардинально изменившего современную культуру, «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. Первые 1250 экземпляров, поступившие в продажу 24 ноября 1859 года, за 40 лет до выхода «сонника» Фрейда, разошлись за один вечер, вслед за чем быстро последовали новые, исправленные издания. Несмотря на то что труд Дарвина ниспровергал основы, он находился в центре широкой дискуссии о природе животного под названием «человек», и его с нетерпением ждали. Книга Фрейда, оказавшаяся не менее революционной, поначалу выглядела просто оригинальной и понятной лишь посвященным, предназначенной для узкого круга специалистов. Если Зигмунд Фрейд и питал надежды на скорое и широкое признание, то им не

суждено было сбыться.

Фрейд работал над книгой очень долго, что можно сравнить с десятилетиями молчаливой подготовки Дарвина; интерес к снам проявился в 1882 году, а анализировать их он начал в 1894-м. Как бы то ни было, «Толкование сновидений», хоть и медленно, найдет дорогу к читателям и станет считаться главным трудом Зигмунда Фрейда. В 1910 году он заметил, что считает книгу своей самой значительной работой. Если, прибавил Фрейд, она завоюет признание, то и нормальная психология должна получить новую основу. В 1931 году в предисловии к третьему английскому изданию Фрейд снова высоко оценил свою книгу о снах. «Она содержит, даже оценивая ее сегодня, самое ценное из открытий, которые благосклонная судьба позволила мне совершить. Озарения подобного рода выпадают на долю человека, но только раз в жизни».

Гордость Фрейда была обоснованной. Несмотря на неизбежные фальстарты и такие же неизбежные окольные пути ранних исследований, все его открытия 80-х и 90-х годов XIX столетия вошли в «Толкование сновидений». Более того, многие из последующих открытий, причем не только связанных со снами, в неявном виде присутствовали на страницах книги. Для любого биографа Зигмунда Фрейда этот труд с его богатым и необычайно откровенным автобиографическим материалом является непререкаемым авторитетом. В нем весь опыт Фрейда – и, в сущности, вся его личность – сводится к лабиринту сложного детства.

Источники воспоминаний

Зигмунд Фрейд, великий разгадыватель тайн человека, рос среди множества тайн и противоречий, поэтому возникший у него интерес к психоанализу вполне объясним. Он родился 6 мая 1856 года в маленьком моравском городке Фрайберге в еврейской семье, у Якоба Фрейда, не очень удачливого торговца тканями, и его жены Амалии. Имя, которое выбрал для него отец и записал в семейной Библии, – Сигизмунд Шломо – продержалось только до подросткового возраста. Фрейд никогда не использовал свое второе имя Шломо, данное в честь деда по отцу, и после экспериментов с именем Зигмунд в старших классах школы окончательно остановился на нем, когда в 1873 году[5] поступил в Венский университет.

В семейной Библии Фрейдов также записано, что Сигизмунд «принял еврейский завет» – другими словами, был обрезан – через неделю после рождения, 13 мая 1856 года. Это все, что нам

достоверно известно. Бо2льшая часть остальных сведений не столь надежна. Фрейд считал, что ему «как будто бы известно», что его предки по отцовской линии долгое время жили на Рейне (в Кёльне), затем в XVI или XV веке гонения на евреев заставили их перебраться на восток, и в течение XIX столетия их дети продвигались в обратном направлении, из Литвы через Галицию в немецкоязычную Австрию. Здесь Фрейд полагался на семейное предание: однажды его отец случайно встретил секретаря еврейской общины Кёльна, который назвал ему всех их предков, живших в городе вплоть до XIV столетия. Эти свидетельства происхождения Фрейда вполне правдоподобны, но не очень надежны.

Разумеется, эмоциональное развитие мальчика определялось не столько задокументированными подробностями и семейными преданиями, сколько сложными семейными отношениями, разобраться в которых ему было очень трудно. В XIX веке запутанные семейные связи были весьма распространенным явлением. Люди часто умирали в молодом возрасте в результате болезней, а женщины еще и при родах, и зачастую вдовы и вдовцы быстро вступали в новый брак. Но загадки, с которыми столкнулся Фрейд, оказались намного сложнее обычных. В 1855 году Якобу Фрейду, женившемуся на Амалии Натансон – она стала не первой его супругой, – было 40 лет, на 20 лет больше, чем невесте. Два его сына от предыдущего брака – старший, Эммануил, уже женился и имел детей, а младший, Филипп, был холост – жили неподалеку. Эммануил оказался старше, чем юная симпатичная невеста, которую отец привез из Вены, а Филипп на год моложе. Не менее загадочным для Сигизмунда казалось то обстоятельство, что один из сыновей Эммануила, его первый товарищ по детским играм, был на год старше его, маленького дяди.

Фрейд вспоминал племянника Йона как неразлучного друга и «товарища в моих шалостях». Один из таких проступков (этот эпизод относился к самых ранним воспоминаниям Фрейда, которым он, оглядываясь назад, приписал эротическую эмоциональную окраску, в тот момент отсутствовавшую) он совершил в трехлетнем возрасте: Йон и Сигизмунд набросились на Паулину, сестру Йона, вместе с которой собирали цветы на лугу, и грубо отобрали у нее букет. Временами мальчики, вражда между которыми могла быть такой же сильной, как дружба, обращали агрессию друг на друга. Одна такая ссора, случившаяся, когда Фрейду еще не исполнилось двух лет, вошла в число семейных легенд. Однажды отец спросил Сигизмунда, почему он ударил Йона. Будущий основатель психоанализа,

который говорил еще не очень хорошо, но уже мыслил логически, придумал себе убедительное оправдание: «Я побил его, потому что он побил меня».

Сложные семейные связи еще больше запутывало то обстоятельство, что, по мнению Фрейда, его красивая молодая мать гораздо больше подходила сводному брату Филиппу, чем отцу, с которым Амалия делила брачное ложе. В 1858 году, когда Сигизмунду не исполнилось и двух с половиной лет, эта проблема стала особенно острой: родилась его сестра Анна. По мнению Фрейда, именно в то время он понял, что маленькая сестренка появилась на свет из тела матери. Гораздо сложнее, по всей видимости, ему было выяснить, каким образом его сводный брат Филипп занял место отца в соперничестве за любовь матери. Неужели Филипп действительно подарил его матери эту малышку, ненавистного нового соперника? Все это сбивало с толку, а разобраться в происходящем почему-то казалось очень важным и одновременно опасным.

Подобного рода загадки из детства оставили осадок, который Фрейд подавлял на протяжении многих лет и вновь осознал лишь в конце 90-х годов XIX века при помощи анализа сновидений и напряженного «самоисследования». Его разум переполняли эти противоречия – молодая мать беременна от соперника, сводный брат каким-то загадочным образом стал товарищем матери, племянник старше его самого, а ласковый отец по возрасту годится ему в деды. Именно из этого личного опыта и будет соткана ткань психоаналитических теорий Фрейда.

Некоторые бросающиеся в глаза семейные реалии Фрейд не считал нужным подавлять. «Мои родители были евреями», – кратко сообщал он в изданном в 1925 году «Жизнеописании». Явно не одобряя единоверцев, которые искали защиты от антисемитизма в крещении, Фрейд прибавлял: «…и я также остался евреем»[6]. Это был иудаизм без религии. Якоб Фрейд не придерживался хасидских традиций своих предков: его бракосочетание с Амалией Натансон проходило по реформистскому обряду. Со временем он отказался практически от всех религиозных ритуалов, а Пурим и Пасху отмечал как семейные праздники. В 1930 году Фрейд вспоминал: «…отец позволял мне расти в полном неведении относительно всего, что связано с иудаизмом». Тем не менее стремившийся к ассимиляции Якоб Фрейд никогда не отрицал, что он еврей, и не стыдился этого. Дома он по-прежнему в назидание детям читал Тору на древнееврейском и говорил на священном языке, как вспоминал Фрейд, не хуже, чем на немецком, и даже лучше. Таким образом, Якоб создал в своем доме атмосферу,

способствовавшую тому, что юный Сигизмунд серьезно увлекся «библейской историей», то есть Ветхим Заветом, в который он углубился, едва научившись читать.

Впрочем, в детстве Фрейда окружали не только евреи, и это вносило в картину жизни дополнительные сложности. Няня, которая заботилась о нем до двух с половиной лет, оказалась набожной католичкой. Мать Фрейда вспоминала, что это была пожилая, очень некрасивая, но умная женщина. Она без конца рассказывала своему подопечному благочестивые истории и таскала с собой в церковь. «Потом, – напоминала впоследствии Фрейду мать, – ты приходил домой и начинал проповедовать о деяниях Господа Всемогущего». Религией влияние няни не ограничивалось, хотя, насколько далеко она зашла, остается неясным: Фрейд намекал, что эта женщина была его первой учительницей в вопросах пола. С не по годам развитым маленьким мальчиком нянька была строга и требовательна, но, по словам Фрейда, это нисколько не уменьшало его любовь к ней.

Вскоре эта любовь закончилась, причем самым нелицеприятным образом: сразу после того, как на свет появилась сестра Фрейда Анна, его сводный брат Филипп обвинил няню в воровстве, и дело дошло до тюрьмы. Сигизмунд очень скучал по ней. Исчезновение няни, совпавшее с отсутствием матери, стало причиной туманных и неприятных воспоминаний, которые Фрейд сумел прояснить и объяснить лишь много лет спустя. Он вспоминал, что все время плакал и искал мать. Тогда Филипп открыл сундук – Kasten, как называли его в Австрии, – и показал, что его мать не заперли там. Это не утешило Сигизмунда. Он не успокоился, пока мать не появилась на пороге, красивая и *стройная.* Но почему Филипп показывал Сигизмунду пустой сундук, чтобы ребенок не плакал по матери? В 1897 году, в период интенсивного самоанализа, Фрейд нашел ответ на этот вопрос: когда он спросил своего сводного брата, куда подевалась няня, тот шутливо ответил, что ее eingekastelt – буквально «заперли в ящик», то есть упрятали в тюрьму. Совершенно очевидно, Фрейд боялся, что его мать тоже eingekastelt. Детское соперничество со старшим братом, который предположительно был виноват в том, что мать *перестала быть* стройной, такое же детское сексуальное любопытство насчет детей, появляющихся из женского тела, и печаль из-за разлуки с няней – все это волновало мальчика, слишком маленького, чтобы разобраться в запутанных связях, но уже достаточно большого, чтобы страдать. Та няня-католичка, старая и некрасивая, много значила для Фрейда, почти столько же, сколько молодая миловидная мать. Подобно тем личностям, которые будили его фантазию по прошествии

многих лет – Леонардо, Моисей, не говоря уж о Эдипе, – маленький Фрейд был окружен любовью и заботой двух матерей.

Несмотря на бедность, Якоб и Амалия Фрейд старались дать маленькому сыну все самое лучшее. В 1856 году, когда родился Сигизмунд, семья снимала одну комнату в скромном доме. Во Фрайберге самым высоким зданием была изящная колокольня католического храма, знаменитая мелодичным звоном, – она возвышалась над несколькими солидными особняками и многочисленными более скромными домами жителей города. Помимо храма в число достопримечательностей входила красивая рыночная площадь, а также живописные окрестности с плодородными полями, густыми лесами и пологими холмами, над которыми вдали в мерцающем воздухе поднимались силуэты Карпатских гор. В конце 50-х годов XIX столетия в городе насчитывалось более 4500 жителей, среди которых было около 130 евреев. Фрейды жили в простом двухэтажном доме номер 117 по Шлосергассе. Их комната находилась над квартирой хозяина, кузнеца Зажика. Здесь, над кузницей, и родился Фрейд.

Семья Фрейд недолго оставалась во Фрайберге. В 1859 году они ненадолго поселились в Лейпциге, а год спустя переехали в Вену. По всей видимости, Фрейду было неприятно вспоминать о бедности своих отца и матери. В замаскированном автобиографическом отрывке, вставленном в одну из статей в 1899 году, он описывает себя как ребенка изначально вполне состоятельных родителей, которые достаточно комфортно жили в той провинциальной дыре. Эта гипербола служит слабым примером того, что Фрейд впоследствии назовет «семейным романом», широко распространенной тенденцией считать своих родителей более состоятельными или знаменитыми, чем они были в действительности, или даже придумывать себе известных мать и отца. Фрейд упрощал мотивы переезда семьи из Фрайберга и приукрашивал их жизнь в городе. «После катастрофы в отрасли, где был занят мой отец, – писал Фрейд, – он разорился». Якоб Фрейд не смог сохранить даже то малое, чем владел… Переезд в Вену не принес существенного облегчения, хотя финансовое положение семьи постепенно улучшалось. «Затем наступили тяжелые годы, – впоследствии признавался Фрейд. – Думаю, в них не было ничего, о чем стоит вспоминать».

Незавидное финансовое положение усугублялось плодовитостью Амалии. Якоб Фрейд и его жена прибыли в Вену с двумя детьми, Сигизмундом и Анной. Еще один сын, Юлиус, умер во Фрайберге в апреле 1858 года, в возрасте семи месяцев. Затем друг за другом с 1860-го по 1866-й на свет появились четыре сестры – Роза, Мария, Адольфина и Паулина – и младший брат

Александр[7]. В 1865-м и начале 1866 года трудности последних лет дополнились обвинением, осуждением и заключением в тюрьму Иосифа Фрейда, брата Якоба, – за изготовление фальшивых денег. Катастрофа стала сильнейшим ударом для всей семьи. Фрейд не интересовался дядей Иосифом, который появлялся в его снах, но в «Толковании сновидений» вспоминал, что отец поседел буквально за несколько дней. Вероятно, к горю Якоба Фрейда примешивалась тревога: по некоторым свидетельствам, он и его старшие сыновья, эмигрировавшие в Манчестер, были вовлечены в махинации Иосифа.

Материальные трудности и позор семьи были не единственными причинами, по которым Фрейд не хотел вспоминать первые годы в Вене. Он скучал по Фрайбергу и особенно по его красивым окрестностям. «Я никогда не чувствовал себя в городе по-настоящему комфортно, – признавался он в 1899 году. – Теперь мне кажется, что я так и не преодолел тоску по прекрасным лесам моего дома, в которые (как свидетельствуют воспоминания той поры), едва умея ходить, я убегал от отца». В 1931-м мэр города Пршибор, как стал называться Фрайберг, вошедший после распада Австро-Венгерской империи в Чехословацкую Республику, торжественно открыл бронзовую табличку на доме, где родился Фрейд. Основатель психоанализа – ему было 75 лет – прислал благодарственное письмо, в котором кратко описал превратности своей судьбы и отметил один глубокий след, оставленный тем далеким прошлым: «Глубоко внутри меня, скрытый от всех, все еще живет счастливый ребенок из Фрайберга, первенец молодой матери, получивший свои неизгладимые впечатления от земли и воздуха тех мест». Это не пустые слова и не дань вежливости. Поэтичная риторика – «от земли и воздуха тех мест» – имеет особый смысл. Она исходит из самых глубоких слоев сознания Зигмунда Фрейда, свидетельствуя о так и не утоленной тоске по тем дням, когда он любил свою молодую, красивую мать и убегал от старого отца. Неудивительно, что Фрейд до конца жизни не смог преодолеть свое противоречивое отношение к Вене.

Сын Фрейда Мартин предположил, что часто повторявшиеся фразы отца о неприязни к Вене на самом деле были скрытым признанием в любви. Ведь характерная черта каждого истинного венца – находить удовольствие в отыскании недостатков своего обожаемого города. Еще одно подтверждение этой гипотезы можно увидеть в том, что Фрейд, по его собственным словам ненавидевший Вену, упорно отказывался ее покидать. У него были превосходный английский, обширные зарубежные связи и

многочисленные приглашения поселиться за границей, но основатель психоанализа оставался в Вене до тех пор, пока это было возможно. «Ощущение торжества освобождения слишком сильно перемешано со скорбью, – писал он, уже очень старый человек, по приезде в Лондон в начале июня 1938 года, – поскольку отпущенный из тюрьмы все еще очень любит ее».

Очевидно, эта двойственность имела глубокие корни; как ни любил Фрейд Вену, город стал для него тюрьмой. Однако в его письмах нелюбовь к Вене чувствуется задолго до аншлюса Австрии нацистами. В них нет ни смущения, ни позы. «Я не стану тебе описывать, какое впечатление на меня произвела Вена, – писал Фрейд в 16-летнем возрасте своему другу Эмилю Флюсу, вернувшись из Фрайберга, – она мне отвратительна». Позже в письме из Берлина к своей невесте Марте Бернайс он признавался: «Вена меня угнетает, и притом более, чем это можно считать допустимым» – допустимым для него, имел в виду Фрейд. Собор Святого Стефана, доминировавший в городском пейзаже, был для него «отвратительной башней». Тем не менее Фрейд признавал, что за этими враждебными замечаниями кроется нечто важное, тщательно скрываемое. Его ненависть к Вене, полагал он, граничила с личной неприязнью. «В отличие от великана Антея моя сила увеличивается каждый раз, когда я отрываю ногу от земли родного города», – писал Фрейд. Вена всегда была для него ареной трудностей, повторяющихся неудач, длительного и ненавистного одиночества, неприятных инцидентов, связанных с антисемитизмом. Отпуск основатель психоанализа проводил в горах или в продолжительных походах по сельской местности, что тоже свидетельствует о его чувствах.

Этот «диагноз» в определенной степени парадоксален, ведь психоанализ – характерное порождение урбанизма, теория и практика, предназначенные для городской буржуазии. Сам Фрейд тоже принадлежал к категории типичных городских жителей, днем работая в консультации, а по вечерам в домашнем кабинете и ежедневно совершая прогулки по современной Вене, построенной в тот период, когда он был студентом и молодым практикующим врачом. Большинство комментаторов рассматривали психоанализ, а также его основателя не просто как городское, а как типично венское явление. Фрейд решительно возражал: когда французский психолог Пьер Жане предположил, что психоанализ мог появиться только в чувственной атмосфере Вены, он посчитал это злобной инсинуацией и антисемитским наветом. На самом деле Фрейд мог бы создать свои теории в любом городе, имеющем первоклассную медицинскую школу, достаточно большом и богатом, чтобы поставлять ему пациентов.

Очевидно, Фрейд, никогда не забывавший приволье в окрестностях Фрайберга, не был деревенским жителем, заброшенным судьбой в тесный город. Но Вена, которую постепенно строил для себя Зигмунд Фрейд, не была Веной придворных балов, оперетты, кафе и художественных салонов. Эти ипостаси города почти не влияли на работу Фрейда. Случайно ли его невеста будет родом из Гамбурга, любимые ученики из Цюриха, Будапешта, Берлина, Лондона и еще более отдаленных мест, а его психологические теории сформируются в интеллектуальном мире, достаточно большом, чтобы включить в себя всю западную культуру?

Как бы то ни было, Фрейд обосновался именно в Вене и не покидал этот город. Источником дополнительных трудностей был для него отец. Неисправимый оптимист, по крайней мере внешне, Якоб Фрейд был мелким торговцем, не сумевшим приспособиться к окружающему миру, переживающему промышленную революцию. Он был милым человеком, щедрым, открытым для удовольствий. И твердо убежденным в необыкновенных талантах своего сына Сигизмунда. Как вспоминал его внук Мартин Фрейд, Якоба очень любила вся семья: он был ужасно мил с ними, маленькими, – приносил подарки и рассказывал увлекательные истории. Все относились к нему с огромным уважением. Но для сына Сигизмунда Якоб Фрейд являлся проблемой.

Не облегчала эмоциональную сторону жизни юному Фрейду также притягательная молодость и красота матери. Впоследствии он восстановит в памяти детский опыт, одну из тех «важных подробностей», которые ему удалось спасти от глубокой амнезии, охватывающей детские годы каждого человека. Воспоминание пришло к нему в октябре 1897 года, во время самоанализа, когда открытия относительно собственного подсознания обрушивались на него настоящим потоком, способным сбить с толку. Фрейд рассказывал своему близкому другу Вильгельму Флиссу, что в возрасте двух или двух с половиной лет у него пробудилось либидо по отношению matrem[8]. Это случилось ночью во время путешествия в поезде из Лейпцига в Вену, когда он «… несомненно мог видеть ее nudam[9]». Сразу за этим дразнящим воспоминанием пришло следующее – Фрейд вспомнил, как радовался смерти своего маленького брата Юлиуса, который родился через 17 месяцев после него, вспомнил собственные злобные желания и настоящую детскую ревность. Этот брат, а также племянник Фрейда Йон, годом старше его, «теперь определяют все невротическое, а также все глубокое, что присутствует во всех моих дружеских связях». В его

воспоминаниях сталкиваются друг с другом любовь и ненависть, эти природные силы, которые сражаются с человеческой судьбой и которые так мощно проявились в зрелых работах Фрейда по психологии.

Иногда Зигмунд Фрейд совершает показательные ошибки, вспоминая детство. Вот одна из таких ошибок: когда он видел обнаженную мать, ему было почти четыре года, а не чуть больше двух – он был старше, сильнее и в большей степени способным к вуайеризму и открытому желанию, чем сознательно позволял себе, извлекая воспоминания о matrem nudam. Не менее показателен и тот факт, что Фрейд, даже в возрасте 41 года, будучи автором оригинальных исследований в запретных областях человеческой сексуальности, не мог заставить себя описать этот волнующий случай, не прибегая к спасительной латыни.

Какова бы ни была истинная природа того случая, именно любвеобильная, энергичная и властная мать в гораздо большей степени, чем милый, но несколько инертный отец, подготовила сына к жизни, наполненной бесстрашными исследованиями, приходящей и ускользающей славой, переменчивым успехом. Ее способность победить болезнь легких – младшая дочь Фрейда, Анна, говорила, что у бабушки был туберкулез, из-за которого она несколько раз проводила летние месяцы на курорте, – служит свидетельством жизненной силы Амалии. Фрейд так до конца и не разобрался в значении страстных подсознательных уз, которые связывали его с этой властной материнской фигурой. Значительную часть его пациентов составляли женщины, он много о них писал, однако всю свою жизнь любил повторять, что *женщина* для него осталась неизведанной страной. Вполне возможно, что подобная уклончивость отчасти объяснялась самозащитой.

Двойственные чувства Фрейда в отношении отца были спрятаны не так глубоко. Об этом свидетельствует еще один чрезвычайно важный эпизод из детства, связанный скорее с жалостью, чем с возбуждением. Это воспоминание одновременно беспокоило и восхищало Фрейда. «Мне было десять или двенадцать лет, когда отец начал брать меня с собою на прогулки и беседовать со мной о самых разных вещах. Так, однажды, желая показать мне, насколько мое время лучше, чем его, он сказал мне: «Когда я был молодым человеком, я ходил по субботам в том городе, где я родился, в праздничном пальто, с новой хорошей шляпой на голове. Вдруг ко мне подошел один христианин, сбил мне кулаком шляпу и закричал: «Жид, долой с тротуара!» – «Ну и что же ты сделал?» – «Я перешел на мостовую и поднял шляпу», –

ответил отец»[10]. Такая покорность отца, как рассудительно и, возможно, несколько безжалостно вспоминал Фрейд, показалась ему, что называется, не так чтобы геройством. Неужели отец вовсе не был «большим сильным человеком»?

Уязвленный картиной, в которой трусливый иудей пресмыкается перед христианином, Фрейд стал мечтать о мести. Он отождествлял себя с великолепным и бесстрашным семитом Ганнибалом, который поклялся отомстить за Карфаген, невзирая на могущество римлян, и превратил древнего героя в символ «противоречия между живучестью еврейства и организацией католической церкви». Его никогда не увидят поднимающим шляпу из грязной канавы[11]. Таким был мальчик, который в 14-летнем возрасте декламировал монолог Брута в революционной для того времени пьесе Фридриха Шиллера «Разбойники». Со школьных лет он неизменно проявлял умение сдерживать гнев, независимость суждений, храбрость и уважение к своему еврейству – и все это превратилось в характере Фрейда в высшей степени индивидуальный, неразрушимый сплав.

Если сам Фрейд испытывал в отношении родителей сложные чувства, то их вера в него, казалось, была абсолютной. На 35-летие отец подарил ему Танах, еврейское Священное Писание, с надписью на древнееврейском языке: «Мой дорогой сын, тебе было всего семь лет, когда Бог призвал тебя на путь познания». Для Фрейдов счастливым предзнаменованием будущей славы сына стала его страсть к чтению. В «Толковании сновидений», ища объяснение одному из честолюбивых снов, Фрейд вспомнил историю, которую ему часто рассказывали в детстве: «При моем рождении какая-то старуха-крестьянка предсказала моей матери, что она подарила жизнь великому человеку». Фрейд цинично заметил: «Такие пророчества, должно быть, часто встречаются; существует так много полных надежд матерей и так много пожилых крестьянок или других старых женщин, власти которых на земле пришел конец, и поэтому они обратились к будущему. И делается это также не в ущерб пророчицам». Тем не менее его скептицизм был искренним лишь отчасти: Фрейд склонялся к тому, чтобы доверять благоприятным предсказаниям. И неоднократно отмечал, что атмосфера в доме, когда постоянно рассказывались и повторялись подобные истории, могла лишь способствовать его жажде славы.

Еще один случай, который Сигизмунд запомнил во всех подробностях, укрепил убежденность родителей в том, что они воспитывают гения. В 11 или 12 лет он сидел с отцом и матерью в ресторанчике на Пратере, знаменитом венском парке. Там от стола к столу ходил человек и за небольшую плату сочинял стихи

на любую предложенную тему. «Родители послали меня пригласить импровизатора к нашему столу; он оказался благодарным посыльному. Прежде чем его успели попросить о чем-нибудь, он посвятил мне несколько рифм и считал в своем вдохновении вероятным, что я еще стану когда-нибудь министром». В либеральной атмосфере 60-х годов XIX века это пророчество казалось вполне возможным. Оглядываясь назад, Фрейд приписывает свое желание изучать юриспруденцию именно такого рода впечатлениям.

Совершенно естественно, что многообещающего молодого человека объявили надеждой семьи. Сестра Анна свидетельствует, что у него всегда была отдельная комната, каким бы стесненным ни было материальное положение родителей. Переехав в Вену, Фрейды поселились в традиционном еврейском районе Леопольдштадт, протянувшемся вдоль северо-восточной окраины города. Когда-то здесь располагалось венское гетто, которое вбирало в себя постоянно увеличивающийся поток еврейских иммигрантов из Восточной Европы, и теперь эти кварталы снова быстро превращались в некое подобие гетто. Приблизительно половина из 15000 евреев, живших в Вене в 1860 году, сосредоточилась именно в этом районе. Леопольдштадт нельзя было назвать трущобами. Его выбирали для жительства многие состоятельные евреи, однако большинство теснилось в перенаселенных, убогих кварталах. Фрейды принадлежали к этому большинству.

Через какое-то время финансовое положение Якоба Фрейда несколько улучшилось, скорее всего благодаря помощи двух старших сыновей, более удачливых, чем он сам. Дела Эммануила и Филиппа после переезда в Манчестер резко пошли в гору. Но даже после того, как Якоб смог позволить себе снять более просторное жилье и нанять слуг, оплачивать детям занятия живописью, а также походы в Пратер, семья все равно была вынуждена довольствоваться шестью комнатами. Эта квартира, в которую они переехали в 1875 году, когда Сигизмунд учился в университете, вряд ли могла считаться роскошной для такой большой семьи. Младший сын Александр, пять сестер и их родители теснились в трех спальнях. И лишь у будущего основателя психоанализа был отдельный «кабинет», принадлежавший только ему, – длинная и узкая комната с окнами на улицу, все больше и больше загромождавшаяся книгами, единственной роскошью, доступной Фрейду в юношестве. Здесь он занимался, спал и зачастую ел в одиночестве, чтобы сэкономить время для чтения. Здесь же он

принимал своих университетских друзей – товарищей по учебе, как называла их его сестра Анна, а не товарищей по развлечениям. Он был внимательным, но немного деспотичным братом, помогал сестрам и Александру с домашними заданиями и рассказывал об окружающем мире: склонность к поучениям обнаружилась у него еще в школьные годы. Сигизмунд также взял на себя роль довольно педантичного цензора. По воспоминаниям Анны, когда ей было 15 лет, он не одобрял, что она читает Бальзака и Дюма, считая их сомнительными авторами.

В семье спокойно воспринимали юношеский максимализм – диктат Сигизмунда – и поддерживали в нем ощущение исключительности. Если его потребности вступали в противоречие с потребностями Анны или остальных, предпочтение без всяких вопросов отдавалось ему. Когда Сигизмунд пожаловался, что шум от уроков игры на пианино, которые брала Анна, мешает ему заниматься, инструмент тут же исчез из дома. Мало у кого из семей среднего класса Центральной Европы не было пианино, но эта жертва меркла перед блестящей карьерой, которую Фрейды прочили прилежному и энергичному Сигизмунду.

В Вене времен юности Фрейда, несмотря на ущемления в правах, которым все еще подвергались австрийские евреи, честолюбивые устремления талантливых еврейских юношей вовсе не были утопией. После 1848 года, когда по всему континенту прокатились революции и на престол взошел император Франц Иосиф, рыхлая многонациональная империя Габсбургов стала с трудом поворачиваться к реформам. Она и раньше сопротивлялась, как могла, но ее силой тащили в XIX век. Начиная с 1860-го, того самого года, когда Фрейды поселились в венском районе Леопольдштадт, череда указов, призванных укрепить традиционную форму правления, стала приводить к неожиданным последствиям, либерализации государства. По мере того как избирательные кампании становились все более яростными, освобожденная пресса и зарождающиеся политические партии, боровшиеся за власть, приучали австрийцев к рискованной риторике публичных дебатов. Новый парламент, рейхсрат, которому изначально отводились лишь совещательные функции, превратился в настоящий законодательный орган власти, инициирующий принятие законов и голосующий за бюджет. Но, несмотря на эти смелые эксперименты с представительным правлением, в политической жизни участвовало меньшинство. Даже избирательные реформы 1873 года, восхвалявшиеся как огромный шаг вперед, сохранили

высокий барьер имущественного ценза: выбор народных представителей остался привилегией всего 6 процентов взрослых мужчин. Другими словами, ограниченную монархию сменил ограниченный конституционный строй.

Правда, в конечном счете впечатляющие перемены оказались не только косметическими. В эпоху фанатичного национализма режиму Габсбургов с трудом удавалось примирять противоположные политические интересы и враждующие этнические группы. Любые решения, принимаемые австрийскими политиками, могли быть в лучшем случае временными. За два десятилетия, как точно подметила историк Илза Бареа, не менее восьми австрийских конституций было принято, отозвано и исправлено в процессе экспериментов с федерализмом и централизацией, прямым и непрямым избирательным правом, монархией и представительным правлением. Показной блеск монархии и высшего общества не мог скрыть общее банкротство идей и тупик, в который завели страну непримиримые силы. Безрассудные войны и крайне неудачные дипломатические инициативы привлекали внимание общества не меньше, чем прогрессивное социальное законодательство.

Тем не менее какое-то время положение в политике, экономике и общественных отношениях действительно улучшалось. В конце 60-х годов XIX столетия в правительстве империи преобладали цивилизованные, преданные своему делу политики и чиновники, выходцы из среднего класса – их не зря называли буржуазным кабинетом министров. При этом Bürgerministerium и его преемниках правительство передало вопросы заключения брака и образования светским властям, разрешило межконфессиональные браки и приняло гуманный Уголовный кодекс. Параллельно с введением этих зачатков либерализма быстрыми темпами развивались австрийская торговля, банковское дело, промышленность, транспорт и связь. Промышленная революция пришла в Австрию – с опозданием, но все же пришла. Однако 9 мая 1873 года – в «черную пятницу» – все это было поставлено под сомнение обвалом фондового рынка. Это отбросило тень на многие достижения страны. Массовые банкротства и закрытие банков разорили неосторожных спекулянтов, невезучих вкладчиков, неудачливых бизнесменов, ремесленников и фермеров. «Австрийцы, – писал в июне один наблюдательный гость из Германии, – потеряли все свои деньги или, скорее, обнаружили, что у них никогда не было денег».

Столкнувшись с внезапной потерей сбережений или инвестиций, австрийцы начали искать козла отпущения и скатились до вспышек антисемитизма. Журналисты обвиняли в

коллапсе «махинации» еврейских банкиров, популярные карикатуристы изображали крючконосых и курчавых брокеров, бурно жестикулировавших перед Венской фондовой биржей[12]. И совсем не случайно, что Фрейд потом датировал осознание своего еврейства именно годами учебы в университете, куда он поступил осенью 1873 года[13]. Истеричный тон антисемитской пропаганды был не единственной угрозой в экстремистской политической риторике того времени. Атмосфера уже наэлектризовалась яростной фракционной борьбой, зарождающимся самосознанием рабочего класса и неутихающим недовольством национальных меньшинств – чехов, поляков и всех остальных народов империи. Хрупкие достижения 60-х годов оказались под угрозой.

И все-таки для австрийских евреев это было время надежд. Начиная с 1848-го юридический статус евреев во владениях Габсбургов неуклонно улучшался. Революционный год принес с собой легализацию религиозных обрядов, упразднение обременительных и унизительных налогов, а также равенство с христианами в праве владения частной собственностью, выборе профессии и занятии любой государственной должности. В 50-х годах XIX столетия рухнули такие унизительные памятники религиозной нетерпимости, как законы, запрещающие евреям нанимать слуг из числа христиан, а также христианам приглашать еврейских повитух. К 1867 году были устранены практически все оставшиеся зоны правовой дискриминации. По крайней мере, евреи были довольны результатами этих законодательных реформ.

Более того, в 1860-м либеральная фракция получила власть в Вене и установила режим, в котором авторитетные бюргеры из числа евреев могли рассчитывать на общественное признание и даже на политическую карьеру. И действительно, после соглашения 1867 года, или Ausgleich, которое преобразовало обширные владения Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, несколько постов в «буржуазном кабинете министров» занимали евреи. Именно в тот период Фрейд и его родители повстречали поэта-пророка в одном из ресторанов Пратера. Это было время, как он впоследствии отметил в «Толковании сновидений», когда «…каждый прилежный еврейский мальчик «носил министерский портфель» в своем ранце».

Есть что-то жалкое в том, как в конце 90-х годов Фрейд перефразировал знаменитое революционное изречение Наполеона, что каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл… Красивый и необыкновенно популярный демагог Карл Люгер, сделавший антисемитизм основой своей политической

платформы, в 1897 году занял пост бургомистра Вены. Ненависть к евреям уже достаточно давно стала неотъемлемой составляющей венской политики: в 1885-м Фрейд сообщал своей невесте, что в день выборов, 1 июня, в городе были бунты и антисемитские демонстрации. Люгер оказался, что называется, катализатором новой политики 90-х XIX века. У него имелись друзья среди евреев, и в личном общении он был настроен доброжелательнее, чем в выступлениях перед публикой, но многие его сторонники оказались гораздо большими фанатиками, чем их лидер, абсолютно последовательными в своем антисемитизме. Таким образом, приход Люгера ознаменовал окончательное и необратимое банкротство австрийского либерализма. Однако на протяжении более 35 лет – в этот период Фрейд взрослел, учился, женился, становился отцом и разрабатывал положения психоанализа – либерализм оставался заметным, хотя и постепенно слабевшим течением в венской политике. Вспоминая те пьянящие десятилетия давно ушедших времен, Фрейд называл себя либералом старой школы.

В действительности в 60-х годах XIX столетия и позже для венских евреев либерализм был позицией одновременно принципиальной и благоразумной: такие альтернативы, как сионизм или социализм, еще не появились на их горизонте. Подобно многим другим образованным соплеменникам, Фрейд стал либералом потому, что либеральные взгляды соответствовали его убеждениям, а также потому, что – как гласит поговорка – это хорошо для евреев. В том, что касается человеческой природы, Фрейд являлся пессимистом и поэтому скептически относился к политическим панацеям любого рода, однако консерватором он не был. Его, как и любого уважающего себя буржуа, раздражали высокомерные аристократы и – даже в большей степени – твердолобые священнослужители. Он рассматривал католическую церковь и ее австрийских представителей как главное препятствие полной интеграции евреев в общество. Как нам известно, у Фрейда еще в школьные годы возникали причудливые фантазии, в которых он мстил всем антисемитам. Буйный рост популистского антисемитизма дал ему новые объекты для ненависти, однако он никогда не забывал своего старого врага – Римско-католическую церковь. Для Фрейда и других ассимилировавшихся евреев австрийские либералы выглядели вдохновляющим контрастом по сравнению с демагогами и клерикалами.

Это нетрудно объяснить. Как бы то ни было, именно либералы в 1867 году гарантировали евреям все гражданские права. Показательно, что Neue Freie Presse, единственная венская

газета, имеющая репутацию интернациональной, посчитала необходимым в 1883-м напомнить читателям по поводу антисемитской демонстрации, что первый догмат либерализма заключается в том, что граждане всех конфессий обладают равными правами. Неудивительно, что Фрейд читал Neue Freie Presse ежедневно – газета поддерживала либеральные взгляды, которые он разделял.

К тому времени, когда юный Сигизмунд осознал эти политические реалии, подобные взгляды получили широкое распространение среди австрийских евреев. В разгар избирательной кампании 1879 года главный раввин Вены Адольф Желинек заявил, что в соответствии со своими жизненно важными интересами евреи Австрии должны быть верными конституции и силам либерализма. Публицист и раввин Иосиф Самуэль Блох приводил целый список достоинств либерализма: это не просто доктрина, не только удобный принцип, а духовное убежище еврея, его надежная защита, его право на свободу, его богиня-покровительница, владычица его сердца. И австрийские евреи отдали свои голоса так, как подсказывало это самое сердце: их поддержка либеральных кандидатов была просто невероятной. Фрейд голосовал за них, когда представлялась такая возможность[14]. Клерикализм, ультрамонтанство[15] и федерализм, за который выступали остальные, ненемецкие, части Австро-Венгерской империи, – все это были враги евреев. Фрейд не слишком интересовался политикой, но немногие критические комментарии в его письмах, относящихся к либеральным десятилетиям, свидетельствуют о том, что в целом он был удовлетворен сложившимся положением и согласен с Желинеком, Блохом и Neue Freie Presse. С конца 90-х годов, когда власть в городе перешла к Люгеру и его сторонникам, у Фрейда появились бы темы для критики.

Приход либерализма в политику и культуру означал нечто большее, чем появление клуба облеченных властью политиков с одинаковым мировоззрением. Символы перемен были видны повсюду. Вслед за другими западноевропейскими столицами – Берлином, Парижем, Лондоном – Вена в XIX веке росла и менялась с поразительной быстротой. В 1860 году население города составляло около 500 тысяч человек, а 20 лет спустя, когда будущий основатель психоанализа заканчивал обучение медицине, венцев насчитывалось уже 700 тысяч, причем многие из них, как и Фрейды, были уроженцами других мест. Подобно Парижу, префект которого барон Осман – энергичный, безжалостный и обладавший богатым воображением – перестроил

город почти до неузнаваемости, Вена за эти два десятилетия изменилась навсегда. В 1857 году Франц Иосиф приказал снести старые укрепления, окружавшие центр. Семь лет спустя от них почти ничего не осталось, и начала формироваться широкая Рингштрассе – улица, имеющая форму кольца. В 1865-м, когда девятилетний Фрейд поступил в гимназию, император и императрица официально открыли этот грандиозный бульвар. По обеим сторонам строились многочисленные общественные здания вперемешку с массивными жилыми домами, олицетворением либеральной культуры и либеральной конституции. Новая Венская опера была готова в 1869 году, а через 12 лет появились два огромных, богато украшенных музея. В 1883-м открылись здание парламента, построенное в стиле неоклассицизма, и неоготическая ратуша – дорогостоящие и выразительные архитектурные символы либеральной идеологии.

Все это выглядело впечатляющим и одновременно сомнительным. Много лет спустя, пытаясь выразить суть дуалистической монархии, австрийский писатель Герман Брох, воспринимавший современность как эпоху крушения традиционных ценностей и «расщепления» целостного мира, вспоминал – эту его фразу часто цитируют – «веселый апокалипсис примерно в 1880-м». Апокалипсис был хорошо замаскирован, наряжен в защитные одежды сентиментальных излияний о прекрасном голубом Дунае, высокопарного воспевания изысканной культуры, веселых звуков вальсов и хлопающих пробок шампанского. Точная оценка Броха прозвучала по прошествии многих лет, однако и в то время находились критически настроенные личности (не Фрейд, поскольку все его время поглощали медицина и любовь), которые считали Дунай грязным, шампанское выдохшимся, а вальс безрассудным танцем у кратера ревущего вулкана.

На протяжении этих десятилетий Вена оставалась самым популярным убежищем для еврейских иммигрантов с востока континента. Их сюда продолжало прибывать гораздо больше, чем в любой немецкий город, поскольку, несмотря на неоднозначную ситуацию в Австрии, в других местах было еще хуже. К концу XIX века состав венских евреев стал очень разнородным: давно осевшие в городе семьи, иммигранты из других стран, по большей части из России, и новоприбывшие с обширных владений Габсбургов, Галиции, Венгрии или (как Фрейды) Моравии. Их число постоянно менялось; тысячи евреев наводняли город, рассматривая его как убежище от преследований и сосредоточие возможностей, а многие покидали Вену, чтобы обосноваться в Германии или за океаном. В 80-х и в 90-х годах

Фрейд тоже иногда задумывался об эмиграции, возможно в Соединенные Штаты, хотя скорее всего в Англию, которую любил с юности.

Влияние еврейского вторжения, как любили называть его антисемиты всех мастей, поставило ассимилировавшихся евреев Вены перед той же дилеммой, хотя и не такой острой, с которой в эти годы сталкивались их соплеменники в других городах, в частности в Берлине или Лондоне. Определенное сочувствие к бедным и зачастую пережившим немалые страдания беженцам из невежественной Восточной Европы нередко уступало место защитной реакции неприятия их обычаев и внешности. Эта тенденция не обошла и Фрейда. В 16-летнем возрасте, возвращаясь из родного Фрайберга, он встретил в поезде «…в высшей степени почтенного старого еврея с такой же почтенной старой еврейкой, меланхоличной и вялой маленькой дочерью и дерзким, подающим надежды сыном», а затем рассказал о своем отвращении в письме школьному другу Эмилю Флюсу, тоже еврею. Общество попутчиков Сигизмунд нашел «более нестерпимым, чем любое другое», хотя подобных старику людей хорошо знал по Фрайбергу. Таким же, по словам Фрейда, оказался и сын, с которым он говорил о религии. «Это была глина, из которой судьба вылепит мошенника, когда придет подходящее время: хитрый, лживый, поддерживаемый дорогими родственниками в убеждении, что у него есть талант, но без принципов и без жизненной позиции». Даже ярый антисемит, сделавший нападки на евреев своей профессией, не смог бы нарисовать более убедительную картину[16].

Одежда, речь и жестикуляция многих иммигрантов из жалких деревушек на востоке выглядели непривычно для венцев и вызывали неодобрение – все это было слишком экзотическим, чтобы признать его знакомым, и в то же время недостаточно экзотическим, чтобы казаться милым и очаровательным. В город приезжали уличные торговцы и мелкие лавочники, но их сыновья выбирали профессии, уязвимые для яростной критики и откровенной клеветы, – банковское дело, оптовую торговлю или журналистику. К 80-м годам XIX столетия как минимум половина всех венских репортеров, врачей и адвокатов были евреями. В гимназии Фрейд, раздумывая над тем, какую карьеру выбрать, юриста или доктора, шел по проторенной дороге. Именно так поступали многие молодые евреи из Вены. Демонстрируя общеизвестную тягу к знаниям, они наводнили венские учебные заведения, и, поскольку еврейское население было сосредоточено в определенных районах города, в нескольких школах многие

классы стали похожи на разросшиеся семейные кланы. За восемь лет пребывания Фрейда в гимназии, с 1865-го по 1873-й, число евреев в ней увеличилось с 68 до 300, или с 44 до 73 процентов всех учащихся.

Чувствуя себя словно в осаде из-за растущего присутствия евреев, австрийские христиане выражали свое беспокойство в юмористических журналах, частных клубах и на политических митингах. Они нервно шутили, призывали к ассимиляции непрошеных «чужаков» или, по крайней мере некоторые, яростно выступали за их высылку. В 1857 году, когда Фрейду был один год, в Вене, согласно переписи, жили немногим более 6000 евреев, что составляло чуть больше 2 процентов населения города. Десять лет спустя благодаря смягчению норм законодательства и растущим экономическим возможностям евреи прибывали в город огромными волнами – теперь их стало 40000, или 6 процентов жителей. В 1872 году Якоб Буркхардт, знаменитый швейцарский историк культуры, стоявший у истоков культурологии как самостоятельной дисциплины, знаток эпохи Возрождения, презиравший суету и нервозность современной ему цивилизации и считавший евреев ее главным воплощением, во время одного из своих посещений Вены сделал мрачное заключение – городом правят именно они. Буркхардт с явным одобрением отметил «растущую антипатию к всемогущим евреям и их насквозь продажной прессе». Однако «вторжение» еще не закончилось… К 1880 году, когда число евреев в Вене превысило 72000, каждый десятый житель города был евреем. Приехав сюда еще раз в 1884-м, Буркхардт нашел Вену полностью «объевреенной» – verjudet. Во времена Фрейда этот оскорбительный термин приобрел угрожающую популярность. Совершенно очевидно, что он выражал широко распространенную точку зрения.

Таким образом, XIX век, ставший эпохой освобождения евреев всей Европы, оказался интерлюдией между старым и новым антисемитизмом. Еврей – высокомерный, провозгласивший себя богоизбранным и наряду с этим один из тех, кто распял Христа, – превратился в беспринципного спекулянта и испорченного космополита. Совершенно естественно, что дети подражали родителям, и антисемитские разговоры из публичной демагогии и семейных предрассудков перешли в ежедневную травлю в школе. В старших классах гимназии Фрейд также стал понимать все значение своего происхождения от семитской расы. По мере того как антисемитские течения среди товарищей заставили его занять «определенную позицию», Сигизмунд все больше идентифицировал себя с героем своей юности, семитом

Ганнибалом.

В то же время открывшиеся возможности манили освобожденных австрийских евреев в другие сферы, не связанные с финансовой выгодой или карьерой. Евреи играли заметную роль в культурной жизни Вены – как творцы и как посредники. Среди них были издатели, редакторы, владельцы галерей, театральные и музыкальные антрепренеры, поэты, писатели, дирижеры, музыканты-виртуозы, живописцы, ученые, философы и историки[17]. Такие имена, как Артур Шницлер, Карл Краус, Густав Малер, дают лишь слабое представление о числе и разнообразии талантов. Евреи делали карьеру в администрации и армии дуалистической монархии – в основном после перехода в христианство, однако некоторые достигали высоких должностей, не принимая крещение. Некоторым еврейским семьям было пожаловано дворянство – как признание богатства или заслуг перед государством, – и при этом они не отрицали свое происхождение, не говоря уж об отречении.

Писатель и драматург Артур Шницлер, крупнейший представитель венского импрессионизма, который был на шесть лет младше Фрейда, так описывал эту двусмысленную ситуацию в автобиографии: «В те дни – в конце периода расцвета либерализма – антисемитизм существовал, как это было всегда, в виде чувства в многочисленных склонных к нему сердцах и как идея с широкими возможностями развития, но не играл значительной роли в политической или общественной жизни». Этот термин еще не был изобретен, и тех, кто не любил евреев, насмешливо называли пожирателями евреев – Juden-fresser. В своем окружении Шницлер нашел лишь одного такого – его все не любили за щегольство, снобизм и глупость. Шницлер считал, что антисемитизм той эпохи считался чем-то неприличным и не был опасен. Тем не менее он вызывал тревогу и чувство горечи. Но со временем ненависть к евреям становилась все более открытой и опасной. Другой образованный житель Вены той эпохи, доктор Валентин Поллак, родившийся в 1871 году, вспоминал: «В моей ранней юности это была всего лишь глухая ненависть. Она отвергалась приличным обществом, но мы остро ее чувствовали и были вынуждены остерегаться жестоких засад хулиганствующих подростков». Австрийские евреи надеялись, что все изменится к лучшему, и до конца 90-х годов XIX столетия, когда расистский антисемитизм развернулся в полную силу, оптимизм побеждал все мрачные предчувствия. Это были времена, когда еврейские школьники, и в их числе Сигизмунд Фрейд, видели в своих мечтах генеральский мундир, профессорскую мантию, министерский портфель или скальпель

хирурга.

Притягательность исследований

Честолюбивый, не скрывавший своей самоуверенности, блестяще успевавший в школе и жадно читающий, юный Фрейд имел все основания считать, что перед ним открывается перспектива для выдающейся карьеры в той области, которую позволит ему выбрать суровая действительность. «В гимназии, – вспоминал он в своем автобиографическом очерке, – я был первым учеником на протяжении семи лет, находился благодаря этому на особом положении, меня почти не спрашивали». Табели успеваемости, которые он сохранил, неизменно свидетельствуют о примерном поведении и прекрасных успехах в учебе. Родители, естественно, предсказывали ему великие свершения, а другие люди, например преподаватель религии и друг его отца Самуэль Хаммершлаг, с готовностью обосновывали их излишне оптимистичные и экстравагантные ожидания.

Безусловно, прежде чем приступить к воплощению в жизнь родительских (и своих, разумеется) надежд, Фрейд прошел через подростковый переходный обряд – первую любовь. В 1872 году, в 16-летнем возрасте, он приехал во Фрайберг в гости. Среди его спутников был Эдуард Зильберштейн, самый близкий друг тех лет. Вдвоем они основали тайную «Испанскую академию», в которой кроме них не было других членов, в шутку обращались друг к другу по именам двух собак из произведений Сервантеса и в дополнение к обширной корреспонденции на немецком языке обменивались конфиденциальными письмами на испанском. В одном эмоциональном послании Фрейд признавался в легкой тоске из-за отсутствия друга и жажде «душевного» разговора. Другое послание содержит предостережение: «Да не коснется чужая рука этого письма» – «No mano otra toque esa carta». В этом письме Фрейд поделился с другом самыми сокровенными чувствами – рассказал о своей влюбленности.

По всей видимости, предметом привязанности Сигизмунда была Гизела Флюс, годом младше его, сестра еще одного школьного друга, тоже из Фрайберга. Он очень увлекся этой, по его словам, полунаивной и полуобразованной девушкой, но скрывал свои чувства, виня свой «бессмысленный гамлетизм» и робость за неспособность подарить себе удовольствие от разговора с ней. Фрейд продолжал называть Гизелу – как и предыдущие несколько месяцев – Ихтиозаврой, прозвищем, которое представляет собой утонченную игру слов, связанных с ее фамилией: Флюс переводится с немецкого как «река», а ихтиозавр

был речным созданием, разумеется вымершим. Однако «первый восторг» Сигизмунда, как он сам выражался, ограничился лишь робкими фантазиями и несколькими встречами, оставившими у обоих чувство неловкости.

На самом деле признание Фрейда своему другу Зильберштейну заставляет предположить, что весь этот эпизод был запоздалым эдиповым влечением: он подробно описывает достоинства матери Гизелы – ее ум, культуру, разносторонность, неизменную жизнерадостность, мягкость в обращении с детьми, сердечность и гостеприимство, в том числе по отношению к нему. Именно фрау Флюс, а не Гизела была истинным объектом его безмолвной, мимолетной юношеской страсти. «Похоже, – признавался Фрейд, интуитивно предвосхищая тот тип восприятия, которому впоследствии посвятит жизнь, – я перенес уважение к матери на дружеские чувства к дочери».

Однако вскоре Сигизмунд обратился к более серьезным проблемам. Ему предстояло поступать в университет, и выбор карьеры, как и стремление к славе, сопровождался внутренними конфликтами и болезненными, хорошо запомнившимися неудачами. В «Толковании сновидений» он вспоминает унизительный случай, произошедший, когда ему было семь или восемь лет. Однажды вечером он помочился в спальне родителей, в их присутствии. Впоследствии психоаналитик Фрейд объяснит, почему у мальчиков может возникать такое желание. Якоб Фрейд, рассердившись, сказал сыну, что из него ничего не выйдет. Воспоминания об этом преследовали юного Фрейда на протяжении многих лет. Это стало страшным ударом по самолюбию, который снова и снова появлялся в его снах. Возможно, все было не совсем так. Но поскольку искаженные воспоминания не в меньшей, а возможно, и в большей степени отражают истину, чем точные, память об этом случае, по всей видимости, вместила в себя его желания и его страхи. Как бы то ни было, Фрейд признавался, что всякий раз, вспоминая тот эпизод, он поспешно перечислял свои достижения, как будто торжествующе демонстрировал отцу, что из него все-таки кое-что вышло[18]. Если он действительно помочился в спальне родителей, это был из ряда вон выходящий случай в семье Фрейд: сдержанный ребенок поддался внезапному, неодолимому порыву, а любящий отец отреагировал вспышкой раздражения, которая быстро прошла. А в целом многообещающий мальчик не мог сделать ничего дурного – и не делал.

Порывы, оживившие стремление Фрейда занять высокое положение в обществе, из которых нельзя исключить потребность отомстить и реабилитировать себя, были далеко не очевидны.

Поэтому мотивы, заставившие его выбрать медицину, и курс, которым он следовал, определившись с выбором, выявить очень трудно. Свидетельство Фрейда, будучи фактически точным, требует толкования и объяснения. Он пишет о внутренних конфликтах, но благородно упрощает их разрешение. «Под сильным влиянием своего друга и старшего товарища по гимназии, сделавшегося затем политиком, и я хотел изучать юриспруденцию, чтобы посвятить себя общественной деятельности». Этим школьным другом был Генрих Браун, впоследствии ставший редактором и одним из самых известных политиков социал-демократического толка. Далее Сигизмунд добавляет: «Между тем меня сильно привлекало актуальное в те годы учение Дарвина, ибо казалось, что оно способно дать ключ к постижению мира, и еще я помню, что решение поступать на медицинский факультет я принял после того, как незадолго до экзаменов на аттестат зрелости услышал популярную лекцию профессора Карла Брюля, посвященную прекрасному фрагменту Гёте «Природа».

В этой истории есть признаки мифотворчества или, по крайней мере, избыточного упрощения. Карл Бернхард Брюль, известный специалист по сравнительной анатомии и профессор зоотомии Венского университета, был популярным лектором, умевшим увлечь слушателей. Фрагмент, который повлиял на выбор Фрейда, представляет собой эмоциональный и восторженный гимн, восхваляющий эротизированную природу как всеобъемлющую, вечно обновляющуюся мать, которая способна задушить в своих объятиях. Да, он мог стать последним толчком к принятию решения, которое уже зрело в сознании Фрейда. Тот сам не раз об этом говорил. Однако сие ни в коем случае не было внезапным откровением. Слишком многое должно было произойти, чтобы отрывок из произведения Гёте приобрел для Фрейда такое значение. И вообще, это был не Гёте…

Мы не знаем точный ход мыслей Фрейда, но в середине марта 1873 года он сообщил своему другу Эмилю Флюсу – тоном, который сам Сигизмунд скромно назвал пророческим, – что может преподнести кое-какие новости, возможно самые важные в его жалкой жизни. Он и далее выражался туманно и уклончиво, в несвойственной ему манере: «Я не хочу говорить о чем-то еще неокончательном, несвершившемся, чтобы потом не пришлось брать свои слова обратно». Наконец, 1 мая Фрейд переборол себя и решился внести ясность. «Если я приподниму завесу тайны, ты не будешь разочарован? – спрашивал он Флюса. – Теперь представь: я решил посвятить себя естественным наукам». Фрейд отвергает карьеру юриста, но, сохраняя легкомысленный тон, не

отступает от юридического лексикона, словно намекает на сохранившуюся тягу к профессии, от которой отказался: «Я буду исследовать документы природы тысячелетней давности и, возможно, лично подслушаю ее вечный судебный процесс, поделюсь своими победами с каждым, кто пожелает узнать». Эта краткая остроумная фраза намекает на серьезность конфликтов, которые были преодолены или, скорее, решительно отброшены. В августе того же года Фрейд вложил в письмо к Зильберштейну отпечатанную визитную карточку с надписью: «Сигизмунд Фрейд / студ. юр.». Возможно, сие была шутка, но в ней виден намек на сожаления.

В 1923 году Фриц Виттельс, венский психиатр, который стал одним из первых независимых последователей Фрейда и его первым биографом, проницательно заметил, что утверждение Фрейда о том, какую роль сыграл фрагмент «Природа» в его жизни, похоже на защитную память, своего рода безобидное воспоминание, за мнимой ясностью которого скрывается некий более важный и не такой однозначный прошлый опыт. Образ матери, вызванный фрагментом, который прочитал Брюль, с обещанием любви и защиты, обволакивающей нежности и неиссякаемого источника пищи, мог показаться Фрейду, в то время впечатлительному юноше, привлекательным. Как бы то ни было, «Природа» упала на подготовленную почву.

Кроме того, крайне маловероятно, что предпочесть медицину юриспруденции помог откровенный и практичный совет отца: Фрейд не преминул письменно засвидетельствовать: «…мы были стеснены в средствах, но мой отец потребовал, чтобы, выбирая профессию, я следовал исключительно своим склонностям». Если же воспоминания о «Природе» Гёте представляли собой защитную, искаженную память, то скрывали они, скорее всего, не рациональные, а эмоциональные мотивы. Выбрав медицину по собственной воле, Фрейд тем не менее отмечал в своем «Жизнеописании» – в эссе, где автобиография вплетена в историю психоаналитического движения: «Никакой особой любви к профессии и деятельности врача я тогда не испытывал, как, впрочем, не испытываю ее и сегодня. Скорее мною руководила своего рода жажда знаний…» Это одно из самых важных высказываний биографического характера, когда-либо опубликованных Фрейдом. Впоследствии психоаналитик Зигмунд Фрейд укажет на сексуальное любопытство юношей как на истинный источник стремления к научному исследованию, поэтому вполне логично рассматривать эпизод в родительской спальне, когда ему было семь или восемь лет, как откровенное и довольно грубое проявление такого любопытства, впоследствии

реализовавшегося в научных исследованиях.

Изучение медицины сулило не только сублимацию примитивной тяги к знаниям, но и психологическое вознаграждение. Юношей, как впоследствии отметил Фрейд, он еще не осознавал ценности наблюдений, которые предполагают сдержанность и объективность, для удовлетворения своего ненасытного любопытства. Незадолго до женитьбы он сочинил для своей невесты короткий «автопортрет», в котором просматривается то же отсутствие холодной сдержанности: Фрейд чувствовал себя наследником «…всех страстей наших предков, когда они защищали свой храм». Бессильный, не способный выразить «жаркие страсти в стихах или прозе», он всегда «подавлял» себя. Когда много лет спустя биограф Фрейда Эрнест Джонс спросил, много ли философских трудов тот прочитал, мэтр ответил: «Очень мало. Будучи молодым человеком, я имел чрезмерное пристрастие к размышлению и безжалостно подавлял его». В последний год своей жизни Фрейд в том же духе рассуждал об определенной сдержанности перед лицом своей субъективной склонности чрезмерно поддаваться воображению и научной любознательности. Вне всяких сомнений, он считал важным не сдерживать свое научное воображение, особенно в годы исследований, но в его самооценке – в письмах, научных статьях и записанных беседах – проглядывают определенные опасения утонуть в трясине размышлений, а также сильное стремление к самоконтролю. На третьем курсе университета, в 1875 году, Фрейд все еще собирался получить степень доктора философии, специализируясь на философии и зоологии, но в конечном счете победила медицина, и его обращение к медицине – скрупулезной, дотошной, эмпирической и ответственной науке – было желанием не обнять любящую и удушающую мать-природу, а убежать от нее, или, по крайней мере, держать ее на расстоянии. Медицина была частью победы над собой.

Еще до окончания с отличием гимназии – в 1873 году – Фрейд понял, что из всей природы ему больше всего хочется понять природу человека. Его жажда знаний, как он заметил впоследствии, была направлена в большей степени на человеческие отношения, чем на естественно-научные предметы. Он еще в юности демонстрировал это свое отношение в письмах самым близким друзьям, которые наполнены откровенным любопытством и субъективными ощущениями. «Мне доставляет удовольствие, – писал Фрейд Эмилю Флюсу в 1872 году, когда ему было 16 лет, – осознавать прочность нитей, которыми

переплетены случай и судьба вокруг всех нас». Несмотря на молодость, Фрейд уже пришел к выводу о крайней подозрительности только поверхностного общения. «Я заметил, – жаловался он Эдуарду Зильберштейну летом 1872-го, – что ты позволяешь мне узнавать лишь об отдельных происшествиях в твоей жизни, но совсем не делишься своими мыслями». Он уже стремился найти более глубокие откровения. Описывая международную выставку, которая проходила в Вене в 1873 году, Фрейд охарактеризовал ее как приятную и милую, но не увидел в ней ничего выдающегося. «Я не смог найти широкую, связную картину человеческой деятельности, подобно тому, как невозможно определить особенности ландшафта по гербарию». «Величие мира, – продолжал он, – основано на множестве возможностей, но, к несчастью, это не является прочной основой для нашего самопознания». Это слова прирожденного психоаналитика.

Двойственное отношение Фрейда к медицинской практике тем не менее не смогло ослабить его желание лечить людей или удовольствие от исцеления больных. В 1866 году, 10-летним школьником, он энергично проявлял свои гуманистические наклонности, умоляя учителей организовать кампанию по сбору бинтов для австрийских солдат, раненных на войне с Пруссией. Почти десятью годами позже, в сентябре 1875-го, уже проучившись два года на медицинском факультете, Фрейд признался Эдуарду Зильберштейну: «Теперь у меня не один идеал. К теоретическому прошлых лет прибавился практический. В прошлом году, когда меня спросили о самом большом желании, я ответил: лаборатория и свободное время или океанское судно и все необходимые для исследователя инструменты». Рассказывая о своих мечтах, Фрейд явно имел в виду Дарвина, которым он восхищался, и плодотворные годы, проведенные великим ученым на «Бигле». Впрочем, поиск научной истины был не единственным желанием Фрейда. «Теперь же, – продолжал он, – я думаю, что мне следовало бы ответить: большая больница и много денег, чтобы укротить некоторые из недугов, которые обрушиваются на наши тела, или вообще стереть их с лица земли». Это желание бороться с болезнями периодически прорывалось наружу. «Сегодня я пришел к пациенту, не зная, как проявить необходимые ему внимание и сочувствие, – писал он своей невесте в 1883 году. – Я был таким усталым и апатичным». Но, услышав жалобы больного, Фрейд тут же встряхнулся: «Я понял, что у меня есть дело и я тут нужен».

Безусловно, самая устойчивая сублимация детского

любопытства привела к научным исследованиям загадок сознания и культуры. В 1927 году, оглядываясь назад, Фрейд утверждал, что никогда не был настоящим врачом и после долгого окольного пути снова нашел свое первоначальное направление. В последней автобиографической заметке, написанной в 1935-м, когда ему было почти 80 лет, он вновь говорил о своего рода регрессивном развитии. Пройдя долгий окольный путь через естествознание, медицину и психотерапию, он вернулся к тем проблемам культуры, которыми был увлечен в юности, когда его мышление «только еще пробуждалось». Этот путь, как мы вскоре выясним, был не таким окольным, как предполагают слова самого Фрейда. Все сказанное выше лило воду на его мельницу.

Поступив в венский университет, Фрейд сразу столкнулся с таким неприятным явлением, как антисемитизм, зливший его и оставивший такой сильный отпечаток в памяти, что он уделил ему значительное место в автобиографии, написанной полвека спустя. Фрейд считал необходимым отметить, что его реакцией были вызов и даже грубость. Обычно он обращал гнев себе на пользу. Студенты из числа христиан необоснованно предполагали, что, будучи евреем, Фрейд почувствует свою неполноценность и отчужденность от австрийского народа – nicht volkszugeho#rig. Однако он со всей решительностью отвергал это приглашение к унижению: «Я никогда не понимал, почему я должен стыдиться своего происхождения или, как начали тогда говорить, своей расы». С таким же самоуважением и без больших сожалений он отказался от сомнительной привилегии быть таким, как все, полагая, что изоляция пойдет ему на пользу. Если его судьба в том, чтобы быть в оппозиции, полагал Фрейд, то этим «подготовлялась привычка к известной независимости суждений». Вспоминая честного и отважного доктора Стокмана из пьесы Ибсена «Враг народа», Фрейд открыто заявляет, что доволен своим исключением из числа «сплоченного большинства»[19].

Это не просто хвастовство. Сохранились письменные свидетельства силы духа и смелости Фрейда. В начале 1875 года он сказал Эдуарду Зильберштейну, что его вера в общепризнанное ослабла, а тайная склонность к мнению меньшинства усилилась. Эта позиция помогала ему противостоять медицинскому истеблишменту и укоренившимся взглядам, но антисемиты всегда приводили его в бешенство. В 1883 году, путешествуя поездом, он в очередной раз столкнулся с ними. Недовольные тем, что Фрейд открыл окно, чтобы впустить свежий воздух, они назвали его жалким евреем, язвительно

отозвались о его нехристианском эгоизме и пригрозили, что поставят на место. Нисколько не смутившись, Фрейд дал отпор своим оппонентам, повысил голос и в конечном счете одержал победу над этим сбродом, как он выразился. Другой подобный случай вспоминал его сын Мартин. В 1901 году на баварском летнем курорте Тумзее Фрейд обратил в бегство компанию примерно из десяти мужчин и нескольких поддерживавших их женщин, которые выкрикивали антисемитские оскорбления Мартину и его брату Оливеру, яростно набросившись на них с тростью. Возможно, Фрейду такие моменты приносили удовлетворение, контрастируя с пассивной покорностью, с которой относился к оскорблениям его отец.

Но время для подобных стычек пока не пришло. Университетская жизнь 70-х годов XIX века еще не была обезображена антисемитскими выступлениями студентов, как это произошло позже. Пока же от Фрейда требовалась только сила духа – и направление. Он поступил в университет довольно рано, в 17 лет, а окончил учебу поздно, когда ему было уже 25. Неуемное любопытство и увлеченность исследованиями не позволили ему получить диплом врача за пять лет обучения, как это было принято в то время. Широта интересов Фрейда оказалась запрограммированной. «Первый год в университете, – объявлял он своему другу Зильберштейну, – я полностью потрачу на изучение гуманистических предметов, которые не имеют никакого отношения к будущей профессии, но которые будут мне полезны». Он клялся, что если его спросить о планах, то он откажется дать определенный ответ и скажет лишь – ученый, профессор, что-то вроде того. Несмотря на критическое отношение к философии и к тем, кто, подобно Зильберштейну, как писал Фрейд, «обратились к философии от отчаяния», в эти годы сам он прочитал много философских работ. Следует, однако, заметить, что наибольшую пользу ему принесло знакомство с трудами такого мыслителя, как Людвиг Фейербах. «Из всех философов, – делился Фрейд с Зильберштейном в 1875 году, – я больше всего восхищаюсь этим человеком и преклоняюсь перед ним».

Наследник эпохи Просвещения XVIII столетия, подобный Фрейду, не мог не восхищаться Фейербахом, самым сильным в интеллектуальном плане из левого крыла гегельянцев. Фейербах придерживался стиля, свободного от сухих абстракций, к которым тяготела немецкая научная проза, и агрессивной манеры, очаровывавшей или отпугивавшей читателей, когда он обрушивался на «избитые спекулятивные фразы или анонимные

недостойные приемы» своих хулителей. Фейербах многому научил Фрейда, как по сути, так и в отношении стиля: философ считал своей обязанностью разоблачать богословие, раскрывать его абсолютно земные корни, гнездящиеся в человеческом опыте. Богословие должно превратиться в антропологию. Строго говоря, Фейербах не был атеистом; он стремился скорее спасти истинную суть религии от теологов, чем уничтожить ее. Однако его учение и метод способствовали формированию атеистических взглядов. Смысл исследования религии, как он писал в своей самой знаменитой книге «Сущность христианства», впервые опубликованной в 1841 году, заключалась в уничтожении иллюзии, причем иллюзии разрушительной. Фрейд, который тоже стал считать себя разрушителем иллюзий, полностью согласился с этой позицией.

Фейербах был близок по духу Фрейду и в другом отношении: к большей части философии он относился так же критично, как к теологии. Фейербах предлагал свой способ философствования как полную противоположность «распада», абсолютного, нематериального, самодовольного умозрения. Фактически он признавал (или, скорее, объявлял), как впоследствии и Фрейд, что у него отсутствует «…формально философский, систематический, энциклопедическо-методологический» талант. Он стремился найти не системы, а действительность и даже не считал свою философию философией, а себя философом. Фейербах писал: «Я – только духовный естествоиспытатель» – geistiger Naturforscher. Точно так же мог бы охарактеризовать себя Зигмунд Фрейд.

Философские изыскания Фрейда, когда он был еще юным студентом университета, привели его в будоражащий и притягательный кружок философа Франца Брентано. Фрейд прослушал не менее пяти курсов лекций и семинаров, предлагавшихся этим чертовски умным, по его словам, парнем, этим гением, и искал с ним личных встреч. Брентано, бывший священник, являлся убедительным сторонником Аристотеля и эмпирической психологии. Одновременно верящий в Бога и уважавший Дарвина, он заставил Фрейда сомневаться в своих атеистических воззрениях, которые тот принес с собой в университет. «Теперь, – признавался Фрейд Зильберштейну, когда влияние Брентано было максимальным, – я больше не материалист, но еще не верующий». Однако Фрейд так и не обратился к Богу. В глубине души он был, как писал своему другу в конце 1874 года, безбожный студент-медик и эмпирик. Разобравшись с убедительными аргументами, которыми засыпал его Брентано, Фрейд вернулся к неверию и навсегда остался в

этом убеждении. Однако Брентано способствовал развитию мышления Фрейда, а его работы по психологии оставили глубокий след в сознании молодого человека.

Вся эта интеллектуальная деятельность, похоже, была весьма далека от изучения медицины, но Фрейд, как будто плывший по течению, искал то, к чему стремилась его душа. Наследием этих лет стали не оставлявшие его всю жизнь сомнения относительно специализированного изучения медицины[20]. За исключением возможностей прослушать интересные лекции и выполнить увлекавшие исследования, достоинства медицинского образования, очевидно, казались Фрейду сомнительными. Но вот что касается профессоров… О таких учителях можно было только мечтать. В период пребывания Фрейда в Венском университете в качестве студента и исследователя медицинский факультет представлял собой избранное общество превосходных специалистов. Большинство его членов были немцами: Карл Клаус, возглавлявший Институт сравнительной анатомии, знаменитый физиолог Эрнст Брюкке и Герман Нотнагель, заведующий кафедрой медицины внутренних органов, были уроженцами Северной Германии и получили образование в Берлине, а Теодора Бильрота, знаменитого хирурга, талантливого музыканта-любителя и одного из ближайших друзей Брамса, переманили в Вену после заведования кафедрами в родной Германии и в Цюрихе. Эти профессора, светила в своих областях, создавали в провинциальной Вене атмосферу интеллектуальной исключительности и космополитической широты взглядов. Не случайно, что именно в эти годы медицинский факультет привлекал множество студентов из-за рубежа – из других европейских стран и из Соединенных Штатов. Американский невролог Генри Хан в неофициальном, но чрезвычайно информативном «Путеводителе по Европе для студентов-медиков» (Guide to American Medical Students in Europe), опубликованном в 1883 году, давал Вене наивысшую оценку. «Помимо преимуществ по части медицины, – писал он, – Вена приятный для жизни город». Хан восхвалял кафе, оперу, скверы, а также жителей – добросердечных, красивых, любящих удовольствия.

Фрейд во многом не согласился бы с этими пышными аттестациями. Он имел не самый приятный опыт общения с венцами, не слишком часто посещал кафе и редко ходил в оперу. Однако он с радостью присоединился бы к описанию медицинского факультета Венского университета как коллектива выдающихся личностей, специалистов с международным авторитетом. В глазах Фрейда профессора обладали еще одним

достоинством: их не затронула антисемитская лихорадка, грязным пятном расползавшаяся по венской культуре. Их либерализм укреплял уверенность Фрейда в том, что он не пария. Нотнагель, на кафедре которого Фрейд стал работать вскоре после получения диплома, был открытым приверженцем либеральных взглядов. Неутомимый лектор, он в 1891 году основал Общество противодействия антисемитизму. Три года спустя лекции Нотнагеля были сорваны буйными студентами из числа антисемитов… Брюкке, не менее толерантный, чем Нотнагель, хотя и не такой общественно активный, дружил с евреями и, более того, был открытым сторонником политического либерализма, то есть разделял враждебное отношение Фрейда к Римско-католической церкви. Таким образом, у Фрейда были веские основания, причем не только научные, но и политические, чтобы вспоминать своих профессоров как людей, которых он мог уважать и с которых мог брать пример.

В начале лета 1875 года Фрейд удалился на некоторое расстояние от «отвратительной башни» собора Святого Стефана. Он отправился в долгожданное и много раз откладывавшееся путешествие – навестить своих сводных братьев в Манчестер. Англия уже много лет занимала его мысли. Фрейд с детства читал много английских авторов – эта литература ему очень нравилась. В 1873-м, за два года до знакомства со страной, он писал Эдуарду Зильберштейну: «Я читаю английские поэмы, пишу письма по-английски, декламирую английские стихи, слушаю английские описания и жажду английских новостей». Если это будет продолжаться, шутил Фрейд, то он подхватит английскую болезнь[21]. После визита к родственникам в Англию мысли о будущем занимали его не меньше, чем прежде. Англия нравилась ему гораздо больше, чем родина, говорил Фрейд Зильберштейну, несмотря на ее туман и дождь, пьянство и консерватизм. Эту поездку он будет помнить всю жизнь. Семь лет спустя в эмоциональном письме к невесте Фрейд вспоминал неизгладимые впечатления, которые привез с собой домой, разумное трудолюбие Англии и ее благородную преданность общему благу, не говоря уже о преобладающем на Британских островах упрямстве и обостренном чувстве справедливости их обитателей. Знакомство с Англией, писал он, оказало на его жизнь «решительное влияние».

Поездка помогла Фрейду сузить круг своих интересов. Английские научные труды, писал он Зильберштейну, работы Тиндаля, Хаксли, Лайеля, Дарвина, Томсона, Локьера и других, навсегда сделали его поклонником этой нации. Наибольшее

впечатление на него произвели их последовательный эмпиризм и нелюбовь к напыщенной метафизике. «Я, – прибавил он, словно в запоздалом раздумье, – еще больше не доверяю философии». Постепенно идеи Брентано отходили на второй план.

Фактически Фрейд какое-то время почти не нуждался в философии. После возвращения он сосредоточился на работе в лаборатории Карла Клауса, который, будучи одним из самых успешных и плодовитых пропагандистов Дарвина на немецком языке, вскоре дал Фрейду возможность проявить себя. Клауса пригласили в Вену, чтобы модернизировать кафедру зоологии и поднять ее до уровня остальных кафедр университета, и он сумел собрать средства на опытную станцию морской биологии в Триесте. Часть пожертвований шла на гранты нескольким талантливым студентам, которые выполняли на станции детально разработанные исследования. Фрейд, который явно был на хорошем счету у Клауса, оказался среди первых, кому была предоставлена такая возможность, и в марте 1876 года он отправился в Триест. Поездка дала ему шанс познакомиться с культурой Средиземноморья, которую Фрейд впоследствии будет с неослабевающим удовольствием «исследовать» каждое лето. Его задание отражало давний интерес Клауса к гермафродитизму: проверить недавнее утверждение польского исследователя Симона Сирского о том, что ему удалось обнаружить у угря половые железы. Это было удивительное открытие – если оно подтвердится. Дело в том, как писал Фрейд в своем отчете, что, несмотря на бесчисленные попытки, предпринимаемые столетиями, молоки у угря обнаружить еще не удалось никому. Если Сирский прав, традиционный взгляд на угря как на гермафродита окажется безосновательным.

Первые усилия Фрейда были тщетными. «Все угри, которых я вскрывал, – признавался он в письме к Зильберштейну, – принадлежали к слабому полу». Однако не в каждом его письме речь шла о науке; Фрейд позволял себе интересоваться не только угрями, но и молодыми женщинами Триеста. Этот интерес, судя по письмам, был сдержанным, чисто академическим. Обнаруживая определенное беспокойство перед лицом соблазна, источаемого чувственными «итальянскими богинями», которых он встречал на прогулках, Фрейд описывает их внешность и косметику, но старается держаться отстраненно. «Поскольку людей вскрывать запрещено, – шутил он, пряча за смехом смущение, – я фактически не имел с ними никаких дел». С угрями у него получалось лучше: после двух поездок в Триест и вскрытия почти 400 рыб Фрейду удалось – частично, не окончательно – подтвердить вывод Сирского.

Это был достойный вклад в науку, но когда Фрейд впоследствии вспоминал свои первые попытки серьезного исследования, то отзывался о них с некоторым пренебрежением[22]. Оценивая свое интеллектуальное развитие, он мог быть крайне несправедливым к себе. Исследование половых желез угрей сформировало у Фрейда привычку к терпеливым и точным наблюдениям, то сосредоточенное внимание, которое он считал обязательным, когда выслушивал своих пациентов. Каковы бы ни были причины этого – из них нельзя исключить и определенную антипатию, – отзывы Фрейда о своей работе с Клаусом окрашены некоторой неудовлетворенностью, причем собой не в меньшей степени, чем другими. Удивительно, что в автобиографических заметках Фрейд ни разу не упомянул имя Клауса.

Совсем другими были его чувства к другому наставнику, великому Брюкке. «В физиологической лаборатории Эрнста Брюкке, – писал он, – я нашел наконец покой и полное удовлетворение». У Фрейда вызывали восхищение – и желание подражать – и сам мэтр Брюкке, и его ассистенты. Один из них, Эрнст фон Флейшль-Марксоу, блистательная личность, по словам Фрейда, даже удостоил его своей дружбы. Среди знакомых Брюкке он также нашел друга, который внес существенный вклад в развитие психоанализа: Йозефа Брейера, успешного, состоятельного, высокообразованного врача и выдающегося физиолога, который был на 14 лет старше его самого. Вскоре между ними установились самые лучшие отношения; Фрейд признал Брейера как своего очередного наставника и сделался постоянным гостем в его доме, причем дружил не только с самим Йозефом, но и с его женой Матильдой, очаровательной и по-матерински заботливой. И это не единственное, что дал Брюкке своему ученику. Шесть лет, с 1876-го по 1882-й, Фрейд работал в его лаборатории, решая задачи, которые ставил перед ним глубоко почитаемый профессор, к явному удовольствию последнего – и себя самого. Раскрывая тайны нервной системы, сначала низших рыб, затем человека, выполняя поручения и оправдывая надежды своего учителя, Фрейд был необыкновенно счастлив. В 1892 году, после смерти любимого наставника, Фрейд назвал своего четвертого ребенка Эрнстом, в честь Брюкке. Это была самая искренняя дань памяти, какую он только мог предложить. Для Фрейда Брюкке был и остался величайшим авторитетом из всех, кто когда-либо воздействовал на него.

Привязанность Фрейда к Брюкке выглядит сыновней, никак не меньше. И действительно, Брюкке был почти на 40 лет старше Фрейда, примерно таким же по возрасту, как его отец. Не

подлежит сомнению также, что акт наделения одного человеческого существа характеристиками и значительностью другого может включать переходы гораздо более неправдоподобные, чем тот, благодаря которому Зигмунд Фрейд поставил Эрнста Брюкке на место своего отца Якоба. «Перенос», как назвал бы психоаналитик Фрейд это смещение глубоких чувств, был резким и всеобъемлющим. Однако непреодолимая привлекательность Брюкке в значительной степени определялась тем, что он *не* являлся отцом Фрейда. Его авторитет был заслуженным, а не дарованным случайностью рождения, и на чрезвычайно важной жизненной развилке, когда Фрейд готовился стать профессиональным исследователем человеческих тайн, такой авторитет был ему необходим. Якоб Фрейд отличался общительностью и жизнерадостностью. Мягкий и покладистый, он словно приглашал к неповиновению. В отличие от него Брюкке был сдержанным, точным вплоть до педантичности, суровым экзаменатором и требовательным начальником. Якоб Фрейд любил читать и обладал определенной эрудицией, характерной для евреев. Брюкке был в высшей степени разносторонним человеком: талантливый художник, он всю жизнь сохранял глубокий, совсем не дилетантский интерес к эстетике и облагораживающе влиял на своих учеников[23]. А одной внешней чертой, глазами, Эрнст Брюкке был поразительно похож на самого Фрейда – но не на его отца. Все знакомые, независимо от того, насколько отличались их описания Зигмунда Фрейда, обязательно отмечали его внимательные глаза, которые словно видели человека насквозь. У Брюкке был такой взгляд, который часто появлялся в сновидениях Фрейда. В одном из снов, так называемом Non vixit, который подробно анализируется в «Толковании сновидений», Фрейд взглядом «убивает» соперника. В результате самоанализа он приходит к выводу, что это искаженные воспоминания реального события, в котором именно Брюкке, а не Фрейд взглядом уничтожает собеседника: «Я был демонстратором в физиологическом институте и должен был являться туда рано утром к началу занятий. Узнав, что я несколько раз опоздал в лабораторию, Брюкке явился туда пунктуально и подождал меня. Когда я явился, он холодно и строго прочел мне нотацию. Дело не в словах, а в том взгляде, с которым были обращены на меня его страшные синие глаза и пред которым я стушевался». Всякий, продолжает Фрейд, кто помнит изумительные – даже в глубокой старости – глаза великого ученого и кто видел его когда-нибудь в гневе, легко сможет понять чувства юного грешника. Брюкке дал Фрейду, юному грешнику, идеал профессиональной самодисциплины в

действии.

Философия науки, которую исповедовал Эрнст Брюкке, оказала на Фрейда не меньшее влияние, чем его профессионализм. Он был позитивистом по характеру и по убеждению. Позитивизм представлял собой скорее не упорядоченное философское направление, а всеобъемлющий подход к человеку, природе и методам исследования. Его приверженцы надеялись применить подход естественных наук, вместе с их открытиями и методами, ко все мыслям и поступкам человека, частным и публичным. Например, для такого склада ума характерны взгляды Огюста Конта, жившего в начале XIX века, пророка позитивизма в его самой крайней форме, который считал возможным изучение человеческого общества на надежной основе, ввел термин «социология» и определил эту науку как своего рода социальную физику. Позитивизм, зародившийся в XVIII столетии, в эпоху Просвещения, и отвергавший метафизику почти с такой же решительностью, как теологию, в XIX веке пережил расцвет, основой которого стали впечатляющие достижения физики, химии, астрономии – и медицины, конечно. Брюкке был самым видным представителем этого направления мысли в Вене.

Он привез свой уверенный и амбициозный научный стиль из Берлина. Там в начале 40-х годов, будучи еще студентом медицинского факультета, он присоединился к своему блестящему коллеге Эмилю Дюбуа-Реймону, открыто объявив мусорной кучей предрассудки всего пантеизма, всю мистику природы, все разговоры об оккультных божественных силах, проявляющихся в природе. Витализм, романтическая философия природы, в то время популярная среди естествоиспытателей, с его туманными поэтичными рассуждениями о загадочных внутренних силах, вызывал у них неприятие, будил в них желание страстной полемики. Лишь обычные физико-химические силы, утверждали они, активны в организме. К необъяснимым явлениям следует подходить только с физико-математическим методом или с предположением, что если материи присущи какие-то «новые» силы, то их можно свести к составляющим притяжения и отталкивания. Их идеалом исследователя, по словам Дюбуа-Реймона, был естествоиспытатель, свободный от теологических заблуждений. Их школа окончательно сформировалась после того, как к ним присоединился «человек Возрождения» XIX века Герман Гельмгольц, находившийся на пути к мировой славе за вклад в развитие необыкновенно широкого диапазона областей знания – оптики, акустики, термодинамики, биологии. Влияние этой школы быстро распространялось, и остановить процесс было

уже невозможно. Ее члены и приверженцы занимали престижные должности в ведущих университетах и задавали тон в научных журналах. Когда Зигмунд Фрейд учился в Вене, там его задавали позитивисты.

Ближе к концу 1874 года у Фрейда возник план поехать непосредственно к источнику этого движения и провести зимний семестр в Берлине, где он собирался посещать лекции Дюбуа-Реймона, Гельмгольца, а также знаменитого патолога – и прогрессивного политического деятеля – Рудольфа Вирхова. От этой перспективы, писал Фрейд Зильберштейну, он радовался как ребенок. В конечном счете из его затеи ничего не вышло, но Фрейд мог найти первоисточник и дома. В том самом году Брюкке ясно и подробно сформулировал свои принципы в курсе, который в 1876 году будет опубликован под названием «Лекции по психологии». Они явились воплощением медицинского позитивизма в его самой материалистической форме: все естественные явления, утверждал Брюкке, относятся к явлениям движения. Естественно, Фрейд слушал эти лекции, причем очень внимательно. И действительно, его преданность сформулированным Брюкке основам науки пережила поворот от физиологического к психологическому объяснению психических явлений. Когда в 1898-м, через четыре года после смерти Гельмгольца, друг Фрейда Вильгельм Флисс посылал ему в качестве подарка на Рождество двухтомник лекций этого великого ученого, он знал, как много эти книги значат для Фрейда[24]. Тот факт, что будущий основатель психоанализа применит принципы своего наставника так, как Брюкке не мог и предположить и вряд ли бы искренне приветствовал, нисколько не уменьшает долг Фрейда перед ним. Для Фрейда Брюкке и его выдающиеся коллеги были избранными наследниками философии. Фрейд не уставал повторять, что у психоанализа нет собственного мировоззрения и что оно никогда не будет выработано. Это был его способ по прошествии многих лет отдать дань уважения своим учителям-позитивистам: психоанализ, заключил он в 1932 году, является наукой, и может придерживаться научного мировоззрения. Другими словами, психоанализ, подобно другим наукам, ставит своей целью выявление истины и разоблачение иллюзий. Эти слова мог бы сказать сам Эрнст Брюкке.

Самоуверенность Брюкке и группы разделявших его взгляды коллег усиливалась опорой на эпохальные труды Дарвина. В начале 70-х годов XIX столетия теория естественного отбора считалась – несмотря на многочисленных влиятельных сторонников – спорной и еще не избавилась от пьянящего

аромата сенсационности и опасной новизны. Дарвин решился поместить человека в животное царство и вызвался объяснить его появление, выживание и разностороннее развитие исключительно земными причинами. Силы, приводящие к изменениям естественного порядка живых существ, которые Дарвин раскрыл перед изумленным миром, не нуждались в том, чтобы их приписывали божеству, даже самому далекому. Все это было работой слепых, противоборствующих земных сил. Как зоолог, изучающий половые железы угрей, как физиолог, исследующий нервные клетки речных раков, и как психолог, анализирующий человеческие чувства, Фрейд занимался одним делом. Скрупулезная гистологическая работа, которую он выполнял для Брюкке, была частью коллективных усилий, призванных продемонстрировать следы эволюции. Дарвин для него никогда не переставал быть «великим Дарвином», и биологические исследования привлекали Фрейда больше, чем лечение пациентов. Он готовил себя именно к этому призванию, как сам писал другу в 1878 году, – предпочитал «терзать животных» вместо того, чтобы «мучить людей».

Исследования Фрейда были очень успешными. Некоторые из его первых опубликованных работ, написанных в период с 1877 по 1883 год, содержат открытия, которые никак не назовешь незначительными. Они подтверждали эволюционный процесс в нервной системе рыб, которых Фрейд исследовал под микроскопом. Более того, оглядываясь назад, можно понять, что эти статьи стали начальным звеном в цепочке идей, приведших к созданию научной психологии, первый набросок которой он сформулировал в 1895 году. Фрейд работал над теорией, описывающей, каким образом нервные клетки и нервные волокна функционируют как одно целое. Затем он занялся другими проблемами, и, когда в 1891-м Вильгельм Вальдейер опубликовал свою эпохальную монографию о теории нейронов, первенство Фрейда в данной области было проигнорировано. «Этот случай далеко не единственный, – писал Эрнест Джонс, – когда молодой Фрейд прямо из рук упускал мировую славу, так как еще не осмеливался довести свои мысли до их логического завершения».

Фрейд жил дома, но мыслями пребывал в лаборатории Брюкке. Под началом учителя он буквально расцвел. В 1879–1880 годах ему пришлось ненадолго прерваться из-за призыва на воинскую службу. Эта повинность состояла из лечения больных солдат и скуки. Офицеры с похвалой отзывались о поведении Фрейда. Они характеризовали его как достойного и энергичного, очень активного и добросовестного, с твердым характером,

считали чрезвычайно надежным, а также гуманным по отношению к пациентам. Фрейд, который находил свой вынужденный перерыв в работе чрезвычайно утомительным, в свободное время, которого было немало, переводил четыре очерка из сборника трудов Джона Стюарта Милля. Редактор немецкого издания Милля, известный австрийский филолог и историк античной философии Теодор Гомперц, стремился расширить число своих переводчиков, и такая возможность представилась ему благодаря знакомству Фрейда с Брентано, которого он и порекомендовал Гомперцу.

Тем не менее завершение формального образования замедлила не столько служба в армии, сколько увлеченность Фрейда исследованиями; диплом об окончании университета он получил лишь в 1881 году. Новое звание почти ничего не изменило в его жизни: по-прежнему надеясь снискать славу на полях научных исследований, Фрейд остался с Брюкке. Так продолжалось до лета 1882-го, когда он по совету учителя покинул тихую заводь лаборатории и поступил на должность помощника врача в клиническую больницу Вены. Официальной причиной такого шага была бедность, но это лишь одна из причин. Да, бедность волновала Фрейда куда больше, чем прежде. В апреле 1882 года он познакомился с Мартой Бернайс, которая приехала к одной из его сестер. Гостья оказалась стройной, живой, темноволосой и белокожей, с выразительными глазами – очень привлекательной. Зигмунд сразу же влюбился, как это бывало с ним и раньше. Но Марта Бернайс была другой. Настоящей, а не выдуманной, совсем не похожей на еще одну Гизелу Флюс, предмет молчаливого подросткового обожания. Она была достойна того, чтобы ради нее работать, достойна того, чтобы ее ждать.

Влюбленный Фрейд

Увидев Марту Бернайс, Фрейд уже ни секунды не сомневался в своих желаниях, и его властная стремительность увлекла девушку. 17 июня 1882 года, всего через два месяца после первой встречи, они обручились. Оба прекрасно понимали, что это нельзя назвать разумным поступком. Овдовевшая мать Марты, волевая и своенравная, сомневалась, что Зигмунд Фрейд – подходящая партия для дочери. И не без оснований: у Марты Бернайс имелось положение в обществе, но не имелось денег, а у Фрейда не было ни того ни другого. Вне всяких сомнений, он являлся блестящим молодым человеком, но, похоже, обреченным на долгие годы бедности, без ближайших перспектив на

стремительную карьеру или какое-либо научное открытие, которое сделает его знаменитым и (что теперь гораздо важнее) богатым. Ему нечего было ждать от стареющего отца, который сам нуждался в финансовой поддержке. Самоуважение не позволяло Фрейду постоянно зависеть от помощи своего старшего друга Йозефа Брейера – тот время от времени ссужал ему деньги, делая вид, что дает в долг. Ситуация не оставляла будущему основателю психоанализа выбора. Брюкке лишь вслух сказал то, о чем он, скорее всего, думал сам. Частная практика была единственным способом добиться дохода, необходимого для создания приличной для представителей среднего класса семьи, о которой мечтали они с Мартой.

Чтобы подготовиться к медицинской практике, Фрейд должен был накопить опыт, который невозможно получить на лекциях и в лаборатории. От молодого человека, страстно увлеченного исследованиями, переход к врачебной практике потребовал болезненных жертв, примириться с которыми помогала только ждущая впереди награда. Помолвка стала суровым испытанием для влюбленных. Она не была разорвана исключительно благодаря целеустремленности и настойчивости Зигмунда и, еще в большей степени, благодаря такту, терпению и необыкновенной уравновешенности и выдержке Марты. Потому что Фрейд был страстным поклонником.

Он ухаживал за Мартой так, как это было принято среди представителей его класса и его культуры: влюбленные позволяли себе только объятия и поцелуи. Марта оставалась девственницей. Фрейд, по всей видимости, тоже придерживался обета воздержания. По крайней мере, у нас нет никаких убедительных свидетельств обратного. Однако эти четыре с лишним года ожидания повлияли на формирование теорий Фрейда о сексуальном происхождении большинства душевных расстройств; когда в 90-х годах он рассуждал об эротических страданиях, присущих современной жизни, то отчасти имел в виду себя самого. Фрейд был очень нетерпелив. Теперь, когда ему было почти 26 лет, он направил все свои эмоционально насыщенные и по большей части подавляемые чувства, в которых ярость лишь немного уступала любви, на единственный объект.

Марта Бернайс, которая была пятью годами младше Зигмунда и пользовалась успехом у молодых людей, стала предметом его страстного желания. Фрейд ухаживал за ней с пылом, пугавшим его самого и требовавшим от Марты всего ее здравого смысла, а в критические моменты способности сохранять хрупкие отношения, которым угрожал его собственнический инстинкт. Ситуацию усугубляло то

обстоятельство, что бо2льшую часть их трудной помолвки Марта жила с матерью в Вандсбеке, в окрестностях Гамбурга, а Фрейд был слишком беден, чтобы часто навещать ее. Эрнест Джонс подсчитал, что за четыре с половиной года, прошедшие между первой встречей и свадьбой, они три года провели в разлуке. Однако молодые люди писали друг другу практически ежедневно. В середине 90-х годов XIX столетия, когда они были женаты уже 10 лет, Фрейд обмолвился, что его супруга временно утратила способность писать, но в период помолвки подобных симптомов у нее явно не наблюдалось. Как бы то ни было, разлука не упрощала их отношения. Вероятно, самым серьезным предметом для разногласий стала религия: Марта выросла в строгой атмосфере семьи ортодоксальных евреев и была очень набожной, тогда как Фрейд являлся не просто неверующим, безразличным к религии человеком – он был принципиальным атеистом, твердо решившим избавить невесту от всей этой суеверной чуши. Зигмунд оказался тверд, даже деспотичен в своих повторяющихся требованиях, чтобы она отказалась от того, в чем до сих пор ни секунды не сомневалась.

Фактически Фрейд не скрывал от Марты, что главой семьи должен быть он. В ноябре 1883 года, комментируя невесте очерк о предоставлении гражданских прав женщинам, который он перевел во время службы в армии, Фрейд хвалит Джона Стюарта Милля за способность избавиться от «обывательских предрассудков», но тут же сам отдает дань этим предрассудкам. Милль, жаловался он, выдвигает абсурдные требования. Одно из них – утверждение, что женщины должны зарабатывать не меньше мужчин. Это, считал Фрейд, противоречит исторически сложившимся отношениям в семье, когда женщина практически все время занята ведением домашнего хозяйства, воспитанием и образованием детей, что не оставляет времени для работы вне дома. Подобно другим буржуа своего времени, Фрейд считал, что различие между мужчиной и женщиной есть самое значительное из всех различий между людьми. Женщины вовсе не угнетенные существа, подобно черным рабам: «Девушка, даже если она не имеет права голоса и других прав, может отвергнуть мужчину, который целует ей руку и добивается ее любви». Идея о том, что женщины должны бороться за существование, подобно мужчинам, кажется ему мертворожденной. Видеть в ней, Марте Бернайс, его нежной, любимой девушке, конкурента – это абсолютная глупость. Правда, он признает, что когда-нибудь новая система образования подготовит и новые отношения между мужчинами и женщинами и что закон и обычай должны гарантировать женщинам те права, которых они сегодня лишены. Однако полная

эмансипация будет означать утрату достойного восхищения идеала. Как бы то ни было, заключает он, сама природа предназначила женщине другую судьбу, одарив ее красотой, обаянием и добротой. По этому безупречно консервативному манифесту никто не мог бы догадаться, что Зигмунду Фрейду предстояло стать автором самых революционных, будоражащих воображение и необычных теорий, объясняющих человеческую природу и поведение.

В своей переписке с Мартой Фрейд предстает перед нами в неожиданной роли – романтического любовника. Он нежен и откровенен, иногда импульсивен, требователен, экзальтирован, угнетен, нравоучителен, болтлив, деспотичен и в редкие моменты выражает раскаяние. Обладавший живым и выразительным слогом Фрейд теперь постоянно выступает в жанре, с которым раньше был незнаком, – жанре любовного письма. Задиристый и неуверенный в своей откровенности, не щадящий чувств адресата, не говоря уж о собственных, он заполняет свои письма пересказами бесед с друзьями и знакомыми, а также их откровенными описаниями. Анализируя свои чувства в письмах к Марте, Фрейд также анализирует ее письма к нему, причем его внимание к мелочам достойно детектива – или психоаналитика. Незначительную деталь или подозрительную оговорку он воспринимает как признак скрываемой болезни или, возможно, симпатии к другому мужчине. Его любовные письма зачастую агрессивны и лишены комплиментов, и все же они представляют собой яркий образец трогательной лирики.

Эти письма – истинная автобиография Фрейда начала 80-х годов. Он почти ничего не скрывал от невесты. Фрейд не только открыто писал все, что думает о работе, о зачастую неприятных коллегах, о неутоленных желаниях, но также изливал свою тоску по Марте. Он был поглощен мыслями о том, скольких поцелуев лишился из-за их разлуки. В одном из писем Фрейд оправдывает свое пристрастие к сигарам отсутствием любимой: «Курить необходимо, если некого целовать». Осенью 1885 года во время пребывания в Париже он взобрался на одну из башен собора Нотр-Дам, вызывая в своем воображении возлюбленную: «Триста ступенек, в темноте и одиночестве, и на каждой я мог бы тебя целовать, если бы ты была со мной, и на самый верх ты поднялась бы задыхающаяся и взволнованная». Марта ответила своему «любимому сокровищу» не так многословно, не так художественно и, возможно, не так страстно, но достаточно ласково, посылая ему привет и нежные поцелуи.

Временами Фрейд, стремясь переделать Марту, превращался

в строгого наставника. Он подробно объяснял ей, что врач обязан эмоционально дистанцироваться от всех пациентов и даже от друзей: «Я прекрасно представляю, как неприятно тебе слышать, как я сижу у постели больных и наблюдаю, как я отношусь к человеческим страданиям как к предмету изучения. Но, девочка моя, по-другому это делать невозможно, и для меня это должно выглядеть совсем не так, как для других». Затем, тут же отбросив несколько нравоучительный тон, Фрейд прибавляет, что на свете есть лишь одно человеческое существо, только одно, чья болезнь заставит его забыть об объективности: «Мне нет нужды называть ее тебе, и поэтому я желаю, чтобы она всегда была здорова». Как бы то ни было, он ведь писал любовные письма!

Любовь разрушила самоуверенность Фрейда. Его повторяющиеся вспышки ревности граничили с патологией – настолько они были сильны, а гнев иррационален. 40 лет спустя основатель психоанализа определит «умеренную» ревность как аффективное состояние, подобное печали, которое вполне можно назвать нормальным; ее явное отсутствие, полагал он, должно служить симптомом глубокой депрессии. Но ревность Фрейда выходит за рамки вполне понятного негодования, которое влюбленный может испытывать в отношении соперников. Марта не должна называть своего кузена по имени! Ей следует обращаться к нему официально, по фамилии. Она не должна выказывать такой явной склонности к двум своим обожателям, композитору и художнику: будучи творческими людьми, угрюмо писал Фрейд, они имеют несправедливое преимущество перед ним, обычным ученым. И главное, Марта должна прекратить отношения со всеми остальными. Но в число этих навязчивых «остальных» входили ее мать и брат Эли, который собирался жениться на сестре Фрейда Анне, и Марта отказалась подчиниться вызванным ревностью требованиям жениха и порвать с ними. Результатом стала напряженность в их отношениях, для преодоления которой потребовалось много времени.

Более внимательный к себе, чем прежде, Фрейд догадывался об опасности своего состояния. «Я такой собственник, когда влюблен…» – написал он Марте через два дня после помолвки. А позже с раскаянием признавался: «У меня явная предрасположенность к тирании». Но этот проблеск самосознания не сделал его менее деспотичным. Известно, что Марта уже отвергла одно предложение, но за ним могли последовать другие. Однако усилия Фрейда «монополизировать» девушку, которую он любил, говорят скорее не о реальных опасностях, а о колебаниях самооценки. Неразрешенные, подавленные конфликты его

детства… В них непостижимым образом переплелись любовь и ненависть. Они вернулись и стали преследовать его теперь, когда Зигмунд задумался, достоин ли он своей Марты. Она была, снова и снова повторял Фрейд, его принцессой, однако его часто посещали сомнения, принц ли он. При всем при том он оставался обожаемым Сиги своей матери, вел себя как единственный любимый ребенок, исключительному положению которого угрожает появление брата или сестры.

В конечном счете Фрейд не позволил легковерному гневу и подозрительной ревности отравить его привязанность. Он не был похож на Отелло. Он никогда не сомневался в своем выборе и часто получал от него истинное наслаждение. Перспектива создания семьи радовала его, и Фрейд с удовольствием тратил время на список того, что необходимо для их «маленького мира счастья», как он его назвал. У них с Мартой будут две комнаты, столы, кровати, зеркала, стулья, ковры, стекло и хрусталь для повседневных нужд и для праздничных трапез, шляпки с искусственными цветами, большая связка ключей и жизнь, наполненная полезными занятиями, добротой и гостеприимством, взаимной любовью. «Могут ли влиять на нас такие мелочи, как каждодневный быт? Пока не пробил час великой судьбы, самоотречения, могут – и без всяких сомнений». Воображение Фрейда обычно обращалось к его великому предназначению, но в то же время он с явным удовольствием предавался фантазиям, которые могли разделить с ним многие скромные и ничем не примечательные буржуа того времени.

Чтобы реализовать эти мечты, Фрейд должен был последовать совету Брюкке, и через шесть недель после обручения с Мартой Бернайс он поступил в городскую больницу Вены. Он проработал там три года, пробуя себя в разных специальностях и переходя из отделения в отделение – хирургии, медицины внутренних органов, психиатрии, дерматологии, нервных болезней и офтальмологии. Фрейд трудился целеустремленно, надеясь на продвижение по службе ради своей конечной цели – женитьбы, но ему приходилось учитывать реалии, хотя бы отчасти. Карьерная лестница врача в Австрии была крутой и насчитывала много ступенек. Зигмунд Фрейд начал с низшей из возможных должностей, имевшихся в клинической больнице, Aspirant, нечто вроде помощника врача, а в мае 1883 года стал Sekundararzt (младшим врачом) в психиатрическом отделении, возглавляемом Теодором Мейнертом. Ему предстояло подняться на следующие ступени служебной лестницы. В июле 1884-го Фрейд занял должность старшего врача, а чуть больше чем через год, после нескольких

неудачных попыток, получил желанное звание Privatdozent (приват-доцента)[25]. Это звание являлось престижным, но не гарантировало жалованье, и было желанным лишь как первый шаг к маячившей далеко на горизонте профессорской должности. Кроме того, оно не создавало материальной основы для брака. Неудивительно, что Фрейда стали посещать враждебные фантазии в отношении коллег, в числе которых было желание смерти тем, кто стоял у него на пути. «Где бы в мире ни существовала иерархия и продвижение по службе, – размышлял он впоследствии об этих днях, – открыт путь для желаний, нуждающихся в подавлении».

Фрейд не удовлетворился одними желаниями. В октябре 1882 года ему удалось поступить в клинику Германа Нотнагеля, который недавно занял престижную должность заведующего кафедрой внутренних болезней. Нотнагель наряду с Брюкке неизменно поддерживал Фрейда, пока тот медленно шел к публичному признанию и самому скромному материальному достатку. После первой встречи Фрейд описывал великого Нотнагеля довольно враждебно. «Странно видеть перед собой человека, который имеет такую власть над нами и над которым мы вообще не имеем власти. Нет, – прибавлял он, – этот человек не нашей расы. Древнегерманский дикарь. Совершенно светлые волосы, голова, щеки, шея». Тем не менее Нотнагель великодушно был готов помочь Фрейду с карьерой. Со временем знаменитый профессор стал уязвлять самолюбие Фрейда и сделался объектом для завистливых сравнений. «При благоприятных условиях, – писал Зигмунд невесте в феврале 1886 года, – я мог бы достичь большего, чем Нотнагель, по отношению к которому чувствую свое превосходство».

Это было исключительно виртуальное состязание. А вот с Теодором Мейнертом, специалистом по анатомии мозга и психиатром, не менее знаменитым, чем Нотнагель, Фрейд схлестнулся публично. Он перешел в клинику Мейнерта после полугода работы с Нотнагелем и обрел в «великом человеке» не только покровителя, но и соперника. Так было не всегда. Работы Мейнерта и его личность произвели глубокое впечатление на Фрейда, когда он еще учился на медицинском факультете. И действительно, философские воззрения Мейнерта могли служить будущему основателю психоанализа опорой и стимулом. Практичный и стремившийся к научной психологии Мейнерт являлся последовательным детерминистом и отвергал свободу воли, считая ее иллюзией. Он полагал, что сознание подчиняется некому тайному фундаментальному закону, для раскрытия которого нужен тонко чувствующий и проницательный аналитик.

Тем не менее практически с самого начала совместной работы Фрейд жаловался, что с Мейнертом тяжело, он полон капризов и иллюзий, не слушает и не понимает его. В 90-х годах XIX столетия они вели между собой длительную войну по двум важным вопросам – гипнозу и истерии.

Возмущение и гнев, возникшие в этот период по другому случаю, причем гнев на самого себя, долгие годы дремали в подсознании Фрейда, пока не всплыли на поверхность, инстинктивно искаженные, в автопортрете четыре десятилетия спустя: «Теперь, возвращаясь в прошлое, я могу признаться, что это она, моя невеста, помешала мне добиться известности уже в молодые годы». Это история о великолепной возможности, которая была упущена. Фрейд едва не стал автором впечатляющего вклада в хирургическую практику. В начале весны 1884 года он сообщил Марте, что заинтересовался свойствами кокаина, в то время малоизученного лекарства, которое немецкий военный врач использовал для повышения физической выносливости солдат. Из этого может ничего и не получиться, писал Фрейд, однако он планировал проверить возможность использования препарата для лечения сердечных болезней и случаев нервного истощения, таких как «жалкое состояние», возникающее при отвыкании от морфия. В интересе Фрейда к кокаину был и личный аспект. Он надеялся, что кокаин поможет его другу Эрнсту фон Флейшль-Марксоу, страдавшему от последствий инфекции, избавиться от пристрастия к морфию, который он принимал в качестве болеутоляющего. Но в конце лета Фрейд, не видевший невесту целый год, позволил себе один из редких визитов в Вандсбек. Вероятно, он был очень одинок, поскольку впоследствии вспоминал, что провел в разлуке с Мартой Бернайс два года или даже более двух лет – трогательные и симптоматичные оговорки.

Нетерпение Марты заставило Фрейда поспешить с окончанием исследований. В июне он написал статью о применении кокаина, удивительную смесь научного отчета и энергичной рекламы, которая в следующем месяце была опубликована в венском медицинском журнале. В начале сентября Фрейд отправился повидать Марту, но перед этим рассказал об успокаивающем и одновременно стимулирующем действии кокаина своему другу, офтальмологу Леопольду Кенигштейну. Вернувшись в Вену, он узнал, что не Кенигштейн, а другой его знакомый, Карл Коллер, которому он также рассказывал о кокаине, «…провел решающие опыты на глазе животных и сделал доклад об их результатах на

офтальмологическом конгрессе в Гейдельберге». Как вспоминал Фрейд, однажды он встретил коллегу, жаловавшегося на боли в кишечнике, и порекомендовал ему 5-процентный раствор кокаина, который вызвал онемение губ и языка. При разговоре присутствовал Коллер, для которого, уверен Фрейд, это было первым знакомством с анестезирующими свойствами препарата. Как бы то ни было, Фрейд считал, что открытие местной анестезии при помощи кокаина, получившей столь широкое применение в малой хирургии, по праву приписывается Коллеру, особенно при операциях на глазах. «Но я не ставлю своей невесте в упрек, что она стала мне тогда помехой»[26], – прибавляет он. Другими словами, Фрейд одновременно винит и не винит Марту.

Такой изобретательный способ переложить на плечи другого собственную неспособность довести дело до конца не характерен для Фрейда. Это заставляет предположить, что даже с безопасного расстояния многих прошедших лет кокаин вызывал у него неприятные, не до конца осознанные ассоциации. Но факты говорили сами за себя яснее, чем он признавался в своих болезненных воспоминаниях. Если Фрейд с самого начала признавал, что Коллер в полной мере заслуживал мгновенно пришедшего признания, это означало, что он сам был в одном шаге от пути, который привел бы его к мировой славе, а следовательно, и к женитьбе. Более того, его лирическое восхваление кокаина как лучшего лекарства от боли, усталости, уныния и пристрастия к морфию, к сожалению, оказалось ошибочным. Сам Фрейд начал принимать препарат как стимулирующее средство, чтобы справиться с периодическими депрессиями, улучшить настроение, расслабляться в обществе и просто чувствовать себя настоящим мужчиной[27]. Он опрометчиво рекомендовал кокаин Марте и даже присылал ей небольшие дозы, когда решил, что это поможет невесте справиться с недомоганиями. В июне 1885 года – и это был не единственный раз – Фрейд отправил почтой в Вандсбек флакон с кокаином, содержавший приблизительно полграмма вещества, и порекомендовал Марте «приготовить себе из него 8 маленьких (или 5 больших) доз». Она сразу подтвердила получение, сердечно поблагодарила и сказала, что, хотя в этом нет нужды, она разделит присланное лекарство на порции и будет принимать. Однако у нас нет никаких свидетельств, что Марта (или, если уж на то пошло, ее жених) пристрастилась к кокаину.

Рекомендации принимать кокаин, которые Фрейд давал Флейшль-Марксоу, оказались не такими безобидными. Он очень хотел облегчить боль другу, о чем писал невесте в начале 1885 года, но его страстное желание не сбылось. Флейшль-Марксоу,

который медленно и мучительно умирал, с бо2льшим энтузиазмом отнесся к целебным свойствам кокаина, чем сам Фрейд, и в конечном счете стал ежедневно принимать большие дозы наркотика. К сожалению, препарат лишь усилил его страдания: в процессе лечения у Эрнста развилась зависимость от кокаина, как прежде от морфия.

Эксперименты Фрейда с наркотиками поначалу практически не мешали, как он сам насмешливо выражался, погоне за деньгами, должностью и репутацией. Его статья о кокаине и другие работы, опубликованные вскоре после нее, создали ему имя в венских медицинских кругах и даже за границей, а для того, чтобы выяснить способность кокаина вызывать привыкание, потребовалось некоторое время. Однако было невозможно отрицать, что львиная доля славы от применения кокаина как местного анестетика досталась Коллеру, а очень скромный успех Фрейда граничил с неудачей. Более того, его опрометчивое – хотя и из лучших побуждений – вмешательство в лечение Флейшль-Марксоу, не говоря уже о столь же неблагоразумной рекомендации вводить кокаин в виде инъекций, оставило у Фрейда чувство вины. Действительность давала ему много поводов для самокритики. Облегчить страдания Эрнста не мог никто, но другие врачи, экспериментировавшие с кокаином, обнаружили, что подкожное введение препарата может спровоцировать очень серьезные побочные эффекты[28].

Это несчастье оставалось одним из самых мучительных эпизодов в жизни Зигмунда Фрейда. Его сны раскрывают постоянную озабоченность кокаином и последствиями его применения, и Фрейд продолжал применять его в умеренных количествах как минимум до середины 90-х годов XIX столетия[29]. Неудивительно, что он стремился приуменьшить влияние этого случая. Когда Фриц Виттельс, написавший его биографию, заявил, что Фрейд долго и мучительно размышлял, как такое могло с ним произойти, тот решительно это отрицал. «Неправда!» – написал он на полях книги. Неудивительно также, что подсознательно Фрейд старался переложить ответственность за все на того самого человека, ради которого ускорил свои рискованные поиски славы.

Тоскуя по невесте, которая жила в далеком Вандсбеке, Фрейд заполнял свободное время чтением «Дон Кихота». Книга заставляла его смеяться, и он благожелательно отзывался о ней в письмах Марте, хотя и полагал, что местами она излишне груба и вряд ли подходит для чтения его маленькой принцессе. Таков был бедный молодой врач, который покупал больше книг, чем мог себе позволить, и по ночам читал классическую литературу,

глубоко растроганный и не менее глубоко изумленный. Фрейд искал себе учителей в разных эпохах: древних греков, Рабле, Сервантеса, Мольера, Лессинга, Гёте, Шиллера, не говоря уж о жившем в XIX веке остроумном немецком знатоке человеческой природы Георге Кристофе Лихтенберге, физике, путешественнике и авторе знаменитых афоризмов. Эти классики значили для него больше, чем интуитивный современный психолог Фридрих Ницше. Фрейд читал его книги еще юным студентом, а в начале 1900-го, в год смерти Ницше, потратил приличную сумму на собрание его сочинений. Он надеялся, как сам признавался своему другу Флиссу, найти слова для того, что остается в нем невысказанным. Тем не менее Фрейд относился к произведениям Ницше как к текстам, которые требуют скорее возражения, чем изучения. Симптоматично, что после сообщения о покупке книг Ницше он тут же прибавил, что не открывал их: «Пока мне лень».

Главным мотивом такого защитного маневра будущий основатель психоанализа называл нежелание «избытком интереса» отвлекаться от серьезной работы. Фрейд предпочитал клиническую информацию, которую мог собрать путем психоанализа, ярким озарениям мыслителя, по-своему предвосхитившего некоторые из самых радикальных его гипотез[30]. Сам Фрейд будет настаивать, что никогда не делал заявлений о приоритете – отрицание слишком недвусмысленное, чтобы быть точным, – и не выделял работы по психологии немецкого физика и философа Густава Теодора Фехнера как единственные, которые нашел полезными. Они прояснили для него природу удовольствия. Фрейд получал удовольствие и извлекал пользу из чтения, но еще большее удовольствие и пользу ему давал опыт.

В начале 80-х годов, когда Зигмунд Фрейд еще набирался опыта для частной практики, его в основном волновали профессиональные прикладные вопросы, а не теоретические, но загадки человеческого сознания все больше и больше завладевали его вниманием. В начале 1884-го он цитировал Марте одного из своих любимых поэтов, Фридриха Шиллера, хотя и немного нравоучительно: «Любовь и голод – вот настоящая философия, как сказал наш Шиллер». Много лет спустя Фрейд не раз будет обращаться к этим строкам, чтобы проиллюстрировать свою теорию влечений: голод представляет «влечения «Я», которые служат самосохранению индивида, тогда как любовь, разумеется, иносказательное название сексуальных влечений, служащих сохранению вида.

Тем не менее взгляд на Фрейда 80-х годов как на будущего психоаналитика – это устаревший взгляд. Он продолжал

исследования в области анатомии, особенно анатомии мозга. В то же время Фрейд все больше внимания уделял психиатрии, надеясь, что в будущем это принесет ему доходы. «В практическом отношении, – честно признавался он впоследствии, – анатомия мозга давала мне не больше выгод, чем физиология. Из материальных соображений я начал заниматься нервными заболеваниями». В Вене эта специальная область не пользовалась тогда вниманием у специалистов, и даже Нотнагель не мог ему ничего предложить в данной сфере. Приходилось всему учиться на собственном опыте. Стремление к славе и процветанию у Фрейда росло вместе с тем, что его питало, а с ним и жажда знаний. Он хотел большего, чем могла дать Вена. «Но вдалеке, – писал Зигмунд Фрейд 40 лет спустя, воспроизводя яркость свежих впечатлений тех дней, – сияла слава Шарко».

В марте 1885 года, когда до получения должности приват-доцента оставалось еще несколько месяцев, Фрейд подал заявку на конкурс, победителя которого ждала стажировка за границей. В грант входили жалкая стипендия и не менее жалкие шесть месяцев отпуска за свой счет, но все помыслы Фрейда сосредоточились именно на этой цели. В письмах Марте он все время намекал на свои перспективы. «Я совсем не удовлетворен, – писал он невесте в начале июня, в типичной для себя аналитической манере, – я не в состоянии преодолеть лень и знаю ее причину: ожидания всегда заставляют нас, людей, пренебрегать настоящим». На комиссии, которая должна была распределять стипендии, каждого претендента представлял поручитель. «У меня это Брюкке, очень уважаемый, но не очень энергичный защитник», – сообщал Марте Фрейд. Он явно недооценил своего учителя. Флейшль-Марксоу, который был в курсе дела, рассказал Фрейду: «…ситуация была для вас крайне неблагоприятной, и успехом, который вам принесло сегодняшнее заседание, вы обязаны заступничеству Брюкке и его страстному ходатайству, которое вызвало общую сенсацию». Конечно, рекомендация Эрнста Брюкке была очень весомой, но желанную стипендию Фрейд получил только в середине июня, после долгих дебатов, достойных более щедрой награды. Он ни секунды не колебался, распределяя свое время: сначала поездка к невесте и ее семье, затем Париж. После шести недель пребывания в Вандсбеке, где ему наконец удалось преодолеть давнее нерасположение к себе фрау Бернайс, Фрейд в середине октября приехал в Париж.

Он устроился и сразу принялся изучать город, собирая первые впечатления: улицы, церкви, театры, музеи, парки.

Отчеты, которые Фрейд отправлял Марте, полны живых и ярких подробностей: его изумление настоящим обелиском из Луксора, площадь Согласия, элегантные Елисейские Поля, без магазинов, но заполненные экипажами, плебейская площадь Республики и тихий сад Тюильри. Особое удовольствие Фрейду доставил Лувр, где его вниманием надолго овладевали древние артефакты: «Там находится множество греческих и римских статуй, надгробий, надписей и обломков. Некоторые экспонаты просто великолепны. Среди них я видел знаменитую Венеру Милосскую без рук». Большое впечатление на него также произвели бюсты римских императоров и статуи ассирийских царей, огромные, как деревья. «Эти властелины держали на руках львов, как сторожевых собак. Там восседали на постаментах крылатые человекозвери с красиво подстриженными волосами. Клинопись выглядит так, как будто сработана вчера. Еще были разукрашенные в огненные цвета египетские барельефы, колоссальные изображения царей, настоящие сфинксы – словно мир из сна». Фрейду хотелось вновь и вновь возвращаться в египетские и ассирийские залы. «Для меня, – отмечал он, – эти экспонаты представляют скорее историческую, чем эстетическую ценность». Но его волнение выдает не только научный интерес; оно предвосхищает страсть к коллекционированию древних скульптур Средиземноморья и Ближнего Востока, которой Фрейд дал волю, когда у него появились деньги и место для этого собрания.

Впрочем, в 1885 году в Париже времени у него было мало, а денег еще меньше. В театр Фрейд шел для того, чтобы увидеть великолепную Сару Бернар в добротной драме Викторьена Сарду, показавшейся ему хвастливой и тривиальной, или в комедиях Мольера, которые он считал блестящими и использовал как «уроки французского». Обычно он покупал билеты на самые дешевые места, иногда в «quatrième loge de côté, позорные ложи такого размера, что годны лишь для голубей», по одному франку пятьдесят сантимов. Фрейд жил взаймы и поэтому считал себя обязанным экономить даже на мелочах, таких как спички и канцелярские принадлежности. «Я всегда пью вино, очень дешевое, темно-красное и в целом терпимое, – писал он вскоре после приезда Минне Бернайс, сестре Марты. – Что касается еды, то ее можно найти и за 100 франков, и за 3 франка, только нужно знать где». Поначалу одинокий, Фрейд был придирчивым и немного самоуверенным. И еще патриотичным: «Как ты видишь, сердце у меня немецкое, провинциальное, и в любом случае оно осталось дома». Французов он считал аморальными охотниками за удовольствиями, «народом психологических эпидемий, исторических массовых конвульсий».

Временами Фрейд не без трепета раскрывал Марте некоторые свои планы, продиктованные благоразумием. В конце 1885 года он еженедельно наносил визиты, возможно не такие уж необходимые, скучавшей австрийской пациентке, жене их семейного врача – «с не самыми приятными манерами, очень экспрессивными», – поскольку разумно установить добрые отношения с венским коллегой. Да, подобное манипуляционное поведение смущало Фрейда. Еще раньше он писал невесте, признаваясь в страсти к работе, что должен внимательно следить, чтобы потребность в последней, а также в успехе не истолковывалась как непорядочная.

Но что еще важнее, Фрейд с самого начала был потрясен знакомством с Жаном Мартеном Шарко. Шесть недель он занимался микроскопическим исследованием детского мозга в патологической лаборатории Шарко в больнице Сальпетриер. Последующие многочисленные публикации о церебральном параличе у детей и об афазии – системном нарушении уже сформировавшейся речи – указывают на сохраняющийся, хотя и ослабевающий, интерес Фрейда к неврологическим исследованиям. Однако мощное влияние Шарко повернуло его от микроскопа к той области, признаки интереса к которой уже начали проявляться: психологии.

Научный стиль и личное обаяние Шарко произвели на Фрейда даже большее впечатление, чем его идеи. «Он поразительно стимулирующий, почти возбуждающий и великолепный, – писал Фрейд Марте. – Я буду по нему ужасно скучать в Вене». В поисках слов, которые оправдали бы тот душевный подъем, который он испытывал в присутствии Шарко, Фрейд обращался к религиозной – или как минимум эстетической – лексике. «Шарко, – признавался он, – который одновременно один из величайших врачей и человек, здравый смысл которого – знак отличия гения – просто-напросто разрушает мои замыслы и концепции. После некоторых лекций я ухожу как из Нотр-Дам, с обретенным ощущением совершенства». Только напыщенная риторика того поколения могла передать его чувства; Фрейд, неизменно настаивавший на независимости своего мышления, был всей душой готов принять идеи этого блестящего ученого и не менее блестящего актера: «Не знаю, принесет ли когда-нибудь его семя плоды, но то, что никакой другой человек никогда не влиял на меня столь сильно, я знаю точно».

Вне всяких сомнений, Шарко устраивал настоящие спектакли. Его речь всегда была ясной, обычно серьезной, но иногда с юмором, помогавшим донести смысл. По мнению Фрейда, каждая

из его «пленительных» лекций становилась «маленьким произведением искусства в том, что касалось структуры и композиции». И действительно, отмечал Фрейд, «…он еще больше возвышался в глазах слушателей, когда прилагал усилия, самым подробным образом изложив ход своих мыслей и с полной откровенностью рассказав о своих колебаниях и сомнениях, перекинуть мостик через пропасть между учителем и учеником». В роли лектора и советчика будущий основатель психоанализа, который умело использовал свою неуверенность, будет поступать точно так же.

Наблюдая за этими спектаклями в больнице Сальпетриер, Фрейд получал огромное удовольствие от интеллектуального возбуждения, охватывавшего Шарко, когда он диагностировал то или иное душевное заболевание. Эти его действия напоминали Фрейду миф об Адаме, который «классифицировал» животных и давал им названия. Непревзойденный классификатор Фрейд, будущий Адам психоанализа, был в этом отношении, как и во многих остальных, учеником Шарко. В те времена плохо умели различать психические заболевания, а также отличать их от физических недомоганий: Фрейд, тогда еще недостаточно хорошо разбиравшийся в неврозах, мог принять хронические головные боли невротика за менингит, а «более высокие авторитеты венской медицины диагностировали неврастению обыкновенно как опухоль мозга».

Шарко был не только актером. Медицинское светило и светский лев, пользовавшийся непререкаемым авторитетом, он считал истерию настоящим заболеванием, а не убежищем симулянта. Более того, он признавал, что ей подвержены и мужчины – в противовес традиционным взглядам, – а не только женщины. Еще более дерзким было спасение гипноза из рук жуликов и шарлатанов и использование его для серьезных целей – лечения душевных расстройств. Фрейд был поражен и впечатлен, увидев, как Шарко вызывает и снимает истерический паралич посредством прямого гипнотического внушения[31].

В 1885 году гипноз не был для Зигмунда Фрейда открытием. Еще в студенческие годы он убедил себя, что, несмотря на всю свою предосудительную репутацию, гипнотическое состояние – явление реальное. Фрейд был доволен, что Шарко подтвердил то, во что он и так верил, и впечатлен тем, что происходило с пациентами французского специалиста во время сеансов гипноза и после них. По словам Пьера Жане, самого знаменитого ученика Шарко, они вызывали «магнетическую страсть» к гипнотизеру, влечение – дочернее, материнское или чисто эротическое по своей природе. Эта страсть, как вскоре понял Фрейд, могла

доставлять и некоторые неудобства. Как-то раз в Вене одна из его первых пациенток, избавленная после сеанса гипноза от болей истерической природы, страстно обняла своего целителя. Сия неловкая сцена, вспоминал Фрейд, дала ему ключ к разгадке «мистического элемента», который содержался в гипнозе. Позже он определит этот элемент как пример переноса и будет использовать в качестве мощного инструмента техники психоанализа.

Войдя в рабочий ритм, Фрейд перестал считать свое пребывание в Париже чем-то вроде сна, беспорядочного и не всегда приятного, и полностью сосредоточился на исследованиях – настолько, что решил заверить невесту: она по-прежнему занимает главное место в его жизни. «Если ты хочешь получить от меня уверения в любви, – писал он Марте в декабре, – я могу написать пятьдесят таких страниц, но ты ведь так добра, что не потребуешь этого». Тем не менее он убеждал любимую, что «теперь преодолел любовь к науке, которая в определенном смысле стояла между нами, и ничего не желаю, кроме тебя». Однако мысли о бедности никогда не покидали его. Фрейд описывает себя Марте, немного трогательно, как «бедного молодого человека, терзаемого горячими желаниями и мрачными печалями», исполненного надежд иждивенца – Schnorrerhoffnungen, а если конкретно, то надежды, что кто-нибудь из богатых друзей ссудит ему денег.

Тем временем его работа успешно продвигалась, а через некоторое время наладилась и светская жизнь. В январе и феврале 1886 года Фрейда приглашали в роскошный дом Шарко. Смущенный и не уверенный в собственном разговорном французском, Зигмунд подбадривал себя дозой кокаина, надевал строгий костюм и отправлялся на прием. Его письма к невесте свидетельствуют о волнении, а также об облегчении, которое он испытал, убедившись, что не выставил себя смешным в присутствии Шарко. Одним из февральских вечеров, уже за полночь, вернувшись с приема в доме великого человека, Фрейд сел за письмо «милому любимому сокровищу». «Слава богу, все закончилось, – сообщал он. – Это было скучно до безумия, и я выдержал только благодаря кокаину. Только представь: сорок или пятьдесят человек, и из них только трое или четверо знакомых». Фрейду казалось, что в тот вечер его французский был хуже, чем обычно, однако он вступил в политическую дискуссию, в которой назвал себя не немцем и не австрийцем, а juif[32]. Затем, ближе к полуночи, Фрейд выпил чашку шоколада. «Не думай, что я разочарован, поскольку не стоит ждать ничего иного от jour

fixe[33]; я лишь убедился, что мы не будем их устраивать. Только не говори никому, какая это была скука». Несмотря на то что Фрейд считал подобные развлечения скучными, а свой французский слабым, Шарко уделял ему особое внимание. Такая сердечность делала мэтра еще более достойным примером для подражания.

Самым важным для Фрейда было то, что его кумир явно со всей серьезностью относился к странному поведению своих пациентов и смело выдвигал необычные гипотезы. Глубоко и тщательно исследуя человеческий материл, Шарко был в то же время артистом, или, как он сам себя называл, visual – человеком, который видит. Доверяя увиденному, он ставил практику выше теории. В памяти будущего основателя психоанализа глубоко отпечаталась одна его случайная фраза: La théorie, c'est bon, mais ça n'empêche pas d'exister. Фрейд никогда не забывал об этой остроте, и впоследствии, будоража мир невероятными фактами, не уставал ее повторять: теория – это очень хорошо, но она не отменяет существование фактов. Таков был главный урок, полученный от Шарко: смиренное подчинение ученого фактам – это не враг теории, а ее источник и слуга.

Один конкретный вопрос, который Шарко не разрешил для полного удовлетворения Фрейда и который волновал его на протяжении многих лет, – природа гипноза. Даже сторонникам этого метода, даже во Франции гипноз представлялся далеко не однозначным явлением. Жан Мартен Шарко и его ученики определяли гипнотический транс как искусственно вызванное патологическое состояние – невроз. Другими словами, это нервное заболевание, а если конкретно, то истерия с несомненно органическими компонентами. Кроме того, Шарко утверждал, что гипнотическое состояние можно вызвать только у истеричных людей. Впрочем, конкурирующая школа из Нанси, основателями которой были малоизвестный частный врач Амбруаз Огюст Льебо и его активный и плодовитый сторонник Ипполит Бернхейм, придерживалась другой точки зрения: гипноз представляет собой чистое внушение, и ему поддаются почти все люди. Несколько лет Фрейд колебался. Стараясь сохранить объективность, он в 1886 году перевел труд Шарко «Лекции о заболеваниях нервной системы», а два года спустя главную работу Бернхейма «О внушении и его применении в терапии». Фрейд по-прежнему склонялся к мнению Шарко, однако после поездки в Нанси в 1889-м пришел к выводу, что этот визит, предпринятый ради совершенствования техники гипнотического внушения, оказался одним из самых полезных в его жизни. Психоанализ – как его

сформулировал Фрейд в середине 90-х годов XIX столетия – был производным от гипноза. Ряд статей и обзоров начала 90-х указывает на его корни, уходящие в эксперименты с гипнозом. И действительно, на протяжении нескольких лет гипноз входил в число терапевтических методов Фрейда.

По возвращении в Вену – после остановки в Берлине для изучения детских болезней – главной проблемой Зигмунда Фрейда стал не выбор одной из двух французских научных школ, а отношения со скептически настроенным медицинским сообществом. Его предисловие к книге Бернхейма явно отражает недовольство местными коллегами. «Врач, – писал Фрейд, явно имея в виду упрямых венских эскулапов, – больше не может сторониться гипнотизма». Знакомство с этим явлением разрушит преобладающее мнение, что «проблема гипноза, как утверждает Мейнерт, по-прежнему окружена ореолом нелепости». Фрейд настаивал, что Бернхейм и его коллеги в Нанси продемонстрировали, что проявления гипнотизма ни в коем случае не аномалия и связаны «со знакомыми явлениями нормальной психики и сна». Поэтому серьезное изучение гипноза и гипнотического внушения проливает свет на психологические законы, которым подчиняется психическая жизнь большинства здоровых людей. Поддразнивая коллег, Фрейд делает вывод, что «в естественных науках окончательное решение диктует исключительно опыт, а не авторитет без опыта», независимо от того, принимается идея или отвергается.

Одним из средств убеждения, доступных Фрейду, был отчет о стажировке, представленный им на факультет к Пасхе 1886 года. Размышляя о сомнениях, которые посетили его в Париже, Фрейд не смог скрыть свое разочарование: из-за недостатка контактов между немецкими (или, если уж на то пошло, австрийскими) и французскими учеными к некоторым в высшей степени удивительным (гипнотизм) и важным в практическом отношении (истерия) открытиям французской неврологии в немецкоговорящих странах отнеслись с недоверием. Фрейд признавался, что его привлекала к себе личность Шарко, который отличался не только «живостью, остроумием и красноречием, какие считаются у нас особенностями национального характера французов, но также терпением и трудолюбием, которые мы привыкли ставить в заслугу собственной нации». Постоянное общение с ним «как с ученым и человеком» сделало Фрейда искренним почитателем Шарко. Самый волнующий и глубокий вывод, привезенный им из Парижа, был связан с перспективой, которую открыл этот выдающийся специалист перед невропатологами. «Шарко часто говаривал, что анатомия по

большому счету уже выполнила свою задачу, и в теории органических заболеваний нервной системы, так сказать, поставлена точка; теперь пришел черед неврозов»[34]. Старшие товарищи Фрейда не соглашались с ним, однако эти слова предвосхитили его будущее.

Это будущее приближалось. Шарко стал для Фрейда еще одним Брюкке, интеллектуальным отцом, на которого он мог равняться и которому старался подражать. Даже после того, как Фрейд поставил под сомнение некоторые аспекты учения Шарко, он продолжал отдавать ему дань уважения: не только перевел его лекции на немецкий язык, но и пропагандировал идеи французского психиатра, основателя нового учения о психогенной природе истерии, при каждом удобном случае ссылаясь на него как на непререкаемый авторитет. Фрейд приобрел гравюру, выполненную по картине Андре Бруйе «Лекция доктора Шарко в больнице Сальпетриер», на которой мэтр демонстрирует пораженной публике женщину в истерическом припадке. Впоследствии, переехав на Берггассе, 19, Фрейд с гордостью повесил ее в своем кабинете для консультаций над застекленной витриной, заставленной небольшими античными скульптурами. Более того, в 1889 году Фрейд назвал своего сына в честь Шарко Жаном Мартином. Мэтр вежливо поблагодарил, прислав «все мои поздравления»[35]. После смерти Шарко в 1893 году Фрейд написал для Wiener Medizinische Wochenschrift трогательный некролог, в котором не говорит о себе, но который можно поставить в один ряд с его автобиографическими произведениями как косвенную характеристику его собственного научного стиля.

Но все это будет позже, а весной 1886 года перспективы Фрейда выглядели еще более туманными, чем прежде. Вернувшись в Вену, он осознал, что проведенные во Франции месяцы были не просто отпуском, а ознаменовали окончание определенного периода в его жизни. Фрейд уволился из больницы, и в Пасхальное воскресенье, 25 апреля, в утреннем выпуске газеты Neue Freie Presse в разделе городских новостей появилась маленькая заметка: «Герр доктор Зигмунд Фрейд, доцент кафедры нервных болезней университета, вернулся из учебной поездки в Париж и Берлин и дает консультации по адресу I [район], Ратхаусштрассе, 7, с 1 до 2:30». Брейер и Нотнагель присылали к нему пациентов, причем в некоторых случаях оговаривалось, что услуга платная, и, хотя Фрейд продолжал свои исследования в новой анатомической лаборатории Мейнерта, его главной заботой стал достойный

заработок. Он не питал особых надежд выиграть «битву за Вену» и подумывал об эмиграции. Однако настойчивость победила; часть пациентов, которых он лечил от нервных болезней, вызвала у него научный интерес, тогда как другие случаи, более скучные, приносили вознаграждение в виде оплаченных счетов. Фрейд очень страдал от безденежья и впоследствии признавался, что бывали периоды, когда он не мог позволить себе взять фиакр, чтобы навестить пациентов.

В те редкие периоды, когда его доход казался достаточным, чтобы приблизить свадьбу, Фрейд переживал приступы эйфории. Дело осложнялось тем, что ему пришлось противостоять коллегам. Его энтузиазм по поводу французских инноваций лишь усилил скептицизм, возникший из-за того, что Фрейд выступал в защиту кокаина. Его доклад о мужской истерии осенью 1886 года перед членами Венского медицинского общества и предположения о психологической этиологии заболевания встретили неоднозначный прием. Один старый хирург, о котором Фрейд будет помнить всю жизнь, возразил привезенному из Парижа тезису, что мужчины не могут быть подвержены истерии. Знает ли он, что слово «истерия» произошло от древнегреческого ὑστέρα – матка? Как же мужчина может страдать истерией? Другие врачи высказывались более уважительно, но Фрейд с его повышенной чувствительностью воспринял отношение коллег как явное и упорное неприятие. Теперь он оказался в оппозиции медицинскому истеблишменту. Даже Мейнерт, который долго был его самым активным сторонником, решил порвать с ним.

С другой стороны, к тому времени у него уже были основания для радости. Его скромные, но постоянно растущие сбережения вместе с небольшим наследством и приданым невесты, денежными подарками на свадьбу от ее родственников и, самое главное, щедрыми дарами от состоятельных друзей дали ему возможность жениться на Марте Бернайс. Гражданская церемония бракосочетания состоялась в Вандсбеке 13 сентября. Однако неожиданные юридические сложности привели к тому, что понадобилась вторая церемония. В Германии было достаточно гражданского брака, на котором он настаивал, но австрийские законы требовали религиозного обряда, поэтому 14 сентября Фрейду, яростному противнику всех ритуалов и всех религий, пришлось произносить спешно заученные слова молитв на древнееврейском, чтобы его брак считался законным. Женившись, Фрейд отомстил – или, во всяком случае, оставил за собой последнее слово. «Я очень хорошо помню, как она рассказывала мне, – вспоминала кузина Марты Бернайс, теперь Марты Фрейд, – что в первую пятницу после свадьбы ей не позволили зажечь

субботние свечи, и это одно из самых неприятных воспоминаний за всю ее жизнь». В таких важных вопросах, как религиозная – или, скорее, нерелигиозная – атмосфера в доме, Фрейд твердо настаивал на своем главенстве.

Через год после свадьбы в семье произошло радостное событие. 16 октября 1887 года Фрейд с восторгом писал фрау Бернайс и Минне в Вандсбек: «Я ужасно устал, и мне еще нужно написать много писем, но сначала я напишу вам. Из телеграммы вы уже знаете, что у нас маленькая дочь, Матильда. Она весит три тысячи четыреста граммов, около семи с половиной фунтов, что довольно прилично, ужасно уродлива и с самого начала сосет правую руку, но в остальном выглядит веселой и ведет себя абсолютно непринужденно». Пятью днями позже Фрейд находит причины сменить тон: все говорили ему, что маленькая Матильда удивительно похожа на него – и «она стала гораздо красивее, иногда мне кажется, уже очень красивой». Фрейд назвал дочь в честь своего доброго друга Матильды Брейер. Всего через месяц ему в компании мужа Матильды будет суждено встретить гостя из Берлина, Вильгельма Флисса. Вильгельм станет самым верным другом Фрейда из всех, что у него были в жизни.

Глава вторая
Создание теории

Необходимый друг – и враг

«Близкий друг и заклятый враг всегда оставались необходимыми потребностями моей эмоциональной жизни, – признавался Фрейд в «Толковании сновидений». – Я научился снова и снова их создавать». Иногда, прибавил он, друг и враг сливались в одном лице. В раннем детстве эту роль играл его племянник Йон. После женитьбы и во время десятилетних исследований необходимым другом, а впоследствии врагом стал для Фрейда Вильгельм Флисс.

Флисс, отоларинголог из Берлина, приехал в Вену осенью 1887 года, чтобы продолжить учебу. По совету Брейера он посетил несколько лекций Фрейда по неврологии и в конце ноября по возвращении в Германию получил от него сердечное послание. «Хотя мое сегодняшнее письмо посвящено профессиональным вопросам, – писал Фрейд, – я должен, однако, признаться, начав с того, что питаю надежды продолжить с вами переписку и что вы произвели на меня глубокое впечатление». Тон Фрейда был одновременно более официальным и более эмоциональным, чем обычно, однако дружба с Флиссом станет уникальным событием его жизни.

Разрабатывая теорию психоанализа, Фрейд был обречен иметь больше врагов и меньше друзей, чем ему хотелось. Неудача была вполне возможна. Враждебность и насмешки практически гарантированы. Флисс стал именно таким близким другом, который был нужен Фрейду: слушателем, доверенным лицом, стимулом, группой поддержки и единомышленником, которого ничто не могло шокировать. «Ты для меня единственный «Другой», – скажет ему Фрейд в мае 1894 года, – второе «Я». Осенью 1893-го он признался Флиссу, озвучив догадку, которой отказывался следовать следующие семь или восемь лет: «Ты уничтожил мою способность к критическому мышлению». Такое полное доверие у человека, подобного Фрейду, который гордился своей практичностью ученого, требует объяснений.

Это доверие выглядит еще более удивительным, поскольку Флисс уже тогда слыл чудаком и патологическим поклонником нумерологии. Но крах его репутации случится позже. Его любимые теории действительно выглядят чрезвычайно странными: Флисс считал нос главным органом человеческого

тела, который определяет здоровье и все болезни. Более того, он свято верил в биоритмическую схему из двух циклов, 23 и 28 дней, которым подчиняются мужчины и женщины и которые, по его убеждению, позволяют врачу диагностировать все состояния и недуги. На рубеже XIX и XX столетий эти идеи, в настоящее время полностью опровергнутые, пользовались симпатией и даже определенной поддержкой уважаемых ученых в разных странах. Профессиональная репутация Флисса была безупречна – уважаемый специалист с обширной практикой – и распространялась далеко за пределы его родного Берлина. Кроме того, идеи, которые выдвигал Фрейд, поначалу казались не менее странными, чем представления Флисса. И еще – Вильгельма рекомендовал Брейер, что в конце 80-х годов XIX века для Фрейда практически служило гарантией интеллектуальности и честности человека.

Образование Флисса было широким, а его научные интересы чрезвычайно разнообразными. Своей утонченностью и эрудицией он производил впечатление на людей даже не таких одиноких, как Фрейд. В 1911 году, через много лет после горького разрыва друзей, Карл Абрахам, верный последователь Фрейда и здравомыслящий наблюдатель, писал, что Флисс любезный, проницательный, оригинальный – возможно, это самое ценное из знакомств, которые, по его мнению, основатель психоанализа мог приобрести среди берлинских врачей. То же самое чувствовал и Фрейд при первой встрече с Флиссом. Их считали людьми, подрывающими устои медицины, и такая изоляция еще больше сблизила их. «Я совсем одинок здесь, толкуя неврозы, – напишет Фрейд Флиссу весной 1894-го. – Они смотрят на меня как на одержимого». Вероятно, их переписка казалась обоим разговором двух одержимых, постигших глубокую, но пока еще непризнанную истину.

Флисс демонстрировал понимание теоретических построений Фрейда, «снабжал» его идеями и всячески поддерживал. Он был прилежным и заинтересованным читателем рукописей Зигмунда. Помогал ему понять фундаментальную общность всей человеческой культуры и доказательную ценность всех проявлений человеческого поведения. «Ты научил меня, – с благодарностью признавался ему Фрейд в июне 1896 года, – что за каждым известным безумием скрывается крупица истины». Вильгельм помог ему обратить внимание на шутки как на полезный материал для психоаналитического исследования. Именно Флисс в своих опубликованных работах середины 90-х годов XIX века размышлял об инфантильной сексуальности – за несколько лет до того, как Фрейд стал приписывать такую

скандальную идею исключительно себе. Фрейд, по всей видимости, был первым, кто заявил, что в основе всех неврозов лежит какое-либо сексуальное нарушение, а Флисс, в свою очередь, поддерживал теорию о бисексуальности человека и наблюдал, как Фрейд развивает ее в один из главных принципов.

При всем при том абсолютная иррациональность его фантастических идей и попыток их доказать должны были стать очевидными гораздо раньше, особенно Фрейду. С другой стороны, в амбициозном стремлении Флисса обосновать биологию математикой содержался определенный смысл. Не было ничего по сути странного и в предположении, что органы человеческого тела влияют друг на друга. От психоаналитика вполне разумно ожидать особого интереса к носу, по форме напоминающему фаллос, а по склонности к кровотечениям – женскую половую систему. Идея переноса с одной части тела на другую, причем не только мыслей, но и симптомов, станет главной в психоаналитической диагностике. Исследователь человеческой психики, подобно Фрейду накануне постулирования идеи о смещении эрогенных зон по мере развития человека, мог обнаружить рациональное зерно в теории, утверждающей, что расположенные в носу «генитальные зоны» влияют на процесс менструаций и деторождения. Насторожить Фрейда – даже до того, как последующие исследования опровергли навязчивые идеи Флисса, – должны были догматизм Вильгельма, его неспособность осознать богатство и чрезвычайную сложность причин, влияющих на поведение человека. Но поскольку похвала Флисса являлась для него «нектаром и амброзией», Фрейд не высказывал неуместных сомнений – они даже не приходили ему в голову.

Такая же сознательная слепота характеризует игру Фрейда с биомедицинскими числами Флисса. Предположение о мужском сексуальном цикле было – с учетом женских менструальных ритмов – не таким уж неправдоподобным. Примечательно, что Хэвлок Эллис, энтузиаст и романтик среди исследователей сексуальных отношений, посвятил «явлению сексуальной периодичности» длинную главу в своей книге «Исследования по психологии пола», которая вышла практически одновременно с «Толкованием сновидений». Неутомимый собиратель редких научных материалов о сексе из разных стран, Эллис прочитал работу Флисса о сексуальных периодах, нашел ее интересной и в конечном счете даже убедительной, хотя и не в том, что касалось мужских циклов: «Хотя Флисс приводит несколько подробно описанных случаев, я не могу сказать, что убежден в реальности этого 23-дневного цикла». Он с характерным для себя

благородством предположил, что данные попытки доказать новый физиологический цикл заслуживают тщательного изучения и дальнейших исследований, но в то же время сделал вывод, что, хотя следует учитывать возможность существования такого цикла, в настоящее время мы вряд ли имеем основания признать его. Эллис отмечал, что манера Флисса манипулировать своими ключевыми числами, 23 и 28, их интервалами и суммами, позволяет демонстрировать все, что угодно. Последующие исследователи были более строги к Флиссу, чем Эллис, и просто объявили о том, что их не удалось убедить.

Тем не менее вера Фрейда продержалась несколько лет, и он с готовностью поставлял материал для коллекции веских доказательств Флисса: интервалы своих мигреней, циклы детских болезней, даты менструаций супруги, продолжительность жизни отца. В этом погружении в не вяжущуюся с наукой наивность видно нечто большее, чем просто потребность в одобрении и поддержке. Великий рационалист Фрейд не был полностью свободен от предрассудков, особенно от суеверий. Известно, что в 1886 году он вместе с молодой женой переехал в дом, построенный на месте венского Ринг-театра, который сгорел пятью годами раньше, в результате чего погибло более 400 человек: именно открытый вызов суевериям позволял Фрейду отбрасывать распространенные страхи. Однако определенные числа вызывали у него тревогу. Много лет он не мог избавиться от навязчивого убеждения, что ему суждено умереть в 51 год, а затем в 61 или 62. Ему казалось, что эти судьбоносные числа преследуют его, напоминая о смертности человека. Даже номер телефона, который Фрейд получил в 1899 году, – 14362 – служил тому подтверждением: он опубликовал «Толкование сновидений» в возрасте 43 лет, а последние две цифры, как он полагал, были грозным предостережением, что 62 года – это действительно отмеренный ему жизненный срок. Однажды Фрейд проанализировал суеверие как прикрытие враждебных и жестоких желаний, а собственные предрассудки – подавленной жажды бессмертия. Однако самоанализ не смог полностью освободить Фрейда от этой крупицы иррациональности и остатков того, что он назвал еврейским мистицизмом, которые делали его уязвимым перед самыми невероятными идеями Флисса.

Фрейда связывало с Флиссом нечто большее, чем просто профессиональный интерес. Оба были одновременно и своими, и чужаками: высокообразованные профессиональные врачи, работающие на грани – или даже за гранью – считавшихся допустимыми медицинских исследований. Более того, оба были евреями, сталкивались с одинаковыми проблемами и имели

одинаковые перспективы в своем обществе, поэтому они сблизились с легкостью братьев из преследуемого племени. В эмоциональном аспекте Флисс пришел на смену Брейеру: по мере того как крепла связь с Флиссом, ослабевала зависимость от Брейера. В том, что именно Брейер познакомил Фрейда с Флиссом, можно усмотреть своего рода горькую иронию.

Вероятно, это слишком расширительное толкование термина, но в каком-то смысле Фрейд возложил на Флисса роль, сходную с ролью психоаналитика. Неспособность Фрейда – его фактический отказ – реалистически оценивать близкого друга указывает на то, что он глубоко увяз в отношениях переноса: Фрейд сверх всякой меры идеализировал Флисса и наделял его теми достойными восхищения качествами, которыми обладали Брюкке или Шарко. Фрейд даже хотел назвать сына в честь Флисса, но, к его разочарованию, в 1893 и 1895 годах у него родились дочери, Софи и Анна. Он изливал на бумаге свои самые сокровенные тайны живущему в Берлине «второму «Я», а во время заранее спланированных и желанных «конгрессов» – лично. Начиная с конца 1893-го он признавался Вильгельму, что страдает от болей в груди и аритмии. Это опасное и неприятное недомогание Флисс приписывал пристрастию Фрейда к табаку. Вильгельм был единственным, кто знал об этом: в апреле 1894 года, вернувшись к неприятному разговору, Зигмунд предупреждал: «…жена не знает о моем бреде насчет близкой смерти». Предыдущим летом Фрейд писал Флиссу, что Марта наслаждается периодом «возрождения», поскольку «на данный момент, уже год, не ждет ребенка». Он откровенно признавался: «Мы теперь живем в воздержании». Такого рода вещи добропорядочный буржуа может доверить только своему психоаналитику. Флисс был человеком, которому Фрейд мог рассказать все. И действительно рассказывал – больше, чем кому-либо, о своей жене и больше, чем жене, о себе самом.

Несомненно, одна из причин, почему в 90-х годах Флисс стал незаменим для Фрейда, заключалась в том, что супруга не была наперсницей в тех исследованиях, которые всецело поглотили его внимание. Подавленная его блеском, Марта в присутствии мужа превратилась почти в тень. В то время как он оставлял потомкам, отчасти против своей воли, огромное количество материалов, сохранившиеся или доступные свидетельства о ее жизни крайне скудны. Случайные реплики гостей, а также редкие комментарии супруга дают основания предположить, что она была образцовой Hausfrau[36] – вела хозяйство, готовила еду, командовала слугами, воспитывала детей. Но вклад Марты в семейную жизнь был

гораздо больше, чем просто покорная, бесплатная, тяжелая и монотонная работа. Все в их семье было подчинено Фрейду. Любопытно, что именно он выбирал имена для шестерых детей – в честь *его* друзей и *его* наставников. Когда у них родился второй сын, Фрейд назвал мальчика в честь Оливера Кромвеля, которым восхищался. Однако старший сын Фрейда, Мартин, вспоминал, что мать, одновременно добрая и твердая, рациональная и предусмотрительная в крайне важных домашних делах и не менее важных приготовлениях к путешествиям, способная держать себя в руках, никогда не раздражалась. Ее неизменная пунктуальность (редкое качество в легкомысленной Вене, как заметил Мартин) придавала дому Фрейдов атмосферу надежности – даже несмотря на, как впоследствии жаловалась Анна Фрейд, маниакальную размеренность. Макс Шур, последний врач Фрейда, который близко узнал Марту в последние годы жизни, считал, что многие ее недооценивали. Шур ее очень полюбил, несмотря на то что она регулярно выражала неудовольствие, когда он присаживался на постель и мял простыни, осматривая ее мужа.

Судя по этому эпизоду, Марта Фрейд являлась типичной представительницей буржуазии. Любящая и энергичная в семье, она была скована своей убежденностью, что ее удел – домашние обязанности, и строга к любым отступлениям от морали среднего класса[37]. Уже в пожилом возрасте в Лондоне она рассказала, что единственным «отвлечением» ей служило чтение, но затем поспешно прибавила, извиняющимся тоном и несколько растерянно: «…но только ночью в постели». Она лишала себя этого удовольствия днем, поскольку ей не позволяло «приличное воспитание». Фрейд признавался Флиссу, что его жена необыкновенно сдержанна и медленно сходится с незнакомыми людьми. Обычно нетребовательная, Марта могла быть настойчивой, если твердо решила добиться цели, которую считала разумной. Судя по намекам в письмах Фрейда и по фотографиям его жены, стройность юности вскоре сменилась аккуратными формами среднего возраста; сначала Марта сопротивлялась, затем смирилась со старением, которое безжалостно превращало ее в величественную матрону[38]. В первые дни после помолвки Фрейд откровенно сказал ей, что ее нельзя назвать по-настоящему красивой в буквальном смысле слова, но ее внешность указывает, что она милая, добрая и разумная. После женитьбы он почти не обращал внимания на внешность супруги.

Возможно, не последнюю роль сыграли непрерывные, изматывающие беременности Марты: за девять лет у Фрейдов родились шестеро детей. Это было нелегко. «У моей бедной

Марты тяжелая жизнь», – отмечал ее муж в феврале 1896 года, когда их младшей дочери Анне было чуть больше двух месяцев. Фрау Фрейд, на которую и так приходилась самая большая нагрузка, боролась с чередой детских болезней. Супруг помогал ей – выслушивал жалобы детей, а на летних каникулах организовывал походы за грибами и в горы. Фрейд был внимательным и активным отцом, когда у него находилось время для семьи. Но основная тяжесть домашней работы легла на плечи жены.

Несмотря на всю свою любовь к книгам, когда она это себе позволяла, Марта Фрейд не была спутницей своему мужу на его долгой и одинокой дороге к психоанализу. Она помогала супругу, как могла, поддерживая домашний уклад, в котором он чувствовал бы себя непринужденно – отчасти позволяя считать сие само собой разумеющимся. Отвечая на письмо с соболезнованиями по поводу смерти мужа, фрау Фрейд писала, что воспринимает как «слабое утешение, что за 53 года нашего брака между нами не прозвучало ни единого резкого слова, и я всегда старалась по мере возможности устранить misère[39] повседневной жизни с его пути». Все эти десятилетия Марта воспринимала как привилегию возможность заботиться о «нашем дорогом хозяине». Это очень много значило для Фрейда, но все-таки было недостаточно. Поведение его жены фактически сделало необходимым «присутствие» Флисса.

В своих воспоминаниях о Фрейдах французский психоаналитик Рене Лафорг, знавший их в 20-х годах прошлого столетия, с одобрением отзывался о Марте как о «практичной женщине, удивительно искусной в создании атмосферы умиротворения и joie de vivre[40]». По его мнению, она была превосходной, трудолюбивой домохозяйкой, которая без колебаний помогала на кухне и «никогда не культивировала болезненную бледность, популярную у многих интеллектуалок». В то же время, прибавлял Лафорг, Марта Фрейд считала психоаналитические идеи мужа разновидностью порнографии. В своем бурлящем жизнью и многолюдном доме Фрейд был одинок. 3 декабря 1895 года он написал Флиссу о рождении маленькой Анны, сообщая, что мать и младенец, «славная, настоящая маленькая женщина», чувствуют себя хорошо. В следующем письме, всего пять дней спустя, Фрейд восторгался почерком Флисса, который позволял ему «почти забыть об одиночестве и лишениях». Это выглядит чересчур патетично – Фрейд нежно заботился о семье, и она была ему нужна. Однако семья не смягчала тревожное ощущение одиночества. Для этого существовал Вильгельм Флисс.

Дружба Фрейда с Флиссом крепла очень быстро, что необычно для возраста, когда доверительные отношения формируются медленно и иногда десятилетиями сопротивляются близкой дружбе. Первое письмо Фрейда Флиссу в ноябре 1887 года служит ярким свидетельством взрыва чувств, которые он изо всех сил старался скрыть. В нем Фрейд обращается к Флиссу «Глубокоуважаемый друг и коллега!» – Verehrter Freund und Kollege! В 1888-м он превратился в «глубокоуважаемого друга» – Verehrter Freund, а двумя годами позже был уже «дорогим» или даже «дражайшим другом» – Liebster Freund. Так Фрейд предпочитал обращаться к Вильгельму вплоть до лета 1893 года, когда поднял планку до «возлюбленного друга» – Geliebter Freund. К тому времени они уже больше года как перешли в своем общении на интимное du (ты), тогда как в обращении к фрау Флисс Фрейд употреблял официальное Sie (вы).

Именно в этот начальный период зависимости Фрейда от своего «второго «Я» из Берлина он испытывал все большее разочарование в существующих методах лечения неврозов. «В период времени между 1886 и 1891 годами, – вспоминал впоследствии основатель психоанализа, – я мало занимался научной работой и почти ничего не опубликовал. Все мое время отнимала новая профессиональная деятельность, с помощью которой я старался материально обеспечить существование свое и своей быстро увеличивавшейся семьи». Это были слишком суровые условия для инкубационного периода, когда Фрейд закладывал основы своей революции. Перевод книги Бернхейма о гипнозе и поездка в Нанси в 1889 году стали ступенями его самообразования как психотерапевта.

Даже работа об афазии, его первая книга, опубликованная в 1891-м и посвященная Брейеру, в определенной степени указывает на растущее увлечение Фрейда психологией. Работа «К вопросу о трактовке афазии» – это великолепная монография по неврологии, однако среди многочисленных, тщательно подобранных цитат известных специалистов Фрейд многозначительно поместил высказывания философов, таких как Джон Стюарт Милль, и психологов, например Джона Хьюлингса Джексона. Критикуя доминировавшие в то время взгляды на это странное семейство речевых расстройств, он описывал себя, с некоторым смущением, как «в некоторой степени обособленного». Зигмунд Фрейд начал превращать чувство одиночества в свою отличительную черту. Книга «К вопросу о трактовке афазии» фактически является ревизионистской. Попытка Фрейда «пошатнуть удобную и привлекательную теорию речевых нарушений» сводилась к включению в клиническую картину

психологического элемента. В соответствии с тенденцией того времени приписывать психические явления физическим причинам другие специалисты практически не сомневались, что афазические нарушения речи или восприятия должны обусловливаться конкретными, локализованными поражениями мозга. Фрейд же, наоборот, выступал за признание того, что «в афазии было переоценено значение [физиологической мозговой] локализации и что мы вправе снова задуматься о функциональных состояниях речевого аппарата». Окруженный неврологами, Фрейд начал искать «психологические причины психологических явлений».

Он без особого энтузиазма продолжал применять гипнотическое внушение при лечении своих пациентов и зимой 1892 года опубликовал небольшую статью, в которой кратко описывается один из успешных случаев. «Очевидно, что тот, кто хочет зарабатывать на жизнь лечением нервных больных, – впоследствии сухо отметил он, – должен уметь сделать для них что-то практическое». Фрейд считал традиционный метод лечения неврастении – посредством электротерапии, которую он тоже практиковал, – еще более неудовлетворительным, чем гипноз, и в начале последнего десятилетия XIX века с явным вздохом облегчения «забросил электрический прибор».

Письма Фрейда тех лет намекают на более перспективные инновации, особенно на практически беспрецедентное внимание к возможному влиянию сексуальных конфликтов на неврастению. В начале 1893 года его догадки превратились в твердые убеждения. В одной из своих подробных записок, которые он присылал для рецензии Флиссу на протяжении многих лет, Фрейд прямо предупредил друга, чтобы тот не показывал рукопись молодой жене: «Тот факт, что неврастения часто является следствием аномальной сексуальной жизни, может показаться общеизвестным. Однако утверждение, которое я намерен сделать и проверить с помощью наблюдений, заключается в том, что отклонения в сексуальной жизни составляют единственную необходимую причину неврастении». Фрейд не исключал наследственную предрасположенность как одну из причин, но настаивал на том, что «приобретенная неврастения» имеет сексуальные причины: истощение, вызванное мастурбацией, или coitus interruptus[41]. Женщины, в подспудной чувственности которых Фрейд не сомневался, казались относительно невосприимчивыми к неврастении, но, когда они страдали от этой болезни, ее причины были такими же, как у мужчин. Из всего этого Фрейд делал вывод, что неврозы вполне можно предотвратить и полностью вылечить, поэтому задача

врача полностью смещается в область профилактики.

Вся записка демонстрирует необыкновенную уверенность в себе и отражает интерес Фрейда к социальным последствиям невроза: уже в эти годы он видит себя целителем общества. Здоровая сексуальность, утверждал он, требует предотвращения венерических заболеваний и, как альтернативы мастурбации, свободных половых связей между не состоящими в браке молодыми мужчинами и женщинами. Отсюда потребность в контрацептиве, превосходящем кондом, который нельзя назвать ни надежным, ни удобным. Записка читается как стремительный набег на вражескую территорию; в работе, которую в то время Фрейд писал вместе с Брейером, «Исследование истерии», эротический аспект снова отступает в тень. Читая эту книгу, как впоследствии с неприкрытым сарказмом заметил Фрейд, «трудно догадаться о том, какое значение имеет сексуальность для этиологии неврозов».

Несмотря на то что книга «Исследование истерии» была опубликована только в 1895 году[42], самый первый из описанных в ней случаев, историческая встреча Брейера с пациенткой, которую он назвал Анной О., относится к 1880-му. Считается, что именно этот эпизод сыграл главную роль в зарождении психоанализа: он побудил Фрейда упорно приписывать авторство нового направления не себе, а Брейеру. Вне всяких сомнений, Брейер заслуживает почетного места в истории психоанализа; познакомив своего молодого друга Зигмунда с удивительным случаем Анны О., он способствовал появлению у него таких странных идей, с которыми сам не был готов иметь дело. Один из таких доверительных разговоров состоялся душным летним вечером 1883 года. Сцена, которую Фрейд описывает в письме к невесте, свидетельствует о естественной близости двух друзей и об уровне их профессионального общения. «Сегодня был очень жаркий, самый мучительный за последнее время день. От изнеможения я словно впал в детство. Потом заметил, что валюсь от усталости, и пошел к Брейеру; а возвратился поздно. У него болела голова, и он, бедняга, принял соль салициловой кислоты. Первое, что он сделал, – отправил меня в ванну, откуда я вышел помолодевшим. Первая мысль, после того как воспользовался его гостеприимством, была о тебе: будь моя Мартхен здесь, она одобрила бы мой визит». Конечно, могут пройти годы, пока это случится, однако он не теряет надежды. «Затем, – возвращается Фрейд к своему рассказу, – мы, без пиджаков, поднялись наверх (я пишу в домашнем халате), сели ужинать, и начался длинный медицинский разговор об отклонениях, морали интимных

отношений и нервных болезнях». Беседа принимала все более доверительный характер, и в конечном счете предметом обсуждения снова стала подруга Марты, Берта Паппенгейм. Именно эту пациентку Брейер обессмертил под псевдонимом Анна О.

Брейер узнал об этом интересном случае истерии в декабре 1880 года, начал лечить женщину и наблюдал за ней в течение полутора лет. В середине ноября 1882-го он впервые рассказал Фрейду об Анне О. Затем, жаркой летней ночью следующего года, как писал Фрейд невесте, Брейер поведал о Берте Паппенгейм «некоторые вещи», которые он, Зигмунд, сможет повторить Марте только после того, как они поженятся. Приехав в Париж, Фрейд пытался заинтересовать этим случаем Шарко, но мэтр, вероятно убежденный, что его собственные пациенты достаточно необычны, не проявил к нему никакого интереса. Тем не менее Фрейд, заинтригованный Анной О. и разочарованный терапевтическим воздействием гипнотического внушения, снова обсудил ее случай с Брейером. Когда в 1890 году два специалиста по нервным болезням объединили свои работы по исследованию истерии, Анна О. заняла в них почетное место.

Одна из причин, почему Анна О. была такой образцовой пациенткой, заключалась в том, что бо2льшую часть творческой работы молодая женщина проделывала сама. С учетом того, какое значение Фрейд впоследствии будет придавать умению слушать, совершенно естественно, что пациентка должна была внести почти такой же вклад в создание теории психоанализа, как ее лечащий врач Брейер или, если уж на то пошло, теоретик Фрейд. Четверть века спустя Йозеф Брейер справедливо отмечал, что лечение Берты Паппенгейм содержало «зародыш всего психоанализа». Однако именно Анна О. сделала логические открытия, и именно Фрейд, а не Брейер, усердно культивировал их, пока они не дали богатый и неожиданный урожай.

В разных описаниях этой истории болезни встречаются неясности и противоречия, но бесспорно одно: в 1880 году, когда Анна О. заболела, ей был 21 год. По словам Фрейда, это была молодая женщина, «очень образованная и талантливая», добрая и отзывчивая, занимавшаяся благотворительностью, энергичная, иногда упрямая и необыкновенно умная. «Физически здоровая, – отмечал в истории болезни Брейер, – менструации регулярные… Высокий интеллект, превосходная память, удивительная [способность к] логическим построениям и развитая интуиция, в результате чего любая попытка ее обмануть оканчивается неудачей». Он также прибавляет, что ее сильный ум способен «переварить твердую пищу», но, нуждаясь в этой пище, девушка

ее не получала, поскольку была вынуждена оставить школу. Таким образом, обреченная на скучное существование в своей строгой еврейской семье, она была склонна «систематически погружаться в мечты», или как выражалась сама Берта, в свой «личный театр». Брейер с сочувствием относился к обстоятельствам ее истории. «Чрезвычайно однообразная жизнь, полностью ограниченная семьей, – в телеграфном стиле сообщает история ее болезни. – Выход ищется в страстной любви к отцу, который балует ее, и в потакании своему высокоразвитому поэтическо-фантастическому таланту». По мнению Брейера (Фрейд вспоминал об этом с удивлением и насмешливым недоверием), сексуальное начало было у нее поразительно неразвито.

Событием, спровоцировавшим истерию, стала смертельная болезнь отца, к которому, как заметил Брейер, девушка была сильно привязана. За исключением двух последних месяцев его жизни, когда она сама серьезно заболела, Берта преданно и неустанно ухаживала за отцом во вред собственному здоровью. В течение этого времени, когда она выполняла обязанности сиделки, у нее появились и стали усиливаться лишающие сил симптомы: вызванная потерей аппетита слабость, сильный кашель нервного происхождения. В декабре, после полугода такого изнуряющего режима, у Берты развилось сходящееся косоглазие. Энергичная и жизнерадостная молодая девушка превратилась в жалкую жертву разрушительных недугов. Она страдала от головных болей, приступов тревоги, странных нарушений зрения, частичного паралича и потери чувствительности.

В начале 1881 года симптомы стали еще более необычными. Провалы в памяти, сонливость, резкая смена настроений, галлюцинации с черными змеями, черепами и скелетами, усиливающиеся нарушения речи… Временами пациентка забывала синтаксис и грамматику, временами могла говорить только на английском, французском или итальянском языке. При этом немецкий она понимала всегда. У нее сформировались две отдельные, совсем разные личности, причем одна из них в высшей степени несдержанная. На смерть отца, в апреле, девушка отреагировала истерикой, которая затем сменилась ступором, а ее симптомы стали еще более тревожными. Брейер посещал больную ежедневно, по вечерам, когда она пребывала в состоянии самогипноза. Пациентка рассказывала разные истории, иногда печальные, иногда милые, и, как обнаружили они с Брейером, подобные разговоры приносили ей временное облегчение. Так началось эпохальное сотрудничество одаренной пациентки и ее внимательного врача: Анна О. довольно точно называла эту

процедуру «лечением разговором», или – с юмором – «прочисткой дымохода»[43]. Такая терапия стала своего рода катарсисом, вызывая важные воспоминания и высвобождая сильные чувства, которые пациентка не могла вспомнить или выразить в нормальном состоянии. Когда Брейер рассказал Фрейду историю болезни Анны О., он не забыл упомянуть о катарсисе.

Поворотный момент в «лечении разговором» наступил весной 1882 года, когда у Анны О. случился приступ, напоминающий водобоязнь. Мучимая жаждой, она не могла заставить себя пить, пока в один из вечеров, пребывая в гипнотическом состоянии, не сказала Брейеру, что видела знакомую англичанку – неприятную особу, – которая позволяла своей собачке лакать из стакана воду. После того как подавляемое отвращение было открыто высказано, водобоязнь прошла. На Брейера избавление от водобоязни произвело впечатление, и он стал использовать этот необычный метод, чтобы облегчить состояние пациентки. Гипнотизируя Анну О., доктор наблюдал, что под гипнозом она способна проследить каждый из своих симптомов, появившихся во время болезни отца, до эпизода, ставшего причиной недомогания. Таким образом, отмечал Брейер, были «выговорены» – wegerzählt – все ее разнообразные недуги, в том числе паралич и потеря чувствительности, двоение в глазах и другие нарушения зрения, галлюцинации и все остальное. Но это «выговаривание» оказалось совсем не простым делом, признавал Брейер. Воспоминания Анны О. зачастую были туманными, а симптомы с болезненной яркостью проявлялись именно в те моменты, когда она «прочищала дымоход» своего сознания. Тем не менее участие пациентки в «лечении разговором» становилось все более энергичным – по прошествии 12 лет Брейер вспоминал об этом с нескрываемым восхищением. Недомогания девушки оказались остатками чувств и желаний, которые она считала обязанной подавлять. К июню 1882 года, в заключение отмечал Брейер, у Анны О. исчезли все симптомы. «Затем она уехала из Вены и отправилась в путешествие, хотя далеко не сразу смогла достигнуть душевного равновесия. С тех пор она совершенно здорова».

Тут возникают вопросы о составленной Брейером истории болезни. Дело в том, что по завершении лечения он направил Анну О. к доктору Роберту Бинсвангеру, владельцу швейцарской частной клиники Bellevue в Кройцлингере. В середине сентября 1882-го, через три месяца после того, как все признаки заболевания предположительно исчезли, Анна О. предприняла смелую попытку описать свое состояние. Она сообщала на почти идеальном английском, что «полностью лишена способности

говорить по-немецки, понимать его и читать на нем». Кроме того, она страдает от сильных невралгических болей и от коротких или долгих абсансов, которые Анна О. назвала провалами во времени. Да, ей стало лучше, но тем не менее она писала: «Я по-настоящему нервничаю, тревожусь и становлюсь плаксивой, когда меня охватывает вполне обоснованный страх снова надолго лишиться немецкого языка». Даже через год ее еще нельзя было назвать здоровой – она страдала от периодически повторяющихся рецидивов. Дальнейшую жизнь Анны О., снова ставшей Бертой Паппенгейм, без преувеличения можно назвать необыкновенной: она стала одной из первых в мире общественных деятельниц, феминисткой и основательницей Иудейского союза женщин. Эти достижения свидетельствуют о существенном улучшении ее состояния, но Йозеф Брейер в «Исследовании истерии» необоснованно превратил трудный и зачастую прерывистый период улучшения в полное выздоровление.

В 1895 году он небрежно отметил, что старался опустить в своем рассказе подробности, не лишенные, впрочем, интереса. Как нам известно из переписки Фрейда, эти подробности были не просто интересными: они объясняли причины, почему Брейер так не хотел детализировать этот случай. Одно дело – признать истерические конверсионные симптомы как выраженный ответ на определенные душевные травмы, а невроз не просто как проявление некой наследственной предрасположенности, а как возможное последствие удушающей психологической атмосферы и совсем другое – согласиться, что истинные корни истерии, а также некоторых ее ярких проявлений являются сексуальными по своей природе. «Признаюсь, – впоследствии писал Брейер, – что погружение в сексуальность, как в теории, так и на практике, мне не по вкусу». Полная история Анны О., на которую туманными фразами время от времени намекал Фрейд, – это эротический театр, который сильно смущал Брейера.

Много лет спустя, в 1932-м, Фрейд в письме к Стефану Цвейгу, одному из своих самых страстных поклонников, вспоминал, что на самом деле случилось с пациенткой Брейера. Вот что, по его словам, рассказал ему Йозеф много лет назад. «Вечером того дня, когда все ее симптомы были устранены, его вызвали к ней еще раз, и он нашел ее смущенной и корчащейся от спазмов в животе. На вопрос, что случилось, она ответила: «Это рождается ребенок от доктора Б.». В тот момент, говорит Фрейд, у Брейера в руках был ключ, однако он не смог или не захотел воспользоваться им и выронил его. «Несмотря на большую умственную одаренность, в нем не было ничего фаустовского. Придя в ужас, он обратился в бегство, поручив пациентку своему

коллеге». Скорее всего, Брейер намекал на эту истерическую ложную беременность в тот июльский вечер 1883 года, когда он рассказал Зигмунду такие вещи, которые тот мог бы повторить Марте Бернайс только после того, как она станет Мартой Фрейд.

Случай Анны О. скорее отдалил, чем сблизил Фрейда и Брейера. Это ускорило прискорбное угасание и в конечном счете окончание долгой и полезной дружбы. С точки зрения Фрейда он был исследователем, который понял смелость открытий Брейера; развивая их, насколько это возможно, со всем их эротическим подтекстом, он неизбежно восстановил против себя щедрого учителя, который направлял его в начале карьеры. Однажды Брейер сказал о себе, что он одержим «демоном Но», и Фрейд был склонен интерпретировать такие оговорки – любые оговорки – как малодушное бегство с поля боя. Вне всяких сомнений, не меньшее раздражение вызывал и тот факт, что Фрейд был должен Брейеру деньги, которые тот отказывался брать. Его недовольное ворчание по поводу Брейера в 90-х годах – это классический случай неблагодарности, обида гордого должника на старшего по возрасту благодетеля.

Больше десяти лет Брейер был для Фрейда неисчерпаемым источником ободрения, любви, гостеприимства и финансовой поддержки, таких необходимых и долгое время высоко ценимых. Типичный для Фрейда жест, когда он назвал своего первого ребенка в честь фрау Брейер, милого и доброго друга для безденежного и честолюбивого врача, стал благодарным признанием этого внимательного покровительства. Это случилось в 1887 году, но уже в 1891-м отношения между двумя исследователями стали меняться. Фрейда глубоко разочаровала реакция Брейера на его книгу «К вопросу о трактовке афазии», которую, как мы знаем, будущий основатель психоанализа посвятил ему. «Едва поблагодарил меня, – с недоумением жаловался он свояченице Минне. – Был очень смущен и говорил о ней всякого рода непостижимые гадости, не вспомнив ничего хорошего, а в конце, чтобы успокоить меня, похвалил превосходный слог». В следующем году Фрейд сообщал о «битве» со своим «товарищем». В 1893 году, когда они с Брейером опубликовали совместную статью «Предуведомление» об исследовании истерии, он уже начал испытывать раздражение и считал, что Брейер стоит на пути его успехов в Вене. Год спустя Фрейд сообщил, что научные контакты с Брейером прекращены. В 1896-м он уже избегал Брейера и заявлял, что больше не испытывает нужды встречаться с ним. Идеализация давнего друга, подобно любой идеализации обреченная превратиться в

разочарование, стала причиной резкости и язвительности. «Мой гнев на Брейера получил новую пищу», – писал он в 1898 году. Как сообщил Фрейду один из пациентов, Брейер рассказывал, что прекратил отношения с Фрейдом из-за того, что тот не может согласиться с его образом жизни и тем, как он распоряжается своими финансами. Фрейд, который по-прежнему был должником Брейера, расценил это как невротическое лицемерие. Хотя, наверное, сие было бы лучше назвать добродушной и, возможно, неуместной дружеской заботой.

Так или иначе, долг Фрейда Брейеру выражался не только в деньгах. Именно Брейер «познакомил» Фрейда с катарсисом и помог ему освободиться от мысли о бесполезных методах психотерапии, применявшихся в то время. Именно Брейер рассказал Фрейду самые важные подробности о болезни Анны О., о которой у него самого остались неоднозначные воспоминания. Кроме того, научный метод Брейера мог послужить Фрейду примером, в целом достойным восхищения: Брейер был одновременно неистощимым генератором научных идей и внимательным наблюдателем, хотя временами его воображение брало вверх над наблюдательностью – как и у Фрейда. На самом деле Брейер очень хорошо осознавал пропасть, зачастую разделявшую гипотезу и знание; в «Исследовании истерии» он цитировал Тезея из шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь», который говорит о трагедиях: «Даже самая лучшая из них – всего лишь игра теней» – и выражает надежду на, по крайней мере, какое-то соответствие представлений врача об истерии реальному положению дел.

Брейер также не отрицает влияние сексуальных конфликтов на страдания невротиков. Однако Анна О., со всей привлекательностью своей молодости, милой беспомощностью и самим именем, – Берта, – по всей видимости, пробудила в Брейере все дремавшие эдиповы желания в отношении собственной матери, которую тоже звали Бертой и которая умерла совсем молодой – Йозефу было всего три года. В середине 90-х годов были моменты, когда Брейер объявлял себя сторонником сексуальных теорий Фрейда, но затем его снова одолевали сомнения, его «демон Но». В конце концов он отступил на более консервативные позиции. «Не так давно, – писал Фрейд Флиссу в 1895 году, – Брейер произнес обо мне длинную речь». Эта речь была адресована Венскому обществу врачей, и в ней Брейер назвал себя *новообращенным* сторонником сексуальной этиологии неврозов. «Когда же я лично поблагодарил его, он разрушил мою радость, сказав: «Я все равно в это не верю». Отречение озадачило Фрейда. «Ты это понимаешь? Я – нет».

Пятью годами позже почти в таком же недоумении Фрейд рассказывал Флиссу о пациентке, которую направил к нему Брейер и с которой в процессе психоанализа после нескольких серьезных разочарований его ждал удивительный успех. Когда она призналась в «необыкновенном улучшении» своего состояния Брейеру, тот хлопнул в ладоши и принялся взволнованно повторять: «Значит, в конечном счете он прав». Но Фрейд не был склонен радоваться этому запоздалому признанию, даже несмотря на то, что Брейер явно продемонстрировал веру в его метод, направив ему трудную пациентку. Он считал это «поклонением успеху». К тому времени Фрейд забыл об услугах, оказанных ему старым другом, и Брейера уже ничто не могло реабилитировать в его глазах. Более справедливую оценку Брейеру Фрейд смог дать лишь после того, как погрузился в самоанализ, когда утихли эмоциональные бури, а дружба с Флиссом начала ослабевать. «Долгое время я не презирал его, – говорил он Вильгельму в 1901 году. – Я чувствовал его силу». Показательно, что теперь, после нескольких лет самоанализа, Фрейд был готов к этому открытию. Однако, несмотря на всю свою силу, Брейер относился к случаю Анны О. как к чрезмерно ответственному и явно неприятному. «В то время я поклялся, – вспоминал он, – что больше не решусь на такое суровое испытание». Этот эпизод Брейер никогда не забудет, хотя никакой выгоды он ему не принес. Когда биограф Фрейда Фриц Виттельс написал, что со временем Брейер сумел избавиться от воспоминаний об Анне О., Фрейд оставил на полях книги едкое замечание: «Вздор!» Процесс психоанализа – это борьба с сопротивлениями, и неприятие Брейером глубинных, шокирующих истин, которые может открыть данный процесс, служит наглядным примером такого поведения. Флисс, необходимый друг Фрейда, оказался более восприимчивым.

Больные истерией, проекты и трудности

Фрейду приходилось бороться со своим сопротивлением, преодолевать его, но, судя по историям болезни, включенным в «Исследование истерии», он кое-чему научился у своих пациентов. Зигмунд Фрейд был усердным учеником, обладающим высокой степенью самосознания: в 1897 году в письме Флиссу он назвал пациентку, фрау Цецилию М., своей наставницей – Lehrmeisterin. Вне всяких сомнений, Цецилия М. – в действительности баронесса Анна фон Лейбен – была одной из самых интересных из его первых пациентов, и Фрейд, по всей видимости, уделял ей много времени. Он называл Цецилию М.

своим «главным клиентом», своей «примадонной». Богатая, умная, образованная, эмоциональная, принадлежащая к большому клану видных еврейских семейств Австрии, с которыми Фрейд близко сошелся, она много лет страдала от множества необычных и ставящих врачей в тупик симптомов – галлюцинаций, спазмов и странной особенности трансформировать обиды или критику в сильнейшую лицевую невралгию, в буквальном смысле «пощечины». Фрейд направил ее к Шарко и в 1889 году взял с собой в Нант, на стажировку к гипнотизеру Бернхейму. За много лет Цецилия М. многому его научила – относительно значения симптомов и методов лечения. «Наставниками» Фрейда были и другие его пациенты, страдающие истерией. Много лет спустя он будет с явным пренебрежением вспоминать о своих первых опытах психоанализа. «Я знаю, – писал Фрейд в 1924 году, вспоминая случай фрау Эмми фон Н., – что ныне ни один аналитик не сможет удержаться от сочувственной улыбки при чтении этой истории болезни». Это было слишком неделикатно и абсолютно анахронично. С точки зрения окончательно сформировавшейся техники психоанализа лечение, предлагавшееся Фрейдом Эмми фон Н. и другим пациентам, вне всяких сомнений, выглядело примитивным. Однако значение этих объектов для истории психоанализа определяется их способностью продемонстрировать Фрейду самые важные основополагающие принципы этой техники.

Случаи истерии, которые он лечил в те героические дни, отличались поразительным разнообразием конверсионных симптомов, то есть изменений либо утратой сенсорной или моторной функции, указывающей на физическое нарушение, которое, однако, не обнаруживается, – от болей в ногах до озноба и от подавленного состояния до повторяющихся галлюцинаций. Фрейд еще не был готов исключить из своих диагнозов элемент наследственности, эту тень «невропатии», но теперь предпочитал искать «ключи» к этим скрытым источникам странных недомоганий пациентов в старых травмах. Он приходил к убеждению, что тайны этих неврозов кроются в secrets d'alcôve[44], как называл их Брейер, – сексуальных конфликтах, не осознаваемых самими больными. По крайней мере, ему казалось, что именно об этом они ему рассказывают, хотя зачастую лишь самыми туманными намеками.

Умение слушать превратилось для Фрейда больше чем в искусство. Оно стало методом, главной дорогой к знанию, которую прокладывали для него пациенты. Одним из таких проводников, к которым Фрейд испытывал благодарность, была

баронесса Фанни Мозер, или Эмми фон Н., состоятельная вдова из среднего класса, которую Фрейд навещал в 1889 и 1890 годах и лечил с помощью гипноаналитического метода Брейера. Она страдала от нервного тика, нарушений речи и повторяющихся, вызывающих ужас галлюцинаций, в которых присутствовали дохлые крысы и извивающиеся змеи. В процессе лечения выявились травматические и чрезвычайно заинтересовавшие Фрейда воспоминания – маленькую кузину отправляют в сумасшедший дом, мать лежит на полу, пораженная апоплексическим ударом. Более того, Эмми фон Н. преподала своему врачу важный урок. Когда Фрейд настойчиво задавал ей вопросы, она стала раздражительной. «Вместо того чтобы расспрашивать ее, отчего возникло одно или другое, мне следовало бы выслушать то, что ей хочется рассказать», – писал Фрейд. Он уже понял, что, прерывая нудные и повторяющиеся рассказы, ничего не добьется, поэтому нужно выслушивать ее истории до конца, со всеми утомительными подробностями. Эмми фон Н., как в 1918 году признавался Фрейд своей дочери, научила его кое-чему еще: «Лечение посредством гипноза – бессмысленное и бесполезное занятие». Это был поворотный момент, побудивший его «создать более осмысленную психоаналитическую терапию». Фрейд относился к той категории врачей, которые превращают свои ошибки в источник открытий.

Позволив ему понять «бессмысленность и бесполезность» гипноза, Эмми фон Н. помогла Фрейду «освободиться» от Брейера. Здесь уместно будет напомнить, что в своей совместной статье «Предуведомление» они заявили, что «истерики страдают по большей части от воспоминаний». В начале 90-х годов XIX столетия Фрейд попытался выявить – по методу Брейера, посредством гипноза – значимые воспоминания, которым сопротивлялись пациенты. Картины, вызываемые таким образом в памяти, зачастую обладали эффектом катарсиса. Однако некоторые пациенты не поддавались гипнозу, и Фрейд склонялся к тому, что нецензурированный разговор является гораздо более действенным инструментом исследования. Постепенно отказываясь от гипноза, он не только превращал недостаток в достоинство; эта перемена готовила знаковый переход к новому способу лечения. Так создавался метод свободных ассоциаций.

Его блестящие результаты Фрейд мог оценить, анализируя историю фрейлейн Элизабет фон Р., которую пробовал гипнотизировать лишь непродолжительное время, на первом этапе лечения. Элизабет гиптоническому воздействию не поддавалась… История болезни этой пациентки, которая обратилась к нему осенью 1892 года, демонстрирует, как Фрейд

теперь систематически культивировал свой дар внимательного наблюдателя. Первым ключом к диагностированию причин невроза Элизабет фон Р. стало ее эротическое возбуждение, когда при осмотре он касался бедер женщины – пациентка жаловалась на боли в ногах. «На лице ее, – заметил Фрейд, – появлялось странное выражение, словно она испытывала скорее наслаждение, чем боль, она вскрикивала – как мне показалось, точно от сладкой щекотки, – лицо ее краснело, она откидывала голову, закрывала глаза, корпус ее отгибался назад». Она испытывала сексуальное наслаждение, которого лишала себя в сознательной жизни.

Но именно разговор, а не наблюдение, даже самое внимательное, помог вылечить пациентку. В процессе анализа – первого завершенного (!) анализа истерии, предпринятого им, Фрейд и Элизабет фон Р. «вычистили» пласты патогенного материала, как назвал это сам Фрейд. Это была процедура, которую они «часто и охотно сравнивали с приемами, используемыми при раскопках погребенного в земле города». Фрейд поощрял пациентку к свободным ассоциациям. Если она молчала, а на вопрос, о чем думает, отвечала: «Ни о чем», он отказывался принимать этот ответ. Тут проявлялся еще один важный психологический механизм, который демонстрировали ему склонные (или, скорее, не склонные) к сотрудничеству пациенты: Фрейд узнал о сопротивлении. Именно сопротивление заставляло Элизабет фон Р. молчать, а сознательное подавление памяти, полагал он, в первую очередь и вызывает наблюдающиеся у нее конверсионные симптомы. Единственный способ избавиться от страданий – выговориться.

Данный случай наполнил Фрейда идеями. Симптомы Элизабет фон Р. начали «также зависеть от слов»: они усиливались, когда их описывали, и ослабевали, когда пациентка заканчивала рассказ. Однако Фрейд усвоил и более сложный урок – лечение не похоже на мелодраматическое озарение. Одного подробного изложения редко бывало достаточно; травмы требовалось «перерабатывать». Последней компонентой, необходимой для выздоровления Элизабет фон Р., стала интерпретация ее свидетельств, которую предложил Фрейд и которой пациентка какое-то время сопротивлялась: она была влюблена в мужа своей сестры и подавляла грешную мысль о ее смерти… Признание этого аморального желания положило конец страданиям. «Весной 1894 года, – сообщал Фрейд, – я узнал, что она посетит домашний бал, на который я мог раздобыть приглашение, и решил не упустить случая посмотреть, как моя бывшая пациентка кружится в стремительном танце».

Впоследствии некто Илона Вейс, родившаяся в Будапеште в 1867 году, в разговоре с дочерью Элизабет фон Р. скептически отзывалась о роли Фрейда в избавлении ее матери от симптомов невроза. По словам фрау Вейс, Элизабет фон Р. описывала Фрейда как просто молодого бородатого специалиста по нервным болезням, к которому ее направили. «Он пытался убедить меня, что я влюблена в моего зятя, но это не соответствовало действительности». Тем не менее, отмечает дочь Элизабет фон Р., Фрейд в целом верно изложил семейную историю. Пациентка вполне могла, осознанно или нет, подавить интерпретацию доктора, относящуюся к ее проблемам. Или Фрейд мог увидеть неприемлемые страсти в ее свободном, ничем не сдерживаемом потоке красноречия. В любом случае его бывшая пациентка, имевшая диагноз «истерия» и часто испытывавшая сильную боль в ногах, когда она стояла или ходила, танцевала ночь напролет. Врач-исследователь Фрейд, сомневавшийся в перспективах своей медицинской карьеры, мог испытывать удовлетворение от ее вновь обретенной энергии.

К 1892 году, когда у Фрейда начала лечиться мисс Люси Р., он уже осознал, как важно его целенаправленное внимание. Самым навязчивым из симптомов этой пациентки, который удалось снять после девяти недель терапии, стал преследовавший ее запах подгоревшего пирога, ассоциировавшийся с подавленным состоянием. Вместо того чтобы минимизировать сию довольно необычную обонятельную галлюцинацию, Фрейд использовал ее для поиска источника болезни мисс Люси. Он начал понимать закономерности, которым подчиняется сознание, и образный язык симптомов: должна была существовать реальная и *достаточная* причина, почему конкретный запах связан с тем или иным настроением. Но данная связь, уже знал Фрейд, выявится только тогда, когда эта растерянная английская гувернантка извлечет из памяти нужные воспоминания. Однако сделать это она сможет только в том случае, если «отбросит недоверие», то есть позволит своим мыслям течь свободно, не контролируя их рациональными возражениями. Таким образом, Фрейд применил в работе с Люси Р. тот же прием, что и с Элизабет фон Р., – свободную ассоциацию. В то же время мисс Люси позволила ему понять, что люди совсем не хотят «отбрасывать недоверие». Они склонны отвергать свои ассоциации на том основании, что те тривиальные, иррациональные, повторяющиеся, неуместные или непристойные. В 90-х годах XIX столетия Фрейд оставался чрезвычайно активным, почти агрессивным слушателем. Он быстро и

скептически интерпретировал признания пациентов, нащупывая более глубокие уровни душевного расстройства. Впрочем, в арсенал его приемов уже входила внимательная пассивность психоаналитика, которую он впоследствии назовет свободно подвешенным, или свободно парящим, вниманием. Фрейд был очень многим обязан Элизабет фон Р., Люси Р. и другим больным истерией. К 1892 году у него уже наметились контуры техники психоанализа: пристальное наблюдение, быстрая интерпретация, не отягощенная гипнозом свободная ассоциация, переработка.

И тем не менее Фрейду предстояло усвоить еще один урок, к которому он будет возвращаться на протяжении всей своей карьеры. В милой сценке, регистрирующей нечто вроде психоанализа продолжительностью в один сеанс, он описывает случай Катарины, 18-летней деревенской девушки, которая обслуживала его в австрийском горном шале. «Не так давно, – писал Фрейд Флиссу в августе 1893 года, – я консультировал дочь владельца шале в Раксе; для меня это был превосходный случай». Узнав, что Фрейд врач, Катарина решилась признаться ему в симптомах невроза – стеснении дыхания, головокружениях, страхе задохнуться. Фрейд, который уехал в отпуск, желая отдохнуть от своих пациентов-неврастеников и встряхнуться, гуляя по горам в Раксе, вместо этого был вынужден вернуться к своей профессии. Похоже, от неврозов ему никуда не деться… Смирившись и заинтересовавшись, Фрейд стал расспрашивать девушку. Катарина призналась (по его словам), что, когда ей было 14 лет, дядя предпринял несколько грубых, но безуспешных попыток соблазнить ее, а приблизительно два года спустя она увидела его в постели со своей кузиной. Тогда-то и появились симптомы. Невинной и неопытной 14-летней девушке такое внимание взрослого родственника было неприятно, но лишь через два года, застав дядю с кузиной, она связала это внимание с сексуальными отношениями. Воспоминания вызвали у нее отвращение и стали причиной невроза тревоги, который дополнился истерией. Откровенный рассказ помог девушке высвободить свои чувства. Мрачное настроение сменилось здоровым оживлением, и Фрейд надеялся, что долгий разговор принесет Катарине пользу. «Больше я ее не видел», – пишет он Вильгельму.

Тем не менее Фрейд продолжал думать о ней: три десятилетия спустя он снабдил «Исследование истерии» примечанием, в котором открыто признал, что мужчина, пытавшийся совратить Катарину, был не дядей, а отцом. Фрейд оказался беспощаден, и если бы только к себе… Есть более приемлемые способы скрыть личность пациента: «Искажений,

подобных тому, к которому я прибег в данном случае, вообще не следовало бы допускать в истории болезни». Вне всяких сомнений, две цели психоанализа – облегчить состояние пациента и разработать теорию – обычно совместимы и взаимозависимы. Но иногда они сталкиваются: право больного на врачебную тайну может вступать в противоречие с научным требованием открытого обсуждения. С этой трудностью Фрейду еще предстоит столкнуться, причем не только в отношении пациентов. При самом непредвзятом психоанализе самого себя ему пришлось прибегнуть к болезненной и в то же время необходимой откровенности… Компромиссы, которые он придумывал, никогда в полной мере не удовлетворяли ни его, ни читателей.

Несмотря на имеющиеся проблемы, все эти случаи – «превосходные», по словам самого Фрейда, как история Катарины, и не очень – способствовали разработке и практических приемов, и теории: к 1895 году в «Исследовании истерии» и доверительных письмах Флиссу Фрейд постепенно продвигался к важным обобщениям. Мысленно собирая и систематизируя фрагменты громадной головоломки, он разрабатывал положения и терминологию психоанализа, которые к концу столетия станут каноническими. Фрейд обсуждал с Флиссом все свои теории, постоянно развивавшиеся и видоизменявшиеся, отсылал в Берлин целый поток историй болезни, афоризмов, сновидений, не говоря уж о «набросках» статей и монографий, в которых фиксировал свои находки и экспериментировал с различными идеями – о тревожном состоянии, о меланхолии, о паранойе. «Человек вроде меня, – писал Фрейд Флиссу через год после выхода в свет «Исследования истерии», – не может жить без игрушки, без поглощающей страсти, без – говоря словами Шиллера – тирана. Я обрел это. Служа ему, я не знаю пределов. Это психология». А нет ли тут еще и рисовки исследователя?

Каким бы требовательным ни был «тиран» Фрейда, он вторгался в мир и покой его дома, но не нарушал его. Личная жизнь Фрейда была до такой степени устоявшейся и безмятежной, до какой он это позволял. Осенью 1891 года Фрейды переехали в квартиру на Берггассе, 19. Новое жилье ничем особенным не отличалось, но, как скоро выяснилось, было расположено очень удобно. Этот дом оставался штаб-квартирой Фрейда на протяжении 47 лет. Занятый и увлеченный своей профессией, Зигмунд Фрейд не забывал о семье. В октябре 1895 года он устроил Матильде день рождения «на добрых 20

человек» – девочке исполнилось восемь лет, а также участвовал в других радостных семейных событиях. Когда весной 1896-го выходила замуж его сестра Роза, Фрейд назвал свою дочь Софи, кудрявую и с венком из незабудок на голове, которой было всего три года, самой красивой на церемонии бракосочетания. Фрейд явно гордился своими «цыплятами» и, если уж на то пошло, своей «наседкой» тоже.

Он никогда не забывал о «втором поколении». В своих письмах Фрейд прерывал поток серьезных гипотез или историй болезни новостями о своем потомстве. Он рассказывал Флиссу о забавных фразах Оливера: когда «восторженная» тетя спросила малыша, кем тот хочет стать, он ответил: «Пятилетним мальчиком, в феврале». Фрейд восхищался этим высказыванием и вообще своими детьми: «Они такие забавные путаники». С таким же радостным изумлением Зигмунд рассказывал Вильгельму о своей младшей дочери Анне, чья агрессивность в двухлетнем возрасте была несколько преждевременной. Он находил ее неотразимой: «Не так давно Аннерль жаловалась, что Матильда съела все яблоки, и потребовала, чтобы кто-нибудь разрезал ей живот (как в сказке о козленке). Ребенок очаровательно развивается». Что касается Софи, которой шел четвертый год, она, по словам Фрейда, стала настоящей красавицей, и можно надеяться, что такой и останется. Наверное, из всех детей больше всего удовольствия доставлял Фрейду Мартин, который очень рано начал писать стихи, называл себя поэтом и периодически страдал от приступов «безвредной *поэтической болезни*». В письмах Фрейда Флиссу встречается не меньше полудюжины детских творений Мартина. Первое приведено полностью:

> Мама говорит зайчику:
> Тебе еще больно глотать?[45]

Мартину в то время еще не исполнилось восьми. На следующий год он, заинтересовавшись лисой – этим умным, всегда добивающимся поставленной цели и поэтому самым популярным животным сказок и басен, – сочинил стихи о «соблазнении гуся лисицей». По версии Мартина, лисье признание в любви выглядит следующим образом:

> Я тебя люблю,
> всего-всего.
> Поцелуй меня!
> Из всех зверей
> Ты самый лучший[46].

«Правда, замечательная композиция?» – искренне радовался Фрейд.

Впрочем, удовольствие, которое доставляли Фрейду дети, было пронизано тревогой. «Малыши могут приносить много радости, – писал он, – если бы не такое количество страхов». Темой главного, почти рутинного драматического сериала в его дружной семье были непрерывные детские болезни – и обо всех непременно сообщалось Флиссу, тоже отцу маленьких детей. Как и в любой другой большой семье, дети Фрейда подхватывали инфекции от братьев и сестер. Фрейд воспринимал непрерывную череду желудочных расстройств, катаров и ветрянки с хладнокровием опытного отца. Или, как свидетельствуют многочисленные рассказы Флиссу, с родительской тревогой?

К счастью, хороших семейных новостей было больше, чем плохих. «Моя маленькая Аннерль выздоровела, – сообщал он в одном из писем, – и остальные зверушки, как им и положено, тоже растут и пасутся на травке». Финансовое положение также улучшалось – время от времени. Вынужденный долго экономить, Фрейд радовался периодам материального благополучия. В конце 1895 года он с удовлетворением отметил, что начинает сам устанавливать расценки. Так и должно быть, решительно заявлял он: «Невозможно обойтись без людей, которые обладают смелостью выдвигать новые идеи, прежде чем они могут их продемонстрировать». Однако и к концу столетия Фрейд не избавился от долгов. Даже став известным специалистом, он иногда обнаруживал, что его приемная пуста… В таких случаях Зигмунда Фрейда одолевали мрачные мысли о детях и их будущем.

Непременным участником семейной жизни Фрейда была его свояченица Минна Бернайс. В годы, когда он был помолвлен с Мартой, Фрейд писал Минне доверительные и эмоциональные письма, подписываясь «твой брат Сигизмунд», и называл ее «мое сокровище». В то время она тоже была обручена, с Игнацем Шенбергом, другом Фрейда. Но в 1886 году Шенберг умер от туберкулеза, и после его смерти Минна, по всей видимости, обрекла себя на одиночество. Она была грузной, широколицей, некрасивой и выглядела старше своей сестры Марты, хотя на самом деле была на четыре года младше. Всегда желанная гостья в доме на Берггассе, 19, в середине 90-х годов она окончательно там поселилась. Минна была умной, славилась язвительными замечаниями и могла следовать за полетом воображения Фрейда, по крайней мере отчасти. В первые годы разработки своей теории

он считал свояченицу наряду с Флиссом своим «ближайшим наперсником»[47]. Близкие отношения у них сохранились надолго. Несколько раз летом Зигмунд и Минна отдыхали на швейцарских курортах или посещали итальянские города – вдвоем[48]. И все это время она была настоящим членом семьи, помогала воспитывать детей зятя и сестры.

К середине 90-х годов XIX столетия семейная жизнь и – хотя в меньшей степени – медицинская практика Фрейда казались прочными и устоявшимися, однако его научные перспективы предсказать было сложно. Он публиковал статьи об истерии, навязчивых состояния, фобиях и неврозах страха – все в стиле донесений с передовых позиций психологии. Несмотря на уверенность, которую давали ему неизменная дружба и поддержка Флисса, Фрейда часто посещали приступы апатии, неразговорчивости и враждебности. Когда книга «Исследование истерии» встретила неоднозначный, насмешливый, но ни в коем случае не пренебрежительный прием знаменитого невролога Адольфа фон Штрюмпеля, Фрейд с преувеличенной чувствительностью воспринял этот отзыв как «мерзкий». Следует признать, что отзыв отличался несбалансированностью и некоторой небрежностью. Штрюмпель не знакомил читателей с историями болезней и неоправданно много места уделил вопросу использования гипноза для лечения истерии. Но в то же время он приветствовал книгу как «удовлетворительное доказательство» того, что восприятие истерии как по большей части психогенного явления постепенно завоевывает признание. Назвать такой отзыв niederträchtig[49] – значит продемонстрировать повышенную чувствительность к критике, которая у Фрейда грозила войти в привычку.

Напряжение проявлялось в приступах депрессии и кое-каких недомоганиях – некоторые из них были явно психосоматического характера. Два или три раза он мучился от респираторной инфекции, после чего с неохотой уступил требованию Флисса и отказался от своих любимых сигар. Запрещать сигары Вильгельму было очень легко: по мнению Зигмунда, единственным недостатком его друга было то, что он не курил. Сказать по правде, Фрейд долго не выдержал запрета и вскоре, проявив характерную для себя независимость, снова начал курить. «Я не следую твоему запрету относительно курения, – писал он Флиссу в ноябре 1893 года. – Не правда ли, не очень-то приятно влачить долгую несчастную жизнь?» Сигары ему были необходимы для работы. Тем не менее, даже когда Фрейд курил, периоды эйфории и короткие вспышки радости сменялись сомнениями и мрачным

настроением. Его состояние, как признавал сам Фрейд, характеризовалось «попеременно гордостью и счастьем, смущением и печалью». Письма к Флиссу отражали переменчивость его эмоций. «Мои послания необузданны, не правда ли?! – восклицал он в один из октябрьских дней 1895-го. – Две недели я был охвачен писательской лихорадкой, думал, что уже разгадал тайну, но теперь я знаю, что еще нет». Тем не менее, настаивал Фрейд, он не унывает.

И действительно, он не унывал. «А теперь слушай, – писал Фрейд Флиссу несколькими днями позже. – На прошлой неделе, работая ночью и дойдя до состояния, близкого к легкому помешательству, в котором мой мозг функционирует лучше всего, я вдруг почувствовал, что преграды раздвинулись, завесы упали, и я ясно различил все детали неврозов и понял состояние сознания». Но 11 дней спустя Фрейд уже не был так уверен. Он «смертельно устал», пережил один из приступов мигрени и сообщал: «…объяснение истерии и навязчивого невроза связкой удовольствие – страдание, объявленное с таким энтузиазмом, теперь мне кажется сомнительным». Он восстал против своего «тирана», психологии, признается Фрейд Флиссу, чувствовал себя переутомленным, раздраженным, растерянным, побежденным и разочарованным и задавался вопросом, зачем вообще надоедает другу своими идеями. Чего-то не хватало, полагал Фрейд. И продолжал работать. Симптомы, которые он отчаянно пытался понять, отчасти наблюдались и у него самого. Преследуемый периодическими головными болями, он прислал Флиссу записку о мигрени… Понятно, почему Фрейд жаждал поддержки.

Предприятием, пробудившим у Фрейда такие резкие перепады настроения, от ожидания славы до предчувствия провала, был амбициозный проект научной психологии, который он задумал в начале весны 1895 года. Фрейд планировал ни больше ни меньше как определить, какую форму примет теория психического функционирования, если, первое, ввести в нее количественные соображения, своего рода экономику нервной силы, и, второе, очистить нормальную психологию от психопатологии. Именно психология давно манила Зигмунда Фрейда – издалека.

«Психология для неврологов», как он в апреле назвал ее Флиссу, «терзала» его. «Последние недели я посвящаю этой работе каждую свободную минуту. С одиннадцати и до двух ночи я провожу время в фантазиях, постоянно истолковывая свои мысли, следуя смутным проблескам озарения», – писал он другу в мае. Фрейд был настолько переутомлен, что больше не мог

поддерживать интерес к своей повседневной практике. С другой стороны, страдавшие неврозом пациенты доставляли ему «огромное удовольствие», поскольку вносили существенный вклад в исследования: «Почти все подтверждается ежедневно, добавляется новое, и уверенность, что я ухватил суть, меня очень радует». В те годы Фрейд мог бы назвать себя человеком средних лет, однако он обладал свойственными молодому исследователю живостью, выносливостью, отвагой и гибкостью перед лицом то и дело возникающих трудностей.

Ему требовались вся его энергия и все умение сосредоточиваться. Каждая из двух научных целей – ввести количественный аспект и свести психопатологию к единой общей психологии – была далека. Вместе же они составляли утопию. В сентябре и начале октября 1895 года, после одного из «конгрессов» с Флиссом, Фрейд в творческом порыве изложил свою «Психологию для неврологов» на бумаге. 8 октября он отправил черновик другу для рецензии. Эта добровольно взятая на себя задача была нелегкой. Фрейд сравнивал свои исследования с утомительным восхождением, когда он, задыхаясь, покоряет один горный пик за другим. В ноябре он уже не понимал «…состояния ума, в котором я приступил к психологии». Его ощущения можно было сравнить с ощущениями первопроходца, все поставившего на кон – на многообещающую тропу, а она в конечном счете завела в тупик. Фрейд обнаружил, что результаты его лихорадочных исследований оказались неоднозначными и необоснованными. Он так и не дал себе труда закончить проект и намеренно игнорировал его в своих воспоминаниях. «Психология…» совсем не похожа на первый набросок теории психоанализа, однако идеи Фрейда – о мотивации, подавлении и сопротивлении, об «экономике» психики с ее противоборствующими силами и о человеке как желающем животном – в общем виде там уже присутствовали.

Намерение Фрейда, как он сам заявлял в начале своей объемной записки, состояло в том, чтобы «представить психологию, которая была бы естественной наукой: то есть представить психические процессы как количественно определяемые состояния особых материальных частиц и таким образом сделать эти процессы наглядными и целостными». Он хотел показать, как работает механизм нашего сознания, как получает и передает возбуждение, как управляет им. Пребывая в оптимистическом настроении, Фрейд писал Флиссу: «Все встало на свои места, все шестеренки пришли в зацепление, и показалось, что передо мной как будто машина, которая четко и

самостоятельно функционировала. Три системы нейронов, свободное и связанное состояния, первичные и вторичные процессы, основная тенденция нервной системы и тенденция к достижению компромиссов, два биологических закона – внимания и защиты, понятия о качестве, реальности и мысли, торможение, вызванное сексуальными причинами, и, наконец, факторы, от которых зависит как сознательная, так и бессознательная жизнь, – все это пришло к своей взаимосвязи и еще продолжает обретать связность. Естественно, я вне себя от радости!»

Механистические метафоры Фрейда и его техническая терминология – «нейроны», «количество», «биологические законы внимания и защиты» и прочее – были языком знакомого ему мира, медицинской практики в городской клинической больнице Вены. Его попытка включить психологию в ряд естественных наук на твердой основе неврологии соответствует стремлениям позитивистов, с которыми учился Фрейд и надежды и фантазии которых он теперь пытался воплотить в жизнь. Зигмунд Фрейд никогда не отказывался от своего желания найти научную психологию. В «Очерке психоанализа», последнем обзоре своей работы, который он писал в Лондоне в конце жизни и, подобно проекту, не закончил, Фрейд прямо заявил, что упор на бессознательное в психоанализе позволяет ему «занять свое место как естественная наука, подобно любой другой». В том же содержательном отрывке он предполагает, что в будущем психоаналитики смогут «посредством определенных химических веществ оказывать непосредственное влияние на количество энергии и ее распределение в мыслительном аппарате». Эта формулировка почти слово в слово повторяет программу 1895 года.

Проект Фрейда с полным основанием можно назвать ньютоновским. Он ньютоновский в своих попытках свести законы мышления к законам движения – некоторые психологи пытались это делать с середины XVIII века. Он ньютоновский также и в том, что ищет суждения, открытые для эмпирической проверки. Само признание своего невежества соответствует научному стилю Исаака Ньютона, его знаменитой философской скромности. Ньютон честно признавал, что природа гравитации остается для него тайной, но в то же время настаивал, что это не должно препятствовать ученому распознать ее силу и измерить ее действие. Придерживаясь такой же агностической точки зрения, Фрейд утверждал – в 1895-м и много позже, – что, даже несмотря на то, что психологи не понимают секреты психической энергии, они не должны отказываться от анализа своих работ и сведения их к законам. В 1920 году, заимствуя формулировки прямо у

Ньютона, Фрейд по-прежнему твердо заявлял: «…мы не чувствуем себя вправе делать даже какое-либо предположение по поводу процессов возбуждения в мозгу». Тем не менее он был уверен, что внутри этих тщательно очерченных ограничений мы можем многое понять в работе мозга.

Но трудности обескураживали. Некоторые из принципов, управляющих работой психического аппарата, казались Фрейду вполне ясными. Психикой управляет принцип постоянства, предписывающий освобождаться от дестабилизирующих раздражителей, которые вторгаются в нее снаружи или изнутри. Это принцип нейронной инерции. Другими словами, если использовать терминологию самого Фрейда, нейроны стремятся избавиться от «количества». Они это делают потому, что состояние неподвижности, покоя после бури, доставляет удовольствие, а человек ищет удовольствие или (что зачастую одно и то же) избегает боли. Однако одно лишь «бегство от раздражителей» не может определять всю психическую деятельность; принцип постоянства постоянно нарушался. Воспоминания, которые и тогда, и позже играли такую важную роль в теориях Фрейда, накапливаются в мозгу, хранящем раздражители. Более того, в поисках удовольствия мы пытаемся достичь его, воздействуя на реальный мир, – воспринимаем происходящее, осмысливаем и изменяем, чтобы он склонялся перед нашими настойчивыми желаниями. Поэтому научная психология, стремящаяся охватить всю психическую деятельность, должна объяснять память, восприятие, мышление и планирование, а не только удовлетворение от покоя после избавления от раздражителя.

Один из способов, которым Фрейд хотел оправдать разнообразие психической деятельности, был постулат о трех типах нейронов, предназначенных для восприятия раздражителей, для их передачи и для хранения содержимого сознания. Он выдвинул гипотезу, хотя не такую уж необычную, вместе с несколькими уважаемыми неврологами, но слишком серьезные требования к его схеме, особенно в части понимания природы и деятельности сознания, остановили Фрейда – точно так же, как останавливали его коллег трудности с другими подобными теориями. В любом случае мысли Фрейда, даже когда он писал свою «Психологию…», начали дрейфовать совсем в ином направлении. Он был на пороге открытия в психологии, но не для неврологов, а для психологов. Фрейд никогда не забывал о значении физиологической и биологической составляющей психики, но на несколько десятилетий они отошли у него на второй план, поскольку он исследовал область бессознательного

и его проявления через мысли и поступки – оговорки, шутки, соматику, защитные реакции и, самое интригующее, сны.

В ночь с 23 на 24 июля – скорее всего, как считал он сам, под утро – Фрейду приснился исторический сон. Он войдет в анналы психоаналитики как сон об инъекции Ирме. Через четыре с лишним года в «Толковании сновидений» Фрейд придаст ему исключительное значение, использовав как парадигму для своей теории сна в качестве способа исполнения желаний. В то время он упорно работал над проектом, но жил в приятной и расслабляющей обстановке – на вилле Бельвью в пригороде Вены, где часто проводил отпуск. Место и время были идеальными, причем не столько для снов – Зигмунд Фрейд видел их постоянно, в течение всего года, – сколько для спокойного осмысления сновидений. Это был, как впоследствии заметил Фрейд, первый сон, который он подверг подробному анализу. Тем не менее его старательный, дотошный и, вероятно, утомительный рассказ об этом анализе выглядит фрагментарным. Проследив корни каждого фрагмента сна в своем недавнем и далеком опыте, Фрейд останавливается: «Я не хочу утверждать, что полностью раскрыл смысл этого сновидения, что его толкование не имеет пробелов. Я мог бы еще долго им заниматься, извлекать из него дальнейшие объяснения и обсуждать новые загадки, которые оно задает. Мне даже известны места, откуда можно проследить за дальнейшими связями мыслей; однако различные опасения, возникающие при толковании любого своего сновидения, удерживают меня от этой работы». Кое-что, о чем Фрейд заявил публично, кажется ему не слишком заслуживающим внимания, поэтому откровенности в его толкованиях не больше, чем необходимо. Он открыто это признает: «Кто собирается упрекнуть меня за такую скрытность, пусть сам попробует быть более откровенным, чем я». И действительно, не много найдется людей, даже самых раскованных, которые согласятся столько рассказать о себе.

Любопытно, что письма Фрейда Флиссу, обычно неисчерпаемый источник сведений, лишь усиливают загадку этой избирательной откровенности. 24 июля, через несколько часов после своего эпохального сна, Фрейд отправил в Берлин необычно короткое сообщение своему другу, называя его (возможно, немного двусмысленно) своим «демоном» – судьбой, роком. Он удивлялся, почему Вильгельм не пишет, спрашивал, интересна ли еще ему его, Зигмунда, работа, интересовался его идеями, здоровьем, женой, а также размышлял, неужели их дружба крепка только в периоды несчастий. В духе обычной

товарищеской переписки он завершил свое послание немного нелогично, заметив, что они с семьей уютно устроились в Бельвью. Ни слова о сне об инъекции Ирме или о работе по его истолкованию, которая должна была занимать все мысли в тот день.

В августе Фрейд намекнул Флиссу, что после долгих умственных усилий ему удалось понять патологическую защиту, а вместе с ней многие важные психологические процессы. Это похоже на косвенную аллюзию к идеям, которые возникли в процессе анализа сна об инъекции Ирме. В начале сентября друзья встретились в Берлине и вполне могли обсуждать этот сон. Однако тот момент своего торжества Фрейд напомнил Флиссу лишь в июне 1900 года, почти пять лет спустя. Поделившись семейными новостями и поболтав о прелести поздней, насыщенной запахами цветов весны, он спросил: «Ты действительно веришь, что когда-нибудь на этом месте будет водружена мраморная доска со следующей надписью: «Здесь 24 июля 1895 года доктору Зигмунду Фрейду открылась тайна сновидения»?» Вопрос был риторическим, исполненным скептицизма.

Эта часто цитируемая фантазия исполнена глубокого смысла, свидетельствующего не только о жажде славы Фрейдом. Непринужденный тон, похоже, скрывает тонкий подход, запоздалый намек, что когда тем летним днем 1895 года он разгадывал свой сон, то был озабочен серьезными неприятностями у Флисса, который недавно ошибся во время операции. Шерлок Холмс понял бы, что молчание Фрейда – подобно молчанию собаки, которая не лает ночью, – имеет большое значение. Фрейд не рассказал ни Флиссу 24 июля 1895 года, ни читателям «Толкования сновидений», что сон об инъекции Ирме был тщательно сконструированным и невероятно сложным сценарием, предназначенным, по крайней мере отчасти, для того, чтобы спасти идеализированный им самим образ друга перед лицом изобличающих его в ошибке коллег. Более полное, лишенное этого защитного аспекта толкование сна, в отличие от опубликованного, ведет к, возможно, самому неприятному эпизоду в его жизни.

Сон об инъекции Ирме, который Фрейд вспомнил после того, как проснулся, подобно большинству его снов, был ярким и четким. На первый взгляд это смесь семейных новостей и профессиональных забот. В большом зале Фрейды принимают многочисленных гостей, и среди них есть Ирма – некая молодая дама, которую Фрейд лечил с помощью психоанализа. Он отводит женщину в сторону, чтобы спросить, согласилась ли она с его

решением, и говорит ей, обращаясь на «ты», что если она по-прежнему испытывает боли, то только по своей вине. Ирма отвечает, что боли в горле, желудке и во всем теле усилились. Ошеломленный, Фрейд осматривает Ирму и задается вопросом, не проглядел ли он какое-то соматическое заболевание. Он просит женщину показать горло, и после того, как Ирма нерешительно открывает рот, видит белое пятно и какие-то сморщенные образования, напоминающие носовую раковину – границу нижнего и среднего носовых ходов. Затем во сне появляются друзья Фрейда, врачи, причем каждый под другим именем: педиатр доктор Оскар Ри, лечивший детей Фрейда, Брейер, знаковая фигура в медицинских кругах Вены, а также Флисс в облике авторитетного специалиста, с которым у Фрейда самые лучшие отношения. Каким-то образом эти врачи – все, кроме Флисса! – оказываются виноватыми в непрекращающихся болях Ирмы. Фрейду снится, что его друг Отто – Оскар Ри – легкомысленно сделал ей инъекцию. «Препарата пропила… пропилена… – Фрейд запинается, – пропиленовой кислоты… триметиламина…» Кроме того, по всей вероятности, и шприц не был чист.

В описании, предваряющем это толкование, Фрейд раскрывает, что симптомы истерической тревожности Ирмы ослабли в процессе психоанализа, но соматические боли ее по-прежнему беспокоили. За день до этого Фрейд встретился с Ри, который (как показалось Фрейду) косвенно критиковал его за то, что он не сумел до конца вылечить Ирму. Стремясь оправдаться, Фрейд пересказал этот случай Брейеру. Он не дает себе труда говорить об этом, но совершенно очевидно, что, несмотря на натянутые отношения между ними, Брейер оставался для Фрейда авторитетом, суждение которого по-прежнему было для него ценным и критики которого он опасался.

Таким был фон, предложенный Фрейдом в качестве истоков сна, а также желания, искаженного и драматизированного сном. Он истолковывал сон, эпизод за эпизодом, диалог за диалогом: прием гостей напомнил замечание, сделанное женой в ожидании празднования ее дня рождения, химическое вещество триметиламин ассоциируется с теориями его друга Флисса о химии сексуальности, грязный шприц связан с гордостью тем, что *его* шприцы, когда он делает две ежедневные инъекции морфия престарелому пациенту, всегда чистые. По мере того как Фрейд прослеживал все эти связи, его мысли «ветвились» – ассоциаций становилось все больше. Они возвращались к трагическому случаю, когда прием лекарства, которое он прописал с самыми лучшими намерениями и в соответствии с авторитетным

источником, привел к смерти больного, к другому случаю, в котором его вмешательство подвергло пациента ненужному риску, а также к супруге, которая во время беременности страдала тромбозом вен и сейчас (хотя он прямо не сообщает об этом читателю) снова была беременна. Фрейд интерпретировал все или большинство этих воспоминаний как ассоциации, сосредоточенные на его компетентности как врача. Груз желаний, отражающихся во сне, заключался в том, чтобы страдания Ирмы воспринимались не как его вина, а как вина других. «В этом отношении я добросовестен». Довольно удобно, что во сне безответственным и ненадежным врачом был тот самый друг, который критиковал чувствительного Фрейда, поэтому он интерпретировал сон об инъекции Ирме как сон о мести и убеждении самого себя: если собрать вместе все его идеи, заключил он, то их можно обозначить следующим образом: «заботься о здоровье, собственном и чужом, и о врачебной добросовестности».

В своем оригинальном толковании Фрейд отметил несколько дополнительных тем, вплетенных в ткань этого сна, в том числе болезнь его старшей дочери Матильды, и в то же время постарался избегать других. Он уделил повышенное внимание тому, что его пациентка Ирма не желает должным образом открывать рот, и ничего не сказал о том, что его друг Отто использовал грязный шприц, – все это наводит знакомого с психоанализом читателя на мысли о сексуальных фантазиях Фрейда. Однако в толковании сна пропущено нечто более важное и менее заметное, поскольку интерпретация Фрейда содержит существенное смещение – врач, добросовестность которого он желает подтвердить своим сном, в большей степени Флисс, чем он сам.

Ключ к такому толкованию – составная личность самой Ирмы. Подобно большинству главных героев и героинь снов, этот персонаж был, как настаивал сам Фрейд, Sammelperson, то есть собирательным. Скорее всего, ее главные черты он позаимствовал у одной из своих любимых пациенток – молодой вдовы Анны Лихтгейм, единственной дочери его старого учителя древнееврейского языка Самуэля Хаммершлага. В то же время во многих отношениях – молодость, вдовство, истерия, лечение у Фрейда, знакомство с его семьей, а также, вероятно, симптомы физического характера – Анна Лихтгейм была очень похожа на другую его пациентку, Эмму Экштейн. Именно Эмма и была главным действующим лицом медицинской драмы, в которой роль злодеев сыграли и Фрейд, и в гораздо большей степени Флисс. В подсознании Фрейда, где и сформировался сон, фигуры

Анны Лихтгейм и Эммы Экштейн, по всей видимости, объединились и превратились в Ирму.

Кроме симптомов истерического беспокойства, Эмма Экштейн сильно страдала от болей и кровотечений из носа. Фрейд полагал, что последние имеют психогенный характер, но все-таки попросил Флисса обследовать пациентку, поскольку опасался, что в поисках корней психологических нарушений пропустил какое-либо физическое недомогание. В сне об инъекции Ирме он беспокоится именно о том, что поставил неверный диагноз. Флисс приехал в Вену и прооперировал Эмму, однако хирургическое вмешательство не принесло женщине облегчения: боли не исчезли, снова появились кровотечения и гнойные выделения. Встревоженный, Фрейд обратился к венским хирургам, и в письме от 8 марта 1895 года сообщил Флиссу о том, что случилось. Известный специалист и старый школьный друг Фрейда, Игнац Розанес, встретился с ним на квартире Эммы Экштейн. У нее шла кровь из носа и горла, очень силен был неприятный запах… Розанес очистил края раны, извлек липкие сгустки крови, потом вдруг потянул за нечто, похожее на нить, и продолжал тянуть. Прежде чем они с Фрейдом успели что-то сообразить, из полости носа было извлечено «…добрых полметра марли. В следующее мгновение потоком хлынула кровь, пациентка побледнела, глаза вылезли из орбит, пульс пропал». Розанес не растерялся – остановил кровотечение тампоном. Все продолжалось не больше полуминуты, но этого хватило, чтобы Эмма Экштейн стала, по словам Фрейда, «неузнаваемой». Конечно, он понял, что произошло… Им удалось предотвратить катастрофу. Фрейду стало дурно. Когда угроза миновала, он убежал в соседнюю комнату и стал жадно пить воду. Прийти в себя ему помогла рюмка коньяка.

Фрейд утверждал, что присутствия духа его лишила вовсе не кровь, а эмоциональное напряжение. Нетрудно догадаться, что это были за эмоции. Но даже в своем первом письме, написанном под влиянием этого неприятного случая, Фрейд стремился защитить Флисса от очевидных обвинений в небрежности и профессиональной некомпетентности, которые едва не привели к трагедии. «Мы были к ней несправедливы», – признался он. Возобновившиеся у Эммы Экштейн носовые кровотечения имели не истерический характер – они были вызваны «…куском марли с йодоформом, которая оторвалась, когда ты вытягивал ее, и оставалась там две недели». Фрейд брал вину на себя и оправдывал друга: не следовало просить Флисса делать операцию в чужом городе, где он не располагал возможностью вести послеоперационное наблюдение. «Ты сделал все, что мог», –

писал Фрейд Вильгельму. Промахи случаются даже у самых внимательных и удачливых хирургов. Совсем скоро защитный механизм такого рода психоаналитик Зигмунд Фрейд назовет отрицанием. Но время еще не пришло. Он процитировал Вильгельму другого специалиста, признававшегося, что нечто подобное однажды случилось и с ним, и в утешение прибавил: «Естественно, никто тебя не упрекает».

На самом деле, как сообщал Фрейд в письме, отправленном в начале апреля, один венский врач – отоларинголог, как и Флисс, – сказал ему, что обильное, периодически повторяющееся кровотечение было вызвано катастрофическим вмешательством Флисса, причем забытая марля – худшее, но не единственное последствие операции. Флисс, похоже, пришел в ужас. Фрейд пытался его успокоить: «Для меня ты всегда останешься целителем, образцом человека, которому смело можно доверить свою жизнь и жизнь своей семьи», независимо от мнения других специалистов. Однако он не удовлетворился тем, что выразил полное доверие к квалификации и внимательности Флисса, а переложил ответственность за катастрофу на Эмму Экштейн. В конце апреля в письме «дорогому магу» Фрейд называет пациентку, которая постепенно поправлялась, «моим и твоим инкубом». Год спустя он вернулся к этой теме и сообщил Флиссу о «довольно удивительном разрешении вопроса о кровотечениях Экштейн – которое доставит тебе большое удовольствие». Фрейд считал, что может доказать правоту Флисса и что «кровотечения у нее истерической природы и происходят по ее *желанию*». Он даже похвалил Вильгельма: «Твоя интуиция вновь не подвела».

Стало быть, кровотечения у Эммы Экштейн начинались по ее желанию. Тот факт, что с ней все должно быть «великолепно», лишь облегчил задачу Фрейда для поиска «железного» алиби для друга. Он тактично избегал неприятного вопроса, было ли решение Флисса оперировать разумным, а также не упоминал о куске марли, которую тот оставил в носу пациентки. Во всем была виновата Эмма. Ей явно нравились кровотечения, поскольку данный симптом демонстрировал, что ее многочисленные болезни настоящие, а не выдуманные, и это давало ей право на любовь окружающих. Для большей уверенности Фрейд привел некоторые клинические доказательства, что женщина, по всей видимости, на протяжении нескольких лет извлекала выгоду из своих кровотечений. Но это никак не реабилитировало Флисса, и уклончивость Фрейда очевидна. Вопрос не в том, вызывала ли неудобная пациентка свои болезни, чтобы чувствовать себя любимой, а в том, достоин ли ее неудачливый хирург той любви, в которой нуждался Фрейд. Даже если Ирма из сна Фрейда была

по большей части отражением Анны Лихтгейм, необыкновенное «клиническое» сходство двух женщин сделало неизбежным вторжение Эммы Экштейн в сон об инъекции Ирме. По свидетельству Фрейда, Флисс появляется в сновидении лишь мельком, что вызывает закономерное удивление: «Неужели этот друг, играющий в моей жизни столь важную роль, не будет присутствовать в мыслительной взаимосвязи сновидения?» На самом деле Флисс там присутствует. Сон об инъекции Ирме раскрывает, помимо всего прочего, стремление Фрейда утаить свои сомнения по поводу Флисса – не только от Флисса, но и от себя самого.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: Фрейд, пытающийся нащупать законы, которые управляют психикой, оправдывает виноватого и клевещет на невиновного ради сохранения необходимой для себя иллюзии. В последующие годы он убедительно покажет, что непоследовательность, какой бы неприятной она ни выглядела, – это неизбежный удел человека. Фрейд часто цитировал строку из стихотворения одного из своих любимых поэтов, швейцарца Конрада Фердинанда Мейера, о человеке со всеми его противоречиями. Зигмунд Фрейд пришел к признанию двойственности – тесного переплетения любви и ненависти, в тисках которой находится человеческая психика. Первые пациенты продемонстрировали ему, что люди могут одновременно знать и не знать. Они могут умом понимать то, что отказываются признавать чувства. Психоаналитическая практика давала неопровержимые клинические доказательства слов Шекспира о том, что желание – отец мысли. Чтобы справиться с неприятными последствиями, независимо от степени их навязчивости, люди чаще всего просто избегают этих мыслей. Так поступал и Фрейд весной и летом 1895 года.

Все это время и после Флисс оставался для него незаменимым «вторым «Я». «Посмотри, что происходит, – пишет ему Фрейд уже в 1899 году после одной из коротких встреч. – Я живу во мраке уныния, пока ты не приходишь; я браню себя, зажигаю свой дрожащий огонек от твоего ровно пылающего пламени, снова оживаю, и после твоего ухода я вновь обретаю возможность открыть глаза. То, что я вижу, – прекрасно и замечательно». Ни в Вене, ни где-либо еще не было человека, который мог бы оказать Фрейду такую услугу – даже его умная свояченица Минна Бернайс. Хотя Флисс, таким образом реализовывавший мечту Фрейда об идеальном слушателе, являлся отчасти творением самого Фрейда.

Одна из причин, по которым идеализированный портрет так долго сохранялся в неприкосновенности, состоит в том, что

Фрейду потребовалось несколько лет на распознавание и осмысление эротической составляющей своей зависимости. «Общество друга, особая – возможно, женственная – потребность, которую никто не может мне заменить», – однажды признался он Флиссу. Это было уже в конце их дружбы, в 1900-м. Год спустя Фрейд вернулся к этой теме, и в его сухой автобиографический комментарий уже закралась нотка упрека: «Однако я не разделяю твоего презрительного отношения к мужской дружбе, возможно, потому что сам в существенной мере нуждаюсь в ней. Как тебе хорошо известно, в моей жизни женщина никогда не выступала в роли товарища, друга». Фрейд писал это признание, когда отношения с Флиссом перестали быть такими близкими, и он мог позволить себе беспристрастный взгляд. В 1910 году, вспоминая об этой судьбоносной привязанности, он откровенно признался нескольким ближайшим ученикам, что его отношения с Флиссом содержали гомосексуальный элемент. Но в 1895-м и 1896-м Фрейд сражался со своими сомнениями относительно Флисса. Потребовалось еще пять лет или даже больше, чтобы освободиться от этого рабства.

Самоанализ

К концу весны 1896 года Эмма Экштейн в буквальном смысле слова исчезла из переписки Фрейда с Флиссом, хотя и не из его жизни[50]. Фрейда теперь занимали более важные проблемы: болтливые пациенты, профессиональная изоляция, головокружительные набеги на теоретическую психологию. «В целом, – сообщал он Флиссу в апреле 1896-го, – я очень хорошо продвигаюсь в психологии неврозов, и у меня есть все основания для удовлетворения». Месяц спустя Фрейд писал следующее: «Я тружусь над психологией, упорно и в одиночестве». Кроме того, он работал над монографией для престижного многотомного руководства Нотнагеля «Частная патология и терапия». Увлеченный разгадкой тайн неврозов, Фрейд писал свою часть по неврологии с крайней неохотой. «Я полностью увяз в детском параличе, который мне совсем неинтересен», – жаловался он Флиссу в конце 1895-го. Годом позже Фрейд презрительно назвал работу Нотнагеля отвратительной. Когда в начале 1897-го он опубликовал монографию «Детский церебральный паралич», то не оценил этот серьезный научный текст, на котором все остальные врачи с радостью строили свой авторитет[51].

Весной и летом 1896 года умирал отец Фрейда, и это волновало его гораздо больше, чем обязанности невролога, даже больше, чем неврозы. «Мой старый отец (81 год), – сообщал он

Флиссу в конце июня 1896-го, – находится в Бадене, курорте в получасе езды от Вены, в самом нестабильном состоянии, с сердечной недостаточностью, параличом мочевого пузыря и прочим». Все летние планы Фрейда, в том числе встреча с Флиссом, были поставлены под сомнение. «Я действительно уверен, – писал он Вильгельму двумя неделями позже, – что это его последние дни». Фрейд жаждал встретиться с Флиссом и «вновь зажить полной жизнью», но не отваживался отлучиться от постели больного. Неминуемая смерть отца его трогала, но не угнетала. Отец заслужил вечный покой, к которому стремится. «Он был, – прибавил Фрейд, говоря об отце, который еще дышал, в прошедшем времени, – интересным человеком, внутренне счастливым», и теперь угасал спокойно и с чувством собственного достоинства. В августе наступило временное улучшение, тлеющие угли жизни вспыхнули последний раз. Фрейд ненадолго уехал отдохнуть, но 23 октября его отец умер, «мужественно держась до конца, поскольку в целом отличался от обычного человека». Теперь было неподходящее время для трезвых критических оценок. Любовь к отцу заставила забыть человека, поднявшего шляпу из канавы и не сумевшего добиться успеха в Вене… Какое-то время Фрейд только гордился отцом.

Затем наступила неизбежная реакция на смерть близкого человека. Даже письма Фрейду давались с трудом. «Каким-то неясным образом, в обход формального сознания, – писал он Флиссу, благодаря за соболезнования, – смерть старика глубоко потрясла меня. Я высоко ценил его, очень хорошо понимал. Удивительным образом сочетая в себе глубокую мудрость с фантастической открытостью, он очень много значил в моей жизни». Смерть отца, прибавлял Фрейд, всколыхнула прошлое в глубинах его души. «Сейчас я чувствую себя совершенно убитым», – признавался он. Такую реакцию вряд ли можно назвать обычной для мужчины средних лет, размышляющего об уходе престарелого отца, который «…умер еще задолго до своей физической смерти». Скорбь Фрейда была исключительной по своей глубине. Исключительной она была и в другом отношении – в том, как он использовал ее для научных целей, дистанцировавшись от понесенной утраты и одновременно собирая материал для своих теорий.

Одно из явлений, которые наблюдал у себя Фрейд в эти печальные дни, он назвал виной выжившего[52]. Существование этого явления неожиданно подтвердилось несколько лет спустя, в 1904-м. Впервые посетив Грецию, он испытал странное чувство дереализации. Значит, Акрополь действительно существует, как об этом рассказывали в школе? А его присутствие здесь – не

слишком ли это хорошо, чтобы оказаться правдой? Гораздо позже, анализируя свои ощущения, которые долгое время не давали ему покоя, Фрейд свел их к чувству вины: он превзошел отца, а это как будто запрещено. В процессе самоанализа Зигмунд Фрейд сделал вывод, что побеждать в эдиповом соперничестве так же опасно, как и проигрывать. Понимание этого пришло в скорбные дни сразу после смерти отца, когда он преобразовал свои чувства в теорию. Утверждение, что Фрейд никогда не прерывал работу, имеет под собой основания.

Таким образом, смерть отца стала для Фрейда глубоким личным переживанием, из которого он вывел общие закономерности: это событие подобно своего рода брошенному в тихий пруд камню, от которого неожиданно разошлись большие круги. Размышляя над этим в 1908 году, в предисловии ко второму изданию своего «Толкования сновидений», Фрейд отметил, что для него книга имеет глубокое субъективное значение, которое он сумел понять лишь по ее окончании. Теперь он считал ее «…частью моего самоанализа, моей реакцией на смерть отца, то есть на самое значимое событие – ведущую к коренным изменениям утрату в жизни мужчины».

Переплетение автобиографии с наукой преследовало психоанализ с самого начала. В знаменитом высказывании Фрейда о беспрецедентном значении смерти отца умолчания не менее красноречивы, чем слова: неужели смерть матери для него действительно не так горька? Мать Фрейда, сдержанная и властная, скончалась в 1930 году в возрасте 95 лет, требуя внимания от своих детей, в том числе от первенца, самого любимого и самого талантливого. Не исключено, что именно долгая активная жизнь Амалии позволила ее сыну-психоаналитику избежать всех последствий эдипова соперничества, на которое тот обратил внимание в первую очередь. Для истории психоанализа очень важно, что Фрейд в значительной степени был «папиным» сыном. Его мечты и тревоги больше были связаны с отцом, а не с матерью, и он подсознательно стремился избежать анализа собственного неоднозначного отношения к ней.

В целом Зигмунд Фрейд осознавал специфический характер своих доказательств. Ему казалось странным, как оправдывался он в 1895 году, описывая случай Элизабет фон Р., что «истории болезни, которые я пишу, читаются как новеллы и, так сказать, лишены серьезного отпечатка научности». Фрейд утешал себя тем, что «эти результаты объясняются скорее сущностью предмета, чем моими пристрастиями». Однако обвинение в том,

что Фрейд склонен использовать свой пульс, чтобы угадать закономерности, таким простым утешением опровергнуть было невозможно. В 1901-м Флисс, возглавив армию сомневающихся, нападал на Фрейда, утверждая, что «читатель чужих мыслей на самом деле просто вкладывает свои идеи в головы других».

С тех самых пор жив аргумент, что Зигмунд Фрейд просто преобразовывал собственные психические травмы в так называемые законы сознания – причем необоснованно. Легко увидеть, как возникло это возражение и почему оно сохранилось. Многие из самых шокирующих идей основателя психоанализа основывались на признанных или скрытых автобиографических источниках. Фрейд без ограничений использовал в качестве свидетеля самого себя и сделал себя самым информативным из своих пациентов. В точных естественных науках подобная субъективность наблюдателя не представляет проблемы. Мотивы или неврозы физика либо биолога интересны только родственникам и друзьям, а также биографу. Истинность его выводов проверяется объективными тестами, повторением экспериментов или прослеживанием цепочки математических доказательств. В идеале для психологии следует применять такую же строгую процедуру. Для изучающего психоанализ значение должно иметь не то, был ли у Фрейда эдипов комплекс (или он его вообразил), а возможность подтвердить независимыми наблюдениями либо оригинальными экспериментами его утверждение о том, что через этот комплекс проходят все. Фрейд не считал, что его опыт автоматически применим ко всему человечеству. Он проверял собственные предположения на опыте пациентов, а впоследствии и с помощью литературы по психоанализу. Многие годы уходили у него на разработку, уточнение и исправление своих обобщений. Знаменитые истории болезни, которые описал Фрейд, ярко отражают его приверженность сочетанию индивидуального и общего – в каждой мы видим неповторимого пациента, который в то же время относится к определенной категории клинических случаев.

Таким образом, Фрейд признавал, что никто, в том числе он сам, не является «средним человеком». Однако при соблюдении должной осторожности, с учетом вариаций, которые делают каждого отдельного человека непохожим на других, основатель психоанализа был готов использовать свой собственный психологический опыт для понимания других людей. Настаивая на уважении тайны личной жизни и не склонный раскрывать свой внутренний мир незнакомым людям, Зигмунд Фрейд осознал необходимость отказаться от скрытности – ради науки. Он являлся просто еще одним источником данных. Фрейд

рассчитывал описать собственный случай исключительно на основе психоаналитических свидетельств и разъясняющей силы своих формулировок. Если он считал утрату отца самой серьезной из всех травм, которые он в состоянии перенести, то воздействие подобной трагедии должно отличаться – причем существенно – от такового у других людей, объятых скорбью. Тем не менее глубоко личный источник его взглядов не помешал Фрейду разработать теорию скорби, а также еще более широкую теорию о вездесущей семейной драме с ее необычайно разнообразной и в то же время по большей части предсказуемой схемой желаний, радостей, разочарований и утрат, во многом бессознательных.

Смерть отца, последовавшая в октябре 1896 года, дала Фрейду мощный импульс к превращению структуры, которую он начал создавать, в дело всей его жизни. Но перед тем как извлечь максимальную пользу из печальной утраты, он должен был исправить серьезный промах, который определял направление его мыслей в середине 90-х годов XIX столетия. Ему следовало избавиться от своей теории совращения – утверждения, что все неврозы являются результатом сексуального насилия над ребенком, совершенного братом, слугой или отцом[53]. Эта теория совращения во всей ее бескомпромиссности выглядит совершенно неправдоподобной. Принять ее и восторгаться ею мог только такой фантазер, как Флисс. Удивительно не то, что Фрейд отверг эту идею, а то, что он сначала согласился с ней.

И все-таки сия теория его явно привлекала. Всю жизнь теоретическое мышление Фрейда бесплодно металось между сложностью и простотой – это, как мы уже убедились, хорошо видно по описанным им историям болезни. Признанием сложности он отдавал должное удивительной противоречивости человеческого опыта, намного более богатого, чем могли предположить психологи, изучающие только сознание[54]. Одновременно Фрейд лелеял идеал простоты; целью своих научных исследований он считал сведение на первый взгляд разных психологических явлений к нескольким четко очерченным категориям. В своей клинической практике Фрейд наблюдал многое такое, что его венские коллеги находили неприличным и даже немыслимым: загадочные последствия гипноза, любовные заигрывания пациентов, снятие истерических симптомов разговорами, тайное действие сексуальности. В действительности он был готов поверить в вещи, еще более невероятные. Более того, в середине 90-х годов, все еще стремящийся к собственному вкладу в науку, который до сих пор ему не удавалось сделать,

Фрейд мог приветствовать теорию совращения в качестве удачного обобщения, объясняющего ряд заболеваний как результат действий одного рода – кровосмесительного совращения или изнасилования.

С учетом идеи Фрейда, что неврастения в значительной степени обусловлена сексуальными проблемами, до признания теории совращения правдоподобной оставался маленький логический шаг. Тем не менее этот шаг дался ему непросто. Истинный буржуа, Фрейд принял данную теорию лишь после того, как преодолел сильное внутреннее сопротивление. Некоторые его учителя и коллеги, которыми он восхищался, – Шарко, Брейер и Рудольф Хробак, известный венский гинеколог, открыто намекали, что нервные заболевания всегда связаны, как выражался Брейер, с secrets d'alcôve. Но Фрейд быстро «забыл» их мимолетные замечания или случаи из практики, которые они рассказывали в его присутствии. В начале 1886 года на приеме в клинике Шарко он случайно услышал, как тот со свойственной ему живостью рассуждает, что серьезное нервное заболевание молодой женщины связано с импотенцией ее мужа или его сексуальной неопытностью. В таких случаях, настаивал Шарко, все объясняется гениталиями: «Mais, dans des cas pareils c'est toujours la chose génitale, toujours… toujours… toujours»[55]. Годом позже Хробак направил к Фрейду интересную пациентку. Она страдала от приступов на первый взгляд необъяснимого страха, и Хробак с необычным для себя цинизмом приписал эти приступы половому бессилию ее мужа. От ее болезни, сказал он Фрейду, поможет лишь одно средство, но это предписание супруг не в состоянии исполнить: «Penis normalis. Dosim repeatur!»[56]

Столь смелые суждения, основанные на опыте, но никоим образом не интегрированные в общепризнанные объяснения психических заболеваний, молча жили в памяти Фрейда приблизительно до 1893 года, когда он был готов включить их в теорию неврозов. Мы знаем, что в записке, которую Фрейд отправил Флиссу в феврале 1893-го, он кратко объявил о желании заявить и проверить свою теорию о том, что «неврастения на самом деле может быть исключительно сексуальным неврозом». Естественно, в историях болезни, включенных в «Исследование истерии», Фрейд намекал, иногда довольно туманно, что проблемы его пациентов имеют сексуальное происхождение.

Размышляя о роли памяти в формировании нервных болезней, Зигмунд Фрейд считал ответственными за них психическую или физическую травму, полученную человеком в раннем возрасте. Он быстро терял интерес к «текущим» неврозам

– неврозам, вызванным сегодняшним, а не прошлым опытом. «Я уже открыл тебе великую клиническую тайну, устно или письменно? – спрашивал он Флисса в октябре 1895 года, когда все еще работал над своим проектом. – Истерия – следствие пережитого *сексуального страха* в досексуальный период. Невроз навязчивых состояний – следствие *сексуального удовольствия* в досексуальном возрасте, которое впоследствии трансформируется в *упреки* [самому себе]». К тому времени Фрейд уже был не удовлетворен расплывчатостью широких диагностических категорий, таких как неврастения, и начинал более точно классифицировать неврозы. Но его термин «досексуальный» указывает на то, что идея детской сексуальности еще не привлекла его внимание, хотя уже появилась на горизонте. «Досексуальный, – объяснял Фрейд Флиссу, – строго говоря, означает допубертатный; значимые события действуют только как *воспоминания*». Теперь эти значимые события, по мере того как их вспоминали пациенты, становились сексуальными травмами – результатом убеждения или грубого нападения? – пережитыми в детстве.

К 1896-му Фрейд был готов изложить эти идеи на бумаге. В статье о защитных нейропсихозах, написанной в начале этого года, он на основе 13 случаев заключал, что подобные травмы, оказавшиеся причиной истерии, «должны принадлежать к раннему детству (допубертатному периоду) и заключаться в реальном раздражении гениталий (действиях, напоминающих соитие)». Несмотря на то что у пациентов с навязчивыми неврозами сексуальная активность была преждевременной, у них также наблюдались симптомы истерии, а следовательно, в детском возрасте они тоже были жертвами. Выявленные психоанализом случаи из детства, отмечал Фрейд, всегда печальные, а иногда просто омерзительные. Среди злодеев преобладали няни, гувернантки и другие слуги, а также, к сожалению, преподаватели и «невинные» братья.

В том же году, 21 апреля, Фрейд читал доклад «Этиология истерии» в венском Обществе психиатрии и неврологии и изложил свою теорию совращения перед аудиторией избранных профессионалов. Все его слушатели были знатоками извилистых тропинок эротики. Председательствовал великий Рихард фон Крафт-Эбинг, один из основоположников сексуальной психопатологии. Лекция Фрейда была ярким, высокопрофессиональным спектаклем. Исследователь истерии, сказал он, похож на исследователя-путешественника среди развалин покинутого города, с остатками стен, фрагментами колонн, досок со стертыми и неразборчивыми письменами. Он

может откопать их, очистить, и если ему повезет, то камни заговорят – saxa loquuntur. Свое ораторское искусство Фрейд направил на то, чтобы убедить слушателей: они должны искать истоки истерии в сексуальном насилии над детьми. Все 18 пациентов, которых он лечил, отметил Фрейд, дают основания сделать этот вывод. Но его смесь красноречия и научной сдержанности была растрачена впустую. Доклад, писал он Флиссу несколько дней спустя, «был принят чрезвычайно холодно, а председательствовавший Крафт-Эбинг заметил: «Это смахивает на научную сказку». «И это после того, как им было продемонстрировано решение тысячелетней проблемы, истоки Нила!» – восклицал Фрейд. «Все они, – прибавил он, – мягко выражаясь, могут идти к черту – sie können mich alle gern haben». Похоже, Фрейд даже с Флиссом не давал себе воли.

Тот вечер основатель психоанализа не забудет никогда. Травмирующий осадок, который он после себя оставил, оказался основой для заниженных ожиданий, оправданием для пессимизма. Фрейд считал, что атмосфера вокруг него стала еще холоднее, а доклад, вне всяких сомнений, сделал его объектом остракизма. Как будто «все сговорились меня покинуть, – жаловался он Флиссу, – поскольку все вокруг уходит от меня». Фрейд утверждал, что невозмутимо переносит свою изоляцию, но его беспокоило отсутствие новых пациентов. Тем не менее он продолжал исследования и какое-то время принимал за истину пламенные признания больных. Как бы то ни было, Фрейд упорно учился слушать их, но постепенно овладевшие им дурные предчувствия стали непреодолимыми. В мае 1897 года ему приснился сон, что он испытывает «чрезмерно нежные чувства» к своей старшей дочери Матильде. Фрейд истолковал свое эротическое сновидение как желание найти «отца» в качестве причины невроза. Это, признался он Флиссу, погасило его «неутихающие сомнения» относительно теории совращения. Странная и неубедительная интерпретация, поскольку сон скорее усилил, чем ослабил беспокойство Фрейда. Он не домогался ни Матильды, ни других своих дочерей и прекрасно знал, что желание не тождественно действию. Более того, один из его научных принципов гласил, что желание видеть теорию подтвержденной вовсе не то же самое, что ее подтверждение. Однако в данный момент Фрейд воспринял сон как аргумент в пользу своей любимой теории.

Сомнения взяли верх летом и в начале осени 1897 года. Вернувшись в середине сентября из отпуска, «свежий, бодрый и обедневший», он, по большому секрету, признался Флиссу в том, что стало ему ясно в последние несколько месяцев: «Я больше не

верю в мою теорию неврозов», то есть в свое чрезмерно упрощенное объяснение их причины. Это письмо, написанное 21 сентября 1897 года, вероятно, самое откровенное из всей личной переписки Фрейда. Он убедительно и подробно излагает Флиссу, почему утратил веру в теорию совращения. Во-первых, это отсутствие полного успеха в лечении, на который он рассчитывал. Во-вторых, упрощенная схема противоречит здравому смыслу. Поскольку истерия была распространена довольно широко, не обойдя и семью Фрейда, из этого следовало, что «в извращенности можно обвинить всех отцов, включая моего собственного». Фрейд 90-х годов XIX столетия не был склонен идеализировать отца, как он идеализировал Флисса, но включить Якоба в число тех, кто домогается детей, казалось ему абсурдом. Более того, если домогательства отцов являются единственным источником истерии, то такое неподобающее поведение должно быть практически правилом, поскольку *реальных* случаев истерии явно меньше, чем *вероятных*. Ведь заболевают не все жертвы. «Такое широкое распространение насилия над детьми маловероятно», – писал он. Кроме того, совершенно очевидно, что «бессознательное не отличает реальность», и поэтому разграничить правду и эмоционально достоверный вымысел невозможно. Теперь Фрейд был готов применить урок принципиального скептицизма, усвоенный за годы клинической практики. «Откровения» его пациентов были – по крайней мере, отчасти – плодом их воображения.

Крах теории совращения не заставил Зигмунда Фрейда отказаться от веры в сексуальную этиологию неврозов или, если уж на то пошло, от убеждения, что по крайней мере некоторые невротики были жертвами сексуальных домогательств отцов. Как и другие врачи, он сталкивался с подобными случаями[57]. Показательно, что в 1897 году, почти через три месяца после того, как он отказался от теории совращения, Фрейд по-прежнему писал, что его «уверенность в отцовской этиологии существенно укрепилась». Меньше чем через две недели он снова пишет Флиссу – на сей раз о том, что одна из его пациенток рассказала жуткую историю, в которую он склонен верить: в возрасте двух лет она была жестоко изнасилована отцом, извращенцем, который должен был наносить жертве кровоточащие раны, чтобы получить сексуальное удовлетворение. Фрейд еще два года не мог решительно «порвать» со своей теорией, а публично признал перемену в собственных взглядах только через шесть лет. Даже в 1924 году, по прошествии почти трех десятилетий после того, как он отказался от виновато названного «…ошибкой, которую с тех пор я неоднократно признавал и исправлял», Фрейд настаивал,

что не все, написанное им в середине 90-х годов XIX века о сексуальных домогательствах к детям, заслуживает опровержения: «Совращение сохранило определенное значение для этиологии». Он прямо говорил, что две его первые пациентки, Катарина и фрейлейн Розалия Х., были жертвами домогательств отцов. Фрейд не собирался менять одну разновидность доверчивости на другую. Осознание того, что пациенты не всегда говорят ему правду, не означало, что он попал в ханжескую ловушку, утверждая, что благоразумные и чопорные буржуа не способны на отвратительную сексуальную агрессию. Фрейд отверг лишь теорию соблазнения как общее объяснение причины всех неврозов.

Это отречение открыло новую главу в истории психоанализа. Фрейд утверждал, что нисколько не расстроен, не растерян и не утомлен, и пророчески вопрошал: «Эти сомнения – лишь эпизод, который поможет дальнейшему проникновению вглубь?» Он признавал, что досадовал на утрату «ожидания неувядаемой славы». Оно было так приятно, как и надежда на «определенный достаток, полную независимость, возможность для путешествий, для воспитания детей без тех суровых лишений, в которых пропала моя молодость». Много лет спустя, вспоминая об этом поворотном пункте, Зигмунд Фрейд писал, что, когда теория совращения, «которая могла бы стать почти фатальной для зарождающегося психоанализа», рассыпалась под грузом ее неправдоподобия, наступила пора полной растерянности. «Мы утратили связь с реальностью…» Он был слишком увлечен и немного наивен.

Впрочем, смятение быстро прошло. В конце концов появилась мысль, что никому не следует отчаиваться из-за того, что он обманулся в своих ожиданиях. Это было типично для Фрейда. Осознав, что мир не похож на заботливую мать, душа которой до краев наполнена благами, предназначенными для нуждающихся чад, он принял этот мир. Если связь с реальностью была утрачена, значит, победила фантазия. Получается, Крафт-Эбинг был почти прав: то, что Фрейд рассказывал коллегам в тот апрельский вечер 1896 года, действительно было сказкой, а если точнее, собранием сказок, рассказанных ему пациентами. Но затем, поддерживаемый Флиссом, Фрейд понял, что в сказках спрятана правда. На освобождение от теории совращения он отреагировал тем, что начал намного серьезнее, чем раньше, относиться к сообщениям больных (и своим собственным), но не понимать их буквально. Фрейд стал читать их как закодированные послания – искаженные, цензурированные, умышленно замаскированные. Другими словами, он слушал с еще бо2льшим вниманием и

избирательностью, чем когда-либо прежде. Это было трудное и тревожное время, но впереди ждала награда. «Быть совершенно искренним к самому себе, – писал Фрейд, – полезный опыт». Теперь перед ним был открыт путь к систематическому самоанализу, признанию эдипова комплекса и неосознанных фантазий.

Может показаться, что самоанализ содержит в себе противоречие, однако рискованное начинание Зигмунда Фрейда стало желанной основой мифологии этого метода. По мнению психоаналитиков, Фрейд приступил к самоанализу в середине 90-х годов и систематически занимался им с конца весны или начала лета 1897-го. Сей героический поступок, вызывавший восхищение и слабые попытки имитации, но так никем и не повторенный, стал основополагающим актом психоанализа. «В наши дни даже трудно себе представить, сколь важным было это достижение, – писал Эрнест Джонс. – Всем первопроходцам знакомы трудности, с которыми приходится сталкиваться при достижении заветной цели. Однако данный подвиг уникален, так как Фрейд был первым в исследовании глубин бессознательного».

Сам Фрейд оказался менее категоричен. Нам известно, что он рассматривал «Толкование сновидений» как часть самоанализа, а его письма к Флиссу изобилуют описаниями успехов и препятствий на пути непрерывного и безжалостного исследования себя. «Мой самоанализ прерван, – писал он другу в ноябре 1897 года. – И я теперь понял причину этого. Дело в том, что я могу анализировать самого себя, лишь пользуясь объективно полученными знаниями (как если бы я был посторонним)». Вывод безрадостен: «Подлинный самоанализ в действительности невозможен, иначе больше не было бы заболеваний». Тем не менее Фрейд позволил себе определенную непоследовательность, объяснить которую может лишь беспрецедентный характер его работы. В том же письме, в котором декларировалась невозможность подлинного самоанализа, он вспоминает, как перед летним отпуском говорил Флиссу: «Главный пациент, который меня занимает, – это я сам», а после путешествия внезапно начался самоанализ, которого прежде не было и следа. Позже Фрейд станет защищать самоанализ как способ для психоаналитика распознать и таким образом нейтрализовать собственные комплексы. Однако в то же время он будет настаивать, что психоанализ, проведенный другим, является гораздо более эффективным путем самопознания[58]. Любопытно, что Зигмунд Фрейд не приравнивал изучение самого себя к полному самоанализу. В своем известном труде «Психопатология

обыденной жизни» он скромно отзывается о своих действиях, называя их самонаблюдением. В 1898 году, оглядываясь назад, Фрейд вспоминает: «…на сорок третьем году жизни начал уделять внимание остаткам воспоминаний моего детства». Это звучит менее строго, менее возвышенно и явно менее внушительно, чем «самоанализ».

Колебания Фрейда и его скромная многоречивость вполне уместны. Психоанализ, каким бы односторонним он ни был, – это всегда диалог. Психоаналитик, по большей части молчаливый партнер, предлагает толкования, до которых пациент предположительно не смог бы дойти сам. Если бы он мог это сделать, как утверждал Фрейд, то не было бы никаких неврозов. В то время как пациент, раздуваясь от гордости или придавленный чувством вины, искажает мир и свое место в нем, психоаналитик не хвалит его и ничего не комментирует, а лишь кратко отмечает, что рассказанное позволяет выработать терапевтический взгляд на реальность. И, вероятно, еще более важным – и невозможным при самоанализе – является тот факт, что психоаналитик, относительно анонимный, внимательный и пассивный, предлагает себя в качестве экрана, на который проецируются все страсти пациента, любовь и ненависть, привязанность и враждебность, надежды и тревоги. Этот перенос, от которого в значительной степени зависит лечебное воздействие процесса психоанализа, по определению является взаимодействием двух человеческих существ. Трудно представить, как при самоанализе можно воспроизвести регрессивную атмосферу, которую своим невидимым присутствием создает психоаналитик, а также его тон и долгое молчание… Другими словами, психоаналитик становится для пациента тем, кем стал для Фрейда Флисс, – вторым «Я». Как мог Фрейд, каким бы смелым или оригинальным он ни был, стать своим вторым «Я»?

В любом случае в конце 90-х годов XIX столетия Фрейд подверг себя самому тщательному самоанализу – всесторонней, глубокой и непрерывной переписи своих фрагментарных воспоминаний, тайных желаний и эмоций. Из дразнящих обрывков и кусочков он реконструировал фрагменты забытого детства и с помощью таких глубоко личных реконструкций, соединенных с его клиническим опытом, пытался очертить контуры человеческой личности. Для такой работы у него не было ни прецедента, ни учителей. Приходилось самому изобретать правила, прямо в процессе. По сравнению с анализировавшим самого себя Фрейдом большинство авторов подробных автобиографий, от святого Антония до Жан-Жака Руссо, независимо от глубины их догадок и искренности откровений,

выглядят необыкновенно сдержанными. Об этом говорит и гипербола Эрнеста Джонса. Однако некоторые важные подробности самоанализа Фрейда остаются неясными. Вне всяких сомнений, он занимался самоанализом ежедневно, но посвящал ли Фрейд этому свободное время по вечерам или перерывы между приемом пациентов? А может, он погружался в глубокие, зачастую пугающие размышления во время послеобеденной прогулки, которую предпринимал, чтобы отдохнуть от обязанностей профессионального слушателя и купить сигары?

Это все, что мы знаем. Метод, который Зигмунд Фрейд использовал для самоанализа, был свободной ассоциацией, а материал, на который он в основном опирался, предоставлялся снами[59]. Впрочем, снами Фрейд не ограничивался. Он также собирал воспоминания, оговорки и описки, забывание стихотворных строк, имен пациентов и позволил этим подсказкам вести себя от идеи к идее через «обычные окольные пути» свободной ассоциации. Однако самым надежным и самым богатым источником спрятанной информации были его сны. В середине 90-х годов Фрейд объяснял суть неврозов своих пациентов, интерпретируя их сны, и полагал: «только благодаря этим успехам я и смог выстоять». Он продолжал самоанализ. «Вскоре он показался мне необходимым, я изучил ряд своих сновидений, позволивших мне восстановить в памяти все обстоятельства моего детства». Среди всего сонма окружающих загадок, говорил он Флиссу, самым прочным источником ему кажется прозрение сна. Неудивительно, что его самоанализ формировал те самые сны, которые Фрейд затем истолковывал. Ему снилось, что «старый Брюкке» дал ему странное задание – препарировать нижнюю часть своего собственного тела, и он объяснил это отсылкой к самоанализу, который был связан с сообщением сновидений и раскрытием детских сексуальных ощущений.

Письма Фрейда Флиссу демонстрируют, что это был тяжелый труд, приносящий как радости, так и разочарования. «Нечто во мне зреет и бурлит», – писал он в мае 1897 года. Оставалось лишь ждать нового всплеска. Но озарения не приходят по команде. В середине июня Фрейд признался, что разленился, пребывает в интеллектуальном застое и ведет растительную летнюю жизнь: «С последнего всплеска ничего не забурлило и ничего не изменилось». Однако он предчувствовал, что должно произойти нечто важное. «Думаю, – писал Фрейд четыре дня спустя, – что сейчас я пребываю в коконе, и только Богу известно, что за существо из него выйдет». Зная по своим пациентам о сопротивлении, теперь он испытывал его на собственном опыте.

«Я до сих пор не знаю, что происходило у меня внутри, – признавался Фрейд другу в начале июля. – Нечто из глубочайших глубин моего невроза затрудняло какой-либо прогресс в понимании неврозов, и неким образом ты также был во всем этом замешан». Тот факт, что Флисс оказался косвенным образом связан с трудностями Фрейда, делал эту паузу еще более неприятной. Далее он пишет: «…уже несколько дней мне кажется, что тьма скоро рассеется. Я замечаю, что тем временем добился значительного прогресса в моей работе; на самом деле меня временами посещают озарения». Фрейд, всегда учитывающий влияние окружающей среды на мышление, считал, что этому временному параличу способствовали летняя жара и переутомление. Тем не менее его поддерживало убеждение, что если он будет ждать и продолжать анализ, то таящийся в глубинах материал всплывет на поверхность его сознания.

Эта уверенность в себе была непрочной. «После первоначального прилива веселья, – писал Фрейд в августе с курорта Аусзе, – я теперь наслаждаюсь периодом плохого настроения». Он старался справиться со своей незначительной истерией, очень осложнившейся вследствие работы, но остальной самоанализ приостановился. Фрейд признавал, что этот анализ идет как никогда трудно, однако выражал уверенность, что его следует довести до конца. Это была важная часть его работы. Фрейд оказался прав – его самоанализ был необходимой стадией на пути создания теории мышления. Постепенно сопротивление ослабевало. В конце сентября, вернувшись из отпуска, он написал Флиссу свое знаменитое письмо, в котором объявлял, что больше не верит в теорию совращения. К октябрю Фрейд сумел преодолеть пьянящую смесь самопознания и теоретической ясности. «За последние четыре дня самоанализ, – сообщал он Флиссу, – который я считаю обязательным для прояснения всей проблемы, продолжается во сне и дал мне весьма ценные объяснения и подсказки». Именно в это время он вспомнил няню-католичку, которая была у него в детстве, образ обнаженной матери, желание смерти младшему брату и другие вытесненные в подсознание эпизоды детства. Они были не совсем точными, но в качестве фантазий служили незаменимыми указателями на пути к самопознанию.

Вспышки сопротивления приводили к коротким и болезненным перерывам в работе. Затем приходили новые воспоминания, новые идеи. У Фрейда было такое чувство (как он красочно описывал в конце октября), словно его насильно тащат через все прошлое, и при этом мысли быстро зацепляются друг за друга: «Настроения меняются, как пейзажи перед пассажиром

поезда». Его практика была «безнадежно мала», и поэтому он мог жить «только для «внутренней» работы». Фрейд цитировал «Фауста» Гёте, чтобы передать свое психологическое состояние: любимые тени появлялись подобно старому, полустертому мифу, принося с собой дружбу и первую любовь, «а также первые страхи и неприятности. Многие печальные секреты жизни возвращались к своим корням; многие предметы гордости и привилегии понимали скромность своего происхождения». Бывали дни, как выражался Фрейд, через которые он буквально волок себя, не умея разгадать смысл сна или фантазии, но они сменялись «… днями, когда вспышка молнии освещала связи и позволяла мне понять давно минувшее как подготовку к настоящему». Все это казалось ему не только невероятно трудным, но и чрезвычайно неприятным. Почти каждый день самоанализ становился причиной нечистых желаний и дискредитирующих поступков. И все же Фрейд радовался, последовательно избавляясь от иллюзий о себе самом. Невозможно передать, писал он Флиссу в начале октября 1897 года, саму идею интеллектуальной красоты работы. Интеллектуальная красота… Зигмунд Фрейд всегда получал эстетическое удовольствие от изящества своих находок и формулировок.

Наконец все стало на свои места. Фрейд понял, что извлеченные из памяти чувство любви к матери и чувство ревности к отцу были чем-то бо2льшим, чем личная идиосинкразия. Скорее всего, писал он Флиссу, эдиповы взаимоотношения ребенка с родителями есть универсальный феномен раннего детства, который может объяснить удивительную власть «Царя Эдипа» и, возможно, «Гамлета». Эти дни отмечены и другими пугающими открытиями: подсознательное чувство вины, стадии сексуального развития, причинная связь между внутренними – «эндопсихическими» – мифами и религиозными верованиями, «семейная любовь», в которой у многих детей возникают грандиозные фантазии относительно родителей, разоблачительная природа оговорок и ошибочных действий, сила смещенных в подсознание агрессивных чувств и (он никогда об этом не забывал) сложные механизмы формирования снов. Фрейд даже нашел психологическое объяснение наркотической зависимости: это вытесненная мастурбация – идея имела для него, с его непреодолимой тягой к сигарам, особое значение.

Несмотря на череду озарений, которая пришлась в основном на период с осени 1897 до осени 1898 года, его периодически преследовали моменты творческого кризиса и разочарования.

Неожиданно Фрейд, признававшийся, что плохо переносит вино – «даже капля алкоголя делает меня абсолютно бестолковым», – нашел в нем утешение. Он искал «силу в бутылке бароло», призывал на помощь «друга марсалу» и объявлял вино добрым товарищем. Стакан или два позволяли ему чувствовать бо2льший оптимизм, чем в состоянии, когда он был абсолютно трезвым, но не могли надолго приглушить сомнения. Кроме того, писал Фрейд Флиссу, он опасался пристраститься к очередной вредной привычке. Временами, признавался он, «…я чувствую себя истощенным, мои внутренние источники почти иссякли, исчезла всякая восприимчивость. Я не хочу писать тебе об этом слишком подробно, чтобы не походить на жалующегося нытика».

К счастью, дети, которые росли у него на глазах, по-прежнему доставляли Фрейду радость, и он сообщал Флиссу о беспокоящей его диарее Софи, об умных замечаниях Оливера или о скарлатине Эрнста. «Аннерль превосходно развивается; она похожа на Мартина, и внешне, и характером», – пишет он в одном из своих отчетов. «Стихи Мартина, исполненные самоиронии, чрезвычайно занимательны». Не забывал Фрейд и об интересе Флисса к материалу, который мог свидетельствовать в пользу его биоритмических циклов. Старшая дочь Матильда быстро взрослела, и в июне 1899 года Фрейд сообщил Флиссу – с требуемой точностью – о том, что у нее начались менструации: «25 июня Матильда стала женщиной, немного преждевременно». Однако напряженная работа над книгой о сновидениях часто становилась причиной его мрачного расположения духа. Фрейд не мог понять, то ли он стареет (ему было чуть за сорок), то ли все дело в колебаниях настроения. Приступы хандры периодически повторялись, но были короткими. Фрейд привык к ним и научился просто ждать их окончания. Ему по-прежнему был нужен Флисс в качестве аудитории, и, к его величайшему удовольствию, друг продолжал оставаться его вторым «Я», лучшим критиком и читателем. Фрейд признавал, что работать совсем без публики не может, но заявлял, что ему достаточно аудитории из одного человека, достаточно, как он говорил Флиссу, «писать только для тебя».

Тем не менее зависимость от Вильгельма скоро начнет ослабевать. Одно из преимуществ самоанализа заключалось в том, что он обнажал запутанные корни веры в своего «демона» из Берлина и таким образом ускорял освобождение от второго «Я». Фрейд продолжал делиться мыслями с Флиссом, отправлял ему главы из книги о сновидениях и спрашивал совета относительно стиля и защиты врачебной тайны пациентов. Он даже позволил Флиссу наложить вето на «сентиментальный» эпиграф из Гёте.

Подчинение редакторской правке Флисса обошлось ему еще дороже: по его настоянию Фрейд неохотно удалил из текста важное сновидение. «Превосходный сон и отсутствие нескромности, – с сожалением написал он, – несовместимы друг с другом» – и продолжал оплакивать потерю. Как бы то ни было, упорная работа над его главным произведением подходила к концу. «Время созревания скоро закончится», – сказал Фрейд Флиссу в июле 1898 года. В данном случае он имел в виду Иду Флисс, жену друга, которая скоро должна была родить, но в этой фразе явно чувствуется намек на его собственное состояние, на длительный период вынашивания творческих идей. Флисс, повивальная бабка психоанализа, сделал свое дело и скоро сможет уйти.

Фрейд не просто избавился от Флисса, потому что перестал в нем нуждаться. С того момента, когда он наконец увидел истинные контуры мышления Флисса, его скрытый мистицизм и навязчивую преданность нумерологии, а также тот факт, что убеждения, которые Вильгельм страстно защищал, безнадежно несовместимы с его убеждениями, их дружба была обречена. В начале августа 1900 года Фрейд встретился с Флиссом в Ахензе неподалеку от Инсбрука, идиллическом месте, предназначенном для летнего отдыха. Они серьезно поссорились. Каждый метил в самое чувствительное и самое охраняемое место другого – в ценность, значимость его работы. Это был их последний «конгресс», их последняя встреча. Какое-то время они продолжали обмениваться посланиями, но все реже и реже. Летом 1901-го Фрейд в своем письме еще раз с благодарностью перечислил все, чем обязан Флиссу, но прямо заявил, что они разошлись и что в личном и профессиональном плане он «… достиг пределов своей проницательности». Вильгельм Флисс сыграл выдающуюся роль в истории психоанализа, однако в то, как развивался этот метод после 1900 года, его вклад пренебрежимо мал.

Глава третья
Психоанализ

Судьбоносный термин «психоанализ» Зигмунд Фрейд впервые использовал в 1896 году, сначала на французском языке, а затем и на немецком. Однако он уже некоторое время двигался в направлении психоанализа, ведь знаменитая кушетка, подарок благодарной пациентки, стояла в кабинете Фрейда с сентября 1891-го, когда семья переехала в квартиру на Берггассе, 19[60]. Как мы видели, под влиянием Брейера Фрейд сначала перешел от гипноза к «лечению» катарсисом и постепенно адаптировал методы старшего друга, пока к середине 90-х годов не занялся психоанализом. Некоторые самые необычные идеи Фрейда уходят корнями в исследования и клинические наблюдения начала 90-х годов. Он разрабатывал их сначала неспешно, а с 1897-го, основываясь на результатах самоанализа, в постепенно убыстрявшемся темпе. Такие мысли встречаются в нескольких опубликованных статьях, а также в письмах к Флиссу. На протяжении более 30 лет Фрейд будет работать со своей картой психики, совершенствовать технику психоанализа, перерабатывать теории внутренних импульсов и женской сексуальности, вторгаться в такие области, как история искусства, качественная антропология, психология религии и критика культуры. Однако к моменту выхода в свет книги «Толкование сновидений» – в конце 1899 года – принципы психоанализа были уже сформулированы. «Три очерка по теории сексуальности», опубликованные в 1905-м, стали вторым основополагающим трудом, развивающим эти принципы, но первой была именно книга о сновидениях, которую Фрейд считал ключом к своей работе. «Толкование сновидений, – решительно заявлял он, – это королевская дорога к знаниям бессознательной активности ума».

Тайна сновидений

Книга Фрейда «Толкование сновидений» рассказывает не только о снах. Это автобиография, одновременно откровенная и осторожная, дразнящая не только тем, что открывает, но и тем, о чем умалчивает. Даже первое издание, более краткое, чем последующие, содержит обзор фундаментальных идей психоанализа – эдипов комплекс, механизм подавления, борьба между желанием и защитой, а также богатый материал,

почерпнутый из историй болезни. Кроме того, книга дает яркие зарисовки медицинского сообщества Вены с характерным соперничеством и погоней за статусом и зараженной антисемитизмом атмосферы австрийского общества после нескольких десятилетий либерализма. Открывается работа обширным обзором литературы о сновидениях, а в седьмой главе – очень сложной – излагается всеобъемлющая теория психических процессов. Другими словами, жанр главного труда Фрейда точно определить невозможно.

Аргументация книги – это образец ясности, хотя сам автор, внимательно следивший за литературным стилем, высказывал сомнения относительно своей манеры изложения. В предисловии ко второму изданию «Толкования сновидений» Фрейд признает, что это трудная для прочтения книга. В процессе работы его мнение менялось. «Я глубоко увлечен книгой о снах и пишу ее без труда», – сообщил он Флиссу в начале февраля 1898 года, а по прошествии нескольких недель написал, что работа о снах, из которой готовы уже несколько глав, кажется ему многообещающей, однако в мае называл главу, которую в то время читал Флисс, стилистически все еще довольно грубой – «… в некоторых местах плохо», то есть безжизненно изложенной.

По мере приближения публикации «Толкования сновидений» сомнения Фрейда не исчезали. Работа доставляла ему «огромные мучения», и он боялся, что в книге это проявится, даже несмотря на то, что сам материал снов неоспорим. «Что мне не нравится, – заметил он в сентябре 1899 года, когда вычитывал гранки, – так это стиль, который совершенно не способен найти благородное, простое выражение и скатывается до игривой и образной многоречивости». Свое разочарование Фрейд выразил в шутке, позаимствованной из немецкого сатирического еженедельника Simplicissimus, который он регулярно и с удовольствием читал: «Разговор двух военных. «Ну, приятель, ты теперь помолвлен. Должно быть, невеста очаровательна, красива, умна и грациозна?» – «Дело вкуса. Лично мне не нравится». Именно в такой ситуации я теперь пребываю». Преследуемый своим «сильным чувством формы», своим «отношением к красоте как форме совершенства», он опасался: «…сложные предложения моей книги о снах, неуклюжие и туманные, серьезно оскорбляют внутренний идеал», и сетовал на несовершенство материала.

Он на самом деле очень волновался. Загадочный эпиграф из седьмой книги «Энеиды» Вергилия, который Фрейд выбрал после того, как позволил Флиссу наложить вето на «сентиментальные» строки Гёте, тонко намекает, что он нервничал и был готов рассердиться. Собственная интерпретация им фразы Flectere si

nequeo Superos, Acheronta movebo[61] была достаточно прямолинейной: строка кратко формулирует его основной тезис, что желания, отвергаемые «высшими властями психики», находят убежище «в подземном мире сознания (подсознании)», чтобы добиться своей цели[62]. Однако резкий тон этих слов, сказанных разгневанной Юноной после того, как другие боги Олимпа отказались удовлетворить ее желание, намекает на нечто большее. Этот тон как нельзя лучше соответствует настроению Фрейда. В сентябре 1899 года, читая гранки, он предсказывал Флиссу яростный протест, настоящую грозу по поводу «чепухи и глупости», которые сам же и написал: «Тогда мне действительно достанется от них!» Книга о сновидениях оставила высшие силы Вены – медицинские и административные – равнодушными. Лишенные воображения ученые и клиницисты, которые называли идеи Фрейда волшебными сказками, и ограниченные бюрократы, отказывавшие ему в профессорском звании, не могли быть обращены в его веру. Но это не имело значения: он все равно поднял против них силы ада.

Недовольство Фрейда своей манерой изложения было таким же неоправданным, как и ожидание грозы. Он – как это часто случалось – снова оказался не самым справедливым судьей своей работы. Не подлежит сомнению, что архитектура книги явно растянутая, а структура довольно рыхлая из-за обилия материала, добавлявшегося в каждом новом издании. В первых четырех главах Фрейд довольно быстро излагает свою теорию сновидений, отвлекаясь только на примеры и их толкование, но затем темп замедляется. Автор уже позволяет себе роскошь многословия, подробно излагая разновидности сновидений и прослеживая их путь от непосредственного появления до отдаленных причин. Шестая глава, посвященная «работе сновидения», в последующих изданиях была дополнена и по объему стала почти такой же, как первые пять глав. Заключительная, седьмая глава – знаменитая «философская» – получилась строгой, в высшей степени специальной. И при всем этом цельность изложения и элегантность доказательств остаются непревзойденными.

Фрейд искусно использовал стилистическую тактику для передачи своих идей: примеры сновидений усиливают аргументацию, предвосхищение возражений разоружает критиков, а разговорная манера и литературные аллюзии облегчают задачу читателям. Он свободно цитировал Софокла и Шекспира, Гёте и Гейне, Моцарта и Оффенбаха, а также популярные песни. Его собственная удачная метафора превращает «Толкование сновидений» из архитектурного

сооружения в экскурсию с гидом: «В результате возникла фантазия о прогулке. Сначала темный лес авторов (которые не видят деревьев), где нет перспектив и легко заблудиться. Потом узкая ложбина, по которой я веду читателя, – мой пример сновидения с его особенностями, деталями, нескромностями, плохими шутками, а затем вдруг возвышенность, красивый вид и запрос: «Пожалуйста, куда изволите пойти?» Несмотря на жалобы по поводу «разбитых поверхностей» текста и все свои сомнения, Фрейд приглашал читателей довериться ему как гиду.

«Толкование сновидений» он начинает дерзкой демонстрацией уверенности: «На последующих страницах я постараюсь привести доказательство того, что имеется психологическая техника, позволяющая толковать сновидения, и что при использовании этого метода любое сновидение предстает полным смысла психическим образованием, которое в надлежащем месте может быть включено в душевную деятельность в состоянии бодрствования». Фрейд не только утверждал, что сновидения имеют смысл, поддающийся толкованию, но и настаивал на том, что интерпретация возможна лишь при условии следования по начертанному им пути. Он предупреждал читателей, что собирается сделать важные заявления.

Фрейд подчеркивал эти заявления тем, что терпеливо и тщательно сделал обзор литературы о сновидениях: философские трактаты и монографии по психологии, древние и современные. В феврале 1898 года, приступив к скучной работе по изучению трудов своих предшественников, посвященных сновидениям, он с горечью жаловался Флиссу на эту обязательную, но внушающую страх обязанность: «Как жаль, что мне тоже приходится все это читать! Литературы немного, но она уже вызывает у меня сильное отвращение». Библиографическое исследование он считал ужасным наказанием. Более того, по прошествии нескольких месяцев Зигмунд Фрейд обнаружил, что прочитать предстоит гораздо больше, чем ему представлялось. В августе 1988 года, когда часть книги уже была в печати, он все еще жаловался. Тем не менее Фрейд понимал, что вводная глава является щитом для остальных, и не пожелал вручать «ученым» – он презрительно заключил это слово в кавычки – «топор для убийства бедной книги». В этой главе прогулка по темному лесу авторов служила для демонстрации необыкновенной бедности существующих теорий снов. Для каждого тезиса, сетовал Фрейд, можно найти опровержение. При этом труды некоторых исследователей он оценил высоко. Немецкий ученый Ф.В. Хильдебрандт описал основы «работы сновидения» в своей книге «Сон и его

использование в жизни», опубликованной в 1875 году; французский архивист, этнограф и историк магии Альфред Мори выполнил несколько блестящих экспериментов, о которых сообщил в вышедшем в 1878-м труде «Сон и сновидение»; многословный, но наделенный богатым воображением профессор философии Карл Альберт Шернер, основные интересы которого лежали в области эстетики, заинтересовался значением символов и опубликовал свои находки в монографии «Жизнь снов», увидевшей свет в 1861-м. Фрейд благородно признавал, что эти и другие авторы сумели почувствовать истину. Но никто не осознал ее до конца. Значит, необходимо все начать сначала.

Именно поэтому вторая глава, в которой Фрейд приступил к изложению метода толкования сновидений, снабжена примером сна – сна об инъекции Ирме. Однако прежде чем подробно описывать метод, автор с некоторым озорством объявил о сходстве своих открытий с народными суевериями. В конце концов, все современные исследователи, за исключением неудобочитаемого Шернера, считали сны недостойными серьезной интерпретации; такого рода толкование оставлялось «мнению обычных людей», необразованным массам, которые смутно догадывались, что сны представляют собой вполне читаемые послания.

Действительно послания, соглашался Фрейд, но не те, которых ждет публика. Они не раскрывают свой смысл обычному методу, когда каждой детали сновидения приписывается единственное, строго определенное символическое значение или когда сон воспринимается как тайнопись, которая должна быть расшифрована при помощи простого ключа. Фрейд решительно объявляет о непригодности обоих популярных методов толкования сновидения. Вместо них он рекомендует катарсический метод Брейера, модифицированный и усовершенствованный собственной практикой: пациент должен насладиться свободной ассоциацией, отказаться от привычной рациональной критики мысленных блужданий (воспринятых мыслительных образований), признать свой сон тем, чем он является на самом деле, – симптомом. Рассматривая каждый элемент сна по отдельности (как в старом методе расшифровки, таким образом применяемом для научных целей) и используя его как исходный пункт для свободной ассоциации, пациент или его психоаналитик в конечном счете раскроют смысл сновидения. Фрейд утверждал, что при помощи этого метода истолковал больше 100 снов, своих и чужих, и вывел один общий закон: «Сновидение есть исполнение желания».

Эта формулировка немедленно вызывает вопрос, который

Фрейд обсуждает в самой короткой главе книги. Исполнение желания – универсальная закономерность сновидений или просто подходящее толкование сна об инъекции Ирме? Предлагая обширный перечень примеров, он настаивает, что это, несмотря на свидетельства об обратном, справедливо для всех сновидений. Каждое кажущееся исключение из этого правила при подробном рассмотрении оказывалось очередным подтверждением. Все они были небольшими вариациями простой темы[63].

Один из первых снов, подсказавших Фрейду этот закон, предшествовал сну об инъекции Ирме, опередив его почти на пять месяцев. Этот любопытный и довольно простой «связанный с инертностью» сон – Bequemlichkeitstraum – приснился молодому интеллигентному врачу, который в действительности был племянником Брейера. Скрытый в «Толковании сновидений» под именем Пепи, он предстает человеком, который любит поспать. Однажды утром, когда хозяйка квартиры пытается разбудить его, окликая через открытую дверь, Пепи снится, что он уже находится в больнице и поэтому вставать не нужно. Он поворачивается на другой бок и продолжает спать. Фрейд предвидел возражения, что во многих снах нет никаких признаков исполнения желания. Они могут отражать или вызывать тревогу, а также развиваться по нейтральному, абсолютно лишенному эмоций сценарию. Почему такие неприятные или нейтральные сны следует считать примерами исполнения желаний? И почему им нужно скрывать свой смысл? «В научной работе, – отмечает Фрейд, – когда решить проблему сразу не удается, зачастую бывает полезно привлечь вторую проблему, подобно тому как два ореха проще расколоть друг о друга, чем каждый из них по отдельности». Причина заключается в искажении, которое является важным ключом к той работе, которую неосознанно выполняет человек во сне.

В качестве подготовки к объяснению искажения Фрейд проводит границу между явным и скрытым содержанием сновидений. Первое представляет собой то, что человек видит во сне и более или менее отчетливо вспоминает, когда проснется. Второе, скрытое содержание, глубоко запрятано. Если оно и проявляется, то в крайне завуалированной форме и требует расшифровки. Исключение составляют сны детей, которые парадоксальным образом сочетают простоту и информативность: «Сновидения маленьких детей часто представляют собой простодушные исполнения желаний» – и поэтому «не задают никаких загадок», однако «бесценны для доказательства того, что сновидение, по своей сути, означает исполнение желания». В

подобных сновидениях запрещенная конфета оказывается съеденной, а обещанная прогулка уже совершенной. Они практически не требуют толкования. В качестве примера Фрейд приводит сны своих маленьких сыновей и дочерей; в одном случае Анна, будущий психоаналитик, даже названа по имени. Однажды утром у девочки, которой было 19 месяцев, началась рвота, после чего ее весь день не кормили. Следующей ночью родители услышали, как она возбужденно вскрикивает во сне и называет себя, как делала каждый раз, когда хотела выразить вступление во владение: «Анна Ф(р)ейд, земляника, клубника, яи(ч)ница, каша». «Список блюд, – отметил Фрейд, – охватывал, наверное, все, что казалось ей самой желанной едой».

Однако у взрослых лицемерие становится второй натурой: вежливость в повседневной жизни и цензура в прессе – вот примеры, которым следуют люди во сне, когда скрывают свои желания за внешне невинными и практически непроницаемыми масками. Другими словами, явное содержание сновидения – это то, чему внутренний цензор разрешает всплыть на поверхность сознания: «То есть мы можем предположить, что создателями образов сновидения являются две психические силы (течения, системы) индивида, из которых одна формирует выраженное с помощью сна желание, тогда как другая осуществляет цензуру и посредством этой цензуры вынуждает к искажению этого выражения». Признание того факта, что сновидение имеет как явное, так и скрытое содержание, позволяет аналитику добраться до конфликтов, которые выражает и одновременно скрывает сон.

Как правило, эти конфликты возникают между внутренними импульсами, стремящимися к удовлетворению, и защитой, отвергающей их. При этом сновидение может отражать и противостояние иного рода: друг с другом сталкиваются разные желания. В 1909 году во второе издание «Толкования сновидений» Фрейд, вероятно в ответ на критику своей теории, добавил характерный пример такого подсознательного конфликта; у его пациентов, выказывавших ему сопротивление, появлялись сновидения, в которых желание не осуществляется. Эти сны о противоположных желаниях, как он их называет, отражают желание, чтобы психоаналитик оказался не прав. Тем не менее пациенты не заставили Фрейда сомневаться в своей правоте; даже неприятный сон, который выглядит убедительным опровержением его теории, на самом деле таковым не является. Этот сон отражает желание, возникшее в подсознании, но отвергнутое остальной частью психики, поэтому явное содержание увиденного во сне пропитано тревогой[64]. Так маленький мальчик подавляет сексуальное желание по

отношению к матери как абсолютно неприемлемое, но оно сохраняется в подсознании и проявляется тем или иным образом, возможно в виде неприятного сна. В данном случае Фрейд предлагает не отступление от своей первоначальной формулировки, а ее расширение: «Сновидение – это (замаскированное) исполнение (подавленного, вытесненного) желания».

Удовлетворившись усложнением своего первого общего положения, Зигмунд Фрейд оставил в стороне тему исполнения желаний, вернулся назад и выбрал новый исходный пункт для своих «блужданий по проблемам сновидения». Теперь он обратился к типичным материалам снов и их источникам. Подготовив себе путь посредством разграничения явного и скрытого содержания снов, он стал доказывать, что эти два аспекта, несмотря на исполненную смысла связь, все-таки существенно различаются. Сон неизбежно основан на недавних событиях, но в процессе толкования обнаруживается связь с далеким прошлым. Независимо от сюжета, простого или затейливого, он указывает на очень важные для человека проблемы. «Индифферентных возбудителей сновидения, а значит, и безобидных снов не существует», – решительно и даже немного грозно заключает Фрейд.

Одной из его пациенток приснилось, что она ставит свечу в подсвечник, но свеча сломана и плохо стоит. Школьные подруги называют девушку неловкой, но учитель говорит, что это не ее вина. В мире Фрейда падающая свеча вызывает ассоциацию с вялым пенисом. В настоящее время подобное сравнение привычно, но в то время, когда он опубликовал этот и другие похожие сны, эротические толкования оскорбляли и шокировали сопротивляющуюся публику, считавшую их признаком непристойной мономании. Фрейд истолковывает этот сон, нисколько не смущаясь, причем называет его символику прозрачной. Ведь «свеча – это предмет, который может возбуждать женские гениталии; если она сломана, а потому плохо стоит, то это означает импотенцию мужа». Когда Фрейд спросил, каким образом эта молодая женщина, хорошо воспитанная и чуждая всему предосудительному, узнала о подобном переносе значения свечи, она вспомнила, как однажды каталась с мужем на лодке по Рейну и мимо проплыла другая лодка, в которой сидели студенты и с упоением пели вульгарную песню: «Когда шведская королева за закрытыми ставнями со свечой Аполлона…» Последнее слово – «мастурбировала» – она не поняла, и муж ей все объяснил. Свободная ассоциация повела от «закрытых

ставней» в непристойных стихах к неловкой ситуации, когда-то пережитой этой пациенткой еще во время пребывания в пансионе и теперь использовавшейся во сне, чтобы облечь сексуальные мысли в одежды пристойности. А что же «Аполлон»? Это было название торговой марки свечей, которая связывала данный сон с другим, приснившимся ранее, – там речь шла о «девственной» Палладе. «Все далеко не так безобидно», – снова повторяет Фрейд.

Как бы то ни было, непосредственные возбудители сновидения в общем случае достаточно безобидны. В каждом сне, утверждает Фрейд, «можно выявить связь с переживаниями предыдущего дня. Какое бы сновидение я ни брал – свое собственное или чужое, каждый раз этот мой опыт получал подкрепление». Эти «дневные впечатления», как он их называет, зачастую обеспечивают кратчайший путь к толкованию сна. Возьмем, к примеру, короткий сон Фрейда о монографии по ботанике. Перед ним лежит иллюстрированная книга, написанная им самим, причем к каждому экземпляру приложено засушенное растение. Возбудителем этого сновидения была монография о цикламенах, которую Фрейд накануне утром видел в витрине книжного магазина. Тем не менее почти каждый сон черпает свои важные ингредиенты в детстве человека.

Предыдущие исследователи, такие как Мори, уже отмечали, что детские впечатления могут прокладывать себе путь в явное содержание снов взрослых. Повторяющиеся сны, впервые увиденные в детстве и возвращающиеся по прошествии многих лет, чтобы преследовать человека по ночам, являются еще одним свидетельством ловких проделок нашей памяти. Однако Фрейда по-настоящему интересовали только детский материал снов, скрытое содержание, которое могло быть выявлено лишь при помощи толкования сновидения. Причем интересовали настолько, что он посвятил этому целый раздел книги, иллюстрируя своими снами, снабженными подробными и в высшей степени интимными откровениями автобиографического характера. Фрейд был готов на собственном примере продемонстрировать, что человек «обнаруживает в сновидении ребенка, продолжающего жить своими импульсами». Именно на этих страницах он признается в своих амбициях, во всех болезненных подробностях, и рассказывает о бродячем поэте с Пратера, который предсказал ему великое политическое будущее. Здесь же Зигмунд Фрейд открывает свое давнее, мучительное и несбывшееся желание побывать в Риме.

Один из самых нескромных автобиографических снов,

которые Фрейд проанализировал в «Толковании сновидений», – это часто цитируемый сон о графе Туне. В своем анализе Фрейд соединил подробный рассказ о событиях предшествующего дня, которые стали возбудителем сна, с еще более подробным толкованием. Дневные впечатления, послужившие основой для сна о графе Туне, показывают нам Фрейда в чрезвычайно несдержанном, почти агрессивном настроении. На Западном вокзале Вены, собираясь отправиться в отпуск в Аусзе, он встречает графа Туна, реакционного австрийского политика, который короткое время занимал должность премьер-министра, чрезвычайно надменного, и ему в голову приходят «смелые революционные мысли». Фрейд напевает арию главного героя из первого акта «Свадьбы Фигаро», в которой простолюдин отважно бросает вызов графу, а затем вспоминает об искрометной комедии Бомарше, послужившей основой для либретто Да Понте к опере Моцарта. Фрейд видел этот спектакль в Париже и очень к месту вспомнил о противостоянии Фигаро важному господину, который лишь потрудился родиться на свет, а кроме этого, похоже, не имел никаких достоинств[65].

Это был политик Фрейд, буржуа с либеральными взглядами, считавший себя не ниже любого графа. Однако при раскрытии движущих сил, стоящих за сном о графе Туне, когда он прослеживал сложные цепочки ассоциаций, Фрейд пришел к давно забытым эпизодам из детства. Они не имели такого яркого политического оттенка, как непосредственные возбудители сна, но составляли часть фундамента, на котором зиждились его политические убеждения, исполненные чувства собственного достоинства. Самым важным из этих эпизодов, о котором уже упоминалось, был случай, когда Фрейд в возрасте семи или восьми лет справил нужду в спальне родителей, и отец сказал, что из него ничего не выйдет. «Видимо, это было страшным ударом по моему самолюбию, – замечает Фрейд, – ибо намеки на эту сцену постоянно проявляются в моих снах и, как правило, связаны с перечислением моих успехов и достижений, словно я хочу этим сказать: «Видишь, из меня все-таки кое-что вышло».

Не каждый значимый источник сна нуждается в том, чтобы его прослеживали до самого детства. Сон о монографии по ботанике вызвал у Фрейда мысли о жене, которой он слишком редко покупал цветы, о собственной монографии, посвященной коке, о недавнем разговоре со своим другом доктором Кенигштайном, о сновидении об инъекции Ирме, о его амбициях как ученого, а также об одном дне много лет назад (ему было пять, а сестре еще не исполнилось трех), когда отец отдал им на растерзание книгу с цветными таблицами – эта радостная

картина была единственной сохранившейся в его памяти с тех лет.

Охотясь в буйных джунглях детского опыта, Зигмунд Фрейд вернулся с удивительными трофеями. И ни один из них не был таким удивительным – или таким противоречивым? – как эдипов комплекс. Впервые эту важную идею он высказал Флиссу осенью 1897 года. Теперь, в «Толковании сновидений», Фрейд уточняет ее, хотя не использует название, под которым она вошла в историю психоанализа. Вошла и стала там главной. Он вводит эту идею, достаточно логично, в разделе типичных сновидений, среди которых серьезного комментария требует сон о смерти любимых людей. Соперничество братьев и сестер, напряженные отношения между матерями и дочерями или между отцами и сыновьями, желание смерти члену семьи – все это выглядит безнравственным и неестественным. Подобные отношения оскорбляют высоко ценимые официальные добродетели, но, как сухо констатирует Фрейд, их существование ни для кого не является секретом. Во всех этих тайных конфликтах присутствует эдипов комплекс, воплощенный в мифах, трагедиях и снах не меньше, чем в повседневной жизни. Он вытеснен в подсознание, но от этого стал еще более весомым. Эдипов комплекс, как впоследствии выразился Фрейд, есть «ядерный комплекс» неврозов. Однако, и он настаивал на этом с самого начала, «влюбленность в одного из родителей и ненависть к другому» не является монополией невротиков. Это жребий, хотя и незавидный, всех нормальных людей.

Первые формулировки эдипова комплекса, предложенные Фрейдом, были относительно простыми. Впоследствии он значительно усложнил их. Несмотря на то что идея комплекса вскоре вызвала серьезную полемику, уверенность Фрейда в ней постоянно усиливалась: он рассматривал ее как объяснение источников неврозов, как поворотный пункт в истории развития ребенка, как индикатор дифференциации полового созревания мужчины и женщины и даже – в «Тотеме и табу» – как глубокий мотив для возникновения цивилизации и самого человеческого сознания. Однако в «Толковании сновидений», несмотря на то что более широкие последствия лежат на поверхности, эдипово противостояние играет намного более скромную роль. Объясняя эти жестокие сны о смерти супругов или родителей, оно предоставляет доказательства теории о сновидениях как о сбывшихся желаниях. Кроме того, оно помогает объяснить, почему сновидения принимают такую странную форму; люди – все без исключения – имеют желания, которые не могут себе

позволить видеть при свете дня в не подвергшемся цензуре виде.

Таким образом, каждое сновидение является результатом работы, причем серьезной работы. Если давление желаний, пробивающихся к сознанию, слабеет или отсутствует настоятельная необходимость сопротивляться этому давлению, работа будет не такой тяжелой. Служащая стражем сна, «работа сновидения» выполняет функцию превращения неприемлемых импульсов и воспоминаний в достаточно безобидную историю, которая сглаживает острые углы и делает возможным озвучивание этих импульсов. Разнообразие «работы сна», открытой для спящего, практически неисчерпаемо, поскольку человек имеет в своем распоряжении бесконечное число впечатлений дня и уникальных жизненных историй. При этом, несмотря на кажущуюся беспорядочность, на отсутствие какого-либо плана, эта работа подчиняется определенным правилам. Цензор, который приукрашивает скрытое содержание сновидений и превращает их в явное, обладает большой степенью свободы и богатым воображением, но следует жестким инструкциям и использует ограниченный набор инструментов.

Самую длинную главу книги Фрейд посвятил этим инструкциям и инструментам. Он рассматривает сновидение одновременно как палеографа, переводчика и дешифровщика. «Мысли и содержание сновидений предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух разных языках, или, лучше сказать, содержание сновидения представляется нам переносом мыслей сновидения в другой способ выражения, знаки и законы соединения которого мы сможем понять, сравнив оригинал с переводом». В другой метафоре Фрейд сравнивает сновидение с ребусом, с на первый взгляд бессмысленной картинкой-головоломкой, которую мы сможем расшифровать только в том случае, если перестанем удивляться ее абсурдности и попытаемся заменить каждый образ слогом или словом.

Главные инструменты в наборе, который использует «работа сновидения», – это сгущение, смещение и, как называет это Фрейд, «учет изобразительных возможностей»[66]. Они не уникальны для сновидений, и их можно обнаружить в формировании симптомов неврозов, оговорок и шуток. Однако именно в сновидениях Фрейд впервые обнаружил и описал их работу. Он выявил и четвертый механизм, «вторичную переработку», то есть приведение в порядок запутанного содержания сна после того, как человек проснулся, но не был уверен, нужно ли считать этот механизм инструментом «работы сна».

Существует еще один способ, которым сновидения передают

свой внутренний смысл. Речь идет о символах. Фрейд приписывал им незначительную роль. В первых изданиях «Толкования сновидений» он лишь вскользь упоминает о символах, но впоследствии добавляет о них довольно большой раздел, в основном по настоянию Вильгельма Штекеля и других своих первых учеников. Однако Фрейда всегда беспокоило чисто механическое толкование символов. «Я хотел бы настоятельно предостеречь от того, чтобы переоценивать значение символов для толкования сновидений», – писал он в 1909 году, и не советовал ограничивать работу перевода сновидения переводом символов, отказавшись от техники использования «мыслей сновидца». Годом позже он категорически утверждал, обращаясь к своему швейцарскому другу пастору Оскару Пфистеру, тоже психоаналитику: «Вы получите мое полное согласие, если будете с подозрением относиться к каждому новому настоятельному требованию символа – Symbolzumutung, – пока снова не наткнетесь на него в результате опыта». В конце концов, «лучшее из применений ψA[67] – изучение элементов словаря языка подсознания».

В нумерации инструментов, используемых «работой сна», содержится определенная доля иронии. Именно толкование символов на протяжении многих столетий было основой сонников, а в 20-х годах XX века стало любимой салонной игрой непрофессиональных психоаналитиков. Таким образом, та техника толкования сновидений, которую Зигмунд Фрейд считал наиболее спорной, после распространения знаний о психоанализе показалась людям самой интригующей. Как мы вскоре убедимся, это не единственный случай популярности Фрейда, без которой, как он сам считал, можно было бы обойтись.

Первый из действительно важных инструментов «работы сна», сгущение, говорит сам за себя. Мысли, наполняющие сознание спящего, бесконечно богаче, чем явное содержание, которое сжато, скудно, лаконично по сравнению с сокровищницей мыслей. Немногочисленные ассоциации, возникающие у сновидца, могут быть новыми, однако большинство их вызвано самим сновидением. Каждый элемент явного содержания сна оказывается предопределенным; он несколько раз отражается в скрытых мыслях сновидения. Персонаж сна – собирательная фигура: ярким примером этого служит Ирма, которая позаимствовала черты и особенности нескольких женщин. Комические фразы или свежие неологизмы, часто встречающиеся в снах, также являются примерами того, как сгущение концентрирует идеи с какой-то фанатичной экономией. Так, сон о

ботанической монографии – единственная сцена, самое короткое визуальное впечатление – в сжатом виде содержит разнообразный материал из разных периодов жизни Фрейда. Слово «автодидаскер», которое ему приснилось, является сгущением слов «автор», «автодидакт» и «Ласкер», фамилии либерального немецкого политика еврейского происхождения, с которым Фрейд ассоциировал немецкого социалиста, тоже еврея, Фердинанда Лассаля. Эти фамилии сложными окольными путями вывели его на минное поле эротической озабоченности, которая и составляла истинное содержание сна. И Ласкер, и Лассаль погибли из-за женщин: первый умирал от сифилиса, а второй был убит на дуэли. Фрейд выявил еще одно имя, спрятанное в слове «автодидаскер», – это анаграмма фамилии Ласкер и имени его брата Александра, которого в семье называли Алексом. Желание, содержавшееся в сновидении, заключалось в том, чтобы Алекс удачно женился. Изобретательность сгущения просто удивительна.

Если сгущение не предполагает цензора, то работа смещения служит самым ярким его примером. Сначала цензор ослабляет силу страстей, которые стремятся проявить себя, а затем преобразует их. Так он позволяет этим страстям, которые открыто проявляются в завуалированном виде, справиться с сопротивлением, мобилизуемым цензором. В результате истинные желания, лежащие в основе сновидения, могут не появиться совсем. Именно потому сновидцы, желающие понять свой сон, должны ассоциировать как можно свободнее, а аналитик применить весь свой талант толкования к материалу, который ему сообщают.

Итак, сновидение представляет собой картинку-загадку с собственной безумной логикой. Значит, толкователю сна необходимо принимать во внимание не только сгущение и смещение. Важную роль в сновидении играет также учет изобразительных возможностей. Категории, которые во время бодрствования считаются само собой разумеющимися, не действуют во сне; там нет случайности, противоречия или идентичности. Сон отражает мысли в виде картин, абстрактные идеи в виде конкретных образов: несдержанность человека может передаваться потоками воды, льющейся из переполненной ванны. Последовательность элементов сна, сменяющих друг друга, предполагает логические отношения причины и следствия, а частота появления элемента сна графически подчеркивает его важность. Поскольку у сновидения нет прямого способа выразить отрицание, оно делает это изображением противоположностей – людей, событий и чувств. Сны – мастера каламбуров и

обманщики: они шутят или имитируют мыслительную деятельность.

Таким образом, вполне оправданно большое внимание, которое Фрейд уделил стратегиям, доступным «работе сновидения». Многие сны содержат речь, и это почти наверняка цитаты, воспроизводящие слова, где-либо слышанные спящим. Однако «работа сновидения» приводит эти реальные высказывания не для того, чтобы прояснить значение сна, а для того, чтобы подкрепить свои хитрые попытки протащить мимо цензора далекие от невинности материалы. Опять-таки, сны зачастую перегружены аффектами, которые, как предупреждал Фрейд, толкователь не должен понимать буквально, поскольку «работа сна» скорее всего ослабила либо усилила их воздействие, скрыла их реальные цели или, как мы уже могли видеть, превратила в противоположности. Один из самых известных примеров Фрейда, его сон Non vixit, иллюстрирует работу сна как словами, так и чувствами. Неудивительно, что основатель психоанализа назвал это сновидение красивым. Оно заполнено его друзьями, причем некоторые к тому времени уже умерли. Во сне один из них, Йозеф Панет, не понимает слова Флисса, и Фрейд объясняет, что это потому, что Панета нет в живых: Non vixit. Во сне Фрейд распознает свою ошибку в латинской фразе – «Он не жил» вместо «Его нет в живых» (Non vivit). После этого Панет исчезает под взглядом Фрейда, просто тает, как Флейшль-Марксоу. Каждый из них всего лишь ревенант – видение, которое можно уничтожить одним только желанием, если спящему эти мысли покажутся неприятными.

Источник фантазии основателя психоанализа, когда он пронизывающим взглядом уничтожает Панета, совершенно очевиден: это была своекорыстная трансформация унизительной сцены, в которой наставник Фрейда Брюкке смотрел на него, своего нерадивого ассистента, и уничтожал взглядом. Но Non vixit? Фрейд наконец проследил эти слова до фразы, которую он не слышал, а видел: вспомнил надпись на постаменте памятника императору Иосифу в венском императорском дворце: Saluti patriae vixit / non diu sed totus – «Жил во благо родины – недолго, но до конца». Сновидение позаимствовало эти слова и приписало другому Иосифу – Йозефу Панету, который был преемником Фрейда в лаборатории Брюкке и умер в 1890 году, молодым. Очевидно, Зигмунд Фрейд сожалел о преждевременной смерти своего друга, но в то же время радовался, что пережил его. Это лишь часть аффектов, которые передал и исказил сон Фрейда. К другим, прибавляет он, относится тревога за своего друга Флисса, которому предстояла операция, чувство вины, что он не

торопится в Берлин, чтобы быть рядом, а также раздражение на Флисса, который просил ни с кем не обсуждать его операцию, как будто он, Фрейд, по натуре неосторожен и нуждается в подобных напоминаниях. Ревенанты, присутствующие в сновидении, возвращают Фрейда в детство: они воплощают давних друзей и врагов. Радость, что он пережил одних, и желание бессмертия лежали в основе мелочного чувства превосходства и такого же мелочного раздражения, которыми насыщен сон Non vixit. Весь сценарий сна напомнил Фрейду старый анекдот, когда один из наивных и эгоистичных супругов говорит другому: «Когда один из нас умрет, я перееду в Париж». Теперь должно быть понятно, почему ни одно сновидение невозможно истолковать до конца. Ткань ассоциаций слишком плотна, приемы чересчур искусны, чтобы загадки сна были полностью разгаданы. Однако Фрейд всегда настаивал, что в основе каждого сна лежит желание, одновременно детское и такое, которое в светском обществе, вероятно, назовут неприличным.

Психология для психологов

В эволюции психоаналитической теории Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений» является стратегическим центром, и сам Фрейд это понимал. Тот факт, что он выбрал сновидение в качестве самого показательного примера психической деятельности, очень важен: сон представляет собой нормальный, универсальный опыт. Поскольку во время работы над книгой о сновидениях Фрейд также планировал другие исследования распространенных, нормальных психологических процессов, он мог бы выбрать и другой исходный пункт. В конце 90-х годов XIX века Фрейд начал собирать характерные примеры разного рода оговорок, которые опубликовал в 1901-м под интригующим названием «Психопатология обыденной жизни». Кроме того, в июне 1897 года он писал Флиссу, что приступил к коллекционированию многочисленных еврейских анекдотов – эти истории тоже превратились в книгу, в которой Фрейд рассматривает связь шуток с подсознанием. И обычные оговорки, и самые примитивные шутки приводили его к дальним уголкам психики, но самым главным путеводителем для Фрейда было сновидение. Одновременно обычное и загадочное, странное и открытое для рационального объяснения, оно добирается буквально до всех областей психической активности. Соответственно, в теоретической, седьмой главе «Толкования сновидений» Фрейд подробно демонстрирует непревзойденный диапазон релевантности снов.

Выбор материалов для книги о сновидениях чрезвычайно показателен. Как отметил сам Фрейд в предисловии к первому изданию, сны невротиков обладают особенностями, которые могут негативно сказываться на их репрезентативности и поэтому мешать применению теории. Вот почему он опирался на сны своих друзей и детей, а также на сновидения, описанные в литературе, не говоря уж о собственных. В конце Фрейд уже не мог игнорировать материал, который могли бы предоставить его пациенты, но таких примеров меньшинство по сравнению со случаями, взятыми у, как он сам их называл, нормальных людей. Фрейд не хотел, чтобы дорога к знаниям в сфере психоанализа начиналась в специализированной области, ограниченной его пациентами, страдавшими от истерии и навязчивых состояний.

Несмотря на то что материалы, предоставляемые пациентами основателя психоанализа, могли быть нерепрезентативными, они не слишком сильно искажали его исследования. То, что Фрейд будет использовать материалы от страдавших неврозами людей, разумеется, объяснялось его профессией: эти люди представляли для него интерес и были, что называется, под рукой. Однако во время работы над теорией неврозов Фрейд выяснил, что невротики проливают свет на поведение нормальных людей потому, что на самом деле эти две группы не сильно отличаются друг от друга. Люди, страдающие неврозами, а также – со своими особенностями – психозами, обладают теми же чертами, что и более здоровые индивидуумы, только в драматизированной, а значит, в более показательной форме. «Фактически удовлетворительная общая концепция психоневротических расстройств, – писал он Флиссу весной 1895 года, – не будет возможна, если не связать их с четкими посылками относительно нормальных психических процессов». В то время Фрейд обдумывал свой «Проект научной психологии», а также бился над загадкой неврозов. По его мнению, эти два исследования невозможно разделить. И совсем не случайно он оживил свое абстрактное теоретизирование случаями из клинической практики. Эти случаи служили материалом для общей психологии.

Фрейд не всегда ценил материал, предоставляемый пациентами, несмотря на его возможную информативность. Временами проведенные с ними долгие, утомительные часы вызывали такое ощущение, что основателя психоанализа затягивает в трясину, и он начинал думать, что врачебная практика отвлекает его от загадок вселенной. Тем не менее клинический опыт и теоретические исследования питали друг

друга. Фрейд любил изображать свою медицинскую карьеру как отвлечение, начавшееся с подростковой страсти к глубоким философским загадкам и закончившееся возвращением пожилого человека к общим проблемам после долгой, нежеланной ссылки к врачам. В действительности «философские» вопросы никогда не переставали волновать Фрейда, даже после того, как он, по его собственным словам, «стал врачом против своей воли». В сорокалетнем возрасте, в 1896 году, оглядываясь на свою молодость, он писал Флиссу: «Когда я был молод, для меня не было ничего желаннее философского озарения. Сейчас я нахожусь на пути к нему, повернув от медицины к психологии». Фрейд мог найти понимание у своего берлинского друга, который двигался в том же направлении. «Я вижу, – рассуждал он в пространном новогоднем письме от 1 января 1896 года, – что, став врачом, ты стремился к своему идеалу – понять человека с помощью физиологии; я же втайне надеюсь тем же путем достичь другой цели – философии». Каким бы сильным ни было его презрение к большинству философов и их тщетным играм, Фрейд всю жизнь будет преследовать собственные философские цели. Эта непоследовательность скорее кажущаяся, чем реальная. Фрейд вкладывает в «философию» особый смысл. В полном согласии с модой эпохи Просвещения он низводит философствования метафизиков к бесполезным абстракциям. Но с равной степенью враждебности Фрейд относится к тем философом, которые приравнивают богатство разума к сознанию. Его философией был научный эмпиризм как воплощение научной теории психики.

К таким высоким стремлениям Зигмунда Фрейда привело непосредственно исследование сновидений. Поскольку сон является основой желания в действии, он посчитал необходимым предпринять систематические, глубокие набеги на самые основы психологии: они сами по себе могут сделать сновидения постижимыми. Вследствие этого шибботеты, или речевые особенности, своеобразные «пароли», психоанализа Фрейда, включающие короткий каталог, отличающий его психологию от психологии других, появляются не только в строгой, аналитической последней главе книги о сновидениях. Принцип психологического детерминизма, взгляд на психику как на сочетание конфликтующих сил, концепция динамического бессознательного и скрытая сила страстей во всей психической деятельности – все это пронизывает ее структуру.

Важное положение теории Фрейда заключается в том, что в мире психики нет места случайностям. При этом он никогда не отрицал, что человек зависит от воли фатума. Наоборот, Фрейд подчеркивал это: «Мы при этом охотно забываем, что, в сущности,

все в нашей жизни случайно, начиная от нашего зарождения вследствие встречи сперматозоида с яйцом». Не отрицал он также реальность нашего выбора, полагая, что цель психоаналитического лечения как раз и состоит в том, чтобы «предоставить «Я» больного свободу принимать те или иные решения». Но ни «случайность», ни «свобода» Фрейда не являются произвольным или случайным проявлением спонтанности. По его мнению, каждое психологическое событие, каким бы случайным оно ни выглядело, представляет собой узел в переплетенных нитях причин, которые уходят корнями очень далеко, чрезвычайно многочисленны, сложным образом взаимодействуют друг с другом, и поэтому распутать их нелегко. И действительно: вырвать свободу из объятий случайности – это одно из самых заветных и поэтому самых упорных и иллюзорных желаний человечества. Но Фрейд строго предупреждал, что психоаналитики не должны поддерживать подобные иллюзии, поэтому его теория психики категорически и откровенно детерминистская.

Это в высшей степени психологично и, следовательно, – для того времени – революционно. Фрейд разрабатывал свою теорию в рамках современной психологии, однако в своих главных положениях последовательно выходил за них. Его самые известные коллеги в области психиатрии по сути своей были неврологами. В 1895 году, когда вышла в свет книга «Исследование истерии» Фрейда и Брейера, Рихард фон Крафт-Эбинг опубликовал монографию «Неврозы и неврастенические состояния», как нельзя лучше проиллюстрировавшую общепризнанную точку зрения. Название книги – это смелая попытка внести хоть какую-то ясность в путаницу, которая в то время существовала в диагностических терминах. Крафт-Эбинг определял нервозность как «по большей части внутреннюю патологическую предрасположенность, а в редких случаях приобретенные патологические изменения в центральной нервной системе». Главным источником бед он считал наследственность: «Огромное большинство индивидуумов, обладающих предрасположенностью к нервозности, проявляют эту предрасположенность с раннего детства, на основе врожденных влияний». Крафт-Эбинг с почти благоговейным уважением приветствовал «могущественный биологический закон наследственности, который решительно вмешивается во всю органическую природу». Он считал влияние этого закона на психическую жизнь бесспорным и исключительным. Приобретенная нервозность, в свою очередь, возникала, когда

нарушалось «правильное соотношение между накоплением и тратой нервной силы». Бессонница, плохое питание, неумеренное употребление алкоголя, «антигигиенический» характер современной цивилизации с ее спешкой, повышенными требованиями к психике, а также демократической политикой, эмансипацией женщин – все это делает людей нервными. Однако приобретенная нервозность, точно так же, как наследственные отклонения, является результатом «материальных, хотя и чрезвычайно слабых изменений в нервной системе».

Более серьезное заболевание – неврастения – для Крафт-Эбинга представляла собой функциональное нарушение, при котором психика «больше не может поддерживать равновесие между производством и потреблением нервной силы». Механистическая метафора здесь не случайна. В сущности, Крафт-Эбинг рассматривал неврастению как расстройство нервной системы. Как и в случае нервозности, врач должен искать главные причины неврастении в наследственности. Приобретенное заболевание можно проследить до физиологических причин, ставшего фатальным сочетания травм или деструктивной окружающей среды: детской болезни, обусловленной «невропатической конституцией», мастурбацией или, опять-таки, чрезмерными нагрузками современной жизни. Даже когда выясняется, что порождающий фактор неврастении носит психологический характер (например, беспокойство или психический стресс), главный возмущающий элемент все равно является неврологическим по своей природе. Крафт-Эбинг был готов рассматривать социологические причины, но считал, что их предрасполагающие факторы тоже связаны с нервной конституцией. Естественно, предлагаемые этим специалистом методы лечения включали диету, лекарственные препараты, физиотерапию, электротерапию, массаж. Видный специалист в области сексуальных отклонений, он не прошел мимо того, что называл Neurasthenia sexualis, однако относился к ней лишь как к маленькой части клинической картины, а не как к причине.

Другими словами, Крафт-Эбинг считал психологические страдания по большей части вопросом физиологии. В 1895-м он придерживался того же предположения, которое выдвинул 16 годами раньше в своем учебнике по психиатрии: «Безумие есть болезнь мозга». Он выражал мнение представителей своей профессии. В XIX веке психология как наука добилась впечатляющих успехов и подавала огромные надежды, но ее положение было парадоксальным: она освободилась от философии, как до этого от теологии, но лишь затем, чтобы попасть в деспотические объятия другого хозяина – психиатрии.

Разумеется, за этим стояла древняя как мир идея, что разум и тело тесно связаны друг с другом. «Тело человека и его душа, – заявлял в середине XVIII столетия Лоренс Стерн, – я это говорю с величайшим к ним уважением, в точности похожи на камзол и подкладку камзола; изомните камзол – вы изомнете его подкладку»[68]. Исследователи психики человека в XIX веке соглашались с этим предположением и шли еще дальше. Они точно указывали, что является камзолом, а что подкладкой. Душа, полагали они, зависит от тела – от нервной системы и мозга.

В 1876 году выдающийся американский невролог Уильям Хаммонд, который был помимо всего прочего специалистом по мужской и женской половой несостоятельности, выразил общее мнение специалистов. «Современная наука психология, – заявил он, – не больше и не меньше, *как наука о душе, рассматриваемой в качестве физической функции*» (курсив Хаммонда). Успешный и влиятельный английский психиатр Генри Модсли был не менее категоричен. В 1874 году, рассуждая о безумии, он писал: «Не наше дело и не в нашей власти объяснять *психологически* причины и природу любого из извращенных инстинктов» (курсив Модсли), которые проявляются при безумии. «Объяснение, когда оно будет найдено, будет лежать не в душевной, а в физической области». Психологи и психиатры континентальной Европы в этом вопросе были согласны со своими английскими и американскими коллегами. В начале XIX века выдающийся французский психиатр Жан-Этьен Эскироль определял «безумие, душевное расстройство» как «*обычное* хроническое заболевание мозга» (курсив Эскироля), и это определение сохраняло силу в Европе и Соединенных Штатах вплоть до конца столетия и даже позже. В 1910 году Фрейд говорил «человеку-волку», одному из своих самых известных пациентов: «У нас есть средства избавить вас от страданий. До сих пор вы искали причины вашей болезни в ночном горшке». По прошествии многих лет «человек-волк», оглядываясь назад, соглашался с Фрейдом, возможно чересчур категорично: «В то время люди пытались вывести психическое состояние из физического. Психология полностью игнорировалась»[69]. Думающих иначе оказалось немного, и среди них были английские врачи из числа квакеров, которые приблизительно в 1800 году разработали для своих безумных пациентов метод лечения, названный моральной терапией. Они пытались вылечить находящихся на их попечении несчастных мужчин и женщин, охваченных безумием, при помощи морального убеждения, умственной дисциплины и доброты, а не лекарств или физического воздействия, часто унизительного, – и

добивались некоторых успехов. Однако практически все остальные неврологи, психиатры и содержатели лечебниц для душевнобольных исходили из предположения, что воздействие тела на душу гораздо сильнее, чем души на тело.

Блестящие ученые XIX века, которые изучали анатомию мозга и очень много сделали для картирования сложных механизмов зрения, слуха, речи и памяти, лишь укрепили этот неврологический взгляд на психические процессы. Даже френологи, такие же странные, как их абсолютно нелепые идеи, внесли свой вклад в усиление этих позиций в профессиональном сообществе. Хотя во второй половине XIX столетия скептически настроенные специалисты по анатомии мозга отбросили френологическую доктрину, утверждавшую, что каждое желание и каждая умственная способность локализованы в конкретной области, они не полностью отвергли фундаментальное положение френологии о том, что психические функции ассоциируются с определенными отделами мозга. Великий Герман Гельмгольц и другие ученые, такие как его близкий друг Эмиль Дюбуа-Реймон, своими изящными экспериментами по исследованию скорости и путей распространения нервных импульсов укрепили материалистический взгляд на сознание. Мозг все больше напоминал маленькую машину, приводящуюся в действие электрическими и химическими силами, которые можно проследить, измерить и записать. Открытия следовали друг за другом, и физиологическая основа всех психических событий казалась абсолютно доказанной. Неврология была на коне.

Преданный ученик Брюкке, который принес взгляды Гельмгольца и Дюбуа-Реймона в Вену, Фрейд был знаком с этой точкой зрения и никогда полностью не отвергал ее. Об этом свидетельствует бо2льшая часть его практики. Пациенты, которых Фрейд подвергал психоанализу, научили его, что, несмотря на то что многие физические симптомы являются порождением истерии, некоторые действительно имеют телесную природу[70]. Одна из главных причин, почему Фрейда так привлекал тезис, что источником неврозов служат сексуальные нарушения, заключалась в том, что сексуальность не рассматривалась им «исключительно как явление психическое. Она имела свою соматическую сторону». Поэтому Фрейд был, как он сам признавался Флиссу в 1898-м, «вовсе не склонен оставлять психологию подвешенной без органической основы». Версия господствующего мнения, которой он придерживался, была результатом медленной и вовсе не планировавшейся перемены взглядов. Когда Зигмунд Фрейд наконец совершил свою революцию, она заключалась не в отказе от неврологической

теории, а в том, что в общепринятой иерархии взаимодействия он поменял местами душу и тело. Психологической составляющей умственной работы основатель психоанализа отводил главную, но не монопольную роль.

До того как Фрейд бросил вызов преобладавшему материалистическому консенсусу, почти никто не оспаривал по большей части физическую природу мыслительной машины. Даже в 1895 году сам Фрейд предложил свой неоконченный проект как «психологию для неврологов», но при рассмотрении вопроса о причинах поломки «машины» он стал участником давнего и неразрешенного спора. Большинство психиатров соглашались, что почти все психические заболевания являются проявлениями повреждений мозга, однако расходились во мнениях относительно этиологии этих повреждений. В 30-х годах XIX столетия Эскироль все еще предлагал эклектичный и довольно беспорядочный перечень возбудителей. «Причины душевного расстройства многочисленны и разнообразны, – писал он. – На частоту, характер, кризис и лечение безумия влияют не только климат, время года, возраст, пол, темперамент, профессия и образ жизни; эта болезнь также меняется под действием законов, цивилизованности, морали и политического состояния государств». Впрочем, к середине столетия всех остальных затмил и почти вытеснил самый главный кандидат, наследственность. Она не уступала свои позиции несколько десятилетий. Истории болезней давали многочисленные – и для многих убедительные – доказательства, что у пациента, страдающего психическим заболеванием, в семье есть аномалии. Монография Крафт-Эбинга о неврастении в полной мере отражает эту точку зрения. Фрейд в своих первых историях болезни также упоминал подробности о «невропатической» семье пациента, тщательно фиксируя сведения о пребывании матери своего больного в сумасшедшем доме или о сильной ипохондрии у его брата. Затем на первое место вышла психология. В 1905 году в своей книге «Три очерка по теории сексуальности» Зигмунд Фрейд достиг точки, когда мог критиковать своих коллег психиатров за то, что они преувеличивают значение наследственности.

Его отношение к возможным причинам психического расстройства было таким же неоднозначным. Как свидетельствует работа Крафт-Эбинга о неврастении, по отношению к плохой наследственности другие этиологии, похоже, играли вторую скрипку, однако имели своих сторонников. Кое-кто из психиатров полностью исключал внезапные потрясения или продолжительные болезни – Фрейд определенно этого не делал на протяжении долгих лет, а многие проявляли особый интерес к

тому, что они называли разрушительными побочными эффектами современной культуры. В этом последнем диагнозе Фрейд был согласен с большинством, хотя имел для сего свои причины. Подобно многочисленным наблюдателям из числа современников, он был убежден, что городская, буржуазная, промышленная цивилизация того времени внесла существенный вклад в нервозность, которая, по его мнению, явно росла. Однако в отличие от остальных, считавших, что современная цивилизация способствует нервозности вследствие спешки, суеты, быстрой коммуникации и перегрузки психических механизмов, Фрейд винил ее в чрезмерном ограничении сексуального поведения.

Это отклонение от взглядов большинства составляет основу представлений Зигмунда Фрейда о происхождении душевных болезней. Он не сомневался, что все явления, упоминаемые его коллегами психиатрами, вносят свой вклад в формирование навязчивых неврозов, истерии, паранойи и других психических заболеваний. Однако Фрейд убедился, что его профессия решительно не способна исследовать их скрытую природу. Более того, буквально все врачи отвергали важную роль сексуальности и подсознательных конфликтов, которые генерирует это желание. Вот почему эти эскулапы с удовольствием преувеличивали значение давней семейной истории пациентов – наследственности – и старательно не замечали другую, гораздо более важную предысторию – детство, в котором возникают эти сексуальные конфликты. «Толкование сновидений» – это первое, хотя и далеко не полное изложение Фрейдом своих взглядов, своей психологии для психологов.

«В летние каникулы 1899 года мы почти не видели отца», – вспоминал Мартин Фрейд много лет спустя. Это было необычно, поскольку основатель психоанализа ценил время, проведенное в горах с детьми, но тем летом, торопясь закончить книгу и приступив к вычитыванию гранок, он был погружен в работу, которую не мог оставить. Тем не менее он часто обсуждал книгу с семьей, чего раньше никогда не было: «Нам всем рассказывали о ней, и он даже просил нас рассказывать ему свои сны, что мы с воодушевлением делали». Как нам теперь известно, некоторые детские сны попали в книгу Фрейда. «Он даже простым языком объяснял нам, – рассказывал Мартин, – что можно понять из снов, их происхождение и смысл».

Вне всяких сомнений, начинание Фрейда требовало определенной секретности. Он без ограничений документировал возбуждающую силу сексуальных желаний и сексуальных

конфликтов у других людей, но отказывался с такой же неограниченной свободой исследовать связанное с либидо происхождение собственных снов. За нерешительность в раскрытии своего прошлого и своих сновидений ему пришлось расплачиваться некоторой сыростью материала. Впоследствии отдельные, самые внимательные читатели Фрейда, в основном коллеги-психоаналитики, были довольно сильно удивлены его сдержанностью в анализе собственных снов. Карл Абрахам прямо спрашивал Фрейда, намеренно ли он не закончил толкование сна об инъекции Ирме (к концу описания сексуальные аллюзии основателя психоанализа казались все более навязчивыми). В доверительной манере, характерной для первых психоаналитиков, Фрейд ответил искренне и прямо: «Это просто какая-то мания сексуального величия. Три женщины: Матильда, София и Анна – это три крестные матери моих дочерей, и все они мои!» Не менее проницательным оказался Карл Г. Юнг. Получив предложение прокомментировать готовящееся третье издание «Толкования сновидений», он назвал поверхностной интерпретацию Фрейдом собственных снов и снов своих детей. Фрейд и его ученики, прибавил Юнг, совсем не учли «важный (личный) смысл», «связанную с половым влечением динамику» таких сновидений, как сон об инъекции Ирме, а также «личное и болезненное в собственных сновидениях». Он посоветовал Фрейду использовать один из снов его пациентов, «в котором безжалостно раскрыты истинные мотивы». Фрейд согласился и пообещал внести правку, но полной откровенности воспротивился: «Читатель не заслуживает, чтобы я еще больше раздевался перед ним». На самом деле ни один из интригующих намеков на его эротическое прошлое, к исследованию которых подталкивал коллега, не нашел отражения в последующих изданиях. Одно из противоречий, пронизывающее «Толкование сновидений», – это столкновение между саморазоблачением и самозащитой. Но Фрейд не считал, что нежелание еще больше раздеваться перед публикой каким-то образом мешает изложению его теории.

Учитывая важную роль детерминизма в мышлении Зигмунда Фрейда, совершенно естественно, что при исследовании сновидений он собирал материал о том, что сам называл психопатологией обыденной жизни. Результаты его не удивили: обычная, «нормальная» патология дала ему практически неисчислимое количество «случаев», которые, как показал анализ, были вовсе не случайными. Неправильно произнести знакомую фамилию, забыть любимое стихотворение, загадочным образом положить предмет на другое место, запамятовать заказать букет цветов на день рождения жены – все это

сообщения, буквально умоляющие о расшифровке. Это ключи к желаниям и тревогам, в которых человек не в состоянии признаться даже себе. Такие находки еще больше укрепили безусловное уважение Фрейда к принципу причинности. Диагностическая польза от его вывода более чем очевидна. Предлагая научное объяснение на первый взгляд беспричинных и необъяснимых событий, его метод показывает – призывая в свидетели самые обычные явления – тайный порядок, управляющий человеческой психикой.

Фрейд, похоже, заинтересовался теоретическим значением ошибок и промахов в конце 1897-го, когда никак не мог найти адрес, который ему был нужен для визита в Берлин. Он привык анализировать собственный опыт, но в те годы, посвященные самоанализу, был особенно восприимчив к малейшему намеку на хитрые, окольные пути психики. С лета 1898 года Фрейд включал в свои отчеты Флиссу забавные примеры из психопатологии собственной обыденной жизни. «Наконец я справился с пустячной проблемой, которая довольно давно не давала мне покоя», – сообщал он в августе. Основатель психоанализа «забыл» фамилию поэта, написавшего стихотворение, которое он прекрасно знал, и смог показать, что вытеснил из памяти эту фамилию по личным причинам, корни которых проследил до своего детства. За этим эпизодом последовали другие, в частности его неспособность вспомнить фамилию Синьорелли, великого художника, написавшего «Страшный суд», украшающий собор в Орвието; вместо него Фрейд вспомнил Боттичелли и Больтраффио. В процессе анализа он раскрыл запутанную сеть ассоциаций и замещений, в том числе недавний разговор о смерти и сексуальности. «Как мне заставить в это поверить?» Каким бы невероятным ни выглядел этот пример намеренной забывчивости, Фрейд посчитал его достаточно интересным и достойным публикации – в 1898 году он вместе со схемой появился в профессиональном журнале, посвященном вопросам психологии и психиатрии.

Летом 1899-го, внося правку в рукопись «Толкования сновидений», Фрейд дал пример еще более странного случая психопатологии обыденной жизни. Как ни старайся исправить книгу, писал он Флиссу, в ней все равно будет «2467 ошибок». Число выглядит абсолютно случайным: Фрейд хотел лишь сказать, что его книга неизбежно окажется испорчена огромным количеством ошибок. Но для него ни одно проявление психической деятельности не было случайным, поэтому в постскриптуме письма Фрейд проанализировал это число. Сам он высоко ценил свое маленькое расследование и год спустя

попросил Флисса прислать его. Соответственно, данный случай появился в «Психопатологии обыденной жизни» вместе с пространным толкованием: Фрейд прочитал в газете об отставке генерала, с которым встречался во время службы в армии. Статья натолкнула его на мысли о собственной «отставке», и после перебирания разных чисел, которые приходили ему на ум, Зигмунд Фрейд решил, что работать ему предстоит еще 24 года. То, что стало делом всей его жизни, впервые как мысль оформилось, когда ему было 24 года, а в настоящее время ему сравнялось 43. Сумма этих чисел равнялась 67. Приставленные друг к другу, 24 и 67 давали 2467 – число, которое основатель психоанализа привел в письме к Флиссу. Другими словами, это якобы случайное число воплощало желание еще примерно двух десятков лет активной жизни.

Фрейд закончил рукопись «Психопатологии обыденной жизни» в январе 1901 года. В мае он вычитывал первые гранки книги. Она ему не понравилась, и Фрейд высказал надежду, что другим книга не понравится еще больше (!). Причиной такого отношения было не только подавленное настроение, в которое он обычно погружался перед публикацией своих работ. В книге отразилось ухудшение его отношений с Флиссом. Фрейд писал Флиссу: «В «Обыденной жизни» слишком много того, что напоминает о тебе: и явного, говорящего о твоем непосредственном вкладе, и скрытого, напоминающего о движущих мотивах. Ты подарил мне и эпиграф к ней». В целом Фрейд рассматривал книгу как свидетельство «…роли, которую ты играл в моей жизни до настоящего времени».

Эта роль была значимее, чем он был готов признать, и теперь с удивительной откровенностью публично приводил свою несправедливость к Флиссу как еще один пример проявления психопатологии обыденной жизни. Во время одной из встреч Фрейд сообщил Флиссу – вероятно, считая это своим открытием, – что понять неврозы можно, только допустив, что животное под названием «человек» обладает бисексуальностью. Флисс привлек внимание Фрейда к тому факту, что он, Вильгельм, выдвинул эту идею несколько лет назад, но Зигмунд тогда и слышать ничего не хотел. На следующей неделе, размышляя над замечанием друга, Фрейд наконец вспомнил тот случай и признал право Флисса заявить о своем приоритете. Однако прибавил, что он действительно не помнил слова Флисса. Вытеснив из памяти давний разговор, Фрейд приписал себе чужие заслуги. Он с сожалением оправдывает свою сознательную забывчивость: от претензий на оригинальность трудно отказаться[71]. В «Психопатологию обыденной жизни» Фрейд

включил этот эпизод, в главу о забывании впечатлений и намерений, стремясь скрыть от читателей эмоциональную травму, но для двух друзей, которые вскоре перестанут быть друзьями, он был чрезвычайно неприятным, даже болезненным.

Разумеется, остальной мир об этом не знал, и почти извращенное желание Фрейда, чтобы «Психопатология обыденной жизни» всем не понравилась, не сбылось. Книге было не суждено остаться лишь на полках нескольких специалистов. В ней почти нет специальных терминов, и Фрейд насытил ее десятками случаев из жизни, составил занимательную антологию мотивированных ошибок из собственного опыта и опыта других людей, оставив последнюю главу для своих теоретических идей о детерминизме, случайности и суеверии. Одна из самых удачных историй, которую Фрейд нашел в своей любимой газете Neue Freie Presse, связана с председателем нижней палаты австрийского парламента: в ожидании бурной сессии он торжественно открыл заседание, объявив его закрытым. Причина этой грубой оговорки лежит на поверхности, но на протяжении всей книги Фрейд подчеркивал, что даже не такие явные ошибки в мышлении, речи или поведении подводят к одному выводу: психика подчиняется определенным законам. «Психопатология обыденной жизни» ничего не добавила в теоретическую структуру психоанализа, и критики книги жаловались, что некоторые примеры чрезмерно надуманны или что само понятие фрейдистской оговорки настолько размыто, что к нему неприменимы научные методы проверки. При всем при том книга считается одной из самых популярных работ Зигмунда Фрейда – при жизни автора она выдержала не менее 11 изданий и была переведена на 12 языков[72].

Главная причина, по которой тайные законы психики ускользали от психологов, по мнению Фрейда, заключалась в том, что существенная доля психических процессов, в том числе большая часть скрытых, происходит в подсознании. Зигмунд Фрейд не был открывателем подсознания – в эпоху Просвещения некоторые проницательные исследователи человеческой природы признавали существование бессознательного мышления. Один из любимых Фрейдом немецких мудрецов XVIII столетия Георг Кристоф Лихтенберг исследовал сновидения, считая их путем к недоступному самопознанию. Гёте и Шиллер, которых Фрейд мог цитировать по памяти в течение часа, искали истоки поэтического вдохновения в подсознании. Поэты-романтики в Англии, Франции и Германии отдавали дань тому, что Сэмюэл Колридж, выдающийся представитель «озерной школы», называл

сумеречными областями сознания. Во времена Фрейда Генри Джеймс открыто связывал подсознание со сновидениями; рассказчик в его повести «Письма Асперна» говорит о бессознательной работе мозга во сне. Похожие формулировки Фрейд мог найти в запоминающихся эпиграммах Шопенгауэра и Ницше. Его вклад заключался в том, что он взял туманное, поэтическое представление, придал ему точность и сделал основой психологии, определив происхождение и содержание бессознательного, а также способы его проявления. «Изучение патогенных вытеснений, – впоследствии заметил Фрейд, – приводило к тому, что психоанализ был вынужден принимать понятие «бессознательное» всерьез».

Эта связь бессознательного и вытеснения была замечена Фрейдом еще на первом этапе создания теории психоанализа. Нити сознательных мыслей казались случайными группами отдельных элементов только потому, что немалая часть их ассоциативных связей вытеснялась. По словам самого Фрейда, его учение о вытеснении явилось «столпом теории неврозов» – и не только неврозов. Большая часть бессознательного состоит из вытесненных материалов. Это бессознательное, как определил его Фрейд, не является сегментом разума, временно скрывающим мысли, которые легко извлечь. Эту область он назвал подсознанием. Скорее, бессознательное напоминает тюрьму строгого режима, в которой содержатся социально опасные заключенные, как прибывшие много лет назад, так и поступившие недавно. С этими «заключенными» жестоко обращаются и тщательно охраняют, но их невозможно взять под контроль, и они постоянно пытаются бежать. Побег удается крайне редко, и за него приходится платить высокую цену – самим себе и другим. Поэтому психоаналитик, старающийся устранить вытеснения, хотя бы отчасти, должен понимать связанный с этим риск и уважать взрывную силу динамического бессознательного.

Сопротивление ставит на этом пути неимоверные препятствия, поэтому превратить бессознательное в осознанное очень трудно. Это в лучшем случае. Желанию вспомнить противостоит желание забыть. Данный конфликт, встроенный в структуру психического развития практически с рождения, является результатом культуры, действующей извне – в виде политики или изнутри – в виде совести. Опасаясь неконтролируемых страстей, общество на протяжении всей человеческой истории клеймило самые сильные побуждения своих членов как аморальные и нечестивые. Культура – от издания книг по этикету до запрета нудизма на пляжах, от предписания слушаться старших до проповедования запрета

инцеста – заталкивает в жесткие рамки и ограничивает желание, мешает ему. Половое влечение, подобно другим примитивным желаниям, постоянно стремится к удовлетворению, сталкиваясь с жестокими, нередко чрезмерными запретами. Самообман и лицемерие, которые заменяют реальные причины благовидными предлогами, служат сознательными спутниками вытеснения, отрицая настоятельные потребности ради согласия в семье, социальной гармонии или просто приличий. Они отрицают эти потребности, но не в состоянии уничтожить их. Фрейду нравился отрывок из Ницше, который процитировал ему один из его любимых пациентов, «человек с крысами»: «Я сделал это», – говорит моя память. «Я не мог этого сделать», – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает». Гордость – это сдерживающая рука культуры, а память – отчет о желании в мыслях и действиях. Гордость может побеждать, но желание остается самой актуальной характеристикой человечества. Это возвращает нас к сновидением; они со всей убедительностью демонстрируют, что человек – желающее животное. Именно об этом «Толкование сновидений» – о желаниях и их судьбе.

Разумеется, Фрейд был не первым, кто признал необыкновенную силу страстных желаний – точно так же, как он не был первооткрывателем бессознательного. Философы, богословы, поэты, драматурги, сочинители эссе и автобиографий радовались этой силе или жаловались на нее как минимум еще со времен написания Ветхого Завета. На протяжении столетий, как свидетельствуют Платон, святой Августин и Монтегю, люди изучали влияние страстей на свою внутреннюю жизнь. Во времена Фрейда в салонах и кофейнях Вены подобный самоанализ считался обычным делом. XIX век стал непревзойденным веком психологии. Это был период, когда тонкий ручеек откровенных автобиографий, неформальных автопортретов, романов о своей жизни, личных дневников и тайных журналов превратился в бурный поток и когда явно усилились их открытая субъективность и сознательная замкнутость. То, что в XVIII столетии показали Руссо в своей откровенной «Исповеди» и Гёте в «Страданиях молодого Вертера», с препарированием и освобождением себя, несколько десятилетий спустя, в XIX веке, повторили Байрон и Стендаль, Ницше и Уильям Джеймс. Томас Карлейль проницательно писал об «этих наших автобиографических временах». Конечно, современная увлеченность самим собой уже не была такой чистой. «Ключ к этому периоду, – говорил в конце жизни Ральф Уолдо Эмерсон,

один из виднейших мыслителей и писателей США, – похоже, в том, что разум стал осознавать себя». С приходом «нового сознания», полагал он, «молодые люди рождались с ножами в мозгу, со склонностью к интроверсии, к самоанализу, к препарированию мотивов». Это была эпоха Гамлетов.

Многие из этих Гамлетов оказались австрийцами. Их культура давала им право с эксгибиционистской свободой раскрыть свои мысли. В конце 1896 года венский сатирик Карл Краус с беспощадной точностью проанализировал господствующее настроение: «Вскоре с реализмом было покончено, и Griensteidl – популярное у литераторов кафе – сменило вывеску на «символизм». Теперь пароль – «Тайные нервы!»; все начали наблюдать «состояние души» и стремились убежать от банальной определенности вещей. Но одним из самых главных девизов был «Жизнь», и каждый вечер люди собирались, чтобы брать жизнь приступом и если это получалось, то давать свое толкование жизни». Возможно, самым убедительным свидетельством, документирующим подобные увлечения, служит сделанный в 1902 году рисунок «Самоизучение» Альфреда Кубина – австрийского графика, писателя и книжного иллюстратора. На нем полуобнаженная безголовая фигура стоит спиной к зрителям, а на земле, лицом к ним, лежит голова, слишком большая для обезглавленного тела, и смотрит невидящим взглядом, открыв рот с уродливыми, редкими зубами. Рисунок Кубина вполне мог бы стать иллюстрацией к «Толкованию сновидений».

Фрейд почти не интересовался этим взвинченным, перевозбужденным миром Вены. Подобно остальным венцам, он читал блестящий, уникальный журнал Die Fackel, почти полностью сочинявшийся Карлом Краусом и остроумно и безжалостно бичевавший политическую, общественную и лингвистическую деградацию. Более того, Фрейд высоко ценил рассказы, романы и пьесы Артура Шницлера за проницательность в раскрытии внутреннего, по большей части чувственного мира их персонажей. Шницлер даже вторгался в профессиональную область Фрейда, в своем четверостишии описывая сны как дерзкие желания, как стремления без отваги, которые загнаны в дальние закоулки нашего сознания и отваживаются покидать их только по ночам:

> Сны – это страстные желания без храбрости,
> Это наглые желания, которые свет дня
> Загоняет в уголки нашей души,
> Откуда они только ночью осмеливаются выползти[73].

Фрейд неизменно находил удовольствие в произведениях Шницлера и в письме, которое было не просто вежливой лестью, говорил, что завидует его «тайному знанию» человеческой души. Однако по большей части основатель психоанализа, как мы уже видели, держался в стороне от современных поэтов, художников и философов из кафе – он проводил свои исследования в аскетической изоляции врачебного кабинета.

Одно неопровержимое открытие, которое образует основу «Толкования сновидений» и психоанализа в целом, заключается в том, что устойчивые желания людей имеют инфантильное происхождение, недопустимы в обществе и в большинстве случаев так искусно спрятаны, что остаются практически недоступными сознательному анализу. Фрейд связывал эти «живые, так сказать, бессмертные желания нашего бессознательного» с мифическими титанами, которые держат на своих плечах тяжелые горные массивы, некогда взваленные на них торжествующими богами, но временами потрясаемые подергиваниями их членов. Эти глубоко запрятанные силы лежат в основе всех сновидений. Фрейд сравнивал дневную мысль, которая провоцирует сон, с предпринимателем, у которого есть идеи, но нет капитала; капиталист, который предоставит средства для его предприятия, – это «желание из бессознательного». Роли не всегда строго разграничены – капиталист сам может стать предпринимателем. Суть в том, что для запуска сновидения нужен и возбудитель, и источник энергии.

В связи с этим возникает вопрос, почему капиталист вынужден инвестировать свою прибыль. Ответ, который дает Фрейд, заставляет вспомнить его неудачный проект 1895 года: человеческий организм стремится избавиться от возбуждения, но также активирует память, дабы вспомнить предыдущие удовольствия, – возможно, чтобы обеспечить их повторение. Именно так рождаются желания. Они генерируют конфликты в подсознании, поскольку ничем не сдерживаются и вступают в противоречие с общественными институциями, среди которых растет ребенок. Они подавляются, но не исчезают: «Бессознательные желания всегда остаются активными». Фактически, приходит к выводу Фрейд, «они остаются нерушимыми. В бессознательном ничего не кончается, ничего не пропадает и не забывается». Однако со временем эти желания усложняются. То, что Фрейд называл первичным процессом, то есть набор примитивных и неприрученных психических сил, имеющихся в душе с самого начала, по-прежнему подчиняется принципу удовольствия: он стремится к удовлетворению, неосторожно, откровенно грубо, не обладая терпением для

размышлений или отсрочки. Однако за долгие годы своего развития психика учится накладывать на него вторичный процесс, учитывающий реальность; он регулирует работу психики менее страстно и более эффективно – при помощи размышлений, расчетов и откладывания удовольствия, чтобы насладиться им позже. Основатель психоанализа предостерегал от переоценки влияния вторичного процесса, поскольку первичный сохраняет свою жадность на протяжении всей человеческой жизни. Таким образом, как лаконично сформулировал сам Фрейд в последующих изданиях книги, исследователь сновидений обязан признать, что «психическая реальность представляет собой особую форму существования, которую нельзя путать с материальной реальностью». Завершая книгу на этой ноте, он триумфально утверждал амбициозную программу, которую только что начал. Если, с надеждой писал Фрейд в 1910 году, «Толкование сновидений», его самый главный труд, сумеет завоевать признание, то поставит и нормальную психологию на новую основу.

От Рима к Вене: прогресс

Возможно, самой интригующей – во всяком случае, среди наиболее пикантных ключей к подсознанию Фрейда, которые он разбросал по книге «Толкование сновидений», – была тема Рима, сияющего вдали как желанная награда и непостижимая угроза. Это был город, который Фрейду очень хотелось посетить, но его желание странным образом разрушалось чем-то вроде похожего на фобию запрета. Он неоднократно проводил отпуск в Италии, но не приближался к Риму ближе Тразименского озера, примерно в 80 километрах от города. Именно там карфагеняне под командованием Ганнибала нанесли поражение римлянам, которых возглавлял консул Гай Фламиний. В конце 1897 года Фрейд мечтал, что они с Флиссом проведут один из своих «конгрессов» в Риме, а в начале 1899-го обдумывал идею встретиться там на Пасху. Ему показалось превосходной идеей, писал Фрейд в конце этого же года, «впервые услышать вечные законы жизни в Вечном городе». Основатель психоанализа изучал топографию Рима в, как он сам говорил, мучительном томлении, понимая, что в его одержимости явно есть нечто странное. «Несомненно, – признавался он Флиссу, – моя жажда побывать в Риме глубоко невротична. Она связана с моим юношеским почитанием героя-семита Ганнибала». Нам известно, что Фрейд истолковывал свое Gymnasialschwärmerei как выражение страстного желания дать отпор антисемитам и сокрушить их…

Завоевание Рима означало триумф в самом сердце – штаб-квартире – непримиримых врагов: «Ганнибал и Рим символизировали для юноши противоречие между упорством еврейства и организацией католической церкви». Но это было еще не все. Желание попасть в Рим, отмечал Фрейд, стало «маской и символом многих других страстных желаний». Эти желания, намекал он, эдиповы по своей природе; Фрейд вспоминал, как древний оракул предсказал Тарквиниям: тот из них, кто первый страстно поцелует мать, будет властвовать над Римом[74]. Исполненный смысла и амбивалентный символ, Рим для Фрейда олицетворял скрытую эротику и чуть менее скрытые агрессивные желания, раскрывая их тайную историю.

Ко времени выхода в свет «Толкования сновидений» Фрейд еще не завоевал Рим. Тем не менее он нашел это вполне уместным – сие соответствовало чувству одиночества и разочарования, которое преследовало его в эти неспокойные годы внутреннего освобождения и смелого теоретизирования. Книга созревала давно, и ее завершение Фрейд воспринял как утрату. Какое-то время он пребывал в подавленном настроении и в начале октября 1899 года согласился с замечанием Флисса, что при расставании с чем-то очень близким твоему сердцу испытываешь мучительные чувства. Он отбросил самокритику и теперь признавался, что книга ему нравится гораздо больше. Публикация должна была протекать еще мучительнее, полагал он, поскольку он «…оторвал от себя не какое-то абстрактное достояние, а собственные переживания». Не улучшали настроения и слабые, все еще далекие предчувствия, что ему, возможно, предстоит расстаться с Флиссом, с которым были связаны дорогие сердцу переживания тех лет. Не способствовало умиротворению и известие, что ему отказали в профессорском звании – уже не в первый раз. Фрейд отправил один из двух первых экземпляров своей книги о сновидениях Флиссу в качестве подарка на день рождения и приготовился к откликам читателей: «Я уже давно примирился с этим и жду встречи с судьбой – с покорностью и смирением».

Ожидания Фрейда были реальными – в отличие от смирения. Его приводили в уныние, расстраивали и раздражали первые читатели книги о сновидениях, которые вместо того, чтобы хвалить целое, указывали на мелкие ошибки. Протестующих криков, к которым он приготовился, не последовало, однако первый отзыв о «Толковании сновидений», появившийся довольно скоро, уже в декабре, ему не понравился. С точки зрения критики он был просто бессмысленным, жаловался Фрейд Флиссу, и как рецензия неудовлетворительным. Рецензент, некто Карл

Мецентин, отчасти реабилитировал себя в глазах Фрейда одним-единственным словом – труд «эпохальный». Но этого было недостаточно. Фрейд считал, что отношение жителей Вены к его идеям крайне отрицательное, и пытался подбодрить себя мыслью, что они с Флиссом – отважные первооткрыватели: «Как бы то ни было, мы ушли ужасно далеко». Но плохое настроение не рассеивалось. «Теперь у меня совсем нет сил для теоретической работы. Поэтому вечером мне ужасно скучно».

Не принес облегчения и новый век. В начале января 1900 года обзор в Die Zeit, популярной венской ежедневной газете, произвел на Фрейда впечатление бестолкового, крайне нелицеприятного, необыкновенно необъективного. Другая статья, в Nation, написанная его знакомым – поэтом и драматургом Якобом Юлиусом Давидом, была, по словам основателя психоанализа, доброжелательной и чуткой, хотя и несколько расплывчатой. Она не смогла его утешить. «Я нахожу научные изыскания все более утомительными. Вечером я бы предпочел отвлечься и повеселиться. Но я всегда один». Это подозрительно напоминает жалость к самому себе. Похоже, Фрейд был решительно настроен считать, что окружен пустотой, и не ждать ничего, кроме непонимания и пренебрежения. «Я буквально отрезан от внешнего мира, – сетовал он в марте 1900 года. – Ни один маленький листок не пошевелился, открывая, что «Толкование сновидений» кого-то заинтересовало. Лишь вчера я был удивлен довольно доброжелательным абзацем в обзоре ежедневной газеты Wiener Fremdenblatt». Теперь его удивляли только хорошие новости. «Я даю волю своим фантазиям, играю в шахматы, читаю английские романы; все серьезное остается под запретом. За два месяца ни строчки о том, что я исследую или над чем размышляю. Таким образом, свободный от своей профессии, я живу сибаритствующим обывателем. Ты знаешь, насколько ограничены мои удовольствия; курить мне вредно, алкоголь вообще на меня не действует, я перестал производить на свет детей, мои связи с людьми оборваны. Таким образом, я прозябаю, безвредный, следя за тем, чтобы отвлекать свое внимание от темы, над которой работаю в течение дня». Казалось, у него закончились силы.

Причины уныния Фрейда отчасти имели отношение к финансам – его практика была нестабильной. Основатель психоанализа рассчитывал, что его спасет самодисциплина и достигнутая таким трудом психологическая устойчивость, но положение в лучшем случае просто не ухудшалось. «В целом, – писал он 7 мая 1900 года, – за исключением одной слабости, моего страха перед бедностью, – у меня слишком много здравого

смысла, чтобы жаловаться». Он признавал: «…как много мне дано и как мало с меня спрашивается, если взять статистику человеческих страданий». Однако временами неспособность понять некоторых своих самых трудных пациентов и помочь им доводила Фрейда до отчаяния, и, когда его охватывало такое настроение, эти больные становились его мучителями. В конце зимы 1900 года, с нетерпением ожидая весны и солнца, он мрачно рассуждал о катастрофе и упадке. Фрейд был вынужден разрушить все свои замки из песка. Тем не менее он изо всех сил старался собраться с духом, чтобы начать возводить их заново.

Безразличие общества и личное одиночество усиливали друг друга. Фрейд сравнивал себя с Иаковом, борющимся с ангелом, – когда дыхание было готово остановиться, он молил ангела о пощаде. «Я буду справедливо наказан тем, – предсказывал он, и это было одно из самых неточных его предсказаний, – что потаенные уголки психики, куда до меня не проникал еще ни один смертный, никогда не будут носить моего имени и следовать сформулированным мною законам». Единственное, что Фрейд получил от своего противоборства с ангелом, была хромота, и он упивался сей печальной карикатурой на свое преждевременное угасание. «Теперь мне уже сорок четыре год, а и, как ты сможешь убедиться этим летом или осенью, теперь я просто старый и измученный еврей». Такого же мрачного тона он придерживался и в отношениях с семьей: благодаря берлинских племянниц за поздравление с днем рождения, Фрейд называл себя старым дядюшкой. Год спустя он со смирением отметил, что просил родных, по всей видимости тщетно, «перестать устраивать дни рождения стариков», и говорил, что похож скорее на престарелый памятник, чем на ребенка, у которого день рождения. С этих пор его все больше беспокоил возраст – даже сильнее, чем бедность.

Такие выразительные элегии, неизменно в миноре, свидетельствуют о том, насколько уязвимым был Фрейд в 1900 году – несмотря на весь свой самоанализ. Он избегал риска успеха, пробуждая призрак неудачи. Должно быть, знал, что оригинальность и скандальный характер его идей порождают либо растерянное молчание, либо гневное несогласие… Возможно, он воспринимал и то и другое как невольную похвалу. Однако Фрейд был недоволен своими рецензентами, пациентами, друзьями, самим собой. Рождение «ребенка, о котором он мечтал», действительно было трудным.

Фрейда обескуражил тот факт, что завершение труда, на который он возлагал столько надежд, почти не избавило его от

разочарования и не развеяло ощущение вынужденного одиночества. В марте 1900 года он с ностальгией оглядывался на предыдущее лето, когда с «лихорадочной активностью» заканчивал книгу о сновидениях. Затем он «глупым образом» опять заразился надеждой, что теперь сделан шаг к свободе и покою. «Прием книги и последовавшее молчание снова разрушили крепнущие отношения с моим окружением». Впрочем, постепенно Фрейд выходил из депрессии. В сентябре 1901-го, опираясь на поддержку самоанализа, он наконец преодолел давние опасения и в компании брата Александра посетил Рим. Подобно другим северянам, попадавшим в Вечный город, – Гиббону, Гёте, Моммзену, – он бродил по нему, ошеломленный и восхищенный. Христианский Рим угнетал его, современный казался подающим надежды и близким по духу, но больше всего Фрейда восхищал античный Рим и город эпохи Возрождения – он бросал монетку в фонтан Треви, очарованный стоял перед «Моисеем» Микеланджело. Эта поездка, бесстрастно отмечал он, нисколько не преувеличивая, дала самые яркие впечатления за всю его жизнь.

Ежедневно отправляя пространные послания семье, Фрейд задавался вопросом, что же так долго удерживало его от этого необыкновенного удовольствия. В открытке жене, которую он писал 3 сентября в полдень, напротив Парфенона, Фрейд восклицал: «Значит, вот чего я боялся столько лет!» Он нашел Рим очаровательно жарким, а римский свет величественным. Нет нужды беспокоиться за него, уверял Фрейд жену два дня спустя. Жизнь, которую он ведет, «великолепна для работы и удовольствий, когда забываешь о себе и о других вещах». 6 сентября, снова из Рима, он сообщает в характерной телеграфной манере, не скрывая своей радости: «Сегодня днем несколько впечатлений, память об одном из которых сохранится на многие годы». Позже во время своих частых визитов в Италию он будет восхищаться красотами Венеции и пейзажами (но не людьми) в окрестностях Неаполя[75]. Но Рим, этот святой город, останется для него неоспоримым фаворитом. В письме к дочери Матильде из Рима во время одного из этих путешествий основатель психоанализа сообщал, что не хотел останавливаться во Фьезоле, милом местечке среди холмов над Флоренцией, потому что его тянет к суровой серьезности Рима. И действительно, «этот Рим необыкновенно удивительный город – что уже обнаружили многие».

Вскоре Зигмунд Фрейд воспользовался психологическими преимуществами, которые дало ему завоевание Рима. Его поездка была одновременно символом и инструментом большей

внутренней свободы, знаком большей гибкости, возможности для социального и политического маневра; фактически она помогла ему выбраться из двусмысленного заточения, одновременно приятного и пугающего, из «чудесной изоляции». Осенью 1902 года в своей квартире на Берггассе, 19, Фрейд каждую среду начал встречаться с очень маленьким, но постоянно растущим кругом врачей – поначалу их было только пять человек – и несколькими заинтересованными непрофессионалами, которые под его неоспоримым председательством обсуждали истории болезни, теорию психоанализа и пробовали свои силы в психобиографии. По прошествии чуть более полугода, в феврале, Зигмунд Фрейд наконец получил звание профессора, к которому стремился столько лет и которое уже давно заслужил. С тех пор он навсегда обрел положение в обществе, внимание общественности, пылких поклонников и жаркие дискуссии.

Сложная история научной карьеры Фрейда проливает некоторый свет на пути продвижения по службе – одновременно запутанные и удобные – в Австро-Венгерской империи. Оригинальность не обязательно являлась преградой, а заслуги – необходимостью. Гарантировать карьерный рост могли только связи, которые носили название Protektion[76]. Фрейд был приват-доцентом – Privatdozent – с 1885 года. По прошествии долгих 12 лет, в феврале 1897-го, двое из его самых влиятельных старших коллег, Герман Нотнагель и Рихард Крафт-Эбинг, выдвинули его кандидатуру на должность внештатного профессора – Ausserordentlicher Professor. Эта должность ценилась в основном из-за престижа (и более высоких расценок на консультации), но не предполагала ни регулярного жалованья, ни членства в совете профессоров медицинского факультета. Тем не менее звание профессора, как откровенно признавался Фрейд, «в нашем обществе делает врача полубогом для его больных». Другие врачи из поколения Фрейда неуклонно поднимались в профессиональной иерархии, в то время как сам он оставался приват-доцентом. Комитет из семи человек, назначенный для его выдвижения, собрался в марте 1897 года и безоговорочно высказался в поддержку Фрейда. В июне медицинский факультет одобрил рекомендацию при 22 голосах за и 10 против. Министерство образования никак не отреагировало.

Фрейд молча наблюдал, как год за годом ему отказывают в продвижении по службе. Он не хотел ступать на «скользкий склон», привлекая сторонников, которые могли бы задействовать свои связи в высших бюрократических кругах. Австрийская система Protektion вызывала у него отвращение. Зигмунд Фрейд

не считал, что находится в отчаянном положении и не сможет обойтись без профессорского звания. Как бы то ни было, он его заслужил; объемные монографии об афазии и детском церебральном параличе, одна опубликованная в 1891-м, а вторая шестью годами позже, были убедительной демонстрацией его компетенции в самых традиционных областях медицины. Но профессорского звания Фрейд не получил ни в 1897-м, ни в 1898-м, ни в 1899-м, ни даже в 1900 году, когда император Франц Иосиф своим указом одобрил несколько предложенных кандидатур. Затем, в конце 1901-го, Фрейд переменил свое мнение. К отвращению добавилось чувство вины, но он перешел к активным действиям. Результат оказался быстрым и эффектным: 22 февраля 1902 года монарх подписал указ о присвоении Фрейду звания внештатного профессора. Это было радостное событие для всей семьи. Сестра Фрейда Мария сразу написала в Манчестер, и их сводный брат Филипп в ответном письме выразил радость по поводу хорошей новости, касающейся «нашего любимого брата Сигизмунда», и попросил сообщить подробности о его продвижении по службе.

В письме Фрейда Флиссу, одном из последних в их переписке, этих подробностей более чем достаточно. Флисс поздравил Фрейда с тем, что он теперь наконец Herr Professor, используя при этом такие слова, как «признание» и «влияние». В ответном письме Фрейд, движимый «привычным, разрушительным стремлением к честности», с некоторым сарказмом признался, что сам все организовал. В минувшем сентябре после возвращения из Рима он увидел, что его практика существенно сократилась, почувствовал – с учетом растущего отдаления от Флисса – себя еще более одиноким и понял, что пассивное ожидание профессорского звания может занять всю оставшуюся жизнь. «А мне хотелось еще раз увидеть Рим, лечить моих пациентов, дарить радость моим детям». Все это и вынудило его все-таки ступить на «скользкий склон» – искать Protektion. «Поэтому я решил порвать с суровой добродетелью и подобно другим смертным предпринять необходимые шаги». Четыре года он просто ждал, но теперь нанес визит своему старому учителю Зигмунду фон Экснеру, профессору физиологии, который довольно резко посоветовал ему нейтрализовать враждебное отношение в Министерстве просвещения и искать влияние в свою пользу. Фрейд так и сделал – мобилизовал «своего давнего друга и пациентку» Элизу Гомперц, бывшую замужем за Теодором Гомперцем, выдающимся исследователем классической литературы, который нанимал юного Фрейда для перевода нескольких очерков в немецком издании Джона Стюарта Милля.

Элиза вмешалась, но выяснила, что он не попросил Нотнагеля и Крафт-Эбинга обновить свои рекомендации. Они вновь выдвинули кандидатуру Фрейда, однако это не помогло.

Затем за дело взялась еще одна его приятельница и пациентка, баронесса фон Ферстель, которая в общественной иерархии стояла еще выше, чем фрау Гомперц. Баронесса устроила так, чтобы ее представили министру образования, и убедила его пожаловать профессорское звание врачу, который «… вернул ей здоровье». Не обошлось и без подарка. Фрейд сообщает, что «взяткой» стала картина современного чешского художника, графика и фотографа Эмиля Орлика – министр собирался основать галерею. Если бы, язвительно замечает при этом Фрейд, владелицей картины некоего Беклина (он, предположительно, ценился выше Орлика) была Мари Ферстель, а не ее тетя, он получил бы звание на три месяца раньше. Однако самый едкий сарказм Фрейд приберег для самого себя. Несмотря на то что указ еще не был опубликован в Wiener Zeitung, он сообщил Флиссу: «… новости о надвигающемся событии быстро распространяются от официальных лиц. Интерес публики очень велик. Даже теперь поздравления и букеты цветов сыплются дождем, как будто роль сексуальности внезапно была признана его величеством, значение сновидений признано Советом министров, а необходимость психоаналитической терапии истерии принята парламентом большинством в две трети голосов». Он наконец узнал, «что нашим Старым Светом доллар правит так же, как и Новым». Совершив свой первый реверанс в сторону властей, прибавлял Фрейд, теперь он может надеяться на вознаграждение. Он был дураком, ослом, когда просто пассивно ждал: «Во всем этом деле есть один персонаж с очень длинными ушами, который недостаточно оценен в твоем письме, то есть я». Совершенно очевидно, «если бы я предпринял несколько этих шагов три года назад, то получил бы звание три года назад и тем избавил бы себя от многих забот. Другие додумались до этого без необходимости предварительно посетить Рим». В изложении Фрейда это звучало так, словно он совершил хождение в Каноссу[77], босиком по снегу. Его радость по поводу нового звания была достаточно искренней, но омрачалась дискомфортом из-за постыдных методов, к которым пришлось прибегнуть, чтобы получить то, что он должен был получить по праву.

Из всей этой истории очевидно одно: научная карьера Фрейда явно – и, похоже, намеренно – замедлялась. Довольно много врачей становились приват-доцентами, а некоторые даже полными профессорами через четыре или пять лет, а иногда даже спустя год. С 1985-го, когда начался период ожидания Фрейда,

среднее время между присвоением званий доцента и профессора составляло восемь лет. Великий Юлиус фон Вагнер-Яурегг, будущий лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, который стал доцентом в 1885 году, одновременно с Фрейдом, получил звание профессора всего через четыре года. Фрейду пришлось ждать 17 лет. За исключением горстки претендентов, которые вообще не стали профессорами, из почти 100 врачей, получивших звание доцента в последние 15 лет XIX века, только четверо ждали дольше. Экснер был прав – в официальных кругах существовало прочное предубеждение.

Безусловно, не следует сбрасывать со счетов и антисемитизм. В то время как евреи, даже те, кто отверг выгодное убежище крещения, продолжали занимать видные позиции в медицинских кругах Австрии, стремительно распространявшаяся зараза антисемитизма не обошла и влиятельных чиновников. В 1897 году, когда Нотнагель сообщил Фрейду, что они с Крафт-Эбингом выдвинули его кандидатуру, он также предупредил, что питать особые надежды рано: «Вы понимаете дальнейшие трудности». Нотнагель явно намекал на неблагоприятную для евреев атмосферу в Вене в тот период, когда градоначальником был Люгер. Как мы видели, антисемитизм в 90-х годах XIX столетия был более жестоким, более открытым, чем в начале 70-х, когда Фрейд студентом университета столкнулся с некоторыми его проявлениями. В 1897-м Люгер, прочно сидевший в своем кресле, мог манипулировать ненавистью к евреям, чтобы достичь собственных политических целей. Тот факт, что эта атмосфера влияла на продвижение по службе евреев в Австрии, ни для кого не был секретом – все это признавали. В своем романе «Путь на волю», действие которого разворачивается на рубеже веков, Артур Шницлер вложил в уста одного из еврейских персонажей, врача, такие слова, обращенные к сыну, протестующему против вездесущей нетерпимости: «В конечном итоге личность и заслуги всегда побеждают. Какая тебе в том беда? Просто ты получишь профессорское звание на несколько лет позже, чем кто-то другой». Именно это и произошло с Фрейдом.

Однако антисемитизм, вероятно, был не единственной причиной такого медленного развития профессиональной карьеры Зигмунда Фрейда. Его скандальные теории о происхождении неврозов вряд ли могли понравиться тем, в чьей власти было сделать этот путь легче. Основатель психоанализа жил в культуре, так же сильно озабоченной приличиями, как и любая другая, но более других озабоченной титулами. Не так давно – всего лишь в 1896 году – он читал лекцию о сексуальном происхождении истерии, свою «научную сказку», перед Венским

обществом психиатров и неврологов. Мотивы нежелания властей признавать и вознаграждать научные заслуги Фрейда он сам назвал бы сверхдетерминированными – сложными и до конца не осознанными.

Мотивы Фрейда, в смысле как терпения, так и внезапного обращения к энергичным действиям, гораздо яснее. Он всегда стремился к славе, но ценил славу, которая не куплена, полагая, что она приносит наивысшее удовлетворение: награда исключительно за заслуги. Он не хотел уподобляться человеку, который организует собственный день рождения, чтобы окружающий мир не забыл о внимании, которое обязан ему оказать. Однако разочарование от долгого ожидания статуса стало невыносимым. Реализм одержал верх над фантазиями. И над строгими нормами этики тоже. Пришлось принять Вену такой, какая она есть. Разумеется, Фрейд давно знал, что звание откроет перед ним многие двери и существенно увеличит его доходы, но одни лишь материальные соображения не смогли бы превратить его в, как он сам презрительно называл себя, карьериста – Streber. Как бы то ни было, заботы о деньгах – это его старые и хорошо знакомые товарищи. Скорее, обретенная возможность удовлетворить свое желание посетить Рим и превзойти своего героя Ганнибала позволила Фрейду смягчить отношение и к другим желаниям. Нельзя сказать, что он решил не обращать внимания на совесть – такую глубокую черту личности невозможно просто взять и отбросить, но теперь Фрейд нашел способы умерить жесткие требования к нравственности.

Все это, а также многое другое мы знаем из более чем откровенного письма Фрейда Флиссу. Его тон, смесь оправдания и извинения, показывает, чего стоила основателю психоанализа недавно обретенная решительность. Фрейд ждал, но «…ни один из знакомых не побеспокоился обо мне». Однако после завоевания Рима «удовольствие от жизни и работы несколько усилилось, а удовольствие от мученичества несколько ослабло». Должно быть, это одна из самых откровенных фраз, которые Зигмунд Фрейд когда-либо произносил о себе. Его совесть была не просто строга – она была жестока. Мученичество стало искуплением преступлений, совершенных или присутствовавших в юношеских фантазиях, – будь то бедность, одиночество, неудачи или преждевременная смерть. Нравственным мазохистом Фрейд не был, но все же некоторое удовольствие от страданий получал.

Об этом свидетельствует и его привычка драматизировать интеллектуальную изоляцию. В нем было что-то от адвоката и сказочника – оба этих ремесла предполагают склонность к ярким

краскам и резко очерченным контурам. Кроме того, Фрейд был похож на застенчивого героя, который отождествлял себя с такими гигантами мировой истории, как Леонардо да Винчи, не говоря уже о Моисее… Эти игры ума, одновременно серьезные и шутливые, придают его сообщениям с поля боя некую величественную простоту. Впрочем, автобиографические свидетельства Фрейда фиксируют эмоциональную истину: именно так он ощущал свою борьбу. Шрамы от полученных ран продолжали болеть даже в зрелом возрасте. В 1897 году Фрейд вступил в венское отделение Бней-Брит – самой старой и одной из наиболее многочисленных еврейских общественных организаций, – основанное двумя годами раньше, стал читать популярные лекции своим соплеменникам. Чувствуя, что его словно подвергают остракизму, основатель психоанализа искал «избранный круг» людей, которые привечают его «…независимо от моей смелости». Воспоминания об этих годах неизменно портили ему настроение. «Но более десяти лет после разрыва с Брейером приверженцев у меня не было. Я находился в полной изоляции. В Вене меня избегали, заграница мною не интересовалась», – писал он четверть века спустя. Что касается «Толкования сновидений», книга, по его словам, почти не удостоилась рецензий в специальных журналах.

Каждое из этих заявлений несколько вводит в заблуждение. Разрыв Фрейда с Брейером был постепенным, а не внезапным, с периодами примирения. В любом случае, Фрейд не был абсолютно одиноким: Флисс и, в меньшей степени, Минна Бернайс поддерживали его в самые трудные годы исследований. Не отвергали его и в медицинских кругах Вены. Выдающиеся специалисты были готовы дать рекомендации индивидуалисту, теории которого они считали в лучшем случае экстравагантными. Как мы видели, Крафт-Эбинг, который в 1896 году назвал лекцию Фрейда о происхождении неврозов сказкой, через год выдвинул его кандидатуру на профессорское звание. Кроме того, несмотря на некоторую задержку как дома, так и в других странах, книга о сновидениях вызвала доброжелательные и даже восторженные отклики. Вне всяких сомнений, у Фрейда имелись веские основания считать себя пионером в исследовании этой опасной территории. Научные журналы, полагая, что его идеи абсурдны, давали им еще более презрительные названия. Фрейд просто упрямо держался за свое одиночество, принижая, а иногда даже отбрасывая благоприятные свидетельства, как будто суеверные размышления о страданиях и неминуемой смерти умилостивят ревнивых богов, которые больше всего ненавидят веселье и успех. Но суеверие, как сам себе продемонстрировал Фрейд, есть

ожидание несчастий путем проецирования во внешний мир постыдных и неприятных желаний. Его собственное суеверие указывает на бессознательные конфликты, которые терзали основателя психоанализа в детстве, на агрессивные фантазии и соперничество с братьями и сестрами, не говоря уж о страхе наказания за дурные желания.

В конце 90-х годов XIX века – со смертью отца, ускорившимся созданием теории самоанализа и его совершенствованием – Фрейд как будто с особой яростью атаковал свои эдиповы конфликты. Работая над «Толкованием сновидений», он бросал вызов суррогатным отцам – учителям и коллегам, которые взрастили его, но которых он теперь покидал[78]. С каждым месяцем рискуя все больше, он шел своей дорогой. Первая поездка в Рим в сентябре 1901 года окончательно оформила его независимость. Прокладывая путь сквозь тьму, сопротивляясь своей потребности в мученичестве и одновременно испытывая ее, Зигмунд Фрейд демонстративно платил свои психологические долги.

Но он работал, а работа всегда возвращала его к самому себе. 1901-й выдался чрезвычайно беспокойным. С некоторой неохотой Фрейд написал обзор примеров из «Толкования сновидений», опубликованный в этом же году под названием «О сновидении». Возвращение к маршруту, который он уже с таким трудом проложил, вызывало у него скуку и раздражение. Гораздо большее удовольствие Фрейду доставляло завершение работы над «Психопатологией обыденной жизни» – как нам известно, книга вышла в свет в этом же году. Еще более интригующим был случай истерии – знаменитая Дора. Бóльшую часть описания этого случая Фрейд составил в январе, но опубликовал только в 1905 году. Время от времени он занимался психоанализом шуток, ставшим предметом книги, также опубликованной в 1905-м, но самым главным – к его некоторой растерянности и удивлению – стал тот факт, что давние и разрозненные идеи относительно сексуальности начали складываться в целостную теорию.

Карта сексуальности

Во время подготовки «Толкования сновидений» к печати в голове Фрейда бурлили идеи, связанные с сексуальностью. «Как это ни странно, все происходит на самом нижнем этаже», – писал он Флиссу в октябре 1899 года. «Теория сексуальности, – пророчески прибавлял Фрейд, – может стать следующей после книги о снах». Жизнь казалась унылой, однако он неуклонно, хотя и медленно, размышлял над этой преемницей. В январе

следующего года Фрейд уже сообщил, что «собирает данные для теории сексуальности и ждет, пока накопленный материал не воспламенится от внезапно возникшей искры». Ему пришлось немного задержаться. «В нестоящее время, – говорится в его февральском письме 1900 года, – удача покинула меня; я больше не нахожу ничего полезного».

Разрабатывая общую теорию сексуальности, Фрейд следовал по тому пути, который как нельзя лучше соответствовал его складу ума, был ему практически необходим: признания пациентов, более или менее туманные, самоанализ и почерпнутое из литературы перемешивались в его мозгу в поисках согласия. Основатель психоанализа никогда не удовлетворялся только наблюдениями; он ощущал непреодолимое желание встроить их в упорядоченную схему. Временами он совершал стремительные набеги на неисследованную территорию с чрезвычайно скудного плацдарма фактов, но затем отступал, что было разумно, и ждал их подкрепления. Фрейд доверял своему подсознанию. «Что касается моей работы, – сообщал он Флиссу в ноябре 1900 года, – то я не могу сказать, что она вновь остановилась. На скрытом уровне дела, возможно, обстоят неплохо, однако время пожинать плоды явно не наступило». Не нащупав связей, он пребывал в неустойчивом, возбужденном состоянии, едва сдерживая себя при помощи воспитанного с таким трудом терпения. Облегчение приносило лишь ощущение найденного решения.

В отношении «Трех очерков по теории сексуальности» это облегчение пришло только в 1906 году. Подобно другим фундаментальным теоретическим положениям Фрейда, его теория либидо развивалась медленно. На каждом шагу этого пути консервативный буржуа Фрейд был вынужден сражаться с конкистадором Фрейдом. Для самого основателя психоанализа предположения относительно полового влечения были чуть менее скандальными, чем для большинства его читателей. Почему он «забыл» замечания Шарко, Брейера и Хробака о непременном присутствии «гениталий» в нервных заболеваниях? Каждый случай такой забывчивости, как подробно задокументировал сам Фрейд в «Психопатологии обыденной жизни», свидетельствует о сопротивлении.

Но Фрейд преодолел это сопротивление раньше и в более полной мере, чем большинство врачей или образованной, готовой воспринимать разного рода информацию публики. В деликатной сфере сексуальности он гордился своим иконоборчеством, своей способностью ниспровергать добродетели среднего класса. В письме выдающемуся американскому неврологу Джеймсу

Джексону Патнему Фрейд признавал себя реформатором только в этой области. «Половая мораль – как определяет ее общество, и в самой жесткой форме американское, – представляется мне достойной глубочайшего презрения. Я выступаю за неизмеримо более свободную половую жизнь». Фрейд сделал это решительное заявление в 1915-м, но десятью годами раньше, отвечая на вопросы анкеты о реформе закона о разводах в Австро-Венгерской империи – для католиков развод был не разрешен, только узаконенное раздельное жительство супругов, – он выступал за предоставление большей степени сексуальной свободы, осуждал нерасторжимость брака как противоречащую важным этическим и гигиеническим принципам и психологическому опыту, прибавляя, что большинство врачей серьезно недооценивают мощное половое влечение – либидо.

Отношение Фрейда к этому влечению, а также к его влиянию на жизнь как психически здоровых людей, так и невротиков, разумеется, восходит к началу 90-х годов XIX столетия. Он подтверждал это отношение в многочисленных статьях. Даже отказ осенью 1897 года от теории совращения не заставил основателя психоанализа отступить со своих позиций. Наоборот, он позволил Фрейду проследить сексуальные желания и разочарования до детских фантазий. Переживания от эдипова комплекса, еще одного открытия того периода, были, что характерно, эротическими переживаниями.

Зигмунд Фрейд напомнил миру о том, что тот не желал слышать, но он был не единственным и не первым, кто признал силу сексуальности. На самом деле викторианцы, несмотря на свою обычную осторожность, проявляли гораздо меньше ханжества в отношении эротики, чем утверждали их критики, к числу которых принадлежал и Фрейд. Но пальма первенства принадлежала сексологам. Крафт-Эбинг опубликовал свою работу «Половая психопатия» еще в 1886-м. Он выбрал для нее понятное лишь посвященным название и самые щекотливые подробности облек в латынь[79], но книга тем не менее не только мгновенно стала классикой научного исследования извращений – она имела успех у публики. Эта работа Крафт-Эбинга, постоянно исправлявшаяся и дополнявшаяся, открыла новую область для серьезных медицинских исследований. Все специалисты, включая Фрейда, были многим ей обязаны. В конце 90-х годов XIX века «Половая психопатия» была дополнена работами Хэвлока Эллиса, английского врача, стоявшего у истоков сексологии как научной дисциплины, смелого энтузиаста, не связанного никакими ограничениям и даже чрезмерно многословного собирателя знаменитых историй об отклонениях в сексуальном поведении. К

1905 году, когда была издана работа Фрейда «Три очерка по теории сексуальности», небольшая группа сексологов начала публиковать монографии и юридические обоснования на эротические темы, которые до сих пор ограничивались мужскими шутками, порнографическими романами и статьями в псевдонаучных журналах.

В «Трех очерках» Фрейд отдал должное этой литературе. На первой странице книги он ссылается на «известные публикации», называя не менее девяти имен, от таких первопроходцев, как Крафт-Эбинг и Хэвлок Эллис, до Ивана Блоха, немецкого дерматолога, венеролога и сексолога, ярого сторонника евгеники, и Магнуса Хиршфельда, тоже немецкого сексолога, исследователя человеческой сексуальности, в частности гомосексуальности, и защитника прав сексуальных меньшинств. К этому списку Фрейд мог бы прибавить и других. Некоторые из этих специалистов по эротике занимали особенно активную позицию, выступая за более терпимое отношение к тому, что все называли половыми извращениями. Но даже эти пропагандисты гомосексуальных утех не были свободны от претензий на объективность исследований. Фрейд, не разделявший сексуальных предпочтений издателя, тем не менее считал журнал Хиршфельда «Ежегодник промежуточных сексуальных ступеней» весьма полезным. Наиболее откровенные среди сексологов, такие как Хэвлок Эллис, подвергались опасности судебного преследования, но издаваемая ими литература значительно расширила область обсуждаемого. Они поднимали перед врачами и читающей публикой в целом такие секретные вопросы, как гомосексуальность.

Несмотря на столь вдохновляющую компанию, Фрейду потребовалось несколько лет, чтобы полностью признать детскую сексуальность, фундаментальную идею, без которой его теория полового влечения оставалась далеко не полной. До Фрейда Флисс и некоторые другие исследователи уже выдвигали предположения о раннем «происхождении» половой жизни. Еще в 1845 году в статье о борделях малоизвестного провинциального немецкого врача Адольфа Патце в одном из примечаний было отмечено, что «половое влечение уже проявляется у маленьких детей – шести-, четырех– и даже трехлетних, а в 1867-м гораздо более известный английский психиатр Генри Модсли высмеял представление о том, что инстинкт продолжения рода не дает о себе знать до полового созревания. Он обнаружил частые проявления его существования в детстве, как у животных, так и у людей, без осознания цели или намерения слепого импульса. «Тот, кто утверждает обратное, – решительно прибавил Модсли, – должно быть, почти не обращал внимания на игры молодых

животных и, наверное, странным образом или лицемерно забыл события собственного детства». Нет никаких свидетельств, что Фрейд был знаком с брошюрой Патце, но он знал о работе Модсли, и с середины 90-х начал обдумывать идею детской сексуальности, пока еще осторожно. В 1899 году в «Толковании сновидений» он бесстрастно вскользь замечает, что мы считаем «детство счастливым, потому что ему неведомы пока еще сексуальные страсти». Эта фраза служит убедительным свидетельством стойкости общепринятого мнения, или его остатков, даже у такого бесстрашного исследователя, как Фрейд[80]. Однако в той же книге, в первом опубликованном упоминании эдипова комплекса, он продемонстрировал свою убежденность, что дети тоже наделены сексуальными чувствами. В «Трех очерках по теории сексуальности» основатель психоанализа уже не сомневался в этом. Именно второй очерк, «Инфантильная сексуальность», образует ядро книги.

Иногда Фрейд выглядит слишком скромным в своих оценках «Трех очерков». Он не знал, как определить истинную ценность книги. Так, в 1914 году в предисловии к третьему изданию Зигмунд Фрейд предостерегал читателей против неоправданных ожиданий: на этих страницах невозможно найти полную теорию сексуальности. Показательно, что первый из трех связанных дуг с другом очерков посвящен не громадному царству «нормальной» эротики, а более ограниченной области «сексуальных отклонений». Но постепенно, по мере того как выходили новые издания книги, Фрейд обнаружил, что «Три очерка» и содержащиеся в них теории можно применять в качестве стратегического оружия для защиты психоанализа от очернителей. Он использовал эту работу как лакмусовую бумажку, отделяющую тех, кто действительно принимал его теорию полового влечения, от тех, кто не желал признавать за сексуальностью ту важную роль, которую придавал ей Фрейд, или тех, кто благоразумно старался держаться подальше от его скандальных идей. В любом случае читатели требовали от «Трех очерков» больше, чем автор готов был дать. Книга Фрейда о сексе, в последующих изданиях которой открывался еще более широкий взгляд на связанные с половым влечением желания и их разнообразную судьбу, неразрывно связана с работой о сновидениях и не уступает ей если не по объему, то по значению. Временами сам Фрейд приходил к такому же выводу. «Сопротивление детской сексуальности, – писал он в 1908 году Карлу Абрахаму, своему сотруднику, которого называл лучшим учеником, – укрепляет меня во мнении, что три очерка – это

достижение, сравнимое по ценности с «Толкованием сновидений».

Первый очерк, примечательный не только сдержанным, бесстрастным тоном, но и широтой, без ухмылок и жалоб демонстрирует самую разнообразную коллекцию эротических предпочтений и склонностей: гермафродитизм, гомосексуальность, педофилия, содомия, фетишизм, эксгибиционизм, садизм, мазохизм, копрофилия, некрофилия. Иногда кажется, что Фрейд придерживается общепринятой, критической точки зрения, однако осуждение ни в коем случае не входило в его намерения. Перечислив то, что он называл самыми отвратительными перверсиями, Фрейд описывает их нейтральным тоном, даже одобрительно; здесь «совершается определенная душевная работа», у которой, «несмотря на ее ужасный результат, нельзя отнять значения идеализации влечения». И действительно, «всемогущество любви нигде, пожалуй, не проявляется так сильно, как в этих ее заблуждениях».

Цель Фрейда при составлении перечня заключалась в том, чтобы навести порядок в обескураживающем разнообразии эротических удовольствий. Он разделил их на две группы – отклонения от нормального сексуального объекта и отклонения от нормальной сексуальной цели, а затем встроил их в спектр приемлемого поведения человека. Как уже часто бывало, Фрейд предположил, что своими отклонениями в сексуальной жизни невротики проливают свет на более общие явления. Здесь с удивительной ясностью видна еще одна его попытка на основе клинических материалов нарисовать картину общей психологии. Психоанализ открывает, что «неврозы во всех своих формах сплошными рядами постепенно переходят в здоровье». Фрейд приводит слова немецкого психолога Пауля Юлиуса Мебиуса, который говорил, что все мы немного истеричны. Все люди в основе своей перверсивны; невротики, симптомы которых образуют нечто вроде негативных аналогов перверсии, лишь демонстрируют эту универсальную, изначальную предрасположенность более выраженно, чем «нормальные» люди. Симптомы невроза «отражают сексуальное поведение больных». Таким образом, для Фрейда невроз не странное, экзотическое заболевание, а, скорее, слишком распространенное последствие незавершенного развития, то есть неразрешенных конфликтов детства. Невроз – это состояние, в котором больной вернулся к давним столкновениям. Другими словами, он пытается завершить незаконченное дело. С этой формулировкой Фрейд подошел к самому деликатному предмету – детской сексуальности.

Психоанализ – это эволюционная психология, которая сама претерпела серьезные эволюционные изменения. Зигмунд Фрейд предложил окончательную теорию психологического развития, ее фаз, ее доминантных конфликтов только в 20-х годах прошлого столетия, и в этом ему существенно помогли более молодые психоаналитики, такие как Карл Абрахам. Первое издание «Трех очерков» Фрейда все еще представляло собой описание сексуальной истории человека. Лишь в 1914 году он добавил главу о сексуальной организации. Тем не менее в первом издании Фрейд нашел место для обсуждения эрогенных зон, тех частей тела – в частности, рта, ануса и гениталий, – которые в процессе развития становятся средоточием сексуального удовлетворения. В 1905-м он также говорил о составных мотивах. Для теории Фрейда с самого начала было важно, что сексуальность не является простой, унитарной биологической силой, которая полностью сформированной появляется при рождении или впервые просыпается во время полового созревания.

Соответственно, в очерке об инфантильной сексуальности Зигмунд Фрейд проводит связь от волнений раннего детства к волнениям взрослой жизни через относительно спокойные годы – период латентности. Не заявляя напрямую о своем первенстве в этом открытии, Фрейд с удовлетворением указывал на то значение, которое он придавал проявлениям сексуальных желаний в детстве. Признавая, что в литературе встречаются «случайные замечания о преждевременных проявлениях сексуальности у маленьких детей», например об эрекции, мастурбации и даже о напоминающих коитус попытках, основатель психоанализа в то же время отмечал, что раньше о них писали только как о курьезах или об отталкивающих примерах ранней испорченности. Никто до него, с гордостью отмечал Фрейд, не имел четкого представления о закономерностях «сексуального влечения в детстве». Чтобы заполнить этот пробел, он написал второй из трех очерков о сексуальности.

Практически универсальную неспособность распознать сексуальное поведение детей Фрейд приписывал ханжеству и понятиям о пристойности, но не только им. Латентный период приблизительно с пяти лет до полового созревания, эта фаза развития, во время которой дети делают громадный интеллектуальный и нравственный рывок, отодвигает выражение детской сексуальности на задний план. Более того, необъяснимая амнезия закрывает годы раннего детства, словно толстое одеяло; общепринятое мнение, что сексуальная жизнь начинается в

период полового созревания, нашло желанное подтверждение в необъективных свидетельствах страдающих амнезией. Однако Фрейд, что было характерно для него, направил свое научное любопытство на очевидное. Об этой универсальной амнезии было известно давно, но никому не приходило в голову ее исследовать. Такая необыкновенно эффективная забывчивость стирает, утверждал он, детские эротические переживания – вместе с остальными событиями первых лет жизни.

Фрейд не поддерживал абсурдное утверждение, что детская сексуальность проявляется точно так же, как сексуальность у взрослых людей. Ни физическое, ни психологическое состояние ребенка этого не позволяют. Наоборот, детские сексуальные ощущения и желания принимают самые разнообразные формы, не обязательно явно эротические: сосание пальца и другие проявления аутоэротизма, сдерживание фекальных масс, соперничество с братьями и сестрами, мастурбация. В этой последней разновидности игры уже участвуют гениталии маленьких мальчиков и девочек. «Среди эрогенных зон детского тела имеется одна, которая, несомненно, не играет первую роль и не может также быть носительницей самых ранних сексуальных побуждений, но которой уготована важная роль в будущем». Фрейд имеет в виду, разумеется, пенис и вагину. «Сексуальные проявления этой эрогенной зоны, относящейся к действительным половым органам, образуют начало более поздней «нормальной» половой жизни». Показательны кавычки у слова «нормальной»: целям сексуального удовлетворения может служит любая часть тела, любой мыслимый объект. Какое бы то ни было насилие в детстве, будь то соблазнение или изнасилование, стимулирует то, что Фрейд аккуратно называет «полиморфно извращенной» наклонностью ребенка, однако «предрасположенность» к такому извращению является врожденной. То, что все привыкли называть нормальным сексуальным поведением, на самом деле лишь конечный пункт долгого, зачастую прерывистого пути, цели которого многие люди не достигают никогда, а еще больше тех, кто достигает ее редко. Достижение – это половое влечение в его зрелой форме.

Годы полового созревания и подростковый период, которым Фрейд посвятил последний из трех очерков, являются очень важным временем испытаний. Они консолидируют сексуальную идентичность, возрождают давно забытые эдиповы привязанности, устанавливают доминирующее положение гениталий для получения сексуального удовлетворения. Это главенство тем не менее не дает гениталиям эксклюзивной роли в

сексуальной жизни. Эрогенные зоны, с успехом использовавшиеся в детском возрасте, продолжают доставлять удовольствие, хотя низведены до источников «предварительного удовольствия», поддерживающего и усиливающего «конечное удовольствие». Следует заметить, что для Фрейда это конечное удовольствие содержит новые переживания, которые возникают только с приходом полового созревания. Он всегда подчеркивал долговременные последствия и диагностическое значение детства, однако никогда не отрицал опыт, с которым мужчины и женщины сталкиваются во взрослой жизни. Дело в том, что, как Фрейд однажды выразился, взрослые красноречиво защищают себя, и пришло время психологу действовать как адвокату детства, которое до сих пор надменно игнорировали.

Первое издание «Трех очерков по теории сексуальности» представляло собой тонкую книгу объемом чуть больше 80 страниц – небольшую, как ручная граната, и такую же взрывоопасную. В 1925 году, когда вышло шестое издание, последнее при жизни Фрейда, работа разрослась до 120 страниц. Впрочем, остались и некоторые загадки, ответ на которые так и не был предложен: определение удовольствия, фундаментальная природа желаний и самого сексуального возбуждения. Тем не менее синтез Фрейда кое-что прояснил. Отодвинув происхождение сексуальных переживаний в годы раннего детства, он смог объяснить, исключительно на природной и психологической основе, появление таких мощных эмоциональных тормозов, как стыд и отвращение, норм в области вкуса и морали, таких проявлений культуры, как искусство и научные исследования – включая психоанализ. Кроме того, его теория обнажила корни «взрослой» любви. В мире, который описал Зигмунд Фрейд, все связано: даже шутки и их эстетические последствия, а также «предварительные удовольствия», которые они генерируют, несут на себе печать сексуальных желаний во всех их проявлениях.

Великодушное отношение Фрейда к либидо делало его демократом от психологии. Поскольку эротическая жизнь общая для всех людей, все мужчины и женщины являются братьями и сестрами, несмотря на культурные различия. Радикалы упрекали основателя психоанализа за то, что сами называли генитальной идеологией, а также за то, что он говорил о гетеросексуальном половом сношении взрослого человека с нежно любимой партнершей и предварительных ласках как об идеале, к которому должны стремиться люди. Но поскольку Фрейд не связывал эту идею с моногамией, для той эпохи подобные взгляды считались в

высшей степени подрывными. Не менее провокационно выглядело его снисходительное, нейтральное отношение к перверсиям, поскольку он был убежден, что фиксация на первых сексуальных объектах, которую человек не перерос, будь то фетишизм или гомосексуальность, не преступление, не грех, не болезнь, не разновидность безумия и не симптом деградации. Это звучало очень современно, очень смело – другими словами, чрезвычайно антибуржуазно.

Тем не менее стоит подчеркнуть, что Зигмунд Фрейд не был пансексуалистом. Он решительно отвергал этот эпитет, но не потому, что втайне являлся пристрастным почитателем либидо, – просто считал, что его клеветники ошибались. В 1920 году в предисловии к четвертому изданию «Трех очерков» Фрейд не без мрачного удовлетворения напомнил читателям, что не он, а немецкий философ Артур Шопенгауэр, бунтарь и отщепенец, уже давно показал людям, насколько их действия и желания предопределяются сексуальными стремлениями. Об этом факте из истории культуры предпочли забыть те критики, которые настаивали, что психоанализ объясняет все сексуальностью. «Да позволено будет напомнить всем тем, кто с высоты своей точки зрения с презрением смотрит на психоанализ, как близко расширенная сексуальность психоанализа смыкается с эросом божественного Платона». Когда Фрейду было удобно, он – позитивист и принципиальный противник метафизики – не гнушался объявить философа своим интеллектуальным предшественником.

Развитие теории 1902–1915

Глава четвертая
Портрет критикуемого основателя

Пятьдесят лет

6 мая 1906 года Зигмунду Фрейду исполнилось 50 лет. Последние годы были отмечены удовлетворением и надеждами. В период с конца 1899 до середины 1905 года Фрейд опубликовал две свои главные работы – «Толкование сновидений» и «Три очерка по теории сексуальности», специальное исследование «Остроумие и его отношение к бессознательному», популярную книгу о психопатологии обыденной жизни, а также историю болезни Доры – первую и самую противоречивую из всех описанных им историй болезни. Наконец, ему удалось получить звание Ausserordentlicher Professor, и после того, как среди венских врачей нашлись несколько сторонников его взглядов, чувство изолированности от коллег начало ослабевать. Но если Фрейд в какой-то момент и поверил, что публикация двух эпохальных книг, почетное звание и обретение небольшого числа сторонников принесут ему умиротворение, он ошибался. Следующие несколько лет будут не менее насыщенными, чем 90-е годы XIX столетия. Организация психоаналитического движения окажется трудным делом и потребует от него максимума сил. Однако другие дела никогда не отвлекали Зигмунда Фрейда от совершенствования теории и техники психоанализа: следующие полтора десятилетия стали временем развития и намеков на будущие изменения. Но Фрейд обнаружил, что зачастую необходимость заниматься политикой внутри психоаналитического движения отнимает много времени, вызывая раздражение.

По случаю пятидесятилетия основателя психоанализа группа поклонников преподнесла ему медальон, на одной стороне которого был изображен его барельефный портрет, а на другой стороне – царь Эдип, разгадывающий загадку Сфинкса. Надпись на греческом языке, строка из «Царя Эдипа» Софокла, явно задумывалась как наивысший комплимент Фрейду, современному Эдипу: «И загадок разрешитель, и могущественный царь». Джонс пишет, что, когда Фрейд читал эту надпись, он побледнел и стал задыхаться от волнения. Как будто увидел призрак… Будучи студентом университета, Фрейд имел обыкновение прогуливаться по двору с огромной сводчатой галереей, разглядывая бюсты прежних знаменитых профессоров. Он мечтал, что когда-нибудь

здесь будет стоять и его бюст, причем именно с той надписью, которую его последователи выбрали для медальона. Показательно, что у Фрейда сложилось впечатление, что его последователи прозорливо угадали и красиво воплотили самое заветное из его желаний. Сбылось! Хотя бы несколько человек признали его, исследователя бессознательного, гигантом среди людей.

Фрейд нуждался в одобрении. Дружба с Флиссом, уже давно угасавшая, закончилась публичной ссорой, и воспоминания о ней угнетали Фрейда. После жестокой размолвки летом 1900 года, когда Флисс усомнился в ценности психоаналитических исследований друга, они больше не виделись. Однако переписка, хотя и нерегулярная, продолжалась еще два года, словно прежняя сердечность обладала собственной остаточной инерцией.

Затем, в начале лета 1904 года, Флисс написал Фрейду раздраженное письмо. Он только что наткнулся на работу Отто Вейнингера «Пол и характер», вышедшую в свет годом раньше. Эта книга, любопытная смесь биолого-психологической теории и причудливой критики культуры, быстро стала предметом культа, не в последнюю очередь благодаря демонстративному самоубийству Вейнингера. В возрасте 23 лет этот одаренный человек – крещеный еврей, ненавидевший евреев так же сильно, как и женщин, – застрелился. Произошло это в Вене, в доме Бетховена. К своему ужасу, Флисс, как он раздраженно сообщил Фрейду, обнаружил в работе Вейнингера свои «идеи по поводу бисексуальности и как следствия природы полового влечения – женственные мужчины привлекают мужеподобных женщин, и наоборот». Флисс считал, что он был первооткрывателем этого положения, которым поделился с Фрейдом несколько лет назад, но не опубликовал его. Теперь, увидев сию идею на страницах книги, Флисс не сомневался, что его старый – и бывший – друг неосмотрительно рассказал о ней Вейнингеру, либо непосредственно, либо через друга Отто Германа Свободу, психолога и пациента Фрейда.

Как мы уже знаем, идея о том, что каждый пол имеет черты другого, и претензии Флисса на первенство в ее разработке и раньше приводили к разногласиям с Фрейдом. Теперь, в 1904 году, столкнувшись с обвинением в неосмотрительности, он стал изворачиваться. Фрейд признал, что в процессе лечения говорил Свободе о бисексуальности. Такого рода вещи, писал он, во время психоанализа неизбежны. Должно быть, Свобода затем поделился информацией с Вейнингером, который в то время был озабочен проблемой сексуальности. «Покойный Вейнингер, – писал Фрейд Флиссу, – был грабителем с найденным ключом». Но разве не мог

Вейнингер позаимствовать эту идею откуда-то еще? В специальной литературе ее обсуждают уже несколько лет. Успокоить Флисса не удалось. От общего друга он слышал, что Вейнингер показал Фрейду рукопись «Пола и характера», и тот посоветовал ему не публиковать такую чушь. Но совершенно очевидно, что Фрейд не предупредил Вейнингера, что тот собирается совершить интеллектуальный грабеж.

Это напоминание, точное во всех подробностях, заставило Фрейда поклясться, что он ни в чем не виноват: Вейнингер действительно к нему приходил, но рукопись существенно отличалась от опубликованного текста. Фрейд выразил сожаление – в его уязвимой позиции это было крайне опрометчиво, – что Флисс возобновил их переписку только для того, чтобы вспомнить об этом недоразумении. В конце концов, интеллектуальную кражу совершить легко, однако, протестовал основатель психоанализа, сам он всегда признавал достижения других и никогда не присваивал чужое. Для него это было не самое лучшее время, чтобы заявлять о своей невиновности в такой спорной области, где за первенство соперничало множество идей, но для того, чтобы исключить дальнейшие споры, Фрейд предложил Флиссу взглянуть на рукопись еще незаконченной книги «Три очерка по теории сексуальности» – пусть он изучит посвященные бисексуальности фрагменты и исправит то, что ему покажется несправедливым. Фрейд даже предложил отсрочить публикацию «Трех очерков», пока Флисс не выпустит собственную книгу. Это были благородные жесты, однако Флисс отверг их.

Так закончилась переписка между Фрейдом и Флиссом. Переписка, но не ссора. В начале 1906 года Флисс наконец опубликовал свой труд с амбициозным названием «Течение жизни: Основа точной биологии», в котором подробно излагались его теории о периодичности и бисексуальности. Одновременно некто А.Р. Пфенниг, библиотекарь и журналист (по утверждению Фрейда, подстрекаемый Флиссом), издал язвительный памфлет, обвиняющий Свободу и Вейнингера в плагиате и указывающий на Фрейда как на посредника, с помощью которого они получили доступ к интеллектуальной собственности Флисса. Но больше всего в этой полемике Фрейда обидели цитаты из его личной переписки с Флиссом. Ответный удар он нанес в письме Карлу Краусу. Признавая справедливость утверждения Пфеннига, что Вейнингер узнал о теориях Флисса через него, Фрейд критиковал покойного за то, что тот не указал, кому обязан этими идеями. В остальном он отверг обвинения и злобную клевету Пфеннига, а значит, и Флисса.

На этот раз открытое выражение своего негодования не

принесло облегчения. Последующая полемика оказалась крайне неприятной. Его проступок состоял не столько в неосторожности при обсуждении со Свободой проблемы бисексуальности, сколько в неспособности быть откровенным с Флиссом относительно визита Вейнингера. Вполне возможно, как и утверждал Фрейд, рукопись, которую он прочитал, и книга, ставшая такой модной и имевшая такой успех, имели мало общего[81]. В любом случае он посоветовал Вейнингеру не публиковать ее. Тем не менее, когда речь заходила о вкладе Флисса в открытия Фрейда, сам Фрейд демонстрировал впечатляющую способность вытеснять неудобные воспоминания. Больше 10 лет Флисс был самым близким, а в главных вопросах и единственным доверенным лицом, которому Фрейд поверял свои сокровенные чувства, поэтому в 1906 году он не смог спокойно пережить окончательное расставание. В этих непростых обстоятельствах Фрейду очень помогал тот факт, что у него имелись сторонники, сравнивающие его с Эдипом.

В 50 лет Зигмунд Фрейд был интеллектуально плодотворен и физически крепок, но время от времени мучил себя мрачными мыслями о дряхлости. Когда в 1907 году Карл Абрахам впервые приехал к нему в Вену, он с сожалением увидел, что «к несчастью, его, похоже, угнетает комплекс по поводу старости». Мы знаем, что в 44 года Фрейд уже презрительно называл себя старым и измученным евреем. Эти опасения превратились в постоянный рефрен. В 1910 году он писал другу: «Следует заметить, что какое-то время назад я решил умереть только в 1916 или 1917-м». Впрочем, продуктивность Фрейда и его манеры никак не отражали эту невротическую озабоченность. Будучи среднего роста – 1 метр 68 сантиметров, – он выделялся в толпе своим властным видом, необыкновенно аккуратной внешностью и внимательными глазами. Кстати, усы и остроконечная бородка Фрейда ежедневно приводились в порядок парикмахером.

Глаза Фрейда заслуживают отдельного упоминания. Фриц Виттельс, который в это период был близок с ним, говорит, что они были карие и блестящие, а взгляд испытующий. Некоторые считали эти глаза незабываемыми. Среди них был Макс Граф, утонченный венский музыковед, интересовавшийся психологией творчества. Граф познакомился с Фрейдом в 1900 году и вскоре вошел в круг близких ему людей. Он называл глаза Фрейда красивыми и серьезными – они «смотрели на тебя словно из глубины». Английский психолог Джоан Ривьер, познакомившаяся с ним после Первой мировой войны, отмечала, что несмотря на то, что Фрейд был наделен очаровательным юмором, его присутствие отмечалось «наклоном головы и критическим,

испытующим взглядом острых, пронзительных глаз». Если взгляд, как однажды выразился Фрейд, является цивилизованной заменой прикосновения, то его собственный внимательный взгляд, от которого почти ничего не могло укрыться, как нельзя лучше ему подходил. У него была, вспоминал Виттельс, «сутулость ученого», однако это вовсе не мешало Фрейду выглядеть весьма внушительно. От него исходило ощущение внутренней силы.

Зигмунд Фрейд приучился направлять собственные инстинкты – бурные эмоции, безудержную фантазию, неуемную энергию – на целенаправленное движение к цели[82]. «Я не могу представить себе полноценную жизнь без работы, – писал он в 1910 году своему другу, цюрихскому пастору Оскару Пфистеру. – Работа и свободная игра воображения доставляют мне такое удовольствие, которое не может дать мне больше ничто в мире». Эти героические усилия по обузданию себя ради сосредоточенной работы сделали его заложником самого строгого распорядка дня. Будучи добропорядочным буржуа, чего Фрейд нисколько не стыдился, он жил по часам, как выразился его племянник Эрнст Уолдингер.

Даже отвлечения, вносящие в повседневную жизнь основателя психоанализа разнообразие, – карточные игры, прогулки по городу, летний отдых – были тщательно спланированы и в большинстве своем предсказуемы. Вставал Фрейд в семь утра и с восьми до двенадцати принимал пациентов. Обед подавался ровно в час: бой часов служил членам семьи сигналом собираться в столовой. Фрейд приходил из своего кабинета. Жена садилась с противоположного конца стола. И тут же появлялась горничная с супницей. После обеда следовала прогулка – возможно, чтобы купить сигары или отнести гранки. Консультации начинались в три часа, и Фрейд принимал пациентов, лечение которых требовало психоанализа, нередко до девяти вечера. Затем – ужин, иногда недолгая игра в карты со свояченицей Минной либо прогулка с женой или кем-то из дочерей, чаще всего заканчивавшаяся в кафе, где они читали газеты, а летом лакомились мороженым. Остаток вечера был посвящен чтению, работе над рукописями и редактуре психоаналитических журналов, которые с 1908 года распространяли идеи Фрейда и осложняли ему жизнь. Спать он ложился в час ночи.

Лекции в университете Фрейд читал всегда по субботам, с пяти до семи вечера, после чего неизменно отправлялся домой к своему другу Леопольду Кенигштейну на еженедельную партию в тарок, старинную карточную игру для четырех человек, издавна

популярную в Австрии и Германии. Он не мог обойтись без своего Tarockexzess. Утром в воскресенье Фрейд навещал мать; после полудня он писал письма, на которые не хватало времени в течение недели. Летний отпуск, который с нетерпением ждала вся семья, был очень важным делом. Планы на эти месяцы, проводившиеся за пределами Вены, занимали значительное место в переписке основателя психоанализа. «Я знаю, – писал он Абрахаму весной 1914 года, – насколько трудна проблема лета». В буржуазном мире, который практически разрушила Первая мировая война, Sommerproblem требовала самого серьезного и пристального внимания. Зачастую Фрейд уже весной начинал искать курорт, подходящий для восстановления сил после врачебной практики, визитов близких друзей и, когда он работал над важной идеей, нескольких недель одиночества. Наступало лето, и после месяцев утомительной психоаналитической практики Фрейд вместе с семьей – он сам, Марта, шестеро детей и Минна – удалялись в тихий отель в горах, в австрийском Бадгастайне или в баварском Берхтесгадене. Там они собирали грибы и землянику, рыбачили, совершали длительные прогулки. В конце лета – в августе и начале сентября – Зигмунд Фрейд вместе с братом Александром или кем-то из близких коллег, например Шандором Ференци, уезжал в Италию. Однажды, в 1904 году, они с братом совершили короткое, но незабываемое путешествие в Афины. Ошеломленный, Фрейд стоял на Акрополе и размышлял о том, как странно видеть наяву все то, что он так давно и так хорошо знал, но только по книгам.

Немецкий социолог Макс Вебер в своем знаменитом исследовании «Протестантская этика и дух капитализма», опубликованном в 1904 и 1905 годах, когда основатель психоанализа заканчивал «Три очерка», мрачно рассуждал о железной клетке, в которую заключен современный человек, жертва вынужденной пунктуальности, разрушающего душу тяжелого труда и бессмысленной бюрократии. Но размеренный образ жизни Фрейда был необходимым условием, фактически слугой не только работы, но и удовольствия. Зигмунд Фрейд был несправедлив к себе, когда говорил, что получает наслаждение лишь от работы. Гости квартиры на Берггассе, 19, и товарищи по летним путешествиям вспоминали о его необычайной восприимчивости к новым впечатлениям – и в пятидесятилетнем возрасте, и позже. Временами он смущал гостей, молча о чем-то размышляя во время трапезы и предоставляя вести беседу своим домашним. Впрочем, гораздо чаще Фрейд проявлял себя радушным хозяином. В конце декабря 1907 года Абрахам, вернувшись от Фрейда, восторженно писал своему другу Максу

Эйтингону: «Я встретил необычайно сердечный прием в его доме. Он сам, жена, свояченица и дочь показали мне Вену, художественные коллекции, кафе, книжный магазин Heller, лавку букиниста и т. д. Это были приятные дни».

Фрейд, несмотря на всю свою энергию, был склонен к депрессиям, однако периоды мрачных размышлений длились у него недолго. Вспоминая о своей поездке в Соединенные Штаты в 1909 году, он заметил: «Тогда мне было только 53 года, я чувствовал себя по-юношески бодрым и здоровым». Когда его сын Мартин решил записать все, что осталось в памяти о тех годах, прежде всего он вспомнил веселого и щедрого отца. Не найдя точного определения в родном немецком языке, Мартин неоднократно повторял, что у отца было ein froehliches Herz. Приблизительно это можно перевести как веселое сердце. Анна Фрейд подтвердила свидетельства старшего брата: истинная личность отца, говорила она Эрнесту Джонсу, не полностью проявляется в письмах: «Они всегда предназначены для кого-то, чтобы проинформировать, успокоить, ободрить или чтобы рассказать о проблемах и делах». В целом отец был «уравновешенным, оптимистичным и даже веселым», редко болел или откладывал дела из-за недомогания[83].

Знакомое по фотографиям хмурое лицо – это не иллюзия. Зигмунду Фрейду многое не нравилось, когда он размышлял о людях, причем не только о предавших его последователях. Но это был не весь Фрейд. Эрнест Джонс подметил, что Фрейд не любил фотографироваться и поэтому на официальных снимках выглядит мрачнее, чем в жизни. Только сыновья, взяв в руки фотоаппарат, заставали его врасплох и запечатлевали лицо, которое не было таким серьезным. Фрейд, наслаждающийся горным ландшафтом, необыкновенно большим грибом или городским пейзажем, которого он раньше не видел, такой же настоящий, как Фрейд в роли первооткрывателя в мире психологии, в одиночестве бороздящего неизведанные моря мысли, или грозного отца-основателя, пронзающего еретика стальным взглядом.

Регулярность не исключала гибкость. И действительно, любовь Фрейда к неформальным организациям и таким же неформальным встречам с издателями и переводчиками часто становилась причиной неловкости. Более того, основатель психоанализа считал возможным менять свое мнение о некоторых своих самых любимых идеях. За исключением вопросов, касавшихся таких важных принципов психоанализа, как детская сексуальность, сексуальная этиология неврозов и вытеснение, он был открыт для теоретических и терапевтических поисков, даже желал их. Импровизация не приводила его в ужас. Речь Фрейда,

как и манера письма, была образцом ясности и энергичности, изобиловала оригинальными формулировками. Запас шуток, по большей части язвительных еврейских анекдотов, и непревзойденная память на подходящие отрывки из стихов и прозы были основой его несравненного дара удивлять – как в устной речи, так и в письменной. Он был, по общему мнению, превосходным лектором, говорил медленно, четко и энергично. Виттельс вспоминал, что по субботам в университете Фрейд читал лекции без конспекта почти два часа, и слушатели сидели как завороженные. При изложении он придерживался «…метода, свойственного немецкому гуманисту, облегчая его легким, разговорным тоном, которому, вероятно, научился в Париже. Никакой напыщенности и манерности». Его юмор и непринужденность прорывались даже в самых серьезных беседах на профессиональные темы. Фрейд, писал Виттельс, «любил использовать сократовский метод. Он оставлял официальный тон, чтобы задать вопросы или призвать к критике. Когда поступали возражения, он расправлялся с ними остроумно и решительно».

Фрейда заботили деньги – это естественно для человека, который столько лет прожил в стесненных обстоятельствах и был склонен волноваться по поводу материального положения семьи. Он мог отказаться от определенных радостей, например от присутствия на венском дебюте своей племянницы Лили Фрейд-Марле, известной эстрадной актрисы, поскольку считал, что не вправе тратить на это время. Он, писал Фрейд Лили, принося извинения, был «просто машиной для зарабатывания денег, временно высокоодаренным поденщиком». Однако он не отказывал в помощи тем, кто в ней нуждался. В 1905-м – Фрейду было уже под пятьдесят – к нему пришел проконсультироваться по поводу головных болей молодой швейцарский поэт Бруно Гец, в то время учившийся в Вене. Один из профессоров Геца порекомендовал Фрейда как врача, который может помочь, а в качестве визитной карточки пациента прислал основателю психоанализа несколько стихотворений Геца. Расположив к себе посетителя, Фрейд вытянул из молодого человека историю его жизни вместе с интимными сексуальными подробностями, такими как юношеская влюбленность в моряков, и пришел к выводу, что в данном случае психоанализ не требуется. Он выписал рецепт и, что как будто не имело отношения к делу, завел с Гецем разговор о бедности. «Да, – сказал Фрейд, – суровость к самому себе может принести пользу. Но во всем нужна мера. Когда вы в последний раз ели бифштекс?» Гец признался, что с тех пор прошло уже около месяца. «Я так и думал», – ответил Фрейд, а затем, как вспоминал Гец, «почти

смутившись», дал советы относительно питания и вручил конверт. «Вы не должны обижаться на меня, потому что я взрослый врач, а вы все еще юный студент. Примите от меня этот конверт и позвольте всего один раз выступить в роли отца. Небольшой гонорар за удовольствие, которое вы доставили мне своими стихами и рассказом о своей юности. Прощайте и приходите как-нибудь еще. Конечно, я чрезвычайно занят, но полчаса или даже час у меня всегда найдется. Auf Wiedersehen!» Вернувшись к себе, Гец вскрыл конверт – внутри лежали 200 крон. «Я был, – вспоминал он, – так взволнован, что разрыдался». Зигмунд Фрейд не раз помогал более молодым коллегам и даже пациентам – делал уместный подарок, тактично предлагаемый и с благодарностью принимаемый.

Поведение Фрейда как отца соответствовало его взглядам как лектора, писателя и филантропа. Он всю жизнь помнил о семейных традициях XIX века, однако сам отличался от типично буржуазного отца семейства. Как известно, Марта Фрейд считала своей обязанностью освободить время и силы мужа для научных исследований и книг. Практические дела по дому находились в ее умелых и надежных руках[84].

Особенностью семьи Фрейда можно считать и то, что дети были хорошо воспитанными, но не избалованными. Их мать, как вспоминает старший сын, была доброй и одновременно строгой. «У нас не было недостатка дисциплины». Фрейды ценили успехи в учебе, но не придавали им чрезмерного значения. Правила хорошего поведения не запрещали шутки и веселое настроение. «Я знаю, – вспоминал Мартин, – что мы, дети Фрейда, делали и говорили то, что другие люди считали странным». По его мнению, их воспитание можно было назвать либеральным. «Нам никогда не приказывали делать это или не делать того; нам никогда не запрещали задавать вопросы. Ответы и объяснения всех важных вопросов всегда давали родители, которые обращались с нами как с личностями, как с самостоятельными людьми». Это стало разумным применением на практике психоаналитической теории образования: современная открытость, ограниченная представлениями среднего класса о приличиях. Марта Фрейд подтверждала, что, согласно ясно выраженному желанию мужа, ни один из трех сыновей не пошел по его стопам[85]. Но их младшая дочь, их Аннерль, все равно стала психоаналитиком: «В отношении дочери он не мог этому помешать». История последних лет жизни свидетельствует, что именно этот случай непослушания Зигмунд Фрейд горячо приветствовал.

Трогательный эпизод из отрочества Мартина иллюстрирует поведение его отца в семье. Однажды зимой Мартин катался на коньках со своей старшей сестрой Матильдой и младшим братом Эрнстом. Мальчики, скользившие по льду рядом друг с другом, столкнулись с пожилым бородатым господином, который смешно взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие. Эрнст довольно грубо и неуместно пошутил насчет его неловких движений. Опытный фигурист, который наблюдал за инцидентом и ошибочно посчитал грубияном Мартина, подъехал к нему и дал пощечину. Мартин Фрейд, исполненный мальчишеских представлений о чести и рыцарстве, воспринял это как жестокое унижение. Более того, служитель катка конфисковал его сезонный билет. Тут какой-то толстый, неуклюжий конькобежец подошел к нему, назвался адвокатом и предложил представлять его интересы в суде. Это, как вспоминал Мартин, лишь усилило его отчаяние: снизойти до судебного разбирательства – значит нарушить средневековый кодекс чести, которому он тогда поклонялся. Матильде удалось вернуть сезонный билет брата, и дети Фрейда бросились домой, спеша рассказать о произошедшем. Мартин был глубоко расстроен произошедшим. «Мне казалось, что это бесчестье уничтожило все мое будущее». Он был уверен, что, когда придет время поступать на военную службу, офицером ему не стать. Скорее всего, он будет «чистильщиком картошки» или останется простым солдатом, который выносит мусор и моет туалеты. Мартин чувствовал себя окончательно и бесповоротно обесчещенным.

Фрейд внимательно выслушал возбужденных детей, и, когда они успокоились, пригласил Мартина к себе в кабинет. Он попросил сына еще раз рассказать всю историю, с начала до конца. Мартин, помнивший остальное до мельчайших подробностей, впоследствии не мог сказать, что именно говорил ему отец. В памяти осталось лишь то, что «разрушающая душу трагедия» была низведена до «неприятного и ничего не значащего пустяка». Не так уж важно, что говорил Фрейд сыну в тот вечер, – главное, что он не был занятым только собой великим человеком или слишком строгим поборником дисциплины, а дал сыну то целительное внимание любящего отца, которое, как он считал, мальчику было необходимо.

Как типичный представитель буржуазии, своего времени и северной культуры, Зигмунд Фрейд не отличался склонностью открыто проявлять свои чувства. По воспоминаниям его племянника Гарри, он был всегда очень дружелюбен со своими детьми, но не экспансивен, а, скорее, немного официален и сдержан. И действительно, он очень редко целовал кого-то из них.

«Я бы даже сказал, никогда. И даже мать, которую очень любил, он лишь вынужденно целовал при расставании». Тем не менее в 1929 году в письме Эрнесту Джонсу Фрейд говорил об источнике нежности внутри себя, на которую Джонс всегда может рассчитывать. Наверное, он просто не был склонен выставлять напоказ подобные чувства, но «…моей семье об этом известно». Возможно, то, что Фрейд прятал от мальчиков, он с радостью открывал девочкам. Во время одного из своих визитов Джонс видел, как дочь основателя психоанализа, уже взрослая школьница, крепко обняв отца, сидела у него на коленях. Знаки любви Фрейда, тонкие намеки, которые он своим поведением передавал детям, были достаточными для создания эмоциональной атмосферы сердечности и полного доверия. «Дедушки, – писал он Юнгу в 1910 году, – редко бывают строгими, а я, возможно, не был и строгим отцом». Его дети с удовольствием подтверждали эту самооценку.

Чувственные удовольствия

Таким образом, Фрейда никак не назовешь приверженцем строгой дисциплины. И аскетом он тоже не был. Его сексуальная активность, по всей видимости, пошла на спад очень рано; мы знаем, что в августе 1893 года, когда ему было всего 37 лет, основатель психоанализа предпочитал воздержание. Однако это было не навсегда. Анна, его последний ребенок, родилась в декабре 1895-го. В следующем году он сообщил Флиссу, который всегда интересовался биологическими ритмами с периодом 28 дней: «Я не испытываю сексуального желания, и я импотент – хотя на самом деле это еще, конечно, не так», а в 1897-м рассказывал ему о сновидении, в котором он шел по лестнице, почти раздетый, и его преследовала женщина. При этом он чувствовал не страх, а эротическое волнение.

И действительно, как мы уже видели, в 1900 году Фрейд отметил, что «покончил с рождением детей». Однако существуют интригующие свидетельства, что он не покончил с сексуальным возбуждением и соитием – на протяжении следующих 10 лет и даже больше. В июле 1915 года Зигмунд Фрейд записал и проанализировал несколько своих сновидений. Одно из них было о жене: «Марта идет ко мне, и я должен что-то написать для нее… в блокноте. Я беру карандаш… Потом все становится расплывчатым». Истолковывая сон, Фрейд в качестве возбудителя предложил несколько событий предшествующего дня, среди которых неизбежно присутствовало «сексуальное значение»: сон «имел отношение к успешному совокуплению в среду утром». В то

время Фрейду было 59 лет. Таким образом, когда в том же году он сказал Джеймсу Патнему, что «весьма умеренно пользовался» сексуальной свободой, которую проповедовал, то явно выказывал отвращение к внебрачным интрижкам. Как и в некоторых снах, в статьях и случайно оброненных фразах Фрейда встречаются намеки на буйные эротические фантазии, преследовавшие его на протяжении многих лет. По большей части они так и оставались фантазиями. «Будучи культурными людьми – Kulturmenschen, – мы, – с сардонической усмешкой признался основатель психоанализа, – слегка предрасположены к психологической импотенции». Несколько месяцев спустя Фрейд в шутку, но с оттенком меланхолии предположил, что было бы полезно возродить один античный институт, «академию любви, где преподавали бы ars amandi[86]». Насколько широкой была его практика в том, чему учили бы в такой академии, осталось тайной. Однако замечание об «успешном соитии» в 1915 году свидетельствует о том, что в некоторых случаях он терпел неудачу.

Отчасти воздержание Фрейда было вызвано явным отвращением ко всем известным методам регулирования рождаемости. Мы знаем, что в начале 90-х годов XIX столетия при исследовании – на примере своих пациентов и, вполне вероятно, собственного брака – сексуального происхождения неврозов Фрейд заявлял о психологических последствиях применения контрацепции. Он был убежден, что, за исключением самых благоприятных случаев, использование кондома ведет к невротическим нарушениям. Ничуть не лучше coitus interruptus и другие способы; в зависимости от используемого метода либо мужчина, либо женщина в конечном счете обречены стать жертвой истерии или невроза страха. «Если бы Фрейд продолжил двигаться в этом направлении, – заметила Джейн Малькольм, – то стал бы изобретателем усовершенствованного кондома, а не основателем психоанализа». Как бы то ни было, он рассматривал трудности, возникающие из-за недостатков контрацепции, как ключи к работе человеческой психики, включая собственную, и к ее тайнам. В отправленной Флиссу записке на эту деликатную тему Фрейд говорит не о себе, а о своих пациентах и о том, как помогли его теории их откровенные признания. Однако черновики, одновременно доверительные и страстные, свидетельствуют и о личном вкладе. В них нашел отражение его сексуальный опыт, который никак нельзя назвать даже удовлетворительным.

Воздержание Фрейда, по всей видимости, было в меньшей степени связано с ожиданием скорой смерти. В 1911 году он

говорил Эмме, жене Юнга: «Мой брак давно угас, и мне остается только одно – умереть». Однако в воздержании Зигмунд Фрейд также находил причину для гордости. В своей статье о «культурной» сексуальной морали, опубликованной в 1908 году, он заметил, что современная цивилизация предъявляет необыкновенно высокие требования к способности чувственной сдержанности. Она требует от людей воздерживаться от полового сношения до брака, а затем ограничивать сексуальную активность одним партнером. По убеждению Фрейда, большинство людей не в состоянии выполнять эти требования или за выполнение их платится чрезмерная эмоциональная цена. «Сублимировать его, отвлечь силы сексуального инстинкта от его цели в сторону высшей культурной цели возможно для ничтожного меньшинства, и то временно». Большинство же «делаются неврастениками или вообще расплачиваются здоровьем».

Но Фрейд не считал себя ни неврастеником, ни больным. Скорее, он не сомневался, что сублимировал свои инстинкты и теперь занимается «культурной» работой высшего порядка. Однако старого Адама не удалось полностью обуздать: в преклонном возрасте основатель психоанализа явно восхищался миловидными женщинами. Лу Андреас-Саломе, известная писательница, философ и психотерапевт, деятель культурной жизни Европы рубежа XIX–XX столетий, красивая и опасная для мужчин, была тому ярким, но не единственным примером. В 1907 году в письме из Италии Фрейд – в то время он, по всей видимости, занялся сублимацией своих эротических порывов – рассказывал Юнгу, что случайно повстречался с его молодым коллегой, который, «похоже, снова обзавелся какой-то женщиной. Так практика мешает теории». Этот случай заставил его задуматься о собственном опыте: «Когда я полностью преодолею свое либидо (в обычном смысле), то примусь за «Любовную жизнь человечества». Очевидно, в 1907 году он еще не преодолел свое либидо – в обычном смысле.

Таким образом, Фрейд долгое время не отказывался от чувственных удовольствий. Он был согласен с высказыванием Горация, carpe diem – «живи настоящим», – философским оправданием желания ловить момент, ссылаясь на ненадежность жизненных реалий и на бесплодность добродетельного самоотречения. В конце концов, признавался основатель психоанализа, «у каждого из нас были минуты и периоды, когда мы признавали правоту этой философии жизни». В такие моменты люди склонны упрекать безжалостную строгость учения о морали: «Оно умеет только требовать, ничем не

вознаграждая»[87]. Будучи строгим моралистом, Зигмунд Фрейд в то же время не отрицал необходимость удовольствий.

Вещи, накопившиеся за многие годы в доме Фрейда, свидетельствуют об определенном чувственном удовольствии, которое он, врач и семейный человек, находил не только приятным, но и приемлемым. Квартира на Берггассе, 19, была маленьким миром, сфокусировавшим в себе сознательный выбор; она всецело отражала Фрейда вместе с присущей ему культурой – как тем, что в нем было, так и тем, как это ни странно, чего в нем не было. Зигмунд Фрейд являлся образованным бюргером, представителем среднего класса той эпохи, однако его отношение к тому, что было принято ценить в этой среде и что нередко действительно ценили, – живопись, музыку, литературу, архитектуру – не всегда можно предсказать. Фрейда никак нельзя было назвать невосприимчивым к рукотворной красоте. В 1913 году основатель психоанализа радовался, узнав, что Карлу Абрахаму понравился голландский курорт Нордвейк-ан-Зее, где он отдыхал раньше. «Прежде всего, – вспоминал Фрейд, – там великолепные закаты». Но еще больше он ценил созданное руками людей. «Крошечные голландские города очаровательны. Дефт – маленький бриллиант». Художники и скульпторы, а также архитекторы радовали его глаз даже больше, чем пейзажи.

Фрейд был очень восприимчив к красоте, но вкусы имел традиционные. Вещи, которыми он себя окружал, бескомпромиссны в своем консерватизме и следовании устоявшимся правилам. Основатель психоанализа любил мелочи, которые большинство буржуа XIX века считали неотъемлемой частью своей жизни: фотографии членов семьи и близких друзей, сувениры из мест, где он побывал и которые с удовольствием вспоминал, гравюры и статуэтки, которые были, если можно так выразиться, наследием старого режима в искусстве – неизменно академические, без искры фантазии или самобытности. Революции, бушевавшие в живописи, поэзии и музыке, Фрейда никак не затронули; когда же они привлекали к себе внимание, что случалось редко, он решительно их не одобрял. По картинам на стенах его квартиры нельзя было догадаться, что в то время, когда он переехал на Берггассе, 19, уже расцвел французский импрессионизм, или что в Вене творили Климт, Кокошка, а впоследствии и Шиле. С явной неприязнью комментируя «в высшей степени современный» портрет Карла Абрахама, он писал ученику, что пришел в ужас, увидев, «как жестоко может быть наказана ваша терпимость или симпатия к современному «искусству». Показательны саркастические кавычки, в которые взято слово «искусство». Столкнувшись с экспрессионизмом,

Фрейд честно признался Оскару Пфистеру в своей ограниченности.

Соответственно, в заполнявшей его квартиру мебели никак не отразился экспериментальный дизайн, который в то время преобразил дома следящих за современными тенденциями жителей Вены. Семья жила среди солидного викторианского комфорта с вышитыми скатертями, обтянутыми бархатом креслами, фотографическими портретами в рамках и изобилием восточных ковров. Их квартира дышит почти откровенной эклектикой, проявляющейся в массе годами копившихся предметов, которые не подчиняются определенному декораторскому замыслу, а свидетельствуют о простом стремлении к уюту. Похоже, в этой тесноте, которую люди с более строгим вкусом сочли бы угнетающей, семья находила опору: она стала воплощением плана домашнего комфорта, составленного Фрейдом еще до женитьбы, подтверждала преуспевание, которого наконец удалось достичь, а также поддерживала бережно хранимые воспоминания. И действительно, на консультационную комнату и личный кабинет Зигмунда Фрейда материальный достаток и воспоминания о прошлом наложили не меньший отпечаток, чем на остальные помещения квартиры на Берггассе, 19. Оценка основателем психоанализа искусства была более радикальной, чем его восприятие красоты.

Очень похожий конфликт характеризует отношение Фрейда к литературе. Его книги, монографии и статьи свидетельствуют о начитанности, цепкой памяти и великолепном чувстве стиля. Как нам известно, он часто обращался к любимым немецким классикам, особенно к Гёте и Шиллеру, а также к Шекспиру, у которого находил увлекательные загадки и большие отрывки из которого мог декламировать на своем практически идеальном английском. Такие остроумцы, как Генрих Гейне, и более грубые юмористы вроде Вильгельма Буша, были для него источником ярких иллюстраций. Однако при выборе фаворитов Фрейд пренебрегал европейским авангардом своей эпохи. Ибсена он знал в основном как отважного иконоборца, но, по всей видимости, почти не обращался к творчеству таких поэтов, как Бодлер, или таких драматургов, как Стриндберг. Среди обитателей Вены, которые писали, рисовали и сочиняли музыку в бурной, пронизанной авангардистскими порывами атмосфере, безоговорочного одобрения Фрейда, как нам уже известно, добился только Артур Шницлер – за глубокое психологическое исследование сексуальности современного венского общества.

Это вовсе не значит, что Зигмунд Фрейд не тратил время на

то, чтобы читать романы, стихи и очерки ради удовольствия. Он читал, и круг его чтения был широким. Когда ему требовалась отдохнуть, особенно в преклонном возрасте во время восстановления после операций, Фрейд развлекал себя историями об убийствах таких мастеров детектива, как Дороти Сэйерс и Агата Кристи. Тем не менее обычно он предпочитал более возвышенную литературу. В 1907 году, отвечая на анкету своего издателя Гуго Хеллера, который просил назвать десять хороших книг, Фрейд перечислил не произведения, а писателей – двух швейцарских, двух французских, двух английских, одного русского, одного голландского, одного австрийского и одного американского. Это Годфрид Келлер и Конрад Фердинанд Мейер, Анатоль Франс и Эмиль Золя, Редьярд Киплинг и лорд Маколей, Дмитрий Мережковский, Мультатули, Теодор Гомперц и Марк Твен. Эти предпочтения, подобно предпочтениям в изобразительном искусстве, относительно традиционны и гораздо менее смелы, чем можно было бы ожидать от такого бунтаря. Конечно, и в них проступает дух противоречия. Мультатули, голландский эссеист и романист Эдуард Доувес Деккер, был своего рода реформатором в политике и морали. «Книга джунглей» Киплинга могла восприниматься как своеобразный протест против искусственности современной цивилизации, а Марк Твен, вне всяких сомнений, являлся самым непочтительным из юмористов.

Безусловно, некоторые из любимых произведений Фрейда, такие как однозначно оптимистичные очерки Маколея об английской культуре с XVII по XIX век, а также не менее либеральная история древнегреческой философии Гомперца, сами по себе могли считаться ниспровергающими традиции. Они напоминают о неоплатном долге Фрейда перед мыслью Просвещения XVIII столетия с ее критическим духом и надеждой для человечества – с ней основатель психоанализа познакомился как непосредственно, читая Дидро и Вольтера, так и через труды их наследников из XIX столетия. Главной темой работ Маколея и Гомперца было триумфальное распространение света и разума по миру, погруженному в тьму суеверий и гонений. Как мы знаем, Фрейд любил повторять, что тратит жизнь на разрушение иллюзий, однако, несмотря на весь свой неисправимый пессимизм, он иногда с удовольствием забавлялся иллюзией возможности прогресса, постепенно накапливающегося в человеческих делах. Примечательно, что, когда Фрейд писал для публикации, будь то психология личности, группы или культуры в целом, он проявлял меньше оптимизма. А вот читая для удовольствия, основатель психоанализа, похоже, позволял себе

некоторые из желанных фантазий, жестко подавлявшихся во время работы.

Неудивительно, что литературные суждения Фрейда зачастую были чисто политическими. Одной из причин, по которым он восхвалял Анатоля Франса, служил факт, что Франция проявляла себя решительной противницей антисемитизма, а Дмитрия Мережковского, автора романа о Леонардо да Винчи, он оценивал выше, чем тот заслуживал, из-за того, что этот автор льстил художнику эпохи Возрождения, независимостью и интеллектуальной смелостью которого Фрейд восхищался. Но большинство любимых писателей были ценимы им потому, что оказались талантливыми непрофессиональными психологами. Зигмунд Фрейд считал, что мог учиться у них точно так же, как биографы и антропологи могли учиться у него. Это не значит, что он был ограниченным человеком – хотя это собственные слова Фрейда. Да, практичность его вкусов несомненна. Как он сам признавался в 1914 году в статье о Моисее работы Микеланджело: «Часто я замечал, что содержание художественного произведения притягивает меня сильнее, чем его формальные и технические качества, которым сам художник придает первостепенное значение. Для оценки многочисленных средств и некоторых воздействий искусства мне, собственно, недостает правильного понимания»[88]. Фрейд понимал разницу между чисто формальным, эстетическим удовольствием и тем удовольствием, которое может доставить содержание изобразительного искусства или литературы, но на этом он останавливался. Отчасти потому, что считал художественные методы выше своего понимания. «Смысл почти ничего не значит для этих людей, их волнует только линия, форма, соответствие контуров. Они руководствуются Lustprinzip»[89]. У Фрейда же, наоборот, над Lustprinzip, то есть принципом удовольствия, преобладал принцип реальности.

Этот практический склад ума неизбежно формировал довольно отстраненное и насмешливое отношение Фрейда к музыке. Он специально подчеркивал свое невежество в музыкальных вопросах и признавался, что не способен воспроизвести мелодию, не фальшивя. В «Толковании сновидений» Фрейд фактически хвастался отсутствием слуха: напевая арию из «Свадьбы Фигаро», в которой главный герой бросает вызов графу Альмавиве, он утверждает, что посторонний человек, наверное, не узнал бы мотив. Те, кому приходилось слышать, как основатель психоанализа напевал арии из опер Моцарта, подтверждали эти слова. Он не искал знакомства с

музыкантами и, как кратко отметила его дочь Анна, никогда не ходил на концерты. Тем не менее ему нравилась опера, по крайней мере некоторые оперы. Дочери, просматривавшие мемуары Фрейда, смогли найти таких пять: «Дон Жуан», «Свадьба Фигаро» и «Волшебная флейта» Моцарта, «Кармен» Бизе и «Нюрнбергские мейстерзингеры» Вагнера. Список настолько же нейтрален, насколько краток: ни Клода Дебюсси, ни Рихарда Штрауса. Среди всех опер Вагнера, разумеется, самой приемлемой были «Мейстерзингеры» – после таких ранних произведений, как «Летучий голландец». А «Кармен» – несмотря на то, что ей потребовалось некоторое время, чтобы завоевать Париж, после премьеры там в 1875 году, – быстро стала любимой оперой в немецкоговорящих странах. Брамс, Вагнер и Чайковский, которые почти ни в чем не соглашались друг с другом, считали оперу Бизе шедевром. Ницше, посмотревший не менее 12 представлений, противопоставлял ее живость и галльское очарование тяжеловесным и мрачным тевтонским музыкальным драмам Вагнера. Бисмарк, этот знаток и любитель музыки, хвастался тем, что слушал оперу 27 раз. Чтобы восхищаться этими музыкальными произведениями, не нужно было быть почитателем авангарда. Не подлежит сомнению, что Фрейд достаточно хорошо их знал, поскольку при необходимости использовал цитаты из них: ария Фигаро «Угодно графу в пляс пуститься», обращение Зарастро к принцессе Памине в «Волшебной флейте», когда он говорит, что не может заставить ее полюбить себя, а также речь Лепорелло, когда тот хвастливо перечисляет донне Эльвире все победы Дон Жуана.

Привлекательность оперы для такого немузыкального человека, как Фрейд, не представляет никакой загадки. Ведь опера – это музыка и слова, соединенная с драматическим действием песня. Подобно большинству книг, которые читал основатель психоанализа, опера могла предложить ему приятное удивление узнавания. Своим необычным, зачастую мелодраматическим способом опера пыталась разрешить психологические проблемы, занимавшие Фрейда всю жизнь: любовь, ненависть, жадность, предательство. Кроме того, опера – это представление, а Зигмунд Фрейд всегда был особенно восприимчив к зрительным впечатлениям. Он вглядывался в своих пациентов не менее внимательно, чем прислушивался к ним. Более того, опера изображает волнующие нравственные конфликты, которые находят удовлетворительное разрешение, и представляет необыкновенно красноречивых персонажей, участвующих в битве добра со злом. За исключением «Кармен», все пять любимых опер Фрейда – особенно «Волшебная флейта» и

«Нюрнбергские мейстерзингеры» – изображают победу добродетели над грехом: результат, который доставляет удовлетворение самым утонченным слушателям и наряду с этим позволяет понять, какая борьба протекает в душах мужчин и женщин[90].

Опера и, если уж на то пошло, театр были редкими развлечениями в жизни Фрейда. Регулярным же, ежедневно повторяющимся удовольствием для него была еда. Основатель психоанализа не был гастрономом или гурманом и плохо переносил вино. Однако он получал от еды наслаждение. Есть Фрейд предпочитал в тишине и сосредоточенности. В Вене главной трапезой дня был обед, Mittagessen, который подавался ровно в час дня и состоял из супа, мяса, овощей и десерта: «… обычный обед из трех блюд, меняющийся согласно сезону, когда весной у нас появляется дополнительное блюдо, спаржа». Фрейд особенно любил итальянские артишоки, вареную говядину – Rindfleisch – и ростбиф с луком. А вот цветную капусту и курицу он недолюбливал. Еще Фрейд обожал плотные и сытные bürgerliche блюда, без какого-либо влияния утонченной французской кухни.

Некоторую примитивность вкуса он возмещал сигарами. Зигмунд Фрейд не мог без них обойтись. Когда в начале 90-х годов XIX столетия Флисс – как бы то ни было, специалист в отоларингологии – предписал ему бросить курить, чтобы избавиться от носовых катаров, Фрейд пребывал в отчаянии и просил смягчить запрет. Он начал курить в 24 года, сначала сигареты, а затем перешел исключительно на сигары. Основатель психоанализа утверждал, что эта привычка, или порок, как он ее называл, значительно повышает его работоспособность и облегчает самоконтроль. Примечательно, что примером ему служил отец, который был заядлым курильщиком и оставался им до 81 года. В те дни увлечение Фрейда сигарами разделяли многие. Перед еженедельными собраниями у него в доме горничная расставляла на столе пепельницы, по одной на каждого гостя. Однажды в среду вечером, когда все разошлись, Мартин Фрейд в прямом смысле слова ощутил – нет, он ее, скорее, вдохнул – атмосферу в помещении. «Комната была заполнена густым дымом, и я удивлялся, как люди могли выдержать в ней несколько часов, не говоря уже о том, чтобы беседовать, не задыхаясь». Когда племяннику Фрейда Гарри было 17 лет, основатель психоанализа предложил юноше сигарету. Гарри отказался, и дядя сказал ему: «Мальчик мой, курение – это одно из самых сильных и самых дешевых удовольствий в жизни,

и, если ты заранее решил не курить, мне тебя жаль». Этого чувственного удовольствия Фрейд не мог себя лишить, но за это ему пришлось заплатить непомерную цену в виде боли и страданий. Как нам известно, в 1897 году он поделился своим мнением, никогда не высказывавшимся в его статьях и книгах, что вредные привычки – в их число Фрейд включал и привычку к табаку – служат лишь заменителями «единственной настоящей привычки, «первичной мании», мастурбации». Однако превратить эту догадку в решение, бросив курить, Зигмунд Фрейд оказался не способен.

Непреодолимая любовь Фрейда к сигарам свидетельствует о сохранении примитивных оральных потребностей, а страсть к коллекционированию древностей обнаруживает в его взрослой жизни остатки не менее примитивных анальных удовольствий. То, что Зигмунд Фрейд однажды назвал собственной склонностью к старине, было, как он признался своему врачу Максу Шуру, страстью, уступающей по силе лишь его страсти к курению. Комната для консультаций, в которой Фрейд принимал своих пациентов, и примыкающий к ней кабинет постепенно переполнялись восточными коврами, фотографиями друзей, декоративными тарелками. Застекленные книжные шкафы ломились от книг и разнообразных сувениров. Стены украшали рисунки и гравюры. Знаменитая кушетка сама по себе являлась произведением искусства – высокие подушки, плед в ногах, которым пациенты укрывались, если замерзали. На полу лежал ковер из Шираза. Но больше всего в рабочих помещениях Фрейда было скульптур, которые занимали все свободные поверхности: они заполняли сомкнутые ряды книжных полок, крышки многочисленных столиков и бюро и даже вторгались в безупречный порядок письменного стола – основатель психоанализа любовался ими, когда писал письма или работал над книгами.

Именно этот лес из скульптур лучше всего запомнили его гости и пациенты. Ганс Закс, входивший в число близких друзей Фрейда, впервые посетив квартиру на Берггассе, 19, заметил, что, хотя коллекция пребывает «все еще в начальной стадии, некоторые предметы сразу же притягивают взгляд посетителя». «Человек-волк», психоанализом которого Фрейд занялся в следующем году, также нашел предметы старины очаровательными: по его мнению, в примыкающих друг к другу комнате для консультаций и кабинете мэтра всегда присутствовало ощущение священного покоя и тишины. Это напоминало «не приемную врача, а скорее кабинет археолога.

Там были всевозможные статуэтки и другие необычные предметы, в которых даже неспециалист узнавал археологические находки из Древнего Египта. На стенах висели каменные декоративные блюда с изображением сцен из давно прошедших эпох».

Это изобилие тщательно и с любовью собиралось. Коллекционированием древностей Фрейд увлекался до конца жизни. Когда его давний друг Эмануэль Леви, профессор археологии в Риме, а затем в Вене, бывал в городе, он навещал Фрейда и привозил ему новости из мира древностей. Основатель психоанализа, в свою очередь, живо интересовался этим миром, когда находил время, и с волнением знающего любителя следил за раскопками. «Я приносил большие жертвы ради коллекционирования греческих, римских и египетских древностей, – на закате жизни признался он Стефану Цвейгу, – и даже больше читал сочинений по археологии, нежели по психологии». Вне всяких сомнений, это явное преувеличение: фокус упорядоченного любопытства Фрейда всегда приходился на жизнь души, а списки книг, приведенные в его произведениях, демонстрируют глубокое знание им специальной литературы. Однако основатель психоанализа получал огромное удовольствие от своих статуэток и обломков, первых покупок, которые с трудом мог себе позволить, а впоследствии подарков от друзей и последователей, принесенных в квартиру на Берггассе, 19. В преклонном возрасте, оглядывая из удобного мягкого кресла позади кушетки свою комнату для консультаций, Фрейд мог видеть большую картину с изображением египетского храма в Абу-Симбеле, маленькую репродукцию полотна Энгра с Эдипом, разгадывающим загадку Сфинкса, и гипсовую копию древнего барельефа, «Градивы». На противоположной стене над стеклянным шкафчиком, заполненным древностями, он поместил изображение Сфинкса из Гизы: еще одно напоминание о загадках – и об отважных конкистадорах, вроде него самого, которые их разгадывают.

Такая выраженная страсть нуждается в истолковании, и Фрейд с готовностью его предоставлял. Он сказал «человеку-волку», что психоаналитик «…подобно археологу на раскопках, должен слой за слоем раскрыть психику пациента, прежде чем дойти до самых глубоких, самых ценных сокровищ». Но сия весомая метафора не исчерпывает значение этого пристрастия для Фрейда. Предметы древности доставляли ему явное зрительное и тактильное удовольствие. Основатель психоанализа ласкал их взглядом или гладил, сидя за письменным столом. Иногда он приносил новое приобретение в столовую, чтобы получше рассмотреть. Кроме того, это были символы. Они

напоминали о друзьях, которые дали себе труд помнить его любовь к подобным артефактам, напоминали о юге – о тех солнечных странах, в которых он побывал, в которых рассчитывал побывать, а также слишком далеких и недостижимых, в которых побывать уже не надеялся. Подобно многим северянам, от Винкельмана до Э.М. Форстера, английского романиста, которого занимала неспособность людей разных социальных групп понять и принять друг друга, Фрейд любил средиземноморскую цивилизацию. «Теперь я украсил свою комнату гипсовыми отливками флорентийских статуй, – писал он Флиссу в конце 1896 года. – Это был для меня источник необыкновенного обновления; я хочу разбогатеть, чтобы повторить такие путешествия». Подобно Риму, коллекция Фрейда служила выразителем его неясных желаний. «Конгресс на итальянской земле! (Неаполь, Помпеи)», – мечтательно восклицал он после рассказа Флиссу о тех самых гипсовых отливках.

Еще более неопределенной была связь его древностей с потерянным миром, в котором он сам и его народ, евреи, могли проследить свои далекие корни. В августе 1899 года Фрейд сообщил Флиссу из Берхтесгадена, что в следующий дождливый день «отправится маршем» в свой любимый Зальцбург, где недавно «откопал» несколько египетских древностей. Эти предметы, отмечал Фрейд, поднимают ему настроение, «рассказывают о давних временах и далеких странах». Изучая дорогие сердцу предметы, он обнаруживал, в чем много лет спустя признался Ференци, как в нем рождается странное тайное томление, возможно, «от моих древних предков – по Востоку и Средиземноморью, по совсем другой жизни: желания из детства, которые никогда не сбудутся и не приспособятся к действительности». И совсем не совпадение, что человеком, историей жизни которого Фрейд интересовался и которому, по всей видимости, завидовал больше, чем кому-либо другому, был Генрих Шлиман, знаменитый археолог, открывший таинственную, окутанную древними легендами Трою. Основатель психоанализа считал карьеру Шлимана такой выдающейся потому, что в открытии «сокровища Приама» тот обрел истинное счастье: «Счастье существует только как исполнение детской мечты». Именно такая мечта, как полагал Зигмунд Фрейд, пребывая в мрачном настроении, редко воплощалась в его собственной жизни.

Однако, как сказал он «человеку-волку», неугасающая страсть к собиранию древностей приобретала все большее значение, становилась главной метафорой дела всей его жизни. «Saxa loquuntur! – воскликнул Фрейд в 1896 году в своей лекции по

этиологии истерии. – Камни говорят!» Действительно, говорят. По крайней мере, он их слышал. В одном эмоциональном письме Флиссу Фрейд сравнивал успех в психоанализе, которого только что добился, с открытием Трои. С его помощью пациент обнаружил глубоко запрятанные фантазии, «сцену из раннего детства (до 22 месяцев), которая отвечала всем требованиям и в которую укладывались все оставшиеся загадки; все сразу, сексуальные, невинные, естественные и т. д. Я до сих пор не смею в это поверить. Словно Шлиман вновь раскопал Трою, считавшуюся мифической». Фрейд и потом пользовался этой метафорой: в предисловии к истории болезни Доры он сравнивает проблемы, возникшие из-за «неполноты моих аналитических результатов», с проблемами «тех исследователей, которым посчастливилось из вековых захоронений извлечь на свет дня бесценные, хотя и искалеченные, остатки древности». Фрейд восстанавливал недостающее, и «подобно добросовестному археологу» он «не упускал случая показать, где моя конструкция смыкается с достоверным». Три десятилетия спустя в «Недовольстве культурой», иллюстрируя «общую проблему сохранения психического», он использовал широкую аналогию с Древним Римом, предстающим перед современным туристом: череда городов, остатки которых сохранились рядом друг с другом или были обнаружены в результате археологических раскопок. Таким образом, в коллекционировании древностей у Фрейда соединились работа и удовольствие, детские желания и сублимации зрелого возраста. Но оттенок болезненной зависимости тоже присутствовал. Есть что-то поэтичное в том, что осенью 1902 года на первом собрании Психологического общества по средам предметом обсуждения стало влияние курения на психику.

Психологическое общество по средам

Группа, собиравшаяся в среду вечером у Фрейда, сформировалась осенью 1902 года. Произошло это скромно и неофициально – вокруг него «стали собираться молодые врачи, желающие изучать, практиковать и пропагандировать психоанализ. Затеял все это один врач, который на собственном опыте убедился в эффективности аналитической терапии». Именно так описывал Фрейд первый период общества по прошествии 10 лет. Показательно, что из-за последующего недовольства Вильгельмом Штекелем (или его самостоятельностью?) основатель движения не стал называть имя коллеги, по предложению которого начала устраивать свои

собрания группа единомышленников. Штекель, одаренный богатым воображением и преуспевающий венский врач, прошел краткий и довольно успешный курс психоанализа у Фрейда, чтобы избавиться от симптомов психологической импотенции. Это было первое связующее звено. Вторым стала работа Штекеля о символике снов. Как свидетельствуют последующие издания «Толкования сновидений» с их открытым признанием долга автора перед Штекелем, отношения основателя психоанализа с этим и некоторыми другими его сторонниками были взаимовыгодными. Фрейд дал своим первым наперсникам гораздо больше, чем получил от них, однако был открыт и к их влиянию. В те первые годы, как с характерной для него высокопарностью выразился Штекель, сам он являлся «апостолом Фрейда, который был моим Христом!»[91].

Доживи Зигмунд Фрейд до того, чтобы услышать это утверждение, он мог бы назвать Штекеля Иудой… Как бы то ни было, со временем Фрейд стал испытывать к нему сильную неприязнь. Но в 1902 году Штекель выдвинул идею, полезность которой основатель психоанализа быстро понял. Ему она показалась чрезвычайно своевременной. Какими бы недостатками ни обладали люди, собиравшиеся вечером по средам в его приемной, на начальном этапе они давали ему тот психологический отклик, которого Фрейд так жаждал. Они стали в той или иной степени заменой Флиссу и источником одобрения, которое он ожидал завоевать своей книгой «Толкование сновидений». И поначалу, как отметил впоследствии Фрейд, у него были все основания оставаться довольным.

Первые собрания Психологического общества по средам нельзя назвать многочисленными, но атмосфера была приподнятой. Фрейд отправлял открытки с приглашением Штекелю и еще трем венским врачам – Максу Кахане, Рудольфу Рейтлеру и Альфреду Адлеру. Они образовали ядро кружка, который в 1908 году превратился в Венское психоаналитическое общество, образец для десятков подобных сообществ по всему миру. Кахане, подобно Фрейду, перевел книгу лекций Шарко на немецкий язык. Он же, собственно, и познакомил Штекеля с Фрейдом и его работами. Рано умерший – в 1917-м – Рейтлер стал вторым по известности психоаналитиком после Фрейда, практиком, чьи работы с уважением цитировал основатель учения и чьи речи на собраниях по средам отличались язвительной, иногда обидной критикой. Но самым ценным рекрутом оказался врач Альфред Адлер, разделявший убеждения социалистов, который опубликовал книгу о профессиональных заболеваниях портных, но затем заинтересовался социальным аспектом

психиатрии. Первые собрания в среду вечером, как с гордостью вспоминал Штекель, были вдохновляющими. Он писал, что «все пятеро пребывали в полной гармонии, без всяких диссонансов; мы были подобны пионерам на недавно открытой земле, а Фрейд нашим вождем. Как будто искра проскакивала от одной души к другой, и каждый вечер был подобен откровению».

Метафоры Штекеля банальны, но его описание верно передает атмосферу собраний – разногласия и споры были еще впереди. Несомненно, некоторые первые члены общества находили подобную богословскую терминологию весьма уместной. «Собрания, – вспоминал Макс Граф, – проходили в соответствии с определенным ритуалом. Сначала один из присутствующих представлял свой доклад. Затем подавали черный кофе и пирожные; сигары и сигареты лежали на столе и потреблялись в огромных количествах. После четверти часа непринужденной беседы начиналось обсуждение. Последнее и решающее слово всегда оставалось за самим Фрейдом. Мы как будто закладывали основы новой религии. Фрейд был ее пророком, который показал поверхностность всех используемых до сей поры методов исследования психики». Впрочем, Фрейду не нравились такого рода сравнения. Он считал себя более гибким, не таким авторитарным, каким мог быть любой «пророк». Но чувство превосходства все же присутствовало, и через несколько лет оно стало настолько гнетущим, что некоторые члены группы, в том числе Граф, покинули ее, несмотря на свое восхищение основателем психоанализа[92].

Для приема в Психологическое общество по средам требовалось общее согласие, но в доброжелательной атмосфере первых лет это являлось простой формальностью. Один из присутствующих просто представлял новичка. Кое-кто выбывал, но таких оказалось немного. В 1906 году, когда Фрейду исполнилось 50 лет, членов общества насчитывалось 17, и основатель движения всегда мог рассчитывать на дюжину гостей для оживленной и даже агрессивной дискуссии. В октябре этого года стиль Психологического общества по средам изменился, совсем немного, но показательно. На пятом году его существования члены общества решили нанять секретаря, Отто Ранка, чтобы вести подробные протоколы каждого собрания, записывать выступления и разговоры присутствующих, а также учитывать взносы.

Записи Ранка дают нам возможность узнать, что на собраниях члены общества рассматривали истории болезни, проводили психоанализ героев литературных произведений и публичных

персон, обсуждали литературу по психиатрии, рассказывали о предстоящих публикациях собственных работ. Иногда вечер был посвящен чьей-либо исповеди: в октябре 1907 года Максимилиан Штейнер, дерматолог и специалист по венерическим болезням, рассказал о психосоматических симптомах, которые появились у него в период полового воздержания и исчезли после того, как завязался роман с женой друга, страдавшего импотенцией. В начале 1908-го Рудольф фон Урбанчич, директор санатория, развлекал собравшихся отрывками из своего дневника периода развития – сексуального развития – до самой женитьбы, где признавался в ранней мастурбации и определенной склонности к садомазохизму. В заключительном комментарии Фрейд сухо отметил, что Урбанчич сделал им нечто вроде подарка. Этот подарок был принят без тени смущения: Психологическое общество по средам гордилось такого рода научными саморазоблачениями.

Некоторые члены общества, вступившие в него после 1902 года, были ничем не примечательными личностями, но несколько человек оставили свой след в истории психоанализа. Среди последних надо назвать Гуго Хеллера, книготорговца и издателя, хозяина салона для интеллектуалов и людей искусства, который в конечном счете стал издавать книги по психоанализу, а также Макса Графа, чей пятилетний сын в каком-то смысле слова обрел бессмертие как маленький Ганс – сие один из знаменитых случаев, описанных Фрейдом. Они были непрофессионалами, которых основатель движения особенно ценил, поскольку всегда опасался, что психоанализ монополизируют врачи. Тем не менее именно члены общества из числа эскулапов вскоре займут ведущие позиции в психоаналитическом движении как в Австрии, так и в других странах. Пауль Федерн, ставший одним из самых преданных сторонников Фрейда в Венском психоаналитическом обществе, оказался оригинальным и уважаемым теоретиком. Исидор Задгер, способный психоаналитик и интересный собеседник, привел на одно из собраний своего племянника Фрица Виттельса. Эдуард Хичманн, который присоединился к обществу в 1905 году, шесть лет спустя удостоился специальной благодарности Фрейда за популярное изложение психоанализа, создание которого название книги тактично приписывает мэтру – «Теория неврозов Фрейда». Во всех перипетиях последующих лет Хичманн, как и Федерн, показал себя верным и надежным помощником.

Возможно, самым необычным новобранцем стал Отто Ранк, опытный механик. Невысокий, некрасивый, слабый здоровьем и

много лет страдавший от этого, Ранк благодаря неутолимой жажде знаний смог убежать от невзгод своей нуждающейся и несчастной еврейской семьи.

В отличие от большинства самоучек он отличался необыкновенным умом и способностью впитывать новое. Ранк читал все. Альфред Адлер, их семейный врач, познакомил его с трудами Фрейда, и Ранк увлекся ими. Книги его ошеломили. Ему казалось, что в них – ключ ко всем загадкам мира. Весной 1905 года, Ранку тогда был всего 21 год, он познакомил Фрейда с рукописью маленькой книги под названием «Художник» – своеобразной попыткой приложения идей психоанализа к культуре. Чуть больше года спустя Отто Ранк стал секретарем Психологического общества по средам. Фрейд питал к нему отцовские чувства. С легким оттенком снисходительности он называл его малышом Ранком, нанимал помощником для переработки своих трудов, великодушно помог поступить сначала в гимназию (с опозданием), а затем в Венский университет. В Психологическом обществе по средам Ранк был не просто секретарем: в октябре 1906-го, всего через месяц работы, он представил довольно большие отрывки из своей будущей огромной монографии о теме инцеста в литературе.

По всей видимости, в период работы Ранка секретарем общества приобретений было меньше, чем потерь, хотя его вины в этом нет. Атмосфера на собраниях становились нервной, даже желчной – их участники стремились выделиться среди остальных, бравировали оригинальностью или выражали неприязнь к коллегам, грубо маскируя ее под психоаналитическую откровенность. В 1908 году состоялась официальная дискуссия по процедурам «реформирования», в русле которой обсуждалось предложение запрета на «интеллектуальный коммунизм» – geistiger Kommunismus, то есть всякая идея должна считаться частной собственностью автора. Фрейд предложил компромисс: позволить каждому члену общества самому решать, как следует обращаться с его вкладом – как с общей собственностью или с его личной. Сам основатель психоанализа объявил, что готов все сказанное им сделать всеобщим достоянием.

Другие члены кружка оказались менее щедрыми и менее сдержанными. В декабре 1907 года в один из обычных вечеров Задгер прочитал доклад с психоанализом личности швейцарского поэта XIX века Конрада Фердинанда Мейера, в котором подчеркивал безответную любовь пиита к матери. Несмотря на то что подобный анализ эдипова комплекса вполне соответствовал интеллектуальным привычкам группы, коллеги Задгера сочли его выступление неподобающим. Федерн заявил, что он в ярости,

Штекель выразил удивление и протестовал против излишних упрощений, которые могли лишь испортить хороший пример. Виттельс принялся защищать дядю и выразил недовольство «этими личными всплесками ярости и возмущения». Спор вынудил Фрейда, у которого имелись свои претензии к докладу Задгера, призвать всех к сдержанности. При необходимости он мог быть беспощаден, но «тяжелую артиллерию» приберегал для важных случаев. Уязвленный такой реакцией, Задгер сказал, что разочарован – он рассчитывал получить совет, а услышал лишь множество грубых слов.

В 1908 году такие бурные дискуссии происходили довольно часто. И довольно часто горячность становилась причиной поверхностности. Но разочарование Психологическим обществом по средам было не просто симптомом гнетущей атмосферы, которую посредственность привносит в любую группу. При столкновении ранимых, зачастую эмоционально неустойчивых личностей неизбежно вспыхивают искры враждебности. Более того, провокационный характер самого предмета психоаналитического исследования, неделикатно вторгающегося в наиболее охраняемые области человеческой психики, также оказывал негативное влияние, становясь причиной общей раздражительности. В конце концов, ни один из этих людей, которые в те героические годы исследований бестактно и решительно вторгались в тайные святилища души, как других, так и свои собственные, сам процедуре психоанализа не подвергался – лечение Штекеля было кратким и далеко не завершенным. Фрейд, конечно, анализировал себя, но самоанализ по своей природе не поддается копированию. Остальные, кто мог бы воспользоваться преимуществами психоанализа, этого не сделали. В начале 1908 года Макс Граф печально заметил: «Больше нет того товарищества, что было прежде».

Незадолго до этого Фрейд, по-прежнему непререкаемый авторитет для своего неутомимого войска, попытался учесть изменившиеся обстоятельства, предложив распустить неформальное объединение и преобразовать его в Венское психоаналитическое общество. Такая реорганизация даст возможность мирно уйти тем членам группы, которые больше не согласны с целями Фрейда. Это была изящная уловка, не более того. Основатель психоанализа никак не мог заставить остальных прыгнуть выше головы. В декабре 1907 года Карл Абрахам, впервые присутствовавший на собрании общества, точно и безжалостно описал собственные впечатления своему другу Максу Эйтингону: «Меня не очень впечатлили венские сторонники. Я был на собрании в среду. *Он* на голову выше

остальных. Задгер похож на талмудиста; он интерпретирует и комментирует каждую установку мастера со строгостью ортодоксального иудея. Из всех врачей наилучшее впечатление на меня произвел доктор Федерн. Штекель поверхностен, Адлер страдает односторонностью, Виттельс фразер, остальные ничем не примечательны. Юный Ранк кажется очень умным, и доктор Граф тоже…» Весной 1908 года Эрнест Джонс все увидел своими глазами и согласился с ним. Впоследствии он вспоминал, что, посетив Вену и впервые побывав на собрании Психологического общества по средам, был не слишком впечатлен венскими последователями Фрейда. Для беспристрастного стороннего наблюдателя они «казались недостойным аккомпанементом гению Фрейда, но в тогдашней Вене, исполненной предубеждений против него, было трудно найти ученика, которому есть что терять в смысле репутации, и поэтому приходилось довольствоваться тем, что было доступно».

Конечно, бывали и светлые периоды: с 1908 по 1910 год общество пополнилось новыми членами, такими как Шандор Ференци из Будапешта, талантливый, но чрезвычайно нервный юрист Виктор Тауск, школьный учитель и социал-демократ Карл Фуртмюллер, остроумный адвокат Ганс Закс. Число участников увеличивалось за счет гостей, которые приезжали в Вену, чтобы познакомиться с Фрейдом и присутствовать на собрании в среду: «швейцарцы», психиатры и любознательные студенты-медики из Цюриха и других городов Швейцарии, появились еще в 1907-м. Фрейд называл их – Макса Эйтингона, Карла Г. Юнга, Людвига Бинсвангера и Карла Абрахама – самыми интересными из новых сторонников. В следующем году в Вену, чтобы познакомиться с Фрейдом и его группой, прибыли другие визитеры, впоследствии много сделавшие для развития психоанализа: американский переводчик Фрейда и его апостол Абрахам А. Брилл, Эрнест Джонс – этот станет самым влиятельным британским сторонником мэтра, и пионер психоанализа в Италии Эдуардо Вейсс.

Контраст между этими «перелетными птицами» и венскими завсегдатаями собраний оказался для Фрейда болезненным. При оценке людей он часто позволял своим заветным желаниям брать верх над опытом, однако в отношении своих местных приверженцев не питал никаких иллюзий. В 1907 году после одного из собраний в среду вечером Фрейд сказал молодому швейцарскому психиатру Людвигу Бинсвангеру: «Ну вот, теперь вы видели эту банду!» В этом кратком, насмешливом замечании содержалась определенная доля лести – Фрейд хотел понравиться своим новым швейцарским сторонникам, но Бинсвангер, по

прошествии многих лет вспоминая ту сцену, дал ей более доброжелательное и, возможно, более точное толкование: он понял, до какой степени одиноким по-прежнему чувствовал себя Фрейд среди этой толпы. «Все мои венцы, – мрачно признавался основатель психоанализа Абрахаму в 1911 году, – ничего не стоят, за исключением малыша Ранка». Среди венцев были подающие надежды личности: Федерн, Закс, возможно Рейтлер, Хичманн и даже Тауск, но со временем Фрейд стал все больше связывать свои надежды с заграницей, с иностранцами.

Иностранцы

Четверым из этих иностранцев, Максу Эйтингону и Карлу Абрахаму в Берлине, Эрнесту Джонсу в Лондоне и Шандору Ференци в Будапеште, было суждено пронести флаг психоанализа сквозь годы верного служения делу – они издавали научные труды, дискутировали, организовывали, собирали деньги, обучали кандидатов, вносили собственный вклад в психоанализ, клинический и теоретический, интересный и нередко неоднозначный. В отличие от драматичного сотрудничества и не менее драматичного столкновения, которые характеризовали отношения Фрейда с Юнгом, союз этих четверых с мэтром, несмотря на изредка возникавшую напряженность, был необычайно выгодным для обеих сторон.

Первым из «швейцарцев», появившихся в квартире на Берггассе, 19, был Макс Эйтингон. Состоятельный, щедрый и скромный еврей из России, изучавший медицину в Цюрихе, он написал Фрейду в конце 1906 года, представившись младшим ассистентом в психиатрической больнице Бургхельцли. К работам Фрейда его внимание привлекли наставники – профессор Блейлер и доктор Юнг. «Пристальное их изучение все больше и больше убеждало меня в поразительном охвате вашей концепции истерии и в громадной ценности психоаналитического метода», – писал Эйтингон. Фрейд в своей обычной манере не стал откладывать удовольствие увидеть молодого человека, «привлеченного истинным содержанием нашего учения». В тот период основатель психоанализа считал себя ловцом человеков и делал все возможное, чтобы соответствовать этому библейскому самоопределению. В январе 1907 года Эйтингон приехал в Вену на консультацию по поводу трудноизлечимого пациента и остался на две недели. Зародившаяся дружба с мэтром укрепилась несколькими весьма необычными «сеансами». Фрейд брал Эйтингона на прогулки по Вене и во время этих прогулок проводил психоанализ своего нового рекрута. «Таким, –

впоследствии вспоминал Эрнест Джонс непринужденную атмосферу тех дней, – был первый урок психоанализа». Осенью 1909-го, после еще нескольких выездных прогулок с мэтром, Эйтингон перебрался из Цюриха в Берлин, будучи уже верным учеником Фрейда. Практика его расширялась медленно. Время от времени Эйтингон просил учителя направлять ему пациентов, и Фрейд соглашался. В ответ ученик осыпал его подарками. «Три дня подряд, – образно писал Фрейд своему ученику в Берлин, – в моем доме шел дождь из произведений Д…». Эйтингон присылал мэтру книги Достоевского, по одному тому, призывая уделить особое внимание «Бесам» и «Братьям Карамазовым». Переписка между ними становилась все более личной и теплой. «Я знаю, что вы останетесь верны мне, – заверял Фрейд Эйтингона в июле 1914 года. – Нас маленькая горстка, где нет праведников, но нет и предателей». У него никогда не было причин сожалеть о своей вере в Эйтингона, который еще при жизни Фрейда стал одним из самых щедрых покровителей психоанализа.

Ближайшему союзнику Эйтингона в Берлине, Карлу Абрахаму, пришлось упорным трудом добиваться финансовой независимости, которую его верный друг считал само собой разумеющейся. Абрахам был четырьмя годами старше Эйтингона. Родился он в портовом городе Бремене в еврейской семье, давно обосновавшейся в Германии. Отец Карла был преподавателем религии, человеком необычайно широких для своего времени взглядов. Когда сын, собиравшийся занять должность психиатра, сообщил ему, что больше не может соблюдать субботу и другие еврейские религиозные традиции, Абрахам-старший сказал, чтобы Карл поступал так, как подсказывает ему совесть. В качестве сторожевого пса психоанализа Абрахам иногда проявлял себя менее терпимым, чем был к нему отец. Коллеги-психоаналитики ценили его спокойствие, методичность, ум, способность не отвлекаться на умозрительные построения или многословие. Возможно, он был слишком бесстрастным. Эрнест Джонс говорил о нем как об эмоционально закрытом человеке. Но сдержанность Абрахама позволяла ему сохранять самоконтроль и здравый смысл – качества, в которых очень нуждалось психоаналитическое движение. Он был, по выражению Джонса, несомненно, самым нормальным членом группы, собравшейся вокруг Фрейда. Жизнелюбие Абрахама стало практически легендой среди коллег. Основатель психоанализа, который сам часто тешил себя благоприятными прогнозами, называл Карла неизлечимым оптимистом.

Абрахам пришел в психиатрию из медицины «тела». Он

познакомился с Фрейдом в 1907 году, когда ему было 30 лет, и эта встреча изменила его жизнь. Три года Карл проработал в Бургхельцли, психиатрической больнице Цюриха, где главным психиатром был Юнг, но после того, как попал под влияние Фрейда, решил открыть частную психоаналитическую практику в Берлине. Со стороны Абрахама сие был рискованный шаг – в это время и в этой стране полностью доминировала традиционная психиатрия. Те, кого Фрейд презрительно называл официальным сбродом Берлина, знали о психоанализе мало, а к тому, что знали, питали отвращение. «Должно быть, вам приходится несладко в Берлине», – сказал в 1911 году Эрнест Джонс Абрахаму, к которому относился с братской симпатией. На протяжении нескольких лет Абрахам был фактически единственным, как с восхищением отметил Фрейд, практикующим психоаналитиком в немецкой столице. Карл Абрахам, не терявший надежды даже в самой отчаянной ситуации, почти не нуждался в ободрении, но Фрейд – отчасти чтобы не снижался его собственный боевой дух – поддерживал его из Вены: «Все будет хорошо».

Несмотря на весь оптимизм Абрахама, приветствовалась любая поддержка, даже самая малая. Когда в конце 1907 года психиатр из Берлина Отто Юлиусбургер прочитал доклад, защищающий идеи психоанализа, Фрейд написал ему письмо и поблагодарил за смелость. Воодушевленный этими слабыми благоприятными признаками, в августе 1908 года Абрахам основал Берлинское психоаналитическое общество, в котором было всего пять членов, в том числе Юлиусбургер и подвергавшийся нападкам сексолог Магнус Хиршфельд. С самого начала Фрейд дал полезный совет: он убеждал Абрахама не позволять господствующим предубеждениям против Хиршфельда влиять на его отношение к этому страстному и довольно интересному борцу за права гомосексуалистов.

Отношения между Фрейдом и Абрахамом не ограничивались психоанализом. Они сами и их семьи вскоре сблизились настолько, что приезжали друг к другу в гости, и мэтр проявлял отцовскую заботу о детях Абрахама[93]. В мае 1908 года он с благодарностью писал Карлу: «Моя жена много рассказывала мне о сердечном приеме, который нашла у вас дома». Основатель психоанализа был доволен, но совсем не удивлен, поставив «благоприятный диагноз» гостеприимству Абрахама.

После нескольких трудных лет Абрахам стал популярным врачом и ведущим специалистом по обучению второго поколения кандидатов в психоаналитики с двух континентов. В 1914 году, благодаря за глубокую статью о вуайеризме, Лу Андреас-Саломе

особенно хвалила ясность изложения Абрахама и его стремление следовать фактам, а не подгонять их под догму. В том году известность Карла Абрахама была уже настолько велика, что американский психолог Г. Стэнли Холл, президент Университета Кларка, попросил у него фотографию, чтобы «украсить стены нашей школы».

Успех принес материальное благополучие. В начале 1911 года Абрахам сообщил Фрейду, что его практика «активная, уже довольно давно». Она даже бурная. Он занимался психоанализом пациентов по восемь часов в день. Однако Абрахам вовсе не считал эту деятельность безусловным благом. У него оставалось, с характерной фрейдистской интонацией печально отмечал Карл, мало времени для науки. К 1912 году у него было уже десять пациентов, и его практика стала еще более прибыльной. За первые шесть месяцев этого года он заработал 11 тысяч марок, весьма приличную сумму, и к тому же намеревался повысить свои расценки. «Понимаете, – писал Абрахам Фрейду, – даже в Берлине вашему приверженцу не обязательно быть мучеником». Абрахам редко жаловался, причем эти жалобы всегда относились не к пациентам, а к коллегам. «Практика, – писал он Фрейду весной 1912 года, – затягивает меня». Одновременно он ворчал, что для психоаналитика, интересующегося теорией, «…Берлин слишком стерильная среда». Несмотря на то что собрания его психоаналитического общества проходили весьма успешно, Абрахам ощущал «недостаток подходящих людей». Но это не так уж важно: относительное интеллектуальное одиночество было для него стимулом к работе.

Почти все члены клана психоаналитиков были наделены кипучей энергией, но мало кто мог в этом отношении сравниться с Абрахамом. Тем не менее часть его бурной деятельности являлась результатом волевых усилий. Субтильный, с детства вынужденный противостоять астме, правда в слабой форме, он занимался теннисом, плаванием, а впоследствии его любимым видом спорта стал альпинизм. Это было весьма распространенное увлечение среди коллег Абрахама, ведущих кабинетный образ жизни. Даже Фрейд, не такой ярый поклонник активного спорта, как некоторые его сторонники, с удовольствием совершал долгие и нелегкие прогулки по горам.

Упорство, которое помогло Карлу Абрахаму стать альпинистом, также питало его профессиональную деятельность. Он вербовал сторонников и председательствовал на собраниях. И интересы Абрахама были необычайно широки: среди его работ есть обзоры современной литературы по психоанализу, клинические исследования, очерки по приложению психоанализа

к самым разнообразным областям, таким как современное искусство и религия Древнего Египта. Еще более значительный след в истории психоанализа оставили его глубокие статьи о развитии либидо, которые впоследствии повлияли на взгляды самого Фрейда. Чрезвычайная занятость не мешала Абрахаму внимательно следить за политическими баталиями в столь неспокойных центрах психоанализа, какими были Вена и Цюрих. Его необыкновенный оптимизм, резко контрастирующий с настроениями Фрейда, удивительным образом сочетался с пристальным вниманием к отклонениям от общей линии среди коллег-психоаналитиков, а также к малейшим облачкам измены, появлявшимся на горизонте.

При этом, несмотря на всю свою преданность делу, Карл Абрахам не заискивал перед мэтром. Более того, он сохранял достаточную независимость, чтобы подружиться с Флиссом, о разрыве которого с Фрейдом ему было известно. В начале 1911 года Флисс, узнавший о том, что Абрахам обнаружил «флиссовские» циклы у одного из своих пациентов, пригласил его к себе. Карл честно сообщил об этом приглашении Фрейду, который отреагировал сдержанно. «Не вижу, почему бы вам не нанести ему визит», – писал он, предсказывая, что Абрахам встретит чрезвычайно достойного, даже очаровательного человека. Эта встреча даст ему возможность подойти «с научной точки зрения к тому зерну истины, которое содержится во взглядах [Флисса] на периодичность». В то же время Фрейд предупреждал Абрахама, что Флисс обязательно попытается переманить его, убедить отказаться от психоанализа и, «как я убежден, от меня самого», перейти на его сторону. Флисс, без обиняков сообщал он, «в целом резкий, злой человек», а затем прибавил: «Особенно остерегайтесь его жены, глупой, злобной, явно истеричной; другими словами: это извращенность, а не невроз».

Предостережение не помешало Абрахаму поддерживать знакомство с Флиссом. Он поблагодарил за совет, пообещал проявлять должное благоразумие и скрупулезно информировал Фрейда о своих визитах. Флисс, заверял Абрахам, не предпринимал никаких усилий отвратить его от психоанализа или от его основателя и в любом случае не показался ему сколько-нибудь очаровательным. Тем не менее со свойственной ему сдержанностью Карл Абрахам не стал комментировать нелестную характеристику, которую Фрейд дал фрау Флисс. Не известил он Фрейда – ни в тот раз, ни позже, – что они с Флиссом обменивались оттисками своих статей. Вне всяких сомнений, основатель психоанализа преувеличивал опасности, которые

грозили Абрахаму из-за общения с его бывшим другом. Следует признать, что Флисс полностью одобрил оттиски статей Абрахама, словно они содержали психоаналитические откровения, которые сам Фрейд никогда не был в состоянии передать: «Продолжайте открывать нам глаза!» Однако Флисс, очевидно, не предпринимал усилий убедить Абрахама расстаться с Фрейдом, а если и предпринимал, то успеха не добился. Карл Абрахам был достаточно умен и хладнокровен, чтобы не поддаться на подобные уговоры. Во всяком случае, сердечное отношение Фрейда к Абрахаму и непоколебимая вера в него свидетельствуют, что их дружба успешно пережила эту провокацию.

Трудно представить двух более непохожих людей, чем Эрнест Джонс и Карл Абрахам. Они считали друг друга близкими по духу и на протяжении всей эволюции международного психоаналитического движения оставались верными союзниками. Оба бесконечно восхищались Фрейдом, были трудоголиками и, что уж совсем необычно, разделяли любовь к спорту: Абрахам занимался альпинизмом, а Джонс, маленький, живой и искрящийся энергией, предпочитал фигурное катание – он даже нашел время написать научный труд по этому предмету[94]. Но по части эмоций эти два человека казались обитателями разных миров. Абрахам был (или, по крайней мере, казался) невозмутимым и разумным, а Джонс импульсивным и дерзким; он постоянно оказывался втянутым в эротические приключения, временами запутываясь в них, – в отличие от сдержанного Абрахама, выбравшего моногамию. Джонс отличался необыкновенной самоуверенностью и, как с удовольствием признавал Фрейд, был самым воинственным из его сторонников, неустанным отправителем писем, великолепным организатором и яростным полемистом.

Эрнест Джонс открыл для себя Фрейда в 1905 году – вскоре после публикации истории болезни Доры. Он, молодой врач, специализирующийся на психиатрии, был глубоко разочарован неспособностью традиционной медицинской науки объяснить работу и нарушения психики, и сие разочарование стало причиной его обращения к психоанализу. Когда Джонс читал историю болезни Доры, он еще плохо владел немецким, но «вышел» из этого чтения «с глубоким впечатлением о том, что в Вене был человек, который действительно слушал каждое слово, сказанное ему пациентом». Это стало откровением. «Я пытался следовать его примеру, но никогда не слышал, чтобы кто-то еще так поступал». Фрейд, признавал он, был «rara avis[95], настоящим

психологом»[96].

Джонс еще некоторое время провел с Юнгом в Бургхельцли, побольше узнал о психоанализе и весной 1908 года разыскал Фрейда на конгрессе психоаналитиков в Зальцбурге, где тот прочитал впечатляющий доклад об одном из своих пациентов – «человеке с крысами». Не теряя времени даром, в мае того же года Джонс посетил квартиру на Берггассе, 19. Там он встретил сердечный прием. После этого они с Фрейдом часто виделись, а перерывы между встречами заполняли пространными регулярными письмами. Несколько лет в душе Джонса происходила внутренняя борьба. Его одолевали сомнения по поводу психоанализа, но, когда Эрнест Джонс нащупал почву под ногами, почувствовал себя полностью убежденным, он превратился в одного из самых энергичных сторонников Фрейда, сначала в Америке, затем в Англии, а в конечном счете и во всем мире.

Кампания в поддержку идей Фрейда, которую Джонс развернул в Канаде и на северо-востоке Соединенных Штатов, отчасти была делом вынужденным. Начало его медицинской карьеры омрачилось скандалом: Джонса дважды обвиняли в недостойном обращении с детьми во время медицинского осмотра[97]. Уволенный с должности в детской больнице, он счел за благо переехать в Торонто. Обосновавшись там, Джонс начал читать лекции по психоанализу, как правило, невосприимчивой аудитории в Канаде и Соединенных Штатах, а в 1911-м приступил к организации Американского психоаналитического общества. Два года спустя, в 1913-м, он вернулся в Лондон – занялся практическим психоанализом и собрал вокруг себя маленькую группу английских последователей Фрейда. В ноябре Джонс уже победоносно сообщал основателю психоанализа, что «в минувший четверг было должным образом учреждено Лондонское психоаналитическое общество в составе девяти членов».

Едва ли единственный нееврей среди близких друзей Фрейда, Эрнест Джонс был одновременно своим и чужим. С присущей ему увлеченностью собирая еврейские шутки и еврейские выражения, он стал кем-то вроде «почетного еврея», который если не полностью, то почти вписался в относительно замкнутую психоаналитическую культуру Вены и Берлина. Его статьи, охватывавшие широкий круг вопросов, включая прикладной психоанализ, были отмечены скорее не оригинальностью, а ясностью и некоторой порывистостью – в чем Джонс сам признавался, когда сравнивал себя с женщиной. «Для меня, – говорил он Фрейду, – работа подобна вынашиванию ребенка для женщины; для такого мужчины, как вы, полагаю, она похожа на

оплодотворение мужчиной»[98]. Не отличаясь оригинальностью, Джонс был самым убедительным популяризатором и самым упорным спорщиком. «Немногие люди, – не без восхищения признавался ему Фрейд, – умеют так противостоять аргументам других». Еще одна важная услуга, которую оказал Джонс, – ведение большей части обширной переписки с Фрейдом на английском языке. Сначала он жаловался, что незнаком со старыми немецкими буквами, – Фрейд писал «готическим» почерком, – и тогда мэтр вместо того, чтобы изменить их начертание, перешел на английский[99]. Этот случай убедил основателя психоанализа в необходимости совершенствовать владение его любимым иностранным языком[100].

В 1910 году Джонс уже всей душой был предан психоанализу, хотя его еще тревожили некоторые сомнения – и чуть меньше сам Фрейд. По крайней мере, к этому времени Эрнест стал менее загадочен для своих новых друзей-психоаналитиков, поскольку вначале им было трудно его понять и еще труднее предсказать. Летом 1908 года Юнг заметил Фрейду: «Джонс для меня загадочный человек. Я нахожу его странным, необъяснимым. Это его достоинство или недостаток? В любом случае он не простой человек, а умный лжец». Может быть, спрашивает далее Юнг, он «слишком большой почитатель, с одной стороны, и слишком большой оппортунист – с другой?». У Фрейда не было готового ответа на этот вопрос. «Я думал, что о Джонсе вы знаете больше, чем мог бы знать я, – писал мэтр Юнгу. – Я считал его фанатиком, который застенчиво мне улыбается». Но если тот действительно лжец, «…он лжет другим, а не нам». Каким бы ни был Джонс, заключил Фрейд, «меня, без сомнения, очень интересует национальная смесь в нашей группе. Он кельт и поэтому не совсем понятен нам, тевтонцам, и уроженцам Средиземноморья». Однако Джонс показал себя достойным учеником и был готов приписать свои сомнения относительно идей Фрейда иррациональной самозащите. «Короче говоря, – писал он основателю психоанализа в декабре 1909 года, – мое сопротивление было обусловлено не возражениями против ваших теорий, а отчасти влиянием сильного «комплекса отца».

Фрейд с радостью принял это объяснение. «Ваши письма являются для меня постоянным источником удовлетворения, – признавался он Джонсу в апреле 1910 года. – Я действительно удивлен вашей активностью, широтой вашей эрудиции и искренностью вашего стиля». Он радовался, что отказался «слушать внутренние голоса, намекавшие, что нужно порвать с вами». Теперь, когда все прояснилось, продолжал мэтр, он верит, что они будут «какое-то время идти и работать вместе». Два года

спустя Фрейд вспоминал момент, когда он решил, что Джонсу можно доверять. Это было в 1909-м, после того как они долго беседовали в Университете Кларка в Вустере, штат Массачусетс. «Я очень рад, что вы знаете, как я вас люблю и как горжусь вашим высоким интеллектом, который вы поставили на службу ψA, – писал основатель психоанализа Джонсу. – Я помню, что впервые осознал такое свое отношение к вам в неприятный момент, когда после серьезных сомнений вы покинули Вустер, и мне в голову пришла мысль, что вы отдаляетесь от нас и станете чужим. Затем я понял, что так быть не должно и что я могу все изменить, проводив вас на поезд и пожав руку перед отъездом. Возможно, вы меня поняли, и в любом случае это мое ощущение оказалось верным, поскольку с того времени мы с вами наконец стали великолепно ладить».

Теперь уже ничто не могло остановить Джонса. В 1913 году он приехал в Будапешт для краткого курса психоанализа у Ференци и сообщал Фрейду, что они много времени проводят друг с другом в научных беседах и что Ференци «…очень терпелив в отношении моей эксцентричности и смены настроений». В письмах к мэтру Джонс с готовностью предавался самокритике. Фрейд, в свою очередь, выбрал по-отечески добродушный, а иногда и довольно грозный тон в отношении Джонса, который был на 23 года моложе. Ему нравилось поддерживать молодого человека при помощи постоянных – и искренних! – похвал. «Вы делаете большую работу», – писал основатель психоанализа. «Я радуюсь вашим частым письмам и, как вы можете видеть, спешу с ответом». И снова: «Мне очень нравятся ваши письма и статьи». Фрейд не жалел о времени, потраченном на то, чтобы приобщить этого ценного новобранца к общему делу.

С 1912 года Зигмунд Фрейд проводил сеансы психоанализа с симпатичной подругой Джонса Лу Канн. Вообще-то эту зависимую от морфина наркоманку все, в том числе Фрейд, считали женой Эрнеста… Отбросив священное правило конфиденциальности, мэтр сообщал Джонсу о прогрессе в лечении и о снижающихся дозах морфия, с которыми Лу училась жить[101]. Временами он давал Джонсу советы относительно личной жизни. Узнав об очередном романе, в котором запутался его молодой друг, Фрейд умолял его: «В порядке личного одолжения, не делайте женитьбу следующим шагом в вашей жизни – это вопрос тщательного выбора и размышлений». Чуть позже, надев тогу красноречивого римского патриота Катона Старшего, который напоминал сенату о жестоком враге, Карфагене, Фрейд принял более строгий тон: «Cet. censeo[102].

Будьте осторожны с женщинами и не испортите дело на этот раз». Фрейд отрицал какой-либо «особый мотив» своего вмешательства. Он просто высказывал свои мысли. Джонс был очень доволен. Такие личные послания вносили ноту дружбы в их общую преданность делу психоанализа. Впоследствии, по случаю пятидесятилетия Джонса, Фрейд с характерным сплавом искренности и лести писал: «Я всегда приравнивал вас к самым близким родственникам», а нежность к нему впервые проявилась в тот день, когда мэтр провожал молодого коллегу на железнодорожный вокзал в Вустере. Несмотря на разногласия, которые у них были в прошлом и могли еще оставаться, прибавил Фрейд, это всего лишь семейные споры, не более того.

В отличие от Джонса на Шандора Ференци, самого ранимого и тонко чувствующего из первых психоаналитиков, у Фрейда уходило гораздо больше душевных сил. Если Джонс время от времени сердил мэтра, то Ференци мог заставить его страдать. Дело в том, что Ференци, как не без зависти отметил Джонс, стал самым «старшим» из узкого круга доверенных лиц мэтра из числа профессионалов и был ближе всех Фрейду. Родившийся в 1873 году в Будапеште в семье книготорговца и издателя, он всю жизнь сражался с ненасытной потребностью в любви. В семье было 11 детей, отец умер молодым, мать была вечно занята магазином и многочисленным потомством, и Ференци с самого начала чувствовал себя обделенным душевным теплом. «Ребенком, – писала в своем дневнике Лу Андреас-Саломе, которая впоследствии сблизилась с Шандором, – он страдал от недостаточной оценки его достижений». Во взрослой жизни эта потребность превратилась в никогда не заживающую рану.

Ференци изучал медицину в Вене в начале 90-х годов XIX века, а затем вернулся в родной город и открыл практику как психиатр. Первое знакомство с идеями психоанализа не произвело на него впечатления. Быстро пролистав «Толкование сновидений», он отверг книгу как туманную и ненаучную. Но затем Ференци узнал о выполненных Юнгом и его коллегами экспериментах по психоаналитической словесной ассоциации и стал сторонником Фрейда – если можно так выразиться, вошел через черный ход. Персонал психиатрической больницы Бургхельцли предлагал испытуемым группу слов, а затем точно измерял время появления первой ассоциации. Ференци, как по прошествии многих лет вспоминал его ученик и друг, венгерский психоаналитик Майкл Балинт, «купил секундомер, и уже никто не мог от него отделаться. Все, кого он встречал в будапештских кафе, – писатели, поэты, художники, гардеробщица, официанты и

т. д. – становились объектами ассоциативного эксперимента». Это увлечение, как предполагает Балинт, имело одно достоинство – оно побудило Ференци внимательно изучить литературу по психоанализу. Штудирование книги Фрейда о сновидениях убедило Ференци, и в январе 1908 года он отправил ее автору письмо с просьбой о встрече. Фрейд пригласил его в квартиру на Берггассе, 19, в воскресенье после обеда.

Они быстро подружились. Богатое воображение Ференци заинтриговало мэтра, который всю жизнь чувствовал в себе похожую склонность – и боролся с ней. Ференци превратил психоаналитическую интуицию в высокое искусство. Фрейд мог увлекать его за собой в самый высокий полет мысли, иногда обнаруживая, что ученик взмывает еще выше, исчезая из виду. Эрнест Джонс, коллега и объект его психоанализа, описывал его как человека с «превосходным воображением, возможно не всегда до конца дисциплинированного, но всегда заставляющего думать». Эту его способность наводить на размышления Фрейд находил неотразимой и ради нее был готов не обращать внимания на недостаток дисциплины. «Мне понравилось ваше увлечение загадками, – писал он Ференци в самом начале их дружбы. – Вы понимаете, что загадка открывает то, что прячет шутка. Параллельное исследование могло бы стать весьма поучительным». Ни Фрейд, ни Ференци больше не обращались к этой многообещающей гипотезе, но у них имелись и другие предметы для обсуждения: истории болезни, эдипов комплекс, гомосексуальность у женщин, ситуация с психоанализом в Цюрихе и Будапеште.

К лету 1908 года они сблизились настолько, что основатель психоанализа устроил так, что Ференци остановился в отеле в Берхтесгадене, где он сам отдыхал вместе с семьей. «Наш дом открыт для вас. Но вы должны сохранять свободу». Год спустя, в октябре 1909-го, Фрейд в письмах обращался к нему «дорогой друг» – этого сердечного приветствия удостаивались немногие. И даже несмотря на все это, Ференци оказался сомнительным новобранцем. Его самым весомым и в то же время неоднозначным вкладом в психоанализ была техника. Отчасти сие объяснялось его необыкновенным даром эмпатии, способностью выражать и вызывать любовь. К сожалению, стремление Ференци отдавать соседствовало с желанием получать – и дополнялось им. В отношениях с мэтром сказанное означало безграничную идеализацию и страстное желание близости, которую Фрейд, лишившийся иллюзий после катастрофической судьбы своей привязанности к Флиссу, не был готов ему дать.

Слабые намеки на некоторую напряженность появились уже в

первый год их дружбы: Фрейд считал необходимым мягко пожурить своего последователя за «чрезмерно энергичные» усилия подтвердить одну из его гипотез относительно фантазий. Не раз Ференци ставил мэтра в неловкое положение, навязывая ему роль исповедника. Он сообщал подробности своей личной жизни, довольно запутанной, как это часто бывает у холостяков, и жаловался на одиночество в Будапеште. Путешествие на Сицилию, которое они вдвоем совершили в конце лета 1910 года, оказалось для Фрейда не слишком приятным, поскольку Ференци воспользовался случаем и попытался превратить его в любящего отца.

Эта роль основателю психоанализа не нравилась, несмотря на всю его склонность к патернализму. Он сказал Ференци, что вспоминает проведенное в его обществе время с теплыми и дружескими чувствами, однако желает, чтобы «…вы оторвались от той инфантильной роли и поместили себя рядом со мной как равный товарищ – что вам не удалось сделать». Год спустя Фрейд нехотя – правда, довольно добродушно и не без юмора – согласился играть роль, которую навязывал ему Ференци. «Я охотно признаю, что предпочел бы независимого друга, – писал он, – но, если вам трудно это принять, я приму вас в качестве сына». Письмо заканчивалось так: «А теперь прощайте и успокойтесь. С отцовским приветом». Фрейд продолжил эту игру и в следующем письме обратился к Ференци так: «Дорогой сын». Приветствие сопровождалось комментарием: «(Пока вы не прикажете отказаться от такого обращения)». Через неделю мэтр вернулся к обычному: «Дорогой друг», – но свое отношение он высказал.

Несмотря на эту неприятную и, как оказалось, неизлечимую зависимость, богатое воображение Ференци, его необыкновенная преданность, блестящий ум, не говоря уж о работе в Будапеште по обучению психоанализу, были причиной того, что любимый венгерский последователь раздражал Фрейда меньше, чем мог бы раздражать любой другой человек, столь же требовательный. В конечном счете в Абрахаме мэтр открыл глубоко запрятанное ядро холодной сдержанности. «Я вижу, что вы были правы, – признался он Джонсу в 1920 году. – В Абрахаме слишком много прусскости». Зато в Ференци «прусскости» не было совсем. Фрейд нашел в нем приятного товарища, ради которого воспитывал в себе такую добродетель, как терпение.

Почти все первые рекруты Фрейда могли сделать успешную карьеру в психотерапии. За несколькими исключениями, такими как Закс и Ранк, они были врачами, а некоторые, например Юнг,

Абрахам и Эйтингон, уже имели опыт лечения психически больных людей. Тауск, получивший юридическое образование и ставший судьей и журналистом, после решения серьезно заняться психоанализом поступил на медицинский факультет университета. Но идеи основателя движения по самой своей природе притягивали и непрофессионалов – к его огромному облегчению. В Вене Фрейд чувствовал себя интеллектуально изолированным, признавался он своему английскому корреспонденту в 1910 году, несмотря на своих многочисленных учеников из числа врачей, и для него стало утешением, что наконец в Швейцарии «несколько исследователей, не медиков» заинтересовались «нашей работой». Среди его сторонников выделялись два таких непрофессионала, Оскар Пфистер и Лу Андреас-Саломе: и тот и другая оставались друзьями Фрейда больше четверти века. На первый взгляд эта дружба кажется странной – Оскар был пастором, а Лу – grande dame, покровительницей поэтов и философов. Способность Фрейда радоваться их визитам и письмам, его неугасавшая любовь к ним обоим свидетельствуют о его жажде жизни и разнообразия, стремлении выйти за пределы ограничений, сковывавших его в Вене.

Пфистер, протестантский пастор из Цюриха, серьезно увлекся психологией задолго до того, как в 1908 году познакомился с трудами основателя психоанализа. Он родился в 1873-м, когда Фрейд поступил в университет, и еще в юности стал презирать диспуты на богословские темы, считая их пустословием. Пфистер полагал, что они мешают исполнять главную обязанность пастора – исцелять души, помогать страждущим. Труды по психологии, читаемые им в поисках эффективной психологии религии, казались ему такими же бессмысленными, как и теология, которую ему пришлось изучать в семинарии. Затем Пфистер открыл для себя Фрейда и почувствовал, как сам впоследствии вспоминал, что у него «словно воплотились в жизнь старые предчувствия». В книгах Фрейда не было «бесконечных рассуждений о метафизике души, экспериментирования с незначительными мелочами, когда остаются незатронутыми главные вопросы жизни». Фрейд изобрел «микроскоп души», который позволял увидеть истоки ментальных функций и их развития. Пфистер даже собирался стать врачом, как поступил его отец, либеральный пастор, желавший помочь своим прихожанам, но мэтр убедил его отказаться от изучения медицины. Пфистер стал, и оставался до конца жизни, пастором-психоаналитиком – Analysenpfarrer – и добрым другом Фрейда.

Знакомство с основателем психоанализа Пфистер начал с

того, что отправил ему одну из своих первых статей, посвященную самоубийствам школьников. «Я получил статью от вашего храброго друга Пфистера, – писал Фрейд Юнгу в январе 1909 года, – за которую буду долго его благодарить». Фрейд усматривал тут определенную долю иронии: безбожный психоанализ привлекается для борьбы с грехом. Вскоре он сменил свой насмешливый тон – Пфистер стал не только полезным союзником, но и товарищем, общество которого приносило удовольствие. В первые годы их дружбы бывали ситуации, когда кое-кто из ближайших соратников Фрейда, в частности Абрахам, говорил о психоаналитической ортодоксии Пфистера и советовал остерегаться его. Предостережения не убедили мэтра – он считал, что пастор оставался его преданным сторонником. На этот раз интуиция, часто обманывавшая основателя психоанализа в отношении людей, не подвела.

Одна из причин того, что Фрейд нисколько не сомневался в Пфистере, заключалась в том, что у него имелась масса возможностей наблюдать пастора вблизи. Во время первого визита в квартиру на Берггассе, 19, в апреле 1909 года, Пфистер произвел благоприятное впечатление не только на хозяина дома, но и на всю семью. Пфистер, писал Фрейд Ференци, «очаровательный парень, который нам всем понравился, добрый и восторженный, наполовину Спаситель, наполовину Крысолов. Но мы расстались добрыми друзьями». Анна Фрейд вспоминала, что сначала Пфистер показался ей видением из другого мира, но видением приятным. Вне всяких сомнений, пастор – его речь, одежда, привычки – резко отличался от других гостей, которые сидели за столом у Фрейда и оставались для бесед о психоанализе. В отличие от этих простодушных почитателей, Пфистер не пренебрегал детьми в угоду их знаменитому отцу[103]. По словам Анны, это был высокий, сильный человек с «мужественными» усами и добрыми, внимательными глазами. Кроме того, он отличался смелостью. Свободное от догм психоаналитическое протестантство Пфистера не раз приводило к конфликтам со швейцарскими религиозными кругами, и на протяжении нескольких лет существовала реальная угроза, что его лишат сана. Но при поддержке Фрейда Пфистер не отступил, понимая, что если он и оказывал ценные услуги психоаналитическому движению, то польза была взаимной. Много лет спустя он признался мэтру в своей «неистовой жажде любви», прибавив: «Без психоанализа я давно был бы уже сломлен».

Через 15 лет после первого визита к Фрейду Пфистер тепло вспоминал тот день. Он писал основателю движения, что

влюбился в «открытый для радости дух всей вашей семьи». В то время Анна, «…которая сегодня пишет чрезвычайно серьезные статьи для Internationale Psychoanalytische Zeitschrift, еще носила короткие юбочки, а ваш второй сын [Оливер] не пошел в гимназию, чтобы познакомить скучного, одетого в сюртук пастора с науками Пратера». Если бы кто-нибудь попросил его назвать самое милое место в мире, писал в заключение Пфистер, он сказал бы: «Кабинет профессора Фрейда».

На протяжении многих лет, когда Отто Пфистер использовал психоанализ для помощи пастве, они с Фрейдом обсуждали своих «пациентов» и откровенно спорили о том, в чем были не согласны, в частности в вопросах религии. По мнению Пфистера, Иисус, который возвысил любовь до главного догмата своего учения, был первым психоаналитиком, а Фрейд вовсе не еврей. «Лучшего христианина, – говорил он своему другу, – еще не было»[104]. Естественно, Фрейд, тактично игнорировавший этот высказанный с самыми добрыми намерениями комплимент, не считал себя лучшим из христиан, но он был счастлив видеть себя лучшим из друзей. «Все такой же! – восклицал мэтр, обращаясь к Пфистеру после 15 лет знакомства. – Отважный, искренний и благожелательный! На мой взгляд, ваш характер, несомненно, нисколько не изменился!»

Лу Андреас-Саломе вызывала у Фрейда совсем иные чувства. Пфистер был прост и понятен, Андреас-Саломе эффектна и соблазнительна. В юности она была красавицей – высокий лоб, пухлые губы, правильные черты лица, роскошная фигура. В начале 80-х годов XIX века Лу была близка с Ницше – насколько близка, так и осталось неясным, поскольку она решительно отвергала все вопросы об этой стороне своей жизни, а затем сблизилась с Рильке и другими выдающимися людьми. В 1887 году Лу вышла замуж за Фридриха Карла Андреаса, востоковеда из Геттингена, где в конце концов и поселилась. Свободная от буржуазных предрассудков, Лу принимала любовников там и тогда, когда ей хотелось. С Фрейдом она познакомилась на Веймарском конгрессе психоаналитиков в 1911 году, куда приехала вместе со шведским психоаналитиком Полем Бьерре. Лу уже исполнилось 50 лет, но она все еще была красива и привлекательна. Ее любовь к мужчинам – особенно к выдающимся мужчинам – нисколько не ослабевала.

Однажды Фрейд ласково назвал Лу Андреас-Саломе музой. Однако фрау Лу – она предпочитала, чтобы к ней обращались именно так, – была не просто милой подругой, опорой для гения, а энергичной и образованной женщиной, чрезвычайно умной, хотя и несколько эксцентричной. А еще она обладала не менее

впечатляющим даром впитывать новые идеи. Заинтересовавшись теориями Фрейда, фрау Лу прочитала его труды. Абрахам, который познакомился с ней в Берлине весной 1912 года, признался мэтру, что никогда прежде «не встречал такого понимания психоанализа». Полгода спустя Фрейд с радостью сообщил о письме от «фрау Лу Андреас-Саломе, которая хочет на несколько месяцев приехать в Вену, исключительно для изучения психоанализа». Как заявляла сама Андреас-Саломе, она осенью вторглась в Вену и сразу же покорила психоаналитический истеблишмент. Уже в октябре Фрейд отметил ее присутствие, назвав женщиной опасного ума. Через несколько месяцев он признал, уже без всякого намека на легкомысленность, что «ее интерес на самом деле исключительно интеллектуален по своей природе. Она весьма достойная женщина». Этого мнения о ней Фрейд никогда не менял.

Протоколы заседаний Венского психоаналитического общества, которые фрау Лу регулярно посещала, впервые регистрируют это 30 октября. Неделей раньше Гуго Хеллер получил статью от «Лу Андреас-Саломе, писателя». Показателем того, насколько быстро и основательно она освоилась в венском кружке психоаналитиков, служит тот факт, что с 27 ноября Отто Ранк при перечислении гостей называл ее просто Лу. Но не все ее контакты в Вене были исключительно интеллектуальными: вероятно, у нее завязался короткий роман с Тауском, который был намного младше ее и пользовался большим успехом у женщин. Преданность Фрейду тоже на первых порах не являлась абсолютной. В первые дни своего пребывания в Вене Андреас-Саломе увлеклась идеями Адлера, уже тогда имевшего в лагере фрейдистов плохую репутацию. Но Фрейд в конце концов ее убедил. В ноябре 1912 года, когда фрау Лу не смогла прийти на одну из его воскресных лекций, мэтр заметил ее отсутствие и сказал ей об этом, чем весьма польстил. К новому году они уже обменялись фотографиями, и до отъезда Андреас-Саломе из Вены ранней весной 1913 года Фрейд несколько раз приглашал ее к себе на Берггассе, 19. Судя по ее дневнику, эти воскресенья стали для нее очень приятными: фрау Лу не обладала монополией на искусство соблазнения. Тем не менее Фрейд не кривил душой, когда усиленно хвалил гостью. Через несколько лет, когда она начала практиковать психоанализ в Геттингене, поддерживая связь с Фрейдом и посылая ему нежные письма, он полюбил ее еще больше. Такие последователи, как Лу Андреас-Саломе и Пфистер, не говоря уж об Абрахаме, Ференци и Джонсе, помогли облегчить груз, который лег на плечи основателя психоанализа. Местные сторонники были совсем другими и по большей части не

доставляли такой радости. Нельзя сказать, что у Фрейда имелись основания переживать по поводу числа своих приверженцев в Вене. Его беспокоили, скорее, их надежность и «качество».

Терпение Фрейда испытывали не только венские ученики. Сильным источником раздражения были его противники из психиатрического истеблишмента Германии и Австрии, занимавшие престижные должности в университетах или руководившие известными психиатрическими лечебницами. Как нам известно, Фрейд был склонен сгущать краски, но ситуация действительно сложилась напряженная. Сопротивление психоанализу, будь то прямое отрицание, злобные слухи или глубокомысленное молчание, стало постоянным и болезненным. Ничего другого ожидать и не приходилось. Если Фрейд прав, то видные психиатры, большинство из которых слишком стары, чтобы менять свои убеждения, должны были выбросить написанные ими статьи и учебники. Но самым неприятным для основателя психоанализа оказался тот факт, что некоторые из его самых упорных критиков были молоды. Один из них, запавший Фрейду в память, был *Assistent* психиатрии, в 1904 году опубликовавший книгу с нападками на психоанализ, где объектами критики стали те представления, вроде теории о совращении как источнике неврозов, от которых Фрейд уже отказался. Более того, автор признался, что даже не читал «Толкование сновидений».

Убедительные свидетельства такого рода отрицания, в высшей степени невежественного, приходили из всей Европы и из Соединенных Штатов. Конгрессы специалистов по психическим болезням игнорировали идеи Фрейда или аплодировали статьям, отвергавшим их как мешанину из недоказанных и фантастических предположений либо (что доставляло критикам большее удовольствие) как отвратительное собрание непристойностей. После того как Фрейд опубликовал «Три очерка по теории сексуальности», те, кто был склонен считать его пансексуалистом с грязными мыслями, получили богатый материал для подпитывания своих заблуждений. Они называли Фрейда венским развратником, статьи по психоанализу – порнографическими историями о девственницах, а психоаналитический метод – психической мастурбацией. В мае 1906 года на конгрессе неврологов и психиатров в Баден-Бадене Густав Ашаффенбург, профессор неврологии и психиатрии в Гейдельберге, решительно отверг метод психоанализа как неправильный, сомнительный и ненужный.

Корреспонденты из лагеря Фрейда постоянно

информировали его о подобного рода вердиктах. В 1907 году Юнг, который уже вступал в схватку с Ашаффенбургом как в печати, так и на трибуне, сообщил мэтру: «…Ашаффенбург лечил пациентку с навязчивым неврозом, и, когда она начала рассказывать о сексуальных комплексах, он запретил говорить на эту тему». В том же году на представительном международном конгрессе психологов, неврологов и психиатров в Амстердаме – Ашаффенбург тоже на нем присутствовал – некто Конрад Альт, директор санатория в Саксонии, как сообщил Юнг Фрейду, призвал «к террору против вас, сказав, что никогда не направит пациента к врачу, придерживающемуся фрейдистских методов лечения… беспринципных… непристойных… и т. д. Самое горячее одобрение и поздравления оратору выразил профессор Зихен из Берлина». За этим обращением, к всеобщему бурному одобрению, последовали другие «глупости», направленные против психоанализа.

Когда Юнг, склонный к драматизации и воинственный, отправлял Фрейду эти отчеты, он переживал период сыновней преданности мэтру. Однако о подобных сценах сообщали и более уравновешенные люди, например Карл Абрахам. В ноябре 1908 года Абрахам выступал с докладом перед Берлинским обществом психических и нервных болезней на такую деликатную тему, как браки между близкими родственниками. Он дипломатично подчеркнул совпадение своих взглядов со взглядами берлинского невролога Германа Оппенгейма, который присутствовал в зале, избегал таких провокационных тем, как гомосексуальность, а также не слишком часто упоминал имя Фрейда, поскольку оно по-прежнему «действовало как красная тряпка на собравшихся быков». Абрахам считал, что выступление было довольно успешным. Он завладел вниманием слушателей, и последующая дискуссия показала, что некоторые восприняли его точку зрения. Однако Оппенгейм, хотя и в вежливой форме, резко и безоговорочно отверг саму идею детской сексуальности, а Теодор Зихен – тот самый, который в Амстердаме приветствовал «террор» против Фрейда, – «стал рассуждать о высокой науке», презрительно назвав труды основателя психоанализа безответственностью и чушью. Затем, после нескольких «разумных» выступлений один «коллега из числа карьеристов» впал в нравоучительный тон, наподобие популярных лекторов: Абрахам привел как пример любовь швейцарского писателя Конрада Фердинанда Мейера к матери – именно этот случай вызвал споры в Психологическом обществе по средам, – и его оппонент жаловался, что докладчик, рассуждая об эдиповых сексуальных привязанностях Мейера, ставит под угрозу немецкие

идеалы. Абрахаму не удалось найти ни единого искреннего союзника во всем переполненном зале, но в частных беседах ему признавались, что его доклад внес свежую струю – ради разнообразия было приятно услышать нечто новое. У Абрахама сложилось впечатление, что «немалое число коллег ушли по крайней мере наполовину убежденными».

Фрейд подбадривал Абрахама, отзываясь на обвинения противников язвительными комментариями. «Когда-нибудь, – писал он, – З[ихен] дорого заплатит за эту «чушь». Что касается Оппенгейма, едко заметил мэтр, он «слишком глуп; надеюсь, в скором времени вы сможете обходиться без него». В Берлине детская сексуальность оставалась провокационным предметом, а имя Фрейда вызывало резкое неприятие еще не один год. В 1909-м Альберт Молль, уважаемый берлинский сексолог, опубликовал книгу о сексуальной жизни детей, которая бросала вызов всему, что говорил Зигмунд Фрейд на протяжении целого десятилетия. Публично, в примечании, добавленном в следующем году к «Трем очеркам», Фрейд назвал книгу Молля «Сексуальная жизнь ребенка» непоследовательной. В частном порядке он высказывался гораздо резче. Молль, писал мэтр Абрахаму, «не психиатр, а жулик» – Winkeladvokat. Когда в 1909 году Молль нанес визит Фрейду, его ждал нелюбезный прием. Основатель психоанализа писал Ференци, что едва не выставил посетителя за дверь: «Это омерзительный, желчный, недоброжелательный и мелочный человек». Обычно Фрейд испытывал облегчение после того, как выплескивал свой гнев. Молчанию он предпочитал открытые возражения, даже самые глупые. После 1905 года заговор молчания вокруг психоанализа был разрушен, и вместе с несогласными появились сторонники, однако постепенно нарастающую волну одобрения продолжала омрачать основанная на эмоциях критика. Даже в 1910 году профессор Вильгельм Вейгандт, который в 1901-м не слишком благожелательно принял «Толкование сновидений», заявил на Гамбургском конгрессе неврологов и психиатров, что теории Фрейда не предмет обсуждения на научной конференции, а забота полиции.

Тем временем похожие известия доходили до основателя психоанализа и из-за океана. В апреле 1910 года Эрнест Джонс жаловался на профессора психиатрии из Торонто, который с такой яростью нападал на Фрейда, что «обычный читатель может подумать, что вы ратуете за свободную любовь, за снятие всех ограничений и возврат в дикое состояние!!!». Тремя месяцами раньше Джонс отправил мэтру подробный отчет о собрании в Бостоне, на котором присутствовали психиатры и неврологи. Выдающийся невролог из Гарварда, Джеймс Джексон Патнем,

который в то время был самым известным сторонником Фрейда в Соединенных Штатах, доброжелательно отзывался о психоанализе, но остальные выступления были критическими, даже язвительными. Одна дама пыталась опровергнуть теорию сновидений Фрейда как порождение эгоизма, приводя в качестве примера собственные альтруистические сны. Более того, красноречивый и агрессивный психолог Борис Сайдис «…яростно атаковал вас, грубо вышучивая «безумную эпидемию фрейдизма, которая теперь охватывает Америку», говорил, что «ваша психология возвращает нас в мрачное Средневековье, и называл вас очередным религиозным сексуалистом». Очевидно, Сайдис имел в виду теории сексуальности Фрейда… Год спустя он отверг психоанализ как «всего лишь очередную разновидность религиозной квакерской литературы на сексуальные темы», а в 1914-м назвал его поклонением Венере и Приапу, поощряющим мастурбацию, извращение и нарушение закона.

Даже те собрания, которые предназначались для разъяснения и восхваления идей Фрейда, не обходились без ложки дегтя. 5 апреля 1912 года New York Times сообщила, что американский невролог Мозес Аллен Старр, в 80-х годах недолго работавший с Фрейдом в Вене, «вчера вызвал сенсацию на многолюдном собрании в неврологическом отделении медицинской академии, опровергнув теории Зигмунда Фрейда», которого газета назвала, лишь немного погрешив против истины, венским психологом, чей вывод, что вся психология человеческих существ базируется на половом влечении, серьезно повлиял на американских врачей. Старр заявил удивленным слушателям, среди которых были самые известные сторонники основателя психоанализа, что «город Вена не отличается особой нравственностью» и что «Фрейд вел далеко не безупречную жизнь. Он не сдерживал себя. Он не был аскетом». Старр полагал, что теория Фрейда «в значительной степени результат его окружения и своеобразной жизни, которую он вел». По мнению Старра, Фрейд «отклонился на легкомысленную дорожку действительно серьезной новой науки, психоанализа».

Один из пациентов Зигмунда Фрейда, побывавший в Нью-Йорке, привез ему вырезку из Times. Реакцией основателя психоанализа была смесь удивления и раздражения. Он заявил, что не помнит Старра, который утверждал, что хорошо его знает, и задал Джонсу риторический вопрос: «Что все это значит? Неужели намеренная ложь и клевета – это обычное оружие американских неврологов?» Даже благосклонно настроенные журналисты знали недостаточно для того, чтобы не допускать ошибок. Или просто не хотели утруждать себя? Так или иначе, в

марте 1913 года в New York Times появилась большая, на сей раз дружелюбная статья под заголовком «Сновидения душевнобольных существенно помогают в их лечении». В ней Фрейда называли профессором из Цюриха.

Глава пятая
Позиционная борьба в психоанализе

Юнг: наследный принц

В начале апреля 1906 года – в следующем месяце Фрейду исполнялось 50 лет – Карл Г. Юнг прислал основателю психоанализа экземпляр журнала «Диагностические ассоциативные исследования», который он редактировал и в котором была опубликована его собственная статья. К Юнгу уже стала приходить известность как к психиатру, клиницисту и экспериментатору.

Карл Густав Юнг родился в 1875 году в швейцарской деревне Кесвиль на Боденском озере в семье пастора, которая переезжала из одного прихода в другой. С четырехлетнего возраста Карл жил в окрестностях Базеля, но по-настоящему познакомился с городской жизнью только в 11 лет, после поступления в городскую гимназию. С раннего детства Юнга преследовали странные сны, и много десятилетий спустя, в своем в высшей степени субъективном и отрывочном автопортрете, книге «Воспоминания, сновидения, размышления», он называет их важными событиями собственной жизни. В этой автобиографии, а также в некоторых интервью, которые Юнг согласился дать, он много рассуждает о своей богатой и наполненной сновидениями внутренней жизни.

Его замкнутости способствовал разлад между родителями, а также частая смена настроений у матери. Воображаемую жизнь питало жадное, абсолютно бессистемное чтение. Религиозная атмосфера, в которой жил Юнг, – большинство мужчин в его семье были пасторами – также способствовала его склонности к размышлениям. Карл рос в убеждении, причем не без оснований, что каким-то образом отличается от окружавших его мальчиков и девочек. В то же время у него были друзья, и он очень любил розыгрыши. И в юности, и в зрелом возрасте Юнг производил на своих знакомых противоречивое впечатление. Он был общителен, но неуживчив, временами забавен и разговорчив, временами молчалив, откровенно самоуверен, но в то же время уязвим для критики. Позже, став знаменитым, много путешествующим психиатром и авторитетом для журналистов, Юнг казался спокойным и даже безмятежным. Однако на протяжении нескольких лет, уже получив международное признание, он переживал серьезный кризис, связанный с религией. Несмотря на

внутренние конфликты, преследовавшие Юнга с юности, он излучал силу – крупное, крепкое тело, тяжеловесное лицо тевтонца и неудержимое красноречие. Эрнест Джонс, познакомившийся с ним в 1907 году, считал его легким человеком, наделенным беспокойным, активным и быстрым умом. У него был энергичный и даже властный темперамент, с неудержимыми жизненной силой и смехом – несомненно, «чрезвычайно привлекательная личность». Юнга Фрейд выбрал на роль наследного принца.

Карл Г. Юнг с детства хотел быть врачом. Медицинское образование он получил в Базельском университете, куда поступил в 1885 году. Однако, несмотря на академическое образование, у Юнга на долгие годы сохранились увлечение оккультизмом и интерес к эзотерическим религиям, чему в немалой степени способствовала его богатая фантазия. В конце 1900 года он начал работать в психиатрической клинике Цюрихского университета Бургхельцли. Лучшего места и быть не могло. Под вдохновенным руководством директора, Эйгена Блейлера, Бургхельцли пробивался на передовые позиции в исследовании психических заболеваний. Сюда на стажировку приезжали врачи из разных стран, а специалисты санатория ездили за границу. В конце 1902 года Юнг, как и Фрейд двумя десятилетиями раньше, провел один семестр в том месте, которое неудержимо притягивало всех молодых психиатров, – больнице Сальпетриер, где слушал лекции Пьера Жане по теоретической психопатологии.

За Юнгом стоял его неуловимый, немного загадочный шеф, Блейлер, выдающаяся фигура среди психиатров того времени. Родившийся на год позже Фрейда, в 1857-м, он учился в Париже у Шарко, а затем вернулся в Швейцарию. За время работы штатным психиатром в нескольких психиатрических лечебницах Блейлер приобрел богатый клинический опыт. При этом он был не только клиницистом. Наблюдательный и наделенный творческим воображением исследователь, Эйген Блейлер использовал свою работу с душевнобольными в научных целях. Вслед за Шарко он одним из первых стал приводить в порядок слишком неточные диагнозы душевных расстройств и, подобно Шарко, проявил недюжинный талант к классификации. Некоторые из введенных Блейлером терминов, например «шизофрения», «амбивалентность» и «аутизм», навсегда остались в словаре психиатрии.

Несмотря на международную известность Бургхельцли, Юнг вспоминал первые годы работы там как период скуки и повседневной рутины, настоящее наступление на оригинальное

мышление и творческое своеобразие. Тем не менее работа здесь облегчила ему путь к психоанализу. Огюст Форель, бывший директор клиники, в свое время познакомил ее сотрудников с работой Брейера и Фрейда по истерии. Теперь же, вскоре после прибытия Юнга, Блейлер попросил его доложить персоналу больницы о «Толковании сновидений». Книга произвела на Юнга впечатление. Он включил в свои исследования идеи из работы Фрейда о сновидениях, ранних статей об истерии, а после 1905 года из истории болезни Доры. Будучи человеком решительным, Юнг объявил себя горячим сторонником основателя психоанализа и энергично защищал его новации как в своих статьях, так и с трибун медицинских конгрессов. Его интерес к теориям Фрейда усиливался по мере того, как он с пользой применял их к шизофрении (или dementia praecox, как ее еще тогда называли), психическому заболеванию, на котором Юнг специализировался и исследованием которого прославился. Летом 1906 года в предисловии к получившей высокую оценку специалистов монографии «Психология dementia praecox» он выделил «блестящие концепции» Фрейда, который «еще не получил заслуженной оценки и признания». Юнг признался, что вначале «естественным образом выдвинул все те возражения против Фрейда, которые встречаются в литературе», но затем он пришел к выводу, что единственный логичный способ опровергнуть основателя психоанализа – повторить его работу. Не сделав этого, «нельзя судить Фрейда, поскольку в противном случае вы уподобляетесь тем ученым мужам, которые считали ниже своего достоинства смотреть в телескоп Галилея». Тем не менее, публично заявляя о своей интеллектуальной независимости, Юнг спрашивал, действительно ли лечение психоанализом так эффективно, как утверждал Фрейд. Кроме того, он не приписывал сексуальной травме юности исключительного значения, как это, по всей видимости, делает Фрейд. Это была важная оговорка, которая всегда омрачала дружбу Фрейда и Юнга.

Тем не менее в 1906 году Юнг утверждал, что все эти нюансы имеют второстепенное значение. Они полностью исчезают перед психологическими принципами, открытие которых – величайшая заслуга Зигмунда Фрейда. В тексте он постоянно цитирует основателя психоанализа, причем с явным уважением. Однако Юнг не ограничился одной полемикой в защиту идей Фрейда. Он также выполнил новаторскую экспериментальную работу, подтвердившую выводы мэтра. Так, в 1906 году в своей широко известной ныне статье о словесной ассоциации Юнг представил убедительное экспериментальное подтверждение теории свободной ассоциации Фрейда. Эрнест Джонс назвал эту статью

великой и, «возможно, его самым оригинальным вкладом в науку».

Фрейд выразил признательность Юнгу за внимание и со своей стороны был обезоруживающе откровенным. Поблагодарив за присланный экземпляр журнала «Диагностические ассоциативные исследования» с эпохальной статьей самого редактора, он признал, что ему, естественно, больше всего понравилась работа Юнга. В конце концов, он, основываясь на опыте, любезно заявлял, что Фрейд «сообщил только истину о до сих пор не исследованных областях нашей дисциплины». Заманчивая перспектива получить известного пропагандиста его идей за границей, с доступом к любопытным с точки зрения симптомов и поведения пациентам и заинтересованным врачам в знаменитой психиатрической лечебнице, казалась Фрейду чем-то вроде несбыточной мечты. Однако он искусно отверг любые подозрения, что склонен ожидать слепого поклонения: «Я втайне рассчитываю, что ваша позиция будет часто совпадать с моей, и буду рад, если вы меня в чем-то поправите».

Осенью 1906 года основатель психоанализа ответил на подарок Юнга экземпляром только что вышедшего из печати сборника статей по теории неврозов. В письме с благодарностью Юнг подчеркивал его первенство и миссионерство. Восторженно и несколько преждевременно он сообщал, что Блейлер, поначалу решительно сопротивлявшийся идеям Фрейда, «теперь полностью обращен». Фрейд в ответе вежливо истолковал эту благую весть как личный триумф Юнга: «Я получил большое удовольствие от вашего письма и от новостей, что вы убедили Блейлера». Когда речь шла об изящных комплиментах его корреспондентам, мэтр мог поспорить с самым обходительным из царедворцев. Он не терял времени даром: в том же письме без колебаний примерил на себя роль стареющего основателя, готового передать факел в более молодые руки. Говоря о невыносимом профессоре Ашаффенбурге и его яростных нападках на психоанализ, Фрейд описывал спор традиционной психиатрии и психоанализа как борьбу двух миров; вскоре станет ясно, какой из них обречен и на чьей стороне будет победа. Даже если он сам не увидит этого триумфа, «ученики, надеюсь, доживут, и еще я надеюсь, что тот, кто сможет преодолеть внутреннее сопротивление ради истины, с радостью причислит себя к моим ученикам и избавится от остатков нерешительности в своем мышлении». Так началась дружба Фрейда и Юнга.

Зародившись, она быстро расцвела. В вежливых письмах Фрейд и Юнг обсуждали роль сексуальности в происхождении

неврозов, обменивались оттисками статей и книгами, сообщали подробности историй болезни, которые вызвали у них особый интерес. Тон Юнга был всегда уважительным, но не льстивым. Он выражал надежду, что правильно понимает Фрейда, приписывал некоторые свои сомнения относительно психоанализа недостатку опыта, субъективности и отсутствию личного общения с мэтром, оправдывал сдержанный тон своих публичных выступлений в его защиту необходимостью использовать искусство дипломатии. Юнг сообщал новости, которые должны были доставить Фрейду удовольствие: «Ваши взгляды быстро распространяются в Швейцарии», «Лично я со всей душой принимаю ваши методы лечения».

Фрейд воспринимал комплименты Юнга с отцовской экспансивностью: «Я нахожу чрезвычайно приятным, что вы обещаете предварительно признать мою правоту там, где ваши эксперименты не дают однозначного ответа». И тут же смягчает свое требование к Юнгу: «…конечно, только до тех пор, пока ответ не получен». Основатель психоанализа изображал себя более гибким, чем его считали окружающие, и радовался, что Юнг обратил внимание на эту его черту. «Я вынужден мириться, как вам хорошо известно, со всеми демонами, которые могут быть спущены на «новатора»; не самый смирный из них – необходимость изображать перед своими сторонниками угрюмого ворчуна, самоуверенного и неисправимого, которым на самом деле я не являюсь». С обворожительной скромностью Фрейд заключал: «Я никогда не сомневался в своей склонности совершать ошибки». Он спрашивал мнение Юнга о пациенте, возможно страдавшем dementia praecox. Основатель психоанализа хвалил работы Юнга, перемежая восторги умело расставленной критикой, и никогда не забывал о главном деле: «Немедленно отбросьте ошибочное мнение, что ваша книга о dementia praecox не произвела на меня огромного впечатления. Сам факт моих замечаний должен свидетельствовать об этом. В противном случае я прибег бы к дипломатии, чтобы скрыть их от вас. В конце концов, было бы неразумно обижать вас, лучшего из помощников, которые когда-либо у меня были». Вероятно, Фрейд чувствовал, что с таким человеком, как Юнг, небольшая доза откровенной критики – лучшая форма лести, нежели полное одобрение.

Фрейд искренне любил Юнга, возлагал на него большие надежды и испытывал потребность идеализировать кого-то, как прежде идеализировал Флисса. Вне всяких сомнений, Юнг был очень полезен. Однако вопреки обвинениям придирчивых критиков, которые не замедлили появиться, Фрейд не просто

использовал Юнга как респектабельный немецкий фасад, за которым еврейские психоаналитики могли проводить свою революционную работу. Юнг был любимым «сыном» Фрейда. Раз за разом в письмах своим еврейским друзьям он хвалил Юнга за блестящую, великолепную работу редактора, теоретика, за разгром врагов психоанализа. «Перестаньте ревновать, – поддевал мэтр Ференци в декабре 1910 года, – и включите Юнга в свои расчеты. Я больше чем когда-либо убежден, что он человек будущего». Юнг служил гарантией, что психоанализ выживет после того, как со сцены сойдет его основатель, и Фрейд любил его за это. Более того, в намерениях мэтра не было ничего неискреннего или тайного. Летом 1908 года, сообщив Юнгу, что собирается навестить его, Фрейд выразил надежду на бескомпромиссную профессиональную дискуссию и раскрыл «свое эгоистическое намерение», в котором готов честно признаться: он собирается «утвердить» Юнга как психоаналитика, который продолжит и закончит его работу. Но это было далеко не все. «Кроме того, я вас очень люблю» – «habe ich Sie ja auch lieb». Однако, прибавлял Фрейд, он уже научился отодвигать этот элемент на второй план. Польза, которую мэтр рассчитывал получить от Юнга, носила в достаточной степени личный характер, поскольку основатель движения отождествлял себя со своим творением – психоанализом. Но, обращая Юнга в собственную веру с помощью лестных эпитетов и явно ставя его выше своих венских сторонников, Фрейд скорее думал о развитии своей теории (и практики!), чем о более узкой, личной выгоде. Будучи «сильной, независимой личностью, тевтонцем» – Germane, – Юнг больше подходил, как откровенно заявил ему Фрейд, для создания благожелательного интереса к их великому делу во внешнем мире. Карл Юнг не был венцем, не был старым, не был евреем – у него отсутствовали три качества, которые сам Фрейд считал непреодолимыми.

Юнг, со своей стороны, буквально купался в лучах одобрения Фрейда. «От всего сердца благодарю вас за свидетельство вашего доверия», – писал он в феврале 1908 года, после того как мэтр впервые обратился к нему со словами «Дорогой друг». Этот «незаслуженный дар вашей дружбы символизирует для меня определенную вершину моей жизни, которую я не могу выразить никакими словами». Фрейд в одном из писем упомянул Флисса, и Юнг, который, будучи психоаналитиком, умел выделять важные факты, не мог не отреагировать на это имя решительным заявлением. Он посчитал себя обязанным попросить Фрейда позволить ему «наслаждаться вашей дружбой не как отношениями равных, а как отца и сына. Такая дистанция

представляется мне уместной и естественной». То, что его назначили наследником Фрейда и что на эту роль его выбрал сам основатель, казалось Юнгу предвестником величия.

Занятые врачебной практикой и не желавшие пренебрегать своими обязанностями, Юнг и Фрейд встретились только в марте 1907-го, почти через год после начала переписки. Юнг привел с собой на Берггассе, 19, свою жену Эмму и молодого коллегу Людвига Бинсвангера. Визит в Вену стал настоящим пиршеством профессиональных дискуссий с перерывами на собрания Психологического общества по средам и семейные обеды. Мартин Фрейд, присутствовавший на последних вместе с другими детьми мэтра, вспоминал, что Юнг был до краев переполнен самим собой и историями болезни своих пациентов. Он «никогда не делал ни малейшей попытки завязать вежливый разговор с матерью или с нами, детьми, и не отвлекался от дебатов, которые прерывались ужином. Говорил всегда Юнг, а отец с нескрываемым удовольствием слушал». Основатель психоанализа описывал свои дискуссии с Юнгом как более сбалансированные, хотя и бесконечные. Они говорили, вспоминал Юнг, 13 часов практически без перерыва. Юнг поразил Фрейда бьющей через край жизненной силой и, как писал Мартин, «властной внешностью. Он был очень высоким и широкоплечим, держался скорее как солдат, чем как врач и ученый. Голова у него была типично тевтонская, с тяжелым подбородком, маленькими усиками, голубыми глазами и редкими, коротко подстриженными волосами». Юнг казался чрезвычайно довольным собой[105].

Каким бы интенсивным в том, что касалось дела, ни был этот первый визит швейцарцев, у него имелась и приятная сторона. Бинсвангер всегда помнил сердечность хозяина, доброжелательный разговор и дружелюбную атмосферу, которая установилась у них с самого начала. 26-летний Бинсвангер с благоговением взирал на «величие и достоинство» Фрейда, но не испытывал ни страха, ни смущения. «Нелюбовь ко всяким формальностям и этикету, очарование его личности, простота, искренняя открытость и любезность, и не в последнюю очередь юмор» хозяина, по всей видимости, не оставляли места для волнения. Трое мужчин непринужденно истолковывали сны друг друга, вместе гуляли и обедали. «Дети вели себя за столом очень тихо, хотя там тоже доминировал абсолютно свободный тон».

Фрейд заявил, что получил удовольствие от гостей. Юнг говорил, что просто ошеломлен. Пребывание в Вене, писал он мэтру вскоре после возвращения в Цюрих, было событием в полном смысле этого слова и произвело на него огромное

впечатление. Сопротивление «преувеличенной идее сексуальности Фрейда» ослабевало. Основатель психоанализа, в свою очередь, повторял то, что говорил Юнгу в Вене: «Вы наполнили меня уверенностью в будущем». Без него самого, теперь он это твердо знал, можно обойтись, как и без всякого другого, но Фрейд прибавил: «Я уверен, что вы не бросите незаконченную работу». Действительно ли он был так уверен? Один из снов Юнга мэтр истолковал как символ того, что Юнг хочет развенчать его.

И Фрейд, и Юнг решили не воспринимать этот сон как тревожное пророчество. Орнамент их стремительно завязавшейся дружбы, казалось, был высечен на камне. Они обменивались историями болезни пациентов, словно знаками уважения, искали способы расширения идей психоанализа для изучения психозов и культуры, высмеивали «идиотские банальности» – эпитет Юнга – психиатров старой школы, которые отказывались видеть истину в учении Фрейда. Быстро набиравший клинический опыт и осваивавший искусство полемики, Юнг еще долгие годы продолжал учиться. «Очень мило, – писал ему мэтр в апреле 1907 года, – что вы задаете мне столько вопросов, хотя знаете, что я могу ответить только на малую часть». В этом эпистолярном диалоге Фрейд был не единственным льстецом. Юнг писал основателю психоанализа, что наслаждается богатствами, которые открыл перед ним Фрейд, и «питается крошками, которые падают со стола богача». Мэтр не соглашался с этой цветистой метафорой и предпочитал акцентировать ценность Юнга для него самого. В июле 1907 года, собираясь на летние каникулы, он сообщал Юнгу, что новости от него «уже превратились в необходимость». В августе успокаивал его – Юнг жаловался на недостатки своего характера: «То, что вы называете истерической стороной своей личности, на самом деле потребность произвести впечатление на людей, влиять на них, и именно это позволяет вам быть учителем и руководителем».

Несмотря на взаимные комплименты царствующего в психоанализе монарха и наследного принца, их спор по поводу сексуальности, грозящий расколом, не утихал никогда. Юнг проявлял сдержанность, тогда как Абрахам в последние месяцы работы в Бургхельцли оказался более восприимчивым к теории либидо Фрейда. Появившийся соперник вызвал ревность Юнга. Фрейд не скрывал от него, что увлекся Абрахамом потому, что тот «прямо обращается к проблеме сексуальности». Однако ревность и зависть были настолько сильны в характере Юнга, что он не давал себе труда скрывать их, не говоря уж о том, чтобы подавлять. В начале 1909 года он с обезоруживающей прямотой

сообщил Ференци, чью статью Фрейд высоко оценил (что не всегда случалось со статьями самого Юнга), что он, Юнг, должен признаться в «постыдном чувстве зависти». И все-таки Юнг по-прежнему выражал свою безусловную преданность теориям Фрейда и свое не менее безусловное почитание его самого. Он признавал, что это почитание имело религиозно-восторженный оттенок, причем сей оттенок из-за своего неоспоримого эротического характера одновременно казался Юнгу отталкивающим и смешным. Начав исповедоваться, он не останавливался на полпути: это сильное отвращение к одержимости, похожей на религиозную, Юнг связывал с одним случаем из детства: «…мальчиком я подвергся гомосексуальным притязаниям со стороны человека, которого раньше почитал». Фрейд, который в то время размышлял над своими гомоэротическими чувствами к Флиссу, спокойно отреагировал на данное откровение. Религиозный перенос, заметил он с излишней самоуверенностью, может закончиться только отступничеством. Однако основатель психоанализа делал все возможное, чтобы противостоять такому переносу. Он убеждал Юнга: «…я неподходящий объект для культа», и со временем Юнг с этим согласится.

В своих письмах к Абрахаму, которые могут служить отрезвляющим комментарием к посланиям Юнгу, Фрейд открыто признавал особую пользу связей с Цюрихом. За три года, проведенные в Бургхельцли, Абрахам установил хорошие отношения с Юнгом, доброжелательным и в то же время резким, но не избавился от определенных опасений на его счет. После того как Абрахам стал самостоятельным и открыл практику в Берлине, он не упускал случая уколоть своего бывшего начальника, особенно при встречах на психоаналитических конгрессах. Фрейд, проповедовавший необходимость терпения и сотрудничества, считал довольно прохладное отношение Абрахама к Юнгу безвредной, почти неизбежной формой ревности, похожей на братскую. «Проявите терпимость, – наставлял он Абрахама в мае 1908 года, – и не забывайте, что вам гораздо легче, как еврею, принять психоанализ, нежели Юнгу, который, будучи христианином и сыном пастора, может найти путь ко мне, только преодолев сильное внутреннее сопротивление. Его приверженность тем более ценна. Возможно, одно лишь его появление спасло психоанализ от опасности превращения в национальное еврейское занятие». Фрейд был убежден, что до тех пор, пока мир воспринимает психоанализ как «еврейскую науку», нападки на его подрывающие основы идеи

будут только множиться. «Мы были и остаемся евреями, – писал он примерно в это же время одной своей знакомой, – и остальные будут просто использовать нас, но никогда не поймут и не оценят». В знаменитом, исполненном горечи письме Абрахаму Фрейд выбрал, на его взгляд, самое австрийское и самое христианское имя, чтобы проиллюстрировать неприятности, которые несет с собой еврейство: «Можно не сомневаться, что если бы меня звали Оберхубер, то мои открытия встретили бы, несмотря ни на что, гораздо меньшее сопротивление».

С другой стороны, Фрейд открыто предостерегал Абрахама против того, что называл расовыми предрассудками. Именно потому, что они двое, а также Ференци в Будапеште, так хорошо понимали друг друга, подобные опасения должны отойти на второй план. Пусть сама их близость послужит предупреждением «…не игнорировать арийцев, которые по существу мне чужие». У него нет сомнений: «Как бы то ни было, наши арийские товарищи для нас незаменимы; в противном случае психоанализ стал бы жертвой антисемитизма». Стоит еще раз отметить, что, несмотря на потребность в сторонниках из числа неевреев, Фрейд не пытался манипулировать Юнгом, поддерживая его. Он гораздо лучше относился к Юнгу, чем Абрахам. В то же время основатель психоанализа не принижал ценность, как в профессиональном, так и в личном аспекте, того, что в те времена называли национальным родством – Rassenverwandtschaft, связывавшим его с Абрахамом. «Могу ли я сказать, что именно родственные еврейские черты привлекают меня к вам?» Доверительным тоном, как еврей еврею, Фрейд жаловался Абрахаму на скрытый антисемитизм швейцарцев и в качестве единственной действенной политики рекомендовал некоторое смирение: «Если мы, будучи евреями, хотим чего-то добиться, то должны проявить немного мазохизма», даже быть готовыми терпеть некоторую несправедливость. И еще он говорил Абрахаму, непроизвольно открывая свое полное невежество относительно еврейского мистицизма: «В целом для нас, евреев, это легче, поскольку мы лишены мистического элемента».

По мнению Фрейда, отсутствие этого элемента означает восприимчивость к науке, и это единственная позиция, подходящая для понимания его идей. Юнг, сын пастора, имел опасные симпатии к мистикам Востока и Запада, в чем, похоже, не отличался от многих других христиан. Для психоанализа гораздо лучше быть неверующим, как Фрейд, – независимо от национальности. Значение имело лишь признание психоанализа наукой, для открытий которой не имеют никакого значения религиозные корни тех, кто ею занимается. «Не должно быть

разницы между арийской и еврейской наукой», – однажды заметил Фрейд в письме к Ференци. При этом мэтр был убежден, что «политические» реалии психоанализа обязательно требуют учитывать религиозные различия его сторонников, и изо всех сил старался набирать последователей как среди евреев, так и среди христиан. Фрейд привязал к себе Юнга отеческой любовью, а Абрахама общими «национальными» склонностями, никогда не забывая о деле. В 1908 году он одинаково интенсивно переписывался и с Абрахамом, и с Юнгом. Похоже, эта стратегия приносила успех.

Совершенно очевидно, что в тот период Фрейд нисколько не сомневался, что его «наследник» тверд в своей вере. Сам Юнг часто это повторял. «Вы можете быть абсолютно уверены, – писал он мэтру в 1907 году, – что я никогда не откажусь от вашей теории, такой важной для меня, – я слишком предан ей». Два года спустя он снова уверяет основателя психоанализа: «Не только теперь, но и в будущем не может случиться того, что с Флиссом». Если бы Фрейд решил воспользоваться изобретенной им техникой для анализа этой экспрессивной и неожиданной клятвы, то распознал бы угрозу приближения такой же развязки, как и с Флиссом.

Американская интерлюдия

В 1909 году, когда Юнг заявлял о своей непоколебимой верности, у Зигмунда Фрейда случилась нежданная передышка от его политических забот, причем, что еще более неожиданно, вдали от дома. В пятницу вечером 10 сентября он стоял в спортивном зале Университета Кларка в Вустере, штат Массачусетс, где ему предстояло получить звание доктора права honoris causa. Такая честь стала для Фрейда большим сюрпризом. У него имелась маленькая группа последователей в Вене, а недавно к ним прибавились сторонники в Цюрихе, Берлине, Будапеште, Лондоне и даже Нью-Йорке. Однако среди психиатров они представляли ничтожное, подвергаемое нападкам меньшинство.

Идеи основателя психоанализа по-прежнему оставались достоянием немногих, а большинству казались скандальными, но президент Университета Кларка Г. Стэнли Холл, который организовал церемонию присвоения Фрейду этого почетного звания, был предприимчивым психологом, не боявшимся полемики, а, наоборот, поощрявшим ее. Фрейд называл его тайным покровителем. Энтузиаст и свободно мыслящий человек, Холл много сделал для популяризации психологии, особенно

детской, в Соединенных Штатах. В 1889 году его назначили первым президентом Университета Кларка, который благодаря щедрому финансированию стремился подражать Университету Джонса Хопкинса и по числу выпускников превзойти Гарвард. Это была идеальная должность для Холла, скорее неутомимого распространителя и защитника новых идей, чем кропотливого исследователя. Наблюдательный, честолюбивый и неизлечимо эклектичный, Холл как губка впитывал новые течения в психологии, приходящие из Европы. В 1889 году он привез швейцарца Огюста Фореля, бывшего директора психиатрической лечебницы Бургхельцли, чтобы тот прочитал лекции о новейших достижениях, и этот авторитетный специалист рассказал слушателям о работах Фрейда по исследованию истерии. В последующие годы новости психоанализа из Вены сообщали Холлу другие лекторы, а в 1904-м в своем объемном двухтомнике «Подростковый возраст» он несколько раз, причем с явным одобрением, упоминает пользовавшиеся дурной славой идеи основателя психоанализа о сексуальности. В рецензии на «Подростковый возраст» известный педагог и психолог Эдвард Л. Торндайк порицал необычную откровенность Холла и в частном порядке критиковал работу как «изобилующую ошибками, мастурбацией и Иисусом». Автора он, тоже приватно, вообще назвал безумцем.

Таким был человек, который пригласил имевшего неоднозначную репутацию Фрейда прочитать цикл лекций. Предлогом, который выбрал Холл, стало 20-летие основания Университета Кларка. Приглашение получил и Юнг, в то время широко известный специалист по шизофрении и самый видный сторонник Фрейда. «Мы убеждены, – писал Холл основателю психоанализа в декабре 1908 года, – что краткое изложение полученных результатов и вашей точки зрения будет чрезвычайно уместным и, возможно, в каком-то смысле станет началом новой эпохи в истории этих исследований в нашей стране».

В своей краткой импровизированной речи Фрейд, поблагодарив за почетное звание, гордо назвал это событие первым официальным признанием «наших усилий». Пять лет спустя он все еще находился под впечатлением той поездки. Используя американскую щедрость и открытость как средство борьбы с европейцами, мэтр так характеризовал свой визит к Кларку: «Впервые мне было позволено публично рассказывать о психоанализе». Тот факт, что он прочитал пять лекций по-немецки, не растеряв слушателей, лишь повысил его оценку этого события. Не пощадив своих европейских читателей, Фрейд язвительно напомнил им, что «в Северной Америке психоанализ

встречали с особыми почестями». Он признавался, что это стало для него неожиданностью: «Каково же было наше удивление, когда мы встретили в этом небольшом, но престижном педагогическом и философском университете не обремененных предрассудками людей, которые знали всю психоаналитическую литературу». Знали и использовали ее в своих лекциях. Потом основатель психоанализа прибавил, смягчая восхищение ритуальным пренебрежением к Соединенным Штатам, характерным для утонченных европейцев: «Какой бы чопорной ни была Америка, в академических кругах тут можно свободно обсуждать все то, что в обычной жизни считается неприличным». Десять лет спустя, вспоминая об этом событии в своем автобиографическом очерке, Фрейд отмечал, что поездка оказалась очень важной для него. «В Европе у меня было ощущение, что меня недооценивают, здесь же лучшие из лучших принимали меня как равного. Когда в Вустере я поднялся на кафедру, чтобы изложить мои «Пять лекций по психоанализу», это было как исполнение невероятного сна наяву». Совершенно очевидно, «что психоанализ не был больше плодом безумного воображения, а стал ценной частью реальной действительности».

Сначала Фрейд решил, что не сможет принять приглашение Холла. Назначенная на июнь церемония прервала бы его практику, уменьшив доходы, что всегда было для него чувствительной материей. Он сожалеет, что вынужден отказаться, писал мэтр Ференци. Но… «Я по-прежнему считаю себя не вправе отказаться от таких денег ради возможности прочесть лекции еще и «американцам». Он выражался предельно откровенно: «Америка должна приносить доходы, а не расходы». Материальные соображения были не единственной причиной нежелания Зигмунда Фрейда читать публичные лекции в Соединенных Штатах. Он опасался, что вместе с коллегами подвергнется остракизму, когда американцы обнаружат «сексуальную основу нашей психологии». И все же приглашение заинтриговало Фрейда. Когда Холл не сразу ответил на его письма, он обеспокоился, хотя поспешно заявил, словно ограждая себя от разочарования, что в любом случае не уверен в американцах и опасается «ханжества нового континента». Несколько дней спустя основатель психоанализа сменил тон и почти с тревогой снова сообщил Ференци: «Никаких новостей из США».

Но Холл сделал свое предложение еще более привлекательным – передвинул торжественную церемонию на сентябрь и существенно увеличил сумму на дорожные расходы. Эти знаки внимания, писал Фрейд Ференци, сделали возможным «и даже удобным принять приглашение». Он снова спросил

Ференци, не хочет ли тот сопровождать его. Ференци очень хотел. Еще в январе он сказал мэтру, что может позволить себе эту поездку, а в марте стал задумываться о «подготовке к заморскому путешествию», в которую входило совершенствование его «детективного» английского и изучение литературы о Соединенных Штатах. Шли недели, и волнение Фрейда, завороженного открывшейся перспективой, явно усиливалось. «Америка оказывает решающее влияние на ситуацию», – сообщил он в марте и, подобно Ференци, стал готовиться к приключению, заказывая книги о Соединенных Штатах и «полируя» собственный английский. Похоже, это станет громадным событием. Объявляя Абрахаму, что будет читать лекции в Америке, Фрейд писал: «А теперь грандиозные новости…» Будучи осторожным и опытным путешественником, он начал изучать маршрут и узнавать стоимость. В конечном счете Фрейд выбрал пароход George Washington компании Norddeutsche Lloyd, поскольку до прибытия в Университет Кларка появлялась возможность в течение недели любоваться красотами Америки. «На Средиземное море мы можем отправиться в любой другой год. Америка снова появится еще не скоро».

Фрейд прекрасно сознавал свое двойственное отношение к этому «приключению» и воспринимал его – сам признавался Ференци – как «убедительную иллюстрацию мудрых слов из «Волшебной флейты»: «Я не хочу принуждать тебя любить». Мне совершенно безразлична Америка, но я с нетерпением жду нашего совместного путешествия». Наряду с этим его очень радовало то, что с ними будет Юнг: «Это доставляет мне огромное удовольствие по самым эгоистическим причинам», – писал основатель психоанализа Юнгу в июне, сообщая о приглашении. Ему также приятно видеть, прибавил он, каким авторитетом уже пользуется Юнг среди психологов.

Зигмунд Фрейд взял с собой на летний отдых книги об Америке, но читать их не стал. «Пусть это станет для меня неожиданностью», – объяснил он Ференци и посоветовал Юнгу придерживаться такой же спонтанности. В конце концов единственное посещение мэтром Соединенных Штатов стало наполовину каникулами, наполовину работой по продвижению психоанализа. Но начался этот вояж со зловещего эпизода: 20 августа трое путешественников вместе обедали в Бремене. Юнг начал подробно рассказывать о доисторических находках, откопанных на севере Германии. Фрейд истолковал эту тему и настойчивость Юнга как скрытое желание его, Фрейда, смерти и лишился чувств. Это был не первый раз, когда мэтр падал в обморок в присутствии Юнга. Тем не менее предвкушение

приятного путешествия взяло верх, и на следующий день Фрейд, Юнг и Ференци отплыли из Бремена в хорошем настроении. Восьмидневное плавание через океан они посвятили любимому занятию первых психоаналитиков: анализировали сны друг друга. Среди памятных событий той поездки, как впоследствии рассказывал Фрейд Джонсу, был один случай – официант, обслуживающий его каюту, читал «Психопатологию обыденной жизни». Среди причин, побудивших Фрейда написать эту книгу, было желание обратиться к непрофессиональной аудитории, и он оказался доволен конкретным примером, что его работа действительно заинтересовала широкую публику.

Трое путешественников оставили неделю на знакомство с Нью-Йорком, и Эрнест Джонс с Абрахамом А. Бриллом, два психоаналитика из Нового Света, водили их по городу. Джонс приехал из Торонто, чтобы встретить почетных гостей, но их почти профессиональным гидом стал Брилл, который жил в Нью-Йорке с 1889 года. Он когда-то приехал сюда из родной Австро-Венгрии один, с тремя долларами в кармане. Брилл прекрасно знал город – по крайней мере, Манхэттен. Его бегство из Европы было бегством от семьи – от необразованного и деспотичного отца и матери, желавшей, чтобы сын стал раввином. Америка спасла Брилла как от профессии, которой он не хотел, так и от родителей, которые «душили» его. Подростком Абрахам одинаково решительно отверг и веру предков, и отцовский гнет, но, как справедливо заметил Натан Г. Хейл, «сохранил еврейское преклонение перед учителями и мудрецами. Он искал наставника, а не ротного старшину».

Очень бедный, но отличавшийся упорством Брилл несколько лет учился в Нью-Йоркском университете, зарабатывая физическим и умственным трудом, в том числе преподаванием. Он экономил не год и не два, как впоследствии сам Брилл рассказывал Джонсу, но в конце концов решил, что собрал-таки достаточную сумму, чтобы поступить на медицинский факультет Колумбийского университета. Однако у него не хватило денег, чтобы внести плату за вступительные экзамены… «Просьба о помощи или об освобождении от платы ни к чему не привела; он должен был рассчитывать только на себя и еще на год вернуться к преподаванию. Ему было тяжело, но он сказал самому себе: «Тебе некого винить, кроме самого себя; никто не просил тебя выбирать медицину». И он мужественно продолжил свой путь». Джонс не мог скрыть восхищение: «Возможно, он был необработанным алмазом, но в том, что это алмаз, сомнений не было». В 1907 году Брилл смог скопить достаточно денег, чтобы провести год в Бургхельцли, изучая психиатрию. Там он открыл для себя

Фрейда, и это открытие подарило ему дело всей его жизни. Брилл решил вернуться в Нью-Йорк и учиться, чтобы стать выразителем идей психоанализа. А еще он добьется того, что труды Зигмунда Фрейда будут доступны на английском языке. Теперь, в конце лета 1909 года, Брилл смог – с энтузиазмом и знанием дела – отдать часть морального долга Фрейду.

Мэтр, у которого сохранилась юношеская страсть к прогулкам по городу, оказался неутомим. Фрейд еще не был до такой степени знаменит, чтобы его осаждали фотографы или интервьюеры, а одна из утренних нью-йоркских газет даже не смогла правильно назвать его имя, сообщив о прибытии профессора Фрейнда из Вены. Похоже, основателя психоанализа это совсем не беспокоило – его занимал Нью-Йорк. Он взглянул на Центральный парк и Колумбийский университет, китайский квартал и Кони-Айленд, выделил время, чтобы осмотреть свои любимые греческие древности в Метрополитен– музее. 5 сентября путешественники прибыли в Вустер. Фрейд – вне всяких сомнений, главный гость – получил приглашение остановиться в элегантном доме Г. Стэнли Холла. Остальных поселили в отеле Standish.

Пять импровизированных лекций Фрейда, каждая из которых составлялась и репетировалась на утренней прогулке с Ференци, были встречены одобрительно. Ораторское искусство мэтра сослужило ему хорошую службу у американской аудитории. Начал Фрейд с великодушной признательности Брейеру, которого назвал истинным основателем психоанализа, – эту признательность он потом, по зрелом размышлении, посчитал преувеличенной. Далее Зигмунд Фрейд изложил краткую историю собственных идей и приемов, сопровождая свой рассказ предупреждением, что ожидать слишком многого от науки, которая еще так молода, нельзя. К концу третьей лекции он познакомил слушателей с основными понятиями психоанализа – вытеснением, сопротивлением, интерпретацией сновидений и т. д. В четвертой лекции Фрейд обратился к такой деликатной теме, как сексуальность, в том числе детская. Никогда еще он не использовал свои судебные навыки для лучшей цели, выложив на стол козырную карту американских связей своей теории. Свидетелем, показания которого он использовал, был Сэнфорд Белл, по счастливой случайности оказавшийся сотрудником Университета Кларка. В 1902 году, за три года до выхода «Трех очерков по теории сексуальности» Фрейда, Белл опубликовал статью в American Journal of Psychology, где многочисленными наблюдениями подтверждал явление детской сексуальности. В

отказе от первенства было что-то обезоруживающее… Фрейд сполна использовал этот прием. Цикл лекций он закончил головокружительной смесью критики культуры и прикладного психоанализа, а в заключение сердечно поблагодарил за возможность прочитать лекции и за то внимание, с которым его слушала аудитория.

У основателя психоанализа не было причин жалеть об этой поездке. Большинство из его более поздних жалоб выглядит надуманными, далекими от великодушия и даже от рациональности. Конечно, американская кухня – вода со льдом не в меньшей степени, чем тяжелая пища, – дурно повлияла на его и без того неважное пищеварение. Естественно, Фрейд был убежден, что пребывание в Соединенных Штатах явно обострило его проблемы с кишечником, и Джонс подыгрывал ему в этом. «Я искренне надеюсь, – писал он несколько месяцев спустя, – что ваше физическое недомогание уже в прошлом. Очень плохо, что Америка нанесла вам подлый удар своей кухней». Но Фрейд явно переоценивал неблагоприятное воздействие американской пищи, поскольку уже давно жаловался на пищеварение. Может быть, и причиной ухудшения его почерка стал визит в Америку? Даже верному Эрнесту Джонсу пришлось признать, что антиамериканизм мэтра «на самом деле не имел с самой Америкой ничего общего».

Фрейда в Соединенных Штатах в основном принимали сердечно, как люди, с которыми он встречался, так и пресса. В большинстве случаев к нему отнеслись с уважением. Заголовок в Worcester Telegram («Все собрались в Кларке… Люди с распухшими мозгами иногда улыбаются»), безусловно, представлял собой не лучший образец журналистики, но это можно считать исключением. Среди слушателей оказались люди, которые считали теории сексуальности Фрейда шокирующими, и газеты откликнулись на его четвертую лекцию, посвященную этой чувствительной теме, с подобающей краткостью и благопристойностью. Но у основателя психоанализа не было причин считать, что американская аудитория его игнорирует, не говоря уже о неприятии. Более того, ведущие американские психологи специально приехали в Вустер, чтобы встретиться с ним. Уильям Джемс, самый известный и влиятельный психолог и философ Соединенных Штатов, провел один день в Университете Кларка, послушал лекцию Фрейда и совершил с ним прогулку. Эта прогулка навсегда осталась в памяти основателя психоанализа. Джемс уже страдал от болезни сердца, которая годом позже сведет его в могилу. В автобиографии Фрейд вспоминал, как Джемс внезапно остановился, передал ему свой

портфель и попросил идти вперед. Почувствовав приближающийся приступ стенокардии, он сказал, что догонит спутника, как только почувствует себя лучше. «С тех пор, – заметил Фрейд, – мне всегда хотелось и самому проявить такое же бесстрашие перед лицом близящегося конца жизни». Размышляя о смерти, что часто случалось с ним в последние годы, он нашел благородный стоицизм Джемса достойным восхищения и даже зависти.

Джемс следил за трудами Фрейда с 1884 года – тогда он обратил внимание на его совместную с Брейером работу по истерии, «Предуведомление». Теперь, проявив широту взглядов, с которой Джемс обычно относился к теориям, которые считал интересными, но неприемлемыми, он пожелал основателю психоанализа и его сторонникам успеха. Как профессиональный исследователь религии, поднявший опыт веры до уровня высшей истины, Джемс был полон сомнений относительно, как ему казалось, прагматичной и навязчивой враждебности Фрейда к религии. Однако это не ослабило его интерес к идеям психоанализа. Прощаясь с Эрнестом Джонсом в Вустере, он положил руку ему на плечо и сказал: «Будущее психологии принадлежит вашей работе». Джемс подозревал, что Фрейд «с его теорией сновидений регулярно hallucine[106]». Тем не менее он считал, что Фрейд «будет способствовать нашему пониманию «функциональной» психологии, которая и есть настоящая психология». Сразу после окончания конференции в Университете Кларка он писал швейцарскому психологу Теодору Флурнуа, что беспокоится по поводу «навязчивых идей» Фрейда, признавался, что никак не может принять теорию сновидений и отвергал как опасные психоаналитические представления о символизме. Тем не менее он выражал надежду, что Фрейд и его ученики «будут расширять свои идеи до самых дальних границ, чтобы мы смогли узнать, что они собой представляют. Они не могут не пролить свет на природу человека». Доброжелательное, но осторожное и слишком расплывчатое заявление.

Джемс был более высокого мнения о Юнге, симпатии которого к религии совпадали с его взглядами. Вне всяких сомнений, по отношению к философской теологии, в защиту которой так красноречиво высказывался Джемс, лекции Юнга в Университете Кларка, посвященные детской психологии и экспериментам со словесной ассоциацией, были не такими провокационными, как выступления Фрейда. Основатель психоанализа не проповедовал атеизм, но твердо придерживался научных убеждений, которые отвергали любые претензии религиозного мышления на поиски истины. Но именно эти

претензии на протяжении многих лет и озвучивал Джемс, ставивший религию выше науки, энергичнее всего в своих знаменитых гиффордских лекциях[107] «Многообразие религиозного опыта», опубликованных несколькими годами раньше, в 1902-м. В отличие от него Джеймс Джексон Патнем безоговорочно поддержал Фрейда и оказался намного более эффективным сторонником психоанализа в Америке, чем Джемс. Патнем, как и Джемс, был профессором в Гарварде и как невролог пользовался у коллег высочайшим авторитетом, поэтому большое значение имел тот факт, что еще в 1904 году при лечении пациентов с истерией в Массачусетской больнице он заявил о том, что метод психоанализа далеко не бесполезен. Его симпатии к трудам Фрейда впервые по-настоящему открыли для идей психоанализа путь в медицинские круги Америки. Однако, к некоторой досаде Фрейда, Патнем всегда сохранял независимость и отказывался менять свои философские взгляды, оставлявшие место для несколько абстрактного божества, на атеистический позитивизм Фрейда. Однако лекции в Университете Кларка, сопровождавшиеся оживленными дискуссиями с основателем психоанализа и его спутниками, убедили Патнема, что психоаналитические теории и методы лечения в основе своей верны. В определенном смысле эта победа стала самым долговременным последствием визита Зигмунда Фрейда в Америку.

После торжеств в Университете Кларка Фрейд, Юнг и Ференци провели какое-то время в доме Патнема в горах Адирондак, где продолжили обсуждение профессиональных тем. 21 сентября, после двух последних дней в Нью-Йорке, путешественники поднялись на борт другого немецкого парохода – Kaiser Wilhelm der Grosse. Погода была не самой приятной, штормовой, но это не помешало Фрейду провести психоаналитический сеанс с Юнгом – как утверждал сам Юнг, с пользой для него. Восемь дней спустя они пришвартовались в порту Бремена, и Америка стала воспоминанием – ярким, но неоднозначным. «Я очень рад, что уехал оттуда, и еще больше рад, что не вынужден жить там, – писал Фрейд дочери Матильде. – Не могу также утверждать, что возвращаюсь освежившимся и хорошо отдохнувшим. Но это было чрезвычайно интересно и, возможно, очень важно для нашего дела. В целом это можно назвать огромным успехом». В начале октября Юнг, признавшийся мэтру, что скучает по дому, вернулся на работу в Цюрих. Жизнь Фрейда тоже вошла в привычную колею. Он приехал домой доктором права, с очевидными доказательствами,

что его движение теперь приобрело международный характер.

После таких удовольствий Вена должна была показаться немного унылой. И действительно, в начале ноября раздражение Фрейда своими здешними сторонниками снова достигло наивысшей точки. «Иногда я до такой степени сержусь на своих венцев, – писал он Юнгу, перефразируя слова римского императора Калигулы, – что мне хочется, чтобы у них был один зад, чтобы я мог отлупить их всех одной палкой». Показательная оговорка, которую допустил Фрейд, выдает его напряженные отношения с Юнгом: вместо «их» (ihnen) он написал «вас» (Ihnen), словно именно Юнг заслуживал порки.

Вена против Цюриха

В минуту сильного раздражения, одну из многих в тот период, Фрейд как-то назвал Штекеля и Адлера Максом и Морицем – так звали двух вошедших в поговорку мальчиков из знаменитого произведения немецкого поэта-юмориста Вильгельма Буша о непослушных и жестоких проказниках и ужасном возмездии, которое их постигло: «Меня беспрестанно раздражают эти двое». Однако «эти двое», друзья и союзники, были совсем не похожи друг на друга и дали Фрейду разные основания для тревоги и в конечном счете для решительных действий.

Штекель, несмотря на свои заслуги в организации Психологического общества по средам и в теории символизма, раздражал Фрейда с самого начала. Он обладал хорошей интуицией и был неутомим – плодовитый журналист, драматург, автор коротких рассказов и трудов по психоанализу. Будучи приятным в общении, он своим хвастовством и небрежностью в научных доказательствах умудрился восстановить против себя многих коллег. Всегда готовый прокомментировать доклад, представленный на обсуждение Психологического общества, он мог придумать пациента, который подтверждал его точку зрения. Выражение «пациент Штекеля в среду», вспоминал Эрнест Джонс, превратилось в дежурную шутку. Складывалось впечатление, что богатое воображение Штекеля просто невозможно держать в узде. В одном из своих докладов он выдвинул удивительную теорию, что имена часто оказывают невидимое воздействие на жизнь людей, и «подтвердил» сию гипотезу примерами имен нескольких своих пациентов. Когда Фрейд упрекнул его в нарушении врачебной тайны, Штекель заверил мэтра: все эти имена вымышленные! Неудивительно, заключил основатель психоанализа – тогда их отношения еще не испортились

окончательно, – что Штекель слаб в теории и логике, хотя наделен «острым чутьем на смысл скрытого и бессознательного».

Это было в 1908 году. Вскоре тон Фрейда стал более резким – он сердился на то, что называл идиотской и мелкой ревностью – schwachsinnige Eifersüchteleien. В конечном счете он охарактеризовал Штекеля как «поначалу очень полезного, а потом абсолютно неуправляемого»[108]. Вердикт довольно суровый, но по сравнению с тем, что говорил Фрейд в частном порядке, его можно считать сдержанным. В личных письмах основатель психоанализа называл Штекеля бесстыдным лжецом, необучаемым человеком, mauvais sujet[109] и даже свиньей. Фрейду так пришелся по душе этот обидный эпитет, что он повторил его и на английском: «эта свинья Штекель». Так он назвал его в письме к Эрнесту Джонсу, который, как казалось мэтру, слишком доверял Штекелю. Многие последователи Фрейда из Вены, не опускавшиеся до таких выражений, соглашались с ним, что Штекель энергичен, но совершенно безответствен, зачастую несерьезен и в довершение всего нетерпим. Тем не менее в 1911 году он еще находился на хорошем счету в Венском психоаналитическом обществе, читал доклады, участвовал в дискуссиях. В апреле этого же года общество даже посвятило целый вечер комментированию – по большей части резкой критике – книги Штекеля «Язык снов». Вильгельма Штекеля, который сам отличался нетерпимостью, терпели несколько лет.

Несмотря на то что некоторые из венских сторонников раздражали Фрейда не меньше, чем Штекель, не это было его главной заботой. Приблизительно в то же время мэтр вступил в схватку с Карлом Краусом, остроумным и опасным противником, – после нескольких лет дружеских, хотя и неблизких отношений. Краус, никогда не терявший уважения к самому Фрейду, яростно возражал против модных в то время примитивных приложений его идей к деятелям литературы – включая себя самого. Особое негодование вызвало у него одно из таких приложений, автором которого был его бывший друг и соратник Фриц Виттельс, – оно пыталось приравнять выпуск его знаменитого журнала Die Fackel к обычному симптому невроза. Краус обрушил на психоанализ лавину острых, а иногда и злых шуток. Защищая соратников, даже когда они этого не заслуживали, Фрейд, которому вульгаризация психоаналитического метода вредила не меньше, чем самому Краусу, не стеснялся в выражениях (в частной переписке). «Вам известно неограниченное тщеславие и отсутствие дисциплины у этого талантливого животного, К. К.», – писал он Ференци в феврале 1910 г. Двумя месяцами позже мэтр признался все тому

же Ференци, что разгадал секрет Крауса: «Он безумный глупец с огромным актерским талантом». Это, по мнению мэтра, позволяло ему имитировать ум и вдохновение. Подобный приговор был скорее продуктом приступа ярости, чем трезвых размышлений, и, несмотря на ядовитые и иррациональные нападки Клауса, от истины он далек.

Но все это были второстепенные проблемы. По мере того как психоаналитическое движение набирало силу, Фрейду требовалось воспитывать и держать в повиновении своих влиятельных и ненадежных сторонников в других странах. С годами его переписка становилась все более интернациональной и начинала походить на переписку генерала, планирующего военную кампанию, или дипломата, вербующего союзников. Вероятно, самым ненадежным и, вне всяких сомнений, самым важным из рекрутов Фрейда был Эйген Блейлер, шеф Юнга. Какое-то время Блейлер являлся ценным членом фрейдистского клана. В 1908 году он присутствовал на скромном международном конгрессе в Зальцбурге, первом из многих, на котором группа «друзей психоанализа», как они себя называли, из Вены, Цюриха, Берлина, Будапешта, Лондона и Нью-Йорка собралась вместе, чтобы послушать доклады Юнга, Адлера, Ференци, Джонса, а также, разумеется, Фрейда и наладить более близкое сотрудничество. Среди многообещающих результатов необходимо назвать основание первого периодического издания по психоанализу, Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, руководителями которого стали Блейлер и Фрейд, а редактором Юнг. Двойное руководство служило радующим глаз символом союза между Веной и Цюрихом и не менее приятным свидетельством верности Блейлера идеям основателя психоанализа.

Внешне их отношения были неизменно дружескими, хотя и несколько сдержанными. Однако Блейлер, на которого произвели большое впечатление идеи Фрейда, все еще не был убежден, оправдан ли такой упор на сексуальность, и эти сомнения, дополненные подозрениями, что лидер движения строит жестко управляемую систему, заставляли его колебаться в оценке организации, которую создавал Фрейд. «Этот принцип «кто не с нами, тот против нас», – заявил он Фрейду в 1911 году, выйдя из недавно организованной Международной психоаналитической ассоциации, – это «все или ничего», на мой взгляд, необходим для религиозных комитетов и полезен для политических партий. Я могу понять принцип как таковой, но для науки считаю его опасным». Фрейд мог бы приветствовать такую открытую, по-настоящему научную позицию, но, находясь под сильным градом

критики, не принял ее[110]. Он продолжал обхаживать Эйгена Блейлера и одновременно ругать его в письмах друзьям. «Блейлер невыносим», – признавался мэтр Ференци.

Какими бы утомительными ни находил Фрейд нескончаемые колебания Блейлера, дома ему предстояло решить более серьезные проблемы, особенно связанные с местом Альфреда Адлера в Венском психоаналитическом обществе. Отношения основателя психоанализа с Адлером были более запутанными, чем со Штекелем, и в долговременном плане более важными. Адлер был самоуверенным и серьезным. Недоброжелатели из близкого круга Фрейда считали его лишенным чувства юмора и жадным до похвалы. Джонс, например, описывает Адлера как угрюмого и жаждущего признания. Но те, кто знал его как завсегдатая венских кафе, видели перед собой другого человека – непосредственного и любящего шутку. Каким бы ни был «настоящий» Адлер, коллеги считали, что он уступает только Фрейду. Однако мэтр не опасался Адлера и не относился к нему как к сопернику. Наоборот, в течение нескольких лет Фрейд демонстрировал полное доверие к нему. В 1906 году, когда Адлер представил на рассмотрение общества доклад о психологической основе неврозов, мэтр искренне похвалил его, хотя почти не использовал любимый термин Адлера «неполноценность органа» – Minderwertigkeit и предпочитал более нейтральные определения, например «специфическая изменчивость органов». В остальном статью Адлера, как и его работу в целом, Фрейд нашел полезной и важной. Другие участники обсуждения в тот вечер были согласны с ним, за исключением Рудольфа Рейтлера, который прозорливо почувствовал беду в усиленном подчеркивании Адлером роли физиологии и наследственности в формировании неврозов.

Не обращая внимания на эти комариные укусы, Адлер под зонтиком психоанализа Фрейда продолжал создавать собственную психологию. При этом они во многом соглашались друг с другом. Оба считали наследственность и окружающую среду важными факторами в этиологии неврозов. Подчеркивая неприятности, которые неполноценность органа могла создать для психики человека, Адлер придерживался по большей части биологической ориентации, и Фрейд частично признавал такую возможность. В то же время, будучи социалистом и общественным деятелем, выступавшим за улучшение жизни при помощи образования и социальной помощи, Адлер приписывал окружающей среде важную роль в формировании психики. Фрейд, как нам известно, решительно настаивал на влиянии мира

детства на психологическое развитие – роль родителей, братьев и сестер, нянек, товарищей по детским играм, а также сексуальных травм и неразрешенных конфликтов. Но взгляды Адлера на окружающую среду не совпадали со взглядами Фрейда. Фактически Адлер открыто ставил под сомнение фундаментальное положение мэтра о том, что сексуальное развитие в детском возрасте является решающим для формирования характера. Уточняя и пересматривая предположения, которые он выдвинул в самом начале своего обращения к психологии, Адлер убедительно, хотя и не очень изящно, сформулировал особое семейство идей. Его доклады, комментарии к выступлениям других членов общества, статьи, а также первая монография по психологии были безошибочно «адлеровскими». В основе всех лежало убеждение, что каждый невротик стремится компенсировать какой-то соматический недостаток. Независимо от того, насколько серьезно Адлер воспринимал окружающий мир, роль судьбы в своей психологии он отводил биологическим факторам. Однако все это не мешало Адлеру испытывать благожелательный интерес к маленькому, только нащупывающему свой путь сообществу психоаналитиков.

Minderwertigkeit оставалась навязчивой темой в выступлениях и печатных работах Альфреда Адлера все годы, когда он входил в ближний круг Фрейда. Впервые он использовал этот термин в 1904 году в короткой нравоучительной статье о враче и просветителе, где называл неполноценность некоторых органов причиной застенчивости, нервозности, трусости и других психологических проблем, которые преследуют детей. Адлер постоянно предостерегал против переоценки влияния травм на психику. «Конституция человека, – утверждал он, – находит свои сексуальные травмы». Мозг, обнаруживая некий физический или психический недостаток, пытается компенсировать его – иногда успешно, но довольно часто неудачно. Другими словами, Адлер определял невроз как неудачную компенсацию чувства неполноценности. Большинство нарушений, которым пытается противостоять мозг, он считал врожденными. Так, например, Адлер полагал, что можно доказать наследственные корни садизма и набора определенных черт – методичность, бережливость, упрямство, – которые Фрейд называл анальным характером. На собрании Психологического общества по средам во время дискуссии о сексуальном просвещении детей Адлер даже отвергал утверждение мэтра, что подобное просвещение, хотя оно и не может быть панацеей, является полезной профилактикой неврозов: «Детские травмы имеют значение только в связи с неполноценностью органов».

Фрейд и Адлер не сходились в существенных вопросах, но в их отношениях присутствовала и политика, в том смысле этого слова, который определяет формы, задачи, цели и содержание чего-либо. Конечно, она усиливала разногласия. В письме к Абрахаму основатель психоанализа однажды заметил: «Политика портит характер». В данном случае он имел в виду несходство мнений со Штекелем, но вполне мог думать и о том, как политика влияет на него самого. Нельзя не отметить, что именно в политических вопросах Фрейд проявил себя настоящим дипломатом, более коварным, чем в остальных своих ипостасях, и противостояние с Адлером пробудило все его спящие таланты ориентирования среди противоборствующих сил и достижения своей цели.

Впервые Фрейд серьезно выступил против Адлера и его союзников весной 1910 года во время международного конгресса психоаналитиков в Нюрнберге и после него, когда пытался организовать психоаналитическое движение в соответствии со своими далеко идущими планами. Его последующие усилия успокоить уязвленное самолюбие обиженных носили такой же политический характер. Здесь Фрейд проявил себя миротворцем, сняв воинственную маску. Конгресс в Нюрнберге можно считать его триумфом. Он придал Фрейду сил. «С нюрнбергским Reichstag, – радостно писал он Ференци через несколько дней после его открытия, – закончилось детство нашего движения. Таково мое впечатление. Надеюсь, что за этим последует ясное и чистое время юности». Но, делая такое заявление, основатель психоанализа прекрасно понимал, что конгресс все равно породил яростные споры и открытый бунт. Сообщая Джонсу новости из Нюрнберга, он отмечал: «Все исполнены новых надежд и веры в обещания работы. Я ухожу в тень, как надлежит пожилому джентльмену (Умоляю, не нужно никаких комплиментов!)». Зигмунд Фрейд не был до конца откровенным. Ведь именно в Нюрнберге он вступил в самый эмоциональный за всю свою карьеру спор с коллегами-психоаналитиками.

Все началось с обращения Ференци. Выступая на конгрессе в качестве представителя Фрейда, он высказал с трибуны предложения мэтра по созданию Международного психоаналитического объединения: бессменным президентом должен стать Юнг, а секретарем – Франц Риклин, другой швейцарский психоаналитик и родственник Юнга. Это была довольно горькая пилюля для первых последователей Фрейда, но Ференци еще больше обидел их, довольно резко раскритиковав Венское психоаналитическое общество. Вспоминая о конгрессе

вскоре после его окончания, Фрейд винил себя не меньше, чем Ференци, за «недостаточно просчитанный эффект [предложений] на венцев». Самокритика была вполне справедливой. Основатель психоанализа не должен был удивляться их реакции. Но даже самое тактичное выступление не могло скрыть последствия плана Фрейда: Вена отступала на второй план.

Психоаналитики из Вены решительно возражали. Виттельс вспоминал, что они устроили отдельное собрание в Grand Hotel, «чтобы обсудить возмутительную ситуацию. Внезапно появился Фрейд, которого не приглашали. Никогда раньше я не видел его таким взволнованным». Однако на публике мэтр неизменно сохранял видимость полного самоконтроля. «Он сказал: «Большинство из вас евреи и поэтому не в состоянии привлекать друзей для нового учения. Евреи должны смириться со скромной ролью подготовки почвы. Мне чрезвычайно важно установить связи с остальным научным миром. Я пытаюсь пробиться уже много лет и устал от непрерывных нападок. Мы все в опасности». Рассказ Виттельса, в том числе характерная для Фрейда апелляция к своему возрасту и усталости – в то время ему еще не исполнилось и 54 лет – и драматическая просьба в конце звучит правдоподобно. «Схватив лацканы пальто, он сказал: «Они не оставят мне даже пальто. Швейцарец спасет нас – спасет меня и вас тоже». В конце концов был достигнут компромисс, позволивший всем сохранить лицо: срок президентства Юнга ограничили двумя годами. Но это не изменило мнение венцев, что Фрейд грубо игнорирует их, первых сторонников, и обхаживает новобранцев из Цюриха.

Они были правы. В конце концов, с 1906 года основатель психоанализа вел переписку с Юнгом, которая становилась все более дружеской. Не было секретом и то, что с 1907-го, когда начались визиты Юнга и других коллег из Цюриха, эта близость превратилась в дружбу, на которую Фрейд возлагал большие надежды. Конгресс в Нюрнберге лишь превратил подозрение венцев в мрачную уверенность. Основатель психоанализа ничего не скрывал. «Я решил, – писал он в своих воспоминаниях, – что связь с Веной является не рекомендацией для молодого движения, а скорее препятствием». Цюрих, в самом центре Европы, выглядел гораздо более перспективным. Кроме того, прибавил Фрейд, ловко переводя собственные навязчивые мысли о старости и смерти в причину для своих планов, он не молодеет. Психоанализ, который нуждается в твердой руке, должен быть вручен более молодому человеку, который в состоянии сменить основателя на руководящем посту. После того как «официальная наука» решительно объявила еретиками и бойкотировала тех

врачей, которые использовали психоанализ в своей практике, он должен работать ради того дня, когда возникнут учебные заведения, гарантирующие аутентичность учения и компетентность преподавания. «Этого и только этого я хотел добиться путем учреждения Международного психоаналитического объединения»[111].

Венцы не поверили, что тревоги Фрейда имеют под собой основания и организационные новшества действительно необходимы. Даже верный Хичманн беспокоился, что «как раса» цюрихские члены общества «абсолютно не похожи на нас, венцев». Но в начале апреля, когда в Венском психоаналитическом обществе шло «посмертное» обсуждение только что завершившегося конгресса, ворчание соседствовало с вежливыми заявлениями. Компромисс по поводу президентства и беспомощное признание, что Фрейд по-прежнему незаменим, охладило пыл. Основатель психоанализа сделал все возможное, чтобы все-таки унять эмоции. Маневр был ловким и умиротворяющим: мэтр предложил назначить Адлера на свое место председателя общества – Obmann, а новое периодическое издание, ежемесячный журнал Zentralblatt für Psychoanalyse, редактировать Адлеру и Штекелю. Учтивый Адлер, в свою очередь, сначала назвал отставку Фрейда с поста руководителя излишним шагом, но затем принял предложенный пост и согласился вместе со Штекелем стать редактором нового журнала.

Зигмунд Фрейд истолковывал все эти проявления доброй воли со свойственным ему сарказмом. «Венцы здесь, – признавался он Ференци, – были после Нюрнберга очень нежны и страстно желали основать республику с великим герцогом во главе». Еще один компромисс был призван осчастливить всех – более или менее. В то время как Адлера при шумном одобрении избрали на пост Obmann, в обществе придумали новую должность, научного руководителя – wissenschaftlicher Vorsitzender, – и назначили на нее Фрейда. Впоследствии мэтр приводил свои примирительные шаги как доказательства того, что жалобы Адлера на притеснения необоснованны и иррациональны, но это лукавство. Разрабатывая стратегию, основатель психоанализа прямо говорил Ференци, что передает руководство венской группой Адлеру «не из любви и без удовольствия, потому что он единственный подходящий персонаж и потому что на этой должности он, возможно, будет вынужден выступить в защиту общего дела». Если Адлера не удалось убедить, то, возможно, с ним получится сотрудничать.

Тем не менее объяснить напряженные отношения Фрейда и Адлера и в конечном счете их разрыв только политическими требованиями невозможно. Организационные требования, подсознательные конфликты, несовместимость характеров и столкновение идей – все это питало друг друга, пока не достигло неизбежной кульминации. Положение усугублялось тем, что Фрейд и Адлер буквально во всем были полными противоположностями. Сторонники обоих из числа современников свидетельствовали, что манера одеваться, держать себя, а также методы лечения у них были абсолютно непохожими: аккуратный, аристократичный и стремящийся дистанцироваться от пациентов Фрейд и небрежный, демократичный и глубоко сочувствующий Адлер. И все-таки главной причиной разрыва оказалось столкновение взглядов. Если всего через год после попытки сгладить противоречия Фрейд называл позицию Адлера реакционной и сомневался, можно ли вообще считать его психологом, то делал это не по тактическим соображениям и не из чистой враждебности[112]. Основатель психоанализа желал мира в Вене, поскольку к 1911 году связи с Цюрихом уже казались непрочными. При этом непреодолимые расхождения во взглядах Фрейда и Адлера были несомненны – и не только в 1911-м. На самом деле мэтр размышлял о них уже несколько лет. Еще в июне 1909 года он описывал Юнгу Адлера как «теоретика, проницательного и оригинального, но не ориентированного на психологию; его цели биологические». Однако тут же прибавлял, что считает Адлера достойным и не думает, что тот скоро дезертирует. По возможности, заключил Фрейд, «мы должны держаться за него». Двумя годами позже такой примирительный тон стал уже невозможен: Адлер, писал Фрейд Оскару Пфистеру в феврале 1911 года, «создал для себя миропорядок без любви, и я служу главным орудием мести, которую обрушила на него оскорбленная богиня Либидо».

Когда основатель психоанализа сделал этот резкий вывод, отношения с Адлером уже несколько месяцев приближались к разрыву. «С Адлером, – признавался Фрейд Юнгу в декабре 1910-го, – все становится совсем плохо»[113]. До этого мэтр то с надеждой перечислял вклады Адлера в свои идеи, то переживал из-за того, что тот недооценивает подсознательные процессы полового влечения. Но постепенно еще теплившаяся надежда на примирение с Адлером погасла окончательно. Раздражение Фрейда из-за, как он выражался, бестактности и неприятных манер Адлера росло по мере того, как усиливались сомнения по поводу его идей. Нетрудно понять, почему основатель психоанализа не хотел признавать реальность. В конце 1910 года

подобные дискуссии – их воздействие на Фрейда лишь усиливалось постоянной неопределенностью в отношении таких ненадежных рекрутов, как Блейлер, – казались ему роковыми. Он страдал от приступов утомления и депрессии, признаваясь Ференци, что ссоры, которые он вынужден терпеть в Вене, заставляют мечтать о прежней изоляции: «Можете мне поверить, когда я работал один, это часто было намного приятнее».

Как бы то ни было, наступление кризиса ускорил вовсе не Фрейд, а Хичманн, который из всех последователей мэтра больше всего симпатизировал Адлеру. В ноябре 1910-го Хичманн предложил Адлеру еще раз подробно изложить свои взгляды, чтобы все могли обсудить их. Ведь многие члены общества, включая самого Фрейда, относились к гипотезам Адлера как к ценному дополнению к психоаналитическим теориям, не считая их угрозой или альтернативой. Адлер с готовностью согласился. В январе и феврале 1911 года он представил два доклада. Второй доклад – «Мужской протест как главная проблема невроза» – настолько ясно излагал его позицию, что мэтр уже не мог оставаться в стороне. И встроить эту идею в свою систему он тоже не мог. После первого выступления Адлера Фрейд хранил молчание, а теперь высказал возражения и долго копившийся гнев.

Замечания основателя психоанализа можно назвать докладом оппонента. Первым делом он называл рассуждения Адлера настолько абстрактными, что зачастую их трудно понять. Более того, Адлер излагал старые идеи под новыми названиями: «Складывается впечатление, что под маской «мужского протеста» спрятано вытеснение». Более того, Адлер «называет знакомую нам бисексуальность психическим гермафродитизмом, как будто это что-то другое»[114]. Но фальшивая, искусственная оригинальность не худшее: теория Адлера пренебрегает бессознательным и сексуальностью. Это всего лишь общая психология, одновременно реакционная и ретроградная. С уважением отзываясь об уме Адлера, Фрейд обвинял его в том, что тот лишает психологию автономного статуса, низводя ее к биологии и физиологии. «Все эти доктрины Адлера, – мрачно предсказывал он, – произведут большое впечатление и нанесут ущерб психоанализу». За раздражением основателя движения скрывался постоянный страх, что его строгие идеи обретут популярность только в лишенной остроты версии Адлера, исключавшей такие радикальные представления, как эдипов комплекс, детская сексуальность и сексуальная этиология неврозов. Фрейд считал, что принятие психоанализа в трактовке Адлера представляет бо2льшую угрозу, чем его полное отрицание.

Адлер умело защищался, настаивая, что его теория неврозов не менее сексуальна в своей основе, чем теория Фрейда. Но это явное отступление уже не могло скрыть их разногласия. Гладиаторы вышли на арену, обреченные вступить в схватку. Столкнувшись с расколом, несколько испуганных членов общества прибегли к отрицанию: они объявили, что не видят несовместимости во взглядах Фрейда и Адлера. Штекель даже похвалил идеи последнего: «они углубляют и развивают факты, которые мы обнаружили ранее». Эти идеи просто продолжают строительство на заложенном мэтром фундаменте. Но Фрейд не был заинтересован в подобного рода вынужденных компромиссах. Если Штекель, сухо заметил он, не видит противоречий во взглядах двух главных действующих лиц, то он «вынужден обратить внимание, что эти действующие лица, Фрейд и Адлер, эти противоречия видят».

Развязка была лишь вопросом времени. В конце февраля 1911 года Адлер оставил пост руководителя Венского психоаналитического общества, и Штекель, вице-президент общества, «воспользовался возможностью продемонстрировать свою дружбу» и последовал его примеру. В июне Фрейду удалось уговорить Адлера отказаться от редактирования журнала Zentralblatt. Штекель остался редактором – и утвердил его уход из общества. Зигмунд Фрейд не забывал обид. Он долго терпел и выслушивал Адлера, но теперь с него хватит. В таком состоянии он был способен отрицать, что некоторые идеи Адлера, например предположение о независимом внутреннем импульсе агрессии, могут стать ценным вкладом в теорию психоанализа. Более того, Фрейд использовал применительно к Адлеру самые сильные психологические термины из своего словаря. В августе 1911 года он сказал Джонсу: «…что касается внутренних разногласий с Адлером, они были весьма вероятны, и я ускорил кризис. Это бунт ненормального человека, которого свели с ума амбиции, а его влияние на других зависит от сильнейшего запугивания и садизма». Фрейд, не далее как в 1909-м называвший Адлера приличным парнем, вскоре после этого убедил себя, что тот страдает «параноидальным бредом преследования»[115]. Это был разрыв как диагноз.

Тон Адлера, особенно поначалу, можно назвать более сдержанным. В июле 1911 года, излагая подробности спора Эрнесту Джонсу, он утверждал, что «лучшие головы и истинно независимые люди» на его стороне. Адлер жаловался на «позы фехтовальщика» Фрейда и настаивал, что, несмотря на то что, как любой автор, жаждет признания, он «всегда держался в рамках приличий, умел ждать и никогда не завидовал тому, кто

придерживается другого мнения». Существенно преувеличив длительность периода, когда он занимался пропагандой общего дела, Адлер заявил Джонсу, что 15 лет без устали защищал психоанализ в Вене. Если, утверждал он, «сегодня врачебные и интеллектуальные круги Вены всерьез относятся к психоаналитическим исследованиям и высоко ценят их, если их не осмеивают и не подвергают остракизму – в Вене, – тогда и я внес в это свою скромную лепту». Совершенно очевидно, что Адлер дорожил собственной репутацией в глазах Джонса: «Я не хочу, чтобы вы поняли меня неправильно». В конце лета он стал более настойчив и жаловался Джонсу на «бессмысленную кастрацию», которую Фрейд собирался исполнить публично, «на глазах у всех». Адлер считал, что его преследование «в характере» Фрейда. Таким образом, не только мэтр использовал психиатрический диагноз как форму агрессии.

Долгие летние каникулы на какое-то время приостановили противостояние, но осенью, когда Венское психоаналитическое общество собралось снова, кризис, ускоренный Фрейдом, достиг апогея. «Завтра, – сообщил он Ференци в начале октября, – первое заседание общества, на котором будет предпринята попытка изгнать шайку Адлера». На собрании Фрейд объявил, что Адлер и трое его самых верных сторонников покинули общество и образовали группу Адлера, которая, по выражению самого мэтра, стала враждебным конкурентом. Эта формулировка отрезала все пути к отступлению. Фрейд настаивал, что членство в новом объединении несовместимо с пребыванием в Венском психоаналитическом обществе, и потребовал от всех присутствующих в течение недели выбрать между двумя группами. В последней тщетной попытке исправить неисправимое Карл Фуртмюллер, который станет одним из ближайших соратников Адлера, приводил аргументы против несовместимости – довольно долго. Фрейд, которого поддержали Закс, Федерн и Хичманн, был неумолим. Его взгляды победили, и шесть сторонников Адлера отказались от членства в обществе. Основатель психоанализа немного устал от борьбы и победы. Именно так он с удовлетворением сообщил Юнгу, когда все закончилось: «Вся банда Адлера ушла». «Это было резко, но вряд ли несправедливо». Фрейд с некоторым раздражением продолжал информировать Юнга, что они «основали общество «свободного ψA», в противовес нашему несвободному», и планируют выпускать специальный журнал. Однако сторонники Адлера продолжают заявлять о своем праве членства в Венском психоаналитическом обществе, «естественно» надеясь по своему

«паразитическому» обыкновению эксплуатировать его и представлять в ложном свете. «Я сделал подобный симбиоз невозможным», – писал основатель психоанализа. Венское психоаналитическое общество осталось за фрейдистами и Фрейдом. И только Штекель напоминал ему, что работа не закончена.

Сам Адлер даже больше, чем мэтр, видел причину разрыва в борьбе идей. Когда они были уже на грани расставания, Фрейд в личной беседе за ужином попросил Адлера не покидать общество. Тот задал риторический вопрос: «Почему я всегда должен работать в вашей тени?» Трудно сказать, что это было: жалоба или вызов. Впоследствии Адлер предпочитал объяснять сей крик души как выражение страха, что его могут сделать ответственным за фрейдистские теории, в которых он все больше и больше разочаровывался, в то время как его собственная работа либо неверно истолковывалась, либо отодвигалась в сторону. Не только Фрейд отверг Адлера. Тот сам с не меньшей яростью отверг Фрейда – по крайней мере, в этом они сравнялись.

В июне 1911 года, как кратко и несколько преждевременно сообщал Фрейд Юнгу, он наконец избавился от Адлера. Это был возглас торжества. Впрочем, в глубине души основатель психоанализа понимал, что окончательно еще ничего не решено и успокаиваться нельзя: вместо endlich (наконец) он написал endlos (бесконечно). Казалось, мэтр заранее предчувствовал беду. Но на его стороне по-прежнему был Юнг – выбранный преемник. Во время неприятностей в Вене организационные вопросы психоанализа – встречи, конгрессы, журналы – занимали все больше места в его переписке с Юнгом, хотя обмен историями болезни и сводками с войны против филистеров продолжался. Выступив на нескольких конгрессах подряд и благодаря своим объемным публикациям по психоанализу, Юнг упрочил собственное положение, что впервые было признано в 1910-м, когда его избрали президентом нового Международного психоаналитического объединения. Год спустя, в сентябре 1911-го, на международном конгрессе, который собрался в Веймаре вскоре после изгнания Адлера, позиции Юнга казались несокрушимыми. Его переизбрание президентом, а Риклина секретарем прошло при всеобщем одобрении. Частые письма Фрейда по-прежнему начинались с обращения «Дорогой друг». Однако уже через месяц после веймарского форума, в октябре, Эмма Юнг заметила некоторую напряженность в отношениях супруга с почитаемым наставником. «Мне больно от одной мысли, – писала она Фрейду, набравшись смелости, – что ваши

отношения с моим мужем не такие, какими они могут и должны быть». Фрейд сказал Ференци, что ответил на письмо с нежностью и очень подробно, однако утверждал, что не понимает, о чем речь. В тот момент фрау Юнг оказалась более тонко чувствующей и более проницательной, чем главные действующие лица. Что-то было не так.

Юнг: враг

Вспоминая о вражде с Фрейдом, Юнг прослеживал корни своего разрыва с ним до эпизода лета 1909 года на борту парохода George Washington, когда он вместе с мэтром и Ференци направлялся в Соединенные Штаты. Юнг – по его словам – интерпретировал, как мог, один из снов Фрейда, не зная подробностей его личной жизни. Фрейд отказался их предоставлять, с подозрением смотрел на Юнга и возражал против того, чтобы его самого подвергали психоанализу, поскольку это может подорвать его авторитет. Юнг вспоминал, что этот отказ стал похоронным маршем по той власти, которой обладал над ним Фрейд. Самопровозглашенный апостол научной объективности ставил личный авторитет выше истины[116].

Что бы там ни произошло на самом деле, Юнга раздражал авторитет Фрейда, и он, несмотря на все свои заверения, не был склонен терпеть его и дальше. Еще в июле 1912 года мэтр писал Пфистеру о своей надежде, что Юнг способен не согласиться с ним, «не испытывая угрызений совести». Но этого Юнг как раз не мог. Гнев и даже ярость, пропитывающие его последние письма Фрейду, свидетельствуют о том, что совесть «наследника» была нечиста.

Время от времени Юнг приводил более сложные причины своего расставания с мэтром. Он предполагал, что Фрейд отказался серьезно отнестись к лекциям, прочитанным им в Соединенных Штатах и опубликованным в конце 1912 года под названием «Теория психоанализа». «Выпуск этой книги стоил мне дружбы с Фрейдом, – вспоминал Юнг, – потому что он не мог принять ее». Позже Юнг дополнил и усложнил свой диагноз: книга была не столько настоящей причиной, сколько последней каплей в их разрыве, ведь «ему предшествовала долгая подготовка». Вся их дружба, полагал Юнг, была своего рода увертюрой к штормовой развязке. «Понимаете, с самого начала у меня имелась reservatio mentalis[117]. Я не мог согласиться с целым рядом его идей». Особенно с идеями Фрейда о либидо. Это более чем справедливо: самое главное разногласие с основателем психоанализа, которое проглядывает во многих письмах как

зловещий подтекст, было связано с тем, что однажды он осторожно назвал своей неспособностью дать определение либидо – на самом деле это означает, что Юнг не желал принимать определение мэтра. Юнг постоянно пытался расширить значение термина Фрейда, чтобы он означал не только половое влечение, но и психическую энергию вообще.

Но Фрейд, очарованный мыслью о том, что поместил свое наследие в надежные руки, не сразу распознал настойчивость и вездесущность «мысленной оговорки» Юнга. А Юнг, со своей стороны, несколько лет скрывал свои истинные чувства – даже от самого себя. Фрейд оставался для него «Геркулесом прежних времен», «человеческим героем и высшим божеством». В ноябре 1909 года, каясь, что не написал сразу же после возвращения из Швейцарии – он был в Университете Кларка, Юнг смиренно признавался «отцу» в том, что взял грех на душу: «Pater peccavi»[118]. Две недели спустя он вновь обращается к Фрейду как к высшей инстанции, прибегнув к сыновнему тону: «Мне часто хочется, чтобы вы были поблизости. Мне часто хочется задать вам несколько вопросов».

До того как трещина стала видимой, Юнг относился к своим разногласиям с Фрейдом как к личному недостатку – своему. Если у него возникли определенные проблемы, то, очевидно, по собственной вине: «…я еще в достаточной степени не приблизил свою позицию к вашей». Фрейд и Юнг продолжали обмениваться дружескими посланиями и встречались вдвоем, когда в плотном графике появлялась возможность найти время. У них всегда были темы для разговоров и писем. 2 января 1910 года мэтр сообщил Юнгу, что источник потребности человека в религии он видит в «инфантильной беспомощности». Это взволнованное признание является доказательством веры основателя психоанализа в Юнга; всего лишь днем раньше он признался Ференци, что ему только что, в канун Нового года, открылось понимание корней религии. Со своей стороны, Юнг, переживавший кризис в семье, вызванный тем, что он назвал своими полигамными составляющими, признался Фрейду, что размышляет над этической проблемой сексуальной свободы.

Эти личные неприятности вызвали у Фрейда легкую тревогу; они угрожали отвлечь внимание Юнга от главного дела – психоанализа. Он умолял Юнга проявить терпение. «Вы должны держаться и вести наше дело к успеху». Это было в январе 1910-го. В следующем месяце он сообщил Ференци, что в «эротической и религиозной сфере» у Юнга «опять штормит». Письма Юнга, проницательно отметил он, кажутся вынужденными и отстраненными. Прошло лишь несколько недель, и Фрейд с

радостью встретился с Юнгом, справившимся с «личными неприятностями», и «быстро помирился с ним, поскольку в конечном счете не сердился на него, а только беспокоился». Вероятно снова обретя хладнокровие, Юнг принялся за психоанализ своей жены. Фрейд, которому Юнг сообщил о серьезном нарушении установленных правил, проявил снисходительность. Он сам недавно помогал Максу Графу проанализировать его сына, маленького Ганса, и считал, что Юнг может добиться успеха с собственной супругой, даже несмотря на то, что ему, вне всяких сомнений, не удастся полностью преодолеть чувства, затрудняющие психоанализ.

Когда Юнг становился раздражительным, Фрейд успокаивал его. Размышляя о возможном применении психоанализа к культурологии – интерес к этой теме Юнг полностью разделял, – мэтр выражал желание иметь в своем распоряжении «специалистов по мифологии, лингвистике и истории религии», которые помогут в работе. «В противном случае придется делать все самим». По непонятной причине Юнг воспринял мечты Фрейда как критику: «Я сделал вывод, что этим вы, по-видимому, хотите сказать, что я не подхожу для этой работы». Основатель психоанализа имел в виду совсем другое. «Ваша обида, – ответил он, – стала для меня приятной новостью. Я просто очарован тем, что вы сами воспринимаете этот интерес так серьезно и сами хотите быть в этих вспомогательных войсках». Фрейд всегда старался сгладить подобные недоразумения между ними. «Не волнуйтесь», – писал он своему «дорогому сыну» и рисовал картину будущих великих побед. «Я оставляю вам больше завоеваний, чем смог совершить сам, всю психиатрию и одобрение цивилизованного мира, который привык считать меня дикарем!»

Как бы то ни было, Юнг продолжал играть роль любимого и любящего сына, лишь время от времени непослушного. В начале 1910 года на пути в Соединенные Штаты ради выгодной консультации, из-за которой он мог опоздать на конгресс в Нюрнберге, Юнг отправил Фрейду из Парижа виноватую мальчишескую телеграмму: «Только не сердитесь на мои проказы!» Он по-прежнему заявлял об ощущении неполноценности «по сравнению с вами», которое часто его переполняет, и о необыкновенной радости от одного из одобрительных писем Фрейда: «Я ведь очень чувствителен к любому признанию со стороны отца». Однако временами непокорное подсознание Юнга брало верх. Фрейд занимался исследованиями, которые впоследствии приведут к работе «Тотем и табу», и, зная об интересе Юнга к такого рода реконструкции

доисторических времен, попросил высказать кое-какие предположения. Получив «чрезвычайно любезное письмо», Юнг занял оборонительную позицию. Он сердечно поблагодарил мэтра, но тут же прибавил: «Тем не менее мне тяжело сознавать, что вы тоже занялись этой областью, психологией религии. Вы очень опасный соперник, если речь идет о соперничестве». Вероятно, Юнг испытывал потребность видеть во Фрейде соперника, хотя винил во всем недостатки своего характера – снова. Он гордился тем, что продвигает психоанализ, и эта работа (он надеялся, что мэтр с ним согласится) гораздо важнее, чем «… моя личная неуклюжесть и моя обидчивость». Неужели, с тревогой спрашивал он, мэтр в нем сомневается? Юнг уверял, что для этого нет причин. Ведь не станет же Фрейд возражать против того, что у него есть собственные взгляды. Тем не менее, настаивал Юнг, он старался изменить свои взгляды, прислушиваясь к мнению более знающего человека. «Я бы никогда не принял вашу сторону, если бы в моей крови была хоть капля ереси». Через несколько месяцев после окончательного разрыва Фрейда с Адлером Юнг выразил сочувствие и подтвердил свою верность: «Я не склонен ни в малейшей степени подражать Адлеру».

Как ни хотелось основателю психоанализа не замечать эти симптоматические отрицания, заверения Юнга его не убеждали. Фрейд пытался, с характерной для него деликатностью, восстановить медленно распадающуюся ткань их близости. Он отверг суровый диагноз, который поставил себе Юнг, и заменил термины «неуклюжесть» и «обидчивость» более мягким – характер. Единственная проблема в их отношениях, прибавил он, – это пренебрежение Юнгом своими обязанностями президента Международного психоаналитического объединения. Фрейд напомнил Юнгу, с легкой грустью: «…неразрушимой основой наших личных отношений служит вовлеченность в ψА, но хотелось бы построить на этом фундаменте нечто прекрасное, хотя и более изменчивое, внутреннюю солидарность – и разве не должно так быть и впредь?» Этот призыв исходил из глубины души Фрейда. Скрупулезно отвечая на все поднятые Юнгом вопросы, он заявлял о своем полном согласии с претензиями «сына» на интеллектуальную независимость. Юнг процитировал ему длинный отрывок из книги Ницше «Так говорил Заратустра», подкрепляя свое стремление к автономии. Цитата начиналась такими словами: «Плохо отплачивает учителю тот, кто всегда остается только учеником». «И почему не хотите вы ощипать венок мой? – с некоторым недоумением тоже цитатой отвечал Фрейд. – Если кто-то посторонний прочтет эти строки и спросит

меня, когда я интеллектуально подавлял вас, то я буду вынужден ответить: не знаю». Фрейд еще раз, с оттенком горечи, пытался успокоить Юнга: «Можете быть уверены в постоянстве моего доброжелательного интереса и думайте обо мне как о друге, даже если пишете мне редко».

Призыв Фрейда ни к чему не привел. Если Юнг и отреагировал на его слова, то лишь как на попытку соблазнения. В мае 1912 года он спорил с мэтром относительно табу на инцест, но за этой дискуссией стоял вопрос, по которому они так и не достигли согласия, вопрос сексуальности. Фрейд был явно озадачен; он решительно отказывался признавать, что его дружба с Юнгом обречена. Но Юнг казался раздраженным, как человек уже порвавший с другом и теперь разбирающийся с причинами. Далеко не случайно, что окончательный разрыв был спровоцирован мелким инцидентом.

В 1912 году Людвиг Бинсвангер, недавно назначенный директором санатория в Кройцлингене на Боденском озере, перенес операцию по удалению злокачественной опухоли. Встревоженный перспективой потерять «одного из своих преуспевающих молодых людей» из-за нелепой смерти, Фрейд отправил больному слезное письмо. Мэтр описывал себя как «старика, который не должен жаловаться, что его жизнь закончится через несколько лет (и он решил не жаловаться)», и который воспринял известие, что жизнь Бинсвангера может подвергаться опасности, как особенно болезненное. Как бы то ни было, утверждал Фрейд, Бинсвангер «…один из тех, кому суждено стать моим продолжением». Время от времени тайное желание бессмертия, которое обеспечат ему дети или сторонники, поднималось на поверхность из глубин подсознания. Это желание в какой-то степени влияло на отношения Фрейда с Юнгом, но редко проявлялось так сильно, как в тот момент, когда он подумал о возможной смерти Бинсвангера[119]. Сам Бинсвангер просил никому ничего не говорить, и Фрейд поторопился навестить больного, который быстро поправлялся.

Дом Юнга в Кюснахте находился всего в 65 километрах от Кройцлингена, но Фрейд торопился и не воспользовался возможностью заехать к нему. Не пожелав учитывать занятость мэтра, Юнг обиделся. Он отправил Фрейду укоризненное, хотя и исполненное чувства вины послание, приписывая то, что сам назвал кройцлингенским жестом, недовольству мэтра его независимостью. В своем ответе основатель психоанализа дал себе труд подробно объясниться, не упоминая при этом об операции, перенесенной Бинсвангером[120], и напомнил Юнгу,

что глубокие разногласия никогда не были препятствием для его визитов. «Несколькими месяцами раньше вы, вероятно, избавили бы меня от подобной интерпретации». Чрезмерная чувствительность Юнга из-за «кройцлингенского жеста» удивила Фрейда: «В этом вашем замечании я вижу ваши сомнения в отношении моей персоны».

Беспокойство Фрейда быстро передалось его близким друзьям. В июне в Вену приехал Эрнест Джонс. Он увиделся с Ференци и воспользовался случаем, чтобы сообщить об угрозе очередного раскола в лагере психоаналитиков. Душевные раны, полученные Фрейдом и его сторонниками в процессе расставания с Адлером, еще не зажили, а неприятности с Юнгом выглядели настолько же вероятными, насколько катастрофическими. Затем в голову Джонсу пришла идея, одна из тех, что определили историю психоанализа: он подумал, что необходима небольшая сплоченная организация преданных сторонников, тайный «комитет», чтобы охранять Фрейда, наподобие верной дворцовой стражи. Члены «комитета» будут обмениваться друг с другом новостями и идеями и в обстановке строгой секретности обсуждать любое желание «отклониться от фундаментальных положений психоаналитической теории» – о вытеснении, бессознательном или о детской сексуальности. Ференци с энтузиазмом принял предложение Джонса – как и Ранк. Воодушевленный поддержкой, Джонс написал о своей идее Фрейду, который после напряженного года восстанавливал силы на курорте в Карлсбаде.

Основатель психоанализа благосклонно отнесся к этой идее. «Моим воображением немедленно завладела Ваша мысль о создании секретного совета, составленного из лучших и пользующихся наибольшим доверием среди нас людей, которые станут заботиться о дальнейшем развитии психоанализа и защищать наше дело от нападок и случайностей, когда меня не станет». Фрейду так понравилось предложение Джонса, что он осторожно предъявил претензии на его авторство: «Вы говорите, что эту идею выдвинул Ференци, но она могла быть моей, сформулированной в лучшие времена, когда я надеялся, что Юнг соберет подобный кружок, состоящий из официальных руководителей местных обществ. Теперь я с сожалением признаю, что подобный союз должен быть образован независимо от Юнга и избранных руководителей». Фрейд писал, что совершенно очевидно – при наличии такого «комитета» ему «будет легче лечь и умереть». Первое требование к «комитету», полагал мэтр, – это абсолютная секретность его существования и деятельности. Он

должен быть немногочисленным: очевидные кандидаты – Джонс, Ференци и Ранк как основатели, а также Абрахам. Фрейд предлагал также кандидатуру Закса, который «…пользуется моим неограниченным доверием, несмотря на краткость нашего знакомства». Проникнувшись духом предложения, он обещал полное соблюдение тайны.

Этот план свидетельствует о неуверенности, которая являлась постоянной спутницей первых психоаналитиков. Фрейд считал, что «возможно, его удастся приспособить к требованиям реальности», но честно признавал «мальчишеский и, возможно, романтический элемент этой идеи». Джонс выразился не менее откровенно: «Идея единого маленького органа, предназначенного, подобно паладинам Карла Великого, для охраны королевства и политики их повелителя, была продуктом моего собственного романтизма». На самом деле «комитет» эффективно работал на протяжении нескольких лет.

Все лето 1912 года вопрос об обиде Юнга на «кройцлингенский жест» не сходил с повестки дня. Гнев Юнга питал дурные предчувствия Фрейда. Полученное от Юнга письмо, сообщал мэтр Джонсу в конце июля, «не может быть воспринято иначе, как официальное отречение от наших до сей поры дружеских отношений». Он очень жалел об этом, не по личным, а по профессиональным причинам, и «решил все оставить как есть и больше не пытаться влиять на него». В конце концов, «ψА уже не мое личное дело, а затрагивает также вас и многих других». Несколько дней спустя он с грустью сообщил новость Абрахаму, вспомнив давнее недоверие того к Юнгу: «Я переполнен вестями из Цюриха, подтвердившими ваше старое пророчество, которое я предпочитал игнорировать». Вся переписка Фрейда на протяжении этих месяцев показывает, что он был озабочен тем, как обеспечить будущее своему движению, а значит, и себе самому: «Я определенно не буду способствовать разрыву и надеюсь, что деловое сообщество сохранится». Пересылая Ференци письмо Юнга относительно его, Фрейда, отказа приехать в Кюснахт, основатель психоанализа истолковал его как вероятное свидетельство невроза Юнга. Он с грустью признал неудачу своих попыток объединить «евреев и гоев на службе ψА». К сожалению, «они не смешиваются, как вода и масло». Эта проблема явно занимала его мысли; месяцем позже он сказал Ранку, что надеялся добиться «объединения евреев и антисемитов на почве ψА». Это оставалось целью даже в неблагоприятных обстоятельствах.

Но Фрейд полагал, что Ференци будет доволен тем, как он

все это воспринимает: «с эмоциональной бесстрастностью и интеллектуальным превосходством». На самом деле мэтр был не настолько бесстрастен, как ему хотелось казаться, хотя еще в сентябре согласился с прогнозом Джонса, что «не существует большой опасности разрыва между Юнгом и мной». Он желал быть благоразумным: «Если вы и люди из Цюриха достигнете официального примирения, я не буду чинить препятствий. Это будет лишь формальность, поскольку я на него не сержусь». Однако, прибавил Фрейд, «мои прежние чувства к нему уже не восстановить». Возможно, каникулы в его любимом Риме сделали основателя психоанализа более оптимистичным, чем он имел на то право.

Впрочем, Юнг давал Фрейду все меньше и меньше поводов даже для намека на оптимизм. В ноябре, после возвращения из лекционного турне по Соединенным Штатам, он написал мэтру, снова вспомнив о своих обидах. Выступая в Фордэмском университете (Фрейд назвал его маленьким, никому не известным университетом под управлением иезуитов) и в других местах, Юнг выбросил за борт бо2льшую часть психоаналитического багажа – детскую сексуальность, сексуальную этиологию неврозов, эдипов комплекс – и открыто дал другое определение либидо. В своем отчете Фрейду он с радостью отметил, что его версия психоанализа завоевала многих людей, которых до сей поры отталкивала «проблема сексуальности в неврозах». Однако, продолжал Юнг, он настаивает на своем праве говорить правду, как он ее видит. Еще раз повторив, что «кройцлингенский жест» Фрейда оставил в его душе незаживающую рану, он выразил надежду, что дружеские личные отношения с «отцом» не пострадают. В конце концов, отметил Юнг в неожиданном и кратком порыве великодушия, он очень многим обязан Фрейду. И ждет от него не возмущения, а объективных суждений. «В моем случае речь идет не о капризе, а об отстаивании того, что я считаю истиной».

Письмо Юнга было откровенным манифестом, декларацией независимости, граничащей с грубостью. К тому же оно напомнило Фрейду, что Цюрих отнюдь не единственный источник неприятных новостей. «Я слышал, – писал Юнг, – что возникли трудности со Штекелем» – и характерным для него резким тоном прибавлял, что Штекеля следует уволить из Zentralblatt, поскольку тот «уже принес достаточно вреда своим неприличным фанатизмом, не говоря уже об эксгибиционизме». Фрейд согласился с Юнгом. Возможно, в последний раз. В 1912 году Штекель продолжал посещать собрания Венского

психоаналитического общества. В начале года он участвовал в нескольких дискуссиях на тему мастурбации, а в октябре был заново утвержден на пост редактора журнала Zentralblatt. Но затем он поссорился с Тауском, и этот случай, последний в длинной череде провокаций, стал причиной того, что Фрейд потерял терпение. В своей автобиографии Штекель довольно туманно и без обиды сообщает о разрыве с ним основателя психоанализа. Возможно, предположил он, против него выступал Юнг. Совершенно очевидно, что мэтр встал на сторону энергичного Тауска, которого Штекель считал врагом. Фактически последней каплей оказалась деятельность Штекеля на посту редактора Zentralblatt. Поначалу, как с благодарностью признавал Фрейд, он был превосходным редактором – в отличие от Адлера, но вскоре стал относиться к журналу как к личной вотчине и делал все возможное, чтобы обзоры Тауска не появлялись на его страницах. Фрейд считал, что не может позволить такой бесцеремонности и наконец в ноябре 1912 года объявил Абрахаму, что Штекель идет своим путем. Он испытывал огромное облегчение: «Я так этому рад; вы не представляете, что я испытал, защищая его от всего мира. Он невыносимый человек». Крепнущее убеждение Фрейда, что Штекель «необыкновенно бесстыжий» лжец, сделало разрыв неизбежным. Штекель, писал мэтр Джонсу, заявил людям в Цюрихе о попытке «задушить свободу его мысли», но не упомянул о своих ссорах с Тауском или о заявлении, что Zentralblatt «его личная собственность». Фрейд, выступавший за соблюдение норм морали, считал, что подобная лживость исключает любое дальнейшее сотрудничество. По его мнению, Штекель выродился в проповедника «на службе у адлеризма».

Как бы то ни было, проблемы со Штекелем не могли надолго отвлечь Фрейда от вызова, который бросал ему новый тон Юнга. Для мэтра Юнг на протяжении нескольких лет был «дорогим другом» – Lieber Freund, – но после его письма в середине ноября Фрейд сделал выводы. «Lieber Herr Doktor, – начал он свой ответ. – Приветствую вас по возвращении из Америки, уже не с такой любовью, как в прошлый раз в Нюрнберге, – вы успешно отучили меня от этого, – но все еще с достаточной симпатией, интересом и удовлетворением от вашего личного успеха». И все же он задавался вопросом, не был ли этот успех куплен путем предательства глубинных идей психоанализа. Повторяя, что надеется на сохранение дружеских отношений, теперь Фрейд позволял проникать в письма ноте раздражения: «Ваша настойчивость в упоминании «кройцлингенского жеста» столь же

непонятна, сколь и обидна, но не все можно уладить в письмах». Фрейд все еще хотел поговорить с Юнгом, тогда как сторонники мэтра уже были готовы отвергнуть его. 11 ноября, в тот день, когда Юнг в очередной раз напомнил о «кройцлингенском жесте», Эйтингон написал Фрейду из Берлина: «Психоанализ теперь достаточно взрослый и зрелый, чтобы успешно восстанавливаться после подобных процессов раскола и изгнания».

В конце ноября два главных персонажа разворачивающейся драмы встретились на скромной конференции психоаналитиков в Мюнхене и, воспользовавшись случаем, долго беседовали наедине об эпизоде с Бинсвангером. Юнг извинился, и они помирились. «В результате, – сообщал Фрейд Ференци, – наши личные и интеллектуальные связи укрепились на годы. Никаких разговоров о расставании, вероотступничестве». Сия оптимистическая оценка отчасти была самообманом, который не выдержал столкновения с реальностью. Фрейд осторожничал и не мог полностью доверять этому мирному исходу, хотя ему очень этого хотелось. Юнг, признался он Ференци, напомнил ему пьяницу, который непрерывно восклицает: «Не считайте меня пропащим!»

Воссоединение в Мюнхене сопровождалось обмороком Фрейда – вторым в присутствии Юнга. Как и в Бремене тремя годами раньше, это снова случилось в конце обеда. Опять развернулась оживленная дискуссия между Фрейдом и Юнгом, и мэтр снова истолковал слова Юнга как желание его, Фрейда, смерти. Во время спора Фрейд упрекал Юнга и Риклина в публикации статей по психоанализу в швейцарских журналах без упоминания его имени. Юнг оправдывал подобную практику: в конце концов, заявил он, имя Фрейда хорошо известно. Но основатель психоанализа настаивал на своем. «Я, помнится, подумал, что он воспринимает этот вопрос довольно лично, – впоследствии вспоминал Джонс, присутствовавший при разговоре. – Внезапно, к нашему чрезвычайному удивлению, с ним случился обморок, и он упал на пол. Физически сильный Юнг быстро перенес его на кушетку, и он вскоре пришел в себя». Этот случай для Фрейда был исполнен тайного смысла, и он анализировал его в письмах близким друзьям. Независимо от соматической причины – усталость, головные боли – Фрейд не сомневался, что главной составляющей обморока стал психологический конфликт. Косвенным образом в этом приступе, как и прежде, был замешан Флисс. Основатель психоанализа все еще пытался подвести эмоциональный баланс в отношениях с бывшим другом. Юнг, со своей стороны, какие бы выводы он ни сделал из этого пугающего случая, поспешно изложил на бумаге собственное явное облегчение от примирения с Фрейдом.

Кающийся и заботливый – снова любящий «сын». «Прошу вас, – писал он Фрейду 26 ноября, – простите мои ошибки, которые я не буду пытаться оправдывать или приуменьшать».

Но это была всего лишь маска. Юнг по-прежнему считал себя обиженным и воспринимал комплименты как оскорбления. 29 ноября Фрейд в письме к нему определил свой обморок как мигрень «не без примеси психики», другими словами, как «элемент невроза». В том же письме он похвалил Юнга за «раскрытие загадки всего мистицизма». Но эти слова показались Юнгу, который не забыл возмущения, высказанного в предыдущем письме, обидными. Фрейд опять его недооценивает… Он ухватился за признание мэтра, что у него присутствует не подвергшийся анализу элемент невроза. Именно этот «элемент», объявил Юнг со свойственной ему «швейцарской невоспитанностью», не позволяет Фрейду по достоинству оценить его, Юнга, работу. Долгие годы применявший термин «комплекс отца» и собственным примером давший убедительное подтверждение сей теории, теперь Юнг отрицал ее как изобретенную в Вене. И с болью отмечал, что психоаналитики слишком склонны использовать свою профессию в целях осуждения.

Фрейд мобилизовал остатки терпения и не стал придираться к «новому стилю» Юнга. Он согласился, что печально видеть злоупотребление психоанализом, и предложил «простое домашнее средство»: «Пусть каждый из нас займется собственным неврозом усерднее, чем неврозом соседа». В своем ответе Юнг на какое-то время смягчил тон и проинформировал Фрейда, что готовит язвительный отклик на новую книгу Адлера. Мэтр это одобрил, однако напомнил Юнгу об их разногласиях: «инновации» последнего, касающейся теории либидо. Для подсознания Юнга это было уже слишком; в середине декабря в коротком письме он допустил одну из тех оговорок, на которых зиждется психоанализ. «Даже сообщники Адлера, – писал он, – не желают считать меня одним из них». Но вместо ihrigen – «них», – как того требовал контекст, Юнг неосознанно отрекся от Фрейда, написав Ihrigen – «вас». Несколько лет назад основатель психоанализа сам поймал себя на подобной оговорке, указывающей на подсознательную враждебность к Юнгу. Теперь, посчитав ошибку, которая вовсе не была ошибкой, ключом к истинным чувствам Юнга и придя в ярость, Фрейд не стал бороться с искушением прокомментировать ее. Довольно язвительно он поинтересовался у Юнга, найдется ли у того достаточно «объективности» – один из любимых агрессивных терминов Юнга, – чтобы размышлять над этой оговоркой без

злобы.

У Юнга «объективности» не нашлось. В самой оскорбительной форме он дал волю своей, как однажды выразился Фрейд, здоровой грубости: «Могу я сказать вам несколько серьезных слов? Я признаю свои колебания в отношении вас, но склонен смотреть на ситуацию честно и абсолютно беспристрастно. Если вы в этом сомневаетесь, это ваша проблема. Я бы хотел привлечь ваше внимание к тому факту, что ваша манера обращаться с учениками как с пациентами – это грубая ошибка. Так вы получаете либо рабски повинующихся сыновей, либо дерзких мошенников (Адлера, Штекеля и всю эту наглую шайку, теперь шатающуюся по Вене). Я достаточно объективен, чтобы раскусить ваш трюк». Отрицая «комплекс отца», он снова ярко продемонстрировал его: своим методом выявления симптоматических поступков людей Фрейд низводит их до уровня «сыновей» и «дочерей», которые смущенно сознаются в своих пороках. «А вы остаетесь наверху как отец». Юнг заявил, что лично он не нуждается в таком раболепии. Поначалу казалось, что Фрейд, наблюдая, как прямо на его глазах рушатся заветные планы относительно будущего психоанализа, все еще надеется урезонить Юнга. В черновике ответа он указал, что реакция Юнга на то, что он обратил его внимание на оговорку, была чрезмерной, и защищался от обвинения, что держит своих учеников в состоянии инфантильной зависимости. Наоборот, в Вене его критикуют за то, что он уделяет недостаточно внимания их анализу.

Замечания Фрейда на чрезмерную реакцию Юнга сами нуждаются в пояснении. В своих письмах и беседах психоаналитики первого поколения были довольно бесцеремонны, что стало бы абсолютно неуместно в отношении других людей. Они бесстрашно толковали сны друг друга, обращали внимание на оговорки и описки, свободно – иногда даже слишком свободно – использовали такие диагностические термины, как «параноидальный» или «гомосексуальный», для характеристики товарищей и даже самих себя. В собственном кругу они все практиковали нечто вроде свободного психоанализа, который посторонним людям казался бестактным, ненаучным и неэффективным. Эта безответственная риторика, по всей видимости, помогала отвлечься от напряженной работы по психоанализу, служила чем-то вроде громкой награды за молчание и сдержанность, которые были им присущи бо2льшую часть времени. Мэтр играл в эту игру вместе с остальными, даже несмотря на то, что благоразумно предостерегал коллег против использования психоанализа в качестве оружия. Фрейд был прав,

считая реакцию Юнга на его толкование оговорки в высшей степени непропорциональной и поэтому глубоко симптоматичной.

В конце декабря Фрейд наконец осознал, что время для подобной щепетильности прошло. Дипломатия уже не поможет. «Что касается Юнга, – делился он с Джонсом в откровенном письме, – то он словно обезумел, он ведет себя как сумасшедший. После нескольких нежных писем он написал мне еще одно, абсолютно оскорбительное, показывающее, что события в Мюнхене никак на него не повлияли». События в Мюнхене – это ноябрьское «примирение». Реакция на разоблачающую оговорку Юнга была «легкой провокацией», после которой тот «сорвался, категорически отрицая, что страдает неврозом». И все же Фрейд не стремился к официальному разрыву. Исходя из общих интересов, это было бы нежелательно. Правда, он посоветовал Джонсу больше не предпринимать «шагов для его умиротворения, это бесполезно». Фрейд не сомневался, что Джонс может представить обвинения Юнга: «Я страдаю неврозом, я испортил Адлера и Штекеля и т. д. Тот же механизм и та же реакция, как и в случае с Адлером». Тот же, да не совсем. Размышляя об этом последнем и самом значительном разочаровании, Фрейд не мог справиться с растерянностью и попробовал объяснить разницу с помощью сложной игры слов: «Можно не сомневаться, что Юнг по меньшей мере Aiglon». Это определение можно истолковать как отражение противоречивых чувств мэтра: в переводе с французского Aiglon означает «орленок», и это намек на фамилию Адлер – по-немецки «орел». Кроме того, на память приходит сын Наполеона, Наполеон II, которого называли l'Aiglon и который умер, не исполнив миссии, уготованной ему отцом. Точно так же Юнг, избранный наследник, не оправдал возложенных на него ожиданий. Амбиции Юнга, которые Фрейд надеялся «обратить себе на пользу», оказались неуправляемыми. Основатель психоанализа признался Эрнесту Джонсу, что письмо Юнга вызвало у него чувство стыда.

Фрейд также сообщил Джонсу, что сочинил «очень мягкий» ответ, но не отправил его, поскольку Юнг «воспринял бы такую смиренную реакцию как признак трусости и еще больше проникся бы сознанием собственной важности». Тем не менее Фрейд продолжал надеяться. Дружба Юнга не стоит чернил, писал он Джонсу 1 января 1913 года, но, несмотря на то что он сам не нуждается в его товарищеском отношении, следует учитывать, пока это представляется возможным, «общие интересы» объединения и психоаналитических печатных изданий. Двумя днями позже в письме к Юнгу, которое отправил Фрейд, он

подвел жирную двойную черту под их дружбой, на которую возлагал такие большие надежды. Мэтр писал, что не видит смысла отвечать на обвинения Юнга. «У нас, аналитиков, принято не стесняться своих неврозов. Кто ведет себя неестественно и беспрерывно кричит, что он нормален, тот вызывает подозрение, что он не отдает себе отчета в своей болезни. Соответственно, я предлагаю полностью прекратить наши личные отношения». И прибавил, дав волю чувствам: «Я ничего не теряю; долгое время я был эмоционально привязан к вам тонкой нитью, отдаленными последствиями испытанных прежде разочарований». Фрейд все еще не забыл о Флиссе. Совершенно очевидно, что теперь нить порвалась и ее уже не связать. Юнг – в частных письмах мэтра – стал «возмутительно высокомерным», показал себя «напыщенным дураком и грубияном». Юнг согласился с решением Фрейда. «Дальше – тишина», – немного высокопарно написал он в ответ.

Но этим дело не закончилось. Несмотря на то что недавно выкристаллизовавшиеся взгляды Юнга сильно отличались от взглядов Фрейда, остальной мир по-прежнему считал Юнга самым выдающимся после мэтра представителем фрейдистского психоанализа. Более того, как президент Международного психоаналитического объединения, он был главным официальным лицом в международном движении. Фрейд не без оснований считал свое положение чрезвычайно опасным. Существовала реальная угроза, что Юнг и его последователи, контролирующие организационный аппарат и печатные органы психоанализа, могут захватить власть и изгнать основателя вместе с его сторонниками. В своих опасениях он был не одинок. В середине марта 1913 года Абрахам разослал предложение, чтобы психоаналитические группы в Лондоне, Берлине, Вене и Будапеште призвали к отставке Юнга. Неудивительно, что на меморандуме, предназначенном для ограниченного круга лиц, была пометка: «Конфиденциально!»

Фрейд приготовился к худшему. «Судя по новостям от Джонса, – писал он Ференци в марте 1913 года, – мы должны ожидать подлостей от Юнга». Естественно, с горечью прибавил он, «все, что отклоняется от нашей истины, получает официальное одобрение. Вполне возможно, что на этот раз мы действительно будем похоронены – после того, как похоронный марш для нас столь часто исполнялся напрасно. Это очень изменит наши личные судьбы, но ничего не изменит в судьбе науки. Мы владеем истиной; я был уверен в этом еще пятнадцать лет назад».

Он призывал на помощь всю самоуверенность, природную и приобретенную, в то время как Юнг вновь озвучивал свои

разногласия с Фрейдом в цикле лекций. В июле 1913 года Джонс прислал мэтру, без всяких комментариев, напечатанное объявление о «докладе доктора К.Г. Юнга из Цюриха на тему «Психоанализ», который будет прочитан перед сообществом психологов и врачей в Лондоне». Вероятно, Джонс и Фрейд почувствовали угрозу в том, что оратор был назван одним из величайших авторитетов в психоанализе, особенно с учетом того, что в следующем месяце на очередной лекции в Лондоне Юнг открыто повторил свою программу, которую впервые предложил в Нью-Йорке десятью месяцами раньше: освободить психоанализ от опоры исключительно на сексуальность. В этих лондонских лекциях Юнг впервые назвал свои пересмотренные доктрины не психоанализом, а аналитической психологией.

Другой целью пересмотра, затеянного Юнгом, стала теория сновидений Фрейда. Приняв нравоучительный, почти патерналистский тон, словно меняя роли в их отношениях с Фрейдом, в июле 1913 года он отправил на Берггассе, 19, письмо с утверждением, что основатель психоанализа, очевидно, неправильно понимает их взгляды. Теперь Юнг говорил от имени цюрихской группы, точно так же, как мэтр долгое время представлял венскую. Предполагаемое непонимание Фрейда относилось к роли, которую Юнг приписывал текущим конфликтам в формировании сновидения. «Мы, – поучал Юнг, – полностью признаем правильность [фрейдистской] теории исполнения желаний». Однако они считают эту теорию поверхностной и не ограничиваются ею.

Покровительственный тон по отношению к Фрейду, должно быть, доставил Юнгу огромное удовольствие. Он упорно работал над созданием собственной психологии. Все идеи, ассоциирующиеся с аналитической психологией Юнга, относятся именно к этому времени: архетипы, коллективное бессознательное, вездесущность сверхъестественного, симпатии к религиозному опыту, увлечение мифами и алхимией. Как практикующий психиатр и клиницист, утверждавший, что бо2льшую часть знаний он получил от своих пациентов, Юнг разработал психологию, обнаруживающую явное сходство с психоанализом Фрейда. Но различия были фундаментальными. Так, например, знаменитое юнговское определение либидо Фрейд считал всего лишь недостатком мужества, малодушным отступлением от неудобной правды о сексуальных побудительных мотивах человека. Теория Юнга об архетипе также не имела аналога во взглядах мэтра. Архетип – это фундаментальный принцип творчества, основанный на национальных особенностях, человеческий потенциал, конкретно проявляющийся в

религиозных доктринах, сказках, мифах, снах, произведениях литературы и искусства. Его эквивалентом в биологии является модель поведения.

Помимо конкретных разногласий Юнг и Фрейд радикально расходились во взглядах на науку. Примечательно, что они одинаково страстно обвиняли друг друга в отступлении от научного метода и увлечении мистикой. «В психологии Фрейда, – писал Юнг, – я критикую некоторую узость и односторонность, а во «фрейдистах» некий несвободный, сектантский дух нетерпимости и фанатизма». По мнению Юнга, Фрейд был великим первооткрывателем фактического материала о психике, но склонным покидать твердую почву «критического мышления и здравого смысла». Фрейд, со своей стороны, критиковал Юнга за доверчивость в отношении оккультных явлений и увлечение восточными религиями. На защиту Юнгом взгляда на религиозные чувства как неотъемлемую составляющую душевного здоровья он смотрел с язвительным и неослабным скепсисом. Для Фрейда религия была психологической потребностью, которая проецируется в культуру, детским чувством беспомощности, сохраняющимся у взрослых, – его нужно анализировать, а не восхищаться им. Когда их отношения с Юнгом еще не испортились окончательно, Фрейд уже обвинял его, что он делает себя невидимым, скрываясь за «религиозно-либидным облаком». Как наследник эпохи Просвещения XVIII века Фрейд не нуждался в доктринах, которые сглаживают непримиримые противоречия и отрицают нескончаемую войну между наукой и религией.

Пропасть, разделявшая взгляды Фрейда и Юнга по основополагающим вопросам, расширялась вследствие психологической несовместимости между ними. Получая огромное удовлетворение от развития собственной оригинальной психологии, Юнг впоследствии заявил, что не воспринял разрыв с Фрейдом как изгнание или ссылку. Для него это было освобождением. Фрейдистский анализ позволяет выявить самые театральные жесты Юнга на протяжении тех нескольких лет близости с «отцом» из Вены: сын с эдиповым комплексом пытается обрести свободу, страдая сам и одновременно принося страдания отцу. Обо всем этом Юнг сказал Фрейду в письме, отправленном в Рождество 1909 года: «Нелегкая доля – работать бок о бок с творцом». Вне всяких сомнений, результатом тех лет для Юнга стали не только личная ссора и оставшаяся в прошлом дружба. Он разработал собственную психологическую теорию.

Переписка между Юнгом и Фрейдом теперь была редкой и

нерегулярной, ограничиваясь официальными сообщениями. Тем временем основатель психоанализа изо всех сил старался восполнить понесенный ущерб. Если раньше, особенно в ремарках Абрахаму, он склонялся к «национальному» толкованию своего конфликта с Юнгом, то теперь энергично протестовал, когда этот конфликт пытались представить как битву еврея с христианином. Швейцарский психиатр Альфонс Медер, один из ближайших соратников Юнга, предпочитает смотреть на их борьбу именно так? Фрейд говорил Ференци, которому доверял, что это право Медера. Но сам он думал иначе. «Действительно, имеются существенные отличия от арийского духа [Фрейд предложил аргумент, который мог бы использовать Ференци, отвечая Медеру], и у них вполне могут быть разные мировоззрения». Но не должно быть особой арийской или еврейской науки. «Результаты должны быть одинаковыми, а варьироваться может лишь форма их подачи». Если различия существуют, значит, что-то тут не так. Ференци может заверить Медера, саркастически прибавил Фрейд, что они «не хотели препятствовать их мировоззрению и религии». Также можно сообщить Медеру о том, что Юнг в Соединенных Штатах якобы назвал психоанализ не наукой, а религией. В таком случае это объясняло весь спор. «Но в данном пункте еврейский дух, к сожалению, не может к нему присоединиться. Легкая насмешка не принесет вреда». В разгар этих неприятных дискуссий Фрейд нашел время заявить о своей приверженности строгой дисциплине, которой требует научная объективность. Психоанализ как наука должен быть независим от любого сектантства. Но также он независим от «арийского покровительства».

Несмотря на утомление и пессимизм, Фрейд пытался продолжить работу с Юнгом – какими бы холодными ни были их отношения. Не питая особых иллюзий, с самыми скромными ожиданиями, он посетил конгресс психоаналитиков в Мюнхене, который собрался в начале сентября 1913 года. Это мероприятие оказалось более многолюдным, чем предшествующие, – 87 участников и гостей. Однако из-за раскола на фракции атмосфера была нервной, хотя большинство участников не подозревали о непримиримых противоречиях лидеров. Прения, жаловался Фрейд, были утомительными и бесполезными, а поведение Юнга как председателя невежливым и бестактным. Голосование по вопросу переизбрания Юнга выявило серьезные разногласия: 22 участника отказали ему в доверии, 52 поддержали. «Участники конгресса разъехались, не испытывая желания встречаться в дальнейшем», – подвел итог Фрейд. Лу Андреас-Саломе тоже присутствовала на конгрессе, сравнивала Фрейда с Юнгом и

резко отозвалась о последнем. «Одного взгляда на эту пару, – писала она в своем дневнике, – было достаточно, чтобы понять, кто из них более догматичен, более властолюбив. Если два года назад у Юнга сквозь раскатистый смех проступали грубоватый юмор и избыток жизненной энергии, то теперь его серьезность скрывает откровенную агрессивность, честолюбие, безжалостность. Никогда еще я не чувствовала такой близости с Фрейдом: не только потому, что он порвал со своим «сыном» Юнгом, которого любил и ради которого даже перевел свое дело в Цюрих, но именно из-за того, как произошел этот разрыв, – словно причиной были ограниченность и упрямство *Фрейда*, как пытался представить Юнг, не признавая действительность».

Уход Юнга не был быстрым и безропотным. В октябре – разыгрывая оскорбленную невинность, как выразился Фрейд, – он ушел в отставку с поста редактора Jahrbuch, кратко сославшись на причины личного характера и неприятие публичной дискуссии. Фрейду, так же кратко, он объяснил свои действия тем, что узнал от Медера о сомнениях мэтра в его bona fides[121] – что бы это ни означало. Это, заявил Юнг, делает дальнейшую совместную работу абсолютно невозможной. Основатель психоанализа, который теперь стал недоверчивым, считал отставку Юнга, вместе со странным предлогом, просто уловкой. «Совершенно понятно, почему он ушел, – писал Фрейд Джонсу. – Он хотел оттеснить нас с Блейлером и забрать все себе». Понимая, что медлить нельзя, он срочно вызвал Ференци в Вену. Юнг, которого Фрейд теперь считал грубым, неискренним, временами нечестным, может договориться с издателями и сохранить контроль над Jahrbuch. И, что еще хуже, Юнг оставался президентом Международного психоаналитического объединения, в которое основатель психоанализа вложил столько сил.

Фрейд отважно бросился на защиту своей организации и своей периодики. Это была неприятная работа, но мэтр выражал уверенность, что и он, и его последователи, само собой разумеется, не будут «подражать грубости Юнга». Это намерение могло бы говорить о многом, будь сам Фрейд менее грубым в личной переписке. Его союзники в Берлине и Лондоне точно так же ругали своих противников. В поисках выигрышной стратегии Эрнест Джонс рассылал требовательные и сердитые письма. «Злиться на Юнга можно до тех пор, – объяснял он Абрахаму в конце 1913 года, – пока не обнаружишь, что он просто глуп; это эмоциональная тупость, как говорят психиатры». Полемический стиль Фрейда оказался, что называется, заразным. В какой-то момент Джонс посоветовал распустить Международное

психоаналитическое объединение: «Мой главный аргумент в пользу желательности роспуска – это абсурдность ситуации; я покраснею от стыда за наших бывших сотрудников, если мне придется присутствовать на еще одном конгрессе», подобном тому, который состоялся в Мюнхене в минувшем сентябре. «Кроме того, чем дольше цюрихской школе будет позволено отождествлять себя с психоанализом, тем сложнее будет отречься от них. Мы должны разделиться». Его друг Абрахам был не менее экспрессивен. Он называл объединение фрейдистов и юнгианцев абсолютно неестественным браком.

Фрейд был доволен, хотя вряд ли удивлен такой энергичной поддержкой своих сторонников. Однако его главным ресурсом в те дни стала работа над книгой «Об истории психоаналитического движения» – очень удобным сосудом для помещения собственной ярости. Основатель психоанализа предполагал написать памфлет, изложив свою версию разногласий, которые раздирали психоаналитическое движение на протяжении последних лет. Впервые он намекнул о своих намерениях в начале ноября 1913 года в записке Ференци: он «размышляет об истории ψA с открытой критикой Адлера и Юнга». Два месяца спустя Фрейд уже сообщал: «Яростно тружусь над «Историей». Употребленный эпитет характеризовал как скорость работы, так и настроение. «История…» была объявлением войны со стороны Фрейда. В процессе, по его выражению, яростной работы над книгой он рассылал черновики друзьям, называя ее бомбой.

Еще до того, как «бомба» была официально взорвана, мэтр с удовлетворением отмечал, что его противники в Цюрихе совершают, по его мнению, тактические ошибки. Они, с усмешкой заключил Фрейд, работают на него. В начале весны 1914 года он добился от Юнга того, чего хотел, – отставки с поста президента Международного психоаналитического объединения. Двумя днями позже берлинские соратники отправили на Берггассе, 19, радостную телеграмму: «По поводу новостей из Цюриха сердечные поздравления от Абрахама, Эйтингона». Решение Юнга, со вздохом облегчения признавался Фрейд Ференци, упростило задачу.

«Бомба», которая была брошена в середине июля, довершила дело. Она окончательно отделила Фрейда и его сторонников от тех, кого подобно Юнгу они больше не считали психоаналитиками. «Я не могу сдержать торжествующего крика», – взволнованно писал Фрейд Абрахаму. «Итак, мы наконец избавились от них, – отмечал он неделю спустя, – от святой скотины Юнга и его благочестивых попугаев – Nachbeter».

Прочитав памфлет незадолго до публикации, Эйтингон был тронут неожиданным красноречием и обилием метафор. Он читал «Историю…», пишет Эйтингон Фрейду, с волнением и восхищением. Перо мэтра, которое в прошлом «плугом вспахало нашу самую темную и самую плодородную почву», превратилось в «острое лезвие», которым Фрейд владел с необыкновенным искусством. «Удары попадают в цель, а эти шрамы не заживают». Не заживают на тех, «кто уже не с нами». Гиперболу можно считать вполне уместной. Если уход Адлера оставил Венское психоаналитическое общество в руках Фрейда и фрейдистов, то отставка Юнга, гораздо более значимая, позволила Международному психоаналитическому объединению сохраниться как единой организации, предназначенной для обсуждения и распространения идей Фрейда. Помимо всех остальных последствий, история с Юнгом помогла публично определить то, что, по мнению самого основателя движения, составляет психоанализ.

Оглядываясь назад, можно прийти к выводу, что отношения с Юнгом похожи на новую версию той роковой дружбы, которая уже была в жизни Фрейда. Сам мэтр давал поводы для такого прочтения: в переписке этого периода время от времени появлялись имена Флисса и других отвергнутых союзников. И Юнг, словно заразившись от мучительных аллюзий Фрейда, начинал соответствовать им. Как и прежде, основатель психоанализа быстро, почти торопливо привязывался к избраннику, потом переходил к почти безграничной близости, а заканчивалось все непоправимым, яростным отчуждением. В июле 1915 года, когда все было кончено, он презрительно причислял Юнга к «святым изменникам». Он любил этого человека, писал Фрейд, пока Юнга не посетил «религиозно-этический кризис», вместе с «возрождением высокой морали», не говоря уж о «лжи, грубости и антисемитском высокомерии по отношению ко мне». Единственное чувство, которое мэтр не мог позволить себе в этом неспокойном союзе, – равнодушие.

Такая трансформация чувств вызывает вопрос: может быть, Фрейду по какой-то причине нужно было превращать друзей во врагов? Сначала Брейер[122], затем Флисс, затем Адлер и Штекель, теперь Юнг – а за ним и другие. Вполне понятно, почему Юнг может показаться просто еще одним Флиссом. Однако такое сравнение скорее запутывает дело, чем проясняет. Фрейд и Флисс – люди практически одного возраста, а Фрейда с Юнгом разделяло почти 20 лет: в 1906 году, когда они начали переписываться, Фрейду исполнилось 50, а Юнгу был 31 год.

Кроме того, несмотря на почти отцовскую любовь, мэтр никогда не удостаивал Юнга высшего знака близости в немецком языке – обращения du, – как это было с Флиссом. На пике их дружеских отношений, когда мэтр назначил Юнга наследным принцем психоаналитического движения, в их письмах сохранялся налет официальности: Фрейд обращался к Юнгу «Дорогой друг», но Юнг никогда не отступал от «Дорогой Herr Professor». Ставки в дружбе Фрейда с Юнгом оказались так же высоки, как и в случае с Флиссом, но это были другие ставки. Положение Фрейда решительным образом изменилось; если Флисса он привечал как единственного товарища по необычному и опасному путешествию, то Юнг для него был надежным гарантом сохранения движения, которое по-прежнему подвергалось нападкам, но уже начало получать поддержку.

Более того, Фрейд не был жертвой какого-то непонятного навязчивого повторения. Когда в 1912 году, в разгар схватки, он сказал Абрахаму: «…каждый день я учусь быть чуть более терпимым», мэтр, вне всяких сомнений, казался себе гораздо более склонным к примирению, чем был на самом деле. Ни Адлер в 1911-м, ни Юнг в 1912-м не увидели этого. Тем не менее Фрейд наслаждался долгой дружбой не только с теми, кто никак не мог угрожать его позициям в психоаналитическом движении, например с офтальмологом Леопольдом Кенигштейном и археологом Эмануэлем Леви. И что еще важнее, некоторые из его ближайших соратников, даже те, кто не всегда твердо придерживались «ортодоксальных взглядов», лишь изредка сталкивались с неодобрением Фрейда, откровенным, но вполне терпимым по форме. Пауль Федерн, Эрнест Джонс и другие его самые известные сторонники спорили с мэтром по важным вопросам теории и практики психоанализа, но не становились в его глазах ренегатами и предателями. Швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер, который всю жизнь не мог определить место психоанализа в своей концепции психиатрии и разработал совершенно особую экзистенциалистскую психологию, не одно десятилетие поддерживал самые дружеские отношения с Фрейдом. То же самое можно сказать о протестантском пасторе Оскаре Пфистере – несмотря на агрессивное презрение основателя психоанализа к религии.

Фрейд был чрезвычайно чувствителен к обвинению в потребности разрыва с друзьями – настолько чувствителен, что пытался опровергнуть это обвинение в печати. В краткой автобиографии, написанной в 1925 году, он противопоставил только что покинувшим его «Юнгу, Адлеру, Штекелю и немногим другим» «множество лиц, таких как Абрахам, Эйтингон, Ференци,

Ранк, Джонс, Брилл, Закс, священник Пфистер, ван Эмден, Рейк и др.», которые уже 15 лет являются его верными соратниками, – с ними «…в большинстве случаев меня связывает ничем не омраченная дружба». Когда Зигмунд Фрейд сказал Бинсвангеру: «…независимое сомнение для меня священно в каждом человеке», он не кривил душой, даже если в пылу спора иногда забывал об этом гуманном научном принципе.

Глава шестая
Клинические случаи и техника анализа

Несмотря на то что с годами Фрейда все больше раздражали собрания у него в квартире, он от них не отказывался. Как можно было отказываться от резонатора собственных идей? Основатель психоанализа рассказывал о самых интересных пациентах своим сторонникам задолго до публикации историй болезни, которые вскоре стали знаменитыми. Один из таких докладов растянулся на два заседания. 30 октября 1907 года и неделю спустя, 6 ноября, Фрейд докладывал членам Психологического общества по средам о пациенте, проходившем у него курс психоанализа. «Это чрезвычайно показательный случай навязчивого невроза (навязчивых идей), – лаконично сообщал Ранк, прибавив, что, по словам мэтра, речь шла о 29-летнем молодом человеке (докторе права). Таким было зерно, из которого выросла история болезни «человека с крысами».

В следующем году, в апреле, Фрейд выступил на международном конгрессе психоаналитиков в Зальцбурге с изложением этого же случая; пациент тогда еще проходил курс лечения. Его рассказ буквально заворожил аудиторию. На Эрнеста Джонса, который только что познакомился с Фрейдом, доклад произвел незабываемое впечатление. «Изложенный без каких-либо конспектов, – писал он полвека спустя, – доклад Фрейда начался в восемь часов и подошел к концу только в одиннадцать. Но все мы были настолько увлечены поразительным рассказом, что умоляли его продолжить, и он говорил еще час. Я не замечал, как бежит время, – никогда прежде со мной такого не было».

Как и Виттельс, Джонс восхищался ораторским искусством Фрейда. Особенно его поразила разговорная манера – легкость изложения, мастерство в упорядочивании сложного материала, удивительная ясность мысли и необыкновенная серьезность. Для Джонса и остальных изложенная основателем психоанализа история болезни была настоящим пиром интеллекта и артистизма. К счастью, политическая борьба в психоаналитическом движении даже в те неспокойные времена не полностью завладела вниманием Фрейда. Он заглядывал в свою лабораторию – и не просто заглядывал.

Лабораторией Зигмунда Фрейда была его кушетка. С начала 90-х годов XIX столетия пациенты научили мэтра почти всему, что он знал, побуждая совершенствовать технику, открывая грандиозные возможности для теоретических построений,

подтверждая его гипотезы, а иногда заставляя изменять или вообще отказываться от них. Это одна из причин, почему Фрейд уделял такое внимание историям болезни; они воплощали историю его обучения. К счастью, эти документы служили и для обучения других – эффективные и изящные инструменты убеждения[123]. Когда Фрейд называл случай «человека с крысами» очень показательным, то имел в виду, что он может служить учебным пособием не только для него самого, но и для его последователей. Основатель психоанализа никогда не объяснял, почему он выбрал для публикации истории болезни именно этих пациентов, а не других, но в совокупности все эти случаи составляют карту пересеченной местности невротических страданий. Они представляют собой самые творческие (и рискованные) реконструкции. Фрейд рассказывает о страдающих истерией, навязчивыми состояниями и паранойей, о маленьком мальчике, которого видел всего один раз во время лечения, а также о страдающих психозом пациентах лечебницы для душевнобольных, которых вообще никогда не видел. Субъекты этих сложных, глубоко интимных портретов – в частности, в истории болезни Доры – вышли из своих рам, чтобы, подобно персонажам знаменитых картин, романов и пьес, самим занять место на сцене жизни. Или, по крайней мере, стать свидетелями бесконечных противоречий, переплетавшихся в представлениях о морали Фрейда, его профессиональной компетентности, а также взглядах на человеческую природу, как мужчин, так и женщин.

Противоречивый дебют

Молодая женщина, которую весь мир знает как Дору, впервые пришла на консультацию к Фрейду летом 1898 года, когда ей было 16 лет, и начала лечение психоанализом два года спустя, в октябре 1900-го. По прошествии 11 недель, в декабре, когда бо2льшая часть анализа еще оставалась незавершенной, она прервала курс. Тем не менее уже в середине октября Фрейд сообщил Флиссу, что у него новый случай, 18-летняя девушка, и этот случай легко открывается уже существующей у него коллекцией отмычек – эротическая метафора, смысл которой он не потрудился объяснить.

В начале 1901 года, после ухода Доры, Фрейд быстро записал историю ее болезни, закончив работу 25 января. «Это – самое деликатное из того, что я до сих пор написал», – объявил основатель психоанализа, позволив себе похвалить себя, но тут же разрушил свою радость ожиданием всеобщего неодобрения. Он не сомневался, что его статья будет отпугивать еще больше

обычного. «Но ведь, – прибавил Фрейд с характерной смесью самоуверенности и стоического смирения, – исполняют свой долг и пишут не на день». В конечном счете он опубликовал историю болезни Доры только в 1905 году. Эта задержка не принесла ему практически никакой выгоды: основатель психоанализа смог добавить лишь описание интересного визита, который бывшая пациентка нанесла ему в 1902 году, – визита, изящно завершившего неудачу мэтра.

Причины таких долгих размышлений до конца не ясны. У Фрейда были все основания опубликовать историю болезни Доры как можно быстрее. Поскольку он считал ее фрагментом рассказа, в котором объяснения группируются вокруг двух сновидений, то, «по существу, это продолжение книги о сновидении» – практическое применение «Толкования сновидений». Он также предложил поразительную иллюстрацию вклада неразрешенного эдипова комплекса в формирование характера Доры и ее истерических симптомов. Фрейд объяснял задержку разными причинами, в частности врачебной тайной, но все это выглядит не очень убедительно. Он был явно расстроен критическим отношением к статье своего друга Оскара Рие, а также разрушением своей самой страстной дружбы. «Я отозвал мою последнюю публикацию, – писал он Флиссу 11 марта 1902 года, – потому что прямо перед этим я утратил в тебе последнего слушателя». Эта реакция представляется несколько преувеличенной: Фрейд должен был понимать, что данный случай содержит много полезного для тех, кто интересуется психоанализом. Более того, этот случай превосходно укладывался в схему его собственных клинических публикаций. Дора страдала истерией – той разновидностью невроза, на которой было сосредоточено внимание психоанализа с середины 90-х годов XIX века, а фактически (со случая Анны О.) почти двумя десятилетиями ранее. Вне всяких сомнений, случай Доры имел особое, в чем-то даже сверхъестественное значение для Фрейда. Впоследствии, ссылаясь на него, мэтр постоянно переносил данный эпизод с 1900 на 1899 год – явный симптом какой-то невыявленной навязчивой идеи. Сдержанность Фрейда указывает на личные причины, по которым этот случай смущал его и по которым он воздержался от публикации.

Ярким свидетельством того, что основатель психоанализа чувствовал себя не слишком свободно, является предисловие к его описанию случая Доры: оно необычно воинственно даже для того, кто никогда не чурался жаркой полемики. Он решился опубликовать эту историю болезни, писал Фрейд, чтобы объяснить сопротивляющейся и несведущей публике пользу

анализа сновидений, а также его связь с пониманием неврозов. Не подлежит сомнению, что первоначальное название статьи, «Сновидение и истерия», как нельзя лучше отражает смысл, который вкладывал в нее Фрейд. Однако реакция на «Толкование сновидений» показала, несколько обиженным тоном отмечает он, до какой степени неподготовленными оказались специалисты к восприятию истины: «Новое же всегда вызывало изумление и сопротивление»[124]. В конце 90-х годов, говорит Фрейд, его критиковали за то, что он не предоставлял информацию о своих пациентах… Теперь же он предполагает, что его будут порицать за излишнюю откровенность. Но врач, который публикует истории болезни пациентов, страдающих истерией, должен погружаться в подробности их сексуальной жизни. Таким образом, первейшая обязанность врача – соблюдение тайны – вступает в противоречие с требованиями науки, которой необходима откровенная, свободная дискуссия. Правда, он сделал все возможное, чтобы читатели не узнали настоящее имя Доры.

Из-за такой непростой атмосферы Фрейд не был готов сразу приступить к делу. Он жаловался, что в Вене имеется немало врачей, которых отличает похотливый интерес к материалу, который он собирается представить. Они захотят прочитать «такую историю болезни не в качестве вклада в исследование психопатологии неврозов, а как предназначенный для их увеселения роман». Вероятно, так оно и было, но несколько неуместная горячность Фрейда дает основания предположить, что его отношения с Дорой были более неприятными, чем он подозревал.

Запутанные сексуальные отношения в жизни Доры могли удивить и даже шокировать самого искушенного читателя. Возможно, только Артур Шницлер, лишенные иллюзий рассказы и пьесы которого описывали сложную хореографию эротического бытия, мог бы вообразить подобный сценарий. Две семьи исполняли тайный балет потворства своим чувственным желаниям – под маской самой строгой благопристойности. Главными действующими лицами были отец Доры, процветающий интеллигентный фабрикант, страдавший от последствий туберкулеза и от сифилиса, которым заразился до женитьбы, пациент Фрейда, приведший к нему дочь, а также ее мать, судя по всему неумная и необразованная женщина, посвятившая всю свою жизнь домашнему хозяйству, и старший брат девушки, с которым у нее были напряженные отношения и который в семейных спорах всегда становился на сторону матери, тогда как Дора могла рассчитывать на поддержку отца[125]. Важную роль в драме также

играли члены семьи К., с которой родные Доры и она сама были очень близки: госпожа К. заботилась об отце Доры, когда тот тяжело болел, а Дора присматривала за маленькими детьми К. Несмотря на некоторый разлад в семье Доры, на первый взгляд действующие лица этой истории принадлежали к двум респектабельным буржуазным семьям, по-дружески помогающим друг другу.

На самом деле это была лишь видимость. Когда Доре исполнилось 16 лет – она к этому времени превратилась в обаятельную и красивую молодую девушку, – будущая пациентка Фрейда вдруг объявила о неприязни к господину К., который до сей поры был ее любимым старшим другом. За четыре года до этого у нее начали проявляться некоторые признаки истерии, в частности мигрени и нервный кашель. Теперь ее недомогания усилились. У некогда живой и привлекательной девушки появился целый набор неприятных симптомов: к кашлю и истерическому шепоту (афонии) добавились периоды депрессии, иррациональная агрессивность и даже мысли о самоубийстве. В конечном счете Дора дала объяснение своему странному поведению: господин К., которого она любила и которому доверяла, во время прогулки сделал ей любовное предложение, и она, глубоко оскорбленная, дала ему пощечину. К. решительно отверг обвинение и сам перешел в атаку на девушку, заявив, что Дору интересуют только плотские утехи и она возбуждает себя чтением распутных книг. Отец Доры был склонен верить господину К. и считать обвинения дочери фантазиями. Но Фрейда, который взялся лечить девушку, удивили противоречия в рассказе ее отца, и он воздержался от каких-либо выводов. Это был самый доверительный момент в отношениях Фрейда с Дорой, которые были окрашены взаимной враждебностью, а также некоторой черствостью со стороны психоаналитика. Фрейд предложил дождаться рассказа самой Доры.

И ожидания оправдались. Как выяснилось, ее отец сказал правду лишь об одном: жена не доставляла ему сексуального удовлетворения. Однако, несмотря на адресованные Фрейду жалобы на плохое здоровье, разочарование супружескими отношениями он компенсировал страстным романом с госпожой К. Эта связь не была тайной для Доры. Наблюдательная и подозрительная девушка была убеждена, что обожаемый отец отказался поверить в ее отчаянное обвинение по собственной, непристойной причине: отдавая ее господину К., он мог и дальше беспрепятственно оставаться в связи с его женой. Однако существовали и другие подводные течения эротического характера. Рассказывая об этой незаконной связи, Дора

наполовину сознательно становилась ее соучастницей. Прежде чем прервалось лечение, продолжавшееся 11 недель, Фрейд обнаружил у Доры страстные чувства к господину К., к своему отцу и к госпоже К. – и эти чувства она частично подтвердила. Детская влюбленность, инцест и лесбийские желания боролись за первенство в ее подростковой психике. По крайней мере, именно так Фрейд интерпретировал сказанное Дорой.

По мнению основателя психоанализа, аморального предложения господина К. абсолютно недостаточно для пышного букета истерических симптомов Доры, которые появились еще до того, как ее ранило недостойное поведение отца. Фрейд полагал, что даже более ранняя травма, о которой рассказала ему девушка, тоже не стала причиной истерии. Наоборот, он считал ее реакцию доказательством того, что ко времени неприятного инцидента истерия уже существовала. Когда Доре было 14 лет, за два года до того, как господин К. сделал ей непристойное предложение, он подстерег ее в своем кабинете, внезапно обнял и страстно поцеловал в губы. Реакцией Доры на это стала тошнота. Фрейд истолковал это отвращение как извращение аффекта и смещение ощущения; весь эпизод казался ему ярким примером истерии. Об эротических притязаниях господина К. Фрейд бесстрастно заметил: «…пожалуй, это была ситуация, способная вызвать у 14-летней нетронутой девочки отчетливое ощущение сексуального возбуждения», отчасти вызванное прикосновением эрегированного мужского члена к ее телу. Но Дора сместила свое ощущение вверх, к горлу.

Фрейд не намекал, что Доре в 14 лет следовало уступить настойчивости господина К. Или, если уж на то пошло, в 16… Но он считал совершенно очевидным, что подобное «столкновение» должно порождать определенное сексуальное возбуждение и что реакция Доры была симптомом истерии. Такая интерпретация естественным образом следует из представления Фрейда о себе как о следователе-психоаналитике и критике буржуазной морали. Стремящийся сорвать ложные покровы благопристойности и верный идее, что в современном ему обществе сексуальность огорожена почти непробиваемой стеной из смеси неосознанного отрицания и сознательного лицемерия, особенно среди представителей состоятельных классов, Фрейд в буквальном смысле слова считал себя обязанным истолковать резкое неприятие Дорой господина К. как невротическую защиту. Он встречался с этим человеком и нашел его милым и симпатичным. Однако неспособность основателя психоанализа понять чувства Доры свидетельствует о недостатке эмпатии, что характерно для всего этого случая. Он отказывался признавать потребность

подростка в надежном проводнике в жестоком и эгоистичном мире взрослых – в ком-то, кто поймет ее шок от превращения близкого друга в пылкого поклонника, разделит возмущение грубым попранием ее доверия. Этот отказ также указывает на общую неспособность основателя психоанализа смотреть на эротические эпизоды с точки зрения женщины. Дора очень хотела, чтобы ей поверили, чтобы ее не считали лгуньей или фантазеркой, чтобы Фрейд внял ее рассказу, а не оправданиям отца. Но он не был готов к восприятию ее точки зрения…

Случаи сексуальной агрессии господина К. были не единственными эпизодами драмы Доры, к которым Фрейд не сумел отнестись с сочувствием. Почти принципиально не желая принимать сомнения Доры относительно своих толкований, он неизменно интерпретировал ее отрицания как скрытые подтверждения. Согласно сложившейся практике того времени, впоследствии измененной, он предлагал немедленные и безапелляционные объяснения. Настаивая на том, что девушка была влюблена в отца, Фрейд воспринимал ее «самый решительный протест» как доказательство верности своих предположений. «Нет», которое слышишь от пациента после того, как его сознательному восприятию впервые представлены вытесненные мысли, лишь констатирует это вытеснение и его решимость, меряет, так сказать, его силу. Если это «нет» не истолковывать как выражение беспристрастного мнения, на которое больной все-таки не способен, а обойти его стороной и продолжить работу, то вскоре появляются первые доказательства того, что «нет» в таком случае означает желанное «да». Таким образом, Фрейд навлекал на себя обвинения в бесчувственности и, более того, в догматичном высокомерии: профессиональный слушатель, он в данном случае не слушал пациента, а укладывал его рассказ в заранее определенную схему. Эта явная претензия на всезнание заслуживает критики. Она указывает на уверенность Фрейда в том, что все психоаналитические интерпретации автоматически верны, независимо от того, принимает их пациент или отвергает. «Да» означает «да», а «нет» тоже означает «да»[126].

Толкования Фрейда создают впечатление, что он воспринимал Дору скорее не как пациентку, которая просила о помощи, а как вызов, на который нужно дать ответ. Многие его действия оказались полезными. Рассказывая об отношениях отца с госпожой К., Дора настаивала, что у них связь, и одновременно заявляла о его импотенции – это противоречие разрешила она сама, откровенно признавшись Фрейду, что ей хорошо известно: существует не единственный способ получить половое

удовлетворение. По поводу неприятных симптомов – нарушение речи, першение в горле – Фрейд сказал Доре, что она, вероятно, думает об оральном сексе, или, как он деликатно выразился на латыни, сексуальном удовлетворении per os, и девушка косвенно подтвердила правильность его толкования – кашель исчез. Но почти раздраженное утверждение Фрейда, что пациентка подтвердила предложенные им психологические толкования, само по себе требует объяснения. Ведь в 1900 году мэтр уже знал о том, что сопротивление неприятным открытиям вполне предсказуемо (психоаналитик проникает в такие уголки психики, которые пациент годами скрывал от солнечного света), даже если он еще не понял, что давление на больного является технической ошибкой. Впоследствии он будет не таким требовательным и властным – отчасти это результат уроков, полученных от Доры.

Решительные и при этом пространные толкования, которые Фрейд обрушил на Дору, имели диктаторский оттенок. В первом из двух разоблачительных снов девушки речь шла о маленькой шкатулке с драгоценностями, которую мать хочет спасти во время пожара, но отец протестует, говоря, что спасать нужно детей. Слушая рассказ Доры, Фрейд обратил внимание на шкатулку с драгоценностями, которую мать, по всей видимости, так высоко ценила. Когда он спросил свою юную пациентку об ассоциациях, она вспомнила, что господин К. дарил ей подобную вещицу, довольно дорогую. Фрейд напомнил Доре, что слово Schmuckkästchen – шкатулка для драгоценностей – часто используется для обозначения женских гениталий. «Я была уверена, что вы об этом скажете», – ответила девушка. Мэтр не удивился: «Это значит, что вы это знали. Теперь смысл сновидения становится еще яснее. Вы сказали себе: «Мужчина преследует меня, он хочет проникнуть в мою комнату, моей «шкатулке для драгоценностей» угрожает опасность, и если случится беда, то виной тому будет папа». Поэтому в сновидении вы создали ситуацию, которая выражает противоположное, опасность, от которой вас спасает папа. В этой области сновидения вообще все превращается в противоположность; вскоре вы услышите почему. Тайна, однако, связана с мамой. Какое отношение к этому имеет мама? Она, как вы знаете, раньше была вашей соперницей в борьбе за благосклонность папы». Фрейд продолжает свое толкование еще на целую страницу – мать Доры будет заменена на госпожу К., а отец на господина К., и именно господину К. Дора готова подарить свою «шкатулку» в ответ на его необычный дар. «Итак, вы готовы подарить господину К. то, в чем ему отказывает жена. Здесь у вас мысль, которая старательно должна вытесняться, которая делает

необходимым превращение всех элементов в их противоположность. Как я вам это уже говорил до этого сновидения, а сон вновь подтверждает, что вы пробуждаете прежнюю любовь к папе, чтобы защититься от любви к господину К. Но что доказывают все эти усилия? Не только то, что вы боитесь господина К., но и что еще больше вы боитесь самой себя, своего искушения ему отдаться. Стало быть, этим вы подтверждаете, насколько сильной была к нему любовь».

Фрейд не был удивлен реакцией Доры на свои рассуждения: «Разумеется, в этой части толкования ей участвовать не хотелось». Но вопрос не в том, было ли толкование мэтром сна Доры правильным или просто оригинальным. Главное – его настойчивый тон, его отказ принимать сомнения Доры иначе, как удобное отрицание неудобной правды. Таков был вклад Фрейда в полное фиаско.

Разумеется, неудача – признанная и непризнанная – является главной особенностью этого случая, но, как ни парадоксально, именно неудача способствовала тому, что он занял такое важное место в истории психоанализа. Как нам известно, Фрейд использовал его как пример применения толкования снов в лечении психоанализом и как подтверждение открытых им правил формирования снов. Более того, этот случай превосходно иллюстрировал сложность истерии. Однако одна из главных причин того, что в конечном счете Фрейд опубликовал историю болезни Доры, заключалась в его неспособности удержать трудного пациента.

В конце декабря основатель психоанализа анализировал второй сон Доры, который опять-таки подтверждал его гипотезу, что она все это время неосознанно любила господина К. Но в начале следующего сеанса Дора небрежно заявила, что сегодня пришла в последний раз. Фрейд воспринял неожиданную новость спокойно и предложил использовать этот оставшийся у них час для продолжения психоанализа, с новыми подробностями истолковав девушке ее сокровенные чувства к человеку, который ее оскорбил. «Она слушала, не пытаясь по своему обыкновению возражать. Она казалась взволнованной, самым любезным образом попрощалась с теплыми пожеланиями к Новому году и – больше не появилась».

Фрейд истолковал ее жест как акт мести, усиленный невротическим желанием причинить вред самой себе. Дора рассталась с ним в тот момент, когда его надежды «на успешное завершение лечения достигли наивысшей точки». Он спрашивал себя, удалось бы ему удержать девушку на лечении, если бы он

преувеличивал ценность ее присутствия и таким образом оказался заменителем для страстно желаемой ею нежности. «Я этого не знаю». Единственное, в чем основатель психоанализа не сомневался, звучало так: «Я всегда избегал играть роли и довольствовался менее притязательным психологическим искусством». Затем, 1 апреля 1902 года, Дора снова пришла к нему, предположительно чтобы попросить помощи. Фрейд, наблюдая за ней, пришел к выводу, что это всего лишь предлог. Девушка сообщила, что все это время, за исключением одного эпизода, она чувствовала себя лучше. Дора виделась с госпожой и господином К. и получила от них признание – все, что она о них рассказывала, было правдой. Но теперь, уже на протяжении двух недель, она страдает от лицевой невралгии… По признанию Фрейда, эти слова вызвали у него улыбку: ровно за две недели до ее прихода в газетах появилось сообщение о присвоении ему профессорского звания, и поэтому он мог интерпретировать ее боли как разновидность самонаказания за то, что девушка когда-то дала пощечину господину К. и теперь перенесла свою ярость на него, своего психоаналитика. Фрейд сказал Доре, что прощает ее за то, что она лишила его возможности полностью излечить ее. Но похоже, он так и не смог до конца простить самого себя.

Растерянность, в которой пребывал Фрейд после того, как Дора отвергла его помощь, напоминала его состояние летом 1897 года, когда оказалась несостоятельной теория совращения как причины неврозов. Первое поражение стало основой для далеко идущих теоретических открытий. Теперь мэтр бросил вызов неудаче, исследовал ее причины и сделал гигантский шаг вперед в развитии техники психоанализа. Фрейд честно признался, что ему не удалось вовремя совладать с переносом; он забыл об осторожности, «необходимости обращать внимание на первые признаки переноса». Работая с Дорой, Зигмунд Фрейд только начинал осознавать эмоциональную связь между психоаналитиком и пациентом. Предположения о наличии такой связи он вскользь высказывал в «Предуведомлении», написанном совместно с Брейером, а его письма к Флиссу конца 90-х годов свидетельствуют, что Фрейд уже заметил, хотя и не до конца осознал это явление. Теперь, при работе с Дорой, он по каким-то причинам не смог использовать то, что начинал понимать. Похоже, этот случай окончательно прояснил для него данный вопрос – но уже после того, как все закончилось.

Переносом называют стремление пациента, иногда подспудное, а зачастую открытое, наделить психоаналитика качествами любимых (или ненавистных) людей из своего

прошлого либо настоящего в реальном мире. Фрейд теперь понимал, что этот психологический трюк, «предназначенный стать наибольшим препятствием для психоанализа», становится «самым мощным его вспомогательным средством, если удается каждый раз его разгадать и перевести больному». Однако он не обнаружил этого в процессе работы с Дорой, по крайней мере вовремя, и пациентка сознательным и не слишком приятным для него образом продемонстрировала цену подобного небрежения. Не заметив ее «увлечения» им самим, которое являлось лишь переносом тайных чувств, испытываемых девушкой к другим людям, Фрейд позволил осуществить в отношении себя месть, которая предназначалась для господина К. «Таким образом, она проиграла важную часть своих воспоминаний и фантазий, вместо того чтобы воспроизвести их в ходе лечения». Это неизбежно привело к неудаче психоанализа.

Фрейд полагал, что внезапное прекращение лечения повредило Доре – как бы то ни было, она находилась на пути к выздоровлению. Но пострадал и сам психоаналитик. «Тот, кто подобно мне пробуждает злейших демонов, – признавался он в самой высокопарной фразе своего рассказа, – которые, не будучи полностью усмиренными, живут в человеческой груди, чтобы их победить, должен быть готовым к тому, что он и сам не останется невредимым в этой борьбе». Но, зная о понесенном ущербе, Фрейд не мог точно определить его – слишком глубокой была нанесенная рана. Он понимал, что не сумел распознать перенос чувств Доры на себя, но еще хуже было то, что он не сумел распознать перенос своих чувств на Дору: явление, впоследствии названное мэтром контрпереносом, ускользнуло от его самоанализа.

Контрперенос, как позже определил его Фрейд, возникает у врача «в результате влияния пациента на его бессознательные чувства». В результате постоянного самоанализа изучение самого себя превратилось у него практически во вторую натуру, однако возможное влияние пациентов на психоаналитика никогда не занимало значительного места в размышлениях Фрейда или статьях по технике психоанализа[127]. Тем не менее он не сомневался, что контрперенос является коварным препятствием для доброжелательной нейтральности психоаналитика – и сие препятствие необходимо выявить и устранить. Врач – как было строго сформулировано в 1910 году – должен распознать в себе и преодолеть этот контрперенос, поскольку каждый психоаналитик продвигается лишь настолько, насколько это позволяют ему делать собственные комплексы и внутреннее сопротивление. Но, как показывает поведение Фрейда во время сеансов психоанализа

с Дорой, сам он не был надежно защищен от ее попыток соблазнения и от ее раздражающей враждебности. Таким оказался один из полученных уроков: Фрейд мог поддаваться чувствам, которые иногда затуманивали его восприятие как врача[128].

Тем не менее именно при описании этого случая основатель психоанализа заявил о независимости опытного наблюдателя, который может черпать информацию из мельчайших движений или реакций пациента. «Кто имеет глаза, чтобы видеть, – писал он во «Фрагменте анализа одного случая истерии», – и уши, чтобы слышать, убеждается, что смертные не умеют скрывать тайну. Тот, чьи губы молчат, выдает себя кончиками пальцев; из всех пор лезет измена»[129]. Когда Дора лежала на кушетке перед психоаналитиком, рассказывая о своих страданиях дома, вспоминая о взаимоотношениях с семьей К. и пытаясь разгадать смысл сна, она все время теребила маленькую сумочку, открывала и закрывала, засовывала в нее палец. Фрейд тут же истолковал этот жест как пантомиму мастурбации. Однако эмоциональную реакцию мэтра на Дору прочитать сложнее, чем ее действия с сумочкой. «Разумеется, – однажды признался он Эрнесту Джонсу, – очень трудно или даже невозможно распознать истинный психический процесс в себе самом».

Было бы наивным предполагать, что Фрейд влюбился в симпатичного трудного подростка, какой бы привлекательной ни казалась ему девочка. Наоборот, его общее отношение к Доре было скорее негативным. Наряду с явным интересом к ней как к очаровательной истеричке, мэтр проявлял некоторое нетерпение, раздражение, а в конце и откровенное разочарование. Его обуревало сильнейшее желание излечить пациентку. Именно эту страсть Фрейд впоследствии станет отвергать как враждебную процессу психоанализа. Но при работе с Дорой он находился под воздействием своего желания. Зигмунд Фрейд был абсолютно уверен, что выяснил правду о ее извращенной эмоциональной жизни, но девушка не примет эту правду, даже несмотря на то, что он доказал целительную силу убедительных объяснений. Разве он не избавил пациентку от нервного кашля при помощи толкования? Фрейд был прав насчет нее, он в этом нисколько не сомневался и чувствовал сильнейшее разочарование оттого, что Дора оказалась полна решимости доказать, что он ошибся. Удивительным в истории болезни Доры нужно считать не то, что мэтр отложил ее публикацию на четыре года, а то, что он ее вообще опубликовал.

Два классических урока

В отличие от истории болезни Доры случай маленького Ганса принес Фрейду глубокое удовлетворение. За четыре года, прошедшие между публикациями этих историй болезни, в жизни основателя психоанализа произошло много событий. В 1905-м он опубликовал кроме истории болезни Доры эпохальные очерки по теории сексуальности, а также психоаналитическое исследование юмора – работу «Остроумие и его отношение к бессознательному». В 1906 году, когда мэтру исполнилось 50 лет, он преобразовал Психологическое общество по средам, сделав Ранка его секретарем, расширил базу психоаналитического движения, установив контакты с заинтересованными специалистами из Цюриха, окончательно порвал с Флиссом и опубликовал первое большое собрание статей о неврозах. В 1907 году Фрейд впервые принял у себя на Берггассе, 19, Эйтингона, Юнга, Абрахама и других своих главных приверженцев. В 1908-м, когда его вниманием завладел маленький Ганс, мэтр превратил группу сторонников, собиравшихся у него по средам, в Венское психоаналитическое общество, председательствовал на первом международном конгрессе психоаналитиков в Зальцбурге и во второй раз посетил свою любимую Англию. В 1909 году он единственный раз в жизни приехал в Америку, где прочитал лекции в Университете Кларка и получил почетное звание, а также основал журнал Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, в первом номере которого и была опубликована история маленького Ганса. Фрейд был этой историей очень доволен.

«Я рад, что вы понимаете важность маленького Ганса», – писал мэтр Эрнесту Джонсу в июне того же года. Сам он тоже понимал, какое значение имеет анализ фобии пятилетнего мальчика. Фрейд отмечал: «Никогда еще я не заглядывал так глубоко в душу ребенку». Привязанность к самому юному пациенту сохранилась у него и после окончания лечения – в записях основателя психоанализа мальчик остался «…нашим маленьким героем». Главная идея, которую хотел подчеркнуть Фрейд публикацией этой истории болезни, заключалась в том, что «детский невроз» маленького Ганса подтверждал выводы, сделанные по результатам лечения неврозов у взрослых пациентов: «болезнетворный» материал, который заставляет их страдать, можно было «свести к тем же самым инфантильным комплексам, которые раскрывались за фобией Ганса»[130]. Как мы уже видели, история Доры с подробным анализом двух снов продемонстрировала значение «Толкования сновидений» Фрейда для клинической практики, а также существенный вклад эдипова

комплекса в формирование истерии. Рассказ о маленьком Гансе мог послужить приложением, иллюстрирующим выводы, которые основатель психоанализа кратко сформулировал во втором своем фундаментальном труде – «Трех очерках по теории сексуальности». Как обычно, Фрейд-клиницист и Фрейд-теоретик не выпускали друг друга из виду[131].

В истории болезни Доры Фрейд сознательно мало говорил о технике лечения. В истории маленького Ганса он сказал о ней еще меньше. На это была веская причина: несмотря на то что Фрейд видел малыша и даже принес подарок на его третий день рождения, работал он с ним почти исключительно через отца, который служил посредником между пациентом и врачом, так что случай маленького Ганса с его необычной техникой вряд ли мог стать образцом, примером для подражания – независимо от его вклада в теорию. Ему суждено было остаться уникальным. Пятилетний пациент был сыном музыковеда Макса Графа, уже несколько лет приходившего к Фрейду по средам на собрания психологического общества. Красивая мать – это определение мэтра – мальчика была пациенткой Фрейда и вместе с мужем вошла в число первых приверженцев психоанализа. Чета договорилась воспитывать сына согласно принципам Фрейда, как можно меньше ограничивая свободу ребенка. Родители были с ним терпеливы, проявляли интерес ко всему, что он говорил, записывали его сны и находили забавной его детскую любвеобильность. Мальчик влюблялся во всех: в мать, дочерей друга семьи, двоюродного брата. Фрейд с нескрываемым восхищением заметил, что Ганс является «…образцом всех низостей!». Когда у ребенка начали проявляться признаки невроза, родители, верные своим принципам, решили не запугивать его.

Как бы то ни было, психоаналитические методы воспитания сына не уберегли Графов от распространенных социокультурных запретов. Когда Гансу было три с половиной года, мать, заметив, что он трогает свой член, пригрозила позвать доктора, который отрежет ему «пипику». Примерно в это же время в семье появился второй ребенок – девочка (важное событие в жизни Ганса), и для подготовки сына родители не придумали ничего более оригинального, кроме как обратиться к легенде об аисте. В этот момент Ганс проявил себя более рассудительным, чем его якобы просвещенные родители. Изучение окружающего мира и особенно процесса рождения продвигалось с впечатляющей скоростью, и он – с проницательностью маленького ребенка – дал понять отцу, что истории с аистом не доверяет. Впоследствии родители отчасти просветили Ганса, рассказав, что младенец растет внутри матери,

а затем болезненно выдавливается наружу, подобно тому, как это происходит с «люмпфом» – так Ганс называл фекалии. Такое объяснение лишь усилило интерес мальчика к «люмпфу». Однако, несмотря на раннее развитие наблюдательности, речи и эротических интересов, маленький Ганс был милым и жизнерадостным мальчиком из буржуазной семьи.

Затем, в январе 1908 года, произошло нечто необъяснимое и неприятное. У маленького Ганса развился сильный страх быть укушенным лошадью. Он также боялся, что большие лошади, впряженные в экипажи конки, упадут… Словом, мальчик стал избегать мест, где был этот вид общественного транспорта. Макс Граф – герой, злодей и личный врач сына в одном лице – стал расспрашивать малыша и истолковывать фобии Ганса, часто и подробно докладывая о результатах Фрейду. Сам Граф был склонен приписывать тревогу сына чрезмерной сексуальной стимуляции, вызванной безудержной нежностью матери. Отец также подозревал (и эти подозрения были подтверждены маленьким Гансом!), что еще одним источником тревоги стала мастурбация. Но Фрейд, как обычно, не спешил с диагнозом – выводы Макса его не убедили. В соответствии со своей первой теорией тревоги мэтр пришел к заключению, что причина проблемы Ганса заключается в вытесненном эротическом стремлении к матери, которую мальчик по-детски пытался соблазнить. Его вытесненные желания, эротические и агрессивные, трансформировались в тревогу, которая затем сосредоточилась на одном конкретном объекте, которого мальчик боялся и избегал, – лошадях и страхе перед ними.

Подход Фрейда к симптоматике у маленького Ганса был характерен для его аналитического метода: основатель психоанализа серьезно относился к сообщениям о психических состояниях, независимо от того, какими бы нелепыми или тривиальными они ни казались на первый взгляд. «Скажут, что это глупая тревожная мысль маленького ребенка. Но невроз не говорит ничего глупого, равно как и сновидение. Мы бранимся всегда, – замечает Фрейд, обращаясь к читателям, – когда ничего не понимаем. Это значит – облегчить себе задачу». В одном из немногих комментариев относительно аналитической техники мэтр критикует отца Ганса за излишне сильное давление на мальчика: «Отец задает слишком много вопросов и исследует по собственным заготовкам, вместо того чтобы дать высказаться малышу». Фрейд сам совершил подобную ошибку с Дорой, но теперь он осознал ее, и, кроме того, эмоциональные ставки были не столь высоки – по крайней мере, для него. Если следовать методу Графа, предупреждал он, анализ станет неясным и

ненадежным. Психоанализ, как неустанно повторял его основатель с 90-х годов XIX столетия, есть искусство и наука внимательно слушать.

Фобия Ганса постепенно усиливалась. Он отказывался выходить из дома, а когда выходил, ему иногда хотелось смотреть на лошадей. В зоопарке мальчик сторонился больших животных, которых раньше любил, но продолжал с удовольствием разглядывать маленьких. Малыша явно интересовали половые органы слонов и жирафов. Озабоченность Ганса гениталиями – собственными, отца, матери, маленькой сестренки, животных – угрожала превратиться в навязчивое состояние. Однако Фрейд посчитал необходимым оспорить очевидный вывод Макса Графа, что его сын боится больших пенисов. Бесценным ключом к разгадке для мэтра послужил записанный отцом разговор с Гансом на интересующую мальчика тему. «Наверное, ты испугался, – предположил отец, – когда однажды увидел большую «пипику» лошади. Но тебе не нужно этого бояться. Большие животные имеют большую «пипику», а маленькие животные – маленькую». Ганс разговор поддержал: «И все люди имеют «пипику», и «пипика» вырастет вместе со мной, когда я стану больше; она ведь прикреплена». Для Фрейда это был явный признак того, что маленький Ганс боится потерять свою «пипику». Для данной фобии есть специальный термин – комплекс кастрации.

На этом этапе анализа юный пациент и его отец пришли на консультацию к Фрейду, теперь впервые услышавшему и увидевшему «материал», который очень помог в излечении маленького Ганса. Страх перед лошадьми отчасти отражал страх мальчика перед отцом, у которого были большие черные усы, напоминавшие ему большую черную морду животного. Как выяснилось, Ганс смертельно боялся, что отец рассердится на него за то, что он не способен сдерживать свою безмерную любовь к матери и подспудное желание смерти ему самому. Кусающаяся лошадь была заменой разгневанному отцу, а упавшая лошадь – мертвому. Таким образом, страх перед лошадьми у маленького Ганса представлял собой сложное уклонение, способ справиться с чувствами, в которых малыш не осмеливался признаться ни себе, ни кому-либо другому[132]. Он переживал эти конфликты все более болезненно, потому что любил отца, соперником которого себя воображал, а страстная любовь к матери сосуществовала с садистскими желаниями по отношению к ней же. Для Фрейда страдания маленького Ганса подчеркивали вездесущую двойственность человеческой психики. Мальчик мог ударить отца, а затем поцеловать место, куда пришелся удар. Его

действия могут служить символом всего поведения человека. В эдиповом треугольнике двойственность является правилом, а не исключением.

С того момента, как Фрейд доброжелательно объяснил эти факты пятилетнему пациенту, фобия Ганса начала ослабевать. Тревога тоже исчезла. Непозволительные желания и страхи ребенка искажались, превращаясь в симптомы. Его отношение к фекалиям – «люмпфу», который выходил из него, было характерным для защитного искажения: они вызывали у мальчика любопытство, однако он превращал приятные и волнующие ассоциации со своими догадками о них – младенцы похожи на «люмпф» – в неосознанный стыд, а затем в открытое отвращение. Точно так же фобия Ганса, этот источник неприятных ощущений, была обусловлена определенным зрительным образом (резвящаяся лошадь), который раньше доставлял мальчику огромное удовольствие. История его болезни – прекрасная иллюстрация действия защитных механизмов в эдиповой фазе.

По мере того как продвигалось лечение Ганса и он обретал бо2льшую внутреннюю свободу, мальчик смог признаться в том, что желал смерти маленькой сестренке. Малыш рассказал о своей теории «люмпфа», а также о представлении, что он будет одновременно отцом и матерью своим детям, которых родит через задний проход. Эти признания были нерешительными – Ганс тут же брал свои слова обратно. Он говорил, что хочет иметь детей и (в продолжении фразы), что не хочет иметь детей. Как бы то ни было, признание подобных мыслей и предположений – большой шаг к исцелению. И действительно, на протяжении всего лечения маленький Ганс продемонстрировал необыкновенную проницательность и способность к анализу. Он отвергал идеи отца относительно своего невроза, если те преподносились в неподходящее время или слишком настойчиво, а также разумно проводил границу между мыслями и действиями. Пятилетний мальчик прекрасно понимал, что думать и делать – отнюдь не одно и то же. Поэтому он мог настаивать на своем праве оставаться невиновным даже при наличии самых агрессивных желаний. Когда Ганс рассказал отцу о своих мыслях (на самом деле желании, чтобы это произошло), что маленькая сестра во время купания может упасть в воду и умереть, старший Граф так истолковал его слова: «И ты остался бы тогда один у нас с мамой. Но хороший мальчик этого все-таки не желает». Маленький Ганс спокойно заметил: «Но думать об этом ему можно». На возражение отца: «Но это нехорошо», у него уже был готов ответ: «Когда он об этом думает, это все-таки хорошо, потому что тогда можно написать об этом профессору». Профессор не мог скрыть

свое восхищение: «Славный маленький Ганс! Ни у одного взрослого я не желал для себя лучшего понимания психоанализа». Разрешение его эдиповых конфликтов оказалось чрезвычайно вдохновляющим: малыш представил, что его отец женится на собственной матери; таким образом он, Ганс, сможет «сохранить» его и одновременно жениться на своей матери. И у них будут дети.

Путь, по которому шел Фрейд, чтобы выявить злодея в психологической драме маленького Ганса, оказался гораздо короче и был менее мучительным, чем если бы лет через десять или позже его попросили провести психоанализ большого Ганса: «Врач, занимающийся психоаналитическим лечением взрослого нервнобольного, в результате своей работы по раскрытию напластованных психических образований в конечном счете приходит к определенным гипотезам об инфантильной сексуальности, в компонентах которой он, как ему кажется, выявил движущие силы всех невротических симптомов последующей жизни». С маленьким Гансом так глубоко копать не было нужды. Если Фрейд с явным удовлетворением называл этот случай типичным и образцовым, то именно потому, что в нем с такой ясностью сконцентрировалось то, что психоанализ взрослого человека выявил бы лишь в результате долгих усилий.

Одной из теорий, которую проиллюстрировал сей необычный случай психоанализа ребенка, была теория эдипова комплекса – как нам известно, Фрейд значительно усложнил ее после того, как впервые сформулировал приблизительно 10 годами раньше. Маленький Ганс оказался не менее информативен в отношении работы вытеснения. Фактически это был хрестоматийный пример с чрезвычайно прозрачными маневрами самозащиты. Пятилетний ребенок уже начал возведение психологических барьеров, таких как стыд, отвращение и ханжество, но еще не укрепил их. Естественно, Фрейд в своей антибуржуазной манере предположил, что они еще не превратились в прочные стены, обороняющие социум и культуру взрослых, особенно современного среднего класса. Этот взгляд на историю вытеснения у развивающегося ребенка позволил основателю психоанализа сказать несколько резких слов по поводу откровенности обсуждения вопросов сексуальности с детьми. Вследствие этого конкретный случай маленького Ганса не просто богатая антология психоаналитических идей: Фрейд намекает на влияние этих идей за пределами кабинета врача, хотя произойдет это не в 1909 году, а несколько лет спустя.

Мэтр был доволен, что анализ маленького Ганса не имел сомнительных преимуществ гипотезы. Клиническая картина

оказалась осмысленной, а пациент соглашался с толкованием только тогда, когда оно подходило. Кроме того, Ганс преодолел свою тревогу и фобию. В коротком постскриптуме, добавленном 13 лет спустя, в 1922-м, Фрейд торжествующе рассказывает о встрече с повзрослевшим маленьким Гансом, который теперь был статным 19-летним юношей. Впоследствии Герберт Граф, вошедший в историю психоанализа под псевдонимом маленький Ганс, стал известным оперным продюсером и режиссером. Фрейд не мог не злорадствовать: мрачные прогнозы его критиков не сбылись. Они предсказывали, что психоанализ лишит мальчика невинности и разрушит его будущее. Теперь основатель движения мог всем сказать, что они ошиблись. Родители Герберта развелись, и каждый затем снова вступил в брак, но их сын выдержал это тяжелое испытание, а также без проблем пережил пубертатный период. Но особое внимание Фрейда привлекло замечание юноши, что, когда он читал свою историю болезни, ему казалось, что речь идет о другом, абсолютно незнакомом человеке. Точно так же Мартин Фрейд не мог вспомнить, что именно говорил ему отец, чтобы восстановить его самоуважение после унизительной сцены на катке. Замечание Герберта напомнило мэтру, что самый успешный психоанализ тот, о котором пациент забывает после окончания сеансов.

У Доры была истерия, у маленького Ганса фобия, а у «человека с крысами», еще одного классического пациента Зигмунда Фрейда, – невроз навязчивого состояния. Таким образом, он оказался подходящим объектом для включения в число опубликованных историй болезни пациентов основателя психоанализа. Нам известно, что Фрейд считал случай «человека с крысами» очень поучительным – точно так же, как и историю болезни Доры. Но этот пациент нравился ему намного больше: именно Фрейд неформально, с определенной долей приязни часто называл своего ставшего знаменитым пациента Rattenmann, что в дословном переводе означает «человек-крыса». Лечение началось 1 октября 1907-го и длилось меньше года – скорость, которую психоаналитики следующих поколений считали скорее захватывающей, чем умеренной. Фрейд же утверждал, что ее было достаточно, чтобы ослабить симптомы, от которых страдал «человек с крысами». Но против истории мэтр был бессилен. В примечании, добавленном в 1923 году, он с печалью заметил, вспоминая о грандиозной бойне Первой мировой войны: «Пациент, которому приведенный анализ вернул психическое здоровье, как и многие другие ценные и полные надежд молодые люди, погиб в Великой войне»[133].

В данном случае все обстоятельства были на стороне Фрейда. Эрнст Ланцер, 29-летний юрист, с самого начала произвел на основателя психоанализа впечатление проницательного человека с ясным умом. Ланцер рассказывал своему психоаналитику занимательные истории и привел уместную цитату из Ницше о победе гордости над памятью – Фрейд сам не раз с удовольствием цитировал эти слова. Симптомы навязчивого состояния у Ланцера были назойливыми и странными. По опыту Фрейд знал, что страдающие неврозом навязчивости могут быть чрезвычайно интересными личностями, с внутренними противоречиями и извращенной логикой. Они одновременно рациональны и суеверны. У них проявляются симптомы, которые скрывают и в то же время раскрывают свое происхождение. Их одолевают сводящие с ума сомнения. У «человека с крысами» эти признаки проявлялись ярче, чем у других: по мере того как шел процесс лечения, от рассказов пациента к толкованиям психоаналитика, от болезни взрослого человека к детским фантазиям, неудовлетворенным сексуальным потребностям и агрессивным желаниям, этот случай становился образцом трактовки неврозов навязчивых состояний, как их понимал мэтр.

Практика настоятельно требовала подобного образца. Как отметил сам Фрейд во введении к этой истории болезни, страдающих неврозом навязчивости лечить гораздо труднее, чем истериков: сопротивление, которое они оказывают в клинических условиях, бывает чрезвычайно изобретательным. Хотя «язык невроза навязчивости» зачастую лишен загадочных симптомов переноса, он, если можно так выразиться, «похож на диалект языка истерии». Усложняет задачу и тот факт, что страдающие неврозом навязчивости диссимулируют свое состояние, пока это возможно, и обращаются за помощью к психоаналитику только на далеко зашедших, запущенных стадиях болезни. Все эти обстоятельства, а также необходимость соблюдения врачебной тайны не позволили Фрейду полностью изложить историю болезни. Он мог предложить лишь «кусочки знания», которые сам считал не вполне удовлетворительными, хотя «к ним может присоединиться работа других исследователей». Фрейд написал это в 1909 году, но в наше время появились те самые другие исследователи, на которых он рассчитывал.

Если не считать нескольких любопытных отклонений, опубликованная Фрейдом история болезни представляет собой изложение заметок, которые он делал каждый вечер. При первом знакомстве пациент представился и изложил свои жалобы: страхи, что с его отцом и молодой женщиной, которую он любит, может произойти нечто ужасное, преступные импульсы, вроде

желания убивать людей, и стремление покарать себя, например перерезать бритвой горло, а также навязчивое беспокойство, нередко по смехотворным мелочам, таким как уплата незначительного долга. Затем Ланцер согласился рассказать о своей сексуальной жизни. Когда Фрейд спросил, что может побудить его к разговору на данную тему, Rattenmann сказал, что, по его мнению, это соответствует теориям мэтра, о которых он, правда, практически ничего не знает.

На следующий день Фрейд объяснил «человеку с крысами» единственное условие психоанализа: пациент должен говорить все, что приходит в голову, даже если это кажется неприличным или бессмысленным. Соответственно, молодой человек начал рассказывать о друге, чьи советы он высоко ценит, особенно когда его мучают мысли о самоубийстве, а затем – как бы невзначай, по выражению Фрейда, перешел на сексуальную жизнь в детстве. Подобно многим первым сеансам психоанализа, такой выбор первоначальной темы – друг-мужчина и желание женщин – указывает на то, что будет постепенно открываться в результате анализа. Темы, которые затронул «человек с крысами», указывали на эпизодическое появление сильных гомосексуальных импульсов в детстве и подростковом возрасте, а также на еще более сильные, преждевременно развившиеся гетеросексуальные желания.

Вскоре стало очевидно, что сексуальная жизнь «человека с крысами» началась необычно рано. Он вспоминал красивую молодую гувернантку, которую увидел в легком, соблазнительном одеянии, а затем в мечтах ласкал ее. К сестрам он тоже испытывал сильный сексуальный интерес. Подглядывая за ними и играя с ними, он словно совершал инцест. Но вскоре маленький Эрнст заметил, что его сексуальное любопытство, в том числе непреодолимое желание видеть обнаженных женщин, ослаблялось «зловещим чувством», что подобные мысли необходимо пресекать, иначе произойдет нечто плохое, например, умрет его отец. Таким образом, уже на первой стадии лечения Rattenmann перекинул мостик от прошлого к будущему: его отец скончался несколько лет назад, но страх за него сохранился. В этом неприятном чувстве, впервые испытанном в шестилетнем возрасте и по-прежнему сильно беспокоившем «человека с крысами», он усматривал начало своей болезни.

Впрочем, основатель психоанализа поставил другой диагноз: событие, которое пациент пережил в возрасте шести или семи лет, является не только, как он думает, началом болезни, но уже и самой болезнью. Чтобы понять условия сложной организации нынешнего заболевания, полагал Фрейд, необходимо признать, что шестилетний мальчик, этот юный сладострастник, уже

страдал «полновесным неврозом навязчивости, где налицо все существенные элементы», и вместе с тем оно есть ядро и прототип последующего недуга.

Это было многообещающее начало. Rattenmann продолжал свой рассказ, не сбавляя оборотов. Он поведал Фрейду о сильном переживании, которое заставило его обратиться за помощью к психоанализу. Во время военных учений он услышал, как капитан рассказывал об ужасном наказании, практиковавшемся на Востоке. В этот момент пациент вскочил с кушетки и попросил Фрейда избавить его от необходимости описывать подробности. Однако мэтр вместо этого преподнес ему краткий урок по технике психоанализа. Отвергнув обвинения в жестокости, он сказал, что не может дать то, чем не распоряжается. «Преодоление сопротивлений – это требование лечения». Единственное, что он может сделать, – догадаться о том, на что намекает пациент: приговоренного к наказанию связывали, а его ягодицы закрывали перевернутым ведром с крысами, и крысы – в этом месте пациент опять в ужасе вскочил – прогрызались… «В задний проход», – закончил за него Фрейд[134].

Пристально наблюдая за пациентом во время этого рассказа, основатель психоанализа заметил, что лицо Ланцера принимало «…весьма необычное смешанное выражение», которое он мог истолковать только как «ужас от своего собственного неизвестного ему удовольствия». Это был туманный намек, который Фрейд пока отложил, чтобы использовать позже. Несмотря на то что «человек с крысами» мог испытывать смешанные чувства относительно этого изуверского наказания, он рассказал мэтру, как представлял, что жестокому испытанию подвергаются молодая женщина, которую он обожал, а также его отец. Впоследствии, когда Ланцера посещали такие ужасные мысли, он призывал на помощь сложные навязчивые мысли и ритуалы.

Действия по спасению не поддавались рациональному объяснению и стали для Фрейда серьезными эстетическими и клиническими загадками. Rattenmann рассказал мэтру не очень связную историю о деньгах, которые он задолжал знакомому офицеру или почтовому служащему за посылку, в которой были заказанные им очки. Излагая нелепые навязчивые мысли и странные идеи пациента, Фрейд сочувствует читающим историю его болезни: «Я не удивлюсь, если в этом месте читатель утратит свою способность к пониманию». Даже сам основатель психоанализа, стремившийся уловить смысл в действиях и мыслях «человека с крысами», был вынужден признать, что описание этих событий «страдало внутренними противоречиями

и выглядело ужасно запутанным». Однако для Rattenmann симптомы, даже самые необъяснимые или нелепые, были буквально непереносимыми. Фрейд оценил это. Тем не менее иногда они доводили его до отчаяния. Непропорциональная трата энергии на незначительные вещи, кажущиеся неуместность и неясность, а также повторяемость – все эти симптомы невроза навязчивости могут становиться настолько же утомительными, насколько они являются иррациональными.

Фрейд, самый литературно одаренный из психоаналитиков, не мог удовлетвориться лишь сухой историей болезни или коллекцией наблюдений. Он желал реконструировать человеческую драму, но материал, в изобилии поставляемый «человеком с крысами», – странный, обширный и, вероятно, бессмысленный – грозил выйти из-под контроля. Завершая работу над этой историей болезни, мэтр жаловался Юнгу: «Она очень трудна для меня, почти за гранью моего искусства изложения и, очевидно, будет недоступна для всех, за исключением самых близких к нам. До чего же слабы наши репродукции, до чего неудачно мы воспроизводим эти великие произведения искусства психической природы!» Юнг втайне был согласен с ним. В письме к Ференци он ворчал, что статья Фрейда о «человеке с крысами» несомненно блестящая, но в то же время ее очень трудно понять. «Скоро я прочту ее в третий раз. Может, я особенно туп? Или это стиль? Я осторожно склоняюсь к последнему». Основатель психоанализа стал бы винить предмет обсуждения.

Пребывая в растерянности, Фрейд обратился к технике, чтобы составить план лабиринта. Цель состояла не в том, чтобы попытаться рационально разгадать загадки, представленные «человеком с крысами», а в том, чтобы позволить пациенту идти своим путем – и внимательно слушать. Фактически Фрейд превратил историю болезни «человека с крысами» в яркий образец применения и объяснения психоаналитической техники; он постоянно прерывает свой рассказ краткими описаниями клинической процедуры. Фрейд объясняет пациенту разницу между сознательным и бессознательным, рассказывает об изнашиваемости первого и относительной неизменности второго, приводя в качестве примера древности, украшавшие его кабинет: «Это, собственно говоря, лишь погребения; то, что они оказались засыпанными, как раз их и сохранило. Помпею разрушили только теперь, после того как ее обнаружили». А после того как пациент предлагает толкование, вполне правдоподобное, но неубедительное для него самого, Фрейд объясняет читателям пользу таких споров: «Цель подобных дискуссий никогда не заключается в том, чтобы убедить. Они только должны ввести

вытесненные комплексы в сознание, завязать спор по их поводу на почве сознательной душевной деятельности и облегчить появление нового материала из бессознательного». Демонстрируя, как он учит «человека с крысами» основам психоанализа, мэтр одновременно учит и читателей.

Новый «материал» о своем отце, который он исследовал в ответ на толкования Фрейда, Rattenmann называл мыслительной связью. Это было безобидно, настаивал он, но каким-то образом связано с маленькой девочкой, в которую он влюбился в 12 лет. Фрейд не соглашался с такой туманной, смягченной формулировкой, характерной для рассуждений «человека с крысами». Он интерпретировал эту мыслительную связь как желание смерти отцу. Пациент энергично протестовал: он боялся именно этой катастрофы! Мэтр не возражает, но настаивает, что любовь к отцу сопровождалась ненавистью и что эти два сильных чувства сосуществовали у Ланцера с ранней юности.

Теперь, когда Фрейд полностью осознал фундаментальную двойственность личности «человека с крысами», он мог приступить к загадке навязчивых состояний пациента. Основатель психоанализа терпеливо подступал к эпизоду, в котором капитан-садист описывал восточную пытку, что вызвало у «человека с крысами» обострение невроза. Заметки Фрейда, посвященные этому случаю, открывают, что для пациента крысы служили символом многих вещей: азартных игр, пениса, денег, детей, матери. Психика, как всегда подчеркивал мэтр, совершает невероятные акробатические прыжки, отбрасывая логику и рациональность, и «человек с крысами» полностью подтвердил это его убеждение. То, что в данном случае представлялось самым незначительным, ритуалы и запреты, оказалось кратким изложением невротических идей Rattenmann, что окольными путями привело к неисследованным областям его психики. Это были ключи к его вытесненному и яростно отрицаемому садизму, что объясняет ужас Ланцера и одновременно похотливый интерес к жестокости – источник того странного выражения на лице «человека с крысами», которое наблюдал Фрейд в самом начале лечения.

Исследуя эти намеки, основатель психоанализа теперь предложил ответ на вопрос, что же означала для «человека с крысами» рассказанная капитаном история. Этот ответ был связан с чувствами к отцу. Фрейд считал чрезвычайно важным, что, когда через несколько лет после смерти отца пациент впервые испытал удовольствие от полового акта, у него мелькнула странная мысль: «Как это замечательно! Ради такого можно убить

и своего отца!» Не менее показательным мэтр считал и тот факт, что вскоре после смерти отца «человек с крысами» стал мастурбировать, но вскоре сумел почти полностью избавиться от этой привычки, которая вызывала у него стыд. Почти, но не полностью: в прекрасные и возвышенные моменты, такие как чтение отрывков из биографии Гёте, Ланцер не мог противиться своему желанию. Фрейд истолковал это странное явление как запрет и неповиновение требованию.

Поощряемый аналитической конструкцией основателя психоанализа, «человек с крысами» рассказал о неприятном, запавшем в память инциденте, который относился к тому периоду, когда ему было три или четыре года. Отец выпорол его, наказав за какой-то проступок, связанный с мастурбацией, отчего мальчик пришел в ярость и стал огрызаться. Но, поскольку бранных слов он еще не знал, то стал использовать вместо них всякие названия предметов, которые ему приходили на ум. Он кричал: «Ты – лампа! Ты – полотенце! Ты – тарелка!» Потрясенный отец прекратил порку и сказал, что из сына получится либо великий человек, либо великий преступник. Больше отец его никогда не бил. Поделившись своими воспоминаниями, Ланцер мог уже не сомневаться, что за сильной любовью к отцу скрывалась не менее сильная ненависть. Именно эта двойственность определяла всю его жизнь, мучительная двойственность характеризовала все его навязчивые мысли и отражалась в отношениях с женщиной, которую он любил. Эти конфликтующие чувства, заключил Фрейд, не являются независимыми друг от друга – «они попарно друг с другом спаяны. Ненависть к возлюбленной добавляется к привязанности к отцу, и наоборот».

Основатель психоанализа настаивал на своем выводе. «Человек с крысами» не только сражался с отцом, но и отождествлял себя с ним. Его отец был военным, обожавшим рассказывать истории о собственной службе в армии. Более того, он был «крысой», заядлым игроком – Spielratte[135], – однажды проигравшим сумму, уплатить которую смог только после того, как друг ссудил ему денег. Впоследствии у «человека с крысами» появились основания полагать, что отец, преуспевавший после того, как вышел в отставку, не смог вернуть долг щедрому спасителю, поскольку якобы не нашел его адрес. Пациент Фрейда строго судил отца за этот грешок юности, хотя очень любил его. Здесь прослеживается еще одна связь с его навязчивым стремлением вернуть незначительную сумму тому, кто оплатил его посылку, и, кроме того, еще одна связь с крысами. Когда на маневрах Rattenmann услышал садистскую историю о наказании

крысами, она пробудила у него данные воспоминания, а также остатки детской анальной эротики. «В своих навязчивых делириях, – отметил Фрейд, – он вводил настоящую крысиную валюту». Рассказ о наказании крысами всколыхнул у Ланцера все давно подавленные импульсы себялюбивой и сексуальной жестокости. По мере того как пациент обдумывал эти толкования и принимал их, он все ближе и ближе подходил к выходу из лабиринта своего невроза. Делирий, связанный с крысами, – навязчивые мысли и запреты – был устранен, и Rattenmann закончил свою, как изящно выразился Фрейд, школу страдания.

Несмотря на проблемы, которые он создал психоаналитику, «человек с крысами» с самого начала был любимым пациентом Зигмунда Фрейда. Удивительная строчка в его заметках от 28 декабря указывает на отношение мэтра к пациенту: «Hungerig und wird gelabt» – «Он был голоден и накормлен»[136]. Фрейд пригласил Ланцера остаться на ужин. Такой жест для психоаналитика считался еретическим. Открыть пациенту доступ к личной жизни психоаналитика и проявить о нем заботу, предложив пищу в дружеской и неформальной обстановке, – все это нарушало строгие профессиональные правила, которые мэтр разрабатывал в последние годы и пытался внедрить среди своих последователей. Но Фрейд, по всей видимости, не видел ничего дурного в нарушении собственных правил. И действительно, несмотря на эти отступления, его рассказ остается образцом описания невроза навязчивых состояний[137]. Сия история болезни блестяще подтвердила теории Фрейда, в частности те, которые постулировали детские корни неврозов, внутреннюю логику самых ярких и необъяснимых симптомов, а также мощное и зачастую скрытое влияние двойственных чувств. Основатель психоанализа не был мазохистом, чтобы публиковать только неудачи.

Ради дела: Леонардо, Шребер, Флисс

В большинстве произведений Фрейда можно найти следы его собственной жизни. Работы основателя психоанализа переплетены – тесно, но зачастую почти незаметно – с его личными конфликтами и педагогическими методами. В «Толковании сновидений» мы видим поток саморазоблачений в интересах науки. Случай Доры – это борьба между эмоциональными потребностями и профессиональным долгом. Маленький Ганс и «человек с крысами» выходят за рамки обычных историй болезни – Фрейд написал их в поддержку теорий, которые разработал в своей новаторской работе «Три очерка по теории сексуальности». Разумеется, не все решения основателя психоанализа опубликовать ту или иную историю болезни были обусловлены мучительной внутренней борьбой или диктовались политическими соображениями. Большую роль играла и просто привлекательность материала. Обычно личные желания Фрейда, стратегические расчеты и научное вдохновение пересекались, усиливая друг друга. Не подлежит сомнению, что за историями болезни Даниеля Пауля Шребера и «человека-волка», опубликованными после «человека с крысами», кроются глубокие подспудные процессы, связанные с осмыслением психологии как науки. То же самое относится к работе «Воспоминания детства Леонардо да Винчи».

Фрейд никогда не считал свою длинную статью о Леонардо да Винчи историей болезни, даже несмотря на то, что однажды, пребывая в хорошем расположении духа, шутливо предложил Ференци «восхититься» его новым «знаменитым» пациентом. Скорее, он относился к этой работе как к разведывательной экспедиции перед массированной атакой на области культуры, которую планировал предпринять, вооружившись психоанализом. «Территория биографии тоже должна стать нашей», – писал Фрейд Юнгу в октябре 1909 года. Далее он победоносно объявил: «…внезапно мне открывалась загадка личности Леонардо да Винчи. Это будет первым шагом в биографии». Но, как выяснилось, сие официальное описание «Леонардо» как примера психоаналитической биографии не является исчерпывающим.

Несмотря на то что очерк о детских воспоминаниях Леонардо да Винчи получился чрезвычайно противоречивым, Фрейд очень любил эту свою работу – отчасти потому, что очень любил самого Леонардо. Он признавался, что вместе с другими «поддался обаянию, исходящему от этого великого и загадочного человека»,

и цитировал Якоба Буркхардта – швейцарского историка культуры, стоявшего у истоков культурологии как самостоятельной дисциплины и восхищавшегося этим всесторонним гением, «которого очертания можно только предчувствовать, но никогда не познать». Как нам известно, Фрейд любил Италию и ездил туда при любой возможности, почти каждое лето. Одной из причин этой привязанности был Леонардо.

Да Винчи занимал Фрейда давно. Еще в 1908 году он предложил Флиссу, который собирал материал о леворукости, Леонардо, «о любовных приключениях которого ничего не известно», как, «возможно, самого знаменитого левшу». Исследование фантастической и загадочной личности Леонардо доставляло основателю психоанализа огромное удовольствие. В конце 1910-го по дороге в Италию с голландского морского курорта он ненадолго заглянул в Лувр, чтобы еще раз полюбоваться неоконченной картиной Леонардо «Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом». Идти рядом с великим человеком, даже не претендуя на равенство, – вот одно из преимуществ, которые получал Фрейд от написания психоаналитической биографии.

В ноябре 1909 года, вскоре после возвращения из Соединенных Штатов, Фрейд жаловался Ференци на здоровье, которое оставляет желать лучшего, но тут же прибавлял: «Мои мысли теперь, в той степени, в которой я могу их слышать, с Леонардо да Винчи и мифологией». В марте 1910 года он извинялся перед Ференци за то, что отправил ему всего одно короткое письмо: «Мне хочется писать о Леонардо». «Этот «Леонардо», – признавался мэтр Лу Андреас-Саломе в приступе ностальгии почти через 10 лет после публикации работы, – единственная прекрасная вещь, которую я написал».

Пристрастность не помешала основателю психоанализа увидеть риск, на который он идет. Впервые сообщая Ференци о своем новом, «знаменитом» пациенте в ноябре 1909 года, он отрицал, что задумал нечто большее. В точно таком же тоне основатель психоанализа представлял свою работу Эрнесту Джонсу: «Не стоит ждать слишком много от «Леонардо», который выйдет в следующем месяце. Ни секрета «Мадонны в скалах», ни разрешения загадки «Моны Лизы». Ограничив свои надежды, вы получите большее удовольствие». Немецкого художника Германа Штрука он предупреждал, что «брошюра» о Леонардо была «наполовину романом» – halbe Romandichtung, – и отмечал: «Я бы не хотел, чтобы вы судили о достоверности других наших

исследований по этому образцу».

Некоторые из первых читателей этого «наполовину романа» не соглашались с оценкой Фрейда, и он был им благодарен. «Л[еонардо], похоже, доставил удовольствие нашим товарищам», – радостно отмечал мэтр в июне 1910 года. И сие соответствовало действительности. «Этот анализ, – писал Абрахам, только что прочитавший экземпляр, присланный ему Фрейдом, – настолько изящен и совершенен по форме, что я не знаю ничего, что могло бы с ним сравниться». Юнг выразился еще лиричнее. «Леонардо, – говорил он Фрейду, – прекрасен». Хэвлок Эллис, первый рецензент работы, был дружелюбен, как всегда, радовался Фрейд. Такой прием позволил основателю психоанализа использовать «Леонардо» как лакмусовую бумажку, чтобы разделить своих и чужих. Работа понравилась всем друзьям, писал он Абрахаму летом 1910 года, и «…я надеюсь, вызовет отвращение у всех чужаков».

Тон самой работы о Леонардо гораздо менее напористый – осторожный и необыкновенно скромный. В первых же строках Фрейд оговаривается, что психиатрическое исследование не ставит целью очернить лучезарное и втоптать в грязь возвышенное. Но Леонардо – один из величайших людей итальянского Ренессанса, вызывавший удивление уже у современников, в то же время был таким же человеком, как и все, – «никто не велик настолько, чтобы для него было унизительно подлежать законам, одинаково господствующим над нормальным и болезненным». В самой статье Фрейд обосновывал необходимость написания патографии Леонардо тем, что обычные биографы идеализируют своего героя и дают холодный, чуждый, идеальный образ вместо человека, которого мы могли бы чувствовать хотя и далеким, но родным. Мэтр заверял читателей, что его очерк направлен лишь на выявление условий душевного и интеллектуального развития Леонардо: даже если друзья и знатоки психоанализа посчитают, что он «…просто написал психологический роман, то отвечу, что я, конечно, не переоцениваю достоверность моих выводов»[138]. Как бы то ни было, признавал Фрейд, достоверного биографического материала о Леонардо крайне мало, и тот ненадежен. С некоторой долей юмора он пытался сложить составную картинку-загадку, бо2льшая часть фрагментов которой отсутствовала, а сохранившиеся практически не поддавались идентификации. Куда их класть?..

Для защиты от придирчивых критиков Фрейд воздвиг своего рода стены, однако они не могли скрыть, что «Леонардо»,

несмотря на весь блеск рассуждений, имеет серьезные недостатки. Большинство свидетельств, которые использовал основатель психоанализа, чтобы написать портрет Леонардо, спорны или дефектны. Литературный портрет титана вполне правдоподобен: это художник, который все время испытывал трудности с завершением своих работ и в зрелом возрасте вообще отказался от искусства в пользу науки, скрытый гомосексуалист, оставивший миру одну из величайших загадок искусства – улыбку Моны Лизы. Однако правдоподобие нарисованного Фрейдом портрета основано вовсе не на тех аргументах, которые он выбрал.

Доводы мэтра необычайно просты. Он предложил рассматривать Леонардо и его работы с точки зрения двух моментов в его жизни: опыта взрослого человека и воспоминаний о детстве, причем второе пробуждается первым[139]. Формирующий опыт, который имел в виду основатель психоанализа, – работа над портретом Моны Лизы, и он надеялся реконструировать и истолковать воспоминания, пробуждавшиеся у Леонардо этими сеансами, из того материала, который был ему доступен. Фрейду повезло, хотя удача стала результатом тщательной подготовки. Искомый ключ он обнаружил среди огромного количества записок Леонардо. В этой смеси теснящих друг друга фактов, сплетения карикатур, описаний научных экспериментов, чертежей оружия и фортификационных сооружений, размышлений о морали и мифологии и финансовых расчетов Леонардо всего лишь раз обратился к своему детству, когда обдумывал полет птиц. Фрейд выжал из своей редкой находки все, что только можно. Леонардо вспоминал один странный, похожий на сон эпизод. «Кажется, – приводил основатель психоанализа его слова, – что уже заранее мне было предназначено так основательно заниматься грифом, потому что мне приходит в голову как будто очень раннее воспоминание, что, когда я лежал еще в колыбели, прилетел ко мне гриф, открыл мне своим хвостом рот и много раз толкнулся хвостом в мои губы». Мэтр был убежден, что это более поздняя фантазия, а не настоящее воспоминание, – фантазия, которая при должном исследовании способна раскрыть нам эмоциональную и художественную эволюцию Леонардо.

Зигмунд Фрейд проявил немалую эрудицию в том, что касалось птицы, напавшей на лежавшего в колыбели маленького Леонардо. В Древнем Египте, как, быть может, было известно гению Ренессанса, иероглиф в виде грифа использовался для обозначения слова «мать». Более того, по христианской легенде, которую тоже мог знать Леонардо, грифы были только самками –

это поэтичный символ непорочного зачатия, от ветра. Теперь, по словам Фрейда, Леонардо становится детенышем грифа, имевшим мать, но не имевшим отца. Так основатель психоанализа намекал на то, что Леонардо был незаконнорожденным. Поэтому, делает он вывод, первые годы жизни мальчик провел рядом с матерью, которая его страстно любила. Такая любовь должна была оказать огромное влияние на его внутреннюю жизнь. Значит, в тот период, когда закладываются основы характера, отца рядом с Леонардо не было: «Страстность ласк, на которую указывает его фантазия о грифе, была более чем естественна: бедная покинутая мать принуждена была все воспоминание о былой нежности и свою страсть излить в материнской любви; она должна была поступать так, чтобы вознаградить себя за то, что лишена была мужа, а также вознаградить ребенка, не имевшего отца, который бы его приласкал. Таким образом, она, как это бывает с неудовлетворенными матерями, заменила своего мужа маленьким сыном и слишком ранним развитием его эротики похитила у него часть его мужественности». Значит ли это, что мать Леонардо невольно создала условия для его гомосексуальности?

В письме к Юнгу, в котором Фрейд впервые объявил о разрешении загадки Леонардо, мэтр дразнит его таким заявлением, не приводя никаких подробностей: «Недавно я наткнулся на нечто похожее (но без его гениальности) у невротика». Это стало одной из причин, почему он был так уверен, что смог реконструировать юные годы Леонардо, о которых не сохранилось никаких сведений: фантазия о грифе оказалась для него наполнена клиническими ассоциациями. Как мы уже отмечали, кушетка Фрейда и его письменный стол были очень близки – как физически, так и «эмоционально». Основатель психоанализа не сомневался, что воспоминания Леонардо отражали одновременно пассивный гомосексуальный оральный секс и сосание груди матери.

Конечно, это был уже знакомый принцип психоанализа, который раз за разом подтверждали пациенты мэтра, – неизбежная связь между эмоциональной привязанностью в первые годы жизни и желаниями взрослого человека. В особенности, отмечал Фрейд, это касается «всех наших гомосексуальных мужчин», у которых связь проявляется практически одинаковым образом. «В раннем, впоследствии индивидуумом позабытом детстве» у них было «очень интенсивное эротическое влечение к лицу женского пола, обыкновенно к матери, вызванное или находившее себе поощрение в слишком сильной нежности самой

матери и далее подкрепленное отступлением на задний план отца в жизни ребенка». Фрейд считал это предварительной стадией гомосексуального развития, сменяемой этапом, когда «мальчик вытесняет любовь к матери, ставя самого себя на ее место, отождествляет себя с матерью и свою собственную личность берет за образец, выбирая схожие с ним объекты любви». Таким образом, продолжает мэтр, Леонардо «стал гомосексуальным; в сущности, он возвратился к аутоэротизму, потому что мальчики, которых теперь любит взрослый, все же только заместители и возобновители его собственной детской личности, и он любит их так, как мать любила его ребенком». Другими словами, психоаналитики считают, что «он находит свои предметы любви путем нарциссизма, потому что греческая сага называет Нарциссом юношу, которому ничто так не нравилось, как собственное изображение». Эта фраза знаменует очень важный момент в истории психоанализа: здесь Фрейд впервые в своих трудах ввел понятие нарциссизма, первой стадии эротической любви к самому себе, которую он считал промежуточной между примитивным аутоэротизмом младенца и объектной любовью растущего ребенка. Вскоре нарциссизм занял центральное место в его размышлениях.

То обстоятельство, что поначалу Леонардо воспитывался без отца, полагал Фрейд, должно было сформировать его характер. Однако характер мальчика формировался и еще одним решительным вмешательством мира взрослых. Вскоре после рождения Леонардо его отец женился, а когда сыну было три года, взял его к себе в дом. Таким образом, Леонардо рос с двумя матерями. Вскоре после 1500 года, когда художник начал работать над «Моной Лизой», ее двусмысленная туманная улыбка напомнила ему деспотическую энергичность двух любящих красивых молодых женщин, которые вместе царили в его детстве. Творческая искра, которая рождает искусство, проскакивая между опытом и памятью, придала бессмертие портрету загадочной и привлекательной Моны Лизы. Затем, когда Леонардо писал «Святую Анну с Мадонной и младенцем Христом», он изобразил двух своих матерей, какими их помнил (или чувствовал?), – одного возраста, с тонкой и загадочной улыбкой Джоконды.

Следует еще раз отметить, что, несмотря на все эти поиски, Фрейд не поддался искушению заявить, что разгадал тайну гения Леонардо. Однако он верил, что ухватил кончик нити, которая приведет его к сути личности великого художника. Отождествляя себя с отцом, человеком, который его зачал, Леонардо будет точно так же обращаться со своими «детьми»: страстность при создании, нетерпеливость в работе над скучными деталями,

неспособность следовать вдохновению до конца. Но, восставая против отца, он найдет путь к науке и, таким образом, может обменять подчинение авторитету на высшую лояльность – подчинение факту. Почти с явным одобрением Фрейд цитирует слова Леонардо, «смелое положение, которое защищает всякое свободное исследование: «Кто в борьбе мнений опирается на авторитет, тот работает своею памятью, вместо того чтобы работать умом». Леонардо энергично вытеснял свои сексуальные страсти другой страстью – к независимым научным исследованиям. Трудно сказать, когда именно и до какой степени основатель психоанализа начал отождествлять себя с Леонардо, но, цитируя гордую максиму инакомыслящего ученого, он был согласен со своим «пациентом».

Любовь Фрейда к этому эксперименту в области психоаналитической биографии была совсем не случайной[140]. Схематичное изображение главной дороги к гомосексуальности – сильная и чрезвычайно продолжительная эдипова привязанность к нежной матери, возвращение к этой стадии, отождествление себя с матерью, любовь других подростков мужского пола, как будто они были им, любимый сын – определяет интерес и значимость этой работы. Встречающиеся в тексте замечания Фрейда о защитной уловке, которую он называет вытеснением, всегда носят характер предположений, даже если не способны дать ответ на вопрос, каким образом психика направляет энергию инстинкта в область культуры, например в искусство или науку. Но при внимательном рассмотрении начинает проявляться непрочная ткань аргументации основателя психоанализа. Его утверждение, что Леонардо в той или иной степени был автором идеи изобразить святую Анну молодой, необоснованно, даже если выбор да Винчи такой условности, как изображение матери и дочери одного возраста, может служить ключом к состоянию его психики. Кроме того, предположение Фрейда, что отец Леонардо взял сына к себе в дом только через три года после женитьбы, противоречит другим свидетельствам[141].

Все это достаточно шатко, но самая ненадежная нить в ткани рассуждений мэтра – фантазия о грифе. Основатель психоанализа пользовался немецкими переводами записок Леонардо, в которых слово nibbio ошибочно переведено как «гриф», а не как «коршун». С учетом этой ошибки, впервые обнаруженной в 1923 году, но не признанной ни Фрейдом, ни каким-либо другим психоаналитиком при его жизни, конструкция коршун-мать со всеми ее серьезными последствиями оказывается несостоятельной. Гриф является очень популярным персонажем

мифов, а коршун – обычная птица. Рассказ Леонардо о птице остается яркой драматизацией, возможно напоминая о грудном вскармливании, сексуальном опыте или, что более вероятно, о гомосексуальной фантазии, а может быть, он в концентрированной форме вобрал в себя все эти воспоминания. Однако все громадное сооружение, которое воздвиг Фрейд на неточном переводе, обращается в пыль.

В совокупности эти ошибки существенно снижают достоверность нарисованного основателем психоанализа портрета. Хотя его любимая конструкция остается лишь скромными предположениями. Тем не менее, несмотря на то что Фрейду, скорее всего, указывали на неправильный перевод, превративший коршуна в грифа, он не внес никаких исправлений в текст. На протяжении всей своей карьеры теоретика психоанализа Зигмунд Фрейд демонстрировал готовность пересматривать гораздо более важные и давние идеи. Но только не «Леонардо».

Существовали и другие причины упрямства мэтра. Вне всяких сомнений, статья о Леонардо предлагала ему заманчивые профессиональные выгоды. В письме к Юнгу об «анализе» Леонардо Фрейд отмечал, почти по ассоциации: «Я все больше и больше склоняюсь к уважению теории инфантильной сексуальности, к которой я относился, кстати, с преступной несерьезностью». Это было немотивированное напоминание Юнгу, что Фрейд не склонен к компромиссу по спорному вопросу либидо. В это непростое десятилетие полемические заявления, адресованные как откровенным противникам, так и колеблющимся сторонникам, были для основателя психоанализа обычным делом.

Тем не менее за действиями Фрейда стояли и не столь явные силы: 2 декабря 1909 года, на следующий день после доклада перед Венским психоаналитическим обществом о своем исследовании личности Леонардо, он писал Юнгу со смесью облегчения и самокритики, что недоволен собственной лекцией, но надеется, что теперь, после того как она прочитана, получит некоторую передышку от своих навязчивых мыслей. «Навязчивых» – довольно жесткое определение, но Фрейд выразился именно так. Без этого он, возможно, и не написал бы свой психоаналитический роман.

Тайная энергия, питавшая эту идею, действительно навязчивую, оставила явные следы в переписке и поведении Фрейда того периода. Ее источником были воспоминания о Флиссе, с которым, по его мнению – ошибочному, – он навсегда

покончил. Мысли о близком друге – уже не бывшим другом – заставили основателя психоанализа снова исследовать свою эмоциональную сдержанность, давали процессу самоанализа много мучительной работы[142]. В декабре 1910 года он сообщал Ференци: «Флисса – вас это чрезвычайно интересовало – я преодолел». И тут же прибавил, причем ассоциация основателя психоанализа не вызывает сомнений: «Адлер – маленький призрак Флисса, такой же параноик. Штекель – дополнение к нему, по крайней мере с тем же именем Вильгельм». Фрейд везде видел Вильгельма Флисса, находил его черты в других людях. «Адлер, – писал он Юнгу, – вызывает у меня воспоминания о Флиссе, на октаву ниже. Та же самая паранойя». Когда мэтр писал эти строки, он уже работал над статьей о Шребере, история болезни которого послужит яркой иллюстрацией его тезиса, выдвинутого некоторое время назад: главным фактором паранойи является скрытая гомосексуальность. «У моего бывшего друга Флисса, – уже говорил он Юнгу в 1908-м, – развилась чистейшая паранойя после того, как он преодолел свое влечение ко мне, явно не такое уж слабое». Всегда готовый перевести личные неприятности в теорию психоанализа, Фрейд полагал, что именно поведение Флисса натолкнуло его на эту идею, убедительно подтвержденную несколькими пациентами.

В соответствии с разработанным Зигмундом Фрейдом профессиональным словарем назвать кого-то параноиком – значит назвать его гомосексуалистом, по крайней мере скрытым. Это было следствием бессознательных гомоэротических чувств, бурливших в душе самого мэтра. Что бы он ни говорил Юнгу, сам Фрейд пытался проанализировать свои чувства к Флиссу, а не чувства Флисса к нему – проанализировать и, следовательно, по возможности избавиться от них. Осенью 1910 года, отвергая чрезмерные притязания Ференци на близость, Фрейд предупреждал его: «После разрыва с Флиссом, отношения с которым, как вы недавно обнаружили, я до сих пор пытаюсь переосмыслить, такая потребность у меня отсутствовала. Частица гомосексуального заряда оказалась снятой и использованной для расширения моего собственного «Я». Я преуспел в том, в чем потерпел неудачу параноик». Как он признавался Юнгу, этот «гомосексуальный заряд» был не таким уж непреодолимым. В конце сентября в письме из Рима Фрейд жаловался на Ференци, «очень милого парня, но в какой-то степени странно мечтательного и инфантильного в отношении меня», чрезмерно восторженного и пассивного. «Он позволил делать с ним все, что угодно, как с женщиной, но моя гомосексуальность, как бы то ни было, не заходит так далеко, чтобы считать его женщиной». Тем

не менее он признает то, что однажды назвал андрофильным элементом в самом себе.

Двумя годами позже, анализируя один из своих знаменитых обмороков, основатель психоанализа поставил себе не менее беспощадный диагноз. Как нам известно, в ноябре 1912 года в Мюнхене на частной встрече психоаналитиков в присутствии Юнга Фрейд лишился чувств. Он полагал, что объяснение настоятельно необходимо, потому что это был не первый подобный случай. Как мэтр сообщал Эрнесту Джонсу, такое с ним уже случалось дважды, один раз в 1906-м и один раз в 1908-м – он испытал очень сходные, но не столь резко выраженные симптомы в той же комнате «Парк-отеля»: «…в обоих случаях мне пришлось выйти из-за стола». В 1909 году мэтр снова упал в обморок в присутствии Юнга, в Бремене, перед тем как подняться на борт судна, отправляющегося в Соединенные Штаты. Размышляя над этой историей, Фрейд сообщал Ференци, что полностью восстановился и аналитически разобрал мюнхенский приступ головокружения. Эти приступы, полагал он, указывают на крайнюю важность переживаний самого раннего детства, связанных со смертью. Фрейд имел в виду своего младшего брата, который умер, когда ему самому еще не исполнилось двух лет, и чью смерть он воспринял с греховным облегчением.

Впрочем, всего днем раньше в письме к Эрнесту Джонсу Фрейд предложил более глубокое объяснение: он устал, мало спал, много курил и почувствовал перемену в письмах Юнга, от нежности к властной надменности. Но еще важнее был тот факт, что комната в «Парк-отеле», где с Фрейдом случались приступы головокружения, вызывала у него стойкие ассоциации. «Впервые Мюнхен я увидел, посетив заболевшего Флисса, и этот город прочно связался с моим к нему [Флиссу] отношением. В основе этого случая лежит некоторая доля неконтролируемого гомосексуального влечения». Джонс считал себя достаточно близким к мэтру и позволил себе проявить определенный интерес к его приступу в Мюнхене. «Особенно, – откровенно прибавил он, – поскольку я подозревал гомосексуальный элемент, именно в этом и заключался смысл моего замечания при прощании на станции, когда я сказал, что вам будет трудно отказаться от своего чувства к Юнгу (имея в виду, что, возможно, имеет место перенос на него более ранней вашей привязанности)». Фрейд с готовностью принял формулировку Джонса: «Вы правы, предполагая, что я перенес на Юнга гомосекс[суальные] чувства из другой части, но я рад обнаружить, что мне не составляет труда вывести их из свободного обращения. Мы еще подробно обсудим этот вопрос». Некоторые чувства, которые вызывал Юнг,

были, как справедливо заметил Фрейд, из другой части: как и его предшественник Адлер, Юнг стал призраком Флисса. Не имело никакого значения, что визит Фрейда к больному Флиссу в Мюнхен, который запустил механизм воспоминаний, случился почти двумя десятилетиями раньше, в 1894 году. Чувства Фрейда к Флиссу нисколько не ослабли.

Эти чувства, как и любые другие эротические, были неоднозначными. Еще раз анализируя данный эпизод – чуть позже, с Бинсвангером, – Фрейд повторяет: «Вытесненные эмоции, направленные теперь на Юнга, как ранее на его предшественника, – вот что сыграло главную роль». Воспоминания по-прежнему преследуют его – единственные чувства, которые теперь способен испытывать Фрейд в отношении Флисса или его более поздних заменителей, были полной противоположностью тем, которые он испытывал к своему второму «Я» из Берлина. Раздраженный поведением Адлера и Штекеля, Фрейд был расстроен поведением Юнга, желавшего, как он считал, ему смерти, и воспоминаниями о том, что он сам желал смерти младшему брату. Однако за всеми этими чувствами дымились руины, которые было невозможно ни игнорировать, ни быстро разобрать. Его сильная любовь – и ненависть – к Флиссу…

Это было необъяснимо: Флисс продолжал проникать в жизнь Фрейда в самых неожиданных местах. В 1911 году основатель психоанализа рассказывает об одной из самых сильных головных болей, которые ему приходилось испытывать, и обращается к периодизации, которой научился от Флисса, отсчитывая начало приступа от дня рождения: «С 29 мая (6 мая + 23) я очень страдал от сильной мигрени». Прошло больше года, и Фрейд, поглощенный мыслями о Юнге, снова обнаружил, что опять возвращается в прошлое. «Только что пришел с «Дон Жуана», – сообщал он Ференци. – Во втором акте, во время веселого ужина, приглашенные музыканты исполняют отрывок арии из моцартовской «Свадьбы Фигаро», и Лепорелло замечает: «Это что-то мне очень знакомо». Фрейд нашел хорошее применение текущей ситуации. «Да, мне тоже музыка кажется очень знакомой. Все это я уже переживал до 1906 года [с Флиссом в последние, трудные годы их дружбы]: те же возражения, те же пророчества, те же заявления, от которых я теперь избавился». Было бы преувеличением считать, что бессознательные чувства Фрейда, особенно вытесненные чувства к Флиссу, полностью определяют содержание его статей о Леонардо и Шребере. Не подлежит сомнению, что неожиданное появление пациентов с паранойей, которые обращались за помощью, участвовало в формировании его клинических и теоретических интересов в 1910 году. Кроме

того, заимствования Фрейда из непрерывного самоанализа нисколько не уменьшают ценность его открытий. Заявляя, что преодолел Флисса, и демонстрируя, что это не так, основатель психоанализа использовал свое подсознание во благо. Он был абсолютно серьезен, когда в начале 1908-го, рассуждая о том, что называл паранойей Флисса, говорил Юнгу: «Следует стараться извлекать пользу из всего». Это «все» включало и его самого.

Весной 1910 года, вычитывая гранки «Воспоминаний детства Леонардо да Винчи», Фрейд уже начал размышлять над новым, не менее исключительным случаем, историей болезни выдающегося саксонского юриста и известного параноика Даниеля Пауля Шребера. Эмоционально, хронологически и во многих других отношениях статья мэтра о Шребере была дополнением к «Леонардо». Фрейд никогда не встречался с двумя этими «пациентами»; для анализа да Винчи в его распоряжении имелись заметки и рисунки титана эпохи Возрождения, а для анализа Шребера – всего лишь автобиография. Подобно Леонардо, Шребер был гомосексуалистом, и поэтому Фрейд мог не отклоняться от темы, которая так занимала его на протяжении многих лет. И подобно Леонардо, Шребер стал для основателя психоанализа источником истинного удовольствия. Фрейд любовно называл Шребера удивительным и в шутку предлагал сделать его профессором психиатрии и директором клиники для душевнобольных.

К тому времени, как Фрейд наткнулся на случай Шребера, он уже больше двух лет размышлял над паранойей. В феврале 1908 года мэтр сообщал Ференци, что только что у него была пациентка с «полноценным» случаем этого заболевания. Фрейд полагал, что она находится «вероятно, за пределами терап[евтического] воздействия», однако он чувствует себя обязанным взяться за ее лечение: «В любом случае у нее можно многому научиться»[143]. Шесть недель спустя, обсуждая ту же пациентку, он повторил свое научное кредо о сочетании сопереживания и отстраненности. Основатель психоанализа не надеялся на успех лечения, но подчеркивал: «…мы нуждаемся в подобных анализах, чтобы наконец прийти к пониманию всех неврозов». Дразнящая загадка паранойи увлекла его. «Мы по-прежнему знаем о ней слишком мало, – писал он Ференци весной 1909 года, – и должны собирать материал и учиться»[144]. Неизменная оценка Фрейда себя как исследователя, а не врача получает в этих предписаниях убедительное подтверждение. Осенью того же года он проинформировал Абрахама, что погружен в серьезнейшую работу и чуть глубже проник в

паранойю. К тому времени случай Шребера стал очередной навязчивой идеей мэтра, не менее сильной, чем увлечение Леонардо.

Шребер с его фантастическими симптомами, которые с поразительной ясностью демонстрировали разрушительное действие психоза, идеально подходил для появления таких сильных реакций. Он родился в 1842 году в семье Даниеля Готлиба Морица Шребера, врача-ортопеда, автора многочисленных научных трудов и известного реформатора в области образования, и сделал успешную карьеру сначала в качестве чиновника саксонской системы судебных органов, а затем судьи. В октябре 1884-го Шребер выдвинул свою кандидатуру в рейхстаг как единый кандидат от консервативной и национал-либеральной партий, выступавших за бисмарковский закон и порядок, но потерпел сокрушительное поражение от кандидата социал-демократов, местного любимца. Первый нервный срыв, который Шребер, подобно многим другим, приписал переутомлению, случился вскоре после этого фиаско. Он страдал от ипохондрического бреда и несколько месяцев провел в лечебнице для душевнобольных. В декабре его поместили в психиатрическую больницу Лейпцига. В июне 1885-го Шребера выписали, посчитав излечившимся, и в следующем году он был назначен судьей. В 1893-м Шребер, будучи блестящим профессионалом, получил назначение в верховный суд Саксонии, где председательствовал на процессах. Однако он начал жаловаться на бессонницу, пытался покончить с собой и в конце ноября снова попал в лейпцигскую клинику, пациентом которой был девять лет назад. Это было его второе, более серьезное душевное заболевание, длившееся до 1902 года, которое сам Шребер с выразительными подробностями описал в «Воспоминаниях невропатологического больного» – обширных записках, в следующем году вышедших в виде книги. Последние годы жизни Шребера омрачил еще один приступ болезни, снова потребовавший госпитализации. Когда в апреле 1911 года он умер, его история болезни, написанная Фрейдом, была уже в гранках.

Фрейд взял «Воспоминания…» Шребера – единственный материал, который у него был – в путешествие по Италии летом 1910 года. Он работал над этим случаем в Риме, а затем позже, всю осень, в Вене. Среди «пациентов», истории болезни которых мэтр считал нужным записать, Даниель Пауль Шребер отличался самыми яркими симптомами. Страдавший сильнейшей паранойей, он, как демонстрирует его книга, очень четко описывал свое состояние и красноречиво защищал себя: объемная

апология была написана для того, чтобы выйти из психиатрической лечебницы, в которую его поместили. Первые читатели из числа психиатров, в частности Блейлер и Фрейд, приняли мольбу Шребера о свободе – красноречивую, обстоятельную, многословную, со своей безумной логикой – за крупицы информации, свидетельствующие о затуманившемся разуме. Шребер был всего лишь книгой для психоаналитика, но Фрейд полагал, что сможет ее прочитать.

Похожая на манию озабоченность основателя психоанализа Шребером намекает на некий скрытый интерес, который и был движущей силой: Флисса. Но Фрейд не просто отдался на милость своих воспоминаний; он упорно работал и получал некое комическое облегчение от Шребера, даже пересыпая свои письма фантастическими неологизмами из его книги. Это были знаменитые «шреберизмы» – «нервные контакты», «убийство души», «сотворенное чудом» – оригинальные, вызывающие ассоциации, достойные цитирования. Корреспонденты Фрейда подхватывали от него эти выражения и тоже использовали их. Словарь Даниеля Пауля Шребера стал чем-то вроде пароля среди своих, признаком признания и близости. Фрейд и Юнг, Абрахам и Ференци с удовольствием использовали «убийство души» и другие перлы Шребера.

Тем не менее работа Фрейда над этим случаем была не лишена оттенка тревоги. Она проходила в разгар жестокой битвы с Адлером, которая, как признавался мэтр Юнгу, далась ему тяжело, «поскольку разбередила раны, оставшиеся от отношений с Флиссом». Адлер потревожил спокойствие основателя психоанализа во время «работы над паранойей» – очерком о Шребере. «На этот раз я не уверен, удастся ли мне освободить ее от собственных комплексов». Подозрения основателя психоанализа насчет невидимых связей были вполне обоснованными, хотя эти связи являлись не совсем такими, какими их видел Фрейд. Он винил свои воспоминания о Флиссе в том, что они мешают ему работать над случаем Шребера, однако эти воспоминания были также причиной его необыкновенной сосредоточенности на данной работе. Изучать Шребера означало вспоминать Флисса, но воспоминания о Флиссе помогали понимать Шребера. Разве оба они не были жертвами паранойи? Вне всяких сомнений, это в высшей степени тенденциозное толкование психической эволюции Флисса. Оправданно или нет, но Фрейд использовал случай Шребера для того, чтобы вновь воспроизвести и проанализировать то, что он называл (дружеский реверанс в сторону мэтра, который изобрел сей термин) своими комплексами.

Юнг, впоследствии утверждавший, что именно он привлек внимание к Шреберу, сначала приветствовал статью Фрейда как милую и забавную, блестяще написанную. Но это было в 1911 году, когда Юнг все еще называл себя преданным сыном основателя психоанализа. Позже он объявил, что чрезвычайно недоволен тем, как Фрейд проанализировал Шребера. Это неудивительно: составленная мэтром история болезни Даниеля Пауля Шребера подкрепляет психоаналитические теории, особенно о сексуальности, и, таким образом, подобно предшествующей статье о Леонардо, содержит явную критику зарождавшейся психологической системы Юнга. «Этот отрывок в вашем анализе Шребера, где вы затрагиваете проблему либидо, – писал Юнг Фрейду в конце 1911 года, – был одним из пунктов, в котором нить моих рассуждений пересеклась с вашей». Месяц спустя Юнг выразил свое недовольство более резко: случай Шребера пробудил в нем «расходящееся эхо» и возродил все его старые сомнения о применимости фрейдовской теории либидо к больным психозом.

В своих «Воспоминаниях» Даниель Пауль Шребер подробно изложил претенциозную теорию мироздания, а также сложную теологию и приписал себе особую миссию, требующую перемены пола. С необычной откровенностью, на которую счел необходимым обратить внимание Фрейд, Шребер не отрицал свой бред, и судьи, вернувшие ему свободу, суммировали заявления своего бывшего коллеги так: «Он считает себя призванным спасти мир и возвратить ему утраченное блаженство» (психическое состояние, которое Фрейд открыто связывал со сладострастными чувствами). «Но сделать это он сможет только тогда, когда перед этим из мужчины превратится в женщину»[145]. Улыбка, которую могла вызвать такая необычная программа, полностью перечеркивалась страданиями, выпавшими на долю Шребера. Есть что-то бесчувственное в том, как Фрейд и его корреспонденты обменивались забавными «шреберизмами». Сам Даниель Пауль Шребер испытывал сильнейшие душевные муки. Его преследовали тревоги относительно состояния здоровья, пугающие физические симптомы, страх смерти и пыток. Временами ему казалось, что у него отсутствуют важные части тела, которые затем чудесным образом к нему возвращались. Шребера посещали неприятные слуховые галлюцинации: голоса называли его «мисс Шребер» или выражали удивление таким председателем судебной коллегии, «который позволяет себя е…»[146]. Иногда он много часов пребывал в ступоре. Желание умереть стало для него привычным. У Шребера были загадочные

видения, во время которых он общался с Богом и с демонами. Мания преследования, классический симптом паранойи, также не давала ему покоя: чаще всего за ним крался доктор Флехсиг, его лечащий врач из психиатрической клиники Лейпцига, – Шребер называл его душегубом. Все, в том числе Бог, ополчились против него. Бог, которого воображал Шребер, был очень странным, таким же ограниченным в своих действиях, как самый обычный, несовершенный человек. Он не понимал людей, принимал Шребера за идиота и побуждал его опорожнять кишечник, постоянно спрашивая: «Почему вы не какали?»

Фрейд не упустил представившиеся ему великолепные возможности для толкования каждой страницы «Воспоминаний». Откровенная чувственность Шребера, анальная и генитальная, его исполненные тайного смысла неологизмы, его явная женственность – все это были необыкновенно информативные ключи к пониманию психики этого человека. На протяжении нескольких десятилетий мэтр настаивал на том, что самые безумные идеи самых тяжелых пациентов с психозом представляют собой сообщения, обладающие своей извращенной рациональностью. Верный этому убеждению, Фрейд решил не отбрасывать признания Шребера, а истолковать их. Основатель психоанализа воспринимал его систему мироздания как согласованный набор метаморфоз, предназначенный для того, чтобы сделать непереносимое переносимым: Даниель Пауль Шребер наделял своих врагов, будь то Бог или доктор Флехсиг, такой злобной силой потому, что они были для него очень важны. Другими словами, Шребер стал так сильно ненавидеть их потому, что раньше так сильно любил. Для Фрейда паранойя была психическим заболеванием, в котором с непревзойденной яркостью проявлялись такие средства психологической защиты, как инверсия и – в еще большей степени – проекция[147]. «Ядром конфликта при паранойе, – как сформулировал Фрейд в истории болезни Шребера, – является гомосексуальная фантазия-желание о любви к мужчине». Параноик превращает заявление «Я люблю его» в противоположное – «Я ненавижу его»; это и есть инверсия. Затем больной заявляет: «Я его ненавижу, потому что он преследует меня»; это проекция. Самого себя основатель психоанализа не считал параноиком. Он говорил Ференци, что ему удалось поставить гомоэротические эмоции на службу своему эго. Однако мэтр чувствовал, что удивительная трансформация любви Шребера в ненависть в определенной степени применима и к нему.

Тем не менее история болезни Шребера и другие исследования Фрейда, посвященные паранойе, были не

автобиографией, а наукой. В его письмах того периода есть масса свидетельств, что смелое предположение о механизме действия паранойи требует дальнейшей эмпирической работы с пациентами, прежде чем ее можно будет подтвердить. Но основатель психоанализа не сомневался, что общая гипотеза правильно описывает фатальную последовательность. Согласно схеме Фрейда, параноик реконструирует мир для того, чтобы выжить – в буквальном смысле слова. Эта переделка – чрезвычайно тяжелая работа – включает регрессию к нарциссизму, относительно примитивной стадии детской сексуальности, к которой Фрейд впервые привлек внимание несколькими месяцами раньше, в работе о Леонардо да Винчи. Теперь он решил описать ее более подробно. Пройдя первую стадию эротического развития, неопределенного аутоэротизма, ребенок сосредоточивает сексуальные желания на определенном объекте. Но сначала он выбирает себя, собственное тело, и лишь затем переходит к выбору объектом другого человека.

Фрейд постепенно приходил к выводу, что промежуточная нарциссическая стадия является важным этапом на пути к гетеросексуальной любви. Он утверждал, что главные этапы включают в себя примитивную оральную фазу, за которой следует анальная, потом фаллическая и позже генитальная. Путь это долгий, иногда непреодолимый… По всей видимости, многим людям так и не удается полностью освободиться от детской, нарциссической самововлеченности, которую они уносят с собой во взрослую сексуальную жизнь. Такие люди – Фрейд уделял им особое внимание – могут выбрать собственные гениталии в качестве объекта любви, а затем перейти к любви к другим людям, наделенным такими же гениталиями, как у них. Эта нарциссическая фиксация, как назвал ее основатель психоанализа, обусловливает и открытую гомосексуальность во взрослой жизни, и сублимацию гомосексуальных наклонностей в пассионарной дружбе или, на более поздней стадии, в любви к человечеству. Но путь созревания не просто, повторял мэтр, долгий и, возможно, непреодолимый. Он также извилистый и временами поворачивает назад: те, чье сексуальное развитие принимает гомоэротическое направление, могут захлебнуться в волнах чувственного возбуждения и ощутить необходимость вернуться к более ранней и, как они полагают, менее опасной стадии сексуальной целостности – нарциссизму.

У параноиков психоаналитик видит наиболее драматичные примеры подобной регрессии. Они пытаются защитить себя, серьезно искажая ощущения и чувства самыми невероятными фантазиями. Шребера, например, преследовало видение о

близком конце света. Фрейд утверждал, что такие пугающие мысли не редкость у страдающих паранойей. Лишив своей любви других людей и мир в целом, они проецируют свою «внутреннюю катастрофу» вовне и приходят к убеждению, что конец света неминуем. Именно на этой стадии начинается великая работа по реконструкции: мир уничтожен, и «параноик создает его заново, пусть и не прекраснее прежнего, но, по крайней мере, такой, что он снова может в нем жить. Он создает его благодаря работе своего бреда». Фактически «то, что мы считаем продуктом болезни, бредовым образованием, в действительности представляет собой попытку исцеления, реконструкцию».

Схема параноидального процесса, которую Зигмунд Фрейд составил на основе одного-единственного документа, была блестящим tour de force[148]. Ее четкие линии оказались немного подправлены в результате дальнейших исследований, но в целом авторитет этой схемы остался неизменным. В случае Шребера Фрейд с беспрецедентной ясностью продемонстрировал, как психика использует защитные механизмы, какими путями может пойти регрессия и какую цену придется уплатить за амбивалентность. Некоторые символы, связи и трансформации, который основатель психоанализа обнаружил у Шребера, казались очевидными после того, как он на них указал: солнце, вокруг которого Шребер строил свои огненные фантазии, символизировало отца, очень похожее отождествление доктора Флехсига и, что еще более важно, Бога со старшим Шребером – тоже врачом, интригующее сочетание религиозности и сладострастия у человека, всю жизнь равнодушного к религии и к тому же пуританина, и, самое главное, – необычное превращение любви в ненависть. Написанная Фрейдом история Даниеля Пауля Шребера доставляет читателям не меньшее интеллектуальное удовольствие, чем автору.

Назвав детство критически важной ареной возникновения психологического конфликта, Фрейд попытался, хотя и с некоторой неохотой, узнать о среде, в которой рос маленький Шребер. Он понимал, что эти сведения будут действительно полезны, поскольку семья Шребера изъяла из книги все нежелательное. «Поэтому я буду доволен, – с явным раздражением писал мэтр, – если мне удастся с некоторой определенностью объяснить ядро образования бреда его происхождением из известных нам человеческих мотивов». Он попросил доктора Арнольда Штегмана, одного из своих немецких сторонников, который жил недалеко от Шребера, «разнюхать» всякого рода личные сведения о старом Шребере. «От его отчетов

будет зависеть, как много я скажу об этих вещах публично». Ничего важного Штегману узнать не удалось, поскольку в опубликованной истории болезни Фрейд придерживался текста, предоставленного пациентом, с которым он не был знаком, однако в своей переписке мэтр позволял себе некоторые предположения. «Что бы ты сказал, – задавал он Ференци риторический вопрос, дразня его выражениями, позаимствованными у Шребера, – если бы старый доктор Шребер творил врачебные «чудеса»? Вдобавок ко всему он был домашним тираном, который кричал на сына и понимал его так же плохо, как нижнего бога нашего параноика». И прибавлял, что будет рад вкладу в его толкование Шребера.

Это была точная догадка, но, к сожалению, Фрейд, не обладая конфиденциальной информацией, не пошел по этому пути. Он даже не изучил опубликованные труды «старого доктора», популярные в свое время, которые могли бы многое ему открыть. Основатель психоанализа не нуждался ни в каких исследованиях, чтобы определить, что трактаты доктора Шребера принесли ему славу среди домохозяек. Старший Шребер стал известен всей стране благодаря пропаганде «гармоничного воспитания молодого поколения», а также репутации «основателя лечебной гимнастики в Германии». Несколько лет он был руководителем ортопедической клиники в Лейпциге, но наибольшую известность получил как энергичный пропагандист того, что впоследствии получило название Schrebergärten, маленьких участков в городе, которые оставались незастроенными и на которых тоскующие по земле горожане могли посадить овощи, несколько фруктовых деревьев или просто устроить зеленое местечко для отдыха.

Добыча информации о формировании младшего Шребера из психологических богатств, скрытых в произведениях отца, убедительно подтвердила бы давний тезис Фрейда о том, что психика проявляет необыкновенную изобретательность в формировании мысленных образов, используя материал, полученный из внешнего мира. Знакомство с монографиями Шребера-отца позволило бы Зигмунду Фрейду добавить некоторые нюансы в несколько упрощенный анализ его параноика-сына, однако мэтр по какой-то причине ограничился реконструкцией меланхолических попыток своего заочного пациента восстановить утраченное душевное равновесие как усилия хорошего мальчика, который любит отца запретной гомосексуальной любовью. Фактически Фрейд приписывал частичное выздоровление Шребера именно тому факту, что у него «комплекс отца» характеризовала «позитивная, по существу, окраска».

Неудача основателя психоанализа в понимании характера доктора Даниеля Готлиба Морица Шребера и отказ использовать догадку, что он мог быть домашним тираном, вполне объяснимы. Старший Шребер казался превосходным человеком. «Разумеется, такой отец вполне подходил для того, чтобы в нежных воспоминаниях сына, который так рано его лишился, прославляться как бог». Но Фрейд не знал, что этот добропорядочный и достойный восхищения отец несет более или менее прямую ответственность за самые сильные мучения, которые пришлось перенести его сыну. В своих «Воспоминаниях» Даниель Пауль Шребер пишет об ужасной Kopfzusammenschnürungsmaschine – машине, которая стискивает его голову. Неотъемлемая часть его бреда, эта машина была искаженной версией механического аппарата для выпрямления шеи, которым Мориц Шребер исправлял осанку своих детей, в том числе Даниеля Пауля. Подробностей семейной жизни Шреберов сохранилось немного, но не подлежит сомнению, что Даниель Пауль Шребер создал свой странный мир механических пыток по большей части из аппаратов, знакомых ему с детства. Последствия этого открытия трудно оценить. Основной диагноз Фрейда не подлежит обсуждению. Но за любовью, которую, по мнению основателя психоанализа, Шребер испытывал к своему идеальному отцу, похоже, скрывались накопленная обида и бессильная ненависть, питавшие страдания и гнев. Его параноидальные конструкции представляли собой карикатуру на реальные обиды. Каким бы удивительным ни казался Шребер в описании Фрейда, более полное исследование сделало бы его еще удивительнее.

Ради дела: «человек-волк»

К тому времени, как в декабре 1910-го Фрейд закончил свою работу о Шребере, он уже анализировал «человека-волка», который почти на год станет самым интересным из его пациентов. Когда Сергей Панкеев, молодой красивый русский аристократ, пришел к мэтру, он пребывал в жалком психологическом состоянии. Складывалось впечатление, что невроз у него усилился настолько, что превратился в запутанный клубок симптомов, не позволявших вести нормальную жизнь[149]. Путешествуя в роскоши, с собственным врачом и слугой, Панкеев проходил один курс лечения за другим, консультировался у многих дорогих специалистов, но все было тщетно. Его здоровье пошатнулось после заражения в 17 лет гонореей, и теперь, как выразился Фрейд, он был полностью зависим от других людей и

нежизнеспособен – existenzunfähig.

Вне всяких сомнений, основатель психоанализа был особенно рад заняться этим случаем, зная, что два видных специалиста, которых он считал своими врагами, Теодор Циген в Берлине и Эмиль Крепелин в Мюнхене, не смогли вылечить этого интересного молодого человека. После нескольких лет исполненного благих намерений интереса к психоанализу Циген, в то время руководитель отделения психиатрии в знаменитой больнице Шарите в Берлине, превратился в одного из самых громких очернителей Фрейда. Крепелин, за вклад в классификацию психиатрических заболеваний еще более известный, чем Циген, по большей части просто игнорировал Фрейда, хотя иногда злословил по поводу идей, от которых основатель психоанализа давно отказался. Прежде чем занять высокую должность в Берлине, Циген вторил публикациям Фрейда и Брейера середины 90-х годов XIX века в своих благосклонных комментариях насчет искусства слушать, которым должен овладеть психиатр, и абреакции чувств пациента, то есть повторного переживания травматического события с целью дать выход избытку сдерживаемых эмоций, но Крепелин никогда не считал ценными идеи и методы лечения Фрейда. Эти два специалиста принадлежали к числу самых видных представителей немецкой академической психиатрии того периода, когда Зигмунд Фрейд разрабатывал и совершенствовал свою систему идей. Однако они оказались не в состоянии помочь «человеку-волку».

Фрейд считал, что у него может получиться. «После ваших впечатляющих увещеваний позволить себе немного отдохнуть, – сообщал он Ференци в феврале 1910 года, – я… взял нового пациента из Одессы, очень богатого русского с навязчивыми ощущениями». Понаблюдав за Панкеевым некоторое время в больнице, мэтр, у которого появилось время в плотном графике, пригласил его в качестве пациента в квартиру на Берггассе, 19. Именно там русский аристократ нашел покой и целительную тишину консультационного кабинета доктора, а в самом докторе обрел внимательного и сочувствующего слушателя, который наконец дал ему надежду на выздоровление.

История болезни «человека-волка» относится к той серии трудов, в которую входят работы о Шребере и Леонардо. Все они должны были внести вклад в теорию и клиническую практику психоанализа, но в то же время, несмотря на все их достоинства и недостатки как литературы по психоанализу, также служили средством защиты его взглядов. Фрейд надеялся, что отчет о

лечении «человека-волка» так же эффективно, как и предыдущие, поможет ему в публичной дискуссии. Но не в устранении внутреннего разлада… Как он язвительно заметил на первой же странице, эта история болезни была написана для противодействия «новым истолкованиям» психоаналитических результатов, которые давали Юнг и Адлер. И вовсе не случайно она появилась осенью 1914 года; мэтр рассматривал этот очерк как дополнение к своей работе «Об истории психоаналитического движения», призыву к сплочению сторонников, выпущенному в начале того же года.

Свои агрессивные намерения Фрейд продемонстрировал уже выбором названия: «Из истории одного детского невроза». В конце концов, отмечает он, Юнг предпочел выделить «актуальность и регрессию», Адлер «эгоистические мотивы» – он намекал на то, что для первого память об инфантильной сексуальности представляет собой обратную проекцию более поздней фантазии, а для второго начальные якобы эротические импульсы по природе своей связаны не с сексом, а с агрессией. Тем не менее, настаивал Фрейд, они отбрасывали как заблуждение «как раз то, что в психоанализе является новым и составляет его своеобразие». Таким способом Юнгу и Адлеру было проще всего «отразить революционные атаки неудобного психоанализа». Вот почему Фрейд предпочел сосредоточиться на детском неврозе «человека-волка», а не на психотическом состоянии 23-летнего русского, который пришел к нему на консультацию в феврале 1910 года, когда основатель психоанализа завершал работу над «Леонардо».

История «человека-волка» заинтересовала Фрейда как идеально подходящий случай для демонстрации своих «неудобных» теорий, свободных от каких-либо малодушных компромиссов. Незамедлительно опубликовав эту историю болезни, основатель психоанализа мог бы использовать ее в кампании, прояснявшей его разногласия с Юнгом и Адлером. Но жизнь разрушила эти планы… История болезни «человека-волка» пала жертвой Первой мировой войны, которая практически свела к нулю публикации работ по психоанализу. Когда в 1918 году она наконец была опубликована, необходимость в клиническом подтверждении уже не являлась такой срочной. Но Фрейд всю жизнь размышлял над этим случаем, и нам нетрудно понять почему. Психологическая неразбериха, не дававшая покоя пациенту, казалась настолько поучительной, что мэтр публиковал будоражащие фрагменты, когда анализ еще не был закончен, и просил других психоаналитиков снабдить его материалом, который мог бы пролить свет на ранние сексуальные ощущения,

значимые для его удивительного пациента.

Эта история болезни в чем-то перекликалась с другими описанными Фрейдом случаями. Подобно Доре, «человек-волк» дал главный ключ к разгадке своего невроза в виде сна. Подобно маленькому Гансу, в раннем возрасте он страдал от страха перед животными. Подобно «человеку с крысами», на какое-то время погружался в невротические размышления и выполнял навязчивые ритуалы. «Человек-волк» обеспечивал самым последним теориям Фрейда – таким, как теория сексуальности у детей или теория развития структуры личности, – подтверждение реальным опытом. Однако анализ этого пациента не только подводил итог работы, которую выполнил Фрейд до тех пор, когда впервые повстречался с ним в 1910 году, но и рисовал дальнейшие перспективы; в нем предвосхищалось то, чем основатель психоанализа будет заниматься после окончания лечения, четыре года спустя.

Анализ начался драматично. После первого сеанса Фрейд конфиденциально сообщил Ференци, что новый пациент признался ему в следующем переносе: «…это еврей-шарлатан, который хотел бы поиметь меня в зад и нагадить мне на голову». Явно многообещающий, но, по всей видимости, трудный случай. Эмоциональная история, которую Фрейд с трудом вытянул из «человека-волка», фактически представляла собой душераздирающий рассказ о ранней сексуальной стимуляции, разрушительной тревоге, необычных эротических пристрастиях и полноценном неврозе навязчивости, который омрачил детство пациента. Когда мальчику было чуть больше трех лет, сестра вовлекла его в сексуальные забавы, играя его пенисом. Анна была на два года старше – своенравная, чувствительная и раскованная девочка, которой он восхищался и которой завидовал. Однако он считал сестру скорее соперницей, чем компаньонкой в детской эротической игре, и поэтому сопротивлялся ей и стремился «соблазнить» свою любимую няню, раздеваясь перед ней и мастурбируя. Няня поняла смысл его примитивной демонстрации и строго предупредила, что у детей, которые так делают, на этом месте появляется «рана». Скрытая угроза подействовала не сразу, как это обычно бывает при подобного рода угрозах, но после того, как мальчик подглядел за мочеиспусканием сестры и ее подруги и таким образом узнал, что не у всех людей есть пенис. Его стала занимать проблема кастрации.

В ужасе будущий «человек-волк» отступил на более раннюю фазу сексуального развития, к анальному, или сдерживаемому, садизму и мазохизму. Он жестоко мучил бабочек и с неменьшей жестокостью мучил себя самого устрашающими и одновременно

возбуждающими фантазиями о наказании за мастурбацию. «Отвергнутый» няней, он теперь – в истинно нарциссической манере – выбрал в качестве сексуального объекта отца. Мальчик хотел, чтобы отец его бил, и, устраивая бурные сцены, провоцировал – а скорее, соблазнял – того на применение физического наказания. Его характер изменился, и вскоре, когда малышу еще не исполнилось четырех лет, появился знаменитый сон о безмолвных волках, ставший главным объектом анализа Фрейда. Ребенку снилось, что он лежит ночью в своей кроватке, которая стояла изножьем к окну (не так, как в реальной жизни). Внезапно окно распахнулось, как будто само по себе, и испуганный мальчик увидел, что на ветвях большого орехового дерева сидят шесть или семь волков. Звери были белого цвета и больше напоминали лис или овчарок – большие пушистые хвосты и стоячие, как у насторожившихся собак, уши. «Испытывая сильный страх, очевидно, что волки меня съедят, я закричал и проснулся», – рассказывал пациент. Проснулся, как отмечает Фрейд, в тревожном состоянии. Через полгода у мальчика развился полноценный невроз страха, дополненный фобией животных. Он довел себя до исступления детскими религиозными загадками, неосознанно исполнял разнообразные ритуалы, страдал от приступов неконтролируемой ярости, боролся со своей детской сексуальностью, в которой гомосексуальные желания играли в основном скрытую роль.

Эти травматические эпизоды детства подготовили почву для невротического сексуального поведения «человека-волка». Некоторые последствия вселяющего страх опыта, подчиняющиеся тому, что психоаналитики называют принципом замедленного действия, проявились в виде серьезных психологических проблем лишь гораздо позже, в начале взрослой жизни. Пациент не переживал данные эпизоды как травмы до тех пор, пока его психическая организация не была готова к этому, однако они каким-то образом сформировали его предпочтения в любви: навязчивая тяга к женщинам с большими ягодицами, которые могли удовлетворить его стремление к половому сношению сзади, а также потребность принижать объекты любви, что достигалось выбором только служанок или крестьянских девушек.

Фрейд, прежде чем даже задумываться о восстановлении разорванной ткани эротической жизни «человека-волка», посчитал необходимым исследовать мелодраматические рассказы пациента о тех волнующих и разрушительных эпизодах из детства с участием сестры и няни. Панкеев настаивал на аутентичности этих историй, но мэтр, естественно, сомневался. Тем не менее, даже если все обстояло в точности так, как рассказывал пациент,

по мнению основателя психоанализа этого было недостаточно, чтобы объяснить серьезность детского невроза «человека-волка». Причины продолжительных страданий оставались неясными на протяжении нескольких лет лечения. Ясность постепенно приходила в процессе анализа главного сна – того, которому «человек-волк» обязан прозвищем.

По своей значимости в литературе по психоанализу сон о волках уступает лишь историческому сну об инъекции Ирме, который Фрейд проанализировал в 1895-м. Он не мог точно сказать, когда именно «человек-волк» вспомнил свой сон. Впоследствии пациент говорил, и основатель психоанализа согласился с ним, что это произошло в самом начале лечения, и на протяжении нескольких лет сон истолковывался снова и снова. В любом случае после рассказа о сне психоаналитику «человек-волк», художник-любитель, нарисовал волков (в данной версии их было всего пять), которые сидели на ветвях большого дерева и смотрели на сновидца.

С этим сном, увиденным почти 19 лет назад, пациент ассоциировал будоражащие воспоминания: ужас при виде изображения волка в книжке, которую сестра показывала ему с явным садистским удовольствием, стада овец, которых держали поблизости от имения отца и бо2льшая часть которых погибла во время эпидемии, рассказанная дедушкой история о волке с оторванным хвостом, а также сказки наподобие «Красной Шапочки». Эти откровения мэтр воспринимал как результат примитивного, глубоко запрятанного страха перед отцом. Свою лепту в содержание сна вносили тесно связанный с этим страх кастрации и желание маленького мальчика получить сексуальное удовлетворение от отца – сие желание трансформировалось в тревогу из-за мысли о том, что подобное удовлетворение означает кастрацию, превращение в девочку. Однако не все в этом сне было желанием или его результатом. Переданные в нем реалистические впечатления, а также полная неподвижность волков – качества, которым пациент придавал огромное значение, – привели Фрейда к предположению, что в явном содержании сна в искаженном виде воспроизведен фрагмент реальности. Данная гипотеза явилась результатом применения сформулированного основателем психоанализа правила, что работа сна неизбежно преображает впечатления или желания, зачастую превращая их в свою противоположность. Эти молчаливые, неподвижные волки должны означать, что юный сновидец действительно стал свидетелем волнующей сцены. Помогая Фрейду в его поисках – пассивно и вяло, – пациент истолковал внезапно распахнувшееся окно как способ сообщить,

что он проснулся, чтобы наблюдать эту сцену, какова бы ни была ее природа.

В этом месте истории болезни мэтр посчитал необходимым прерваться на комментарии. Он понимал, что способность победить недоверие ограничена даже у самых преданных его сторонников. «Боюсь, – писал он, подготавливая всех нас к сенсационному откровению, – что это будет также моментом, когда меня оставит вера читателя». Фрейд собирался сообщить информацию, извлеченную «человеком-волком» из глубин бессознательной памяти, должным образом приукрашенную и тщательно скрытую, – картину полового сношения родителей. В реконструкции Фрейда нет ничего неопределенного: пациент стал свидетелем трижды повторившегося коитуса, причем по крайней мере один раз a tergo[150], в позиции, когда наблюдателю видны гениталии обоих партнеров. Уже достаточно необычно, но основатель психоанализа на этом не остановился. Он убедил себя, что «человек-волк» наблюдал сие эротическое представление в возрасте полутора лет.

Впрочем, в этом месте Фрейд вспомнил об осторожности и почувствовал необходимость указать на собственные сомнения, не только ради читателя, но и ради себя самого. Нежный возраст наблюдателя не слишком его беспокоил; взрослые, утверждал мэтр, регулярно недооценивают способность детей видеть, а также понимать увиденное. Однако основатель психоанализа задавался вопросом, происходила сцена, так уверенно нарисованная пациентом, в реальной жизни или была плодом его воображения, основанным на наблюдениях за совокупляющимися животными. Фрейда, конечно, интересовала истина, однако он твердо заявил, что это, в сущности, не так уж и важно, ведь «сцены наблюдения за половым сношением родителей, совращения в детстве и угрозы кастрации являются несомненным унаследованным достоянием, филогенетическим наследием, но точно так же они могут быть приобретены благодаря личному переживанию»[151]. Выдумка это или реальность, воздействие на психику ребенка будет совершенно одинаковым. Поэтому Фрейд пока оставлял сей вопрос открытым.

Разумеется, проблема соотношения реальности и фантазии была для мэтра не нова. Как мы уже видели, в 1897 году он отказался от гипотезы, что реальные события – изнасилование или совращение детей – сами по себе могут вызывать невроз, в пользу теории, которая главную роль в формировании невротических конфликтов приписывала фантазиям. Теперь он снова доказывал формирующее влияние внутренних, по большей части бессознательных психических процессов. Фрейд не

настаивал, что психологические травмы являются исключительно следствием явно придуманных эпизодов. Скорее, он рассматривал фантазии как фрагменты увиденного и услышанного, вплетенные в ткань ментальной реальности. В последней части своей работы «Толкование сновидений» основатель психоанализа утверждал, что «психическая реальность» отличается от «материальной реальности», но она не менее важна. Именно такой подход мэтр считал необходимым при анализе сна о безмолвных волках на дереве – не только для науки, но и для полемики. Его утверждение, что воспоминания о первичной сцене должны иметь *некоторую* основу либо в реальности, будь то наблюдения за родителями или животными, либо в ранних фантазиях, было явно направлено против Юнга: смысл заключался в том, что невроз взрослого человека обусловлен полученным в детстве опытом, независимо от того, как этот опыт был искажен и скрыт последующими фантазиями. «Влияние детства, – с максимальным сочувствием говорит Фрейд, – становится ощутимым уже в начальной ситуации образования невроза, поскольку вместе с другими факторами оно решающим образом определяет, окажется ли индивид несостоятельным и в чем именно при решении реальных жизненных проблем».

Неспособность «человека-волка» справляться с проблемами взрослой жизни, как мы уже видели, определялась его постоянными неудачами в эротических привязанностях. И вовсе не случайно, что на протяжении нескольких лет, когда Фрейд анализировал этого пациента и писал историю его болезни, он обдумывал теорию сексуальной жизни. После 1910 года основатель психоанализа написал несколько статей на эту тему, однако не составил из них отдельную книгу. «Все уже когда-то было сказано», – однажды обмолвился он и, похоже, применял это усталое возражение к любви не в меньшей степени, чем к другим аспектам желания. Тем не менее, с учетом той важной роли, которую он приписывал сексуальной энергии в экономике психики[152], Фрейд не мог позволить себе полностью проигнорировать эту бесконечно обсуждаемую и не поддающуюся определению тему. Год за годом ему приходилось выслушивать пациентов, любовная жизнь которых была неудачной. Зигмунд Фрейд характеризовал «совершенно нормальное любовное поведение» как «два течения», сливающиеся друг с другом, «нежное и чувственное». Есть, правда, люди, которые, любя, не вожделеют, а вожделея, не могут любить, но подобное разделение является симптомом неправильного эмоционального развития, поэтому большинство таких индивидуумов воспринимают это расщепление как скорбное бремя. Однако подобные нарушения

встречаются очень часто, поскольку любовь, как и ее соперница ненависть, формируется в самом раннем детстве в примитивных формах, и в процессе взросления человека ей суждено пережить много сложностей: эдипова фаза, помимо всего прочего, является временем экспериментов и обучения в сфере любви. В кои-то веки соглашаясь с признанными авторитетами в этой области, Фрейд рассматривал нежность без вожделения как дружбу, а вожделение без нежности как похоть. Одна из главных целей психоанализа состояла в том, чтобы дать реалистические уроки любви и создать гармонию двух течений. В отношении «человека-волка» перспективы такого счастливого разрешения долгое время выглядели весьма туманными. Его непреодоленный анальный эротизм и такая же непреодоленная фиксация на отце, а также тайное желание иметь детей от отца стояли на пути такого развития – и на пути успешного завершения лечения.

Анализ «человека-волка» длился почти четыре с половиной года. Он мог бы продолжаться и дальше, если бы Фрейд не решил использовать необычный прием. Он обнаружил, что данный случай болезни не оставляет желать ничего лучшего в отношении «плодотворных трудностей». Однако на первом этапе трудности были скорее раздражающими, чем плодотворными. «Первые годы лечения едва ли принесли изменение». Пациент был сама вежливость, «но оставался недоступным, окопавшись за установкой послушной безучастности. Он внимательно слушал, понимал, но ничего не принимал близко к сердцу». Фрейд испытывал глубокое разочарование: «Его безупречная интеллигентность была словно отрезана от сил влечений, господствовавших над его поведением». «Человеку-волку» потребовалось много месяцев, чтобы наконец принять активное участие в анализе. Затем, почувствовав давление внутренних перемен, он возобновил свой неявный саботаж. Пациент, очевидно, уже привык к своему душевному состоянию и не соглашался поменять его на неопределенные выгоды относительной «нормы». Оказавшись в затруднительном положении, Фрейд установил дату окончания лечения – через год – и твердо придерживался своего решения. Риск был велик, хотя мэтр не шел на него, пока привязанность пациента к нему не стала достаточно сильной, чтобы дать надежду на успех.

Выбранная стратегия оправдалась. «Человек-волк» поверил в серьезность намерения своего психоаналитика, и под «неумолимым давлением» его сопротивление ослабло. Теперь он быстро предоставил весь «материал», который был необходим мэтру для устранения симптомов. К июню 1914 года Фрейд считал его – в полном согласии с мнением самого «человека-

волка» – более или менее излеченным. Пациент стал ощущать себя здоровым и даже собрался жениться[153]. Этот случай принес основателю психоанализа огромное удовлетворение, и его интерес к примененной технике – «шантажистскому приему», разработанному для того, чтобы вовлечь «человека-волка» в процесс анализа, – сохранился на долгие годы. Но подобная тактика, предупреждал Фрейд почти четверть века спустя, принесет успех лишь в том случае, если применяется своевременно. Он отмечал: «Однажды определив срок, его нельзя оттягивать, иначе пациент утратит впредь всякую веру». Этот вклад основателя движения в технику психоанализа считается одним из самых смелых и в то же время самых неоднозначных. С удовлетворением вспоминая результат, он несколько высокопарно приводит старую поговорку: «Лев прыгает только раз».

Руководство для специалистов

Каждая из историй болезни знаковых пациентов Зигмунда Фрейда в той или иной степени представляла собой краткий курс техники психоанализа. Сделанные в процессе лечения записи, частично сохранившиеся в случае «человека с крысами», также отражают готовность мэтра нарушать собственные правила. Ужин, которым Фрейд угостил своего самого известного пациента с навязчивым состоянием, – тот был голоден и накормлен – на протяжении нескольких десятилетий служил предметом полемики в психоаналитических кругах, вызывая несколько недоуменные, а подчас и завистливые замечания. Однако намного важнее для психоаналитиков были правила, которые Фрейд установил для своего занятия, а не лицензия на их интерпретацию для самого себя.

Основатель психоанализа начал обсуждение искусства психотерапии очень рано, в 1895 году, – в историях болезни, которые он включил в «Предуведомление», совместную с Брейером работу, которую теперь чаще называли «Этюдами об истерии». Но и в преклонном возрасте Фрейд продолжал писать о технике психоанализа: статьи «Конечный и бесконечный анализ» и «Конструкции в анализе» были опубликованы в 1937-м, когда ему было уже за восемьдесят. Обладавший фаустовскими амбициями, хотя и скромный в своих терапевтических ожиданиях, Фрейд никогда не был удовлетворен сделанным, никогда полностью не успокаивался. Уже в конце жизни он задавался вопросом, не могут ли когда-нибудь химические препараты превзойти трудоемкую процедуру, когда пациента укладывают на

кушетку и побуждают к откровенности. Однако до тех пор, полагал он, психоанализ останется самой надежной дорогой, ведущей прочь от невротических страданий.

История рекомендаций Фрейда психоаналитикам, насчитывающая более 40 лет, – это исследования в области воспитания внимательной пассивности. В конце 80-х годов XIX века он использовал гипноз для воздействия на пациентов, в 90-х пытался заставить их признаться, что их беспокоит, и перестать уклоняться от болезненных тем, потирая лоб и прерывая рассказ. История об устранении за один сеанс истерических симптомов Катарины во время летнего отдыха в Альпах в 1893 году все еще имеет привкус несколько высокомерной веры в свои способности целителя, а назойливые разъяснения Доре по-прежнему отражают авторитарный стиль, от которого мэтр уже готов отказаться. Однако в 1904-м, когда он пишет для Леопольда Левенфельда – своего друга и одновременно критика, историка гипноза, профессора невропатологии и психиатрии – короткую статью «Фрейдовский психоаналитический метод», его основные идеи о технике психоанализа уже окончательно сформировались.

Тем не менее в 1910 году, выступая на конгрессе в Нюрнберге, Фрейд в своей лекции «Будущие шансы психоаналитической терапии» сказал о новом, смягченном подходе, которого он будет придерживаться все последующие годы. Он напоминал коллегам-психоаналитикам, что они по-прежнему сталкиваются с многочисленными неразрешенными техническими загадками, и предупреждал, что в технике психоанализа есть немало такого, что «…ждет своего окончательного определения, а многое начинает проясняться только теперь». В число этих загадок Зигмунд Фрейд включал контрперенос психоаналитика в отношении пациента и модификации аналитической техники, к которым были вынуждены прибегать практикующие врачи по мере расширения диапазона применения психоанализа.

В том же году Фрейд опубликовал короткую энергичную статью с критикой того, что он называл диким психоанализом. С учетом повсеместного использования в 20-х годах прошлого столетия терминов психоанализа – на самом деле злоупотребления ими – можно сказать, что работа «О «диком» психоанализе» оказалась пророческой. Фрейд вспоминал неловкость, которую вызвал у него визит немолодой дамы, разведенной женщины под пятьдесят, которая довольно хорошо сохранилась и «очевидно, еще не покончила со своей женственностью». После развода она часто пребывала в тревожном состоянии, лишь усилившемся после консультации у

молодого врача – тот сказал, что ее симптомы вызваны сексуальной неудовлетворенностью. Доктор предложил три пути к здоровью: она может вернуться к мужу, завести любовника и удовлетворять себя сама. Ни один из вариантов пациентку не устраивал. К Фрейду она пришла потому, что врач ей указал на него как на первооткрывателя неприятной истины, о которой тот ей поведал, и предположил, что мэтр подтвердит его диагноз.

Фрейд не был польщен и не испытывал благодарности – только раздражение. Он понимал, что принимать на веру слова пациентов, особенно страдающих нервными болезнями, не стоит, но, даже если сидевшая перед ним расстроенная дама исказила или придумала жестокие предписания врача, основатель психоанализа посчитал необходимым напомнить об одном предостережении. Неопытный специалист, психотерапевт-любитель, ошибочно предположил, что под сексуальной жизнью психоанализ понимает исключительно коитус, а не гораздо более широкую и разнообразную область сознательных чувств и неосознанных желаний. Фрейд признавал, что данная пациентка действительно могла страдать «актуальным неврозом», нарушением, которое обусловливалось физическими факторами – для нее недавним прекращением половой жизни, – и в таком случае рекомендация по «изменению соматической сексуальной практики» была вполне естественной. Однако молодой доктор, скорее всего, ошибся в оценке ситуации, и тогда его предписание бесполезно. Тем не менее его технические ошибки были еще серьезнее, чем диагностические: врач существенно искажал процесс психоанализа, полагая, что простое указание пациенту на причину его страданий принесет ему облегчение – даже если диагноз окажется верным. Техника психоанализа служит для преодоления внутренних сопротивлений. «Попытки уже при первом визите больного ошеломить его бесцеремонным сообщением разгаданной врачом тайны в техническом отношении неприемлемы». Более того, такие попытки «в большинстве случаев наказываются», поскольку вызывают самую настоящую враждебность: врач обнаруживает, что утратил возможность какого-либо влияния на больного. Другими словами, прежде чем предлагать те или иные психоаналитические комментарии, следует хорошо узнать технические предписания психоанализа. Они заменяют неуловимый «врачебный такт».

Чтобы предотвратить такого рода «дикий» анализ и систематизировать то, что дала ему клиническая практика, Фрейд с 1911 по 1915 год опубликовал серию статей по технике психоанализа. Сдержанные по тону, они тем не менее обладали полемической остротой. «Ваше одобрение последней статьи о

технике, – писал мэтр Абрахаму в 1912 году, – для меня очень ценно. Вы, должно быть, заметили мои критические намерения». Он начал обдумывать эти статьи несколькими годами раньше, когда анализировал или только что закончил анализ нескольких своих самых известных впоследствии пациентов. Как обычно, клинический опыт мэтра и публикуемые им работы питали друг друга. «За исключением воскресенья, – писал Фрейд Ференци в конце ноября 1908 года, – я едва успеваю написать несколько строк по общей методике психоанализа, из которой готовы уже 24 страницы». Дело продвигалось медленно, намного медленнее, чем ожидал всегда исполненный энтузиазма Фрейд. Две недели спустя он одолел еще 10 страниц и полагал, что к Рождеству, когда Ференци собирался приехать к нему на Берггассе, 19, добавит совсем немного. В феврале 1909 года он планировал отложить этот проект до летних каникул, а в июне смог сообщить Джонсу лишь то, что «очерк по технике наполовину закончен, и теперь нужно не лениться и довести дело до конца». Практика не оставляла времени для работы над статьями о технике анализа, однако она же давала ему бесценный материал. «Пац[иенты] отвратительны, – писал Фрейд Ференци в октябре, – и дают мне возможность для новых исследований техники».

Планы основателя психоанализа по проведению этих исследований становились все более амбициозными. Во время выступления на конгрессе в Нюрнберге он объявил, что постарается в скором времени обсудить толкование, перенос и другие аспекты клинической ситуации в «Общей методике психоанализа». Однако это «скорое время» вылилось почти в два года. «Когда выйдет ваша книга по методике? – спрашивал его Джонс в конце того же года. – Ее с нетерпением ждут многие, как друзья, так и враги». И тем и другим потребовалось терпение. Первая статья, «Практика толкования сновидений в психоанализе», появилась только в декабре 1911-го. Дальнейшие работы по техническим вопросам психоанализа, около полудюжины, постепенно публиковались в течение следующих нескольких лет. Фрейду мешали другая неотложная работа и «политические» проблемы в психоаналитическом движении. Но самое главное – он подходил к делу чрезвычайно серьезно, причем с самого начала. Написав лишь два десятка страниц статьи, мэтр предсказывал Ференци, что «Методика…» должна стать очень ценной для тех, кто уже занимается анализом. Время подтвердило, как он был прав.

Статья Фрейда «Введение в лечение» с ее уверенным, рассудительным тоном дает представление о всей серии.

Основатель психоанализа предлагал скорее гибкие рекомендации, чем жесткие правила. Удачная метафора – шахматные дебюты, – которую он использовал для разъяснения стратегически важного начального этапа психоанализа, предназначена для того, чтобы завоевать расположение читателей. Как бы то ни было, шахматист не привязан к одному-единственному, обязательному образу действий. И действительно, отмечает Фрейд, психоаналитик должен обладать правом выбора: истории болезни и состояния пациентов чрезвычайно разнообразны, что не позволяет применять жесткие, догматические правила. Однако мэтр не сомневается, что каждому случаю должна соответствовать определенная тактика: психоаналитик обязан внимательно подходить к выбору пациентов, поскольку не каждый из них достаточно стабилен или достаточно умен, чтобы выдержать суровые требования психоанализа. Предпочтительно, чтобы пациент и психоаналитик уже встречались либо в обществе, либо в медицинском учреждении – и это одна из тех рекомендаций, которые сам Фрейд был склонен нарушать. Затем, когда пациент выбран и назначено время начала лечения, психоаналитику рекомендовано воспринимать первые сеансы как возможность для предварительного испытания. Приблизительно в течение недели следует воздерживаться от вывода, показано ли пациенту лечение психоанализом.

Такие предварительные сеансы не похожи на консультации. Фактически во время этих бесед и расспросов психоаналитик должен быть еще более молчаливым, чем обычно. Если же он затем примет решение прервать процесс, в этом случае «больной избегает неприятного впечатления от неудачной попытки лечения». Однако экспериментальный период, отведенный на изучение пациента, не заканчивается после этих предварительных сеансов. Симптомы у больного, на первый взгляд страдающего истерией легкой степени или навязчивым неврозом, на самом деле могут маскировать приступ психоза, который не снимается психоанализом. Фрейд предупреждал, что в первые недели – особенно! – психоаналитик не должен поддаваться пьянящей иллюзии уверенности.

Таким образом, испытательный срок полностью встроен в процесс анализа: пациент лежит на кушетке, а рядом, вне поля зрения, сидит психоаналитик и внимательно слушает. Бесчисленные карикатуры, изображавшие психоаналитика в своем кресле с блокнотом на коленях или рядом на столе, запечатлели ошибочное представление, о котором Фрейд открыто говорил в этих первых статьях. Он предупреждал аналитиков от

каких-либо записей во время сеанса, поскольку это лишь отвлечет их внимание. Кроме того, они могут доверять своей памяти, которая сохранит все необходимое. Фрейд признавал, что кушетка и невидимый аналитик были наследием гипноза, но по субъективным причинам настаивал на сохранении этих атрибутов: «Я не вынесу, если ежедневно на протяжении восьми часов (или больше) меня будут разглядывать». Однако мэтр также привел менее субъективные основания для того, чтобы рекомендовать данный «церемониал»: поскольку во время анализа он сам отдается течению бессознательных мыслей, то не хочет, чтобы пациенты видели выражение его лица и невольно отвлекались на его реакцию.

Естественно, ситуация анализа, сие тщательно организованное состояние депривации, воспринимается пациентом как стресс. Однако в этом и состоит ее преимущество. «Я знаю, что многие аналитики делают это иначе, но не знаю, чем в большей степени продиктовано их отступление – стремлением делать это иначе или преимуществом, которое они при этом нашли». Что касается самого Фрейда, у него не было сомнений: ситуация психоанализа побуждает пациента к регрессии, к освобождению от ограничений, которые налагает обычное общение. И любые средства, способствующие этой регрессии, – кушетка, молчание психоаналитика и нейтральный тон – лишь усилят работу самого анализа.

С самого первого дня, когда анализ только начинается, психоаналитик и пациент должны договориться о практических, приземленных вещах. Как нам известно, психоаналитики испытывают – и это стало притчей во языцех – профессиональную аллергию к чувству стыда. Все темы, которые в XIX веке у представителей среднего класса считались слишком деликатными для обсуждения, в частности половые отношения и деньги, являются настолько эмоционально насыщенными, что обходить их молчанием или, того хуже, изъясняться околичностями означает с самого начала наносить ущерб психоаналитическому исследованию. Психоаналитик должен предполагать, что хорошо воспитанные и образованные мужчины и женщины, приходящие к нему на консультацию, «относятся к денежным делам точно так же, как к сексуальным вещам, с такой же двойственностью, щепетильностью и лицемерием». Фрейд признает, что деньги главным образом служат средством самосохранения и обретения власти, однако утверждает, что наряду с этим в их оценке также присутствуют мощные сексуальные факторы. Поэтому здесь важна откровенность. Хотя пациент может не сразу это понять, в их договоренности по

практическим вопросам его выгода и заинтересованность психоаналитика совпадают. Пациент соглашается арендовать определенный час рабочего времени аналитика и платит за него независимо от того, получает он от этого пользу или нет. Это, отмечает Фрейд, может показаться слишком жестким и даже недостойным врача условием, однако поступать по-другому было бы неразумно. Мягкость приводит к угрозе материальному благополучию врача. Как свидетельствуют письма мэтра друзьям, написанные в тот период, он радовался новостям об их процветающей практике. Однако неприятие Фрейдом финансовых компромиссов было обусловлено не только заботой о благополучии психоаналитика – подобные компромиссы негативно влияли на продолжительность и интенсивность вовлеченности пациента в анализ, способствуя сопротивлению. Если человек страдает соматическим заболеванием, психоаналитику следует прервать лечение, распорядиться освободившимся часом по своему усмотрению и принять его снова, когда тот поправится, а у аналитика освободится время.

Чтобы обеспечить непрерывность и интенсивность лечения, Фрейд встречался с большинством своих пациентов шесть раз в неделю. Исключение составляли легкие случаи или периоды окончания терапии, когда было достаточно трех сеансов в неделю. Даже короткий перерыв в воскресенье сказывался на работе – из-за него, пишет мэтр, аналитики в шутку говорят о «понедельничной корке». Более того, необходимо признать, что лечение подчас требует длительного времени. Психоаналитику не сделает чести, если он будет скрывать от пациента, что анализ может затянуться на несколько лет. В этом случае, как и в психоаналитической практике в целом, самой лучшей политикой является честность. «Я вообще считаю более достойным, но также и более целесообразным, не запугивая больного, все же заранее обратить его внимание на трудности и жертвы аналитической терапии и, таким образом, лишить его всякого права когда-нибудь впоследствии утверждать, что его заманили в лечение, объем и значение которого он не знал». В свою очередь, аналитик предоставляет пациенту право в любой момент прервать лечение – и этой свободой, с некоторым сожалением признает Фрейд, его первые пациенты пользовались слишком часто. Основатель психоанализа не мог забыть Дору, хотя она была не единственной, кто сбежал с его кушетки.

Независимо от того, с чего психоаналитик начинает свое общение с пациентом, одно «основное правило» остается для него незыблемым: он предписывает обратившемуся к нему человеку

прибегнуть к свободной ассоциации, говорить абсолютно все, что приходит в голову. Вне всяких сомнений, пациент должен приходить в назначенный час и платить условленный гонорар. Однако, если он не выполняет эти условия, его промахи могут быть проанализированы. Из них, как говорят психоаналитики, можно извлечь выгоду. Впрочем, стойкая неспособность выполнять основное правило разрушит анализ. В своей статье «Введение в лечение» Фрейд пространно рассуждает о данном правиле, но нужно учитывать, что эта и другие работы были предназначены для коллег-психоаналитиков. «Те, кто остаются снаружи, – сообщал мэтр Ференци в отношении «Методики…», которую собирался написать, – не поймут ни единого слова». Тем не менее складывается впечатление, что Фрейда немного беспокоила и избранная аудитория, поэтому он придерживается сочувственного тона, словно хочет убедиться, что его поймут правильно. Разговор с психоаналитиком должен отличаться от любых разговоров, которые пациент когда-либо вел: порядок, синтаксис, логику, дисциплину, благопристойность и заботу о стиле необходимо исключить из своего рассказа как не имеющие значения и даже вредные. Больной склонен скрывать именно то, что больше всего нуждается в выражении. Главный совет Фрейда пациентам – полная откровенность. Достичь ее невозможно, однако отказ от нее будет означать неудачу лечения.

Оружие пациента в кампании против его невроза – это разговор. Оружие психоаналитика – истолкование, которое представляет совсем иную форму разговора. Если вербальная активность больного должна быть максимально свободной, насколько это возможно, то аналитику, наоборот, надлежит тщательно дозировать свою речь. В этом необычном взаимодействии – наполовину противник, наполовину союзник – больной должен сотрудничать с врачом, насколько это позволяет ему невроз. Можно также надеяться, что аналитику, в свою очередь, не помешает собственный невроз. В любом случае от него требуется особый такт, частично приобретаемый в процессе учебного анализа и дополненный опытом психоаналитической работы с пациентами[154]. Это требует сдержанности, молчания в ответ на большинство рассказов больного и лишь редких комментариев. Бо2льшую часть времени пациенты должны воспринимать истолкование аналитика как драгоценный дар, который он дает совсем не щедрой рукой.

Психоаналитическое истолкование представляет собой подрывную деятельность. Оно вызывает испуг, зачастую неприятные сомнения относительно ясных посланий, которые, как аналитику кажется, передает пациент. Другими словами,

интерпретация специалиста привлекает внимание больного к тому, что он на самом деле говорит или делает. Истолкование молчащих, неподвижных волков в сновидении «человека-волка» как искаженное изображение энергичного полового акта выкуривает воспоминания, одновременно пугающие и возбуждающие, которые укрылись в уютном логове вытеснения. Аналогичным образом, истолковать навязчивые ритуалы «человека с крысами» как отражение бессознательной ненависти к людям, которых он любит больше всего, – это значит извлечь скрытые чувства на свет божий. Польза от интерпретаций психоаналитика подчас не очевидна, но их целью всегда было, по крайней мере, избавление от самообмана.

Выбор материала и времени для истолкования – тонкие материи, и с ними связана сама суть психоаналитического лечения. С раздражением откликаясь на «дикий» психоанализ, Фрейд уже осудил поверхностные и поспешные толкования, которые, независимо от их точности, приведут к преждевременному и катастрофическому окончанию анализа. Теперь, напрямую обращаясь к коллегам в статье «Введение в лечение», мэтр осуждает таких поверхностных аналитиков, которые стремятся скорее продемонстрировать свое искусство, чем помочь пациентам: «Опытному аналитику не составляет труда четко и внятно уловить скрытые желания больного из одних только его жалоб и из истории его болезни; но насколько нужно быть самодовольным и безрассудным, чтобы после самого короткого знакомства раскрыть постороннему человеку, незнакомому со всеми аналитическими предположениями, что он инцестуозно привязан к матери, желает смерти своей якобы любимой жене, вынашивает намерение обмануть своего шефа и т. п.! Я слышал, что есть аналитики, которые гордятся такими мгновенными диагнозами и быстротечным лечением, но я предостерегаю каждого, что таким примерам лучше не следовать». Разумный психоаналитик не преследует лечебные цели сразу, сначала истолковывая сопротивление больного, а потом его перенос. Затем он должен вытянуть у пациента признания в детских преступлениях, гораздо чаще воображаемых, чем реальных.

В своих рассуждениях о сопротивлении Фрейд рассматривает это явление исключительно в терапевтическом контексте, к которому оно, очевидно, принадлежит. В работе «Толкование сновидений» он уже выразился со всей определенностью: «Все, что мешает продолжению работы, является сопротивлением». Теперь в статье 1912 года «О динамике переноса» он подчеркивает стойкость сопротивления: «Сопротивление

сопровождает лечение на каждом его шагу; каждая отдельная мысль, каждое действие лечащегося должны считаться с сопротивлением, выступают как компромисс между силами, нацеленными на выздоровление, и указанными, противодействующими ему». Клинический опыт показал Фрейду и его коллегам-психоаналитикам, насколько изобретательным и неутомимым может быть сопротивление пациентов, даже тех, которые участвуют в анализе со всей искренностью. По всей видимости, во время сеанса оно может проявляться буквально во всем: пациент забывает сны, молчит, лежа на кушетке, пытается превратить лечение в интеллектуальную дискуссию о теории психоанализа, скрывает важную информацию, постоянно опаздывает, воспринимает аналитика как врага. Подобные стратегии защиты – всего лишь самые очевидные инструменты, доступные силам сопротивления. Сопротивление также может проявлять себя как покорность предполагаемым желаниям психоаналитика. Так называемый хороший пациент – тот, который видит множество снов, сотрудничает без колебаний, находит все толкования блестящими, никогда не опаздывает на сеансы, вовремя платит по счетам, – представляет собой особенно сложный случай именно потому, что его намерения так трудно раскрыть.

Сопротивление попыткам исцеления может показаться странно иррациональным. Выгоду от сопротивления для мазохистов, получающих удовольствие от страданий, увидеть легко, однако сопротивление выглядит бессмысленным для тех больных, которые предположительно прибегли к психоанализу для того, чтобы облегчить свое состояние – душевное, а подчас и физическое. Их добровольное согласие на усилия и финансовые затраты, а также явно неприятная процедура психоанализа – все это ручательство желания выздороветь. Но подсознание подчиняется другим, практически непостижимым законам. Невроз – это компромисс, который позволяет невротику примириться, ценой страдания, с вытесненными желаниями и воспоминаниями. Сделать бессознательное сознательным, что является заявленной целью психоаналитического лечения, – значит угрожать пациенту повторным появлением чувств и воспоминаний, которые он считает похороненными. Аргумент, что невротику пойдет на пользу извлечение вытесненного материала, даже самого неприятного, содержит рациональное убеждение. В психике пациента присутствуют элементы, готовые смириться с уроном – не только материальным, но и нанесенным его «вселенной»; без них никакой анализ невозможен. Но эти элементы должны бороться с противоположным желанием

человека – чтобы его оставили в покое. Психоаналитик стремится мобилизовать «нормальные» силы в психике пациента и сделать их своими союзниками. В конце концов, он надежный партнер – слушатель, которого не шокируют какие бы то ни было откровения, которого не утомляют повторения, который не осуждает никакие пороки. Подобно священнику в исповедальне, он призывает к откровенности, однако, в отличие от священника, не читает нотации и не налагает епитимью, даже самую мягкую. Именно такой союз имел в виду Фрейд, когда отмечал, что психоаналитик должен раскрывать глубокие тайны пациента не раньше, чем у того установится эффективный перенос, «настоящий раппорт»[155].

От внимания Фрейда не укрылось, что перенос насыщен противоречиями. В случае с Дорой он уже видел, что эмоциональная связь, которую пациент пытается установить с психоаналитиком и которая состоит из фрагментов и кусочков страстных привязанностей, обычно прошлых, к другим людям, является непреодолимым препятствием к исцелению и одновременно самым эффективным лекарством. Теперь же в своих статьях по технике психоанализа, в частности в работе «О динамике переноса» и особенно в «Заметках о любви в переносе», он более подробно освещает парадоксальную работу переноса – сие главное орудие сопротивления, а также его месть.

Эти конфликтующие роли вовсе не являются диалектической загадкой. Фрейд различает три типа переноса, возникающего при психоанализе: негативный, эротический и разумный. Негативный перенос, или направление на аналитика агрессивных и враждебных чувств, а также эротический перенос, который превращает аналитика в объект страстной любви, – оба служат стражами сопротивления. Однако, к счастью, имеется и третий тип, самый рациональный и наименее искаженный из всех, при котором доктор представляется благожелательным и верным союзником в борьбе против невроза. После того как первые два типа переноса выявлены, проанализированы и обезоружены путем перемещения в сознательную область во время психотерапевтического сеанса – Фрейд называл это полем битвы переноса, – в действие может вступать последний, самый разумный перенос, который без особых препятствий будет способствовать долгому и трудному процессу лечения. Однако сей разумный союз с аналитиком может привести к победе только в том случае, если перенос достаточно силен, а пациент готов извлекать пользу из толкований врача. «Наше лечение, – писал Фрейд Юнгу в конце 1906 года, – проходит посредством

фиксации либидо, управляющего бессознательным (перенос)». И этот перенос «дает импульс к пониманию и трансляции бессознательного; когда он отказывается действовать, это значит, что пациент не предпринимает усилий или не слушает, когда мы объясняем смысл того, что нашли. В сущности, это лечение посредством любви».

Все это выглядит чрезвычайно прямолинейным, и основатель психоанализа понимал, что такая любовь – крайне ненадежный помощник. Разумный перенос очень уязвим: слишком часто теплые чувства пациента и активное сотрудничество низводятся до эротического желания, которое способствует не разрешению невроза, а его продолжению. Другими словами, пациенты склонны влюбляться в своего аналитика, и этот факт психоанализа довольно скоро стал предметом неуместных шуток и хитрых намеков. Фрейд считал такие злобные сплетни практически неизбежными; психоаналитики слишком часто переходили границы благопристойности, чтобы не стать объектом злословия и клеветы. Однако реальные, вызывавшие беспокойство случаи оказались достаточно серьезными, и мэтр посвятил этой проблеме отдельную статью. «Заметки о любви в переносе», написанные в конце 1914 года, были его последней статьей из серии работ по технике психоанализа, и, как Фрейд сказал Абрахаму, он считал ее лучшей и самой полезной из всей серии. Именно поэтому, язвительно прибавил мэтр, он «готов увидеть, что она вызовет самое сильное неодобрение». Но его главной целью было предупредить психоаналитиков об опасности любовного переноса и таким образом ослабить это неодобрение.

Любовный перенос одновременно печален и комичен, и его чрезвычайно трудно разрешить. В обычной медицинской практике, пишет Фрейд, есть три возможных выхода: врач и пациентка могут вступить в законный брак, они могут расстаться и они могут вступить в тайную связь и продолжить лечение. Первый вариант, полагал основатель психоанализа, встречается крайне редко. Второй распространен, но неприемлем, поскольку бывший пациент повторит свое поведение в отношении другого врача. Третий делает невозможным «гражданская мораль, равно как и звание врача». Единственный разумный выход для психоаналитика, обнаружившего, что стал объектом любви пациентки, – анализировать. Он должен показать женщине, что ее увлечение лишь повторяет прежний, практически всегда детский, опыт. Страсть пациентки к аналитику не настоящая любовь, а форма переноса и сопротивления[156].

В этой деликатной ситуации, твердо заявляет Фрейд, психоаналитик должен сопротивляться любым компромиссам,

какими бы благовидными или гуманными они ни казались. Спор с пациенткой или попытки направить ее влечение в более спокойное русло будут неэффективными. Руководствоваться необходимо фундаментальной этической позицией психоаналитика, совпадающей с его профессиональными обязанностями: «Психоаналитическое лечение основано на правдивости». Аналитик также не может уступить мольбам пациентки, даже если убедит себя, что лишь пытается обеспечить влияние на нее для ускорения лечения. Вскоре ему пришлось бы расстаться с иллюзиями: «Пациентка достигла бы своей цели, а он своей – никогда». Это неприемлемое решение напомнило Фрейду забавный анекдот о пасторе и страховом агенте. К тяжелобольному страховому агенту по настоянию родственников приводят благочестивого пастора – в надежде, что на смертном одре неверующий обратится к Богу. Беседа длится так долго, что ждущие обретают надежду. Наконец дверь комнаты больного распахивается. Атеист в веру не обращен, но пастор уходит застрахованный.

Отрезвляющее признание, что любовь пациентки представляет лишь любовный перенос, позволит психоаналитику соблюдать эмоциональную дистанцию, не говоря уже о физической. «Для врача он означает ценное разъяснение и хорошее предостережение по поводу лежащего у него наготове контрпереноса. Он должен сознавать, что влюбленность пациентки обусловлена аналитической ситуацией и не может быть приписана достоинствам его персоны, что, стало быть, у него нет оснований гордиться таким «завоеванием», как это назвали бы вне анализа». В этой ситуации, которая является лишь особым случаем психоанализа, аналитику следует отвергнуть стремление пациента к благодарности. «Лечение должно проводиться в условиях абстиненции; под этим я не имею в виду просто физическое лишение и не лишение всего, чего жаждут, ибо этого, наверное, не вытерпел бы ни один больной. Но я хочу выдвинуть принцип, что у больных нужно сохранять потребность и страстное желание в качестве сил, побуждающих к работе и изменению, и надо остерегаться успокаивать их суррогатами».

Это безапелляционное предписание было твердым, универсальным правилом для психоаналитика в процессе работы. Однако, какими бы осторожными ни выглядели многие рекомендации Фрейда, в отношении воздержания он был категоричен. При этом даже в таком важном пункте дар мэтра к яркой метафоре вызвал некоторую путаницу и породил споры о технике лечения, не угасшие до сих пор. В качестве примера Зигмунд Фрейд предложил коллегам-психоаналитикам хирурга,

«оттесняющего все свои аффекты и даже человеческое сострадание и ставящего перед своими психическими силами одну-единственную цель: провести операцию, насколько это возможно, по всем правилам искусства». Стремление психоаналитика добиться эффектного исцеления является смертельным врагом лечения. Не менее опасно и вполне понятное человеческое желание сблизиться с пациентом. Поэтому Фрейд считает необходимым оправдывать характерную для хирурга «холодность чувств», которая предупредит столь понятные, но непрофессиональные желания. Таким образом, раскрытие интимных подробностей внутренней жизни или отношений в семье является серьезной технической ошибкой: «Врач должен быть непроницаемым для анализируемого и, подобно зеркальной пластине, показывать только то, что показывают ему».

Эти строгие предписания отражают безапелляционность Фрейда, которую отчасти смягчали некоторые другие его тексты и еще в большей степени практика. Мы видели, как он изменял собственные правила, а иногда и нарушал их с чувством превосходства мастера или из чисто гуманных соображений. Основатель психоанализа снижал плату за свои сеансы, если у пациента наступали тяжелые времена. Он позволял себе сочувственные комментарии во время сеанса. Он дружил с любимыми пациентами. Известно также, что мэтр выполнял неформальный анализ в самой необычной обстановке; психоаналитическое исследование Эйтингона во время прогулок по Вене – лишь один из его самых известных неформальных экспериментов. Но в статьях по технике психоанализа Зигмунд Фрейд не позволял себе и намека на подобные эскапады.

Разумеется, для них не было места и в руководстве, которое основатель психоанализа составлял для своих коллег. Все, что мешает анализу, писал он, – это сопротивление, и все, что отвлекает пациента от следования главному правилу, – препятствие. Даже в лучшем случае пациенты демонстрируют более чем достаточно собственных сопротивлений, и аналитику нет нужды прибавлять к ним такие элементы, как аффекция, дискуссии по теоретическим вопросам и искреннее желание саморазвития анализируемого. Доставлять удовольствие пациенту любовью, ободрением или просто рассказом о своих планах на отпуск – значит поддерживать его привычное мышление, преодолеть которое они рассчитывают при помощи психоанализа. Это может прозвучать грубо, но аналитик не должен позволять, чтобы его переполняла жалость к страдающим пациентам. Само страдание является агентом процесса исцеления[157]. Ободряющее утешение лишь способствует

сохранению невроза. Это как предложить аспирин святому Себастьяну, чтобы облегчить его мучения. Однако использование для аналитической процедуры таких метафор, как работа хирурга или поверхность зеркала, означает ослабление партнерства, немногословного и одновременно очень человечного, с несчастным человеком, лежащим перед ним на кушетке.

Даже если психоаналитик и пациент скрупулезно соблюдают все технические рекомендации мэтра, исцеляющая работа анализа всегда медленна и неуверенна. Фрейд исключал из области применения психоанализа многие разновидности душевных расстройств, в частности психозы, на том основании, что страдающий психозом не способен установить необходимый перенос на аналитика. Но даже больные с неврозом навязчивости и истерией, прекрасно подходящие для лечения психоанализом, часто демонстрировали очень медленный прогресс и пугающие рецидивы. Ускользающие воспоминания, стойкие симптомы, прочная привязанность к невротическим привычкам – все это серьезные препятствия к эффективным толкованиям и такого рода переносу, который помогает в лечении. Самыми трудными препятствиями на этом пути были переносы, способствовавшие тому, что пациент повторяет прошлое поведение, а не вспоминает его. Фрейд понимал, что аналитик ни в коем случае не может позволить себе проявить нетерпение. Клиническая практика показала, что рационального понимания со стороны больного никогда не бывает достаточно, но после долгих усилий может наступить момент, когда пациент, постоянно испытывающий рецидивы, постоянно забывающий с таким трудом добытые озарения, начнет осознавать, «прорабатывать» столь дорогой ценой полученные знания. «При этом врачу, – констатирует Фрейд в своей статье «Воспоминание, повторение и проработка», – не остается ничего другого, как терпеливо ждать и допускать ход событий, которого нельзя избежать и который не всегда можно ускорить». И снова оба партнера в психоаналитическом взаимодействии должны проявить терпение: «На практике эта проработка сопротивлений может стать затруднительной задачей для анализируемого и испытанием терпения для врача. Но именно эта часть работы оказывает наибольшее изменяющее воздействие на пациента». И именно она отличает психоанализ от других видов лечения, использующих суггестивное влияние. В этой важной фазе аналитик не просто пассивен; почувствовав согласие пациента, он должен «всем симптомам болезни дать новое значение в переносе, его обычный невроз заменить неврозом переноса». Этот невроз переноса

является уникальным расстройством, характерным – и необходимым – для процесса излечения. Психоаналитик может избавить от него пациента «благодаря терапевтической работе». За этим следует нечто вроде коды, завершающей фазы, относительно которой Фрейд сделал лишь несколько скупых замечаний. Ему было известно, что эта фаза сама является источником страданий, которые мэтр называл трудностями расставания – Abschiedsschwierigkeiten. В процессе анализа новое знание прорабатывается, и если невроз переноса достаточно стабилен, то желаемый результат будет обязательно достигнут.

Несмотря на всю свою примирительную и доброжелательную риторику, эти статьи Фрейда пронизаны абсолютной убежденностью основателя учения и опытного клинициста. Он лишь излагал методы, которые нашел наиболее эффективными в собственной практике. Другие могут пойти своим путем. Однако, несмотря на политические оговорки, основатель психоанализа не оставляет сомнений: он рассчитывает, что эти рекомендации станут для его сторонников непререкаемыми. Цель была достигнута. Написать эти статьи не смог бы никто другой, и читатели искренне восхищались ими, часто цитировали и явно извлекали из них пользу. В 1912 году Эйтингон тепло благодарил Фрейда за работу «Советы врачу при психоаналитическом лечении», из которой он, по собственному признанию, смог многое узнать. И Эйтингон был далеко не одинок. Серия статей Фрейда о методиках и технике психоанализа превратилась в обязательное руководство для профессионалов. Причем заслуженно: это одни из самых блестящих его работ. Нельзя сказать, что они представляют собой последнее слово в технике психоанализа. Это даже не последнее слово самого Фрейда. Данные статьи также не составляют объемный или единый труд, но в совокупности, как рекомендации по лечебному взаимодействию и предупреждение о возможностях и опасностях такого взаимодействия, они настолько богаты с точки зрения анализа, настолько проницательны в предвосхищении критики, что по прошествии многих лет продолжают служить руководством для жаждущих знаний и ценным пособием для практикующих психоаналитиков.

Единственный вопрос, который не разъясняется и даже не рассматривается в этих статьях, – число излеченных пациентов. Этот вопрос вызывал и продолжает вызывать наибольшие споры. Однако в тот период, когда писались статьи, о которых шла речь выше, Зигмунд Фрейд и его ближайшие сторонники полагали, что в границах, установленных ими для самих себя, процент успеха

психоанализа выше, чем при терапевтических методах, применяемых их противниками. Основатель движения также не позволял никаким сомнениям в успехе лечения угрожать его уверенности в том, что его теория является интеллектуальным инструментом, верно объясняющим работу психики. И эта уверенность была не только внутренняя. Одобрительные и приятные отклики из внешнего мира стали уже не такими редкими, как прежде. В 1915 году, когда Фрейд опубликовал последнюю статью по технике психоанализа, он уже не являлся одиноким первопроходцем, как в период дружбы с Флиссом или в первые годы существования Психологического общества по средам. Исследования в области искусства и литературы, религии и истории лишь укрепляли уверенность Фрейда, что законы его психологии, так убедительно проявившиеся в историях болезни, которые он изложил, применимы везде.

Глава седьмая
Приложения и следствия

Вопрос вкуса

Напряженный график Фрейда на протяжении этих неспокойных лет вызывает вопрос, как он вообще находил время для личной жизни. В период с 1905 по 1915 год, насыщенный врачебной практикой, изданием историй болезни, обязанностями редактора и утомительными требованиями политики в психоаналитическом сообществе, Фрейд публиковал статьи, в которых анализировались литература, юриспруденция, религия, образование, искусство, этика, лингвистика, фольклор, сказки, мифология, археология, военное дело и психология подростков. При этом он с необыкновенной пунктуальностью в час дня появлялся за семейным обеденным столом, еженедельно в субботу вечером играл в карты, по-прежнему в тарок, в воскресенье утром обязательно навещал мать, по вечерам совершал прогулки, а также развлекал гостей и (хотя такое случалось редко) ходил в оперу слушать Моцарта.

Зигмунд Фрейд был очень занят, но растущая известность привела к тому, что ему все чаще стали поступать предложения написать статьи для широкой аудитории или выступить с публичными лекциями, и некоторые предложения он принимал. В 1907 году основатель психоанализа в числе других коротких очерков опубликовал открытое письмо доктору М. Фюрсту, редактору журнала, посвященного социальной гигиене. Письмо называлось «О сексуальном просвещении детей» и призывало к откровенности. В том же году он прочитал интересную лекцию о роли фантазии в творчестве одаренного богатым воображением писателя, Dichter[158]. Фрейд выступал перед многочисленной аудиторией в салоне Гуго Хеллера, своего знакомого издателя, и поэтому превратил лекцию в доступное объяснение процесса создания некоторых культурных артефактов. Кроме того, это была его первая, если не считать «Толкования сновидений», попытка применить идеи психоанализа к сфере культуры.

Несмотря на всю легкость и доступность изложения, эта лекция, опубликованная в следующем году под названием «Поэт и фантазирование», является серьезным вкладом в психоаналитическую эстетику. Работа бессознательного, психология исполнения желания и серьезное влияние детства на взрослую жизнь – вот главные ее моменты. Начинает Фрейд

невинно и достаточно тактично, задавая вопрос, который всегда занимал обычных людей: откуда художник черпает материал для творчества? Ответ, говорит основатель психоанализа, никогда не выглядит удовлетворительным, причем загадка усиливается от того, что даже удовлетворительный ответ не превращает обычного человека в поэта или драматурга. Далее в своей обычной скромной манере он прибавляет, что на понимание сути творческой деятельности можно надеяться, если обнаружить подобную деятельность у рядового человека. После этих осторожных оговорок Фрейд выражает надежду, что такой подход может быть небесплодным.

Потом мэтр совершает то, что можно было бы назвать его акробатическими прыжками, соединяя один пласт человеческого опыта с другим. Охота за аналогиями – опасное занятие, особенно если оно толкует их расширительно, но уместные аналогии могут выявлять доселе неизвестные взаимоотношения и, что еще ценнее, неожиданные случайные связи. Переход Фрейда принадлежал к этой последней категории: каждое играющее дитя, утверждал он, ведет себя как поэт, «создает себе свой собственный мир, или, правильнее говоря, оно окружающий его мир перестраивает по-новому, по своему вкусу». Ребенок относится к игре очень серьезно, хотя прекрасно отличает созданный им мир от реального. «Противоположение игре же – серьезность, но – действительность». Поэт или писатель ведет себя точно так же, как играющий ребенок. Он понимает, что созданное им является фантазией, но это не делает ее менее важной, чем, скажем, воображаемый товарищ ребенка по играм. Детям нравится играть, а поскольку люди меньше всего склонны отказываться от однажды испытанного удовольствия, они находят ему замену во взрослой жизни. Вместо того чтобы играть, они фантазируют. Эти два вида деятельности в буквальном смысле слова зеркально отражают друг друга: оба порождаются желаниями. Но если детская игра обусловлена желанием стать взрослым, то взрослые люди находят свои фантазии ребяческими. В этом отношении игра и фантазия отражают состояние неудовлетворенности: фантазирует отнюдь не счастливый, а только неудовлетворенный. Другими словами, фантазия, подобно выраженному в игре желанию, представляет собой «корректив к неудовлетворяющей действительности». Воображаемые изменения, которые взрослый человек привносит в действительность, связаны с неудовлетворенным честолюбием или нереализуемыми эротическими желаниями. Он скрывает свои фантазии, поскольку эти желания считается неприличным обсуждать в обществе и даже в семье.

Именно здесь поэт находит собственную культурную задачу. Движимый призванием, он озвучивает свои мечты и таким образом рассказывает о тайных фантазиях менее красноречивых современников. Подобно сновидцу ночью, обладающий богатым воображением мечтатель соединяет мощный опыт своей взрослой жизни с проснувшимися далекими воспоминаниями, а затем преобразует в литературу то желание, которое вызвано этим соединением. Как и сон, его поэма или роман представляют собой смесь настоящего и прошлого, внешних и внутренних импульсов. Фрейд не отрицает роль воображения в создании литературных произведений, но рассматривает эти произведения как принявшую новую форму, приукрашенную действительность. Он не придерживался романтического взгляда на художника как на создателя, почти равного Богу. Здесь явно чувствуется его нежелание признать чисто творческие аспекты работы писателя и художника.

Таким образом, анализ Фрейдом литературного творчества можно назвать скорее трезвым, чем восторженным. Основное внимание в нем уделяется психологическим связям между творцом и его детством, между создателем и потребителем. Поскольку все желания в основе своей эгоистичны, их обнародование должно отталкивать публику, занятую собственными фантазиями. Поэт преодолевает это сопротивление, подкупая читателя или слушателя преддверием наслаждения эстетического характера, которое обещает еще большие восторги, и разрешает внимающим ему погружаться в собственные фантазии, не испытывая ни стыда, ни упреков за них. Именно в этом акте подкупа, полагал Фрейд, и заключена истинная Ars poetica. На его взгляд, «настоящее наслаждение от поэтического произведения объясняется освобождением от напряжения душевных сил». Художник использует красоту как наживку.

Несмотря на большую нагрузку и на всю разнообразную деятельность Фрейда, его жизнь, как и прежде, включала традиционные семейные радости, зимние и летние. До 1909 года, когда Мартин поступил в университет и стал самостоятельным, основатель психоанализа проводил высоко ценимое им время каникул – вместе с женой, свояченицей и детьми – в горах. В том же 1909-м произошло еще одно важное событие в жизни семьи. Старшая дочь Фрейда, Матильда, первой из детей вступила в брак. В дополнение ко всей той радости и удовольствию, которое она доставляла отцу с момента появления на свет в октябре 1887 года, девочка была также источником волнений и тревог. В 1906-

м операция по удалению аппендикса, по всей видимости неудачная, серьезно подорвала ее здоровье: два года спустя Матильда слегла с сильнейшей лихорадкой, заставившей ее отца подозревать перитонит, а еще через два года ей, «как всегда храброй», пришлось перенести еще одну серьезную операцию. Постоянные болезни, несколько грубоватые черты лица и желтоватый оттенок кожи стали настоящей катастрофой для самооценки девушки. Она жаловалась отцу на собственную непривлекательность. Это дало Фрейду возможность выразить свою отцовскую любовь и подбодрить дочь. «Я давно подозревал, – писал он Матильде в марте 1908 года, когда она восстанавливалась на курорте после очередной болезни, – что ты, несмотря на всю свою рассудительность, будешь страдать оттого, что недостаточно красива и поэтому не привлекаешь мужчин». Но он, добавлял Фрейд, смотрит на нее с улыбкой: «Мне ты кажешься красивой». В любом случае она не должна забывать, что «уже давно решающим является не формальная красота девушки, а впечатление от ее личности». Основатель психоанализа призывал дочь посмотреть в зеркало. К своему облегчению, она увидит там, что ее лицо не назовешь ни обычным, ни отталкивающим. Более того – и именно этот старомодный завет хотел передать ее любящий отец, – «благоразумные молодые люди прекрасно знают, что следует искать в женщине: приятный характер, жизнерадостность, способность сделать их жизнь приятнее и легче». Какими бы анахроничными, даже в 1908 году, ни выглядели взгляды Фрейда, письмо отца, по всей видимости, подбодрило Матильду. Во всяком случае, в феврале следующего года в возрасте 21 года она вышла замуж за уроженца Вены предпринимателя Роберта Холличера, который был на 12 лет старше невесты. Фрейд, в то время наслаждавшийся новой дружбой с Шандором Ференци, сказал ему, что предпочел бы видеть своим зятем его, однако никогда бы не отказал дочери в праве выбора: Холличер быстро стал для всех Робертом, признанным членом клана Фрейдов.

Четыре года спустя, в январе 1913-го, отчий дом покинула вторая дочь Фрейда, Софи. Основатель психоанализа не сразу принял ее жениха, гамбургского фотографа Макса Хальберштадта. Он посетил его студию, и у мэтра сложилось благоприятное впечатление о будущем зяте. В начале июля 1912 года он все еще обращался к нему «уважаемый господин» – Sehr geehrter Herr – и несколько нравоучительно сообщал, что счастлив видеть, что Софи следует зову своего сердца, как и ее сестра четыре года назад. По прошествии всего двух недель Хальберштадт стал для мэтра «дорогим зятем», хотя в письмах

Фрейд все-таки пока обращался к нему нейтрально – Sie. Тем не менее он был явно доволен прибавлением в своем семействе. Хальберштадт, писал Фрейд Матильде, одновременно делая ей комплимент, был «очевидно надежным, серьезным, нежным, утонченным и при этом явно не слабым человеком», и вполне вероятно, они с матерью во второй раз увидят у своих дочерей такую редкость, как счастливый брак. 27 июля мэтр обратился к Хальберштадту «дорогой Макс» и две недели спустя наконец допустил его в близкий семейный круг и в обращении к нему использовал du. Однако радость от приобретения немного омрачалась чувством утраты. На открытке, отправленной Фрейдом будущему зятю из Рима в сентябре, он подписался: «С сердечными пожеланиями, полностью осиротевший отец»[159].

Тем не менее основное внимание Фрейд уделял психоанализу. Ганс Закс, который как раз в это время познакомился с основателем психоанализа, лишь слегка преувеличивал, когда писал, что тот одержим одной деспотичной идеей – преданностью работе, которую его семья поддерживает с «величайшим рвением, без жалоб». В эти бурные времена его целеустремленность проявлялась еще сильнее, чем когда-либо: пришла пора применять открытия психоанализа за пределами врачебного кабинета. «Я все больше и больше пропитываюсь убеждением в культурной ценности ψA, – писал Фрейд Юнгу в 1910 году, – и я могу пожелать умному парню вывести из нее обоснованные последствия для философии и общества»[160]. У него по-прежнему бывали моменты колебания или неуверенности, хотя все реже и реже. «Мне очень непросто, – писал он в том же году, отвечая на необычное новогоднее поздравление Ференци, – комментировать ценность моих работ и их влияние на формирование будущего науки. Временами я в это верю, временами сомневаюсь». И прибавил фразу, которая стала его любимой: «Наверное, этого еще не знает сам Господь».

Фрейд мог гордиться и даже немного хвастаться своей способностью к самокритике, но перспективы психоаналитического толкования культуры вызывали у него эйфорию. Он был убежден, что его следующая работа должна быть посвящена именно этой теме. В 1913 году, суммируя разъяснительную работу, которую уже проделал психоанализ за пределами кабинета врача, основатель движения очертил амбициозную программу будущих завоеваний. Психоанализ, утверждал он, способен пролить свет на происхождение религии и морали, юриспруденции и философии. Теперь вся история культуры ждет человека, который интерпретирует ее с точки зрения психоанализа[161].

Некоторые статьи Фрейда по прикладному психоанализу представляли собой краткие, ограниченные экскурсы в области, в которых он не являлся специалистом. Фрейд понимал, что он не археолог и не историк, не филолог и не юрист. Однако, отмечал мэтр довольно резко и в то же время с некоторым удовлетворением, специалисты в смежных дисциплинах из невежества или скромности, похоже, не хотят извлекать пользу из открытий, которые предлагают им психоаналитики. Их сопротивление было таким же сильным, как сопротивление психиатрического истеблишмента, но оно давало Фрейду желанную свободу маневра и позволяло такую роскошь, как умозрительный, зачастую игривый тон.

Зигмунд Фрейд никогда не сомневался, что умный человек, который выведет последствия психоанализа для культуры, – это он сам. Но ему было приятно видеть среди присоединившихся к нему психоаналитиков других прогрессивных людей. Долгое время размышлениями о психоанализе культуры наслаждался Юнг – особенно оккультных явлений, словно удовлетворял чувственный аппетит. В начале весны 1910 года он признался Фрейду, что позволяет себе «буквально аутоэротическое наслаждение своими мифологическими снами». Он так стремился раскрыть тайны мистицизма «при помощи ключа теории либидо», что Фрейд просил Юнга своевременно вернуться к неврозам. «Это, – сочувственно прибавлял он, – наше отечество, где мы в первую очередь должны выстроить укрепления против всего и всех». Несмотря на весь свой интерес к приложениям психоанализа, Фрейд настаивал, что главное – прежде всего.

Карл Абрахам и Отто Ранк, хотя и не такие мистики, как Юнг, испытывали едва ли меньшее волнение. В 1911-м Абрахам опубликовал маленькую монографию с психоанализом личности рано умершего итальянского художника конца XIX века Джованни Сегантини, известность которому принесли мистические сцены с крестьянами. Абрахам гордился своей новаторской работой и в следующем году внес еще один вклад в приложение психоанализа – статью о египетском фараоне Аменхотепе IV, известном реформаторе религии, о котором впоследствии напишет Фрейд в своей книге о Моисее и монотеизме[162]. В то же время Ранк, всеядный читатель и поверхностный автор, пытался распределить свое внимание между изучением психологии художника, мотива инцеста в литературе и мифов, окружающих рождение героя.

В 1912 году Ранк вместе с Гансом Заксом основал журнал Imago, который, как указывалось в подзаголовке, специализировался на применении психоанализа в

культурологии. Фрейд сообщал Джонсу, что первоначально этот новый журнал, «совсем не медицинский», должен был называться «Эрос и Психея». Название, на котором в конечном счете остановились издатели, было данью литературе. Оно недвусмысленно отсылало к недавно вышедшему роману Imago швейцарского поэта Карла Шпиттелера, в котором в форме туманной любовной истории прославлялась сила бессознательного. Фрейд поначалу беспокоился, что Imago, несмотря на то что его будут издавать «два умных и честных парня», ждет «не такая простая судьба, как другие печатные органы». Его тревога оказалась необоснованной. Дела у Imago, как писал Фрейд в июне 1912 года, шли на удивление хорошо. Число подписчиков – 230, в основном из Германии, – казалось ему в высшей степени удовлетворительным, хотя мэтра беспокоило отсутствие интереса в Вене. Все психоаналитики выражали желание сотрудничать с издателями, и не последним из авторов журнала был сам Фрейд. Он руководил «двумя умными и честными парнями» и присылал им некоторые из своих самых смелых исследовательских статей.

Не связанные с медициной работы близкого круга основателя психоанализа открывали возможность для взаимных комплиментов и поздравлений. Фрейд приветствовал весомый вклад Джонса в успех Imago исследованием о символическом значении соли. Джонс сообщал Абрахаму, что прочитал его «очаровательное исследование» личности Сегантини с величайшим интересом, а Абрахам, со своей стороны, прочитал «Тотем и табу» Фрейда дважды, со все возрастающим удовольствием. Следует признать, что некоторые описания болезней художников и поэтов, выполненные венскими психоаналитиками, были наивными и небрежными, что иногда вызывало явное раздражение мэтра. Однако и качественное, и неумелое приложение психоанализа к другим областям с самого начала являлось коллективным предприятием. Фрейд считал этот всеобщий интерес уместным, но ему не требовались импульсы извне, чтобы уложить культуру на свою кушетку.

Принципов, которыми руководствовался основатель психоанализа во время своих вылазок в область культуры, насчитывалось немного. Заявить о них было легко, но применить трудно: все разрешено, все скрыто и все связано. Психоанализ, как полагал Фрейд, выявляет тесные связи между психологическими достижениями индивидуумов и общества, постулируя один и тот же динамический источник у обоих. Главная функция психического механизма состоит в том, чтобы избавить человека от напряжения, которое создают в нем его

желания. Облегчение находится – отчасти – в извлечении удовольствия из внешнего мира или каком-то другом способе избавиться от неудовлетворенных желаний. Таким образом, психоаналитическое исследование искусства или литературы должно быть, подобно исследованию невроза, поиском тайных желаний, как удовлетворенных, так и неудовлетворенных.

Вооруженный такими довольно простыми принципами, Зигмунд Фрейд путешествовал среди высших достижений культуры, этих привилегированных порождений психики, покрывающих безбрежное пространство. Но во всех его исследованиях главное место принадлежало психоанализу. Для основателя движения имело значение не столько то, что *он* мог узнать из истории искусства, лингвистики и остальных областей, но то, что *они* могут почерпнуть у него. Фрейд ступал на незнакомую территорию как завоеватель, а не как проситель[163]. Его статья о Леонардо была, как мы уже видели, экспериментом в области биографии и в то же самое время психоаналитическим исследованием происхождения гомосексуальности и механизма вытеснения. В этом смысле работа о Леонардо стала примером всех остальных его экскурсов в анализ культуры. Как выразился сам мэтр, психоанализ всегда оставался для него отечеством.

Фрейд получал огромное удовольствие от подобных экскурсов, но психоаналитическая увлеченность объектами культуры была не просто отдыхом во время отпуска, способом занять свободное время. Оттенок навязчивости, очевидный в его подходе к историям болезни и теоретическим исследованиям, также проявляется в размышлениях об искусстве и литературе. Как мы видели, основатель психоанализа рассматривал загадку Леонардо и еще более удивительные головоломки, заданные ему Шребером, как свои навязчивые состояния, подобные многим другим, которые следует удовлетворить и от которых нужно избавиться. Загадки «Короля Лира» и «Моисея» работы Микеланджело преследовали его с неменьшей силой. Всю жизнь Фрейд ощущал настоятельную потребность раскрывать секреты. Когда в 1909 году Эрнест Джонс прислал ему свою статью об эдиповом комплексе Гамлета, мэтр проявил к ней живейший интерес. Работа Джонса представляла собой подробные комментарии к знаменитому фрагменту из его собственных «Толкований сновидений», где говорилось о чувстве вины, возникшем у принца Датского из-за любви к матери и ненависти к отцу. Мэтр с гордостью вспоминал об этих строках: «Когда я записал то, что казалось мне ответом на загадку, то не стал отдельно исследовать литературу о Гамлете, но я знал, к каким

результатам пришли наши немецкие писатели, и видел, что даже Гёте ошибся». Фрейд находил огромное, не очень понятное иностранцу удовольствие в том, что он превзошел самого великого Гёте.

Другими словами, серьезные и увлеченные исследования основателя психоанализа не в полной мере определялись свободным выбором. В июне 1912 года в преддверии продолжительных летних каникул он писал Абрахаму: «…в настоящее время моя умственная деятельность ограничилась бы правкой четвертого издания моей «[Психопатологии] Обыденной жизни», если бы мне вдруг не пришло в голову, что в основе начальной сцены в «Лире», суда Париса и выбора ларцов в «Венецианском купце» лежит один и тот же мотив, который я теперь обязан проследить». Обязан проследить – ни больше ни меньше. Неудивительно, что Фрейд описывал ход своих размышлений в терминах, которые больше подходят для страданий. «Меня сегодня мучает, – писал мэтр Ференци весной 1911 года, – тайна трагедийной школы, которая явно не выдержит психоанализа». Этот загадочный намек так и остался намеком, и мы, возможно, никогда не узнаем, какую школу трагедии основатель психоанализа имел в виду. На сей раз, несмотря на мучения, он не разгадал эту загадку с помощью напряженной интеллектуальной работы. Но в целом самые сильные интересы Фрейда подозрительно напоминали навязчивое, неразрешенное напряжение. «Я начал изучать «Макбета», который давно мучил меня, – писал основатель психоанализа Ференци в 1914 году, – но пока не нашел решения». Фрейд не раз отмечал, что лучше всего ему работается при неважном самочувствии, но о чем он умалчивал, так это о том, что необходимое для работы нездоровье, по крайней мере отчасти, являлось проявлением мыслей, искавших выхода в словах.

Загадка, возникавшая в мыслях Фрейда, была подобна внешнему раздражителю, песчинке в устрице, которую невозможно игнорировать и из которой в конечном счете может вырасти жемчужина. Основатель психоанализа считал, что научное любопытство взрослого человека представляет собой запоздалое развитие детских поисков правды относительно разницы между полами и загадки зачатия и рождения. Если это действительно так, то любознательность самого Фрейда отражает необычно сильную потребность освещения этих секретов. Они занимали его еще больше, когда он размышлял о явной разнице в возрасте своих родителей и о наличии братьев одного возраста с матерью, не говоря уж о своем племяннике, который был старше его.

Возможно, ни одна работа Фрейда, посвященная искусству, с такой яркостью не отражает их навязчивый характер, как статья о «Моисее» Микеланджело, опубликованная в 1914 году. Он в восхищении стоял перед этой гигантской статуей во время первого пребывания в Риме в 1901-м и никогда не уставал удивляться ее загадочности и красоте. Никакое другое произведение искусства не производило на мэтра такого сильного впечатления. В 1912 году, во время очередного отпуска в Вечном городе, он сообщал жене, что ежедневно приходит к «Моисею» и думает, что может написать о нем несколько слов. Как выяснилось, Фрейд очень гордился этими несколькими словами, которые он действительно написал, хотя и опубликовал их в журнале Imago под псевдонимом «***». Абрахам вполне резонно удивлялся, зачем понадобилась сия анонимность: «Неужели вы думаете, что никто не узнает коготь льва?» Фрейд между тем продолжал называть эту статью «дитя любви». В марте 1914-го, когда «Моисей» Микеланджело» только что вышел из печати, основатель психоанализа все еще сомневался и писал «дорогому Джонсу», что, «возможно, было бы лучше публично не признавать этого ребенка». Статья так и оставалась непризнанной на протяжении 10 лет… Тем не менее Фрейд ценил ее не меньше, чем статую, анализу которой она была посвящена. В разгар работы мэтра над статьей в Рим приехал Эрнест Джонс. Незадолго до этого Фрейд писал ему: «Я завидую вам, что скоро вы увидите Рим, да еще в таком молодом возрасте. Передайте мое глубокое почтение «Моисею» и напишите мне о нем». Джонс, всегда откликавшийся на просьбы, не преминул воспользоваться случаем. «Мое первое паломничество на следующий день после приезда, – писал он Фрейду, – состояло в том, чтобы передать ваш привет «Моисею», и мне кажется, что он высокомерно выпрямился, совсем чуть-чуть. Удивительная статуя!»

Больше всего в массивной работе Микеланджело Фрейда интриговало именно то, что и должно было интриговать. При каждом визите в Рим он приходил к «Моисею», причем специально. «В 1913 году в течение трех одиноких сентябрьских недель, – вспоминал он, – я ежедневно стоял в церкви перед статуей, изучал ее, измерял, рисовал, до тех пор пока ко мне не пришло понимание того, что я осмелился лишь анонимно изложить на бумаге». «Моисей» идеально подходил для возбуждения любопытства основателя психоанализа. Статуя уже давно вызывала восхищение и разного рода гипотезы. На лбу у монументальной фигуры имеются мифические рога, символизирующие сияние, которое исходило от лица Моисея

после его встречи с Богом. Микеланджело, склонный к героике и преувеличению, изобразил Моисея решительным, мускулистым, властным стариком с длинной ниспадающей бородой, которую он поддерживает левой рукой и указательным пальцем правой. Моисей сидит и, нахмурившись, сурово смотрит влево, прижимая к себе скрижали Завета правой рукой. Фрейда занимала следующая проблема: какой именно момент решил изобразить Микеланджело? Основатель психоанализа с удовольствием процитировал историка искусства Макса Зауерландта, который отметил: «Ни о каком другом произведении мирового искусства не было высказано таких противоречивых мнений, как об этом «Моисее» с головой Пана. Даже несложный анализ фигуры вызывает крайние точки зрения». Напряженные ноги Моисея свидетельствуют о только что начавшемся или закончившемся движении. Но что делает Моисей: встает или только что сел? Эту загадку Фрейд считал себя обязанным разгадать. Изобразил ли Микеланджело Моисея как вечный символ законотворца, который видел Господа, или пророк показан в минуту гнева на свой народ, готовый разбить скрижали, принесенные с горы Синай?

В 1912 году Фрейд привез домой маленькую гипсовую копию статуи Моисея, однако еще не был готов изложить свои идеи в статье. Еще больше осложнил ему задачу Эрнест Джонс. «Джонс прислал мне фотографии статуи работы Донателло во Флоренции, – писал мэтр Ференци в ноябре, – которые значительно поколебали мою точку зрения». Фотографии предполагали возможность того, что Микеланджело вырезал свою статую, повинуясь скорее художественным, чем эмоциональным потребностям. В конце декабря 1912-го, благодаря Джонса за помощь, Фрейд почти робко просил его об одолжении: «Позвольте мне попросить вас еще кое о чем… это более чем нескромно… понимаете, мне нужна репродукция… даже рисунок поразительного нижнего контура скрижалей, которые изображены в моем письме». Он объяснил, что имеет в виду, при помощи неумелого, но вполне понятного маленького рисунка нижних краев скрижалей Завета. Джонс с готовностью откликнулся на просьбу. Он понимал, как много значат детали.

Обдумывая статью о «Моисее» и делая для нее заметки, Фрейд продолжал сомневаться. В августе 1913 года он отправил Ференци из Рима открытку с изображением загадочной статуи, а в сентябре писал Эрнесту Джонсу: «Я снова посетил старика Моисея и утвердился в своем объяснении его позы, но кое-что в сравнительном материале, который вы для меня собрали, пошатнуло мою уверенность, которая еще не восстановилась». В начале октября он сообщал из Вены, что только что вернулся, «все

еще немного больной от прелести 17 дней в Риме». Но даже в феврале 1914 года основатель психоанализа не был уверен в себе: «В деле с «Моисеем» я снова начинаю сомневаться».

Как и следовало ожидать, Фрейд предложил собственное толкование. За исключением нескольких историков искусства, которые рассматривали статую Микеланджело как бессмертный памятник величию, большинство считали, что она олицетворяет затишье перед бурей: увидев, что сыны Израиля поклоняются золотому тельцу, Моисей готов обрушить на них свой гнев и разбить скрижали. Но Фрейд, внимательно изучив детали, в частности положение правой руки пророка и самих скрижалей, пришел к выводу, что Микеланджело хотел изобразить Моисея, который сдерживает внутреннюю бурю, и не преддверие вспышки гнева, а «следы подавленного движения». Фрейд прекрасно сознавал, что его интерпретация противоречит Библии, ведь, как сказано в Книге Исход, Моисей в ярости разбил скрижали. Однако и этот источник не мог изменить окончательный вывод основателя психоанализа. Его Моисей – это очень человечный Моисей, который, подобно Микеланджело, был подвержен приступам гнева и в этот важный момент мужественно сдерживает себя. Таким образом, Микеланджело «установил своего «Моисея» в гробнице папы как упрек умершему и предостережение самому себе, благодаря критике возвышаясь над собственной природой».

Очень похоже, что, анализируя личность Микеланджело, мэтр анализировал самого себя. По всей видимости, его жизнь была постоянной борьбой за самодисциплину, за контроль над своими творческими порывами и своим гневом – гневом на врагов и (его еще труднее сдерживать!) на тех своих сторонников, которые принесли мало пользы или оказались нелояльными[164]. «Моисей» Микеланджело произвел впечатление на Фрейда при первом же «знакомстве», в 1901 году, однако основатель психоанализа не рассматривал статую как объект для истолкования вплоть до 1913-го, когда стал рушиться его союз с Юнгом. Статью «Моисей» Микеланджело» Фрейд написал в конце 1913 года, перед началом работы над историей психоаналитического движения – «бомбой», которую мэтр намеревался бросить в Юнга и Адлера. В этой полемике он будет сдерживать – с большим трудом – свою ярость, чтобы добиться результата[165]. Но, чувствуя себя бесконечно усталым, Фрейд не был уверен, удастся ли ему сохранить железное самообладание, которое он приписывал любимой статуе. В октябре 1912 года он писал Ференци: «В теперешнем настроении я сравниваю себя скорее с историком, чем с «Моисеем» Микеланджело, которого я проанализировал». Таким

образом, главная цель его экскурса в историю искусства состояла в том, чтобы научиться подражать мудрому государственному мужу, изображенному Микеланджело, а не импульсивному лидеру, несдержанный характер которого так ярко описан в Книге Исход. Только такая биографическая интерпретация может объяснить ежедневные визиты Фрейда к статуе Микеланджело, его тщательные измерения, подробные рисунки, изучение монографий – все это немного несоразмерно результату, который в лучшем случае будет всего лишь иллюстрацией к психоаналитическому толкованию искусства. Тем не менее многие часы перед «Моисеем» Микеланджело провел не только Фрейд-политик, стремившийся к самодисциплине. Это был также неутомимый исследователь, который просто не мог отказаться от искушения разгадать загадку, прочно засевшую у него в голове.

Зигмунд Фрейд ограничил свои соображения в области эстетики статьями и монографиями. Раскрытие тайн художественного творчества, к которому призывал Макс Граф во время одного из собраний по средам в конце 1907 года, в работах мэтра так и осталось незавершенным. Неудача в значительной степени объяснялась личными причинами. Как мы знаем, отношение Фрейда к людям искусства было неоднозначным. «Я часто с изумлением спрашивал себя, – писал он Артуру Шницлеру, благодаря за поздравление с 50-летием, – откуда вы взяли то или иное тайное знание, которое я приобрел путем напряженных исследований». Это звучит очень возвышенно, но слова благодарственного письма не стоит принимать за истину в последней инстанции. Тем не менее на протяжении многих лет Фрейда мучила загадка писателя, который как будто без всяких усилий проникал в психологию человека. Это был тот самый интуитивный, ничем не ограниченный дар воображения, который основатель психоанализа считал необходимым выработать у себя самого.

Личный характер трудностей подчеркивал тот факт, что способность художника очаровывать вызвала раздражение Фрейда еще много лет назад, когда он ухаживал за Мартой Бернайс. Нетерпеливый и властный, он был охвачен ревностью к двум молодым соперникам, людям искусства, и заявлял, что существует общая враждебность между художниками и теми, кто вовлечен в детали научной работы. С нескрываемой завистью он писал о поэтах и художниках: «…их искусство дает им ключ к женским сердцам, в то время как мы стоим беспомощными перед этой цитаделью и должны сперва помучиться, пока подберем к ней подходящий ключ». Иногда замечания Фрейда относительно

поэтов выглядят как месть ученого художнику. Черепаха ругает зайца. Тот факт, что сам мэтр не был лишен определенных художественных амбиций, о чем убедительно свидетельствует его литературный стиль, лишь усиливал зависть к людям искусства.

Тем не менее письмо к Шницлеру показывает, что эта зависть соседствовала с восхищением. Несмотря на то что Фрейд всегда описывал художника как невротика, ищущего компенсации за неудачи в реальном мире, он безусловно признавал за ним необычный талант к психоанализу. Проанализировав «Градиву», небольшой роман немецкого драматурга Вильгельма Йенсена, впервые опубликованный в 1903 году, Фрейд отправил автору экземпляр своей статьи. Йенсен вежливо ответил, что принимает его толкование, но в то же время твердо дал понять, что до написания романа не был знаком с теорией психоанализа. Как же он тогда мог «проанализировать» придуманные для «Градивы» персонажи и составить сюжет романа в буквальном смысле слова как психоаналитическое исцеление? Фрейд разрешил поставленную перед собой загадку следующим образом: «Вероятно, мы – писатель и психоаналитик – черпаем из одного и того же источника, обрабатывая один и тот же объект, каждый из нас разными методами». Если аналитик наблюдает за бессознательной частью психики пациента, то писатель рассматривает собственное подсознание и облекает сделанные открытия в экспрессивную форму. Таким образом, писатель и поэт являются психоаналитиками-любителями, которые в своих лучших произведениях проникают в психику человека так же глубоко, как и профессионал. Похвала Фрейда абсолютно искренна, но это похвала художнику как психоаналитику.

Несмотря на то что психоаналитические исследования высокой культуры Фрейдом оставались фрагментарными, они затрагивали три главных аспекта эстетического опыта – психологию главных действующих лиц, психологию аудитории и психологию создателя. Эти аспекты неизбежно переплетаются и усиливают друг друга. Таким образом, психоаналитик может прочитать «Гамлета» как эстетический артефакт, в котором требует анализа главный герой, преследуемый неразрешенным эдиповым комплексом, увидеть его как ключ к комплексам широкой аудитории, глубоко тронутой трагедией, в которой люди узнают свою тайную историю[166], а также как косвенное свидетельство эдиповой драмы самого автора, неразрешенное эмоциональное противоречие, с которым он все еще борется[167]. Другими словами, психоаналитическое исследование Гамлета, придуманного персонажа, который восхищал и озадачивал

многих исследователей, могло пролить свет на его самые тайные побудительные мотивы, его удивительное воздействие на почитателей на протяжении многих веков, а также на внутреннюю жизнь автора. Подобное исследование предполагало гораздо более внимательное и тонкое прочтение трагедии, чем это было доступно предыдущим толкователям, особенно критикам из числа формалистов, которые, как афористично выразился Эйтингон, «боялись содержания, а также сил, которые определяли это содержание».

Тем не менее противники фрейдовской эстетики вскоре возразили, что психоаналитическая критика страдает прямо противоположным недостатком – тенденцией к игнорированию мастерства, формы и стиля в угоду содержанию. Упорный поиск скрытого смысла в поэме, романе или картине, которым занят психоаналитик, обычно заставляет его уделять повышенное внимание сюжету, повествованию, метафоре и характеру, игнорируя тот факт, что продукт культуры является порождением талантливых и умелых рук, а также традиции, которой художник может следовать, но и которую он может изменять или решительно отбрасывать. Поэтому удовлетворительное, полное толкование произведения литературы или искусства, скорее всего, не будет таким гладким, как предполагают психоаналитические формулировки. Но Фрейд был уверен: «… анализ позволяет нам предположить, что огромное, поистине неистощимое богатство проблем и ситуаций, с которыми имеет дело наделенный воображением писатель, можно проследить к небольшому числу первичных мотивов, которые по большей части обусловлены вытесненным эмпирическим материалом из психической жизни ребенка, и поэтому творческие произведения соответствуют новым редакциям этих детских фантазий, замаскированным, приукрашенным, вытесненным».

Таким образом, главным искушением для психоаналитической критики были поверхностные аналогии между произведением и его создателем. Анализ художников, а также аудитории произведений искусства угрожал – даже в опытных и осторожных руках – скатиться к редукционизму[168]. Фрейдист мог посчитать абсолютно очевидным, что Шекспир должен был пережить эдипов комплекс, который он так убедительно показал в своей пьесе. Разве он не человек? Разве у него не течет кровь, когда он поранится? Но правда заключается в том, что драматургу не обязательно в полной мере разделять чувства, которые он так увлекательно изображает. А эти чувства, скрытые или явные, не обязательно должны будить те же чувства у публики. Катарсис, как должно быть известно психоаналитику,

формирует не имитацию, а избыточность: чтение насыщенного насилием романа или просмотр кровавой трагедии может вызывать отвращение, а не возбуждать злобу. В работах Фрейда встречаются намеки – не более того! – что он видел эти сложности, но его взгляды на искусство не только открывали широкие перспективы, но и поднимали проблемы, уже не столь приятные.

В целом читателей Фрейда раздражало не столько его двойственное отношение к художнику, сколько самоуверенные суждения об искусстве. Вероятно, самым спорным из его предположений была гипотеза, что литературных персонажей можно анализировать, как реальных людей. Большинство литературоведов опасались таких попыток: действующее лицо романа или пьесы, утверждали они, не реальное человеческое существо с реальной психикой, а ожившая кукла, которой дал фальшивую жизнь автор произведения. Гамлет не существовал ни до пьесы, получившей его имя, ни вне ее. Исследовать состояние психики этого персонажа, предшествовавшее его первой речи, или анализировать его чувства, словно он лежащий на кушетке пациент, – значит путать такие категории, как фантазия и реальность. Тем не менее не утративший присутствия духа Фрейд храбро ступил в это болото – стал исследовать «Градиву» Йенсена. Он сообщал Юнгу, что писал эту работу «в светлые деньки» и она доставила ему величайшее удовольствие. «Конечно, она не дает нам ничего нового, но я убежден, что она позволяет нам наслаждаться нашим богатством». Анализ Фрейда превосходно иллюстрирует, чего может достичь такая разновидность литературного психоанализа и с какими опасностями она сталкивается.

Главный герой «Градивы» Йенсена, Норберт Ганольд, занимается раскопками, он археолог. Скорее всего, именно профессия Ганольда и его специализация, Италия, первоначально привлекли внимание Фрейда к роману. Но у «Градивы» были и психологические аспекты, которые могли заинтересовать основателя психоанализа. Ганольд – замкнутый и немногословный человек, продукт северного климата, который обретет ясность и чисто фрейдистское исцеление посредством любви на высушенном солнцем юге, в Помпеях. Он подавляет воспоминания о девушке, Цоё Бертганг, с которой вырос и к которой был нежно привязан. В римском собрании древностей Ганольд увидел барельеф с изображением красивой молодой женщины и уловил ее необычную походку. Археолог называет ее Градивой, что означает «идущая вперед», и вешает гипсовую

копию барельефа на видном месте – на стене своего кабинета. Впоследствии Фрейд поместит собственную гипсовую копию «Градивы» в кабинете, где он принимал пациентов.

Поза молодой женщины завораживает Ганольда, поскольку – хотя тот этого еще не осознает – напоминает ему девушку, которую он любил, но потом «забыл», чтобы полностью посвятить себя непубличной, отдаляющей от людей профессии. Ему снится сон, в котором он видит Градиву в день гибели Помпей, и у него возникает запутанная череда фантазий о ней. Ганольд оплакивает ее гибель, словно она его современница, а не одна из тысяч жертв, нашедших смерть в лаве Везувия почти две тысячи лет назад. «Вся его наука, – замечает Фрейд на полях своего экземпляра «Градивы» Йенсена, – на службе ф[антазии]». Под впечатлением непонятных чувств и необъяснимых побуждений Ганольд приезжает в Помпеи, где встречает Градиву и словно переносится в тот роковой день в 79 году до нашей эры, когда начал извергаться Везувий. Но видение превращается в реальность – разумеется, это любовь его юных лет.

Ганольд не имел никакого опыта в общении с женщинами – Фрейд на полях книги отмечает его «с[ексуальное] вытеснение» и «асексуальную атмосферу», в которой он живет, – но его Градива, к счастью, не только красива, но и сообразительна. Цоё, «источник» его недомогания, также становится средством исцеления. Распознав суть бреда Ганольда, она возвращает ему рассудок, отделив фантазии от действительности. Девушка ходит перед ним, имитируя Градиву с барельефа. Это и становится ключом к лечению: неповторимая походка позволяет вытесненным воспоминаниям о ней вернуться в сознание Ганольда.

Это был психоанализ посредством археологии. Одним из двух эпизодов «Градивы», против которых Фрейд на полях пометил «прекрасно» – schön, – оказалось мудрое высказывание героини, напомнившее его любимую метафору. «Кто-то должен вначале умереть, чтобы стать живым», – подумала девушка. Но, прибавила она, «для археологов это необходимо»[169]. В своем экземпляре романа Фрейд снова обращается к этой метафоре: «В самом деле, для вытеснения, которое делает недоступным и одновременно консервирует нечто психическое, нет лучшей аналогии, чем погребение, ставшее судьбой Помпей и откуда город с помощью заступа и лопаты опять восстал»[170]. «Градива» демонстрирует триумф не только вытеснения, но и избавления от него. Факт излечения Ганольда молодой женщиной снова доказывает «целительную силу любви». Читая небольшую по объему книгу с карандашом в руке, Фрейд ясно дает понять чувственную основу

этой любви. «Эротический интерес к ногам», – отмечает он напротив эпизода, когда Ганольд смотрит на туфли Цоё, а рядом с последним абзацем, в котором Йенсен заставляет своего героя попросить девушку пройтись перед ним и она с улыбкой соглашается, основатель психоанализа пишет: «Эротично! Принятие фантазии; примирение».

У Фрейда были некоторые сомнения относительно своего обращения с фантазией Йенсена. В конце концов, он анализировал и истолковывал «сновидения, которые вообще никто никогда не видел во сне». Основатель психоанализа изо всех сил старался тщательно штудировать роман Йенсена: он добросовестно делал пометки, читая три сна Ганольда и их последствия, словно на кушетке перед ним лежит очередная Дора, он обращал внимание на сопутствующие чувства героя, такие как тревога, агрессивные мысли и ревность; он отмечал неопределенности и двусмысленности, а также внимательно следил за ходом «лечения» по мере того, как Ганольд постепенно учился отличать бред от действительности. И все-таки заканчивает свою работу Фрейд благоразумным напоминанием: «Но здесь мы должны остановиться, иначе в самом деле забудем, что Ганольд и Градива – всего лишь творения художника».

Как бы то ни было, эти сомнения не остановили ни мэтра, ни его сторонников. Пренебрегая опасностями, психоаналитики тех лет не видели причин отказывать культуре в месте на кушетке. Конечно, их действия за пределами клинической работы с невротиками вызывали некоторый интерес у специалистов по эстетике, литературных критиков и кураторов выставок и способствовали переоценке взглядов практически во всех областях, куда вторгался Фрейд. Но если сам он предпочитал рассматривать свои рассуждения о снах и о творческом воображении писателей как «экскурсии в области, которых мы до сих пор едва касались и в которых можно устроиться с комфортом», то большинство специалистов пришли к мысли, что основатель психоанализа слишком заботится о своем комфорте.

У критиков мэтра имелись некоторые основания для беспокойства: наделенные творческим воображением художники, эти самые обожаемые из человеческих существ, в некоторых психоаналитических исследованиях представлялись всего лишь ловкими невротиками с хорошо подвешенным языком, которые обманывали доверчивый мир своими хитрыми выдумками. Исследования самого Фрейда, хотя и очень амбициозные, вряд ли можно назвать лестными. Основатель психоанализа просто не обсуждал «творческие способности» наделенных воображением художников, а также ограничивал их роль в культуре. Выдавая

секреты общества, эти творцы лишь чуть лучше уполномоченных сплетников и годны только на то, чтобы снимать напряжение, накопившееся в общественном сознании. Фрейд рассматривал создание произведений литературы и искусства, а также их потребление как обычные человеческие занятия, не признавая за ними особого статуса. И совсем не случайно он назвал приятное чувство, получаемое от просмотра, чтения или прослушивания произведения искусства, термином – преддверие наслаждения, – позаимствованным у самого земного из удовольствий. По его мнению, эстетическая работа, подобно любви и войне, законам и установлениям, является способом подчинения мира или сокрытия своей неспособности его подчинить. Разница заключается в том, что романы и картины скрывают свои чисто утилитарные цели за искусно выполненными и зачастую неотразимыми декорациями.

При этом Фрейд был убежден, что способен избежать ловушки редукционизма. Он многократно и решительно отрицал, что психоаналитики могут пролить свет на тайны творчества. В «Воспоминаниях детства Леонардо да Винчи» основатель психоанализа честно открестился от намерения «сделать понятной деятельность великого человека» и заявил о готовности признать, «что и сущность художественной деятельности также недоступна для психоанализа»[171]. Изучать законы психической жизни людей, особенно выдающихся личностей, чрезвычайно интересно, но такие исследования «не ставят себе целью объяснить гениальность поэта». Нам приходится принимать подобные оговорки за чистую монету. Фрейд открыто и точно указал свое отношение к собственным публикациям, от догматичной уверенности до полного агностицизма. В то же время, несмотря на огромное уважение к могучим тайным силам творчества, мэтр был готов в значительной степени поддержать психоаналитическое исследование личности художника, а также причины выбора им определенных тем или приверженности к тем или иным метафорам, не говоря уж о воздействии на публику. Однако даже у симпатизировавших ему читателей основатель психоанализа оставил впечатление, что сведение культуры к психологии выглядит не менее однобоким, чем изучение культуры совсем без учета психологии.

Вопреки сложившемуся впечатлению взгляды Зигмунда Фрейда на искусство не были направлены на полную дискредитацию последнего. Из чего бы ни была слеплена – из юмора, интриги, ярких красок или убедительной композиции – эстетическая маска для примитивных страстей, она доставляет

удовольствие. И помогает сделать жизнь терпимой как для ее создателя, так и для публики. Таким образом, для Фрейда искусство является культурологическим наркотиком, но не вызывает отдаленных последствий, свойственных другим наркотическим веществам. Поэтому задача психоаналитического критика – проследить различные пути, которыми чтение, прослушивание или просмотр произведений искусства генерирует эстетическое наслаждение, не давая оценки значимости работы, ее автора или ее восприятия. Основатель психоанализа не нуждался в напоминании, что плод не похож на корень и что самые красивые цветы в саду не утрачивают своей прелести, если нам напоминают, что они растут на дурно пахнущем навозе. Но профессиональный долг призывал Фрейда исследовать корни. В то же время, если он хочет читать «Венецианского купца» и «Короля Лира» как размышления о любви и смерти, Шекспир не становится для него предметом чисто клинического интереса. Микеланджело, создавший «Моисея», был для Фрейда не просто интересным пациентом. В глазах основателя психоанализа Гёте не утрачивал статуса Dichter даже после того, как он проанализировал фрагмент из автобиографии поэта в работе «Поэзия и правда». Но факт остается фактом: несмотря на любовь к литературе, Фрейд всю жизнь больше интересовался правдой, чем поэзией.

Основы общества

Применение Фрейдом своих открытий к ваянию, литературе и живописи было достаточно смелым, однако оно бледнеет перед его попыткой раскопать более отдаленные основы культуры. Когда мэтру было уже за пятьдесят, он поставил перед собой именно эту задачу: определить момент, когда животное под названием человек совершило прыжок в цивилизацию, определив для себя табу, обязательные для всех упорядоченных обществ. Фрейд давно высказывал подобные намеки и намерения – в статьях, предисловиях и лаконичных замечаниях коллегам. В середине ноября 1908 года он констатировал, обращаясь к членам Венского психоаналитического общества: «Исследования источника чувства вины не могут быть выполнены быстро. Вне всякого сомнения, в нем работают многие факторы. Можно с уверенностью сказать, что чувство вины возникает из-за неудачи сексуальных импульсов». Две недели спустя, комментируя статью Отто Ранка о мифах, сосредоточенных вокруг рождения героя, он отметил, что реальный главный герой вымысла – «Я». Оно снова находит себя, возвращаясь назад во времени, «когда оно было героем, совершив первый подвиг: бунт против отца». У Фрейда уже формировались очертания «Тотема и табу», связанных общей темой четырех очерков.

Как свидетельствует переписка мэтра, это произведение стало результатом упорного, утомительного труда, которому Фрейд отдавался со всей страстью. В середине ноября 1911 года он писал Ференци: «Я снова занят с 8 до 8, но душой я всецело с «Тотемом», который продвигается медленно». Как обычно, Фрейд проштудировал очень много специальной литературы, но неохотно, так как был почти уверен в том, что он там найдет. Рассказывая Ференци о «тотемной работе», основатель психоанализа сообщал: «…читаю толстые книги без всякого интереса, поскольку результаты мне уже известны». В важных вещах он действовал не раздумывая. Временами у него появлялось внутреннее удовлетворение от удачной находки. «Несколько дней назад, – писал Фрейд Ференци в начале февраля 1912 года, – вопрос амбивалентности тотема внезапно прояснился, стал на место с громким «щелчком», и с тех пор я был практически «идиотом».

Работа стала продвигаться быстрее. В марте 1912-го в журнале Imago был опубликован первый из ее четырех очерков, о боязни инцеста. Эту статью, с разочарованием признавался мэтр Эрнесту Джонсу, «никак не назовешь знаменитой»[172]. Тем не

менее основатель психоанализа продолжил писать. В мае он закончил второй очерк и прочитал его на собрании Венского психоаналитического общества. Работа отнимала у него столько сил, что иногда Фрейд забывал английский, которым свободно владел, и не мог точно передать смысл. «Теперь позвольте мне вернуться к науке, – писал он Джонсу в середине лета 1912 года и внезапно переходил на смесь двух языков. – Истинного исторического источника Verdrängung я надеюсь коснуться в последней из четырех статей, из которых «Табу» вторая, в той, что будет называться «Die infant. Wiederkehr des Totemismus». Ответ я могу вам дать прямо сейчас. Любое внутреннее (к черту мой английский!) Jede innere Verdrängungsschranke ist der historische Erfolg eines *äusseren* Hindernisses. Поэтому: Verinnerlichung der Widerstände, die Geschichte der Menschheit niedergelegt in ihren heute angeborenen Verdrängungsneigungen»[173]. Затем Фрейд вспоминает английский и продолжает: «Я понимаю препятствие, или осложнение, связанное с матриархатом, и еще не нашел выхода. Но надеюсь, что оно будет устранено».

Решение мэтр нашел не сразу. «Я полностью погружен в размышления», – писал он Ференци в середине декабря, когда с обычной для себя одержимостью трудился над третьим очерком. Две недели спустя Фрейд снова упоминает о своей увлеченности работой: «Я только что испытал ощущение всемогущества. Именно так нужно работать, если хочешь чего-то достичь». В апреле 1913 года он уже сообщал, что заканчивает «тотемную работу», а в следующем месяце решился на хвалебное высказывание о своем труде: «Теперь я работаю над «Тотемом» с ощущением, что это моя величайшая, лучшая и, возможно, последняя хорошая вещь».

Фрейд не всегда выражал такую уверенность. Всего неделю спустя он пишет Ференци, что вчера «тотемная работа» стоила ему «…ужасной мигр[ени] (что для меня редкость)». Однако уже в июне и головная боль, и большинство сомнений исчезли – на время: «После завершения тотемной работы я чувствую легкость и бодрость духа». В предисловии к книге основатель психоанализа честно признавался, что ему хорошо известны ее недостатки. Одни обусловлены новаторским характером работы, другие – обращением к обычному образованному читателю и попыткой «стать посредником между этнологами, лингвистами, фольклористами и т. д., с одной стороны, и психоаналитиками – с другой».

Основной тезис «Тотема и табу» еще более амбициозен, чем поиски аудитории. По своей оригинальности он превосходит даже гипотезы Жан-Жака Руссо, чьи знаменитые рассуждения середины

XVIII века о происхождении человеческого общества являлись чисто умозрительными. Во многих своих работах Руссо приглашал читателей отбросить факты, воображая эпоху, когда несоциализированное человечество сделало шаг к цивилизации. Но, в отличие от Руссо, Фрейд предлагал своим читателям смотреть на собственную удивительную догадку как на аналитическую реконструкцию глубоко запрятанного эпохального доисторического события. Мэтр опасно удалялся от узкой конкретности своих клинических выводов, но это его не останавливало.

«Тотем и табу» Фрейда – это приложение психоанализа, но не только. Это еще и политический документ. В феврале 1911 года, когда работа над книгой была в самом начале, мэтр сказал Юнгу, прибегнув к яркой метафоре деторождения: «Несколько недель, как я забеременел семенем более широкого синтеза, и роды состоятся летом». Известно, что «беременность» длилась гораздо дольше, чем предполагал основатель психоанализа, и мы можем понять нотку торжества в письмах Фрейда друзьям, когда в мае 1913 года он объявлял, что работа над книгой в основном закончена. Дело в том, что создание мэтром синтеза предыстории, биологии и психоанализа имело целью предвосхитить и превзойти «наследника» и соперника: статьи, составляющие «Тотем и табу», были оружием в борьбе с Юнгом. Своими усилиями Фрейд демонстрировал тот аспект эдипова комплекса, который часто игнорируется, – стремление отца превзойти сына. Кроме того, последняя и самая воинственная из четырех статей, опубликованная после его разрыва с Юнгом, стала сладкой местью наследному принцу, который оказался таким жестоким к царствующему монарху и который предал психоанализ. Статья должна была появиться в августовском выпуске Imago, и, как сказал Фрейд Абрахаму в мае, «послужит отрезанию, начисто, всего арийско-религиозного». В сентябре мэтр подписал предисловие к книге – в Риме, который считал главным из городов.

На страницах «Тотема и табу» можно найти многочисленные свидетельства битв, которые в то время вел Фрейд и которые находили отклик в его прошлом опыте, сознательном и бессознательном. Всю жизнь он увлекался культурной антропологией и археологией, и книга изобилует археологическими метафорами. Шлиман, реализовавший во взрослом возрасте детские фантазии, был одним из немногих людей, которым по-настоящему завидовал Фрейд, а самого себя он видел как Шлимана в области психики. По завершении

тяжелого труда основатель психоанализа погрузился в «послеродовую депрессию», схожую с той, которую пережил после выхода в свет «Толкования сновидений». Фрейд начал сомневаться в верности своих выводов, что было явным признаком глубокой эмоциональной вовлеченности. К счастью, вознаграждения в виде аплодисментов его верных сторонников долго ждать не пришлось. Одобрение Ференци и Джонса, писал Фрейд в конце июня, стало «…первыми дивидендами удовольствия, которые я получаю после завершения работы». Когда Абрахам сообщил о том, что наслаждался «Тотемом» и Фрейд полностью убедил его, мэтр незамедлительно ответил нескрываемой благодарностью: «Ваш вердикт по поводу «Тотема» был для меня особенно важен, поскольку после завершения работы у меня наступил период сомнений в его ценности. Но комментарии Ференци, Джонса, Закса и Ранка были аналогичными вашим, и поэтому уверенность постепенно вернулась ко мне». Публикуя, как он сам признавал, научные фантазии, Фрейд особенно приветствовал попытку Абрахама подкрепить его работу фактами, дополнениями, умозаключениями. Он писал Абрахаму, что готов к гадким атакам, но не позволит им расстроить его. Неизвестно, в какой степени это было восстановленное спокойствие, а в какой бравада.

Интеллектуальное наследие «Тотема и табу» впечатляет. Оно лишь немного потускнело – от времени и постоянного усложнения родственных дисциплин, которые стали для Фрейда источником самых необычных идей. Основатель психоанализа сам признавал, что основным стимулом к его исследованиям оказались «неаналитический» труд Вильгельма Вундта Völkerpsychologie, а также работы психоаналитиков цюрихской школы – Юнга, Риклина и других. Тем не менее он с некоторой гордостью отмечал не только пользу этих работ, но и несогласие с ними. Кроме того, Фрейд опирался на труды Джеймса Фрэзера, чрезвычайно плодовитого специалиста в области древних и редких религий, на работы выдающегося английского исследователя Библии Уильяма Робертсон-Смита, посвященные тотемной трапезе, а также на эволюционную антропологию великого Эдварда Бернетта Тайлора[174], не говоря уж о Чарльзе Дарвине с его яркими гипотезами о первобытном социальном состоянии человека.

Р.Р. Маретт, первый британский антрополог, откликнувшийся на английское издание «Тотема и табу» в начале 1920 года, назвал сию теорию ненаучной. Фрейд нашел данную

характеристику довольно остроумной и не без удовольствия принял ее. «Маретт, критик T&T, – писал он Джонсу, – имеет полное право сказать, что психоанализ оставляет антропологию со всеми своими проблемами, которые уже существовали, поскольку отвергает решения, предлагаемые психоанализом. Прими он их, его мнение было бы другим». Однако высказывание Маретта о ненаучной теории, считал Фрейд, совсем неплохая шутка: «Этот человек умен, только ему не хватает воображения». В чем в чем, а в недостатке воображения самого Фрейда обвинить никто бы не взялся, особенно после «Тотема и табу». Впрочем, смелость у основателя психоанализа сочеталась с благоразумием. В 1921 году он отметил, что лишь развил гипотезу, существующую «как и многие другие, с помощью которых исследователи доисторического времени пытаются осветить темноту глубочайшей древности». Конечно, прибавил мэтр уже с большей уверенностью, «этой гипотезе должно быть лестно, если она оказывается пригодной привнести связность и понимание во все новые области».

Фрейд не строил свои аргументы только на обширных неаналитических свидетельствах. Без своего лечебного опыта, без самоанализа и психоаналитических теорий он никогда бы не написал «Тотем и табу». Над книгой также витает призрак Шребера, поскольку в той истории болезни типичного параноика основатель психоанализа исследовал отношение людей к их богам как производную отношения к отцам. «Тотем и табу», как говорит Фрейд Юнгу, представляет собой синтез. В нем сплетены гипотезы из таких областей, как антропология, этнография, биология, история религии – и психоанализ. Подзаголовок книги говорит сам за себя – «Некоторые соответствия в душевной жизни дикарей и невротиков». Первый из очерков, самый короткий, посвященный страху инцеста, охватывает широкий круг объектов, от меланезийцев и представителей племени банту до мальчиков в эдиповой фазе и страдающих неврозом женщин из социума, к которому принадлежал сам Зигмунд Фрейд. Во втором очерке рассматриваются теории в области антропологии культуры и фиксируется связь табу и амбивалентности с навязчивыми установками и запретами, которые Фрейд наблюдал у своих пациентов. Третий очерк исследует связь анимизма, который в то время большинство специалистов считали предшественником религии, с магическим мышлением, а затем связывает оба явления с детской верой во всемогущество мыслей. Здесь, как и во всей работе «Тотем и табу», мэтр выходит за пределы договора, который заключил с читателями, снабдив книгу подзаголовком. Ему интересно не только соответствие между тем, что он называл

примитивным и невротическим мышлением, – основатель психоанализа желал понять, каким образом примитивное мышление может пролить свет даже на нормальное. И на историю… Фрейд пришел к выводу, что мышление «дикарей» явственно обнаруживает то, что психоаналитику приходится распознавать в своих пациентах и, наблюдая за окружающим миром, во всех остальных: давление желаний на мышление и чисто практическое происхождение всей психической деятельности.

Все это достаточно умозрительно, однако в четвертом, наиболее длинном из всех очерков, где Фрейд переходит от табу к тотему, он приступает к своей самой оригинальной идее. Его критики считали эту идею безрассудной, вроде рокового полета Икара, но для мэтра она если и была необычной, то совсем не страшной. Ведь тотемы тоже относятся к табу – это священные объекты. Для историков культуры они имеют огромное значение, поскольку драматизируют то, что Фрейд уже исследовал в первом очерке, – страх инцеста. Самое главное из священных ограничений у племен, практикующих тотемизм, заключается в запрете не только вступать в брак с членами своего клана, но и иметь с ними сексуальные отношения. Это и есть, отмечает Фрейд, «знаменитая и загадочная, связанная с тотемизмом экзогамия».

Краткий обзор современных теорий, объясняющих происхождение тотемизма, содержит признание достижений предшественников, но после экскурса в гипотезы Дарвина и Робертсон-Смита объяснение самого Фрейда возвращается к психоаналитической кушетке. Дарвин предположил, что первобытные люди жили небольшими группами, в каждой из которых доминировал самый сильный и ревнивый самец. Робертсон-Смит выдвинул гипотезу, что важным элементом любого тотемизма является ритуальное жертвоприношение, после которого тотемное животное съедают. Применяя сравнительный метод, характерный для его теоретических построений, Фрейд связал эти ничем не подтвержденные и крайне ненадежные догадки с фобиями животных у страдающих неврозом детей, а затем вывел на сцену эдипов комплекс, который до поры до времени скрывался за кулисами. В его интерпретации маленький Ганс, умный и милый пятилетний мальчик, который боялся лошадей и имел глубокий внутренний конфликт с отцом, стал промежуточном звеном между Веной начала XX века и отдаленными и туманными эпохами в прошлом человечества. К своему излюбленному примеру Фрейд прибавил еще двух юных пациентов: боявшегося собак мальчика, которого изучал русский

психоаналитик М. Вульф, и маленького Арпада, отождествлявшего себя с курами и одновременно любившего смотреть, как их режут, – об этом случае ему рассказал Ференци. Поведение этих больных детей помогло мэтру истолковать тотемное животное как олицетворение отца. Такая интерпретация позволяла основателю психоанализа сделать вывод о высокой вероятности, что вся «тотемистическая система возникла из условий эдипова комплекса, подобно фобии животных маленького Ганса и перверсии маленького Арпада».

Жертвенная трапеза, утверждал Фрейд, является важным средством укрепления социальных связей. Принося в жертву тотем, символ одной крови с людьми, которые его едят, клан подтверждает свою веру в бога и свое единство с ним. Это коллективный акт, двойственный по своей сути: умерщвление тотемного животного есть повод для скорби, которая сменяется радостью. И действительно, следующий за ритуальным убийством праздник, буйное, ничем не сдерживаемое веселье – странный, но необходимый придаток скорби. Теперь, на этой стадии рассуждений, мэтра уже ничто не могло остановить. Он был готов предложить свою историческую реконструкцию.

Зигмунд Фрейд признавал, что эта его реконструкция может показаться фантастической, но для него она выглядела абсолютно правдоподобно: жестокий и ревнивый отец, который доминирует над группой и владеет всеми самками, изгоняет выросших сыновей. «Как-то раз изгнанные братья сговорились, убили и съели отца и тем положили конец отцовской воле. Объединившись, они осмелели и совершили то, что было бы не под силу каждому в отдельности». Фрейд предположил, что произошел некий «технологический» прорыв, вроде появления нового оружия, что дало взбунтовавшимся братьям чувство превосходства над тираном. Тот факт, что они съели убитого ими могущественного отца, полагал основатель психоанализа, не должен вызывать сомнений. Таковы обычаи «дикарей-каннибалов». «Жестокий праотец, несомненно, был образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. Теперь в акте поедания они осуществили идентификацию с ним, каждый присвоил себе часть его силы». Таким образом, тотемная трапеза, «возможно первое празднество человечества, была повторением и торжеством в память этого знаменательного преступного деяния». По мнению Фрейда, именно так началась история человечества.

Основатель психоанализа предупреждал, что в любой реконструкции совершения и празднования этого доисторического преступления неизбежно присутствует неопределенность. «Добиваться точности в этих вопросах было бы

точно так же бессмысленно, как было бы несправедливо требовать полных гарантий». Он считал необходимым настоятельно подчеркнуть, что его захватывающие выводы не следует считать доказательствами, что он забывал о комплексной природе рассматриваемых феноменов. Он лишь стремился «к уже известным или пока еще неизвестным источникам религии, нравственности и общества добавить новый момент». Тем не менее Фрейд, вдохновленный своими психоаналитическими идеями, делает самые удивительные выводы. Он предполагает, что собравшиеся вместе братья находились во власти тех же противоречивых чувств к отцу, которые психоаналитики могут обнаружить в качестве содержания амбивалентности отцовского комплекса у детей и невротиков. Братья, которые любили своего могущественного отца и в то же время ненавидели его, были охвачены раскаянием, проявившимся как сознание своей виновности. Мертвый, он стал еще сильнее. То, чему он прежде мешал самим своим существованием, сыновья – те самые братья – теперь запретили сами себе, оказавшись в психическом состоянии столь хорошо известного нам из психоанализа «запоздалого послушания». Теперь сыновья отреклись от своего поступка, объявив недопустимым убийство замены отца – тотема, и отказались от его плодов, запретив себе прикасаться к освободившимся женщинам. Из сознания своей вины сыновья создали два фундаментальных табу тотемизма, которые именно поэтому должны были совпасть с обоими вытесненными желаниями эдипова комплекса, – убийство отца и завоевание матери. Чувствуя вину и признавая ее, они создали цивилизацию. Все сложное человеческое общество основано на соучастии в тяжком преступлении.

Из этого удивительного и грандиозного умозаключения следует еще один вывод, который Зигмунд Фрейд считал неотразимым: «Такое событие, как устранение родоначальника сборищем братьев, должно было оставить неизгладимые следы в истории человечества». Основатель психоанализа считал возможным продемонстрировать, что его следы можно проследить во всех культурах. История религии, привлекательность драматической трагедии, произведения искусства – все это указывает на бессмертие первого преступления и его последствий. Однако этот вывод, признается мэтр, зависит от двух умозрительных гипотез – существования массовой психики, в которой осуществляются те же душевные процессы, что и в жизни отдельного человека, и способности этой психики на протяжении многих тысячелетий сохранять чувство вины, впервые посетившее первобытных братьев. Другими

словами, человек может наследовать груз совести от своих биологических предков. Это стало чрезвычайно необычным заявлением, сделанным на основе такой же необычной гипотезы, что первое убийство было историческим событием. Но, оглядываясь на пройденный им нелегкий путь, Фрейд не отступал от своей невероятной исторической реконструкции. Первобытные люди не совсем похожи на невротиков: если невротик заменяет поступок мыслью, то у первобытного человека мыслью является действие. Приведенная мэтром цитата из «Фауста» настолько уместна, что возникает подозрение, не проделал ли автор весь этот длинный путь только для того, чтобы произнести знаменитую строчку Гёте: «В начале было дело».

Для Фрейда, как мы убедились, поступок сыновей, это «знаменательное преступное деяние», был толчком к появлению цивилизации. Он стоял у истоков многого в истории человечества: это «социальные организации, нравственные ограничения и религия». Вне всяких сомнений, основатель психоанализа, исследуя историю культуры с точки зрения своего детища, находил все эти области чрезвычайно интересными. Но больше всего, по всей видимости, его занимала та область, которая в его перечне стояла последней, – религия. Обнаружение ее основ в доисторическом убийстве позволяло Фрейду соединить свой старый, агрессивный атеизм с недавно появившейся неприязнью к Юнгу. Как известно, завершающим очерком книги «Тотем и табу» он хотел освободиться от «всего арийско-религиозного». Фрейд обнажит корни религии в примитивных потребностях, примитивных представлениях и не менее примитивных действиях. «В драме Эрнста Барлаха «Мертвый день», – писал Юнг, споря с мэтром, – мать-демон говорит в самом конце: «Странно только, что человек не хочет понять, что его отец – Бог». Именно это Фрейд никогда не поймет, и именно это все, кто разделяют его взгляды, запрещают себе понимать».

Но Фрейд понял и объяснял – хотя в «Тотеме и табу» формулировал сие менее почтительно по отношению к Богу, – что человек обожествляет своего отца. Пространно цитируя Джеймса Дж. Фрэзера и Уильяма Робертсон-Смита, он подводит к своему рассказу о первобытном отцеубийстве, отмечая, что самая первая религия – тотемизм – устанавливала табу, которые было запрещено нарушать под страхом жесточайшего наказания, а животное, приносимое в жертву в соответствии с древними священными ритуалами, идентично первобытному тотемному животному. Это животное замещало самого первобытного бога. Ритуал в завуалированной форме вспоминал и праздновал

основополагающее преступление, воспроизводя убийство и поедание отца. Оно «со всей откровенностью признает, что объект жертвенного действия всегда был одинаков – тот же самый, который теперь почитается как бог, то есть отец». Религия, как уже предполагал Фрейд в некоторых своих письмах Юнгу, появилась вследствие беспомощности. В «Тотеме и табу» он усложнил свою гипотезу, прибавив, что религия также была обусловлена восстанием против этой беспомощности. Юнг пришел к убеждению, что признание Бога отцом человека требует сочувственного понимания и повторного открытия духовного аспекта. Фрейд в «Тотеме и табу» воспринимает собственные открытия как еще одно доказательство, что подобное требование является отступлением от науки, отрицанием фундаментальных фактов психической жизни, то есть мистицизмом.

Фактом, на котором основатель психоанализа больше всего настаивал в «Тотеме и табу» и вокруг которого выстраивается вся книга, является эдипов комплекс. В этом комплексе «совпадают зачатки религии, нравственности, общества и искусства». Как нам известно, сие открытие для Зигмунда Фрейда не было ни новым, ни неожиданным. Первый задокументированный намек на эдипову семейную драму появился в 1897 году, в одной из отправленных Флиссу записок по поводу враждебных желаний в отношении родителей. В следующие несколько лет Фрейд все больше размышлял над этой идеей, хотя редко упоминал ее. Впрочем, она неизбежно присутствовала в его мыслях о пациентах. Он вскользь упоминает о ней в истории болезни Доры и называет маленького Ганса маленьким Эдипом. Однако эдиповым комплексом этот «семейный комплекс» мэтр называет только в 1908 году в неопубликованном письме к Ференци, а ядерным комплексом невроза – в 1909-м в истории болезни «человека с крысами». В печати этот запоминающийся термин появился лишь в 1910 году в одной из статей, посвященных превратностям любви. К этому времени мэтр осознал важность эмоционального напряжения амбивалентности. Это был один из уроков, усвоенных на примере маленького Ганса. Теперь Фрейд понимал, что классический эдипов комплекс, когда маленький мальчик любит мать и ненавидит отца, в такой простой и чистой форме встречается очень редко. Но для основателя психоанализа само разнообразие проявлений комплекса лишь подчеркивало его главное место в жизненном опыте человека. «Перед каждым новорожденным встает задача преодолеть эдипов комплекс, – впоследствии писал Фрейд, суммируя все аргументы, которые накапливал с конца 90-х годов XIX столетия. – Кто с ней не справится, тот обречен на невроз. Успех психоаналитической

работы все яснее показывает это значение эдипова комплекса; его признание стало тем шибболетом, который отделяет сторонников психоанализа от его противников». Напомним, что шибболет – это библейское понятие, в переносном смысле обозначающее характерную речевую особенность, по которой можно опознать группу людей, своеобразный «речевой пароль». И уж конечно, эдипов комплекс отделял Фрейда от Адлера и, еще более решительно, от Юнга.

По мере того как исследователи человеческой природы совершенствовали свои методы и пересматривали гипотезы, недостатки «Тотема и табу» становились все заметнее – но только не для Фрейда и его самых некритически настроенных последователей. Специалисты в области антропологии культуры продемонстрировали, что, хотя некоторые тотемические племена практикуют ритуал жертвенной тотемной трапезы, у большинства такого обычая нет. То, что Робертсон-Смит считал сутью тотемизма, оказалось исключением. Кроме того, предположение Дарвина и других о первобытной группе, во главе которой стоял полигамный и властный самец, не подтверждалось последующими исследованиями, особенно исследованиями высших приматов, результаты которых были недоступны Фрейду во время работы над «Тотемом и табу». Волнующее описание мэтром кровавого бунта сыновей против отца становилось все более неправдоподобным.

Все это казалось тем более фантастичным, поскольку требовало теоретического обоснования того, что современная биология решительно отвергала. Когда Фрейд писал «Тотем и табу», некоторые ответственные исследователи человеческой природы все еще были готовы поверить, что приобретенные характеристики могут генетически передаваться из поколения в поколение. В 1913 году генетика как наука находилась в зачаточном состоянии и могла принимать различные гипотезы о природе наследственности. Сам Дарвин, отпускавший по поводу теорий Ламарка язвительные замечания, отдавал дань ламаркизму, предполагая возможность наследования приобретенных черт. Но, несмотря на тот факт, что Фрейд мог законно опираться на сохраняющийся, хотя и пошатнувшийся авторитет данной доктрины, он оставался предан ей – отчасти из-за своей веры в то, что она поможет завершить теоретическую структуру психоанализа.

Ирония тут в том, что для аргументации мэтру историческая достоверность первичного преступления была не так уж важна. Чувство вины может вызывать менее экзотический и более

приемлемый с научной точки зрения механизм. Невротики, как указывал сам Фрейд в «Тотеме и табу», фантазируют об эдиповых убийствах, но никогда их не совершают. Если бы основатель психоанализа захотел применить это клиническое наблюдение к истории первичного преступления, как он применял другие знания, полученные в результате работы с пациентами, то мог бы предвосхитить и разоружить всю яростную критику, которая обрушится на «Тотем и табу». Излагая свою удивительную историю не как факт, а как фантазию, которая на протяжении столетий терзала молодых людей, конфликтующих с родителями, он мог бы отказаться от своего ламаркистского тезиса. Универсальности семейного опыта, острого соперничества и смешанных чувств – другими словами, вездесущего эдипова комплекса – было бы достаточно для постоянного воспроизведения чувства вины и встраивания их в теорию психики Фрейда[175]. В конце 90-х годов XIX века переход от действительности к фантазии уберег мэтра от абсурдности теории совращения как причины невроза. Но теперь, несмотря на то что он не был уверен в своих предположениях и добросовестно приводил доводы против них, основатель психоанализа не отступал: вначале было дело! Не придавал устойчивости умозрительной конструкции Фрейда и тот факт, что его рассказ о происхождении чувства вины удивительно напоминал, как сие ни странно, христианскую доктрину первородного греха.

Такое упрямство явно контрастирует с первоначальными сомнениями Фрейда, не говоря уже о его научном идеале. От специалистов он ждал сотрудничества; мэтр хватался за их аргументы, когда они соответствовали его собственным, а в противном случае отвергал их. Летом 1912 года Фрейд писал Ференци, что нашел убедительные подтверждения своей «тотемной гипотезы» в книге Робертсон-Смита о религии семитов. Он опасался, что Фрэзер и другие авторитетные авторы не примут его ответы на загадки тотема и табу, но это не поколебало уверенность мэтра в тех выводах. к которым он уже пришел, – ни теперь, ни позже[176]. Практически не подлежит сомнению, что его упорство имеет тот же психологический источник, что и первоначальные сомнения. Первые читатели книги именно это и подозревали: и Джонс, и Ференци указывали Фрейду на вероятность того, что мучительные сомнения, которые он выражал после публикации «Тотема и табу», могли не просто быть естественным беспокойством автора, а иметь глубокие личные корни. Оба прочитали гранки книги, и оба были убеждены в ее величии. «Мы предположили, что он в своем воображении пережил все, что описывал в книге, – пишет

Джонс, – и что его радость есть воплощение волнения от убийства и поедания отца, а сомнения были всего лишь его реакцией». Фрейд склонялся к тому, чтобы согласиться с этим внутренним элементом психоанализа, но не желал пересматривать свой тезис. В «Толковании сновидений», объяснял мэтр Джонсу, он описал лишь желание убить отца, а в «Тотеме и табу» – реальное отцеубийство: «Переход от желания к действию – это большой шаг». Естественно, этот шаг сам Фрейд не делал, но представление первичного преступления как уникального события, последствия которого бессмертны, а не как распространенной, типичной для человека фантазии позволило ему сохранить некоторую дистанцию с собственными эдиповыми чувствами к отцу. Это дало основателю психоанализа возможность взывать к оправданию, которое рациональный мир дарует действительно невиновным, совершившим отцеубийство лишь в собственном воображении. С точки зрения самого Фрейда, отрицавшего рациональность мира, это довольно жалкая попытка избежать ужасных последствий своей эдиповой агрессии.

Таким образом, независимо от объективной ценности попытки основателя психоанализа найти основы религии в эдиповом комплексе, вполне вероятно, что определенные импульсы, обусловившие аргументацию в «Тотеме и табу», исходили из глубин его психики. В некоторых отношениях книга представляет собой очередной раунд его никогда не прекращавшейся борьбы с отцом – Якобом Фрейдом. Кроме того, это был эпизод уклонения от не менее живучих чувств к матери – Амалии Фрейд. Показательно, что в своей реконструкции мэтр практически не упоминает о ней, хотя этнографический материал, указывающий на фантазии поедания матери, еще богаче, чем тот, что указывает на поедание отца. Маленький Арпад, о котором Фрейду рассказал Ференци и которого он использовал в качестве примера в «Тотеме и табу», хотел съесть «вареную мать»: «Нужно положить мою мать в кастрюлю и приготовить, и тогда будет вареная мать, и я смогу ее съесть», но мэтр предпочел игнорировать этот факт. Тем не менее, подобно другим работам Зигмунда Фрейда, «Тотем и табу» эффективно транслировал его самые глубинные конфликты и личные ссоры в материал для научных исследований.

Модель психики

Фрейд считал свои прикладные работы в сфере искусства, литературы и доисторических времен не только приятными, но и полезными, даже важными. Они должны были подтвердить его

взгляд на себя как на исследователя, который первым описал неприветливую, загадочную область, ставившую в тупик и разочаровывавшую его предшественников. Однако интеллектуальные экскурсы основателя психоанализа не были отступлениями или отклонениями от не менее важной теоретической работы. Увлечения подпитывали друг друга. Истории болезни привели Фрейда к вопросам культуры, а размышления о литературном творчестве вернули к эдипову комплексу. Таким образом, несмотря на все разнообразие тем того периода, у него никогда не ослабевало внимание к тому, что мэтр считал своей главной задачей: усовершенствовать модель психики. Сам того не сознавая, Фрейд уже делал пробные шаги в направлении пересмотра этой модели.

Среди всех теоретических работ, опубликованных в период с 1908 по 1914 год, особого внимания требуют три – о характере, об основных принципах психики и о нарциссизме. Первые две статьи очень короткие, третью тоже не назовешь длинной, однако лаконизм ни в коей мере не может служить показателем их значимости. В работе «Характер и анальная эротика» Фрейд отталкивается от клинического опыта, чтобы выдвинуть некоторые общие гипотезы о формировании характера. Он предположил некую внутреннюю связь экскрементов, денег и невроза навязчивости еще в 1897 году. По прошествии 10 лет основатель психоанализа писал Юнгу, что пациенты, получающие удовольствие от сдерживания фекалий, обычно обладают такими чертами характера, как аккуратность, бережливость и упрямство. Все вместе эти черты, «в сущности, вытеснение анальной эротики». В описании болезни «человека с крысами» Фрейд дополнил этот список. Теперь же, в статье о характере, отмеченном анальной эротикой, он, опираясь на богатый материал своей психоаналитической практики, решил обобщить свое предположение. В теории психоанализа характер определяется как сочетание устойчивых черт, однако эта упорядоченная группа не обязательно подразумевает неизменное состояние покоя. Будучи собранием фиксаций, к которым привязал человека его жизненный опыт, характер зачастую способствует внутренним конфликтам, а не их разрешению[177]. Вопрос, который особенно интересовал Фрейда и который он исследовал в «Трех очерках по теории сексуальности» три года назад, состоял в том, какую роль эти черты играют в создании того, что он вскоре назовет «Я». Подобно другим статьям тех лет, «Характер и анальная эротика» предлагает как резюме давно вынашиваемых идей, так и перспективы их пересмотра.

В статье «Формулировка двух принципов психического процесса» Зигмунд Фрейд забрасывает сеть своих обобщений еще шире. Он искал более крупный улов, чем анальная эротика, и нацелился на не что иное, как на связь влечений с опытом развития. Фрейд представил эту статью на собрании Венского психоаналитического общества 26 октября 1910 года, но обсуждение его не удовлетворило. «Иметь дело с этими людьми становится все труднее», – жаловался мэтр на следующее утро. Все, что он получил, – это «смесь робкого восхищения и тупого несогласия». Не дрогнув, основатель психоанализа опубликовал статью. И снова, повторив идеи, которые он очертил в середине 90-х годов XIX столетия и развил в седьмой главе «Толкования сновидений», Фрейд в то же время искал новые формулировки.

В данной работе проводится четкое разграничение между двумя принципами работы психики. Это первичный процесс, который появляется первым и характеризуется неспособностью переносить модуляцию желаний или любую задержку их выполнения. Сей процесс подчиняется принципу удовольствия. Другой, вторичный, процесс созревает по мере взросления. Он формирует способность человека к сознательному мышлению и, таким образом, является агентом благоразумия, полезной отсрочки. Данный процесс подчиняется принципу реальности – по крайней мере, отчасти.

Любой ребенок должен пережить переход к принципу реальности, и этот шаг, который его заставляет сделать жизнь, влечет за собой серьезные последствия. Обнаружив, что фантазирования об удовлетворении желаний недостаточно для того, чтобы обеспечить их реальное удовлетворение, он начинает развивать свой дар к пониманию окружающего мира и по возможности манипулированию и управлению им. Сказанное значит, что ребенок учится запоминать, выносить суждения, планировать, рассчитывать, то есть относиться к мышлению как к экспериментальной форме деятельности, проверке реальности. Этот вторичный процесс никак не назовешь легким или автоматическим: необузданный и деспотичный принцип удовольствия медленно ослабляет влияние на растущего ребенка, временами восстанавливая его. Конечно, ребенок со своим неизменным консерватизмом вспоминает некогда испытанные удовольствия и не желает отказываться от них ради отсроченных, но более сильных и надежных. Таким образом, два принципа с трудом сосуществуют, иногда вступая в конфликт.

Фрейд не считал такой конфликт неизбежным, проявляя необычный для себя оптимизм: «На самом деле замена принципа удовольствия принципом реальности означает не исключение

принципа удовольствия, а лишь его обеспечение». Конкретные отношения между двумя принципами меняются в зависимости от ситуации, но со временем «внешняя реальность» приобретает все большее значение. Тем не менее основатель психоанализа понимал, что сексуальные влечения особенно сильно сопротивляются воспитанию, поскольку их можно удовлетворить аутоэротическими действиями со своим собственным телом. Нежелание этих влечений принять ограничения реальности служит питательной средой для последующих неврозов. Вот почему для культуры важно вести диалог с принципом удовольствия в пользу принципа реальности, заставить наслаждающееся «Я» уступить, хотя бы частично, реальному «Я». Именно поэтому сознанию предназначена важная роль в психических процессах: его главная задача – обеспечить решающее влияние действительности на психику. Дело в том, напоминает читателям Фрейд, что в бессознательном, в темной области вытеснения и фантазий, проверка реальностью ничего не значит. Как образно выразился мэтр, единственная валюта, действующая в исследуемой «стране», – невротическая валюта. Таким образом, временное перемирие не может заслонить тот факт, что психическая деятельность – как полагает Фрейд – представляет собой более или менее непрерывную войну.

В статье о психических процессах рассматривается психика отдельного человека, которую тревожит столкновение между сознательным и бессознательным. Но Фрейд косвенным образом прокладывает дорогу к психоаналитической социальной психологии. Силы, заставляющие ребенка подчиняться принципу реальности в раннем детстве, когда его сознание еще неуверенное и слабое, по большей части имеют внешний характер – это действия других людей, обладающих властью. Временное отсутствие матери, наказание отцом, запреты, налагаемые на ребенка другими людьми, будь то няня, старший брат или сестра либо одноклассник, – все это сильнейшее социальное НЕТ: они направляют устремления, подавляют желания, вынуждают терпеть задержку в их исполнении. В конце концов, даже самое интимное переживание, эдипов комплекс, появляется и протекает в исключительно социальной ситуации.

В 1911 году, когда вышла в свет его статья о наслаждающемся «Я» и реальном «Я», Фрейд был абсолютно уверен, что психологию личности невозможно отделить от социальной психологии[178]. Тремя годами раньше он уже высказывал эту точку зрения в очерке «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность». Там основатель психоанализа предположил, что наблюдаемая им

распространенность нервных болезней является следствием чрезмерных самоограничений респектабельного общества, которые средний класс накладывает на сексуальные потребности обычных людей. Другими словами, бессознательное не может убежать от культуры. Таким образом, статья Фрейда о двух принципах психического события, вместе с работой о нервозности, тонко намекала на новые области исследования.

Двойственный характер произведений Фрейда в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, когда он подводил итоги и постепенно склонялся к пересмотру своих идей, ярче всего проявился в его дерзкой статье о нарциссизме. В присущей ему манере мэтр объявил ее вводной, и это не было ложной скромностью. Он жаловался, что не получил удовольствия от работы над статьей и с трудом удерживал свои мысли в отведенных границах. Тем не менее Фрейд не сомневался, что сможет использовать эту работу как оружие в крестовом походе против оппонентов. «Полагаю, «Нарциссизм» созреет этим летом», – писал он Ференци в 1913 году перед отъездом из Вены на курорт. По его мнению, сие было «научное сведение счетов с Адлером»[179]. В начале октября, сразу после «17 приятных дней» в Риме, основатель психоанализа смог сообщить, что статья практически готова. Фрейд написал Эрнесту Джонсу, что будет рад обсудить ее с ним, а также с Ранком и Заксом.

Сторонники мэтра с нетерпением ждали его разъяснений. По свидетельству Джонса, всех их статья смутила. Сам Фрейд тоже был недоволен, причем сильнее обычного. Прибегнув к одной из своих любимых метафор, в марте 1914 года он мрачно сообщил Абрахаму: «Завтра я отошлю Вам «Нарциссизм», который родился в тяжких муках и обнаруживает все деформации, присущие таким родам. Естественно, я не очень доволен, но в данный момент ничего другого предложить не могу». Завершение работы принесло не облегчение, а, наоборот, неприятные симптомы недомогания: головные боли и проблемы с кишечником, поэтому Фрейд обрадовался, когда Абрахам заверил его, что статья действительно блестящая и убедительная, – обрадовался, был тронут, но не полностью убежден. «У меня очень сильное ощущение серьезных недостатков». Следует признать, что в эти месяцы основатель психоанализа пребывал в задиристом настроении; он готовил удар по Адлеру и Юнгу одновременно с правкой статьи о нарциссизме. Впрочем, дело было не только в этом. Мэтр стоял на пороге переосмысления психологии, которую собирался просто разъяснить.

Работа «Введение в нарциссизм» совершенствует и

существенно усложняет идеи о психическом развитии, которые Фрейд высказал пять лет назад. Еще в ноябре 1909 года, комментируя доклад Исидора Задгера Венскому психоаналитическому обществу, основатель движения предположил, что нарциссизм, «одержимость собственной персоной (= собственными гениталиями)», является необходимой стадией развития при переходе от «аутоэротизма к объектной любви». Как мы помним, впервые эта идея в печатном виде появилась в статье о Леонардо. Кроме того, Фрейд упоминал ее в истории болезни Шребера, а затем еще раз, кратко и намеком, в «Тотеме и табу»[180]. «Нарциссизм» казался ему привлекательным термином, напоминающим об одном из любимых греческих мифов – о прекрасном юноше, который умер из-за любви к себе. Фрейд позаимствовал термин, не забыв упомянуть об этом, у немецкого психиатра Пауля Нэке и Хэвлока Эллиса, однако широкое распространение он получил только в 1914 году, после появления посвященной ему статьи.

В «Тотеме и табу» Фрейд отметил, что нарциссическая стадия никогда полностью не преодолевается, и это, по всей видимости, общая закономерность. Изначально термин «нарциссизм» применялся к половому извращению: страдающий нарциссизмом – это человек с отклонением от нормы, способный получить сексуальное удовлетворение, только превращая свое тело в объект любви. Но, как заметил мэтр, эти извращенцы не обладают монополией на эротический эгоцентризм. Как бы то ни было, шизофреники тоже изымают свое либидо из внешнего мира, но не подавляют его, а – по мнению Фрейда – обращают на себя. Но и это еще не все: психоаналитики также обнаружили многочисленные свидетельства присутствия нарциссических черт у невротиков, детей и представителей примитивных племен. В «Тотеме и табу» Фрейд добавил к данному списку любовников. Основатель психоанализа не мог избежать вывода, что в этом смысле нарциссизм «можно считать не перверсией, а либидинозным дополнением к эгоизму влечения к самосохранению». Термин приобретал все более широкое значение, сначала у самого мэтра, а затем, гораздо более безответственно, и в повседневной жизни, что явно дискредитировало его как диагностическое понятие. В 20-х годах прошлого столетия и позже, когда «нарциссизм» вошел в профессиональный лексикон, это слово использовали для обозначения не только полового извращения или стадии развития, но и симптома психоза, а также разнообразных объектных отношений.

Еще до того, как расширение значений в буквальном смысле

уничтожило точность термина, «нарциссизм» поднял весьма необычные проблемы, которые Фрейд рассматривал с явной неохотой: он защищается от чувства того, что заменяет наблюдение бесплодными теоретическими спорами. Тем не менее, с сознанием долга прибавляет основатель психоанализа, он не вправе уклониться от попытки дать объяснение. Эта попытка вынудила признать, что «Я» может выбирать – и выбирает! – себя в качестве сексуального объекта наравне с другими. Иными словами, существует «либидо «Я» и «объектное либидо». Под давлением «либидо «Я» страдающий нарциссизмом любит себя таким, каким он когда-то был, какой он теперь или каким он будет, либо человека, который был частью его «Я». Но это не курьез и не редкое отклонение от нормы: определенная доля нарциссизма спрятана практически в каждом шкафу. Даже родительская любовь, «трогательная, по сути такая детская», есть «не что иное, как возрожденный нарциссизм родителей». Составляя постоянно растущий и несколько тенденциозный список, Фрейд остроумно заметил, что мир, похоже, переполнен нарциссическими личностями – это женщины, дети, кошки, преступники и юмористы[181].

Основатель психоанализа вполне логично предположил, что все это обусловлено нарциссическим наследием раннего детства. Ведь, получая наслаждение от любви к самому себе, которая кажется такой естественной, ребенок, как всегда подчеркивал Фрейд, не способен без борьбы отказаться от этого удовлетворения – как и от других. Этот вопрос поставил перед мэтром проблемы, которые он смог разрешить только после войны. В «Введении в нарциссизм» Фрейд утверждал, что растущий ребенок, столкнувшись с критическим воздействием родителей, учителей или общественного мнения, отступает в нарциссизм, создавая заменитель несовершенному «Я», на который затем переключает внимание. Это знаменитый «Я-Идеал», создаваемый критическими голосами из внешнего мира. В качестве патологического отклонения он проявляется в виде навязчивого ощущения, что за человеком наблюдают (снова Шребер!), но в нормальной форме это близкий родственник того, что мы называем совестью, действующей как страж «Я-Идеала».

Когда эту статью читал Абрахам, самое сильное впечатление на него произвели страницы с описанием бреда наблюдения, совести и «Я-Идеала». Однако он не стал сразу комментировать модификацию Фрейдом своей теории влечений. У Джонса беспокойство вызвал именно данный аспект статьи. Если существуют «либидо «Я» и «объектное либидо», то как быть с определениями, на которые до сих пор опирались

психоаналитики? Тут имелась одна трудность: Фрейд давно предполагал, а в 1910 году открыто заявил, что влечения человека можно разделить на две большие категории – влечения «Я» и сексуальные влечения. Первые отвечают за самосохранение личности и не имеют никакого отношения к эротике. Вторые требуют эротического удовлетворения и служат цели сохранения вида. Но если «Я» может иметь эротический аспект, то влечения «Я» также должны быть сексуальными по своему характеру.

Коль скоро этот вывод верен, из него должны вытекать радикальные изменения в теории психоанализа, поскольку он явно противоречит предыдущим формулировкам Фрейда, согласно которым влечения «Я» не являются сексуальными. Неужели были правы критики мэтра, называвшие его пансексуалистом, вуайеристом, который везде находит секс? Сам Фрейд постоянно и решительно это отрицал. Или Юнг имел основание рассматривать либидо как универсальную силу, которая пронизывает все без исключения психические явления? Фрейд оставался невозмутим. Опираясь на свой клинический опыт, он объявил о категориях «либидо «Я» и «объектного либидо» как о необходимом расширении старой психоаналитической схемы и настаивал, что в них нет ничего особенно нового. Беспокоиться уж точно не о чем. Его сторонники не проявляли подобной уверенности; они яснее, чем автор, видели радикальные последствия. «Это наносило, – вспоминает Эрнест Джонс, – неприятный удар по теории инстинктов, над которой до той поры работали психоаналитики». Статья Фрейда «Введение в нарциссизм» заставила Джонса и его друзей нервничать.

Эти противоречивые оценки затрагивают основы психологии как науки. Фрейд никогда не был полностью доволен своей теорией влечений, как в первоначальной форме, так и в окончательной. В «Введении в нарциссизм» он жалуется на полное отсутствие теории влечений – Trieblehre, которая может дать исследователю психологии некие надежные ориентиры. Такое отсутствие теоретической ясности в значительной степени было обусловлено неспособностью биологов и психологов прийти к согласию о природе влечений, или инстинктов. Без их руководящих указаний Фрейд создал собственную теорию, наблюдая за психологическими явлениями в свете доступной биологической информации. Чтобы понять влечение, требуются обе научные дисциплины, поскольку оно, как говорил мэтр, стоит на границе физического и психического. Это влечение, превратившееся в желание.

В тот период, когда появилась статья «Введение в

нарциссизм», Зигмунд Фрейд все еще заявлял о своей приверженности той классификации влечений, которая делила их на предназначенные для самосохранения и те, которые служат сексуальному удовлетворению. Как нам известно, он еще в 80-х годах XIX века любил цитировать слова Шиллера, что миром правят любовь и голод. Однако основателю психоанализа стало ясно, что, интерпретируя нарциссизм как сексуальную любовь к самому себе, а не просто особую перверсию, он решительно разрушал простоту своей старой схемы. Теперь он уже не мог, несмотря на все старания, сохранять то разделение влечений на два класса, которое служило ему на протяжении двух десятилетий: оказывается, любовь к себе и любовь к другим отличаются только объектом, а не сутью.

К весне 1914 года настоятельная потребность пересмотреть собственную классификацию влечений, а также внести в равной степени неприятные поправки в теорию психоанализа стала очевидной. И тут в работу Фрейда внезапно и грубо вторгся внешний мир, на какое-то время прервав его размышления, – самым жестоким образом. Основатель психоанализа закончил статью о нарциссизме в марте 1914-го, а в конце июня опубликовал ее в журнале Jahrbuch. Утомленный нелегким годом политической борьбы в основанном им движении и плотным графиком приема пациентов, Фрейд предвкушал продолжительный отдых в Карлсбаде и возможность спокойно поработать. Однако через месяц он обнаружил, что у него нет ни времени, ни тем более желания исследовать то необычное направление, куда влекла его мысль. Пока мэтр приближался к кардинальному пересмотру своих теорий, западная цивилизация сходила с ума.

Конец Европы

28 июня 1914 года «человек-волк» долго гулял по Пратеру, размышляя о поучительных и в конечном счете полезных годах, проведенных под надзором Фрейда в Вене. Как он потом вспоминал, это было жаркое и душное воскресенье. Сергей Панкеев собирался закончить психоаналитическое лечение и жениться на женщине, которую одобрил мэтр. Казалось, все шло хорошо, и молодой человек вернулся домой в приподнятом настроении. Но… Едва он переступил порог дома, горничная протянула ему экстренный выпуск газеты с ошеломляющей новостью: эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга убиты в Сараеве боснийскими боевиками. Данное событие нанесло сокрушительный удар этому шаткому анахронизму –

многонациональной Австро-Венгерской империи, дерзко бросавшей вызов воинственному национализму. Последствия теракта на Балканах стали понятны не сразу. В письме Ференци, написанном под впечатлением столь неожиданного убийства, Фрейд назвал ситуацию непредсказуемой и заметил, что в Вене немногие испытывают личную симпатию к императорскому дому. Всего за три дня до этого происшествия мэтр с агрессивной высокопарностью объявил Абрахаму о выходе своей книги «Об истории психоаналитического движения»: «Теперь бомба взорвалась». После Сараева эта бомба казалась такой незначительной, чисто личной… До начала Первой мировой войны оставалось всего шесть недель.

Историку культуры последствия катастрофы могут показаться парадоксальными. Большинство художественных, литературных и интеллектуальных движений, благодаря которым 20-е годы прошлого столетия стали таким волнующим и новаторским десятилетием, зародились задолго до 1914-го: функциональная архитектура, абстрактное искусство, двенадцатитональная музыка, экспериментальные романы – и психоанализ. В то же время война уничтожила привычный мир, причем навсегда. В 1919 году английский экономист Джон Мейнард Кейнс, оглядываясь на эпоху, предшествовавшую великому безумию, изображал ее как век ошеломляющего прогресса. «Правда, бо2льшая часть населения была принуждена трудиться в поте лица и довольствоваться малым, и все же, по всем признакам, она не жаловалась на свою судьбу. Зато человек со способностями и волей мог пробить себе дорогу в средние и высшие классы общества, а для этих классов взамен ничтожных затрат и усилий жизнь открывала такие возможности комфорта, удобств и наслаждений, каких не знали самые богатые и могущественные властители прежних времен».

Любой наблюдательный социальный работник или радикал с твердыми принципами мог бы сказать Кейнсу, что он сильно приукрашивал терпение бедняков, но для многочисленного среднего класса описание было достаточно точным. «Житель Лондона, прихлебывая утренний чай у себя в постели, заказывал по телефону на дом различные продукты, производимые в самых отдаленных уголках земного шара, в каком угодно количестве и через несколько часов мог получить их в собственной квартире; он мог испробовать счастье сразу в нескольких частях света, вложив свои капиталы в эксплуатацию их природных богатств или какие-либо новые предприятия и без всяких усилий и беспокойств получать свою долю прибылей и выгод». По первому желанию этот житель Лондона мог воспользоваться такими же

благами в любой другой стране – цитируем дальше – «без паспорта или каких-либо других формальностей». Он «мог через посредство своего слуги запастись нужным количеством драгоценного металла в ближайшем отделении банка», а затем ехать в чужие края, не зная языка, религии или обычаев, везя при себе свой запас денег; при этом малейшее препятствие показалось бы ему досадной неожиданностью». Однако самое важное, завершал свой ностальгический перечень Кейнс, что житель Лондона считал такое положение дел само собой разумеющимся, естественным и перманентным, допуская возможность изменений лишь в сторону дальнейшего совершенствования, а всякое иное отступление считал ошибкой и скандалом, которых впредь не до2лжно допускать. Милитаризм и империализм, расовое и культурное соперничество и прочие проблемы «были не более чем развлечением, скрашивавшим чтение ежедневных газет», и не оказывали никакого влияния на его жизнь.

Сама лиричность этого некролога по уничтоженному образу жизни свидетельствует о том, какую бездну разрушения и отчаяния оставила после себя война. Мир до августа 1914 года казался счастливой страной исполнившейся мечты. Это было время, когда Фрейд мог отправить письмо из Вены в Цюрих или Берлин в понедельник и ждать ответа, вполне обоснованно, в среду. Это было время, когда он мог под влиянием минуты решиться на поездку во Францию или любую другую цивилизованную страну, без подготовки и официальных документов. Только Россия считалась форпостом варварства – она требовала от иностранцев разрешение на въезд.

На протяжении относительно мирной половины столетия, предшествовавшей августу 1914-го, милитаристы грезили войной, генералы ее планировали, а пророки конца света предсказывали. Но их голоса выражали мнение явного, хотя и шумного меньшинства. Когда в 1908 году блестящий английский специалист в области социальной психологии Грэм Уоллес предупреждал, что ужасы мировой войны представляют реальную опасность, большинство современников отказались верить в эту пугающую фантазию. Конечно, формирование враждебных коалиций – Британия и Франция противостояли Тройственному союзу из Германии, Австро-Венгрии и Италии – не предвещало ничего хорошего… Еще одной угрозой было то, что впоследствии стали называть гонкой вооружений, особенно усилившееся соперничество между Британией и Германией на море. Кроме того, кайзер Вильгельм жаждал отвоевать, как он сам выражался, место под солнцем, и это означало, что Германия соперничает с другими великими державами в борьбе за колонии в Африке и на

Тихом океане, бросая вызов традиционному британскому господству на море. Зажигательные речи кайзера и разговоры о смертельной битве между тевтонской и славянской расами лишь прибавляли нервозности. Риторика Вильгельма отражала широко распространенную вульгаризированную интерпретацию учения Дарвина, которое истолковывалось как одобрение кровопролитных войн между народами, или «расами», в качестве пути к оздоровлению, и необходимое условие выживания нации.

Более того, с начала нового века за Балканами закрепилась репутация пороховой бочки: продолжительная агония Османской империи, власть которой на ее африканских и южноевропейских территориях на протяжении столетия постепенно ослабевала, подталкивала авантюрных политиков к воинственным демонстрациям и поспешным действиям. Свою долю в общий ажиотаж вносили дешевые ежедневные газеты в столичных городах, подбрасывая сухой хворост в уже готовый воспламениться костер. 9 декабря 1912 года, когда на Балканах снова начались волнения, Фрейд в письме Пфистеру вскользь заметил, что дома у него все хорошо, но «ожидание войны почти не дает нам дышать». В тот же день он сообщал Ференци: «…в нашей повседневной жизни преобладает военное настроение». Впрочем, разговоры об усиливающихся противоречиях и лихорадочное вооружение не делали большую войну неизбежной. Кроме того, Первая мировая оказалась совсем не такой – по продолжительности и потерям, – какой ее со страхом или надеждой рисовали предсказатели.

Убедительные аргументы в пользу мира приводились уже давно – в том числе чистый эгоизм. Расширяющаяся сеть мировой торговли превращала войну в настоящую катастрофу для купцов, банкиров и промышленников. Проникновение искусства, литературы и философских идей через государственные границы сформировало цивилизованное интернациональное братство, которое само по себе являлось неформальным агентом мира. Психоанализ был не просто космополитичным интеллектуальным движением. Как с грустью отметил Фрейд, оглядываясь назад, он надеялся на воздействие «воспитательного момента» внешнего принуждения к нравственности, на то, что «грандиозная общность интересов, созданная средствами сообщения и производством, положит начало подобному принуждению». Великие державы, по-прежнему привязанные друг к другу единым пространством Европы, старались, чтобы локальные войны оставались локальными. Они обрели довольно необычного союзника в международном социалистическом движении, лидеры которого уверенно предсказывали, что обладающий классовым сознанием

пролетариат нанесет сокрушительный удар по махинациям злобных поджигателей войны. Мечтам мирных купцов и радикальных пацифистов не суждено было сбыться; за несколько безумных недель на свободу вырвались агрессивные, абсолютно самоубийственные силы, которые большинство людей считали обузданными раз и навсегда.

В последующие за убийством в Сараеве недели австрийские политики и дипломаты, чувствуя за собой поддержку Германии, занимали непримиримую позицию. Если бы Зигмунд Фрейд имел доступ к их конфиденциальным высказываниям, он истолковал бы их как слова встревоженных людей, вынужденных демонстрировать свое мужество. Они говорили о том, что нужно решительно разрубить гордиев узел, раз и навсегда покончить с сербами, что действовать необходимо сейчас или никогда, выражали опасения, что мир истолкует миролюбивую политику Австрии как признание слабости. Совершенно очевидно, что им казалось важным избавиться от клейма нерешительности, женоподобия и бессилия. 23 июля Австрия передала Сербии высокомерную ноту, фактически ультиматум. Пять дней спустя, несмотря на быстрый и примирительный ответ, была объявлена война.

В Австрии ее встретили с огромным энтузиазмом. «Эта страна, – заметил британский посол, – безумно радуется перспективе войны с Сербией, и ее откладывание или предотвращение будет, вне всякого сомнения, большим разочарованием». Наконец неопределенность исчезла. «Здесь действительно огромная радость и демонстрации», – писал Александр Фрейд своему брату Зигмунду в Карлсбад, куда тот уехал на две недели. «Но, – прибавлял он, явно приглушая картину общего ликования, – в целом люди очень подавлены, поскольку у каждого есть друзья и знакомые, подлежащие призыву». Как бы то ни было, это не помешало Александру выразить свой воинственный пыл. Он был рад, что, «несмотря на все несчастья», Австрия решила действовать, чтобы защитить себя. «Так больше не могло продолжаться». Как отмечал Александр, в то время брат разделял его мнение. Фрейда охватил неожиданный приступ патриотизма. «Возможно, впервые за тридцать лет, – писал он Абрахаму в конце июля, – я чувствую себя австрийцем и хотел бы еще один раз дать шанс этой довольно бесперспективной империи»[182]. Основатель психоанализа восхвалял жесткую позицию Австрии в отношении Сербии как мужественную и приветствовал поддержку своей страны со стороны Германии.

Нельзя сказать, что все дипломатические маневры того периода были демонстрацией воинственности и мужественности. В конце концов британцы и французы попытались охладить страсти, но это у них не получилось. Политики Центральных держав, в частности Австро-Венгрии и Германии, имели другие, не такие мирные намерения. Они хотели добиться нейтралитета Британии и, что было еще бо2льшим коварством, стремились возложить ответственность за конфликт на Россию, которую рисовали несдержанной и непримиримой. Тем не менее лишь немногие верили в большой пожар войны, и среди этих немногих не было Фрейда. В противном случае он настоял бы на том, чтобы его дочь Анна прервала поездку в Англию, куда она отправилась в середине июля, а сам бы не покинул Вену и не пригласил бы Эйтингона с молодой женой к себе в Карлсбад в начале августа.

Его мысли, как мы увидим, были заняты Анной и психоанализом, а не международной политикой: посчитав, что эмоциональные письма Ференци ему мешают, Фрейд честно заявил, что на какое-то время прервет переписку, чтобы сосредоточиться на работе, для которой ему не нужно общение. Однако внешний мир не оставлял его в покое. «Что ты скажешь насчет вероятности войны или мира?» – спрашивала его дочь Матильда 23 июля. Фрейд явно предполагал строго локальный конфликт. «Если война ограничится Балканами, – писал он Абрахаму 26 июля, – это будет не слишком плохо». Но с русскими, прибавил он, ничего нельзя знать наверняка.

Неуверенность Фрейда вылилась в общее ощущение тревоги. Уже 29 июля он открыто вопрошал, что произойдет в течение следующих двух недель: то ли мир будет со стыдом оглядываться на всю эту суматоху, то ли давно предсказываемое «судьбоносное решение» уже близится. Абрахам, как всегда, оставался оптимистом. «Я верю, – писал он мэтру в тот же день, – что ни одна великая держава не развяжет большую войну». Пять дней спустя, 3 августа, министр иностранных дел Великобритании сэр Эдвард Грей предупредил немцев о последствиях нарушения ими нейтралитета Бельгии. В сумерках Грей стоял у окна в своем кабинете и вместе с приятелем мрачно наблюдал, как на улице зажигают фонари. «Скоро свет погаснет по всей Европе, – сказал он, а потом произнес пророческие слова: – Нам его уже не увидеть до конца жизни».

В Вене все напряженно ждали, что будет делать Британия. Италия объявила нейтралитет и привела юридические обоснования, почему она не в состоянии соблюдать обязательства перед Тройственным союзом. Этот шаг, писал Александр Фрейд своему брату 4 августа, был ожидаем. Но теперь «все зависит от

позиции Англии; решение будет известно сегодня вечером. Романтики настаивают, что Англия не вступит в войну; цивилизованные люди не становятся на сторону варваров, и т. д.». Англофоб – в отличие от брата – Александр Фрейд не был романтиком, по крайней мере в этом вопросе. «Моя добрая старая ненависть к английскому вероломству, вероятно, оправдается; они не постесняются встать на сторону русских»[183]. Вероломство это или нет, но в тот же день, 4 августа, после подтверждения сведений о немецком вторжении в Бельгию Британия вступила в войну. Старый европейский порядок был уничтожен.

Пожар войны, вспыхнувший в конце июля и распространившийся в начале августа, охватил бо2льшую часть Европы: Австро-Венгерскую империю, Германию, Британию, Францию, Россию, Румынию, Болгарию, Турцию. Впоследствии к членам антигерманского союза присоединятся Италия и Соединенные Штаты Америки. Почти никто не ожидал, что война продлится долго; большинство наблюдателей, особенно в лагере Центральных держав, предсказывали, что немецкая армия к Рождеству дойдет до Парижа. Печальный прогноз Александра Фрейда о затяжном и дорогостоящем конфликте был редкостью. «Ни один разумный человек не сомневается, что в конечном итоге успех будет на стороне немцев, – писал он брату 4 августа. – Но как долго придется ждать окончательной победы, какие огромные жертвы в виде жизней, здоровья и ущерба для бизнеса придется принести, к этому вопросу никто даже не осмеливается подступить».

Самым необычным в этих катастрофических событиях оказалось не то, что они произошли, а то, как они были восприняты. Европейцы, принадлежавшие ко всем слоям общества, объединились, приветствуя начало войны с энтузиазмом, который граничил с религиозным фанатизмом. Аристократы, буржуа, рабочие и фермеры, реакционеры, либералы и радикалы, космополиты, шовинисты и партикуляристы, суровые солдаты, витающие в облаках ученые и кроткие богословы – все объединились в воинственном раже. Восторжествовала идеология национализма, даже у большинства марксистов. Национализм дошел до степени истерии. Некоторые восхваляли войну как способ свести старые счеты, но для большинства, что еще хуже, она доказывала добродетельность собственной нации и порочность врага. Немцам нравилось представлять русских неисправимыми варварами, англичан – лицемерными лавочниками, французов – примитивными сластолюбцами. Англичане и французы, в свою очередь, внезапно

обнаружили, что немцы представляют собой неприятный сплав подлого бюрократа, метафизика с кашей в голове и жестокого гунна. Европейская семья высокой культуры распалась на части – профессора отказывались от почетных званий академий вражеских стран и использовали свою ученость для доказательства того, что претензии их противников на цивилизованность были всего лишь маской, скрывающей жадность или жажду власти.

Это было примитивное мышление, которое Фрейд считал абсолютно неприемлемым. Ораторы в стихах и прозе приветствовали войну как ритуал духовного очищения. Ей было предназначено восстановить древние, почти утерянные героические добродетели и послужить панацеей против декаданса, который критики культуры давно заметили и который осуждали. Патриотическая военная лихорадка охватила писателей, поэтов, историков, теологов, композиторов всех воюющих сторон, но, возможно. в наибольшей степени это касалось Германии и Австро-Венгрии. Немецкий поэт Райнер Мария Рильке, в котором уникальным образом сочетались утонченность и мистика, восхвалял начало военных действий «Пятью гимнами», датированными августом 1914 года. В них изображалось, как вновь поднимается «самый далекий невероятный бог войны»: «Наконец-то единственный бог. Так как мы мирного часто не постигали, настигает нежданно нас битво-бог, мечет пожар». Плодовитый венский эстет Гуго фон Гофмансталь – писатель, поэт, драматург, выразитель идей декадентства – превратился в неутомимого официального пропагандиста австрийской позиции и хвастался своим воинственным бесстрашием. Или позволял другим восхвалять себя. Даже Стефана Цвейга, впоследствии убежденного пацифиста, в первые дни войны сразил милитаристский угар… До принятия идеологии сопротивления насилию ради его исчезновения Цвейг наряду с Гофмансталем с радостью служил австрийской машине пропаганды. «Война! – восклицал в ноябре 1914 года Томас Манн. – Нас охватило чувство очищения, освобождения и огромной надежды». Война воспламенила сердца поэтов и принесла им облегчение: «Как может солдат в художнике не благодарить Бога за крах этой мирной жизни, которой он сыт, сыт по горло!»[184]

Как не без удовольствия отмечал их язвительный критик Карл Краус, писатели, издававшие эти неистовые, почти безумные призывы к оружию, прилагали массу усилий, чтобы избежать отправки на фронт, – и весьма успешно. Но это противоречие их не беспокоило и не заставляло умолкнуть. Их выплески эмоций

стали естественной кульминацией раздражения, посредством которых они и их предшественники авангардисты с радостью отвергали скучную, безопасную и банальную буржуазную культуру. Они восхваляли игривое, утонченное, беспечное увлечение абсурдом, очищением и смертью. Летом 1914 года подобные разговоры распространились повсюду, словно инфекция военного психоза. Это был яркий образец того, до какой степени могут поддаваться коллективной регрессии люди, которых считали разумными и образованными.

Поначалу оптимизм немецких и австрийских патриотов, восторженных и не очень, питали сводки с фронта. К концу августа Абрахам сообщил Фрейду «поразительные новости». «Немецкие войска почти в 100 километрах от Парижа. С Бельгией покончено; с Англией тоже, по крайней мере на суше». Две недели спустя он писал, что они в Берлине «были очень воодушевлены полным разгромом русских в Восточной Пруссии. В ближайшие дни мы надеемся на благоприятные известия с полей сражений на Марне». После побед там «с Францией будет в основном покончено». В середине сентября Эйтингон восторженно сообщил Фрейду о «бесподобно великолепном начале на Западе и Востоке», хотя и признавал, что «темп, похоже, немного замедлился».

Подобно своим сторонникам, основатель психоанализа на какое-то время тоже заразился патриотической лихорадкой – с фронта продолжали приходить бодрые, даже торжествующие сводки. Однако он никогда не впадал в иррациональный квазирелигиозный восторг, как Рильке или Манн. В сентябре, навещая свою дочь Софи Хальберштадт, чтобы увидеть первого внука Эрнста, Фрейд обнаружил, что чувства его несколько противоречивы. «Я не первый раз в Гамбурге, – писал он Абрахаму, – но впервые город показался мне иностранным». Тем не менее, признавался мэтр, он будет «…говорить об успехе «нашего» военного займа и обсуждать шансы «нашей» битвы миллионов». Эти иронические кавычки отражают некоторое удивление самим собой.

Готовясь к поездке в Гамбург, Фрейд предполагал, что может оказаться в Германии, когда придут «новости о победе под Парижем», однако с самого начала военных действий присущий ему скепсис не позволял полностью отказаться от аналитического подхода. «У всех можно наблюдать, – писал мэтр в конце июля, – самое настоящее симптоматическое поведение». Кроме того, на пути громогласного шовинизма стояла его давняя любовь к Англии. Он всем сердцем поддержал бы войну, писал Фрейд

Абрахаму 2 августа, «если бы не знал, что Англия на другой стороне». Абрахам также находил такое положение неловким, поскольку в стане противника оказался их добрый друг и ценный союзник Эрнест Джонс. «Вам, наверное, тоже странно, – спрашивал Абрахам Фрейда, – что он оказался среди наших «врагов»?» Основатель психоанализа остро ощущал эту странность. «Мы решили, – заявил он Джонсу в октябре, – не считать вас врагом!» Верный своему слову, он не прервал переписку с Джонсом – врагом, который не был врагом, – через нейтральные страны, такие как Швейцария, Швеция и Нидерланды, а лишь сделал символический жест, перейдя на немецкий язык.

Вне всяких сомнений, причина постепенного ослабления патриотизма Зигмунда Фрейда заключалась в том, что война с самого начала пришла к нему в дом. До ее окончания все три сына основателя психоанализа попали на фронт, причем двое надолго. Более того, начало военных действий в буквальном смысле слова уничтожило его практику; потенциальные пациенты были призваны в армию или больше думали о войне, чем о своих неврозах. «Наступили тяжелые времена, – писал Фрейд уже 14 августа, – и в настоящее время наши доходы уменьшились». Весной 1915 года, по оценке мэтра, война уже обошлась ему в 40 тысяч крон. Фактически война угрожала самому существованию психоанализа. Первой ее жертвой стал конгресс психоаналитиков, планировавшийся в Дрездене в сентябре 1914 года. Вслед за этим последователей Фрейда стали призывать на военную службу – большинство были врачами, а значит, неизбежно шли в пасть Молоха. Эйтингона призвали почти сразу, Абрахама направили в хирургическое отделение госпиталя под Берлином. Ференци попал к венгерским гусарам, в глубокой провинции, где его обязанности были скорее скучными, чем утомительными, – у него оставалось больше свободного времени, чем у других психоаналитиков в мундирах. «Теперь вы единственный, – писал Фрейд Ференци в 1915 году, – кто работает с нами. Все остальные парализованы войной»[185].

И все-таки военная служба, на которую были призваны врачи из числа сторонников основателя психоанализа, была скорее тяжелой, чем опасной. Они находили свободное время, чтобы откликаться на идеи, которые сообщал им Фрейд. Естественно, война мешала их аналитической практике. Кроме того, у них теперь не было возможности с прежней эффективностью писать и заниматься издательской деятельностью. Фрейда беспокоило будущее психоанализа, и он с радостью сообщал, что близорукого

Ганса Закса признали негодным к военной службе. Тем временем его верный секретарь Отто Ранк прилагал героические усилия, чтобы не попасть в армию, «словно лев, защищая себя от отечества», как писал Фрейд Ференци. Потребности психоанализа, а также вести от сыновей с фронта испытывали на прочность его патриотизм.

Эти испытания начались в 1915 году или даже раньше, когда Ранк в конечном счете попал в милитаристские сети. Столкнувшись с новым противником, Италией, австрийская армия призывала даже тех, кто раньше был признан негодным к военной службе. Ранку пришлось прослужить два года на достаточно жалкой должности редактора газеты в Кракове. Как писал Фрейд Абрахаму в конце 1917-го, Ранк «сидит, как в тюрьме, редактируя Krakauer Zeitung, и чувствует себя довольно скверно». Он считал назначение Ранка на эту скучную должность как минимум преступной небрежностью.

Неудивительно, что на журналы по психоанализу оставалось все меньше времени и денег. Jahrbuch был закрыт, но Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, основанный в 1913 году, и Imago выжили, хотя и в очень сокращенном виде. Венское психоаналитическое общество, заседания которого на протяжении многих лет проходили в среду вечером, теперь собиралось раз в две недели, а с начала 1916-го – один раз в три недели или еще реже. Разумеется, не было никакой возможности созывать международные конгрессы психоаналитиков, которые Фрейд и его сторонники считали источником жизненной силы для своей науки. В мрачном рождественском письме Эрнесту Джонсу в первый год войны мэтр подвел неутешительный баланс и высказал такое же неутешительное предсказание: «Я не обманываю себя: весна нашей науки внезапно была прервана, и нас ждут тяжелые времена; все, что мы можем сделать, – это поддерживать мерцающий огонь в нескольких очагах, пока более благоприятный ветер вновь не раздует его в полную силу. То, что оставили от нашего движения Юнг и Адлер, теперь гибнет в столкновении наций». Подобно всему интернациональному, психоаналитическое объединение казалось уже нежизнеспособным, а периодические издания по психоанализу – отмирающими. «Всему, что мы хотели культивировать и за чем наблюдать, теперь нужно позволить буйно расти без присмотра». Фрейд выражал уверенность в успехе «дела, к которому вы проявили такую трогательную привязанность». Однако ближайшее будущее виделось ему безнадежным: «Я не стану упрекать крысу, если увижу, что она бежит с тонущего корабля». Три недели спустя он подвел краткий итог: «Наука спит».

Все это было неприятно, но самое главное – война не пощадила детей мэтра. Начало военных действий застало его младшую дочь Анну в Англии, куда она отправилась в середине июля. С помощью неутомимого Джонса Анна смогла вернуться домой в конце августа – окольными путями через Гибралтар и Геную. Фрейд красноречиво выражал свою признательность. «В эти печальные времена, – писал он Джонсу в октябре, – которые лишили нас идеала и материальных благ, у меня еще не было возможности поблагодарить вас за находчивость и искусство, которые вы проявили, чтобы вернуть мне мою маленькую дочь, и за дружбу, которая за этим стоит». Фрейд испытал огромное облегчение.

Избавившись от мыслей о возможной опасности для дочери – на самом деле она никогда не была реальной, – основатель психоанализа стал беспокоиться о трех взрослых сыновьях. Как выяснилось, все они были годны для службы в армии. Даже в первом порыве новоявленных чувств к Австрии Фрейд больше думал о том, как защитить своих мальчиков, чем о потребностях австро-венгерской военной машины. «К счастью, моих трех сыновей это не затронуло», – признавался он Абрахаму в конце июля 1914 года. Австрийские власти решительно отвергли двух и освободили третьего. Хорошую новость мэтр повторил, буквально теми же словами, два дня спустя в письме Эйтингону, отметив, что его сыновья, «к счастью, и незаслуженно» в безопасности[186]. Но Мартин, старший, в начале августа записался в армию добровольцем. «Для меня было бы невыносимо, – писал он отцу, – одному остаться в тылу, когда все остальные отправляются на фронт». Кроме того, прибавил он, служба на Восточном фронте будет лучшей возможностью дать решительное выражение его неприязни к России. В качестве солдата он мог пересечь ее границу, не испрашивая специального разрешения, которое Российская империя требовала у евреев. «Кстати, поскольку я стал солдатом, – писал Мартин отцу на следующий день, – то смотрю на свой первый бой как на волнующее покорение горной вершины». Беспокоиться о том, что вершина останется непокоренной, ему не было нужды – Мартин добился направления в артиллерию, в которой проходил службу в мирное время, и вскоре уже участвовал в сражениях на Восточном и Южном фронтах.

Оливера, второго сына Фрейда, призвали в армию только в 1916 году. Он тоже принимал участие в военных действиях, хотя обычно подвергался меньшей опасности, чем братья, поскольку служил в инженерных войсках. Младший сын мэтра Эрнст записался добровольцем в октябре (довольно поздно, чтобы

увидеть настоящие бои, как считали его товарищи) и воевал на итальянском фронте. Зять Фрейда Макс Хальберштадт, муж Софи, участвовал в боях во Франции, в 1916-м он был ранен и демобилизован. Судя по наградам, храбрость и доблесть этих молодых людей соответствовали их риторике[187]. Фрейду оставалось лишь посылать своим мальчикам деньги и посылки с продуктами. И надеяться на лучшее, конечно. «Настроение у нас, – писал он Эйтингону в начале 1915 года, – не такое безоблачное, как в Германии; будущее кажется нам непредсказуемым, но сила и уверенность немцев поддерживают нас». Тем не менее перспективы военной победы явно отступили у основателя психоанализа на второй план – его волновала безопасность сыновей, зятьев и племянника. Упоминания об их фронтовых делах служат примером трогательной отцовской заботы, контрастируя с по большей части деловым содержанием его писем. Редкое письмо мэтра соратникам, даже Эрнесту Джонсу, обходилось без упоминания о том, как дела у солдат его семьи. Приезжая домой в отпуск, они позировали – в мундирах – для семейных фотографий, подтянутые и улыбающиеся.

Несмотря на тревогу и опасения, Фрейд продолжал симпатизировать Центральным державам, и его раздражала непоколебимая уверенность Джонса в неминуемой победе антигерманского блока. «Он пишет о войне как настоящий англичанин, – жаловался мэтр Абрахаму в ноябре 1914 года. – Нужно потопить еще несколько супердредноутов или осуществить еще несколько высадок десанта, чтобы у них раскрылись глаза». Фрейд считал, что британцами движет невероятное высокомерие. Он предупреждал Джонса, чтобы тот не верил газетной информации о Центральных державах: «Не забывайте, что теперь много лжи. Мы не страдаем ни от ограничений, ни от эпидемий и пребываем в хорошем настроении». В то же время он признавал, что наступили печальные времена… В конце ноября основатель психоанализа уже не казался тенденциозным стратегом-любителем, и в его письме Лу Андреас-Саломе сквозит отчаяние: «Я не сомневаюсь, что человечество переживет и эту войну, но я точно знаю, что ни я, ни мои современники больше не увидят счастливого мира. Это очень горько». Больше всего Фрейда печалил тот факт, что люди вели себя в точности так, как предсказывал психоанализ. Вот почему, писал мэтр, он никогда не разделял ее оптимизм; он пришел к убеждению, что человечество «органически не приспособлено к этой культуре. Мы должны покинуть сцену, и Великий Незнакомец, он или она, когда-нибудь повторит этот культурный эксперимент с другой

расой». Риторика Фрейда немного преувеличенна, но она отражает его страх и растущие опасения по поводу всеобщей поддержки курса Германии и Австрии.

Основателю психоанализа не потребовалось много времени, чтобы задаться вопросом, есть ли у этого курса будущее – независимо от его достоинств. Неудачи австрийской армии в боях против русских заставили его задуматься. В начале сентября 1914 года, по прошествии всего лишь месяца боев, мэтр писал Абрахаму: «Да, кажется, все идет хорошо, но нет ничего решающего, и нам придется расстаться с надеждами на быстрое окончание войны». И это несмотря на волнующие победы. Фрейд вынес свой вердикт: «Главной добродетелью станет стойкость». Вскоре даже Абрахам позволил благоразумию проникнуть в его письма. «На фронте, – писал он мэтру в конце октября, – наступили тяжелые дни. Но в целом меня не покидает уверенность». Это было нечто новое для «дорогого неисправимого оптимиста». В ноябре Абрахам сообщал, что настроение в Берлине «в настоящее время позитивное, исполненное ожиданий». К тому времени у Фрейда уже не осталось ни позитива, ни надежд. «Конца не видно», – писал он Эйтингону в начале января 1915 года. «Я по-прежнему думаю, – мрачно отметил мэтр через месяц, – что это долгая полярная ночь, и нам следует ждать, пока снова взойдет солнце».

Метафора была банальной, но очень точной. Война затянулась. Отказываясь верить повторяющимся оптимистичным прогнозам Джонса о победе антигерманской коалиции, Фрейд держался за свой умеренный патриотизм. В 1915 году, благодаря Джонса за поздравление с Новым годом, он повторил свое прежнее предостережение: «Мне было бы печально сознавать, что вы тоже поверите во всю эту ложь о нас. Мы уверены в себе, и мы держимся». Время от времени он перезаряжал иссякавшие аккумуляторы своей веры в правое дело Германии, радуясь новостям об успехах на фронте. В феврале 1915-го основатель психоанализа все еще надеялся на победу Центральных держав и позволял себе минуты «оптимизма». Три месяца спустя угроза присоединения нейтральной Италии ослабила его надежды, однако, как он сообщал Абрахаму, «восхищение нашим великим союзником растет с каждым днем!». В июле Фрейд объяснял свою повысившуюся работоспособность не чем иным, как «нашими прекрасными победами».

Но к лету 1915 года, несмотря на активные боевые действия на всех фронтах, противники загнали себя в катастрофическую, патовую ситуацию, такую же кровавую по своим последствиям, как и самая жестокая битва. Сражения продолжались, унося

тысячи жизней, – военачальники приказывали начинать наступления, очень дорого обходившиеся и абсолютно бесплодные. «Не утихают слухи, что в мае будет мир, – сообщал Фрейд Ференци в апреле 1915 года. – Совершенно очевидно, все очень этого хотят, но мне они кажутся абсурдом». Он уже перестал отрицать свойственный ему пессимизм. «Если эта война продлится еще год, – писал мэтр Ференци в июле, – то не останется никого, кто присутствовал при ее начале». В действительности война будет идти еще три года, и от ее последствий Европа так до конца и не оправится.

Для Фрейда, постоянно видевшего сны, было, наверное, неизбежно, что Мартин, Оливер и Эрнст начнут являться ему по ночам. В ночь с 8 на 9 июля 1915 года основателю психоанализа приснился, как он его сам назвал, вещий сон, содержание которого очень ясно предсказывало «смерть моих сыновей, в первую очередь Мартина». Несколько дней спустя Фрейд узнал, что в тот день, когда ему приснился этот сон, Мартина, который был на Восточном фронте, ранило в руку – к счастью, легко. Этот факт заставил основателя психоанализа задуматься, причем не впервые, о возможности исследования оккультных явлений. Ни разу открыто не заявлявший о своей вере в оккультное, Фрейд уже несколько лет выказывал интерес, хотя и сдержанный, к подобным явлениям. Человеческая психика, о чем ему было хорошо известно, вполне способна на такие необычные, неожиданные трюки! Но проходил месяц за месяцем, война продолжалась, и мэтр размышлял не столько о странностях психики, сколько о глубине падения человечества. Война казалась нагромождением неприятных симптоматических поступков, ужасающим погружением в коллективный психоз. И сие было, как он писал фрау Лу, очень горько.

В результате в 1915 году Фрейд, выступая от своего имени и от имени других «разумных европейцев», опубликовал две статьи: об утрате иллюзий в результате войны и о современном отношении к смерти – элегия о том, как цивилизация уничтожает себя. Но хотелось надеяться на что-то другое, надеяться, что лидеры «великих наций белой расы, господствующих во всем мире, которым выпало руководить людьми, соблюдая всемирные интересы», будут способны «разрешать недоразумения и конфликты интересов иным образом». Пророк Иеремия считал войну уделом человека. «В это не хотелось верить, но как представляли себе такую войну, если бы она все же началась?» Как благородный поход, щадящий гражданских лиц, рыцарскую схватку? Проницательная догадка: кто надеялся на

очистительную силу Великой войны и представлял приукрашенную, романтизированную версию сражений давно прошедших эпох? В действительности, отмечает Фрейд, эта война оказалась кровопролитнее, чем какая-либо из прежних, и вызвала к жизни едва ли понятный феномен – вспышку ненависти и отвращения к врагу. Основатель психоанализа, которого было очень трудно удивить, удивился отталкивающим проявлениям человеческой сущности на войне.

Статьи Фрейда о войне и смерти показывают, что он осмыслил эти горестные события. В начале первой статьи мэтр довольно откровенно описывает чувство неловкости и неуверенности, охватившее многих его современников – и его самого. Сделанный им набросок в определенной степени был автопортретом. «Захваченные вихрем этого военного времени, односторонне осведомленные, не будучи вдалеке от больших изменений, которые уже произошли или начинают происходить, и не чуя формирующегося будущего, мы сами теряем доверие к значению впечатлений, которые нам навязываются, и к ценности суждений, которые мы создаем». Это были действительно ужасные времена: «Нам хочет казаться, что ни одно событие никогда еще настолько не разрушало ценнейшее общественное достояние человечества, не сбивало с толку так много самых ясных умов, так основательно не принижало высокое. Даже наука, – тут Фрейд непреклонен, – потеряла свою бесстрастную объективность». Ему горько видеть, как «ее до глубины души озлобленные служители» заимствуют оружие этой сферы человеческой деятельности, направленной на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. «Антрополог должен объявить неприятеля неполноценным и выродком, психиатр – обнародовать диагноз его душевного или психического расстройства». В этой ситуации человек, непосредственно не затронутый войной, не ставший «частичкой огромной военной машины», должен чувствовать себя потерявшим все ориентиры и ограниченным в своей дееспособности. Предсказуемые последствия – разочарование, утрата иллюзий.

Фрейд считал, что психоаналитики должны смягчать эти чувства, отодвигая их на второй план. Они опираются на представление, что природа человека не может выдержать проверку действительностью. Первичные, примитивные его побуждения, сами по себе не хорошие и не плохие, ищут своего выражения, однако ограничены общественным контролем и внешними тормозами. Но давление современной цивилизации с целью обуздания этих влечений было чрезмерным, как и

ожидания относительно поведения людей. По крайней мере, война избавила всех от иллюзии, что люди по природе своей хорошие. На самом деле люди «опустились не так глубоко, как мы опасаемся, поскольку они и не поднялись так высоко, как мы про них думали».

Статья Фрейда – это опыт утешения, непривычное усилие стоика, который отказывается верить, что психоанализ может, или должен, торговать данным товаром. «Я не беру на себя смелость предстать перед моими согражданами в роли пророка, – сурово скажет он в «Недовольстве культурой», – и принимаю их упрек в том, что никакого утешения им принести не могу, хотя, в сущности, его требуют все – самые ярые революционеры не менее страстно, чем самые послушные верующие». Но это будет в 1930 году. В 1915-м основатель психоанализа не мог утешить даже себя. Несмотря на то что Фрейд сознавал «биологическую и психологическую необходимость страдания для экономики человеческой жизни», он все же осуждал «войну за ее средства и цели и жаждал прекращения войн». Если война уничтожила эту надежду, показала, что эта мечта – иллюзия, то психоаналитический реализм мог, по мнению мэтра, помочь читателям пережить годы войны с меньшими страданиями, с меньшим отчаянием.

В статье Фрейда о смерти, каким бы мрачным ни казался ее предмет, также упоминается о вкладе психоанализа в понимание психики современного человека. Ужасы войны в ней рассматриваются как еще одно доказательство, что психоанализ близок к раскрытию глубинной правды о человеческой природе. Современный человек, утверждал основатель движения, отрицает реальность собственной смерти и прибегает к вымыслу, чтобы смягчить удар, который может нанести ему смерть других людей. Вот почему ему так нравится литература и театр: они позволяют умереть вместе с героем и в то же время пережить его. «В сфере вымысла мы находим то множество жизней, в которых нуждаемся».

Для первобытного человека факт, что он смертен, тоже нереален и непредставим, но в этом отношении он ближе к тайным психологическим реальностям, чем могут быть сдержанные и культурные современные люди: он открыто радуется смерти врагов. Только с появлением совести в цивилизованных обществах запрет «Не убий» мог стать одним из основных правил поведения. Но современный человек, подобно доисторическому, в глубине души, неосознанно, является убийцей. Поэтому агрессия не просто обязательна; как отметил Фрейд, и эти его слова часто цитируют, примитивная агрессия,

которая защитным механизмом реактивного образования превращается в противоположность, может служить цивилизации. «Самые явные эгоисты среди детей могут стать самыми полезными и способными к самопожертвованию гражданами; большинство сострадающих мечтателей – Mitleidsschwärmer – филантропов, защитников животных, развилось из маленьких садистов и мучителей животных».

Первая мировая война, заключил Зигмунд Фрейд, обнажила эту неприятную правду, продемонстрировав суть культурной уклончивости. Война «убирает более поздние культурные наслоения и позволяет вновь проявиться в нас первобытному человеку». И это можно использовать. Люди получают о себе более правдивое представление и могут избавиться от иллюзий, которые оказались опасными. «Мы помним старое изречение: Sivispacem, para helium. Хочешь мира – готовься к войне. В духе времени было бы его изменить: Si vilam, para mortem. Хочешь выжить – готовься к смерти». Через несколько лет наступит момент, когда основатель психоанализа сможет проверить эту рекомендацию на себе.

Пересмотр 1915–1939

Глава восьмая
Агрессия

Универсальные и знаковые понятия

Фрейд, подобно миллионам других людей, воспринимал Первую мировую войну как разрушительную и казавшуюся бесконечной катастрофу. Однако, к некоторому удивлению основателя психоанализа, несмотря на все его уныние и приступы беспокойства, эти годы волнений и тревог оказались полезными для работы. Пациентов у него было мало, редакторская работа тоже почти не отнимала времени, психоаналитические конгрессы не проводились. Почти все его последователи были в армии, и Фрейд чувствовал себя одиноким. «Я часто ощущаю такое же одиночество, как первые десять лет, когда вокруг меня была пустыня, – жаловался он Лу Андреас-Саломе в июле 1915 года. – Но тогда я был моложе и все еще наделен безграничной энергией, чтобы терпеть». Фрейду не хватало бесед с пациентами, которые обычно побуждали его к теоретическим рассуждениям и гонорары которых позволяли ему исполнять обязанности надежного кормильца семьи. «Моя психическая конституция, – писал мэтр Абрахаму в конце 1916 года, – настоятельно требует зарабатывания и траты денег для семьи и реализации комплекса отца, который мне хорошо известен». Тем не менее годы войны были далеко не бесплодными. Вынужденное и неприятное безделье подрывало дух основателя психоанализа и одновременно высвобождало время для широкомасштабных проектов.

В ноябре 1914 года в письме Андреас-Саломе, размышляя о войне и «непригодности» человека к цивилизации, Фрейд уже намекал, что втайне занят «всеобъемлющими и, возможно, чрезвычайно важными вещами». Вполне вероятно, что он начал думать об официальном оформлении фундаментальных идей психоанализа. В декабре мэтр писал Абрахаму, что, если плохое настроение окончательно не убьет интерес к работе, он может «подготовить теорию неврозов с главами о судьбе влечений, вытеснения и бессознательного». Это лаконичное заявление содержит набросок его секретных планов. Месяц спустя Фрейд еще немного приподнял завесу тайны, сообщив фрау Лу, что его «описание нарциссизма» когда-нибудь назовут метапсихологическим[188]. Связь, которую основатель психоанализа проводил между нарциссизмом и метапсихологией,

была очень важна. В первых размышлениях о нарциссизме, до начала войны, Фрейд еще не прошел в дверь, которую распахнул. Теперь он был готов исследовать более широкие последствия своих идей.

Основатель психоанализа принялся за работу над «теорией неврозов» быстро и энергично. В начале 1915 года он начал писать статьи, которые впоследствии получили общее название – работы по метапсихологии. Мучительная история создания книги, которую Фрейд планировал, даже больше сохранившихся фрагментов дает основания предположить, что он работал над чем-то важным для себя – или внутри его происходило нечто важное. В середине февраля 1915-го мэтр просил Ференци отправить его «статью о меланхолии прямо Абрахаму». Книга должна была содержать главу о меланхолии. По старой привычке, еще со времен Флисса, Фрейд отсылал черновики близким друзьям. В начале апреля он сообщил Ференци, что закончил две главы, и приписал такую работоспособность, «вероятно, чудесному улучшению работы моего кишечника». Совершенно очевидно, мэтр не считал возможным отказаться от аналитической скрупулезности, результатами которой делился с другими: «Я оставляю открытым вопрос, чем обязан этому, механическому фактору, грубому военному хлебу, психологическому фактору или вынужденной перемене отношения к деньгам». Настроение его оставалось приподнятым. В конце апреля Фрейд сообщил Ференци, что первые три главы, «влечения, вытеснение, бессознательное», готовы и будут опубликованы в этом году в журнале Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Он не считал «вводную» статью – о влечениях – очень привлекательной, но по большей части был доволен и объявлял о необходимости еще одной статьи, в которой сны будут сравниваться с шизофренией. «Черновик ее уже готов».

Вслед за ней довольно быстро было опубликовано несколько других статей – одна на любимую тему Фрейда, о сновидениях, а другая, обманчиво краткая, «Печаль и меланхолия». В обоих работах мэтр усилил то плодотворное и парадоксальное направление мысли, которое впервые появилось в очерке о нарциссизме: в них рассматриваются способы, которыми либидо может отказываться от внешних объектов – во сне или в периоды депрессии. В середине июля Фрейд мог сообщить Ференци: «Да, я работаю мрачно, но упорно; 10 из 12 статей готовы. 2 из них, однако (о сознании и тревоге), нуждаются в переделке. Я только что закончил [статью о] конверсионной истерии; невроз навязчивости и синтез переноса невроза по-прежнему отсутствуют». В конце июля он признавался Андреас-Саломе, что

«плодом» этих месяцев, «вероятно, будет книга, состоящая из 12 эссе, предваряемых [главой о] влечениях и их судьбе». Далее Фрейд прибавлял, что «она только что закончена, за исключением необходимой правки». Казалось, что, несмотря на войну, книга основателя психоанализа о метапсихологии вскоре увидит свет.

В марте 1898 года Фрейд говорил Флиссу, что метапсихология предназначена для того, чтобы разъяснить ту часть его психологии, которая выходит за рамки сознательного – или, как он выразился, стоит «позади» него. Совершенно очевидно, что основатель психоанализа придавал термину полемический оттенок: метапсихология должна была стать соперницей грандиозной и тщетной философской мечте – метафизике и победить ее. Но когда Зигмунд Фрейд двумя годами раньше впервые использовал это слово, он еще не определил его точное значение. Метапсихология, писал он в декабре 1896-го, – это его «идеальный и проблемный ребенок». В начале 1915 года метапсихология – по-прежнему идеальная, но больше не проблемная и уж точно не ребенок, – казалось, была готова для официального представления. Книга, писал Фрейд Абрахаму в мае, будет называться «Подготовительные материалы к метапсихологии», и он представит ее «непонимающему миру в более спокойные времена». Несмотря на то что мэтр выражал абсолютную уверенность, название свидетельствует о колебаниях, приступе неуверенности. Фрейд, как известно, не отличался скромностью; в период работы над этими статьями он прямо говорил Ференци: «Скромность – я в достаточной степени дружу с правдой или, лучше скажем, с объективностью, чтобы не обращать внимания на эту добродетель». Описывая свою будущую книгу Абрахаму, основатель психоанализа определил ее как характерную для уровня главы VII «Толкования сновидений». Однако в том же письме он отметил: «Думаю, в целом это будет прогресс». Очевидно – предложенное им осторожное название сие лишь подтверждает, – у Фрейда имелось подозрение, что работа, которую он заканчивал, представляла собой одновременно новое направление и возврат к прежнему теоретизированию. Она могла устареть уже в момент публикации…

В действительности статьи Фрейда по метапсихологии представляют не только исторический интерес. В 20-х годах прошлого столетия он многие вещи сформулировал бы по-другому, даже смотрел бы на них иначе. И добавил бы свежий материл. Безусловно, изменения были возможны, но само здание психоанализа осталось бы узнаваемым. Среди статей, которые мэтр в конечном счете решил опубликовать, первая, о влечениях,

вероятно, потребовала бы самой глубокой переделки, поскольку уже в работе о нарциссизме он ясно дал понять, что его разделение влечений на две категории, влечения «Я» и сексуальные влечения, оказалось несостоятельным. И действительно, в статье 1915 года «Влечения и их судьба» Фрейд откровенно признавался, что его «классификация», скорее всего, нуждается в пересмотре: она «не имеет значения обязательного условия», это всего лишь «вспомогательная конструкция, которой нужно придерживаться лишь до тех пор, пока она оказывается полезной».

В этой вводной статье он в основном повторяет определение влечения, данное 10 годами раньше в «Трех очерках по теории сексуальности». Это «психический репрезентант возникающих внутри тела и достигающих души раздражителей» – «рабочая нагрузка», как Фрейд определил сие в своей часто цитируемой фразе, «возложенная на душевное вследствие его связи с телесным». Чтобы понять работу влечения, отмечает мэтр, по-прежнему в согласии с «Тремя очерками», можно определить некоторые термины, такие как «напор» (беспрерывная энергетическая активность), «цель» (удовлетворение, которое достигается удовлетворением возбуждения), «объект» (он может быть необыкновенно разнообразен, поскольку пути удовлетворения может определять все, что угодно, в том числе собственное тело и опыт удовольствий) и «источник» (соматический процесс, в результате которого может возникнуть раздражитель и который лежит за пределами компетенции психологии). Фрейд уделил особое внимание комментариям о подвижности влечений, особенно сексуальных: об этом убедительно свидетельствует история любви. Любовь, напоминал основатель психоанализа читателям, начинается как нарциссическая поглощенность собой, а затем поднимается по сложной лестнице развития и связывается с сексуальными инстинктами, предоставляя широкий выбор способов удовлетворения. А ненависть, придаток любви, ее противоположность и компаньонка, предоставляет еще больше возможностей для разнообразия. Неудивительно, что амбивалентность, сосуществование внутри личности любви и ненависти к одному и тому же человеку, является самым естественным и распространенным состоянием. Представляется, что люди обречены выбирать себе путь среди противоположностей: любви и ненависти, любви и безразличия, любви и ответной любви. Другими словами, подводит итог статья, судьба влечений определяется «воздействием трех важных полярностей, господствующих в душевной жизни»:

столкновением активности и пассивности, внешнего и внутреннего мира, удовольствия и неудовольствия. Эту часть конструкции Фрейду переделывать бы не пришлось.

Прослеживая судьбу бессознательных энергий, основатель психоанализа отметил, что их трансформация позволяет обеспечить частичное удовлетворение, если непосредственное удовлетворение блокировано тем, что он с дразнящей краткостью называет «видами защиты от влечений». В статье о влечениях мэтр, возвращаясь к теории конца 90-х годов XIX века, приводит перечень из этих методов защиты, обещая впоследствии рассмотреть их более подробно, однако в другой статье 1915 года, «Вытеснение», предпочитает для них общее название. Но даже после 20-х годов, когда Фрейд возродил старый термин «защита», а «вытеснение» оставил как название одного из нескольких механизмов, он все равно продолжал считать его образцом защитных действий. Как образно выражался сам мэтр, это был краеугольный камень, фундамент, на котором зиждется здание психоанализа – «его важнейшая часть».

Зигмунд Фрейд всегда гордился данным открытием. Он был убежден, что первым углубился в основы работы психики. Когда Ранк показал ему пассаж из Шопенгауэра, высказавшего подобные мысли на несколько десятилетий раньше, основатель психоанализа сухо ответил, что оригинальностью он обязан своей неначитанности. В каком-то смысле сие лишь подчеркивало его новаторство, и Фрейд с особым удовольствием отмечал, что у этой идеи был его любимый источник – сеансы психоанализа. Переведя сопротивление пациентов в слова, писал мэтр, он смог сформулировать теорию вытеснения.

Таким образом, термин «вытеснение», который основатель психоанализа использовал в 1915 году, обозначал ряд психических маневров, предназначенных главным образом для того, чтобы не дать бессознательному желанию стать осознанным. Почему, спрашивал Фрейд, вообще возникает вытеснение? Ведь удовлетворение требований желания доставляет удовольствие, и представляется странным, что психика себя этого удовольствия лишает. Мэтр не дал подробного ответа, но, судя по всему, он считал психику человека полем битвы. Существует слишком много удовольствий, которые оборачиваются страданием, поскольку психика человека не монолитна. Сильные желания могут вызывать такое же сильное неодобрение или страх. Самым ярким примером таких внутренних конфликтов служит эдипов комплекс во всех его разнообразных проявлениях: сексуальное желание мальчика, направленное на мать, представляется

безнравственным и запретным, исполненным опасности, а желание смерти отцу угрожает угрызениями совести и другими катастрофическими последствиями.

Фрейд лишь вскользь коснулся этих теоретических вопросов. В свойственной ему конкретной манере он предпочел иллюстрировать свое общее положение примерами из клинической практики. У одного пациента, страдавшего истерией страха, характеризовавшейся смесью эротических чувств к отцу и страха перед ним, эта истерия исчезла после осознания и сменилась фобией животных. Другая пациентка, лечившаяся от конверсионной истерии, пыталась подавить не столько свои неприличные желания, сколько аффекты, изначально связанные с ними. И наконец, больной, страдающий неврозом навязчивости, заменял враждебные импульсы, направленные против любимого человека, разного рода суррогатами – чрезмерной совестливостью, самокритикой, озабоченностью мелочами. В этих ярких примерах можно узнать кое-кого из самых известных пациентов Фрейда – «человека с крысами», Дору, «человека-волка».

Примитивная форма вытеснения появляется еще у младенца и постепенно расширяется, чтобы цензурировать не только импульс, который не должен получить выражение, но и его производные. Энергичные действия вытеснения, отмечал основатель психоанализа, повторяются снова и снова: «вытеснение требует постоянных затрат энергии». Вытесненное не уничтожается. Старая поговорка тут не действует: с глаз долой вовсе не значит из сердца вон. Вытесненное хранится на недоступном чердаке бессознательного, где продолжает блаженствовать, требуя удовлетворения, поэтому торжество вытеснения в лучшем случае временное и всегда сомнительное. Вот почему Зигмунд Фрейд рассматривал конфликты, которые осаждают человека, как по сути своей неразрешимые, вечные.

В «Бессознательном», третьей и, что важно, самой объемной статье из опубликованных работ по метапсихологии, основатель психоанализа довольно подробно обрисовал арену, на которой разворачивается большинство этих конфликтов. Несмотря на то что теория бессознательного представляла собой наиболее оригинальный вклад Фрейда в общую психологию, его взгляды на психику имеют долгую и авторитетную предысторию. Платон уподоблял душу колеснице с двумя крылатыми конями, один из которых благороден и прекрасен, а другой груб и высокомерен. Они тянут колесницу в разные стороны, почти не слушая возничего. Христианские богословы, выступавшие с иных

позиций, учили, что после грехопадения Адама и Евы человечество разрывалось между обязанностями по отношению к Творцу и своими низменными побуждениями. И конечно, идеи Фрейда о подсознании витали в воздухе XIX столетия и уже приняли довольно сложные формы. Поэты и философы размышляли об идее душевной жизни, которая недоступна для сознания. За 100 лет до того, как основатель психоанализа занялся бессознательным, такие романтики, как Сэмюэль Колридж, говорили о «сумеречных областях сознания», а классик романтизма Гёте находил чрезвычайно привлекательной идею недостижимых глубин души. Уильям Вордсворт в «Прелюдии» прославлял глубокие закоулки в своем сердце как царство, в котором он с удовольствием живет. Он писал о том, что чувствует инстинктивную связь с красотой, а в его душе есть пещеры, куда не проникает солнце. Некоторые влиятельные психологи XIX века, самым известным из которых был Иоганн Фридрих Гербарт, широко использовали эту идею. А из тех философов, влиянию которых Фрейд сопротивлялся, но полностью избежать его не мог, Шопенгауэр и Ницше неоднократно предостерегали от переоценки сознания в ущерб бессознательным силам психики.

Непревзойденный объясняющий диапазон теории Фрейда придавало то обстоятельство, что он приписал бессознательному (с той точностью, какая только возможна в этой неопределенной области) главную роль в формировании и поддержании психологического конфликта. В 1915-м основатель психоанализа еще не мог связать бессознательные механизмы с соответствующими психическими инстанциями. Это произошло лишь после того, как в 20-х годах он завершил свою так называемую структурную модель психики. Однако Фрейд мог со всей определенностью заявить, что, поскольку психика подчиняется строгим законам, постулат о существовании ее скрытой области является необходимостью. Только этим можно было объяснить такие разнообразные явления, как гипноз, сновидения, оговорки и описки, симптоматические поступки, непоследовательное и кажущееся иррациональным поведение. Предположение о динамичном бессознательном, утверждал мэтр, было не только обоснованным, но и необходимым.

Чтобы прояснить и уточнить, что отличает истинное бессознательное от того, о чем мы просто не думаем в данный момент, Фрейд повторил уже проведенное в «Толковании сновидений» различие между предсознательным и бессознательным. Именно последнее – неупорядоченное хранилище самых взрывоопасных материалов, старых и новых, – содержит вытесненные идеи и аффекты, а также влечения в их

первозданной форме. Влечения, решительно заявлял основатель психоанализа, становятся осознанными лишь с помощью посредника или маскировки. Странное место это динамическое бессознательное: до краев заполненное желаниями, неспособное к сомнениям, не терпящее задержки, не понимающее логики. Несмотря на то что оно не поддается непосредственному исследованию, его следы психоаналитик находит повсюду. В статьях по метапсихологии, которые с такой скоростью выходили из-под пера Фрейда, он стремился доказать, раз и навсегда, важную роль бессознательного.

Однако по какой-то неясной причине с книгой все пошло не так. В середине июля 1915 года Фрейд намекал Ференци, что не совсем доволен статьями, что в них не хватает необходимой отточенности. Два месяца спустя он снова писал Ференци: «Двенадцать статей как будто готовы». Небольшая оговорка мэтра «как будто» – sozusagen – очень важна. Он вносил изменения, заново все обдумывал, медлил, вероятно не в состоянии справиться с какой-то неисчезающей неудовлетворенностью. Первые три статьи, о влечениях, вытеснении и бессознательном, должным образом появились в объявленное время, в 1915 году. Но затем была тишина.

Вне всяких сомнений, Фрейд обнаружил, что отступление от клинических подробностей для получения всеобъемлющей картины – опасное предприятие. В нем снова пробудилась потребность свободного полета мысли; он был не в состоянии обуздать собственную фантазию. В апреле, закончив статью о вытеснении, Фрейд описал Ференци эту работу – «свой производственный механизм» – как «чередование смелой игры воображения и безжалостной реалистичной критики», но с наступлением лета он заставил умолкнуть критику и дал волю воображению. В июле мэтр отправил Ференци черновик, как он ее назвал, «филогенетической фантазии», которая развивала оригинальные идеи, впервые высказанные в «Тотеме и табу». Это была двенадцатая, последняя статья по метапсихологии. Она стала – ни больше ни меньше – попыткой показать, что современные желания и тревоги, прошедшие через тысячелетия, коренятся в детстве человечества. Одно из самых широких последствий этой фантазии Ламарка[189] воплотилось в предложение Фрейда поставить ряд неврозов в соответствие с исторической – или, скорее, доисторической – последовательностью. Основатель психоанализа предполагал, что соответствующие эпохи, в которые современные люди приобрели свои неврозы, могут воссоздавать ход событий в далеком

прошлом человечества. Например, истерия может быть наследием ледникового периода, когда молодое человечество под угрозой замерзания трансформировало либидо в тревогу. Это состояние ужаса, должно быть, вызвало мысль, что в условиях такого холода биологическое воспроизводство является врагом самосохранения, и примитивные усилия по регулированию рождаемости, в свою очередь, стали причиной истерии. И так далее – по всему перечню душевных расстройств. Ференци выражал Фрейду свою поддержку и даже проявлял энтузиазм, но в конечном счете их совместное фантазирование прекратилось. По мере того как неисправимое отсутствие эмпирических данных становилось очевидным, теория утрачивала правдоподобие. Но пока филогенетическая фантазия была жива, она одновременно радовала и тревожила мэтра.

Не все время Фрейда было занято теоретизированием, фантазиями, а также тревожным чтением газет и не менее тревожным ожиданием писем от сыновей с фронта. В зимних триместрах 1915/16 года и 1916/17 года он прочитал три цикла вводных лекций перед довольно большой и постоянно растущей аудиторией, намереваясь впоследствии опубликовать их. Выступал основатель психоанализа в обычное для себя время, в субботу вечером, там же, где и всегда, в Венском университете, объясняя «врачам и неспециалистам обоего пола» основы психоанализа. Среди самых внимательных его слушателей была дочь Анна. Фрейд начал с короткого курса из четырех лекций об оговорках, затем перешел к более обширному курсу о сновидениях и закончил самым длинным, по теории неврозов.

Зигмунд Фрейд почти два десятилетия был лучшим популяризатором самого себя. Объемную и сложную книгу «Толкование сновидений» он сократил до ясного и понятного конспекта «О сновидении». Он писал главы для коллективных трудов по психиатрии. Он составлял статьи для энциклопедий. Он читал лекции на собраниях еврейского общества Бней-Брит, членом которого состоял. В 1909 году в Университете Кларка он в пяти лекциях блестяще изложил суть своих открытий. Но самыми всесторонними и успешными экскурсами в высокую журналистику оказались именно эти вводные лекции. Их читали повсюду и охотно переводили: при жизни Фрейда в Германии было продано около 50 тысяч экземпляров, а перевод был сделан как минимум на 15 языков, в том числе китайский, японский, сербско-хорватский, иврит и идиш, а также на шрифт Брайля. Фрейд, имевший за плечами многолетний опыт, использовал все доступные средства убеждения. Он облегчал интеллектуальную

нагрузку на слушателей и читателей, пропуская самые запутанные теоретические проблемы, приводил тщательно подобранные истории из жизни и уместные цитаты, добродушно принимал возражения и время от времени признавал свое невежество или фрагментарность знаний. Сама последовательность лекций была хитрой попыткой совращения: начиная с ошибочных действий, мэтр знакомил аудиторию с идеями психоанализа при помощи обычных, зачастую забавных событий повседневной жизни. Переходя к сновидениям, еще одному проявлению психики, знакомому всем, он медленно, но неуклонно покидал твердую почву здравого смысла, а к теории неврозов и психоаналитической терапии приступал только после рассказа о законах психики и о вездесущности бессознательного. Абрахам был не единственным, кто хвалил эти выступления за «элементарность» в лучшем смысле этого слова, то есть за то, что они не предъявляли к аудитории серьезных требований. Отточенная, абсолютно уверенная манера донесения своих мыслей Фрейдом, полагал он, не могла быть неэффективной.

Абрахам был прав, но основатель психоанализа проявлял необыкновенную строгость к этим искусным резюме своих идей. Он тоже называл свои лекции элементарными, но для него сие означало, что для образованных читателей, таких как Лу Андреас-Саломе, они «не содержат ничего, что может сказать вам что-либо новое». Несправедливо принижая их красноречие и новаторские формулировки, Фрейд не слишком жаловал свои лекции. Они были, писал он фрау Лу, «грубым материалом, предназначенным для масс». Над таким материалом, признавался мэтр Абрахаму, он работал, когда очень уставал.

Теперь Фрейд часто жаловался на усталость. «Неослабевающее напряжение военных лет, – писал он Ференци уже в апреле 1915 года, – истощает силы». В мае 1916-го ему исполнилось 60 лет, и, благодаря Макса Эйтингона за поздравления, он писал, что вступает в «возраст маразма» – Greisenalter. Следующей весной Абрахаму пришлось удивиться еще больше. Поздравляя Фрейда с шестьдесят первым днем рождения, он ярко описывал его «свежесть и радость от творчества», – в ответе мэтр мягко пожурил его за создание идеализированного образа и повторил свои сетования: «На самом деле я стал довольно старым, болезненным и легко устающим».

Тем не менее Фрейд время от времени забывал об усталости – благодаря неожиданным поворотам событий, которыми его не переставал удивлять мир. Смерть императора Франца Иосифа 21 ноября 1916 года после почти 68 лет пребывания на троне почти

не взволновала основателя психоанализа. Его больше занимали хорошие новости о воюющих на фронте сыновьях, которые он два дня спустя сообщил фрау Лу, – с его «воинами» все в порядке. Чуть позже внимание мэтра привлекла неограниченная подводная война, начатая Германией 1 февраля 1917 года. Абрахам убедил себя, что эта кампания может вскоре принести победу и мир, но Фрейд не разделял его оптимизм и дал подводным лодкам полгода, чтобы они проявили себя. «Если, – писал он Ференци в апреле, – сентябрь не продемонстрирует потрясающей эффективности подводных лодок, Германия лишится иллюзий, и последствия будут ужасными». Через шесть недель после того, как Германия начала подводную войну, Фрейд оставил в семейном календаре, где обычно отмечались дни рождения и юбилеи, краткую запись: «Революция в России». Февральская революция смела династию Романовых и привела к власти временное правительство, исполненное либеральных намерений и стремившееся заключить сепаратный мир.

С учетом того, с каким вниманием основатель психоанализа следил за новостями, может показаться удивительным, что в своих «Лекциях по введению в психоанализ» он практически не упоминал о войне. Как будто, сосредоточившись на подведении итогов и популяризации, он мог на какое-то время спастись от ежедневного бремени. Тем не менее Фрейд не до конца сопротивлялся желанию напомнить слушателям, что над ними висит грозовая туча, сеющая смерть и разрушения. «А теперь перенесите свой взор с индивидуального на Великую войну, которая все еще опустошает Европу, – говорил он в одном из своих нравоучительных пассажей, – подумайте о безграничной жестокости, свирепости и лживости, широко распространившихся по всему культурному миру». Неужели всего лишь кучке бессовестных карьеристов и соблазнителей удалось накликать всю эту беду? Неужели миллионы, идущие за вожаками, не были сами соучастниками преступления? Неужели кто-то решится утверждать, что в душевной конституции человека не заложено зло? Влияние войны на перемену взглядов Фрейда, особенно в отношении агрессии, полностью проявится лишь через несколько лет. Однако это отступление от темы, почти не имеющее отношения к лекции о цензуре сна, свидетельствует о том, как много в эти годы размышлял мэтр о человеческой неуживчивости.

В 1917-м он желал лишь одного – окончания бойни. В апреле этого года Соединенные Штаты вступили в войну на стороне антигерманского блока, что сделало перспективу победы Центральных держав еще более туманной. В октябре Фрейд с еще бо2льшим, чем обычно, пессимизмом, заявил о неудаче немецкой

подводной войны. Его мрачное настроение усиливалось тем, что война все сильнее отражалась на быте. Жизнь в Вене становилась тяжелее и тяжелее. Не хватало продуктов, не говоря уж о топливе. К дефициту прибавился рост цен на предметы первой необходимости. Официальные цены, и без того высокие, не шли ни в какое сравнение с ценами процветающего черного рынка. Фрейд жаловался близким друзьям, особенно зимой, когда семье не хватало еды, а он сидел в неотапливаемом кабинете и пытался писать. В январе 1918 года основатель психоанализа драматически озаглавил письмо Абрахаму «Холодная дрожь!» (Kältetremor!). Редкие продуктовые посылки от Ференци из Будапешта и друзей из Нидерландов приносили семье облегчение, но надеяться только на них было нельзя.

В этой пугающей ситуации Зигмунд Фрейд осторожно относился к слухам, что ему могут дать Нобелевскую премию. Его кандидатуру выдвинул австрийский врач Роберт Барани – последний лауреат премии по физиологии и медицине, но в этой области она не присуждалась с 1914 года. Тем не менее Фрейд продолжал следить за событиями. 25 апреля 1917 года он кратко отметил в календаре: «без Нобелевской премии в 1917». Конечно, мэтр бы очень удивился – с учетом того сопротивления, которого ожидал, – узнав, что выбор остановили на нем. Но Фрейду очень хотелось получить почетную награду… Он бы обрадовался признанию и мог воспользоваться деньгами.

В 1917-м, через три года после начала войны, его все раздражало. Фрейд подбадривал себя, собирая скверные шутки о войне, по большей части непереводимые, примитивные каламбуры. Вот пример таких шуток, один из самых невинных. «Дорогие родители, – пишет еврей, служащий в русской армии, – у нас все прекрасно. Мы ежедневно отступаем на несколько верст. Если будет на то воля Божья, надеюсь к Рош Ха-Шана быть дома». Между тем Эрнест Джонс продолжал сердить Фрейда своими предсказаниями. Когда осенью 1917 года он бестактно предположил, что сопротивление немцев, вероятно, продлит войну, Фрейд назвал это типично английской манерой. Конечно, писал он Абрахаму в ноябре 1917-го, «все мне еще очень интересно». И тут же прибавлял: «…старею быстро, и иногда появляются сомнения, доживу ли я до конца войны, увижу ли вас когда-нибудь, и т. д.». В любом случае он действовал так, «словно конец всего этого неминуем». Так или иначе, мэтр решил опубликовать еще две свои статьи по метапсихологии.

Естественно, Фрейда интересовали события в России – большевистская революция и приход Ленина к власти, поскольку они вели к выходу Российской империи из войны. Его очень

обрадовала новость о заключенном в декабре перемирии между большевистским режимом и Центральными державами. Как и декларация Бальфура, которая давала евреям надежду на свое государство… К тому времени основатель психоанализа утратил все остатки иллюзий насчет справедливости «его» позиции и непобедимости немецкого оружия. «Я оцениваю положение в высшей степени пессимистически», – писал он Ференци в октябре. Фрейд пришел к выводу, что, если в Германии не случится парламентской революции, война продолжится до полного поражения. Раньше он был убежден, что страны антигерманского пакта лгали относительно своих целей в войне. Теперь убедился, что и другая сторона была такой же лживой. В октябре 1917 года мэтр признался Абрахаму, что испытывает отвращение к работе и ко многому другому, включая «ваше любимое немецкое отечество». Грандиозное наступление немцев в марте 1918-го оставило его равнодушным: «Я признаюсь себе, что очень устал от войны и она мне противна». Фрейд предполагал, что мысль о победе Германии, которая казалась еще возможной, может подбодрить Абрахама, но сам эту тему не поднимал. Он жаждал земных благ: «Я был хищником; вероятно, непривычная диета вносит вклад в мою апатию». Все – возможно, за исключением высшего военного командования Германии – с волнением предвкушали наступление мира после того, как в январе 1918 года президент США Вудро Вильсон представил конгрессу свою программу из 14 пунктов, которая дала надежду на прекращение бойни. Фрейд давно ждал дня наступления мира как «горячо ожидаемой даты».

Все это время Зигмунд Фрейд донимал друзей комментариями к своему циклу статей по метапсихологии. Весной 1916 года он сказал Лу Андреас-Саломе, что как книгу цикл невозможно напечатать до окончания войны. Размышляя о смерти, основатель психоанализа, как обычно, думал о себе. Срок жизни непредсказуем, а ему бы очень хотелось увидеть изданную работу. Довольно любопытно, что мэтр сделал смерть одной из главных тем в статье «Печаль и меланхолия», которую наконец издал в конце 1917-го. Эта работа – возможно, больше других, написанных в то время и соперничающих в этом отношении с «Введением в нарциссизм», – намекала на пересмотр Фрейдом его идей, который произошел после войны.

Меланхолия, утверждал основатель психоанализа, напоминает печаль отсутствием интереса к внешнему миру, постоянным плохим настроением, безразличием к работе, утратой способности любить. Но помимо этого для меланхолии

характерны самобичевание, низкая самооценка и бредовое ожидание какой-либо кары. В печали данные ощущения тоже присутствуют, но особым образом: они утратили объект, к которому были сильно привязаны и с которым отождествлялись. Фрейд уже несколько лет настаивал на том, что все любовные чувства амбивалентны, практически всегда содержат элементы гнева и враждебности. Меланхолики сердятся на себя, их ненависть к себе и самоуничижение служат доставляющими удовольствие выражениями садистской ярости к утраченному объекту. Страдающие этим нарушением психики доходят до самоубийства – крайний результат меланхолии – только в том случае, когда их «Я» открыто угрожает себе как объекту ненависти. Задолго до того, как Фрейд официально поднял такое влечение, как агрессия, до уровня либидо, он ясно представлял силу агрессивности – в данном случае направленной на себя самого.

Это одна из причин, почему работа «Печаль и меланхолия» оказалась пророческой. Другой было краткое изложение мэтром такого аспекта, как самобичевание. Свойственные меланхоликам самоуничижение и клевета на себя, писал он, служат убедительными доказательствами раскола их «Я». Такое «Я» создает нечто вроде специальной инстанции, предназначенной для критики и, как правило, осуждения. Это, отметил Фрейд, пограничное, болезненное проявление того, что люди обычно называют совестью. Основатель психоанализа не дает отдельного названия сей критикующей инстанции, но у нас нет оснований сомневаться, что она тесно связана с тем, что он впоследствии назвал «Я-идеал» или «Сверх-Я»[190].

Таким образом, «Печаль и меланхолия» отражает переходный период в мышлении Зигмунда Фрейда. А что с остальными семью статьями, написанными, но не отданными в печать? Остальные, писал мэтр Ференци в ноябре 1917 года, заслуживают того, чтобы о них забыли: «Der Rest darf verschwiegen werden». Он мрачно признавался Абрахаму, которому всецело доверял, что сейчас неподходящее время для книги. Шли месяцы, но настроение Фрейда не менялось. В начале лета 1918 года в письме Лу Андреас-Саломе, давно убеждавшей его опубликовать эти статьи, мэтр возражал, немного загадочно, что его останавливает не только усталость, но «также другие указания». И эти таинственные указания победили. В какой-то момент, устав от спасительных намеков и оправданий, Фрейд положил конец своей нерешительности. Он просто уничтожил остальные статьи…

Конечно, поступок был необъяснимый. Теоретические головоломки раньше не останавливали основателя психоанализа,

а трудности изложения его не пугали никогда. Разумеется, многое объясняет война. «Воины» – Мартин и Эрнст – ежедневно подвергались опасности, и Фрейд считал, что теперь не время для оригинальности. Но, с другой стороны, в 12 главах книги по метапсихологии он и не претендовал на оригинальность. Кроме того, в его распоряжении было больше времени, чем мэтр хотел и даже мог продуктивно использовать. А еще Фрейд обнаружил, что работа, когда он заставлял себя ею заняться, становилась утешением. Книга по метапсихологии могла стать желанным отвлечением от газет. Словом, истинные причины неудачи этого проекта крылись в нем самом.

Безмолвная драма так и не опубликованной книги прежде всего обусловлена временем ее создания. Основы теории, которые основатель психоанализа собирался со всей определенностью изложить, чтобы поддержать своих сторонников и возразить противникам, ускользали от него. Он не обращался в другую веру. Шибболеты психоанализа – динамическое бессознательное, работа вытеснения, эдипов комплекс, конфликты между влечениями и сопротивлениями, сексуальное происхождение неврозов – остались неизменными, однако очень многое стало открыто для сомнений. Работа о нарциссизме была первым ярким симптомом серьезной переоценки ценностей, и в этом смысле уничтожение семи статьей по метапсихологии выглядит симптоматичным. В годы войны Зигмунд Фрейд не очень ясно представлял, что нужно делать. Как и в конце 90-х годов XIX столетия, он переживал этап скрытого творчества, когда мучения были признаком будущих великих открытий, смутно осознавая (по его же собственному выражению), что «забеременел» новыми идеями.

Тревожный мир

Всю осень 1918 года Вену будоражили слухи о мире. Тайные переговоры, которые австрийские дипломаты начали весной 1917-го с целью заключить сепаратное мирное соглашение за спиной Германии, были неудачными и непрофессиональными. Как и следовало ожидать, они ни к чему не привели. Однако в начале сентября 1918-го, после еще одного года кровопролитных сражений, власти Вены перед лицом голода дома и почти неминуемого поражения на фронте обратились к странам антигерманского блока. Последовало предложение начать мирные переговоры. Столкнувшись в начале года с забастовками и мятежами, Австрия была готова пойти на значительные территориальные уступки, но не отказывалась от принципа многонациональной империи. В середине октября страны антигерманского блока, которые были близки к победе, отклонили предложение. Австрийский вариант договора их не удовлетворял. В министерствах царил хаос. Один историк сравнивал ситуацию с лихорадочными и бессмысленными движениями тонущего человека. Люди пребывали в растерянности. 25 октября Фрейд писал Эйтингону, что находит наступившее время ужасно волнительным. «Это хорошо, – прибавляет он, – что старое должно умереть, но новое еще не пришло».

К этому времени масштабы военных действий изменились. Если на Западном фронте бойня продолжалась с той же силой, то на Восточном сражения затихали. Россия явно была не прочь выйти из войны, но в начале марта Центральные державы, непреклонные и мстительные, навязали недавно появившемуся на политической арене Советскому государству драконовский Брест-Литовский мирный договор. Еще один маленький успех военно-политический блок государств, противостоявших Антанте, праздновал в мае, когда Румыния, частично оккупированная их войсками, также заключила мир. С другой стороны, Болгария, которая долго колебалась и не могла сделать выбор между воюющими сторонами, прежде чем в 1915 году перешла на сторону немцев и австрийцев, в конце сентября была вынуждена заключить перемирие со странами антигерманского пакта. Через месяц, после эффектных, почти легендарных операций в пустыне на Ближнем Востоке, Британия вынудила капитулировать Турцию.

В конечном счете к окончанию Первой мировой войны привели не молитвы и не желания простых людей, а оружие

союзников вместе с грандиозным проектом мирного договора Вудро Вильсона. Британские, французские, а затем и американские войска повернули мощное весеннее наступление немцев во Франции вспять. В начале июня 1918 года немцы встали приблизительно в 40 милях от Парижа, а в середине июля началось большое контрнаступление. Теперь страны антигерманского блока было уже не остановить. К концу сентября генерал Людендорф, стремившийся любой ценой не допустить войска врага на землю Германии, призвал к переговорам. Крах кайзеровской армии, одной из самых мощных военных машин в истории, был уже близок – и мир тоже.

В начале осени, когда Людендорф смирился с неизбежным, еще большему улучшению настроения Фрейда способствовал международный конгресс психоаналитиков, собравшийся в Будапеште[191]. Последнее подобное собрание прошло в 1913 году в Мюнхене. Основатель психоанализа очень нуждался в радостном воссоединении, которое обещал этот форум.

В августе он писал Абрахаму, которого не видел четыре года, с самого начала военных действий, что был слишком зол и слишком голоден, поэтому и не ответил на его последнее письмо. Для такого неутомимого корреспондента, как Фрейд, сие был явный признак подавленного настроения…

Конгресс, который первоначально планировали собрать в Бреслау, прошел в Будапеште 28–29 сентября. Представительство на нем оказалось вынужденно усеченным: из 42 участников двое были голландцами, трое немцами, а 37 представляли Австро-Венгрию. Тем не менее это был конгресс. Фрейд прочитал не просто доклад в свободной форме, как обычно, а официальную лекцию, в которой очертил разнообразие техник и призвал к созданию психоаналитических клиник, в которых могли бы лечиться бедняки. Событие оказалось радостным, условия превосходными и приемы выше каких бы то ни было похвал. Психоаналитиков поселили в элегантном Gellert Hotel. По прошествии месяца Фрейд все еще с удовольствием вспоминал об этом форуме. Абрахаму, с нескрываемым удовлетворением, он писал о прекрасных будапештских днях.

Конгресс, как отметил Эрнест Джонс, стал первым, на котором присутствовали официальные представители властей, в данном случае австрийского, немецкого и венгерского правительств. Причина была чисто практическая – усиливавшееся осознание роли «военных неврозов» в армейских планах. Присутствие наблюдателей, облеченных властью, определенным образом усиливало странную диалектику жизни и смерти в истории психоанализа. Идеи Фрейда, к которым в мирные

времена психиатры не желали относиться всерьез, теперь начали пользоваться поддержкой у врачей, приписанных к военным госпиталям и столкнувшихся с контуженными солдатами. Для некоторых специалистов война была громадной лабораторией проверки психоаналитических гипотез. «Судьба, – сказал британский психиатр У. Х.Р. Риверс в 1917 году, – похоже, в настоящее время дала нам беспрецедентную возможность проверить истинность теории бессознательного Фрейда, в той степени, в которой она касается формирования психических и функциональных нервных болезней». В прошлом, столкнувшись с давлением военных властей, психиатры не сопротивлялись поверхностному представлению, что солдат, у которого наблюдаются симптомы «военного невроза», скорее всего, является симулянтом и его следует тут же отправить назад на передовую или даже отдать под трибунал, – на самом деле в большинстве своем они поддерживали это мнение. Однако среди врачей – стран антигерманского блока не в меньшей степени, чем Центральных держав, – постепенно росло понимание, что, как выразился сам Фрейд, «только самая маленькая доля страдающих «военным неврозом»… были симулянтами».

Конгресс в Будапеште подготовил симпозиум по военным неврозам, для которого доклады готовили Ференци, Абрахам и Эрнст Зиммель. Особенно ценным рекрутом стал немец Зиммель, поскольку во время войны этот врач применял психоанализ в психиатрической клинике для солдат. В конечном счете из амбициозного проекта по созданию центров, в которых военные неврозы будут лечить чисто психоаналитическими методами, предлагавшегося в Будапеште Центральными державами, ничего не вышло. По потерпевшим поражение странам неудержимой волной прокатились революции.

Лаконичные записи в календаре Фрейда, изобилующие восклицательными знаками, регистрируют быструю смену событий, буквально день за днем. 30 октября: «Революция в Вене и Будапеште». 1 ноября: «Прервано сообщение между Германией и Венгрией». 2 ноября: «Оли[вер] вернулся. Республика в Болгарии?» 3 ноября: «Перемирие с Италией. Война закончилась!» 4 ноября мэтр нашел время подумать о собственных делах: «Нобелевская премия откладывается». 6 ноября: «Революция в Киле». 8 ноября: «Республика в Баварии!! Сообщение с Гер[манией] прер[вано]». 9 ноября: «Республика в Берлине. Вильгельм отрекается». 10 ноября: «Эберт – канцлер Германии. Условия перемирия». 11 ноября: «Конец войне. [Австрийский] И[мператор] Карл отрекается [от трона]». 12 ноября: «Республика

и аншлюс с Германией вызвали панику». Информация об аншлюсе оказалась несколько преждевременной – победители не позволят Австрии и Германии объединиться. Четыре дня спустя, 16 ноября: «Республика в Венгрии». Кошмарный сон войны наконец закончился.

Но за кулисами ждали своего выхода другие сны, почти такие же страшные. От Мартина, воевавшего в Италии, уже несколько недель не было вестей; только 21 ноября в календаре Фрейда появляется запись: «Мартин в плену с 27 окт[ября]». Итальянцы взяли в плен все его подразделение уже после окончания военных действий. Не приносил мэтру умиротворения и жестокий мир политики. Бойня, уничтожившая династию Романовых, не пощадила ни Гогенцоллернов, ни Габсбургов. К мрачному удовольствию Фрейда, Австро-Венгерская империя перестала существовать. У него не было иллюзий по поводу ее сохранения – и уж тем более сожалений. В конце октября, еще до того, как судьба империи окончательно решилась, основатель психоанализа писал Эйтингону: «Я не пролью ни единой слезинки по *этой* Австрии и *этой* Германии».

Фрейду было приятно думать, что новая Германия не станет большевистской, однако он предсказывал – довольно точно, – что крах империи, которой так долго и высокомерно правил «неизлечимый романтик» Вильгельм II, приведет к кровавым столкновениям, но он никогда не сдерживал своей ярости по отношению к династии, при которой прожил всю жизнь: «Габсбурги после себя не оставили ничего, кроме кучи навоза». В конце октября Фрейд мрачно давал совет Ференци, «венгерскому патриоту», забрать свое либидо у отечества и вместо этого направить, ради сохранения душевного равновесия, на психоанализ. Он пытался вызвать у себя симпатию к венграм, язвительно заметил Фрейд на той же неделе, но у него ничего не вышло. Среди его сторонников только Ганс Закс находил повод для юмора в австрийской революции, которая оказалась гораздо менее кровавой, чем в других странах; он придумывал для Джонса плакаты следующего содержания: «Революция состоится завтра в два тридцать, в случае плохой погоды она будет проходить в помещении».

В действительности в месяцах, последовавших за окончанием боевых действий, не было ничего смешного. Яростные сражения армий на фронтах сменились яростными сражениями на улицах между вооруженными формированиями радикалов и реакционеров. Многие месяцы хаоса делали политическое будущее Германии, Австрии и Венгрии предметом спекуляций и пугающих прогнозов. В конце октября Эйтингон писал Фрейду:

«Старое, казавшееся таким прочным, на самом деле настолько сгнило, что при уничтожении не выказало никаких признаков сопротивления». В последние дни декабря 1918 года, после окончания войны снова перейдя на английский, Фрейд сообщал своему «дорогому Джонсу», чтобы тот не ждал его «или кого-нибудь из наших следующей весной в Англии; маловероятно, что мы сможем путешествовать в ближайшие месяцы, а мир будет заключен раньше июня или июля». В письме верному другу мэтр посчитал возможным изложить просьбу, сопроводив ее намеком на тяготы жизни: «Я уверен, вы не представляете, в каком мы теперь положении. Но вы должны приехать, как только сможете, чтобы посмотреть на Австрию». При этом он не забыл добавить: «…и привезти вещи моей дочери».

В январе 1919 года Фрейд кратко описывал сложившуюся ситуацию: «Темы денег и налогов теперь вызывают отвращение. Мы фактически поедаем сами себя. Все четыре года войны – жалкая шутка по сравнению с жестокими лишениями этих месяцев и, вне всякого сомнения, следующих тоже». Размышляя о политическом хаосе в Центральной Европе, мэтр признался Джонсу, что его предупреждения, некогда отвергнутые даже им самим как британский шовинизм, оказались верными: «Ваши предсказания по поводу войны и ее последствий оправдались». Основатель психоанализа был «готов признать, что судьба все же оказалась справедлива и что победа Германии могла бы нанести еще более тяжелый удар по человечеству в целом». Но сие благородное признание не облегчило участь Фрейда и его семьи. «Симпатии к победителю не приносят облегчения, если благополучие связано с побежденным». А жить становилось все тяжелее… «Все мы медленно теряем здоровье и вес, – сообщил Фрейд, но потом добавил, что он и его домочадцы не одни такие в этом городе, и констатировал: – Перспективы мрачные».

Медленная и трудная работа над мирным договором не делала эти перспективы оптимистичнее. Собравшись в январе 1919 года в Париже, чтобы перекроить карту Центральной Европы, представители победивших держав за столом переговоров проявили намного меньше согласия, чем на полях сражений. Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж заявлял о своей решимости повесить кайзера и «выжать из немцев все, что только можно». За столом переговоров он тем не менее был более сговорчивым, однако его французский коллега Жорж Клемансо оставался непреклонен. Считалось само собой разумеющимся, что Эльзас и Лотарингия, отошедшие к Германии в 1871 году после Франко-прусской войны, будут возвращены Франции. Еще одним лакомым кусочком была Рейнская область

Германии, богатая природными ресурсами. Но победителям приходилось считаться с Вудро Вильсоном, пламенным пророком из Нового Света, который выступал по всей Европе со своим удивительным посланием о самоопределении, демократии, открытой дипломатии и – главное! – надежде. Он убежден, в характерной для себя манере говорил Вильсон слушателям в Манчестере в декабре 1918 года, что перед людьми забрезжил если не золотой век, то эпоха, которая с каждым десятилетием будет становиться все светлее и через какое-то время приведет их к вершине, откуда они смогут увидеть то, чего жаждет душа человечества.

Другие представляли будущее не столь возвышенно. Фрейда, например, все больше раздражали пророчества Вильсона и, еще сильнее, его характер. Пророков мэтр никогда не любил. Впрочем, в начале турне Вильсона по Европе основатель психоанализа был так же сбит с толку и почти так же впечатлен, как другие. «Недавно, – писал он Абрахаму в начале 1919 года, – ко мне приходил американец из свиты Вильсона (Фрейд, несомненно, был специалистом, имевшим международную репутацию). – Он явился с двумя корзинами продуктов и обменял их на экземпляры «Лекций» и «Повседневной жизни». Более того, он позволил нам поверить в президента». Помимо съестного, как нам известно от американского племянника Фрейда Эдварда Бернайса, в корзинах оказалась коробка любимых мэтром гаванских сигар. Неудивительно, что в апреле Фрейд казался почти безмятежным среди всех этих невзгод и неуверенности. «В нашей клетке открывается первое окошко, – делился он с Эрнестом Джонсом. – Я могу писать вам напрямую и запечатывать письмо». Военная цензура была отменена. Более того, основатель психоанализа уже не чувствовал себя таким одиноким. «Я был чрезвычайно рад узнать, что пять лет войны и разлуки не разрушили ваших добрых чувств к нашей команде». И что еще больше радовало его, «психоанализ процветает, о чем я с удовольствием узнаю отовсюду».

В 1919 году ряд мирных соглашений официально закрепил крах империй Центральной Европы. В июне немцы были вынуждены подписать Версальский договор. Согласно ему, Германия лишалась Эльзаса и Лотарингии, которые отходили Франции, а также маленькой, но стратегически важной области Эйпен-Мальмеди, которую получила Бельгия. Немецкие колонии в Африке и на Тихом океане становились подмандатными территориями под управлением союзных держав, а из части провинций Восточная Пруссия и Позен, дополненных

территориями, которые принадлежали Австрии и России, победители воссоздали Польшу. Новая Германия была географическим монстром с разделенной надвое территорией – Восточная Пруссия оказалась изолированной, окруженной со всех сторон территорией Польши. Возможно, еще более губительным для самолюбия немцев была статья 231 мирного договора, которая объявляла, что их страна несет полную ответственность за развязывание войны.

Очередь австрийцев пришла в сентябре 1919 года, когда они подписали почти такой же суровый договор, как и Германия. Им пришлось отдать территории, которые стали усеченной Венгрией, а также Богемию и Моравию, образовавшие независимую Чехословакию. Кроме того, Австрия лишилась Трентино и Южного Тироля, отошедших Италии. Чтобы пристроить австрийскую провинцию Босния и Герцеговина, деятельные составители карты изобрели балканское блюдо под названием Югославия. Как нам известно, перспектива распада старой Австрии радовала Фрейда еще за год до того, как это было официально закреплено в Сен-Жерменском договоре. Его новая родина, которой открыто запретили объединяться с немецкой республикой, представляла собой странную конструкцию – уродца, страдающего гидроцефалией, как печально иронизировали тогда. Шутка вскоре стала затасканной, но довольно точно отражала ситуацию: один большой город, Вена, с населением 2 миллиона человек стоял во главе сократившейся территории, где проживали еще 5 миллионов. За несколько месяцев до подписания мирного договора победившая антигерманская коалиция ясно дала понять о своих намерениях. «Сегодня мы узнали, – отмечал Фрейд в марте 1919 года, – что нам не позволят объединиться с Германией, но мы должны отдать Южный Тироль. Да, я не патриот, но мне больно думать, что почти весь мир будет чужой территорией».

Стефан Цвейг, один из новых знакомых Фрейда, впоследствии вспоминал послевоенную Австрию точно такой же, жалкой, серой и безжизненной тенью Австро-Венгерской империи. Чехи и представители других народов оторвали свои земли. Остался обезображенный остов, кровоточащий из всех сосудов. Замерзающие, голодные, обедневшие австрийские немцы были вынуждены смириться с тем, что предприятия, которые раньше обогащали страну, оказались на чужой земле, железные дороги превратились в жалкие останки, из национального банка изъяли золото. Революция или какой-либо другой катастрофический исход казались неотвратимы. Не было ни муки, ни хлеба, ни угля, ни керосина… В те дни хлебом стало

черное месиво, имевшее вкус смолы и глины. Кофе – пойло из обожженного ячменя, пиво – желтая водичка, шоколад – подкрашенный сахар, картофель мороженый. Чтобы совсем не забыть вкус мяса, люди выращивали кроликов или охотились на белок. Как в конце войны, процветал черный рынок, и население вернулось к самому примитивному обмену, чтобы как-то выжить. Впоследствии Анна Фрейд подтвердила рассказ Цвейга. Хлеб, вспоминала она, был плесневелым, картошку не достать. Однажды основатель психоанализа написал статью для венгерского журнала и попросил гонорар не деньгами, а картофелем. Редактор этого издания, живший в Вене, сам принес мешок. «Отец всегда называл ту статью «Kartoffelschmarrn». В марте 1919 года Фрейд сообщал Ференци, что правительство планировало «запретить недели без мяса и заменить их месяцами без мяса. Глупая голодная шутка!».

Основатель психоанализа мог воспринимать эти раздражающие и угнетающие последствия войны с бо2льшим хладнокровием, чем многие другие, поскольку одна из самых главных его тревог, за сына Мартина, благополучно разрешилась. С Мартином, в конце октября попавшим в плен к итальянцам, на какое-то время прервалась связь. Но, получив от него весточку, месяц спустя Фрейд тут же стал наводить справки, посылать деньги, а в его письмах непременно присутствовали короткие сообщения о сыне-военнопленном. В апреле 1919-го мэтр писал Абрахаму, что новости от Мартина редкие, но вполне обнадеживающие, а в мае сообщал своему английскому племяннику Сэмюелю, что Мартин все еще в лагере вблизи Генуи, но, «похоже, в хорошем состоянии, если судить по его письмам». Несколько месяцев спустя его освободили «в превосходном состоянии». Мартину повезло. Более 800 тысяч солдат австро-венгерской армии погибли на фронтах или умерли от болезней во время войны.

Конечно, положение Зигмунда Фрейда и его семьи было довольно печальным. На два года или даже дольше главным в жизни основателя психоанализа и в его письмах стало просто выживание. Продукты в Вене были такими же невкусными или некачественными, а топливо таким же недоступным, как в последние два года войны. На товары первой необходимости власти установили жесткие нормы. Даже молоко было трудно достать. Неделями мясо распределялось только в больницы и государственным служащим, в частности пожарным и кондукторам общественного транспорта. В качестве заменителя мяса предлагали рис, а картошки – кислую капусту. И с талоном на мыло найти последнее в магазинах было невозможно…

Керосина и угля тоже не было, и в январе 1919 года в семье оставался один-единственный огарок свечи. Неравнодушные люди и организации со всего Запада, комитеты в разных странах откликнулись на отчаянные призывы австрийских политиков и стали собирать помощь для населения страны. В начале 1919-го бывшие враги вагонами отправляли в Австрию необходимые продукты и товары. Но этого было недостаточно. «Наш рацион по-прежнему, несмотря на великодушие союзников, скуден и жалок, – писал Фрейд в апреле 1919 года. – Фактически голодная диета – Hungerkost». Показатели детской смертности росли с устрашающей скоростью – как и заболеваемости туберкулезом. Один из австрийских специалистов, психолог Дюриг, подсчитал, что зимой 1918/19 года люди потребляли в день не больше 746 килокалорий.

Письма Фрейда честно свидетельствуют, как отразились общие невзгоды на жизни его семьи. Он писал в жутко холодной комнате и тщетно искал исправную авторучку. Уже в 1920 году его приводила в ярость нехватка бумаги. Сам мэтр не считал себя капризным. «Мы все тут превратились в голодных попрошаек, – писал он Эрнесту Джонсу в апреле 1919-го, – но вы не услышите жалоб. Я по-прежнему держу голову высоко и не считаю себя в какой-то мере ответственным за совершающиеся в мире глупости». Однако в том, что основатель психоанализа называл своим бодрым пессимизмом, пессимизм явно преобладал над бодростью. Естественно, Фрейду было очень неприятно выступать в роли просителя, но, вынужденный бороться за жизнь в послевоенной Вене, он без колебаний рассказывал о своем тяжелом положении другим. Основатель психоанализа никогда не считал, что нужно просто терпеть, стиснув зубы, и теперь не скрывал от посторонних людей, явно плохо информированных, затруднительное положение, в котором оказалась его семья. «Если вы настаиваете, чтобы я сообщил вам, – немного раздраженно выговаривал он Джонсу в мае 1919 года, – где и когда мы встретимся этим летом или осенью, будет ли созван обычный конгресс или просто собрание комитета, мне не остается ничего другого, как сделать вывод, что вы ничего не знаете об условиях, в которых мы живем, и ваши газеты ничего не рассказывают вам об Австрии». Фрейд понятия не имел, когда сможет куда-нибудь поехать. «Все зависит от состояния Европы в целом и этого ее забытого и несчастного уголка в частности, от подписания мирного договора, от укрепления нашей валюты, открытия границ и т. д.». Но мэтр не отчаивался!

На самом-то деле причин для отчаяния было хоть отбавляй. Несмотря на утешительные новости о распространении

психоанализа, на всю изобретательность Фрейда и его стоицизм, ему пришлось признать, что жизнь у него безрадостная. «Мы переживаем плохие времена, – писал мэтр своему племяннику Сэмюелю весной 1919 года. – Как ты знаешь из газет, повсюду нужда и неуверенность». Трогательное письмо с благодарностями, которое Марта Фрейд написала Эрнесту Джонсу в апреле 1919-го, показывает, насколько сильной была эта нужда. Джонс прислал ей очень красивый жакет, который, как выяснилось, превосходно подошел не только ей, но и Аннерль. Таким образом, они с младшей дочерью будут по очереди носить жакет летом. Но в середине мая Марта Фрейд слегла с гриппом и пневмонией. Врачи уговаривали мэтра не волноваться, но инфлюэнца была очень опасной болезнью для тех, кто, подобно Марте, оказался истощен несколькими годами нужды и лишений. Предыдущей зимой «испанка», часто заканчивавшаяся летальным исходом, убила тысячи людей. Еще в начале осени 1918 года школы и театры Вены время от времени закрывались, чтобы предотвратить распространение инфекции. Но все тщетно – волна эпидемии накрыла ослабленных людей. Женщины оказались более уязвимыми, чем мужчины, но и среди последних смертность была пугающе высокой. Прежде чем эпидемия пошла на спад – два года спустя, – от нее умерло около 15 тысяч жителей Вены. Марта победила грипп, хотя болезнь никак не хотела отступать. Через две недели после ее начала фрау Фрейд все еще лежала в постели. Она «…справилась с пневмонией, но по-прежнему не выказывает благоприятной тенденции к восстановлению сил, а как раз сегодня снова началась лихорадка». Сообщить о полном выздоровлении жены Фрейд смог только в начале июля.

Летом 1919 года, когда супруга восстанавливала силы в санатории, Зигмунду Фрейду удалось провести месяц в своем любимом австрийском Бадгастайне в компании свояченицы Минны. Ему было немного стыдно за выбор такого дорогого курорта, но он оправдывал себя тем, что грядущий сезон холодов требует накопить как можно больше сил. «Кто знает, – отмечал мэтр в письме Абрахаму, – скольким из нас суждено пережить следующую зиму, от которой ничего хорошего ждать не приходится». В конце июля он с радостью сообщал Джонсу, что почти полностью избавился «от царапин и синяков последнего года жизни». В 63 года основатель психоанализа по-прежнему не унывал.

Но по возвращении в Вену Фрейду вновь пришлось столкнуться с жестокой действительностью. «Жизнь с нами очень

сурова, – писал он в октябре, отвечая на вопросы своего племянника Сэмюеля. – Не знаю, что рассказывают вам английские газеты, но возможно, они не преувеличивают. Нехватка продуктов и обесценивание денег давят преимущественно на средний класс и на тех, кто зарабатывает на жизнь интеллектуальным трудом. Ты должен учитывать, что все мы потеряли 19/20 того, что имели в наличных деньгах». В то время австрийская крона стоила меньше одного пенса и продолжала обесцениваться. Кроме того, Австрия, по словам мэтра, никогда не обеспечивала себя необходимым… Фрейд напоминал племяннику, что не только бывшие провинции империи, но также «наши собственные страны бойкотируют Вену самым безответственным образом, промышленность встала из-за отсутствия угля и сырья, закупки и импорт из других стран невозможны». Неблагоприятный баланс внешней торговли, вывод капиталов, необходимость импортировать дорожающее сырье и продовольствие, резкий спад производства экспортной продукции на оставшихся у Австрии территориях – все это порождало безудержную, разрушительную инфляцию. В декабре 1922 года австрийская крона, курс которой к доллару перед началом войны составлял пять к одному, обесценилась настолько, что теперь за доллар давали 90 тысяч крон. Обесценивание валюты закончилось только после тяжелых переговоров с международными банками и правительствами других государств.

Сэмюель Фрейд, процветающий коммерсант из Манчестера, стал главным получателем преднамеренных жалоб основателя психоанализа. Семья, писал ему дядя, питается скудно. «Первая селедка несколько дней назад стала для меня настоящим лакомством. Мяса нет, хлеба не хватает, молока нет, картофель и яйца чрезвычайно дороги, по крайней мере в кронах». К счастью, его сводный брат Эли, живущий в Соединенных Штатах, стал очень богатым человеком, и его помощь «позволила спасти жизнь женщинам нашей семьи». Клан Фрейдов, прибавил мэтр, «быстро разбегается». Две его сестры, Дольфи и Паули, а также мать были отправлены в курортное местечко Бад-Ишль, чтобы провести там зиму в менее суровых условиях. Свояченица Минна, которая не могла больше оставаться в замерзающей Вене, сбежала в Германию, где оказалось едва ли лучше. Все дети, за исключением Анны, «единственного ребенка, оставленного нам», уехали из дома. Что касается его самого, Фрейд бесстрастно констатировал: «Ты знаешь, что я пользуюсь известностью и у меня много работы, но я не в состоянии заработать на жизнь и проедаю запасы». Отвечая на «любезное предложение» Сэмюеля,

он перечислял продукты, которые нужны больше всего (жиры, солонина, какао, чай, кексы), а какие нет[192]. Тем временем богатый – и заботливый! – Макс Эйтингон из Берлина ссужал ему деньги, но это, как честно признался ему Фрейд, было бессмысленно, если деньги австрийские. У него самого имелось больше 100 тысяч бесполезных крон. Впрочем, Эйтингон присылал и продовольствие – Lebensmittel – продукты для жизни, если перевести с немецкого дословно. Не забыл он, с благодарностью писал мэтр, придумывая подходящий для этого неологизм, и «продукты для работы» – Arbeitsmittel, то есть сигары. Они помогали основателю психоанализа сохранять присутствие духа.

Фрейд неутомимо мобилизовывал родственников в других странах, чтобы поток посылок в Вену не прерывался. Следуя указанию Марты, он просил племянника Сэмюеля прислать мягкую шотландскую ткань, «цвета перец с солью, мышиного или темно-коричневого – чтобы хватило на костюм», предназначенный для весны и осени. Подобные поручения мэтр направлял в Англию и Америку на протяжении нескольких лет. Уже в 1922 году он просил родственников из Манчестера прислать ему прочные ботинки «*лучшего* качества», поскольку пара, которую он купил в Вене, развалилась. Фрейд тщательно следил за всеми прибывающими посылками и проверял содержимое на соответствие письмам, уведомляющим об их отправке.

Подобное погружение в повседневные заботы было психологически необходимым для мэтра. Вокруг происходили удивительные политические перемены, но разве он имел хоть малейшую возможность повлиять на события? «Я предполагаю, что следующие месяцы будут насыщены драматическими переменами, – предсказывал основатель психоанализа Эйтингону в мае 1919 года. – Но мы не зрители, не актеры и даже не хор, мы просто жертвы!» Ему приходилось тяжело. «Я очень устал, – признавался Фрейд Ференци в начале лета 1919-го, – и более того, озлоблен, снедаем бессильной яростью». Забота о семье стала бегством от этого бессилия.

Зигмунд Фрейд проявил себя умелым снабженцем. Совсем непохожий на погруженного в науку *господина профессора*, который позволил жене освободить его от всех подробностей домашнего хозяйства, он усердно составлял списки товаров, отсылал подробные запросы, рекомендовал подходящие упаковочные материалы для продуктов – водонепроницаемые контейнеры – и ругал почту. В революционные месяцы, когда сообщение с другими странами для простых граждан было

прервано, мэтр реалистично предупреждал своих покровителей за границей, что отправка даров в Вену – дело чрезвычайно рискованное. Посылки следовало передавать через английскую военную миссию в Вене. Обычные посылки с продуктами лишь кормят «служащих таможни или работников железной дороги». В конце ноября 1919 года он сообщал: «…наше положение немного улучшилось благодаря дарам, которые были не присланы, а привезены друзьями из Голландии и Швейцарии, а точнее, друзьями и учениками». Основатель психоанализа был рад найти в эти дни хоть какое-то утешение. «Из хорошего, что случилось в эти печальные времена, – писал он своему племяннику в Манчестер, – это вновь открывшаяся связь между нами».

Ненадежность снабжения из-за границы постоянно раздражала Фрейда. 8 декабря 1919 года он сообщил племяннику, что днем раньше Мартин женился, и тут же, без паузы, прибавил, что обещанная посылка не прибыла. У него не было времени на сантименты. «Я не надеюсь, что она до нас дойдет». Несколько дней спустя, тепло благодаря Сэмюеля за заботу: «…ты так доброжелателен к нам, бедным родственникам», – мэтр предупреждал, что не сто2ит больше ничего отправлять, пока тот не получит известие, что посылки благополучно прибыли в Вену. «Похоже, ты не представляешь всего размера тупости властей Г[ермании] и А[встрии]». Возможно, английский Фрейда был немного официальным, слегка ограниченным, но достаточно острым, чтобы дать яркие и язвительные эпитеты для характеристики немецкой и австрийской бюрократии.

Осуждение было для основателя психоанализа одной из разновидностей действия. Его любимый немецкий поэт Шиллер однажды сказал, что перед глупостью бессильны даже боги, однако глупость австрийских чиновников не заставила Фрейда отказаться от надежды. «Ни одна из твоих посылок не пришла, – сообщал он Сэмюелю в конце декабря 1920 года, – но мы слышали, что еще не все потеряно, потому что время в пути может составлять больше трех месяцев». Основатель психоанализа думал обо всем. В октябре 1920-го Фрейд писал: «… три твои посылки пришли», хотя «одна из них оказалась абсолютно пустой». По крайней мере, Сэмюель Фрейд не должен был пострадать: «Здесь, в почтовом отделении было проведено расследование (протокол) и мне посоветовали проинформировать отправителя, так что я надеюсь, ты получишь страховку». Как всегда, очень важна была упаковка: «Две посылки, благополучно доставленные, были защищены мешковиной и стали самым желанным пополнением наших припасов». Но – в те дни всегда

находилось какое-нибудь «но»! – «почти все в превосходном состоянии, только сыр был завернут в бумагу и пострадал от плесени, которая также повлияла на вкус некоторых плиток шоколада».

Иногда Фрейд давал волю своему раздражению. В мае 1920 года он написал гневное письмо «администрации» – Ассоциации американской помощи в Вене – с жалобой, что посылку с продуктами, отправленную из США его жене, отказались вручить его сыну «инженеру О[ливеру] Фрейду», даже несмотря на то, что он пришел с доверенностью (Марты в то время не было в городе). Поведение представителей агентства кажется излишне жестким, но чиновники из Ассоциации помощи придерживались правила вручать каждую посылку только адресату, поскольку их офис осаждало слишком много так называемых родственников с поддельными документами. Основателя психоанализа такие объяснения не удовлетворили, ведь Оливер «ждал, простоял с 2:30 до 5 и был отправлен восвояси без посылки». «Его время тоже имеет определенную ценность», и поэтому нельзя требовать от него «повторить этот же опыт еще несколько раз». Раз посылку выдают только адресату, мэтр хотел знать, «…каким образом будут реализованы намерения отправителя этого дара». Этим Фрейд не ограничился. В ярости он ссылался на свою международную известность: «Я обязательно проинформирую американскую публику, которая меня хорошо знает, о неприемлемости ваших действий». Глава агентства Элмер Дж. Берланд, несколько лет назад изучавший некоторые произведения мэтра в колледже в Беркли, не отказал себе в удовольствии лично доставить посылку. Прием ему был оказан очень нелюбезный: Фрейд настоял, чтобы он разговаривал с Оливером по-английски, хотя Берланд превосходно владел немецким языком, а Оливер переводил бы его слова на немецкий (все прекрасно знали, что Фрейд понимает каждое слово). Основатель психоанализа отвечал по-немецки, а его сын переводил на английский (разумеется, Берланду переводчик был не нужен). Эта мелкая, намеренная, показная месть отражала всю глубину ярости и отчаяния основателя психоанализа.

Письма Фрейда тех лет дают основания предполагать, что ему приходилось выкраивать время на продолжение размышлений и работы. Горько видеть, что он – чрезвычайно независимый человек, которому было о чем размышлять, – был занят тем, что обеспечивал себя и семью необходимым. Однако основатель психоанализа недолго был просто получателем помощи. Как только появилась такая возможность, он отдал

Эйтингону долг и стал платить за продукты, которые шли из-за границы непрерывным потоком. В феврале 1920 года мэтр попросил племянника «принять вложенный чек на J4 (гонорар от английского пациента)», пять месяцев спустя прислал восемь фунтов, а в октябре с оттенком торжества писал ему: «Я сердечно благодарю тебя за твою заботу и труды, но, если эти посылки продолжатся, ты должен сообщить мне их стоимость. Я немного поправил свое материальное положение за счет иностранных пациентов, и теперь у меня скопились приличные деньги в Гааге».

К тому времени положение в Австрии немного улучшилось, а с ним и дела у семьи Фрейда. Стефан Цвейг считал, что самыми тяжелыми были 1919–1921 годы. Так или иначе, особого насилия в стране не наблюдалось, только редкие грабежи. В 1922 и 1923 годах продуктов уже стало достаточно, хотя австрийский психоаналитик Рихард Штерба вспоминал, что Schlagobers – столь любимые австрийцами взбитые сливки – в кафе появились лишь через пять лет после войны. Продукты и топливо снова были в открытой продаже, и, по словам Цвейга, люди ожили, воспряли духом. Это коснулось и Фрейда. Врачебная практика и подарки от последователей, которые те продолжали присылать, позволяли ему вести нормальную жизнь. «Я старею, становлюсь ленивым и вялым, – писал мэтр Абрахаму в июне 1920 года, – а также избалован и испорчен многочисленными подарками из продуктов, сигар и денег, которые люди мне преподносят и которые я должен принимать, поскольку иначе не смогу жить». В декабре 1921-го жизнь, можно сказать, наладилась, и мэтр пригласил Абрахама остановиться у него на Берггассе, 19. Свое приглашение он снабдил соблазнительным примечанием, что у них гостевая комната не только гораздо дешевле гостиничного номера, но еще и отапливается.

Конечно, инфляция съедала все сбережения Фрейда в австрийской валюте[193]. Местные политики больше не вызывали у него симпатий. «Сегодняшние выборы, – писал основатель психоанализа Ката Леви, своей венгерской приятельнице и бывшей пациентке, осенью 1920 года, – принесут с собой реакционную волну, после революционной, в которой тоже не было ничего хорошего. Какой сброд хуже? Конечно, тот, который только что взял верх». В политике Фрейд придерживался центристских взглядов, и в неспокойные послевоенные годы эта позиция была очень ненадежной и рискованной. Неудивительно, что, когда летом 1922-го Эйтингон предложил ему переехать в Берлин, мэтра эта идея не привлекла. «Что касается возможности, что мы должны покинуть Вену, – размышлял он в письме Отто Ранку, – поскольку здесь невозможно жить, а иностранцы,

нуждающиеся в лечении, больше не хотят сюда приезжать, он предлагает нам первое убежище. Будь я на 10 лет моложе, я уже строил бы разнообразные планы вокруг этого переезда».

Бедствия войны сделали большинство детей Фрейда иждивенцами – его иждивенцами. Как он сам признавался Эрнесту Джонсу летом 1919 года, «я отправляю все, что удается сэкономить, своим детям в Гамбург, которых война лишила средств к существованию. Из моих мальчиков только Оливер, инженер, нашел временную работу; Эрнст работает в Мюнхене без жалованья, а Мартин, возвращения которого мы ожидаем через несколько недель, оказался бы на улице, несмотря на все свои медали и награды, если бы не старый отец, который еще работает». Надежды на доходы Оливера тоже были шаткими, поскольку у того имелись проблемы с нервами, что серьезно тревожило отца. Оливер, признавался основатель психоанализа Эйтингону, часто его беспокоил. Несомненно, он нуждался в лечении.

Вне всяких сомнений, финансовым спасением для Фрейда была работа. Иностранцы, которых он приглашал, платили твердой валютой, да еще и наличными. В письме к Леонарду Блумгарту, врачу из Нью-Йорка, который в 1921 году хотел пройти учебный анализ, мэтр установил плату «десять долларов за час (наличными долларами, а не чеками)». Причины он объяснил американскому психиатру и антропологу Абраму Кардинеру, в то время лечившемуся у него: десять долларов, которые он брал за час психоанализа, следовало платить банкнотами, а не чеками, потому что чеки можно лишь обменять на кроны, ежедневно обесценивающиеся. Без пациентов из Англии и Америки, которых Фрейд называл «эти люди Антанты», он не смог бы, как признавался Эрнесту Джонсу, сводить концы с концами. В отличие от «людей Антанты», обладателей долларов и фунтов, больные из Германии или Австрии не были столь желанны: «Теперь у меня четыре свободных часа, – сообщал мэтр Джонсу в начале 1921 года, – и мне не хочется зарабатывать на пациентах из Центральных держав» – Mittelmächtepatients. Он вошел во вкус западной валюты. «На венцах, венграх и немцах больше не проживешь», – признавался основатель психоанализа Ката Леви. Сожалея об этой вынужденной мере, Фрейд просил приятельницу о конфиденциальности: «Не слишком достойное поведение для благородного старика. Такова война». Он был абсолютно откровенен, говоря о своем материальном положении, – в полном соответствии с рекомендациями, которые давал коллегам в статьях по технике лечения.

С изменением состава пациентов главным языком в практике

Фрейда стал английский, к которому он давно испытывал тягу. Именно поэтому, делая ошибки, он так сердился на себя – и на английский язык. Осенью 1919 года мэтр нанял учителя – надо было «отшлифовать мой английский». Результатами занятий он остался недоволен. «Я по 4–6 часов в день слушаю речь англичан и американцев, – отмечал основатель психоанализа в 1920 году, – и должен был добиться большего прогресса в своем английском, но, как оказалось, в 64 учиться гораздо труднее, чем в 16. Я дошел до определенного уровня и был вынужден на нем остановиться». Особенно сильные неудобства причиняли ему те пациенты, которые говорили невнятно или использовали современный сленг. «Меня беспокоит мой английский, – признавался Фрейд Эрнесту Джонсу, обсуждая двух больных, которых тот ему прислал. – Оба изъясняются отвратительными идиомами». Эти пациенты заставили мэтра тосковать по «безукоризненной правильности» Дэвида Форсита, английского врача, недолго работавшего с ним осенью 1919 года и заслужившего его благодарность своей изысканной лексикой и четким произношением.

Лингвистические неудачи, не такие катастрофические, как Фрейд их себе рисовал, превратились в нечто вроде навязчивой идеи. «Я слушаю англичан и говорю с ними 4–5 часов в день, – писал он племяннику в июле 1921-го, – но никогда не выучусь правильно разговаривать на их п…м языке». Вскоре после этого он предложил Леонарду Блумгарту, готовому приехать в Вену на психоанализ, некое условие, словно заранее оправдывался: «Для меня было бы большим облегчением, если бы вы говорили по-немецки; в противном случае вы не должны критиковать мой английский». Эти сеансы на английском языке его так сильно утомляли, признавался мэтр Ференци в конце 1920 года, что вечером он «…уже ни на что не годен». Это обстоятельство беспокоило Фрейда и наводило на размышления. Оказалось, что «5, иногда 6 или 7 часов», когда он слушал английскую речь или говорил по-английски, отнимают столько сил, жаловался Фрейд Ката Леви в конце 1920-го, что он уже не может отвечать на письма по ночам и оставляет эту обязанность на воскресенья.

Тем не менее деньги, которые основатель психоанализа получал за лечение «людей Антанты», позволяли ему отдавать – это доставляло мэтру бо2льшую радость, чем получать. Для человека, который всю жизнь беспокоился, что его дети могут остаться без средств к существованию, он удивительно легко распоряжался с таким трудом заработанными деньгами. Когда осенью 1921 года Лу Андреас-Саломе приняла приглашение посетить его на Берггассе, 19, – они довольно долго не

виделись, – Фрейд осмелился сделать предложение, «связанное с вашей поездкой, без страха быть неправильно понятым». Другими словами, он предлагал при необходимости оплатить фрау Лу проезд. «Благодаря притоку твердой иностранной валюты (американцы, англичане, швейцарцы) я стал относительно богатым». Фрейд тактично заверил Андреас-Саломе, что, взяв у него деньги, она доставит ему удовольствие: «Я тоже хочу что-нибудь получить от этого нового богатства»[194]. Он знал, что ее психоаналитическая практика в Геттингене приносит скудный доход. В начале 20-х годов прошлого века, в очень трудное время для Германии, Фрейд следил за тем, чтобы фрау Лу получала достаточно американских долларов, и эту поддержку она согласилась принять. Летом 1923-го, когда из надежного источника – от своей дочери Анны – Фрейд узнал, что Андреас-Саломе проводит до десяти сеансов психоанализа в день, он по-отечески пожурил «дражайшую Лу», забыв о собственном напряженном графике, которого придерживался многие годы: «Естественно, я расцениваю это как плохо завуалированную попытку самоубийства». Он умолял ее поднять расценки и уменьшить число пациентов. И послал ей еще денег.

Что касается самого Фрейда, он подумывал о том, чтобы не брать всех больных. В 1921-м мэтр говорил Блумгарту, что принимает лишь очень ограниченное число пациентов или учеников, а если точнее, то шестерых, хотя в некоторые месяцы того года, несмотря на усталость, он принимал по десять человек. «Я старик, и у меня есть полное право на спокойный отдых», – писал основатель психоанализа Блумгарту с неким мазохистским удовольствием, как это с ним часто случалось в последнее время, рассуждая о своем преклонном возрасте. Перефразируя немецкую поговорку, что хлеб важнее искусства – Die Kunst geht nach Brot, – он писал Джонсу, что работа пожирает науку. Однако Фрейд не уходил на покой. Он вносил весомый вклад в будущее психоанализа, руководя тем, что обычно называл самоанализом будущих психоаналитиков. И, что еще важнее, несмотря на хаос, царивший как во внешнем мире, так и в его душе, мэтр завершил серьезную переработку своей психоаналитической системы, начатую пять лет назад.

Смерть: теория и практика

Интерес Фрейда к работе, контрастировавший с его заявлениями о приближающемся дряхлении и деградации, стал не просто внутренним ответом на улучшившееся питание, появление новых пациентов и заграничные сигары. Работа была

для основателя психоанализа также способом побороть печаль. Ирония заключалась в том, что после наступления мира мэтру пришлось не раз столкнуться с тем, от чего его почти полностью избавила война, – со смертью. По сравнению с ней материальные трудности казались банальными. В начале 1920 года, выражая сочувствие Джонсу по поводу смерти его отца, Фрейд задавал риторический вопрос: «Вы можете вспомнить время, которое было бы так наполнено смертью, как наше?» Он считал, что старшему Джонсу повезло умереть быстро, не дождавшись, «пока его постепенно сожрет рак». В то же время он осторожно предупреждал Джонса, что того ждут нелегкие времена: «Вскоре вам предстоит понять, что это для вас значит». Фрейд вспомнил, как сам оплакивал отца почти четверть века назад: «Я был примерно в вашем возрасте (43), когда умер мой отец, и это перевернуло мне душу».

Первой смертью среди ближайшего круга Зигмунда Фрейда, хотя и не перевернувшей его душу, стало ужасное самоубийство ученика Виктора Тауска. Основатель психоанализа воспринял ее с медицинским, деловым хладнокровием. Тауск, переключившийся на психоанализ после занятий юриспруденцией и журналистикой, быстро выдвинулся в психоаналитических кругах Вены благодаря нескольким статьям и блестящим вводным лекциям, которые Фрейд особо упомянул в официальном некрологе. Но опыт войны оказался для Тауска непосилен, и мэтр открыто приписывал его душевное расстройство тяготам военной службы. Однако дело было не только в крайней усталости. Тауск любил женщин. Как мы помним, перед войной у него, по всей видимости, случился роман с Лу Андреас-Саломе. Он был разведен, несколько раз обручался с разными дамами и теперь собирался жениться снова. Давно пребывавший в депрессии и все больше терявший рассудок, Тауск обратился за помощью к Фрейду, но получил отказ. Раньше мэтр всегда поддерживал Виктора, как материально, так и морально, но теперь отправил его к Хелен Дойч, своей молодой последовательнице, которая сама проходила у него психоанализ. В результате получился сложный треугольник, из которого не вышло ничего хорошего: Тауск говорил с Дойч о Фрейде, а Дойч говорила с Фрейдом о Тауске. В конечном счете победила депрессия Тауска, и 3 июля 1919 года он с извращенной изобретательностью умудрился одновременно повеситься и застрелиться. «Тауск, – извещал Фрейд Абрахама три дня спустя, – несколько дней назад застрелился. Вы должны помнить его поведение на конгрессе». В прошедшем сентябре в Будапеште у Тауска случился довольно необычный приступ рвоты. «Он был раздавлен прошлым и пережитым на войне; на этой неделе ему

предстояло жениться, но он больше не мог справиться с собой. Несмотря на свой значительный талант, для нас он был бесполезен».

«Этиология» самоубийства Тауска, с таким же хладнокровием писал Фрейд Ференци по прошествии нескольких дней, была «неясной, возможно психологическая импотенция и последний акт его инфантильной битвы с призраком отца». Основатель психоанализа признался, что, «несмотря на признание его талантов», сам он не нашел в себе настоящего сочувствия. Фактически Фрейд ждал почти месяц, прежде чем сообщить Андреас-Саломе о кончине «бедного Тауска», повторив почти слово в слово то, что говорил Абрахаму. Фрау Лу была удивлена новостью, но понимала и в целом разделяла точку зрения мэтра. Андреас-Саломе пришла к выводу, что Тауск был чем-то опасен для Фрейда и для психоанализа. Фрейд сказал ей, как и всем остальным, что Тауск стал для него бесполезен, но, если судить по тому, как основатель психоанализа в своем письме перешел от самоубийства Тауска к собственной работе, ученик после смерти все-таки сослужил ему службу: «Теперь я… наткнулся на странную идею посредством влечений и теперь должен прочесть все, что к ней относится, например Шопенгауэра, – впервые». Вскоре он выскажется на тему смерти, причем не только смерти Виктора Тауска и других людей, но как универсального явления.

Каким был черствым ни казалось отношение Фрейда к своему несчастному, заблудшему ученику, реакция мэтра на другую смерть, Антона фон Фройда, показала, что его чувства нисколько не атрофировались. У фон Фройда случился рецидив рака, как он и опасался. Несчастный умер в Вене в конце января 1920 года в возрасте 40 лет. Памятником ему стали щедрая поддержка психоаналитического движения и особенно издательство. Но фон Фройд был другом Фрейда, а не просто покровителем психоанализа. Мэтр ежедневно навещал его во время болезни и информировал Абрахама, Ференци и Джонса о его неостановимом угасании. В письме, написанном на следующий день после смерти друга, Фрейд признавался Эйтингону: «Для нашего дела это тяжелая потеря, для меня – острая боль, но к которой я мог привыкнуть в течение последних месяцев», когда фон Фройд агонизировал. «Он нес свою безнадежность с героической чистотой, не обесчестил психоанализ» – другими словами, умер так, как умер отец Фрейда, и так, как надеялся умереть сам Фрейд.

Смерть Фройда, хотя ее и можно было предсказать за несколько месяцев, потрясла основателя психоанализа, но еще

бо2льшим потрясением стала внезапная кончина дочери Софи, его «дорогой цветущей Софи», которая умерла через пять дней после Фройда от инфлюэнцы, осложнившейся воспалением легких. Она была беременна третьим ребенком. Софи Хальберштадт была такой же жертвой войны, которая оставила беззащитными перед инфекцией миллионы людей, как и убитый на фронте солдат. «Я не знаю, – писал Фрейд Ката Леви в конце февраля, – вернется ли к нам когда-нибудь радость. Моя бедная жена совсем разбита». Хорошо, что у него слишком много работы и мало времени, «чтобы должным образом оплакивать мою Софи». Со временем основатель психоанализа смог оплакивать дочь так, как считал необходимым, но семья никогда не оправилась от своей потери. Восемь лет спустя, в 1928 году, в письме с соболезнованиями жене Эрнеста Джонса Катарине по поводу смерти ее дочери Марта Фрейд вспомнила о своей утрате: «Прошло уже восемь лет после смерти нашей Соферль, но меня всегда потрясает, когда что-то подобное случается у наших друзей. Да, тогда я была так же разбита, как вы теперь; мне казалось, что чувство безопасности и счастье ушли навсегда». А еще через пять лет, в 1933-м, когда поэтесса Хильда Дулитл (Х. Д.) – одна из основательниц имажинизма – во время психоаналитического сеанса у Фрейда вспоминала последний год войны, мэтр сказал, что запомнил эпидемию из-за смерти любимой дочери. «Она здесь», – сказал он и показал мне крошечный медальон, который носил пристегнутым к цепочке для часов».

Фрейд помогал себе философскими размышлениями и психоаналитическим языком. «Потеря ребенка, – писал он Оскару Пфистеру, – кажется тяжелым нарциссическим ударом; должная печаль, вне всякого сомнения, придет позже». Он не мог вынести «неприкрытую жестокость нашего времени», которая не позволила Фрейдам присоединиться к своему зятю и маленьким внукам в Гамбурге. Поезда не ходили. «Софи, – писал Фрейд, – оставляет двух сыновей, шести лет и тринадцати месяцев, и безутешного мужа, который теперь дорого заплатит за счастье этих семи лет. Это было внутреннее счастье их двоих, а не внешнее: война, вторжение, ранение, разорение не лишили их храбрости и присутствия духа… а завтра ее кремируют, нашего бедного удачливого ребенка!» Фрау Хальберштадт, матери вдовца, основатель психоанализа сказал: «Я знаю, что мать ничем не утешить, а теперь понимаю, что и отца тоже». В прочувствованном письме с соболезнованиями убитому горем зятю Фрейд говорил о «бессмысленном, жестоком поступке судьбы, который лишил нас Софи». Тут некого винить, не о чем

размышлять. «Следует лишь склонить голову под ударом, как беспомощное человеческое существо, с которым играют высшие силы». Он заверил Макса Хальберштадта в неизменности своих чувств и просил считать себя его сыном. И подписался кратко и печально – папа.

Какое-то время Фрейд пребывал в меланхолии. «Это большое несчастье для нас всех, – писал он в Будапешт Лайошу Леви, мужу Ката, – боль для родителей, но сказать тут нечего. Ведь мы знаем, что смерть – это часть жизни, что она неизбежна и приходит, когда захочет. Мы были не очень веселы даже до этой утраты. Конечно, пережить своего ребенка – неправильно. Судьба не соблюдает даже этот порядок старшинства». Конечно, Фрейд бодрился. «Не беспокойтесь за меня, – заверял он Ференци. – Я все тот же, хотя еще больше устал». Несмотря на все страдания, которые принесла ему смерть Софи, она не изменила отношение мэтра к жизни. «Несколько лет я был готов к утрате сыновей; теперь потерял дочь. Поскольку я самый убежденный из атеистов, мне некого винить, и я знаю, что не существует места, где это обвинение можно предъявить». Он надеялся на утешительную силу повседневных занятий, но… «Глубоко внутри я чувствую глубокую нарциссическую травму, которую мне не преодолеть», – признался основатель психоанализа. Он оставался непоколебимым безбожником, решительно не желавшим отказываться от своих убеждений ради утешения. Фрейд предпочитал работать. «Вы знаете о постигшем меня несчастье, и оно действительно угнетает, – писал мэтр Эрнесту Джонсу. – Эту потерю невозможно забыть. Но давайте отвлечемся на секунду, жизнь и работа должна продолжаться, пока мы существуем». Точно так же он держался с Пфистером: «Я работаю столько, сколько могу, и благодарен за это отвлечение».

Основатель психоанализа действительно работал, и это его действительно отвлекало. На первом после войны психоаналитическом конгрессе, который состоялся в Гааге в начале сентября 1920 года, Фрейд прочитал доклад, расширявший и в какой-то степени пересматривавший его теорию сновидений. Это было важное событие: мэтр взял с собой на форум дочь Анну, которая тоже вскоре станет психоаналитиком, а в докладе очертил идею навязчивого повторения, занимавшую важное место в теории, подготавливаемой им к публикации. Конгресс в Гааге стал волнующим воссоединением фрейдистов, которые всего два года назад официально считались смертельными врагами. Было что-то трогательное в этой встрече, когда полуголодных психоаналитиков из побежденных стран потчевали и чествовали на обедах и приемах гостеприимные

голландские хозяева[195]. Англичане, вспоминал Эрнест Джонс, устроили для мэтра и его дочери Анны ланч, на котором фрейлейн Фрейд «произнесла короткую изящную речь на очень хорошем английском». Это было многолюдное и веселое собрание: 62 делегата и 57 гостей. Лишь немногие психоаналитики скатились до шовинизма – американские и английские представители считали совершенно естественным сидеть рядом с немецкими, австрийскими и венгерскими коллегами. Хотя, конечно, в 1920 году встреча в Берлине была бы невозможной, несмотря на энергичные усилия Абрахама. Не подверженные ксенофобии англичане и американцы все еще не испытывали теплых чувств к немцам, но всего через два года по настоянию Абрахама Международная психоаналитическая ассоциация выбрала местом проведения следующего конгресса столицу Германии, и он прошел без каких-либо политических обвинений. Это был последний конгресс, на котором присутствовал Зигмунд Фрейд.

В первые послевоенные годы мэтр писал мало. Из-под его пера вышли статьи о гомосексуальности и о том любопытном явлении, которое его всегда интересовало, – телепатии. Кроме того, он опубликовал три небольшие книги: «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Психология масс и анализ «Я» (1921) и «Я» и «Оно» (1923). Во всех трех работах едва ли наберется больше двухсот страниц, но их объем обманчив – именно они заложили основу структурной модели[196], которой Фрейд оставался верен до конца жизни. Основатель психоанализа разрабатывал эту модель с конца войны, занятый заказом какао и одежды из Англии и проклиная испорченную авторучку. «Где моя метапсихология?» – риторически вопрошал он Андреас-Саломе. «Она остается, – писал мэтр фрау Лу с большей откровенностью, чем когда бы то ни было, – ненаписанной». Фрагментарная природа собственного опыта и спорадический характер идей не позволили ему систематически изложить материал. «Но, – успокаивающе прибавил мэтр, – если я проживу еще десять лет и все это время буду способен работать, если не буду голодать, если меня не изобьют до смерти и если я не буду слишком утомлен несчастьями своей семьи или всего, что меня окружает, – чересчур много условий, – то я обещаю дополнить ее». Первой такой работой станет «По ту сторону принципа удовольствия». Эта тонкая брошюра и еще две, которые за ней последовали, продемонстрировали, почему Фрейд не стал публиковать свою разрекламированную и так долго откладывавшуюся книгу по метапсихологии. Он значительно усложнил и переработал

собственные идеи. Не в последнюю очередь потому, что в них недостаточно места было уделено смерти – а если точнее, он не включил в свою теорию то, что эти идеи должны были сказать о смерти.

Трудно удержаться от искушения и не рассматривать последнюю психоаналитическую модель Фрейда с ее упором на агрессию и смерть как реакцию на пережитые за эти годы страдания. В то время Фриц Виттельс, первый биограф Зигмунда Фрейда, писал: «В 1920 г. [своей работой «По ту сторону принципа удовольствия»] Фрейд удивил нас открытием, что у всех живущих людей помимо принципа удовольствия, который со времен эллинистической культуры называли эросом, существует и другой принцип: все живое стремится к смерти. Выйдя из праха, оно снова желает обратиться в прах. У людей есть не только влечение к жизни, но и влечение к смерти. Когда основатель психоанализа передал это послание внимательному миру, он находился под впечатлением смерти цветущей дочери, которую потерял, пережив тревогу за жизнь ближайших родственников, которые отправились на войну». Это было объяснение упрощенное, но самое правдоподобное.

Фрейд немедленно выразил несогласие с данным выводом. На самом деле он опередил Виттельса на три года: в начале лета 1920-го мэтр попросил Эйтингона и других подтвердить, что они видели черновик «По ту сторону принципа удовольствия» еще до смерти Софи. Теперь, в конце 1923 года, читая написанную Виттельсом биографию, основатель психоанализа признал эту интерпретацию очень интересной: если бы он сам анализировал пациента в подобных обстоятельствах, то провел был параллель «…между смертью моей дочери и ходом мыслей, который я представляю в моей работе «По ту сторону [принципа удовольствия]». Тем не менее, прибавлял Фрейд, это ошибка. «По ту сторону…» была написана в 1919 году, когда моя дочь еще была жива и здорова». Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, он повторил, что отправил практически готовую рукопись своим друзьям в Берлин еще в сентябре 1919-го. «Вероятное не всегда правда». Его возражение имело прочную основу – по ту сторону принципа удовольствия Фрейда заставила заглянуть вовсе не смерть члена семьи. Однако явное желание не оставить в этом никаких сомнений свидетельствует о том, что он не просто надеялся утвердить универсальную истинность своей новой гипотезы. Как бы то ни было, мэтр довольно часто и бесцеремонно выводил общие предположения о работе психики на основе собственного опыта. Можно ли считать случайностью, что термин «влечение к смерти» – Todestrieb – появился в его

переписке через неделю после смерти Софи? Это напоминание, насколько глубоко он был опечален смертью дочери. Понесенная утрата может претендовать на вспомогательную роль – если не в поглощенности темой разрушения, то в значимости самой темы.

Грандиозная бойня 1914–1918 годов, обнажившая человеческую жестокость в кровавых сражениях и воинственных призывах, также вынудила Фрейда уделить больше внимания агрессии. Читая лекцию в Венском университете во время зимнего семестра 1915 года, основатель психоанализа предложил аудитории вспомнить о грубости, жестокости и лицемерии, распространявшихся в цивилизованном мире, и признать, что зло является неотъемлемой частью природы человека. Впрочем, сила агрессии не была для него тайной задолго до 1914-го. Он открыл ее действие в себе самом, в частном порядке в письмах Флиссу и публично в книге «Толкование сновидений». Без письменных признаний Фрейда его желание смерти младшему брату, враждебные эдиповы чувства в отношении отца или потребность иметь врага так и остались бы известными только ему. Но в целом он еще в 1896 году не таясь указывал на самобичевание, характерное для страдающих неврозом навязчивости и связанное с «сексуальной агрессией в детстве». Чуть позже мэтр обнаружил, что агрессивные побуждения являются важным компонентом эдипова комплекса, а в 1905 году в «Трех очерках по теории сексуальности» предположил, что «сексуальность большинства мужчин обнаруживает примесь агрессии». Конечно, в данном отрывке он рассматривал агрессию как присущую только мужчинам, но это были остатки ограниченности, требующие пересмотра. Присутствие агрессии везде, даже в сексуальной жизни, даже у женщин, он осознал за десять лет до начала Первой мировой войны. Или еще раньше? Вовсе не война, справедливо повторял мэтр, сформировала интерес психоанализа к агрессии. Скорее, она лишь подтвердила то, что все время говорили об агрессии психоаналитики[197].

Единственное, что озадачивало Фрейда – как, впрочем, и остальных, – это вопрос, почему он колебался, прежде чем поднять агрессивность до уровня соперницы либидо. «Почему нам самим, – спрашивал он впоследствии, оглядываясь назад, – понадобилось так много времени, прежде чем мы решились признать существование стремления к агрессии?» С некоторым сожалением мэтр вспоминал свою отрицательную реакцию, когда в психоаналитической литературе впервые появилась идея этого влечения, и то, «как долго оно сохранялось, пока я не стал восприимчив к ней». Он имел в виду доклад блестящего русского аналитика Сабины Шпильрейн в 1911-м на одном из собраний по

средам в квартире на Берггассе, 19, а также ее новаторскую статью «Деструкция как причина становления» год спустя[198]. В то время Фрейд просто не был готов.

Его нерешительность, вне всяких сомнений, имела и другие причины. Сам факт, что не кто иной, как Адлер, впервые выдвинул понятие мужского протеста, хотя его формулировка значительно отличалась от более поздней формулировки Фрейда, мешал основателю психоанализа принять идею деструктивного влечения. Аналогичным образом утверждение Юнга, что он предвосхитил Фрейда, сказав о направленности либидо не только на жизнь, но и на смерть, не ускоряло признание последнего. Скорее всего, у этой нерешительности имелся и личный аспект. Возможно, сие был защитный маневр, который мэтр применил для подавления собственной агрессивности. Фрейд винил современную культуру в том, что она отвергает все низкое в человеческой природе, которое делает агрессию фундаментальным влечением. Возможно. Но его собственные колебания больше похожи на некую проекцию, когда он приписывал свое сопротивление другим.

Несмотря на то что ежедневная ужасающая демонстрация человеческой жестокости обострила новые формулировки Фрейда, в намного большей степени изменение классификации влечений обусловлено внутренними проблемами теории психоанализа. Статья его основателя о нарциссизме, как мы видели, выявила несостоятельность более раннего разделения влечений на сексуальные и эгоистические. Но ни эта работа, ни последующие не предложили более удовлетворительную схему. Тем не менее у Фрейда не было намерения превращать либидо в универсальную энергию, в чем он обвинял Юнга. Не хотел он также дополнять либидо универсальной агрессивной силой, которая, как утверждал мэтр, стала фатальной ошибкой Адлера. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд открыто отверг «монистическую» теорию либидо Юнга и противопоставил ей собственную «дуалистическую» концепцию.

Основатель психоанализа оставался твердым дуалистом по причинам врачебного, теоретического и эстетического характера. Истории болезни его пациентов щедро подтверждали точку зрения Фрейда, что психическая деятельность фактически состоит из конфликтов. Более того, само понятие вытеснения, этот краеугольный камень теории психоанализа, предполагает фундаментальное разделение в психических процессах: Фрейд отделял вытесняющие энергии от вытесняемого материала. Наконец, его дуализм имеет неуловимый эстетический аспект.

Нельзя сказать, что мэтр был заворожен картиной двух яростных фехтовальщиков, которые наносят друг другу смертельные удары. Его анализ эдипова треугольника, например, показывает, что Фрейд был способен отбрасывать крайности, когда этого требует наглядность, но феномен драматических противоположностей, похоже, дал ему чувство удовлетворения и законченности. Его работы изобилуют столкновениями активного и пассивного, мужского и женского, любви и голода, а теперь, после войны, жизни и смерти.

Конечно, изменения, которые Фрейд вносил в свои теории, не мешали ему сохранять суть собственных довоенных обобщений о структуре и работе психики. Как в то время жаловались психоаналитики – и продолжают жаловаться до сих пор! – Фрейд редко в подробностях объяснял смысл своих исправлений. Он не указывал, что именно отбросил, что модифицировал, а что оставил неизменным в своих предыдущих формулировках, а вместо этого предоставлял читателям самим совмещать на первый взгляд несовместимые заявления[199]. Однако не может быть никаких сомнений, что корректировки, которые мэтр предложил в работе «По ту сторону принципа удовольствия», оставили незыблемым традиционное психоаналитическое распределение мыслей и желаний в соответствии с расстоянием от сознания. Знакомое трио бессознательного, предсознательного и сознательного сохранило свою значимость. Тем не менее новая карта структуры психики, которую Фрейд составил в период с 1920 по 1923 год, включила в область психоанализа обширные и до той поры непредвиденные регионы функционирования психики, а также ее нарушений. Возможно, самым волнующим был доступ, который исправления основателя психоанализа открывали к аспекту психики, по большей части игнорируемому, неточно называемому и почти не понимаемому, – «Я». С психологией «Я», которую Фрейд разработал после войны, он мог еще ближе подойти к реализации своей давней мечты: очертить общую психологию, которая будет распространяться за пределы ее первой, ограниченной области обитания, в нормальную работу психики.

«По ту сторону принципа удовольствия» – сложная работа. Сам текст, как всегда, четкий и ясный, но насыщенность новыми необычными идеями, изложенными очень сжато, становится препятствием для быстрого понимания. Но еще более необычными выглядят полеты фантазии Фрейда, такие свободные, каких до сих пор в его трудах не было. Уверенное оперирование клиническим опытом, которым отмечено

большинство статей мэтра, даже исключительно теоретических, здесь выражено слабо, если не отсутствует вообще[200]. Еще больше запутывает ситуацию тот факт, что основатель психоанализа снова прибегает к своим обычным утверждениям, что он ни в чем не уверен. «Меня могли бы спросить, – пишет он ближе к концу статьи, – убежден ли я сам, и если да, то насколько, в истинности развиваемых здесь предположений. Я ответил бы, что и сам не убежден и не склоняю к вере других. Точнее: я не знаю, насколько верю в них». Фрейд немного лукавит, утверждая, что предается этому ходу мыслей «исключительно из научной любознательности, или, если угодно, в роли advocatus diaboli[201], который сам черту все же не продается».

В то же время основатель психоанализа заявлял, что доволен тем, что два из трех последних прорывов в теории влечений – расширение понятия сексуальности и введение понятия нарциссизма – представляют собой «непосредственный перевод наблюдений в теорию». Однако третий прорыв – утверждение о регрессивном характере влечений, очень важное для нового дуализма Фрейда, – казался гораздо менее надежным, чем два других. Но даже тут мэтр утверждал, что в его основе лежат материалы наблюдений. «Правда, я, может быть, переоценил их значение». Тем не менее он полагал, что следует принять во внимание и «умозрительные» построения, и отзывы, которые они получили, иногда восторженные, хотя гораздо чаще насмешливые. В начале весны 1919 года, когда Фрейд закончил черновик статьи и собирался отправить его Ференци, он заметил, что немало развлек себя этой работой. Его последователи к этому «развлечению» не присоединились.

«По ту сторону принципа удовольствия» начинается общими словами, затем углубляется в теорию психоанализа: «Течение психических процессов автоматически регулируется принципом удовольствия». Впрочем, по размышлении – с учетом того, что многие психические процессы генерируют неудовольствие, – через две страницы Фрейд несколько смягчает свое категорическое суждение: «В душе существует устойчивая тенденция к проявлению принципа удовольствия». Изменяя формулировки, основатель психоанализа подходил к главной цели этой статьи – пытался показать, что в психике существуют фундаментальные силы, которые последовательным образом сводят на нет принцип удовольствия. В пример он приводил принцип реальности, который имел возможность отсрочить и запретить нетерпеливое желание немедленного удовлетворения.

Само по себе это изменение формулировки не представляет

трудностей для традиционного психоанализа – как и утверждение Фрейда, что действующие внутри человека конфликты, особенно по мере созревания психического аппарата, скорее «производят» неудовольствие, чем удовольствие. Несколько примеров, которыми основатель психоанализа поддерживает это положение, никак не назовешь распространенными либо очень вескими, однако он считает их доказательствами или по крайней мере убедительными свидетельствами существования психических сил «за пределами» принципа удовольствия, о которых раньше не подозревали. Один из таких примеров, шутливый и вряд ли убедительный, стал знаменитым: игра fort-da, которой развлекал себя полуторагодовалый внук Фрейда, старший сын Софи. Несмотря на сильную привязанность к матери, маленький Эрнст Вольфганг Хальберштадт был «хорошим» мальчиком и никогда не плакал, когда она ненадолго оставляла его. Малыш играл сам с собой в загадочную игру. Он брал деревянную катушку с намотанной на нее бечевкой, бросал ее за край кроватки и издавал звук «О-о-о-о», который мать и дедушка истолковывали как fort – «уходи». Потом мальчик вытягивал катушку за бечевку и приветствовал ее появление радостным da – «вот». Собственно, все. Фрейд истолковал сие занятие как средство справиться с неприятным переживанием: малыш перешел от пассивного принятия ухода матери к активному воспроизведению ее исчезновения и возвращения. А возможно, он мстил матери – практически выбрасывал ее, словно больше в ней не нуждался.

Игра внука навела Фрейда на размышления. Почему маленький мальчик все время повторяет неприятную для себя ситуацию? Основатель психоанализа не спешил делать выводы на основе одного случая, иллюстрируя известную присказку психоаналитиков: не обобщать из одного случая, обобщать из двух! Но, несмотря на фрагментарность и загадочность материала, который Эрнст Хальберштадт предоставил своему деду, малыш заставил задуматься, действительно ли так велико влияние на психику принципа удовольствия, как предполагали психоаналитики.

Другие факты были еще более убедительными, по крайней мере для Фрейда. В процессе психоаналитического лечения аналитик стремится к тому, чтобы пациент осознал неприятные, зачастую травматические детские переживания или фантазии, вытесненные в бессознательное. Но каким-то извращенным образом сам акт вытеснения и сопротивление больного устранению этого вытеснения подчиняются принципу удовольствия. Какие-то вещи забыть легче, чем вспоминать. Но в тисках переноса, отмечал мэтр, многие пациенты вновь и вновь

возвращаются к переживаниям, которые никак не могут быть приятными. Конечно, психоаналитики поощряют их свободно говорить обо всем, чтобы превратить бессознательное в сознательное, но иногда здесь вступает в дело нечто более мучительное, настойчивое желание повторить неприятное переживание. Фрейд заметил один вариант этого монотонного, деструктивного повторения неудовольствия у пациентов с так называемым неврозом судьбы, с которыми снова и снова повторяются одни и те же несчастья.

Основатель психоанализа, который в этой работе использовал меньше клинического материала, чем в других, проиллюстрировал сей невроз сценой из романтического эпоса Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Главный герой, Танкред, сам того не ведая, убивает свою возлюбленную Клоринду, сражавшуюся с ним в доспехах вражеского рыцаря. После ее похорон Танкред попадает в зловещий лес и рубит мечом дерево, но из раны дерева струится кровь. Он слышит голос Клоринды, душа которой переселилась в дерево, и этот голос обвиняет его, что он снова ранил возлюбленную. Поведение таких невротиков, а также навязчивые повторения у пациентов, которые лечились от военных неврозов, были для Фрейда аутентичными исключениями из всевластия принципа удовольствия. Навязчивое повторение, которым обусловливались эти неврозы, не приносит никакого удовольствия. И действительно, отмечал мэтр, пациенты с таким навязчивым состоянием делают все возможное, чтобы подробно останавливаться на страданиях и травмах, а также прервать анализ до его завершения. Они стремятся найти свидетельства, что их презирают. Разрабатывают фантастические планы, гарантирующие разочарование. Складывается впечатление, что эти люди так и не поняли, что все эти навязчивые повторения не приносят удовольствия. В их поведении есть что-то «демоническое».

Слово «демоническое» не оставляет сомнений в стратегии Фрейда. Он рассматривал навязчивое повторение как самую примитивную психическую деятельность, в наивысшей степени демонстрирующую «инстинктивный» характер. Повторение, о котором просит ребенок, – рассказать сказку точно так же, как в прошлый раз, слово в слово, – явно доставляет удовольствие, но беспрерывное воспроизведение пугающего опыта или детских катастроф в процессе аналитического переноса подчиняется другим законам. Оно должно обусловливаться фундаментальной потребностью, независимой от жажды удовольствия и зачастую конфликтующей с ней. Таким образом, основатель психоанализа

логически подводил к открытию, что некоторые влечения по крайней мере консервативны. Они подчиняются желанию не новизны и нового опыта, а, наоборот, восстановления предыдущего, неорганического состояния. Иначе говоря, «цель всякой жизни есть смерть». Жажда власти, как и другие кандидаты на статус примитивного влечения, с которыми мэтр экспериментировал на протяжении многих лет, теперь потеряли свою значимость. Остается признать: «организм лишь хочет умереть по-своему». Фрейд пришел к теоретическому понятию влечения к смерти.

Искусно признаваясь в своих колебаниях, он объявляет сделанный вывод сомнительным: «Но задумаемся – ведь этого не может быть!» Невозможно представить, что жизнь – всего лишь подготовка к смерти. Сексуальные влечения доказывают, что это невозможно: они слуги жизни. Эти влечения удлиняют дорогу к смерти и в конечном счете стремятся к своего рода бессмертию. Таким образом, психика представляет собой поле боя. Сделав это заявление, Фрейд в поисках подкрепляющих доказательств с удовольствием углубляется в дебри современной биологии и даже философии. Вспомним, что он писал своей приятельнице Лу Андреас-Саломе летом 1919 года: влечения натолкнули его на странную идею и он читает самых разных авторов, включая Шопенгауэра. Результатом стало представление о двух первичных агрессивных силах психики, Эросе и Танатосе, которые сошлись в никогда не прекращающейся схватке.

В 1920 году Фрейд, по всей видимости, немного сомневался, действительно ли он верит в сию величественную картину битвы, которую сам нарисовал, но постепенно утвердился в этом дуализме, призвав на помощь всю свою энергию. И красноречиво защищал его, столкнувшись с сопротивлением коллег-психоаналитиков. «Вначале, – вспоминал мэтр впоследствии, – я отстаивал развиваемые здесь идеи только для опыта, но с течением времени они обрели надо мною такую власть, что я уже не мог думать иначе». В 1924-м в статье «Экономическая проблема мазохизма» Фрейд говорил об этой модели довольно небрежно, как будто в ней не было ничего противоречивого, и оставил ее неизменной до конца жизни. Она присутствует в посмертном «Очерке о психоанализе» 1940 года, в «Недовольстве культурой» 1930-го и в «Новом цикле лекций по введению в психоанализ», написанных три года спустя. Речь не шла о «противопоставлении оптимистической теории жизни пессимистической; только взаимодействие и противодействие обоих первичных влечений – эроса и влечения к смерти – объясняют разнообразие жизненных явлений, но ни одно из них

по отдельности». При этом, несмотря на убежденность в своей правоте, Фрейд совсем не был догматиком. «Естественно, – писал он Джонсу в 1935 году, снова вспоминая противостояние жизни и смерти, – все это туманное предположение, пока кто-то не предложит что-нибудь лучшее». Неудивительно, что, даже с учетом авторитета Фрейда, с ним согласилось не все психоаналитическое движение.

Обсуждая новую теорию инстинктивного дуализма мэтра, психоаналитики опирались на разграничение, которое основатель движения проводил между безмолвным влечением к смерти, стремящимся низвести живое существо до состояния неорганической материи, и показной агрессивностью, с какой они встречались и какую ежедневно выявляли в своей клинической практике. Практически без исключений они могли принять гипотезу, что агрессивность является неотъемлемой чертой человека: не только войны и грабежи, но и злые шутки, завистливая клевета, семейные ссоры, спортивные состязания, экономическая конкуренция – а также распри среди психоаналитиков! – подтверждают широкое распространение агрессии в мире, питаемой, по всей видимости, неиссякаемым потоком инстинктивных влечений. Но совсем другое дело для большинства психоаналитиков – идея Фрейда о скрытом примитивном стремлении к смерти, первичном мазохизме. Они считали, что у нее недостаточно доказательств из области как психоанализа, так и биологии. Разграничивая влечение к смерти и чистую агрессию, мэтр позволил своим сторонникам разъединить их, отвергнуть его эпическую картину битвы Танатоса и Эроса, но одновременно сохранить концепцию двух противоборствующих влечений[202].

Зигмунд Фрейд понимал, на какой риск идет, и нисколько не жалел об этом. В работах последних лет, отмечал основатель психоанализа в «Жизнеописании», написанном в 1925 году, он поддался своей долго сдерживаемой склонности к спекулятивному мышлению. Время покажет, найдет ли применение эта новая конструкция, прибавил мэтр. Он стремился дать ответ на главные теоретические загадки психоанализа, но попутно, как сам признавался, выходил далеко за его пределы. Несмотря на то что коллеги могли не понимать эти экскурсы в самые разные области, Фрейд приветствовал их как достижения своей науки и, между прочим, как доказательство сохраняющейся живости собственного ума. «Если научный интерес, который в настоящее время спит во мне, со временем проснется, – писал он Эрнесту Джонсу осенью 1920 года после публикации книги «По ту сторону принципа удовольствия», – то я смогу еще внести вклад в

нашу неоконченную работу». К его немалому удивлению и даже сожалению, работа пользовалась определенным успехом. «Что касается «По ту сторону…», – сообщал он Эйтингону в марте 1921-го, – я за нее достаточно наказан; она очень популярна, принесла мне массу писем и похвал. Должно быть, я написал там что-то очень глупое». Вскоре Фрейд ясно дал понять, что эта тонкая книжица – всего лишь первая часть более основательного начинания.

Эрос, «Я» и их враги

Возможно, энергия Фрейда не угасла, однако он не был машиной для сочинения. Ему приходилось ждать вдохновения, чтобы свободно выражать свои мысли. «Я здесь среди редких красот Альп, – писал мэтр Эрнесту Джонсу из Бадгастайна в августе 1920 года, – довольно усталый, жду благотворного влияния радиоактивной воды и чудесного воздуха. Я привез с собой материал по психологии масс и анализу «Я», но моя голова пока упорно отказывается проявлять интерес к этим серьезным проблемам». Основатель психоанализа работал над ними уже несколько месяцев, медленно, с перерывами. Но когда в голове у него прояснилось, «Психология масс…» стала быстро продвигаться. В октябре ученики Фрейда в Берлине читали черновик, а в начале 1921 года он принялся за окончательный вариант. «Я очень занят, – писал мэтр Джонсу в марте. – Полным ходом идет работа над брошюрой по психологии масс». Примечательно, что у него имелись сомнения относительно сей «брошюры». Отправляя один ее экземпляр Ромену Роллану, Фрейд с помощью самокритики пытался предвосхитить критику: «Не то чтобы я считал эту работу особенно удачной, но она указывает путь от анализа личности к пониманию общества».

В этом предложении сформулирована главная цель статьи «Психология масс и анализ «Я». Фрейд углубился в статьи и монографии, которые специалисты по психологии толпы, от Гюстава Лебона до Уилфреда Троттера, публиковали последние 30 лет, и использовал их как стимул для собственных размышлений. Хотя в конечном счете его «Тотем и табу» оказал на заключительные выводы большее влияние, чем «Психология народов и масс» Лебона, Фрейда интересовал вопрос, что сплачивает группы помимо явного и рационального мотива личной выгоды. Ответ неизбежно уводил его в область социальной психологии, но больше всего в «Психологии масс…» привлекает внимание свободное приложение идей психоанализа к объяснению социальных связей. «Различие между

индивидуальной психологией и социальной психологией (или психологией масс), – начинает Фрейд свою работу, – на первый взгляд кажущееся нам столь значительным, при ближайшем рассмотрении теряет почти всю остроту». И действительно, «в психической жизни одного человека другой всегда учитывается как образец, как объект, как помощник и как противник, а потому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и психологией социальной».

Утверждение расплывчатое, но с точки зрения психоаналитика абсолютно логичное. Конечно, в 20-х годах XX века, как и в последнее десятилетие XIX столетия, Фрейд был готов признать вклад биологического аспекта в состояние души. Но для его социальной психологии важнее то, что, заявляя о единой сути психологии отдельного человека и психологии масс, мэтр дает понять, что психоанализ, несмотря на свой бескомпромиссный индивидуализм, не способен объяснить внутреннюю жизнь человека без учета реалий внешнего мира. С момента рождения младенца бомбардирует влияние других людей, причем в детские годы такое влияние постоянно расширяется и становится многообразнее. В этот период ребенок развивается под воздействием поощрения и пренебрежения, похвал и обвинений, достойного и недостойного примера окружающих. Формирование характера, невротические симптомы, конфликты, в основе которых лежат любовь и ненависть, являются компромиссами между внутренними побуждениями и внешним давлением.

Вот почему, полагал Фрейд, специалист по социальной психологии при анализе сил, удерживающих группы людей, должен в конечном счете вернуться к изучению психических свойств индивидуума, именно тех, которые интересовали психоаналитиков на протяжении четверти века. «Отношение отдельного человека к своим родителям, к братьям и сестрам, к объекту своей любви, – писал мэтр, – к своему учителю и к своему врачу, то есть все отношения, которые до сих пор были преимущественно предметом психоаналитического исследования, могут претендовать на то, чтобы их расценивали как социальные феномены». Разумеется, групповое поведение имеет свои характерные особенности; Фрейд соглашался с Лебоном, что толпа более нетерпима, более иррациональна, более аморальна, более бессердечна и, главное, более свободна, чем отдельный человек. Но толпа, будучи толпой, ничего не создает. Она только освобождает, искажает, преувеличивает черты отдельных людей, ее составляющих. Следовательно, без понятий, разработанных психоаналитиками для личности, – идентификация, регрессия,

либидо – никакое социально-психологическое объяснение не может быть полным; оно неизбежно останется поверхностным. Другими словами, психология толпы, а вместе с ней и вся социальная психология является вторичной по отношению к психологии личности. Это и есть отправной пункт Фрейда, которого он упорно придерживался.

Таким образом, экскурс основателя психоанализа в коллективную психологию на практике демонстрирует универсальное значение теории его учения. В этом отношении Фрейд радикально расходился с предыдущими исследователями организаций, масс и толпы. Исследователи психологии масс в большинстве своем были любителями, причем любителями предвзятыми – людьми с определенной миссией. Ипполит Тэн, который проанализировал революционную толпу в своей истории Великой французской революции, являлся литературным критиком. Эмиль Золя, сделавший массы главным действующим лицом «Жерминаля», романа о забастовке шахтеров, был плодовитым писателем и журналистом. Гюстав Лебон, работы которого по социальной психологии пользовались наибольшей популярностью, являлся разносторонним популяризатором современной науки. Только хирург Уилфред Троттер мог претендовать на определенные профессиональные знания в области психологии. Будучи близким другом Эрнеста Джонса, затем женившись на его сестре, Троттер стал хорошо информированным и критически настроенным читателем работ по психоанализу.

Все эти публицисты увлеклись психологией масс, наблюдая за тем, что они считали разнузданным поведением современной толпы. Для Троттера, писавшего о «стадном инстинкте» во время войны, эта толпа оказалась немецкой. Его вышедшая в 1916 году «толковая» книга «Стадный инстинкт во время войны и в мирное время», с сожалением отмечал Фрейд, «не сумела полностью избежать антипатий, вызванных последней великой войной». Ранее Золя, который явно не был реакционером, оплакивавшим навсегда ушедшее доброе старое время, описал толпы возбужденных, зачастую агрессивных забастовщиков как взрывоопасную смесь угрозы и надежды. Его предшественники и современники высказывались более определенно: они писали для того, чтобы предупредить, а не радоваться. Для них массы, особенно возбужденные, были мстительным, кровожадным, пьяным, иррациональным феноменом современности – демократией в действии. Фрейд не любил тех, кого называл тупыми простолюдинами – das blöde Volk. Его старомодный либерализм имел аристократический оттенок. Тем не менее при

работе над книгой о психологии масс основатель психоанализа не думал о политике. Это был пример применения собственного учения.

Как практикующий психоаналитик, Зигмунд Фрейд считал, что группа, масса или толпа, неустойчивая либо стабильная, удерживается вместе распределенными сексуальными чувствами – либидо «с вытесненным мотивом» – подобно страстям, которые объединяют семью. «Любовные отношения (выражаясь индифферентно: эмоциональные связи) составляют сущность также и массовой души». Эти эротические связи соединяют членов группы в двух направлениях – по вертикали и по горизонтали. В «искусственных массах», писал мэтр, более подробно рассматривая армию и Церковь, «каждый отдельный человек либидинозно связан, с одной стороны, с вождем (Христом, полководцами), с другой стороны – с другими массовыми индивидами». Сила этих двойных связей объясняет регрессию индивидуума, когда он присоединяется к толпе: здесь он может безопасно отбросить приобретенные запреты. Для Фрейда из этого следует, что, поскольку эротические взаимоотношения создают массу, неудача этих отношений приводит к ее распаду. В этом он расходился со специалистами по социальной психологии, которые считали панику причиной ослабления связей внутри групп. Наоборот, утверждал мэтр, паника возникает только после ослабления либидинозных связей.

Эти вытесненные эротические союзы также объясняют, почему коллективы, которые сковывают своих членов цепями любви, в то же время исполнены ненависти к чужакам. Будь то маленькая семейная ячейка или большая группа (которая на самом деле есть расширенная семья), любовь в ней ограниченна и сопровождается, словно тенью, чувством ненависти. «По свидетельству психоанализа, любая тесная и продолжительная эмоциональная связь между двумя людьми – брачные отношения, дружба, отношения между родителями и детьми, родительское и детское чувство – содержит осадок отвергающих, враждебных чувств, который ускользает от восприятия лишь вследствие вытеснения». Таким образом, отмечает Фрейд, религия никогда не теряет возможности критиковать тех, кого не относит к истинно верующим; «религия, хотя она и называет себя религией любви, должна быть жестокой и немилосердной к тем, кто к ней не принадлежит».

«Психология масс…» Фрейда, рассматривая новые пути анализа психики в обществе, выдвигает предположения, которые еще не были до конца изучены. Но удивительная краткость, с которой основатель психоанализа касается сложных вопросов

социального объединения, придает исследованию оттенок импровизации. В послесловии, упоминая довольно пестрый материал, который он не смог включить в основную часть очерка, мэтр подчеркивает его умозрительный и переходный характер. Во многих отношениях «Психология масс…» Фрейда перекликается с более ранними исследованиями, такими как «Тотем и табу» и «По ту сторону принципа удовольствия». Впрочем, это также шаг вперед. В одобрительной рецензии, опубликованной в 1922 году, Ференци выделил как особенно оригинальный момент сделанное Фрейдом сравнение одержимости с гипнозом. Но что самое главное, Ференци считал, что «вторая главная инновация» основателя психоанализа лежит в области психологии индивидуума, в его «открытии новой стадии развития «Я» и либидо». Фрейд начинал дифференцировать стадии развития «Я» и отмечать его тесное взаимодействие с «Я-идеалом» – «Сверх-Я», как вскоре он его назовет. Экскурс мэтра в социальную психологию был репетицией более решительных заявлений относительно «Я», но до них оставалось еще два года.

В ретроспективе работа «Я» и «Оно», опубликованная в 1923 году, представляется неизбежной кульминацией пересмотра своих идей, которую Фрейд начал десятилетием раньше и ускорил после войны. В июле 1922-го он сказал Ференци, что занят одной умозрительной работой, продолжением «По ту сторону принципа удовольствия», и благоразумно прибавил: «Она выльется в маленькую книгу или ни во что». В следующем месяце он сообщил Отто Ранку: «Я отдохнул и настроен на работу. Я пишу о том, что называет себя «Я» и «Оно». Это «будет всего лишь статья или даже маленькая брошюра, вроде «По ту сторону [принципа удовольствия]», фактически ее продолжение». Но в характерной для себя манере Фрейд ждал вдохновения, чтобы идти дальше. «В черновике я продвинулся достаточно далеко, а все остальное ждет настроения и идей, без которых не может быть завершено». Небрежные и осторожные намеки мэтра позволяют взглянуть на его метод работы. Он писал самый главный текст нескольких десятилетий и все же был не уверен, когда и как закончит его, – и в такой же степени не уверен, будет это просто краткая статья или, возможно, нечто вроде книги «По ту сторону принципа удовольствия».

Поначалу работа «Я» и «Оно» вызвала у психоаналитиков некоторое недоумение, однако почти не встретила сопротивления и по большей части была одобрена. Это неудивительно. Она согласовывалась с их клиническим опытом и углубляла его, а разделение психики на три части – «Оно», «Я» и «Сверх-Я» –

предлагало гораздо более подробный и понятный анализ структуры и работы психики, чем предшествующие теории. И лишь утверждение Фрейда, что идею «Я» и «Оно» он позаимствовал у Гроддека, вызвало легкий протест.

Георг Гроддек, самозваный «дикий» аналитик, относился к тем энтузиастам, которых в огромном количестве притягивал к себе психоанализ. Такие, как он, угрожали разрушить репутацию солидных и ответственных врачей, которой добивались психоаналитики. Фрейд считал его склонным к преувеличению, стандартизации и некоторому мистицизму. Возглавлявший санаторий в Баден-Бадене Гроддек обращался к понятиям психоанализа – инфантильная сексуальность, символизм, перенос, сопротивление – еще в 1909 году, зная о Фрейде лишь понаслышке. Затем, в 1912-м, ничуть не лучше информированный, он написал книгу, в которой резко критиковал психоанализ. Перемена взглядов произошла у него год спустя: прочитав «Психопатологию обыденной жизни» и «Толкование сновидений», Гроддек был потрясен. То, что он выдавал за свои идеи, другие сформулировали раньше и лучше. В 1917 году во взволнованном письме Фрейду, долго откладываемом знаке его «запоздалой искренности», Гроддек признавал все свои ошибки и решительно заявлял, что с этих пор будет считать себя его учеником.

Основатель психоанализа был польщен и, несмотря на скромные возражения Гроддека, принял его в ряды психоаналитиков. Необычное поведение последнего не уменьшало удовольствие Фрейда от общения с ним. Мэтра подбадривали живость Гроддека, его стремление к оригинальности и неистовость. Впрочем, временами он испытывал границы терпения своих новых коллег. На конгресс психоаналитиков в Гааге в 1920 году Гроддек привез любовницу, а доклад, который там прочитал, начал словами, которые все запомнили надолго: «Я «дикий» аналитик». Гроддек, должно быть, прекрасно знал, что именно такими не хотели быть присутствующие в зале – или, по крайней мере, выглядеть. Его доклад действительно был каким-то несуразным, диким. Это оказалась хаотичная свободная ассоциация, посвященная тому, что впоследствии станут называть психосоматической медициной. По утверждению Гроддека, заболевания тела, даже близорукость, представляют собой просто физические проявления бессознательных эмоциональных конфликтов и поэтому поддаются лечению психоанализом. В принципе психоаналитики почти не спорили с подобными взглядами, только выраженными не так откровенно. Как бы то ни было, конверсионные симптомы

истерии, этого классического невроза в практике психоанализа, свидетельствовали в пользу общей позиции Гроддека, но он говорил несвязно, абсолютно неубедительно, как энтузиаст, и у него нашлось совсем немного защитников. Впрочем, и среди них был Фрейд. Потом мэтр спросил Гроддека, хотел ли он, чтобы его выступление восприняли серьезно, и тот заверил основателя психоанализа, что хотел.

У Гроддека были припасены и другие трюки. В начале 1921 года он подтвердил свой статус «дикого» психоаналитика, выпустив с помощью издательства Фрейда «психоаналитический роман» «Поиск души». Это удачное название придумал Ранк. Сам мэтр прочитал рукопись и остался доволен. Ференци, который близко сошелся с Гроддеком, тоже. «Я не литературный критик, – писал он в рецензии на книгу, помещенной в Imago, – и не считаю себя достойным оценивать эстетические достоинства романа. Но я убежден, что не может быть плохой книга, у которой получается, как у этой, захватить читателя и не отпускать с начала и до конца». Большинство психоаналитиков, коллег Фрейда, были более суровы. Эрнест Джонс презрительно назвал роман «пикантной книгой с несколькими вульгарными пассажами». Пфистер негодовал. Психоаналитики, эти заклятые враги респектабельности, похоже, в каком-то смысле стали ее жертвами и одновременно поборниками. Фрейд оставался тверд и сожалел, что Эйтингон безразличен к Гроддеку. «Он немного фантаст, – признавал мэтр, – но оригинальный парень с редким даром понимания. Я бы не хотел с ним расставаться». Год спустя основатель психоанализа говорил Пфистеру, что по-прежнему «энергично защищает Гроддека от вашей респектабельности. Что бы вы сказали, будь вы современником Рабле?». Но переубедить оппонента оказалось нелегко. Он любит свежее масло, говорил Пфистер Фрейду в марте 1921 года, но Гроддек очень часто напоминает ему масло прогорклое. Как бы то ни было, он знает разницу между Рабле и Гроддеком: первый был сатириком и не претендовал на звание ученого, тогда как второй уподобляется хамелеону, мечась между наукой и беллетристикой. Это смешение жанров Пфистер и все остальные находили чрезвычайно неприятным.

Конечно, Гроддек был для Фрейда не просто привилегированным шутом, который вносил яркие краски в слишком серьезную профессию. Примерно в то время, когда Гроддек опубликовал свой «Поиск души», он начал работать над книгой, которая должна была собрать все новые учения по психосоматической медицине и изложить языком, понятным обычному человеку. Работа задумывалась как серия писем

восприимчивой подруге. Закончив несколько глав, Гроддек отсылал их Фрейду, который получал удовольствие от плавности и музыкальности слога. «Пять писем очаровательны», – писал основатель психоанализа Гроддеку в апреле 1921 года. Письма были не просто очаровательными – они были революционными. Пересыпая свой текст явными анекдотами и выдумками насчет беременности и родов, мастурбации, любви и ненависти, Гроддек снова и снова возвращался к понятию «Оно», которое придумал несколько лет назад. Этот невинно звучащий термин, позаимствованный у Ницше, должен был охватывать более широкий спектр явлений, чем психоаналитики обычно приписывали области бессознательного. «Я считаю, – заявлял Гроддек во втором письме, – что человек одушевлен Неизвестным, чудесной силой, управляющей одновременно и его поступками, и событиями его жизни. Высказывание «я живу» верно лишь в условном смысле, оно выражает лишь малую и поверхностную часть фундаментального принципа: «В человеке живет «Оно».

Фрейд иногда мыслил примерно так же, хотя и не точно. В апреле 1921 года в письме Гроддеку он проиллюстрировал свой осторожный новый взгляд на «Я» небольшим рисунком структуры психики и заметил: «В своей глубине «Я» также глубоко бессознательно и по-прежнему следует вместе с ядром вытесненного». Тот факт, что два года спустя мэтр вставил в книгу «Я» и «Оно» исправленный вариант этого рисунка, свидетельствует о том, как долго созревали у него идеи. Но эти ощущения открыли дорогу к окончательному формированию взглядов Зигмунда Фрейда на психику.

Тем не менее «Оно» Фрейда существенно отличалось от понятия Гроддека[203]. Еще в 1917 году основатель психоанализа писал Лу Андреас-Саломе, что «Оно» Гроддека «больше нашего бессознательного, не четко отделено от него, но за ним стоит нечто реальное». Разница стала заметнее в начале 1923-го, когда Гроддек опубликовал книгу «Оно», а несколько недель спустя из печати вышла работа Фрейда «Я» и «Оно». Прочитав краткое и четкое изложение мэтром его новых взглядов, Гроддек был немного разочарован и довольно сильно раздражен. В письме основателю психоанализа он образно называл себя плугом, а Фрейда – крестьянином, который использует этот плуг. «В одном отношении мы вместе – мы взрыхляем почву. Но вы хотите сеять и, если позволят Бог и погода, собрать урожай». В частных беседах он был менее доброжелателен и называл книгу Фрейда милой, но непоследовательной. В целом он видел в ней попытку использовать идеи, позаимствованные у Штекеля и у него самого.

«При всем при том его «Оно» имеет лишь ограниченную ценность, для неврозов. Он делает шаг в сторону органического только тайно, направляемый влечением к смерти или деструкции, взятым у Штекеля и Шпильрейн. Конструктивный аспект моего «Оно» он отбрасывает, предположительно чтобы тайком протащить его в следующий раз». Это вполне объяснимая и не совсем иррациональная враждебность автора, которая демонстрирует, как трудно было выдерживать роль ученика Фрейда даже тому, кто взял ее на себя добровольно, как Гроддек.

Основатель психоанализа, со своей стороны, не испытывал трудностей в признании пользы произведений Гроддека для своих идей. Метафора о плуге и пахаре была достаточно точной. Но Фрейд настаивал, причем справедливо, на противоречии между их концепциями. С конца 90-х годов XIX века он много раз повторял, что люди наделены элементами психики, о которых сами не знают, не говоря уж о понимании, – они даже не подозревают, что скрывают их. Взгляды мэтра на бессознательное и на вытеснение были убедительной демонстрацией, что психоанализ не превозносит разум как бесспорного хозяина в собственном доме. При этом Фрейд не соглашался и со словами Гроддека, что в человеке живет «Оно». Основатель психоанализа был детерминистом, но не фаталистом: он считал, что психике присущи некие силы, сконцентрированные в «Я», которые дают мужчинам и женщинам власть, хоть и неполную, над собой и над окружающим миром. Поздравляя Гроддека с 60-летием, Фрейд подчеркнул дистанцию между ними шутливой фразой: «Мои «Я» и «Оно» поздравляют ваше «Оно»[204].

Более серьезно он описал эту дистанцию в заключительном абзаце работы «Я» и «Оно»: «У «Оно», к которому мы в заключение возвращаемся, нет средств доказать «Я» любовь или ненависть. «Оно» не может сказать, чего хочет; у него не возникло единой воли. В нем борются эрос и влечение к смерти». Можно было бы изобразить, «…будто «Я» находится во власти безмолвных, но могущественных влечений к смерти, которые пребывают в покое и по знакам, подаваемым принципом удовольствия, пытаются утихомирить возмутителя спокойствия – эрос, но мы опасаемся, что при этом роль эроса мы все же недооцениваем». Фрейд описывал эрос в терминах борьбы, а не поражения.

Погрузившись в «привычную депрессию» после вычитывания гранок «Я» и «Оно», Фрейд называл свою работу нечеткой, искусственно составленной и отвратительной по изложению. Он заверял Ференци: «Я поклялся больше не позволять себе ступать на такой скользкий лед». Основатель психоанализа считал, что

новая книга серьезно уступает работе «По ту сторону принципа удовольствия», насыщенной идеями и хорошо написанной. Как это часто случалось, он себя недооценил: «Я» и «Оно» вошло в число самых важных произведений Фрейда. В своем собрании трудов он всегда выделял «Толкование сновидений» и «Три очерка по теории сексуальности», считал их предметом гордости, но работа «Я» и «Оно» – настоящий триумф ясности ума, как бы сам мэтр ее ни называл. Предвоенные жалобы Фрейда на старость, его мучительное переживание личной утраты, чисто физическая борьба за выживание и помощь семье, чтобы та не пропала в послевоенной Вене, – все эти многочисленные причины были достаточными для того, чтобы уйти на покой. Однако то, что другие исследователи оставили бы ученикам, Фрейд чувствовал себя обязанным сделать сам. Если для кого-то «Я» и «Оно» выглядит непонятным, причину этого следует искать в необыкновенной напряженности его послевоенной деятельности.

Предисловие к этой небольшой книге дышит уверенностью. Фрейд сообщает читателям, что развивает некоторые идеи, заложенные в работе «По ту сторону принципа удовольствия», теперь обогащенные «различными фактами аналитического наблюдения» и свободные от заимствований из биологии, к которым он прибегал прежде. Таким образом, сия работа «находится ближе к психоанализу», чем «По ту сторону…». Основатель движения также прибавляет, что коснулся теорий, новых для его учения, и поэтому не мог «не затронуть некоторые теории, выдвигавшиеся непсихоаналитиками или психоаналитиками до их отхода от психоанализа». Однако на сей раз Фрейд неблагожелательно подчеркнул, хотя он всегда охотно признавал вклад других исследователей, что в данном случае в этом нет необходимости.

В основной части работы мэтр все-таки нашел место, чтобы отдать должное «предположению» Гроддека, «автора, который напрасно по личным мотивам заверяет, что ничего общего со строгой высокой наукой не имеет», – предположению, что нас «оживляют» неизвестные, не поддающиеся управлению силы. Чтобы увековечить это открытие, основатель психоанализа предложил воспользоваться термином Гроддека, хотя и изменив его смысл, и назвать значительную часть бессознательного «Оно». Возможно, Гроддек посчитал такое признание не слишком щедрым, но мэтр был уверен, что его собственная работа, несмотря на осторожность, в высшей степени оригинальна. Его идеи «носят скорее характер синтеза, нежели умозрительного заключения» – что, мог бы прибавить основатель психоанализа, и к лучшему.

Работа Фрейда открывается повторением уже известного: фундаментальный принцип психоанализа, разделение между областями сознательного и бессознательного. Вне всяких сомнений, это «первый шибболет», который невозможно игнорировать: «в конце концов, такое свойство, как сознательность или бессознательность, – единственный светоч во тьме глубинной психологии». Более того, бессознательное динамично. Неудивительно, что психоанализ споткнулся о него при изучении вытеснения: «Вытесненное представляет для нас образец бессознательного».

Пока Фрейд не выходил за пределы области, привычной для тех, кто был знаком с его идеями, но он использовал эту область лишь как плацдарм для исследования неизведанного. Вытеснение предполагает вытесняющий агент, и психоаналитики выработали представление об этом агенте как о «связном организации душевных процессов», то есть «Я». Однако феномен сопротивления, с которым психоаналитик каждый раз сталкивается в процессе лечения, выдвигает сложную теоретическую загадку, которую Фрейд выявил еще много лет назад. Оказывающий сопротивление пациент в своих невротических мучениях зачастую совсем не знает или лишь смутно догадывается, что сопротивляется успеху психоанализа. Из этого следует, что «Я», откуда исходят и вытеснение, и сопротивление, не может быть полностью сознательным. Но в таком случае – утверждает мэтр – традиционная формула психоанализа, объясняющая невроз конфликтом между сознательным и бессознательным, должна быть неверна. В своей известной статье о бессознательном основатель психоанализа уже признавался, что его теория неврозов требует пересмотра: «Истина в том, что чуждым сознанию остается не только психически вытесненное, но и часть господствующих в нашем «Я» побуждений». Другими словами, «по мере того как мы с большим трудом продвигаемся к метапсихологическому пониманию душевной жизни, мы должны научиться эмансипироваться от значения симптома «сознательность». Этот пассаж, написанный в 1915 году, служит напоминанием, насколько сильно в теории Фрейда были перемешаны новое и старое. Однако полностью последствия своего открытия он изложил лишь в работе «Я» и «Оно».

Эти последствия были достаточно серьезными. Теперь психоанализ признавал, что бессознательное не ограничивается вытесненным. Все вытесненное является бессознательным, но не все бессознательное относится к вытесненному. «Также и часть «Я» – бог весть, какая важная часть «Я», – должна быть и,

несомненно, является бессознательным». В развивающейся личности «Я» зарождается как часть «Оно», постепенно отделяя себя от него, а затем изменяется под влиянием внешнего мира. Проще говоря, «Я» репрезентирует то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность «Оно», содержащему страсти. В последующие полтора десятилетия, которые ему остались, Фрейд так и не смог окончательно определиться, какие силы следует приписывать «Я», а какие «Оно». При этом он почти не сомневался, что в большинстве случаев решающую роль играет «Оно». В своей знаменитой аналогии в работе «Я» и «Оно» мэтр писал, что «Я» похоже на всадника, который должен обуздать превосходящую его по силе лошадь, с той только разницей, что всадник пытается это сделать собственными силами, а «Я» – взятыми взаймы. Взятыми взаймы у «Оно». Фрейд продолжил эту аналогию: «Как и всадник, «Оно» не хочет расстаться с лошадью, зачастую ему не остается ничего другого, как вести ее туда, куда хочется ей; так и «Я» обычно превращает волю «Оно» в действие, словно это была его собственная воля».

«Оно» не единственный противник, причиняющий беспокойство «Я». Известно, что еще до войны в статье о нарциссизме, а затем и в «Психологии масс…» основатель психоанализа выделял особый элемент «Я», который критически наблюдает за ним. Фрейд назвал этот элемент «Сверх-Я», и попытка объяснить его красной нитью проходит через всю работу «Я» и «Оно». Можно сказать, что всадник, или «Я», не просто отчаянно пытается управлять упрямой лошадью («Оно»), но одновременно вынужден бороться с рассерженными пчелами, которые роятся вокруг него («Сверх-Я»). Мы рассматриваем «Я», писал мэтр, как несчастное существо, находящееся в тройном подчинении и поэтому страдающее от тройной опасности – со стороны внешнего мира, либидо «Оно» и строгости «Сверх-Я». Фрейд считал, что «Я», подверженное страхам, связанным с этими опасностями, является осаждаемым со всех сторон и очень слабым посредником, который искренне пытается примирить силы, угрожающие ему и воюющие друг с другом. «Я» старается, чтобы «Оно» прислушивалось к требованиям внешнего мира и «Сверх-Я», и в то же время пытается убедить внешний мир и «Сверх-Я» подчиниться желаниям «Оно». Находясь между «Оно» и реальностью, «Я» слишком часто поддается «искушению быть угодливым, оппортунистическим и лживым, примерно как государственный муж, который при всем своем благоразумии хочет заслужить благосклонность общественного мнения». Тем не менее этот подобострастный и уступчивый приспособленец управляет защитными механизмами, сомнительным даром

тревоги, рационального дискурса, способности учиться на опыте. Возможно, «Я» – несчастное существо, однако это самый лучший инструмент, имеющийся у человека, чтобы справляться с внутренними и внешними требованиями.

Последствия приведенных Фрейдом метафор оказались намного более глубокими, чем он сам тогда осознавал. Основатель психоанализа настаивал на том, что «Я» прежде всего телесно, то есть «в конечном счете происходит от телесных ощущений». Тем не менее «Я» обретает не только знания, но и свою форму от взаимодействия с внешним миром – переосмысливая опыт увиденных картин, услышанных мелодий и звуков, прикосновений к телам, испытанных удовольствий. В работе «Я» и «Оно» мэтр подробно не углубляется в этот аспект, но в «Психологии масс…» он исследовал взаимоотношения «Я» с внешним воздействием. В некоторых своих последних статьях и очерках Фрейд расширяет применение этих идей[205]. Его психология «Я» служила для того, чтобы преобразовать личную трагикомедию довоенного психоанализа в пьесу с гораздо более широким значением – шикарно костюмированную историческую драму. Тот способ психоаналитического исследования искусства, религии, политики, образования, юриспруденции, истории и биографии великих, который так увлекал Фрейда, существенно облегчался его представлением о «Я» как о всаднике, который, несмотря на всю сложность двойной задачи укрощения «Оно» и удовлетворения «Сверх-Я», все-таки способен видеть окружающую местность и, более того, учится на собственном опыте, продолжая скакать во весь опор.

Одного определения «Я» было бы достаточно для целой статьи, но Фрейд не ограничился тем, что значилось в названии. Более точным, хотя и не таким кратким, было бы название «Я», «Оно» и «Сверх-Я». Дело в том, что, как уже отмечалось выше, в своей модели психики мэтр также нашел место феномену, который он назвал «Я-Идеал». Если использовать привычные стандарты, писал основатель психоанализа, то следует сказать, что чем «выше» поднимаешься по шкале психической деятельности, тем ближе подходишь к сознанию. Однако все совсем не так. В работе «Я» и «Оно» Фрейд часто апеллирует к клиническому опыту, который свидетельствует, что самые возвышенные нравственные состояния, например чувство вины, могут никогда не осознаваться: «Не только самое глубокое, но и самое высокое в «Я» может быть бессознательным». Опыт практического психоанализа убедительно свидетельствует, что «есть люди, у которых самокритика и совесть, то есть чрезвычайно ценная работа души, являются бессознательными».

Поэтому психоаналитики, несмотря на весь свой скепсис, вынуждены говорить о бессознательном чувстве вины. Фрейд предлагал читателям понятие «Сверх-Я».

Сознание и «Сверх-Я» – отнюдь не одно и то же. «Нормальное, осознанное чувство вины (совесть), – писал мэтр, – не представляет для толкования никаких затруднений». В сущности, оно является выражением осуждения «Я» со стороны его критической инстанции. Но «Сверх-Я» – не просто сложный отдел психики. Сознательное или бессознательное, оно, с одной стороны, содержит этические ценности человека, а с другой – наблюдает за его поведением, судит, одобряет или осуждает его. У пациентов с неврозом навязчивости и меланхоликов чувство вины в конечном счете достигает сознания, но у большинства других людей его можно только предполагать, поэтому психоаналитик распознает относительно недоступный источник нравственных мучений, который именно из-за своей бессознательности оставляет лишь фрагментарные, почти неразборчивые следы. Нравственная жизнь человека, предположил Фрейд, намного более склонна к крайностям, чем принято считать у моралистов, а значит, психоаналитик с готовностью подтверждает кажущийся парадоксальным тезис, что нормальный человек не только гораздо аморальнее, чем полагает, но и гораздо более моральнее, чем знает.

Основатель психоанализа демонстрирует феномен бессознательного чувства вины, цитируя пациентов, проходящих лечение, у которых симптомы усиливались, когда аналитик выражал надежду на их излечение или хвалил за успехи, которые они делают. Любые успехи тут же вызывают ухудшение их состояния. Это печально известная негативная терапевтическая реакция, утверждал Фрейд, и было бы ошибкой считать ее пренебрежением или хвастливой попыткой пациента возвыситься над врачом. Скорее нужно рассматривать эту несколько извращенную реакцию как серьезное, возможно отчаянное, послание. В происхождении негативной терапевтической реакции мэтр нисколько не сомневался: в ее основе лежит бессознательное чувство вины, желание наказания. Однако пациент этого не понимает. «Но это чувство вины у больного безмолвствует, оно не говорит ему, что он виновен, он чувствует себя не виноватым, а больным».

В «Новом цикле лекций по введению в психоанализ», написанном через 10 лет после «Я» и «Оно», Фрейд четко подвел итог этому исследованию. Новорожденные не обладают «Сверх-Я», и его возникновение представляет огромный интерес для психоанализа. По мнению основателя движения, формирование

«Я» зависит от развития идентификаций. Фрейд предупреждал читателей, что намерен углубиться в сложный предмет, тесно переплетенный с судьбами эдипова комплекса. Эти судьбы, если говорить языком профессионалов, связаны с трансформацией объектного выбора в идентификации. Дети сначала выбирают отца и мать в качестве объектов любви, а затем, вынужденные отбросить этот выбор как неприемлемый, идентифицируют себя с родителями, перенимая их установки – нормы, запреты и ограничения. Другими словами, желание *обладать* своими родителями превращается в желание *быть* такими, как они. Но не точно такими же – как выразился Фрейд, «Сверх-Я» ребенка строится не по образу родителей, а по родительскому «Сверх-Я». В этом смысле оно «становится носителем традиции и неподвластных времени ценностей, передающихся таким путем от одного поколения к другому».

Это звучит довольно запутанно, но на самом деле все еще сложнее: «Сверх-Я», усваивающее требования и идеалы родителей, состоит не только из остатка раннего объектного выбора «Оно» или из своих идентификаций. «Сверх-Я» также включает элемент, который Фрейд называл формированием энергичной реакции против того и другого. Как и прежде, в работе «Я» и «Оно» мэтр объясняет свои новаторские идеи простым языком: «Сверх-Я» не исчерпывается призывом «Ты должен быть таким же (как отец)», оно включает также запрет: «Таким (как отец) ты не смеешь быть, то есть ты не вправе делать всего, что делает отец; кое-что остается только за ним». Сохранив характер отца, «Сверх-Я» будет действовать «в виде совести, возможно, в виде бессознательного чувства вины». Другими словами, «Я-Идеал» является наследником эдипова комплекса. «Высшая» природа человека и его культурные достижения объясняются с помощью психологии. Это объяснение, признался Фрейд, оказалось таким неуловимым для философов и, если уж на то пошло, психологов именно потому, что все «Оно», большая часть «Я» и, как выясняется, большая часть «Сверх-Я» остаются бессознательными[206].

Постаревший, одряхлевший и угасающий – по крайней мере, по своим собственным словам – Фрейд дал международному психоаналитическому сообществу массу материала для размышлений и обсуждения. Он многое изменил, многое прояснил, но кое-что оставил без ответа. Когда в 1926 году Эрнест Джонс прислал ему статью о «Сверх-Я», мэтр признал, что все неясности и трудности, которые тот отметил, действительно существуют. Однако он не верил, что выход укажут

семантические упражнения Джонса. «Нужны абсолютно новые исследования, накопленные впечатления и опыт, и я знаю, насколько трудно их получить». Статья Джонса, считал он, это темное начало запутанного вопроса.

Очень многое зависело от того, как читать «Я» и «Оно». В 1930 году Пфистер говорил Фрейду, что снова перечитал очерк, «возможно, в десятый раз, и был рад видеть, что после этой работы вы обратились к садам людей, тогда как прежде исследовали только фундаменты и клоаки их домов». Это был разумный подход к пониманию новых формулировок основателя психоанализа, причем отчасти обоснованный в его текстах. В любом случае Пфистер был среди тех многочисленных сторонников Фрейда, которые верили во «влечение к смерти». Но не менее обоснованной была и более мрачная интерпретация: после работы «Печаль и меланхолия» мэтр предположил, что «Сверх-Я», обычно агрессивное и карательное, чаще стоит на службе смерти, чем жизни. Таким образом, споры продолжались и были весьма далеки от разрешения.

Глава девятая
Смерть против жизни

Напоминания о бренности бытия

В 1923-м, в год выхода «Я» и «Оно», смерть вновь напомнила Зигмунду Фрейду о себе. Он потерял одного из внуков и увидел угрожающий жест в сторону себя самого. Несчастья стали для основателя психоанализа неожиданными и жестокими ударами судьбы. Несмотря на периодические жалобы на желудок и кишечник, Фрейд весь год был достаточно бодрым. Как и раньше, он с нетерпением ждал лета – отпуск по-прежнему считался священным. Его мэтр собирался посвятить прогулкам в горах, лечебным процедурам на курорте, путешествию в Италию и работе над теорией психоанализа. Фрейд редко прерывал свой отдых, чтобы принять пациентов, хотя теперь его осаждали заманчивыми предложениями. В 1922 году, проводя каникулы в Берхтесгадене, он писал Ранку, что отказал жене медного короля, которая, вне всяких сомнений, компенсировала бы стоимость его пребывания там, а также еще одной американке, которая «… платила бы мне 50 долларов в день, поскольку привыкла платить Бриллу в Нью-Йорке 20 долларов за полчаса». Но Фрейд был тверд: здесь он не будет продавать свое время. Потребность в отвлечении и восстановлении, как не раз он говорил друзьям, была очень сильной, и обычно ради отдыха основатель психоанализа оставался непреклонен[207].

Несмотря на жалобы, его плотный график, а также неуменьшавшийся поток писем и регулярная публикация серьезных работ свидетельствовали о завидных запасах энергии и в целом о крепком здоровье мэтра. Но… Летом 1922 года в его письмах появились тревожные нотки. В июне основатель психоанализа сообщал Эрнесту Джонсу, что не чувствовал усталости до настоящего времени, «когда стали очевидными мрачные перспективы политической ситуации». Сбежав из Вены, Фрейд сбежал от политики, от непримиримых разногласий между австрийскими социалистами и католиками, этими, как он их называл, напыщенными политическими фанатиками, – хотя бы на время. И действительно, уже в июле он с явным облегчением писал о приятной тишине проводимых в Бадгастайне дней. Они были свободными и радостными, а «чудесный воздух, вода, голландские сигары и хорошая еда – все напоминало идиллию, насколько это возможно в этом центральноевропейском аду». Но

в августе, в конфиденциальном письме Ранку из Берхтесгадена, уже не чувствуется подобной жизнерадостности. Ранк интересовался его здоровьем, и Фрейд честно попросил его о лжи во спасение: в переписке с остальными нужно говорить, что здоровье у него в порядке. На самом деле он чувствовал себя неважно. «От вашего внимания не ускользнул тот факт, что я уже какое-то время не уверен насчет своего здоровья». Основатель психоанализа и не догадывался, насколько оправданны его подозрения…

Вскоре у него появились и другие причины для меланхолии. В середине августа покончила с собой его любимая племянница Цецилия Граф, «милая девушка 23 лет». Незамужняя и беременная, она вышла из затруднительного положения, приняв большую дозу веронала. В трогательной, полной любви записке матери, которую Цецилия написала, уже выпив лекарство, она просила никого, в том числе своего любовника, не винить. «Я не знала, – писала фрейлейн Граф, – что умереть так легко и так весело». Фрейд признался Джонсу, что был глубоко потрясен этой трагедией, а его дурное настроение лишь усиливалось «мрачными перспективами нашей страны и общей неуверенностью нашего времени». Но вызов Фрейду бросило не время, а собственное тело. Весной 1923-го появились пугающие признаки того, что у него развился рак нёба.

В середине февраля того года основатель психоанализа обнаружил, как он это назвал, лейкоплакический нарост на верхней челюсти и нёбе. Лейкоплакия – доброкачественное образование, ассоциирующееся с неумеренным курением, и Фрейд, опасаясь, что врач потребует отказаться от этой вредной привычки, какое-то время скрывал свое состояние от окружающих. Но два месяца спустя, 25 апреля, в ободряющем и одновременно тревожном письме Джонсу он сообщал, что потерял две недели из-за болезни (операции) – ему удалили новообразование. Впервые болезненный отек нёба Фрейд заметил еще несколько лет назад, в 1917 году. Горькая ирония здесь в том, что отек прошел после того, как пациент подарил ему желанную коробку сигар и мэтр тут же закурил одну. Теперь, в 1923-м, новообразование стало большим – игнорировать его было уже невозможно. «Меня заверили в доброкачественном характере опухоли, но, как вам известно, никто не может гарантировать, как она себя поведет, если ей позволить расти дальше». Фрейд с самого начала был настроен пессимистически. «По моему собственному диагнозу, у меня была эпителиома, – сообщал он Джонсу, называя одну из разновидностей злокачественных опухолей, – но с ним не согласились другие врачи». Основатель

психоанализа честно признавался: «Причину бунта клеток видят в курении». Когда Фрейд наконец почувствовал себя готовым принять ужасное будущее без сигар, он обратился к дерматологу Максимилиану Штайнеру, с которым был в приятельских отношениях. Штайнер действительно порекомендовал ему бросить курить, но солгал, преуменьшив опасность новообразования.

По прошествии нескольких дней, 7 апреля, к Фрейду заглянул лечащий врач Феликс Дойч, и мэтр попросил осмотреть его. «Возможно, – предупредил он, – вам не понравится то, что вы увидите». Основатель психоанализа был прав. Как вспоминал впоследствии Дойч, он с первого взгляда понял, что опухоль злокачественная. Но вместо того, чтобы произнести страшное слово «рак» или хотя бы формальный диагноз – эпителиома, к которому склонялся сам Фрейд, Дойч прибег к уклончивому – плохая лейкоплакия. Он посоветовал мэтру как можно быстрее бросить курить и удалить опухоль.

Зигмунд Фрейд сам был врачом, и его окружали врачи. Однако он не стал обращаться за консультацией к авторитетному доктору и не пошел к хирургу, специализирующемуся на заболеваниях полости рта, в мастерстве которого у него не могло возникнуть сомнений. Вместо этого он выбрал ринолога Маркуса Хайека – можно сказать, еще одного Флисса, хотя раньше выражал определенные сомнения в его компетентности. Выбор – ошибку – основатель психоанализа сделал сам, ни с кем не посоветовавшись, как много лет спустя вспоминала его дочь Анна. В результате первоначальный скептицизм Фрейда в отношении Хайека полностью оправдался. В амбулаторном отделении собственной клиники врач выполнил операцию, хотя и знал, что рекомендованная им процедура чисто косметическая и на самом деле бесполезная. Фрейда сопровождал Феликс Дойч, но при вмешательстве он не присутствовал. Операция прошла крайне неудачно – во время и после нее у мэтра не прекращалось сильное кровотечение, и он был вынужден остаться «в одной из совершенно неприспособленных для этого маленьких комнат госпиталя (других там не было)». Компанию ему составил еще один пациент, которого Анна Фрейд потом описывала как милого и дружелюбного слабоумного карлика, но, возможно, именно он спас основателю психоанализа жизнь.

Жену и дочь Фрейда попросили принести в больницу его личные вещи, поскольку мэтру, по всей видимости, предстояло провести там ночь. Вернувшись, Марта и Анна нашли его, забрызганного кровью, сидящим на табурете.

Во время обеда посетителям находиться в клинике не

разрешалось, и женщин отправили домой, уверив, что с пациентом все будет в порядке. Через час или два они пришли снова и узнали о случившемся за время их отсутствия сильнейшем кровотечении. Фрейд пытался позвать на помощь, но специально предназначенный для этого колокольчик не звонил… Сам он не мог говорить даже шепотом и поэтому был абсолютно беспомощен. К счастью, карлик побежал за медсестрой, и вскоре, несмотря на некоторые трудности, кровотечение удалось остановить.

Узнав об этом происшествии, Анна больше не согласилась оставить отца одного. «Медсестры, – вспоминала она, – которых мучили угрызения совести из-за неисправного колокольчика, были очень внимательны. Они принесли мне черный кофе и стул, и я провела ночь с отцом и карликом. Отец был слабым от потери крови и пребывал в полусне от лекарств и сильной боли». Ночью медсестра, встревоженная его состоянием, предложила Анне послать за домашним хирургом Фрейдов. Они так и сделали, но тот отказался идти в частную клинику. Утром Анне пришлось прятаться, пока Хайек с ассистентами делал ежедневный обход. Никакого раскаяния из-за неудачной операции, едва не закончившейся смертью пациента, он не проявил и в конце дня отпустил основателя психоанализа домой.

Больше скрывать свою болезнь Фрейд не мог, но теперь он обманывал своих корреспондентов, и в какой-то степени себя, бодрыми бюллетенями о состоянии собственного здоровья. «Могу сообщить вам, – писал он «дражайшей Лу» 10 мая, через четыре дня после своего дня рождения, – что я снова могу разговаривать, жевать и работать; мне даже позволено курить – умеренно, осторожно и, если так можно выразиться, на жалкий буржуазный манер». Прогноз, прибавил он, благоприятен. Повторяя в тот же день хорошие новости Абрахаму, основатель психоанализа сказал, что решил «попробовать вашу оптимистическую формулу: долгих лет жизни, и больше никаких опухолей!». Чуть позже он применил оптимистическую формулу собственного сочинения: «Два месяца назад у меня удалили опухоль мягкого нёба, которая могла переродиться, но пока этого не произошло».

На самом деле Фрейд все знал, хотя никто не говорил ему правду. Хайек назначил болезненное и бесполезное лечение рентгеновскими лучами и радием, что мэтр воспринял как подтверждение своих подозрений в злокачественном характере новообразования. Но официально обман продолжался; Хаейк разрешил мэтру, как обычно, отправиться на летний отдых, хотя просил регулярно сообщать о самочувствии, а в июле прийти на повторный прием, якобы для того, чтобы проверить состояние

шрама. Фрейд поехал в Бадгастайн, а затем в Лавароне – теперь этот курорт находился по другую сторону австрийской границы, в Италии. Но лето не принесло облегчения. Боль была такой мучительной, что по настоянию Анны он попросил Дойча приехать к нему в Бадгастайн для консультации. Дойч явился без промедления и увидел, что необходимо еще одно, более радикальное вмешательство, но и на этот раз не сказал основателю психоанализа всю правду.

Неуместную щадящую уклончивость Дойча, а также других врачей можно объяснить определенным благоговением перед великим человеком, а также сознательным нежеланием признавать, что он смертен. Впрочем, у Дойча имелись и другие основания для обмана. Он опасался за сердце Фрейда, не зная, как оно отреагирует, если сообщить мэтру правду, и надеялся, что вторая операция устранит причину для тревоги и основатель психоанализа будет жить дальше, не подозревая, что у него был рак. Кроме того, Дойча беспокоило настроение Фрейда, которое он истолковал как готовность к самоубийству. Во время их серьезного разговора 7 апреля тот сказал Дойчу, что готов «уйти из этого мира достойно», если судьбой уготовлены долгие страдания. Врач решил, что, если Фрейду прямо сказать, что у него рак, может возникнуть желание реализовать эту скрытую угрозу.

И, словно этого было недостаточно, летом 1923 года появилась еще одна причина для того, чтобы щадить чувства пациента. Фрейд скорбел по своему любимому внуку Хейнеле, который умер в июне. Несколько месяцев четырехлетний малыш, младший сын дочери мэтра Софи, жил в Вене. Его обожала вся семья. «Мой маленький внук самый умный из детей его возраста (4 г[ода]), – хвастался гордый дед Абрахаму в апреле 1923-го. – Но он также очень худой и болезненный, одни глаза, волосы и кости». Основатель психоанализа очень любил внука и переживал за него. «Моя старшая дочь Мат[ильда] и ее муж, – писал Фрейд друзьям в Будапешт в начале июня, когда мальчик умирал, – практически усыновили его, окружив любовью и заботой. Он был, – смирившись с неизбежным, мэтр использовал глагол прошедшего времени, – в самом деле очаровательный малыш, и я чувствую, что никогда еще никого не любил так сильно»[208].

Хейнеле уже достаточно давно страдал от высокой температуры и головных болей, а отсутствие специфических симптомов не позволяло поставить диагноз. Тем не менее в июне врачи пришли к выводу, что у него милиарный туберкулез, и это означало, что ребенок фактически обречен. Фрейд писал, что

Хейнеле впал в кому, но изредка приходил в себя, «и тогда снова становился самим собой, так что в это было трудно поверить». Основатель психоанализа даже не подозревал, что способен так сильно страдать. «Я очень тяжело переживаю эту утрату. Не думаю, что когда-либо испытывал подобное горе». Работал он словно по привычке: «Все утратило для меня смысл».

Фрейд считал, что его болезнь обострилась из-за перенесенного стресса, но он больше переживал из-за внука, чем из-за себя. «Не пытайтесь жить вечно, – цитировал мэтр предисловие Бернарда Шоу к пьесе «Дилемма доктора», – из этого ничего не выйдет». Конец наступил 19 июня. После того как Хейнеле, «милый малыш», умер, Зигмунд Фрейд, в жизни не проливший ни слезинки, заплакал[209]. Когда в середине июля Ференци, эгоцентричный и немного бестактный, спросил, почему мэтр не поздравил его с 50-летием, Фрейд ответил, что никогда бы не отказал в такой дани вежливости чужому человеку. Однако, как он утверждал, сие не является следствием какой-то обиды. «Скорее, это связано с моим нынешним отвращением к жизни. У меня никогда не было депрессий, но теперь, должно быть, я пребываю именно в таком состоянии». Заявление удивительное: основатель психоанализа был подвержен периодам плохого настроения, но этот приступ, вероятно, оказался особенно сильным. «Меня все еще мучает мой нос, – писал мэтр Эйтингону в середине августа, – и я одержим бессильной тоской по милому малышу». Он говорил, что стал чужим для жизни и клиентом смерти. В письме к близкому другу всей своей жизни Оскару Рие Фрейд признавался, что никак не может примириться с тем, что мальчика больше нет. «Он олицетворял для меня будущее, а теперь унес будущее с собой».

По крайней мере, тогда ему так казалось… Три года спустя, когда Людвиг Бинсвангер, у которого от туберкулезного менингита умер восьмилетний сын, в письме деликатно поделился с Фрейдом своим горем, мэтр вспомнил о том, что сам пережил в 1923 году. Он написал пространный ответ – «не ради простого сочувствия, а из внутреннего побуждения, поскольку Ваше письмо пробудило во мне воспоминания, которые никогда меня не оставляют». Фрейд вспоминал все свои утраты, особенно смерть в возрасте 27 лет любимой дочери Софи. Основатель психоанализа сказал, что «…смог стойко перенести эту утрату. Это случилось в 1920 году, когда только что закончилась война, в годы которой мы постоянно были готовы получить известие о гибели одного из наших сыновей или даже всех троих. Так что мы заранее покорились судьбе». Но смерть младшего сына Софи лишила его душевного равновесия. Для него мальчик «был

дороже, чем все мои дети и внуки, вместе взятые. С тех пор как Хейнеле умер, я не только больше уже не нахожу утешения в других моих внуках, но и утратил вкус к самой жизни. Здесь и кроется секрет моего безразличия – люди называют это храбростью – к опасности, угрожающей моей жизни». Выражая сочувствие Бинсвангеру, Фрейд понял, что воспоминания вновь и вновь бередят его душевные раны. У него было в запасе достаточно жизненной энергии, а чувства еще не остыли. Но Хейнеле навсегда остался его любимцем… Когда летом 1923 года старший брат умершего мальчика Эрнст два месяца жил у Фрейдов, его дедушка – что бы ни чувствовали другие – «не нашел в нем никакого утешения».

Таковы были обстоятельства жизни Зигмунда Фрейда летом 1923 года, с которыми столкнулся и которые не мог принять Дойч: основатель психоанализа раним и смертен, как и все люди. Дойч все рассказал Ранку, а затем и «дворцовой страже» Фрейда – «комитету». Затем небольшая группа близких друзей мэтра – Абрахам, Эйтингон, Джонс, Ранк, Ференци, Закс – собралась в Сан-Кристофоро в Доломитовых Альпах, недалеко от Лавароне, где остановился основатель психоанализа. Отношения среди «стражи» были непростыми, если не сказать неприязненными. Трения начались уже после войны. Ежедневные циркуляры, Rundbriefe, которые они начали рассылать с конца октября 1920 года, помогали мало. Эти письма должны были поддерживать постоянную связь между верными сторонниками Фрейда в Вене, Будапеште, Берлине и Лондоне. «Мне не терпится узнать, – писал мэтр Эрнесту Джонсу, когда письма только задумывались, – как будет работать эта система. Полагаю, она окажется очень полезной». Но примерно в это же время Джонс основал International Journal of Psycho-Analysis, и деятельность по руководству журналом испортила его отношения с Ранком. Джонс был недоволен тем, что он считал надменным вмешательством Ранка в дела редакции. Желавший минимизировать вклад немцев в литературу по психоанализу в тот период, когда антигерманские настроения еще были сильны, и так же страстно желавший увеличить долю американцев, Джонс принял несколько статей, не удовлетворявших строгим критериям, которым придавали такое значение венцы, и Ранк тут же раскритиковал этот выбор. Фрейд считал данную дискуссию угрозой так необходимому им миру. Зависимый от Ранка в делах психоаналитического сообщества, он несколько раз хвалил его в письмах Джонсу и мягко укорял последнего за раздражительность. «Без Ранка я почти беспомощен и

неполноценен», – писал он в конце 1919 года, а чуть позже выговаривал: «…в ваших замечаниях относительно Ранка я заметил резкость, которая напоминает мне подобное отношение к Абрахаму. Даже во время войны вы были мягче. Надеюсь, в наших с вами отношениях все в порядке». Фрейд винил Джонса, что тот не способен управлять своими чувствами и настроениями, и надеялся на лучшие времена.

Между тем атмосфера в «комитете» становилась все мрачнее. «Молот Ранка опустился еще раз, – жаловался Джонс в циркулярном письме летом 1922 года, – на этот раз на Лондон и, как мне кажется, совсем несправедливо». Отношения Джонса с Абрахамом, которого беспокоило отступление Ранка от ортодоксальной техники психоанализа, наоборот, начали восстанавливаться. В тесном кружке из семи человек Фрейд оставался особенно близок с Ранком и Ференци, но и остальные были ему нужны не меньше. Теперь, летом 1923-го, осаждаемый болезнью и горем, он надеялся, что в «комитете» удастся восстановить хотя бы видимость согласия. «Я слишком стар, чтобы бросать старых друзей, – писал он вскоре после встречи. – Если бы молодые люди могли задуматься об этой перемене в жизни, им было бы легче поддерживать добрые отношения друг с другом».

Однако в тот момент надежды Фрейда на то, что его более молодые сторонники прислушаются к его примирительному настроению, были лишены оснований. 26 августа в подробном письме к жене Джонс описывал атмосферу в Сан-Кристофоро, раздраженную и одновременно тревожную. «Главная новость состоит в том, что у Фрейда действительно рак; опухоль растет медленно, и это может растянуться на годы. Он ничего не знает, и это самая страшная тайна». Что касается ссоры с Ранком, «комитет» «…потратил целый день на обсуждение дела Ранка – Джонса. Очень болезненно, но я надеюсь, что теперь наши отношения улучшатся». Однако он понимал, что никакого улучшения не предвидится – напряженность усилил один неприятный эпизод. «Думаю, Ференци не будет со мной разговаривать, поскольку здесь был Брилл и в разговоре с ним я назвал Ранка жуликоватым евреем». Он частично отрицал подобную нетерпимость, утверждая, что это сильное преувеличение – stark übertrieben.

Что бы там ни говорил Джонс, это было достаточно оскорбительно[210]. Два дня спустя он снова сообщал жене, что члены «комитета» «…несколько часов возбужденно говорили и кричали, и мне стало казаться, что я в Бедламе». «Комитет» решил, что «в деле Ранка – Джонса я был не прав – фактически,

что я невротик». Он был единственным христианином и остро чувствовал это. «Еврейский семейный совет, обсуждающий одного грешника, – это, должно быть, впечатляет, но представь, когда все пятеро настаивают на том, чтобы провести его психоанализ, немедленно и все вместе!» Несмотря на свое заявление, что он в достаточной степени англичанин, чтобы воспринимать все это добродушно и не раздражаться, Джонс признался, что тот день был для него настоящим Erlebnis[211].

В разгар этих распрей членов «комитета» потрясло известие о том, что у Фрейда рак. Перед ними остро встала следующая дилемма: было очевидно, что мэтру требуется радикальная операция, однако никто не знал, как сказать ему правду – и какую ее часть. Основатель психоанализа собирался показать Рим своей дочери Анне, и друзья не хотели портить эту давно планировавшуюся поездку или вообще отменять ее. В конечном счете врачи из числа членов «комитета» – Абрахам, Эйтингон, Джонс, Ференци – настояли на своем, руководствуясь здравым смыслом. Они рекомендовали Фрейду после поездки в Италию вернуться в Вену и сделать еще одну операцию. Тем не менее точный диагноз они от мэтра скрыли. Даже Феликс Дойч не смог заставить себя открыть пациенту суровую правду. Такая неуместная деликатность стоила ему доверия Фрейда и места личного врача. Дойч оказался не в состоянии оценить способность основателя психоанализа воспринимать плохие новости, а также его решительное неприятие какой-либо опеки[212]. Члены «комитета» также вызвали неудовольствие мэтра. Когда несколько лет спустя он узнал об этом продиктованном благими намерениями обмане, то пришел в ярость. «Mit welchem Recht?» – гневно спросил мэтр Джонса. Действительно, по какому праву? По мнению Фрейда, никто не имел права ему лгать, даже из самых добрых побуждений. Наивысшая доброта – сказать правду, какой бы страшной она ни была.

После заседания «комитета», на котором Дойч доложил о состоянии основателя движения, за ужином к его членам присоединилась Анна Фрейд. Вечером при свете луны она стала подниматься на холм, где находился Лавароне, вместе с Дойчем и вытянула из него правду. Предположим, полушутя сказала она, им с отцом так понравится в Риме, что они там задержатся, не вернутся домой в планируемый срок. Что тогда? Дойч испугался и стал умолять Анну даже не думать об этом. «Вы не должны так поступать! – с жаром воскликнул он. – Ни в коем случае! Обещайте мне этого не делать». «Все было совершенно ясно», – много лет спустя сказала Анна[213]. Тем не менее давно

задуманное путешествие Фрейда в Рим с младшей дочерью состоялось. Как мэтр и ожидал, Анна оказалась наблюдательной и с таким же восторгом воспринимала город, как и он. 11 сентября он писал Эйтингону из Вечного города: «Анна получает огромное удовольствие, прекрасно ориентируется и в равной степени восприимчива ко всем сторонам многогранного Рима». После возвращения он признался Джонсу, что во время их «чудесного времени в Риме» младшая дочь «предстала перед ним в самом выгодном свете».

Наконец Фрейду сказали правду, о которой он давно догадывался. 24 сентября основатель психоанализа несколько туманно сообщал своему племяннику в Манчестер: «Я еще не преодолел последствия операции во рту, у меня сохранились боли и трудности при глотании, и я не уверен в будущем». Два дня спустя ему все стало ясно. Он откровенно и свободно писал Эйтингону: «Сегодня я могу удовлетворить Ваше любопытство. Решено, что я должен пройти через вторую операцию, во время которой будет частично иссечена верхняя челюсть, поскольку моя дорогая опухоль снова там объявилась. Операцию будет проводить профессор Пихлер». Выбор знаменитого хирурга, к которому Фрейд обратился по рекомендации Феликса Дойча, был самым лучшим вариантом. Ганс Пихлер, сообщил мэтр Эйтингону, «величайший эксперт в этой области, который также готовит для меня и протез, который потом понадобится. Он обещал, что через четыре-пять недель я смогу удовлетворительно есть и говорить».

На самом деле операций сделали две – 4 и 8 октября. Они были серьезными, но в целом оказались успешными, хотя из-за хирургического вмешательства Фрейд какое-то время не мог разговаривать и есть. Его пришлось кормить через трубку, вставленную в нос. Тем не менее спустя неделю после операции, все еще находясь в больнице, мэтр написал Абрахаму оптимистичную записку в характерном для себя телеграфном стиле: «Дорогой неисправимый оптимист! Сегодня обновили тампон. Встал с кровати. То, что от меня осталось, одето в одежду. Спасибо за все новости, письма, приветствия и газетные вырезки. Как только смогу спать без укола, отправлюсь домой». Через девять дней его выписали, но битва Зигмунда Фрейда со смертью на этом не закончилась.

Эта битва оказалась жестокой, а противник коварным и беспощадным. Фрейд приготовился к худшему. В конце октября, размышляя о том, что «нынешнее состояние» может лишить его возможности зарабатывать, он написал – в виде письма к сыну

Мартину – дополнительные распоряжения к своему завещанию. Больше всего мэтр переживал за жену и дочь Анну: он просил детей отказаться от своей доли в «так или иначе скромном наследстве» в пользу матери и согласиться, чтобы наследство Анны было увеличено до 2000 фунтов. Затем, в середине ноября, основатель психоанализа сделал другой шаг – непредсказуемый и даже менее рациональный, чем изменение завещания. Он по собственной просьбе подвергся небольшой операции на яичках, «лигатуре эфферентных артерий с обеих сторон», которую выполнил Ойген Штейнах – эндокринолог, имевший неоднозначную репутацию. Эта была довольно модная процедура, поскольку она якобы способствовала восстановлению ослабевшей потенции, но некоторые специалисты также рекомендовали ее для мобилизации ресурсов организма. Фрейд, веривший в действенность данного вмешательства, надеялся, что оно воспрепятствует рецидиву рака и может улучшить его «сексуальность, общее состояние и способность к работе». После операции он сомневался в ее эффекте, однако, по крайней мере какое-то время, действительно считал, что чувствует себя моложе и крепче.

Но главное, примерно в это же время Пихлер обнаружил у Фрейда остатки раковой ткани и решительно заявил о необходимости еще одной операции, на которую мэтр с такой же решительностью согласился. Хотя и признал, что новость стала для него тяжелым разочарованием… Он явно наделял своего хирурга волшебным свойством всемогущества. В конце ноября основатель психоанализа признавался Ранку, что «эмоционально очень привязался к проф. Пихлеру», однако эта последняя операция безжалостно развеяла иллюзии и «ослабляет гомосекс[уальную] привязанность». Как бы то ни было, несмотря на сложные чувства Фрейда к своему хирургу, факт остается фактом: еще одно злокачественное новообразование Пихлер обнаружил только в 1936 году.

Тем не менее после 1923-го у Фрейда постоянно развивалась доброкачественная или предраковая лейкоплакия, которую требовалось либо лечить консервативно, либо удалять хирургически. Пихлер был искусен и добр, но 30 или больше мелких, а иногда не таких уж и мелких операций, которые он выполнил, не говоря уж о десятках установок, чисток и подгонок протеза Фрейда, оказались процедурами инвазивными и неприятными. И зачастую очень болезненными[214]… Удовольствие, которое доставляли основателю психоанализа сигары, а скорее, его неискоренимая потребность в курении были непреодолимы. Но каждая сигара становилась очередным

раздражителем, маленьким шажком к следующему болезненному вмешательству. Как известно, Фрейд признавал свое пагубное пристрастие к сигарам, а также считал, что курение является заменителем прототипа всех пагубных привычек, мастурбации. Конечно, в его душе существовали уголки, до которых никогда не добирался самоанализ, а также конфликты, которые мэтру так и не удалось разрешить. Неспособность Фрейда бросить курить ярко подчеркивает верность его наблюдения за общечеловеческим свойством, называемым основателем психоанализа «знать и не знать». Это состояние рационального понимания, не приводящее к соответствующим действиям.

В конце 1923 года Фрейд был похож на травмированного спортсмена, нуждавшегося в усиленной физической реабилитации. Великолепный лектор и блестящий собеседник, он заново учился говорить, но его голос никогда не восстановил свою чистоту и звучность. Операции также повлияли на слух мэтра. Он жаловался на «постоянный шипящий звук» и постепенно глох на правое ухо, пока почти совсем не перестал им слышать. Кушетку для пациентов передвинули к другой стене, чтобы основатель психоанализа мог слушать левым ухом. Еда превратилась в трудный и неприятный процесс, и Фрейд теперь по большей части избегал совместных трапез. Протез, приспособление, разделявшее ротовую и носовую полости, – Джонс описывает его как «монстра», «разновидность увеличенного зубного протеза», – было очень трудно устанавливать и снимать, он нередко вызывал раздражение и боль. За оставшиеся годы жизни Фрейд несколько раз менял этот протез. В конце 20-х годов прошлого столетия он поехал в Берлин, чтобы ему сделали новый. Основатель психоанализа постоянно испытывал дискомфорт, в той или иной степени. Тем не менее он отказывался жалеть себя и с некоторым юмором приспосабливался к своему новому состоянию. «Дорогой Сэм! – диктовал он дочери Анне в январе 1924 года письмо в Манчестер. – Рад сообщить тебе, что теперь я быстро восстанавливаюсь и в новом году смог снова работать. Возможно, моя речь ухудшилась, но и родственники, и пациенты говорят, что она вполне внятна».

Основателю психоанализа очень пригодилось достигнутое таким трудом профессиональное самообладание. Он пережил смерть близких людей, но, к счастью, за смертями последовали рождения. Трое сыновей увеличивали клан Фрейдов. «24 апреля Эрнст объявил нам о рождении своего третьего сына, – сообщал мэтр племяннику весной 1924 года. – На подходе еще двое детей,

второй ребенок Мартина и первый Оливера (в Дюссельдорфе). Семья растет и умирает, подобно растению, – это сравнение можно найти у старика Гомера». В 1924-м Аликс Стрейчи, одаренная и независимая обозревательница событий в мире психоанализа, сообщала из Берлина своему мужу в Лондон: «Хелен Дойч предоставила мне – как и все остальные – самые радужные отчеты о здоровье Фрейда. Похоже, он снова занял место председателя своего общества, разговаривает, как прежде, и пребывает в очень хорошем настроении». Пять месяцев спустя, в начале 1925 года, Аликс писала супругу, что, несмотря на трудности с речью у Фрейда, «Анна утверждает, что общее состояние его здоровья лучше, чем можно было ожидать».

Анна

Влияние Анны Фрейд на отца отмечалось еще до 1923-го, но после операций, которые он перенес в том году, оно стало бесспорным и непреодолимым. В апреле, после ужасного дня в клинике Хайека, именно дочь Анна, а не жена дежурила в палате Фрейда всю ночь. Этот поступок изменил отношения в семье, превратив Анну в ее эмоциональную опору[215]. Годом раньше, в марте 1922-го, когда Анна уехала, чтобы присмотреть за своим зятем Максом Хальберштадтом и двумя его сыновьями, Фрейд писал Ференци: «…наш дом теперь пуст, потому что Анна, которая, в силу природы вещей, постепенно занимает в нем главенствующее положение, уже 4 недели в Гамбурге». Тремя неделями раньше, когда она отсутствовала всего семь дней, основатель психоанализа заверил дочь в нежном письме: «…очень скучаю по тебе. Дом кажется пустым, и никто не может тебя полностью заменить».

Откровенно говоря, Анна предпочла бы остаться с отцом. Ей очень хотелось – еще с подросткового возраста – заботиться о нем. В 1920 году она провела часть лета в Аусзе, помогая ухаживать за давним другом отца Оскаром Рие, который восстанавливался после серьезной болезни. Рие скрывал от семьи свое состояние до тех пор, пока хранить тайну стало уже невозможно. Его выдержка и такая деликатность навели Анну на мысли об отце – как и почти любое другое событие. Она твердо решила не позволить отцу быть таким же скрытным. «Обещаешь, – умоляла его Анна, – что, если ты когда-нибудь заболеешь, а меня не будет рядом, ты немедленно напишешь мне, чтобы я могла приехать?» В противном случае, прибавляла Анна, она нигде не будет чувствовать себя спокойно. Она хотела поговорить об этом еще в Вене, перед отъездом в Аусзе, но постеснялась. Теперь, три года спустя, после первой операции у отца, ни о какой стеснительности уже не могло быть и речи, и Анна настойчиво повторила свою просьбу. Фрейд, немного поворчав, согласился. «Я не хочу прямо сейчас подчиняться твоему желанию, – ответил он. – Тебе не следует раньше времени принимать на себя печальную обязанность ухода за старыми и больными родителями». Он писал из Вены, где Хайек обследовал его нёбо. Но, прибавил основатель психоанализа, он хочет сделать одно признание: «Тебя вызовут телеграммой, если он по какой-либо причине задержит меня в Вене». Теперь мэтр уже был на попечении скорее дочери, чем жены.

Совершенно естественно, что летом 1923 года Анна стала

первым из членов семьи, кто узнал правду о том, что у отца рак. Письма Фрейда того периода убедительно свидетельствуют, как много значила для него дочь. Когда в середине августа мэтр писал Оскару Рие о жене и свояченице, он ограничился сообщением об их здоровье, но, когда речь зашла об Анне, его тон поменялся. «Она расцветает и становится моей главной опорой во всем». Как известно, в путешествии с отцом в Рим, которое было чем-то вроде последней прогулки перед второй операцией, Анна проявила себя с самой лучшей стороны.

Фрейд, вне всяких сомнений, был привязан ко всем своим детям и беспокоился за них. Мы уже видели, что, когда его сын Мартин в подростковом возрасте после унизительной сцены на катке нуждался в отцовской поддержке, мэтр пришел ему на помощь, терпеливо, сочувственно, без каких-либо упреков. Когда летом 1912 года неожиданно заболела его дочь Матильда, он без колебаний отменил поездку в Лондон, хотя с нетерпением ждал возможности еще раз посетить Англию. Фрейд открыто восхищался своим «удачливым ребенком», красавицей Софи, и беспокоился, хотя и скрывал это, из-за невротического состояния сына Оливера[216]. Как мы знаем, во время войны он не держал в себе свой страх за сражающихся на фронте сыновей и его письма изобилуют подробностями их армейской жизни, как будто это было очень интересно его корреспондентам. «В большой семье, – однажды признался Фрейд своему пациенту, американскому врачу Филиппу Лерману, – всегда можно ждать несчастий. Кому бы ни досталась, подобно вам, роль главного помощника в семье – роль, также знакомая мне, – она всю жизнь будет сопровождаться тревогами и заботами». Основатель психоанализа даже шутил по поводу роли отца. «Какая жалость, как говорят в вашей стране, что вам нет покоя в семье! Но когда кого-нибудь из нас, евреев, оставляла в покое семья? Никогда, пока мы не обретем вечный покой». Какие бы чувства ни будили в нем дети, Фрейд пытался не выделять среди них любимчиков.

Тем не менее, несмотря на всю свою беспристрастность, основатель психоанализа со временем понял, что к своему младшему ребенку – Аннерль – относится по-особенному. «Малышка, – писал он Ференци во время войны, воспользовавшись любимым домашним именем дочери, – необыкновенно милое и интересное существо». Аннерль, пришлось признать Фрейду, ему милее и интереснее, чем ее братья и сестры. «Ты получилась немного не такой, как Мат[ильда] и Софи», – писал он Анне в 1914 году, прибавив, что у нее более интеллектуальные интересы и она не удовлетворится чисто женскими занятиями.

Признание необычного ума Анны и особого места, которое она занимала в его жизни, отражалось в тоне, которого Фрейд придерживался в общении с дочерью, – нежные наставления с добавлением почти психоаналитических толкований. В отношении других детей такой тон практически отсутствовал. С другой стороны, Анна всегда стремилась к особой близости с отцом, и это стремление с годами усиливалось. В детстве она отличалась слабым здоровьем, и ее регулярно отправляли на курорты – ради отдыха, оздоровительных прогулок и небольшой прибавки веса. Письма Анны того периода изобилуют новостями о килограмме, который она набрала за неделю, или о половине килограмма, набранной за следующую. А еще она очень скучала по отцу… Ей становится лучше, заверяла Анна «дорогого папу» в письме с курорта летом 1910 года, когда ей было 14 лет. Она «набирает вес и стала крепкая и толстая». Кроме того, уже в этом юном возрасте она проявляла материнскую заботу об отце: «Ты не испортил себе желудок в горах Гарц?» Анна надеялась, что мальчики – ее братья – присмотрят за ним, но явно считала, что сама смогла бы позаботиться об отце лучше. В целом соперничество с братьями и сестрами было постоянным. «Я тоже очень хотела бы одна путешествовать с тобой, как теперь Эрнст и Оливер». Анна проявляла преждевременный интерес к работам отца: она попросила своего «очень милого» доктора Йекельса позволить ей прочитать «Бред и сновидения в «Градиве» В. Йенсена», но врач поставил условием согласие самого Фрейда. Девочке нравились ласковые прозвища, которые придумывал для нее отец. «Дорогой папа, – писала она следующим летом, – меня уже давно никто не называл черным чертенком, и мне очень этого не хватает».

Большинство ее недомоганий, таких как боли в спине, отец считал психосоматическими, сопровождавшимися раздумьями и размышлениями, которые она сама решительно критиковала как бессмысленные[217]. Фрейд просил дочь сообщать ему обо всех симптомах, и Анна не разочаровала его. В начале 1912 года, чувствуя себя несчастной, она без стеснения описывала отцу свое душевное состояние. Она не больна и не здорова, писала Анна, и не понимает, что именно с ней не так. «Но что-то со мной происходит», и затем она чувствует себя утомленной, начинает переживать из-за всего на свете, в том числе из-за своей праздности[218]. Анна желала быть рассудительной, как ее сестра Матильда: «Я хочу быть разумным человеческим существом, или, по крайней мере, стать им». В ее жизни это был сложный период. «Знаешь, – каялась она отцу, – я не должна была все это тебе

писать, чтобы не расстраивать тебя». Но поскольку он сам просил ее ничего не скрывать, добавила она в постскриптуме, «я не могу написать тебе больше, потому что сама ничего не знаю, но обещаю ничего от тебя не скрывать». Только, просила Анна, пусть он напишет ей поскорее: «Тогда я буду разумной, если ты мне чуть-чуть поможешь».

Фрейд очень хотел помочь. В 1912 году, когда Матильда уже вышла замуж, а Софи готовилась последовать примеру сестры, Анна стала, как любил называть ее отец, дорогой единственной дочерью. В ноябре, когда Анна уехала на несколько месяцев на популярный итальянский курорт Мерано, Фрейд советовал ей расслабиться и наслаждаться жизнью. Когда она привыкнет к безделью и солнцу, убеждал он дочь, то обязательно прибавит в весе и будет чувствовать себя лучше. Анна, со своей стороны, напоминала отцу, как сильно по нему скучает. «Я всегда ем столько, сколько могу, и я очень разумна, – писала она из Мерано. – Я много о тебе думаю и с нетерпением жду от тебя письма, когда у тебя будет время написать». Это был постоянный мотив в их переписке. Ее отец такой занятой человек! Когда Анна выразила желание приехать домой, Фрейд убеждал ее остаться подольше, даже если это означало, что она пропустит свадьбу Софи, которая была назначена на середину января 1913 года. Это было мудрое врачебное предложение. Анна уже признавалась ему, что «бесконечные ссоры» с Софи просто ужасны, поскольку она любила старшую сестру и восхищалась ею, а Софи игнорировала ее. Подобные приступы самоуничижения, сохранившиеся надолго, были характерными для девочки. Даже отец, несмотря на все свое влияние на Анну, оказался не в состоянии разубедить ее.

Конечно, Фрейд пытался это сделать. Он решил, что Анна достаточно взрослая, чтобы усвоить некоторые психоаналитические истины. Как бы то ни было, она уже изучала свое душевное состояние. Совершенно очевидно, что приближающаяся свадьба сестры вызвала у нее сильные и противоречивые чувства. Анна признавала, что хочет и в то же время не хочет вернуться домой и присутствовать на бракосочетании: с одной стороны, она радовалась возможности роскошного отдыха в Мерано, а с другой – расстраивалась, что не увидит Софи перед тем, как сестра покинет отчий дом. В любом случае она была «гораздо более чувствительной», чем раньше. «Ты был бы удивлен насколько, хотя на расстоянии этого не видно. А стать такой разумной, как ты предлагаешь, – в этой фразе Анны явственно слышится вздох, – очень тяжело, и я не знаю, смогу ли я этому научиться». Подобный самоанализ давал Фрейду шанс. Ее

разнообразные недомогания и боли, объяснял он дочери, имеют психологическое происхождение. Они вызваны смешанными чувствами относительно свадьбы Софи и ее будущего мужа Макса Хальберштадта. «Ведь ты сама знаешь, что ты немного странная». Фрейд не собирался упрекать Анну за «вековую ревность к Софи», вину за которую он возлагал в основном на саму Софи. Но ему казалось, что Анна перенесла эту ревность на Макса и это мучило ее. Кроме того, она что-то скрывала от родителей «и, возможно, от себя самой». Фрейд мягко уговаривал дочь не «хранить тайны, не стесняться». Он обращался к ней как психоаналитик, советующий пациенту ничего не скрывать, но закончил письмо как отец: «В конце концов, ты не должна вечно оставаться ребенком, а обрести мужество и смело взглянуть в глаза жизни и всему, что она с собой приносит».

Но одно дело – уговаривать Анну повзрослеть, а совсем другое – *позволить* ей это. Девочка много лет оставалась для Фрейда «малышкой». Ласковое обращение «моя дорогая единственная дочь», как он шутливо назвал Анну во время помолвки Софи, регулярно появляется и после ее замужества. В марте 1913 года Анна была его «маленькой, теперь единственной дочерью», которую мэтр этой весной взял с собой в короткую поездку в Венецию. Ее Анна ждала с нетерпением и получила от нее огромное удовольствие. Итальянское путешествие «…с тобой еще чудеснее, чем было бы без тебя!» – восклицала она. Впоследствии Фрейд признался Ференци, что его «маленькая Анна» навевает ему мысли о Корделии, младшей дочери короля Лира[219], и затем эти мысли вылились в трогательные рассуждения о роли женщин в жизни и смерти мужчин в статье «Мотив выбора ларца», опубликованной в том же году. Сохранилась прелестная фотография Фрейда и Анны, сделанная в Доломитовых Альпах примерно в это время: мэтр в костюме для прогулок – шляпа, куртка с ремнем, бриджи и прочные ботинки – и под руку с ним безмятежная Анна в простом платье с узким лифом и фартуком, подчеркивавшим ее стройную фигуру.

Даже летом 1914 года, когда Анне было почти 19 лет, основатель психоанализа в письме Джонсу все еще называл ее «моя маленькая дочь». Но в тот раз у мэтра была скрытая причина. Он защищал дочь от притязаний Джонса. «Мне известно из надежных источников, – предупреждал он Анну 17 июля, – что у доктора Джонса серьезные намерения просить твоей руки». Фрейд заявлял о своем нежелании ограничивать свободу выбора дочери, предоставленную старшим сестрам, но, поскольку в ее «юной жизни» еще не случалось предложений и отношения с

родителями были «еще более близкими», чем у Матильды и Софи, он считал, что «малышке» не следует принимать серьезное решение, «предварительно не убедившись в нашем (в данном случае моем) согласии».

Фрейд, конечно, отрекомендовал Джонса как друга и очень ценного сотрудника. Но… В конце концов, это могло стать для Анны еще большим искушением, поэтому он посчитал своей обязанностью высказать два возражения против союза Джонса с его «единственной дочерью». Во-первых, «мы бы хотели, чтобы ты не выходила замуж, пока не увидишь, не узнаешь и не проживешь чуть больше». Совершенно очевидно, что ей не следует думать о браке в ближайшие пять лет. Кроме того, убеждал Анну отец, побуждаемый мучительными воспоминаниями о том, как долго он сам ждал ее мать, необходимо избавить себя от продолжительной помолвки. Во-вторых, напоминал ей Фрейд, Джонсу 35 лет, то есть он почти в два раза старше ее. Вне всяких сомнений, он нежный и добрый человек, который всем сердцем станет любить жену и будет благодарен за ее любовь, но ему нужна женщина постарше, земная и практичная. Джонс, отмечал мэтр, пробил себе дорогу из «очень простой семьи и тяжелых жизненных обстоятельств». Он глубоко погружен в науку и «лишен такта и тонкой деликатности», которых такие, как Анна – «избалованная», «очень молодая и несколько сдержанная девушка», – вправе ожидать от мужа. На самом деле, прибавил основатель психоанализа, проворачивая нож в ране, Джонс гораздо менее независим и гораздо больше нуждается в моральной поддержке, чем кажется на первый взгляд. И поэтому, заключил Фрейд, Анна должна быть скромной, доброжелательной и милой в общении с Джонсом, но не оставаться с ним наедине.

Совершенно очевидно, что эти осторожно сформулированные инструкции дочери не рассеяли тревогу основателя психоанализа. Пять дней спустя после ее отъезда в Англию Фрейд мягко, в сжатом виде повторил свои рекомендации. Анна не должна избегать общества Джонса, ей следует вести себя с ним по возможности свободно и раскованно и избрать тон «дружбы и равенства», что в Англии достигается особенно легко. Однако и второе предостережение не успокоило отца. В тот же день Фрейд написал Джонсу «несколько строк», как он тут же сообщил Анне, «которые предотвратят какое-либо ухаживание и в то же время не дадут повода для личных обид».

Эти «несколько строк» представляют собой любопытный документ. «Возможно, вы недостаточно хорошо ее знаете, – писал мэтр Джонсу. – Она самая одаренная и совершенная из моих детей, к тому же с бесценным характером, всегда готовая учиться,

видеть новые места и понимать мир». Все это он уже прямо говорил Анне. Но затем тон основателя психоанализа меняется, и следующие строки можно назвать викторианской идеализацией. «Она не претендует, чтобы с ней обращались как с женщиной, будучи все еще далекой от сексуальных желаний и в целом сторонящейся мужчин. Между нами есть искреннее понимание, что она не должна задумываться о браке или помолвке, пока не станет на 2 или 3 года старше. Я не думаю, что она нарушит договор». Этот «договор», как мы знаем, был воображаемым. Существовала только настойчивая просьба Фрейда к Анне, чтобы она отложила серьезные мысли о мужчинах. Безусловно, такая стратегия не была ни дальновидной, ни разумной: Фрейд убеждал других людей, а Анна саму себя, что в плане чувств она моложе своего возраста. Но еще важнее, довольно откровенно заявлял мэтр в письме Джонсу, чтобы его дочь оставили в покое. Однако декларирование того, что у Анны, взрослой молодой женщины, отсутствуют сексуальные чувства, звучало как слова обычного буржуа, который никогда не читал труды Фрейда. Это можно истолковать как намек самого мэтра, что для Джонса любые притязания на Анну будут равносильны насилию в отношении ребенка – завуалированное предупреждение, к которому Джонс, с учетом обвинений, выдвигавшихся против него в Англии 10 лет назад, должен был быть особенно чувствительным. Но отрицание Фрейдом сексуальности собственной дочери явно нетипично. Оно воспринимается как проявление желания, чтобы его малышка оставалась маленькой девочкой – *его* малышкой[220].

Реакция Анны на просьбы отца стала очередным упражнением в самоуничижении. «То, что ты писал мне об уважении, которым я пользуюсь в семье, – писала она ему из Англии, – звучит очень мило, но я не могу поверить, что это правда. Например, я не верю, что в доме что-то сильно изменилось из-за моего отсутствия. Я убеждена, что мое отсутствие ощущаю только я». Трудно сказать, до какой степени Эрнест Джонс понимал эту маленькую драму, невольным участником которой стал сам. Конечно, он ясно видел, какое участие принимает Фрейд в судьбе младшей дочери. У Анны, отвечал он мэтру, «чудесный характер, и впоследствии она станет замечательной женщиной, если только сексуальная сдержанность не повредит ей». Разумеется, прибавлял Джонс, «она необыкновенно привязана к вам, и это один из редких случаев, когда реальный отец соответствует отцу-имаго». Это проницательное наблюдение не должно было удивить основателя психоанализа. Однако принять его последствия он не был готов.

Как известно, Анна Фрейд благополучно справилась с испытаниями, которые ждали ее в Англии. Она вернулась домой через месяц – после осмотра множества достопримечательностей, иногда в обществе Джонса – не невестой и не любовницей. Следующие несколько лет – годы войны, революции и медленного восстановления – при взгляде в прошлое кажутся подготовкой Анны к карьере психоаналитика, но ее путь к фрейдизму был в какой-то степени окольным. Она получила профессию учительницы, сдала экзамены и работала, когда ей было чуть за двадцать, в школе для девочек. Впрочем, более чем очевидно, что дочери Фрейда не суждено было всю жизнь стоять у классной доски.

Много лет спустя Анна вспоминала, как маленькой девочкой сидела в библиотеке отца в квартире на Берггассе, 19, и слушала его споры с гостями. «Это было очень полезно». Еще полезнее оказалось непосредственное изучение книг отца. Во время продолжительного пребывания в Мерано зимой 1912/13 года она сообщала, что прочитала некоторые из них. «Ты не должен этому удивляться, – писала она, как будто оправдываясь. – В конце концов, я теперь взрослая, и вполне естественно, что они мне интересны». Анна читала, просила отца объяснить такие специальные термины, как «перенос», а в 1916 году посещала второй цикл вводных лекций о сновидениях, который он читал в университете. Эти демонстрации ораторского искусства в значительной мере усилили ее зарождающееся желание стать психоаналитиком – как отец. В следующем году, слушая последний цикл его лекций, о неврозах, Анна заметила среди слушателей Хелен Дойч, которая носила белый халат врача, словно символ профессии. Под впечатлением от увиденного Анна пришла домой и сказала отцу, что для подготовки к карьере психоаналитика хочет поступить на медицинский факультет. Фрейд не возражал против далеко идущих планов дочери, но не приветствовал ее желание стать доктором. Анна была не первой и не последней из тех, кого мэтр убедил выбрать карьеру психоаналитика без медицинского образования.

Поддерживаемый верными сторонниками, основатель психоанализа теперь начал вводить Анну в свою профессиональную семью, а в 1918-м стал анализировать ее. В этом же году ее пригласили на международный конгресс в Будапеште, но Анна не смогла приехать из-за своей работы в школе. Два года спустя, когда психоаналитики собрались в Гааге, ей повезло больше – Анна сопровождала довольного и гордого отца на научные дискуссии и роскошные обеды. Ее письма

отражали постепенно углублявшееся знакомство с психоанализом. Несколько лет она отправляла отцу описания своих самых интересных, в основном страшных, снов. Теперь же Анна анализировала их, а Фрейд предлагал свои толкования. Она отмечала собственные ошибки при письме. Одной из первых читала новые публикации отца[221]. Присутствовала на собраниях психоаналитиков, причем не только в Вене. В письме отцу из Берлина в ноябре 1920 года Анна недвусмысленно и со знанием дела хвалила его сторонников и открыто завидовала тем, кто, подобно «маленькой мисс Скотт», уже занимался психоанализом детей. «Видишь, – прибавила она в приступе самокритики, – все могут делать гораздо больше, чем я». К этому времени она, испытывая смешанные чувства, оставила школу[222], чтобы стать психоаналитиком.

Первыми «пациентами» Анны стали племянники – осиротевшие маленькие сыновья Софи Эрнстль и Хейнеле. В 1920 году она много времени провела с ними в Гамбурге, а летом в Аусзе. Особенно беспокоил Анну шестилетний Эрнстль, которого ее отец любил гораздо меньше, чем обаятельного болезненного Хейнеле. Анна расспрашивала его и обсуждала с ним серьезные вопросы, например откуда берутся дети и что такое смерть. Эти содержательные, доверительные беседы позволили ей прийти к выводу, что страх темноты стал у мальчика следствием предупреждения, а скорее угрозы матери, что если он не прекратит играть со своим пенисом, то сильно заболеет. Похоже, не все члены семьи Фрейда придерживались его педагогических рекомендаций…

Этим осторожным психоанализом племянника Анна не ограничилась. Она начала анализировать сны других людей и весной 1922 года написала статью по психоанализу, надеясь, что эта работа станет для нее входным билетом в Венское психоаналитическое общество – с согласия отца. Анна призналась ему, что членство в обществе – ее заветная мечта. В конце мая эта мечта осуществилась. Статья о фантазиях избиения была отчасти основана на ее собственной внутренней жизни, однако субъективное происхождение аргументации нисколько не мешает научному характеру работы. «Моя дочь Анна, – писал весьма довольный мэтр Джонсу в начале июня, – прочла хороший доклад в прошлую среду». Две недели спустя, выполнив эту формальную обязанность, Анна Фрейд стала полноправным членом Психоаналитического общества.

После этого ее репутация среди близких друзей основателя движения быстро упрочивалась. Уже в 1923 году Людвиг Бинсвангер заметил Фрейду, что стиль Анны теперь уже

невозможно отличить от его собственного стиля, а в конце 1924-го Абрахам, Эйтингон и Закс прислали из Берлина предложение включить ее во внутренний круг. Она должна не просто работать секретарем отца, что Анна делала уже не один год, но участвовать в их дискуссиях и по возможности присутствовать на встречах. Вне всяких сомнений, сие стало своего рода данью уважения мэтру, что, по мнению авторов письма, должно было доставить ему удовольствие, но это предложение также отражает доверие, которое завоевала Анна Фрейд у самых близких коллег отца.

Фрейд всецело поддерживал профессиональные устремления дочери, но никак не мог примириться с ее личной жизнью. Девушка не подавляла и не вытесняла свои чувства. Анна всем наслаждалась, в первую очередь радостями дружбы. Отец признавал ее потребность в дружбе и стремился поощрять таковую. Приглашая в конце 1921 года на Берггассе, 19, Лу Андреас-Саломе, он делал это в основном ради дочери. «Анна явно жаждала дружбы с женщинами, – писал мэтр Эйтингону, – после того, как ей пришлось расстаться с англичанкой Лоу, венгеркой Ката и вашей Миррой». Лоу Канн, бывшая любовница Джонса и пациентка Фрейда, уехала в Англию. Ката Леви, закончившая сеансы психоанализа у основателя движения, вернулась в Будапешт, а жена Эйтингона Мирра жила с ним в Берлине. «Кстати, к моей радости, она весела и довольна, – прибавил Фрейд. – Единственное, чего я могу желать, – чтобы она скорее нашла причину обменять привязанность к старому отцу на более долговечную». Анна, жаловался основатель психоанализа своему английскому племяннику, «успешна во всех отношениях, за исключением того, что ей не посчастливилось встретить мужчину, который ей подходит».

Благородный план Фрейда найти для дочери достойную дуэнью осуществился, превзойдя его самые смелые надежды. В апреле 1922-го Анна поехала в Геттинген с ответным визитом к своей новой подруге – которая была «на самом деле великолепна» – и возобновила доверительные, почти психоаналитические беседы, начавшиеся еще в прошлом году во время пребывания Лу Андреас-Саломе в Вене. Их близость приобрела мистический оттенок. Анна утверждала, что без помощи фрау Лу, «необычным и оккультным способом», она вообще не смогла бы написать свою статью о фантазиях избиения. Она теперь сильно привязана к «дорогой Лу», сообщал Фрейд Эрнесту Джонсу в июне 1922 года, а через месяц выражал благодарность своей старой приятельнице за «нежное» отношение

к «ребенку». Анна, писал он, много лет мечтала познакомиться с ней поближе, и «если она хочет чего-то достичь – я надеюсь, что у нее есть природные способности, – то нуждается во влиянии и дружбе, которая удовлетворит самым высоким требованиям. Я ограничивал ее общение с мужчинами, и ей до сих пор часто не везло с подругами. Она развивалась медленно и моложе своих лет не только внешне». Почти не сдерживаясь, Фрейд дает выход своим противоречивым желаниям: «Иногда я очень хочу, чтобы она нашла хорошего человека, а иногда боюсь потерять ее». Две женщины, такого разного возраста, но близкие в своем интересе к психоанализу и единые в восхищении Фрейдом, вскоре уже были на «ты», и их привязанность оказалась долговечной.

Но основателю психоанализа не давал покоя статус Анны – она ведь была не замужем. В 1925 году мэтр снова вернулся к этому вопросу в письме к племяннику: «И последнее, но не менее важное – Анна, которой мы можем гордиться. Она стала педагогом-психоаналитиком, занимается непослушными американскими детьми… зарабатывает много денег, которые тратит очень щедро, помогая разным бедным людям; она член Международного психоаналитического объединения, заработала себе хорошую репутацию своими произведениями и пользуется уважением коллег. Она миновала тридцатилетний рубеж, но, похоже, не склонна выходить замуж, и кто знает, смогут ли преходящие интересы сделать ее счастливой, когда ей придется жить без отца?» Хороший вопрос.

Анна снова и снова давала отцу знать, какое место он занимает в ее мыслях. «Ты даже не представляешь, как много я думаю о тебе», – писала она в 1920 году. Анна следила за его пищеварением с заботливостью матери или, скорее, жены. В середине июля 1922-го она по слабым намекам догадалась, что отец может быть нездоров. «Как поживают две твои статьи? – спрашивала она и тут же переходила к тому, что ее волновало: – У тебя плохое настроение или это мне только кажется из твоих писем? Гастайн уже не так красив, как прежде?» Это было за две с лишним недели до того, как Фрейд признался Ранку, что чувствует себя неважно. Анна решительно защищала право отца на отдых и восстановление сил, даже если на это придется тратить валюту. «Не позволяй пациентам мучить тебя, – уговаривала она. – Пусть все миллионеры остаются безумцами; им все равно больше нечем заняться». С 1915 года, за несколько лет до сеансов психоанализа и так же тщательно, как и во время их, Анна записывала свои сны, чем вызывала беспокойство отца, явное или скрытое. Ее «ночная жизнь», как она это называла,

зачастую была «неприятной», а еще чаще просто страшной. «Теперь большую часть времени, – сообщала Анна отцу летом 1919-го, – в моих снах происходит что-нибудь плохое, связанное с убийством, стрельбой или умиранием». Что-то плохое в снах с ней происходило на протяжении многих лет. Анне снова и снова снилось, что она слепнет, и это приводило ее в ужас. Она видела во сне, что нужно защищать ферму, принадлежавшую им с отцом, выхватывала саблю, но та оказывалась сломанной, и она оставалась беспомощной перед лицом врага. Ей снилось, что невеста доктора Тауска сняла квартиру на Берггассе, 20, через дорогу от их дома, чтобы застрелить отца из пистолета… Но самое откровенное заявление, почти детский сон по своей непосредственности, пришло летом 1915 года. «Недавно мне снилось, – сообщала Анна, – что ты король, а я принцесса, что люди хотят разлучить нас с помощью политических интриг. Это было неприятно и очень тревожно»[223].

За много лет у Фрейда накопилось немало свидетельств, что нежная и абсолютно чистая привязанность к нему дочери вполне могла повлиять на ее способность найти подходящего мужа. До начала сеансов психоанализа с Анной он отвечал на ее сообщения о своих снах небрежно, почти легкомысленно. Однако не замечать привязанность к нему дочери было невозможно… В 1919 году мэтр мимоходом заметил Эйтингону, что у его Анны комплекс отца. Несмотря на свое глубокое знание семейных отношений, основатель психоанализа не смог до конца понять, насколько велик мог быть его вклад в нежелание дочери выходить замуж. Другие видели это гораздо яснее, чем он. В 1921-м, когда американские «ученики» Фрейда удивлялись, почему его дочь Анна, «очень привлекательная девушка», не выходит замуж, один из них, Абрам Кардинер, предложил ответ, который казался ему очевидным. «Вы только посмотрите на ее отца, – сказал Кардинер друзьям. – Это идеал, до которого могут дотянуться лишь немногие мужчины, а привязанность к менее достойному человеку, несомненно, станет для нее унижением». Если бы Фрейд в полной мере осознавал степень своей власти над дочерью, то, возможно, не стал бы ее анализировать.

Этот анализ проходил очень нерегулярно, и мэтр, как и его дочь, должен был сие понимать. Процесс затянулся надолго. Начавшиеся в 1918-м сеансы продолжались три года, а в 1924-м еще год, после перерыва. Тем не менее Фрейд никогда не упоминал об этом анализе публично и очень редко в частных беседах и письмах. Анна Фрейд была не менее скрытной. Она рассказывала отцу (и психоаналитику в одном лице) о своих снах, которые теперь иногда оставляла для сеансов психоанализа –

вместе с мучительными фантазиями и историями, рассказанными самой себе. От остальных эти глубоко личные переживания Анна по большей части скрывала. В 1919-м, через год после начала анализа, во время летнего отдыха в сельской Баварии с подругой Маргаретль она отплатила откровенностью за доверительный рассказ той о своих болезнях. «Я сказала ей, – писала Анна отцу, – что ты меня анализируешь». Разумеется, в тайну была посвящена Лу Андреас-Саломе – как и Эйтингон, а впоследствии еще несколько человек. Однако этот анализ оставался глубоко личным делом.

Сие неудивительно. Рекомендации Фрейда о том, как психоаналитик должен реагировать на перенос пациента и собственный контрперенос, ясны и недвусмысленны. Его решение подвергнуть дочь психоанализу, похоже, было умышленным нарушением правил, точного соблюдения которых он с такой настойчивостью требовал – от других. В 1920-м в письме Ката Леви по окончании ее анализа мэтр выразил удовлетворение, что теперь может писать ей просто и сердечно, «без дидактической грубости анализа, не скрывая моих нежных дружеских чувств к вам», а два года спустя, когда к нему пришла Джоан Ривьер, которая до этого пыталась пройти психоанализ у Джонса, обрушил на того целый поток писем, критикуя его поведение в отношении пациентки. Ривьер влюбилась в Джонса, а он испортил процесс переноса. «Я очень рад, – писал Фрейд, – что у вас с ней не было сексуальных отношений, как заставили меня подозревать ваши намеки. Совершенно очевидно, что это была техническая ошибка – подружиться с ней до завершения анализа».

Как же тогда быть с технической ошибкой, которую Фрейд совершал в течение всего времени анализа младшей дочери? Сам мэтр явно не думал о том, что он что-то нарушает: в период становления психоанализа предложенные им правила применялись не всегда и зачастую обходились стороной. Идеал аналитической дистанции по-прежнему был неопределенным и неточным. Юнг, еще будучи сторонником Фрейда, пытался анализировать свою жену. Макс Граф подверг психоанализу своего сына Герберта, и основатель движения помогал ему, выступая в качестве консультанта, – теперь мальчик известен нам всем как маленький Ганс. Фрейд анализировал своих друзей Эйтингона и Ференци, а Ференци, в свою очередь, собственного коллегу Эрнеста Джонса. Более того, в начале 20-х годов прошлого столетия, через много лет после того, как Фрейд в своих статьях по технике психоанализа сравнил отношение аналитика к пациенту с бесстрастным поведением хирурга, основоположник детского психоанализа Мелани Кляйн

анализировала собственных детей. Когда старший сын итальянского психоаналитика Эдуардо Вейсса, намереваясь пойти по его стопам, попросил отца проанализировать его, тот обратился за советом к Фрейду. В своем ответе основатель движения назвал такого рода анализ деликатным делом. Все зависит, писал он, от двух участников процесса и от их взаимоотношений. С младшим братом это может быть легче, а с сыном не исключены особые проблемы. «С моей дочерью все получилось хорошо».

Возможно. Однако анализ, как признался сам Фрейд, проходил нелегко, даже после возобновления в 1924 году. Мэтру пришлось сократить число пациентов до шести, как он писал Лу Андреас-Саломе в мае, и «взяться за 7-й анализ с особыми чувствами: это моя дочь Анна, которая достаточно неразумна, чтобы льнуть к своему старому отцу». Теперь он был совершенно откровенен со своей «дорогой Лу». «Ребенок доставляет мне достаточно волнений». Как она перенесет одинокую жизнь после его смерти? «Смогу ли я вытащить ее либидо из укрытия, в которое оно забралось?» Он признавался, что Анна «имеет необыкновенный дар быть несчастной, но, вероятно, недостаточно таланта, чтобы позволить себе быть стимулированной к успешной работе этим несчастьем». Фрейд утешал себя, что, пока жива Лу, его Анна не останется одна… «Но она настолько моложе нас обоих!» Какое-то время, летом 1924 года, казалось, что анализ будет прерван, но этого не случилось. «То, что вы говорите о шансах Анны в жизни, – писал Фрейд Лу Андреас-Саломе в августе, – полностью соответствует действительности и всецело подтверждает мои страхи». Он понимал, что стойкая зависимость дочери от него была «непозволительной задержкой в ситуации, которая должна быть всего лишь подготовительной стадией». Однако эта стадия никак не заканчивалась. «Анализ Анны продолжается, – сообщал мэтр своей «дражайшей Лу» в мае следующего года. – Она сталкивается с трудностями, и ей нелегко найти способ применить к себе самой то, что теперь она так ясно видит в других. Ее превращение в опытного, терпеливого и сочувствующего психоаналитика идет очень успешно». Но, прибавлял Фрейд, общим направлением жизни Анны он не удовлетворен. «Боюсь, что ее вытесненная генитальность однажды может сыграть с ней злую шутку. Я не могу освободить Анну от себя, и никто мне в этом не помогает». Чуть раньше основатель психоанализа очень образно сформулировал свою дилемму: если Анне придется покинуть дом, писал мэтр Андреас-Саломе, он будет чувствовать себя таким же несчастным, как если бы бросил

курить. Совершенно очевидно, что Фрейд ощущал себя беспомощно запутавшимся – разрывавшимся на части, уставшим от жизни – в собственных отношениях с любимой дочерью. Он попался в ловушку своих желаний и не мог избавиться от них. «Со всеми этими неразрешимыми конфликтами, – признавался основатель психоанализа Лу Андреас-Саломе еще в 1922 году, – хорошо, что жизнь когда-то подходит к концу».

Вне всяких сомнений, Зигмунд Фрейд имел все основания гордиться своей Аннерль так, как он ею гордился. Но эмоциональная цена, которую пришлось заплатить за ее подготовку как психоаналитика, никогда не была подсчитана. До конца жизни Фрейда отец и дочь оставались ближайшими союзниками, практически равными коллегами. Когда в конце 20-х годов XX века ее взгляды на детский психоанализ подверглись критике в Лондоне, мэтр яростно защищал дочь. В свою очередь, Анна Фрейд в своей классической монографии о психологии «Я» и защитных механизмах, опубликованной в середине 30-х, опиралась не только на свой клинический опыт, но и на труды отца, которые служили главным и самым авторитетным источником ее теоретических открытий. У нее сложилось собственническое чувство по отношению к отцу, она была чувствительна к любым взглядам, содержащим даже намек на критику его работы, и ревновала к другим людям – сестрам и братьям, друзьям и пациентам, – которые могли посягнуть на ее прерогативы[224]. В начале 20-х годов отец и дочь стали – и до самого конца оставались – интеллектуально и эмоционально неразлучными.

В конце жизни Фрейд любил называть дочь Анну своей Антигоной. Искать в этой метафоре особо глубокий смысл не стоит: основатель психоанализа был образованным европейцем, разговаривавшим с другими образованными европейцами, и в поисках нужного сравнения обратился к Софоклу. Однако совсем не обращать на нее внимания было бы неправильно. Это имя подчеркивало отождествление Фрейдом себя с Эдипом, храбрым открывателем тайн человечества, давшим имя «ядерному комплексу», убийцей отца и любовником матери. И это еще не все. Общеизвестно, что связь Эдипа со всеми своими детьми была необыкновенно тесной. Рожденные его матерью, они приходились Эдипу не только детьми, но и братьями и сестрами. Но среди всех них выделялась Антигона. Она была его внимательным и преданным товарищем – точно таким же, как со временем стала для Фрейда Анна. В «Эдипе в Колоне» именно Антигона ведет за руку слепого родителя, а в 1923 году Анна Фрейд прочно заняла

место секретаря больного отца, его доверенного лица, представителя, коллеги и сиделки. Она стала его самой значимой опорой в жизни, союзницей в борьбе со смертью.

Анна Фрейд не ограничивала помощь отцу печатанием писем, когда он был прикован к постели, или чтением его речей на конгрессах и разнообразных церемониях. С 1923-го она заботилась и о его теле, как самая настоящая сиделка. Публично Фрейд благодарил за заботу и других. «Моя жена и Анна нежно ухаживали за мной», – писал он Ференци после первой операции весной 1923 года. «Следует отметить, – признавался мэтр племяннику в декабре, вскоре после второй серии операций, – что физическим силам, которые у меня сохранились после этой катастрофы, я обязан нежному вниманию жены и двух дочерей». И все-таки главной сиделкой Фрейда была Анна. Когда он не мог вставить протез, то обращался за помощью к ней, и однажды ей пришлось мучиться с неудобным приспособлением целых полчаса. Подобная физическая близость, не вызывавшая неприязни или отвращения, лишь укрепила связь между отцом и дочерью. Фрейд стал так же незаменим для Анны, как она была необходима ему.

Поведение основателя психоанализа в отношении младшей дочери, безусловно, по большей части было неосознанным. Временами он удивительно откровенно признавался в своих двойственных чувствах относительно того, что Анна живет в родительском доме. «Кстати, дела у Анны обстоят превосходно, – писал он Эйтингону, «дорогому Максу», в апреле 1921 года. – Она весела, трудолюбива и бодра. Мне одинаково хочется удержать ее в своем доме и знать, что у нее есть собственный. Жаль, что это не одно и то же!» Впрочем, гораздо чаще мэтр выражал опасения по поводу того, что она не замужем. «У Анны превосходное здоровье, – писал он племяннику в декабре 1921-го, – и все было бы просто безупречно, если бы она не встретила свой 26-й день рождения (вчера) все еще в отцовском доме». Подобно Антигоне в трагедии Софокла, фрейдовская Антигона не вышла замуж. Но для Фрейда это не было предрешенным выводом. Среди его бумаг сохранился конверт, по всей видимости датированный серединой 20-х годов, в котором явно были деньги, врученные на день рождения Анне. На конверте надпись: «Вклад в приданое или в независимость».

Показателем их близости может служить тот факт, что Фрейд пригласил младшую дочь участвовать в его экспериментах по телепатии. Когда в 1925 году мэтр сообщил Абрахаму, что Анна обладает «телепатической чувствительностью», он шутил лишь

наполовину. Как однажды проницательно заметила Анна Фрейд в письме Эрнесту Джонсу, «этот предмет, должно быть, одновременно притягивал и отталкивал его». Джонс свидетельствует, что мэтру нравилось рассказывать истории о странных совпадениях и таинственных голосах и он всегда был склонен к магическому мышлению, хотя и не слишком. Наиболее ярко эта склонность проявилась в 1905 году, когда основатель психоанализа пытался умилостивить богов во время опасной болезни дочери Матильды, «случайно» разбив одну из своих любимых древностей. Но больше всего, несмотря на спорные, по его мнению, доказательства, Фрейда привлекала телепатия.

В письме, датированном 1921-м, он заявлял, что «не принадлежит к тем, кто оправдывает отказ от изучения так называемых оккультных психологических феноменов как ненаучных, бесполезных и даже опасных». Скорее, мэтр описывал себя как «абсолютного неспециалиста и новичка» в этой области, но одновременно человека, который не может «избавиться от определенных скептических материалистических предубеждений». В том же году Фрейд составил записку «Психоанализ и телепатия» для конфиденциального обсуждения членами «комитета» – Абрахамом, Эйтингоном, Ференци, Джонсом, Ранком и Заксом, в которой оставался на той же позиции. Он с некоторой язвительностью отмечал, что у психоанализа нет причин следовать устоявшемуся мнению и презрительно отвергать оккультные явления. «Это будет не первый раз, когда мы поддерживаем туманные, но живучие предположения простых людей против заносчивого всезнания образованных». Тем не менее Фрейд с готовностью признавал, что бо2льшая часть так называемых исследований непонятных психических феноменов не относится к научным, тогда как психоаналитики – «суть неисправимые механисты и материалисты». Как ученый, он не склонялся к тому, чтобы соглашаться с суевериями и отказываться от логики, но в то же время был готов исследовать явления, которые выглядели сверхъестественными и противоречащими здравому смыслу. Почти все такие явления, утверждал мэтр, могут быть объяснены естественным образом. Удивительно точные пророчества и необычайные совпадения обычно оказываются проекциями сильных желаний. Тем не менее некоторые оккультные феномены, особенно в области передачи мысли, могут быть аутентичными. В 1921-м Фрейд объявил, что хочет оставить этот вопрос открытым, но одновременно предпочел ограничить его обсуждение близким кругом, чтобы откровенная дискуссия о телепатии не отвлекала внимание от психоанализа.

Впрочем, в следующем году, забыв – хотя и не до конца – о благоразумии, основатель психоанализа опубликовал довольно осторожную статью о снах и телепатии, в виде лекции для своих венских коллег. «Из этой лекции, – предупреждал он аудиторию, – вы ничего не узнаете о загадке телепатии и даже не поймете, верю ли я в существование «телепатии» или нет». В своем выводе Фрейд тоже уклончив: «Создалось ли у вас впечатление, что я втайне расположен признать реальность телепатии в ее сверхъестественном смысле? Я очень сожалею, что избежать подобного впечатления чрезвычайно трудно. Но в действительности я стремился быть абсолютно беспристрастным. И на это есть причина, поскольку у меня нет никакого собственного мнения, и я ничего об этом не знаю». Непонятно, зачем он вообще опубликовал эту статью. Сны, о которых мэтр сообщал, не доказывали существование телепатической связи, а, наоборот, поддерживали определенный скептицизм. Вещие сны или передача мыслей на расстоянии могут быть, утверждал Фрейд, всего лишь результатом деятельности бессознательного. Такое впечатление, что эта статья была для него просто источником заработка. «Желание верить, – как справедливо заметил Эрнест Джонс, – боролось с осторожностью неверия».

И действительно, все 20-е годы прошлого столетия Зигмунд Фрейд предостерегал своих коллег от позитивного отношения к данному вопросу. Во-первых, доказательства были неубедительными – это в лучшем случае, а во-вторых, в том, что психоаналитик открыто признавал телепатию достойной научного исследования, крылась определенная опасность. В начале 1925 года Ференци спросил близких друзей из числа коллег, как они отнесутся к тому, что на следующем Международном конгрессе психоаналитиков он прочитает доклад об экспериментах по передаче мыслей, которые он проводил с мэтром и Анной. Фрейд категорически возражал. «Я не советую. Не делайте этого».

Однако все эти разумные предосторожности, которым основатель психоанализа всегда подчинялся с неохотой, если вообще подчинялся, постепенно отступали на второй план. В 1926 году он напомнил Эрнесту Джонсу, что уже давно составил благоприятное мнение о телепатии и сдерживал себя только для того, чтобы защитить психоанализ от чрезмерной близости к оккультизму. Но недавно «эксперименты, которые я провел с Ференци и своей дочерью, оказались для меня настолько убедительными, что дипломатическим соображениям пришлось отступить»[225]. Фрейд прибавил, что находит телепатию очаровательной, потому что увлечение ею напоминает, хотя и в

приглушенном виде, «величайший эксперимент в моей жизни». Тогда он выступил против злословия публики как основатель психоанализа, и ему тоже пришлось ниспровергать общепринятые, респектабельные взгляды. Но, уверял мэтр Джонса, «если кто-то скажет вам, что я впал в грех, вы можете ответить, что моя приверженность телепатии является моим личным делом, как и мое еврейство, моя страсть к курению и прочие вещи, а тема телепатии несущественна для психоанализа». Анна Фрейд, которая понимала своего отца лучше, чем кто-либо другой, впоследствии преуменьшала его желание поверить в это явление. С телепатией, писала она Эрнесту Джонсу, «он пытался быть «честным», то есть не относиться к ней так, как другие относились к психоанализу. Я никогда не замечала, что сам он верил в нечто большее, чем возможность двух бессознательных сообщаться друг с другом без помощи мостика сознательного». Это во многом звучит как оправдание, но Анна защитила отца – как защищала всегда.

Несмотря на то что дочь стала для Фрейда важным и даже необходимым партнером, его по понятным причинам продолжали мучить сомнения. В письме Отто Ранку в апреле 1924 года мэтр немного раздраженно жаловался, что Абрахам совсем не понимает его состояние: «Он надеется, что мое «недомогание» скоро будет преодолено», и просто «не поверит, что у меня это новая, сокращенная программа жизни и работы». В сентябре Фрейд признавался Эрнесту Джонсу, что занят работой, но «вторичного порядка» – автобиографическим очерком. «Никаких новых научных интересов на горизонте не видно». И действительно, в мае 1925-го он говорил Лу Андреас-Саломе, что постепенно покрывается коркой бесчувственности. Такова природа вещей, «нечто вроде начала перехода в неорганическое состояние». Баланс между влечениями к жизни и смерти, которым мэтр теперь был теперь занят, постепенно смещался в сторону смерти. Фрейд только что отметил 69-й день рождения. Тем не менее восемь лет спустя, когда ему было 77 лет, он все еще смог произвести впечатление на пациентку – Хильду Дулитл – своей живостью и энергичностью. «Несколько дней назад профессор сказал мне, – отмечала в дневнике Х.Д. – что, проживи он еще пятьдесят лет, его все так же удивляли бы и восхищали разнообразие и причуды человеческого разума и души». Конечно, именно любопытство заставляло его работать даже после хирургических вмешательств по удалению опухоли. Работать, и значит – жить. Сразу после операций, в середине октября 1923 года, основатель психоанализа надеялся вернуться к практике

уже в ноябре, но повторные манипуляции Пихлера сделали этот срок нереалистичным. Фрейд начал принимать пациентов 2 января 1924 года – «всего» по шесть человек в день. Вскоре прибавилась и седьмая пациентка, Анна.

Цена популярности

В начале 1925 года в постскриптуме к письму Абрахаму Анна Фрейд в выразительной метафоре связала здоровье отца и здоровье страны. «Пихлер хочет, как он выразился, sanieren – реконструировать – протез самым решительным образом», а пока ее отец страдает из-за него, «как Австрия в процессе своей реконструкции». Анна имела в виду недавнюю Sanierung австрийской валюты – рациональный и важный шаг на пути восстановления экономики, который тем не менее сопровождался высокой, а в некоторых регионах просто катастрофической безработицей.

20-е годы прошлого столетия были неспокойными, и не только в Австрии, хотя это десятилетие знало и безоблачные периоды. Страны Центральной Европы силились восстановить свою разрушенную экономику с довольно скромным и переменным успехом. Они учились как-то жить с усеченными территориями и новыми политическими институтами, а их старые враги осторожно и зачастую с неохотой учились жить рядом с ними. В 1920 году маленькую Австрийскую республику приняли в Лигу Наций, на шесть лет раньше, чем Германию. Для Австрии это был дипломатический триумф, первый у побежденной страны – и один из последних.

Все это время австрийцы переживали бурный период социальных экспериментов, который усугублялся политической напряженностью: противоречия между «красной Веной» и католическими провинциями, между социал-демократами и Христианско-социальной партией так до конца и не разрешились. Влиятельные политические группы агитировали в парламенте и на улицах. Пангерманская Народная партия, в частности, многословно выражала свое горе по поводу недопустимого разделения Австрии и Германии. Мелкие партии – монархисты, национал-социалисты и прочие – отравляли политическую атмосферу подстрекательской риторикой, провокационными маршами и кровавыми стычками. В то время как социалистическое руководство Вены приняло амбициозную программу муниципального жилья, контроля за арендной платой, строительства школ и помощи бедным, Христианско-социальная партия, контролировавшая остальную страну, выделялась не

позитивной программой, а ненавистью. Она стремилась отстранить социал-демократов от власти, при необходимости силой, а ее члены отличались антисемитизмом, который был направлен в основном, хотя и не только, на несчастных еврейских иммигрантов, бежавших от погромов в Польше, Румынии и на Украине.

Если при взгляде в прошлое Веймарская республика в этот восстановительный период обретает позолоту завидного культурного богатства, то австрийцы даже никогда и не пытались нарисовать столь блестящий автопортрет. Их легенда сосредоточена на расцвете культуры в Австро-Венгерской империи в довоенный период. Австрия тоже внесла свой вклад в историю того времени, но по большей части в современное варварство: одним из ее даров миру был Адольф Гитлер. Родившийся в 1889 году в деревне Рансхофен, впоследствии ставшей частью маленького городка Браунау-на-Инне, он получил представление о грязной политической кухне Вены в дни мэра-антисемита Карла Люгера, которого называл самым сильным мэром всех времен. Именно Вена сформировала политическую «философию» Гитлера, злобную смесь расистского антисемитизма, искусного популизма, дикого социального дарвинизма и смутного желания «арийского» доминирования в Европе. Австрия, славившаяся своей музыкальной жизнью, красивыми девушками, шоколадным тортом «Захер» и, если уж быть точными, мифическим голубым Дунаем – на самом деле не голубым, а грязно-коричневым, – снабдила будущего фюрера теми идеями и подтолкнула к тем политическим действиям, которые обрушились на мир с другой, большей по размеру сцены – из Германии.

В 1919-м в Мюнхене демобилизованный в конце войны Гитлер присоединился к малоизвестной группе ярых националистов, обуреваемых антикапиталистическими идеями. В следующем году, когда группа стала называть себя Национал-социалистической немецкой рабочей партией – сокращенно нацистами, – харизматические качества Гитлера выдвинули его в лидеры. Он был политиком нового поколения – с ненасытной жаждой власти, презиравшим традиционные методы, практичным и фанатичным одновременно. В 1922-м в Италии установился диктаторский режим Бенито Муссолини, непревзойденного демагога и популиста, однако дуче, во многих отношениях пример для подражания и учитель нацистов, не мог соперничать с Гитлером, имевшим удивительную способность переходить от безжалостности к сентиментальности, дар манипулировать и массами, и лидерами промышленных корпораций. История

впоследствии оценит итальянский фашизм – помпезный, продажный, театральный и жестокий – как довольно умеренный по сравнению с нацистским «новым порядком», о котором Гитлер мечтал еще тогда, когда пребывал в безвестности[226].

Адольф Гитлер, с необыкновенным искусством подлаживавший собственную риторику к аудитории, никогда не забывал о своих смертельных врагах: либеральной культуре, демократах, большевиках, а главное – евреях. Путч, который он затеял в 1923-м в мюнхенской пивной, с треском провалился, но Гитлер обратил неудачу себе на пользу: около восьми месяцев он провел в комфортной тюремной камере, работая над книгой, которая станет библией нацистского движения, – Mein Kampf. Но после того, как в конце 1923 года Веймарская республика наконец одолела инфляцию, установила невиданный до сих пор общественный порядок и добилась дипломатического признания, Гитлер на несколько лет превратился в мелкого, маргинального политического деятеля, хотя и мог похвастаться несколькими сочувствующими из влиятельных кругов, а также преданными сторонниками.

Середина 20-х годов прошлого столетия была для Германии эпохой Густава Штреземана, стремившегося к примирению министра иностранных дел, а не фанатичного мечтателя Адольфа Гитлера. Штреземан говорил о возвращении Германии в международное сообщество и пытался вытащить страну из трясины военных репараций. В те годы в письмах Фрейда имя Гитлера не появляется – он был слишком незначительной фигурой. На улицах Германии по-прежнему вспыхивали бунты, а союзники по антигерманской коалиции продолжали настаивать на выплате тех самых репараций, которые тяжким грузом ложились на страну. В то же время в Германии наблюдался невиданный расцвет искусств – литературы, кино, театра, оперы и оперетты, балета, живописи, архитектуры и скульптуры. И психоанализа. Но Фрейд относился к Веймарской республике не лучше, чем к послевоенной Австрии. В 1926 году в интервью Джорджу Сильвестру Виреку основатель психоанализа говорил: «Мой родной язык немецкий. У меня немецкая культура и привычки. Интеллектуально я считал себя немцем, пока не заметил рост антисемитских предрассудков в Германии и немецкой Австрии. С тех пор я предпочитаю называть себя евреем».

Фрейд мог найти некоторое утешение, когда от размышлений о большом мире переходил к судьбам психоанализа после Первой мировой войны, однако он оставался скептически настроенным и

недовольным. На Рождество 1920 года мэтр писал Пфистеру, что получил из разных стран несколько достойных работ по популяризации психоанализа и вынужден признать, что «дело продвигается везде». Но тут же отказывался от своего оптимизма: «По всей видимости, вы переоцениваете мое удовлетворение. Какое бы личное удовольствие ни доставлял психоанализ, подобное тому, что я получал, когда был один, после присоединения других раздражение превалирует над удовольствием». Растущее признание психоанализа, прибавил мэтр, не заставило его изменить нелестное мнение о людях – мнение, которое сформировалось еще в те времена, когда все решительно и грубо отвергали его идеи. Возможно, предполагал Фрейд, такое отношение было отчасти обусловлено развитием его собственной психики, последствием его ранней изоляции: «Несомненно, в то время между мной и другими должна была образоваться непреодолимая пропасть». Годом раньше мэтр уже признавался Эйтингону, что с самого начала своей деятельности, когда он был совсем один, «тягостная тревога о будущем» связывалась с тем, что́ «человеческий сброд» сделает с психоанализом, когда его «больше не будет в живых».

Это звучит немного мрачно и откровенно цинично. Как бы то ни было, Зигмунд Фрейд пропагандировал узкоспециальный набор идей – более того, идей крайне неприятных и скандальных. Психоанализ намеревался – ни больше ни меньше – ниспровергнуть господствующие в психологии и психиатрии школы, не говоря уж о неуместном самоуважении обычных мужчин и женщин. В своих «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд немного театрально заметил, что его учение нанесло третий исторический удар по мании величия человечества. Коперник доказал, что Земля не является центром вселенной, Дарвин пригласил человека в царство животных, а теперь он, Фрейд, объяснял миру, что «Я» по большей части является слугой бессознательных и неконтролируемых психических сил. Неужели можно ожидать, что мир поймет – рассчитывать на то, что примет, не приходится – такое послание?

Обыденному сознанию предположения психоанализа казались невероятными, даже абсурдными, а подтверждающие их доказательства косвенными и непрочными. Они требовали смелого шага, пересмотра принципов, на что решались немногие. В 1919 году, когда голодная послевоенная Вена была буквально пропитана нелепыми радикальными идеями, психоанализ стал предметом бурных споров за столиками кафе. «Атмосфера, – вспоминает философ сэр Карл Поппер, – была насыщена революционными лозунгами, идеями, а также новыми, зачастую

дикими теориями». Язвительное и часто цитируемое высказывание Карла Крауса, что психоанализ и есть тот самый недуг, от которого он берется нас излечить, теперь уже немного устарело, однако в нем отразилась модная и давно устоявшаяся реакция. Например, Поппер – тогда ему было всего 17 лет – считал, что решительно отверг психоанализ вместе с психологией Адлера и марксизмом: все эти системы слишком много объясняют. Они настолько неточны в своих формулировках, что любое событие, любое поведение, вообще любой факт могут лишь подтвердить их. Доказывая абсолютно все, утверждал Поппер, они абсолютно ничего не доказывают. И Поппер являлся самым искушенным из массы новоявленных экспертов. В такой обстановке, когда ставка была столь высока, мучительно медленный прогресс психоанализа не должен был удивлять основателя движения.

Разговоры об идеях Фрейда в кофейнях, пивных и на вечеринках с коктейлями вряд ли помогали серьезному пониманию его теории. Технические термины и основные идеи мэтра истолковывали неправильно и постоянно искажали, превращая в общеупотребительные слова. «Психоанализ, – писал в 1923 году один из комментаторов, Томас Л. Массон, в типичной рецензии на четыре книги по этому предмету, – не только украшает литературу, но, как естественный результат, проникает в нашу жизнь и влияет на нее по многим другим направлениям». В качестве примера Массон приводил усилившееся влияние психоанализа в практике найма на работу и выражал надежду, что он «разрешит проблемы, поднятые ку-клукс-кланом». Впрочем, он довольно быстро отказался от этой надежды, хотя и в менее почтительном тоне, придя к выводу, что «мы откровенно скептичны в отношении его конечной ценности». Большинство тех, кто в 20-х годах решил высказать свое мнение о психоанализе, были не менее откровенны в своем скепсисе.

Массовая пресса, как газеты, так и журналы, внесла свою лепту в неразбериху и поверхностные суждения, представляя Фрейда в комичном, а нередко угрожающем свете. В неспокойные послевоенные годы широкая публика находила эту фигуру неотразимой. Зигмунд Фрейд был серьезным бородатым *герром профессором* с тягучим центральноевропейским акцентом, который привлек внимание к отношениям между полами. По слухам, его учение оправдывало самое свободное сексуальное самовыражение. Даже некоторые солидные обозреватели, которые сражались с работами Фрейда в воскресных приложениях, объявляли, что его труды скорее ставят их в тупик, чем

просвещают. Один из таких обозревателей – в данном случае обозревательница Мэри Кейт Ишем, – пытаясь понять такие работы Фрейда, как «По ту сторону принципа удовольствия» и «Психология масс и анализ «Я», призналась в разделе рецензий New York Times, что журналист «сталкивается со множеством трудностей в работах Фрейда, а в этих двух последних трудах еще в большей степени», особенно потому, что в них предпринята попытка, как считала Ишем, «представить результаты предыдущих исследований в «метапсихологической» форме», что она ошибочно называла недавно изобретенной дисциплиной.

Лишь немногие специалисты пытались противостоять клевете на Фрейда или неверному пониманию психоанализа. Проповедники, журналисты и педагоги отвергали его неприличные теории и жаловались на их пагубное влияние. В мае 1924 года доктор Брайан Браун, автор книги «Сила разума», в своем выступлении на симпозиуме, который проходил в церкви Святого Марка в Бауэри в Нью-Йорке, охарактеризовал понимание Фрейдом бессознательного как гнилое. На том же симпозиуме доктор Ричард Борден из Нью-Йоркского университета мужественно пытался объяснить такие фундаментальные идеи основателя психоанализа, как «душевная болезнь», «либидо», «комплексы» и «древний Адам», но доктор Браун возразил ему, что основатель движения не учит психологии. Фактически «идея Фрейда заключается в существовании некого внешнего отдела, где собираются опасные мысли, готовые прорваться в наше сознание. Более того, он все сводит к сексу». Старое обвинение, что Фрейд одержим сексом, казалось неискоренимым.

Через год после того, как доктор Браун назвал идеи основателя психоанализа гнилыми, известный нью-йоркский раввин и сторонник сионизма Стивен С. Вайз выдвинул то же самое обвинение, только в более изысканных выражениях. Выступая перед студентами в Международном доме, он призвал их отвернуться от журналиста и сатирика, автора множества афоризмов Генри Л. Менкена и снова открыть для себя безмятежность Мэтью Арнолда – поэта и культуролога, одного из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Но, продолжал Вайз, «еще более серьезной заменой «старых богов новыми», чем цинизм Менкена, являлась «мода на фрейдизм». Для Вайза, как и для многих обеспокоенных наблюдателей, Зигмунд Фрейд был притягательным пророком освобождения грубого инстинкта. «Я бы противопоставил Фрейда Канту, – заявил Вайз. – Постулату Канта «ты должен – значит, ты можешь» Фрейд

противопоставляет «ты можешь». Фрейдизм, решительно заключил Вайз, «погружается в нечистоты наших настроений и желаний, фантазий и страстей». Другие комментаторы отличались непостоянством. Летом 1926 года один остроумный человек, преподобный Джон Макнил из Десятой пресвитерианской церкви Филадельфии, заявил на конференции в Стоуни-Брук: «Сегодня каждый третий свихнулся на психоанализе. Если вы хотите быстро избавиться от них, попросите их написать это слово».

Такое отношение было типичным для того времени, причем не только в Соединенных Штатах. В ноябре 1922 года Эйтингон писал Фрейду из своего любимого Парижа, что психоанализ здесь ежедневно сражается с шумной оппозицией. Вероятно, совсем не случайно, что в тот самый день, когда в свет вышел французский перевод «Психопатологии обыденной жизни», «появилась злобная статья, в которой профессор Амар призывает власти защитить детей от психоанализа. Он очень сердится, этот господин Амар». Гнев тоже был защитой от посланий Фрейда.

Таким образом, дискуссии, разгоравшиеся по поводу идей основателя психоанализа, – как сочувственные, так и антагонистические – велись на ужасающе низком уровне. В 1922 году один из авторов лондонского Times в обзоре «Лекций по введению в психоанализ» утверждал, что этот самый психоанализ влачит жалкое существование в результате чрезмерного рвения его апостолов. Психоанализ начался как «вклад в науку психологию», но затем, к несчастью, превратился в «помешательство», то есть его лихорадочно обсуждали люди, которые «не имели ни малейшего представления о том, что это такое». Другими словами, вина несколько тенденциозно перекладывалась только на сторонников Фрейда. Впрочем, замечание, что психоанализ стал чем-то вроде помешательства для невежд, было в какой-то степени верным. Фрейдизм, как писал в 1925 году шведский врач Пол Бьерре, причислявший себя к сторонникам мэтра, «возбудил чувства», словно «это новая религия, а не новая область исследований. Психоаналитическая литература, особенно в Америке, хлынула настоящей лавиной. Ходить к психоаналитику стало модным». Год спустя известный и плодовитый американский психолог Уильям Макдугалл согласился с заявлением Бьерре: «Кроме профессиональных последователей, фрейдистскими предположениями были очарованы и сделали их необычайно модными масса обычных людей, преподавателей, артистов, дилетантов, так что некоторые специальные термины, использованные Фрейдом, вошли в популярный сленг как Америки, так и Англии».

Европейский континент оказался почти таким же подверженным влиянию фрейдистской терминологии и таким же непоследовательным в своей реакции. «В ежедневной прессе, – отмечали Абрахам, Эйтингон и Закс в циркулярном письме из Берлина в 1925 году, – много материалов о психоанализе, в основном негативного характера, но не всегда». Имелись и хорошие новости: курсы, которые предлагал Берлинский институт психоанализа, основанный в 1920-м, привлекали много слушателей и немало кандидатов. Более того, Абрахам и его коллеги получили интересную «компенсацию за часто недружественную атмосферу в прессе» – Стефан Цвейг посвятил Фрейду свою новую книгу биографических очерков. И еще одно забавное событие: недавно некто Фридрих Соммер опубликовал брошюру «Измерение духовной энергии», в которой заявил: «Однажды я познакомился с психоанализом, и это приблизило меня к христианской религии». В октябре Абрахам разослал еще один бюллетень: «Из Германии можно сообщить, что в газетах и периодических изданиях ширится обсуждение психоанализа. Мы везде находим упоминания о нем». Совершенно естественно, писал он, не обходится без атак, но тут же успокаивал, что «вне всякого сомнения, интерес еще никогда не был так силен, как теперь». Однако большинство проявлявших интерес были информированы ничуть не лучше Фридриха Соммера, который воспринимал знакомство с идеями Фрейда как средство приблизиться к Богу.

Настроения в Вене отражали разнонаправленные сигналы, по большей части негативные. Элиас Канетти, которого никак не назовешь восторженным поклонником психоанализа, вспоминал, что, когда в середине 20-х годов прошлого столетия он жил в Вене, имя Фрейда всплывало практически в каждом разговоре. Университетские светила по-прежнему высокомерно отвергали его, однако толкование ошибок превратилось в нечто вроде салонной игры. Эдипов комплекс вызывал почти такой же ажиотаж: каждый хотел его иметь. Даже тот, кто презирал все и всех, не возражал против наличия комплекса у себя. Многие австрийцы считали очень актуальной теорию агрессии Фрейда: «Ужасная жестокость, свидетелем которой стал человек, не забывается. Многие из тех, кто принимал в ней участие, теперь вернулись. Они прекрасно знают, на что были – по приказу – способны, и жадно хватаются за все объяснения предрасположенности к убийству, которые предлагает им психоанализ».

Подобно большинству хулителей Зигмунда Фрейда, многие

из его почитателей имели самое отдаленное представление о точном смысле теорий мэтра. Туман заполнял головы не только полуобразованных людей: такой квалифицированный психолог, как Пол Бьерре, использовал термин «подсознание» – Unterbewusstsein – вместо «бессознательного» в своем популярном изложении психоанализа[227]. В брошюре, которую издал в 1920 году Б.У. Хюбш в качестве рекламы «психоаналитического исследования личности Вудро Вильсона» Уильяма Байярда Хейла, бывшего сокурсника президента в Принстоне, можно найти такие строки: «Возможно, это удивит тех, кто не следил за быстро растущим объемом литературы по психоанализу, с каким искусством последователи Фрейда и Юнга раскрывают работу человеческого разума и души». Такого рода неточности глубоко уязвляли Фрейда, и иногда он находил утешение в старой поговорке: «Боже, спаси меня от друзей, а с врагами я и сам справлюсь».

Конечно, он был не до конца честен. Самую большую угрозу для распространения правильного понимания психоанализа представляли чудаки и спекулянты. Часть тех, кто эксплуатировал психоанализ, были явными шарлатанами. Как справедливо отмечала газета New York Times в мае 1926-го, «самый большой урон репутации Фрейда нанесен тем, что его теории с ужасающей легкостью позволяют себе использовать невежды и шарлатаны». Несмотря на то что сам мэтр «осудил эти выходки», его протесты имели «небольшое влияние на то, что связано с широкой публикой». Этого следовало ожидать. В мутной воде такого большого озера, как психологическая помощь, беспрепятственно ловили рыбу самозваные целители. Эрнест Джонс в качестве примера приводит объявление Английской психоаналитической издательской компании, которое гласило: «Не хотите ли зарабатывать тысячу фунтов стерлингов в год, работая психоаналитиком? Мы можем показать вам, как это делается. Возьмите у нас восемь уроков по почте – четыре гинеи за весь курс обучения!»

Бо2льшая часть шума вокруг Фрейда была скорее безвредной глупостью, достойной не столько негодования, сколько удивления человеческой комедией в демократическом мире. Летом 1924 года состоялся сенсационный суд над Натаном Леопольдом и Ричардом Лебом, совершившими одно из самых знаменитых в США кровавых преступлений – они похитили и убили 14-летнего Роберта Фрэнкса. Сторону защиты представлял почтенный адвокат Кларенс Дэрроу, а сам процесс освещался на первых полосах американских газет. Роберт Маккормик, самоуверенный издатель газеты Chicago Tribune, отправил

Фрейду телеграмму, предлагая 25 тысяч долларов «или любую сумму, которую вы назовете, чтобы приехать в Чикаго и проанализировать» двух молодых убийц. Леопольд и Леб, происходившие из богатых и уважаемых семей и якобы имевшие лишь неопределенное желание совершить идеальное преступление, привлекли внимание публики, озадаченной не имевшим не только оправдания, но и объяснения поступком и – отчасти подсознательно – мучимой намеками на присутствие гомоэротических чувств. Маккормик, зная о пожилом возрасте и болезни мэтра, предложил нанять пароход, чтобы привезти знаменитого психоаналитика в Соединенные Штаты. Фрейд отказался. В том же году Сэм Голдвин, в то время уже один из самых влиятельных продюсеров Голливуда, по пути в Европу сказал репортеру газеты New York Times, что назвал бы Зигмунда Фрейда величайшим в мире специалистом по любви. Его цель: предложить основателю психоанализа гонорар гораздо больше, чем Маккормик, – невероятную сумму в 100 тысяч долларов. «Любовь и смех – две самые главные идеи Сэмюеля Голдвина при продюсировании картин», – отметил репортер и прибавил, что Сэм намерен «убедить специалиста по психоанализу коммерциализировать свои исследования и написать историю для экрана или приехать в Америку и помочь «завоевать» сердца этой нации». В конце концов, как выразился Голдвин, нет ничего увлекательнее, чем по-настоящему великая история любви, а кто лучше способен написать или консультировать такую историю, чем Фрейд? Сценаристы, режиссеры и актеры могут многому научиться у «…действительно глубокого изучения повседневной жизни. Насколько убедительнее будут их творения, если они узнают, как выражать истинную эмоциональную мотивацию и вытесненные желания?».

Основатель психоанализа не бедствовал, зарабатывая 20, а затем 25 долларов в час. Тем не менее он на протяжении многих лет испытывал материальные трудности и нуждался в твердой валюте. Считалось, что от такого предложения невозможно отказаться, и все-таки 24 января 1925 года New York Times кратко сообщила совсем о другом результате: «ФРЕЙД ОТКАЗЫВАЕТ ГОЛДВИНУ. Венский психоаналитик не заинтересовался предложением Motion Picture». На самом деле, как писала венская бульварная газета Die Stunde, ссылаясь на интервью с Фрейдом, он ответил на предложение продюсера письмом, состоявшим из одного предложения: «Я не намерен встречаться с мистером Голдвином».

Подобные инциденты убедительно свидетельствуют о том,

что в середине 20-х годов прошлого столетия имя Зигмунда Фрейда стало известно широкой публике, хотя тех, кто прочитал, не говоря уж о том, чтобы полностью понять, такие необычные тексты, как «По ту сторону принципа удовольствия» или «Я» и «Оно», все равно оставалось немного. Только избранное меньшинство могло по достоинству оценить теории основателя психоанализа. К сожалению, почти все заявлявшие о своей приверженности к этому движению, не принадлежали к данному меньшинству, но имя и фотография, на которой был изображен строгий, аккуратно одетый пожилой господин с пронизывающим взглядом и неизменной сигарой, стали известны миллионам. Однако инциденты с Маккормиком и Голдвином также показывают, почему мэтра это скорее раздражало, чем радовало. «Сама по себе популярность мне абсолютно безразлична! – восклицал он в письме к племяннику в конце 1920-го. – Ее следует считать опасностью для более серьезных достижений». Его «фактическая популярность», повторил Фрейд год спустя, была для него бременем. Эта тема превратилась в постоянный рефрен в его письмах. В начале 1922-го он повторяет, на этот раз Эйтингону, что находит свою популярность отвратительной. В лучшем случае она вызывала у него ироническую улыбку. «В Англии и Америке, – писал мэтр Эйтингону годом раньше, – теперь большой бум психоанализа, который мне тем не менее не нравится и который не приносит мне ничего, кроме газетных вырезок и визитов желающих взять интервью. И все же это занятно». Это была слава, но не та, к которой стремился основатель психоанализа.

Известно, что Зигмунд Фрейд не был равнодушен к публичному признанию. Как бы то ни было, он настаивал на оригинальности своего вклада в науку о душе и ждал признания за этот вклад. Но надоедливые репортеры и невежественные журналисты, распространявшиеся слухи о его здоровье, изобилующие ошибками пересказы его идей, а также обрушившийся на него поток писем – почти на все мэтр считал своим долгом ответить – не давали ему заниматься наукой и делали самого Фрейда и его дело уязвимым для вульгаризации, которой он страшился и к которой питал отвращение. Впрочем, иногда ему приходилось признавать, что подобная известность имеет и положительные стороны. «Меня считают знаменитостью, – писал мэтр племяннику в конце 1925 года. – Евреи всего мира хвастаются моим именем, сравнивая меня с Эйнштейном». Эта похвальба не была его выдумкой, а подобное сравнение делали не только евреи. В 1925 году в речи на открытии Еврейского университета в Иерусалиме престарелый

английский политик лорд Бальфур назвал Фрейда, наряду с Бергсоном и Эйнштейном, в числе трех евреев, которые оказали наибольшее влияние на современное мышление. Похвала прозвучала от человека, которым Фрейд неизменно восхищался: в конце 1917-го, будучи британским министром иностранных дел, Бальфур объявил о том, что его страна поддерживает создание еврейского государства в Палестине, и основатель психоанализа приветствовал «эксперимент англичан с избранным народом». Его восхищение не ослабло с годами. Получив от Эрнеста Джонса сообщение о речи лорда Бальфура, Фрейд попросил отправить политику экземпляр своей только что вышедшей книги «Жизнеописание» в благодарность за «лестное упоминание».

В таком настроении мэтр мог философствовать по поводу своей известности. «В конце концов, – писал он племяннику Сэмюелю, – у меня нет причины жаловаться и со страхом смотреть на приближающийся конец жизни. После долгого периода бедности я зарабатываю деньги без особых усилий и осмелюсь утверждать, что обеспечил жену». В одном или двух случаях Фрейд с уважением отнесся к оказанным ему почестям: в ноябре 1921 года, например, Нидерландское общество психиатрии и неврологии избрало его почетным членом, что доставило мэтру огромное удовольствие. И неудивительно – это было первое официальное признание с 1909-го, когда Университет Кларка присвоил ему почетный титул доктора права. По-прежнему звучали голоса, что Фрейд – обыкновенный шарлатан, однако его репутация быстро укреплялась и за пределами узкого круга верных психоаналитиков-фрейдистов. Он вступил в переписку со знаменитостями, в основном прославленными писателями, – Роменом Ролланом, Стефаном Цвейгом, Томасом Манном, Синклером Льюисом, а с 1929-го и с Арнольдом Цвейгом, который прославился антивоенным романом «Спор об унтере Грише», вышедшим двумя годами раньше. «Писатели и философы, проезжающие через Вену, – писал Фрейд племяннику в Манчестер, – заглядывают ко мне поговорить». Времена изоляции стали для мэтра всего лишь туманным воспоминанием.

Одно признание по-прежнему не давалось ему в руки – Нобелевская премия. Когда в начале 20-х годов Георг Гроддек, один из основателей психосоматической медицины, выдвинул его кандидатуру, как это прежде делали другие, Фрейд смиренно писал жене Гроддека, что его имя фигурирует в списках уже многие годы, но всегда тщетно. Через несколько лет, сначала в 1928-м, а затем в 1930-м, грамотно организованную кампанию в

пользу Фрейда начал молодой немецкий психоаналитик Генрих Менг, которого анализировал Пауль Федерн. Менг собрал внушительный список подписей известных людей, среди которых были выдающиеся сторонники Фрейда – немецкие писатели Альфред Доблин и Якоб Вассерман, а также видные иностранцы – философ Бертран Рассел, новатор в области образования А.С. Нилл, писатель, биограф и литературный критик Литтон Стрейчи, биолог, эволюционист и гуманист, а также политик Джулиан Хаксли и многие другие, почти столь же хорошо известные образованной публике. Свою подпись поставил и Эйген Блейлер, хотя он после нескольких лет флирта с теорией Фрейда отказался от нее. Как это ни странно, даже такие личности, как норвежский писатель лауреат Нобелевской премии Кнут Гамсун и отличавшийся националистическими взглядами немецкий композитор Ханс Пфицнер, оба впоследствии симпатизировавшие нацистам, сочли возможным поставить свою подпись под обращением Менга. Томас Манн, стоя на страже собственных интересов, объявил, что тоже готов подписаться – при условии, что это будет номинация по медицине[228]. Однако именно это, как прекрасно понимал Менг, было недостижимо: психиатр, к которому Шведская академия обратилась за консультацией как к авторитету в данной области, отверг Фрейда как мошенника и опасного человека, поэтому для него оставалась открытой лишь одна категория – литература. Хитрый маневр Менга в этом направлении также окончился неудачей, Фрейд присоединился к длинному перечню мастеров слова, от Пруста до Джойса и от Кафки до Вирджинии Вульф, которые так и не попали в Стокгольм.

Основатель психоанализа, по всей видимости, приветствовал эти благонамеренные усилия, но пытался убедить всех в их тщетности. Делая вид, что ему ничего не известно о деятельности Менга, Фрейд задавал Эрнесту Джонсу риторический вопрос: «Какой глупец будет заниматься этим делом?» Сама его эмоциональность свидетельствует о том, что, если бы мэтру предложили заветный приз, он ухватился бы за него обеими руками… В 1932 году он сообщил Эйтингону, что переписывается с Эйнштейном о природе войны и возможности ее предотвратить и эта переписка предназначена для публикации. Но, прибавил Фрейд, он не ждет, что за нее ему присудят Нобелевскую премию. В этом замечании есть что-то мечтательное и даже немного жалкое. Однако основатель психоанализа не мог отрицать, что оставил глубокий след в западной культуре. И не только в западной: в 20-х годах у Фрейда завязалась переписка с индийским врачом Гириндрасехаром Бозе. «Я убежден, – писал

Стефан Цвейг в 1929-м, пытаясь кратко суммировать влияние Фрейда, – что революция, которую вы вызвали в психологии, философии и всей моральной структуре нашего мира, значительно перевешивает лечебную часть ваших открытий. Потому что сегодня все люди, которые ничего не знают о вас, каждый живущий в 1930 году, даже тот, кто никогда не слышал слова «психоаналитик», уже косвенно затронуты вашей трансформацией душ». В своем неумеренном энтузиазме Цвейг часто позволял себе увлекаться, однако эта похвала недалека от истины.

К счастью, реакция на идеи Фрейда не всегда была такой высокопарной, а иногда даже довольно забавной. Венгерский драматург Ференц Мольнар, этот остроумнейший космополит, высмеял распространенные заблуждения об идеях основателя психоанализа в сюжете для будущей пьесы, для которой, как он утверждал, у него имелся богатый материал: «Что из этого выйдет, я еще не знаю, но основная идея очень проста, как и во всех трагедиях. Молодой человек – счастливо женатый на собственной матери – выясняет, что она вовсе не его мать, – и стреляется». В конце 20-х годов прошлого столетия в Англии священник, переводчик Библии и утонченный сатирик Рональд Нокс искусно обыграл психоаналитические диагнозы. В одном из своих произведений он на фрейдистском жаргоне пересказал классическую немецкую книжку для детей «Растрепа». Примерно в это же время в Соединенных Штатах Джеймс Тербер, художник газетных сатирических комиксов, писатель и юморист, и Элвин Б. Уайт, публицист и литературный стилист, высмеяли многочисленные книги о сексе, наводнившие американские книжные магазины, в пародийном сборнике «Необходим ли секс?». Среди притворно серьезных глав этой маленькой книги были и такие: «Природа американского мужчины: исследование пьедестализма» и «Что дети должны говорить родителям». Как показывает составленный авторами словарь специальных терминов, они во многих случаях намекали на Фрейда. Так, например, «комплекс, ядерный» они определяли как «шок, вызванный тем, что лицо противоположного пола предстает в своем истинном свете; начало общего нервного расстройства», «эксгибиционизм» объяснялся как «зайти слишком далеко, не желая того», а «нарциссизм» как «попытка быть самодостаточным, с подтекстом». Тех, кто хотел узнать значение термина «принцип удовольствия», Тербер и Уайт отсылали к «либидо», а там, в свою очередь, содержалась ссылка на «принцип удовольствия». Отчасти сие было ребячеством, однако претендующий на серьезность

дискурс оказался не менее безответственным и гораздо более опасным, чем такого рода остроты.

У Фрейда с самого начала имелись ответственные ученики, но их продуманные усилия по популяризации заслуживающей доверия версии психоанализа утонули в представлениях о мэтре, которые все принимали, не давая себе труда прочитать его работы. В 1912 году, изучая «фрейдистскую психологию» с «величайшим энтузиазмом», начинающий журналист Уолтер Липпман, которого сегодня мы знаем не только как писателя и политического обозревателя, но и как автора оригинальной концепции общественного мнения, сказал английскому социальному психологу Грэму Уоллесу, что относился к ней так, как человек мог отнестись в свое время к «Происхождению видов». Перечитывая Уильяма Джеймса после знакомства с Фрейдом, Липпман говорил о «странном чувстве, что в 80-х годах XIX века мир был очень молод». Оглядываясь на эти героические времена, он вспоминал, что «серьезные молодые люди восприняли Фрейда очень серьезно, как он того заслуживал. Отношение к фрейдизму как к скучной фантазии пришло позже и по большей части от людей, которые его не изучали, а просто слышали о нем».

Защищаясь, психоаналитики при малейшей возможности пропагандировали идеи основателя движения, обращаясь к богословам и врачам, рассылая статьи в более или менее серьезные периодические издания. В 20-х годах прошлого столетия Оскар Пфистер ездил с лекциями по Германии и Англии, знакомя с посланием Фрейда широкую публику, и в частных беседах «работал» с влиятельными профессорами, которые могли распространить фрейдистские истины среди своих студентов. Пфистер и другие психоаналитики также выпускали убедительные и даже понятные пособия, помогающие понять теорию Фрейда: объемный, но вполне доступный труд Пфистера «Психоаналитический метод» был опубликован в 1913-м, а в английском переводе вышел в Нью-Йорке четыре года спустя. Он оказался не первой подобной работой: в 1911-м Эдуард Хичманн выпустил куда более краткое изложение идей психоанализа, «Теория неврозов Фрейда», вскоре переведенное на английский язык. В 1920-м Дж. А. (впоследствии сэр Артур) Тенсли опубликовал книгу «Новая психология и ее связь с жизнью» – изящное исследование, за два года переизданное несколько раз, а в 1926-м под редакцией Пауля Федерна и Генриха Менга вышел психоаналитический сборник «для публики», Das Psychoanalytische Volksbuch, к работе над которым они привлекли некоторых своих коллег. Книга охватывала всю область

психоанализа, включая анализ искусства и культуры, и состояла из 37 коротких статей, без специальной терминологии, с переводом иностранных слов и примерами из повседневной жизни, помогающими понять теорию Фрейда.

Основатель психоанализа мог иронизировать, но все эти усилия ни в коем случае нельзя назвать тщетными. В мае 1926 года газеты и журналы во многих странах вспоминали о 70-летии Фрейда, не скупясь на высокие оценки, причем многие продемонстрировали удивительную компетентность. Пожалуй, самой глубокой была изысканная хвалебная статья американского эссеиста и биографа Джозефа Вуда Кратча, опубликованная в New York Times. Кратч писал, что создатель теории психоанализа Фрейд сегодня самый известный, возможно за исключением Эйнштейна, из ныне живущих ученых. Титул «ученый» – это именно то, к чему так стремился Зигмунд Фрейд и что он так редко получал. «Разумеется, даже в наше время, – признавал Кратч, – есть бихевиористы и другие бескомпромиссные противники Фрейда». Однако, прибавил он, можно с уверенностью сказать, что влияние его главных идей все сильнее и сильнее отражается в работах самых влиятельных психологов и психиатров. Кратч считал, что точно так же, как Дарвин и его идеи проникли в современную культуру, мы уже широко используем теории Фрейда. «Со временем они, вероятно, станут, подобно теории эволюции, частью умственного багажа, которую каждый мыслитель воспринимает как нечто само собой разумеющееся». В то время, когда профессор Университета Брауна беспокоился, что психологические консультации, которые вводились в этом учебном заведении, могут подвергнуть студентов «обычному психоанализу во имя незрелой науки», автор передовой статьи в New York Times упрекал скептика. «Незрелой, – говорилось в заголовке, – звучит как «фальшивой»[229]. Наблюдая за всем этим издалека, Фрейд язвительно заметил в письме Арнольду Цвейгу: «Я не знаменит, я пользуюсь дурной славой». Прав он был только наполовину: верно и то и другое.

Жизненная сила: берлинский дух

В конце 20-х годов даже пессимист Фрейд был вынужден признать, что, несмотря на все разногласия и ссоры, психоаналитические институты множились и процветали. В 1935-м он с гордостью вспоминал, что к старейшим местным отделениям в Вене, Берлине, Будапеште, Лондоне, в Голландии и Швейцарии присоединились новые отделения в Париже,

Калькутте, два в Японии, несколько в Соединенных Штатах, по одному в Иерусалиме и Южной Африке и два в Скандинавии. Вне всяких сомнений, торжествующе заключил мэтр, психоанализ будет жить.

К тому времени, когда основатель движения писал это резюме, некоторые психоаналитические институты уже имели богатую историю. Абрахам перенес модель Венского психоаналитического общества в Берлин еще в 1908 году – тогда регулярные собрания с дискуссиями и докладами проходили у него в квартире. Это общество стало ядром берлинской главы в деятельности Международной психоаналитической ассоциации, основанной на конгрессе в Нюрнберге в 1910-м. В 1911 году в Соединенных Штатах интересующиеся психоанализом врачи не без трудностей объединились в две организации, которые были одновременно соперницами и союзницами, – Нью-Йоркское психоаналитическое общество и Американскую психоаналитическую ассоциацию. Два года спустя Ференци основал Будапештское психоаналитическое общество, которое процветало в короткий послевоенный период, пока летом 1919-го не были свергнуты большевики и в феврале 1920 года не установился антисемитский – и антипсихоаналитический – режим Хорти. Будапешт дал несколько самых видных и талантливых фигур из числа психоаналитиков: кроме самого Ференци это Франц Александер, Шандор Радо, Майкл Балинт, Геза Рохейм, Рене Спитц и др. Британское психоаналитическое общество появилось в 1919 году, а Лондонский институт психоанализа, деятельность которого оживил неутомимый организатор Эрнест Джонс, официально был основан в 1924-м. Французы, преодолев упорное сопротивление медицинского в целом и психиатрического в частности истеблишмента, основали свою психоаналитическую организацию два года спустя[230]. В 1932-м их примеру последовали итальянцы, а в 1933-м, после продолжительной подготовки, голландцы. Эйтингон, который в конце этого же года эмигрировал из Берлина в Палестину – один из первых психоаналитиков, покинувших гитлеровскую Германию, – почти сразу организовал психоаналитическое общество в Иерусалиме. Как верно заметил Фрейд, психоанализ не собирался умирать.

В 20-х годах прошлого столетия наиболее жизнеспособная и энергичная организация была в Берлине. В самом начале группа Абрахама представляла собой горстку храбрецов. Некоторые из первых сторонников покинули ее (например, сексолог Магнус Хиршфельд интересовался только сексуальным раскрепощением,

а не психоанализом), однако на заре существования Веймарской республики Берлин превратился в нервный центр мирового психоанализа, несмотря на нестабильную политическую ситуацию в молодом государстве, которому угрожали безудержная инфляция, политические убийства, спорадическая иностранная оккупация, а временами и настоящая гражданская война. Как ни иронично сие звучит, даже с учетом этих бурных событий Берлин все равно выглядел предпочтительнее – в других местах несчастья и преследования были еще серьезнее. Ганс Закс переехал в Берлин из Вены в 1920 году, а вскоре его примеру последовали Шандор Радо и Франц Александер, а также Майкл и Алиса Балинт, посчитавшие невозможным жить в Венгрии при режиме Хорти. Другие психоаналитики, такие как Мелани Кляйн и Хелен Дойч, тоже приехали в Берлин, чтобы подвергнуться психоанализу и анализировать самим.

Аликс Стрейчи, которая была пациенткой Фрейда до того, как перейти к Абрахаму, предпочитала живую, лихорадочную атмосферу Берлина относительно спокойной Вене. Она также предпочитала Абрахама Фрейду в качестве психоаналитика. «Вне всякого сомнения, я считаю, – писала Аликс мужу в феврале 1925 года, – что Абрахам лучший психоаналитик, с которым я могла бы работать». Она пребывала в уверенности, что «за эти 5 месяцев было проделано больше психологической работы, чем за 15 с Фрейдом». Аликс Стрейчи находила это любопытным, но предупреждала, чтобы другие, например фрау Кляйн, не считали Абрахама лучшим психоаналитиком, чем Фрейд. Кроме того, ее покорил Берлин. Здесь психоаналитики и кандидаты беседовали и спорили на собраниях, в кондитерских и даже на вечеринках. Наслаждение десертами и танцы ночь напролет превосходно сочетались с откровенными разговорами об эдиповых привязанностях и фобии кастрации. Психоаналитик Рудольф Левенштейн, которого анализировал Ганс Закс, считал берлинское сообщество холодным, типично немецким, однако даже этот специалист признавал, что оно может похвастаться несколькими блестящими практиками и вдохновляющими учителями. Для психоаналитика 20-х годов прошлого века Берлин стал местом обязательного посещения.

Прежде всего, как свидетельствуют циркулярные письма, рассылавшиеся из Берлина, отношение к психоанализу в городе становилось все более дружелюбным. «Этой зимой, – сообщали Абрахам, Закс и Эйтингон в декабре 1924 года, – интерес к психоанализу необыкновенно усилился. Различными группами были организованы популярные лекции». Из других городов приезжали докладчики, в том числе Пфистер – его выступление

перед Обществом научного изучения религии, «в целом хорошее, но слабое и неуклюжее в некоторых местах», получило «доброжелательный прием в аудитории из 150 человек, в основном богословов». Три месяца спустя у Абрахама снова появились «благоприятные новости»: он только что прочитал доклад перед Берлинским гинекологическим обществом на тему гинекологии и психоанализа. Зал в университетской клинике был набит до отказа. Сначала присутствующие врачи, «отчасти до сих пор очень слабо информированные, выражали весьма распространенное ироническое и скептическое отношение», но постепенно проникались доверием к докладчику. Вскоре после этого события гинекологическое общество обратилось к Абрахаму с просьбой предоставить копию доклада, который планировало напечатать в своем журнале. «Признак успеха!» – ликовал он.

В Берлине психоаналитиков больше всего привлекала фигура Карла Абрахама – надежного, уверенного в себе, умного и верного друга молодых и одаренных богатым воображением учеников. Ту особенность его характера, которую Фрейд однажды назвал «прусскостью», в условиях неспокойного и тревожного Берлина нельзя было считать недостатком. Другим магнитом стала клиника, которую в 1920 году основали Эрнст Зиммель и Макс Эйтингон и которая существовала на деньги Эйтингона. Ее основатели приписывали идею Фрейду, но это было всего лишь данью уважения. Выступая на Будапештском конгрессе в 1918 году, основатель психоанализа нарисовал будущее, которое, по его же признанию, может показаться большинству слушателей фантастичным. В мире есть всего лишь горстка психоаналитиков и очень много невротических страданий, причем бо2льшая часть у бедняков, которые до сих пор лишены помощи со стороны психоанализа. Но когда-нибудь «совесть общества проснется и напомнит ему, что бедный человек имеет такое же право на получение психической помощи, какое он уже сейчас имеет на спасающую жизнь хирургическую. И то, что неврозы угрожают здоровью народа не меньше, чем туберкулез». Когда общество это осознает, будут созданы государственные учреждения, в которых начнут работать психоаналитически обученные врачи, чтобы при помощи психоанализа сохранить дееспособными и выносливыми мужчин, иначе предавшихся бы пьянству, женщин, пока те, что называется, не развалились под тяжестью лишений, детей, перед которыми стоит только выбор между запустением и неврозом. Это лечение будет безвозмездным. Основатель психоанализа предполагал, что пройдет немало времени, прежде чем государство признает эту свою обязанность. «Вполне вероятно,

что частная благотворительность положит начало таким институтам; но когда-нибудь к тому должны будут прийти». Сие была благородная и – для старомодного либерала Фрейда – необычная картина.

Берлинская клиника «психоаналитического лечения нервных расстройств» и ассоциированный с нею институт стали первой реализацией призыва мэтра к утопии. В юбилейном, в честь десятилетия института, небольшом сборнике статей его сотрудники отчитывались о значительных достижениях. Институтская клиника и учебные классы, писал Зиммель, позволили психоаналитикам Берлина помимо их лечебных и профессиональных занятий «участвовать в психоаналитическом лечении общественного мнения». Цифры свидетельствуют, что это самовосхваление было не просто фантазией довольных юбиляров, возлагавших лавровые венки на собственные головы. В краткой статистической сводке Отто Фенихель, молодой берлинский психоаналитик, сообщал, что в период с 1920 по 1930 год институт провел 1955 консультаций, из которых 721 вылилась в последующий психоанализ. Из них 117 еще продолжались, 241 была прервана, а 47 сочтены неудачными. Из остальных 316 случаев в 116 отмечалось улучшение, в 89 явное улучшение, а 111 пациентов считаются излеченными. Известно, что в психоанализе утверждения об улучшении и излечении труднодоказуемы, но, даже если в цифрах Фенихеля отсутствует научная достоверность, они свидетельствуют о расширении психоаналитической деятельности, что было немыслимо 10 лет назад. Всего в берлинском институте и клинике работали 94 психоаналитика, и 60 из них были или впоследствии стали членами Международной психоаналитической ассоциации. Другими словами, невротики из числа бедняков, приходившие за помощью, не просто превращались в объекты для практики, а могли рассчитывать, по крайней мере время от времени, на обследование опытным специалистом.

Тем временем институт готовил кандидатов в психоаналитики, и именно в Берлине в 20-х годах прошлого столетия была разработана подробная – ее критики говорили, жесткая – программа обучения. Она предполагала курсы по общей теории психоанализа, сновидениям, технике, передаче психоаналитических знаний врачу общей практики, а также по таким специальным вопросам, как применение психоанализа в юриспруденции, социологии, философии, религии и искусстве. Как и следовало ожидать, несмотря на разнообразие институтской программы, изучение трудов Фрейда считалось обязательным. Однако, несмотря на то что все обучающиеся

читали работы мэтра, не все они стали психоаналитиками: институт проводил разграничение между кандидатами и слушателями. Кандидаты проходили полный курс, чтобы впоследствии приобрести профессию психоаналитика, тогда как слушатели – по большей части преподаватели, а также немногие интересующиеся неспециалисты – собирались применять те психоаналитические знания, которые им удастся усвоить, в своей работе.

Руководящие документы института обязывали проходить учебный психоанализ. Это требование в других местах считалось спорным, однако в Берлине тот, кто сам не прошел процедуру психоанализа, не допускался к анализу других. Такой учебный анализ должен был длиться, как того требовали правила института, не менее года – рекомендация, выдающая оптимизм, который сейчас кажется чистым легкомыслием. Но даже при столь коротком периоде психоанализа кандидат проходил через испытательный срок, соответствовавший, как выразился Ганс Закс, послушничеству в церкви. Метафора Закса, сравнивающая институт с религиозным учреждением, была поверхностной и неудачной. Она отражала распространенное обвинение, выдвигавшееся против психоанализа, однако причина появления этой метафоры вполне очевидна. Фрейд протестовал, обращаясь к Эрнесту Джонсу: «Мне не нравится изображать Pontifex maximus»[231], но его протесты были тщетными.

Когда о Берлинском психоаналитическом институте узнали желающие приобрести профессию психоаналитика, туда хлынул поток кандидатов. Многие из них были иностранцами – британцами, французами, голландцами, шведами, американцами. Им нравилась неформальность обстановки, они удивлялись энтузиазму учащихся и их вдохновляющей серьезности. Потом выпускники института возвращались из Берлина домой, чтобы заняться практикой или основать собственные институты. Ильзе-Шарль Одье, один из первых французских психоаналитиков, проходил курс учебного психоанализа у Франца Александера. Майкл Балинт, в конечном счете обосновавшийся в Лондоне, – у Ганса Закса. Хайнц Хартманн, впоследствии эмигрировавший в Нью-Йорк, – у Шандора Радо. Список тех, кого анализировал Карл Абрахам, похож на реестр знаменитостей в мире психоанализа: ведущие английские психоаналитики Эдвард и Джеймс Гловер, пациентка Фрейда Хелен Дойч, которая прославилась работами о женской сексуальности, новаторы в области теории Карен Хорни и Мелани Кляйн, а также остроумная английская обозревательница, а впоследствии выдающаяся переводчица Фрейда Аликс Стрейчи.

Берлин был лишь самым привлекательным из центров психоанализа, которые обеспечивали его будущее. Фрейд продолжал практиковать в Вене, все больше и больше сосредоточиваясь на учениках. Среди «учеников» основателя движения после войны были такие видные его последователи, как Жанна Лампль де Гроот и принцесса Мари Бонапарт, правнучка брата императора Наполеона Бонапарта, не говоря уж о многочисленных американцах[232]. Спустя более чем 60 лет Жанна Лампль де Гроот с прежним восхищением вспоминала, каким был Фрейд в апреле 1922 года, когда она, новоиспеченный врач, худенькая, выглядевшая моложе своих лет, впервые появилась в квартире на Берггассе, 19. Основателю психоанализа тогда было почти 66 лет, и она увидела перед собой вежливого, «очаровательного и внимательного старомодного господина». Когда мэтр спросил, могут ли он или его дочери как-то помочь ей устроиться в городе, Жанна ответила, что ей нужно пианино. Фрейд тут же признался в своей немузыкальности, как будто, если она узнает об этом недостатке позже, сие станет препятствием для анализа. Основатель движения был, отметила она, человечным и доступным, резким только с недостойными людьми. Когда Жанна рассказала мэтру, что ее старшая сестра, всегда отличавшаяся крепким здоровьем, за пять дней умерла от испанки, будучи беременной, Фрейд в ответ поведал ей о смерти своей дочери Софи. В сердечной переписке, которую они поддерживали после возвращения Лампль де Гроот в Нидерланды, она вскоре превратилась в «дорогую Жанну». Не каждый пациент находил Фрейда таким очаровательным, но к концу 20-х годов нити его влияния густой сетью опутали всю Европу и Соединенные Штаты.

Психоанализ демонстрировал и другие признаки крепкого здоровья. До прихода к власти нацистов в 1933-м один раз в два года проводились международные психоаналитические конгрессы, которых с нетерпением ждали и на которые все с удовольствием приезжали. Из-за неудобного протеза Фрейд больше на них не присутствовал, хотя решение остаться дома далось ему нелегко. Он откладывал его так долго, как только мог. «Вы верно заметили, – писал мэтр Абрахаму в марте 1925 года, когда шла подготовка к конгрессу в Бад-Хомбурге, – что я снова строю планы, но, когда доходит до дела, смелость привести их в исполнение меня покидает. Если, например, ко времени конгресса мои дела с протезом будут не лучше, чем на прошлой неделе, я наверняка не поеду. Поэтому продолжайте приготовления без расчета на меня». Вместо себя Фрейд отправил

дочь Анну и таким образом присутствовал – по крайней мере, мысленно.

С течением времени, по мере укрепления институтов в разных странах, в дополнение к тем, что были основаны до Первой мировой войны, возникали новые периодические издания: в 1926-м – Revue Française de Psychanalyse, в 1932-м – Rivista Psicanalisi. Не менее приятным был тот факт, что произведения Фрейда становились доступными на других языках. Это было для него очень важно: переписка мэтра 20-х годов изобилует выражениями живейшего интереса к планируемым переводам и замечаниями об уже вышедших. «Психопатология обыденной жизни», самая популярная из его книг, при жизни Фрейда вышла на 12 языках, «Три очерка по теории сексуальности» – на девяти, а «Толкование сновидений» – на восьми. Первые варианты не всегда оказывались удачными. А.А. Брилл, который в те героические годы обладал чем-то вроде монополии на перевод Фрейда на английский, был небрежен, а иногда пугающе неточен. Прежде всего, он не понимал разницу – или не обращал на нее внимания? – между шутками и остроумием. Тем не менее Брилл позволил англоговорящему миру хотя бы получить представление, пусть туманное, о теориях основателя психоанализа еще до войны: свой перевод «Трех очерков по теории сексуальности» он опубликовал в 1910-м, а «Толкования сновидений» три года спустя[233].

Затем переводы стали улучшаться: в 1924 и 1925 годах небольшая группа англичан выпустила сборник трудов Зигмунда Фрейда в четырех томах[234]. Это было делом Аликс Стрейчи и несравненной Джоан Ривьер, «высокой эдвардианской красавицы в широкополой шляпе и с алым зонтиком», перевод которой лучше, чем кого-либо другого, передавал стилистическую живость Фрейда. «Прибыл первый том «Собрания», – сообщал Фрейд Эрнесту Джонсу в конце 1924 года. – Очень красиво! И важно!» Он беспокоился, что некоторые из его «устаревших» статей не лучшим образом подходят для знакомства английской публики с психоанализом, но надеялся на лучшее, когда через неделю выйдет второй том, с историями болезней. В любом случае, писал он, «я вижу, что вы реализовали свое намерение обеспечить Англию литературой по психоанализу, и поздравляю вас с этим результатом, на который я почти не смел надеяться». Год спустя мэтр подтвердил получение четвертого тома, сопроводив сообщение сердечной благодарностью и… обычным скепсисом: «Я не буду удивлен, если влияние книги будет очень медленным».

По своему обыкновению, основатель движения был слишком пессимистичен. Этот английский перевод его произведений стал

важным событием в распространении идей психоанализа: сборник статей быстро превратился в стандартный набор литературы для психоаналитиков, не владеющих немецким языком. Четырехтомник включал все небольшие публикации Фрейда с середины 90-х годов XIX века до середины 20-х следующего столетия: главные статьи по технике, полемическая история психоаналитического движения, все опубликованные очерки по метапсихологии и прикладному психоанализу, а также пять историй болезни – Доры, маленького Ганса, «человека с крысами», Шребера и «человека-волка». Поскольку многие молодые психоаналитики в Англии и Соединенных Штатах не имели способностей или желания выучить немецкий, как это сделали Эрнест Джонс, супруги Стрейчи и Джоан Ривьер, перевод Фрейда, и особенно хороший перевод, служил делу укрепления связей в психоаналитической семье.

Мы уже имели возможность убедиться, что эта семья была не особенно счастливой. Некоторые разногласия, преследовавшие движение с начала 30-х годов XX века, в основе своей были глубоко личными. Многие психоаналитики считали Гроддека неподходящей фигурой для выступлений на конгрессах – слишком грубым и слишком нескромным[235]. Эрнест Джонс возмущался Отто Ранком, а Ференци держал Джонса за антисемита. Фрейда расстраивали новости, что Абрахам участвовал в съемках фильма о психоанализе. Брилл, воцарившийся в Нью-Йорке, испытывал терпение коллег, не отвечая на письма. На собрании в Лондоне детский психоаналитик Мелитта Шмидеберг устроила неуместную публичную ссору с основоположницей детского психоанализа Мелани Кляйн. Со своей матерью…

При этом несовместимые и яростно защищаемые взгляды на теорию и технику психоанализа были не просто маской личной неприязни, экономической конкуренции или вполне понятного желания сделать карьеру в области, где конкуренция стала такой жесткой. Отчасти они объяснялись разными толкованиями текстов Фрейда, а отчасти разнообразным клиническим опытом, открывавшим новые направления в теории и практике психоанализа. Это были возможности проявить оригинальность, и мэтр поощрял подобное стремление – в определенных рамках.

Главным новатором среди теоретиков 20-х годов прошлого столетия была, вне всяких сомнений, Мелани Кляйн. Она родилась в Вене в 1882-м, но открыла для себя Фрейда только после того, как в возрасте 28 лет переехала в Будапешт. Мелани познакомилась с литературой по психоанализу, прошла учебный

анализ у Ференци и начала специализироваться на психоанализе детей. Среди юных пациентов Кляйн оказались ее собственные сыновья и дочь, о которых она написала слегка завуалированные статьи. Это был период, когда детский психоанализ считался довольно сомнительным делом, но Ференци, а впоследствии Абрахам впечатлились усилиями Кляйн и защищали ее от насмешек коллег. Мелани отчаянно нуждалась в поддержке, поскольку у нее не было примеров для подражания. Анализ Фрейдом маленького Ганса, как бы то ни было, проходил опосредованно. В 1919 году Кляйн начала публиковать результаты своей клинической работы с детьми, а в 1921-м, привлеченная восприимчивостью Абрахама к ее идеям, переехала в Берлин – анализировала, спорила, публиковала статьи.

Аликс Стрейчи познакомилась с Кляйн и прониклась к ней симпатией. Она ходила вместе с Мелани в кофейни и на танцы, несколько насмешливо восхищалась ее экспансивностью, ее привлекательной эротической силой, ее ораторским даром. В одном из писем своему мужу Джеймсу Аликс описывала характерную бурю эмоций вокруг Кляйн, как обычно насыщая свой рассказ забавными вкраплениями немецких слов. Письмо служит ярким свидетельством атмосферы сварливости, но также и интеллектуальных поисков, преобладавшей в психоаналитической культуре Берлина. «Прошлой ночью Sitzung Берлинского психоаналитического общества, – писала Аликс, – было очень волнующим. Die Klein доложила о своих взглядах и о практическом опыте Kinderanalyse, и наконец оппозиция подняла свою древнюю голову – на самом деле слишком древнюю. Используемые слова, естественно, были психоаналитическими: опасность ослабления Ichideal и так далее. Но смысл, как мне показалось, был чисто антианалитический: мы не должны говорить детям ужасную правду об их вытесненных склонностях и т. п. При этом die Klein с абсолютной ясностью продемонстрировала, что эти дети (начиная с $2^3/_4$ возраста) уже страдают от вытеснения своих желаний и ужасающего Schuld bewusstsein (= слишком сильное или некорректное вытеснение Ueberich)». Далее Аликс Стрейчи отмечала, что оппозиция состояла из докторов Александера и Радо и была чисто эмоциональной и «теоретической». Ведь практически никто, за исключением die Melanie, ничего не знал о детях. К счастью, ораторы один за другим «бросались» защищать die Klein. Фактически все присоединились к ней и набросились на «двух смуглых венгров».

Примеры, которые предложила на этом бурном собрании Кляйн в поддержку своих аргументов, были, как утверждала

Стрейчи, особенно блестящими. И действительно, «если die Klein права, то ее теория кажется мне очень убедительной. Она собирается в Вену, чтобы прочесть свой доклад, и, как ожидается, ей будут противостоять Бернфельд и Айхорн[236], эти безнадежные наставники, и, я боюсь, Анна Фрейд, открытый или тайный сентименталист». Горячая поддержка Аликс Стрейчи предвосхитила споры, которые разгорелись после того, как в 1926 году Мелани Кляйн переехала в Англию и очаровала удивленных коллег своими теориями. «Обстановка была, – заключила свой рассказ Аликс, – очень стимулирующей, и эмоций проявилось гораздо больше, чем обычно».

Это правда – там, где оказывалась Мелани Кляйн, накал страстей был чрезвычайно высоким. Даже те, кто отказывался признавать ее теоретические новшества, были впечатлены игровыми методами, которые она применяла при работе с детьми. Игра, страстно доказывала Кляйн, является наилучшим, а иногда и единственным способом извлечь детские фантазии для интерпретации, независимо от их предмета, будь то любопытство по поводу полового сношения, желание смерти братьям и сестрам или ненависть к кому-то из родителей. В руках Кляйн толкование становилось мощным, но, как она настаивала, необыкновенно полезным оружием. В отличие от своих критиков она была готова к максимально возможной откровенности, объясняя маленьким пациентам смысл их фантазий. Однако Кляйн являлась не просто практиком, наделенным богатым воображением! Ее новаторство в технике лечения было основано на экскурсах в метапсихологию – и в какой-то мере порождено ими. Совершенствуя свою систему во время пребывания в Англии, она предположила, что эдипов комплекс и «Сверх-Я» формируются гораздо раньше, чем считал возможным Фрейд. По мнению Мелани Кляйн, внутренний мир маленького ребенка представляет собой массу деструктивных и тревожных фантазий, отражающих бессознательные образы хаоса и смерти. Для Фрейда ребенок – эгоистичный дикарь, а Кляйн считала его кровожадным каннибалом. Если кто-то и относился к фрейдовскому влечению к смерти и его последствиям со всей серьезностью, так это Мелани Кляйн.

Тем не менее в своих теоретических воззрениях на раннее осознание ребенком своей сексуальности она отступала от той схемы развития, которую Фрейд и его дочь-психоаналитик считали наиболее правдоподобной. Поначалу мэтр занял в этом вопросе позицию агностика. «Работа Мелани Кляйн вызвала множество сомнений и возражений, – писал он Эрнесту Джонсу в 1925-м. – Что касается меня самого, то я не слишком компетентен, чтобы судить о педагогических материях». Два года

спустя он определился. В эмоциональном письме Джонсу основатель психоанализа утверждал, что пытался быть беспристрастным к Мелани Кляйн и Анне Фрейд; с одной стороны, самым непримиримым противником Кляйн была его дочь, а с другой – Анна работала независимо от него. «В любом случае я могу сказать вам одно, – прибавил он. – Взгляды фрау Кляйн на поведение «Я-Идеала» у детей представляются мне абсолютно невозможными и противоречащими всем моим предположениям». Он соглашался с аргументами Кляйн, что дети более зрелые, чем мы думаем. Но это тоже имеет свои границы и само по себе не является доказательством.

Неудивительно, что споры между Мелани Кляйн и Анной Фрейд вылились в более глубокие конфликты, и точно так же неудивительно, что Зигмунд Фрейд не мог оставаться нейтральным, несмотря на все свои заявления. При этом эмоциям и раздражению мэтр давал волю лишь в частной переписке с Эрнестом Джонсом, где позволял себе довольно резкие выражения. Он обвинял Джонса в организации кампании против метода психоанализа детей, который предлагала его дочь, защищал ее критику лечебных стратегий Кляйн и отвергал обвинение в недостаточно полном анализе самой Мелани. Последнее больно задевало Фрейда. Он считал подобные инсинуации опасными и недопустимыми. «В конце концов, кто проанализирован достаточно полно? Уверяю вас, – с жаром возражал он, явно зная, о чем говорит, – Анна анализировалась дольше и тщательнее, чем, к примеру, вы сами». Фрейд отрицал, что относится к взглядам дочери как к священным и не подлежащим критике. Если кто-то попытается воспрепятствовать Мелани Кляйн излагать свои взгляды, он сам даст ей такую возможность. Тем не менее Кляйн и ее сторонники были довольно сильным раздражителем: они дошли до утверждений, что Анна Фрейд в своем анализе в принципе избегает эдипова комплекса. Фрейд начал подозревать, не являются ли нападки на дочь нападками на него самого.

Как бы то ни было, в своих работах основатель психоанализа почти никак не реагировал на эти разногласия, за исключением краткого комментария относительно взглядов Кляйн на чувство вины и – одобрительного – относительно ее утверждения, что сила «Сверх-Я» никоим образом не соотносится с суровостью обращения с ребенком. Такая осторожная политика показывает Фрейда в роли старейшины, руководителя, который остается над схваткой. Детский психоанализ, отметил он в примечании к своему «Послесловию к «Жизнеописанию», вышедшему в 1936 году, пережил бурный расцвет благодаря «работам г-жи Мелани

Кляйн и моей дочери Анны Фрейд». С начала 30-х годов XX века число сторонников Кляйн значительно увеличилось, и их взгляды оказали существенное влияние на психоаналитические институты, особенно в Британии, Аргентине и Соединенных Штатах. Но Фрейд выбрал для критики иные объекты. Он берег силы для решения других вопросов, которые, как считал мэтр, в большей степени требовали его вмешательства: спорный пересмотр определения тревоги, диспут относительно непрофессионального анализа, а также самый неприятный аспект – женская сексуальность. Активно участвовать в дебатах, которые могли возникнуть по этим темам психоанализа, – значит продолжать жить.

Глава десятая
Мерцающие огни на «черных континентах»

Вопросы, которые занимали Зигмунда Фрейда с середины 20-х годов прошлого столетия, для него не были чистой абстракцией – их значение определялось событиями личной жизни. Они снова отражали постоянный переход в мышлении мэтра от собственных чувств к научным обобщениям – переход, который не уменьшал ни силу чувств, ни их значение для науки. Рациональные аргументы приводил разочарованный отец, внимательный наставник и преданный сын…

Отступничество Ранка и его последствия

Меньше всего Зигмунд Фрейд ожидал неприятностей от своего высокоценимого и, как он считал, абсолютно надежного «психоаналитического сына» – Отто Ранка, но в 1923 году несколько неприятных эпизодов с участием последнего уже указывали на назревающие конфликты. Так, например, в августе на ужине, устроенном «комитетом» в Сан-Кристофоро, Анна Фрейд стала свидетельницей вспышки, которую затем описала как истерическую веселость. Опасным признаком также служил тот факт, что Ранк начал склоняться к технике и теоретическим положениям, способным увести далеко от идей, которым он был верен два десятилетия и для пропаганды которых так много сделал. Некогда самый ортодоксальный из фрейдистов, он превратился в «ранкианца». После войны Ранк проявил себя верным помощником – деловым, исполнительным, уважительным, и мэтр жалел, что с Отто нельзя получить «множество его копий». Однако прошло несколько лет, и Фрейд уже пренебрежительно отзывался о Ранке как о Hochstaplenatur – прирожденном мошеннике. Реакция основателя психоанализа не ограничилась только нелицеприятными словами: он ассимилировал и переработал свое запоздалое и неожиданное разочарование, предложив пересмотреть психоаналитическую теорию тревоги. Опубликованная в 1926 году статья «Торможение, симптом и страх» демонстрирует неувядающую способность Фрейда извлекать из потерь пользу.

Он очень много, в течение длительного времени помогал Ранку. Фрейд сразу распознал таланты юного самоучки, который пришел к нему в 1905-м с рукописью книги «Художник». Основатель движения помог молодому человеку получить

образование, поручил вести протоколы заседаний Психоаналитического общества по средам и поощрял к участию в обсуждениях, нанял в качестве помощника редактора, помогал финансировать его исследования и оплачивал летний отдых. В 1912 году с деликатностью, которую всегда проявлял к менее обеспеченным людям, чем он сам, Фрейд предложил Ранку сопровождать его в поездке в Англию и просил относиться к этому приглашению «как к моей благодарности за вашу последнюю замечательную книгу». И самое главное, мэтр усиленно поддерживал «малыша Ранка» в его стремлении овладеть искусством психоанализа и неизменно выражал свое доверие к нему, выдвигая на ответственные должности: в 1912-м Ранк фигурировал как основатель и издатель журнала Imago, а год спустя – Internationale Zeitschrift. Когда в 1919 году щедрый дар Фройнда сделал возможным основание издательского дома психоаналитической литературы, Verlag, Ранк стал одним из его учредителей и директором. К тому времени он уже несколько лет входил в близкий круг Фрейда. В 1912-м был образован «комитет» – эта преторианская стража мэтра, – и Ранк совершенно естественным образом оказался среди его членов.

Основатель психоанализа любил своего молодого ученика и относился к нему по-отечески. Он всегда волновался за Ранка. В декабре 1918 года Фрейд писал Абрахаму о женщине, на которой месяцем раньше Отто женился (он познакомился с ней во время войны, когда был редактором в Кракове): «Ранк, похоже, действительно испортил себе жизнь этим браком с маленькой польско-еврейской девушкой, которую никто не считает близкой по духу и у которой нет никаких высших интересов. Очень печально и совсем непонятно». Это было одно из тех поспешных и безответственных суждений, которые время от времени позволял себе Фрейд и от которых он потом отказывался. Вскоре основатель психоанализа изменил свое мнение о Беате Ранк, привлекательной и вдумчивой молодой женщине[237]. Год спустя мэтр в одной из статей выразил ей благодарность за ценное предложение, которое он использовал в работе о «сверхъестественном». Мэтр приветствовал ее вклад в общественную жизнь своего круга, а в 1923-м способствовал ее приему в Венское психоаналитическое общество. После того как необъяснимое предубеждение против Беаты рассеялось, Фрейд еще больше стал переживать за карьеру Ранка. Ведь именно он посоветовал Отто – точно так же, как своей дочери Анне и своему другу Пфистеру – не утруждать себя медицинским образованием, чтобы стать психоаналитиком. «Я до сих пор не уверен, правильно ли поступил, когда в свое время отговорил вас от

изучения медицины, – размышлял он в письме к Ранку в 1922-м. – Но убеждаюсь, что в целом был прав, когда вспоминаю о той скуке, которую испытывал, изучая медицину». С почти явным вздохом облегчения мэтр заключил: наблюдая, что Ранк занял полагающееся ему по праву место среди психоаналитиков, он больше не видит необходимости обосновывать свой совет.

Вне всяких сомнений, Ранк не принимал незаслуженные благодеяния. Он прокладывал себе дорогу упорной работой, безусловной верностью и многочисленными публикациями. Интенсивность и разнообразие его деятельности – редакторская работа, написание статей, психоаналитическая практика – позволили ему выделиться среди первых психоаналитиков, которые все отличались усердием и упорством, а также бойкостью стиля. Даже Эрнест Джонс, явно недолюбливавший Ранка, признавал его непревзойденную деловую хватку… Однако в середине 20-х годов эта энергичная деятельность и незаменимость подверглись суровым испытаниям, а потом от них не осталось и следа.

Фрейд был последним, кто мог подозревать Ранка. В 1922 году, когда Ранк и Ференци писали книгу по технике психоанализа (другие психоаналитики посчитают ее слишком экстравагантной), мэтр подбадривал их. «К вашему союзу с Ференци, – писал он Ранку, – я отношусь, как вы знаете, с полной симпатией. Новая отважная инициатива вашего совместного предприятия действительно хороша». Он всегда боялся, прибавил Фрейд, что мешает своим ближайшим сторонникам иметь независимое мнение. Теперь же он рад видеть доказательство обратного. Книга «Развитие психоанализа» была опубликована в начале 1924-го. В ней содержалось много интересного материала по технике лечения, но также были намеки на определенное пренебрежение детскими переживаниями пациента с целью сокращения времени анализа. Подобный терапевтический оптимизм противоречил убежденности Фрейда в тщательной и долгой аналитической работе. Приблизительно в это же время Ранк опубликовал работу «Травма рождения» – он посвятил ее Фрейду, но сия «Травма…» вызывала гораздо бо2льшую тревогу, чем совместное творчество с Ференци. В этом труде травма рождения и фантазия о возвращении в утробу матери назывались самыми главными факторами развития психики – важнее последующих травм и фантазий. Мэтр пока оставался невозмутим.

Безмятежность Фрейда была не просто пассивным смирением. Тщательно культивируя в себе доверие к людям, он

делал все возможное для минимизации накапливающихся свидетельств того, что Ранк может стать еще одним Адлером. Или Юнгом… Основатель психоанализа упорно приписывал напряженность среди своих сторонников чисто личным антипатиям. Другие не были склонны недооценивать разногласия. Только Эйтингон, оптимист по натуре и привыкший во всем соглашаться с Фрейдом, какое-то время отказывался воспринимать их всерьез. Вопросы, разделяющие Ранка и Абрахама, убеждал он мэтра в январе 1924 года, «конечно, неприятны, но в данный момент в целом они гораздо менее серьезны, чем конфликты между Р[анком] и Джонсом». В том же месяце основатель движения напомнил «комитету», что одобрил посвящение ему книги Ранка о травме рождения. Конечно, Фрейду не все нравилось в намеках на новую технику анализа, которые разбросали по своей книге Ранк и Ференци, а также в теории Ранка о травме рождения, однако он надеялся, что общая сердечная атмосфера среди коллег от этого нисколько не пострадает. В начале февраля мэтр выразил удивление слишком суровым отношением Абрахама к последним публикациям Ранка и Ференци. Фрейд по-прежнему не хотел участвовать в спорах. «Я делаю все возможное, – писал он Эйтингону, – чтобы не использовать свой авторитет для ограничения независимости моих друзей и сторонников. Я не требую, чтобы все их произведения обязательно получали мое одобрение. Естественно, – благоразумно прибавил он, – это предполагает, что они не покидают общую для нас почву, но в любом случае этого вряд ли можно ожидать от Р[анка] или от Ф[еренци]». Ранк высказал некоторое разочарование реакцией Фрейда. Он уважительно, но твердо заявил мэтру, что она показалась ему не совсем ясной и свободной от неверного понимания. Тем не менее Ранк утверждал, что благодарен Фрейду за примирительный настрой.

Но теперь баррикады возвел Абрахам. В конце февраля он предупредил основателя психоанализа о «беспокойстве, которое только усиливалось в течение нескольких недель непрекращающегося самоанализа». При этом Абрахам отвергал обвинения в намерении организовать поход против еретиков. «Любые результаты, полученные легитимно-аналитическим путем, не должны порождать серьезных опасений». Однако в данном случае ситуация была иной. «Я вижу признаки катастрофического развития, в котором затронуты жизненно важные вопросы психоанализа. Они вынуждают меня, к моему глубочайшему сожалению, выступить – не в первый раз за мою карьеру психоаналитика – в роли того, кто подает

предупредительный сигнал». Идеи, продвигавшиеся Ранком и Ференци в их «Развитии психоанализа», а еще в большей степени одним Ранком в «Травме рождения», представлялись Абрахаму слишком еретическими, чтобы их можно было игнорировать – или им потворствовать.

Фрейд, однако, отказался поднимать тревогу по сигналу Абрахама из Берлина – по крайней мере, в тот момент. В марте, несмотря на назойливые вопросы, которые ему задавали по поводу всех этих «отважных» инициатив, мэтр все еще был способен написать Ференци, который неизменно поддерживал Ранка в кругу ближайших сподвижников: «Моя уверенность в вас и в Ранке безусловна. Было бы печально после 15 или 17 лет совместной жизни обнаружить, что тебя обманывают». Работа Ранка, прибавил он, бесценна, и сам он незаменим. Фрейд признался в скептическом отношении к краткой психоаналитической терапии, которую рекомендовали Ранк и Ференци. Подобная терапия, по его мнению, приносит анализ в жертву предположениям. Безусловно, усиливающийся раскол между Ранком и остальными тревожил его. «Я пережил «комитет», который должен был стать моим преемником, и, возможно, я переживу и международную ассоциацию. Будем надеяться, что психоанализ переживет меня». Однако, к счастью, добавил основатель психоанализа, сходство между Ранком и Юнгом поверхностно: «Юнг был злым парнем».

В то время как Фрейд оставался дипломатичным, примиряющим и терпеливым, главные действующие лица надвигающейся катастрофы, похоже, рвались в бой. Ференци, обидевшись за Ранка, обвинил Абрахама в необузданных амбициях и ревности. Только это, говорил он Ранку, может объяснить, что Абрахам осмелился очернять их совместные произведения как проявления измены. Мэтр обманывал себя, продолжая верить – а если точнее, надеяться, – что Ференци не разделяет неприязнь Ранка к Абрахаму. Но при всем при том Фрейд, опытный политик, спекулируя на своем плохом здоровье и общей нелюбви к склокам, старался сохранить мир и удержать Ранка в «семье». Попытка была отважной, но тщетной. В середине марта Ранк по секрету рассказал Ференци о разговоре с Фрейдом, ставшем для него в некотором роде сюрпризом. Основатель психоанализа, по всей видимости, работал над статьей, в которой собирался критиковать новые теории Ранка, но вел себя уклончиво и даже показал себя недостаточно информированным: «Проф. до сих пор не прочел мою книгу или прочел только половину». Похоже, мэтра больше не убеждали аргументы Ранка, раньше казавшиеся ему впечатляющими. Тем не менее встреча

была примирительной: Фрейд предоставил Ранку решать, когда будет опубликована критика его работы и будет ли опубликована вообще. Однако разногласия были слишком серьезными, чтобы их можно было так легко преодолеть, поэтому Фрейд предложил членам «комитета» встретиться и обсудить все спорные вопросы. Теперь он признал, что стал критически относиться к последним работам Ранка. «Но я бы хотел услышать, в чем может заключаться угроза. Я ее не вижу». И все-таки ему пришлось это увидеть.

Обсуждая свою «Травму рождения» с членами Венского психоаналитического общества в начале марта, Отто Ранк сказал, что книга выросла из дневника, в котором он записывал «впечатления от анализа, в афористичной форме. Она была составлена из фрагментов, словно мозаика». Кроме того, прибавил Ранк, он писал книгу не для психоаналитиков. Тем не менее психоаналитики посчитали ее достаточно важной, чтобы долго обсуждать и яростно критиковать. Впоследствии Ранк утверждал, что его главный тезис о травме рождения как определяющем психологическом событии фактически был развитием представлений Фрейда – более того, представлений, с которыми психоаналитики были знакомы уже много лет. Это его заявление небезосновательно: в 1908-м, после того как Ранк представил доклад о мифах, связанных с рождением героев, мэтр лаконично заметил: «Акт рождения есть источник страха». Год спустя, перечисляя детские травмы, Фрейд напомнил Венскому психоаналитическому обществу, что «относительно страха следует помнить, что ребенок испытывает страх начиная с акта рождения». В 1909-м в примечании к «Толкованию сновидений» он уже решительно заявляет, в письменном виде: «Впрочем, акт рождения представляет собой первое переживание страха и вместе с тем источник и прообраз аффекта страха». Именно поэтому в самом начале основатель психоанализа не видел ничего невероятного в тезисе Ранка.

На самом деле этот тезис был не столько отступлением от психоаналитического мышления, сколько пророчеством – а если еще точнее, то предвзятым предсказанием – последующего развития теории психоанализа. Ранк усиливал роль матери за счет роли отца, а прототипичного страха рождения – за счет эдипова комплекса. На первом этапе мэтр считал, что это может оказаться ценным вкладом в его систему. Принимая посвящение Ранка в его книге, Фрейд процитировал изящную строчку из Горация: «Non omnis moriar» – «Нет, весь я не умру». И действительно, в начале марта 1924 года он предложил

Абрахаму: «Возьмем самый крайний случай: Ференци и Ранк открыто выступают с заявлением, что мы ошиблись, остановившись на эдиповом комплексе, и что верный ответ на самом деле лежит в травме рождения. Если они окажутся правы, происхождение неврозов следует искать в психологическом сбое, а не в нашей сексуальной этиологии». В таком случае психоаналитикам придется изменить технику лечения. «Какая в том беда? Можно оставаться под одной крышей, сохраняя душевное равновесие». Несколько лет работы, полагал он, определят, кто из теоретиков прав.

Терпение Фрейда поддерживалось его отеческими чувствами к Ранку, однако в нем также говорил ученый, готовый рассмотреть гипотезу, что его любимое открытие – эдипов комплекс – не столь важно для психического развития, как считалось до сих пор. Основатель психоанализа напомнил членам «комитета», что полное единодушие во всех вопросах научных подробностей и во всех вновь поднимаемых темах просто невозможно среди полудюжины разных по своей природе людей. Оно даже нежелательно. Впрочем, постепенно мэтр терял терпение – обвинял «паникеров», особенно Абрахама, в поспешных и бестактных действиях в их кампании против Ранка. Не желая признавать серьезность ситуации, Фрейд перекладывал вину на тех, кто приносил дурные вести. Он с готовностью соглашался, что Ранк был обидчивым, ко многому равнодушным и резким в общении, лишенным чувства юмора. Вне всяких сомнений, в своих трудностях он по большей части виноват сам. Но основатель движения также думал, что коллеги недостаточно добры к нему. Шли месяцы, а Фрейд по-прежнему находил убежище в олимпийском спокойствии и возлагал вину в равной степени на обе стороны: «Враждебность, которую [Ранк] отчасти действительно чувствовал в вас и в берлинцах, а отчасти воображал, – писал он Джонсу в сентябре 1924 года, – оказала возмущающее воздействие на его разум».

Психоаналитики из ближайшего круга, ведомые мэтром, были вовлечены в некий неуклюжий танец, состоявший из неуверенных вращений и неожиданных разворотов. Но Абрахам оставался непреклонен. Он опасался, что Ференци и, хуже того, Ранк охвачены «научной регрессией». Некоторые английские психоаналитики, в частности Эрнест Джонс и братья Эдвард и Джеймс Гловеры, полностью соглашались с Абрахамом: Ранк отрекается от учения Фрейда о роли отца в психологическом развитии ребенка. Теория травмы рождения, раздраженно писал Джонс Абрахаму, есть не что иное, как отказ от эдипова комплекса. И действительно, противники Ранка теперь считали

себя более последовательными, чем стареющий мастер, бóльшими фрейдистами, чем сам Фрейд. «Его нетрудно понять, – заявлял Джонс, – если учесть все факторы, возраст, болезнь и коварную пропаганду дома». Было бы жаль, если бы они поссорились с профессором из-за «слишком большой верности его делу», но если им придется выбирать между психоанализом и личными соображениями, мрачно констатировал Джонс, то психоанализ будет, конечно, на первом месте.

Эти тревоги оказались излишними. Фрейд все больше сомневался в ценности новых идей Ранка. Поразмыслив, он стал относиться к экспрессивной, почти фанатичной сосредоточенности Ранка на травме рождения как к непозволительному отступлению от проверенных временем идей психоанализа, а к его пропаганде сокращенного анализа как к губительной страсти целительства. В конце марта 1924 года мэтр уже сказал Ференци, что если раньше он считал верными две трети «Травмы рождения» Ранка, то теперь ограничивает свое одобрение только одной третью. Вскоре даже эта довольно скромная степень одобрения уже казалась ему чрезмерной.

В апреле 1924 года Отто Ранк отправился в Соединенные Штаты. Он читал лекции, проводил семинары, принимал пациентов, руководил начинающими психоаналитиками. Теперь пламя битвы поддерживалось с помощью писем.

Это был его первый визит в Америку – пьянящее, дезориентирующее ощущение… Ранк оказался плохо подготовленным к такого рода испытаниям. Некоторые американские психоаналитики были сбиты с толку тем, что он говорил. Один из них, психиатр Тригант Барроу, врач, чудак и ветреный сторонник психоанализа (мэтр как-то раз назвал его пьяным говоруном), предупреждал Фрейда, что Ранк распространяет в Соединенных Штатах опасную ересь. Основатель психоанализа заверил Барроу: «Это лишь новшество техники, достойное испытания. Оно обещает сократить время анализа; практика покажет, исполнится ли это обещание». Несмотря на все сомнения, мэтр все-таки решился заявить о своей вере в ученика: «Доктор Ранк слишком близок ко мне, чтобы предполагать – он движется в том же направлении, что и его предшественники».

Ранк никогда прежде не сталкивался с такой лестью, как в Америке. Он даже не мечтал о подобном влиянии. Не видел столько денег. Теперь Ранк пытался усидеть на двух стульях: на лекциях подчеркивал тот факт, что травма рождения и сокращенный психоанализ были идеями Фрейда, и в то же время

всеми силами старался, чтобы сложилось впечатление, будто он преподносит удивленным слушателям сенсационную новость. Именно мать, а не отец играет главную роль в формировании человека: «Im Gegenteil, die Mutter! Onzecontrary, ze mozer!» Отто Ранк одновременно выступал выразителем официальной точки зрения и дерзким ревизионистом – явление, которое казалось ему необыкновенно соблазнительным[238].

Конечно, Ранк не мог просто забыть о Вене. Фрейд отправил ему в Америку письмо, в котором взял на себя труд проинформировать, что шестеро его недавних пациентов, пять из которых были знакомы с идеями Ранка, полностью опровергли тезис о травме рождения. «Я часто очень за вас волнуюсь», – писал мэтр в своем прежнем отеческом тоне в июле. Он не проявлял враждебности, но ничего не скрывал и советовал Отто не впадать в упрямство: «Оставьте для себя возможность отступления». Ранк воспринял этот даже не совет, а просьбу только как неодобрение и непонимание. «Если бы я уже этого не знал, – писал он в черновике своего ответа, – то ваше сегодняшнее письмо не оставило бы сомнений, что понимание совершенно невозможно». Ранк не отправил это письмо, однако оно как нельзя лучше отражает его обиду. Основатель психоанализа проявил бо2льшую склонность к примирению, чем один из его апологетов. В длинном письме, отправленном летом с курорта Земмеринг, мэтр перечислял важные вопросы, по которым другие психоаналитики, в том числе Юнг, когда он еще не порвал с движением, не соглашались с ним, оставаясь друзьями. Фрейд не желал, чтобы коллеги были просто его эхом. Ференци, на его взгляд, «придает слишком большое значение полному согласию со мной. В отличие от меня». Основатель психоанализа заверял Ранка: «Мои чувства к вам ничто не может поколебать».

Тем не менее по его чувствам был нанесен удар, причем сильный. Летний оптимизм, хотя и очень ограниченный, долго не продержался. Фрейд все больше разделял чувства ближайших соратников, выступавших против Ранка и намеренных закрыть дорогу к примирению. В сентябре Эйтингон с непривычной для него резкостью писал в Вену: «Наш друг Ранк закусил удила». Эйтингона возмущали разговоры о «берлинском заговоре» против Ранка. А в октябре в берлинский лагерь решительно перешла дочь Фрейда. «Анна приходит в ярость, – писал мэтр Эйтингону, – при упоминании имени Ранка». Но основатель психоанализа все еще колебался и посылал противоречивые сигналы. С одной стороны, он пока не хотел разрывать личные отношения с Ранком. «Я бы желал отделить его личность от травмы рождения», – писал мэтр

Абрахаму в середине октября, выдавая желаемое за действительное. С другой стороны, несколько дней спустя, когда Ранк вернулся в Вену и первым делом нанес визит Фрейду, сам мэтр ждал встречи с дурными предчувствиями. «Я не питаю иллюзий, – признавался он Эрнесту Джонсу, – относительно результата этого разговора». Непоследовательность основателя движения отражала его душевные страдания.

Венских психоаналитиков новый Ранк озадачил. «Мы не в силах объяснить себе его поведение, – информировал Фрейд Эрнеста Джонса в ноябре, – но можно не сомневаться, что он с удивительной легкостью отбросил всех нас и приготовился к новой жизни, независимой от нас». Для этого Ранк, очевидно, считал необходимым заявить, что мэтр, например, плохо с ним обращался. «Когда ему напоминают о его собственных недружественных заявлениях, он отказывается от них, называя слухами и фантазиями». Теперь Фрейд считал Ранка неискренним, больше не заслуживающим доверия. «Я очень жалею, что вы, Джонс, до такой степени оказались правы». Основатель психоанализа был вынужден написать подобное письмо Джонсу, а еще раньше Абрахаму.

По возвращении в Вену, все еще опьяненный недавним триумфом в Соединенных Штатах, Ранк отказался от всех своих официальных должностей. Едва переступив порог дома, он уже планировал следующую поездку за океан. Такое нетерпение было вполне объяснимо: противникам не удалось переманить на свою сторону последнего из союзников, Ференци. «Я не был удивлен, – писал Эрнест Джонс Абрахаму в середине ноября, – что Шандор оказался полностью заслуживающим доверия». Именно этого, заметил Джонс, все от него и ждали, «поскольку он, по крайней мере, всегда оставался джентльменом». Но Ранк был сама нерешительность, подавленный и исполненный чувства вины. В ноябре жена проводила его в Америку, но вскоре тот вернулся домой. «Он мечется тут с нечистой совестью» – так характеризовал Фрейд Ранка в письме Лу Андреас-Саломе. Дальше он писал о глубоко несчастном, расстроенном лице Отто – оно такое, как у человека, получившего взбучку. Как обычно в подобных обстоятельствах, мэтр полностью снимал с себя ответственность. Он так спокойно отнесся к отступничеству Ранка, отметил основатель психоанализа, не только потому, что становится старым и безразличным, но в основном вследствие того, что ни в малейшей степени не может себя винить. Ранк волновался намного сильнее. В середине декабря, в разгар душевного кризиса, разрываясь между старыми привязанностями и новыми возможностями, он ежедневно советовался с Фрейдом.

20 декабря в неожиданном циркулярном письме Отто Ранк поведал о своем состоянии коллегам. Он каялся, извинялся, возлагал вину на себя. Теперь он понял, обращался Ранк к «комитету», что его поведение было невротическим, спровоцированным бессознательными конфликтами. Совершенно очевидно, раковая опухоль профессора стала для него травмой, и он подвел как себя самого, так и своих друзей. Анализируя собственные страдания, Ранк снова опирался на традиционный психоанализ и описывал свое плачевное душевное состояние в самых ортодоксальных фрейдистских терминах: это результат эдипова комплекса, к которому прибавился комплекс брата. Что касается получателей этого психоаналитического признания, Эрнест Джонс, например, не был ни убежден, ни успокоен. «Честно говоря, и не имею ничего против Ранка», – признавался он Абрахаму в конце декабря и заявлял, что рад видеть, как тот «прозревает». И все-таки он склонен не доверять этому чисто «интеллектуальному прозрению». Другими словами, признавался Джонс, он совсем не верит Ранку. Было бы абсолютно неосмотрительно забывать о его невротическом поведении и ждать, что тот снова станет прежним. «Принцип реальности рано или поздно отомстит за себя принципу удовольствия». Необходимо не дать Ранку снова занять ответственные должности.

Фрейд оказался менее суров. Он приветствовал возвращение Ранка – Rank's Ründbrief – как добрую весть. «Хотя я знаю, что вы уже какое-то время не в ладах с ним, – писал мэтр Эрнесту Джонсу через две недели после получения этого почти мазохистского самоанализа, – я все же надеюсь, что мудрость и доброжелательность позволят вам подвести черту под этим эпизодом, забыть прошлое и снова предоставить ему кредит доверия». Основателя психоанализа радовало, что ему и коллегам не пришлось «бросить одного из нас на дороге как убитого или мародера», и он ждал, что Ранк снова будет храбро сражаться в рядах товарищей. Покаяние Отто впечатлило его. «Я не могу поверить, – писал Фрейд верному Эйтингону в январе 1925 года, оценивая прежнее странное поведение Ранка, – что нечто подобное может случиться снова».

Сторонники основателя движения не были склонны прощать Ранка, не говоря уж о том, чтобы предать инцидент забвению. Они полностью разделяли подозрения Эрнеста Джонса. В Рождество берлинская группа – Эйтингон, Закс, Абрахам – отправила «дорогому Отто» письмо, приветствовавшее его возвращение в лоно психоанализа, однако сердечность слов не могла скрыть некоторую язвительность. Трое берлинцев

напоминали Ранку о его невротическом поведении и усиленно намекали, что, несмотря на то что он пересматривает свои взгляды, возвращаясь к психоаналитическим истинам, ему стоит воздержаться от публикаций. Эту паузу он может использовать для дискуссий и восприятия критики коллег. Несколько дней спустя их примеру последовал Эрнест Джонс. В дружеском, но несколько покровительственном письме к Ранку он выразил удовлетворение его «более ясной самооценкой» и «желанием восстановить дружбу». Искусно обойдя пять лет споров и враждебности, Джонс заверил «дорогого Отто», что дружба с его стороны никогда не прерывалась, поэтому он решительно и с полной сердечностью приветствует его шаги к примирению. Тем не менее в отношении Джонса чувствуется некоторая суровость: одними словами прошлое не сотрешь. Перефразируя знаменитую строчку из «Фауста» Гёте, которой Фрейд завершил «Тотем и табу», Джонс отметил: «В конце было дело» – «Am ende ist die tat». Ответом Ранка на эти внешне дружеские послания стало возвращение в Соединенные Штаты в начале января. Он не хотел и не мог оставаться в Вене. Фрейд, все еще не потерявший терпения, надеялся, что в своем новом американском турне Ранк компенсирует ущерб, который он нанес первой поездкой.

Практически всю зиму 1925 года мэтр пытался вернуть свое прежнее отношение к Ранку. В марте, после возвращения того из второго турне по Соединенным Штатам, Фрейд сообщил Абрахаму, что «снова распространил» на Ранка свое полное доверие. Даже в июле у основателя психоанализа еще тлела искра веры в своего непредсказуемого ученика. Тем не менее, несмотря на склонность Фрейда принимать желаемое за действительное, неприятные сравнения Ранка с Юнгом, к которым прибегала часть сторонников мэтра, к сожалению, все больше казались ему уместными. Юнг тоже отправился в Соединенные Штаты читать лекции, в которых он одновременно заявлял о преданности Фрейду и претендовал на оригинальность. Юнг тоже испугался собственной смелости и многословно извинялся за странное поведение, но затем отказался от своих слов. И наконец, Юнг, как представлялось основателю движения при взгляде в прошлое, извлек немалую пользу из отказа от его бескомпромиссных теорий. Естественно, Ранк приходил в ярость, если кто-то сравнивал его с Юнгом. Для него и его новых последователей эти подозрения и сравнения звучали как оскорбление.

Отчасти это было верно. Ранка называли вероломным, и он стал мишенью для агрессивного анализа со стороны своих бывших друзей. Это была старая история. Даже Фрейд, по-

прежнему питавший отеческие чувства к Ранку, не удержался от постановки ему диагноза, словно своему противнику. Он называл Ранка то сыном с эдиповым комплексом, то жадным предпринимателем. Еще в ноябре 1923 года мэтр так истолковал один из снов Ранка: «юный Давид» – Ранк – хочет убить «хвастливого Голиафа» – Фрейда. «Вы грозный Давид, которому своей травмой рождения удастся опровергнуть мою работу». Следующим летом основатель психоанализа сказал Ранку с полной откровенностью, что теория травмы рождения, которая влечет за собой «устранение отца», была неточным переводом собственного несчастного детства в термины грандиозной теории. Если бы Ранка проанализировали, заключил Фрейд, он бы переработал эти давние воздействия вместо того, чтобы строить на своем неврозе честолюбивое сооружение. Затем, в ноябре, перед публичным самоанализом Ранка, мэтр резко характеризовал «дорогого Отто» как человека, которому «угрожает моя болезнь и ее опасность для его средств к существованию», который искал «спасительный остров» и нашел его в Америке. «Это действительно случай крысы, бегущей с тонущего корабля». Сражаясь с сильным невротическим комплексом отца, Ранк, очевидно, не мог сопротивляться потоку долларов, который предлагал ему Нью-Йорк. Диагноз, к которому в конечном счете пришел основатель психоанализа, был неприятным для Ранка…

Психоаналитики, подталкивавшие Фрейда к отречению от Ранка, не стали придираться к этому аналитическому оскорблению. Эрнест Джонс предположил, что Первая мировая война вытеснила «явный невроз» Ранка 1913 года, но данное состояние постепенно вернулось в форме невротического характера. Это включало в себя, помимо всего прочего, отрицание эдипова комплекса и «регрессию враждебности от брата (меня)… к отцу, предположительно Фрейду». Абрахам, если уж на то пошло, высказывался более язвительно. Отрицая всякую враждебность, он безжалостно диагностировал «невротический процесс» у Ранка как следствие долгой предыстории. Ранк, как представлял его Абрахам, компенсировал собственные негативные чувства добросовестной работой и слабеющей потребностью в дружбе. Он разрешил себе действовать тиранически, стать необыкновенно капризным и более или менее открыто культивировать интерес к деньгам. Другими словами, «очевидная регрессия в анально-садистское состояние».

Подобные экскурсы в разложение личности служили примером агрессивного анализа, который психоаналитики во главе с Фрейдом одновременно осуждали и использовали. Такова,

как мы уже имели возможность убедиться, была точка зрения психоаналитиков на других и на самих себя. Основатель движения мог приписывать отречение Юнга от психоанализа «сильным невротическим и эгоистическим мотивам». В то же время он был способен судить себя почти так же строго и признавать, что оказался достаточно эгоистичным, чтобы использовать свое плохое здоровье как предлог оставаться в стороне от ссор между психоаналитиками. Но если Зигмунд Фрейд ставил подобные диагнозы не только другим, сие не делало психоаналитическое оскорбление более правомерным или приятным. Это стало настоящей эпидемией среди психоаналитиков – распространенная профессиональная деформация.

В июне 1925 года Фрейд ненадолго отвлекся от дела Ранка, которое неумолимо двигалось к окончательному разрешению. Это была довольно трогательная история. Его старший друг Йозеф Брейер, который по-отечески относился к Фрейду, когда тому было 30 лет, и с которым он порвал четверть века назад, умер в возрасте 83 лет. В ответ на искреннее письмо с соболезнованиями старший сын Брейера Роберт, по всей видимости, заверил Фрейда, что отец с симпатией, которую основатель психоанализа, должно быть, считал невозможной, следил за развитием этого движения. Фрейд тут же написал ему: «То, что вы сообщили мне об отношении вашего отца к моей работе в последние годы, явилось для меня новостью и бальзамом на болезненную рану, которая так и не затянулась». Как свидетельствует письмо, все эти годы мэтр не задумывался о своем охлаждении к Брейеру, человеку, который поддерживал его морально и материально и оказал ему неоценимую услугу, рассказав об Анне О., что подтолкнуло Фрейда к психоаналитическим открытиям, и на чью доброту он ответил жестокой неучтивостью. Вероятно, основатель психоанализа был очень рад тому, что все это время ошибался относительно взглядов Брейера, и наконец узнал, что тот продолжал издалека доброжелательно наблюдать за ним – особенно теперь, когда Ранк вызывал у него такое разочарование.

Летом 1925 года у Зигмунда Фрейда была более серьезная причина для волнений, чем отступничество Ранка: здоровье Карла Абрахама. В начале июня Абрахам писал мэтру, лежа в постели. Он вернулся из лекционного турне по Нидерландам с явными симптомами бронхита. Всем рассказывали, что Абрахам проглотил рыбью кость, которая застряла в бронхе. На самом деле он, похоже, страдал от недиагностированного рака легких… В июле Абрахам почувствовал себя лучше и поехал с семьей в

Швейцарию. В августе он уже мог совершать недолгие прогулки в горы, а в начале сентября настолько окреп, что присутствовал на международном конгрессе в Бад-Хомбурге. Для слабого организма Абрахама нагрузка оказалась непосильной, и Фрейд, который постоянно был в контакте с ним, начал волноваться. «Итак, случилось то, чего я боялся, – писал он Абрахаму в середине сентября. – Конгресс истощил ваши силы, и я могу лишь надеяться, что ваша молодость вскоре победит нездоровье».

Из Берлина приходили достаточно оптимистичные вести. В середине октября Абрахам разослал успокаивающее письмо: он чувствует себя неплохо. К неудовольствию мэтра он не забыл упомянуть о том, что находился под надзором Флисса, и похвалил его «исключительные качества как врача». Флисс, полагал Абрахам, сто2ит трех профессоров по внутренним болезням. «Кстати, – отмечал он, – все течение моей болезни самым поразительным образом подтверждает его теорию периодов». Но улучшение оказалось недолгим. Приступы лихорадки, боли, проблемы с желчным пузырем – все это указывало на серьезность заболевания. В начале декабря Фрейд был чрезвычайно встревожен. «Мы не в настроении рассылать в этом месяце циркулярное письмо, – сообщал он Джонсу 13 декабря. – Болезнь Абрахама держит всех нас в напряжении, и мы очень огорчаемся, что новости неопределенные и кажутся такими необъяснимыми». Три дня спустя он писал Джонсу, что Феликс Дойч ездил к Абрахаму и предупредил, что «эта неделя будет критическим периодом и [что] мы должны приготовиться к худшему». Фрейд отказывался расставаться с надеждой: «Это мрачная перспектива, но, пока он жив, мы можем цепляться за надежду, что его болезнь часто дает шанс на выздоровление». Основатель психоанализа чувствовал себя недостаточно хорошо для того, чтобы отправиться в Берлин, и спрашивал, позволяет ли здоровье самого Джонса поехать туда. Фрейд отказывался смотреть в лицо правде. «Я намеренно воздерживаюсь от описания последствий, если произойдет это ужасное событие».

Еще через несколько дней, 21 декабря, казалось, появился повод для оптимизма. «Сегодня никаких новостей от Абрахама, – писал мэтр Джонсу, – но последний бюллетень о его здоровье звучал обнадеживающе». Он утешался мыслью, что Аликс Стрейчи тоже выздоравливала после удаления абсцесса в легком, а сердце у Абрахама крепкое. Но в постскриптуме тон меняется. Позвонил Дойч: лихорадка отступила, и он оставил Абрахама в удовлетворительном состоянии, однако ему только что сообщили, что у Карла рецидив и положение отчаянное. Четыре дня спустя, на Рождество, Абрахам умер. Ему было 48 лет.

Фрейд очень тяжело переживал смерть Карла Абрахама. Не стало умелого организатора, талантливого преподавателя психоанализа, неисправимого оптимиста, оригинального теоретика и верного друга. «Я лишь могу повторить ваши слова, – писал основатель психоанализа Джонсу 30 декабря (должно быть, мэтр еще не оправился от потрясения, потому что писал по-немецки). – Смерть А[брахама], наверное, самая большая потеря, которая могла у нас случиться, и она случилась. Обычно в письмах я шутливо называл его своим rocher de bronze[239]; я находил опору в абсолютном доверии, которое он внушал мне и всем остальным». Фрейд прибавил, что пишет короткий некролог и намерен употребить применительно к Абрахаму знаменитую похвалу Горация честному и чистому человеку: Integer vitae scelerisque purus[240]. Основатель движения был искренен. Напыщенные восхваления после смерти, отмечал он в письме к Джонсу, всегда были для него особенно неприятны. «Я старался избегать их, но по поводу этой цитаты я считаю, что она отражает истину». Прочувствованный некролог, который написал Фрейд, действительно содержит эту строку из Горация и не менее искреннее утверждение, что вместе с Абрахамом психоаналитическое движение хоронит «одну из наиболее прочных надежд нашей молодой науки, подверженной жестоким нападкам; возможно, эта смерть нанесла непоправимый урон будущему психоанализа». Эта катастрофа отодвинула перспективу потери Ранка на второй план.

Отто Ранк шел собственным путем, деля время между Парижем и Нью-Йорком, прежде чем обосноваться в Соединенных Штатах. Фрейд занимался своими делами: в начале 1926 года у него были проблемы с сердцем – возобновились приступы, причем достаточно серьезные для того, чтобы отправиться в санаторий. В марте мэтр бесстрастно сообщил Эйтингону, что, наверное, умирает, но единственное, чего он боится, – «это долгая инвалидность без возможности работать. А если точнее, то возможности зарабатывать». Несмотря на достигнутое материальное благополучие, Фрейда по-прежнему волновала проблема содержания семьи. Но в апреле, когда Ранк последний раз посетил его, основатель психоанализа уже поправился, вернулся домой и снова принимал пациентов. Ранк еще не сформулировал свои окончательные взгляды. Его теория появилась два или три года спустя, когда он выдвинул концепцию воли как главной психической силы, той части «Я», которая управляет и влечениями, и окружающей средой. Тем не менее весной 1926 года Отто Ранк окончательно покинул фрейдистский

лагерь. Когда он пришел попрощаться, мэтр уже поставил точку в своих отношениях с ним. «Польза от его болезни, – сделал вывод Фрейд, – в виде материальной независимости была очень велика». В июне он окончательно подвел черту. «Я не нахожу в себе никакого возмущения Ранком, – признавался основатель психоанализа Эйтингону. – Я оставляю за ним право сбиться с пути и, в свою очередь, казаться оригинальным. Но совершенно очевидно, что он больше не с нами»[241].

Эта история была болезненной и длилась долго, но Зигмунд Фрейд, размышляя над еретическими идеями Ранка, извлек из нее важные уроки. В книге, которая стала результатом этих событий, «Торможение, симптом и страх», он отмечал: «Напоминание Ранка, что аффект тревоги, как и я сам вначале утверждал, есть следствие процесса рождения и повторение пережитой тогда ситуации, вынудило к повторной проверке проблемы страха». Однако, писал он далее, «с его собственным пониманием рождения как травмы, состояния тревоги как последующей реакции отвода, каждого нового аффекта страха как попытки все более полно «отреагировать» травму я не мог далее соглашаться». Тем не менее основатель психоанализа был вынужден признаться, что Ранк поднял несколько интересных проблем.

Вскоре Фрейду предстояло отпраздновать 70-летие – или, скорее, проигнорировать празднование, но хорошо знакомое желание разрешить возникшие сложности его не покинуло. Небольшая книга, суммировавшая его размышления о страхе, предложила психоаналитикам новые загадки: им предстояло принять еще один существенный пересмотр теоретических положений. «То, что моя книга взбаламутит воду, – с явным удовлетворением писал Фрейд Лу Андреас-Саломе, – было предсказуемо. Через какое-то время все опять успокоится. Людям полезно напоминать, что у нас еще нет права на догматическую непоколебимость и что мы должны быть готовы снова и снова ухаживать за виноградником». Однако, поспешил он успокоить фрау Лу, «в конечном счете предлагаемые изменения не такие уж подрывные». В работе «Торможение, симптом и страх», как и в письме к Андреас-Саломе, Фрейд придерживался следующей тактики: он признавал, что отказался от прежних теоретических положений, но минимизировал пройденный путь. «Представленное в этой статье понимание страха несколько отличается от того, которое мне казалось обоснованным раньше». Словосочетание «несколько отличается» явно не передает, насколько важно предложенное основателем психоанализа

нововведение.

Эстетически текст выглядит слабее, чем другие работы Фрейда. В нем мэтр механически соединяет идеи вместо того, чтобы продемонстрировать их естественную связь. Некоторые глубокие мысли, оставившие след в психоаналитическом мышлении, – пассажи о вытеснении и защите, о страхе – разбросаны по страницам или упрятаны в одно из приложений. Такое ощущение, что Фрейду надоела утомительная работа по обновлению своей психоаналитической модели. Ему как будто не терпится раз и навсегда покончить с изменениями. Много лет назад он заявил, что ясная и недвусмысленная манера писать показывает нам, что и мысль автора здесь ясна и уверенна, и наоборот, там, где мы встречаем вымученные, вычурные выражения, можно заметить влияние недостаточно продуманной, осложняющей мысли или же заглушенный голос самокритики. Это было в буквальном смысле слова руководство по использованию стиля как ключа. Но в данном случае метод не работал: основатель психоанализа не был самокритичен в отношении своих новых идей. И в то же время он выглядел усталым и нерешительным в отношении организации объемного материала. Само название «Торможение, симптом и страх» – простое перечисление – свидетельствует о неуверенности. Статья начинается с описания отличий торможения от симптомов, хотя Фрейда в гораздо большей степени интересовала природа защитных механизмов, а также страх – в одном из вышедших в Америке переводов на английский язык работа даже называлась «Проблема страха». Тем не менее, несмотря на некоторую «неаккуратность», она очень важна для отражения взглядов Фрейда.

Имя Ранка упоминается в тексте всего несколько раз, но мэтр постоянно ведет с ним безмолвный спор. Так он выражал свое отношение к заблудшему ученику[242]. Безусловно, работа не имела бы такого значения, будь она только сведением личных счетов. На самом деле проблема страха привлекала внимание Фрейда еще с середины 90-х годов XIX столетия. Основатель психоанализа считал, что она требует не только клинического, но и теоретического обоснования, о чем не задумывались другие исследователи. В те годы, когда Фрейд овладевал психоаналитическим мышлением, когда он писал свои ранние работы по истерии и неврозу страха, психиатрическое сообщество почти ничего не знало о тревоге. Учебники и пособия предлагали в основном поверхностные физиологические описания. Авторитетный Словарь психологической медицины Д. Гека Тюка, в котором были собраны накопленные наукой к 1890 году знания,

приводит лишь очень краткое определение страха: «Душевное расстройство, выражающееся в ожидании несчастья или испытания. Состояние возбуждения и подавленности, с ощущением сдавливания и неудобства в прекордиальной области». И все.

Зигмунд Фрейд считал, что необходимо сказать гораздо больше. У некоторых из его первых пациентов, страдавших неврозом, наблюдались выраженные симптомы страха, и, поскольку мэтр был убежден, что источником всех неврозов служат сексуальные расстройства, он пришел к выводу, что страх тоже может иметь сексуальные корни. Таким образом, по мнению Фрейда, в его происхождении нет особой тайны, и его формула проста: сексуальное возбуждение не получает выхода и трансформируется в страх. Вне всяких сомнений, как вскоре после окончания Первой мировой войны утверждал Эйген Блейлер в своем популярном «Учебнике психиатрии», страх каким-то образом связан с сексуальностью, и этот факт нам известен уже давно, но первым прояснил его Фрейд. Один из аспектов, по мнению основателя психоанализа, состоял в том, что страх не просто слепой физиологический процесс – он также опирается на психологические механизмы: вытеснение, как выразился мэтр, порождает тревогу. Здесь кроется тесная, но не очень заметная связь между двумя главными темами работы «Торможение, симптом и страх» – страхом и защитными механизмами. Но Фрейд не просто пересмотрел свое первое объяснение этой связи. Вытеснение, теперь утверждал он, не формирует страх. Скорее наоборот, страх приводит к вытеснению.

В этом новом теоретическом положении основатель психоанализа приписывает страху роль, которую ни он, ни другие психологи раньше не видели: ребенок в своем развитии учится предсказывать то, что Фрейд назвал опасными ситуациями, и отвечать на их ожидаемое наступление страхом. Другими словами, страх может работать как сигнал возможных будущих травм. Таким образом, Фрейд теперь рассматривал страх не просто как пассивный отклик, а как часть психического действия.

Такая смена ролей может показаться неожиданной, однако мэтр несколько десятилетий догадывался, что исследование страха породит массу сложностей. В некоторых первых работах он уже проводил разграничение между невротической и реалистической тревогой и отмечал, что приступы тревоги могут быть реакцией на внутреннее давление или на внешние опасности. В обоих случаях пружины тревоги распрямляются, когда психика не в состоянии справиться с бомбардирующими ее стимулами. Оставалось лишь выявить природу, перечислить

источники и, возможно, определить разновидности страха. Именно этой задаче была посвящена работа, написанная Фрейдом в 1926 году. Для Ранка, как известно, опыт рождения был единственной значимой причиной страха. Все последующие его приступы просто являлись способом, с помощью которого психика борется с этой первичной травмой. Фрейд, с недоверием относившийся к простым моделям и единственным причинам, воспринимал описание Ранка как тенденциозное преувеличение, выделявшее один аспект богатого и разнообразного опыта в ущерб остальным.

Страх, как теперь определял его мэтр, – это болезненный аффект, сопровождающийся определенными физическими ощущениями. Травма рождения есть прототип всех тревожных состояний. Она вызывает реакцию – выраженные физиологические изменения, – которую имитируют эти последующие состояния. Основатель психоанализа не сомневался, что младенец в какой-то степени подготовлен к страху. Можно сказать, что тревожная реакция является внутренней. Но маленькие дети страдают от множества тревог, которые невозможно связать с опытом рождения: страх темноты, страх перед отсутствием тех, кто удовлетворяет их потребности. Фрейд не составлял для этих страхов точный график, но был убежден, что каждая фаза психического развития сопровождается своей тревогой: за травмой рождения следует страх расставания, за которым, в свою очередь, идет страх лишиться любви, потом страх кастрации, чувство вины и страх смерти. Таким образом, генерируемые суровым «Сверх-Я» тревоги появляются только после того, как другие страхи уже сделали свое дело.

Фрейд не считал, что один тип тревоги вытесняет все остальные. Наоборот, каждая из них может существовать в бессознательном всю жизнь, время от времени оживая. Но все тревоги, первые и более поздние, объединяет сильное и крайне неприятное чувство беспомощности, неспособности справиться с непомерным волнением – страхами, желаниями, чувствами. В сущности, формулировка основателя психоанализа заключалась в следующем: тревога представляет собой предупреждающее сообщение о грозящей опасности. Для самого ощущения совершенно не важно, реальная это опасность или выдуманная, рационально оцененная или истерически преувеличенная. Источники ее могут быть чрезвычайно разнообразными, а психологический и физиологический эффект одинаковыми.

Радикально переписывая свое определение тревоги, Зигмунд Фрейд двигался от частного к общему. Сначала он заинтересовался тревогой, слушая рассказы пациентов. Теперь,

описывая тревогу как сигнал, помогающий людям прокладывать путь среди опасностей жизни, он преобразовал выводы, сделанные из узкоспециальных исследований психопатологии, в законы психологии, применимые ко всем – и невротикам, и здоровым. С точки зрения основателя психоанализа, легенда о невинном, бесстрашном Зигфриде, который решил узнать, что такое страх, может служить метафорой для ингредиента, очень важного для взросления человека: один из способов определить, что2 есть обучение, – представить его как процесс обнаружения пользы страха и понимания, чего нужно бояться, чего избегать, а чему верить. Не ведающие тревоги люди были бы беззащитными перед внутренними побуждениями и внешними угрозами – и уже не совсем людьми.

Разбросанные по статье «Торможение, симптом и страх» описания защитных механизмов для теории психоанализа являются такими же плодотворными, как и смена представлений о тревоге – а возможно, и более плодотворными. Но эти наблюдения дали много работы последователям Фрейда как при его жизни, так и позже, поскольку страницы, посвященные защитным механизмам, представляли собой всего лишь краткие намеки на большие возможности развития теории. В 1926 году мэтр твердо дал понять одно: тревога и защита имеют много общего. Если тревога – это часовой на башне, подающий сигнал об опасности, то защитные процессы – войска, мобилизованные, чтобы остановить вторжение. Проследить защитные маневры намного труднее, чем тревогу, поскольку они почти полностью работают под практически непроницаемой защитой бессознательного. Однако, подобно тревоге, защитные процессы встроены в «Я». Подобно тревоге, они являются необходимыми способами управления, типично человеческими и подверженными ошибкам. На самом деле один из самых важных аспектов защитных процессов заключается в том, что, будучи верными слугами адаптации, они могут превратиться в непреодолимые препятствия на ее пути.

Фрейд признал, что долго не уделял внимания вопросу, каким образом «Я» защищает себя от трех врагов: «Оно», «Сверх-Я» и внешнего мира. «В связи с обсуждением проблемы тревоги, – с некоторым раскаянием писал мэтр, – я снова ввел понятие, или, выражаясь скромнее, термин, которым исключительно пользовался в начале моих исследований тридцать лет назад и который позднее оставил. Я имею в виду термин «защитный процесс». Впоследствии я заменил его понятием вытеснения, но отношение между ними оставалось неопределенным». И это еще

мягко сказано. В действительности Фрейд поначалу провел четкую границу между разными защитными механизмами, а затем запутал вопрос, обозначив одним из своих любимых психоаналитических понятий, вытеснением, и психологический прием недопущения определенных идей в сознание, и все другие способы защиты от неприятного возбуждения. Теперь он был готов исправить эту неточность, вернувшись к старому понятию защиты как общему обозначению для всех технических приемов, которыми пользуется «Я» в конфликтах, способных привести к неврозу, тогда как вытеснение останется обозначением такого метода защиты.

Польза от возрождения основателем психоанализа своих первых формулировок была огромной. Вытеснение сохранило для него привилегированный статус среди стратегий защиты и свое историческое место в теории психоанализа, но большинство защитных процессов не только инициирует вытеснение, чтобы воспрепятствовать осознанию того или иного психологического материала, но и использует собственные ресурсы. Некоторые из них Фрейд описал в более ранних работах и в историях болезни: «Я» может защищаться от неприемлемых инстинктивных побуждений с помощью регрессии к более ранней фазе психологического развития, в которой эти побуждения маскируются и обезвреживаются. Невротик может пытаться бежать от своих враждебных и деструктивных чувств в отношении любимых людей, превращая непозволительную ненависть в преувеличенное обожание. Но это еще не все! В распоряжении психики имеются и другие защитные средства. Многие из них, подобно вытеснению, уже были знакомы читавшим труды Фрейда. Теперь, в работе «Торможение, симптом и страх», мэтр прибавил еще две тактики, не упоминавшиеся раньше. Это отмена и изоляция. Первая представляет собой нечто вроде «негативной магии», которая стремится «развеять» и последствия события, и само событие, – то, что произошло, чудесным образом становилось недействительным. Вторая тактика, которую мэтр считал характерной для страдающих неврозом навязчивости, является усилием отделить непристойные, пугающие, стыдные фантазии или воспоминания от своего аффекта. Только восстановление старого названия «защитный процесс», полагал Фрейд, поможет понять множество способов, которыми психика защищается от внешнего мира и от себя самой.

И в отношении тревоги, и в отношении защитного процесса выводы основателя психоанализа в значительной мере опирались на наблюдения, сделанные им со своего любимого места – кресла позади кушетки с пациентом. В работе «Торможение, симптом и

страх» мэтр снова, почти с ностальгией, вспоминает истории болезни, которыми дорожит больше всего: маленького Ганса, «человека с крысами», «человека-волка». Он не видел причин отказываться от этих источников информации. Как бы то ни было, сопротивление, которое оказывают пациенты с целью предотвратить изменение своих невротических привычек, предпочесть страдание болезненным открытиям, – это и есть защитные процессы в действии. Но Фрейду было хорошо известно, что невротики не обладают монополией на подобные стратегии. Они лишь преувеличивают поведение обычных людей, превращая его в безошибочно и легко различимую карикатуру. Приведем всего один пример. Возможно, изоляция является привилегией страдающих неврозом навязчивости, но его невротический аналог – концентрация. Отвлечение внимания от конкурирующего стимула – это абсолютно нормальный психический процесс, направленный на выполнение задачи. Таким образом, защитные процессы, как и страхи, универсальны, и они очень важны для людей. Именно к этому выводу пришел основатель психоанализа, размышляя над «Травмой рождения». Своей попыткой отделить себя от Фрейда Ранк сослужил ему хорошую службу, сам не подозревая об этом.

Дилемма: профессионалы или дилетанты?

Довольно неаккуратная структура работы Фрейда о защитных процессах и тревоге, со всеми ее повторениями и стилистическими погрешностями, особенно заметна в сравнении с другими его трудами. Как бы то ни было, эти недостатки не свидетельствуют об утрате мэтром литературных способностей. В 1926 году, когда вышла статья «Торможение, симптом и страх», он опубликовал еще один небольшой очерк, в котором проявились прежняя яркость стиля и привычный сдержанный юмор: «К вопросу о дилетантском анализе». Эта смесь полемики и популяризации может считаться – как удобочитаемое введение в психоанализ – одной из самых убедительных работ Зигмунда Фрейда. Примечательно, что мэтр решил представить свои аргументы в виде диалога – литературной формы, приглашающей к неформальному тону изложения, которым он уже не раз пользовался.

Вне всяких сомнений, истоки памфлета, связанные с текущими спорами, побудили Фрейда вновь вернуться к некогда характерной для него самоуверенной задиристости. В конце 1924 года один из высших медицинских чиновников Австрии обратился к основателю психоанализа с просьбой высказать свое мнение о дилетантском анализе, и Фрейд, исполненный оптимизма, писал Абрахаму: «…в таком вопросе, я надеюсь, власти ко мне прислушаются». Впрочем, дело оказалось намного сложнее. В начале следующего года городские чиновники, очевидно предупрежденные Вильгельмом Штекелем о присутствии в Вене психоаналитиков без медицинского диплома, обвинили Теодора Рейка в запрещенной медицинской практике. Рейк, один из молодых последователей Фрейда, объяснил венскому магистрату, чем именно он занимается. После жарких дискуссий, заключений экспертов и судебных баталий Рейк получил предписание прекратить практику. Он не смирился – нанял адвоката, заручился поддержкой мэтра, подал апелляцию на решение суда и какое-то время продолжал принимать пациентов. Но следующей весной на Рейка подал в суд один из его американских пациентов, Ньютон Мерфи, который обвинил его в шарлатанстве. Мерфи, сам по профессии врач, приехал в Вену, чтобы пройти курс психоанализа у Фрейда, но тот был занят с другими пациентами и направил его к Рейку, работавшему с ним несколько недель. Результат, наверное, был крайне неудовлетворительным, поскольку в противном случае Мерфи, явно доброжелательно настроенный к психоанализу в

целом, не потащил бы Рейка в суд. Основатель движения не колебался: своего рода памфлет «К вопросу о дилетантском анализе» появился буквально через месяц.

Фрейд не скрывал тот факт, что побудительным мотивом к его написанию стали текущие события: прототипом сочувствующего, но скептически настроенного собеседника он сделал того чиновника, который обратился к нему за консультацией. Фрейд остался самим собой. Пфистер, которому он отправил экземпляр работы «К вопросу о дилетантском анализе», восторженно воскликнул, что мэтр еще никогда не писал так просто и понятно. «И в то же время все поднимается из глубин». Пфистера, боровшегося с медицинскими чиновниками Швейцарии и гордившегося тем, что он был «первым непрофессиональным учеником Фрейда», можно было бы заподозрить в некоторой предвзятости, но текст полемической работы основателя психоанализа снимает это подозрение.

Фрейд сражался за Рейка, как за самого себя. «Я не прошу, – писал он Паулю Федерну в марте 1926 года, когда в Венском психоаналитическом обществе бушевали споры по поводу дилетантского анализа, – чтобы члены общества согласились с моими взглядами, но я буду защищать их в частных беседах, на публике и в судах». В конце концов, прибавил он, «борьба за дилетантский анализ рано или поздно должна была начаться. Лучше теперь, чем позже. Пока я жив, я буду препятствовать поглощению психоанализа медициной». Фактически Фрейд боролся и за себя: мучения Рейка в судах Вены побудили его открыто выступить в защиту дилетантского анализа, однако эта проблема интересовала мэтра давно. Вероятно, страстность и упорство основателя движения усиливало сознание того, что он в какой-то мере несет ответственность за то непростое положение, в котором оказался Рейк.

Они познакомились в 1911 году, после того как Фрейд прочитал докторскую диссертацию Рейка о книге Гюстава Флобера «Искушение святого Антония». Рейк на всю жизнь запомнил эту первую встречу. Он писал, что вступил в спор со своими профессорами – те не одобряли изучавшего литературу и психологию студента, диссертация которого была созвучна учению Фрейда. Случайная уничижительная ремарка одного из преподавателей психологии отослала Рейка к «Психопатологии обыденной жизни», после чего юноша жадно проглотил все книги основателя психоанализа, которые только мог достать, – как Отто Ранк несколькими годами раньше. Он отправил рукопись диссертации Фрейду. Мэтр заинтересовался ею и пригласил

Рейка к себе. Поднимаясь по ступенькам дома по Берггассе, 19, вспоминал Теодор Рейк много лет спустя, он волновался, как юная девушка перед свиданием, – так сильно билось его сердце. Потом он вошел в кабинет для консультаций, где Фрейд работал в окружении египетских и этрусских статуэток, которые так любил. Выяснилось, что Фрейд знал книгу Флобера гораздо лучше, чем Рейк. «Мы долго обсуждали ее».

Вскоре они перешли к более серьезным темам. Рейк собирался поступать на медицинский факультет, но Фрейд сказал, что этого делать не нужно. «Он убеждал меня посвятить жизнь психоанализу и психоаналитическим исследованиям». Как известно, мэтр довольно часто давал такие советы, однако в случае с Рейком он не ограничился одной лишь рекомендацией, а подкрепил ее ощутимой поддержкой. На протяжении нескольких лет Фрейд присылал не имевшему ни гроша Рейку деньги и находил ему работу. Он также принял молодого человека в Венское психоаналитическое общество, где Рейк, умевший формулировать свои мысли как устно, так и письменно, вскоре уже выступал в обсуждениях и читал доклады. «Естественно, у него есть недостатки, – писал Фрейд Абрахаму, который по просьбе мэтра пытался оказать ему протекцию в Берлине, – но он хороший, скромный парень, очень преданный, с твердыми убеждениями и хорошим слогом». Так, с помощью самого основателя движения, появился еще один непрофессиональный аналитик. И Теодор Рейк справился с вызовом, брошенным его практике. Заголовок в New York Times над датой, «Вена, 24 мая 1927», кратко излагал результат судебного иска против Рейка: «АМЕРИКАНЕЦ ПРОИГРЫВАЕТ СУД ПРОТИВ ФРЕЙДА / Основатель психоанализа говорит, что он может приносить пользу независимо от медицинской науки». В статье приводилась цитата мэтра, который, что бы там ни утверждали газетные заголовки, не был ответчиком в суде: «Врач не может практиковать психоанализ, потому что не способен забыть о медицине, которая не обязательна в тех случаях, когда может помочь мое лечение». Обвинения против Рейка сняли, и на какое-то время дилетантский анализ был спасен.

Впервые Фрейд обратился к вопросу об опасности привлечения непрофессионалов в практике психоанализа почти за 30 лет до этих событий – в 1895 году в своем знаменитом сне об инъекции Ирме. Ему снилось, что его пациентка Ирма, возможно, страдает соматическим заболеванием, которое он диагностировал – вернее, неверно диагностировал – как психологический симптом. Именно на такую опасность постоянно

указывали противники дилетантского анализа, и это было их главное возражение. Но Фрейд считал проблему разрешимой. В 1913 году в предисловии к книге Пфистера он перешел в наступление, решительно отрицая необходимость медицинского образования для психоаналитиков. Наоборот: «Практика психоанализа в гораздо меньшей степени нуждается в обучении медицине, чем в образовательной подготовке по психологии и в способности постигать суть». Большинство врачей, с некоторой язвительностью прибавил мэтр, не приспособлены для работы в психоанализе, и в большинстве случаев подобные попытки заканчиваются сокрушительным провалом. Соответственно, не стоит удивляться, что некоторые из самых известных сторонников Фрейда – от Отто Ранка до Ганса Закса, от Лу Андреас-Саломе до Мелани Кляйн, не говоря уж о психоаналитике из семьи самого Фрейда, дочери Анне, – не получили медицинского образования. Кроме того, в психоанализ постоянно приходили талантливые молодые новобранцы, которые оказались компетентными клиницистами и одаренными теоретиками, – преподаватели литературы вроде Эллы Фримен Шарп, педагоги, такие как Август Айхорн, и историки искусства, например Эрнст Крис. Как бы то ни было, ранние работы основателя движения не оставляют сомнений, что он защищал дилетантский анализ не потому, что тот в этом так нуждался. Эта позиция была естественным следствием его понимания самой природы психоанализа. Фрейд возлагал большие надежды на дилетантский психоанализ за много лет до конфликта Рейка с австрийскими законами.

Защита Фрейдом дилетантского анализа ни в коем случае не была призывом к легкомысленной или непрофессиональной диагностике. Он неизменно настаивал на том, что потенциальный пациент сначала должен пройти медицинское обследование. Это положение мэтр неоднократно подчеркивал в работе «К вопросу о дилетантском анализе». Ведь вполне возможно, что физические симптомы, которые увлеченный аналитик без медицинского образования может приписать истерической конверсии, как это сделал сам Фрейд в сне об инъекции Ирме, на самом деле являются признаками соматического заболевания. Однако в остальном, полагал основатель психоанализа, медицинское образование скорее мешает. Всю жизнь Зигмунд Фрейд старался сохранить независимость психоанализа от врачей не в меньшей степени, чем от философов.

Несмотря на то что после войны четыре пятых из его учеников были врачами, Фрейд не уставал повторять, что врачи не имеют права претендовать на монополию в анализе. Не

приспособленный для психоанализа врач ничуть не лучше шарлатана. Конечно, прибавил мэтр, само собой разумеется, что не получивший медицинского образования аналитик должен хорошо разбираться во всех элементах психоанализа и иметь представление о медицине, однако было бы несправедливо и неразумно заставлять изучать ее человека, который хочет избавить другого от мучительной фобии или навязчивого состояния. Другими словами, «мы отнюдь не считаем желательным, чтобы психоанализ оказался поглощен медициной» – явно любимая метафора Фрейда – «и нашел затем свое окончательное место в учебнике психиатрии».

Основатель психоанализа с таким жаром доказывал свою правоту, что не колеблясь ставил под сомнение мотивы оппонентов. Сопротивление дилетантскому анализу, обвинял он их, на самом деле есть сопротивление психоанализу вообще. Если принять во внимание позицию и аргументы психоаналитиков, придерживавшихся противоположного мнения, этот вердикт выглядит поверхностным и предвзятым. Хотя Фрейд и побеждал в споре, по крайней мере интеллектуально, его противники вовсе не были безответственными или своекорыстными. Четверть века спустя, рассматривая данный вопрос со своей британской точки зрения, Эрнест Джонс назвал его центральной дилеммой в психоаналитическом движении, для которой до сих пор все еще не найдено какого-либо решения. Фрейд, писал Джонс, мужественно пытаясь быть справедливым к приверженцам обеих точек зрения, «оставался в стороне от сумятицы внешнего мира, и ему было вполне уместно пытаться увидеть перспективу и рисовать картины отдаленного будущего». Конечно, у мэтра было полное право тешить себя фантастическими проектами, такими как университеты для психоаналитиков, где не имеющих медицинского образования будут знакомить с биологией и психиатрией. «Но те из нас, кто занимал более скромное положение в жизни, были вынуждены смотреть не так далеко и заниматься по большей части насущными проблемами». Грандиозная программа Фрейда, безусловно, захватывает, делал вывод Джонс, но пока приходилось иметь дело с суровой действительностью.

Эта действительность была слишком навязчивой, чтобы ее игнорировать. Психоаналитикам требовалось успокоить публику, которую ни в коей мере не убедили их заявления, и обращаться с местным медицинским и психиатрическим истеблишментом с максимальным тактом, а временами и с откровенным подобострастием. В 1925 году психолог Джеймс Маккин Кэттелл,

в то время президент Американской ассоциации содействия развитию науки, пренебрежительно отвергал психоанализ как не столько вопрос науки, сколько предпочтения вкуса и утверждал, что доктор Фрейд – художник, который живет в сказочном мире снов среди оргий извращенного секса. Кэттелл не выражал общее мнение, но у него было достаточно влиятельных союзников, чтобы угрожать стремлению психоаналитиков добиться признания своей профессии.

Аргументам Кэттелла прибавляли весомости многочисленные проходимцы, объявлявшие себя психоаналитиками. В том же году, когда он сделал это свое решительное заявление, американский гражданин Гомер Тайрелл Лейн предстал перед лондонским судом по обвинению в том, что он опасный шарлатан. Он принимал пациентов в своем кабинете на Гордон-сквер в престижном районе Блумсбери и брал за консультацию две гинеи в час. Кроме того, он читал лекции «Философия индивидуализма». Несмотря на то что некоторые обыватели и видные деятели, в том числе епископ Линкольна, свидетельствовали в пользу Лейна, обвинитель мрачно намекал на недостойное поведение с ученицами школы для девочек, с которой тот был связан. Лейна приговорили к месяцу тюремного заключения, но в конечном счете тюрьму заменили штрафом в 40 гиней и обещанием не позднее чем через 30 дней покинуть Британию и больше никогда туда не возвращаться. В судебных документах Лейн был назван психоаналитиком…

В том же 1925 году на Манхэттене, в Вестсайдской унитарианской церкви, преподобный Чарльз Фрэнсис Поттер, рассуждая о религии и психоанализе, предупредил, что число «шарлатанов от психоанализа» неимоверно умножилось. Он призывал ввести лицензирование психоаналитиков. «Это кажется невероятным, но факт остается фактом, – говорил преподобный. – Если врачу требуется десять или больше лет для обучения и подготовки, прежде чем он будет лечить тела людей, то аналитик, который претендует на лечение более тонкой субстанции, человеческой психики, может повесить табличку и брать 25 долларов за визит после десяти дней чтения книг Фрейда и Юнга». Именно этого психоаналитики и боялись – шарлатанов вроде Лейна, которые попадают в газеты, таких громких клеветников, как Поттер, и усиливающегося сопротивления широкой публики.

Таким образом, к середине 20-х годов прошлого столетия психоаналитики во Франции, Британии и – чаще всего – в Соединенных Штатах стали роптать, что слишком много самозванцев пытаются жить за счет того, что накопили

авторитетные аналитики, одновременно опровергая их. Отчасти в том была вина самих психоаналитиков. Как сказал в 1927 году Джонсу американский психоаналитик Смит Элай Джелиффе, «многочисленные «культы» вроде христианской науки, лечения внушением, метод Куэ и множество других аспектов псевдомедицинской практики никогда бы не получили такой известности, если бы там не работал «доктор». Кто бы ни был виноват в этом шуме, настоящие психоаналитики должны были дистанцироваться от всех псевдоаналитиков. Иностранные ученики Фрейда возвращались домой, чтобы заняться практикой, и начинали задумываться о пользе респектабельности и формировании профессиональных институтов, которые бы их защищали. В этом начинании непрофессиональные аналитики скорее отвлекали и, возможно, даже мешали им.

Фрейд думал иначе. Именно потому, что мэтр имел медицинское образование, он мог позволить себе бескорыстно выступать в защиту непрофессиональных психоаналитиков. Основатель движения развернул смелую кампанию, однако победы его были спорадическими и ограниченными. По этому вопросу началась бурная дискуссия. Дебаты в психоаналитических журналах и выжидательные резолюции психоаналитических конгрессов наблюдались все 20-е годы и даже позже. Практика западных институтов разнилась, но большинство пришло к тому, чтобы требовать медицинское образование как необходимое условие допуска, или окружало обучение непрофессионалов обременительными ограничениями. Именно в этом вопросе – а для многих единственном – психоаналитики, которые обожествляли Фрейда и относились к его работам как к Священному Писанию, шли наперекор желаниям мэтра и рисковали навлечь на себя его неудовольствие. А.А. Брилл выразил мнение многих раздраженных сторонников основателя движения, когда в 1927 году писал: «Давным-давно я научился принимать то, что предлагает мастер, еще до того, как в этом убеждали меня собственные знания, поскольку опыт говорил мне, что, когда я считаю то или иное утверждение натянутым или некорректным, вскоре убеждаюсь в своей ошибке; мои сомнения были обусловлены недостатком опыта. Однако я на протяжении многих лет изо всех сил пытался согласиться с мастером по вопросу дилетантского анализа, но не смог согласиться с его мнением». Свою точку зрения мастер защищал блестяще, но совершенно неубедительно.

Проблема была столь острой, что в 1927 году Эйтингон и Джонс решили организовать заочный международный симпозиум

с одновременной публикацией материалов в Internationale Zeitschrift на немецком языке и в International Journal of Psycho-Analysis на английском. Больше 20 участников, известных психоаналитиков из полудюжины стран, высказали свое мнение в кратких заявлениях или маленьких эссе. Сюрпризов не обнаружилось, за исключением, возможно, одного: Фрейду не удалось мобилизовать даже свою местную армию. Естественно, Теодор Рейк, не без лукавства признав, что его мнение вряд ли назовешь незаинтересованным, защищал дилетантский анализ, проводя аналогию со знанием психологии, которую демонстрировали священники и поэты, но остальные венские психоаналитики, в том числе давние сторонники Фрейда, отвергли его аргументы. Эдуард Хичманн, который еще в 1905 году присоединился к группе энтузиастов, собиравшихся у мэтра по средам, а теперь занимал пост директора психоаналитической клиники в Вене, выразился кратко: «Я строго придерживаюсь узаконенного стандарта Министерства здравоохранения, что психоанализ – это занятие для врача». Исидор Задгер, также один из первых сторонников мэтра, был не менее категоричен: «Я твердо и принципиально придерживаюсь мнения, что больных людей должны лечить исключительно врачи и что следует избегать анализа таких людей непрофессиональными психоаналитиками».

Даже Феликс Дойч, несмотря на личные причины доставить удовольствие Фрейду, ограничился тем, что завуалировал свои истинные взгляды громоздкими определениями, хотя в конце концов не мог не признать, что лечение – это дело врача. Конечно, среди участников симпозиума были и те, кто поддерживал основателя движения: некоторые британские психоаналитики, в том числе Эдвард Гловер и Джон Рикман, не видели вреда в том, что психоанализом занимаются люди без медицинского образования, но при условии, что терапия строго разграничена с диагностикой. Последняя должна быть оставлена врачу. Британия оставалась страной, где процветал дилетантский анализ: по воспоминаниям Джонса, до 40 процентов психоаналитиков там не имели диплома врача. Также порадовала Фрейда резолюция, принятая Венгерским психоаналитическим обществом в Будапеште, утверждавшая, что дилетантский анализ, «как теоретически показано в книге Фрейда, не только оправдан, но в интересах нашей науки даже желателен и, с другой стороны, в практике дилетантского анализа в Венгрии, как показывает опыт, до сих пор не отмечено какого-либо вреда пациентам». Один из участников симпозиума, Герман Нюнберг, принадлежавший к числу самых талантливых молодых венцев,

дошел даже до того, что обвинил противников дилетантского анализа в чистом эгоизме. «У меня складывается впечатление, – писал он, – что сопротивление практике непрофессионального психоанализа не всегда обусловлено исключительно теоретическими соображениями. Мне кажется, что здесь свою роль играют и другие мотивы, такие как престиж врача, а также мотивы, имеющие экономическую природу. В наших рядах, как и везде, экономическая борьба находит свою идеологию». Резкие слова, но они довольно точно отражали взгляды Фрейда.

В своем вкладе в дискуссию, впоследствии вошедшем как послесловие в работу «К вопросу о дилетантском анализе», мэтр еще раз привел знакомые аргументы. В ностальгическом тоне он пустился в автобиографические воспоминания, сейчас часто цитируемые: «Поскольку речь идет о моей персоне, всех, кто этим интересуется, я могу в некоторой степени ознакомить с моими собственными мотивами. После 41-летней врачебной деятельности мое самопознание мне говорит, что, в сущности, я не был настоящим врачом. Я стал врачом из-за вынужденного отклонения моего первоначального намерения, и триумф моей жизни заключается в том, что, пройдя длинный окольный путь, я снова нашел первоначальное направление». Основатель движения считал, что его «садистские наклонности» оказались не очень велики, так что в развитии их дериватов, то есть производных от чего-либо первичного, не было необходимости. Фрейд писал: «… мое инфантильное любопытство, очевидно, избрало иные пути. В юношеские годы меня стала одолевать потребность понять часть загадок этого мира и, возможно, самому что-то сделать для их решения». Изучение медицины казалось ему наилучшим способом реализации своих желаний. Но сначала его интересы сосредоточились в области зоологии и химии, пока под влиянием фон Брюкке, «…величайшего авторитета из всех, кто когда-либо воздействовал на меня», он не остановился на физиологии. Медицинской практикой он занялся исключительно по причинам финансового характера: Фрейд отмечает «скудность» своей «материальной ситуации». Однако и это – в чем, конечно, заключался смысл экскурса мэтра в молодость – не стало препятствием: «Я думаю, что отсутствие у меня настоящей врачебной настроенности не очень навредило моим пациентам»[243].

Фрейд признавал, что его статья, вне всяких сомнений, не прояснила вопрос дилетантского анализа и он почти никого не привлек на свою сторону, хотя скромно заявил, что ему удалось по крайней мере смягчить некоторые крайние взгляды. В письмах, которые он рассылал как близким друзьям, так и незнакомым

людям, мэтр жаловался на предвзятость врачей. «Врачи среди аналитиков, – писал он в октябре 1927-го, – слишком склонны скорее к органическим исследованиям, чем к психологическим». Год спустя в письме к Эйтингону он объявил, что более или менее готов признать поражение. Работа «К вопросу о дилетантском анализе», писал мэтр, была неудачей. Он толок воду в ступе – ein Schlagins ins Wasser. Было желание сплотить психоаналитиков в этом вопросе, но добиться успеха не удалось: «Я был, если можно так выразиться, генералом без армии».

Вполне ожидаемо Фрейд обнаружил, что настоящими «злодеями в пьесе» оказались американцы. Заокеанские психоаналитики были самыми последовательными противниками дилетантского анализа. В публикации для симпозиума мэтр выражал свое раздражение намного осторожнее, чем в письмах: «Резолюция наших американских коллег по поводу аналитиков-дилетантов, продиктованная в основном практическими мотивами, мне кажется непрактичной, ибо она не может изменить ни один из моментов, которые определяют положение дел. Она в чем-то сродни попытке вытеснения». В заключение основатель психоанализа спрашивал, не лучше ли признать факт существования непрофессиональных аналитиков и относиться к ним со всей возможной серьезностью.

Это был риторический вопрос, ответ на который Фрейд прекрасно знал. Нью-Йоркское психоаналитическое общество, основанное А.А. Бриллом в 1911 году, являлось ассоциацией врачей. Его устав предусматривал ассоциированное членство, доступное для тех, «кто проявляет активный интерес к психоанализу», однако члены общества не сомневались, что психоанализом пациентов позволено заниматься только врачам. В 1921-м во избежание недоразумений Брилл особо подчеркивал это положение в своей популярной книге «Основные концепции психоанализа». К сожалению, писал он, психоанализ «привлек множество шарлатанов и мошенников, которые нашли в нем средство эксплуатации невежественных классов, обещая излечить все их недуги». Конечно, от такого рода целителей не застрахована ни одна область медицины, но сие не означает, что нужно молча терпеть их в своей специальности. «Поскольку я чувствую некоторую ответственность за психоанализ в этой стране, просто хочу сказать, что психоанализ, будучи таким же чудесным открытием психологической науки, как, например, рентгеновские лучи в хирургии, может использоваться только теми, кто обладает профессиональными знаниями в области анатомии и патологии»[244].

Сравнение Брилла стало – возможно, без умысла – оружием в борьбе нервов, развернувшейся вокруг дилетантского анализа, и предупреждением для тех, кто решил обратиться к одному из непрофессионалов. В 1921 году, когда Джелиффе, еще не перешедший в лагерь Брилла, поддержал аналитиков-дилетантов и принял на работу ассистентов без медицинского образования, Брилл резко отчитал его. Однако его критика простиралась дальше точки зрения Фрейда, который не предполагал направлять «психоаналитических» пациентов к необученным врачам. Вопрос не имел никакой связи с рентгеновскими лучами или скальпелем хирурга; речь скорее шла о том, является ли медицинская профессия необходимой или желательной для подготовки к психоаналитической практике.

Проблема обострилась в 1925 году, когда Кэролайн Ньютон подала заявление, намереваясь стать членом Нью-Йоркского психоаналитического общества. Образованная и знающая, в 1921-м Ньютон проходила анализ у Фрейда, а теперь, вернувшись в Соединенные Штаты, переводила работы Рейка. Однако диплома врача она не имела, что, с точки зрения Нью-Йоркского психоаналитического общества, являлось серьезным недостатком. Общество незамедлительно проинформировало о проблеме Абрахама, в то время президента Международной психоаналитической ассоциации[245]. В Нью-Йорке, сообщал Абрахам в мартовском циркулярном письме, признали Ньютон лишь в качестве гостя и возражали против ее практики и рассылки рекомендаций. Более того, отмечал Абрахам, они хотели изменить устав международной ассоциации, чтобы ее члены автоматически не становились членами других объединений. Он посчитал это требование разумным – и Фрейд тоже, хотя и после некоторых колебаний. Но основатель психоанализа воспользовался возможностью осудить то, что он считал характерным эгоцентризмом заокеанских коллег. «Мне кажется, претензии американцев заходят слишком далеко, – писал он в сентябре Эрнесту Джонсу, – и продиктованы в значительной степени ограниченными, эгоистическими интересами».

Нью-Йоркское психоаналитическое общество неодобрение Фрейда не смутило, но встревожило. Оно стало защищаться и ответило на дело Ньютон учреждением комиссии по образованию, которая должна будет проверять будущих кандидатов. В протоколе заседания общества от 27 октября 1925 года кратко сообщается, что «после долгих споров собрание пришло к единодушному заключению: оно против того, чтобы непрофессионалы занимались психоаналитической терапией». На

повестке дня была неизбежная для взрослеющих институтов бюрократизация. В том же году психоаналитики, собравшиеся в Бад-Хомбурге, основали международную комиссию по образованию, чтобы выработать стандарты принятия в психоаналитические институты и определить методы подготовки психоаналитиков – до сих пор в обоих этих аспектах национальные общества проявляли небрежность. Реакция на создание комиссии оказалась неоднозначной, поскольку она стала источником споров с организациями, которые стремились сохранить свою независимость. Тем не менее комиссия помогла формализовать уровень образования аналитиков и требования к кандидатам.

Даже если бы комиссия по образованию не была создана, американские психоаналитики остались бы непреклонными. «Конечно, – писал Фрейд Эрнесту Джонсу осенью 1926 года по поводу позиции американцев, – отношение между психоанализом и медициной окончательно решит только судьба, но это не означает, что мы не должны пытаться повлиять на судьбу, пытаться сформировать ее своими усилиями». И все же 30 ноября 1926 года Нью-Йоркское психоаналитическое общество приняло резолюцию, которая в следующем году была представлена на симпозиум по дилетантскому анализу и таким образом получила международный статус. «Практика психоанализа с лечебными целями, – говорилось в ней, – должна быть ограничена врачами (докторами медицины), выпускниками признанных медицинских факультетов, получивших специальную подготовку по психиатрии и психоанализу и удовлетворяющих требованиям законов о медицинской практике, субъектом которых они являются». Яснее не скажешь.

Фрейд не оставлял попытки повлиять на американцев, но они, похоже, были пустой тратой времени. Летом 1927 год мэтр получил письмо от А.А. Брилла – первое, как он язвительно прокомментировал Эрнесту Джонсу, «за не знаю сколько лет». Брилл заверял основателя психоанализа, что он «и все они» останутся абсолютно верными ему и его принципам. Брилл, сообщал мэтр, слышал о его намерениях исключить нью-йоркскую группу из ассоциации, и писал, что ему было бы очень жаль, если бы это произошло. Фрейд назвал сие воображаемой обидой. Он ответил «резко и искренне», откровенно заявив, что разочаровался в американцах. Не менее откровенно основатель психоанализа сообщил, что, если американцы выйдут из Международной психоаналитической ассоциации, она ничего не потеряет ни в сфере науки, ни в сфере финансов, ни в сфере профессиональной сплоченности. «Возможно, – прибавил мэтр, –

теперь он обиделся, но ведь он был обижен и раньше. Если он сдержит свою обидчивость, которая является признаком нечистой совести, результатом могут стать добрые отношения». В 1928 году основатель движения сообщил швейцарскому психоаналитику Раймону де Соссюру, что представители Нового Света приняли доктрину Монро, которая лишит европейцев какого-либо влияния на их дела. «Другими словами, своей книгой по дилетантскому анализу я ничего не добился; они ставят интересы своего статуса выше интересов психоаналитического сообщества и не видят опасностей, которым подвергают будущее психоанализа».

В начале 1929-го вследствие неутихавшей полемики Фрейд задумался о том, что, возможно, стоит мирно расстаться с американцами, не изменив свои взгляды на дилетантский анализ. Мрачные предчувствия Брилла, что мэтр хочет избавиться от них, не были такими уж безосновательными, но в этот момент американец проявил качества опытного политика. Не желая вести соотечественников к сомнительной независимости, он сделал существенные тактические уступки, согласившись на то, чтобы Нью-Йоркское психоаналитическое общество приняло в свои ряды нескольких человек без медицинского образования. «Я чрезвычайно доволен, – писал Фрейд Эрнесту Джонсу в августе 1929 года после съезда психоаналитиков в Оксфорде, – что конгресс прошел в такой примирительной атмосфере и несомненно приблизил ньюйоркцев к нашей точке зрения»[246]. Брилл, с благодарностью отмечал Фрейд, дал хороший бой «всем американским – на четверть, на восьмую и на шестнадцатую часть – психоаналитикам». В конце этого же года психоаналитики Нью-Йорка уступили примирительным усилиям Брилла и нехотя разрешили непрофессионалам работать с детьми. «Отступление Брилла в вопросе американских аналитиков-дилетантов, – торжествующе отметил Ференци в одном из циркулярных писем 1930 года, – в настоящее время исключило эту проблему из повестки дня». В отношении психоанализа взрослых Нью-Йоркское общество оставалось твердым на протяжении многих лет. Авторитет Фрейда был огромным, но не безграничным. Законом его слово не считалось.

Женщина, неизведанная страна

В годы, когда внутренний раскол по проблеме обучения и квалификации кандидатов в аналитики угрожал разрушить хрупкое единство фрейдистского движения, психоаналитики также были вовлечены в спор о психологии женщин. В целом дискуссия велась вежливо, даже добродушно, но затрагивала

самую суть теории основателя движения, и эта проблема продолжала мучить психоаналитиков. В середине 20-х годов XX столетия Фрейд предсказывал, что оппоненты будут критиковать его взгляды на женственность как враждебные устремлениям женщин и предвзятые в пользу мужчин. Его предсказание сбылось, причем критика оказалась гораздо яростнее, чем мэтр мог вообразить.

Большинство последующих комментариев упрощало взгляды Фрейда, которые представляли собой сложный сплав общеизвестных банальностей, осторожных предположений и необычных догадок. Он сказал много такого, что глубоко обидело женщин, но не все его теоретические положения и частные мнения были антагонистическими или покровительственными. И не все они были доктринерскими! В отношении женской психологии Зигмунд Фрейд временами был почти агностиком. В конце 1924 года, пытаясь решить некоторые вопросы клиторальной и вагинальной чувствительности, которые поставил Абрахам, основатель психоанализа признался, что, несмотря на общий интерес к этой теме, он «совсем ничего о ней не знает». В целом, согласился мэтр, возможно с излишней готовностью, женский аспект проблемы для него «необыкновенно туманен». Уже в конце 1928 года он писал Эрнесту Джонсу: «… все, что нам известно о раннем развитии женщины, кажется мне неудовлетворительным и неопределенным». Он, признавался Фрейд, искренне пытался понять «сексуальную жизнь взрослой женщины», но женщина продолжала интриговать и озадачивать его. Она была для него чем-то вроде «черного континента».

К тому времени Фрейд установил для себя две вещи: «первое представление о половом сношении является оральным – сосание пениса, как раньше материнской груди; отказ от клиторального онанизма из-за неполноценности этого органа, болезненно осознаваемой». Это казалось очень существенным, но «обо всем остальном я должен воздержаться от суждения». Примерно в то же время, когда мэтр признался в своей растерянности Джонсу, он говорил Мари Бонапарт, что на протяжении 30 лет занимается исследованием «женской души», особо не афишируя это. Он спрашивает: «Was will das Weib?» – «Чего хочет женщина?» Эта известная ремарка, а также описание женщины как неизведанной страны – «черного континента» представляют собой древнее клише в современной упаковке: мужчины на протяжении столетий защищались от смутного страха перед тайной женской силой, называя весь слабый пол непонятным и необъяснимым. Но это также жест беспомощности, показатель неудовлетворенности основателя психоанализа пробелами в его теории. Сказанное им в

отношении женственности, писал Фрейд, неполно и фрагментарно. Если хотите узнать больше, советовал он читателям, «обратитесь к собственному жизненному опыту, или к поэтам, или подождите, пока наука не сможет дать вам более глубокие и лучше согласующиеся между собой сведения». Эти публичные оговорки были не просто риторикой. Как нам известно, личная переписка Фрейда изобилует подобными заявлениями о невежестве. Когда мэтр был в чем-то уверен, он так и говорил, но в отношении женщин такой уверенности не было.

Статьи по женской психологии, опубликованные Фрейдом в период с 1924 по 1933 год, стали основой дебатов, начало которым положили его отрывочные комментарии в начале 20-х. Кроме Карла Абрахама главными противниками его идей были Эрнест Джонс, стремившийся доказать свою независимость, молодой немецкий психоаналитик Карен Хорни, достаточно смелая и независимая, чтобы публично бросить вызов мэтру на его территории, а также такие его верные сторонники, как Жанна Лампль де Гроот и Хелен Дойч, в конечном счете принявшие окончательную позицию Фрейда, почти без критики и лишь с небольшими дополнениями. В отличие от спорной идеи влечения к смерти, взгляды основателя движения на женственность по большей части стали главенствующими среди психоаналитиков. С начала 30-х годов прошлого столетия они считались более или менее каноническими в их профессии. И все-таки время от времени появлялись несогласные, и предложения пересмотреть послевоенные взгляды Фрейда на женщин никогда не заканчивались. Ревизионисты из числа психоаналитиков не гневались на мэтра, как впоследствии феминистки, но его заявления были им неприятны.

Работы Фрейда, посвященные женщинам, могут служить очередным примером того, до какой степени были предопределены его идеи. В мозгу основателя психоанализа причудливо переплелись бессознательные фантазии, культурные предпочтения и психоаналитические теории. С раннего детства Зигмунд Фрейд был окружен женщинами. Он не осознавал, какое сильное влияние оказала на него красивая, молодая и властная мать. Свой вклад в эмоциональную жизнь ребенка – загадочный, внезапно прервавшийся, но неоспоримый – внесла и няня-католичка. Племянница Фрейда Паулина, примерно одного возраста с ним, была первым объектом его детской эротической агрессии. Пять младших сестер появились в семье буквально друг за другом (младшая, тоже Паулина, родилась, когда Фрейду еще

не исполнилось восемь лет), лишили его исключительного внимания родителей как единственного ребенка и стали как нежелательными соперницами, так и восхищенной аудиторией. Великая любовь его взрослой жизни, страсть к Марте Бернайс, со всей силой обрушилась на Фрейда в 25-летнем возрасте, принеся с собой яростное собственническое чувство и приступы иррациональной ревности. Его свояченица Минна Бернайс, поселившаяся в семье Фрейда в конце 1895 года, высоко ценилась им как компаньон для бесед, прогулок и путешествий. Основатель психоанализа говорил Флиссу, что отношения с женщинами никогда не могли заменить ему мужскую дружбу, однако он был явно неравнодушен к ним.

В профессиональной жизни мэтра также преобладали женщины, и все они стали главными фигурами в истории развития психоанализа. Первой была открывшая новую эпоху Анна О., которую Фрейд, если можно так выразиться, позаимствовал у ее лечащего врача. За ней, в начале 90-х годов XIX столетия, последовали пациентки с истерией, научившие его искусству слушать. Еще одной учительницей Фрейда стала Дора, история болезни которой оказалась первой из пяти самых известных случаев, опубликованных в его работах, и которой он обязан такими уроками, как неудача, перенос и контрперенос. А зимой 1901 года получить профессорское звание Фрейду помогли два влиятельных покровителя, вернее две влиятельные покровительницы…

Более того, намного позже, уже будучи самым известным в мире психоаналитиком, он был предметом восхищения женщин и дружил с такими красивыми, интересными и образованными ученицами, как Лу Андреас-Саломе, и такими пациентками, как Хильда Дулитл. Многие женщины, которых он высоко ценил, – Хелен Дойч, Джоан Ривьер, Жанна Лампль де Гроот, Рут Мак Брунсвик, Мари Бонапарт и, конечно, его дочь Анна – внесли немалый вклад в развитие психоанализа. В 1910 году, когда члены Венского психоаналитического общества пересматривали свой устав, Исидор Задгер заявил о том, что он против приема женщин, но Фрейд с ним не согласился. Он «считал серьезной непоследовательностью исключать женщин в принципе»[247]. Впоследствии мэтр даже предположил, что аналитики-женщины, скажем Жанна Лампль де Гроот и Хелен Дойч, могут глубже аналитиков-мужчин проникать в ранние период развития девочки, который кажется «таким древним, расплывчатым». В процессе переноса они служат более подходящей заменой матери, чем любой мужчина. Таким образом, Фрейд признавал, что в важных аспектах психоаналитической практики женщина может

быть компетентнее мужчины. Это был серьезный комплимент, хотя и не без определенной горечи: примечательное признание человека с репутацией несгибаемого антифеминиста, а также легкий намек на эти самые предубеждения. Аналитик-женщина, считал Фрейд, лучше всего справляется с работой, для которой она предназначена биологически, – работой матери.

Это убеждение имело огромные последствия для его биографии. Среди женщин, которые сыграли в жизни Зигмунда Фрейда главную роль, вероятно, самой убедительной, хотя и не самой заметной фигурой была мать. Ее влияние на внутреннюю жизнь Фрейда было таким же сильным, как жены, свояченицы и даже дочери Анны, а возможно, в конечном счете определяющим. Именно Амалия Фрейд поразила своего четырехлетнего первенца, когда во время поездки он увидел ее nudam. Женщина, любви которой он жаждал и которую боялся потерять… В детстве, когда ему еще не исполнилось десяти, Фрейд видел знаменитый тревожный сон о матери, который подробно описал и частично объяснил в своем труде «Толкование сновидений»: «Он был очень живым; мне снилась любимая мать с необычно спокойным, как у спящего человека, выражением лица; ее внесли в комнату и положили на кровать два (или три) человека с птичьими клювами». Он тогда проснулся от собственного крика. Вспоминая этот давний сон, Фрейд без труда определил источник фигур, которые несли его мать: птичьи клювы были визуальными аналогами немецкого вульгаризма для обозначения полового сношения (vögeln), который является производным от слова Vogel – птица. Другим источником детского визуального каламбура Фрейда была иллюстрация с изображением египетских богов с ястребиными головами в семейной Библии, которую он читал в детстве. Таким образом, анализ этого сна открыл, помимо всего прочего, тайную детскую страсть к матери, вожделение, являющееся самым строгим из всех религиозных табу.

Мать Фрейда не могла не стать желанной для сына – не только как подтверждение его теоретических построений, но и вследствие своей прекрасной и вездесущей реальности. По общему мнению, она была необыкновенной личностью. Сын Фрейда Мартин, который хорошо помнил бабушку, описывал ее как типичную польскую еврейку со всеми ее характерными недостатками. Она явно не относилась к числу леди, имела живой характер, была нетерпелива, упряма, остроумна и очень умна[248]. Племянница Фрейда Юдит Бернайс-Хеллер, в детстве часто гостившая у бабушки со стороны матери, отзывается о ней точно так же, как кузен: Амалия Фрейд, писала Юдит, была

темпераментной, энергичной и волевой, умела настоять на своем в мелких и серьезных делах, следила за собственной внешностью почти до самой смерти в возрасте 95 лет, оставалась умелой, компетентной и эгоистичной. «Она была очаровательной и улыбалась в присутствии чужих, но я, по крайней мере, всегда чувствовала, что со своими она тиран и эгоистка». В то же время – и это лишь усиливало ее власть – Амалия никогда не жаловалась и с достойным восхищения мужеством переносила тяготы жизни в Австрии в период Первой мировой войны и после нее, а также ограниченную подвижность в старости. «Она обладала чувством юмора, была способна смеяться над собой, а иногда даже высмеивать себя». Более того, Амалия Фрейд явно, не скрывая этого, обожала своего первенца, называя его, как обоснованно утверждает легенда, золотым сыном. Присутствие такой матери было трудно игнорировать, даже после самого тщательного самоанализа.

Фактически у нас нет ни одного свидетельства, что систематический самоанализ Фрейда затрагивал его самую сильную привязанность или что он когда-либо исследовал – не говоря уж о том, чтобы избавиться от нее, – власть, которой обладала над ним мать[249]. Всю свою профессиональную жизнь как аналитика он признавал решающую роль матери в развитии ребенка. Иначе и быть не могло. «Также и тот, кто счастливо избежал инцестозной фиксации своего либидо, не избавлен полностью от ее влияния, – писал мэтр в 1905 году. – Прежде всего мужчина ищет объект под влиянием сохранившегося в памяти образа матери, во власти которого он находится с самого раннего детства». Тем не менее Фрейд, почти намеренно избегая этого открытия, вытеснил матерей на обочину историй болезни, приведенных в его работах. Мать Доры, поглощенная тем, что основатель психоанализа назвал психозом домохозяйки, – безмолвная актриса второго плана в семейной мелодраме. Мать маленького Ганса, несмотря на то что, по мнению мужа, именно ее неприличное поведение стало причиной невроза сына, была в подчинении у супруга, который как помощник аналитика транслировал интерпретации Фрейда. Биологическая мать «человека-волка» приобретает лишь ограниченную значимость как партнер в откровенной сцене, которую он наблюдал – или придумал – в раннем детстве, хотя заменители матери явно внесли вклад в его невроз. Мать «человека с крысами» лишь изредка появляется в его рассказе, по большей части как человек, с которым пациент советуется перед началом анализа. А матери Шребера как будто вовсе не существует.

Это общее принижение роли матери в развитии невроза

пациентов отчасти обусловлено раздражающей скудостью информации. Фрейд постоянно жалуется на то, что высокоценимые в те времена так называемые приличия вынуждают пациенток к скрытности и таким образом делают их менее откровенными перед аналитиком по сравнению с мужчинами. Следовательно, как он отмечал в начале 20-х годов прошлого столетия, психоанализ гораздо больше знает о сексуальном развитии мальчиков, чем девочек. Но заявления мэтра о своем невежестве выглядят почти намеренными, словно что-то о женщинах он просто не желал знать. Показательно, что единственная эмоциональная связь, которую Фрейд когда-либо идеализировал, – это любовь матери к сыну. Каждые длительные близкие отношения, писал он в 1921 году, будь то любовь, дружба или семья, содержат осадок враждебных чувств – «возможно, за единственным исключением отношения матери к сыну, которое, будучи основанным на нарциссизме, не нарушается более поздним соперничеством». Фрейд характеризует эту материнскую любовь к сыну как «самые совершенные из всех человеческих отношений, наиболее свободные от амбивалентности». Это больше похоже на желание, чем на серьезный вывод из клинического материала.

Стремясь найти объяснения отважной, независимой и непревзойденной любознательности основателя психоанализа, Эрнест Джонс выделял его «неустрашимую храбрость», которая являлась «высшим качеством Фрейда и его самым драгоценным даром. А откуда еще могла возникнуть у него эта смелость, как не из полнейшей уверенности в любви к нему его матери?». Похоже, этот диагноз подтверждается знаменитым замечанием Фрейда (он повторил его дважды), что люди, которые в детстве были несомненными любимцами матери, проявляют в жизни особую веру в себя и ту силу, которая обеспечивает успех во взрослой жизни[250]. Однако это тоже скорее желание, чем рациональное убеждение или непредвзятая самооценка. Чувства матери к сыну могут быть в меньшей степени омрачены конфликтами, чем чувства сына к матери, но и они не свободны от двойственности, разочарования, раздражения любимым ребенком и даже от откровенной враждебности к нему. Вполне вероятно, что Фрейд яростно защищал себя от признания того, что привязанность к матери в любом случае не идеальна, что она может стать слабее из-за любви матери к его братьям и сестрам или быть омрачена запретным желанием, которое он мог к ней испытывать. Похоже, основатель психоанализа реагировал на конфликты, порожденные сложными чувствами к матери, отказом реагировать на них.

Примечательно, что в написанной в 1931 году статье «О женской сексуальности» Зигмунд Фрейд высказывал предположение, что мальчик может сохранить в неприкосновенности свою привязанность к матери и избавиться от амбивалентности по отношению к ней, направив враждебные чувства на отца. При этом мэтр благоразумно оговаривался, что спешить с выводами по этому неясному вопросу не сто2ит. Лучше подождать дальнейших исследований доэдиповой стадии развития. Но сия оговорка не должна заслонять открытие, содержавшееся в его предположении, – в отношении эмоциональной жизни не только других людей, но и себя самого.

В статье «Женственность», опубликованной два года спустя, Фрейд позволил себе не менее дерзкий экскурс в свою внутреннюю жизнь. Очерчивая причины, почему маленькая девочка переносит свою любовь с матери на отца, какой бы сильной ни была ее первая привязанность, он утверждает, что этот переход не просто замена одного родителя другим. Более того, это сопровождается враждебностью и даже ненавистью. Самое сильное «обвинение в адрес матери вспыхивает, когда в детской появляется еще один ребенок». Этот соперник лишает первенца адекватного питания, и «примечательно, что ребенок даже с разницей в возрасте всего лишь в 11 месяцев не настолько мал, чтобы не понять это положение вещей». Сие похоже на ситуацию в семье самого Фрейда: он был всего на 17 месяцев старше брата Юлиуса, появление которого встретил гневом и злобным желанием его смерти.

«Однако ребенок, – продолжает основатель психоанализа, – чувствует себя ущемленным перед лицом нежелательного захватчика и соперника не только в кормлении молоком, но также и во всех других знаках материнской заботы. Он чувствует себя низвергнутым с трона, ограбленным, пораженным в своих правах, на почве ревности ненавидит маленького брата или сестру и направляет на неверную мать злобу, которая очень часто выражается в неприятном изменении его поведения». Он становится раздражительным, непослушным, отходит от обретенных навыков в управлении своими выделительными функциями. Все это, отмечает Фрейд, давно известно, однако «мы редко имеем правильное представление о силе ревнивых побуждений, об упорстве, с которым они продолжают сохраняться, а также о масштабе их влияния на последующее развитие». Это верно, особенно в тех случаях, когда «ревность в последующие детские годы получает все новую подпитку, и все это потрясение повторяется с рождением каждого нового брата или сестры». «Немногое меняется, – заключает мэтр, – оттого, что

ребенок остается любимцем матери; притязания ребенка на любовь безмерны, они требуют исключительности и не допускают дележки». Здесь основатель психоанализа делает вид, что говорит о девочках, но нарисованная им картина подозрительно похожа на автопортрет. Разве в письмах к невесте он не называл себя ревнивым, собственническим, нетерпимым к соперникам? Похоже, у Зигмунда Фрейда была веская причина считать женщин какими-то загадочными и даже немного опасными существами.

Вне всяких сомнений, мэтр предпочел обойти этот неразрешенный и по большей части бессознательный конфликт потому, что его мужское собственническое чувство совпадало с консерватизмом социума. Во всем, что касалось общественных отношений, этики и одежды, Зигмунд Фрейд оставался джентльменом XIX века. Он не менял в угоду новой эпохе ни свои старомодные манеры, ни такие же старомодные идеалы, ни стиль устной и письменной речи, ни – по большей части – орфографию. Фрейд недолюбливал радио и телефон. Он считал споры по вопросам морали абсурдными, поскольку разница между достойным и недостойным, правильным и неправильным абсолютно очевидна. Другими словами, преданность основателя психоанализа эпохе, которая на его глазах уходила в историю, оставалась неизменной. Его письма и меморандумы Флиссу, а также описания историй болезни 90-х годов XIX столетия содержат краткий перечень традиционных убеждений – мы теперь называем их предубеждениями – относительно женщин. Муж обязан защищать жену от откровенных сексуальных подробностей, даже если они выражены в медицинских терминах. Умная и независимая женщина заслуживает похвалы, поскольку в этих аспектах она практически не уступает мужчине. Женщина от природы сексуально пассивна. В то же время Фрейд мог ставить под сомнение эти распространенные банальности, признавая, что эротическая пассивность женщин по большей части не природная, а навязана обществом. Он видел силу старой идеи, высказанной еще Дефо, Дидро и Стендалем, что отставание в умственном развитии, которое можно обнаружить у женщин, не заложено природой, а является следствием социального угнетения.

Эти и другие представления о женщинах, плохо согласующиеся друг с другом, а иногда и откровенно противоречивые, пронизывали его работы на протяжении многих лет, причем в основе их лежали идеи о мужском превосходстве. В 1907 году в «Бреде и сновидениях в «Градиве» В. Йенсена» Фрейд утверждал, что в любви мужчине неизбежно предназначена роль агрессора. По прошествии 12 лет он просил Ференци передать

письмо даме из Будапешта, которая недавно написала ему, – «настоящей женщине» – Frauenzimmer. «Она забыла указать свой адрес, как это обычно делают мужчины». Небольшая разница между полами казалась ему очень существенной. Рассказывая Эрнесту Джонсу о Джоан Ривьер, которой он восхищался, Фрейд отметил: «Насколько я знаю, вы не слишком глубоко поскребли кожу так называемой женщины с мужским характером, чтобы вытащить на свет божий ее женственность». Отношение Фрейда к женщинам было частью его общей культуры, викторианского стиля[251].

Этот стиль никогда не был монолитным. Широко распространенный эпитет «викторианский» представляет собой не более чем удобное, зачастую пренебрежительное и по большей части сбивающее с толку клише. Оно отсылает нас к образу «ангела очага» – покорная женщина занята воспитанием детей и домашним хозяйством. А ее властный, гораздо более сексуальный и агрессивный муж борется за существование во враждебном мире бизнеса и политики. Разделение викторианцев по отношению к женщинам на две партии, феминистов и антифеминистов, принесет не больше пользы, чем сам термин «викторианский». Не подлежит сомнению, что по женскому вопросу бушевали жаркие споры, изобиловавшие броскими лозунгами. Но использовавшиеся ярлыки слишком поверхностны, чтобы отразить широкий спектр взглядов. Некоторые антифеминисты не хотели предоставления женщинам избирательных прав и в то же время ратовали за их право на высшее образование, на управление личной собственностью, за равный доступ к суду по бракоразводным делам. Схожих взглядов придерживалась и часть феминистов, которые по идее должны были быть врагами антифеминистов. Фрейд, не скрывавший свое скептическое недоверие к феминистскому движению, может служить превосходным примером этой путаницы союзов и позиций. Он мог считать своим идеалом милую и расторопную домашнюю хозяйку, но никогда не чинил препятствий женщинам-аналитикам – наоборот, поощрял их! – и серьезно относился к их взглядам. И действительно, в своих замечаниях о женщинах – их тон варьировал от искреннего удивления до благородной вежливости – Фрейд подчеркивал, что они могут подняться до самых вершин в той профессии, основателем которой он является. Его убеждения сформировались довольно рано, и он не видел никаких оснований их менять. Однако поведение Фрейда как бесспорного основателя и лидера международного движения, в которое женщины внесли существенный и всеми признанный

вклад, противоречило его риторике.

Таким образом, Фрейд абсолютно непреднамеренно стал участником кампании за права женщин, которая разворачивалась в то время. С середины XIX века во всех странах Запада борцы за права женщин пытались преодолеть юридические, социальные и экономические барьеры. Незадолго до начала Первой мировой войны воинствующие английские суфражистки стали прибегать к пассивному сопротивлению, а иногда и открытому насилию, но большинство феминистов продолжали ограничивать свою борьбу умеренными требованиями и по-прежнему придерживались благоразумного, хотя и возмущенного тона. Первая полноценная декларация прав женщин, принятая на конференции в Сенека-Фоллз в штате Нью-Йорк, была примирительной, почти робкой: призыв к всеобщему избирательному праву на этом собрании почти не звучал, а поставленный на голосование не прошел. Теми, кто метал громы и молнии в феминистов, называя их извращенцами, посягающими на семью и «естественные» отношения между полами, мог двигать только страх. И действительно, если судить по лавине карикатур, передовиц, проповедей и критических выступлений, направленных против зловредных, мужеподобных теток и обабившихся подкаблучников-мужчин, многие представители сильного пола были встревожены до чрезвычайности. Эту волну женоненавистнических чувств, на несколько десятилетий захлестнувшую разные страны после конференции в Сенека-Фоллз, мог объяснить только фрейдистский анализ.

На первый взгляд феминисты казались серьезной угрозой. Они храбро и шумно сражались, но у их противников были надежно укрепленные позиции в церкви, государстве и обществе. Еще больше перспективы феминизма омрачались тем, что в конце XIX столетия движению пришлось бороться с постоянно усиливавшимися и парализующими деятельность яростными спорами относительно стратегии и целей. Социалисты в рядах феминистского движения утверждали, что к освобождению женщин приведет только крах капитализма. Тактики настаивали на всеобщем избирательном праве как предпосылке всех остальных реформ. Более осторожные феминисты были согласны сосредоточиться на последовательном снятии барьеров – сначала петиции за допуск женщин к медицинскому образованию и за право иметь собственный счет в банке. Вследствие всего этого победы борцов за права женщин были единичными и давались большим трудом. Известные женщины-психоаналитики, такие как Анна Фрейд и Мелани Кляйн, являлись живым воплощением

идеала феминистов, хотя не извлекали из сего никакой пользы и добились всего благодаря своей личной смелости. И позиции Зигмунда Фрейда.

В Австрии тех времен у феминистского движения было еще меньше успехов, чем везде. Одно разочарование сменялось другим… Закон 1867 года открыто запрещал лицам женского пола наряду с иностранцами и представителями национальных меньшинств участвовать в политической деятельности, поэтому феминистских обществ, выступавших за предоставление избирательных прав женщинам, быть просто не могло. Даже австрийские социалисты, которые в конце 80-х годов XIX века стали массовым движением, не хотели вносить в свою политическую платформу открытое требование равенства избирательных прав для женщин. Они призывали к отмене всех законов, дававших преимущество мужчинам, но больше были заинтересованы в повторении своих традиционных требований. В 1898 году их лидер Виктор Адлер перечислил главные претензии – это экономическая эксплуатация, отсутствие политических прав, духовное рабство[252]. Предположительно, после устранения всего этого женщины тоже будут свободны. Поэтому австрийские женщины, когда они в конце концов объединились, ограничили свою деятельность безопасными и считавшимися типично женскими областями – образованием и благотворительностью. Не многие позволяли себе даже мечтать о том, чтобы бросить вызов положениям свода законов 1811 года, официально объявлявшего мужа главой семьи и в этом качестве хозяином дома, распоряжения которого жена должна выполнять и воплощать в жизнь. Таким образом, несмотря на то что законодательство Австрии XIX столетия рассматривало женщин как субъектов – некоторые даже поздравляли соотечественниц с тем, что их положение лучше, чем француженок, – без одобрения супруга женщина не могла учить своих детей, руководить домашним хозяйством, обращаться в суд или заниматься коммерцией. В своем объемном исследовании семейного права, опубликованном в 1907 году, Хелен Вебер называла австрийские законы преимущественно немецко-патриархальными. Довольно мягкая характеристика.

В ледяном юридическом и политическом климате, подпитываемом традиционными культурными взглядами, австрийские женщины, стремившиеся к образованию или к независимости, были вынуждены противостоять жестоким насмешкам. Эта атмосфера в какой-то степени поддерживалась произведениями национальной литературы (самыми яркими были пикантные эротические истории Артура Шницлера). На

страницах книг было множество милых юных девушек, обычно из низших слоев общества – продавщиц, официанток, танцовщиц, прелестных и покладистых, которые часто становились жертвами сладострастия молодых офицеров, пресыщенных бонвиванов или испорченных богачей, видевших в них лишь источник удовольствия. В рассказах, романах и пьесах süsse Mädel[253] изображалась как необходимый предохранительный клапан для семьи из среднего класса или высшего общества: доставляя сексуальное удовольствие, которое приличная девица предложить до свадьбы и не могла, а после нее предлагала весьма редко, такие девушки спасали браки от распада, а изголодавшихся по забавам подобного рода мужчин от неврозов. Хотя нельзя сказать, что Шницлер – по крайней мере, он – рисовал портрет веселой и беспечной Вены. Писатель резко критиковал жестокость, грубость и лицемерие общества, но склонные к глубоким размышлениям читатели воспринимали такую литературу как яркое восхваление увлеченности венцев вином, женщинами и песнями – прежде всего женщинами. Эта клевета, против которой решительно протестовал Фрейд, никак не улучшала перспективы феминизма в его отечестве.

Представительницы среднего класса в большинстве своем не были готовы к самостоятельности. Стефан Цвейг в автобиографии вспоминал, что приличное венское общество старательно защищало женщин от «грязи» и держало в «совершенно стерильной обстановке», ограничивая круг их чтения, следя за их прогулками и отвлекая от эротических мыслей уроками игры на фортепиано, рисования и иностранных языков. Они были образованными и прекрасно воспитанными. Общество хотело видеть молодую девушку «наивной и непосвященной, ничего не подозревающей, любопытной и стыдливой, неуверенной и непрактичной и в силу этого оторванной от жизни, с самого начала предопределенной к тому, чтобы в браке безропотно подчиняться мужчине». Конечно, во времена Фрейда не все девушки были такими, но Цвейг со своим даром к гиперболизации и выявлению резких контрастов уловил эту яркую черту среди запутанного клубка самых разных тенденций.

Одним из центров такого сопротивления стала сплоченная организация австрийских социалисток – у них не было ни времени, ни желания заниматься эротическими играми, одновременно волнующими и унизительными, в которые их вовлекали венские писатели и авторы либретто. Недовольны также были некоторые представительницы богатой буржуазии и либеральной аристократии, многие еврейского происхождения, – они смогли получить хорошее образование, по большей части за

границей, и были хозяйками литературных салонов, где не одобрялась пустая болтовня. Не все образованные люди Вены проводили свободное время в таких типично мужских заведениях, как клубы или кофейни. Реформатор системы образования Евгения Шварцвальд, получившая докторскую степень в Цюрихе и в 1901 году основавшая самую известную и лучшую в Вене школу совместного обучения, вне всяких сомнений, отличалась исключительной преданностью своему делу и энергией. Однако она олицетворяла возможности, которые открываются перед женщинами, даже еврейками, в то время, когда работы по психоанализу принесли известность Фрейду. В 1913 году миссис де Кастро – английская делегатка на Международный женский конгресс – по пути в Будапешт сделала остановку в Вене. Она и сообщила об эффективной деятельности здешних феминисток. «Меня поразил тот факт, – писала миссис де Кастро, – что многие вдохновители венского движения явно еврейки. В Вене очень много богатого еврейского элемента, и они, похоже, поддерживают нас всей душой».

Другими словами, у основателя психоанализа было несколько не похожих друг на друга образцов женщины. Он не посещал салоны, но мог в своем кругу слышать жаркие споры о месте женщины в обществе. Выдающиеся профессора-медики, такие как Карл Рокитанский и Теодор Бильрот, выступали против требований феминистов о совершенствовании программы средней школы, опасаясь, что следующим требованием женщин будет доступ в университеты. С другой стороны, Теодор Гомперц, не менее выдающийся классик, заявил о своей поддержке лучшего образования для женщин. Фрейду были неинтересны глупые женщины из яркой карикатуры Цвейга – он получал удовольствие от бесед и писем с самыми образованными женщинами своего времени. В 1904 году, выступая с докладом перед членами еврейской организации Бней-Брит, мэтр открыто оспаривал известное утверждение Пауля Юлиуса Мебиуса о том, что женщины физиологически слабоумны. Четыре года спустя Фрейд повторил свои возражения Мебиусу в печатном виде. Эпитет застрял у него в памяти: в 1927-м основатель психоанализа по-прежнему считал необходимым дистанцироваться от «общего» мнения, что женщин, как правило, «…упрекают в так называемом физиологическом слабоумии, то есть приписывают им меньшие интеллектуальные способности, чем у мужчин. Сам этот факт спорен, его истолкование сомнительно». Фрейд признавал, что у женщин может наблюдаться подобного рода «интеллектуальная задержка развития», но в таком случае это вина общества, которое не

позволяло им обращать свои мысли на то, что их интересовало больше всего, – на сексуальность.

Возможно, самое искреннее суждение Зигмунда Фрейда о женщинах появилось случайно и в неподходящем контексте, когда речь зашла об одной из его собак. В письме из Берлина к Лу Андреас-Саломе мэтр признался, что скучает по своей собаке породы чау-чау по кличке Жо-Фи «почти так же, как по сигаре; она очаровательное существо, такое интересное и похожее на женщину, дикое, инстинктивное, нежное, умное и не такое зависимое, какими бывают другие собаки». Женщины, с готовностью признавал основатель психоанализа, также сильнее мужчин. Что касается здоровья, писал он Арнольду Цвейгу летом 1933 года – Фрейд и его семья в это время с бессильной яростью наблюдали за ухудшением политической обстановки в Германии и Австрии, – женщины держатся лучше, чем мужчины. Мэтра это не удивляло: «Как бы то ни было, они более стойкий элемент; по справедливости, мужчина биологически более податлив – einfälliger». Фрейду нужно было от женщин все: сила, нежность, дикость – и ум. Впрочем, покровительственная, несмотря на любовь, нотка в его тоне дает основание предположить, что у феминистского движения нет шансов привлечь его на свою сторону, несмотря на то, что он делал для женщин в своей профессии.

Основатель движения никогда не менял позицию, на которую встал довольно давно, еще до основания в 1908 году Венского психоаналитического общества. Виттельс прочитал доклад о «естественном положении женщин», в котором критиковал «нашу современную проклятую культуру» за то, что она держит представительниц слабого пола в клетке моногамии, бесполезности и мании личной красоты. Одно из последствий этого, заключил Виттельс, состоит в том, что «женщины жалеют, что не родились мужчинами, и поэтому они пытаются стать мужчинами (женское движение)». Никто не видит, насколько бессмысленны эти желания, даже женщины. Комментируя доклад, заинтересовавшийся Фрейд вновь вспомнил отрывок из Джона Стюарта Милля о том, что женщины должны зарабатывать не меньше мужчин, который он критиковал своей невесте 25 лет назад, и прибавил: «В любом случае женщины как группа вообще не извлекают пользы из современного женского движения; разве что очень немногие»[254]. Тот факт, что это движение в Соединенных Штатах было самым громким и успешным (хотя и там прогресс оказался мучительно медленным), признания Фрейда не удостоился.

В спорах о природе женщины и ее месте в обществе самой деликатной была тема женской сексуальности. На протяжении всей известной истории человечества мало кто сомневался, что женщина – существо страстное. Вопрос лишь в том, получает она от полового сношения большее удовольствие, чем мужчина, или точно такое же. Первые христиане сей вопрос обошли, рассматривая несомненный эротизм женщины как признак не ее человеческой природы, а врожденной порочности. Сама порочная, она также склоняла к пороку других: Отцы Церкви пламенно обличали женщину как главный источник греха. Если бы Ева, заключив союз с Сатаной, не соблазнила Адама, человечество по-прежнему жило бы в раю, не смешивая любовь с похотью. Как бы ни относиться к этим праведным обвинениям – принимать их как правдивый рассказ об истории жизни человека в Эдеме или отвергать как детскую сказку, – описание женщины как сексуального существа не вызывает особых возражений.

Все это в конечном счете должно было измениться, и заметнее всего в XIX веке. Уильям Эктон, красноречивый английский гинеколог, книги которого пользовались огромной популярностью и переводились на другие языки, в 1857 году заявил, что «большинство женщин (к счастью для них) не особенно обеспокоено сексуальными чувствами любого рода». У коллег репутация Эктона была сомнительной, и они далеко не всегда соглашались с его мнением, но не признать тот факт, что он выражал точку зрения многих людей как в Британии, так и в других странах, нельзя. Как это часто бывает, лучшей защитой стало отрицание: отказывая женщине в каком-либо интересе к сексуальности, мужчина мог скрывать свою глубинную панику перед тайными женскими желаниями, которых он боялся. Возможно, самым ярким примером подобного отрицания оказалась книга берлинского специалиста Отто Адлера, который в 1904-м стремился доказать, что «сексуальное влечение (желание, побуждение, либидо) женщины существенно меньше как в своих первых спонтанных истоках, так и в последующих проявлениях, чем у мужчины». Работа «Три очерка по теории сексуальности», которую Фрейд опубликовал год спустя, совсем иная. Адлер, представлявший себя добросовестным исследователем, предложил 15 клинических эпизодов в доказательство своей теории женской фригидности, однако минимум в 10 случаях его пациентки демонстрировали признаки сильного и даже неуправляемого сексуального возбуждения, а у двух из них автору удалось вызвать оргазм прямо у себя в кабинете при гинекологическом осмотре… Неудивительно, что

взгляды Адлера, как и взгляды Эктона, подверглись решительной критике. Многие врачи – и кое-кто из пасторов – знали, что эти специалисты ошибались. Даже в XIX столетии писатели, изображавшие женщину наделенной эротическим желанием, громко выражали свою точку зрения. Французские романисты были не одиноки, описывая необыкновенную сексуальность представительниц слабого пола. Тем не менее фигура неизбежно фригидной женщины привлекала больше внимания, чем она того заслуживала, – и тогда, и потом. Она стала главной составляющей оборонительной антифеминистской идеологии в XIX веке, а впоследствии вылилась в удобную пародию, которую наследники викторианцев могли использовать в споре со своими родителями. Проблема тут намного глубже, чем просто технический вопрос, насколько сильное удовольствие получает женщина в постели и получает ли она его вообще: сексуально нечувствительная женщина подходила тем, кто хотел удержать женщин дома, ограничить их жизнь домашними обязанностями, а свою – мужскую, как однажды объяснил Фрейд дочери Матильде, сделать приятнее.

Консервативные взгляды основателя психоанализа, как мы уже видели, не помешали ему считать само собой разумеющимся, что женщина сексуальное существо – как и мужчина. Разработанная Фрейдом в начале 90-х годов XIX столетия теория о том, что все неврозы обусловлены сексуальными конфликтами, предполагает одинаковую уязвимость мужчин и женщин перед сексуальными стимулами. В черновиках, которые он в этот период отправлял Флиссу, Фрейд прямо связывал невротические болезни с использованием контрацептивов, препятствующих удовлетворению того, кто предохраняется, будь то мужчина или женщина. Конечно, нельзя отрицать, что психоаналитические работы мэтра, написанные до Первой мировой войны, содержат намек на возможное превосходство мужчин. В одной из них, датированной 1908 годом, Фрейд предполагает, что сексуальное влечение у женщин слабее, чем у мужчин. Более того, основатель психоанализа считал либидо – эту примитивную, первичную сексуальную энергию – мужской по своей природе. В 1905-м, в первом издании «Трех очерков по теории сексуальности», говоря об аутоэротическом поведении и мастурбации девочек, он осторожно предположил, что «сексуальность маленьких девочек носит вполне мужской характер». В 1913 году мэтр описывал источник сексуального наслаждения у девочек, клитор, как мужской орган: «…их сексуальность во многих отношениях ведет себя, как сексуальность мальчика». В то же время он прекрасно осознавал и неоднократно предупреждал, что эта терминология

неточна и сбивает с толку: термины «мужской» и «женский» означают то, что подразумевает под ними каждый автор. Назвать либидо мужским означает лишь то, прямо указывал Фрейд в 1915-м, что оно активное. В тот период, а также в годы войны для него важнее был факт параллельного, как полагал мэтр, развития сексуальной жизни мальчиков и девочек, дифференцировавшейся только под давлением общества. Будучи сексуальными существами, как считал тогда основатель психоанализа, мужчины и женщины в той или иной степени являются зеркальным отражением друг друга. В любом случае это были технические вопросы, предмет исследования, а не полемики.

Такова одна из причин, почему в 20-х годах XX века внутренняя дискуссия о женской сексуальности не превратилась в яростный спор. Все участники рассматривали ее в основном как вопрос психоаналитической теории, но, когда Фрейд пересмотрел сравнительные схемы развития мальчиков и девочек, его критикам понадобилось немалое самообладание, чтобы удержать дискуссию на научном уровне. Грубый и желчный тон мэтра стал поднесенной к легковоспламеняющемуся материалу спичкой. В болезненном вопросе о женщинах Фрейд сдвинулся вправо, отвергнув собственную идею о сходном психологическом развитии мужчин и женщин, которая так нравилась феминистам. Как бы то ни было, основателю психоанализа политика, даже сексуальная политика, была безразлична. В атмосфере 20-х годов и в психологической биографии самого Фрейда не было ничего, что подтолкнуло бы его к изменению противоречивого, временами оскорбительного отношения к женщине. Это стало результатом теоретических трудностей и особенно новых дополнений в описание эдипова комплекса – его появления, расцвета и угасания.

В начале 20-х годов XX столетия Зигмунд Фрейд, похоже, пришел к выводу, что маленькая девочка – это неудавшийся мальчик, а взрослая женщина – нечто вроде кастрированного мужчины. В 1923-м, описывая фазы сексуального развития человека, основатель психоанализа определил, что за оральной и анальной фазами следует фаза, которую он назвал фаллической. Маленькие мальчики, как и маленькие девочки, сначала верят, что у всех, в том числе у матери, есть фаллос, и избавление от иллюзий в этом вопросе неизбежно вызывает травму. Таким образом, мерой Фрейда был мужчина. К тому времени мэтр уже отказался от своих прежних взглядов и не считал сексуальное развитие мальчиков и девочек параллельным. Перефразируя знаменитое высказывание Наполеона о политике, он предложил

провокационный афоризм: «Анатомия – это судьба»[255].

Самым очевидным свидетельством этой судьбы, полагал Фрейд, служит наблюдаемое отличие гениталий мальчиков и девочек. Это становится причиной решающих различий в психологическом развитии полов, особенно в судьбе эдипова комплекса, поэтому должны также различаться последствия разрушения данного комплекса, в частности формирование «Сверх-Я». Мальчик обретает «Сверх-Я» после того, как угроза кастрации разрушила его эдипову программу завоевания, а девочка уже «кастрирована». У нее не такие частые и сильные побуждения к развитию строгого «Сверх-Я», типичного для мужчины, поэтому она формирует свое «Сверх-Я» из страха потерять любовь.

В следующем, 1925 году Фрейд уже был готов прямо сказать о последствиях своих новых гипотез. У него хватило сомнений (не говорить же о том, что у мэтра хватило находчивости!), чтобы продемонстрировать определенную осторожность: «Я не решаюсь произнести это вслух, но не в силах сопротивляться идее, что для женщины уровень этической нормы становится не таким, как у мужчины. Ее «Сверх-Я» никогда не бывает таким непреклонным, таким беспристрастным, таким независимым от его эмоциональных корней, как мы требуем этого от мужчины». Такая особая тонкость женского «Сверх-Я», предполагал Фрейд, придает вес упрекам женоненавистников в адрес женского характера, известных с незапамятных времен: «Она демонстрирует меньшее чувство справедливости, чем мужчины, меньшую склонность покоряться насущной жизненной необходимости, в своих решениях чаще руководствуется нежными или враждебными чувствами». В том, что вместо отца прочитать все это перед международным конгрессом психоаналитиков в Бад-Хомбурге должна была дочь Фрейда Анна, можно усмотреть определенную иронию.

Основатель психоанализа заявлял, что не решается делать подобные заявления вслух, но все-таки произнес эти слова, причем с некоторой бравадой, указывающей на понимание того, что он может обидеть часть своих слушателей и читателей. Но Фрейд никогда не боялся обидеть окружающих. Это не остановило мэтра ни в самом начале карьеры, когда он предположил инфантильное происхождение сексуальности, ни ближе к концу жизни, когда он назвал Моисея египтянином. Наоборот, ощущение, что он бросает вызов оппонентам, действовало на основателя психоанализа как стимул, почти как афродизиак. Он признавал, что у большинства мужчин «Сверх-Я» оставляет желать лучшего. Наряду с этим Фрейд также

соглашался, что его выводы о более слабом «Сверх-Я» женщины требуют дальнейшего подтверждения. Как бы то ни было, его обобщения опирались на небольшое число случаев. Однако, несмотря на всю свою осторожность, мэтр не отступал от занятых позиций: не следует позволять себе отвлекаться или расстраиваться «протестами феминистов, которые хотят утвердить полное равенство полов в положении и ценности».

У Зигмунда Фрейда была еще одна причина опубликовать то, что раньше он предпочел бы отложить, чтобы собрать дополнительный материал: он чувствовал, что в его распоряжении уже нет «океанов времени». Признавая деликатность вопроса и тот факт, что он заслуживает дальнейшего исследования, мэтр тем не менее не хотел ждать. Вне всяких сомнений, основатель психоанализа мог бы более убедительно изложить свою точку зрения, если бы не апеллировал к своему преклонному возрасту или отказался от эпатажности собственных утверждений как одного из аргументов достоверности. Но антифеминистская позиция Фрейда не была следствием того, что он чувствовал себя старым, или желания стать возмутителем спокойствия. Скорее он пришел к выводу, что такое положение дел есть неизбежное следствие расходящихся путей сексуального развития мужчин и женщин: анатомия – это судьба. Его сравнительная история сексуального развития, возможно, не полностью убедительна, однако она опирается на логику развития человека, которую Фрейд пересмотрел в 20-х годах XX века. Психологические и этические различия между полами, утверждал он, естественным образом происходят из биологии человека и из той психической работы, которая характерна для каждого из полов. На первом этапе развитие мальчиков и девочек идентично. Основатель психоанализа не разделял распространенное мнение, что маленькие мальчики демонстрируют агрессивность, а маленькие девочки покорность. Наоборот, в детских эротических действиях мужчины зачастую пассивны, а женщины чрезвычайно активны. Такое сексуальное развитие служит убедительным аргументом в пользу тезиса мэтра о бисексуальности – идее, что представители обоего пола обладают некоторыми характеристиками пола противоположного.

Но затем, продолжает Фрейд, кое-что происходит. В возрасте трех лет, а возможно, чуть раньше девочки сталкиваются с задачей, от которой мальчики счастливо избавлены, и с этого момента начинает устанавливаться превосходство мужчины. Все младенцы и маленькие дети, мальчики и девочки, начинают с самой глубокой привязанности к матери – источнику жизни.

Источнику пищи, заботы и нежности. Власть матери над ребенком неограниченна, тогда как участие отца в его жизни абстрактно и довольно расплывчато. Но по мере взросления ребенка отец играет все бо2льшую роль в его повседневной жизни, а также в его воображении, и в конечном счете способы, которые мальчики и девочки используют, справляясь с этим, решительно расходятся. Жизнь мальчика становится неспокойной, когда он обнаруживает, что отец является его могущественным соперником за любовь и влияние матери. У малыша возникает ощущение, что он изгнан из рая. Девочке же приходится проделывать еще более трудную психологическую работу, чем брату: для него мать может остаться любовью всей жизни, даже если суровые реальности семейных отношений вынудят его страсть к ней претерпеть коренные изменения. Но, как мы уже видели, девочка чувствует себя обязанной перенести главную эротическую привязанность с матери на отца и переживает травматические моменты, которые оставляют глубокий след в ее психике, обычно негативный.

Испытание девочки, утверждает Фрейд, начинается с зависти к пенису. Когда девочка обнаруживает, что у нее нет пениса, ее гениталии невидимы и она не может мочиться так же эффектно, как мальчики, у нее развивается чувство неполноценности и способность к ревности, значительно превосходящая способность братьев или друзей из числа мальчиков. Естественно, мальчикам тоже приходится бороться с устрашающим открытием: после того, как они видят гениталии девочки, у них развивается страх кастрации. Более того, их отец, обладающий гораздо большей властью, чем они, или мать, заставшие их за мастурбацией, могут угрожать отрезать им пенис. Даже современные, либеральные, знакомые с психоанализом супруги, наподобие родителей маленького Ганса, готовы пугать сына: если он будет играть со своей «пипикой», мать позовет врача, который ее отрежет. Однако девочка вынуждена иметь дело не со страхами, а с действительностью, со своим «изуродованным» состоянием. Фрейд не считал страх кастрации мужской прерогативой, достойной зависти привилегией, но ему казалось, что страх утраты менее разрушителен, чем печальное осознание того, что терять нечего.

Именно после этого нарциссического унижения маленькая девочка отвергает мать, которая позволила родиться ей такой оскорбительно неполноценной или даже виновата в том, что ее лишили пениса. Затем начинается детский роман малышки с отцом. Эта важная смена объекта любви болезненна и продолжительна, поскольку, как отметил Фрейд в своей работе 1931 года «О женской сексуальности», доэдипова привязанность

девочки к матери необычайно сильна. Основатель психоанализа даже гордился тем, что сумел так глубоко заглянуть в детство девочки, и считал это «знакомство» с доэдиповой фазой, до которой так трудно добраться в процессе анализа, настоящей неожиданностью. Страсть девочки к матери трудно выявить потому, что она обычно скрыта за более поздней страстью к отцу. Позаимствовав метафору у археологии, как он это часто делал, мэтр сравнил свою находку с открытием «минойско-микенской культуры позади греческой». Доэдипова фаза имеет для женщин особое значение. Для них она гораздо важнее, чем для мужчин. Возвращаясь назад к этой фазе, считал Фрейд, мы можем полностью прояснить «многие явления женской сексуальной жизни, которые раньше не совсем были доступны пониманию».

Впрочем, более заметная психологическая дифференциация между полами впервые появляется чуть позже, в эдиповой фазе. Половое созревание, как ни парадоксально, лишь подчеркивает эту дифференциацию, но не является ее источником. Мальчик, столкнувшись с угрозой непоправимого ущерба целостности своего тела, отказывается от страстной любви к матери. Девочка, осознавая свое ущербное физическое состояние, обращается за утешением к отцу и замещает желание иметь пенис желанием иметь ребенка. Фрейд облекает эти два разных пути сексуального развития в четкую, характерную для его работ формулу: «Если эдипов комплекс мальчика погибает от комплекса кастрации, то эдипов комплекс девочки становится возможным и возникает благодаря комплексу кастрации». Другими словами, и мальчики, и девочки проходят через два комплекса – комплекс кастрации и эдипов комплекс, только в разной последовательности. Основатель психоанализа с некоторым сожалением отмечает, что в прошлом психоаналитики основное внимание уделяли мальчикам, предполагая, что у девочек эти критические формирующие события аналогичны, однако последние работы и размышления убедили его, что детская психика развивается иначе. Люди разного пола отличаются друг от друга, и от этого различия больше страдают женщины.

Именно эти характерные различия в последовательности событий объясняют готовность Фрейда отрицать способность женщин к формированию требовательного «Сверх-Я». Другими словами, мальчик, подобно строителю, использующему камни от снесенного здания, встраивает обломки комплекса в свое «Я» и сооружает из них «Сверх-Я». Но у маленькой девочки под рукой этого строительного материала нет… Фрейд предположил, прибегнув к радикальному упрощению, что она должна построить свое «Сверх-Я» из опыта собственного воспитания, а также из

страха лишиться любви родителей. Крайне неубедительно. Как бы то ни было, маленький мальчик, подавляющий свой эдипов комплекс, черпает для этого силу от отца, действуя «под влиянием авторитета, религиозного учения, образования и чтения». Такого рода влиянию, как показывают и клинические, и общие наблюдения, точно так же подвержена и девочка. Принижение Фрейдом «Сверх-Я» женщины не столько нелогично, сколько предвзято: если психоаналитическая теория признает воздействие внешних сил на формирование психики, то она могла бы принять идею существования очень строгого, даже жестокого «Сверх-Я» не только у мужчины, но и у женщины. Культура – это тоже судьба.

Взгляды Зигмунда Фрейда на разное развитие «Сверх-Я» были достаточно спорными. Его аргументация относительно источника сексуального наслаждения оказалась еще более спорной. Маленький ребенок – мальчик, – считал мэтр, доставляет себе огромное удовольствие прикосновением к пенису. А девочка – к клитору… Во время же полового созревания девочка-подросток на пути к взрослой женственности в дополнение к удовольствию от «мужского» органа возвышает «происходящую от клоаки вагину до господствующей эрогенной зоны». Таким образом, в этот бурный период своей жизни, утверждает Фрейд, девушка, уже перенесшая свою привязанность с матери на отца, должна совершить еще один трудный психологический переход, с которым не сталкивается юноша. Основатель психоанализа был убежден, что женщина, вынужденная преодолевать это дополнительное препятствие, имеет высокие шансы оказаться жертвой эротической катастрофы. Она становится склонной к мазохизму, лишается чувства юмора, вообще отказывается от секса, цепляется за мужские черты или готова стать покорной домохозяйкой. Однако в той степени, в какой взрослая женщина вообще сохраняет способность получать сексуальное наслаждение, она получает его в основном вагинально, используя клитор в лучшем случае как источник дополнительного наслаждения. В противном случае она не нуждалась бы в мужчине, чтобы получать эротическое удовольствие.

Психоаналитики относились к этой модели развития с осторожностью задолго до того, как эмпирические исследования сексологов и биологов породили в ней серьезные сомнения. У них не было достаточного клинического и экспериментального материала, чтобы возражать тезису Фрейда о том, что молодая женщина в своей сексуальной жизни переходит от клиторального к вагинальному удовольствию. Инакомыслящие, такие как Карен

Хорни и Эрнест Джонс, обращали внимание скорее на природу женщины и отказывались признавать формулу мэтра, что женственность приобретается в основном в процессе последовательного отказа от мужских черт. Сам Фрейд, называя клитор неполноценным пенисом, предлагал сомнительную и в высшей степени тенденциозную аналогию.

Критики были правы. В 1922 году на международном психоаналитическом конгрессе в Берлине, где председательствовал Фрейд, Карен Хорни вышла на трибуну и храбро предложила исправленную версию идеи зависти к пенису. Хорни не отрицала ее существование, но поместила в контекст нормального развития женщины. Зависть к пенису не создает женственность, утверждала Карен, а скорее выражает таковую, поэтому она отвергает идею, что эта зависть обязательно приводит женщин к «отказу от своей женственности». Как раз наоборот, сказала она, мы можем видеть, что зависть к пенису никоим образом не препятствует глубокой и чисто женской любовной привязанности к отцу. В отношении точки зрения Фрейда, доминировавшей на этом конгрессе, Хорни вела себя максимально корректно: возможно, именно «мужской нарциссизм» заставил психоаналитиков прийти к выводу, что женщины – как-никак половина человеческой расы – недовольны полом, которым наделила их природа. Такое впечатление, что аналитики-мужчины считали эту точку зрения слишком самоочевидной, чтобы она нуждалась в объяснении. Независимо от причин, подтолкнувших психоаналитиков к такому выводу относительно женщин, «он абсолютно неудовлетворителен, не только для женского нарциссизма, но также для биологической науки»[256].

Это было в 1922-м. Четыре года спустя, через год после публикации Фрейдом своей провокационной статьи о последствиях анатомических различий между полами, Хорни выразилась о мужской предвзятости психоаналитиков еще откровеннее. «В некоторых последних работах, – писала она, используя слова мэтра в своих целях, – Фрейд с возрастающей настойчивостью привлекал внимание к определенной однобокости в наших аналитических исследованиях. Я имею в виду тот факт, что до недавнего времени объектом исследования была только психика мальчиков и мужчин». С учетом известных пациенток основателя психоанализа сие утверждение было ошибочным, но Хорни, ничуть не смутившись, продолжала: «Причина этого очевидна. Психоанализ – порождение мужского гения, и почти все, кто развивал его идеи, тоже были мужчинами». Вследствие этого вполне правомерно и логично, что

психоанализу легче исследовать мужскую психологию. Заимствуя некоторые аргументы у немецкого философа, социолога и критика культуры Георга Зиммеля, к работам которого редко обращались психоаналитики, она описывала современную цивилизацию как по существу мужскую. Зиммель сделал вывод, что это не женщина неполноценна – искажены преобладающие представления о ее характере. Рассказывая о хвастливых и чрезвычайно субъективных идеях, которые маленькие мальчики выдвигают о себе самих и своих сестрах, Карен Хорни указывала, что они буквально по пунктам соответствуют взглядам на развитие женщины, распространенным среди психоаналитиков. Разговоры о врожденном мазохизме женщины так же предвзяты, как и недооценка материнства – дара природы, в котором женщина очевидно превосходит мужчину. На самом деле именно этой способности девочек завидуют мальчики. Довольно часто, отмечала Хорни, зависть к пенису является не преддверием эдиповой любви, а защитой от нее. Она не отрицала, что девочки после жестокого разочарования нередко вообще «отворачиваются» от сексуальности, но, подобно мальчикам, настаивала Хорни, они сначала проходят через эдипову фазу. Карен отрицала как несостоятельную знаменитую формулу Фрейда о разной последовательности комплекса кастрации и эдипова комплекса у мальчиков и девочек. На самом деле, не без оснований заключала Хорни, господствующие в психоанализе представления о женщине являются своекорыстными – то есть они служат мужчинам, которые их продвигают. «Догма о неполноценности женщин происходит из бессознательной предвзятости мужчин».

Конечно, все это было резко и чересчур откровенно. Тем не менее Хорни стремилась не свести счеты, а утвердить принцип. Что бы ни говорили Фрейд и некритично вторившие ему аналитики-женщины, женственность – главный дар женщины. Она не менее ценное существо, чем мужчина, несмотря на «спрятанные» гениталии и трудную работу по переносу любви с матери на отца. Например, психоаналитик Жанна Лампль де Гроот повторяла выводы Фрейда: «В первые годы развития личности маленькая девочка ведет себя в точности как мальчик, не только в отношении мастурбации, но и в других аспектах психической жизни – в выборе цели и объекта любви она маленький мужчина». Хорни не могла с этим согласиться.

Не мог согласиться и Эрнест Джонс, который вел с Фрейдом безрезультатную переписку по вопросу о женщинах и повторил свое несогласие с ним в трех серьезных статьях. После публикации работы о женской сексуальности мэтр выразил надежду, что Джонс изменит свое мнение. Сам вопрос «настолько

важен и до сих пор не разрешен, что действительно заслуживает новой проработки». Но Джонс мог быть не менее упрямым, чем Фрейд. В 1935 году, представляя доклад Венскому психоаналитическому обществу, он защищал «энергичную» Карен Хорни и открыто отрицал, что женщина – это un homme manqué[257], «неизбежно разочарованное существо, старающееся утешить себя второсортными заменителями, враждебными ее природе». Главный вопрос, заключил он, звучит так: женщиной рождаются или ею становятся? Джонс не сомневался, что рождаются.

Книгу, в которой впервые был опубликован этот доклад, Джонс посвятил профессору Фрейду – в знак благодарности автора. Но ни аргументы Джонса и Хорни, ни три длинные, тщательно аргументированные и подтвержденные многочисленными фактами работы блестящего молодого психоаналитика Отто Фенихеля не произвели на мэтра впечатления. Фенихель стремился не столько опровергнуть тезис основателя психоанализа, сколько усложнить его: он соглашался с основными допущениями Фрейда, особенно о разочаровании девочки в матери и необходимости направить либидо на отца. При этом Фенихель считал открытие девочкой своей «увечности», а также эдипову фазу важными, но далеко не решающими психологическими событиями. «Эдипов комплекс и страх кастрации, – писал он, – это просто термины: психические реальности, которые за ними стоят, бесконечно разнообразны». Но Фрейд был убежден, что его критики не проводят четкую границу между врожденным и культурологическим аспектом женской сексуальности. В 1935 году, когда Джонс сформулировал главный вопрос о женщине, мэтр еще раз подтвердил свою позицию. Детскую сексуальность первоначально изучали у мужчин, но идея полного параллелизма развития мальчиков и девочек оказалась несостоятельной. Девочка должна сменить не только сексуальный объект, но и ведущую генитальную зону. «Отсюда возникают трудности и возможные торможения, которые у мужчины отсутствуют». Таково было последнее слово Зигмунда Фрейда в дискуссии о женщинах.

Он мог бы сказать больше. Назвав женщину «черным континентом», основатель психоанализа повторил старую банальность. Фольклор всех времен и народов о загадочности дочерей Евы намекает на фундаментальный, успешно подавленный страх перед женщиной, который с незапамятных времен ощущали мужчины. Фрейд подозревал об этом страхе. Когда Мари Бонапарт однажды заметила, что мужчина боится

женщины, мэтр ответил: «Правильно делает!» В студенческие годы он восклицал, обращаясь к своему другу Эмилю Флюсу: «Как мудро поступают наши воспитатели, что так мало докучают прекрасному полу научными знаниями!» Женщины, убеждал он Флюса, «пришли в этот мир для чего-то лучшего, чем мудрость». Но Фрейд не удовлетворился просто признанием «черноты» континента под названием «женщина» – он стремился исследовать этот континент и составить его карту. Карта, которая получилась у мэтра, изобилует белыми, ничем не заполненными пятнами и во многом неверна, что доказали исследователи после его смерти. Но Фрейд пытался! Его твердый тон, возмущавший многих, его решительное заявление, что он лишен даже намека на тенденциозность, и его грубые нападки на феминистов – все это не пошло основателю психоанализа на пользу. Такое поведение отвлекало внимание от свежести его идей и предварительного характера его выводов. Фрейд полагал, что психоаналитики, склонные к феминизму, будут обвинять его в тенденциозности в пользу мужчин, тогда как сторонники могут обратить этот редукционизм против оппонентов. Такого рода агрессивное использование анализа, мудро заметил он, не приводит к решению. Зигмунд Фрейд отказывался признавать, что сам был достаточно агрессивен. Однако он не хотел тратить все свои силы на эту ограниченную, хотя и важную проблему. В конце 20-х годов XX столетия ему уже не терпелось двигаться дальше, позволить себе мучиться другими, еще более грандиозными загадками – загадками религии и культуры, которые заворожили его еще в детстве.

Глава одиннадцатая
Природа человека в действии

Против иллюзий

Для Фрейда значимость психоанализа – как при нахождении рядом с кушеткой, на которой лежал пациент, так и за письменным столом – была универсальной. Конечно, проведение анализа давало уникальную возможность вырабатывать и проверять свои гипотезы. Герметичная, высокопрофессиональная и практически невоспроизводимая, эта процедура всегда оставалась для основателя движения неиссякаемым источником информации, исходным пунктом многочисленных начинаний[258]. В отличие от психоаналитиков, которые пришли после него, он считал каждое из своих аналитических исследований таким же поучительным и таким же важным, как и все остальные. Однако искать корни цивилизации в скудном и носящем гипотетический характер материале – это совсем не то, что анализировать клинические данные. Но Фрейд не смущался и не чувствовал себя виноватым, когда с инструментами психоанализа вторгался в такие области, как искусство, политика или история древнейших времен. «Труд всей моей жизни, – подвел он итог в 1930 году, – был подчинен одной-единственной цели».

Незадолго до этого Фрейд проиллюстрировал свой вывод двумя очень популярными умозрительными очерками («Будущее одной иллюзии» – амбициозная и спорная работа 1927 года и «Недовольство культурой», не менее амбициозная и, если уж на то пошло, еще более спорная, вышедшая в 1930-м), однако, поддавшись своему мрачному настроению, он развенчал эти свои последние экскурсы в область культуры, обрушившись на них с безжалостной самокритикой. Основатель психоанализа назвал работу «Будущее одной иллюзии» ребяческой и слабой аналитически, неадекватной как признание. Подобного рода рассуждения, смесь «послеродовой» депрессии и суеверного оборонительного поведения, вошли у мэтра в привычку и не переставали удивлять его сторонников. Фрейд говорил нечто похожее несколько десятилетий назад, когда была издана книга «Толкование сновидений», а затем еще раз, признав «знакомую депрессию» после прочтения гранок «Я» и «Оно», но критика работы «Будущее одной иллюзии» была особенно яростной, на грани самобичевания. В октябре 1927 года, обещая отправить Эйтингону книгу, как только из типографии пришлют сигнальные

экземпляры, Фрейд отмечал: «…аналитическое содержание работы очень слабое», да и в других отношениях она сто2ит не очень много.

Основатель психоанализа ощущал свой возраст и последствия рака. Протез причинял ему боль, а общее состояние ухудшалось из-за приступов стенокардии. В марте 1927 года к нему собирался приехать Арнольд Цвейг, и Фрейд заставил его немедленно выполнить обещание: «Не тяните слишком долго, мне скоро исполнится 71». В том же месяце, когда ему посоветовали отдохнуть в санатории, поскольку выглядит он неважно, мэтр жаловался Эйтингону: «Жить ради здоровья – это для меня невыносимо». Его теперь постоянно посещали мысли о смерти. Летом, приглашая Джеймса и Аликс Стрейчи присоединиться к другим его гостям в Земмеринге, Фрейд предупреждал их точно так же, как Цвейга: «Возможно, у нас будет не так уж много шансов для встречи».

Мэтр не любил выставлять напоказ свое нездоровье, но с некоторыми близкими друзьями позволял себе немного откровенности, отправляя им лаконичные бюллетени, оживляемые крупицами прежнего едкого юмора. Письма к Лу Андреас-Саломе – одни из самых нежных и трогательных в последние годы жизни – отражают его переменчивое здоровье и соответственно переменчивое настроение. Они теперь редко виделись: фрау Лу жила в Геттингене с постаревшим мужем и редко путешествовала, он не покидал окрестности Вены. Их дружба не увядала, потому что Фрейд уважал ум фрау Лу и наслаждался ее обществом – даже в письмах. Более того, Андреас-Саломе разделяла его великую любовь к Анне и была такой же мужественной, как ее любимый профессор. Она старалась не говорить о своей болезни, вынуждая Фрейда, профессионального исследователя тончайших намеков, догадываться о ее состоянии по отдельным фразам или молчанию. В мае 1927 года, отвечая на поздравление Лу Андреас-Саломе с семьдесят первым днем рождения, мэтр радовался, что она с мужем по-прежнему может наслаждаться солнцем. «Что касается меня, то я уже подвержен старческой брюзгливости, а глубокое разочарование сравнимо с ледяным дыханием луны, внутренним угасанием». Всю жизнь ему нравилось думать, что он сражается с иллюзиями. Ощущение внутреннего огня было частью его долгой войны против лжи, против лицемерия, против склонности принимать желаемое за действительное. Теперь Фрейд часто мерз, даже в теплую погоду.

Иногда, конечно, он мог сообщить, что держится молодцом, хотя это были редкие исключения, обычно обесценивавшиеся намеком на немощность. В декабре 1927 года письмо «дорогой

Лу» мэтр начал с бодрого описания своего самочувствия, но тут же извинился, что не ответил на ее длинную «болтовню» раньше: «Я становлюсь необязательным и ленивым». Для человека, который всю жизнь гордился тем, что незамедлительно отвечает на письма, и который любую задержку со стороны корреспондентов расценивал как признак охлаждения, это был зловещий симптом. Осознание, что тело просто отказывается должным образом ему служить, набросило мрачную тень на восприятие Фрейдом своей статьи «Будущее одной иллюзии». Когда французский психоаналитик Рене Лафорг, один из немногих гостей основателя психоанализа в 20-х годах XX столетия, выразил ею свое восхищение, мэтр, несмотря на то что комплимент доставил ему удовольствие, воскликнул: «Это моя худшая книга!» Лафорг возразил, но Фрейд настаивал – это работа старика. Настоящий Зигмунд Фрейд был великим человеком, но он теперь мертв, и очень жаль, что Лафорг не был знаком с ним! Расстроенный, Лафорг спросил, что все это значит. «Утрачена способность проникновения в суть вещей» – «Die Durchschlagskraft ist verloren gegangen» – таков был ответ Фрейда.

Самобичевание Фрейда не может заслонить тот факт, что книга «Будущее одной иллюзии» была просто обязана появиться. «Я не знаю, предположили ли вы тайную связь между «Дилетантским анализом» и «Иллюзией», – несколько бесцеремонно писал он Пфистеру. – Во-первых, я хочу защитить анализ от врачей, а во-вторых, от священников». Однако предыстория «Будущего одной иллюзии» была гораздо длиннее и имела намного более личный характер. Фрейда подготовили к ней десятилетия принципиального атеизма и психоаналитического мышления в отношении религии. Он был последовательным воинствующим атеистом еще со школы, высмеивая Бога и религию, причем не щадил Бога и религию собственной семьи. «Для темных путей Бога, – писал Фрейд своему другу Зильберштейну летом 1873 года, когда ему было всего 17 лет, – еще никто не изобрел фонарь». Подобная неясность не делала божество более привлекательным для Фрейда или, если уж на то пошло, более правдоподобным. Когда он объяснял Зильберштейну, что нечестно подходить к религии только метафизически, без подтверждения со стороны чувств, поскольку религия обращается исключительно к чувствам, то предложил не серьезные размышления, а кулинарную шутку: «Даже отрицающий Бога, которому повезло родиться в терпимой и благочестивой семье, не в состоянии отказаться от праздника и кладет в рот новогоднее угощение. Можно сказать, что религия в

умеренных дозах стимулирует пищеварение, но переедание опасно».

Такой непочтительный тон был привычен для Фрейда. Как известно, еще будучи студентом, под влиянием своего обожаемого профессора философии Франца Брентано он на несколько месяцев увлекся философским теизмом. Тем не менее Фрейд являлся, как он сам описывал себя Зильберштейну, безбожным студентом-медиком. Таким основатель психоанализа и остался. «Ни в личной жизни, ни в своих произведениях, – за год до смерти подводил мэтр итог жизни убежденного атеиста, – я никогда не делал тайны из своего абсолютного неверия». Всю жизнь он считал, что объяснять следует не атеизм, а религиозные верования.

Став психоаналитиком, Фрейд приступил к решению этой задачи. Среди его записок, датированных 1905 годом, есть такая краткая и емкая фраза: «Религия как невроз нав[язчивости] – личная религия». Два года спустя он использовал эту блестящую идею в своем первом исследовании на данную тему, «Навязчивые действия и религиозные обряды», изящной и дерзкой попытке впрячь религию и невроз в одну упряжку. Фрейд выявил явное сходство между «церемониалами» и «ритуалами», которые так необходимы страдающему навязчивым неврозом, и религиозными обрядами, важной составляющей любой религии. Обе практики, невротическая и религиозная, утверждал он, включают импульсы отречения, обе работают как средства обороны, как способы самозащиты. «После выявления этих соответствий и аналогий можно, пожалуй, взять на себя смелость сказать, что невроз навязчивости следует понимать как патологический эквивалент религиозного образования, невроз – как индивидуальную религиозность, а религию – как всеобщий невроз навязчивости».

С годами Фрейд распространил этот лишенный иллюзий аналитический взгляд еще дальше. В 1911 году он говорил Ференци, что снова размышляет об истоках религии во влечениях, и высказывал предположение, что когда-нибудь подробно разработает эту идею. «Будущее одной иллюзии» стало исполнением обещания, которое Фрейд дал самому себе. Таким образом, ниспровержение религии оружием психоанализа было на повестке дня основателя движения на протяжении многих лет. В письме Пфистеру он настаивал, что его взгляды на религию не являются частью психоаналитических догм: «Это мое личное отношение, которое соответствует взглядам многих, не имеющих касательства к анализу, и которое не разделяют многие достойные аналитики». На самом деле Фрейд щадил чувства давнего и верного сторонника, с которым несколько десятилетий

вел добродушные богословские споры… Взгляды, которые подразумевались или открыто высказывались в работе «Будущее одной иллюзии», опирались на всю теорию основателя психоанализа. Возможно, его выводы далеки от оригинальности, но пути, которыми он к ним пришел, характерны для психоанализа.

Как это часто бывало, время появления книги объяснялось глубоко личными причинами. В октябре 1927 года Фрейд объявил Пфистеру, что «брошюра», которая вскоре должна появиться, в значительной степени соотносится с… ним: «Я давно хотел написать ее, но откладывал из-за вас, пока наконец мое желание не стало слишком сильным». Нетрудно догадаться, прибавил он, что работа «связана с абсолютно негативным отношением к религии в любой ее форме и степени, и, хотя это не может быть для вас новостью, я боялся и до сих пор боюсь, что подобное публичное признание будет вам неприятно». Реакция Пфистера оказалась ожидаемой – поддержка: лучше он будет читать одного разумного неверующего, чем тысячу бесполезных верующих. Но если в ответе Пфистера и чувствуется некоторая неловкость или намек на возможную ссору, Фрейд не стал – просто не мог – отказываться от своего намерения. Мы это уже видели: когда основателя психоанализа захватывала какая-либо идея, он испытывал почти болезненное внутреннее давление, избавить от которого могла только работа. Из всех публикаций Фрейда «Будущее одной иллюзии», возможно, самая неизбежная и предсказуемая.

Первые абзацы «Будущего одной иллюзии» уже содержат смелые заявления. Объявленная тема статьи – религия, однако начинается она с характерных размышлений о природе культуры. Это очень похоже на репетицию «Недовольства культурой». В самом начале Фрейд раскрывает свою цель: встраивая религию в по возможности самый широкий контекст, он делает ее, как и любое другое проявление поведения человека, доступной для научных исследований. Иными словами, его бескомпромиссный атеизм, который разделяли большинство современных Фрейду психологов и социологов, специализирующихся на религии, лишал вопросы веры какого-либо привилегированного статуса и любых претензий на то, что они не подлежат анализу. Для него не было ничего святого – Зигмунд Фрейд считал, что как исследователь имеет право войти в любой храм.

За полтора столетия до основателя психоанализа один из его интеллектуальных предшественников, Дени Дидро, храбро заявил: «Факты можно разделить на три класса: Божественные

деяния, явления природы и действия людей. Первые относятся к теологии, вторые – к философии, а прочие – к собственно истории. Все они равно подлежат критике». Именно в таком ключе подходил мэтр к анализу религии – это был критический дух эпохи Просвещения. В такой интеллектуальной преемственности не было ничего загадочного или скрытого. «Ваш суррогат религии, – откровенно говорил Фрейду его друг Пфистер, – по сути своей есть мышление эпохи Просвещения XVIII века, но под гордой, свежей, современной личиной». Основатель психоанализа не считал, что пропагандирует суррогат религии, но и не отрицал наследие предшественников. «Кроме того, я не сказал ничего, – заверял он в работе «Будущее одной иллюзии», – чего до меня намного полнее, энергичнее и убедительнее не сказали другие, лучшие люди». Фрейд не стал приводить их имена, чтобы не сложилось впечатление, будто он хочет поставить себя в один ряд с ними. Впрочем, догадаться нетрудно: Спиноза, Вольтер, Дидро, Фейербах, Дарвин.

Кроме выдающихся предшественников, на труды которых опиралась работа мэтра о религии, не стоит забывать и о его выдающихся современниках. Все те годы, когда Зигмунд Фрейд разрабатывал психоаналитическое обоснование своего язвительного атеизма, исследователи человека и общества выполняли многочисленные научные исследования религии. Такие специалисты по примитивным религиям и сравнительному религиоведению, как Джеймс Дж. Фрэзер и Уильям Робертсон-Смит, серьезно повлияли на умозрительные труды Фрейда, особенно на «Тотем и табу». Работа Хэвлока Эллиса, в которой обращение к религии связывалось с половым созреванием и менопаузой, а религиозное возбуждение с сексуальными конфликтами, была созвучна с работами основателя психоанализа. То же самое относится к более ранним попыткам Жана Мартена Шарко объяснить загадочные «сверхъестественные» явления природными причинами. А после 1900 года свои эпохальные исследования религии опубликовали Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм – два самых известных социолога того времени. Вебер в классическом сборнике взаимосвязанных очерков «Протестантская этика и дух капитализма», опубликованном в 1904–1905 годах, выявил в некоторых религиозных течениях, особенно у аскетичных протестантов, образ мышления, способствующий развитию капитализма. Дюркгейм, который, подобно Веберу, стремился закрепить независимость социологии от психологии, воспринимал религиозные верования как выражение социальной организации. Он настаивал на том, что направляет свои исследования – о

самоубийствах, образовании или религии – на социальные факты, а не на индивидуальные психические события. Таким образом, Дюркгейм хотел, чтобы его вызвавшая бурные споры концепция «аномии» – распада или смешения социальных норм как главного фактора дезориентации и самоубийства – понималась и исследовалась в качестве социального феномена[259]. Вне всяких сомнений, Вебер и Дюркгейм были равны Фрейду, а в некоторых отношениях и превосходили его, связывая опыт религии с ее проявлениями в культуре. Однако, несмотря на то что «мирской аскетизм» Вебера и «аномия» Дюркгейма имели серьезные последствия для психологии, ни один из социологов не исследовал эти последствия, и ни один из них так прочно не привязал религию к человеческой природе, как это сделал Зигмунд Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии».

Как бы то ни было, статья самого мэтра начинается с обсуждения культуры. В его сжатом определении последняя является коллективным усилием людей овладеть силами природы и регулировать отношения друг с другом[260]. Сие означает, что все обречены на неприятные и трудные жертвы, на откладывание желаний и отказ от удовольствий – ради выживания всего общества. Из этого следует, что каждый отдельный индивид потенциально является врагом культуры и принуждение неизбежно. Когда-нибудь, в золотом веке, необходимость в принуждении и вытеснении влечений отпадет. Но это будет утопия… «Я думаю, – пишет Фрейд, – нужно считаться с тем фактом, что у всех людей имеются деструктивные, то есть антисоциальные и антикультурные тенденции и что у большого числа людей они достаточно сильны, чтобы определять их поведение в человеческом обществе».

Основатель психоанализа, будучи старомодным либералом и отвергая демократическую атмосферу того времени, проводил безусловную границу между толпой и элитой. Он утверждал, что массы инертны и неразумны, они не любят отказываться от влечений. Следует открыто признать: «Во-первых, сами по себе люди не любят работать, и, во-вторых, аргументы бессильны против их страстей». Перед нами тот самый Фрейд, который в 1883 году говорил своей невесте: «…психология простого человека сильно отличается от нашей». Gesindel – сброд – потворствует желаниям, тогда как такие, как он сам и Марта, контролируют свои желания и сдерживают естественные импульсы. Это презрительное название, Gesindel, часто выходило из-под пера Фрейда[261]. Тем не менее он, презиравший толпу, не был слепым поклонником существовавшего социального порядка. Фрейд считал естественным, что бедные и обездоленные должны

ненавидеть тех, кому приходится жертвовать гораздо меньшим, и завидовать им. Нет смысла ждать от них усвоения социальных запретов. «Не стоит говорить, что культура, оставляющая столь большое число участников неудовлетворенными и толкающая их на бунт, не имеет шансов существовать долгое время, да и не заслуживает этого»[262]. Справедливо сие или нет, культура должна прибегать к насилию, чтобы установить свои правила.

Несмотря на все эти явные недостатки, прибавил Фрейд, культура довольно хорошо научилась выполнять свою главную функцию – защищать человека от природы. Но это не значит, что природа уже покорена. Ни в коем случае! Основатель психоанализа привел пугающий перечень природных стихий, которые угрожают человеку: землетрясения, ураганы, болезни и – подходя ближе к собственным опасениям – «мучительная загадка смерти, против которой до сих пор не найдено никакого лекарства и, наверное, никогда и не будет найдено. Этими силами природа восстает против нас, величественная, жестокая, безжалостная». Природа-мстительница, безжалостный и непобедимый враг, приносящий смерть, – совсем другая богиня, нежели заботливая, нежная, эротичная мать-природа, которая, как вспоминал Фрейд, влекла к медицине молодого студента, а впереди у него была вся жизнь. Неудивительно, сделал вывод мэтр, и в этом выводе чувствуется нечто глубоко личное, что как человечеству в целом, так и отдельному индивидууму справиться с жизнью непросто.

В этом месте Фрейд хитро вводит в свои рассуждения религию. Хитро – потому что, подчеркивая беспомощность человека, он мог связать потребность в религии с детским опытом. Таким образом мэтр привел религию на родную землю психоанализа. Конечно, религия принадлежит к одному из самых ценных приобретений человечества, наряду с искусством и этикой, но ее корни лежат в детской психологии. Ребенок боится силы своих родителей, но также доверяет им, ищет у них защиту. Поэтому по мере взросления он без труда приспосабливает ощущение родительской – в основном родительской – власти к размышлениям о своем месте в мире, одновременно опасном и многообещающем. Подобно ребенку, взрослый дает волю своим желаниям и украшает свои фантазии самыми причудливыми деталями. По сути своей все это средства выживания: потребности, сама уязвимость и зависимость ребенка – все переходит во взрослую жизнь, поэтому психоаналитик может внести большой вклад в понимание того, откуда взялась религия[263]. «Религиозные представления произошли из той же

потребности, что и все остальные завоевания культуры, – из необходимости защитить себя от подавляющего превосходства природы», – говорит основатель психоанализа. А также из стремления исправить болезненно воспринимаемые несовершенства культуры[264].

Эта афористичная аналогия лаконична – возможно, слишком лаконична. Ее убедительность в значительной степени зависит от того, какие убеждения привносит в текст читатель, но в работе «Будущее одной иллюзии» Фрейд не оставляет сомнений в *своей* убежденности, что он не просто указывает на любопытное сходство. Люди придумывают богов или пассивно принимают богов, навязываемых им культурой, именно потому, что выросли с такими богами у себя дома. Подобно фантазиям ребенка, который сталкивается с могуществом других людей и собственными желаниями, и как следствие этих фантазий, религия есть иллюзия – детская иллюзия. Психологический анализ религиозных доктрин показывает следующее: «…они не являются отражением опыта или конечными результатами мыслительной работы; это иллюзии исполнения самых древних, сильных и насущных желаний человечества; секрет их силы – в силе этих желаний». Фрейд гордился этими психологическими аргументами и считал их своим уникальным вкладом в научное изучение религии. Идея, что люди творят богов по собственному образу и подобию, вероятно, зародилась еще у древних греков, но основатель психоанализа дополнил ее утверждением, что люди творят богов по образу и подобию отца.

Чтобы развенчать религиозные идеи как иллюзии, вовсе не обязательно вообще отрицать их ценность. Фрейд сочувственно проводит границу между иллюзией и бредом – первая определяется не содержанием, а источником. «Для иллюзии остается характерным происхождение из человеческих желаний». Они могут даже сбываться. Основатель психоанализа приводит пример – девушка простого происхождения мечтает встретить принца и выйти за него замуж. Такое может случиться и иногда случается. Но религиозные иллюзии, например о том, что придет мессия и установится золотой век, гораздо менее вероятны и уже больше похожи на бредовую идею. Можно возразить, что теории самого Фрейда предполагают возможность доказать, что любое мышление, даже самое абстрактное и объективное, имеет иррациональные источники. В конце концов, он сам видел корни научного исследования в детском сексуальном любопытстве. Впоследствии психоаналитики тоже открыто называли свой интерес к историям жизни пациентов, не угасающий даже после многолетней клинической практики, вытесненным вуайеризмом.

Правило, что происхождение идеи ни в коей мере не определяет ее ценность – или отсутствие ценности, – осталось незыблемым. В своих статьях мэтр не сказал ничего такого, что могло бы поколебать его. Но для Фрейда было важнее всего выяснить, какое влияние может сохранить это происхождение. Резко разграничивая научный образ мысли и наполненное иллюзиями религиозное мышление, он превозносил первое как открытое к исследованиям, демонстрации и опровержению, а также обвинял второе в нарочитой невосприимчивости к любой серьезной критике. Всякое мышление, включая его научную разновидность, может возникать как мечта, но наука есть мечта дисциплинированная – на самом деле побежденная – необходимостью надежной проверки и своего рода атмосферой открытости, которая одна лишь позволяет совершенствовать и изменять убеждения и верования, а при необходимости и отказываться от них.

Таким образом, Зигмунд Фрейд посчитал уместным уделить религиозным доказательствам столько же места, сколько основам религиозных убеждений. Верующий, отмечает он, предоставляет скептикам три аргумента: древность своей веры, надежность доказательств, предъявленных в прошлом, и святость веры, что само по себе низводит любое рациональное исследование к святотатству. Естественно, ни один из этих аргументов Фрейда не впечатлил. Другие тоже действия не возымели: средневековый взгляд, что истинность религиозной доктрины гарантирована ее абсурдностью, и современная философия «как если бы», утверждающая, что нужно жить так, как если бы мы верили в эти фикции, распространяемые верующими. Первое утверждение основатель психоанализа считал бессмысленным. Почему нужно верить именно в эту абсурдность, а не в другую? Что касается второго, саркастически заявлял он, его может высказать только философ. Это не аргументы, а попытки уйти от проблемы. «Не существует инстанции, стоящей над разумом».

Точно так же Фрейда не убеждал прагматичный аргумент в пользу религии – то есть ее действенность. Не мог он согласиться и с современными радикальными полемистами, заявлявшими о заговоре с целью сохранить покорность и смирение угнетенных классов, напугав адом и вечным проклятием. На вкус мэтра подобные откровения были слишком рационалистическими. Они не могли объяснить власть религии над человеческим обществом на протяжении столетий. Более того, история изобиловала примерами, демонстрировавшими – к удовлетворению Фрейда, – что религия, несмотря на заметный вклад в усмирение необузданных влечений человека, не обязательно была

цивилизующей силой или даже силой порядка. Совсем наоборот: в современном мире, замечал мэтр, религия не смогла сделать многих людей счастливыми внутри их культуры, и он сомневался, что в прежние, более благочестивые времена люди были счастливее. Нравственнее они не были точно. Действительно, «во все времена безнравственность находила в религии не меньшую опору, чем нравственность». Вывод ясен: если религия не сделала людей ни счастливее, ни лучше, то атеизм пойдет им на пользу[265].

На этих страницах явно чувствуется влияние предшественников Фрейда, в частности философов эпохи Просвещения. И у них, и у него антиклерикальные и антирелигиозные убеждения были непоколебимы. Основатель психоанализа мог не соглашаться с Вольтером или его духовным наследником Фейербахом в вопросах политической тактики или в психологическом диагнозе, но его окончательный вердикт относительно религии был точно таким же: она потерпела неудачу. Зигмунд Фрейд мог упорно и искренне пытаться определить грань между иллюзиями и бредом. Он мог отмечать, не менее искренне, что иллюзии иногда воплощаются в действительность. Но по мере того как основатель психоанализа все больше погружался в свое исследование религии, это утверждение становилось спорным, и грань между иллюзиями и бредом постепенно стиралась.

Если, в чем Фрейд был убежден, религия потерпела неудачу, то наука, возможно, добилась успеха. Эта исполненная надежды гипотеза служит дополнением к критике мэтром иллюзий настоящего и прошлого. Он позволил себе поддаться несвойственному ему осторожному оптимизму. Это был Фрейд, который восхищался историческими трудами лорда Маколея, доказавшими непрерывность прогресса в европейской истории, а также историей древнегреческой мысли Гомперца, которая рассматривает великих философов классического периода как сыгравших большую роль в качестве просветителей и устанавливает подобие между ними и современностью. Основатель психоанализа считал, что разум победил суеверия – по крайней мере, в высокообразованном социальном слое. «Критика поколебала доказательную силу религиозных документов, естествознание выявило содержащиеся в них заблуждения, сравнительное исследование обратило внимание на фатальное сходство почитаемых нами религиозных представлений с духовными продуктами примитивных народов и эпох».

Наверное, поэтому ожидание, что число сторонников секулярного рационализма будет увеличиваться, казалось ему вполне оправданным. «Научный дух порождает определенное отношение к предметам нашего мира; перед предметами религии он на какое-то время останавливается, колеблется и, наконец, также и здесь переступает через порог. В этом процессе нет задержек, чем большему числу людей становятся доступными богатства нашего знания, тем больше распространяется отход от религиозной веры, сначала только от устаревших, предосудительных ее облачений, а затем и от ее фундаментальных предположений». Это и есть суть аргументации Фрейда: сами предпосылки науки несовместимы с предпосылками религии. Он отвергал все мосты, которые современные историки пытались навести между ними, все хитросплетения мысли современных богословов. «Война между наукой и религией», этот воинственный девиз XVIII века, с воодушевлением поддержанный XIX столетием, остался для основателя психоанализа аксиомой и в середине XX века. Он не раз повторял в нескольких своих работах, что попросту считает религию врагом[266].

Присоединившись к борьбе против этого врага, Фрейд с радостью поставил свою психологию под флаг науки. «На самом деле психоанализ – это метод исследования, беспристрастный инструмент, такой, скажем, как исчисление бесконечно малых величин», – утверждал он в работе «Будущее одной иллюзии». Такое определение ему явно нравилось. Несколькими годами раньше мэтр писал Ференци, что они, психоаналитики, есть и остаются объективными, за исключением следующего: исследовать и помогать. Быть объективным – tendenzlos – значит придерживаться научного подхода, поэтому психоанализ также может с полным основанием назвать себя наукой или, по крайней мере, стремиться к этому[267]. Учитывая воинственность Фрейда, это заявление никак нельзя считать нейтральным. Объявление наук, в том числе психоанализа, объективными было сродни политическому заявлению, утверждению, что они свободны от идеологических, направленных на собственную защиту искажений[268]. Если религия – от самых примитивных жертвоприношений до самой утонченной теологии – представляет собой детский страх, благоговение и пассивность, перенесенные во взрослую жизнь, то наука, как должен определять ее психоаналитик, есть упорядоченное усилие преодолеть наследие детства. Наука презирает жалкие попытки верующего реализовать фантазии благочестивым терпением и ритуальными спектаклями, просьбами к высшей силе и

сжиганием еретиков.

Зигмунд Фрейд подозревал, что и атеизм способен оказаться уязвимым перед идеологией: его можно было использовать, выражаясь языком психоанализа, как стратегию защиты, нечто вроде реакции, характерной для подростка, бунтующего против отца. Те, кто ссорится с Богом, возможно, повторяют в сфере религии эдипову битву, которую они проиграли дома. Впрочем, Фрейд и не ссорился – он не имел желания сражаться с химерами. Основатель психоанализа полагал, что его атеизм есть нечто лучшее: предпосылка к усердным и плодотворным исследованиям феномена религии. Как нам известно, мэтр не рядился в одежды социального реформатора. Но, являясь современным наследником философов, он был убежден, что одна из обязанностей науки – использовать свои достижения для облегчения душевных страданий. В психоаналитической критике, которой подвергал Фрейд религию, кроется надежда, что раскрытие и распространение правды о религии поможет освободить от нее человечество.

Конечно, эта надежда, как признал основатель психоанализа в статье «Будущее одной иллюзии», может обернуться еще одной иллюзией, но, обозначив этот вопрос, он отложил его, поскольку, по словам мэтра, ничто не может долго противостоять разуму и опыту. Кроме того, «наш бог Logos, наверное, не столь всемогущ, он может осуществить лишь малую часть того, что обещали его предшественники». Несомненно, его последователи готовы отказаться от большей части своих детских желаний. Их мир не рухнет, если они будут вынуждены расстаться еще с какими-нибудь мечтами. Научный метод, который они применяют, и допущения, которыми руководствуются в своих исследованиях, позволят им изменить свои взгляды в свете более надежных свидетельств. «Нет, – делает заключение Фрейд, – наша наука не иллюзия. Но было бы иллюзией верить, что мы откуда-нибудь из другого места могли бы получить то, чего она нам дать не может». Так он заявлял о своей вере в науку, которой всегда придерживался, но о которой редко с такой откровенностью говорил прежде – и никогда после. Несколькими годами раньше основатель психоанализа описывал себя Ромену Роллану как человека, который немалую часть своего жизненного труда обратил на то, чтобы уничтожить собственные иллюзии и иллюзии человечества.

В январе 1928 года незнакомый Фрейду человек, Эдвард Петрикович, наборщик, назвавший себя всего лишь простым рабочим и приветствовавший борьбу основателя психоанализа

против религии, прислал ему вырезку из газеты St. Louis Post-Dispatch. В заметке утверждалось, что новая книга Зигмунда Фрейда вызвала раскол среди его сторонников и стала чем-то вроде сенсации. Мэтр ответил без промедления, вежливо и немного раздраженно. Он не мог поверить, что его корреспондент не принадлежит к числу образованных людей. Вне всяких сомнений, он европеец, давно живущий в Соединенных Штатах. Фрейд недоумевал: «…я могу позволить себе удивление, почему вы все еще верите всему, что читаете в американских газетах». Отчасти Фрейд был прав. Петрикович – профсоюзный деятель, вольнодумец и социалист – действительно эмигрировал в Сент-Луис после Первой мировой войны. Основатель психоанализа заметил, что присланная Петриковичем статья приписывает ему заявления, которых он никогда не делал. На самом деле «публика здесь практически не обратила внимания на мою маленькую работу. Если можно так выразиться, всем наплевать – es hat kein Hahn nach ihr gekräht».

В действительности книга «Будущее одной иллюзии» вызвала больше шума, чем был готов признать Фрейд, когда рядился в поношенные – и даже рваные – одежды человека, на которого никто не обращает внимания. Вырезка, которую прислал мэтру Петрикович, была перепечаткой статьи, впервые появившейся в газете New York Times в конце декабря 1927 года с сенсационными и вводящими в заблуждение заголовками: «РЕЛИГИЯ ОБРЕЧЕНА / УТВЕРЖДАЕТ ФРЕЙД / Он говорит, что настало время ей уступить место науке / ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ РАЗОЧАРОВАНЫ / Новая книга основателя психоанализа вышла в свет и может вызвать раскол»[269]. Волнение, поднятое работой «Будущее одной иллюзии», здесь явно преувеличивалось… Тем не менее в апреле 1928 года Фрейд писал Эйтингону, что вызвал неудовольствие большинства. Он слышал «вокруг себя всевозможные приглушенные инсинуации». Серьезного раскола в ряды его учеников книга не внесла, но заставила некоторых нервничать. Как бы то ни было, религия оставалась чрезвычайно деликатным вопросом. «Тот факт, что Анна встретила сопротивление своему докладу в Берлине, – писал Эйтингон Фрейду в июне, – имел свою причину – статью «Будущее одной иллюзии», на которой строился доклад и которая вызывала и вызывает бурные чувства, даже если люди не отдают себе в этом отчета». Несмотря на все ошибки и искажения, корреспондент газеты New York Times в Вене уловил общую атмосферу.

Анализ религии Фрейдом – критики называли его нападением – неизбежно вызвал ответы и опровержения[270]. Возможно, самым цивилизованным из них, как и следовало

ожидать, был ответ Пфистера «Иллюзия будущего», опубликованный в журнале Imago. Он оказался вежливым, обоснованным и в высшей степени дружелюбным. Пфистер отмечал, напрямую обращаясь к Фрейду, что написал статью «не против, а ради вас, поскольку всякий, кто присоединяется к психоанализу, сражается на вашей стороне». Основатель психоанализа прямо возражать статье, которую назвал мягким ответным ударом, не стал. В этом своем выпаде Пфистер поменялся ролями со старым другом, поскольку обвинил Фрейда, неисправимого пессимиста, в необоснованном оптимизме. Знания, утверждал Пфистер, не гарантируют прогресс. Наука, строгая и беспристрастная, никогда не сможет занять место религии. Она не в состоянии создавать моральные ценности или вдохновлять на нетленные произведения искусства.

Большинство откликов на статью мэтра не отличалось такой вежливостью. Раввин Натан Красс, обращаясь к своей общине в синагоге «Храм Эммануэл» на Пятой авеню в Нью-Йорке, избрал покровительственный тон эксперта, ставящего на место дилетанта: «В этой стране мы привыкли слышать, что мужчины и женщины рассуждают обо всем, потому что они добились успехов в одной области». В качестве примера Красс привел Эдисона, который «разбирается в электричестве» и поэтому находит слушателей для своих «высказываний по богословию». Потом он упомянул, что кого-то, «кто сделал себе имя в авиации» (естественно, раввин имел в виду Чарльза Линдберга, американского летчика, первым перелетевшего в одиночку Атлантический океан), «приглашают произносить речи обо всем на свете». Но мысль Красса нуждалась в пояснении: «Все восхищаются Фрейдом-психоаналитиком, но нет никакой причины, почему нам следует уважать его теологию».

Никаких документальных свидетельств, что Зигмунд Фрейд слышал критику Красса, не сохранилось, но подобных нападок было множество. Некоторые критики видели в анализе им религии симптом разрушительного релятивизма, уничтожающего мораль современного мира. Один анонимный комментатор, писавший в консервативном немецком ежемесячнике Süddeutsche Monatshefte, связал взгляд основателя психоанализа на религию с тем, что он довольно образно назвал «пансвинизмом», характерным для той эпохи. Совершенно предсказуемо «Будущее одной иллюзии» снабдило антисемитов в научном сообществе поводами, которым они несказанно обрадовались. Карл Кристиан Клемен, профессор этнологии в Боннском университете, воспринял появление работы Фрейда как возможность обрушиться на стремление психоанализа везде находить секс.

«Это можно объяснить, – полагал этнолог, – специфическими кругами, из которых по большей части происходят его защитники и, возможно, также и пациенты». Другой видный немецкий профессор, Эмиль Абдерхальден, биолог и химик, осуждал еврея, который осмелился, не имея на то никакого права, судить о христианской вере. В той степени, в которой Фрейд знал о подобных оскорблениях, он относился к ним с презрением. Однако со своей стороны, более чем когда-либо убежденный, что его работы не соответствуют им же установленным стандартам, с грустью думал, что сам он уже не тот, что десять лет назад.

В те дни у Фрейда было не много поводов для радости, и меньше всего в его собственной жизни. В апреле 1928 года мэтр признался венгерскому психоаналитику Иштвану Холлосу, что ему не хочется иметь дело с пациентами, страдающими психозом: «Наконец я признался себе, что не люблю этих больных людей, что я сержусь на них за то, что они кажутся такими далекими от меня и от всего человеческого». Основатель психоанализа считал это странной разновидностью нетерпимости и с сожалением прибавлял: «С течением времени я утратил интерес, что явно неправильно аналитически». Тем не менее его интереса хватило на то, чтобы высказать предположения относительно своей неспособности к сочувствию. Может быть, это «следствие еще более очевидной поддержки главенства разума, враждебности в отношении «Оно»? Или что-то еще?»

Конечно, это было не самое подходящее время для заявлений о главенстве разума. Отвратительный спектакль политической демагогии и ненадежность мировой экономики все больше свидетельствовали в пользу иррациональности. Когда в том же апреле 1928-го Фриц Виттельс обратился к Фрейду за советом, принимать ли ему приглашение на чтение лекций и обучение психоаналитиков в Соединенных Штатах, мэтр порекомендовал ему соглашаться. «Вам известно о плохом экономическом положении в Вене и маловероятности скорых перемен». Похоже, он считал себя лично ответственным за ситуации, когда аналитикам приходилось искать себе пациентов в городе, и чем меньшее «персональное влияние» мог оказать в помощи «младшим друзьям», тем сильнее огорчался.

Нетрудно понять, что еще больше основателя психоанализа печалили его собственные проблемы со здоровьем – дискомфорт при еде и разговоре, боли. Страдал он не только физически, но и психологически. В июле 1928 года Фрейд выдал Эрнесту Джонсу «маленькую тайну, которая должна остаться тайной». Мэтр подумывал о том, чтобы расстаться с хирургом Гансом Пихлером,

который так много сделал для него со времени первой операции осенью 1923-го. «В этом году я много настрадался от усилий Пихлера обеспечить меня более удобным протезом, но результат был крайне неудовлетворительным. Поэтому я наконец поддался давлению, которое оказывалось на меня с разных сторон, чтобы обратиться к кому-нибудь другому». Сам Пихлер признавался, что был в недоумении, но Фрейда мучила совесть: «Для меня это было не так просто, ведь, в конце концов, это расставание с человеком, благодаря которому моя жизнь уже продлилась на 4 года». Но ситуация стала критической. Записи доктора подтверждают правоту Фрейда. «Все плохо, – писал Пихлер 16 апреля. – Боль в задней части [рта], где на задней фарингеальной стенке обнаружены отек, раздражение и покраснение». Новый протез оказался неудобным. «Протезом [номер] 5 пользоваться невозможно, – отмечал Пихлер 24 апреля. – Слишком толстый и большой». Предыдущий протез, номер 4, писал он 7 мая, сдавливал ткани и сильно мешал языку, поэтому Фрейда убедили поискать спасения от «протезных страданий» в Берлине у знаменитого профессора Шредера. Впрочем, сначала тот направил в Вену своего ассистента, чтобы тот осмотрел протез, а в конце августа Фрейд поехал в Берлин для дальнейшей работы. Цель поездки держалась в строгой тайне. «Следует всем сказать, что я навещаю детей. Итак: осторожность!»

Обследование, лечение и корректировка протеза в Берлине – все это было очень неприятным, и страдания Фрейда лишь усиливали чувство вины по отношению к Пихлеру и сомнения в возможности сконструировать более удачный протез. Но Фрейду Шредер нравился. В приступе оптимизма основатель психоанализа писал брату, что доверился самым лучшим рукам. И словно для того, чтобы продемонстрировать, насколько улучшилось его самочувствие, как только позволило состояние, он взял двух пациентов для анализа. Чтобы максимально облегчить отцу жизнь, с Фрейдом поехала младшая дочь. «Анна, как всегда, великолепна, – писал он брату. – Без нее я бы тут совсем потерялся». Анна нанимала лодку, и они подолгу плавали по озеру в Тегеле, в северо-западном районе города. Сын Эрнст, который в то время жил в Берлине, был частым гостем Фрейда – наряду со старыми друзьями, такими как Шандор Ференци. В целом это «медицинское путешествие» дало мэтру основание для осторожного оптимизма, и оно оправдалось – новый протез, вопреки ожиданиям, оказался гораздо лучше тех, которые были у основателя психоанализа раньше.

Протез, сконструированный для Фрейда осенью 1923 года после операций по удалению раковой опухоли, никогда не был

удобным. Шредеру удалось уменьшить длительность приступов боли и немного ослабить дискомфорт, но облегчение не было ни полным, ни постоянным. «Должен признаться, – писал Фрейд своей «дорогой Лу» летом 1931 года, – что испытывал множество неприятностей со своим протезом, что, как всегда, мешало моим интересам высшего порядка». Иногда основатель психоанализа, увлекшись делом, забывал о своих болезнях, но чаще они мешали работе. Во время пребывания в Берлине к нему приезжала Андреас-Саломе. Фрау Лу обратила внимание на то (и не могла этого забыть), что он попросил вести беседу дочь Анну. «Причина, – вспоминал мэтр впоследствии в письме к своей приятельнице, – заключалась в том, что своим поврежденным слухом я не мог разобрать вашу тихую речь, а также заметил, что и вам трудно понимать остатки моих способностей разговаривать. Несмотря на готовность смириться, это угнетает, и поэтому я молчал». Жестокая судьба для некогда искусного собеседника… С середины 20-х годов XX века об участии в международных психоаналитических конгрессах уже не могло быть и речи, и Фрейд тяжело переживал отсутствие стимулирующего общения. На любительских кадрах, снятых в 1928-м его американским пациентом Филиппом Лерманом, мэтр гуляет с дочерью Анной, играет с собакой, садится в поезд… Основатель психоанализа выглядит изможденным, явно постаревшим.

В конце этого года прошлое, которое он гнал от себя столько лет, внезапно напомнило о себе: умер Вильгельм Флисс, и в декабре его вдова написала Фрейду, попросив прислать последние письма мужа. Он не мог выполнить эту просьбу. «Память подсказывает мне, – сообщал мэтр, – что я уничтожил бо2льшую часть нашей переписки где-то после 1904 года». Впрочем, возможно, некоторые письма сохранились. Фрейд обещал фрау Флисс поискать их. Две недели спустя он написал ей, что поиски оказались безрезультатными. Пропали и другие письма, например от Шарко. Основатель психоанализа полагал, что все они уничтожены. Но просьба напомнила Фрейду о собственных письмах: «Без сомнения, я бы хотел узнать, что мои письма к вашему мужу, моему близкому другу на протяжении многих лет, также обрели судьбу, которая защитит их от последующего использования». Этот эпизод, который Фрейд никогда не комментировал, должен был вызвать у него неприятные воспоминания. Они вернутся к нему еще раз, еще менее приятные, 10 лет спустя.

В этот тревожный и мучительный период у Зигмунда Фрейда появилось неожиданное увлечение – собака породы чау-чау, Лин

Юг. Уже пару лет он с удовольствием наблюдал за немецкой овчаркой по кличке Волк, которую купили для того, чтобы она охраняла Анну во время прогулок. Постепенно мэтр привязался к собаке не меньше, чем дочь. В апреле 1927 года, когда Анна путешествовала по Италии, Фрейд сообщал ей домашние новости, закончив телеграмму наилучшими пожеланиями от Волка и всей семьи. Теперь у него был свой питомец. Ему подарила собаку американка Дороти Берлингем, приехавшая в Вену в 1925 году. Мать четверых маленьких детей, она развелась с мужем, страдавшим маниакально-депрессивным психозом. В Вене миссис Берлингем проходила лечение психоанализом сначала у Теодора Рейка, а затем у самого Фрейда, а также подвергла анализу детей. Наблюдая за их сеансами, Дороти решила сделать детский психоанализ своей профессией. Вскоре она близко сошлась с Фрейдами, особенно с Анной – в итальянском путешествии 1927 года дочь мэтра сопровождала именно миссис Берлингем. Они обе, заверяла Анна отца, получали удовольствие от самой приятной и ничем не омраченной дружбы. Фрейд, очарованный Дороти, называл ее необыкновенно приятной американкой, несчастной и наивной.

Лучшего подарка нельзя было и представить: в июне мэтр писал Эйтингону, что у него «очаровательная китайская сучка, чау-чау, которая доставляет нам много радости». Лин Юг была не только забавой, но и ответственностью: хозяйка питомника, где приобрели чау-чау, Генриетта Брандес, прислала Фрейду подробные инструкции, как ухаживать за собакой. В конце июня она выражала удовольствие, что мэтр, как ей сообщили, подружился с ней. С тех пор Фрейд и собаки породы чау-чау стали неразлучными друзьями – особенно Жо Фи. Во время сеансов психоанализа она тихо сидела в ногах кушетки.

Пожалуй, все было не так уж мрачно. Мэтр продолжал практиковать и с немалым удовольствием наблюдал за успехами представителей молодого поколения – по крайней мере, некоторых. Его профессиональный круг стал похож на дружную семью. В 1927 году Марианна Ри, дочь давнего друга, коллеги и партнера по игре в тарок Оскара Ри, вышла замуж за историка, а впоследствии психоаналитика Эрнста Криса. В то время Марианна была студенткой медицинского факультета, и ее привлекала карьера детского психоаналитика[271]. В том же году Хайнц Хартманн, психиатр и психолог, который интересовался философией – и разбирался в ней, – опубликовал свою первую книгу «Основы психоанализа», предвосхитившую его последующий теоретический вклад в психологию «Оно». Дочь Фрейда Анна также продолжала укреплять свой авторитет в мире

психоанализа. Взгляды на развитие ребенка, высказанные в 1927 году в ее первой книге «Введение в технику детского анализа», не совпадали со взглядами Мелани Кляйн и вызывали оживленные, а иногда и яростные дискуссии в психоаналитических кругах Вены и Лондона. Казалось, будущее психоанализа находится в надежных руках.

Да, на «великолепное развитие» дочери как психоаналитика Фрейд смотрел с нескрываемым удовольствием, но эмоциональное состояние Анны продолжало его беспокоить, в чем он сам признавался Лу Андреас-Саломе весной 1927 года. «Вы не поверите, насколько мал мой вклад в ее книгу; я всего лишь сократил ее полемику с Мелани Кляйн. Во всем остальном это абсолютно независимая работа». Однако… «В других отношениях я удовлетворен меньше. Поскольку бедному сердцу просто необходима привязанность, оно льнет к подругам, которые сменяют одна другую». Анне были нужны надежные товарищи, и Фрейд задавался вопросом, подойдет ли ей последняя близкая подруга, Дороти Берлингем, мать детей, которых дочь анализировала, больше, чем остальные. Он признавал, впрочем, что Анна прекрасно ладит с миссис Берлингем. Трехнедельные пасхальные каникулы, которые они вместе провели на итальянских озерах, пошли Анне на пользу. Но сомнения Фрейда не рассеивались. «Анна, – снова писал он своей «дражайшей Лу» в декабре, – великолепна и интеллектуально независима, но у нее нет сексуальной жизни». Возвращаясь к старой проблеме, он спрашивал: «Что она будет делать без отца?»

Кроме дочери, самым примечательным рекрутом Фрейда в 20-х годах XX века стала принцесса Мари Бонапарт – фонтан энергии, как однажды с восхищением отозвался о ней основатель психоанализа. Правнучка Люсьена, брата Наполеона, и жена принца Георга – младшего брата Константина I, короля Греции, который также был двоюродным братом короля Дании Христиана X, Мари была принцессой по нескольким линиям, но, несмотря на завидное богатство и родство с королевскими особами, ее всегда раздражали официальные мероприятия. Наделенная пытливым умом, не обращавшая внимания на буржуазные предрассудки и самостоятельная, в молодости Мари искала интеллектуального, эмоционального и эротического удовлетворения. Ждать всего этого от мужа она не могла – супруг разочаровал ее и в постели, и в беседе. Не получила она желаемого и от высокопоставленных любовников, среди которых были государственный деятель Аристид Бриан, несколько раз занимавший должность премьер-министра Франции, и психоаналитик Рудольф Левенштейн, блестящий практик и теоретик. В 1925 году, когда Рене Лафорг

впервые рассказал Фрейду о греческой принцессе, она являлась добычей, как диагностировал Лафорг, явно выраженного невроза навязчивости, который, впрочем, не повлиял на ее ум, но несколько пошатнул общее равновесие психики. Мари Бонапарт хотела стать пациенткой Фрейда.

Если основателя психоанализа и впечатлили ее громкие титулы, он не подал виду. Он готов взяться за ее анализ, сообщил Фрейд Лафоргу, при условии, что Рене может «гарантировать серьезность ее намерений и ее личную порядочность», а также если она владеет немецким или английским языком, поскольку он больше не доверяет своему французскому. «Что касается остального, – прибавил Фрейд со сдержанностью истинного буржуа, – пациентка должна согласиться с теми же условиями, что и другие». Далее последовали деликатные дипломатические переговоры: Лафорг рекомендовал принцессу как серьезного, добросовестного, наделенного превосходным умом человека, настроенного на короткий двухмесячный анализ, по два часа в день. Мэтр колебался, но затем Мари Бонапарт, которой надоели посредники, написала ему сама, и к июлю все уладилось. 30 сентября 1925 года она написала Лафоргу из Вены: «Сегодня днем я видела Фрейда».

Остальное, как говорят, уже стало достоянием истории. В конце октября основатель психоанализа с восторгом писал Эйтингону о своей «дорогой принцессе, Мари Бонапарт», которой он посвящает по два часа ежедневно. Она была, отметил Фрейд, «совершенно выдающейся, больше чем просто женщиной наполовину мужского типа». Две недели спустя он уже мог сообщить Лафоргу: «…анализ принцессы идет превосходно, и, я думаю, она очень довольна своим пребыванием здесь». Психоанализ не излечил Мари от фригидности, но подарил ясную цель в жизни и по-отцовски заботливого друга, которого у нее никогда не было. Вернувшись в Париж, она принялась за организацию французского психоаналитического движения, прилежно посещая собрания и поддерживая психоанализ щедрыми пожертвованиями из своего немалого состояния. Неутомимая любительница дневников, Мари Бонапарт дословно записывала замечания Фрейда, сделанные в разговоре с ней, а затем принялась за статьи по психоанализу. Но самым приятным событием стала перемена ее отношений с мэтром – из пациентки она превратилась в верного друга и щедрого покровителя. Полностью доверяя основателю психоанализа, она отдала ему детские дневники, Bêtises, написанные на трех языках в возрасте от семи до девяти лет. Мари переписывалась с мэтром, приезжала так часто, как только могла, вносила залог за издательский дом

Verlag, выпускавший литературу по психоанализу и всегда пребывавший на грани банкротства, присылала Фрейду в подарок артефакты и дарила ему любовь и преданность, уступающие по силе лишь любви и преданности его дочери Анны. Вне всяких сомнений, титулы были частью ее очарования, но восхищение Фрейда вызывали вовсе не они. Для основателя психоанализа Мари Бонапарт была совершенством.

Откровенность принцессы и Фрейда оказалась взаимной. Весной 1928 года, после того как Мари сообщила мэтру, что работает над проблемой связи бессознательного и времени, он рассказал ей о странном, повторяющемся сне, смысл которого не может понять уже много лет. Он стоял перед воротами Biergarten – пивного сада, которые подпирали какие-то статуи, и не мог ни войти внутрь, ни повернуть назад. Фрейд признался, что однажды, во время поездки в Падую с братом, не смог войти в грот за похожим проходом. По прошествии многих лет, вернувшись в этот город, он узнал место из своего сна и на этот раз заставил себя осмотреть грот. Теперь же, писал Фрейд, каждый раз, когда ему не удается разрешить какую-либо загадку, он снова видит этот сон. Время и пространство были теми ребусами, которые, к сожалению, мэтру пока не удалось разгадать. Однако он склонялся к мысли, что решение еще может быть найдено.

Цивилизация: человеческие трудности

«Папа что-то пишет», – сообщала Анна Фрейд в письме Лу Андреас-Саломе в начале июля 1929 года. В конце месяца основатель психоанализа, отдыхавший на летнем баварском курорте Берхтесгаден, подтвердил эту информацию. «Сегодня я написал последнее предложение, которое завершает работу, насколько это возможно здесь – без библиотеки. Она посвящена культуре, чувству вины, счастью и другим возвышенным вещам». Он только что закончил «Недовольство культурой». Фрейд отмечал, что в нем еще живет необходимость работать. «Что мне делать? – задавал он риторический вопрос. – Невозможно целый день курить и играть в карты; у меня уже не хватает выносливости для прогулок, а большая часть из того, что можно читать, мне неинтересна. Я писал и довольно приятно провел время».

Возможно, это и было приятным времяпрепровождением, но самому мэтру «Недовольство культурой» казалось не менее компрометирующим, чем «Будущее одной иллюзии»: «В процессе работы я заново открыл прописные истины». Маленькая книга, признался он Эрнесту Джонсу вскоре после ее публикации, состояла из чисто дилетантского фундамента, на котором возвышалось «заостренное аналитическое исследование». Разумеется, такой знаток его работ, как Джонс, не мог не заметить странный характер этого последнего произведения. Сам Фрейд даже не догадывался, что небольшая книжка станет одной из самых значительных его работ.

Подобно «Будущему одной иллюзии», ее преемница содержит ноту неуверенной надежды, хотя сия надежда стала еще слабее. «Недовольство культурой» – самая мрачная из работ Фрейда и в некоторых отношениях самая нерешительная. Основатель психоанализа постоянно жалуется на усиливающееся ощущение, что он объясняет людям вещи, которые они уже знают, что он впустую тратит бумагу и чернила, а в конечном счете время наборщиков и типографскую краску. Конечно, ни одна из главных идей «Недовольства культурой» не нова. Фрейд в общих чертах высказывал их в 90-х годах XIX столетия в письмах к Флиссу, затем кратко описал в статье «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность», вышедшей десятилетием позже, а также повторил в работе «Будущее одной иллюзии». Однако он никогда не анализировал их с такой яростной сосредоточенностью, как теперь, никогда так безжалостно не указывал на последствия своих идей. Изначально мэтр хотел дать

очерку другое название. «Возможно, мою работу можно было бы назвать, – писал он Эйтингону в июле 1929 года, – если она вообще нуждается в названии, «Несчастье в культуре» – Das Unglück in der Kultur». Кроме того, прибавил основатель психоанализа, статья далась ему нелегко. В конце концов он все-таки выбрал Unbehagen – недовольство, неловкость, дискомфорт – вместо Unglück, но независимо от того, открыто ли мэтр высказывал свою мысль в названии или слегка смягчал некоторой уклончивостью, он подошел к человеческим несчастьям абсолютно серьезно. И как бы в подтверждение мысли Фрейда мир представил яркое свидетельство, насколько ужасными могут быть эти несчастья. Приблизительно за неделю до того, как основатель психоанализа отправил рукопись «Недовольства культурой» в издательство – 29 октября, в «черную пятницу», – произошел обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже, отголоски которого быстро распространились по всему миру. Началась, как ее потом назовут, Великая депрессия.

Словно в подтверждение преемственности позиции Фрейда, применившего психоанализ к социуму и религии, «Недовольство культурой» начинается с размышлений о вере. Эта отправная точка, отмечает мэтр, была подсказана ему французским писателем Роменом Ролланом, лауреатом Нобелевской премии по литературе и неутомимым пацифистом. Фрейд и Роллан обменивались сердечными, исполненными взаимного восхищения письмами с 1923 года, и, когда четыре года спустя в свет вышла работа «Будущее одной иллюзии», основатель психоанализа отправил Роллану экземпляр. В ответ писатель выразил общее согласие с оценкой Фрейдом религии, но сомневался, действительно ли тому удалось найти истинный источник религиозного чувства, которое он называл особенным, глубоким и устойчивым. Существование этого чувства, которое, как предполагал мэтр, свойственно миллионам людей, подтвердили и другие. Это было ощущение вечности, чего-то безмерного. «Океаническое» чувство… Чисто субъективное и не гарантирующее личного бессмертия, оно служит источником религиозной энергии, которая постигнута разными конфессиями и направлена в определенные каналы. Фрейд, не находивший в себе этого чувства, прибег к обычной процедуре: проанализировал его. Вполне вероятно, полагал он, это остатки раннего ощущения «Я», относящегося к тому времени, когда младенец психологически еще не отделил себя от матери. Его ценность как объяснение религии основатель психоанализа считал более чем сомнительной.

Все это кажется неторопливым повторением работы «Будущее одной иллюзии». Но вскоре Фрейд демонстрирует, как данные рассуждения связаны с психоанализом культуры. Люди, утверждает он, несчастны: наши тела болеют и разрушаются, внешние природные силы грозят нас уничтожить, отношения с другими представителями рода Homo sapiens – источник страданий. Тем не менее все мы изо всех сил стараемся избежать этого несчастья. Уступая принципу удовольствия, мы ищем «мощные отвлечения, позволяющие нам не принимать близко к сердцу наши беды; замещающие удовлетворения, их смягчающие; опьяняющие вещества, делающие нас к ним нечувствительными»[272]. Одним из таких паллиативных средств является религия, причем ничуть не более, а во многих отношениях менее эффективным, чем другие.

Фрейд подчеркивал, что самое успешное (или, вернее, наименее бесполезное) из этих средств – работа, особенно свободно избранная профессиональная деятельность. «Никакая другая форма поведения не связывает отдельного человека так прочно с реальностью». По крайней мере, она «надежно включает его по меньшей мере в часть реальности, в человеческое сообщество». Не представлявший себе жизни без работы, Фрейд знал, о чем говорит. Однако, к сожалению, продолжает он, снова возвращаясь к «Будущему одной иллюзии», труд как путь к счастью не очень ценится людьми. Обычно они работают только по принуждению. И независимо от того, при помощи какого средства пытаются избежать своей участи – работы, любви, выпивки, безумия или наслаждения красотой, – в конечном счете их ждет неудача: «Жизнь, как она нам дана, слишком для нас тяжела, она приносит нам слишком много страданий, разочарований, неразрешимых проблем». И чтобы у читателей не осталось никаких сомнений, мэтр повторил свою мысль. Похоже, «намерения сделать человека счастливым план творения не предусматривал».

Жалкие поиски людьми счастья и неизбежная их неудача приводят к удивительному результату: ненависти к цивилизации. Отвергая сию «непонятную враждебность к культуре», Фрейд полагал, что может объяснить ее. У этого чувства долгая история. Одним из его ярких признаков является христианство, невысоко ценившее земную жизнь. Путешественники, сталкивавшиеся с примитивными цивилизациями в эпоху Великих географических открытий, усилили эту враждебность, ошибочно принимая жизнь незнакомых, якобы нецивилизованных племен за образец простоты и благополучия, нечто вроде укора западному обществу. Уже в недавнее время достижения естественных наук и техники

тоже стали причиной разочарования. Однако основатель психоанализа не был склонен разделять эти настроения. Признание, что прогресс науки и техники не способен гарантировать счастье, должно вести к следующему выводу: власть над природой не является единственным условием человеческого счастья, равно как и единственной целью устремлений культуры. Тем не менее пессимисты преуменьшали достижения науки и техники. Появление железных дорог, говорили они, лишь позволило детям уезжать далеко от родного дома, а единственная польза от телефона – возможность услышать их голоса. Они даже утверждали, что снижение показателей детской смертности – сомнительное достижение. Это якобы заставляет современные супружеские пары прибегать к контрацепции, и в результате число детей не увеличивается по сравнению с предыдущими столетиями. Кроме того, эти мужчины и женщины становятся невротиками. Вне всяких сомнений, «в нашей нынешней культуре мы не чувствуем себя хорошо».

И все же наше недовольство не должно заслонять тот факт, что на протяжении всей истории человечества культура была громадным усилием подчинить силы природы. Люди научились пользоваться орудиями труда и огнем, укротили воду и стали обрабатывать землю, изобрели мощные машины для поднятия и транспортировки грузов, разработали методики исправления дефектов зрения с помощью очков, улучшения памяти посредством письменности, фотографии и записи звука. Они нашли время и силы для занятия бесполезными вещами, для стремления к порядку и красоте, для развития самых возвышенных способностей ума. Они обрели практически такое же всемогущество, которое приписывали богам. Фрейд выразил это глубоко прочувствованной метафорой: человек теперь своего рода бог на протезах[273].

Протезы не всегда работают, и их несовершенство может расстраивать, но эти неудачи отступают перед несчастьем, порождаемым отношениями между людьми: Homo homini lupus est – человек человеку волк. Следовательно, человечество должно быть укрощено институтами. В этом отношении Фрейд солидаризировался с практичными политическими воззрениями Томаса Гоббса: при отсутствии сильных ограничителей, писал Гоббс тремя столетиями раньше, человечество обречено утонуть в нескончаемой гражданской войне, и жизнь людей станет одинокой, бедной, мерзкой и короткой. Люди смогли внедрить цивилизованные отношения только при помощи социального контракта, который передавал монополию на насилие государству. Статья Фрейда «Недовольство культурой» была

написана в гоббсовской традиции: эпохальный шаг в культуру произошел тогда, когда власть перешла к обществу, когда отдельные индивидуумы отказались от права на насилие. Истинным основателем цивилизации был человек, который впервые обозвал врага, вместо того чтобы бросить в него копье, однажды заметил основатель психоанализа. Но, несмотря на неизбежность этого шага, он также создал условия для неудовлетворенностей, присущие всем обществам: он стал причиной непримиримых противоречий между страстными желаниями отдельных людей и подавлением – и наказанием! – инстинктивных потребностей, которые продолжают жить в бессознательном и настойчиво ищут выход.

Такой взгляд на страсти, обуздываемые культурой, является важным вкладом основателя психоанализа в политическую теорию. Именно это определяет силу и оригинальность работы «Недовольство культурой»: сие есть краткое выражение психоаналитической теории политики. Зигмунд Фрейд не был ни политологом, ни историком религии, ни археологом. Он был психоаналитиком, который применял свои идеи к различным проявлениям человеческой природы. Величайшие создатели политических теорий, начиная от Платона и Аристотеля, делали то же самое, но Фрейд анализировал социальную и политическую жизнь с помощью теории природы человека, разработанной им самим.

Оглядываясь назад, мэтр заявлял, что подобный анализ был его целью на протяжении десятилетий. «Уже находясь на вершине психоаналитической деятельности, в 1912 году, – отмечал он в автобиографическом очерке, – я написал книгу «Тотем и табу», в которой предпринял попытку воспользоваться новыми открытиями психоанализа для исследования происхождения религии и нравственности». Работы «Будущее одной иллюзии» и «Недовольство культурой» явились продолжением этих усилий. «Мне становилось все яснее, что события истории человечества, взаимодействие человеческой природы, развития культуры и тех остатков архаических переживаний, из которых рождается религия, представляют собой лишь отражение динамических конфликтов между «Я», «Оно» и «Сверх-Я»; процессы, которые психоанализ изучает в отдельном человеке, повторяются и на большой сцене всемирной истории». Это ясное и недвусмысленное заявление Фрейда о единстве его теории. А поскольку «Недовольство культурой» есть неотъемлемая часть целого мировоззрения, до конца понять ее можно только с учетом психоаналитического метода мышления основателя движения. Статья дает фрейдистское представление о человеке в культуре –

в любой культуре. Это человек, осаждаемый бессознательными потребностями, с неисправимой двойственностью, примитивными страстями, такими как любовь и ненависть, с трудом удерживаемыми внешними ограничителями и внутренним чувством вины. Мэтр придает большое значение общественным институтам, но главное – они служат препятствием для убийства, насилия и инцеста.

Таким образом, теория культуры Фрейда рассматривает жизнь в обществе как вынужденный компромисс и, следовательно, по сути своей неразрешимое затруднение. Сами институты, предназначенные для того, чтобы обеспечить выживание человечества, также создают недовольство. Зная об этом, основатель психоанализа был готов мириться и с несовершенством людей, и со скромными надеждами на их улучшение. Показательно, что после окончания Первой мировой войны и краха Германской империи он выражал удовлетворение тем, что новая Германия отвергла большевизм. Фрейд не был самоуверенным сторонником традиций. Из его теории следует, что робкий традиционализм нуждается в анализе не меньше, чем безжалостный идеализм. Он мог бы согласиться с Джоном Локком, что старое не обязательно правильное. Он даже заявлял, что реальное изменение отношения людей к собственности скорее, чем этика или религия, принесет облегчение при современных проблемах.

Это не делало социализм более привлекательным для Зигмунда Фрейда. Он считал себя радикальным критиком общества, чему мы не раз становились свидетелями, только в области сексуальности, но вторгаться в эту область, размахивая революционными лозунгами, было бы губительно: сексуальные обычаи, как идеал и как практика, являются квинтэссенцией политики. Реформатор в сексуальной сфере должен быть критиком не только буржуазного общества, как его представлял мэтр, но также, причем в еще большей степени, диктата аскетизма, мертвой хваткой вцепившегося в этот мир в последние годы его жизни. На самом деле увлеченность основателя психоанализа либидо принесла неожиданные дивиденды его социальной теории. Явные, широко распространенные симптомы сексуальных страданий, которые подтолкнули врача Фрейда к изучению неврозов, оказались полезными и тогда, когда он погрузился в изучение религии и цивилизации: для него культура, как мы помним, по большей части является широкомасштабным отражением динамических конфликтов внутри каждого человека. Поэтому Фрейду было легко сформулировать дилемму цивилизованного человечества: люди

не могут жить без культуры, но они также не могут быть счастливы в ней. Они созданы таким образом, что безмятежность, постоянное равновесие между настойчивыми страстями и культурными ограничениями для них недостижимы. Именно это имел в виду мэтр, когда говорил, что счастье не предусмотрено планом творения. В лучшем случае разумные человеческие существа установят перемирие между желанием и контролем.

Эта дилемма пронизывает все аспекты цивилизованной жизни, даже – и особенно – любовь. Фрейд сформулировал свою мысль очень образно: прародительницей культуры была не только Ананке – богиня неизбежности и необходимости, но и Эрос, то есть любовь. Любовь – эротическая инстинктивная сила, которая побуждает людей искать сексуальные объекты вне себя, или, в форме с вытесненным мотивом, питает дружбу, – помогает созданию таких основных групп авторитета и привязанности, как семья. Одновременно любовь, эта предтеча культуры, является ее врагом: «Но в ходе развития отношение любви к культуре теряет свою однозначность. С одной стороны, любовь противоречит интересам культуры, с другой – культура угрожает любви ощутимыми ограничениями». Любовь эксклюзивна; пары и крепкие семьи презирают чужих. Женщины, которые все больше становятся хранительницами любви, особенно враждебны культуре, которая отвлекает внимание их мужчин и определяет занятия их детей. Культура, со своей стороны, стремится регулировать эротические желания и определить допустимую любовь, устанавливая строгие табу[274].

На протяжении всей истории, полагал Фрейд, люди стремились избежать этого неразрешимого противоречия, в основном отрицая его. Показательным примером может служить норма, которую христианство гордо объявило своей: возлюби ближнего, как самого себя. С точки зрения основателя психоанализа нереалистичность этого предписания сравнима разве что с его категоричностью. Любить всех – значит не любить никого. Более того, этот «ближний» часто недостоин любви: «Я должен честно признаться, что больше заслуживает моей неприязни, даже ненависти». Христианский призыв к всеобщей любви, похоже, был таким настойчивым и всеобщим именно потому, что он настоятельно необходим как защита против агрессивности и жестокости людей. Человек – это не нежное, любящее и нуждающееся в любви существо; «к его инстинктивным задаткам следует отнести и значительную долю агрессивной наклонности». Тот, кто видел человеческую природу в действии, не может сие отрицать. В качестве доказательств Фрейд приводит жестокость гуннов, монголов и благочестивых

крестоносцев, а также ужасы Первой мировой войны.

Тот факт, что основатель психоанализа неизменно включал агрессивность в число неотъемлемых человеческих качеств, объясняет его критическое отношение к коммунистическому режиму в СССР, который некоторые введенные в заблуждение интеллектуалы того времени продолжали, несмотря на сталинские репрессии, называть советским экспериментом. По мнению Фрейда – независимо от его общих претензий к отношениям собственности в капиталистическом обществе, – коммунистическое отрицание частной собственности обусловлено ошибочной идеализацией природы человека. Он не претендовал на оценку экономических последствий попыток Советского Союза установить коммунизм, но писал, что эту психологическую предпосылку может расценить как необоснованную иллюзию. В любом случае агрессия не была создана собственностью и не будет уничтожена вместе с ее запретом. Дело в том, что агрессивность является источником удовольствия, которое подобно другим удовольствиям в том смысле, что люди, один раз испытав, с трудом от него отказываются. «Они не очень хорошо при этом себя чувствуют». Агрессивность служит дополнением любви: либидинозные связи, соединяющие членов группы в привязанности и сотрудничестве, еще больше укрепляются, если есть чужаки, которых можно ненавидеть.

Фрейд называл эту удобную ненависть нарциссизмом небольших различий. Похоже, людям доставляет особое удовольствие, отмечал он, ненавидеть и преследовать или по крайней мере высмеивать ближайших соседей: так ведут себя испанцы и португальцы, северные и южные немцы. Особая миссия еврейского народа, рассеянного по миру, язвительно прибавил мэтр, похоже, заключается в том, чтобы служить любимой мишенью такого нарциссизма. Диаспора, в которой евреи так долго жили, оказала большую услугу соседям – на протяжении столетий христианам было куда направлять свою агрессию. «К сожалению, всех еврейских погромов Средневековья оказалось недостаточно, чтобы сделать эту эпоху более мирной и безопасной» для христиан. Таким образом, удобным, но явно несовершенным методом сдерживания агрессии служит ее направление на избранную жертву. Именно это и происходило в СССР, где большевики преследовали буржуазию, психологически подкрепляя свою попытку установить новую культуру. «Разве что, – с сарказмом заметил Фрейд, – озабоченно спрашиваешь себя, что предпримут Советы, после того как будут истреблены буржуа».

Этот анализ, предположил мэтр, должен облегчить понимание того, почему людям так трудно быть счастливыми в культуре: она требует огромных жертв не только от сексуальности, но и от агрессивной наклонности человека. Затем он вкратце повторил сложную и мучительную историю психоаналитической теории влечений и снова согласился, что долго не видел независимого существования изначальной агрессивности человека. Только теперь, с признанием этого аспекта, становилось совершенно очевидно, насколько прочно работа «Недовольство культурой» опирается на бессознательный дуализм и на структурную модель, которую Фрейд разработал несколькими годами раньше. Великие антагонисты – любовь и ненависть – сражаются за первенство в общественной жизни людей точно так же, как в его бессознательном, используя очень похожие методы и тактику. Видимая агрессивность – это внешнее проявление невидимого влечения к смерти. «И теперь, как я полагаю, смысл развития культуры уже не является для нас непонятным. Оно должно нам демонстрировать борьбу между эросом и смертью, влечением к жизни и деструктивным влечением, как она происходит у человечества. Эта борьба составляет важное содержание жизни вообще, и поэтому развитие культуры можно без обиняков назвать борьбой человеческого рода за существование. И эту битву гигантов наши бонны хотят унять колыбельной песней о небесах!» Атеист Фрейд никогда не упускал возможности заявить о своих взглядах.

Но больше всего его интересовал вопрос, как цивилизация ограничивает агрессию. Одним из способов, самым примечательным, является интернализация, когда агрессивные чувства загоняются внутрь, туда, откуда они вышли. Это действие или последовательность действий – основа того, что Фрейд называл Kultur-Über-Ich – культурное «Сверх-Я». На первом этапе развития ребенок боится авторитета и ведет себя хорошо лишь под угрозой наказания со стороны *своего* отца, но после усвоения взрослых норм поведения внешние угрозы становятся лишними. «Сверх-Я» ребенка будет само их придерживаться. Таким образом, борьба между любовью и ненавистью лежит в основе «Сверх-Я», как и самой цивилизации. Психологическое развитие индивидуума часто повторяется в истории общества. Страдать комплексом вины могут целые культуры: народ древнего Израиля породил пророков, которые осуждали его за греховность, и из сознания коллективной вины за нарушение установленных Богом законов создал суровую религию с ее жесткими предписаниями.

Все это в высшей степени парадоксально: у детей, с которыми обращаются мягко, может сформироваться строгое «Сверх-Я», а

чувство вины развиться даже за воображаемую агрессию, не то что за совершенную. Независимо от происхождения чувство вины, особенно его бессознательная разновидность, представляет собой одну из форм тревоги. Более того, Фрейд в очередной раз выступает в защиту своего утверждения, что не весь опыт приходит из внешнего мира. Врожденные характеристики, в том числе филогенетическое наследие, также вносят вклад в процесс бунта против эдипова комплекса, создавая внутреннего полицейского, которого индивидуум, а вместе с ним и цивилизации с тех пор будут носить с собой. Таким образом, включая тревогу в анализ культуры наряду со «Сверх-Я» отдельного человека, демонстрируя работу агрессии, а также любви, еще раз рассматривая соотношение наследственности и окружающей среды в развитии психики, основатель психоанализа вплетает в работу «Недовольство культурой» основные аспекты своей системы. Эта книга – великолепный плод размышлений всей его жизни.

Точно так же размышления и выводы Фрейда, одновременно трогательные и горькие, заставляют вспомнить о давней внутренней борьбе. Они показывают, что мэтр поддался своей склонности к фантазиям, одновременно предупреждая об их опасности. Идея культурного «Сверх-Я», предположил он, позволит вести речь о невротических культурах и предложить для них лечебные средства, как это делается для пациента. Однако, предупреждал основатель психоанализа, к данному вопросу следует подходить предельно деликатно. Аналогия между личностью и культурой может быть достаточно точной и информативной, но это всего лишь аналогия. Сия оговорка очень важна – она позволяет Фрейду определять себя как исследователя, а не как реформатора общества. Он дал ясно понять, что не претендует на роль врача, у которого есть средства исцеления болезней общества. «Я не беру на себя смелость, – заявил мэтр в часто цитируемом пассаже, – предстать перед моими согражданами в роли пророка и принимаю их упрек в том, что никакого утешения им принести не могу, хотя, в сущности, его требуют все – самые ярые революционеры не менее страстно, чем самые послушные верующие». В конечном счете он оставляет открытым главный вопрос: сможет ли цивилизация сдержать влечение человека к агрессии и разрушению? Воспользовавшись возможностью превознести современные технологии, Фрейд теперь предупреждает, что они представляют опасность для выживания человечества. «В настоящее время люди так далеко зашли в овладении силами природы, что с их помощью им легко истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они это

знают, отсюда – изрядная доля их нынешнего беспокойства, их несчастья, их тревожного настроения».

Несмотря на то что работа «Недовольство культурой» задумывалась – и явилась – анализом неудовлетворенности человека в современной цивилизации, она отражала и настроение самого Зигмунда Фрейда. Вскоре после ее завершения мэтру пришлось вернуться в Берлин на очередную консультацию по поводу протеза. Кроме того, его снова стало сильно беспокоить сердце. В своем кратком дневнике, Kürzeste Chronik, среди записей за ноябрь и декабрь были такие: «Невралгия», «Сердечно-кишечный приступ», «Плохо с сердцем». В начале ноября мэтр также отмечал, почти мимоходом, «…антисемитские беспорядки», а несколькими днями раньше, 31 октября, сухо и без видимой жалости: «Не прошел на Нобелевскую премию». И все же, несмотря на безрадостные события и безрадостное послание человечеству, содержащееся в «Недовольстве культурой», Фрейд находил утешение в необыкновенной популярности своей книги – первое издание тиражом 12000 экземпляров (очень много для работ основателя психоанализа) было распродано в течение года.

Побочным продуктом «Недовольства…» стало неожиданное возрождение дебатов среди психоаналитиков относительно самой мрачной интеллектуальной опоры движения – идеи Фрейда о влечении к смерти. Эрнест Джонс, которому мэтр отправил экземпляр с сердечной надписью, уже прочитавший эту работу в переводе Джоан Ривьер, искренне восхищался взглядом Фрейда на культуру и на «теорию вины». Он также согласился с мэтром, что враждебность занимает в жизни центральное место. «Единственное отличие моих взглядов от ваших по-прежнему состоит в том, что я не уверен относительно Todestrieb». По мнению Джонса, влечение к смерти есть скачок от реальности агрессивности к необоснованному обобщению. Фрейд ответил скорее заверениями, чем аргументами: «Я больше не могу обходиться без предположения об этом фундаментальном влечении [к смерти], психологически или биологически, и считаю, что не следует отказываться от надежды, что вы все же найдете к нему дорогу». Когда Пфистер, в свою очередь, возразил, что предпочитает рассматривать влечение к смерти как просто ослабление жизненной силы, основатель психоанализа посчитал нужным еще раз повторить свои взгляды, причем достаточно подробно. Фрейд не соглашался, что просто превращает свою личную депрессию в психоаналитическую теорию: если он и сомневается, что человечеству суждено достичь большего совершенства, если он считает жизнь непрерывной борьбой между

эросом и влечением к смерти, исход которой непредсказуем, то он уверен, что это не является выражением его врожденного характера или приобретенных взглядов. Мэтр утверждал, что он не «самоистязатель», или, если уж на то пошло, «недоброжелатель» (Фрейд использовал австрийское разговорное выражение Bosnickel), и был бы рад видеть впереди только хорошее для себя и других людей, а также славное будущее для человечества. «И все же, – отметил основатель психоанализа, – это выглядит как конфликт между иллюзией (воображаемым исполнением желания) и догадкой». Значение имеет тот факт, что загадочная реальность, которая все же существует вне нас, не является приятной или выгодной. Влечение к смерти, возражал Фрейд, не есть его заветное желание: оно представляется ему лишь неизбежным допущением, имеющим как биологические, так и психологические основания, поэтому собственный пессимизм представляется ему результатом, а оптимизм его противников – предположением. Основатель психоанализа мог сказать, что вступил в брак по расчету со своими мрачными теориями, тогда как другие жили со своими в браке по любви. Он желал всем им добра: «Надеюсь, они будут счастливее меня».

Тем не менее Фрейд завершает «Недовольство…» искоркой оптимизма – несмотря на то, что его поддержка влечения к жизни в дуэли со смертью выглядит скорее обязанностью, чем убеждением. «И тут следует ожидать, что другая из двух «небесных сил», вечный эрос, приложит усилия, чтобы утвердить себя в борьбе со своим таким же бессмертным противником». Этими словами Фрейд закончил «Недовольство культурой» летом 1929 года. Когда активная продажа книги позволила в 1931-м выпустить второе издание, он воспользовался случаем, чтобы прибавить один зловещий вопрос. Удрученный ухудшающейся экономической и политической ситуацией – Национал-социалистическая партия Гитлера в сентябре 1930 года одержала ошеломляющую победу на выборах в рейхстаг, увеличив число своих представителей с 12 до 107, – мэтр спросил: «Но кто может предвидеть ее результат и исход?» Фрейд, конечно, не мог предугадать, как будут развиваться события, но иллюзий у него не было. «Нас ждут плохие времена, – писал он Арнольду Цвейгу в конце этого же года. – Я должен с безразличием старика не обращать на это внимания, но невольно тревожусь за своих семерых внуков». Движимый жалостью к семье и беспокойством за весь мир, Зигмунд Фрейд доверил свои мысли бумаге.

Дикари-американцы

Не все, что основатель психоанализа писал в эти годы, было значительным. Приблизительно в 1930-м он позволил вовлечь себя в предприятие, результатом которого стала одна лишь неловкость – психологическое исследование личности Вудро Вильсона, написанное вместе с американским журналистом и дипломатом Уильямом Буллитом. Буллит обратился к Фрейду в середине 20-х годов с просьбой проконсультировать его по поводу, как он сам считал, своего саморазрушающего поведения и во время одной из встреч рассказал, что пишет книгу о Версальском договоре. Он планировал сосредоточиться на главных действующих лицах, среди которых, разумеется, был Вудро Вильсон – 28-й президент Соединенных Штатов Америки.

Очевидно, Буллит угадал с именем. При упоминании Вильсона, вспоминал он впоследствии, глаза Фрейда загорелись и он очень оживился. Кроме того, встреча Буллита и основателя психоанализа произошла в подходящее время. Фрейд выглядел подавленным и как будто готовился умереть, уверенный, что его смерть не будет значимой ни для него самого, ни для других, потому что он написал все, что хотел, и его разум опустошен. Жесткая критика мэтром своей работы в те годы придает воспоминаниям Буллита правдоподобность. Фрейд всегда нуждался в пациентах, которые служили для него стимулом, но теперь их стало меньше. Когда во время Первой мировой войны его практика существенно сократилась, основатель психоанализа чувствовал себя несчастным и выключенным из активной жизни – точно таким же, как в воспоминаниях Буллита. Конечно, Вудро Вильсон не был идеальным пациентом: он не лежал на кушетке. Более того, Фрейд торжественно заявлял, что его детище, психоанализ, не должно служить орудием агрессии. Но ввиду своего преклонного возраста, слабого здоровья и мрачного настроения он был готов сделать для Вильсона исключение.

Суровая реальность переговоров в Версале превратила слабые надежды, которые мэтр питал в отношении Вильсона, в яростное недовольство. Фрейд не был склонен прощать этому американскому мессии испытанное разочарование. В конце лета 1919 года, когда Эрнест Джонс впервые встретился с Фрейдом после нескольких лет войны, основатель психоанализа уже начал разочаровываться в Вильсоне. Джонс разумно заметил, что один человек не в состоянии справиться со сложными силами, действующими после такой разрушительной войны, и что Вильсон не может диктовать условия мира. «Тогда, – возразил мэтр, – ему не следовало давать все эти обещания». В 1921 году он позволил себе публично выразить гнев, пренебрежительно назвав Четырнадцать пунктов американского президента

фантастическими обещаниями, которым излишне доверяли.

Но даже несмотря на то, что Зигмунд Фрейд стал – по его собственным словам – питать отвращение к Вильсону, он не мог пойти против своего психоаналитического идеала доброжелательной нейтральности. В декабре 1921 года Уильям Байярд Хейл, американский публицист, который в прошлом был близким другом Вильсона и автором его биографии, опубликованной перед президентскими выборами, прислал основателю психоанализа свою книгу «История стиля». Это был злобный и нелицеприятный разбор характера Вильсона – совершенно очевидно, что они уже перестали быть друзьями, – с использованием в качестве доказательств особенностей стиля бывшего соратника: нагромождение прилагательных, бесконечные риторические вопросы и весь арсенал сомнительных ораторских приемов. Фрейд ответил, что при необходимости может прислать комментарий, но предупредил: «Возможно, меня остановит тот факт, что мистер Вильсон живой человек, а не продукт поэтической фантазии, какой была прекрасная Градива». «По моему мнению, – еще раз напомнил он, – психоанализ не должен использоваться как инструмент литературной или политической полемики, и тот факт, что я осознаю свою глубокую антипатию к президенту, служит дополнительным мотивом для сдержанности с моей стороны».

И действительно, несмотря на злорадство, испытанное Фрейдом при чтении «Истории стиля», он не позволил книге повлиять на свои принципы. С самого начала мэтр проинформировал Хейла, что возражает против того, что издатель рекламирует книгу как психоаналитическое исследование, которым она, конечно, не является. Тем не менее Фрейд обнаружил «в ней истинный дух психоанализа» и полагал, что «эта более высокая и научная «графология» открыла новую область аналитического исследования». Возможно, книга и не является, как считал сам Хейл, беспристрастным научным анализом. Фрейд обнаружил, как он выразился, сильную страсть в его расследовании, но этого, заверил мэтр Хейла, не следует стыдиться. И все-таки основатель психоанализа не мог избавиться от определенных ощущений: «…сделанное вами немного похоже на вивисекцию, и такого рода психоанализ не должен применяться к живому историческому деятелю». Фрейд признавался, что не испытывает к Вильсону никаких добрых чувств: «В той степени, в какой один человек может нести ответственность за бедствия этой части мира, он ее несет». Но даже в этом случае ответственный психоаналитик должен держать себя в руках. Просто не следует заниматься заочным

анализом ныне здравствующей публичной фигуры[275].

Тем не менее восемь лет спустя Фрейд решился на эксперимент с подобного рода анализом. Буллит оказался искусным соблазнителем и сумел сбить его с прямой дороги психоаналитической осторожности и уважения к нюансам. Очаровательный, импульсивный, неугомонный, выходец из влиятельной филадельфийской семьи, умеющий быстро составить записку о стратегии поддержания международного мира или об экономическом возрождении, он попробовал себя в журналистике, а затем решил сделать карьеру на дипломатической службе. Буллит знал буквально всех. Его старшим другом был Эдвард М. Хаус, ближайший советник Вудро Вильсона до того момента, когда президент внезапно разорвал с ним отношения в Версале. После войны Буллит работал в администрации Вильсона, как на мирных переговорах в Версале, так и во время тайной миссии государственного секретаря Роберта Лансинга в революционной России. Однако, обиженный тем, что Вильсон отверг его рекомендации, и потрясенный, подобно многим другим, версальской неудачей, он подал в отставку. Затем Буллит совершил смертный грех, с точки зрения дипломата. Он публично объявил о своем разочаровании. В сентябре 1919 года Буллит подтвердил перед сенатским комитетом по международным делам, что даже Лансинг был недоволен мирным договором. После такой откровенности, которая мгновенно принесла ему международную известность, Буллит сбежал в Европу – путешествовал, писал, завязывал знакомства с известными людьми. Когда он в 1930-м предложил Фрейду работать вместе над психологическим портретом Вильсона, они, как впоследствии заявил Буллит, дружили уже несколько лет.

Эта близость была скорее воображаемой, чем реальной. Тем не менее основатель психоанализа позволил вовлечь себя в тайный проект Буллита, который, в свою очередь, рассказал об этой работе лишь немногим, в том числе Хаусу. В июле 1930 года в письме к нему Буллит сравнивал себя с биографом Вильсона, Рэем Станнардом Бейкером. Уильям Буллит считал, что Бейкер, выпускавший том за томом, располагает фактами, но совсем не психолог и так плохо разбирается в международных отношениях, что не знает, какие факты важны, и его интерпретации остаются мелодраматическими. Предвзятость сравнения очевидна: сам Буллит был сведущ в международных отношениях и объединил свои усилия с великим психологом. Он планировал посоветоваться с Фрейдом и выполнить необходимые исследования. «Мои планы становятся более определенными, –

писал Буллит Хаусу. – После встречи с Ф. и изучения бумаг принца Макса Баденского я, вероятно, поеду в Москву». В архивах Максимилиана Баденского, который в конце войны был канцлером Германии и инициировал мирные переговоры с членами антигерманского союза, могла храниться полезная информация, а в Москве Буллита манили бумаги Ленина. Он надеялся получить к ним доступ – ни расходы, ни невыполнимые задачи Буллита никогда не останавливали.

Если путешествие в Москву так и осталось мечтой, то консультации с Фрейдом оказались более обнадеживающими. Хаус поддерживал Буллита в его начинании: «Вы напишете книгу, которая не только отдаст должное вам и вашим друзьям, но также принесет пользу миру». Буллит ответил, что отправляет материал своему другу в Вене, и гарантировал скромность и благоразумие последнего: «Он объективен и научен в своем взгляде на всю жизнь человека, насколько это вообще возможно». Хаус взывал к Буллиту, чтобы он осторожно обращался с этой деликатной темой, и Буллит обещал прислушаться. Сдержанность, соглашался он, единственный приемлемый стиль при изучении личности Вильсона. В начале сентября Фрейд заболел, но вскоре должен был, по собственным словам, прийти в форму. К середине месяца Буллит сообщал, что основатель психоанализа благополучно справился со своим острым заболеванием, в данный момент пребывает в превосходной форме, и ему не терпится начать работу. Но последовала еще одна задержка, столь же неприятная: в середине октября Пихлер сделал Фрейду очередную операцию, а в довершение всего мэтр заболел воспалением легких. Когда 17 октября к нему пришел Буллит, как свидетельствует запись в дневнике основателя психоанализа, у него была высокая температура. Только 26 октября Буллит отправил Хаусу торжествующее письмо с пометкой «лично в руки»: «Завтра мы с Ф. приступаем к работе».

На сей раз он сообщил любопытную деталь. Буллит поспешил в Вену после знакомства с архивами принца Максимилиана Баденского из-за, как он выразился, опасного состояния здоровья Ф. Другими словами, ему показалось, что Фрейд может не дожить до завершения проекта, в который они оба погрузились с такой увлеченностью… Но уже три дня спустя сам основатель психоанализа отметил: «Работа началась». Буллит был полон оптимизма – даже слишком полон. «Работа здесь идет великолепно», – писал он Хаусу в ноябре. Несмотря на то что она «требует гораздо больше времени, чем предполагалось», Буллит надеялся закончить книгу к середине декабря. Фрейд, со своей стороны, немного таинственно сообщал Арнольду Цвейгу, что,

несмотря на свое желание больше ничего не публиковать, он снова пишет предисловие к работе кого-то другого: «Я не могу сказать, что это анализ, но в то же время в высшей степени современный, почти политический». И добавил в конце письма, явно сдерживая себя: «Вы никогда не догадаетесь, что это».

Работа над книгой продвигалась медленно. Когда мэтр был моложе и работал самостоятельно, он писал гораздо быстрее. Тем не менее энтузиазм Буллита не иссякал. В августе 1931 года он сообщил Хаусу, что после трех операций Фрейд снова превосходно себя чувствует и первый черновик книги почти закончен. Буллит писал это из своего дома в Соединенных Штатах, но планировал вернуться в Вену в ноябре и задержаться там на некоторое время. «Рукопись будет готова к маю» – стало быть, к маю 1932-го. «Это невероятно трудная, но увлекательная задача», – не преминул добавить Буллит. В середине декабря 1931 года он обосновался в Вене и отдал дочь в школу.

Впрочем, мысли Уильяма Буллита теперь были заняты не только книгой о президенте Вильсоне. Атмосферу Великой депрессии молодой американец находил вездесущей, гнетущей и… стимулирующей. Наблюдая за тем, как Австрия «медленно сползает в пропасть стагнации и голода», а в остальных странах дела обстоят ничуть не лучше, он чувствовал радостное возбуждение. Мировой экономический кризис, грозивший общей политической катастрофой, завораживал его. Буллиту казалось, что именно теперь будут востребованы его таланты. Тем временем они с Фрейдом продолжали работать. Буллит прочитал новые тома биографии Вильсона, написанные Бейкером, и нашел их слабыми. Эдвард М. Хаус по-прежнему его подбадривал. «Как продвигается ваша с профессором Фрейдом книга? – спрашивал он в декабре 1931 года. – Мне не терпится ее увидеть». И вот в апреле 1932-го он получил долгожданный ответ. «Книга наконец закончена, – сообщал ему Буллит. – То есть последняя глава написана, и ее можно опубликовать, если мы с Ф. умрем сегодня вечером». Между тем под словом «закончена» Буллит не имел в виду, что работа готова к публикации. Каждую из ссылок следовало еще раз проверить. Кроме того, рукопись, по его же собственному мнению, еще нуждалась в «очистке», но это так долго! Требовался перерыв в полгода, чтобы повторно отредактировать текст с необходимой беспристрастностью, которая в данный момент отсутствовала. «Но по крайней мере, теперь есть законченная рукопись, и я снова начинаю думать о политике». В конце ноября Фрейд объявил, что ждет своего соавтора и надеется услышать от него, когда их книга о Вильсоне может предстать перед публикой. Работа была закончена, однако

в свет психологическое исследование «Томас Вудро Вильсон» вышло лишь в 1967-м, в год смерти Буллита.

В своем окончательном виде книга содержит несколько интригующих загадок. В самой задержке с публикацией ничего удивительного нет. Буллит ждал смерти вдовы Вудро Вильсона, последовавшей в 1961 году, и завершения собственной политической карьеры[276]. Сомнений в том, что Вильсон заслуживал психоаналитического исследования, быть не может: как и все люди, он был полон противоречий, но его противоречия достигали крайней степени. Вильсон был одновременно умным и тупым, целеустремленным и обреченным на провал, эмоциональным и безразличным, готовым к драке и робким, хитроумным политиком в одной ситуации и непримиримым фанатиком в другой. Будучи ректором Принстонского университета с 1902 по 1910 год, он провел серьезные реформы в образовательной политике и общественной жизни этого учебного заведения, но его упрямство в мелочах и заносчивость по отношению к коллегам и доверенным лицам в конечном счете заставили старых друзей отвернуться от него, что разрушило большинство планов Вильсона. В качестве губернатора штата Нью-Джерси он держал под контролем то, что Фрейд и Буллит назовут бессознательным стремлением к мученичеству: человек твердых принципов, Вильсон проявил себя беспринципным оппортунистом, одерживая блестящие законодательные победы и безжалостно разрывая отношения с теми политиками, которые привели его в это кресло. Однако на посту президента Соединенных Штатов он повторил – уже на самом высоком уровне – жалкий спектакль наполовину созданной своими руками неудачи, которым было отмечено его ректорство в Принстоне. Добившись принятия впечатляющей программы реформ внутри страны, Вильсон повел дело к поражению и катастрофе, когда 1917 году после вступления Америки в войну оказался в новой роли. Его поведение во время мирных переговоров было непредсказуемым и приводило к обратным желаемому результатам. То же самое можно сказать об утомительных речах Вильсона по возвращении домой, когда он пытался убедить в ценности заключенного договора скептически настроенную страну и враждебный сенат. В Европе Вудро Вильсон признавался, что нарушал свои яростно проповедуемые и с религиозной строгостью соблюдаемые идеалы, но затем, в Соединенных Штатах, отказывался одобрить некоторые мелкие дополнения, которые позволили бы спасти договор, а ему самому сохранить лицо.

Своеобразное сочетание противоречивых черт Вильсона обусловливалось бессознательными конфликтами, такими сильными, что он был не в состоянии смягчить их, не говоря уж о том, чтобы разрешить. Интерес Фрейда и Буллита к этому человеку совершенно понятен. Вильсон повлиял на современную историю двух континентов и, они в этом не сомневались, выплеснул свой невроз на мировую арену. Оба исследователя не без оснований заявляли, что достаточно хорошо изучили Вильсона, и полагали, что могут наметить основной путь его психического развития. Тем не менее от претензий на всеведение и полноту своего анализа они отказывались: «Мы никогда не сможем провести исчерпывающий анализ его характера. Мы ничего не знаем о многих сторонах его жизни и его натуры. Те факты, которые нам известны, представляются менее важными, чем те, которых мы не знаем». Поэтому Фрейд и Буллит отказывались называть свою книгу психоанализом личности Вудро Вильсона, а более скромно предлагали считать ее психологическим исследованием, основанным на доступном в настоящее время материале, и ничем большим.

Таким образом, упрек в том, что книга неполна, не имеет под собой оснований. Однако обвинения в ложной враждебности и механическом психологизировании оправданны. Тон всей работы осуждающий, словно невроз Вильсона почему-то был равносилен нравственному падению. Кроме того, из любого эмоционального состояния книга всегда выводит единственное следствие, как будто авторы никогда не слышали о множественности причин психических явлений. Знаменитое требование Альфреда Норта Уайтхеда, британского математика, логика и философа, вместе с Бертраном Расселом написавшего фундаментальный труд «Начала математики», составивший в том числе основу логицизма и теории типов, к ученым – искать простоту и не доверять ей, – которое могло бы стать девизом Фрейда, тут не применялось. Книга «Томас Вудро Вильсон» сосредоточена на вытесненной ярости будущего президента против отца, преподобного Джозефа Раггльза Вильсона. «Враждебность по отношению к отцу, – так определяет одно из главных правил это исследование, – неизбежна для любого мальчика, который претендует хоть на малейшую мужественность». Определенную мужественность Вильсона, и даже не малейшую, авторы не отрицают, однако они буквально обвиняют его в том, что тот всю жизнь преклонялся перед отцом. «Он никогда не освободился от такого отождествления с отцом». Конечно, многие маленькие мальчики восхищаются своими отцами, но – тут же оговариваются авторы – не многие восхищаются ими столь

чрезмерно и безоговорочно, как это было в случае Томми Вильсона. Другими словами, преподобный Джозеф Раггльз Вильсон был для Вудро Вильсона божеством. «Ему оставалось верить, что каким-либо образом он выйдет из этой войны спасителем человечества».

Это отождествление оказалось сложным. Временами Вудро Вильсон был божеством, временами мессией. В качестве первого он провозглашал закон, а в качестве второго ожидал морального предательства. У Вудро Вильсона имелся младший, послушный брат, который им восхищался, но самим фактом своего появления на свет стал конкурентом в борьбе за родительскую любовь. Став взрослым, Вильсон воспроизводил эту внутреннюю драму, всегда искал более молодых друзей, на которых мог изливать свою любовь, пока они не предавали его. Таким образом, структура его психики представлялась простой и ясной. Вильсон был маленьким мальчиком, всегда жаждавшим любви и боявшимся предательства, имитировал детские отношения на любой занимаемой должности и немного – а иногда и существенно! – подстрекал к их разрушению. Более того, гнев, который он не мог выразить в отношении отца, всегда тлел в нем, пока не выливался в грандиозную ярость. То, что случайные наблюдатели принимали за лицемерие Вильсона, на самом деле было необыкновенным даром к самообману. Его ханжество – неисчерпаемый источник тайной ненависти. В конечном счете он был только состарившимся мальчиком. «Он любил и жалел себя, боготворил своего покойного отца на небе и перенес ненависть к этому же отцу на многих людей». И это все. В основном…

Остается вопрос, почему Зигмунд Фрейд позволил себе эту карикатуру на прикладной психоанализ. Когда книга наконец была издана, дотошные обозреватели, основываясь на стилистических особенностях, утверждали, что с полным основанием приписать мэтру можно только предисловие, под которым стоит его подпись. Оно краткое, остроумное и информативное, тогда как остальная работа изобилует повторениями, тяжеловесна, зачастую звучит издевательски. Идеал сдержанности, которым Буллит обещал руководствоваться Хаусу, был отброшен. Нагромождение коротких предложений тоже не характерно для Фрейда. Кроме того, многократное снисходительное обращение к Вильсону как к «Томми» совсем не похоже на стиль основателя психоанализа. Грубоватый сарказм, которым пропитана книга, появляется у Фрейда – если вообще появляется – только в частной переписке. Идеи мэтра существенно упрощены, агрессивно изложены и огрублены до

неузнаваемости. Тем не менее, по словам Буллита, это исследование было совместным трудом: каждый из двух авторов писал отдельные главы и подробно обсуждал свою работу с другим, подписывая каждую главу и отмечая на полях изменения, внесенные в рукопись. Естественно, Фрейд должен был отвечать за общую интеллектуальную структуру книги. Более того, он называл Буллита «мой пациент (и соавтор)» и признавал, что не просто консультировал текст. В 1934 году, когда мэтра попросили высказать мнение о личности и о деятельности президента Вудро Вильсона, он ответил американскому корреспонденту, что написал оценку Вильсона, далеко не лестную, но не смог опубликовать ее из-за некоторых личных осложнений.

Есть основания полагать, что Фрейд, возражавший против публикации рукописи, которую Буллит показал ему в Лондоне уже незадолго до его смерти, в конце концов – утомленный, состарившийся, волновавшийся за будущее психоанализа и судьбу своих сестер, измученный раком, – согласился[277], но вполне вероятно, что американец решил ее подправить после кончины мэтра, в результате чего появились стилистические погрешности и механическое применение категорий психоанализа, на что жаловались обозреватели и читатели. Тем не менее Фрейд разделял неприязнь Буллита к Вудро Вильсону. Как известно, он испытывал сильнейшее отвращение к пророкам и религиозным фанатикам и видел в Вильсоне яркий пример этой напасти человечества. Он разглядел в Вильсоне то, что американский историк Ричард Хофштадтер удачно назвал безжалостностью чистых сердцем. Более того, тщетная попытка Вильсона перекроить карту Европы согласно собственным возвышенным идеалам доказала, что его безжалостность – пустое хвастовство. Это худшее из возможных сочетаний. В своем вступлении основатель психоанализа процитировал историю о том, как Вильсон, уже победивший на выборах, но еще не вступивший в должность президента, рассказывал одному политику, что его избрание было предопределено свыше, и привлек внимание к тому факту, что в противоположном лагере немецкого кайзера тоже считали Божиим избранником. «Из этого ничего хорошего не получилось, – сухо заметил Фрейд. – Уважения к Богу также не прибавилось».

Безусловно, роль Фрейда в неудаче «Томаса Вудро Вильсона» невозможно исчерпывающе объяснить эмоциями, вызванными раздражением. Одна из причин, по которым мэтр согласился на совместную работу с Буллитом, заключалась в том, что книга могла существенно помочь издательскому дому, выпускавшему литературу по психоанализу. В конце 20-х годов XX столетия он

снова оказался на грани банкротства, как это уже случалось прежде. Фрейд был глубоко привязан к Verlag и постоянно приходил ему на помощь: сам вносил щедрые пожертвования, заставлял раскошеливаться богатых почитателей и присылал для публикации некоторые свои работы – в их коммерческом успехе можно было не сомневаться. В 1926-м он отдал издательскому дому 24000 рейхсмарок, четыре пятых суммы, которую коллеги собрали к его 70-летию. В следующем году он перевел Verlag пожертвование в размере 5000 долларов от анонимного американского благотворителя[278]. Затем, в 1929-м, Мари Бонапарт и другие доноры снова отсрочили финансовый кризис. Фрейд называл издательский дом своим ребенком и не хотел пережить его. Он понимал, что судьба Verlag зависит от политической обстановки в Германии: победа того, что мэтр называл «гитлеризмом», стала бы катастрофой. Но в любом случае финансовая поддержка была необходима. Таким образом, поиск денег был серьезной причиной для того, чтобы испытывать энтузиазм относительно нового проекта, предложенного Буллитом. В 1930 году мэтру стало очевидно, что книга о Вудро Вильсоне существенно поднимет продажи Verlag, а возможно, даже спасет издательство.

Уверенность Фрейда в помощи Уильяма Буллита имела под собой веские основания. «Буллит, – писал мэтр Эйтингону в конце 1931 года, – снова здесь, чтобы продолжить работу над своим анализом и над Вильсоном. У меня сохраняется надежда, что эта книга и перевод работы принцессы о По[279] поможет Verlag в самое трудное время финансового восстановления»[280]. Наконец в начале следующего года он мог сообщить о важных и осязаемых результатах – авансе от Буллита в размере 2500 фунтов стерлингов (около 10000 долларов) в счет американского гонорара. Именно присланный Буллитом аванс, а не сведение старых счетов с разочаровавшим его американским идеалистом стал главной выгодой основателя психоанализа от книги о Вильсоне. Затем все закончилось – Буллит занялся политикой в Соединенных Штатах, в рядах Демократической партии, а Фрейд размышлял о домашних демагогах, которые были гораздо опаснее, чем президент Вильсон.

Несомненно, тот факт, что Вудро Вильсон был американцем, доставлял Фрейду особое удовлетворение, когда он изливал на него собственную агрессию и раздражительность. В своем высокомерном презрении к миру Вильсон казался просто зеркальным отражением практичного янки, олицетворением которого могли служить полковник Роберт Маккормик и Сэм

Голдвин с их наивной верой в силу доллара. Как известно, психоаналитическая теория утверждает, что самые серьезные расхождения, подобно широко раскинувшимся веткам, могут иметь один и тот же корень. За какой бы маской ни скрывался американец – святого или стяжателя, Фрейд с готовностью награждал его ярлыком самого непривлекательного человеческого типа.

Основатель психоанализа признавался в своем антиамериканизме за много лет до того, как его нога ступила на землю, открытую Колумбом: в 1902 году, пребывая в циничном настроении, он сравнил свой Старый Свет, которым правит компетенция, с Новым Светом, где властвует доллар. Впоследствии несмотря на то, что американцы первыми удостоили его официальных почестей, Фрейд никогда не отказывал себе в удовольствии ругать их. Конечно, ему нравилось упоминать почетное звание, полученное в 1909 году в Университете Кларка, и он при случае язвительно указывал на это европейцам. В самом начале своей карьеры Фрейд даже думал эмигрировать в Соединенные Штаты. «33 года назад, – писал мэтр Ференци 20 апреля 1919 года, вспоминая весну 1886-го, когда он открыл частную медицинскую практику и женился, – я, свежеиспеченный врач, решил уехать в Америку, если за три месяца мои заработки не начнут подавать надежды». Фрейд задавался вопросом: возможно, было бы лучше, если бы судьба тогда дружески не улыбнулась ему? Но такие минуты, когда он сожалел о несостоявшейся карьере в Соединенных Штатах, находили редко. Если послушать основателя психоанализа, то Америка и американцы – это воплощение лицемерия, необразованности, примитивности, любви к деньгам и скрытого антисемитизма[281].

Интересно, что антиамериканизм Фрейда с особой силой проявлялся во время поездок его последователей в Соединенные Штаты. Когда Юнг, а впоследствии Ранк или Ференци приезжали туда для чтения лекций или для психоаналитических консультаций, мэтр рассматривал это как приглашение к отступничеству. Такое ощущение, что он воспринимал Соединенные Штаты как опасного соперника – богатого, привлекательного, сильного, в каком-то примитивном смысле превосходящего Европу, с ее более аскетичными достоинствами. Однажды Фрейд, пародируя самодовольных американцев, сказал Арнольду Цвейгу, что Америка – это антирай. Это было уже в конце жизни, а несколькими годами раньше он признался Джонсу: «Да, Америка – гигантская-гигантская ошибка». Другими словами, он боялся Соединенных Штатов как страны, которая

побуждала его сторонников совершать гигантские ошибки.

Эти чувства проходят через всю переписку мэтра, словно неприятная, скучная тема. Они также отражают некоторую его непоследовательность. Как известно, в январе 1909 года во время переговоров с Университетом Кларка Фрейд назвал скромную сумму возмещения дорожных расходов, предложенную пионером психологической науки за океаном Грэнвиллом Стэнли Холлом, слишком американской, то есть намекал на чрезмерную озабоченность финансовой стороной дела. По его мнению, Америка должна приносить доходы, а не расходы. Он любил повторять эту примитивную формулу. «Какая польза от американцев, если они не приносят денег? – задавал мэтр риторический вопрос Эрнесту Джонсу в конце 1924-го. – Они больше ни на что не годны». Этот рефрен был, и Фрейд сие сам сознавал, одним из его любимых. «Я всегда говорил, – повторял он Джонсу всего год спустя немного смущенно, – что Америка полезна только как источник денег». Во время поездки Ранка в Соединенные Штаты в 1924-м Фрейд повторил ту же мысль, но в более резких выражениях. Ему приятно видеть, заявлял он, что Ранк нашел единственное рациональное поведение, подходящее для этих дикарей: продать свою жизнь как можно дороже. Кроме того, прибавил мэтр, ему часто казалось, что анализ подходит американцам, как белая рубашка ворону[282]. Вряд ли необходимо объяснять, что такое отношение отражает некий нравственный дефект, который Зигмунду Фрейду нравилось находить у американцев. Но основатель психоанализа не испытывал сомнений. Он всего лишь эксплуатировал эксплуататоров.

Насмешливо-презрительное признание Фрейда, что американцы умеют обращаться с деньгами, было просто еще одной формулировкой для описания их корысти. «Если вам придется иметь дело с Америкой, – предупреждал он Пфистера в 1913 году, – то вас обязательно облапошат. В деловых вопросах они значительно нас опередили!» Вероятно, не подозревая, что сам безнадежно запутал вопрос о правах на издание своих произведений за границей, Фрейд был склонен винить американцев за возникшую в результате неразбериху. «Американские издатели, – писал он одному корреспонденту из США в 1922 году, – опасная разновидность людей». В таком же тоне мэтр отзывался об Альберте Бони и Хорасе Ливрайте, фирма которых выпустила несколько его ранних произведений. Это два жулика. От богатых дикарей Фрейду нужно было только одно – финансовая поддержка. Вся его популярность в Америке, жаловался мэтр Ференци в 1922 году, не обеспечила анализу щедрости даже одного богатенького дядюшки – Dollaronkel.

Отсутствие таких дядюшек разочаровывало основателя психоанализа и питало его предубеждения.

В отношениях с пациентами из Америки, число которых в 20-х годах XX века увеличилось, Фрейд позволял себе черствость, которую с другими посчитал бы нецивилизованной и назвал бы симптоматической, если бы проанализировал себя. Он проникся симпатией к некоторым американским психоаналитикам, которые приходили для обучающего анализа в квартиру на Берггассе, 19, и мог с неожиданной теплотой относиться к тем, кто ему особенно понравился, но отношение к ведущим психоаналитикам США зачастую было язвительным. В целом, признавался Фрейд Эйтингону, эти по большей части ущербные люди пригодны в основном для изучения вопросов техники. Когда в 1921 году Пфистер сообщил мэтру, что американский аналитик-самоучка Смит Элай Джелиффе собирается нанести визит на Берггассе, 19, и прибавил, что «Йелиффе» показался ему находчивым и умным человеком, основатель психоанализа придал этим лестным характеристикам презрительный оттенок. Кстати, раньше он уже назвал Джелиффе одним из худших деловых американцев: «Откровенно говоря, это мошенник, которых открыл Колумб». Теперь же, ответил мэтр Пфистеру, Джелиффе считается очень находчивым, то есть хитрым, и очень умным, но не слишком достойным. Кларенс Оберндорф, один из первых энтузиастов и долгое время доминирующая фигура среди американских психоаналитиков, по мнению Фрейда, был самым плохим среди них. «Похоже, он глуп и заносчив». В 1921 году Фрейд признавался Эрнесту Джонсу, что Оберндорф озадачил его: «Зачем человек, которого считают таким блестящим и успешным, занялся психоанализом, если в этом не участвуют его разум и сердце?» Он удивлялся, почему у американских психоаналитиков, даже «лучших элементов» среди них, почти нет чувства солидарности. «Брилл, – отмечал мэтр, выведенный из терпения своим самым активным сторонником, – ведет себя бесстыдно, и с ним нужно порвать». Это была преувеличенная угроза, которую основатель психоанализа не реализовал и, вероятно, не собирался реализовывать.

Не обращая внимания на чувства «дикарей», Фрейд говорил своим корреспондентам из США, что их странности или необычная реакция на психоаналитическое лечение – национальные черты. «Но вы, американцы, особенные люди, – писал он своему пациенту Леонарду Блумгарту после того, как тот признался, что обручился с будущей женой прямо перед шестимесячной разлукой. – Вы никогда не умели найти

правильного подхода к своим женщинам». Когда другой американский пациент мэтра, Филипп Лерман, прислал ему критические замечания к «Недовольству культурой», Фрейд ответил грубым комментарием: «Разумеется, они в точности такие глупые и невежественные, как можно было ожидать от американского журналиста». Через несколько месяцев основатель психоанализа так же грубо выразил свое несколько удивленное удовлетворение от известия о благополучии Лермана и его семьи. В Америке, конечно, депрессия, но разве бывают непроцветающие американцы? В подобном настроении – а оно бывало довольно часто – Фрейд небрежно отбрасывал воспоминания о таких достойных восхищения американцах, как Джеймс Джексон Патнем и Уильям Джеймс.

Основатель психоанализа даже считал возможным ворчать, что эти жалкие янки не в состоянии сохранять рассудок, когда в них есть нужда. В 1924 году с Хорасом Фринком, одаренным пациентом и учеником Фрейда, случился приступ психоза. Мэтр считал Хораса одним из редких исключений среди американцев: он был о нем высокого мнения и хотел, чтобы Фринк возглавил психоаналитическую организацию в Соединенных Штатах. Нервный срыв Фринка, который привел к его госпитализации, явно нарушил планы Фрейда. Говоря об ужасающем душевном состоянии своего ученика, основатель психоанализа рассматривал эту личную трагедию как характерную черту американского провала. «Моя попытка дать им руководителя в лице Фринка, которая, к сожалению, окончилась неудачей, – это последнее, что я для них делаю, даже если, – поклялся мэтр, – я проживу еще сто лет, которые вы отвели на включение психоанализа в психиатрию». Эта яростная вспышка, следует отметить, случилась в сентябре 1924 года, когда Фрейд боролся с последствиями рака, но его общее отношение к американцам оставалось неизменным[283]. В 1929-м, когда Эрнест Джонс советовался с ним по поводу предложения американцев, чтобы он выступил редактором сборника психоаналитических работ Фрейда, предназначенного для заокеанской аудитории, мэтр ответил в характерном для себя стиле: «По существу, все это предприятие, будучи типично американским, мне крайне неприятно. В одном можно не сомневаться: если такая книга будет доступна, ни один американец не обратится к оригиналу. Хотя, возможно, он и так бы этого не сделал, а черпал бы информацию из самого мутного популярного источника».

Подобные комментарии не ограничивались личной перепиской. Фрейд без колебаний делал их достоянием читателей. В 1930 году в кратком предисловии к «Медицинскому

обзору обзоров», редактором которого был американский психоаналитик Дориан Фейгенбаум, он признался, что предполагаемый прогресс психоанализа в Америке принес ему только «неопределенное» удовлетворение. Психоанализ получил широкую известность, но серьезная практика и финансовая поддержка были редкими явлениями; врачи и публицисты удовлетворялись психоаналитическими девизами. Они гордились своей *широтой взглядов*, которая на самом деле лишь демонстрировала их *неспособность к пониманию*. Фрейд считал, что популярность слова «психоанализ» в Америке не свидетельствует ни о дружелюбном отношении к самому предмету, ни о каком-либо широком или глубоком его знании. Он говорил то, что думал.

Таким образом, неприязнь основателя психоанализа отчасти объяснялась его беспокойством по поводу импульсивной восприимчивости американцев, дополнявшейся, как ему казалось, чрезвычайно вредным отсутствием твердости и не менее вредным страхом перед сексуальностью, не говоря уж о контрпродуктивном эгалитаризме, то есть политической практике, имеющей целью достижение всеобщего равенства. Еще в 1912 году мэтр советовал Эрнесту Джонсу держать себя с Джеймсом Джексоном Патнемом тепло, чтобы Америка могла оставаться на стороне либидо. Он думал тогда и продолжал думать, что это будет неблагодарная работа, поскольку среди американских психоаналитиков лидерство было политическим вопросом, а совершенство в профессии оставалось без вознаграждения. В 20-х годах XX столетия мэтр гневно обрушивался на аналитиков в Соединенных Штатах за то, как они управляли своей организацией. «Американцы, – писал Фрейд Шандору Радо, – переносят демократический принцип из политики в науку. Каждый должен один раз побывать президентом; никто не может оставаться президентом; никому не позволено превосходить других, и поэтому все они ничему не учатся и ничего не добиваются». Когда в 1929 году группа американских психиатров – некоторые из них были сторонниками Ранка – предложила созвать конгресс и обратилась к Фрейду с вопросом об участии его дочери, он отверг это предложение в своей обычной нелюбезной манере. «Я не могу надеяться, что конгресс – которому я желаю всяческих успехов – будет иметь большое значение для психоанализа, – сказал мэтр одному из организаторов, Фрэнквуду Уильямсу. – По американскому обыкновению в нем количество заменит качество». Его беспокойство не было таким уж безосновательным, но казалось нереальным, почти пугающим порождением нездорового

воображения.

Далеко не все жалобы основателя психоанализа были чистой фантазией. Например, его диспепсия являлась реальной. После возвращения из Университета Кларка осенью 1909 года Фрейд жаловался, что его здоровье ухудшилось и он знает, кого в этом винить: «Америка мне дорого обошлась». В конце той же зимы он провел три недели в Карлсбаде, лечил свой колит, приобретенный, по словам мэтра, в Нью-Йорке. Когда после войны у Фрейда возникли проблемы с предстательной железой, он признался Ференци, что иногда оказывался в «крайне неловкой ситуации, как впервые десять лет назад, в Америке». Мэтр не придумывал эти болезни, но свое раздражение направлял на одну, удобную мишень. В профессиональном плане его тоже многое раздражало. Однако энергичный протест американских психоаналитиков против дилетантского анализа не был причиной его антипатии – этот протест лишь окончательно убедил основателя психоанализа, что американцы не наивные ханжи, а жадные обыватели. Их погубит, считал Фрейд, сама манера выражаться. «Этому народу, – однажды сказал он своему врачу Максу Шуру, – суждено погибнуть. Они больше не в состоянии открыть рот, чтобы говорить; скоро они не смогут открыть рот, чтобы есть».

Из всего этого следует неизбежный вывод, что, обрушившись на американцев – на всех, без разбора, – с изощренной яростью, Фрейд не прислушивался к своему опыту, а давал выход некой внутренней потребности. Даже верный Эрнест Джонс, как известно, был вынужден признать, что антиамериканизм мэтра на самом деле вовсе не связан с Америкой. Основатель психоанализа все-таки догадывался, что его чувства не совсем объективны – или совсем не объективны. В 20-х годах он даже предпринимал слабые попытки поставить диагноз «ускользающим от анализа» американцам. Рассердившись на две статьи по психоанализу авторов из США, он в 1921 году сказал Джонсу: «Американцы, в сущности, очень плохи». Однако, благоразумно прибавил мэтр, следует воздержаться от суждения, почему они такие, не имея лучшей возможности для наблюдения. Фрейд склонялся к мысли, что у них более острая конкуренция, а неудача означает для каждого гражданскую смерть. «У них нет личных ресурсов, кроме профессии, нет хобби, игр, любви или других интересов культурного человека. А успех означает деньги. Может ли американец жить в оппозиции к общественному мнению, как это готовы делать мы?»[284] Похоже, американцы неудачно соединили материализм с конформизмом. Три года спустя основатель

психоанализа воспользовался визитом Ранка в Соединенные Штаты как поводом поставить уничижительный диагноз: «Нигде так не потрясает бесчувственность человеческих действий, как здесь, где даже приятное удовлетворение естественных животных потребностей больше не считается целью в жизни. Это безумный анальный Adlerei». В устах Фрейда не было ничего оскорбительнее, чем связать американцев с именем своего самого презираемого бывшего ученика. Если объяснить это в профессиональных терминах, то он представлял американцев, всех до одного, жертвами анально-садистской задерживающей способности, враждебной удовольствию, но в то же время способствующей агрессивному поведению в бизнесе и политике. Вот почему жизнь американцев суматошна. Поэтому неутилитарные стороны бытия, будь то невинные хобби или высшие достижения культуры, американцам и недоступны!

Зигмунд Фрейд находил эти проявления характера американцев везде. Начать с того, что среди них трудно отыскать честного человека. Именно это имел в виду мэтр, когда описывал своего племянника Эдварда Бернайса, успешного основателя фирмы по связям с общественностью, как честного парня, каким он его помнил: «Не знаю, до какой степени он американизировался». Более того, в Соединенных Штатах было неуютно любовникам. Именно таков смысл замечания Фрейда в письме Блумгарту, что американские мужчины никогда не умели правильно относиться к своим женщинам. Но хуже всего то, что Америку поработил любимый продукт «анальных взрослых» – деньги. Для основателя психоанализа Америка описывалась одним словом: «Доллария».

Все это совсем не оригинально, если не считать психоаналитической терминологии. Большинству эпитетов Фрейда было уже сто лет, и многие из них считались банальностями в тех кругах, к которым он принадлежал[285]. В 1927 году французский психоаналитик Рене Лафорг описывал американца, некоего П., фразой, с которой мог бы полностью согласиться Фрейд: «Настоящий американец, П. всегда считал, что можно купить себе аналитика». В том же году Ференци, покидавший Соединенные Штаты после продолжительного визита, беспокоился, что страдающие неврозом американцы, которых так много, нуждаются в расширении и улучшении психоаналитической помощи по сравнению с той, которую получают. «Я вернулся сюда через много лет, – говорил он, – и обнаружил гораздо больший интерес к психоанализу, чем в Европе, но я также обнаружил, что этот интерес несколько

поверхностен, а более глубокий аспект игнорируется».

Подобные мнения делают очевидным тот факт, что мэтр и его сторонники копировали, зачастую дословно, снисходительные слова, которые утонченные европейцы произносили уже много лет. А те, в свою очередь, выражали взгляды своих отцов и дедов, которые на протяжении столетия приписывали американцам какие-либо пороки, подчас реальные, но в большинстве своем воображаемые. В обществе было принято осуждать стремление американцев к равенству, не менее выраженное стремление к новизне, а также их материализм. Еще в 1822 году Стендаль в своей остроумной книге «О любви» необоснованно назвал их олицетворением существ без воображения. По его мнению, они были не способны любить: «В Бостоне вы можете оставить молодую девушку наедине с красивым незнакомцем, будучи уверенным, что она будет думать только о состоянии будущего мужа». Американцы, повторял Стендаль в незаконченном романе «Люсьен Левен», несмотря на все свое благоразумие, думают только о деньгах и о том, как их скопить. Несколькими годами позже Чарльз Диккенс во время визита в Соединенные Штаты был до крайности возмущен контрафактными изданиями своих книг. Его едкая сатира в «Жизни и приключениях Мартина Чезлвита» – это победа негодования над сочувствием. Американцы, узнаем мы из романа, проповедуют свободу, но боятся общественного мнения, разглагольствуют о равенстве и держат рабов, они снобы и стяжатели. Все разговоры американцев «можно было свести к одному слову – доллары! Все их заботы, надежды, радости, привязанности, добродетели и дружеские связи, казалось, были переплавлены в доллары». Это обвинение, превратившееся к тому времени, когда основатель психоанализа начал писать свои работы, в клише, не потеряло ценности в глазах европейских наблюдателей. В 1904 году сэр Филип Берн-Джонс сжал старое обвинение в заголовок своей книги о Соединенных Штатах – «Доллары и демократия». «А как они говорят о деньгах! – восклицал автор. – Из обрывков разговоров на улицах, в ресторанах и автомобилях можно разобрать только «доллары-доллары-доллары». У Фрейда было преимущество перед Стендалем. Он, по крайней мере, как Диккенс и Берн-Джонс, видел Америку. Но его взгляды в отношении американцев оставались столь же дремучими.

Остается вопрос, почему основатель психоанализа так некритично воспринял эту сильнодействующую, но к тому времени уже дурнопахнущую смесь из тенденциозных наблюдений и нескрываемого культурологического высокомерия. Дело в том, что конформизм Фрейда и его радикализм странным

образом объединились в поддержке антиамериканизма. Будучи обыкновенным, консервативным европейским буржуа, он думал об американцах так же, как остальные. По сравнению с этим бездумным согласием с общепринятыми клише реальные основания для недовольства американцами – мессианская политика, сопротивление дилетантскому анализу, не говоря уж об американской кухне, – выглядят несущественными. Но в то же время, оставаясь радикально антибуржуазным в своей идее свободных сексуальных связей, мэтр считал американцев образцом ханжества в сексуальных вопросах. По всей видимости, сексуальный реформатор Фрейд представлял Соединенные Штаты воплощением лицемерия, с которым он был обязан бороться.

И совсем не случайно, что самые первые комментарии основателя психоанализа об американцах были сосредоточены именно на их неспособности – как он сие понимал – чувствовать или выражать любовь. За несколько месяцев до посещения Университета Кларка Фрейд писал Ференци, что боится ханжества нового континента. Сразу после возвращения из Соединенных Штатов он сообщил Юнгу, что у американцев нет времени на либидо. От этого обвинения Фрейд никогда не отступал. Он жаловался на строгость американского целомудрия, презрительно говорил о ханжеской и добродетельной Америке. Когда в 1915 году в своем знаменитом письме Джеймсу Джексону Патнему мэтр объявил достойными презрения современные нормы приличия в области секса, он не преминул заметить, что в своем худшем виде эти нормы существуют в Соединенных Штатах. Такая страна обязана либо отвергнуть неудобные и непривычные истины психоанализа, либо принять их в свои объятия. В «Толковании сновидений» Фрейд достаточно откровенно признался, что в жизни ему был необходим не только друг, но и враг. Возможно, в такой регрессивной потребности присутствует след чрезмерного упрощения и откровенной грубости: воин, подобно ребенку, четко делит мир на героев и злодеев, чтобы поддержать боевой дух и оправдать собственную жестокость. Америка, придуманная Зигмундом Фрейдом, служила гигантским коллективным олицетворением врага, который, как он сам сказал, был ему необходим.

После Первой мировой войны у основателя психоанализа имелись собственные причины еще крепче цепляться за эту резкую, черно-белую карикатуру. Ему было противно «работать за доллар»[286]. Эта зависимость уязвляла гордость мэтра, но он не мог найти способ избавиться от нее. В 20-х годах XX столетия американцы умоляли его принять их, и американцы же

приносили твердую валюту, которая была нужна мэтру и которую он якобы презирал. Внутренние конфликты, порожденные этой безвыходной ситуацией, не ослабевали. Уже в 1932-м Фрейд признался Эйтингону: «Моя подозрительность в отношении Америки непобедима». Другими словами, его потребность в американцах росла, а вместе с ней росла враждебность. Если при анализе американцев он показывал в действии человеческую природу, то невольно показывал и свою природу.

Награды и некрологи

В те годы, когда Фрейд работал вместе с Буллитом над исследованием личности Вудро Вильсона, цикл публичного признания и личных горестей ускорился. В конце июля 1930 года мэтру сообщили, что город Франкфурт присвоил ему престижную премию Гёте. Официальное письмо было торжественно подписано мэром Франкфурта. «В строгой естественно-научной манере, – начиналось оно в хвалебном, как и положено, стиле, – и в то же время смело интерпретируя созданные поэтами метафоры, ваше исследование открыло доступ к движущим силам души и тем самым предоставило возможность основательно понять происхождение и структуру многих форм культуры и лечить болезни, ключом к которым врачебное искусство до сих пор не обладало. Впрочем, ваша психология взбудоражила и обогатила не только медицину, но и мир представлений художника и духовника, историографа и воспитателя». Найдя соответствующие случаю метафоры, авторы письма указывали на зачатки психоанализа в очерке Гёте о природе, на мефистофелевскую тягу к срыванию всех завес, на его фаустовскую ненасытность, дополненную благоговением перед таящимися в бессознательном художественно-созидательными силами. В заключение не обошлось без некоторой доли самовосхваления: до сих пор Фрейду, великому ученому, писателю и борцу, было отказано в каких-либо внешних почестях. Это не совсем точно (за долгие годы работы он получил несколько знаков признания), но суть передавалась верно: наградами Зигмунд Фрейд не был избалован. В ноябре 1930 года он еще раз лаконично отметил в своем дневнике: «Определенно не прошел на Нобелевскую премию».

Таким образом, премия Гёте была для него словно луч солнца на хмуром, грозовом небе. Она на короткое время отвлекла внимание от борьбы с болезнями, лишающими возможности работать, и от наблюдений за быстро ухудшающейся обстановкой в мире. Прилагавшиеся к почетной премии 10000 рейхсмарок – около 2500 долларов – стали желанным дополнением к доходам

мэтра. Немного озадаченный, что выбрали именно его, Фрейд считал, что тут сыграл роль любопытный факт: мэр Франкфурта был евреем, хотя и крещеным. Тем не менее основатель психоанализа искренне радовался, что премия носит имя его любимого Гёте. Основанная в 1927 году премия Гёте города Франкфурт уже присуждалась Стефану Георге, знаменитому поэту и культовой фигуре тех лет, Альберту Швейцеру, миссионеру и биографу Баха, а также философу Леопольду Циглеру. Зигмунд Фрейд оказался в хорошей компании. Он написал краткую благодарственную речь и предложил, чтобы на церемонии вручения премии его представляла дочь Анна. Сам он слишком слаб для поездки в Германию, сообщил Фрейд доктору Альфонсу Паке, секретарю попечительского совета премии, но полагал, что собравшиеся ничего при этом не потеряют: «…на мою дочь Анну конечно же приятнее смотреть и приятнее слушать ее, чем меня». Мэтр пересказал Джонсу впечатления дочери – церемония, которая проводилась 28 августа, в день рождения Гёте, была очень торжественной, и люди выражали уважение и симпатию к психоанализу.

Премия подняла настроение Фрейда, но несущественно и ненадолго. Он опасался, что эта приятная и громкая награда привлечет к нему ненужное внимание. «Я убежден, – писал мэтр Эрнесту Джонсу в конце августа, – что этот удивительный эпизод не будет иметь никаких последствий ни для Нобелевской премии, ни для общего отношения к психоанализу в Германии. Наоборот, я буду удивлен, если сопротивление не усилится». Это продолжало беспокоить основателя движения. Две недели спустя он сообщал Джонсу, что зарубежные газеты печатают тревожные сообщения о состоянии его здоровья, и связывал сие с присуждением ему премии Гёте: «Поэтому они торопятся покончить со мной»[287]. Но, несмотря на возможную зависть других, премия Гёте дала Фрейду возможность, которой он особенно обрадовался: мэтр отправил Лу Андреас-Саломе – ей уже было под семьдесят, она часто болела и испытывала финансовые затруднения – 1000 рейхсмарок. В письме он постарался убедить фрау Лу принять их: «Так я могу уменьшить несправедливость, совершенную присуждением мне премии». Тот факт, что он по-прежнему способен чем-то помочь людям, помогал мэтру чувствовать себя нужным и, возможно, даже чуть моложе.

Фрейд нуждался в подобном утешении. Времена дальних поездок явно миновали. Бодрящие путешествия, которые он предпринимал с братом Александром, Ференци, Минной Бернайс и дочерью Анной в солнечный античный мир Средиземноморья,

теперь остались только в воспоминаниях… Чтобы не уезжать далеко от своего хирурга, основатель психоанализа выбирал летние курорты поближе к Вене. Сигара была для него праздником, тайным и редким удовольствием, достойным упоминания. Весной 1930 года Фрейд сообщал Джонсу из Берлина, что у него развилась абсолютная непереносимость сигар. Джонс, прекрасно знавший о вредной привычке мэтра, посочувствовал ему, на что тот через несколько дней ответил письмом, исполненным надежды: «Только вчера я осторожно попробовал первую и, на данный момент, единственную сигару в день». В те месяцы, когда Фрейд работал в городе, он продолжал принимать молодых психоаналитиков, хотя и в меньшем количестве, а доктор Пихлер часто приходил к нему, чтобы проверить, не появились ли новые доброкачественные образования, и выполнял мелкие, но болезненные операции на подозрительных участках. В мае 1930 года, благодаря Лу Андреас-Саломе за трогательное письмо к его семьдесят четвертому дню рождения, мэтр жаловался, что платит высокую цену за то здоровье, которое у него еще осталось: «Я полностью отказался от курения, которое пятьдесят лет служило мне защитой и оружием в борьбе с жизнью. Поэтому я лучше, чем прежде, но не счастливее». Подписался он так: очень старый Фрейд. Это был знак нежности, словно бодрый взмах слегка дрожащей руки.

Тем временем основатель психоанализа продолжал терять близких друзей. Ушли старинные партнеры по тароку, с которыми он играл каждую субботу. Офтальмолог Леопольд Кенигштейн, приятель Фрейда со студенческих лет, умер в 1924-м, Людвиг Розенберг, еще один давний друг из числа врачей, – в 1928-м. За ним, в 1931 году, последовал Оскар Рие. Они принадлежали к тому узкому кругу людей, с кем Фрейд был на «ты». Из тех, кто не был связан с психоанализом, только археолог Эмануэль Леви, увлеченный древностями не меньше мэтра и, конечно, гораздо лучше разбиравшийся в них, продолжал навещать его – они вели долгие беседы.

Время не пощадило и семью. В сентябре 1930-го умерла мать Фрейда – в возрасте 95 лет. Он попрощался с ней в конце августа, в тот самый день, когда на Берггассе, 19, прибыла делегация из Франкфурта с дипломом премии Гёте. Амалия Фрейд до самого конца сохранила энергию, жажду жизни и тщеславие. Ее смерть вызвала мысли, которые основатель психоанализа долгое время гнал от себя. Всего годом раньше, когда скончалась мать Эйтингона, Фрейд в своем письме с соболезнованиями рассуждал,

что утрата матери должна быть чем-то особенным, что нельзя сравнить ни с чем, и вызвать чувства, которые трудно описать. Теперь он переживал и пытался описать именно эти чувства.

«Естественно, невозможно сказать, какое воздействие такое переживание может вызвать в более глубоких областях, – писал мэтр Эрнесту Джонсу, – но на поверхности я могу обнаружить лишь две вещи: возрастание личной свободы, так как меня всегда страшила мысль о том, что она может услышать о моей смерти, и, второе, удовлетворение при мысли, что наконец она достигла избавления, право на которое заработала после такой длинной жизни». Он не испытывает печали, прибавил Фрейд, и не страдает. На похоронах матери основатель психоанализа не присутствовал. Оправдываясь перед братом Александром, он сказал, что чувствует себя не так хорошо, как думают другие, и не любит церемоний. Его представителем была дочь Анна, как и на вручении премии во Франкфурте двумя неделями раньше. «Ее место в моей жизни, – писал мэтр Эрнесту Джонсу, – едва ли можно переоценить». Главным чувством Фрейда в связи со смертью матери было облегчение. Теперь и он мог умереть.

Но жить и страдать – а иногда и радоваться – Фрейду предстояло еще долго. В январе 1931 года Дэвид Форсайт, один из его английских учеников, пользовавшийся уважением мэтра, пригласил его прочитать лекцию о зоологе Томасе Генри Гексли, популяризаторе науки и защитнике теории эволюции (кстати, за свои яркие полемические выступления Гексли получил прозвище Бульдог Дарвина). Мероприятие было престижное, проводилось раз в два года, и Форсайт описывал его как высшую, в пределах нашего понимания, оценку научной работы, которой была посвящена жизнь основателя психоанализа. Он предусмотрительно приложил к письму список ораторов предыдущих лет. Среди них был великий английский хирург Джозеф Листер, прославившийся введением анестезии, и знаменитый русский физиолог Иван Петрович Павлов. Фрейд прекрасно понимал, что значит это приглашение. «Это великая честь, – сообщал он Эйтингону, – и после Р. Вирхова, в 1898 году, такого приглашения не получал ни один немец». Несмотря на все раздражительные и безапелляционные заявления, в душе Фрейд все еще продолжал ассоциировать себя с немецкой культурой. Но, к его великому сожалению, от лекции пришлось отказаться – приглашение опоздало на несколько лет. Он просто уже не мог путешествовать и не мог выступать с лекциями. В конце апреля мэтру пришлось перенести очередную болезненную хирургическую манипуляцию, которая отняла у него много сил – и физических, и психологических. Он чувствовал себя так же, как

в 1923 году, перед серьезной операцией, – его жизнь была под угрозой. «Эта последняя болезнь, – чуть позже признался Фрейд Эрнесту Джонсу, – уничтожила ощущение безопасности, которым я наслаждался последние 8 лет». И еще основатель психоанализа жаловался, что лишился почти всех сил, необходимых для работы. Он был слабым, немощным, не мог разговаривать, писал Фрейд Арнольду Цвейгу. «Не слишком приятные остатки реальности». Мэтр вернулся из больницы только 5 мая, накануне своего семьдесят пятого дня рождения.

На следующий день начались торжества, которых Фрейд изо всех сил старался избежать, но у него ничего не вышло. Они нахлынули на него, писал мэтр Лу Андреас-Саломе, как потоп. Основатель психоанализа мог запретить празднование, но не остановить лавину писем от друзей и незнакомцев, психоаналитиков, психиатров и восхищенных почитателей. Телеграммы приходили от организаций и государственных деятелей, и квартира на Берггассе, 19, была завалена цветами. Немецкий конгресс психотерапевтов представил доклады в его честь, а почитатели в Нью-Йорке организовали праздничный банкет в отеле Ritz-Carlton, где речи произносили Алансон Уайт, А.А. Брилл, а затем такие знаменитости, как Теодор Драйзер и Кларенс Дэрроу. «Мужчины и женщины из числа психоаналитиков, врачей и социологов, – говорилось в телеграмме, отправленной Фрейду присутствующими, – собрались в Нью-Йорке, чтобы отпраздновать 75-летие отважного исследователя, который открыл подводные континенты «Я» и направил по новому пути и науку, и саму жизнь». Об этом дне помнили все – и мэр Франкфурта, и Альфонс Паке, и Ромен Роллан. Особенно теплое письмо прислал Альберт Эйнштейн: каждый вторник он читал Фрейда с одной своей знакомой и не переставал восхищаться красотой и ясностью его произведений. Однако победа идей Фрейда над скепсисом Эйнштейна была неполной. Будучи «толстокожим», отмечал Эйнштейн, он колебался между верой и неверием. Клуб Герцля с благоговением приветствовал Фрейда как «сына нашего народа, чей семьдесят пятый день рождения является днем радости и гордости для всего еврейства», а венские учреждения, такие как клиника психиатрии и неврологии и Ассоциация прикладной психопатологии, прислали ему свои самые теплые поздравления.

Некоторые из этих восхвалений основатель психоанализа принимал равнодушно, а некоторые даже с отвращением. Когда в марте Общество врачей предложило ему почетное членство, мэтр с горечью вспоминал обвинения, которые когда-то предъявлял

ему медицинский истеблишмент. В письме Эйтингону он назвал данное предложение отвратительной, трусливой реакцией на его недавний успех. Фрейд считал, что должен согласиться, ответив холодным благодарственным письмом. Хотя одно поздравление, вероятно, его удивило. Его автором был Давид Фейхтванг, главный раввин Вены, который заявлял, что автор «Будущего одной иллюзии» ему ближе, чем верующие. Без такой близости Зигмунд Фрейд мог бы обойтись.

Постепенно поток поздравлений уменьшился, и основатель психоанализа приступил к горé сообщений, требовавших ответа. Но впереди было еще одно торжество, честь, которую он ценил намного выше, чем юбилей, и которая вызывала у него явную ностальгию. Как гласило отпечатанное приглашение на немного неуклюжем немецком, в воскресенье 25 октября должно было состояться открытие мемориальной доски на доме, где родился профессор доктор Зигмунд Фрейд, в Пршиборе – Фрайберге, Моравия. Разумеется, сам мэтр не смог присутствовать, но численность и состав его делегации – сын Мартин и дочь Анна, брат Александр и верные сторонники Пауль Федерн и Макс Эйтингон – указывают, какое значение он придавал тому событию. Маленький город был украшен флагами, и Анна Фрейд снова, в который раз за эти годы, произнесла речь вместо отца. Письмо, прочитанное ею, было кратким, но выразительным. Зигмунд Фрейд благодарил мэра и всех присутствующих за ту честь, которая ему оказана – при жизни и несмотря на то, что мир все еще не определился относительно ценности его работы. Он покинул Фрайберг трехлетним и вернулся, насколько ему помнится, в шестнадцать, во время школьных каникул. Теперь, в возрасте 75 лет, ему трудно перенестись в те далекие годы, но в одном он уверен: «Глубоко внутри меня, скрытый от всех, все еще живет счастливый ребенок из Фрайберга, первенец молодой матери, получивший свои неизгладимые впечатления от земли и воздуха тех мест».

В день своего 75-летия Фрейд чувствовал себя слишком измученным, чтобы видеть кого-то кроме ближайших родственников. Исключением – возможно, единственным – стал Шандор Ференци, который в это время был в Вене. Мэтр уделил ему около двух минут, что явилось свидетельством особых отношений, которые связывали их более двух десятилетий. Ференци был преданным слушателем Фрейда, не боявшимся полетов его фантазии, и, что еще важнее, автором блестящих работ. Тем не менее уже несколько лет в их отношениях наблюдалось заметное охлаждение. Они никогда не ссорились, но

отличавшая Ференци ненасытная жажда дружеского общения и поддержки, не говоря уж о тлеющей обиде на обожаемого мэтра, давали себя знать. Временами дружба приносила обоим не меньше мучений, чем удовольствия. Анализируемый Фрейдом, Ференци эксплуатировал свою привилегию быть откровенным в беседах и письмах. Основатель психоанализа, со своей стороны, часто выглядел смущенным, а временами раздраженным отцом. В 1922 году Ференци размышлял, немного углубившись в самоанализ, почему не пишет Фрейду чаще: «Не подлежит сомнению, что я также не мог сопротивляться искушению «сделать вам подарок» в виде полной меры чрезмерно нежных и чрезмерно чувствительных эмоций, уместных в отношении моего биологического отца. Стадия, на которой я теперь, похоже, обнаружил себя, – это постоянно откладываемое отвыкание и попытка смириться с судьбой». Он считал, что с этого момента станет более приятным коллегой, чем был в том неудачном путешествии на юг, которое они с Фрейдом предприняли до войны.

На самом деле Ференци так и не смог полностью расстаться с зависимостью от Фрейда или от страха его неминуемого гнева. Ярким симптомом этой двойственности были потоки лести, которую мэтр не любил. «Похоже, вы – как всегда – правы», – характерная фраза, сказанная Ференци в 1915 году. Фрейд пытался защититься от такого обожания, указывая, что Ференци не должен делать из него идола. После войны, жалуясь на то, что не может свести концы с концами, принимая по десять пациентов в день, Ференци неумеренно восхищался неиссякаемым источником энергии мэтра. Ответ Фрейда на это был более резким, чем обычно: «Естественно, мне приятно слышать ваши восторги относительно моей юности и работоспособности, как в последнем письме. Но затем, обратившись к принципу реальности, я понимаю, что это неправда». В конце лета 1923 года в письме из чудесного, по его словам, Рима Ференци вспоминал время, когда они вместе посещали священные места города: «Я считаю те дни одними из самых прекрасных в жизни и с благодарностью думаю, каким несравненным гидом вы для меня были». Ференци не видел, не мог видеть, что Фрейд не был, как однажды выразился сам мэтр, сверхчеловеком психоанализа и хотел быть не гидом, а другом.

Комплименты Ференци были неприятны Фрейду, но еще большее недоумение вызывало его периодическое молчание. Однажды, в самом начале их дружбы, во время одного из таких периодов основатель психоанализа отправил Ференци письмо, в котором между приветствием и подписью стояли только

вопросительные знаки. Это был предупреждающий жест, который мэтр мог повторить не раз. Следует отметить, что иногда вина лежала на самом Фрейде. «Наша переписка, некогда столь оживленная, в последние несколько лет угасла, – писал он Ференци в 1922 году. – Вы пишете редко, а я отвечаю еще реже». Но обычно молчал Ференци. В конце июня 1927-го по возвращении из Соединенных Штатов он посетил Лондон, но не заехал в Вену, и Фрейд выражал по этому поводу смешанные чувства. «То, что он не торопится меня увидеть, – писал мэтр Эйтингону, – это неприятно. Но мне трудно угодить. Очевидно, требуются некоторые усилия по раскрепощению». Но сохранить беспристрастность чистого анализа Фрейд все-таки не смог. «Когда вы станете достаточно старыми, – прибавил он с явной досадой, – то в конце концов обнаружите, что все против вас». Эйтингону тоже многое не нравилось. «Должен признаться, – писал он, – что после моей встречи с Ф[еренци] здесь в Берлине я был и остаюсь в сильной тревоге». В декабре основатель психоанализа прямо заявил Ференци о своем беспокойстве. «Дорогой друг, – писал он. – Что означает ваше молчание? Надеюсь, вы не заболели. Пришлите весточку до Рождества».

Но Ференци не менялся. Страдая, он продолжал метаться от многоречивости к холодности. Так, 8 августа 1927 года Фрейд сообщал Эйтингону: «Теперь наша переписка оживилась», – а уже через две недели все снова вернулось на круги своя. «Переписка с Ф[еренци] опять внезапно прервалась. Откровенного говоря, – признавался Фрейд, – я его не совсем понимаю». Одна вещь, которую в конце концов понял мэтр или, по крайней мере, думал, что понял, – его поразительные инновации в технике психоанализа, которые Фрейд сначала приветствовал, а затем критиковал, были не просто профессиональными поисками, а выражением внутренней неудовлетворенности.

Ференци предоставил массу свидетельств в доказательство этого умозрительного диагноза. В 1925 году в типичном для себя письме он сообщал Фрейду: «Относительно своего здоровья я не могу (даже при всем желании) сказать ничего плохого». Как будто он хотел заболеть… В начале 1930-го Ференци написал Фрейду длинное письмо с жалобами на неприятные симптомы, в том числе на страх преждевременно состариться. В ноябре этого же года мэтр сообщал, что у него нет новостей от Ференци и он боится, что тот, «несмотря на все наши усилия, все больше и больше изолирует себя». Сам Ференци полностью осознавал свое состояние. «Вы прекрасно представляете, – писал он Фрейду в середине сентября 1931 года, – как трудно начать снова после такой длительной паузы. Но на протяжении вашей жизни, –

умолял он, смешивая желания с надеждами, – вы сталкивались с таким количеством человеческих проявлений, что поймете и простите такое состояние, как погружение в себя». Он занят, объяснял Ференци Фрейду, довольно трудной внутренней и внешней научной работой очищения, которая пока не дала определенных результатов. Основатель психоанализа, обрадовавшись любой весточке от Ференци, ответил без промедления. «Наконец вы снова подали признак жизни и любви! – с теплотой восклицал он. – После такого долгого молчания!» Фрейд честно признался Ференци, что у него «не было сомнения, что вы, с учетом этих перерывов в общении, все больше отдаляетесь от меня. Я говорю и надеюсь: это не разрыв». Однако ответственность за поведение Ференци он на себя не брал: «Вы сами свидетельствуете, что я всегда уважал вашу независимость». Но такая независимость, намекал он, не должна достигаться ценой прекращения отношений.

После многих лет доброжелательных наблюдений Фрейд пришел к выводу об опасности инноваций Ференци и решил, что необходимо подчеркнуть их значение для техники психоанализа – в отличие от симптоматики. В конце концов, Ференци был давним и уважаемым членом международного психоаналитического движения, влиятельным, оригинальным и плодовитым автором. «Похоже, между пациентом-учеником и врачом-учителем обычно устанавливаются интересные симбиотические отношения, – писал Ференци Фрейду еще летом 1922-го. – Я, например, беру своих с собой в Баден-Баден». В конце 20-х годов он пошел значительно дальше этого относительно невинного подхода к переносу пациента. Ференци до конца не раскрывал Фрейду, что он делает во время сеансов, но от его пациентов, например от Клары Томпсон, мэтр узнал, насколько активно их аналитик любил своих пациентов и позволял им любить себя.

Наконец в конце 1931 года усиливающееся недовольство Фрейда в отношении экспериментов с нежными чувствами пациентов победило уважение к независимости Ференци, о котором он так часто заявлял. «Мне было очень приятно, как и всегда, получить от вас письмо, хотя о его содержании я не могу сказать того же самого», – строго выговаривал основатель психоанализа в четырехстраничном послании, посвященном единственному предмету – психоаналитической технике Ференци. Мэтр считал маловероятным, что тот изменит мнение относительно своих новшеств, однако сам полагал, что дорога, на которую ступил Ференци, не является правильной. Он не ханжа, заверял Фрейд, и не связан буржуазными условностями, но поведение Ференци с пациентами представляется ему путем к

катастрофе. «Вы не скрывали от меня тот факт, что целуете своих пациентов и позволяете им целовать себя». Конечно, поцелуй можно рассматривать как ничего не значащий. В Советском Союзе, например, люди спокойно относятся к такого рода приветствию. Но это не отменяет тот факт, что мы живем не в России и у нас поцелуй означает несомненную эротическую близость. Общепризнанные правила психоанализа в этом отношении были тверды и недвусмысленны: пациентам следует отказывать в чувственном удовлетворении. «Материнская нежность» Ференци нарушала это правило. Фрейд полагал, что у того есть выбор: либо он прекращает подобную практику, либо публикует ее, причем второй вариант поощрит сторонников крайних взглядов перейти от поцелуев к более интимным ласкам. «Теперь представьте себе, каким будет результат опубликования вами своей техники». Если Ференци нравится брать на себя роль нежной матери, то он, Фрейд, изображая «жестокого отца», может лишь предупредить его, но боится, что предупреждение окажется тщетным, поскольку Ференци, похоже, склонен идти своей дорогой. «Потребность в явной независимости, как мне кажется, в вас сильнее, нежели вы это осознаете». По крайней мере, пишет в заключение Фрейд, свой отцовский долг он исполнил.

Ференци ответил не сразу, но в примирительном тоне. «Ваши опасения, что я превращаюсь во второго Штекеля, мне кажутся необоснованными». Техника, которую он разработал в начале 20-х годов, так называемая активная терапия, нацеленная на ускорение анализа, теперь казалась ему излишне аскетической, и он попытался сделать относительной жесткость запретов и уклонений во время сеанса психотерапии, создавая атмосферу, которая была спокойной, лишенной страстей. Ференци заключил, что, преодолев боль, вызванную строгим выговором мэтра, он надеется, что разные точки зрения не будут препятствовать их дружескому личному и научному согласию.

В начале января 1932 года Ференци начал вести, как он его сам называл, клинический дневник – важное личное наглядное собрание психоаналитических эпизодов, размышлений о теории и технике анализа, а также ремарок о Фрейде, одновременно проницательных и неуважительных. Этот дневник объемом почти 200 страниц, в котором Ференци делал записи до конца лета, представляет собой довольно слабую, местами излишне эмоциональную попытку честного изложения событий и самоанализа. Он продолжал свою мучительную дискуссию с Фрейдом другими средствами, пытаясь самому себе прояснить процедуры и понять свое место и звание в армии основателя психоанализа. Бо2льшая часть того, что написал Ференци, не

стала бы для мэтра сюрпризом, но многое испугало бы даже его.

Дневник Ференци открывается заявлением о нечувствительности аналитика, придерживающегося классических методов, о его манерном приветствии, формальной просьбе говорить все, о его так называемом свободно плавающем внимании. Все это притворство. Оно оскорбляет пациента, снижает качество коммуникации и заставляет сомневаться в реальности своих чувств. Аналитический подход, который предложил Ференци и который он будет раз за разом использовать в последующие месяцы, наоборот, основывался на естественности и искренности психоаналитика. Такое отношение, которое Ференци культивировал на протяжении многих лет, позволяло ему выражать «сильную эмпатию» к пациентам, легко преодолевая все проблемы, порождаемые подобным дружелюбием. Он отмечал – упреки Фрейда имели под собой основания, – что некоторые из пациенток целовали его. Это действие Ференци не запрещал и затем анализировал с полным, по его словам, отсутствием аффекта. Однако… «в некоторых случаях страдания других и мои собственные выжимают слезы из моих глаз». Такие «эмоциональные» моменты, настаивал он, не следует скрывать от пациентов. В практике Ференци не осталось ничего от холодного, бесстрастного аналитика – хирурга души, – о котором Фрейд так убедительно писал перед Первой мировой войной, несмотря на то что сам мэтр проявлял больше эмоций, чем предполагали его суровые метафоры.

Клинический дневник Ференци содержит массу свидетельств, что он стремился превратить пациентов в полноправных партнеров. Он рекомендовал и применял так называемый взаимный анализ. Когда пациент заявлял о праве анализировать его, Ференци признавал существование у себя бессознательного и даже доходил до того, что раскрывал пришедшему к нему человеку подробности своего прошлого. Следует отметить, что сама процедура вызывала у него некоторую неловкость: пациенту не шло на пользу, если он узнавал, что другой пациент анализирует Ференци, или если психоаналитик рассказывал о себе больше, чем мог воспринять пациент. Однако он полагал, что смиренное признание перед пациентом своей слабости, своего травмирующего опыта и разочарований в конечном счете уничтожит у страдающего человека чувство подчиненности и отстраненности в отношении аналитика. «Фактически мы даруем пациентам удовольствие оттого, что они способны помочь нам и стать на какое-то время нашими аналитиками, что должным образом поднимает их самооценку».

Энергичное отрицание традиционной методики психоанализа

по природе своей было глубже, чем просто вопрос техники. Страстное стремление Ференци к гармонии чувств, в буквальном смысле слова к слиянию с пациентами, являлось неотъемлемой частью мистического ощущения единства с природой, своего рода доморощенного пантеизма. Фрейд писал, что психоанализ нанес высокомерному, склонному к нарциссизму человечеству третий удар: Коперник изгнал его из центра Вселенной, Дарвин заставил признать родство с животными, а он, Фрейд, показал, что разум не является хозяином в собственном доме. «Возможно, – дополнил Ференци это знаменитое высказывание, – нас ждет четвертая «нарциссическая травма»: даже разум, которым мы, психоаналитики, так гордимся, вовсе не наша собственность, а должен восстанавливаться или регенерировать посредством ритмических эманаций «Я» в природу, которая одна лишь является всемогущей – и значит, разумной». Шандор Ференци излагал подобные размышления с некоторой осторожностью, но явно гордился ими. «Смелые предположения, касающиеся контакта индивидуума со всей природой, следует рассматривать не просто с той точки зрения, что это всезнание наделяет индивидуума особыми качествами, но (и это, возможно, самое парадоксальное из всего, что когда-либо было сказано) что такой контакт также оказывает очеловечивающее влияние на всю природу». Его «утопия» была «устранением импульсов ненависти, концом кровавой, мстительной череды жестокостей, постепенным приручением всей природы через понимание». Будущее психоанализа, предполагал Ференци, может помочь в достижении этой в высшей степени желанной цели: наступит время, когда все эгоистичные импульсы в мире, которые идут через мозг человека, будут обузданы. Ференци прекрасно понимал, что уходит с наезженной колеи. Строя свои теории, он признавался Георгу Гроддеку, с которым подружился, что его «научное» воображение – показательны ироничные кавычки вокруг слова «научное» – иногда побуждало уходить за пределы бессознательного к так называемому метафизическому.

Эта запутанная, отвлеченная метафизика никоим образом не повлияла на критическое мышление Ференци. Доверившись только своему дневнику, он анализировал некоторые слабости Фрейда с проницательностью, одновременно обострявшейся и искажавшейся давними и тщательно скрывавшимися обидами. Он представлял себя человеком, которого основатель психоанализа «буквально усыновил, вопреки формальным правилам, которые сам же установил». Ференци вспоминал слова мэтра, говорившего, что он, Шандор, был самым подходящим наследником его идей[288]. Но независимо от того, кому

предстояло стать наследником, Ференци или Юнгу, Фрейд, похоже, был убежден, что после того, как «сын» будет готов занять отцовское место, «отец» должен умереть. Поэтому, считал Ференци, основатель психоанализа не может позволить своим «сыновьям» повзрослеть, но, как свидетельствуют его истерические приступы, сам он был обречен на регресс в детство – Ференци называл детской обидой чувство, которое испытывал мэтр, когда «подавлял свое американское тщеславие». Развивая эту мысль, Ференци предложил оригинальное толкование антиамериканизма Фрейда: «Возможно, его презрение к американцам есть реакция на собственную слабость, которую он не мог скрыть от нас и от себя: «Как я могу радоваться американским почестям, если я так презираю американцев»?»

Страх смерти у основателя их движения, утверждал Ференци, демонстрировал, что Фрейд-сын желал смерти своему отцу. И это побудило его к созданию теории эдипова комплекса, отцеубийства. Шандор Ференци был убежден, что на самом деле сосредоточенность мэтра на отношениях отца и сына подталкивала к преувеличениям. Вне всяких сомнений, Ференци – по собственному признанию, обожавший Фрейда, становившийся в его присутствии косноязычным, неохотно противоречивший ему, переполненный фантазиями о «наследном принце» – мог иметь свой, особый взгляд на такие отношения. И все же Ференци был в чем-то прав. Подобная сосредоточенность, утверждал он, придала сексуальной теории Фрейда «одностороннее андрофильное направление», заставила его пожертвовать интересами женщины в пользу мужчины, а также идеализировать мать. Ференци предположил, что наблюдение за откровенной сценой могло сделать Фрейда относительно импотентным. Желание сына «кастрации отца, мощное, являющееся реакцией на перенесенное унижение, ведет к созданию теории, в которой отец кастрирует сына». Сам Ференци, как свидетельствуют другие пассажи из его клинического дневника, работал над пересмотром теории основателя психоанализа об эдиповом комплексе. Он не сомневался в существовании инфантильной сексуальности, но был убежден, что взрослые – как правило, родители – слишком часто искусственно стимулируют ее, нередко своими «развратными действиями в отношении детей».

Ференци осознавал свое рабское преклонение перед Фрейдом. Не осмеливаясь открыто противостоять ему, он впадал в крайности в собственных экспериментах по технике лечения. Но теперь он был исполнен «человечности и естественности», а также доброй воли, чтобы «работать ради знания, то есть как

помощник». Однако в этом безжалостном самоанализе Ференци не оставляет сомнений, что, ставя себя ниже мэтра, втайне мечтая оказаться его «великим визирем», он в конечном счете приходит к неутешительному выводу, что Фрейд «никого не любит, только себя и свою работу». Следствием этого является амбивалентность. Только освободив свое либидо от основателя психоанализа, заключил Ференци, он осмелился приступить к революционным инновациям техники – таким как «активность, пассивность, эластичность, возвращение к травме (Брейер)» в качестве причины неврозов. Самоанализ Ференци был пропитан горечью, однако он обманывал себя. Несмотря на все свои старания, Шандор Ференци все равно остался «сыном» Фрейда – одаренным богатым воображением, непослушным, страдающим.

Неудивительно, что все попытки Ференци минимизировать свои разногласия с Фрейдом, а также усилия мэтра удержать споры на научном уровне не помешали основателю психоанализа воспринимать клинические методы «сына» как скрытый, но совершенно определенный бунт против него – против отца. Долгие перерывы между письмами Ференци были слишком красноречивыми, чтобы их игнорировать. «Разве Ференци крест, который нужно нести? – спрашивал Фрейд Эйтингона весной 1932 года. – Опять от него несколько месяцев нет новостей. Он обиделся, потому что мы не очарованы его играми в мать и дитя со своими ученицами». В конце лета он более подробно выразил свое беспокойство по поводу Ференци в письме к Джонсу: «Вот уже три года я наблюдаю за его усиливающейся враждебностью, за его невосприимчивостью к предупреждениям, что он ступил на неверный технический путь, и что самое главное, за его личной неприязнью ко мне, к которой я определенно давал меньше поводов, чем в других случаях». Это был тревожный признак: Фрейд в частном порядке сравнивал Ференци с другими отступниками. Как и со всеми остальными, особенно с Юнгом, он теперь воспринимал враждебность Ференци как желание его, учителя, смерти. Возможно, Ференци так себя ведет потому, что «…я еще здесь». Скорее всего, предсказывал Фрейд летом 1932 года, он пойдет по пути Ранка. И эта перспектива мэтра явно не радовала.

Разногласия между ними усугубляли и другие спорные вопросы, которых было немало в те неспокойные дни. Ференци хотел стать президентом Международной психоаналитической ассоциации – он заслужил этот пост годами преданности делу и упорного труда. Фрейд же признался в своих сомнениях: почетная должность, заявил он Ференци, может «принудительно» излечить

его от изоляции и технических отступлений от правил. Но от Ференци потребуется покинуть «остров мечты, на котором вы живете со своими воображаемыми детьми» и снова присоединиться к остальному миру, а это, указывал Фрейд, будет трудно. Ференци возражал против такой оценки: мэтр не должен использовать его выражения – «жизнь мечты», «грезы», «кризис пубертатного периода» – как свидетельства того, что из его «относительной путаницы» ничего полезного может не получиться. Это было в мае 1932 года. В середине августа Ференци решил, «после долгих мучительных колебаний», снять свою кандидатуру. Он сказал Фрейду, что слишком глубоко погружен в переосмысление своих клинических процедур и поэтому соглашаться на пост президента было бы абсолютно нечестно.

Фрейд, вернувшийся в водоворот психоаналитической политики, попытался смягчить ситуацию. Он заявил, что сожалеет о решении Ференци, и отказывался соглашаться с его доводами. Однако, заключил мэтр, Ференци лучше знает, как поступить. Две недели спустя, после того как президентом Международной психоаналитической ассоциации избрали Эрнеста Джонса, Фрейд писал ему уже совсем в другом тоне: «Мне очень жаль, что явное желание Ференци не получило удовлетворения, но я ни на секунду не сомневался, что только вы можете быть назначены руководителем». Хотя это заявление нельзя считать до конца откровенным – у Фрейда имелись свои опасения относительно Джонса, – оно все-таки отражает истинное мнение мэтра. Его скепсис по поводу Ференци не был ни новым, ни неожиданным. «Поворот Ференци, без сомнения, самое прискорбное событие», – отмечал он. Однако этот процесс идет, по его мнению, уже три года. Но Фрейд ошибался – все началось гораздо раньше.

«Поворот» Ференци включал возврат к тому, от чего основатель психоанализа отказался несколько десятилетий назад, – к теории совращения. Пациенты снабдили Ференци свидетельствами совращения и изнасилования в детстве, причем не придуманными, а реальными, и он намеревался исследовать эти откровения в докладе, который готовил для международного конгресса в Висбадене. 30 августа Ференци нанес визит Фрейду и настоял на том, что прочитает доклад ему. Конечно, бо2льшая часть услышанного не стала для мэтра новостью, но он был потрясен – как поведением Ференци, так и сутью его замечаний. Три дня спустя Фрейд отправил Эйтингону телеграмму с кратким вердиктом: «Ференци прочел доклад вслух. Безвредный, глупый и неадекватный. Впечатление неприятное».

Насколько оно было неприятным, становится ясно из

длинного письма, которое Фрейд отправил дочери Анне 3 сентября, когда впечатления от встречи с Ференци оставались еще свежими. Супруги Ференци пришли к вечеру. «Она, как всегда, очаровательна; от него веет ледяным холодом. Не задав ни одного вопроса и не сказав ни слова приветствия, он приступил к делу: я хочу прочесть вам свой доклад. Так он и сделал, а я слушал, потрясенный. Он полностью вернулся к этиологическим взглядам, которых я придерживался и от которых отказался 35 лет назад: что основной причиной неврозов служат детские сексуальные травмы, – и выражал это буквально теми же словами, что и я тогда». Ференци, отметил Фрейд, ничего не сказал о технике, с помощью которой собрал этот материал. Если бы у мэтра был доступ к клиническому журналу Ференци, он увидел бы, что тот принимал на веру слова пациентов – как и сам Фрейд в середине 90-х годов XIX столетия. «Во время чтения, – продолжал основатель психоанализа, – Ференци предложил замечания относительно враждебности пациентов и необходимости принимать их критику и признавать *перед* ними собственные ошибки». Конечно, это была техника взаимного анализа, с которым Ференци уже некоторое время экспериментировал с усиливающейся страстью.

Фрейд был действительно потрясен. Доклад Ференци, писал он Анне, был путаным, туманным, искусственным. Примерно на середине доклада пришел Брилл, выяснил, что он пропустил, стал слушать дальше вместе с мэтром и прошептал ему: «Он неискренен». К такому же выводу, к своему глубокому сожалению, пришел и Фрейд. Мэтр вытянул у Ференци – как тот сам выразился – неуверенные, противоречивые комментарии по поводу отступлений от классической формулировки эдипова комплекса, спросил, как удалось получить от пациентов сведения, недоступные другим аналитикам, а также поинтересовался, почему он настаивал на том, чтобы прочитать доклад вслух. «Он хочет стать президентом», – сделал заключение Фрейд. Доклад, полагал он, мог только повредить репутации Ференци, изменив настроение конгресса. «То же самое, что с Ранком, только гораздо печальнее». В конце августа он уже говорил об этом Эйтингону. Конечно, последний полет фантазии Ференци не мог удивить ни Фрейда, ни его дочь. «В конце концов, – отмечал мэтр в своем письме Анне, – ты уже слышала часть этого доклада и можешь судить о нем сама». Основатель психоанализа и его сторонники усиленно отговаривали Ференци от чтения доклада на конференции, но тот настаивал. Он приехал в Висбаден, выступил с докладом и увидел его опубликованным в журнале Internationale Zeitschrift, хотя и без перевода на английский язык в

International Journal of Psychoanalysis. Язвительные замечания относительно содержания доклада и попыток предотвратить его публичное чтение не умолкали довольно долго. Все это должно было сильно расстраивать Фрейда, напоминая письма от вдовы Флисса больше четырех лет назад: сие было возрождение старой, мучительной истории, от которой, как считал мэтр, он избавился раз и навсегда.

Вне всяких сомнений, основатель психоанализа понимал, что все симптомы Ференци были невротическими посланиями от «рассерженного сына». «К сожалению, – писал он Эрнесту Джонсу в середине сентября 1932 года, – складывается впечатление, что за его регрессивным интеллектуальным и эмоциональным развитием стоит физический распад. Его мудрая жена сказала мне, что я должен думать о нем как о больном ребенке». Месяц спустя он сообщил Эйтингону, что врач диагностировал у Ференци злокачественную анемию. Фрейда очень беспокоило физическое и душевное состояние пылкого и некогда высоко ценимого друга, и он не хотел ускорять разрыв. В декабре мэтр, вероятно, с удовольствием отвлекся, переключившись с путаницы с выборами президента на давние признания. Он прочитал только что опубликованное исследование французского сюрреалиста Андре Бретона «Сообщающиеся сосуды», в котором тот отметил – справедливо, – что, анализируя собственные сны, Зигмунд Фрейд отбрасывал сексуальные мотивы, которые нашел в сновидениях других. Мэтр немедленно отверг обвинение и заявил, что полное изложение его снов потребует неуместных откровений об отношении к отцу. Бретон с этим оправданием не согласился, и их переписка угасла.

В любом случае ничто не могло надолго отвлечь Фрейда от Ференци. В январе 1933 года, отвечая на сердечное новогоднее поздравление Шандора, он вспоминал нежную общность жизни, чувств и интересов, которая некогда их объединяла, общность, теперь нарушенную какой-то психологической катастрофой. Затем письма из Будапешта перестали приходить – Ференци боролся с болезнью. В конце марта мэтр получил примирительное и самокритичное послание. Ференци обещал покончить с «детской обидой» и сообщал, что злокачественная анемия вернулась и он медленно восстанавливается после чего-то вроде нервного срыва. Встревоженный, Фрейд ответил в заботливом, отеческом тоне. Он призывал Ференци, уже безнадежно больного, получше следить за собой. Бурное обсуждение расхождений в вопросах теории и техники может подождать. Это было последнее письмо Фрейда к старому другу. На следующий день он сообщил Эйтингону, что у Ференци «сильный приступ бреда», хотя он,

кажется, пошел на поправку. Но улучшение оказалось обманчивым. Шандор Ференци диктовал свое письмо 9 апреля, а 4 мая отправил весточку Фрейду со своей женой Гизелой. 22 мая он умер.

Несколько дней спустя в своем необычном ответе на соболезнования Эрнеста Джонса мэтр смешал скорбь и анализ, причем анализ стоял на первом месте. «Наша потеря, – писал он, – велика и тяжела». Ференци унес с собой часть старого времени, а остальная часть исчезнет после того, как сцену покинет и он, Фрейд. Но потеря, прибавил мэтр, «на самом деле не нова. Уже много лет Ференци был не с нами, и на самом деле даже не с самим собой. Теперь можно яснее увидеть медленный процесс разрушения, жертвой которого он стал. Его органическим проявлением стала злокачественная анемия, которая вскоре дополнилась серьезными нарушениями моторики». Лечение дало лишь ограниченный эффект. «В последние недели он совсем не мог ходить или стоять. Одновременно с необъяснимой логической последовательностью развивалась психическая дегенерация, которая приняла форму паранойи». Последняя была неизменно направлена на него – учителя. «Ее основой была убежденность, что я недостаточно его любил, не хотел оценить его работу и что я плохо выполнил его анализ». Это, в свою очередь, объясняло печально известные клинические эксперименты Ференци. Как уже на протяжении нескольких лет говорил он, Фрейд, «технические инновации» Шандора были связаны с его чувствами к нему, учителю. «Он хотел показать мне, с какой любовью следует относиться к пациентам, если хочешь им помочь. На самом деле это была регрессия к детским комплексам, когда самой большой травмой для него стал тот факт, что мать, как ни странно, не любила его, среднего сына из 11 или 13 детей. И поэтому он сам стал лучшей матерью и нашел детей, в которых нуждался». Одна из бредовых идей Шандора заключалась в том, что его американская пациентка, которой он посвящал четыре или пять часов в день, по возвращении в Соединенные Штаты влияла на него через океан посредством душевных вибраций и этим спасла его[289]. «Таким образом, он играл обе роли, матери и ребенка». Рассказы пациентки о детских травмах Ференци принимал за чистую монету. Именно в таких «аберрациях», печально заключил Фрейд, погиб его некогда блестящий ум. «Но, – закончил он призывом к сдержанности, – пусть этот печальный конец останется нашей тайной»[290].

Со смертью Ференци освободился пост вице-президента

Международной психоаналитической ассоциации, и Фрейд предложил кандидатуру Мари Бонапарт, не «только потому, что она может представить себя в выгодном свете», но и потому, что «она человек исключительного ума, мужской работоспособности, написала превосходные работы, всецело предана нашему делу и, как нам хорошо известно, может оказать материальную поддержку. Теперь ей исполнится 50 лет, и она, наверное, будет постепенно отходить от личных интересов и погружаться в аналитическую работу. Мне нет нужды говорить о том, что она одна поддерживает единство ф[ранцузской] группы». Более того, Мари не имеет медицинского образования, и приглашение непрофессионала на такой высокий пост будет «недвусмысленной демонстрацией против неуместной заносчивости врачей, которые хотят забыть, что психоанализ все-таки не является частью психиатрии».

Это письмо к Джонсу читается как небольшой манифест старого человека, бросающего вызов судьбе. За последние 10 лет Фрейду пришлось пережить ужасные потери: ушли его дочь Софи, внук Хейнеле, партнеры по игре в тарок и последователи из числа психоаналитиков, от Абрахама до Ференци, а также – хотя и в другом смысле – Ранк. Сам он страдал от рака. Мир сходит с ума, но это не причина, чтобы перестать анализировать. И не причина отказываться от такого убежища, как язвительный юмор. Фрейд напоминал увязшую в клее птицу из знаменитого стихотворения Вильгельма Буша, поэта-юмориста и иллюстратора, которого он так любил цитировать. Птица тщетно пытается освободиться, а черный кот, предвкушающий легкую добычу, подкрадывается все ближе. Видя, что конец неизбежен, птица решает в последние секунды жизни петь и веселиться. «У птички юмор, видно, есть», – резюмирует Буш. Да уж, Der Vogel, scheint mir, hat Humor. Как есть юмор и у Фрейда, хотя он все чаще сомневался, стоит ли тратить на это силы.

Глава двенадцатая
Умереть на свободе

Политика катастрофы

По сравнению с событиями в мире, омрачившими последние годы жизни Зигмунда Фрейда, его самые мрачные представления о природе человека бледнеют. «Сверхлегкомысленно говорить что-либо об общем положении в мире, – писал он Джонсу в апреле 1932 года. – Возможно, мы просто-напросто повторяем смешной акт спасения клетки для птиц, когда весь дом охвачен пламенем». Пациентов у мэтра было мало, и всю весну и лето он провел в работе над «Новым циклом лекций по введению в психоанализ». Несмотря на политическую неразбериху, 20-е годы прошлого столетия, особенно середина десятилетия, радовали перспективами восстановления. Но перспективы эти оказались обманчивыми или по меньшей мере хрупкими и эфемерными… Великая депрессия, разразившаяся в 1929-м, изменила все.

Одним из самых катастрофических последствий экономической депрессии стал стремительный взлет Национал-социалистической немецкой рабочей партии. На выборах в рейхстаг в 1928 году ей пришлось довольствоваться 12 местами, а в сентябре 1930-го партия Гитлера вышла в первые ряды, получив 107 мест и уступив только социал-демократам. Случившееся объяснялось просто: новые избиратели Германии, а также электорат, разочаровавшийся в партиях среднего класса, парализованных растущей безработицей, разорением банков, банкротствами предприятий, не говоря уж о противоречивых рецептах спасения, ринулись под знамена Гитлера. Веймарская республика протянула до января 1933 года, но после выборов 1930-го во главе ее стоял Генрих Брюнинг, католик и консерватор, управлявший страной с помощью чрезвычайных указов – Nothverordnungen. На Германию надвигалась волна тоталитаризма.

Краткая и в конечном счете трагичная история Веймарской республики свидетельствует о том, сколько «горючего», готового вспыхнуть в любой момент, накопилось в стране после Первой мировой войны. Спичку поднесла депрессия, гораздо более разрушительная, чем характерные для капитализма циклы деловой активности. Фондовый рынок в Нью-Йорке обвалился 29 октября 1929 года, но «черный вторник» был скорее ярким симптомом глубокой разбалансированности экономики, чем ее

причиной. Биржевой крах быстро отразился на уязвимых экономиках Европы, в значительной степени зависевших от американского капитала и американских клиентов. Запретительные тарифы, которые в 1930-м ввел конгресс США, наряду с негибкостью американцев в вопросе возврата военных долгов были признаком того, что слабым финансовым структурам стран Старого Света не стоит ждать помощи из-за океана. Когда в июле 1931 года президент Гувер предложил объявить мораторий на выплату военных долгов, было уже поздно. Пока неумелые и злобные политики спорили, инвесторы лишились капиталов, а миллионы простых людей – сбережений. При виде этой катастрофы испытывать вдохновение могли только такие индивидуумы, как Уильям Буллит.

В этой всемирной беде австрийцам было не легче, чем остальным, – даже тяжелее, чем большинству. Под влиянием политических волнений и экономических трудностей они не стали ждать краха фондовой биржи и банков, чтобы перейти к кровавым столкновениям. 15 июля 1927 года в Вене разгорелись ожесточенные сражения между демонстрантами и полицией. Несколько убийц из числа крайне правых, вне всяких сомнений виновные в политических преступлениях, были оправданы сочувственно настроенными присяжными, и это явное попрание правосудия вывело социал-демократов на улицы. Результаты того дня: 89 убитых и приведшее к трагическим последствиям ослабление умеренного крыла Социал-демократической партии. «Это лето стало настоящей катастрофой, – писал Фрейд Ференци с курорта Земмеринг, – словно в небе появилась большая комета. Теперь мы слышим о восстании в Вене, но почти отрезаны от города, и у нас нет более подробной информации, что там происходит и к чему это приведет. Это свинство».

Вряд ли основатель психоанализа мог бы подобрать более удачное выражение. «Ничего не случилось», – заверял он своего племянника из Манчестера две недели спустя, имея в виду, что ничего плохого не случилось с ним и с его семьей. Однако, прибавил Фрейд, социальное и финансовое положение в Вене плохое. Когда через несколько лет австрийские последователи Гитлера начали заимствовать террористическую тактику немецких нацистов, крах республиканских институтов стал лишь вопросом времени. «Общее положение, – информировал мэтр племянника Сэмюеля в конце 1930 года, – в Австрии особенно печальное».

В начале 1931-го вето Франции, Италии и других держав не позволило принять предложение Австрии о таможенном союзе с

Германией. Это решение, осенью подтвержденное Международным судом, стало для австрийцев следующим шагом к катастрофе. В мае того же года Creditanstalt, самый крупный коммерческий банк Вены, имевший прочные связи с банками других стран, был вынужден объявить о несостоятельности. От краха его спасло вмешательство властей, но утрата доверия, а также активов Creditanstalt отразилась на экономике соседних стран, которые были объединены в общую систему, как альпинисты в связке. «Положение в обществе, как тебе, наверное, известно, – писал Фрейд племяннику в декабре 1931 года, – меняется от плохого к еще худшему».

Основатель психоанализа не мог полностью оградить себя от этих тревожных событий, но от экономических трудностей его защищал стабильный доход, бо2льшую часть которого обеспечивали иностранные ученики, плативше в твердой валюте. Впрочем, так повезло не всем членам его семьи. «Все три моих сына работают», – отмечал Фрейд в 1931-м, но тут же добавлял, что зятья лишились заработка. «Бизнес Роберта [Холличера] не приносит ни пенни, а Макс [Хальберштадт] из последних сил борется с коллапсом гамбургской жизни. Они живут на деньги, которые я им даю». К счастью, Зигмунд Фрейд мог себе это позволить. Он уже не работал полный день, но высокий гонорар, 25 долларов за час психоанализа, позволял не только поддерживать большую семью, но и немного откладывать[291].

В конце 1931 года Великобритания отказалась от золотого стандарта, американские банки закрывались один за другим, безработица повсеместно выросла до угрожающих размеров. В 1931-м в Германии работы не имели больше пяти с половиной миллионов человек, а в Британии почти три миллиона. Бесстрастные цифры индекса промышленного производства говорят сами за себя: если индекс 1929 года принять за 100, то в 1932-м он снизился в Британии до 84, в Италии до 67, а в Соединенных Штатах и Германии до 53. В человеческом измерении цену подсчитать было невозможно. Личные трагедии – крах успешных карьер, внезапная бедность (образованные люди продавали на перекрестках шнурки или яблоки) – стали обычным делом. Во дворах многоквартирных домов в Германии бродяги, выпрашивавшие несколько пфеннигов, тянули жалобные песенки о безработице – Arbeitslosigkeit. А в Америке сладкоголосый Бинг Кросби пел горькие слова: «Братец, не одолжишь десять центов?» В октябре 1932 года эта печальная песня на слова Йипа Харбурга вошла в десятку самых популярных – совершенно очевидно, она выражала то, что волновало всех. Политические последствия

были вполне предсказуемыми: экономические беды стали причиной отчаянного поиска панацеи. Наступило время продавцов лекарства от всех болезней. Процветали велеречивые ораторы, а разумные центристы лишились поддержки.

В Австрии дела обстояли не лучше. Высокий уровень безработицы был привычным для страны. С 1923 года почти 10 процентов трудоспособного населения не имели работы. За этой средней цифрой скрывается суровая действительность: в отдельных отраслях австрийской экономики, таких как металлообработка, место искали трое из десяти специалистов. К тому времени, когда едва не обанкротился Creditanstalt, австрийцы вспоминали сию статистику с некоторой завистью, поскольку безработица взлетела до невиданных высот. В 1932 году почти 470 тысяч человек, около 22 процентов трудоспособного населения Австрии, были безработными… В январе 1933-го безработица достигла беспрецедентного показателя – 580 тысяч человек, или 27 процентов. Фабрики закрывались, социальные пособия были мизерными, и в результате целые районы страны опустели или были населены безработными и их семьями. После лихорадочных и тщетных поисков работы многие люди отчаялись – просто сидели в парках, тратили последние деньги на выпивку, но немалая часть молодых людей, со школьной скамьи перешедших в очереди за хлебом, заинтересовалась простыми рецептами, которые предлагали австрийские нацисты и им подобные. «То, что вы в 60 лет еще не победили дракона, глупости, – весной 1932 года успокаивал Пфистера наблюдавшей за всем этим Фрейд. – Это не должно вас расстраивать. Я в свои 76 справился ничуть не лучше, и он выдержит еще много битв. Он крепче, чем мы».

С конца 1932-го австрийский канцлер, социал-демократ Энгельберт Дольфус управлял страной с помощью чрезвычайных указов, подобно Брюнингу в Германии. В начале следующего года немцы показали ему образец еще более авторитарного режима. Нацисты продемонстрировали австрийцам, а также всем остальным, кто мог этим заинтересоваться, как убить демократию. 30 января 1933 года Гитлер был назначен канцлером Германии и в течение нескольких последующих месяцев систематически уничтожал политические партии, парламентские институты, свободу слова и печати, независимые культурные организации и университеты, верховенство закона. С марта 1933-го Дольфус отчасти последовал примеру Гитлера: теперь он правил страной без парламента. Потом нацистский режим пошел дальше. В Германии появились концентрационные лагеря для

политических противников, а власть взяла на вооружение такие методы, как ложь, запугивание, изгнание и убийство. Социалисты, демократы, неудобные консерваторы, евреи – все были «вычищены» из государственных учреждений, университетов, газет и издательств, оркестров и театров. Расизм и антисемитизм превратились в государственную политику.

Среди немецких евреев, которые покинули страну, ставшую им чужой, оказались психоаналитики, в том числе Макс Эйтингон и Отто Фенихель, Эрих Фромм и Эрнст Зиммель, а также еще более 50 человек. Разъехавшись по миру в поисках убежища, они обнаружили, что защитной реакцией на экономическую депрессию стала ксенофобия – их нигде не ждали. Времена были такими отчаянными, что даже некоторые голландцы, до сих пор обладавшие иммунитетом против бациллы антисемитизма, поддались процессу, который нидерландский психоаналитик Вестерман Хольштейн назвал нацистско-нарциссической регрессией. Два сына Фрейда, Оливер и Эрнст, жившие в Веймарской республике, решили, что пора эмигрировать. Для них, писал основатель психоанализа племяннику Сэмюелю в Манчестер, жизнь в Германии стала невозможной. Оливер на время уехал во Францию, а Эрнст переселился в Англию.

10 мая 1930 года нацисты косвенно включили Зигмунда Фрейда в список преследуемых лиц – его книги начали сжигать. «Избавление от «левой», демократической и еврейской литературы получило приоритет над всем остальным», – свидетельствовал немецкий историк Карл Дитрих Брахер. Черные списки составлялись в апреле 1933 года и включали произведения немецких социал-демократов, таких как Август Бебель и Эдуард Бернштейн, отца конституции Веймарской республики Гуго Прейсса, поэтов и писателей (в списке присутствовали и Томас, и Генрих Манны), а также ученых, в частности Альберта Эйнштейна. «Перечень литературы охватывал и достаточно отдаленное прошлое, от Гейне и Маркса до Кафки. Костры из книг, устроенные 10 мая 1933 года в парках крупных городов в университетах, символизировали аутодафе целого столетия немецкой культуры. Сопровождавшиеся факельными шествиями студентов и пылкими речами профессоров, но организованные Министерством пропаганды, эти варварские акты ознаменовали наступление эпохи, которую пророчески описал Генрих Гейне: «Там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей». Не избежали великого сожжения культуры и психоаналитические публикации, в первую очередь книги Фрейда.

«Это безумные времена!» – восклицал Фрейд в письме Лу

Андреас-Саломе через четыре дня после ужасающего спектакля. Друзья соглашались с ним в таких же резких выражениях. «На прошлой неделе, – писал мэтру Пфистер в конце мая, – я на короткое время приезжал в Германию и испытал отвращение, от которого долго не избавлюсь. Пролетарский милитаризм пахнет еще отвратительнее, чем юнкерский дух голубой крови времен Вильгельма. Трусливый против сильных, он направляет свой детский гнев против беззащитных евреев и даже разоряет библиотеки». Фрейд не удержался от сарказма. «Какой прогресс! – писал он Эрнесту Джонсу. – В Средние века они сожгли бы меня, а теперь удовлетворяются всего лишь сожжением моих книг». Наверное, это было самое неудачное предсказание из всех сделанных основателем психоанализа.

По мере того как крепли грозные объятия сильных соседей Австрии, фашистской Италии и нацистской Германии, жизнь в Вене становилась все более опасной. Но письма Фрейда в первый год гитлеровского режима, мрачные и гневные, все же заканчивались на оптимистической ноте. В марте 1933 года Ференци – это было одно из последних его писем мэтру – слезно умолял его покинуть Австрию. Фрейд и слышать не хотел об этом. Он слишком стар, болен и чрезвычайно зависим от врачей и привычных удобств. Кроме того, успокаивал основатель психоанализа Ференци и самого себя, Гитлер не обязательно оккупирует также и Австрию. «Конечно, это возможно, но все придерживаются мнения, что режим здесь не достигнет той степени жестокости, которая царит сейчас в Германии». Фрейд признавал, что его мнение отчасти определяется эмоциями и логикой. Но, писал он дальше, для него не существует какой-либо личной опасности, и твердо заключил: «По моему мнению, бегство было бы оправданно лишь в случае непосредственной угрозы жизни». В апреле в длинном письме Эрнесту Джонсу мэтр высказывал то, что думали многие немцы о нацистах год назад. Австрийский нацизм, полагал он, вне всяких сомнений, сдержат другие правые партии. Будучи австрийским либералом, Фрейд понимал, что диктат правых окажется чрезвычайно неприятным для евреев, однако он не мог представить дискриминационных законов, прямо запрещенных мирным договором, и считал, что в этом случае вмешается Лига Наций. «А что касается присоединения Австрии к Германии, при котором евреи потеряют все свои права, то Франция и ее союзники никогда этого не позволят». Естественно, осторожно заметил основатель психоанализа несколько недель спустя, будущее по-прежнему зависит от того, что выйдет из немецкого ведьминого котла.

Подобно большинству современников, Фрейд еще не понял, что и Лига Наций, и Франция, и ее союзники окажутся не просто слабыми – бессильными перед лицом грядущих испытаний.

В письме к Ференци мэтр говорил о логике. Это было верное слово. Гитлер не посмел вторгнуться в Австрию сразу после прихода к власти, но продолжал подстрекать австрийских нацистов и их сторонников. Какое-то время Муссолини играл роль защитника Австрии от амбиций нацистской Германии. Тем временем письма, отправлявшиеся из дома Фрейда, несмотря на некоторую озабоченность, отрицали нарастающую угрозу. Будущее, писал основатель психоанализа своему племяннику Сэмюелю летом 1933 года, очень мрачно. «Из газет (теперь я регулярный читатель Manst. Guardian) ты знаешь, насколько ненадежна ситуация в Австрии. Единственное, что я могу сказать, – мы должны держаться тут до последнего. Возможно, все обернется не так уж плохо». Он анализирует пациентов по пять часов в день, сообщал Фрейд в октябре 1933-го американской поэтессе Хильде Дулитл, бывшей пациентке, и выражает удовлетворение от того, что их совместная работа дала результат: «Я очень рад узнать, что вы пишете, творите; насколько я помню, именно за этим мы погружались в глубины вашего бессознательного». Никуда ехать он не собирался. «Не думаю, что я приеду в Лондон, как предполагают ваши добрые друзья, – не предвижу провокаций, которые заставят меня покинуть Вену».

Но провокации не заставили себя долго ждать… Фрейд все чаще задумывался о возможности эмиграции, но тут же отвергал эту идею. Ему не нравилась перспектива стать беженцем: в начале апреля 1933 года он просил Ференци задуматься, какой неприятной будет ссылка, хоть в Англии, хоть в Швейцарии. Год спустя основатель психоанализа уже не выражал такой уверенности. Фрейд предупреждал Пфистера, чтобы тот не торопился в Вену, отмечая, что они вряд ли еще раз увидятся в этой жизни. Путешествие на самолете даже не обсуждалось. Фрейд однажды попробовал летать, в 1930 году, и этого оказалось достаточно. Кроме того, он прибавил: «…если я буду вынужден эмигрировать, то не выберу Швейцарию, которая славится особым негостеприимством». В любом случае все они уверены, что Австрию ждет «умеренный» фашизм, каким бы он ни был.

За несколько дней до того, как Зигмунд Фрейд отправил это письмо, в середине февраля, канцлер Дольфус объяснил, какой может быть эта умеренность. Он жестоко подавил политическую забастовку в Вене, организованную социалистами, запретил Социал-демократическую и немногочисленную

Коммунистическую партию, арестовал активистов Социалистической партии, а ее лидеров отправил в лагеря. Одни сбежали за границу, другие попали в тюрьму, нескольких человек казнили. «Наша маленькая гражданская война была совсем не красивой, – сообщал Фрейд Арнольду Цвейгу. – На улицу нельзя было выходить без документов, электричество отключили на целый день, а мысль об исчезновении воды была очень неприятна». Несколько дней спустя мэтр вспоминал те же события в письме Хильде Дулитл. «Неделю шла гражданская война, без особых персональных мучений, всего один день без электрического света, но Stimmung[292] ужасное, и ощущение как при землетрясении».

Он оплакивал жертвы, но довольно сдержанно. «Вне всякого сомнения, – писал Фрейд Хильде Дулитл, – что мятежники принадлежали к лучшей части населения, но их успех был бы очень кратковременным и привел бы к военному вторжению в страну. Кроме того, они были большевиками, а я не жду спасения от коммунизма. Поэтому мы не можем отдать свои симпатии ни одной из противоборствующих сторон». В письме к сыну Эрнсту мэтр не скрывал сарказма: «Естественно, победители теперь герои и спасители священного порядка, а другие – нахальные бунтовщики». Тем не менее Фрейд не слишком порицал режим Дольфуса: «При диктатуре пролетариата, которая была целью так называемых лидеров, жить тоже невозможно». Разумеется, победители совершали все мыслимые ошибки, и будущее оставалось неопределенным: «Или австрийский фашизм, или свастика. В последнем случае придется уехать». Но кровавые события февраля заставили Фрейда вспомнить Шекспира, и в письме Арнольду Цвейгу, который преодолевал трудности в Палестине, он процитировал Меркуцио: «Чума на оба ваших дома!»

Нейтралитет основателя психоанализа отчасти объяснялся проницательностью, отчасти беспристрастностью. Победа левых в австрийской «маленькой гражданской войне» действительно могла привести к тому, что немецкие войска хлынут через границу. Не приходилось также сомневаться, что в февральском восстании принимали участие коммунисты, а социал-демократы официально не отвергли их революционную программу. Да, вклад «большевиков» в события февраля 1934 года был достойным уважения, но все же незначительным, а действия социал-демократов разительно отличались от их радикальной риторики. Взгляд Фрейда на февральские беспорядки был бы более справедливым, если бы он ограничил свое негодование победителями и пощадил побежденных.

Бесконечные рассуждения о политическом будущем стали одним из способов справиться с ощущением бессилия, понял Фрейд. «Так больше продолжаться не может, – предсказывал он Арнольду Цвейгу в феврале 1934 года. – Что-то должно случиться». Подобно постояльцу в номере гостиницы, прибавил мэтр, он ждет, когда принесут второй почищенный ботинок. Ситуация напоминала ему дилемму: «Женщина или лев?» Основатель психоанализа несколько туманно и неточно вспоминал историю бедного пленника на римской арене, который гадает, кто появится из-за запертой двери – лев, который его разорвет, или женщина, которая станет его женой. В Австрию может вторгнуться Гитлер, власть могут захватить местные фашисты, а еще Отто, наследный принц из династии Габсбургов, который не отказался от своих претензий на трон, может восстановить старый режим. Размышляя о своем месте среди всей этой неразберихи, Фрейд позволил проникнуть в письмо нотке жалости: «Мы хотим остаться здесь, смирившись. В конце концов, куда я поеду, зависимый и физически беспомощный? А заграница везде негостеприимна». В эту минуту жалости к самому себе мэтр забыл обо всех предложениях убежища. Но он признал, что, если в Вене будет править гитлеровский наместник, ему придется уехать – не важно куда.

Нежелание Фрейда покидать Вену стало постоянным рефреном в его письмах. Он гнал от себя мысли о нацистском гауляйтере в Австрии, и рутина привязывала его к привычному месту. Основатель психоанализа по-прежнему принимал пациентов и писал. Мэтр с удовольствием отмечал, что его работы переводятся на такие экзотические языки, как иврит, китайский и японский, радовался античным статуэткам, которые привозили в подарок друзья. Он принимал посетителей на Берггассе, 19. К нему приезжали живущие отдельно сыновья, Эрнст и Оливер, а также пациенты, коллеги и друзья со всего мира – Макс Эйтингон, Эдуардо Вейсс, Уильям Буллит, Мари Бонапарт, Жанна Лампль де Гроот, Арнольд Цвейг. Визиты новых почитателей, таких как Герберт Уэллс, считались настолько важными, что удостаивались записи в его Chronik. По сравнению с этой жизнью эмиграция могла быть только хуже. В любом случае, признавался Фрейд Хильде Дулитл, он знает, что задержался тут и все, что у него есть, – это неожиданный подарок. «Мне не слишком больно думать, что я навсегда покину эту сцену. У меня осталось не так уж много, о чем жалеть, времена теперь жестокие, а будущее представляется катастрофическим».

В эти мрачные годы Адольф Гитлер всего один раз порадовал

Зигмунда Фрейда, но радость его была искренней. 30 июня 1934 года Гитлер приказал вытащить из постели своих старых товарищей, которых опасался как возможных соперников, и расстрелять. Самым известным из всех его жертв стал Эрнст Рём, глава СА – военизированных формирований Национал-социалистической немецкой рабочей партии, и компанию ему составили еще около 200 человек. Услужливая немецкая пресса восхваляла кровавую бойню как необходимое очищение нацистского движения от жаждавших власти заговорщиков и гомосексуалистов. Для Гитлера результатом стала его безраздельная власть в Третьем рейхе. Но Фрейд обрадовался, видя лишь ближайшие последствия: нацисты убивают нацистов. «События в Германии, – писал он Арнольду Цвейгу, – напоминают мне, кстати, противоречивые чувства летом 1920 года. Это был первый конгресс в Гааге, за воротами нашей тюрьмы». Для многих австрийских, немецких и венгерских психоаналитиков сие было первое заграничное путешествие после окончания войны… «Даже сегодня я с удовольствием вспоминаю, как добры были голландские коллеги к голодным и потрепанным делегатам из Центральной Европы. По окончании конгресса они устроили для нас ужин, с настоящей голландской щедростью, не позволив нам ни за что платить. Но мы забыли, какими бывают обеды. Когда подавали закуски, они казались нам очень вкусными, и мы так насытились, что больше ничего не могли есть. А теперь контраст! После новостей от 30 июня у меня было всего лишь одно чувство: как! После закусок мне нужно уходить от стола! Больше ничего нет! Я еще голоден!»

К сожалению, больше не случилось ничего, что утолило бы эту жажду мести. В июле 1934 года канцлер Дольфус был убит австрийскими нацистами во время неудачной попытки государственного переворота – неудачной потому, что Муссолини еще не был готов уступить Австрию немцам. Гитлер, уже приготовившийся к вторжению, но не решившийся действовать, уступил. Следующие четыре года Австрийская республика продолжала жить по чрезвычайным указам, как при Дольфусе. «Сдерживаемая ярость, – писал Фрейд Лу Андреас-Саломе весной 1934-го, – питается «Я» человека или тем, что от него осталось. Но в 78 лет не создает нового».

Сопротивление как идентичность

Как это ни парадоксально, в те годы Фрейд радовался своей принадлежности к еврейскому народу. Он считал тяжелые времена особенно подходящими для заявления своей «национальной» верности, а для евреев наступили тяжелые времена. Депрессия и политические беспорядки обесценили рациональные решения и стали, особенно в Центральной Европе, благодатной почвой для антисемитизма. Однако в отличие от Адлера, перешедшего в протестантизм, или Ранка, который ненадолго влился в ряды католиков, Зигмунд Фрейд никогда не отказывался от своего происхождения и никогда не скрывал его. Из автобиографического очерка, написанного мэтром в 1924 году, мы знаем, что он открыто и даже несколько вызывающе заявлял, что его родители были евреями и он тоже остается евреем. То же самое основатель психоанализа повторил двумя годами позже, с такой же решительностью, когда в мае собратья по организации Бнай-Брит пышно праздновали его день рождения. Они организовали торжественную встречу с приветственными речами и посвятили самому известному члену своего общества специальный номер журнала B'nai B'rith Mitteilungen. В ответном слове Фрейд вспомнил давние времена, 1897 год, когда он вступил в Бнай-Брит: «Тот факт, что вы евреи, мог только привлекать меня, поскольку я сам был евреем, и мне всегда казалось, что отрицать это не просто недостойно, но и бессмысленно». Когда ему было почти 80 лет, он снова повторил: «Надеюсь, вам известно, – писал Фрейд доктору Зигфриду Фехлю, – что я всегда хранил верность своему народу и никогда не старался казаться не тем, кто я есть: еврей из Моравии, родители которого происходят из Австрийской Галиции».

В ядовитой атмосфере конца 20-х и начала 30-х годов XX века Фрейд не просто отказывался отрицать свое еврейское происхождение. Он открыто провозглашал его. Отношение основателя психоанализа к иудаизму на протяжении всей его жизни позволяет понять эту по большей части бессознательную стратегию. В 1873 году, на первом курсе университета, он обнаружил, что должен чувствовать себя неполноценным из-за своей национальности. Его ответом стал вызов: он не видел причин склоняться перед мнением большинства. Затем, в 1897-м, когда Фрейд остро ощущал одиночество из-за своих шокирующих открытий, он присоединился к местному отделению общества Бнай-Брит и время от времени выступал там с лекциями. После того как мэтр нашел среди врачей единомышленников, готовых и

способных принять его идеи, он стал реже приходить на собрания и читать лекции. В 1908-м, пытаясь удержать швейцарских рекрутов, основатель психоанализа в письмах призывал своих еврейских друзей, Абрахама и Ференци, к терпению и такту, указывая на национальную общность, которая их связывала, как на прочную основу для доброжелательного сотрудничества в этот критический момент.

Неприятные политические события влияли на Фрейда почти так же, только медленнее. В 1895 году, после того как Франц Иосиф, несмотря на предпочтения избирателей, отказался утвердить антисемита Карла Люгера мэром Вены, основатель психоанализа отпраздновал это событие, насладившись запрещенной сигарой. Впрочем, император мог лишь отсрочить назначение, но не отменить его. В 1897-м, когда Фрейд присоединился к Бнай-Брит, Люгер вступил в должность. Сон, который приснился мэтру в начале 1898 года, после того как он посмотрел пьесу Теодора Герцля об антисемитизме «Новое гетто», похож на реакцию на политическую ситуацию. В сновидении можно легко распознать «еврейский вопрос, заботу о будущем детей, которым нельзя дать отечества». Побудителем этого сновидения был Герцль. Фрейд, будучи хорошо знаком с его идеей, наблюдал за развитием сионизма с доброжелательным интересом, но не стал активным членом движения[293]. Поэтому удивительно, что мэтр позволил Герцлю, красноречивому поборнику обретения евреями своего государства, проникнуть в его сновидение и помочь понять, что значит быть евреем в антисемитской культуре. Однако, как мы уже видели, политическое образование основателя психоанализа потребовало определенного времени. Удивительным в переписке Фрейда 90-х годов XIX столетия, когда в Австрии обострился «еврейский вопрос», можно считать то, какими немногочисленными оказались его комментарии по политическим вопросам. Однако после Первой мировой войны реакция Фрейда стала резче. Достаточно вспомнить его интервью в июне 1926 года, в котором он, возмущенный расцветом антисемитизма в политике, подчеркнул свое еврейство, отказавшись считать себя немцем.

Еврейство Фрейда было категорически светским. Интеллектуальная и этическая пропасть между теми евреями, которые крестились, и им, презиравшим этот путь к вхождению в общество, являлась непреодолимой. Однако пропасть, отделявшая основателя психоанализа от тех, кто продолжал исповедовать религию отцов, оказалась нисколько не меньше. Фрейд был атеистом в той же степени, в какой евреем. На самом

деле благоговение, с которым общество Бнай-Брит объявляло его своим, вызывало у мэтра неловкость и удивление. «Все евреи, – писал он Мари Бонапарт в мае 1926 года, после своего 70-летия, – встречали меня как национального героя, хотя мои заслуги перед еврейством ограничиваются лишь тем, что я никогда не отрицал своего иудаизма». Это было довольно отстраненное самоопределение – слова «все евреи» выглядят так, словно Фрейд чувствовал себя чужим среди тех, кто считал себя его братьями.

В последующие годы мэтр без устали повторял эту мысль, как будто хотел, чтобы его правильно поняли. «Я привержен еврейской религии так же мало, как и любой другой», – писал он одному из своих корреспондентов в 1929 году. То же самое основатель психоанализа отвечал всем, кто задавал ему подобные вопросы. «Евреи, – писал мэтр Артуру Шницлеру, как и раньше Мари Бонапарт, – с энтузиазмом ухватились за мою персону со всех сторон, словно я богобоязненный великий раввин. Я ничего не имею против этого, после того как недвусмысленно высказал свою позицию в отношении веры. Иудаизм по-прежнему много значит для меня в эмоциональном отношении». В 1930-м в предисловии к переводу на иврит работы «Тотем и табу» Фрейд писал, что он совершенно далек от отцовской религии (как и от любой другой), не может разделить националистические идеалы и все же никогда не отрицал принадлежности к своему народу. Когда верующий американский врач рассказал мэтру о религиозном видении, которое направило его к Христу, и убеждал подумать о возможных поисках Бога, Фрейд возразил ему вежливо, но твердо. Бог не оказал ему такой милости, не послал внутреннего голоса, и поэтому он, скорее всего, в оставшиеся у него несколько лет по-прежнему будет «нечестивым евреем».

Основатель психоанализа подчеркивал свое неверие, забывая те основы иврита, которые когда-то знал. В школе он изучал религию с преподавателем, которым восхищался и который впоследствии стал его другом и благодетелем, – Самуэлем Хаммершлагом. Но Хаммершлаг, увлеченный и умеющий увлекать учитель, больше внимания уделял этическим ценностям и историческому опыту еврейского народа – в ущерб словарному запасу и грамматике. В юности, вспоминал Фрейд, их свободомыслящие преподаватели религии не придавали значения, насколько хорошо ученики знали древнееврейский язык и литературу. Более того, у мэтра не было никакой практики в использовании этого языка, и он не видел смысла его учить. Правда, на тридцать пятый день рождения Фрейда отец подарил ему Танах, еврейское Священное Писание, с трогательной,

цветистой надписью на древнееврейском – о Боге, который призвал его на путь познания. Это был традиционный подарок одного еврея другому, но подарок просвещенного и, возможно, невнимательного еврея[294]. В любом случае Фрейд винил отца, который говорил на священном языке так же хорошо, как на немецком, или лучше, за то, что тот позволил ему расти в полном невежестве относительно всего, что связано с иудаизмом[295]. Тот факт, что Якоб Фрейд сделал надпись на древнееврейском языке, вовсе не означает, что он предполагал, что сын ее прочитает. На самом деле основатель психоанализа даже жалел, что не умеет читать на священном языке. В 1928 году в письме к Двосису с благодарностью за перевод работы «Психология масс и анализ «Я» он признался, что полагается на заверения неназванного родственника, «который владеет нашим древним и теперь возрожденным языком», что перевод просто превосходен[296].

Безжалостный секуляризм мэтра не позволил сохраниться в домашней жизни даже следам религиозных обычаев. Фрейды игнорировали семейные еврейские праздники, такие как Песах, которые родители основателя психоанализа продолжали отмечать, несмотря на отход от строгих традиций. Фрейд безжалостно отмел девическую ортодоксальность жены – о чем она жалела и что принесло ей немало страданий. «Мы отмечали такие праздники, – вспоминал Мартин Фрейд, – как Рождество, с подарками под украшенной свечами елкой, и Пасху с ярко раскрашенными пасхальными яйцами. Я никогда не был в синагоге, и, насколько мне известно, мои братья и сестры тоже»[297]. Тем не менее Мартин вступил в «Кадиму», студенческую сионистскую организацию, а его брат Эрнст начал редактировать сионистскую газету. Эти шаги их отец воспринял с одобрением или, по крайней мере, не считал нужным вмешиваться. Когда Мартин Фрейд женился, ему пришлось пройти религиозный обряд, как того требовали австрийские законы. Он в парадной одежде вошел в синагогу и снял с головы цилиндр в знак уважения к священному месту. Его спутник, стоявший слева, лучше разбирался в обычаях и решительно вернул цилиндр на голову Мартина. Однако жених не поверил, что во время религиозного обряда нужно покрыть голову, и снова снял цилиндр, после чего стоящий справа от него повторил действия того, кто стоял слева. Этот эпизод иллюстрирует атеизм, который Фрейд насаждал в своей семье. Перед лицом антисемитов он был в гораздо большей степени евреем, чем дома.

В то же время Зигмунд Фрейд был убежден в существовании некого эфемерного, не поддающегося определению элемента,

который делал его евреем. С иудаизмом, писал мэтр своим собратьям по Бнай-Брит, его связывает не вера, поскольку он всегда был неверующим, воспитан без религии, но не без уважения к так называемым этическим требованиям человеческой культуры. Не было это и национальной гордостью, которую основатель психоанализа считал пагубной и несправедливой. «Но осталось еще достаточно другого, чтобы сделать привлекательность евреев и иудаизма такой неотразимой, много эмоциональных факторов, которые тем сильнее, чем меньше они позволяют выразить себя словами, а также ясное осознание внутренней идентичности, тайна одинакового устройства ума». Фрейд мог настаивать на своем «ясном осознании», но его туманные намеки не столько проясняют, сколько запутывают. Это интуитивные ощущения, но никак не рациональный анализ.

Тем не менее они являются конкретным проявлением веры мэтра в наследование приобретенных черт. Каким-то мистическим образом его еврейство, его идентифицирующая характеристика, являлось частью филогенетического наследия. Фрейд никогда не анализировал, как этот ламаркистский «национальный» дар проявлялся у него самого, но не сомневался в его присутствии. В 1922 году он восклицал, обращаясь к Ференци, что хочет зарабатывать деньги, бросить вызов презренному миру, примириться со своим старением. Основатель психоанализа писал о том, что изнутри поднимаются «странные тайные желания… возможно, от наследия моих предков с Востока и Средиземноморья, к жизни совсем другого рода, желания позднего детства, нереализуемые и плохо приспособленные к действительности». Эти неопределенные желания продолжали интересовать Зигмунда Фрейда. Десятью годами позже, в 1932-м, он писал Арнольду Цвейгу, только что вернувшемуся из Палестины: «И мы происходим оттуда (хотя один из нас также считает себя немцем, а другой нет), наши предки, возможно, жили там полтысячи лет или даже тысячу (но это тоже всего лишь «возможно»), и неизвестно, что мы взяли с собой в крови и нервах (хотя это неверное выражение) в качестве наследия жизни в той стране». Все это было весьма загадочно: «Да, жизнь может быть очень интересной, если бы только больше знать и понимать ее».

В свете этого любопытства можно рассматривать и страсть Фрейда к древностям. Вне всяких сомнений, у нее было множество причин, но совершенно очевидно, что статуэтки и барельефы напоминали основателю психоанализа о мире, который ему было не суждено увидеть, но который он каким-то непостижимым образом считал своим. Именно эту мысль Фрейд хотел передать в предисловии к переводу своей работы «Тотем и

табу» на иврит: он отказался от многого, что роднило его с другими евреями, но от его еврейства осталось еще немало – вероятно, самое главное. Он не мог выразить это «главное» словами, по крайней мере сегодня. «Наверное, когда-нибудь позже это станет доступным научному пониманию». Это был подход Фрейда-исследователя: его ощущение еврейской идентичности, загадочное и в данный момент не объяснимое наукой, должно быть подобным океаническому чувству Ромена Роллана – психологическое явление, в принципе открытое для исследований.

Если суть еврейства или его личной еврейской идентичности сопротивлялась анализу, то что значит быть евреем в современном ему обществе, Фрейд знал совершенно точно. Отошедший от веры своих отцов и возмущенный сильным антисемитизмом в Австрии, где ему приходилось жить и работать, мэтр чувствовал себя вдвойне чужим. Другими словами, основатель психоанализа считал себя маргиналом и полагал, что такое положение дает ему неоценимое преимущество. В конце 1918 года он завершил сердечное письмо Оскару Пфистеру парой провокационных вопросов: «Кстати, почему ни один из верующих не создал психоанализ? Почему нужно было ждать абсолютного безбожника еврея?» Пфистер, нисколько не смутившись, ответил, что благочестие вовсе не равно гению первооткрывателя и большинство верующих не способны на такие достижения. Кроме того, он не был склонен считать своего друга ни безбожником, ни евреем: «Мир не знал лучшего христианина».

Прямо отвечать на этот благонамеренный, хотя и сомнительный комплимент[298] Фрейд не стал, однако он знал ответы на свои вопросы, и они разительно отличались от примирительной и неуклюжей фразы Пфистера. Как известно, еще в университете отказ от «австрийскости» дал ему опыт пребывания в оппозиции и таким образом подготовил почву для «определенной независимости суждений». В 1925-м, анализируя широкое сопротивление психоанализу, мэтр предположил, что одной из причин может быть тот факт, что его основатель – еврей, никогда не скрывавший свое происхождение. Год спустя в письме членам общества Бнай-Брит Фрейд подробнее остановился на этом моменте. Он понял, что именно своему еврейскому происхождению обязан теми двумя качествами, которые выступали неотъемлемой частью его существа в течение всей трудной жизни. «Я обнаружил, что, как еврей, лишен многих предрассудков, которые так мешают другим людям беспристрастно смотреть на вещи. Кроме того, я в большей степени, чем другие, оказался приспособлен, чтобы противостоять

мнению единого большинства». Фрейд по-своему и в собственных целях хотел подтвердить антисемитское обвинение, что евреи должны быть умнее большинства.

Тезис вполне правдоподобный, но далеко не полный и, если уж на то пошло, неубедительный. Другие евреи, чье положение было таким же маргинальным, как и Фрейда, крестились или уходили в бизнес, номинально не порывая с иудаизмом, вступали в Коммунистическую партию либо эмигрировали в Америку – и в большинстве своем были ни умнее, ни оригинальнее остальных. С другой стороны, Дарвин, с которым, наверное, лучше всего сравнивать Фрейда, являлся своим в английском истеблишменте – и остался своим даже после публикации «Происхождения видов». В заявлении Фрейда, что ни правоверный иудей, ни христианин не открыли психоанализ, есть доля истины: он был слишком мятежен, слишком враждебен религии и слишком презрителен к апологетике. Фрейд считал религию (любую, в том числе иудаизм) предметом психоаналитического изучения, поэтому мог подходить к ней только с точки зрения аналитика. Не случайно Дарвин – хотя его не назовешь маргиналом – тоже был атеистом.

Из сказанного не следует, что лишь маргинал – и особенно маргинал еврей – мог бы сделать то, что сделал за свою жизнь Зигмунд Фрейд, но в основе общеизвестного факта, что все первые психоаналитики Вены тоже были евреями, вероятно, лежит шаткое положение последних в австрийском обществе. Им позволялось получать медицинское образование, но медицинская элита их не очень-то жаловала. «Я полагаю, – писал Эрнест Джонс в автобиографии, размышляя о еврейском феномене в психоанализе, – что причиной тому были местные особенности в Австрии и Германии, поскольку эти особенности не повторялись ни в одной другой стране, разве что в небольшой степени в Соединенных Штатах». Для него было очевидно: «…в Вене еврейским врачам было легче разделить остракизм, которому подвергался Фрейд, поскольку это было просто еще одним проявлением жизни, к которой они привыкли, и точно так же дела обстояли в Берлине и Будапеште, где антисемитизм был почти таким же сильным»[299]. Перед лицом социального консерватизма, соединенного с нетерпимостью, первые психоаналитики считали определенную меру стойкости крайне необходимым для адаптации качеством.

Более того, как мы видели, в характере Зигмунда Фрейда был заложен бунтарский дух. Ему доставляло удовольствие являться лидером оппозиции, разоблачать фальшь, преследовать самообман и иллюзии. Основатель психоанализа до такой

степени гордился, что у него такие враги – надоедливая католическая церковь, лицемерная буржуазия, тупой медицинский истеблишмент, материалистические американцы, – что в его сознании они превратились в могущественных призраков, гораздо более злобных и менее разобщенных, чем в действительности. Фрейд сравнивал себя с Ганнибалом, Артаксерксом, Иосифом, Моисеем и другими великими, имевшими историческую миссию, могущественных врагов и трудную судьбу. В молодости, в одном из своих писем невесте, которое часто цитируют, он писал: «Еще в школе я всегда был среди самых дерзких оппозиционеров и неизменно выступал в защиту какой-нибудь радикальной идеи». Однажды вечером Брейер сказал ему, что обнаружил, будто за поверхностной застенчивостью в нем таится чрезвычайно бесстрашная личность. «Я всегда так думал, но никому не осмеливался сказать об этом. Я часто чувствовал, что унаследовал все то неповиновение и страстность, с какой наши предки защищали свой храм, и мог бы с радостью пожертвовать своей жизнью за один великий момент в истории».

Конечно, это излияния влюбленного молодого человека, который хочет показать себя перед невестой в выгодном свете, но Зигмунд Фрейд был – и всегда оставался – именно таким. Открытое признание себя евреем давало возможность культивировать эту позицию, а еще более открытая позиция как психоаналитика проверяла и укрепляла ее на протяжении многих лет. Но Фрейд был уникален в своем даре, а не только в семейной констелляции и умственном развитии. В конечном счете приходится, хотя и вынужденно, вернуться к собственному заявлению мэтра, что перед творчеством психоаналитик должен опустить руки. Фрейд был Фрейдом.

Бунтарский дух, который побуждал основателя психоанализа в эти тяжелые времена заявлять о своем еврействе, пропитывает его последнюю большую работу, «Человек Моисей и монотеистическая религия», хотя цель на этот раз была другой. Многие читатели мэтра, как сочувствующие, так и возмущенные, расценят ее как неуместное отступничество. Своим умозрительным исследованием Моисея Фрейд словно хотел обидеть евреев, а не защитить их. Это довольно интересная работа, в большей степени гипотетическая, чем «Тотем и табу», более расплывчатая, чем «Торможение, симптом и страх», более оскорбительная, чем «Будущее одной иллюзии». Необычна сама ее форма. Книга состоит из трех тесно связанных эссе очень разного объема: «Моисей, египтянин» – это краткий набросок

всего на несколько страниц, «Если Моисей был египтянином…» в четыре раза длиннее, а третье эссе, «Моисей, его народ и монотеистическая религия», занимает гораздо больше места, чем два первых вместе взятые. Кроме того, завершающий очерк снабжен двумя предисловиями, которые уравновешивают друг друга, а третье предисловие, ко второй части, расположено прямо посередине и насыщено материалом, намеренно повторяющим более ранние статьи Фрейда. Это не старческое слабоумие. Читая работу «Человек Моисей и монотеистическая религия», мы как бы участвуем в ее создании, ощущаем внутреннее и внешнее давление, которое чувствовал Фрейд все эти годы, ловим отголоски прежних, не таких горестных времен.

Мысли о Моисее, признавался Фрейд Лу Андреас-Саломе в 1935 году, преследовали его всю жизнь. Вся жизнь – это долго, но четверть века назад, в 1909-м, мэтр действительно сравнивал Юнга с Иисусом, который будет владеть Землей обетованной психиатрии, тогда как ему, Фрейду – Моисею, – суждено лишь увидеть ее издалека. Первым плодом увлечения основателя психоанализа Моисеем было его исследование знаменитой статуи Микеланджело в Риме, опубликованное в 1914 году. Поэтому, когда в начале 30-х одержимость Моисеем вернулась, Фрейд встретил его как старого, знакомого, хотя и не слишком удобного компаньона. В письме Арнольду Цвейгу он объявил, что Моисей был ярым антисемитом, который это скрывал. Возможно, предполагал Фрейд, на самом деле он являлся египтянином. «И определенно был прав». Это замечание, крайне необычное для мэтра, подчеркивает его мрачное настроение тех лет. Он ненавидел малейшие проявления малодушного еврейского самоуничижения в других и не считал, что сам хоть в какой-то степени подвержен этому. Совершенно очевидно, что для Фрейда Моисей был притягательной, но и опасной фигурой.

Над книгой «Человек Моисей и монотеистическая религия» Фрейд начал работать летом 1934-го, но хранил свое занятие в тайне. Он рассказал об этом только Эйтингону и Арнольду Цвейгу. В конце того же года Анна Фрейд сообщила Лу Андреас-Саломе, что отец летом закончил какую-то «особенную» работу, но умолчала о ее содержании. Когда мэтр узнал о том, что Анна частично раскрыла секрет, он написал своей «дорогой Лу», что «сражался с вопросом», в чем причина особого еврейского характера. Конечно, его увлечение Моисеем было частью более широкой проблемы – загадки еврейства. Вывод мэтра: «Еврей – это создание человека по имени Моисей», который был египетским сановником. Кто такой Моисей и как он соединил свою судьбу с евреями – на эти вопросы Фрейд собирался

ответить «в чем-то вроде исторического романа»[300].

Каким бы увлекательным ни казалось основателю психоанализа исследование, выбранный жанр вряд ли был самым для него подходящим. Фрейд считал, как сам признавался Эйтингону, что не годится для того, чтобы сочинять исторические романы. Лучше оставить их Томасу Манну. Кроме того, исторических свидетельств явно недостаточно. Тем не менее, обремененный избытком лени, говорил Фрейд Арнольду Цвейгу, и «в связи с новыми преследованиями» он спросил себя, откуда взялся еврей и почему он навлек на себя бессмертную ненависть. Формула «Моисей создал еврея» пришла довольно легко, но остальное далось Фрейду с большим трудом. Он уже знал – это происходило в конце 1934 года, – что организует «материал» в три раздела, «первый интересный, наподобие романа, второй трудный и длинный», а вот третий раздел вызывал опасения, поскольку должен был включать теорию религии, которую, как подозревал Фрейд, он не сможет опубликовать в чопорной католической Австрии того времени, готовой в любой момент объявить психоанализ вне закона. Но остановиться мэтр не мог.

Первые две короткие части книги «Человек Моисей и монотеистическая религия» были несколько необычными, но подрывными их вряд ли бы посчитали. Предположение, что Моисей был египтянином, уважаемые ученые высказывали уже несколько десятилетий. Имя египетское, а история о дочери фараона, которая нашла ребенка в камышах, звучала – по крайней мере, для антиклерикалов – как явное доказательство. В 1935 году, когда Фрейд сделал перерыв в работе над книгой, американская публика могла услышать в опере Джорджа Гершвина «Порги и Бесс» язвительное предупреждение: «Это не обязательно так. То, что ты можешь прочитать в Библии, – это не обязательно так». Один из примеров, который приводит либреттист Айра Гершвин, как раз традиционная история о том, как дочь фараона «выловила» Моисея: «Она выловила его, как она говорит, из этого ручья». Никаких свидетельств, что Фрейд когда-либо слышал «Порги и Бесс», нет, но подобный скепсис в отношении религиозных сказок был хорошо известен и в Австрии.

Сомнения относительно Книги Исход во времена Фрейда не были ни новыми, ни уникальными. Богословы, как евреи, так и христиане, с большим трудом устраняли противоречия в образе Моисея. Они не могли логически объяснить, почему ему не было суждено ступить на Землю обетованную, и спорили об обстоятельствах его смерти. Еще в конце XVII века, а также в XVIII столетии деисты зло высмеивали волшебную сказку о том, как дети Израиля пересекли Красное море, и такие же сказочные

истории о деяниях Моисея. В 1764 году Вольтер в своем «Философском словаре» привел веские причины, почему Моисей не мог написать Пятикнижие (помимо всего прочего, там описана его смерть), а затем задал более радикальный вопрос: «А правда ли, что Моисей существовал?» В 1906-м выдающийся немецкий историк Эдуард Мейер, работу которого с уважением цитировал Фрейд, поднял тот же вопрос, утверждая, что Моисей скорее легенда, чем реальный персонаж. Основатель психоанализа не заходил так далеко. На самом деле существование исторического Моисея являлось краеугольным камнем его теории, однако мэтр настаивал, как и Макс Вебер в своем исследовании древнего иудаизма, что Моисей не был евреем.

Фрейд прекрасно сознавал, что эта гипотеза поднимает неудобные вопросы о Моисее как о проповеднике монотеизма, ведь египтяне поклонялись целому пантеону самых разных богов. Основатель психоанализа полагал, что у него есть ответ: в египетской истории был короткий период, приблизительно в 1375 году до новой эры, когда фараон Аменхотеп IV ввел жесткий, нетерпимый монотеизм, культ бога Атона. Именно эту религиозную доктрину Моисей, высокородный египетский сановник, возможно член царской семьи, и передал еврейскому народу, который в то время находился в рабстве. Поначалу его суровая, требовательная теология упала на бесплодную почву. «После бегства из Египта во время скитаний по пустыне еврейские племена переняли поклонение Яхве – жестокому, мстительному, кровожадному богу вулканов»[301]. Прошло несколько столетий, прежде чем избранный народ наконец принял учение другого человека по имени Моисей, возвышенный монотеизм, пронизанный нравственными законами, призывающими к самоограничению. Если это предположение окажется верным, сухо отмечал Фрейд, многие почитаемые легенды станут несостоятельными: «Библейское сказание о Моисее и об исходе ни один историк не может не счесть чем-то другим, кроме как благочестивым вымыслом, переработанным давним преданием в угоду своим собственным тенденциям». Его реконструкция не оставляет «места для некоторых жемчужин библейского повествования, таких как десять казней, переход через поросшее камышом море, торжественное вручение скрижалей на горе Синай». Авторы Библии объединили разные фигуры, например двух мужчин по имени Моисей, и приукрасили события до полной неузнаваемости.

Подобное иконоборчество трудностей для Фрейда не представляло, но казалось невозможным совместить примитивную религию Яхве, которому поклонялись древние

евреи, с возвышенной доктриной Моисея. Здесь основатель психоанализа нашел необходимую опору в монографии исследователя Эрнста Зеллина, который в 1922 году предположил, что Моисей был убит народом, который он вывел из Египта, и после его смерти установленная им религия оказалась заброшена. Вероятно, Яхве оставался богом еврейского народа долгие восемь столетий. Но затем новый пророк, позаимствовавший имя у своего предшественника, заставил евреев принять веру, которую тщетно пытался установить первый Моисей. «В этом – главный итог и роковое содержание истории еврейской религии». Фрейд понимал, что предположение Зеллина об убийстве Моисея чрезвычайно смело и не очень хорошо подтверждено документально, однако оно казалось ему правдоподобным и даже вероятным. «Еврейский народ Моисея был столь же мало способен терпеть высокоодухотворенную религию в том, что она предлагает… как и египтяне Восемнадцатой династии».

Основатель, убитый своими последователями, неспособными подняться до его уровня, но унаследовавшими последствия собственного преступления и в конечном счете реформировавшимися под давлением воспоминаний, – эта гипотеза как нельзя лучше подходила Фрейду. Ведь это он был автором «Тотема и табу», где очень похожее преступление постулировалось как основа человеческой культуры. Более того, основатель психоанализа видел себя создателем нетрадиционной психологии, приближавшимся к концу своей долгой и трудной карьеры, на протяжении которой ему постоянно приходилось бороться с жестокими врагами и малодушными предателями. Мысль о том, что есть люди, желающие его смерти, была очень хорошо знакома Фрейду. Разве Юнг, а за ним Ранк и, возможно, Ференци не замышляли «отцеубийство»?..

Затем, в конце 1933 года, мэтр прервал работу. Он боролся с некоторыми «внутренними предчувствиями», не менее неприятными, чем «внешние опасности» со стороны австрийских властей. Фрейд понимал, что понять истинную глубину и авторитет религиозной традиции, влияние великих исторических личностей, хватку религиозных идей, превосходящих по силе все материальные соображения, – огромная и очень трудная задача. Он страшился, что сам масштаб этой задачи, который придавал ей такую привлекательность, сделает ее неразрешимой. К сожалению, задуманный им «исторический роман», писал мэтр Арнольду Цвейгу в ноябре, не выдерживает его собственной критики. «Мне нужно больше определенности, и я не хочу подвергать опасности конечную формулу всей этой книги,

которую считаю ценной, если окажется, что мое изложение мотивов покоится на шатком основании». Недовольный собой, основатель психоанализа умолял своего друга: «Оставьте меня одного с Моисеем. Меня и так в достаточной мере угнетает то, что эта, возможно, последняя попытка что-то создать села на мель. Нет, я не отказался от нее. Этот человек и то, что я хочу из него сделать, постоянно преследуют меня». Жалоба Фрейда свидетельствует, что в 78 лет он мог так же увлекаться работой, как и в те времена, когда был молодым исследователем. Одержимость никуда не пропала. В начале мая 1935 года мэтр сообщал Арнольду Цвейгу, что не курит и не пишет, но Моисей не отпускает его воображение. Работа, признался он Эйтингону несколькими днями позже, стала для него фиксацией. И прибавил: «Я не в состоянии ни покинуть его, ни идти с ним дальше». Человек Моисей был тем гостем, которому Фрейд не мог указать на дверь.

Но Моисей был не единственным гостем основателя психоанализа. К счастью, одержимость мэтра не переросла в мономанию. Он по-прежнему много читал, критически переосмысливая прочитанное[302], и не утратил способности наслаждаться солнцем, цветами, летним отдыхом. «Жаль, что вы не видели наш дом и сад здесь, в Гринцинге, – писал Фрейд Хильде Дулитл в мае 1935 года. – Это самый красивый дом, в котором мы когда-либо жили, настоящая мечта, всего около 12 минут на машине от Берггассе. Плохая погода, стоявшая до сей поры, имеет то преимущество, что позволяет весне раскрывать свое великолепие очень медленно, тогда как в прошлые годы цветение уже заканчивалось к тому времени, как мы выбирались из города. Конечно, я старею, и мои недомогания усиливаются, но я стараюсь наслаждаться жизнью, насколько могу, и работаю по 5 часов в день». После приятно проведенного лета, в основном в Гринцинге, писал ей мэтр в ноябре, он по-прежнему ежедневно принимал пятерых пациентов «на Берггассе, в очень комфортной тюрьме». Терзаемый протезом, политикой, Моисеем, основатель психоанализа все еще был способен радоваться или по крайней мере писать бодрые послания.

Помимо всего прочего, Фрейд внимательно следил за тем, что происходило в психоаналитических институтах других стран. Когда в начале весны 1935-го Эрнест Джонс приехал с лекциями в Вену, мэтр проявил живейший интерес к удивительным новшествам английского психоанализа, с которыми Джонс познакомил «наших людей». Сии «новшества» бросали вызов теории Фрейда о влечении к смерти и свидетельствовали о

признании идей Мелани Кляйн. Но основатель движения уже высказал свое окончательное мнение по этим вопросам и удовлетворился ролью безмятежного наблюдателя, необычно мягко заметив, что, по его мнению, Лондонское психоаналитическое общество пошло вслед за фрау Кляйн по ложному пути. И все же психоанализ продолжал набирать сторонников или, по меньшей мере, завоевывать авторитет. Особое удовольствие Фрейду доставило его единогласное избрание почетным членом Королевского медицинского общества Великобритании, почти совпавшее по времени с визитом Эрнеста Джонса в Вену. «Поскольку произошло это не из-за моих красивых глаз, – писал он Джонсу, не скрывая удовольствия, – это должно свидетельствовать о том, что в английских кругах уважение к нашему психоанализу значительно повысилось».

И кроме того, была почта. С наступлением нацистской эры, когда дети и коллеги мэтра рассеялись по всему свету, его переписка стала еще более интернациональной. Сын Эрнст с семьей поселился в Лондоне, и Фрейд был рад, что Хильда Дулитл, которая в то время тоже там жила, поддерживала с ними связь. Другой сын, Оливер, пока оставался во Франции. Ганс Закс был в Бостоне, Эрнест Джонс – в Лондоне, Жанна Лампль де Гроот – в Амстердаме, Макс Эйтингон – в Палестине, и все они регулярно писали и заслуживали ответа[303]. Более того, будучи известным человеком, Фрейд получал письма от незнакомых людей, и некоторые даже удостаивались длинных, содержательных ответов. В одном из них, написанном на английском языке и адресованном американке, основатель психоанализа излагает свое давно сложившееся отношение к гомосексуальности. Его часто цитируют – вполне заслуженно. «Из вашего письма я заключаю, что ваш сын – гомосексуалист. Я весьма поражен тем фактом, что сами вы, сообщая о сыне, не упоминаете этого обозначения. Можно мне вам задать вопрос, почему вы его избегаете?» Но Фрейд не обвиняет женщину в типично американском ханжестве, а просто предлагает помощь. «Гомосексуализм несомненно не преимущество, но в нем нет и ничего постыдного, он не порок и не унижение; невозможно его рассматривать и как болезнь; мы его считаем разновидностью сексуальной функции, вызванною известной приостановкой сексуального развития». Такая точка зрения не удовлетворяла самих гомосексуалистов, которые были склонны относиться к своим чувственным предпочтениям как к альтернативному проявлению любви взрослого человека. Надо помнить о том, что в то время, когда Фрейд писал цитируемое выше письмо, его взгляды на гомосексуальность считались крайне необычными и

не пользовались широкой поддержкой, по крайней мере публичной. «Многие лица древних и новых времен, достойные высокого уважения, были гомосексуалистами, – утешал он свою корреспондентку, – среди них – ряд величайших людей (Платон, Микеланджело, Леонардо да Винчи и т. д.). Преследование гомосексуализма как преступления – большая несправедливость и к тому же жестокость. Если вы мне не верите, прочтите книги Хэвлока Эллиса». Другой вопрос, способен ли он, Фрейд, помочь женщине превратить сына в «нормального» гетеросексуального мужчину. В любом случае он может дать молодому человеку «гармонию, душевное спокойствие, полную эффективность, независимо от того, останется ли он гомосексуалистом или изменится»[304].

Бунтарский характер Зигмунда Фрейда, который заставлял его подчеркивать свое еврейское происхождение и одновременно оскорблять чувствительность евреев, также определил неприятие общепринятых сексуальных норм и, если уж на то пошло, решение мэтра остаться в Вене, несмотря на усиливавшуюся опасность. Анонимной американской корреспондентке Фрейд ответил, что, если ее сын хочет пройти курс психоанализа, ему нужно приехать в Вену: «Я не намерен отсюда уезжать». Нельзя сказать, что он совсем не видел на горизонте грядущих бед. «Тревожное предчувствие говорит нам, – писал мэтр Арнольду Цвейгу в октябре 1935 года, – что мы, бедные австрийские евреи, тоже заплатим по счету». А потом прибавил: «Даже на события в мире мы смотрим с еврейской точки зрения, но мы не можем иначе!»

Finis Austriae[305]

Гитлер заставлял Фрейда принимать еврейскую точку зрения – и Фрейд был в ярости. Как и его близкие друзья. «Мой личный врач, д-р Макс Шур, – сообщал мэтр Арнольду Цвейгу осенью 1935 года, – очень опытный специалист, настолько возмущен событиями в Германии, что больше не прописывает немецких лекарств». В этом затруднительном положении Моисей стал для основателя психоанализа не только одержимостью, но и убежищем. Тем не менее, раздумывая о Моисее, который захватил его внимание, Фрейд скептически относился к возможности когда-либо опубликовать свои исследования. «Книга «Моисей», – заверял он Стефана Цвейга в ноябре, – никогда не увидит света дня». В январе следующего года в письме к Арнольду Цвейгу об археологических находках в Египте мэтр отказывался воспринимать их как стимул закончить книгу. Судьба Моисея,

решительно заявил он, – это сон. Само ее название «Человек Моисей: исторический роман», говорил основатель психоанализа Эрнесту Джонсу, раскрывает, почему он не опубликовал эту работу и не опубликует ее. Исторического материала для надежной реконструкции недостаточно. Кроме того, бросать тень сомнения на национальную еврейскую легенду – значит провоцировать ненужную сенсацию. «Только несколько человек, Анна, Мартин, Крис, прочли эту вещь». По крайней мере, есть с кем обсуждать Моисея. Когда у Цвейга, который в Палестине чувствовал себя изолированным и испытывал тревогу, появилась возможность приехать в Вену, Фрейд с радостью ждал возможности поговорить: «Мы забудем все несчастья и всю критику и станем фантазировать о Моисее». Визит долго откладывался, но 18 августа 1936 года в Chronik мэтра появилась запись: «Моисей с Арн. Цвейгом».

Какой бы приятной ни была беседа друзей, 1936-й стал годом повторений и призраков. 6 мая Фрейду исполнилось 80 лет, и спектакль, который раздражал и утомлял его в предыдущие годы, был разыгран снова. Основателю психоанализа нравилось признание, но просто день рождения, даже такая круглая дата, как 80 лет, не доставлял ему удовольствия – Фрейд его терпел. Цвейг приехал вскоре после того, как мэтр «выдержал» все необходимые церемонии. По крайней мере, ему удалось воспрепятствовать осуществлению плана Джонса, который собирался в честь юбилея издать его избранные эссе в одной книге. Ситуация в психоанализе, как и в политике, писал он Джонсу, абсолютно не подходит для какого-либо празднества. Но на поздравления, которыми его засыпали, нужно было отвечать, хотя бы открыткой с благодарностью. Кроме того, Фрейду приходилось принимать известных посетителей, считавших своим долгом нанести визит. Одни, например Людвиг Бинсвангер и Мари Бонапарт, тактично державшиеся в стороне 6 мая, чтобы Фрейд мог побыть с семьей, были особенно желанными. Других он стоически вытерпел. Через месяц, 5 июня, Марта Фрейд написала племяннице Лили: «Твой бедный дядя вкалывал, как поденщик, чтобы написать малую часть необходимых благодарностей».

Среди поздравлений был изысканный адрес, сочиненный Стефаном Цвейгом и Томасом Манном и подписанный 191 художником и писателем. В благодарности Цвейгу Фрейд отметил: «Хотя я был необычно счастлив у себя дома, с женой и детьми, особенно с дочерью, которая есть редкий образец исполнения всех ожиданий отца, но все равно не могу примириться с убожеством и беспомощностью старости и смотрю

на переход в небытие даже с чем-то вроде желания». Манн также отметил 80-летие основателя психоанализа лекцией «Фрейд и будущее», которую семье Фрейд в квартире на Берггассе, 19, прочитал 14 июня. В конце месяца пришло признание, которое мэтр ценил еще больше, чем почетное членство в Королевском медицинском обществе: Зигмунда Фрейда избрали членом-корреспондентом Королевского общества, навечно связанного с такими великими людьми, как Ньютон и Дарвин. Несколько дней спустя в письме Эрнесту Джонсу мэтр выражал радость по поводу очень высокой чести, которой его удостоили. Редкие и формальные похвалы соотечественников по сравнению с этим выглядели намеренным оскорблением.

Главное, что определяло жизнь Фрейда, помимо угрозы нацизма, – это преклонный возраст и неважное здоровье. «Я старый человек, – писал он Абрахаму Швадрону, заведующему отделом библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме, – и, очевидно, жить мне осталось не очень долго». Швадрон просил Фрейда прислать какие-нибудь документы, но тот мог предложить ему совсем немного. «Вероятно, у меня неоправданная антипатия к личным вещам, автографам, коллекциям рукописных образцов и всего, что из этого вытекает. Дело зашло так далеко, что я, например, отправил в мусорную корзину все свои рукописи до 1905 года, и среди них «Толкование сновидений». Потом Фрейда убедили сохранять рукописи, но сам он ими не любил заниматься. «Моя дочь Анна Фрейд унаследует мои книги и письма»[306].

Анна оставалась тем, чем была для Фрейда уже больше 10 лет: центром его жизни. Он по-прежнему гордился ею и тревожился за нее. «Моя Анна очень хороша и компетентна, – с гордостью писал мэтр Арнольду Цвейгу в конце весны 1936 года, но затем на поверхность вновь всплыла старая тревога. – Страстная женщина почти полностью отбрасывает сексуальность!» Его похвалы не знали меры. «Больше всего меня радует, – писал Фрейд Эйтингону несколько месяцев спустя, – то удовольствие, которое Анна получает от работы, и ее несомненные успехи». О своей жене мэтр сухо сообщал, что с ней все хорошо. 14 сентября 1936 года они отпраздновали золотую свадьбу, но его страсть к Марте Бернайс, как довольно холодно сообщал Фрейд Мари Бонапарт, теперь стала лишь смутным воспоминанием: «Это было неплохое решение проблемы брака, и она сегодня по-прежнему нежна, здорова и активна».

В отличие от супруги сам мэтр хотя и оставался активен, но нежным и здоровым его назвать было нельзя. Взгляд основателя

психоанализа по-прежнему был пронзительным, но губы поджались, стали тонкими, а их уголки слегка опустились, придав ему вид скептического наблюдателя, который из всех видов юмора предпочитает иронию. В середине июля 1936-го доктор Пихлер снова оперировал Фрейда, уже третий раз за этот год, и обнаружил рецидив. Мэтр лишь неделю спустя перестал считать себя смертельно больным. В начале зимы Пихлер прооперировал его еще раз, и 24 декабря Фрейд записал в дневнике, в своей телеграфной манере: «Рождество в боли».

Болезненный шок, но уже другого рода, ждал его всего неделю спустя. В жизнь основателя психоанализа последний раз вторгся Вильгельм Флисс. 30 декабря Мари Бонапарт сообщила ему, что продавец книг из Берлина по фамилии Шталь предложил ей письма Фрейда к Флиссу, а также те длинные записки, в которых мэтр разрабатывал психоанализ в 90-х годах XIX столетия. Вдова Флисса продала их ему, и Шталь просил за них 12 тысяч франков, или около 500 долларов[307]. Немец, писала Мари, получил предложение из Соединенных Штатов, но хотел сохранить документы в Европе. Принцесса посмотрела одно из писем, чтобы проверить их подлинность. «В конце концов, – писала она Фрейду, – мне знаком ваш почерк!»

Фрейд был шокирован. Как известно, когда в 1928 году, вскоре после смерти мужа, вдова Флисса попросила вернуть его письма, Фрейд не смог их найти. Но просьба заставила его забеспокоиться относительно собственных посланий Флиссу. Их переписка, признавался он теперь Мари Бонапарт, была сугубо интимной. Ему будет крайне неприятно, если она попадет в чужие руки.

Основатель психоанализа предложил заплатить часть суммы. Он явно хотел уничтожить письма. «Мне бы не хотелось, чтобы хоть одно из этих писем дошло до сведения так называемого потомства». Но Шталь соглашался продать письма Фрейда только при условии, что они не попадут в руки… его семьи. Очевидно, страсть Фрейдов к приватности, характерная черта буржуа XIX века, к которым они принадлежали, ни для кого не была секретом.

Началась нежная дуэль: с одной стороны, мэтр, которому очень хотелось получить документы, а с другой – принцесса, не менее сильно желавшая сохранить их для «так называемого потомства». В начале января 1937 года, разделяя отношение Фрейда к вдове Флисса, Мари Бонапарт заверила своего дорогого друга, что письма хотя по-прежнему находятся в Германии, но, по крайней мере, уже не в руках «ведьмы». Она сказала, что не станет их читать, и предложила поместить в надежную

библиотеку, поставив условием, что письма будут недоступны ни для кого 80 или даже 100 лет после смерти мэтра. Возможно, возражала она своему бывшему аналитику, Фрейд не осознает свое величие. «Вы принадлежите истории человеческой мысли, как Платон или, скажем, Гёте». Сколько бы мы все потеряли, если бы у нас не было бесед Эккермана с Гёте или если бы диалоги Платона оказались уничтожены, чтобы защитить репутацию Сократа-педераста! «Что-то было бы утрачено из истории психоанализа, этой уникальной науки, вашего творения, нечто более важное, чем даже идеи Платона», если эти письма будут уничтожены просто из-за нескольких личных соображений. Она пишет все это, заверяла Мари Бонапарт, потому что… Словом, «я вас люблю… и преклоняюсь перед вами».

Фрейд испытал облегчение, что его письма достанутся именно Мари, но отвергал ее аргументы и сравнения, как 25 лет назад не соглашался, когда Ференци настойчиво сравнивал его с Гёте. «С учетом очень близкого характера наших отношений, эти письма естественным образом касаются всего», – писал он. В них деловые вопросы смешиваются с личными. Среди деловых были «…все идеи и ошибочные повороты касательно развивающегося анализа, и в этом смысле они также глубоко личные». Принцесса уважительно выслушивала аргументы мэтра, но убедить ее не удалось. В середине февраля письма были уже у Мари Бонапарт, и в начале марта она приехала в Вену, чтобы лично возразить на настойчивые призывы Фрейда. Все еще надеявшийся, что принцесса согласится сжечь письма, основатель психоанализа позволил ей их прочитать. Реакция Мари не оправдала его надежды. Она указала мэтру на несколько самых значимых пассажей, а затем, бросив вызов человеку, которого любила и уважала, повела себя как истинный друг истории и поместила письма в банк Ротшильда в Вене. Возможно, принадлежащий еврею банк был не лучшим выбором, но в то время захват Гитлером Австрии еще не представлялся неизбежным.

В 80 лет Фрейд все еще был способен работать, любить и ненавидеть. В начале 1937 года он вернулся к технике анализа – с рассудительностью опытного профессионала. Его объемная статья «Конечный и бесконечный анализ» – самая трезвая оценка эффективности психоанализа. Подобная сухость не нова. Основатель движения никогда не был энтузиастом терапии, но теперь, подчеркивая силу врожденных желаний, а также сопротивление, которое оказывают анализу влечение к смерти и деформации характера, он нашел новые причины считать лечебное воздействие психоанализа чрезвычайно умеренным.

Мэтр даже утверждал, что успешный анализ не обязательно предотвратит рецидив невроза. Статья навевает мысли о том, что автор отказывается или по крайней мере ставит под вопрос цель терапии, которую он сформулировал всего несколько лет назад. Цель психоанализа, писал Фрейд в «Новом цикле лекций по введению в психоанализ», как раз укрепить «Я», сделать его более независимым от «Сверх-Я», расширить поле его восприятия и так выстроить его организацию, чтобы оно могло освоить новые части «Оно». Где было «Оно», должно стать «Я». «Это культурная работа, наподобие осушения Зейдер-Зее». Теперь он писал так, словно польза для «Я» была по меньшей мере временная. Было бы слишком просто приписать этот неутешительный вывод только влиянию современных событий, но они, несомненно, внесли свой вклад. Политика проникала всюду.

Статья «Конечный и бесконечный анализ» вышла в свет в июне 1937 года. В этом же месяце Фрейд получил известие о кончине Альфреда Адлера. Весть, что он пережил Адлера, мэтр принял с удовлетворением. Во время лекционного турне по Британии Адлер упал прямо на улице Абердина – сердечный приступ, ставший смертельным. Когда Арнольд Цвейг, узнав об этой новости, выразил основателю психоанализа сочувствие, у Фрейда не нашлось добрых слов. «Для еврейского мальчика из пригорода Вены, – ответил он, – смерть в шотландском Абердине – это беспрецедентное достижение и доказательство того, как высоко он поднялся. Конечно, современники высоко ценили его за услуги по сопротивлению психоанализу». Мэтр высказался на эту тему в статье «Недовольство культурой», когда писал, что не может понять христианский призыв любить всех и что многие люди действительно заслуживают ненависти. Среди этих людей хуже всего, по мнению мэтра, были те, кто его предал и зарабатывал на заигрывании с публикой, которой не нравилась теория либидо.

Смерть Адлера доставила Фрейду удовольствие или, по крайней мере, не опечалила, но другие люди давали ему веские основания для беспокойства. Основателю психоанализа не было суждено радоваться тому, что его близкие преуспевают или благородно стареют. Свояченице Минне Бернайс, которую он по-прежнему очень любил, исполнилось 72 года, и она тяжело болела. Дети, попавшие под удар гитлеризма, стали беженцами, ищущими постоянный кров и средства к существованию. Только дочь Анна двигалась от успеха к успеху. В начале карьеры известность и защиту ей обеспечивало имя отца, но теперь она завоевала авторитет собственной психоаналитической работой с детьми, а также ясными и понятными статьями. К сожалению, в

феврале 1937 года умерла ее – и самого мэтра – подруга, Лу Андреас-Саломе, которой было 75 лет. Она скончалась мирно, в своем маленьком доме в Геттингене. Фрейд узнал о смерти фрау Лу из газет. Арнольду Цвейгу он признавался, что испытывал к ней нежные чувства, но, и это довольно любопытно, без какой-либо примеси сексуального притяжения. Основатель психоанализа отдал ей дань в кратком, но сердечном некрологе. Эйтингон в письме из Палестины точно выразил чувства мэтра: «Смерть Лу выглядит странно нереальной. Нам казалось, что она неподвластна времени».

Несмотря на поглощенность интересами и жизнью родных и близких, Фрейд не мог игнорировать угрозу, исходившую от нацистской Германии. Все еще лелеявший слабую надежду, что он относительно спокойно умрет на родине, и время от времени экспериментировавший с мрачными предсказаниями, мэтр наблюдал, как тают его иллюзии по поводу сохранения Австрией независимости. Успокаивающие опровержения не выдерживали столкновения с неопровержимой реальностью: вооружением Германии и нежеланием Запада давать отпор Гитлеру. Мрачными были не только его личные перспективы, но и перспективы всего психоанализа. Еще летом 1933 года мэтр сказал Эрнесту Джонсу, что «…почти готов увидеть, что в нынешнем мировом кризисе наша организация тоже погибнет. Берлин потерян, Будапешт обесценился после ухода Ференци; а куда они движутся в Америке, непонятно». Два года спустя, в сентябре 1935-го, он просил Арнольда Цвейга не откладывать запланированную поездку в Европу: «Вена не должна стать немецкой раньше, чем вы приедете ко мне». Тон его был шутливым – но только тон. Цвейг все еще тешился мыслью, что правление нацистов в Германии придет к концу и «коричневую» эру сменит монархия с либеральным оттенком. Фрейд тоже продолжал цепляться за подобные фантазии. Даже в феврале 1936 года он выражал надежду, что может дожить до падения нацистского режима. Это было свидетельство не неистребимой наивности, а скорее неопределенных сигналов, получаемых политическими обозревателями как справа, так и слева.

Тем не менее в середине 1936 года мрачные комментарии начали проскальзывать все чаще. «Приближение Австрии к национал-социализму, похоже, не остановить, – писал Фрейд Арнольду Цвейгу в июне. – Судьба на стороне черни. Я со все меньшим и меньшим сожалением ожидаю того времени, когда опустится мой занавес». В марте 1937-го он уже считал катастрофу неминуемой. «По всей видимости, политическая

ситуация становится еще более печальной, – писал основатель движения Эрнесту Джонсу. – Вероятно, нет никакого препятствия вторжению нацистов со всеми гибельными последствиями такого вторжения как для психоанализа, так и для всего остального». Фрейд сравнивал положение в Вене с положением в 1683 году, когда у ворот города стояли турки. Тогда беда отступила – теперь же надежды почти не осталось. Муссолини, который до сих пор защищал Австрию от немцев, похоже, решил предоставить им свободу действий. Мэтр с горечью констатировал: «Я бы хотел жить в Англии, как Эрнст, и путешествовать в Рим, как вы». Письмо Арнольду Цвейгу также было исполнено дурных предчувствий: «Все вокруг становится все более мрачным, угрожающим, а сознание собственной беспомощности все более настойчивым». Четырьмя годами раньше он все еще питал теплые чувства к соотечественникам. Правая диктатура, убеждал мэтр Эрнеста Джонса, сделает жизнь тяжелой для евреев, но Лига Наций вмешается и не допустит преследований. Кроме того, Австрия не заражена германской жестокостью. Теперь он видел ситуацию с безжалостной ясностью, по крайней мере иногда. «Правительство здесь, – отмечал основатель психоанализа в декабре 1937 года, – другое, но люди те же, полностью разделяют антисемитскую веру со своими братьями из рейха. Петля на нашем горле затягивается все туже, хотя мы еще дышим». Восторг, с которым австрийцы приветствовали Гитлера три месяца спустя, вряд ли удивил Фрейда.

Катастрофа Австрии назревала давно и в конечном счете стала неизбежной. В июле 1936 года канцлер Курт фон Шушниг поручил правительству заключить соглашение с нацистской Германией – Фрейд отметил это событие в своем дневнике. В соглашении имелись секретные статьи, предусматривающие разрешение на деятельность запрещенной нацистской партии Австрии и включение в правительство некоторых ее лидеров, например Артура Зейсс-Инкварта. Петля, если пользоваться метафорой мэтра, продолжала затягиваться. В феврале 1938-го Гитлер вынудил Шушнига сделать Зейсс-Инкварта министром внутренних дел. Троянский конь был на месте. Шушниг сопротивлялся, назначив на 13 марта плебисцит по сохранению независимости Австрии – смелый, но бесполезный шаг. Все стены и тротуары были исписаны лозунгами в поддержку Шушнига, но что это дало?..

Зигмунд Фрейд относился к кризису как к решающему поединку, печальный результат которого был вероятен, но еще не предопределен. «В настоящее время наше правительство

решительно и храбро, – писал он Эйтингону в феврале 1938 года, – и сопротивляется нацистам решительнее прежнего». Однако мэтр не решился предсказать, сможет ли эта храбрость предотвратить захват Австрии нацистами. Он сам и его семья сохраняли спокойствие. «Настроения в Вене панические, – написала Анна Фрейд Эрнесту Джонсу 20 февраля и тут же прибавила: – Мы не поддаемся панике». Два дня спустя основатель психоанализа в письме сыну Эрнсту высказал осторожные сомнения, что Австрия уподобится Германии: «Католическая церковь чрезвычайно влиятельна и окажет сильное сопротивление». Кроме того, «…наш Шушниг достойный и смелый человек; у него есть характер». Шушниг пригласил к себе группу еврейских промышленников и заверил их, что евреям нечего бояться. Естественно, если его вынудят уйти или если произойдет вторжение нацистов, все надежды придется оставить.

Но Фрейд по-прежнему отказывался спасаться бегством. Его отъезд только даст сигнал к полному распаду аналитической группы, чего мэтр хотел избежать. «Я не верю, что Австрия, предоставленная самой себе, скатится к нацизму. Она отличается от Германии, но эту разницу, как правило, не замечают». Фрейд буквально хватался за соломинку, связывая надежды с самым невероятным союзником – церковью. «Возможно ли еще найти убежище под кровом Римско-католической церкви?» – спрашивал он Мари Бонапарт 23 февраля. Но сам основатель психоанализа в это не верил. «Quien sabe?» – прибавил он на своем школьном испанском. Действительно, кто знает? В этих попытках до последнего поддерживать самообман есть что-то жалкое… Раньше Зигмунд Фрейд более реалистично смотрел на любую ситуацию.

Планы Гитлера включить Австрию в состав Третьего рейха беспрепятственно претворялись в жизнь. Плебисцит Шушнига был все равно что деревянный пистолет против пулемета. Немецкие послы сообщали в Берлин из Лондона и Парижа, что аннексия Австрии не вызовет сопротивления. Шушнига заставили отменить плебисцит. 11 марта, после ультиматума от Гитлера, он подал в отставку, и канцлером стал Зейсс-Инкварт. Вердикт Фрейда оказался лаконичен и точен: «Finis Austriae». На следующее утро новый глава правительства Австрии, следуя указаниям своих хозяев из Берлина, пригласил немецкие войска перейти границу.

В тот день, 12 марта 1938 года, Зигмунд Фрейд сидел у радиоприемника и слушал, как немцы занимают Австрию. Он слышал бодрые заявления о сопротивлении, затем о катастрофе, радость сначала одной стороны, потом другой. Основатель психоанализа плохо себя чувствовал после операции, но

политические события заставили его забыть о боли. Дневник Фрейда кратко отражает факты: в воскресенье 13 марта аншлюс с Германией, а на следующий день – Гитлер в Вене. Наступила эра террора, отвратительное сочетание спланированных захватчиками чисток и спонтанных вспышек жестокости местного населения. Преследованиям подвергались социал-демократы, неудобные лидеры старых правых партий, но прежде всего евреи. Фрейд недооценил своих соотечественников. Как известно, в конце 1937 года он говорил, что австрийцы не менее жестоки, чем немцы, но на самом деле в издевательствах над беспомощными людьми они превзошли своих учителей – нацистов.

Нетерпимости и садистской мстительности, для приобретения – или выражения? – которых многим немцам потребовалось пять лет, австрийцы научились буквально за считаные дни. Немцы сдались под мощным напором пропаганды, запуганные жестоким государством, бдительной партией и контролируемой печатью, тогда как многим австрийцам не понадобилось никакого давления. Такое поведение лишь в малой степени можно объяснить или оправдать вынужденной уступкой нацистскому террору. Толпы, грабившие еврейские дома и терроризировавшие еврейских лавочников, делали это без официальных приказов. И получали огромное удовольствие. Австрийские прелаты, олицетворение совести католиков, и пальцем не пошевелили, чтобы мобилизовать остатки здравого смысла и благоразумия. Следуя примеру кардинала Теодора Иннитцера, священники с церковных кафедр восхваляли достижения фюрера, обещали сотрудничать с новыми властями и давали распоряжения вывешивать на церквах флаги со свастикой по соответствующим поводам. Переход духовенства на сторону Гитлера явился неутешительным ответом на печальный вопрос, который задавал Фрейд несколькими неделями раньше, когда высказал предположение, что Римско-католическая церковь, исходя из собственных интересов, возможно, не станет сопротивляться Гитлеру[308].

Происходящее на улицах австрийских городов и деревень сразу после немецкого вторжения по своей жестокости превосходило все, что видел гитлеровский рейх. Грязная антисемитская клевета таких нацистских журналов, как Stürmer, ограничения на профессию для немецких евреев, расистский нюрнбергский закон 1935 года, населенные пункты, гордо объявляющие себя «свободными от евреев» – Judenrein, – все это не предвещало для немецких евреев ничего хорошего. Однако их страдания не шли ни в какое сравнение с волной насилия,

захлестнувшей Австрию после аншлюса: март 1938 года стал генеральной репетицией ноябрьских погромов в Германии. Популярный немецкий драматург либеральных взглядов Карл Цукмайер в те дни случайно оказался в Вене, и увиденное на всю жизнь запечатлелось в его памяти. «Врата ада разверзлись и изрыгнули из себя самых низких, самых отвратительных, самых ужасных демонов. Город превратился в кошмарное полотно Иеронима Босха. Воздух наполнился непрерывными, дикими, истерическими криками, вылетавшими из глоток мужчин и женщин». В глазах Цукмайера все эти люди лишились лиц, которые теперь напоминали искаженные гримасы: «у одних страха, у других лукавства, но у большинства дикого, исполненного ненависти торжества». Он был свидетелем ужасных событий в Германии, в том числе гитлеровского «Пивного путча» в ноябре 1923 года и прихода нацистов к власти в январе 1933-го, но ничто не могло сравниться со сценами, которые разыгрывались на улицах Вены. «Это был поток зависти, ревности, озлобления, слепой и безжалостной жажды мести».

Бойкот, объявленный еврейским торговцам в Вене и других городах, стал меньшим из зол. Однако этот бойкот, сам по себе отвратительный, сопровождался толпами коричневорубашечников или мародерствующих подростков с нарукавными повязками со свастикой, которые наказывали тех, кто его игнорировал или отрицал. Вооружившись тщательно подготовленными для этого случая списками, австрийские нацисты и их последователи грабили квартиры и магазины евреев, разоряли синагоги. Но еще страшнее было спонтанное насилие. Вид беззащитных евреев возбуждал воображение австрийских толп в разных городах страны. Ортодоксальные евреи Восточной Европы – в своих широкополых шляпах, с пейсами и длинными бородами – стали любимой мишенью погромщиков, но остальных тоже не щадили. Под радостное улюлюканье мучителей еврейские дети, женщины и старики голыми руками или зубными щетками стирали призывы к плебисциту Шушнига, оставшиеся на улицах. Некий английский журналист стал свидетелем одной из таких сцен: «Люди из СА волокли пожилого еврейского рабочего и его жену через одобрительно кричащую толпу. По щекам старой женщины катились слезы; она смотрела вперед, как будто сквозь своих мучителей, а я заметил, как старик, за руку которого она держалась, пытался погладить ее ладонь. «Работа для евреев! Наконец работа для евреев! – выла толпа. – Спасибо нашему фюреру, он дал работу евреям!» Другие банды насмешками и пинками заставляли еврейских школьников писать «Jud» на

стенах, выполнять унизительные упражнения или вскидывать руку в нацистском приветствии.

Все это продолжалось не один день. В сообщении агентства Associated Press из Вены от 13 марта были такие строки: «Сегодня усилилось избиение евреев и разграбление магазинов. Евреи исчезают из жизни Вены. На улицах и в кафе не встретишь никого или почти никого из них. Один был избит при выходе из кафе на глазах у жены, которая беспомощно смотрела на это. Еврейскую женщину, снявшую 40 тысяч шиллингов в банке, арестовали без всякого обвинения». Потом нацисты явились в штаб-квартиру еврейского спортивного общества «Маккаби», разбили имущество и сорвали эмблему организации.

Некоторые просто отказывались верить своим глазам; для них еще не умер волшебный сон о Вене, очаровательном и веселом городе на берегах голубого Дуная: «Еврейские лидеры выражали мнение, что в Австрии антисемитизм будет мягче, чем в Германии». В действительности все оказалось наоборот. В сообщении, помеченном 15 марта, корреспондент сообщал: «Адольф Гитлер оставил после себя в Австрии антисемитизм, который расцветает даже быстрее, чем это происходило в Германии». Далее он описывает сцены, которые стали уже знакомыми читателям западных газет за два предшествующих дня, – зубные щетки и все остальное. Журналист отмечал, что, если бы у еврея был выбор между получающими удовольствие австрийцами и исполняющими приказы немцами, последние оказались бы предпочтительнее: «Автор видел у гостиницы Saechsischer женщину в меховой шубке в окружении шестерых нацистских охранников с винтовками и в стальных касках; они заставили ее встать на колени и стирать слова Heil Schuschnigg, написанные краской на тротуаре. Но даже за такие унижения евреи могли быть благодарны, потому что охранники их пальцем не тронули – в отличие от скорой на расправу толпы». Эта толпа, пребывавшая в крайне опасном настроении и склонная к грабежам, была разогнана охранниками в касках. «Совершенно очевидно, – рассуждал корреспондент, – что цену аншлюса почувствуют не только евреи». Немецкий нацист из Берлина, с которым беседовал журналист, выразил некоторое удивление скоростью, с которой здесь внедряется антисемитизм, что, по его словам, делает судьбу евреев Вены гораздо худшей, чем в Германии, где изменения были постепенными. Больше всего работавших в Вене репортеров поражала атмосфера всеобщего ликования. «ВЕНЦЫ ОБЕЗУМЕЛИ; ПЕРЕПОЛНЕННЫЕ ШУМНЫЕ УЛИЦЫ», – сообщал один из газетных заголовков 14 марта. «Толпы кричащих, поющих, размахивающих флагами людей

бродят по городу с нацистским приветствием «Зиг хайль» / МОЛОДЕЖЬ МАРШИРУЕТ / В кафе немецкие марши сменяют вальсы / Оппозиции не видно». Немецкие нацисты импортировали в Австрию свои эффектные приемы манипулирования массами, и на какое-то время в стране словно наступил праздник.

Оборотной стороной этого праздника были насилие и убийства. В Вене и других австрийских городах март 1938 года стал временем политических убийств – а также убийств случайных и импровизированных. Известного адвоката, социал-демократа Хуго Шпербера, который своим едким сарказмом давно провоцировал австрийских нацистов, буквально затоптали. И этот случай не единичен: в апреле Исидор Поллак, директор химической фабрики, был убит точно так же людьми из СА, которые якобы обыскивали его дом. Другие австрийские евреи, например эссеист, артист кабаре и непрофессиональный историк культуры Эгон Фридель, обманули своих палачей и убийц, лишив их добычи… 16 марта, когда штурмовой отряд поднимался по лестнице в его квартиру, Фридель выпрыгнул из окна и разбился насмерть. Этот выход из положения превратился в эпидемию: 11 марта в Вене было зарегистрировано два самоубийства, три дня спустя их число возросло до четырнадцати, причем восемь погибших были евреями. За всю весну около 500 австрийских евреев предпочли лишить себя жизни, чтобы избавиться от унижения, невыносимой тревоги или депортации в концентрационные лагеря. Смерти были такими подозрительными, что в конце марта власти сочли необходимым официально опровергнуть слухи о тысячах самоубийств после прихода нацистов к власти. Хвастаясь механической точностью, которая характеризовала гитлеровскую машину смерти, заявление информировало, что с 12 по 22 марта в Вене зарегистрировано девяносто шесть самоубийств, из который только пятьдесят напрямую связано с изменением политической ситуации в Австрии.

Той весной мысль о самоубийстве посещала даже дом Фрейда. Врач Макс Шур, которому мэтр доверял и который был близким другом семьи в эти тяжелые месяцы, рассказывал, что, когда идея бегства от нацистов уже представлялась безнадежной, Анна спросила: «Не лучше ли всем нам покончить с собой?» На это Фрейд, в свойственной ему иронической манере, возразил: «Зачем? Потому что они этого желают?» Возможно, он считал, что игра не стоит свеч, и ждал, когда упадет занавес, но все же не собирался сам задувать огонь и покидать сцену – ради удовольствия врага. Бунтарский дух, который сопровождал

основателя психоанализа всю жизнь, по-прежнему жил в нем. Если он и уйдет, то на собственных условиях.

Новые власти завершили вхождение Австрии в гитлеровский рейх быстро, безжалостно и эффективно. Их деятельность в буквальном смысле слова означала: finis Austriae. Меньше чем за неделю австрийская армия, законодательство и институты превратились в немецкие отделения, и страна, которая называлась Австрией, теперь стала восточной провинцией Германии под названием Остмарк – это был сознательный архаизм. Судьи, чиновники, промышленники, банкиры, профессора, журналисты, музыканты из числа евреев – все были немедленно уволены. Уже через несколько недель опера, газеты, мир бизнеса, высокой культуры и кафе с восторгом объявляли себя чисто арийскими. Надежные и проверенные нацисты получили все важные и почетные должности. Сопротивления практически не было – даже возражений. Но любой отпор оказался бы неэффективным и иррациональным; то слабое сопротивление, которое могли бы оказать австрийцы, элитные подразделения Генриха Гиммлера, или СС, подавили испытанными временем методами. Тех, кого подозревали в противодействии нацистам или даже в мыслях о противодействии, бросали в тюрьму либо отправляли в Дахау, страшный концентрационный лагерь в Баварии. Немногим удалось сбежать за границу, но лишь затем, чтобы понять, что остальной мир не собирается вмешиваться и приходить им на помощь.

В какой-то степени защищенный своей международной известностью, Фрейд был избавлен от большей части этих ужасов, но не от всех. 15 марта, на следующий день после записи о прибытии Гитлера в Вену, основатель психоанализа отметил в дневнике, что была проведена «проверка» в его квартире и в издательстве Verlag. В офис издательского дома на Берггассе, 7, и в квартиру Фрейда на Берггассе, 19, ворвались банды добровольцев и коричневорубашечников. Они перерыли документацию Verlag, увели и целый день держали в камере сына Фрейда Мартина, но не смогли найти никаких компрометирующих документов. Мэтру повезло: из его завещания, хранившегося в офисе, можно было понять, что у него есть зарубежные счета. В квартире нежданные гости провели много времени. Возможно, их несколько смущала фрау Фрейд, безупречно владеющая собой и по-буржуазному вежливая, но это смущение не было достаточно сильным. Анна Фрейд сопроводила их к сейфу в другой комнате, открыла его и предложила не

стесняться. Следующий визит нацистов, неделю спустя, стал более основательным.

К сожалению, было очевидно, что в Вене у психоанализа нет будущего. Неясным оставалось и будущее самого основателя движения. Фрейд был достаточно известным человеком и привлекал к себе внимание: западные газеты писали, что власти Палестины гарантировали ему убежище, но Австрия не выдавала паспорт. Однако в дневнике Фрейда есть сообщение о предложенной помощи: Джонс – 16 марта и принцесса – днем позже. И один, и вторая обладали немалыми возможностями – австрийцы назвали их Protektion: Джонс со своими связями в британском кабинете министров и Мари Бонапарт с ее состоянием, происхождением и родственниками королевской крови заставили задуматься даже гестапо. Из Швейцарии прислал приглашение Бинсвангер – письмо было написано иносказательным языком, которому научились те, кто вел переписку с теми, кто оказался на оккупированных нацистами территориях. «Цель моих сегодняшних строк, – писал Бинсвангер Фрейду 18 марта, – сообщить, что я приглашаю вас в любое время, когда вы пожелаете сменить атмосферу». Он заверял мэтра: «…все ваши швейцарские друзья думают о вас и всегда готовы помочь». Но еще важнее была помощь Уильяма Буллита, в то время занимавшего должность американского посла во Франции, который внимательно следил за судьбой своего соавтора. Американский консул в Вене, генерал Джон Купер Уайли, который был назначен по просьбе Буллита, действовал как его представитель на месте. Фрейду также повезло с австрийцами из числа нееврев, особенно с его хирургом Гансом Пихлером, продолжавшим относиться к основателю психоанализа как к обычному пациенту, словно окружающий мир нисколько не изменился.

Тем не менее никакой гарантии, что все эти защитники спасут Фрейда, не было. Опьяненные чередой побед и презирающие трусливые западные державы, жаждавшие мира и боявшиеся столкновений, нацисты не были склонны обращать внимание на протесты Британии, Франции или США. Воспоминания об ужасах Первой мировой войны преследовали государственных деятелей союзников и буквально парализовали их. Эти воспоминания действовали как средство умиротворения. Некоторые из наиболее радикальных нацистских политиков, такие как Гиммлер, настаивали, чтобы Фрейд и «банда психоаналитиков», все еще остававшихся в Вене, были брошены в тюрьму, но их пыл, похоже, охладил Геринг, которого поддержало немецкое Министерство иностранных дел, призывавшее к

благоразумию.

15 марта Уайли докладывал государственному секретарю США Корделлу Халлу: «Боюсь, что, несмотря на его возраст и болезнь, Фрейд в опасности». Халл передал каблограмму президенту Франклину Рузвельту, а на следующий день сообщил, что, в соответствии с инструкциями последнего, потребовал от американского посла в Берлине Хью Роберта Уилсона заняться этим делом лично и неформально, связавшись с соответствующими немецкими властями. Уилсон должен был попытаться организовать отъезд Фрейда с семьей в Париж, где его готовы принять «проинформированные президентом друзья». С тех пор судьбой мэтра непосредственно занимались высшие чиновники Государственного департамента США – Корделл Халл, его влиятельный заместитель Саммер Уэллес и американские послы в Париже и Берлине. 17 марта Уайли телеграфировал государственному секретарю, что паспорт Фрейда конфискован, но личную помощь ему обещал начальник полиции Вены. Не были лишними и энергичные напоминания Буллита немецкому послу в Париже графу фон Велцеку, что дурное обращение с основателем психоанализа вызовет международный скандал.

Одним из главных препятствий к спасению Фрейда был сам Фрейд. Эрнест Джонс, который поспешил в Вену к нему на помощь, оставил впечатляющий рассказ о том, как они «сердечно поговорили» вскоре после 15 марта, когда мэтр приводил разнообразные доводы, иногда убедительные, но по большей части не очень, почему он хочет остаться в Вене. Он слишком стар, слишком слаб – даже не сможет подняться по ступенькам в железнодорожный вагон… Он не получит вид на жительство ни в одной стране. Этот последний аргумент, признал Джонс, был не лишен оснований. В те дни, вспоминал он, почти везде безработица была настолько велика, что любая страна стремилась защитить свои рабочие места и была «ужасно негостеприимной» для предполагаемых эмигрантов. В то десятилетие, когда к власти пришел Гитлер, мир не отличался благородством: слишком многие не имели работы, чтобы к ним добавлялись другие. И многие убеждали себя, что леденящие душу слухи о преследованиях в нацистской Германии и нацистской Австрии сродни тем пропагандистским историям, которые союзники распространяли о Германии во время Первой мировой войны. Кроме того, кому нужны евреи?

После долгих препирательств Джонс все-таки уговорил Фрейда, находчиво парировав его последний довод. Видя, как один за другим опровергаются все его аргументы в пользу необходимости остаться в Вене, Фрейд высказал последнюю

причину. Он не может покинуть родину, ибо это будет похоже на оставление солдатом своего поста. Джонс пишет: «Я успешно преодолел такое его отношение, проведя аналогию с помощником капитана «Титаника» Лайтоллером. Его вытолкнуло на поверхность, когда взорвался котел тонущего судна. Во время официального расследования Лайтоллера спросили, когда он покинул корабль, на что последовал ответ: «Я не покидал корабля, сэр; это корабль меня покинул». Этой историей Эрнест Джонс добился окончательного согласия Фрейда на отъезд. Успокоенный, 20 марта Джонс вернулся в Англию, чтобы воспользоваться своими связями и получить визы для Фрейдов.

С основателем психоанализа были связаны и другие трудности. 19 марта Уайли телеграфировал государственному секретарю, что Фрейд хочет взять с собой всю семью, включая свойственников, а также своего врача с семьей – всего 16 человек. Это, сообщал Буллит Уайли, значительно превышает средства, имеющиеся в его распоряжении. Он полагает, что таких денег нет даже у Мари Бонапарт. Он предложил 10 тысяч долларов, но больше выделить не мог – Буллит повторил это дважды. Уайли ответил, что Фрейд планирует ехать в Англию. Остается только вопрос о выездной визе. Это облегчило задачу, а вскоре подоспела помощь и с другой стороны. «Принцесса здесь, – сообщал Уайли Буллиту. – Миссис Берлингтон [Берлингем] тоже». Неприятный вопрос о деньгах отошел на второй план; теперь главной задачей стало добиться разрешения для Фрейдов на выезд.

На дипломатической сцене начался замысловатый телеграммный балет. Джонс мобилизовал свои связи, министра внутренних дел сэра Сэмюэла Хора и лорда – хранителя малой печати графа де ла Варра, чтобы получить вид на жительство для Фрейда и его семьи. Выдача таких документов была совсем не автоматической, а довольно трудной, но друзья Джонса обещали помочь. Однако власти нацистской Австрии не хотели оставлять в покое семью Фрейда. 22 марта Уайли отправил государственному секретарю каблограмму для Буллита, в которой сообщал, что фон Штайт, влиятельный «немецкий консультант», в Вене обсуждал вопрос «об отъезде Фрейда с Гиммлером *[sic]*. Я указал, что возраст и здоровье Фрейда требуют особого обращения на границе». Но в тот же день около 2 часов дня Уайли телеграфировал тем же адресатам: «Анну Фрейд только что арестовали». Когда ее увели, мэтр написал в своем дневнике: «Анна в гестапо».

Эта короткая запись скрывает волнение основателя психоанализа. Когда его дочери Анне приказали явиться в штаб

гестапо в гостинице Metropole, они с братом Мартином, который ждал такого же вызова, обратились за советом к доктору Шуру, вполне резонно полагая, что на них могут оказать меры физического и морального воздействия. А может быть, они вообще не выйдут оттуда живыми. «По их просьбе, – вспоминал Шур, – я снабдил их достаточным количеством веронала и обещал позаботиться о Фрейде». Впоследствии Шур отметил, что это был самый ужасный день.

С такой оценкой никто не стал бы спорить. «Я отправился на Берггассе и оставался с Фрейдом, – вспоминал Шур. – Часы, казалось, тянулись невыносимо долго. Тогда я единственный раз видел Фрейда в глубокой тревоге. Он расхаживал взад-вперед по комнате и постоянно курил. Я пытался успокоить его, как только мог». Тем временем в гестапо Анна не теряла самообладания. «Она была достаточно умна и сообразила, – пишет ее брат Мартин, – что опаснее всего прождать в коридоре до закрытия дверей. В этом случае, подозревала она, ее просто выведут с остальными еврейскими заключенными и, не разбираясь, депортируют или расстреляют». Подробности остались неизвестными, но Анна, похоже, сумела подключить своих влиятельных друзей и добиться вызова на допрос. В гестапо хотели узнать о международной организации, членом которой она состояла, и Анне удалось убедить немцев, что Международная психоаналитическая ассоциация представляет собой абсолютно неполитическую, чисто научную организацию. В семь часов вечера Уайли отправил государственному секретарю добрую весть для Буллита: «Анну Фрейд освободили»[309]. По свидетельству Шура, в тот вечер ее отец позволил себе проявление чувств.

Этот случай убедил Фрейда – даже больше, чем красноречие Джонса, – что пора уезжать. «В эти мрачные времена две перспективы ободряют меня, – писал он чуть позже сыну Эрнсту, – воссоединиться со всеми вами и умереть на свободе». Но за свободу нужно было заплатить немалую цену, подвергнувшись чему-то вроде бюрократического грабежа, на котором специализировались нацисты. Никто не мог легально покинуть нацистскую Австрию без Unbedenklichkeitserklärung – дословно свидетельства о благонадежности, которое выдавалось потенциальному эмигранту только после уплаты пошлин, искусно изобретаемых и множимых правящим режимом. 13 марта правление Венского психоаналитического общества рекомендовало немедленную эмиграцию всем евреям и постановило, что местонахождением этого общества будет любое место, которое определит Зигмунд Фрейд. Один из неевреев,

Рихард Штерба, отказался возглавить «арийскую» психоаналитическую организацию и предпочел разделить судьбу своих еврейских коллег – тоже отправился в эмиграцию.

Австрийские активы общества, его библиотека, а также имущество издательского дома – все было конфисковано. Австрийские власти, одинаково злобные в мелочах и негуманные в серьезных вопросах – характерная особенность всех тоталитарных режимов – расширили список требований к семье мэтра: они настаивали на уплате пошлины, вмененной евреям, «бежавшим» из страны – Reichsfluchtssteuer, – и, кроме того, хотели получить и сжечь собрание работ самого Фрейда, которое Мартин предусмотрительно отправил в Швейцарию. Примечательно, что они выставили счет сыну мэтра за доставку книг назад в Австрию. У Фрейда не было денег, чтобы удовлетворить все эти требования: наличные конфисковали, а банковский счет арестовали. На помощь пришла Мари Бонапарт. Она была с Фрейдами весь март и начало апреля, а затем вернулась в Вену в конце месяца и заплатила все, что требовалось. «Думаю, наши последние печальные недели в Вене, с 11 марта до конца мая, – впоследствии с благодарностью вспоминал Мартин Фрейд, – были бы невыносимыми без принцессы». Она привезла с собой не только деньги и бодрость духа, но и отвагу: когда за Анной Фрейд пришли эсэсовцы, Мари Бонапарт потребовала, чтобы ее тоже забрали в гестапо.

Анна, обычно такая хладнокровная, иногда была близка к отчаянию. «Когда все успокоится, – писала она тем не менее Эрнесту Джонсу 3 апреля, обращаясь к нему на ты, – я надеюсь, что смогу показать тебе, что в полной мере осознаю, как много ты для нас делаешь». Главной причиной задержки выездных виз, сообщал Уайли Саммеру Уэллесу, стала «ликвидация» издательского дома Фрейда. Мари Бонапарт была неутомима, но бесчисленные походы в чиновничьи кабинеты легли в основном на плечи Анны. «Вчера и сегодня, – писала она Эрнесту Джонсу 3 апреля, – я пять раз была у адвоката и три раза в амер[иканском] консульстве. Все продвигается очень медленно». Временами отчаяние проступало даже в ее письмах в Лондон, и Анна, дисциплинированная и самокритичная, жалела о своей несдержанности. «Обычно, – в буквальном смысле слова извинялась она перед Джонсом 26 апреля, – я пишу поздно вечером, когда уже использовала бо2льшую часть так называемого «мужества», и, возможно, слишком даю волю своим чувствам». Больше всего Анна волновалась за отца. «Что мы будем делать, если его здоровье ухудшится? Но об этом, – печально прибавила она, – лучше не задумываться».

На самом деле Фрейд неплохо справлялся со стрессом, но был обречен на бездействие, которое ненавидел. Чтобы чем-то занять время в ожидании, пока новые власти окончательно освоятся и закончат свой грабеж, он разбирал книги, документы и древности. Основатель психоанализа выбрасывал ненужные книги и пытался избавиться от писем и бумаг, но Мари Бонапарт и Анне удалось сохранить часть документов для потомков, выудив их из корзины для мусора. Гораздо большее удовольствие ему доставил перевод – вместе с Анной – книги Мари Бонапарт «Топси», которую принцесса назвала в честь своей собаки. У мэтра даже нашлись силы немного, час в день, работать над «Человеком Моисеем и монотеистической религией». 6 мая – по совпадению, это был 82-й день рождения мэтра – посол Уилсон сообщил из Берлина государственному секретарю, что гестапо видит только одно препятствие для выдачи выездной визы Фрейду: его долги перед издателем. Но эта проблема потребовала гораздо больше времени, чем ожидалось. Три дня спустя Фрейд писал своему сыну Эрнсту из Вены, «…где мы ожидаем отъезда в Лондон», и благодарил за поздравления с днем рождения: «Мы более или менее терпеливо ждем, пока уладятся наши дела. С учетом того небольшого времени, что мне осталось жить, задержка меня раздражает. Юношеская энергия и оптимизм Анны, к счастью, остались неизменными. В противном случае жить было бы трудно». И тут же прибавил, вспомнив о давнем увлечении разницей между полами: «В целом женщины выносливее мужчин»[310]. К этому времени основатель психоанализа уже полностью смирился с неизбежностью эмиграции. В середине мая он признался Эрнесту Джонсу в самом убедительном из своих мотивов: «Польза, которую принесет переезд Анне, стоит всех наших маленьких жертв. Для нас, стариков (73, 77, 82), переезд не стоит затраченного времени и сил». 73, 77, 82 – это свояченица, жена и он сам…

Работа, даже эпизодическая, оставалась для Фрейда лучшей защитой от отчаяния. Язвительное чувство юмора тоже его не покинуло. Перед тем как разрешить основателю психоанализа и его семье отъезд, нацистские власти потребовали подписать документ, в котором говорилось, что с ним обращались со всем уважением. Фрейд подписал, прибавив комментарий: «Могу от всей души рекомендовать гестапо кому угодно» – «Ich kann die Gestapo jedermann auf das beste empfehlen». Этот забавный эпизод наводит на некоторые размышления. Фрейду повезло, что эсэсовцы, которые прочитали его приписку, не поняли едкого сарказма. Было бы совершенно естественно, посчитай они эти слова оскорбительными. Зачем же идти на такой риск прямо

перед самым освобождением? Может, в глубине души мэтр хотел остаться и умереть в Вене? Какой бы ни была причина «похвалы» Фрейда гестапо, это стало его последним актом неповиновения на австрийской земле.

Процесс переезда в Англию уже начался. Первой из членов семьи, 5 мая, уехала Минна Бернайс. Девять дней спустя за ней последовал Мартин Фрейд, а через десять дней после него Матильда Холличер и ее муж Роберт. 25 мая Анна Фрейд призналась в ощущении нереальности происходящего: «Было бы неудивительно, если бы все это тянулось еще сто лет. Мы уже не здесь, но еще и не там». 31 мая она сообщала, что бумаги пока не готовы. Фрейд, его жена Марта и дочь Анна по-прежнему ждали Unbedenklichkeitserklärung.

Этот пропуск на свободу наконец был получен 2 июня. В тот же день доктор Пихлер осмотрел Фрейда и вынес вердикт, что беспокоиться не о чем. Два дня спустя, в субботу 4 июня, Зигмунд Фрейд покинул Вену. Два последних почтовых отправления с Берггассе, 19, – это короткая записка Арнольду Цвейгу и открытка племяннику Сэмюелю с указанием нового адреса в Лондоне. В своем дневнике, лаконично записывая эти события, Фрейд сделал ошибку – такую, к которой он сам призывал относиться серьезно. Основатель психоанализа ошибочно указал дату отъезда – он написал «суббота, 3 июня» вместо 4 июня. Может, это было послание из бессознательного, противоречащее откровению, кроющемуся за неразумным комплиментом гестапо? Или мэтру не терпелось покинуть Вену? Или, наоборот, это был признак желания отложить отъезд? Мы можем лишь догадываться. Четырьмя неделями раньше, 10 мая, он отметил в дневнике: «Отъезд через две недели?» Вне всяких сомнений, отправляясь в эмиграцию, он испытывал глубокие, отчасти двойственные чувства. «Радость освобождения, – признавался основатель психоанализа в своем первом письме из Лондона, – слишком тесно соседствует с печалью. Ведь, несмотря ни на что, я все еще продолжаю любить тюрьму, из которой меня освободили».

Это почти поэтично, но исход не был гладким. Макс Шур, который должен был сопровождать Фрейда в качестве личного врача, «умудрился» попасть на операционный стол – у него был аппендицит – и смог присоединиться к своему пациенту только 15 июня. По предложению Анны вместо него с Фрейдом поехала молодой педиатр Жозефина Штросс. Все почувствовали себя в безопасности, как с характерной для него точностью отметил основатель психоанализа, 5 июня в «2:45 утра», когда Восточный экспресс пересек границу Франции. «После моста через Рейн мы были свободны!» – восклицал Фрейд, вспоминая этот момент.

Если не считать усиления сердечных болей, вызванного утомлением, мэтр хорошо перенес путешествие. В Париже его ждал очень сердечный, хотя и несколько шумный прием. Вокзал наводнили разгоряченные журналисты и фотографы, охотившиеся за снимками и интервью. Но рядом был Буллит, а также Эрнст и Гарри Фрейды, а Мари Бонапарт быстро отвезла мэтра в свой элегантный дом. «Мари, – писал он, – превзошла саму себя в нежности и заботливости». Затем Фрейды ночным пароходом отправились в Англию. Утром 6 июня на вокзале Виктория их встретили родственники и Джонсы. Всех отвезли в арендованный дом на северо-западе Лондона, поблизости от Риджентс-парка. Джонс вез их через «прекрасный город» мимо туристических достопримечательностей – Букингемского дворца, площади Пикадилли, Риджент-стрит, – и Фрейд показывал их жене. Кто бы мог представить, что он закончит жизнь в Лондоне, в изгнании?..

Смерть стоика

Фрейд приехал в Англию, чтобы, как он сам выразился, умереть на свободе, но его первое письмо из Лондона свидетельствует, что ни тревоги и унижения, которые он недавно перенес, ни рак, этот злейший враг на протяжении 15 лет, ни преклонный возраст – мэтру исполнилось 82 года – не убили в нем жажду жизни, дар наблюдательности и красноречия, а также привычки буржуа. «Дорогой друг, – писал он Максу Эйтингону в Иерусалим. – Последние несколько недель я почти не слал вам новостей. В качестве компенсации пишу вам первое письмо из нового дома, еще до того, как приобрел новую почтовую бумагу». За этим замечанием стоит буржуазный мир, теперь ставший достоянием истории: считалось само собой разумеющимся – не правда ли? – что, где бы человек ни жил, даже в арендованном меблированном доме, в таком, как номер 39 по Элсуорти-роуд, на его почтовой бумаге должен значиться адрес. Но даже без нового адреса Фрейд перечислил верному берлинскому другу события последних дней: переезд семьи вместе с горничной, врачом и собакой из Вены в Англию через Париж, не вовремя случившийся аппендицит Шура, влияние трудного путешествия на его собственное сердце, необыкновенная доброта Мари Бонапарт, очаровательное расположение нового дома, с садом и чудесным видом из окна.

Фрейд в этом письме словно оправдывался и, будучи опытным психоаналитиком, сам обратил на это внимание. Но его жена, не имевшая отношения к психоанализу, воспринимала новые обстоятельства практически так же. Если постоянно не думать о тех, кто остался, писала она племяннице в конце июня, то можно быть совершенно счастливым. Четыре сестры Фрейда все еще были в Вене. Он отправил им 160 тысяч шиллингов – более 20 тысяч долларов. Сумма приличная, но при таком жестоком и непредсказуемом режиме, который установился в Австрии, судьба этих денег, не говоря уже о судьбе пожилых дам, оставалась неопределенной. Даже события, которые приносили облегчение или вызывали радость, становились для Фрейда шоком. Слишком многое изменилось за последние месяцы, а новое окружение таило в себе немало сюрпризов. Он с трудом привыкал к резкому контрасту. Все это было похоже на сон, писал Фрейд Эйтингону. «Эмоциональная атмосфера этих дней трудно укладывается в голове. Она почти неописуема». Удовольствие от жизни в новом мире несколько портили мелкие странности этого мира, вопрос о том, сколько еще будет стучать больное сердце, а

также серьезная болезнь свояченицы. Минна Бернайс лежала в постели этажом выше, и Фрейд еще с ней не виделся. Неудивительно, что временами его охватывала депрессия. «Однако все дети – как свои, так и приемные – очаровательны. Матильда распоряжается здесь так же умело, как Анна в Вене» – самая высокая оценка в устах Фрейда. «Эрнст просто сама надежность, жена и дети ему под стать; Мартин и Роберт воспрянули духом и вновь высоко держат голову. Неужели я единственный, кто не в состоянии обеспечить свою семью? Моя жена по-прежнему сохраняет бодрость духа и боевой настрой».

Ему очень повезло. Газета Manchester Guardian, которая встретила прибытие Фрейда доброжелательной статьей от 7 апреля, цитировала слова Анны: «В Вене мы были среди тех немногих евреев, с которыми обращались достойно. Нет, мы не были заперты в своем доме. Отец не выходил на улицу несколько недель, но это было связано со здоровьем». Мартин прибавил, что отец останется в Англии, потому что любит эту страну и ее народ. Дипломатично и одновременно искренне.

Одной безопасности уже было достаточно для радости, но у Фрейда имелись для нее и другие поводы. 28 июня он с нескрываемой гордостью сообщал Арнольду Цвейгу, что его посетили три секретаря «К. О.» и принесли с собой «священную книгу [Королевского] Общества» для подписи. «Они оставили мне факсимиле этой книги, и теперь, когда вы появитесь в наших краях, я смогу показать вам подписи И. Ньютона и Чарльза Дарвина. Неплохая компания!» Приглашение добавить свое имя к именам выдающихся ученых было лестным, а готовность Королевского общества изменить своим правилам и принести книгу ему свидетельствовала об особом уважении. До Фрейда был всего один подобный случай – книгу приносили английскому королю. Но эта Англия, не удержался от замечания основатель психоанализа, странное место. Англичане даже хотели, чтобы он изменил свою подпись. Здесь, как ему объяснили, только лорд подписывается одной фамилией. Поэтому в качестве эксперимента мэтр подписал письмо Арнольду Цвейгу так, как делал это более 40 лет назад: «Зигм. Фрейд».

Конечно, гораздо важнее этих мелких странностей был поток доброты и сочувствия, который пролился на Фрейда в Англии. Известные люди и обычные граждане, причем почти все незнакомые с ним, относились к основателю психоанализа с таким вниманием и заботой, что он просто не знал, как реагировать. «Внезапно мы стали популярными, – писал мэтр Эйтингону. – Управляющий банком говорит: «Я все о вас знаю», а шофер такси, везущий Анну, восклицает: «О, тут живет доктор

Фрейд!» Мы утопаем в цветах». Но самым удивительным было следующее обстоятельство: «Можно снова писать все, что хочешь. Письма не вскрываются». Двумя неделями позже, отвечая на письмо брата Александра, который сумел выбраться из Австрии в марте и теперь был в Швейцарии, в безопасности, Фрейд повторил свои восторженные слова, словно все еще не мог в это поверить. Несмотря на все присущие ей особенности, Англия «благословенная, счастливая страна с добрым, гостеприимным народом; по крайней мере, это впечатление первых недель». Основатель психоанализа с изумлением увидел, что уже на третий день ему стали приходить письма с таким адресом, как «доктору Фрейду, Лондон» или «над Риджентс-парком». Жена поразилась не меньше его. Всю эту корреспонденцию нельзя было просто проигнорировать. «А письма! – в притворном ужасе восклицал Фрейд. – Я две недели трудился, как кули, отделяя зерна от плевел». Он ответил на все, что заслуживало внимания. Письма приходили от друзей и, «что удивительно, от незнакомцев, которые всего лишь желали выразить свою радость, что мы спаслись и теперь находимся в безопасности, и ничего не хотели взамен». Помимо них, как и следовало ожидать, его осаждала «толпа охотников за автографами, глупцов, безумцев и ханжей, которые присылают брошюры и проповеди, чтобы спасти мою душу, показать дорогу к Христу и просветить меня насчет будущего Израиля. А еще научные общества, членом которых я уже состою, и бесчисленное множество еврейских «ассоциаций», в которых я должен стать почетным членом. Другими словами, впервые и в самом конце жизни я испытал, что такое слава».

Среди всех этих удовольствий Фрейд немного страдал от симптома, который много лет назад назвал виной выжившего. Он отметил, что тянул с ответом на письмо брата, потому что с ним самим и его семьей все было очень хорошо – даже слишком. Основатель психоанализа не упомянул своих сестер, оставшихся в Вене, но явно имел в виду их. И еще он испытывал приступы ностальгии. «Возможно, вы пропустили один момент, который эмигрант переживает особенно болезненно, – писал Фрейд своему бывшему пациенту, швейцарскому психоаналитику Раймону де Соссюру, поздравившему его с освобождением. – Это – если можно так выразиться – утрата языка, в котором он жил, на котором думал и который никогда не заменится другим, несмотря на все усилия». Ему даже было трудно отказаться от привычного «готического письма». Фрейд оставался ироничен: «Мне так часто говорили, что я не немец. И теперь я доволен, что больше не нужно быть немцем». И все же эти мелочи были преодолимы. На данный момент Зигмунд Фрейд не умирал, а

жил на свободе и наслаждался, насколько позволяли здоровье, приступы вины и окружающий мир.

Реакцией Фрейда на бодрящий эффект теплого приема стало возвращение к работе; это был добрый знак. 21 июня, всего через две недели после прибытия в Англию, мэтр записал в своем дневнике: «Снова взялся за Моисея III». Неделей позже он сообщал Арнольду Цвейгу, что с удовольствием работает над третьей частью «Моисея». Очевидно, это удовольствие разделяют немногие. Только что, продолжал Фрейд, пришло письмо «от одного молодого еврея-американца, в котором он просит меня не отнимать у его бедного, несчастного народа его единственное и последнее утешение». Примерно в это же время видный еврейский востоковед Авраам Шалом Иегуда обратился к основателю психоанализа с такой же просьбой. Фрейд еще не закончил рукопись книги «Человек Моисей и монотеистическая религия», но сама перспектива ее публикации страшила евреев, искавших в эти времена ужасных бедствий опору в Моисее. В 1937 году мэтр опубликовал первые две части работы в журнале Imago, но книга, доступная широкому кругу читателей, представляла гораздо бо2льшую угрозу, чем две статьи о Моисее-египтянине в каком-то журнале для психоаналитиков.

С тех пор не прекращался поток взволнованных обращений, гневных обвинений и презрительных опровержений, среди которых изредка встречалось и одобрение. Фрейда это не волновало, однако он утверждал: то, что другие назвали упрямством или высокомерием, на самом деле есть признак скромности. Он недостаточно влиятелен, указывал мэтр, чтобы поколебать веру даже одного религиозного еврея[311]. Твердо убежденный в правильности своего решения вопроса о Моисее и в значимости этого решения для истории евреев, Фрейд был упрям и на удивление слеп к психологическим последствиям для тех, кто считал Моисея своим праотцом. Однако он не всегда был таким бесчувственным. В самом начале первого очерка, «Моисей, египтянин», Фрейд сразу же обозначает проблему: «Отнять у народности человека, которого она прославляет как величайшего из своих сыновей, – отнюдь не то, за что берешься с большой охотой или походя, особенно если сам принадлежишь к этому народу. Но, – настаивает он, – ни один пример не подвигнет меня пренебречь истиной в угоду мнимым национальным интересам». Он достаточно страдал из-за того, что австрийские политики заставили его умолкнуть, даже на время, и теперь не позволит своим собратьям евреям сделать то же самое. Поэтому мэтр продолжал работать над своим «Моисеем III». Эту идею он

должен был довести до конца. 17 июля Фрейд торжественно объявил брату Александру: «Только что написал последнее предложение Моисея III». В начале следующего месяца его дочь Анна прочитала фрагмент третьей части работы на международном психоаналитическом конгрессе в Париже.

Внимание Фрейда было в основном поглощено «Моисеем», однако он не забывал о других профессиональных интересах. В начале июля в одном из последних писем Теодору Рейку мэтр продемонстрировал, что его старая неприязнь к американцам, с которыми он разошелся по вопросу дилетантского анализа, все еще жива. Рейк – кстати, именно он начал дискуссию более 10 лет назад – теперь обосновался в Соединенных Штатах. «Какой злой ветер принес вас не куда-нибудь, а в Америку? – язвительно спрашивал у него Фрейд. – Вам должно было быть известно, как наши тамошние коллеги привечают аналитиков-непрофессионалов, поскольку для них психоанализ всего лишь слуга психиатрии». Враждебность притупила его способность к состраданию. «Неужели вы больше не могли оставаться в Нидерландах?» В том же месяце Фрейд категорически отверг предположение, что он изменил отношение к дилетантскому анализу, назвав подобные сообщения глупыми слухами. На самом деле, писал мэтр, он никогда не отказывался от этих взглядов и настаивает на них еще сильнее, чем прежде.

Опасности для психоанализа, будь то в ненадежной Америке или, что гораздо хуже, оказавшейся под властью нацистов Центральной Европе, продолжали тревожить Фрейда. Издательство Verlag в Вене было уничтожено в марте 1938 года после аншлюса Австрии, и поэтому работу «Человек Моисей и монотеистическая религия» решили печатать в Амстердаме. Теперь Ганс Закс, благоразумно перебравшийся из Берлина в Бостон еще в 1932 году, за год до прихода Гитлера к власти, предложил издавать журнал прикладного психоанализа в качестве наследника закрывшегося Imago. Фрейд не хотел одобрять план Закса. Он боялся, что это будет концом всех усилий продолжать публикацию психоаналитических журналов в Германии. «Ваш план по изданию нового англоязычного Imago в Америке поначалу мне не понравился», – писал мэтр Заксу. Фрейд не хотел, «чтобы в Германии свет совсем погас», но Анна и Эрнест Джонс убедили его, что такие возражения безосновательны, и тогда он предложил название American Imago, с которым Закс тут же согласился.

Несколько дней спустя, 19 июля, Стефан Цвейг, нашедший убежище в Англии, привел к Фрейду Сальвадора Дали. Основатель психоанализа, который с подозрением относился к

сюрреалистам, был очарован «юным испанцем с доверчиво-фанатичными глазами и бесспорным техническим мастерством».

Еще через три дня, 22 июля, Фрейд начал «Очерк психоанализа», педантично отметив на первой странице дату. Он писал быстро и нетерпеливо, используя сокращения и пропуская артикли. Эта «каникулярная работа», сообщал мэтр дочери Анне, которая в то время была в Париже на конференции, стала для него увлекательным занятием. Тем не менее «Очерк…» представляет собой глубокое, хотя и краткое изложение его зрелых взглядов. На 60 страницах, которые Фрейд успел написать до того, как прервал работу над рукописью, он суммировал то, что ему было известно о психическом аппарате, теории влечений, развитии сексуальности, природе бессознательного, толковании снов и технике психоанализа. Не все в этом объемном фрагменте представляет собой резюме: мэтр намекал на новые направления своей мысли, особенно в отношении «Я». В одном из любопытных пассажей он рассуждал, что наступит время, когда химические вещества будут смещать баланс психики и таким образом сделают ненужной психоаналитическую терапию, которая сегодня является наилучшим средством лечения неврозов. В 82 года Зигмунд Фрейд по-прежнему смотрел в будущее, все еще лелеял мысль о радикальных изменениях в практике психоанализа.

«Очерк психоанализа» выглядит как высококонцентрированный учебник, но его нельзя назвать пособием для начинающих; это самая сложная из «популяризаций» Фрейда. Широкий охват и скрытые предупреждения против окостенения психоаналитического мышления делают эту работу чем-то вроде завета Зигмунда Фрейда созданной им профессии.

Фрейд прервал работу над «Очерком…» в начале сентября, когда появились тревожные признаки активизации злокачественного новообразования. После консультаций с английскими врачами Фрейды вызвали из Вены Пихлера, и 8 сентября тот сделал обширную операцию, которая длилась больше двух часов – для лучшего доступа к опухоли пришлось разрезать щеку. После операции Анна сразу же с явным облегчением написала Мари Бонапарт: «Я очень рада, что уже наступил сегодняшний день». Эта операция стала для мэтра последней; теперь он был слишком слаб и мог выдержать только лечение радием, которое тоже оказалось мучительным.

Через несколько дней Фрейда выписали из больницы, и 27 сентября он переехал в дом, который для него приготовили, – номер 20 по Мэрсфилд-Гарденс, в Хэмпстеде. Дом оказался

просторным и уютным. Особую прелесть ему придавал утопающий в цветах сад с высокими тенистыми деревьями. Осень была мягкой, и мэтр много времени проводил на свежем воздухе, читая и отдыхая в кресле-качалке. Все было приспособлено для его потребностей и желаний, чтобы он по возможности чувствовал себя комфортно. Наконец прибыли спасенные от нацистов вещи – книги, древности, знаменитая кушетка. Их расставили так, чтобы две комнаты на первом этаже напоминали приемную и примыкающий к ней кабинет в квартире на Берггассе, 19. Паула Фихтль, служанка, которая работала у Фрейдов с 1929 года и в Вене с величайшей осторожностью стирала пыль со статуэток, по памяти расставила их так, как раньше. Среди этих драгоценных артефактов был греческий сосуд с двумя ручками, подарок Мари Бонапарт, раньше стоявший позади письменного стола Фрейда в Вене. В него поместят прах мэтра и его жены… Здесь, на Мэрсфилд-Гарденс, в реконструированной обстановке Фрейд прожил год, который ему еще оставался.

Операция забрала последние силы основателя психоанализа, однако он был достаточно бодр, чтобы следить за текущими событиями. Международная обстановка стремительно ухудшалась, и угроза войны наползала на цивилизованный мир подобно ядовитому туману. 29 сентября 1938 года Невилл Чемберлен и Эдуард Даладье встретились с Гитлером в Мюнхене и позволили Германии «проглотить» немецкие области Чехословакии в обмен на сомнительное обещание нацистов в будущем вести себя мирно. Вернувшегося в Англию Чемберлена многие прославляли как спасителя, а меньшинство клеймило как позорного соглашателя. В письме Фрейду Арнольд Цвейг размышлял, что так называемые миротворцы не поймут, какую цену они заставляют платить других, – до тех пор, пока не заплатят ее сами. Мюнхенские соглашения дали союзникам возможность выиграть несколько месяцев, а после прозрения стали олицетворением предательства и трусости. Само название города, где премьер-министры Британии и Франции отдали Чехословакию нацистам, превратилось в синоним позорной капитуляции. Запись Фрейда в его дневнике от 30 сентября по поводу Мюнхена оказалась краткой: «Мир».

Он был еще недостаточно крепок, чтобы вести переписку. Первое письмо, отправленное Мари Бонапарт из нового дома, датировано 4 октября – после переезда прошла целая неделя. Прежняя навязчивая необходимость немедленного ответа теперь исчезла. Фрейду приходилось экономить силы. В этом письме мэтр объяснил почему. Операция, объяснял он принцессе,

оказалась самой тяжелой с 1923 года и дорого ему обошлась. У него хватило сил только на короткое сообщение: «Я едва могу писать, что мне не намного легче делать, чем разговаривать или курить». Фрейд жаловался, что совершенно изнурен и очень слаб. Тем не менее он принимал трех пациентов в день. Окрепнув, основатель психоанализа снова сел за письменный стол. Бросив «Очерк…», 20 октября он начал еще одно учебное эссе, «Некоторые элементарные уроки психоанализа». Этой работе тоже было суждено остаться фрагментом, причем достаточно кратким. В середине ноября мэтр сообщил Мари Бонапарт, что все еще способен работать, однако его активность была строго ограниченной: «Я могу писать письма, но больше ничего». Им завладела еще одна, последняя фантазия. Он хотел закрепить свою давнюю любовь к Англии и, по всей видимости, непреклонный отказ от Австрии натурализацией в качестве гражданина Британии, но влиятельные английские друзья и собственные связи тут оказались бессильны. Зигмунд Фрейд умер, так и не осуществив эту свою мечту.

Эти осенние дни и месяцы были пропитаны атмосферой прощания. Последние работы Фрейда, опубликованные после его смерти, читаются как напутствие. Чувствуя приближающуюся смерть, основатель психоанализа торопил друзей, просил приехать их поскорее. Когда в октябре знаменитая французская певица и актриса Иветта Гильбер, которую Фрейд давно знал и очень любил, сообщила, что хочет приехать в мае следующего года и отпраздновать его день рождения, он был очень растроган, но обеспокоен предстоящими месяцами ожидания: «В моем возрасте любая задержка воспринимается болезненно». Поток посетителей, тщательно регулируемый женой и дочерью Фрейда Анной, уменьшился, но окончательно не иссяк. Одни, например Стефан Цвейг, были старыми знакомыми, другие, вроде Герберта Уэллса, относительно новыми почитателями. Мари Бонапарт, часто приезжавшая на Мэрсфилд-Гарденс, стала в буквальном смысле слова членом семьи мэтра. Арнольд Цвейг, лишенный большей части источников дохода, использовал неожиданно полученный из Советского Союза гонорар для того, чтобы в сентябре приехать к Фрейду и остаться на несколько недель. Еще раз прощаясь со старым другом из Парижа в середине октября, он вспоминал их долгие разговоры, вероятно очень утомительные.

Все это время не прекращались попытки отговорить Фрейда от публикации его книги о Моисее[312]. В середине октября выдающийся историк науки Чарльз Сингер деликатно попросил одного из сыновей мэтра передать отцу, что было бы разумнее

оставить «Человека Моисея и монотеистическую религию» в ящике письменного стола, особенно с учетом того, что церкви Англии, этот бастион против антисемитизма, воспримут книгу как атаку на религию. Но его политически мудрая просьба не возымела действия – как и предыдущее вмешательство Авраама Иегуды. Эта работа, писал Фрейд Сингеру, снова подтверждая верность науке, которую он сохранял всю жизнь, будет атакой на религию только в той мере, в какой любое научное исследование религиозной веры имеет своей предпосылкой неверие. Он заявлял, что обеспокоен реакцией евреев на его научные гипотезы. Естественно, настаивал Фрейд, ему не доставляет никакой радости их оскорблять. «Но что я могу с этим поделать? Всю свою долгую жизнь я посвятил тому, что считал научной истиной, даже если она неудобна и неприятна другим людям. И не могу завершить жизнь актом отречения». Он признавался, что в этих призывах к самоцензуре усматривает некоторую иронию: «Нас, евреев, обвиняют, что со временем мы превратились в трусов. (Когда-то мы были храбрым народом.) Меня не затронула эта трансформация. Поэтому я должен рискнуть».

На самом деле Фрейд совсем не собирался бросать свой проект и энергично пытался организовать перевод на английский язык – как можно скорее. Над ним работала Катарина Джонс, и ей помогал муж, но в конце октября Эрнест разочаровал мэтра, сообщив, что перевод будет закончен не раньше февраля или марта 1939 года. В длинном, настойчивом ответном письме Фрейд не скрывал своих опасений. Он понимает, писал основатель психоанализа, что Джонсы очень заняты и подходят к делу чрезвычайно добросовестно, но они добровольно взвалили на себя эту ношу, и задержка нежелательна для него по многим причинам. Он напомнил Джонсу о своем преклонном возрасте и о том, что не знает, сколько ему еще суждено прожить: «… несколько лишних месяцев для меня значат больше, чем для кого-либо другого». Его желание своими глазами увидеть вышедшую из печати английскую версию вполне понятно. Возможно, Джонсу удастся найти еще кого-то, кто сможет перевести часть книги, чтобы закончить работу через два месяца. Более того, он обращал внимание Джонса на нетерпение американского издателя (Knopf NY), от которого они уже получили платеж.

Это не было ухищрением. С лета Бланш Кнопф поддерживала контакт с Мартином Фрейдом, пытаясь завладеть правами на издание книги «Человек Моисей и монотеистическая религия». Вместе со своим мужем Альфредом Бланш руководила крупным нью-йоркским издательством, которое было известно сотрудничеством с выдающимися американскими авторами,

такими как Г.Л. Менкен. Еще более впечатляющ у них был список зарубежных писателей, в число которых входил, в частности, Томас Манн. Публикация в издательстве Knopf, отличающемся к тому же особым оформлением книг, была престижной и желанной. В середине ноября миссис Кнопф посетила Фрейда и принесла с собой перечень мелких поправок, с которыми основатель психоанализа не был склонен соглашаться. Вероятно, встреча оказалась довольно напряженной: худая, энергичная, самоуверенная американка высказывала, по ее словам, незначительные предложения, пытаясь убедить упрямого мэтра исправить рукопись, которая, возможно, обошлась ему дороже любой другой. Фрейд предложил разорвать контракт, но Бланш Кнопф, конечно, отказалась, и в конечном счете издательский дом Knopf выпустил книгу «Человек Моисей и монотеистическая религия» в Соединенных Штатах. Пока шли переговоры, мэтр переписывался с переводчиком Й. Двосисом из Иерусалима о возможности ее перевода на иврит. Радуясь будущему переводу, Фрейд чувствовал себя обязанным предупредить Двосиса: несмотря на то что книга будет продолжением темы «Тотема и табу» применительно к еврейской религии, не следует забывать о неудобном факте, что «ее содержание особенно подходит для оскорбления чувств евреев в той мере, в которой они не склоняются перед наукой». Основатель психоанализа очень хотел, чтобы перевод состоялся, однако он не забыл предупредить, что затея может оказаться рискованной.

Судьба книги «Человек Моисей и монотеистическая религия» была чрезвычайно важна для Фрейда, но нацисты вынудили его обратить внимание на гораздо более серьезные события. 10 ноября мэтр записал в своем дневнике: «Погромы в Германии». Минувшей ночью нацистский режим организовал «стихийные» демонстрации – оскорбления, битье окон, грабежи, насилие – и массовые аресты. Предлогом стала гибель немецкого дипломата в Париже, застреленного безрассудным юношей, польским евреем, но акция тщательно готовилась заранее. По всей Германии, в больших и маленьких городах, было разрушено около 7000 магазинов, принадлежавших евреям, практически все синагоги в стране сожгли дотла, а 50 тысяч немецких евреев отправили в концентрационные лагеря. Непомерные пошлины, иррациональные и унизительные бюрократические требования – все это подталкивало к эмиграции и одновременно затрудняло ее. Жизнь евреев в Германии, уже осложненная расистскими законами и дискриминацией, становилась невыносимой, и они искали убежища в других странах, которые принимали их с

неохотой. Вандализм и жестокость этих «недавних отвратительных событий», которые стали известны под мрачным эвфемизмом Kristallnacht – Хрустальная ночь, – заставили Фрейда вспомнить о том, какой была Вена в марте. Они лишь обострили проблему. Что делать с четырьмя старыми женщинами в возрасте от 75 до 80 лет – его сестрами, которые по-прежнему жили в Вене? Фрейд попросил Мари Бонапарт перевезти их во Францию. Принцесса энергично взялась за дело, но бюрократия и время были против нее.

Это был вопрос жизни и смерти, однако он не мог полностью отвлечь Фрейда от земных дел, которые для него так много значили, от судьбы психоанализа. Это стало еще одним кругом неприятных проблем, возникших в его жизни с приходом к власти нацистов. Психоанализ в Германии сумел как-то выжить под эгидой Немецкого медицинского общества психотерапии. Так называемому институту Геринга, возглавляемому кузеном рейхсмаршала, было поручено приспособить психоанализ к нацистской расовой теории, использовать очищенную терминологию и избавиться от всех практикующих евреев. Никакого духа независимости, не говоря уж об исследованиях, с этой стороны ждать не приходилось. В Австрии уничтожили все следы психоанализа. Швейцарцы под сомнительным лидерством Юнга, который какое-то время рассуждал о разнице между германским и еврейским подсознательным, вряд ли были надежными, достойными доверия союзниками. Во Франции психоанализ по-прежнему находился под огнем критики. Конечно, теперь многих психоаналитиков из Германии, Австрии и Венгрии приняли Соединенные Штаты, но Фрейд, как известно, не доверял американцам, и аналитики без медицинского образования, устремившиеся в Нью-Йорк и другие американские города, выступали против норм, запрещавших им практиковать психоанализ. Поэтому, как признавал Фрейд в письме Эрнесту Джонсу, события прошедших лет привели к тому, что Лондон стал главным местом и центром психоаналитического движения. В этих обстоятельствах мэтр был рад, что английский издатель Джон Родкер основал издательский дом под названием Imago Publishing Company, чтобы выпустить новое, исправленное издание – на немецком языке – сборника его работ. Психоаналитические журналы на немецком, выпуску которых препятствовали «политические события в Австрии», также получили вторую жизнь. В начале 1939 года в Англии начал выходить новый периодический журнал, объединивший прежние Internationale Zeitschrift и Imago, редактором которого стал Фрейд.

Сам мэтр продолжал писать, но немного – краткие замечания об антисемитизме, опубликованные эмигрантским журналом в Париже, редактируемым Артуром Кестлером, и письмо редактору Time and Tide на ту же тему. В конце января 1939 года английские издатели Фрейда, владельцы Hogarth Press Леонард и Вирджиния Вульф, получили приглашение на чай в дом 20 на Мэрсфилд-Гарденс. Леонард Вульф был удивлен и пришел в восторг. Известный в обществе человек и муж прославленной на весь мир писательницы, он всю жизнь общался со знаменитостями, и произвести на него впечатление было нелегко. Но Фрейд, вспоминал он в автобиографии, был не только гением, но также, в отличие от многих гениев, необыкновенно милым человеком. Вульф писал, что не имел обыкновения хвалить известных людей, с которыми был знаком. «Почти все знаменитости либо разочаровывали, либо были скучными – или то и другое вместе. Фрейд был не таким; его окружал ореол не славы, а величия». Чай с основателем психоанализа, вспоминал Вульф, был не похож на непринужденную беседу. «Фрейд был необыкновенно вежлив, официален и старомоден – например, почти церемонно преподнес Вирджинии цветок. В нем было что-то от наполовину потухшего вулкана, нечто мрачное, подавленное, сдерживаемое. Он произвел на меня впечатление, которое производили лишь несколько человек, с которыми я встречался, – ощущение необыкновенной мягкости, но за этой мягкостью скрывалась огромная сила».

Семья Фрейда, отметил Вульф, превратила комнаты на Мэрсфилд-Гарденс в нечто похожее на музей, «поскольку его окружали египетские древности, которые он собирал». Когда Вирджиния Вульф предположила, что, если бы антигерманская коалиция потерпела поражение в Первой мировой войне, никакого Гитлера бы не было, Фрейд возразил: «Гитлер и нацисты все равно бы пришли и были бы гораздо хуже, выиграй Германия войну». Свой рассказ Вульф завершает очаровательной историей. Он прочитал газетную статью о человеке, которого обвиняли в краже книг из лондонского книжного магазина Foyle’s, и среди них была работа основателя психоанализа. Так вот, судья, вынесший решение о штрафе, пожалел, что не может приговорить его к такому наказанию, как прочтение всех книг Фрейда. Мэтра эта история развлекла, но также вызвала у него сожаление. Его работы, сказал он, принесли ему славу, но это дурная слава. «Потрясающий человек», – вынес свой вердикт Леонард Вульф. Его супруга выразилась более язвительно. Фрейд показался ей глубоким стариком, сгорбленным и усохшим, со светлыми обезьяньими глазами, нечленораздельной речью, но

внимательным. Его домочадцы, по мнению Вирджинии, испытывали социальный и психологический голод – вне всяких сомнений, верное наблюдение, поскольку они были беженцами. Но даже она не могла отрицать, что Фрейд произвел на нее незабываемое впечатление.

Вульфы пили чай с человеком, который в то время тяжело болел. В январе 1939 года Фрейд сделал только две записи в своем дневнике, и обе о плохом самочувствии: «Люмбаго» 2 января и «боли в костях» 31-го. С середины месяца в письмах основателя психоанализа с пугающей регулярностью появляются упоминания о раке. Вокруг зоны поражения обнаружились подозрительные новообразования, боль усилилась. Фрейд, отказывающийся от лекарств, которые затуманивали сознание, теперь жил на таких слабых болеутоляющих, как пирамидон. В середине февраля мэтр писал Арнольду Цвейгу, что его состояние угрожает «…стать интересным. Со времени сентябрьской операции меня мучают боли в челюсти, которые медленно, но неуклонно усиливаются, так что я не могу ни днем, ни ночью обходиться без помощи бутылей с теплой водой и аспирина». Он не мог сказать, является это обострение безобидным или же указывает на зловещий процесс, с которым они борются вот уже 16 лет. Мари Бонапарт, постоянно находившаяся на связи, проконсультировалась у французского специалиста по радиотерапии. Обсуждалась возможность поездки Фрейда в Париж на лечение. Тем временем основатель психоанализа прибавил: «…я легко могу предположить, что это и есть начало конца, который в любом случае ожидает всех нас. А пока я вынужден мириться с этими невыносимыми болями». В конце февраля из Парижа приехал доктор Антуан Лакассань. Он осмотрел мэтра в присутствии Шура. Через две недели Лакассань вернулся и провел курс лечения радием, но боли не исчезли.

Фрейд по-прежнему интересовался событиями в мире, не утратил своей обычной язвительности, продолжал писать близким друзьям, хотя переписка со многими из них подходила к концу. 21 февраля Пфистер напомнил ему: «Как верно вы оценили немецкий менталитет во время моего последнего приезда в Вену! И как вы, должно быть, рады, что спаслись от нации, регрессировавшей в отца-садиста!» 5 марта в своем последнем письме Арнольду Цвейгу основатель психоанализа приводит некоторые подробности своих страданий и пишет о неуверенности врачей, а затем предлагает старому другу попробовать себя в анализе «нацистской души». События в мире, конечно, интересовали Фрейда, но не в такой степени, как

собственное состояние. Неделей позже мэтр с обычной сдержанностью излагает свои мысли Заксу: врачи, с которыми он консультировался, полагают, что сочетание рентгеновской терапии и лечение радием будет эффективным и, возможно, продлит ему жизнь на несколько недель или месяцев. Но Фрейд не был уверен, стоит ли игра свеч. «Я не обманываю себя относительно финального результата в моем возрасте. Я утомлен и измучен всем тем, что они со мной делают. Этот путь к неизбежному концу так же хорош, как и любой другой, но сам я бы его не выбрал».

К тому времени вердикт врачей был уже произнесен. Биопсия, выполненная 28 февраля, показала, что рак вновь перешел в наступление, и на этот раз опухоль располагалась в горле так глубоко, что операция не представлялась возможной. На какое-то время рентгеновское облучение вопреки ожиданиям Шура сдержало рост новообразования, но улучшение оказалось временным. Как бы то ни было, Фрейд отказывался утешаться ложными надеждами. «Моя дорогая Мари, – взывал он к своей принцессе в конце апреля. – Я долгое время не писал вам, пока вы плавали в своем синем море». Мари Бонапарт отдыхала в Сен-Тропе… «Вы понимаете причину этого, и ее же вам подскажет и мой почерк». Основатель психоанализа признавался: «Мои дела идут неважно. Виноваты в этом моя болезнь и последствия ее лечения. Правда, я не знаю, кто из них виноват больше. Окружающие всячески пытаются внушить мне оптимизм: рак отступает, побочные эффекты носят временный характер. Я этому не верю и не желаю обманываться». Дочь Анна стала для него незаменимой: «Вы знаете, что Анна не поедет на парижский конгресс, так как не может оставить меня. Я все больше и больше завишу от нее и все меньше и меньше от себя». Он снова, как это часто происходило в эти дни, торопил смерть. «Было бы очень кстати, если бы какие-нибудь неожиданные осложнения положили бы конец этому жестокому процессу».

Процитированное письмо говорит о многом. Оно еще раз подтверждает нежные чувства Фрейда к дочери, невозможность без нее обходиться, а также его сильное отвращение к собственной зависимости. И подчеркивает убежденность мэтра, что он имеет право знать о себе полную правду, какой бы печальной она ни была. По крайней мере, он мог быть уверен, что его личный врач Макс Шур не станет ничего скрывать, как это сделал Дойч в 1923 году. К сожалению, Шур в эти критически важные недели вынужден был покинуть Фрейда. В конце апреля, попав в безвыходное положение, он отправился в Соединенные Штаты, чтобы отвезти туда жену и двух маленьких детей, подать

документы на гражданство и попытаться получить медицинскую лицензию. Шур мучился угрызениями совести, но Фрейду после рентгеновской терапии вроде бы стало лучше, а откладывать поездку уже не представлялось возможным. Он получил визу на въезд в США, а затем, заявляя о необходимости быть рядом с мэтром, продлил ее до конца апреля. Но американское консульство, вынужденное следовать строгим иммиграционным законам, не согласилось бы на повторное продление визы. Под угрозой на много лет потерять право на иммиграцию в Соединенные Штаты Шур решил поехать и вернуться как можно быстрее.

Все эти месяцы, как и в самые тяжелые дни в нацистской Австрии, Макс Шур был практически главной фигурой для Фрейда и его дочери Анны. Основатель психоанализа постоянно называл его лейб-медиком, что звучало почти по-королевски, но любил Шура и относился к нему как к верному другу.

Шур познакомился с Фрейдом в 1915 году, когда юным студентом-медиком со все возрастающим волнением слушал его цикл, который впоследствии был опубликован как «Лекции по введению в психоанализ». Он выбрал своей специальностью внутренние болезни, но продолжал интересоваться психоанализом, и его необыкновенное обаяние, редкое для терапевта, привлекло внимание Мари Бонапарт – принцесса пришла к Шуру на консультацию в 1927-м, а через год проходила у него курс лечения. Она уговорила Фрейда сделать Шура своим личным врачом, что и произошло в марте 1929 года. Основатель психоанализа никогда не жалел, что последовал совету Мари, и называл себя послушным пациентом Шура, хотя это для него нелегко. На самом деле мэтр бунтовал против Шура только по двум поводам: Фрейд постоянно жаловался, что Шур занижает суммы в своих счетах, и – более серьезный акт неповиновения – пренебрегал советом отказаться от сигар, которые так любил. Сигары были ему необходимы. Во время первой же встречи Фрейд и Шур обсудили деликатную тему откровенности, а затем основатель психоанализа затронул еще более трудный вопрос: «Пообещайте мне еще одно: что, когда придет мое время, вы не позволите мне страдать понапрасну». Шур обещал, и они пожали друг другу руки. Весной 1939 года необходимость исполнить обещание почти созрела.

Одним из событий, которое пропустил Шур из-за вынужденного отъезда, был восемьдесят третий день рождения Фрейда. Мари Бонапарт приехала на Мэрсфилд-Гарденс, 20, и осталась на несколько дней. Присутствовала, как и обещала,

Иветта Гильбер – она подарила Фрейду свою фотографию с надписью: «От всего сердца!» – «De tout mon cœur au grand Freud! Yvette Guilbert, 6 Mai 1939». Затем, 19 мая, у Фрейда появился настоящий повод для праздника. Он торжествующе записал в дневнике: «Моисей на английском». Надежды основателя психоанализа сбылись – он собственными глазами увидел книгу «Человек Моисей и монотеистическая религия» для англоязычного мира. Однако ее издание у самого мэтра и его читателей вызвало не только радость.

Длинное эссе, завершающее три статьи о Моисее, подтверждает обоснованность прежней осторожности Фрейда. Он не теряет из виду Моисея и главный вопрос: что сделало евреев такими, какие они есть? Но в этой заключительной части, о Моисее и монотеизме, основатель психоанализа обобщает свой вопрос, чтобы охватить религию в целом. Он мог бы назвать свою книгу «Прошлое одной иллюзии». И действительно, несмотря на все отклонения и отступления от темы, на все автобиографические аспекты, работа «Человек Моисей и монотеистическая религия» затрагивает темы, повторявшиеся на протяжении всей психоаналитической деятельности Зигмунда Фрейда: эдипов комплекс, приложение этого комплекса к доисторическим временам, невротическая составляющая любой религии, отношения лидера и его последователей[313]. Кроме того, книга затрагивает – к сожалению, очень актуальный – вопрос о, вероятно, неистребимом явлении антисемитизма, а также о еврейском происхождении самого Фрейда. В сноске даже появляется одна из самых эксцентричных идей последнего периода его жизни: основатель психоанализа был убежден, что пьесы Шекспира написаны Эдуардом де Вером, графом Оксфордом, – надуманная и несколько странная теория, которую он предлагал своим изумленным гостям и не менее изумленным корреспондентам[314]. Но Шекспир все-таки находился довольно далеко от его главных интересов. Неисправимый антиклерикал, Фрейд возвращался к нечестивому предположению, которое выдвигал уже в течение нескольких десятилетий: религия есть коллективный невроз.

Когда обстоятельная аргументация мэтра уже пошла в печать, оказалось, что у христиан имеются такие же веские причины, как и у евреев, считать книгу «Человек Моисей и монотеистическая религия» неприятной и даже возмутительной. Фрейд истолковывал убийство Моисея древними евреями, описанное во втором очерке, как воспроизведение первичного преступления против отца, которое он проанализировал в работе «Тотем и табу». Новое издание доисторической драмы представляло собой

возвращение вытесненного, поэтому христианская легенда о безупречном Иисусе, приносящем себя в жертву ради спасения грешного человечества, была «очевидным тенденциозным искажением» еще одного такого преступления. Тут Фрейд предстает перед нами безжалостным следователем, имеющим дело с загнанным в угол преступником. «Как может невиновный в убийстве взять на себя вину убийцы посредством того, что позволяет убить себя самого? В исторической действительности такого противоречия не существовало. «Спасителем» не мог быть никто другой, кроме главного виновника, предводителя оравы братьев, одолевших отца». Основатель психоанализа считал, что не имеет особого значения, существовал ли в действительности этот главный мятежник и было ли совершено это преступление. В конструкции Фрейда реальность и фантазия были не просто родными сестрами – они были близнецами. Если преступление воображаемое, то Христос – это наследник оставшейся неосуществленной фантазии-желания. Если же такой преступник существовал, тогда он его преемник и его новое воплощение. Но, независимо от исторической правды, христианская церемония Святого причастия повторяет содержание давней тотемной трапезы, хотя и в более мягком, выражающем почитание варианте. Таким образом, иудаизм и христианство, хотя и имеют много общего, решительно отличаются в своем отношении к отцу: «Иудаизм был религией отца, христианство стало религией сына».

Анализ Фрейда крайне неуважителен по отношению к христианству – именно своей научностью и бесстрастностью. Он воспринимает основу христианской истории как гигантский, хотя и неосознанный обман. И это еще не все! Еврей Савл из Тарсы – Павел – первым начал смутно догадываться о причине депрессии, охватившей цивилизацию того времени: «Мы убили Бога Отца». Эту истину он не мог воспринять иначе, как в иллюзорной форме благой вести. Другими словами, христианская легенда об искуплении через Иисуса, его жизнь и судьбу была реакцией самозащиты, выдумкой, за которой скрывались какие-то ужасные поступки – или желания.

Разумеется, книга «Человек Моисей и монотеистическая религия» не пощадила и евреев. Они никогда не признавали убийство отца. Но христиане отказались от отрицания и признали убийство – и таким образом якобы были спасены. В конце 20-х годов прошлого столетия Зигмунд Фрейд назвал религию – любую религию – иллюзией. Теперь он характеризовал христианство как самую сильную разновидность иллюзии, переходящую в безумие бреда. Не удовлетворившись этим

оскорблением христианской веры, Фрейд прибавил еще одно: «В некоторых отношениях новая религия означала культурный регресс по сравнению с более старой, иудейской, как это обычно бывает, когда новые массы людей более низкого культурного уровня вторгаются или допускаются в старую культуру. Христианская религия не сохранила высоты духовности, к которой вознесся иудаизм». Восприняв послание Моисея, что дети Израиля – это избранный Богом народ, евреи через отвержение магии и мистики, побуждение к развитию духовности, воодушевленные обладанием истиной, пришли к высокой оценке интеллектуального и подчеркиванию этического.

В своей похвале историческому иудаизму еврей и атеист Зигмунд Фрейд проявил себя истинным наследником своего отца, Якоба Фрейда, девизом которого было: «Этичные мысли и нравственные поступки». «Мы знаем, – отмечал основатель психоанализа, – что Моисей передал евреям возвышенное чувство избранного народа; Бог лишился материальности, и благодаря этому к тайному богатству народа добавилась новая, ценная часть. Евреи сохраняли ориентацию на духовные интересы, политические бедствия нации научили ее ценить по достоинству оставшееся у них единственное достояние, ее письменность». Гордые слова, брошенные в лицо систематической нацистской клевете, сожжению книг и ужасам концентрационных лагерей.

Противоположный взгляд евреев и неевреев на первичное преступление также помогает Фрейду объяснить живучесть антисемитизма, которому он посвятил несколько язвительных страниц. Каковы бы ни были его причины, предположил мэтр, ненависть к евреям демонстрирует неприятную правду: христиане «плохо крещены» – под тонким слоем своей веры они остались такими же, какими были их предки, исповедовавшие варварский политеизм. По мнению Фрейда, важными элементами такого живучего явления, как антисемитизм, были ревность и неприкрытая зависть.

Эта несколько двусмысленная похвала иудаизму не успокоила еврейских ученых. В начале июня Гамильтон Файф в журнале John O'London's Weekly в рецензии на книгу Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия» назвал ее чрезвычайно интересной исторически и духовно и тут же не без оснований воскликнул: «Я даже не осмеливаюсь предположить, что скажут еврейские собратья автора!» Им было что сказать, причем по большей части речь идет не о комплиментах. Встревоженные и разозленные возможными последствиями, они встретили этого «Моисея» презрением. Обратив оружие

психоанализа против его основателя, они задавали вопрос, почему Фрейд пытался лишить евреев их Моисея. Может, это прощальный жест, желание бежать от иудаизма? Или Фрейд, чувствуя возвращение вытесненного, предпринимал отчаянные попытки не стать таким, как отец? А может (это был любимый довод), Фрейд отождествлял себя с Моисеем, чужаком, который дал великому народу законы и навечно определил его характер? Впоследствии Мартин Бубер в своей работе о Моисее ограничил комментарии к книге Фрейда одной презрительной сноской, назвав сию работу достойной сожаления, ненаучной и основанной на беспочвенной гипотезе[315]. Й.М. Ласк в иерусалимском Palestine Review называл Фрейда – со всем уважением к его глубокой учености и оригинальности в его собственной области – Am Haaretz, то есть невежественным профаном, а Авраам Иегуда обвинял в том, что его слова похожи на слова одного из самых фанатичных христиан, которые он может произнести в своей ненависти к Израилю.

Конечно, христиане тоже обиделись[316]. Преподобный Винсент Макнаб в своей статье в лондонской Catholic Herald писал, что нашел «нецензурные» страницы в книге, которые заставляют задуматься, нет ли у автора сексуальной одержимости. Затем преподобный перешел от оскорблений к угрозам. «Профессор Фрейд, естественно, благодарен свободной, щедрой Англии за оказанное гостеприимство, – писал он. – Но, если его откровенная защита атеизма и инцеста станет широко известна, мы задаем себе вопрос, как долго продержится гостеприимство Англии, которая по-прежнему называет себя христианской страной». Если бы основатель психоанализа прочитал статью, то узнал бы стиль австрийских духовных лиц, знакомый ему еще по Вене.

Любители писать письма тоже спешили высказать свое мнение, даже еще до того, как работа «Человек Моисей и монотеистическая религия» вышла из печати. На Фрейда хлынула целая лавина посланий – незнакомые люди из Палестины и Соединенных Штатов, Южной Африки и Канады, не стесняясь в выражениях, выражали свое неудовольствие его идеями. Один заявлял, что такого рода критика Библии типична для нечестивых евреев, которые хотят оправдать свой отказ от фундаментальных истин иудаизма. Другой выражал надежду, что Фрейд не опубликует эту книгу, поскольку она нанесет невосполнимый ущерб и лишь даст еще одно оружие Геббельсу и другим зверям. Еще один анонимный корреспондент из Бостона бранил Фрейда короткими фразами: «Я прочел в местной газете ваше заявление, что Моисей не был евреем. Жаль, что вы не смогли сойти в

могилу, не обесчестив себя, старый кретин. У нас тысячи таких ренегатов, как вы, и мы рады, что избавились от них, и надеемся скоро быть избавленными от вас. Жаль, что бандиты в Германии не поместили вас в концентрационный лагерь, где вам и место». Другие авторы писем, а затем и рецензенты были чуть более вежливыми, а некоторые даже находили идеи Фрейда стимулирующими или отчасти верными. Один из них, некто Александр Бурначев из Рио-де-Жанейро, сообщил, что работает над похожей книгой и его взгляды совпадают со взглядами Фрейда, а также просил выслать ему экземпляр книги «Человек Моисей и монотеистическая религия» наложенным платежом.

Конечно, доказательства, на которые опирался основатель психоанализа, были далеки от убедительных. В лучшем случае это предположения, отчасти устаревшие и противоречивые в деталях. Гипотеза Фрейда, что еврейское слово «Бог», *Адонай*, может происходить от египетского монотеистического поклонения Атону, – догадка, в которой сам мэтр был совсем не уверен, – выглядит неправдоподобной. А примитивный ламаркизм, согласно которому исторические события передаются в бессознательном от одного поколения к другому, в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» не более убедителен, чем в любом из предыдущих его трудов. Но Фрейд, в последние годы жизни размышлявший о Моисее – египтянине, не был тайным антисемитом или самозваным пророком, ведущим своих неблагодарных последователей к земле обетованной психоаналитической истины – земле, которую ему суждено увидеть, но на которую не суждено ступить. Он был интеллектуальным мыслителем, не ограниченным клиническим материалом, стремившимся дать приют гипотезам, которые его увлекали.

Подобные гипотезы не отпускали мэтра, несмотря на убедительные свидетельства, опровергающие их. Например, Фрейд, отдавший Моисея египтянам и заставивший древних евреев убить его, был исследователем, вопреки мнению большинства специалистов пришедшим к убеждению, что автором шекспировских пьес никак не может быть какой-то ничем не примечательный, необразованный актер. В конце концов, основатель психоанализа являлся бесстрашным первооткрывателем, бросившим вызов научному истеблишменту и ставшим на сторону суеверных и косноязычных людей, веривших, что сновидения что-то означают. Разве эта восприимчивая наивность не привела к одному из величайших прорывов в науке о человеческой психике? То же самое относится к Моисею: умозрительные построения последних лет жизни

составляли единое целое с более ранними идеями. Фрейд играл в интеллектуальную игру с высокими ставками и наслаждался ею. Но даже если он не получал удовольствия, что-то внутри его заставляло идти дальше. Мэтр не желал отказываться от тезиса монографии Селлина, вышедшей в 1922 году, – убийство Моисея, – даже если ее аргументы были убедительно опровергнуты. Основатель психоанализа оставался непоколебим, когда ему говорили, что Селлин изменил свое мнение. Он упорствовал, хотя и признавал, что «второй Моисей» был всецело его «изобретением». Еще в 1935 году, когда Фрейд временно прервал работу над книгой о Моисее, он провел аналогию с ситуацией, хорошо известной аналитикам. Когда при психоанализе вытесняется определенная тема, ничто другое не занимает ее место. «Поле зрения остается пустым. Поэтому у меня сохраняется фиксация на Моисее, которого отложил в сторону».

Эта одержимость нашла отражение в тексте. В одном из предварительных замечаний к третьей части книги «Человек Моисей и монотеистическая религия», написанном в Лондоне в 1938 году, Фрейд говорил, что счастлив жить в Англии, где к нему относятся как к желанному гостю, где он может вздохнуть свободно, отбросив гнет самоцензуры, и снова имеет возможность «…говорить и писать – чуть было не сказал: думать, – как хочу или должен». Хочу и должен! Он был свободным человеком, но не мог перестать писать о Моисее. Основатель психоанализа пытался вытеснить из своего сознания последнюю часть книги, пока жил в Вене, но она продолжала мучить его, «словно неприкаянный дух». Этого Фрейда мы хорошо знаем: человек, которого на протяжении многих лет могла преследовать какая-либо идея. Он задумал своего «Моисея» как вызов, написал его наперекор всему и опубликовал, невзирая ни на что. Такую позицию мэтр считал единственно правильной для исследователя, который всю жизнь был не в ладах со «сплоченным большинством». К его удивлению, книга имела успех. 15 июня в письме, которое оказалось последним, Фрейд сообщает своей дорогой принцессе: «Я слышал, что «Моисей» на немецком уже продан в количестве 1800 экземпляров». Но среди всех сочинений основателя психоанализа книга «Человек Моисей и монотеистическая религия» стоит особняком и в каком-то смысле еще более необычна, чем «Тотем и табу». Задумывая эту работу, Фрейд хотел снабдить ее подзаголовком «Исторический роман». И поступил бы правильно, осуществив свое намерение.

В начале июня 1939 года, когда Шур был в Соединенных

Штатах, лихорадочно пытаясь поскорее закончить все свои дела и вернуться к мэтру, Анна Фрейд сообщила ему о признаках некоторого улучшения в состоянии отца. Тем не менее боли оставались сильными, протез было трудно ставить и снимать, а от злокачественной опухоли, которая начала изъязвляться, исходил очень неприятный запах. 8 июля Шур приехал в Англию и увидел, что мэтр выглядит теперь гораздо хуже, чем до его отъезда. Фрейд похудел и выказывал признаки апатии. Он страдал от бессонницы и бо2льшую часть времени отдыхал. Из дальних стран к нему приезжали друзья. В июле Ганс Закс сумел вырваться в Лондон и ежедневно навещал Фрейда. «Он выглядел очень больным, – вспоминает Закс, – и невероятно старым. Было видно, что каждое слово сто2ит ему огромных, почти непомерных усилий. Но эти мучения не сломили его волю». Фрейд по-прежнему принимал пациентов, когда боль немного ослабевала, и собственноручно писал письма, когда у него хватало сил держать ручку. Он не жаловался, а предпочитал говорить о психоанализе в Соединенных Штатах. При расставании Закс, зная, что мэтр не любит открытого проявления чувств, непринужденно заговорил о своих планах. Фрейд, вспоминает Закс, оценил его деликатность. Он пожал ему руку и сказал: «Я знаю, что в Америке у меня есть по крайней мере один друг». Несколько дней спустя, в конце июля, на неделю приехала Мари Бонапарт. Она понимала, что больше не увидит Фрейда. 1 августа основатель психоанализа официально прекратил свою медицинскую практику – это был решительный жест прощания.

В воспоминаниях последних гостей заметен легкий оттенок удивления – хотя все они близко знали Фрейда – его неизменной обходительностью. Он спрашивал о других людях, никогда не выказывал признаков нетерпения или раздражения. Болезнь не превратила его в капризного ребенка. 13 августа с ним попрощался племянник Гарри. «Когда я ответил на его вопрос о времени моего возвращения из Соединенных Штатов, к Рождеству, его губы тронула печальная улыбка и он сказал: «Думаю, ты меня уже не застанешь». Через несколько дней в коротком сердечном письме немецкому поэту Альбрехту Шефферу Фрейд назвал себя задержавшимся и процитировал слова самого Шеффера: ему остается только ждать, ждать.

В конце этого месяца до сестер Фрейда в Вене дошли вести, что их любимый старик совсем плох. Роза Граф в письме племяннице писала, что ей известно о невероятной заботе Анны об отце. За неделю до начала войны она сообщала, что французские визы, несмотря на высокое покровительство друзей брата в Париже, еще не прибыли[317]. 27 августа Фрейд сделал

последнюю запись в своем дневнике. Она заканчивалась словами: «Военная паника».

Конец был уже близок. Запах разлагающейся плоти сделался таким невыносимым, что собака Фрейда шарахалась от него и ее было невозможно заставить приблизиться к хозяину. По словам Шура, мэтр знал, что это означает, и смотрел на свою любимицу с глубочайшей печалью. Основатель психоанализа страдал от боли, которая отпускала его все реже и реже. Тем не менее он продолжал, когда мог, следить за событиями в мире, просматривая газеты.

1 сентября немцы вторглись в Польшу, и Макс Шур поселился в доме на Мэрсфилд-Гарденс, чтобы быть рядом с Фрейдом в случае воздушного налета немцев на Лондон. 3 сентября Франция и Британия вступили в войну, которую так стремились предотвратить. В тот же день Джонс написал мэтру самое сердечное из своих писем, напомнив, что 25 лет назад их страны были противницами в войне, но даже тогда они находили способ поддерживать дружбу. Теперь они рядом и едины в своих военных симпатиях. Джонс выразил благодарность, в последний раз, за все, что мэтр привнес в его жизнь.

Война пришла в дом на Мэрсфилд-Гарденс в начале сентября с первыми звуками воздушной тревоги. На всякий случай кровать Фрейда переместили в «безопасную» часть дома, и, как свидетельствует Шур, основатель психоанализа наблюдал за этой операцией с некоторым интересом. Но он был уже далек от всего… Возникшая на фоне мюнхенского кризиса отстраненность, отметил Шур, теперь стала еще более заметной. Изредка к Фрейду возвращалось прежнее остроумие: когда по радио объявили, что эта война будет последней и Шур спросил его, верит ли мэтр в это, он сухо ответил: «Для меня это последняя война». Буржуазные привычки тоже не отпускали его. У мэтра были наручные часы и настольные часы с недельным заводом, и он заводил их до самой смерти, как делал это всю жизнь. «Фрейд заметил мне, – вспоминает Шур, – как ему повезло быть другом столь многих прекрасных людей». Анна в этот момент вышла из комнаты, что дало возможность мэтру сказать: «Судьба была добра ко мне, подарив отношения с такой женщиной – я имею в виду Анну, конечно». Эти слова были сказаны с огромной нежностью, прибавил Шур, хотя Фрейд никогда не демонстрировал своих чувств к дочери. Она была всегда рядом, готовая прийти на помощь в любое время дня и ночи. Точно так же, как Шур и Жозефина Штросс, которую в семье ласково называли Фифи, молодой педиатр, сопровождавшая Фрейдов в Англию и сохранившая близкие отношения с ними.

У Фрейда почти не осталось сил. И кормить его было трудно… Но, несмотря на мучения, особенно по ночам, он отказывался от любых седативных средств. Основатель психоанализа все еще мог читать, и последней прочитанной книгой стала «Шагреневая кожа» Бальзака, таинственная история о сжимающейся коже. Закончив чтение, мэтр заметил Шуру, что этот сюжет как раз для него – в нем идет речь об усыхании и голодной смерти. По мнению Анны, именно это слово, «усыхание», точнее всего характеризовало состояние отца. Его время заканчивалось.

Последние дни Зигмунд Фрейд провел в своем кабинете на первом этаже с окнами в сад.19 сентября пришел Эрнест Джонс, которого спешно вызвала Анна, думая, что отец умирает. Джонс вспоминал, что мэтр по обыкновению дремал, но, когда он окликнул его: «Герр профессор», – открыл глаза, узнал и махнул рукой, затем опустил ее в высшей степени выразительным жестом, который заключал в себе много смысла: приветствие, прощание, покорность судьбе. Затем снова задремал.

Джонс верно понял этот жест. Основатель психоанализа последний раз приветствовал давнего союзника. Он уже попрощался с жизнью. Шур очень переживал, что не в состоянии облегчить страдания Фрейда, но через два дня после визита Джонса, 21 сентября, когда врач сидел у постели своего пациента, тот взял его за руку и сказал: «Мой дорогой Шур, несомненно, вы помните наш с вами договор. Вы обещали не покидать меня, когда придет мой срок. Теперь в моей жизни не осталось ничего, кроме бессмысленных мучений». Шур подтвердил, что не забыл свое обещание. Фрейд вздохнул с облегчением и, удерживая его ладонь, сказал: «Благодарю вас». Потом, слегка запнувшись, он добавил: «Обсудите это с Анной, и, если она одобрит, положите этому конец». В этот момент он в первую очередь думал о своей Антигоне – как и все последние годы. Анна Фрейд хотела оттянуть неизбежное, но Шур настаивал, что продлевать мучения бессмысленно, и она, подобно отцу, смирилась. Время пришло. Зигмунд Фрейд это знал и действовал. Так он соединил части в целое, интерпретировал собственные слова, что приехал в Англию, чтобы умереть на свободе.

Макс Шур со слезами на глазах наблюдал, как Фрейд встретил смерть – с достоинством и без какой-либо жалости к себе. Он никогда не видел, чтобы так умирали. 21 сентября Шур ввел ему три сантиграмма морфия – обычной седативной дозой считались два сантиграмма, – и Фрейд погрузился в мирный сон. Когда пациент стал беспокойно двигаться, Шур повторил инъекцию, а на следующий день, 22 сентября, ввел последнюю

дозу. Зигмунд Фрейд впал в кому, из которой уже не вышел. Он умер в три часа утра 23 сентября 1939 года. Почти 40 лет назад в письме Оскару Пфистеру основатель психоанализа спрашивал, что делать человеку в тот день, когда мысли перестают приходить в голову, а нужные слова не идут на ум. Фрейд признавался, что от такой возможности невольно вздрогнешь. «Вот почему, несмотря на покорность судьбе, что является некоторой опорой человеку, я тайно молюсь: сохрани меня Бог от какой-либо немощи, от паралича моих способностей вследствие какого-либо телесного недуга. Мы умрем на своем посту, как сказал король Макбет». Зигмунд Фрейд позаботился о том, чтобы его тайное желание исполнилось. Старый стоик управлял своей жизнью до самого конца.

Сокращения

Briefe: Sigmund Freud, Briefe 1873–1939, ed. Ernst and Lucie Freud (1960; 2d enlarged ed., 1968). English version, Letters of Sigmund Freud, 1873–1939, tr. Tania and James Stern (1961; 2d ed., 1975).

Freud – Abraham: Sigmund Freud, Karl Abraham, Briefe 1907–1926, ed. Hilda Abraham and Ernst L. Freud (1965). English version, A Psycho-Analytic Dialogue: The Letters of Sigmund Freud and Karl Abraham, 1907–1926, tr. Bernard Marsh and Hilda Abraham (1965).

Freud – Fliess: Sigmund Freud, Briefe an Wilhelm Fliess 1887–1904, ed. Jeffrey Moussaieff Masson, assisted by Michael Schröter and Gerhard Fichtner (1986). English version, The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904, ed. and tr. Jeffrey Moussaieff Masson (1985).

Freud – Jung: Freud S., *Jung C. G.*, Briefwechsel, ed. William McGuire and Wolfgang Sauerländer (1974; third corr. printing, 1979). English version, The Freud/Jung Letters: The Correspondence between Sigmund Freud and C. G. Jung, ed. William McGuire and tr. Ralph Manheim (Freud's letters) and R.F.C. Hull (Jung's letters), (1974).

Freud – Pfister: Sigmund Freud, Oskar Pfister, Briefe 1909–1939, ed. Ernst L. Freud and Heinrich Meng (1963). English version, Psychoanalysis and Faith: The Letters of Sigmund Freud and Oskar Pfister, tr. Eric Mosbacher (1963).

Freud – Salomé: Freud S., *Andreas-Salomé L.*, Briefwechsel, ed. Ernst Pfeiffer (1966). English version, *Freud S.*, *Andreas-Salomé L.*, Letters, tr. Elaine and William Robson-Scott (1972).

Freud – Zweig: Sigmund Freud, Arnold Zweig, Briefwechsel, ed. Ernst L. Freud (1968; paperback, ed., 1984). English version, The Letters of Sigmund Freud and Arnold Zweig, tr. Elaine and William Robson-Scott (1970).

GW: Sigmund Freud, Gesammelte Werke, Chronologisch Geordnet, ed. Anna Freud, Edward Bibring, Willi Hoffer, Ernst Kris, and Otto Isakower, in collaboration with Marie Bonaparte, 18 vols. (1940–1968).

Int. J. Psycho-Anal.: International Journal of Psycho-Analysis.

Int. Rev. Psycho-Anal.: International Review of Psycho-Analysis.

J. Amer. Psychoanal. Assn.: Journal of the American Psychoanalytic Association.

Jones I, II, III: *Ernest Jones*, The Life and Work of Sigmund Freud. Vol. I, The Formative Years and the Great Discoveries, 1856–1900 (1953); vol. II, Years of Maturity, 1901–1919 (1955); vol. Ill, The Last Phase, 1919–1939 (1957).

LC: Library of Congress.

Protokolle: Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung, ed. Hermann Nunberg and Ernst Federn, 4 vols. (1976–1981). English version, Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society, tr. M. Nunberg, 4 vols. (1962–1975).

SE: Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, tr. under the general editorship of James Strachey in collaboration with Anna Freud, assisted by Alix Strachey and Alan Tyson, 24 vols. (1953–1974).

Y-MA: Yale University Library, Manuscripts and Archives.

Источники цитат

Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Восточно-Европейский институт психоанализа.

Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Фирма СТД, 2003.

Фрейд З. Тотем и табу: СПб. – М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1998.

Полного перевода писем Фрейда на русский язык нет.

Отдельные письма и фрагменты можно найти в следующих изданиях:

Фрейд З. Письма к невесте. М.: Московский рабочий, 1994.

Макс Шур. Зигмунд Фрейд. Жизнь и смерть. М.: Центрполиграф, 2005.

Эрнест Джонс. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: Наука, 1997.

Примечания

Введение

изучая его: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 28 апреля 1885. Briefe, 144–145.

«*особым способом»:* Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci (1910), GW VIII, 202 / Leonardo da Vinci and a Memory of His Childhood, SE XI, 130.

«не была бы использована»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 31 мая 1936. Briefe, 445.

«более откровенным, чем я»: Traumdeutung (1900), GW II–III, 126/The Interpretation of Dreams, SE IV, 121.

«людям этого сорта»: Фрейд Флиссу, 1 февраля 1900. Freud – Fliess, 437 (398).

«первейшим из извращенцев»: The Pope's Secrets, распространялась пастором Тони Аламо, президентом фонда Tony and Susan Alamo Christian Foundation, Alma, Arizona, n. d.

«сон человечества»: Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung (1914), GW X, 6o / On the History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 21. Он цитирует немецкого драматурга XIX века Фридриха Хеббеля.

более неприемлемыми: Фрейд Стефану Цвейгу, 14 апреля 1925. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«целью науки»: Фрейд Ференци, 10 января 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«это стало моей профессией»: Фрейд Эйнштейну, 8 декабря 1932. Freud Collection, B3, LC.

«общей амнезии»: Eine Kindheitserinnerung aus Dichtung und Wahrheit, (1917) GW XII, i7 / A Childhood Recollection from Dichtung und Wahrheit, SE XVII, 148.

«нескольким датам»: Фрейд Эдварду Бернайсу, 10 августа 1929. Briefe, 408.

Глава первая. Жажда знаний

«и суеверий»: Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva» (1907), GW VII, 31 / Delusions and Dreams in Jensen's Gradiva, SE IX, 7.

«новую основу»: Фрейд Л. Дармштедеру, 3 июля 1910. Freud Collection, B3, LC.

«только раз в жизни»: The Interpretation of Dreams (3d [rev.] English ed., 1932), SE IV, xxxii.

его жены Амалии: Ее имя почти всегда пишется как Amalie, и, по всей видимости, именно так ее и называли. Однако на могильной плите на кладбище в Вене, где она похоронена рядом с мужем, написано Amalia. (См. фотографию в: Ernst Freud, Lucie Freud, and Use Grubrich-Simitis, eds., Sigmund Freud: His Life in Pictures and Words [1976; tr. Christine Trollope, 1978], 161.) Кроме того, ее девичья фамилия, Натансон, обычно пишется как Nathanson, и именно так она указана в свидетельстве о браке, но Амалия всегда настаивала, что правильно было писать Nathansohn. Чешское население Фрайберга называло его Пршибор; в настоящее время город находится в Чехии, и это его официальное название. Оно было популярным, и Фрейд время от времени в шутку использует его в переписке со школьными друзьями. (См.: *Фрейд Эмилю Флюсу*, 28 сентября 1872. Selbstdarstellung. Schriften zur Geschichte der Psychoanalyse, ed. Use Grubrich-Simitis [1971; corr. ed., 1973], 110.)

в 1873: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 11 июня 1872. Freud Collection, D2, LC. См. также: *Анна Фрейд Эрнесту Джонсу*, 18 января 1954. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

13 мая 1856 года: В дискуссиях о детстве Фрейда даже дата его рождения стала предметом тщательного изучения и источником гипотез. Введенные в заблуждение ошибкой местного чиновника, некоторые исследователи пытались навязать более раннюю дату, 6 марта. Это было бы интересным уточнением, поскольку Якоб Фрейд женился на Амалии Натансон 29 июля 1885 года. Однако документы и многочисленные записи в семейной Библии Фрейдов свидетельствуют о том, что Якоб и его невеста, по всей видимости, соблюли правила приличия: общепринятая дата рождения Фрейда, 6 мая, соответствует действительности.

живших в Кёльне: Из заметок Мари Бонапарт (на французском) для биографии Фрейда, «сообщено Фрейдом в апреле 1928». Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

в немецкоязычную Австрию: Selbstdarstellung (1925), GW XIV, 34 / An Autobiographical Study, SE XX, 7–8.

«товарища в моих шалостях»: Фрейд Вильгельму Флиссу, 3 октября 1897. Freud – Fliess, 289 (268).

«потому что он побил меня»: Die Traumdeutung (1900), GW II–III, 427–428 / The Interpretation of Dreams, SE V, 424–425.

нового соперника?: См.: The Psychopathology of Everyday Life

(1901), SE VI, 51–52n (note of 1924).

«остался евреем»: Selbstdarstellung, GW XIV, 34 / Autobiographical Study, SE XX, 7.

«связано с иудаизмом»: Фрейд Й. Двосису (в Иерусалим), 15 декабря 1930. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон.

на немецком, и даже лучше: Там же.

«научившись читать»: Selbstdarstellung, 40 / Autobiographical Study, SE XX, 8 (фраза добавлена в 1935 году – в тот период Фрейд был особенно увлечен Моисеем).

«деяниях Господа Всемогущего»: Фрейд Флиссу, 15 октября 1897. Freud – Fliess, 291 (271).

в вопросах пола: См.: *Фрейд Флиссу*, 4 октября 1897. Там же, 290 (269).

упрятали в тюрьму: Там же, 292 (271–272).

двух матерей: См.: *Gedo J. E.*, Freud's Self-Analysis and His Scientific Ideas, in: Freud: The Fusion of Science and Humanism: The Intellectual History of Psychoanalysis, ed. John E. Gedo and George H. Pollock (1976), 301.

и родился Фрейд: См. новаторские исследования, Josef Sajner: Sigmund Freuds Beziehungen zu seinem Geburtsort Freiberg (Príbor) und zu Mähren, Clio Medica, III (1968), 167–180, и Drei dokumentarische Beiträge zur Sigmund – Freud – Biographik aus Böhmen und Mähren, Jahrbuch der Psychoanalyse, XIII (1981), 143–152.

«стоит вспоминать»: Über Deckerinnerungen (1899), GW I, 542 / Screen Memories, SE III, 312.

за несколько дней: См.: «Р. – мой дядя» в «Толковании сновидений», SE IV, 138–145.

махинации Иосифа: См.: *Krüll M.*, Freud and His Father (1979; tr. Arnold J. Pomerans, 1986), 164–166.

«убегал от отца»: Über Deckerinnerungen, GW I, 542–543 / «Screen Memories», SE III, 312–313.

«этих мест»: Фрейд мэру Пршибора, 25 октября 1931. Typescript copy, Freud Collection, B3, LC / Letter to the Burgomaster of Príbor, SE XXI, 259.

«еще очень любит ее»: Фрейд Максу Эйтингону, 6 июня 1938. Briefe, 462.

«она мне отвратительна»: Фрейд Флюсу, 18 сентября 1872. Selbstdarstellung, 109.

«отвратительной башней»: Фрейд Марте Бернайс, 10 марта 1886. Briefe, 219.

«земли родного города»: Фрейд Флиссу, 11 марта 1900. Freud – Fliess, 442 (403).

антисемитским наветом: См.: On the History of the

Psychoanalytic Movement (1914), SE XIV, 39.

«с огромным уважением»: Freud M., Sigmund Freud: Man and Father (1958), 10.

«моих дружеских связях»: Фрейд Флиссу, 3 октября 1897. Freud – Fliess, 288–289 (268).

был туберкулез: См.: *Анна Фрейд Эрнесту Джонсу*, 29 мая 1951. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«большим сильным человеком»?: Traumdeutung, GW II–III, 202–203 / Interpretation of Dreams, SE IV, 197.

«католической церкви»: Там же, 202 / 196.

«Разбойники». См.: «Толкование сновидений», SE V, 424.

«на путь познания»: Книга выставлена в Музее Фрейда в Лондоне. Эту надпись см. в: *Ernst Freud et al.*, eds., Sigmund Freud: His Life in Pictures and Words, 134.

«не в ущерб пророчицам»: Traumdeutung, GW II–III, 198 / Interpretation of Dreams, SE IV, 192.

«стану когда-нибудь министром»: Там же, 192–193 и 198–199.

к этому большинству: См.: *Krüll*, Freud and His Father, 147–151.

не товарищей по играм: См.: *Freud Bernays A.*, My Brother, Sigmund Freud, American Mercury, LI (1940), 336. К воспоминаниям Анны Бернайс следует относиться с осторожностью, поскольку они изобилуют ошибками.

ограниченный конституционный строй: См. для данного абзаца *Kann R. A.*, A History of the Habsburg Empire, 1526–1918 (1974; corr. ed., 1977), 243–366 passim.

«представительным правлением»: Barea I., Vienna (1966), 244–245.

«не было денег»: Макс Эйт, швабский поэт и инженер, из Вены своим родителям, 7 июня 1873. Цит. по: Bernhard Zeller, ed., Jugend in Wien: Literatur um 1900 (1974), 30.

были устранены: См.: *Bihl W.*, Die Juden, in Die Habsburger Monarchie, 1848–1918, ed. Adam Wandruszka and Peter Urbanitsch, vol. III, Die Völker des Reiches (1980), part 2, 890–896.

«в своем ранце»: Traumdeutung, GW II–III, 199 / Interpretation of Dreams, SE IV, 193.

антисемитские демонстрации: Фрейд Марте Бернайс, 2 июня 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

австрийского либерализма: Подробнее о сложной фигуре Люгера см. в: *Boyer J.* W., Karl Lueger and the Viennese Jews, Leo Baeck Yearbook, XXVI (1981), 125–241; *Boyer J.* W., Political Radicalism in Late Imperial Vienna: Origins of the Christian Social Movement, 1848–1897 (1981).

старой школы: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 26 ноября 1930. Freud – Zweig, 33 (21).

обладают равными правами: Цит. по: Zeller, ed., Jugend in Wien, 69.

силам либерализма: B. Klein D., Jewish Origins of the Psychoanalytic Movement (1981), 4.

владычица его сердца: См.: *Bloch J. S.*, Der nationale Zwist und die Juden in Österreich (1886), 25–26, см. также 18–21.

«без жизненной позиции»: Фрейд Флюсу, 18 сентября 1872. Selbstdarstellung, 107–108.

всех учащихся: См.: Klein, Jewish Origins, 48.

2 процента населения города: Это число включает только тех евреев, которые были официальными жителями города; истинное число, вне всяких сомнений, больше. (См.: Rosenblit, Jews of Vienna, 17.)

«продажной прессе»: Буркхардт Фридриху фон Прину, 3 октября 1872. Briefe, ed. Max Burckhardt, 10 vols. (1949–1986), V, 175.

verjudet: См.: *Буркхардт Иохану Якобу Эри-Бургхардту*, 14 августа 1884. Там же, VIII, 228.

«определенную позицию»: Traumdeutung, GW II–III, 202 / Interpretation of Dreams, SE IV, 196.

тревогу и чувство горечи: Arthur Schnitzler, Jugend in Wien (1968), 78–81.

«хулиганствующих подростков»: Barea, Vienna, 305.

«почти не спрашивали»: Selbstdarstellung, GW XIV, 34 / Autobiographical Study, SE XX, 8.

«душевного» разговора: Фрейд Зильберштейну, 11 июня 1872. Freud Collection, D2, LC.

esa carta: Фрейд Зильберштейну, 4 сентября 1872. Там же.

разговора с ней: Там же.

разумеется, вымершим: См. письмо Фрейда Зильберштейну от 25 марта 1872 года, до визита во Фрайберг. Здесь он называет Гизелу Флюс «Ихт», а ее брата Эмиля Ихтиозавром. (Freud Collection, D2, LC.) Позже эти прозвища появляются в письмах Фрейда Флюсу от 18 и 28 сентября 1872 года. (Selbstdarstellung, 109, 110.) В первом из них Фрейд использует сокращение Их. Действительно, как показывает более раннее письмо к Зильберштейну, это прозвище уже знакомо обоим.

оставившими у обоих чувство неловкости: См.: Über Deckerinnerungen, GW/, 543 / Screen Memories, SE III, 313.

по отношению к нему: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 4 сентября 1872. Freud Collection, D2, LC.

«на дружеские чувства к дочери»: Там же. См. также в: *Clark R. W.*, Freud: The Man and the Cause (1980), 25.

в его снах: См.: Traumdeutung, GW II–III, 221–222 / Interpretation of Dreams, SE IV, 216.

«фрагменту Гёте «Природа»: Selbstdarstellung, GW XIV, 34 / Autobiographical Study, SE XX, 8.

не раз об этом говорил: В дополнение к автобиографии см. его комментарий своему знакомому Фридриху Экштейну, которому он описывал этот случай как решительный поворот в своем интеллектуальном развитии. (Цит. по: *Eckstein F.*, Alte unnennbare Tage! Erinnerungen aus siebzig Lehr– und Wanderjahren [1936], 21.)

не Гёте: Исследователи творчества Гёте согласны, что на самом деле автором этого фрагмента является родственник известного в то время швейцарского писателя И.-К. Лафатера, знаток немецкой литературы Георг Кристоф Тоблер, лично знакомый с Гёте. См. примечания редактора, Андреаса Спейзера, в: *Goethe J. W.*, Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche, ed. Ernst Beutler, 24 vols. (1949), XVI, 978.

«брать свои слова обратно»: Фрейд Флюсу, 17 марта 1873. Selbstdarstellung, 114.

«пожелает узнать»: Фрейд Флюсу, 1 мая 1873. Там же, 116.

«Сигизмунд Фрейд / студ. юр.»: Фрейд Зильберштейну, 2 августа 1873. Freud Collection, D2, LC.

не такой однозначный прошлый опыт: См.: *Wittels F.*, Sigmund Freud: His Personality, His Teaching, and His School (1924; tr. Eden and Cedar Paul, 1924), 19. Термин «защитная память» – Deckerinnerung – Фрейд впервые использовал в статье Über Deckerinnerungen (1899).

«жажда знаний»: Selbstdarstellung, GW XIV, 34 / Autobiographical Study, SE XX, 8.

«подавлял» себя: Фрейд Марте Бернайс, 2 февраля 1886. Briefe, 208–209.

«безжалостно подавлял его»: Jones I, 29.

научной любознательности: См.: *Фрейд Мари Бонапарт* 12 ноября 1938. Briefe, 471.

«философии и зоологии»: Фрейд Зильберштейну, 7 марта 1875. Freud Collection, D2, LC.

на естественно-научные предметы: Selbstdarstellung, GW XIV, 34 / «Autobiographical Study», SE XX, 8.

«вокруг всех нас»: Фрейд Флюсу, 28 сентября 1872. Selbstdarstellung, 111.

«своими мыслями»: Фрейд Зильберштейну, 17 августа 1872. Freud Collection, D2, LC.

«для нашего самопознания»: Фрейд Флюсу, 16 июня 1873. Selbstdarstellung, 120–121.

«стереть с лица земли»: Фрейд Зильберштейну, 9 сентября, 1875. Freud Collection, D2, LC.

«есть дело, и я тут нужен»: Фрейд Марте Бернайс, 28 августа 1883. Briefe, 54.

свое первоначальное направление: См.: Postscript (1927) to The Question of Lay Analysis: Conversations with an Impartial Person (1926), SE XX, 253.

«мышление только еще пробуждалось»: Nachschrift (1935) to Selbstdarstellung, GW XVI, 32 / Postscript to Autobiographical Study, SE XX, 72.

«сплоченного большинства»: Selbstdarstellung, GW XIV, 34–35 / Autobiographical Study, SE XX, 9.

к мнению меньшинства усилилась: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 27 марта 1875. Freud Collection, D2, LC.

«одержал победу над этим сбродом»: Фрейд Марте Бернайс, 16 декабря 1883. Briefe, 84–85.

с тростью: См.: *Freud M.*, Freud, 70–71.

что-то вроде того: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 11 июля 1873. Freud Collection, Dz, LC.

«обратились к философии от отчаяния»: Фрейд Зильберштейну, 6 августа 1873. Там же.

«и преклоняюсь перед ним»: Фрейд Зильберштейну, 7 марта 1875. Там же.

«недостойные приемы»: Людвиг Фейербах, предисловие ко второму изданию *Das Wesen des Christenthums* (1843), III. (Пропущено в знаменитом переводе этой книги Джорджем Элиотом, вышедшей в 1854 году под названием *The Essence of Christianity*.)

иллюзии разрушительной: См. там же, 408.

самодовольного умозрения: См. там же, IX–XII.

«энциклопедическо-методологический»: Фейербах Кристиану Каппу, ноябрь 1840. Цит. по: Marx W. Wartofsky, Feuerbach (1977), 202.

geistiger Naturforscher: Feuerbach, Wesen des Christenthums, X.

этим гением: Фрейд Зильберштейну, 7 марта 1875. Freud Collection, D2, LC.

«еще неверующий»: Фрейд Зильберштейну, 13–15 марта 1875. Там же.

безбожный студент-медик и эмпирик: Фрейд Зильберштейну, 8 ноября 1874. Там же.

любящих удовольствия: Нип Н., A Guide to American Medical Students in Europe (1883). Цит. по: *Nuland Sh. B.*, The Masterful Spirit – Theodor Billroth, The Classics of Surgery Library (1984), 9.

мог брать пример: См.: Selbstdarstellung, GW XIV, 35 /

Autobiographical Study, SE XX, 9.

английскую болезнь: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 6 августа 1873. Freud Collection, D2, LC.

пьянство и консерватизм: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 9 сентября 1875. Там же.

«решительное влияние»: Фрейд Марте Бернайс, 16 августа 1882 / ones 1, 178–179.

«еще больше не доверяю философии»: Фрейд Зильберштейну, 9 сентября 1875. Freud Collection, D2, LC.

опытную станцию морской биологии в Триесте: См.: Jones I, 37–38.

не удалось никому: См.: Beobachtungen über Gestaltung und feineren Bau der als Hoden beschriebenen Lappenorgane des Aals (1877), in *Bernfeld S.*, Freud's Scientific Beginnings, American Imago, VI (1949), 165.

«к слабому полу»: Фрейд Зильберштейну, 5 апреля 1876. Freud Collection, D2, LC.

«с ними никаких дел»: Фрейд Зильберштейну, без даты [April 1876?], там же.

своей дружбы: См.: Selbstdarstellung, 41 / Autobiographical Study, SE XX, 9–10.

воздействовал на него: См.: Nachwort to Die Frage der Laienanalyse, GW XIV, 290 / Postscript to The Question of Lay Analysis, SE XX, 253.

юного грешника: См.: Traumdeutung, GW II–III, 424–425 / Interpretation of Dreams, SE V, 421–422.

«притяжения и отталкивания»: Bernfeld, Freud's Scientific Beginnings, 169–174.

свободный от теологических заблуждений: См.: *Du Bois-Reymond E.*, Über die Grenzen des Naturerken-nens (1872), in: Reden von Emil Du Bois-Reymond, ed. Estelle Du Bois-Reymond, 2 vols. (1885; 2d enlarged ed., 1912), I, 461.

радовался как ребенок: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 24 января 1875. Freud Collection, D2, LC.

значат для Фрейда: См. предисловие Эрнста Криса к письмам Фрейда Флиссу: Einleitung zur Erstausgabe (1950), in: Freud – Fliess, 526.

научного мировоззрения: Über eine Weltanschauung (написанный в 1932 году), in: Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung в: die Psychoanalyse (1933), GW XV, 197 / The Question of a Weltanschauung, in: New Introductory Lectures on Psycho-Analysis, SE XXII, 181.

«великим Дарвином»: Zur Psychopathologie des Alltagsleben (1901), GW IV, 164 / The Psychopathology of Everyday Life, SE VI,

148.

«мучить людей»: Фрейд Вильгельму Кнопфмахеру, 6 августа 1878. Typescript copy, Freud Collection, B3, LC.

«логического завершения»: Jones I, 50.

гуманным по отношению к пациентам: См.: Qualifications Eingabe (1886). Музей Фрейда, Лондон.

была бедность: См.: Autobiographical Study, SE XX, 10.

дает в долг: См.: Jones I, 60–61, где цитируется неопубликованное письмо Фрейда Марте Бернайс от 9 сентября 1884 года.

провели в разлуке: См. там же, 99.

способность писать: См.: *Фрейд Флиссу*, 7 марта 1896. Freud – Fliess, 187 (177).

службы в армии: См.: Очерк The Enfranchisement of Women, впервые опубликованный в Westminster Review в июле 1851 года, был назван самим Джоном Стюартом Миллем совместной работой, написанной в соавторстве с Гарриет Тейлор, на которой он женился в том же году. Я согласен с выводом Элис Росси, что это по большей части работа Гарриет Тейлор. См. издание под редакцией Росси, *John Stuart Mill and Harriet Taylor Mill*, Essays on Sex Equality (1970), 41–42.

обаянием и добротой: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 15 ноября 1883. Briefe, 81–82.

«некого целовать»: Фрейд Марте Бернайс, 22 января 1884. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«задыхающаяся и взволнованная»: Фрейд Марте Бернайс, 5 декабря 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«любимому сокровищу»: См., например, *Марта Бернайс Фрейду*, канун Нового года (31 декабря – 1 января), 1885/1886. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

и нежные поцелуи: См.: *Марта Бернайс Фрейду*, 4 июня 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«всегда была здорова»: Фрейд Марте Бернайс, 22 января 1884. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

глубокой депрессии: См.: Über einige neurotische Mechanismen bei Eifersucht, Paranoia und Homosexualität (1922), GW XIII, 195 / Some Neurotic Mechanisms in Jealousy, Paranoia and Homosexuality, SE XVIII, 223–224.

после помолвки: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 19 июня 1882. Briefe, 20.

«предрасположенность к тирании»: Фрейд Марте Бернайс, 22 августа 1883. Там же, 50.

«и без всяких сомнений»: Фрейд Марте Бернайс, 18 августа 1882. Там же, 37.

помощника врача: См.: Jones I, 63.

«нуждающихся в подавлении»: Traumdeutung, G W II–II1, 488 / Interpretation of Dreams, SE V, 484.

«голова, щеки, шея»: Фрейд Марте Бернайс, 5 октября 1882. Briefe, 41.

«чувствую свое превосходство»: Фрейд Марте Бернайс, 2 февраля 1886. Там же, 208.

но и соперника: См.: Traumdeutung, GW II–III, 439 / Interpretation of Dreams, SE V, 437.

учился на медицинском факультете: См.: Interpretation of Dreams, SE V, 437, и Autobiographical Study, SE XX, 10.

капризов и иллюзий: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 29 августа 1883. Briefe, 58.

не понимает его: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 12 мая 1885. Там же, 148.

«уже в молодые годы»: Selbstdarstellung, GW XIV, 38–39 / Autobiographical Study, SE XX, 14–15.

отвыкании от морфия: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 21 апреля 1884. Briefe, 114.

трогательные и симптоматичные оговорки: См.: Selbstdarstellung, GW XIV, 38 / Autobiographical Study, SE XX, 14 и письмо профессору Меллеру, 8 ноября 1934. Музей Фрейда, Лондон. См. также: Jones I, 79.

«конгрессе в Гейдельберге»: Selbstdarstellung, GW XIV, 38–39 / Autobiographical Study, SE XX, 15.

свойствами препарата: См.: *Фрейд профессору Меллеру*, 8 ноября 1934. Музей Фрейда, Лондон.

«стала мне тогда помехой»: Selbstdarstellung, GW XIV, 38–39 / «Autobiographical Study», SE XX, 15.

«8 маленьких (или 5 больших) доз»: Фрейд Марте Бернайс, 2 июня 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

будет принимать: См.: *Марта Бернайс Фрейду,* 4 июня 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

в начале 1885 года: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 7 января 1885. Briefe, 138.

должностью и репутацией: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 7 января 1885. Там же, 137.

на полях книги: См. с. 19 в принадлежавшем Фрейду экземпляре книги *Wittels*, Sigmund Freud. Музей Фрейда, Лондон.

маленькой принцессе: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 22–23 августа, 8 сентября 1883. Briefe, 50, 52, 62.

«мне лень»: Фрейд Флиссу, 1 февраля 1900. Freud – Fliess, 438 (398).

«избытком интереса»: Фрейд в Wednesday Psychological

Society, 1 апреля 1908. Protokolle, I, 338.

«сказал наш Шиллер»: Фрейд Марте Бернайс, 12 февраля 1884. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

сохранению вида: См., например: Screen Memories, SE III, 316 и The Psycho-Analytic View of Psychogenic Disturbance of Vision (1910), SE XI, 214–215.

«слава Шарко»: Selbstdarstellung, GW XIV, 36 / Autobiographical Study, SE XX, 11.

«энергичный защитник»: Фрейд Марте Бернайс, 3 июня 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«общую сенсацию»: Флейшль-Марксоу Фрейду, без даты [Анна Фрейд справедливо датирует письмо июнем 1885 года]. Freud Collection, LC, uncatalogued.

«эстетическую ценность»: Фрейд Марте Бернайс, 19 октября 1885. Briefe, 176–178.

«уроки французского»: Фрейд Марте Бернайс, 19 октября 1885. Там же, 176. См. также: *Фрейд Марте Бернайс*, 8 ноября 1885. Там же, 182–185.

по одному франку пятьдесят сантимов: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 19 октября 1885. Там же, 176.

«только нужно знать где»: Фрейд Минне Бернайс, 18 октября 1885. С разрешения Simund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«массовых конвульсий»: Там же. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«очень экспрессивными»: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 24–26 ноября 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

истолковывалась как непорядочная: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 22 января 1884. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«ужасно скучать в Вене»: Фрейд Марте Бернайс, 5 декабря 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«я знаю точно»: Фрейд Марте Бернайс, 24 ноября 1885. Briefe, 189.

«учителем и учеником»: Charcot (1893), GW I, 28–29 / Charcot, SE III, 17–18.

давал им названия: См. там же, 23 / 13.

«как опухоль мозга»: Selbstdarstellung, GW XIV, 36–37 / Autobiographical Study, SE XX, 12.

эротическое по своей природе: См.: *Janet P.*, L'État mental des hystériques (1892; 2d ed., 1911), 132–135.

содержался в гипнозе: См.: Selbstdarstellung, GW XIV, 52 / Autobiographical Study, SE XX, 27.

ссудит ему денег: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 5 декабря 1885. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«это была скука»: Фрейд Марте Бернайс, 2–3 февраля 1886. Briefe, 209–210.

существования фактов: См.: Charcot, GW I, 23–24 / Charcot, SE III, 12–13.

«патологическое состояние – невроз»: Charcot J. M. and de la Tourette G., Hypnotism in the Hysterical, in: A Dictionary of Psychological Medicine, ed. D. Hack Tuke, 2 vols. (1892), I, 606.

принимается идея или отвергается: Vorrede des Uebersetzers, in: *Bernheim H.*, Die Suggestion und ihre Heilwirkung (1888), III–IV / Preface to the Translation of Bernheim's Suggestion, SE I, 75–76.

«пришел черед неврозов»: Bericht über meine mit Universitäts-Jubiläums-Reisestipendium unternommene Studienreise nach Paris und Berlin (написан в 1886, впервые опубликован в 1960), Selbstdarstellung, 130, 134 / Report on my Studies in Paris and Berlin, SE I, 5–6, 10.

«мои поздравления»: Надпись на визитной карточке, без даты. Freud Collection, B3, LC.

«с 1 до 2.30»: Раздел «Краткая хроника», датировка 24 апреля 1886, in: Neue Freie Presse, 25 апреля 1886. Вырезка в Музее Фрейда, Лондон.

«битву за Вену»: Фрейд Марте Бернайс, 13 мая 1886. Briefe, 225.

страдать истерией?: См.: Autobiographical Study, SE XX, 15.

«всю ее жизнь»: Цит. по: *Clark*, Freud, 89.

«абсолютно непринужденно»: Фрейд Эммелине и Минне Бернайс, 16 октября 1887. Briefe, 231.

«уже очень красивой»: Фрейд Эммелине и Минне Бернайс, 21 октября 1887. Там же, 232.

своего доброго друга Матильды Брейер: См.: *Фрейд Эммелине и Минне Бернайс*, 16 октября 1887. Там же, 231.

Глава вторая. Создание теории

в одном лице: См.: Traumdeutung, GW II–III, 487 / Interpretation of Dreams, SE V, 483.

«глубокое впечатление»: Фрейд Флиссу, 24 ноября 1887. Freud – Fliess, 3 (15).

«второе я»: Фрейд Флиссу, 21 мая 1894. Там же, 66 (73).

«критическому мышлению»: Фрейд Флиссу, 29 сентября 1893. Там же, 49 (56).

среди берлинских врачей: См.: *Абрахам Фрейду*, 26 февраля 1911. Freud – Abraham, 106–7 (102).

«как на одержимого»: Фрейд Флиссу, 21 мая 1894. Freud –

Fliess, 67 (74).

«скрывается крупица истины»: Фрейд Флиссу, 30 июня 1896. Там же, 203 (193).

«нектаром и амброзией»: Фрейд Флиссу, 14 июля 1894. Там же, 81 (87).

основания признать его: См.: *Ellis H.*, Studies in the Psychology of Sex, 2 vols. (ed. 1900), II, 83.

жизненный срок: См.: *Фрейд Юнгу*, 16 апреля 1909. Freud – Jung, 242 (219).

жаждой бессмертия: См.: Psychopathology of Everyday Life, SE VI, 260 и 260n.

еврейским мистицизмом: См.: *Фрейд Юнгу*, 16 апреля 1909. Freud – Jung, 243 (220).

«бреде насчет близкой смерти»: Фрейд Флиссу, 19 апреля 1894. Freud – Fliess, 63 (68).

«в воздержании»: Фрейд Флиссу, 20 августа 1893. Там же, 47 (54).

Оливера Кромвеля, которым восхищался: См.: *Gay P.*, Six Names in Search of an Interpretation: A Contribution to the Debate over Sigmund Freud's Jewishness, Hebrew Union College Annual, LIII (1982), 295–307.

маниакальную размеренность: См.: *Freud M.*, Freud, 32–34, 38, 44–45.

осматривая ее мужа: Интервью с Хелен Шур, 3 июня 1986.

«приличное воспитание»: Марта Фрейд Эльзе Рейсс, 8 марта 1947. Freud Collection, B1, LC.

величественную матрону: См.: *Фрейд Флиссу*, 10 июля 1893 и 29 августа 1894. Freud – Fliess, 43, 90 (50, 95).

«добрая и разумная»: Фрейд Марте Бернайс, 2 августа 1882. Jones I, 102.

в феврале 1896 года: См.: *Фрейд Флиссу*, 13 февраля 1896. Freud – Fliess, 180 (172).

«с его пути»: Марта Фрейд Людвигу Бинсвангеру, 7 ноября 1939. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

все эти десятилетия: См.: *Марта Фрейд Паулю Федерну*, без даты [начало ноября? 1939]. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

разновидностью порнографии: См.: *Laforgue R.*, Personal Memories of Freud (1956), in: Freud As We Knew Him, ed. Hendrik M. Ruitenbeek (1973), 342.

чувствуют себя хорошо: См.: *Фрейд Флиссу*, 3 декабря 1895. Freud – Fliess, 159 (153).

«одиночестве и лишениях»: Фрейд Флиссу, 8 декабря 1895. Там же, 160 (154).

Verehrter Freund!: См.: *Фрейд Флиссу*, 29 августа 1888. Там же, 9 (23).

Liebster Freund!: См.: *Фрейд Флиссу*, 21 июля 1890 и 11 августа 1890. Там же, 12, 14 (26, 27).

Geliebter Freund!: См.: *Фрейд Флиссу*, 20 августа 1893. Там же, 46 (53).

официальное Sie: См.: *Фрейд Флиссу*, 28 июня 1892. Там же, 17, 23 (31, 35).

«увеличивавшейся семьи»: Selbstdarstellung, GW XIV, 41 / Autobiographical Study, SE XX, 18.

«речевого аппарата»: Zur Auffassung der Aphasien. Eine kritische Studie (1891), 18, 106, 107.

один из успешных случаев: См.: A Case of Successful Treatment by Hypnotism (1892–1893), SE I, 117–128.

«сделать для них что-то практическое»: Selbstdarstellung, GW XIV, 39 / Autobiographical Study, SE XX, 16.

«забросил электрический прибор»: Там же, 40 / 16.

«в область профилактики»: См.: *Фрейд Флиссу*, черновик B, включенный в письмо от 8 февраля 1893. Freud – Fliess, 27–32 (39–43).

ни удобным: См. там же, 32 (44).

«этиологии неврозов»: Selbstdarstellung, GW XIV, 47 / Autobiographical Study, SE XX, 22.

снова стала подруга Марты: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 13 июля 1883 («2 a.m.»). Briefe, 47–48.

впервые рассказал: См.: Jones I, 226.

после того, как они поженятся: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 13 июля 1883. Briefe, 48.

никакого интереса: См.: Selbstdarstellung, GW XIV, 44 / Autobiographical Study, SE XX, 19–20.

«всего психоанализа»: Брейер Огюсту Форелю, 21 ноября 1907. Письмо цитируется полностью в: *Cranefield P. F.*, Josef Breuer's Evaluation of His Contribution to Psycho-Analysis, Int. J. Psycho-Anal/, XXXIX (1958), 320.

«образованная и талантливая»: Selbstdarstellung, GW XIV, 44 / Autobiographical Study, SE XX, 20.

оставить школу: Breuer J., Krankengeschichte Bertha Pappenheim (1882), история болезни, переданная Брейером Роберту Бинсвангеру, директору швейцарского санатория в Кройцлингере, куда он направил пациентку после «излечения». Воспроизведено в: *Hirschmüller A.*, Physiologie und Psychoanalyse im Leben und Werk Josef Breuers, приложение 4 к Jahrbuchder Psychoanalyse, X (1978), 348–462. Цитируемые фрагменты на с. 348.

«поэтическо-фантастическому таланту»: Breuer, Krankengeschichte Bertha Pappenheim, in: *Hirschmüller,* Physiologie und Psychoanalyse in Breuer, 349.

«поразительно неразвито»: Selbstdarstellung, GW XIV, 47 / Autobiographical Study, SE XX, 22.

«прочисткой дымохода»: Анна О. произносила эти фразы по-английски. Breuer and Freud, Studien über Hysterie (1895); 2d ed., unchanged, 1909), 23 / Studies on Hysteria, SE II, 30. (Редакторы Standard Edition решили перевести всю книгу, включая вклад Брейера, тогда как редакторы немецкого издания Gesammelte Werke опустили главы, написанные им. Поэтому я здесь цитирую оригинальную книгу на немецком, одновременно давая ссылку на английский текст в Standard Edition.)

«совершенно здорова»: Там же, 27, 32 / 35, 40–41.

«лишиться немецкого языка»: Bertha Pappenheim über ihre Krankheit (сентябрь 1882). Полностью приводится в: *Hirschmüller,* Physiologie und Psychoanalyse in Breuer, 369–370, цитата на с. 370.

не лишенные, впрочем, интереса: См.: *Breuer and Freud*, Studien über Hysterie, 32 / Studies on Hysteria, SE II, 41.

«мне не по вкусу»: Брейер Форелю, 21 ноября 1907. Quoted in Cranefield, Breuer's Evaluation, 320.

«своему коллеге»: Фрейд Стефану Цвейгу, 2 июня 1932. Briefe, 427–428. Фрейд говорил, что уверен в своей, как он ее называл, «реконструкции», поскольку младшая дочь Брейера прочитала описание Фрейда и спросила отца, который все подтвердил. Но здесь что-то не так: Фрейд думал, что именно эта дочь родилась «вскоре после завершения того лечения, и это тоже довольно важно для установления глубоких связей!» (Briefe, 428). В биографии Фрейда Эрнест Джонс сообщает дополнительные подробности: фрау Брейер настолько сильно ревновала к молодой и очаровательной пациентке, завладевшей вниманием ее мужа, что Брейер в панике завершил лечение и увез жену в Италию на их второй медовый месяц, где была зачата их младшая дочь (Jones I, 224–226). Похоже, Фрейд верил в нечто подобное, но скрупулезные работы Генри Элленбергера и Альберта Хиршмюллера показали, что хронология рождения детей Брейера не соответствует этой версии. Дора Брейер родилась 11 марта 1882 года, за три месяца до того, как ее отец закончил лечение Анны О., и в любом случае он провел лето не в Италии, а в городе Гмунден на озере Трамзее. (См.: *Ellenberger H.*, The Story of 'Anna O.': A Critical Review with New Data // Journal of the History of the Behavioral Sciences, VIII [1972], 267–279; и *Hirschmüller,* Physiologie und Psychoanalyse in Breuer, 47–48.)

«демоном «Но»: Цит. по: *Hirschmüller,* Physiologie und

Psychoanalyse in Breuer, 256.

«превосходный слог»: Фрейд Минне Бернайс, 13 июля 1891. Briefe, 239.

своим «товарищем»: См.: *Фрейд Флиссу*, 18 декабря 1892. Freud – Fliess, 24 (36).

успехов в Вене: См.: *Фрейд Флиссу*, 29 сентября 1893. Там же, 49 (56).

«с Брейером прекращены»: Фрейд Флиссу, 22 июня 1894. Там же, 80 (86).

нужды встречаться с ним: См.: *Фрейд Флиссу*, 16 апреля 1896 и 4 июня 1896. Там же, 191, 202 (181, 191).

невротическое лицемерие: См.: *Фрейд Флиссу*, 22 января 1898. Там же, 322 (296).

реальному положению дел: См.: *Breuer and Freud*, Studien über Hysterie, 221 / Studies on Hysteria, SE II, 250–251.

было всего три года: См.: *Pollock G. H.*, Josef Breuer, in: Freud, Fusion of Science and Humanism, ed. Gedo and Pollock, 133–163, особенно 141–144.

«Я – нет»: Фрейд Флиссу, 8 ноября 1895. Freud – Fliess, 154–155 (151) / Хиршмюллер предполагает, что Брейер, более осторожный, чем Фрейд, сказал: «Я во все это не верю». (Physiologie und Psychoanalyse in Breuer, 234.)

«поклонением успеху»: Фрейд Флиссу, 16 мая 1900. Freud – Fliess, 453–454 (414).

«чувствовал его силу»: Фрейд Флиссу, 7 августа 1901. Там же, 491 (447).

«такое суровое испытание»: Брейер Форелю, 21 ноября 1907. Цит. по: Cranefield, Breuer's Evaluation, 319–320.

«Вздор!»: См. с. 33 в принадлежавшем Фрейду экземпляре книги *Wittels*, Sigmund Freud. Музей Фрейда, Лондон.

наставником – Lehrmeisterin: См.: *Фрейд Флиссу*, 8 февраля 1897. Freud – Fliess, 243 (229).

«главным клиентом»: Фрейд Флиссу, 1 августа 1890. Там же, 12 (27).

«примадонной»: Фрейд Флиссу, 12 июля 1892. Там же, 18 (32).

гипнотизеру Бернхейму: См.: *Swales P. J.*, Freud, His Teacher, and the Birth of Psychoanalysis, d Freud, Appraisals and Reappraisals: Contributions to Freud Studies, ed. Paul E. Stepansky, I (1986), 3–82.

«этой истории болезни»: Studien über Hysterie, GW I, 162n / Studies on Hysteria, SE II, 105n (note added in 1924).

«ей хочется рассказать»: Там же, 116 / 63.

«психоаналитическую терапию»: Оригинал письма на немецком языке цитируется полностью в: *Andersson O.*, A Supplement to Freud's Case History of 'Frau Emmy v. N.' in Studies on

Hysteria 1895, Scandinavian Psychoanalytic Review, II (1979), 5–15.

«по большей части от воспоминаний»: Studien über Hysterie, GW I, 86 / Studies on Hysteria, SE II, 7.

«отгибался назад»: Там же, 198 / 137.

«погребенного в земле города»: Там же, 201 / 139.

«в стремительном танце»: Там же, 212, 224, 226 / 148, 158, 160.

верно изложил семейную историю: См.: Memorandum for the Sigmund Freud Archives, документ без подписи, который приписывают младшей из трех дочерей Илоны Вейс; датирован 11 января 1953 года. Музей Фрейда, Лондон.

свободно парящим вниманием: См., например: Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old Boy [Little Hans] (1909), SE X, 23 и Recommendations to Physicians Practising Psycho-Analysis (1912), SE XII, 111.

«превосходный случай»: Фрейд Флиссу, 20 августа 1893. Freud – Fliess, 48 (54).

«больше я ее не видел»: Studien über Hysterie, GW I, 193 / Studies on Hysteria, SE II, 133.

«в истории болезни»: Там же, 195n / 134n.

«Это психология»: Фрейд Флиссу, 25 мая 1895. Freud – Fliess, 130 (129).

«добрых 20 человек»: Фрейд Флиссу, 16 октября 1895. Там же, 149 (145).

на церемонии бракосочетания: См.: *Фрейд Флиссу*, 17 мая 1896. Там же, 196 (187).

своей «наседкой»: См.: *Фрейд Флиссу*, 21 мая 1894. Там же, 66 (73).

«втором поколении»: Фрейд Флиссу, 22 ноября 1896. Там же, 215 (204).

«забавные путаники»: Фрейд Флиссу, 16 августа 1895. Там же, 139 (136).

«очаровательно развивается»: Фрейд Флиссу, 23 февраля 1898. Там же, 328 (300).

«настоящей красавицей»: Фрейд Флиссу, 12 августа 1896. Там же, 207 (196).

«безвредной поэтической болезни»: Фрейд Флиссу, 16 мая 1897. Там же, 259 (244).

«такое количество страхов»: Фрейд Флиссу, 12 апреля 1897. Там же, 250 (236).

«пасутся на травке»: Фрейд Флиссу, 27 марта 1899. Там же, 382 (349).

«их продемонстрировать»: Фрейд Флиссу, 8 декабря 1895. Там же, 160–161 (154–155).

«твой брат Сигизмунд»: Фрейд Минне Бернайс, 28 августа 1884. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«мое сокровище»: Фрейд Минне Бернайс, 12 октября 1884. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

по крайней мере, отчасти: Интервью с Хелен Шур, 3 июня 1986 года. Фотографии в: Freud E. et al., eds., Sigmund Freud: His Life in Pictures and Words, 99, 151, 193. См. также письма, цитируемые в соответствующих местах.

«ближайшим наперсником»: Фрейд Флиссу, мая 21, 1894. Freud – Fliess, 66 (73).

как «мерзкий»: См.: *Фрейд Флиссу*, 6 февраля 1896. Freud – Fliess, 179 (170).

завоевывает признание: См.: *Strümpell A. von*, Studien über Hysterie. Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde, VIII (1896), 159–161.

он не курил: См.: *Фрейд Минне Бернайс*, 17 апреля 1893. Цит. по: Freud – Fliess, 34n.

«несчастную жизнь?»: Фрейд Флиссу, 27 ноября 1893. Там же, 54 (61).

«смущением и печалью»: Фрейд Флиссу, 8 октября 1895. Там же, 146 (141).

он не унывает: См.: *Фрейд Флиссу*, 15 октября 1895. Там же, 147 (144).

«состояние сознания»: Фрейд Флиссу, 20 октября 1895. Там же, 149 (146).

«мне кажется сомнительным»: Фрейд Флиссу, 31 октября 1895. Там же, 151–152 (148).

Чего-то не хватало: См.: *Фрейд Флиссу*, 8 ноября 1895. Там же, 153–154 (150).

записку о мигрени: См. там же, 155–157 (142–144).

давно манила: См.: *Фрейд Флиссу*, 25 мая 1895. Там же, 130 (129).

«Психология для неврологов»: Фрейд Флиссу, 27 апреля 1895. Там же, 129 (127).

«меня очень радует»: Фрейд Флиссу, 25 мая 1895. Там же, 130–131 (129).

«приступил к психологии»: Фрейд Флиссу, 29 ноября 1895. Там же, 158 (152).

там уже присутствовали: Английские редакторы психоаналитических сочинений Фрейда вполне правомерно заключили, что, хотя проект является «предположительно неврологически документом», он «содержит зародыши большинства более поздних психологических теорий Фрейда». И действительно, проект, а если точнее, его невидимый призрак

отбрасывает тень на все теоретические работы Фрейда, до самого конца. (Editor's Introduction to Project for a Scientific Psychology, SE I, 290.)

«наглядным и целостным»: Entwurf einer Psychologie (1895), in: Aus den Anfängen der Psychoanalyse, Briefe an Wilhelm Fliess, Abhandlungen und Notizen aus den Jahren, 1887–1902, ed. Ernst Kris, Marie Bonaparte, and Anna Freud (1950), 379 / Project for a Scientific Psychology, SE I, 295.

«вне себя от радости!»: Фрейд Флиссу, 20 октября 1895. Freud – Fliess, 150 (146).

«подобно любой другой»: Abriss der Psychoanalyse (1940), GW XVII, 80 / Outline of Psychoanalysis, SE XXIII, 158.

«в мыслительном аппарате»: Там же, 108 / 182.

назвать ньютоновским: См.: *Solomon R. C.*, Freud's Neurological Theory of Mind, in: Freud: A Collection of Critical Essays, ed. Richard Wollheim (1974), 25–52.

«процессов возбуждения в мозгу»: Jenseits des Lustprinzips (1920), GW XIII, 32 / Beyond the Pleasure Principle, SE XVIII, 31.

избавиться от «количества»: См.: Entwurf, in: Anfängen, ed. Kris et al., 380 / Project, SE I, 296.

«бегство от раздражителей»: Там же, 381 / 297.

подробному анализу: См.: Traumdeutung, GW II–III, 111n / Interpretation of Dreams, SE IV, 106n (note added in 1914).

«более откровенным, чем я»: Там же, 126 / 120–121.

занимать все мысли в тот день: Фрейд Флиссу, 24 июля 1895. Freud – Fliess, 137 (134). Важная информация, содержащаяся в этом и следующем абзаце, представлена и интерпретирована в: *Schur M.*, Some Additional 'Day Residues' of 'The Specimen Dream of Psychoanalysis', in: Psycho-Analysis – a General Psychology: Essays in Honor of Heinz Hartmann, ed. Rudolph M. Loewenstein, Lottie M. Newman, Max Schur, and Albert J. Solnit (1966), 45–85. Материал Шура следует дополнить *Anzieu D.*, Freud's Self-Analysis (1975; tr. Peter Graham, 1986), 131–156 и в других местах, и *Masson J. M.*, The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory (1984), 205.

«психологические процессы»: Фрейд Флиссу, 6 августа 1895. Freud – Fliess, 137 (134).

«открылась тайна сновидения»: Фрейд Флиссу, 12 июня 1900. Там же, 458 (417).

«не был чист»: Traumdeutung, GW II–III, 111–112 / Interpretation of Dreams, SE IV, 107.

«я добросовестен»: Там же, 123/ 118.

«врачебной добросовестности»: Там же, 125 / 120.

«собирательным»: Там же, 298–299 / 292–293.

«тебя не упрекает»: Там же, 117–118 (117–118).

последствие операции: См.: *Фрейд Флиссу*, 11 апреля 1895. Там же, 125 (123–124).

«жизнь своей семьи»: Фрейд Флиссу, 20 апреля 1895. Там же, 127 (125).

«и твоим инкубом»: Фрейд Флиссу, 26 апреля 1895. Там же, 128 (127).

«доставит тебе большое удовольствие»: Фрейд Флиссу, 16 апреля 1896. Там же, 191 (181).

«происходят по ее желанию»: Фрейд Флиссу, 28 апреля 1896. Там же, 193 (183).

по ее желанию: См.: *Фрейд Флиссу*, 4 июня 1896. Там же, 202 (192).

«великолепно»: Там же.

«в мыслительной взаимосвязи сновидения?»: Traumdeutung, GW II–III, 122 / Interpretation of Dreams, SE IV, 117.

«прекрасно и замечательно»: Фрейд Флиссу, 3 января 1899. Freud – Fliess, 371 (339).

«не может мне заменить»: Фрейд Флиссу, 7 мая 1900. Там же, 452 (412).

«товарища, друга»: Фрейд Флиссу, 7 августа 1901. Там же, 492 (447).

«основания для удовлетворения»: Фрейд Флиссу, 2 апреля 1896. Там же, 190 (180).

«упорно и в одиночестве»: Фрейд Флиссу, 4 мая 1896. Там же, 195 (185).

«в конце 1895 года»: Фрейд Флиссу, 8 ноября 1895. Там же, 154 (150).

назвал работу Нотнагеля отвратительной: См.: *Фрейд Флиссу*, 15 июля 1896. Там же, 205 (195).

«и прочим»: Фрейд Флиссу, 30 июня 1896. Там же, 203–204 (193).

«с чувством собственного достоинства»: Фрейд Флиссу, 15 июля 1896. Там же, 205–206 (194–195).

«от обычного человека»: Фрейд Флиссу, 26 октября 1896. Там же, 212 (201).

«своей физической смерти»: Фрейд Флиссу, 2 ноября 1896. Там же, 212–213 (202).

как будто запрещено: См.: Brief an Romain Rolland (Eine Erinnerungsstörung auf der Akropolis) (1936), GW XVI, 250–257 / A Disturbance of Memory on the Acropolis, SE XXII, 239–248.

«в жизни мужчины»: Traumdeutung, GW II–III, x / Interpretation of Dreams, SE IV, xxvi.

не с матерью: См.: *Mahl G. F.*, Father-Son Themes in Freud's Self-

Analysis, in: Father and Child: Developmental and Clinical Perspectives, ed. Stanley H. Cath, Alan R. Gurwitt, and John Munder Ross (1982), 33–64; *Mahl*, Freud, Father, and Mother: Quantitative aspects, Psychoanalytic Psychology, II (1985), 99–113.

«моими пристрастиями»: Studien über Hysterie, GW I, 227 / Studies on Hysteria, SE II, 160.

«в головы других»: Фрейд цитирует слова Флисса в одном из своих писем (*Фрейд Флиссу*, 7 августа 1901. Freud – Fliess, 492 [447]).

«Dosim repeatur!»: Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung (1914), GW X, 52 / On the History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 14–15.

«сексуальным неврозом»: Фрейд Флиссу, 8 февраля 1893. Freud – Fliess, 27 (39).

«как воспоминания»: Фрейд Флиссу, 15 октября 1895. Там же, 147 (144).

«напоминающих coитие»: Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen (1896), GW I, 380 / Further Remarks on the Neuro-Psychoses of Defence, SE III, 163.

«невинные» братья: См. там же, 382 / 164.

дают основания сделать этот вывод: См.: The Aetiology of Hysteria (1896), SE III, 189–221, в разных местах.

«alle gern haben»: Фрейд Флиссу, 26 апреля 1896. Freud – Fliess, 193 (184).

«уходит от меня»: Фрейд Флиссу, 4 мая 1896. Там же, 195 (185). В 1914 году, вспоминая об этом, Фрейд говорит об образовавшейся вокруг него «пустоте». (Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 59 / History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 21.)

относительно теории совращения: См.: *Фрейд Флиссу*, 31 мая 1897. Freud – Fliess, 266 (249).

достоверный вымысел: См.: *Фрейд Флиссу*, 21 сентября 1897. Там же, 283, 284 (264).

«существенно укрепилась»: Фрейд Флиссу, 12 декабря 1897. Там же, 312 (286).

получить сексуальное удовлетворение: См.: *Фрейд Флиссу*, 22 декабря 1897. Там же, 314 (288).

через шесть лет: Публичное отречение см. в: Three Essays on the Theory of Sexuality (1905), SE VII, 190–191 и 190–191n, и My Views on the Part Played by Sexuality in the Aetiology of the Neuroses (1906), там же, 274.

жертвами домогательств отцов: См.: Studien über Hysterie, GW I, 385n / Studies on Hysteria, SE III, 168n (note added in 1924).

«моя молодость»: Фрейд Флиссу, 21 сентября 1897. Freud –

Fliess, 285 (265–266).

«связь с реальностью»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 55 / History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 17.

полезный опыт»: Фрейд Флиссу, 15 октября 1897. Freud – Fliess, 293 (272).

«глубин бессознательного»: Jones I, 319.

«не было и следа»: Фрейд Флиссу, 14 ноября 1897. Freud – Fliess, 305, 301 (281, 279).

«самонаблюдением»: Psychopathologie des Alltaglebens, GW IV, 5 / Psychopathology of Everyday Life, SE VI, 1.

«моего детства»: Там же, 58 / 49.

свободной ассоциации: См. там же, 153 / 138.

«обстоятельства моего детства»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 58–59 / History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 20.

прозрение сна: См.: *Фрейд Флиссу*, 7 июля 1897. Freud – Fliess, 273 (255).

детских сексуальных ощущений: См.: Traumdeutung, GW II–III, 455–458 / Interpretation of Dreams, SE V, 452–455.

нового всплеска: См.: *Фрейд Флиссу*, 16 мая 1897. Freud – Fliess, 258 (243).

«ничего не изменилось»: Фрейд Флиссу, 18 июня 1897. Там же, 270 (252–253).

«из него выйдет»: Фрейд Флиссу, 22 июня 1897. Там же, 272 (254).

временному параличу: См.: *Фрейд Флиссу*, 7 июля 1897. Там же, 272 (255).

часть его работы: См.: *Фрейд Флиссу*, 14 августа 1897. Там же, 281 (261).

«объяснения и подсказки»: Фрейд Флиссу, 3 октября 1897. Там же, 288 (268).

«*как подготовку к настоящему»: Фрейд Флиссу*, 27 октября 1897. Там же, 295 (274).

«красоты работы»: Фрейд Флиссу, 3 октября 1897. Там же, 289 (269).

возможно, Гамлета: См.: *Фрейд Флиссу*, 15 октября 1897. Там же, 293 (272).

«абсолютно бестолковым»: Фрейд Флиссу, 16 апреля 1896. Там же, 192 (181).

«бутылке бароло»: Фрейд Флиссу, 16 января 1899. Там же, 372 (340).

на помощь: См.: *Фрейд Флиссу*, 8 июля 1899. Там же, 394 (359).

добрым товарищем: См.: *Фрейд Флиссу*, 27 июня 1899. Там же, 391 (357).

«пристраститься к очередной вредной привычке»: Фрейд Флиссу, 5 декабря 1898. Там же, 368 (335).

«жалующегося нытика»: Фрейд Флиссу, 1 мая 1898. Там же, 341 (312).

«чрезвычайно занимательны»: Там же, 342 (313).

«немного преждевременно»: Фрейд Флиссу, 27 июня 1899. Там же, 391 (357).

колебаниях настроения: См.: *Фрейд Флиссу*, 1 мая 1898. Там же, 341 (312).

«только для тебя»: Фрейд Флиссу, 18 мая 1898. Там же, 342 (313).

эпиграф из Гёте: См.: *Фрейд Флиссу*, 17 июля 1899. Там же, 396 (361).

«несовместимы друг с другом»: Фрейд Флиссу, 9 июня 1898. 344–345 (315).

оплакивать потерю: См.: *Фрейд Флиссу*, 20 июня 1898. Там же, 346 (317).

в июле 1898: См.: *Фрейд Флиссу*, 30 июля [1898]. Там же, 351 (321).

«своей проницательности»: Фрейд Флиссу, 7 августа 1901. Там же, 491–492 (447). Когда Мари Бонапарт в 1937 году показала Фрейду это письмо, он назвал его очень важным. (Там же, 490n [448n].)

Глава третья. Психоанализ

на немецком: См.: «Наследственность и этиология неврозов» (1896), SE III, 151; «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896). *Фрейд Флиссу*, 7 августа 1901, 162.

«активности ума»: Traumdeutung, GW II–III, 613 / Interpretation of Dreams, SE V, 608.

трудная для прочтения книга: См. там же, IX / XXV.

«ее без труда»: Фрейд Флиссу, 9 февраля 1898. Freud – Fliess, 325 (298).

кажется ему многообещающей: См.: *Фрейд Флиссу*, 23 февраля 1898. Там же, 327 (300).

безжизненно изложенной: См.: *Фрейд Флиссу*, 1 мая 1898. Там же, 341 (312).

«огромные мучения»: Фрейд Флиссу, 6 сентября 1899. Там же, 405 (369).

«ситуации я теперь пребываю»: Фрейд Флиссу, 11 сентября

1899. Там же, 407 (371).

недостаточное совершенство материала: См.: *Фрейд Флиссу*, 21 сентября 1899. Там же, 410 (373–374).

добиться своей цели: См.: *Фрейд Вернеру Ахелису*, 30 января 1927. Briefe, 389–390. В том же письме Фрейд отметил, что взял эпиграф не непосредственно у Вергилия, а из книги немецкого социалиста Фердинанда Лассаля.

«достанется от них!»: Фрейд Флиссу, 6 сентября 1899. Freud – Fliess, 405 (369).

«куда изволите пойти?»: Фрейд Флиссу, 6 августа 1899. Там же, 400 (365).

«разбитых поверхностей»: Traumdeutung, GW II–III, vii / Interpretation of Dreams, SE IV, xxiii.

«в состоянии бодрствования»: Там же, 1 / 1.

«сильное отвращение»: Фрейд Флиссу, 9 февраля 1898. Freud – Fliess, 325 (299).

ужасным наказанием: См.: *Фрейд Флиссу*, 5 декабря 1898. Там же, 368 (335).

«бедной книги»: Фрейд Флиссу, 6 августа 1899. Там же, 400 (365).

«мнению обычных людей»: Traumdeutung, GW II–III, 100 / Interpretation of Dreams, SE IV, 96.

«исполнение желания»: Там же, 104, 126 / 99, 121.

племянником Брейера: Фрейд сообщил об этом Флиссу 4 марта 1895. Freud – Fliess, 114–115 (114).

продолжает спать: См.: Interpretation of Dreams, SE IV, 125.

«по отдельности»: Traumdeutung, GW II–III, 141 / Interpretation of Dreams, SE IV, 135–136.

«желанной едой»: Там же, 132, 135 / 127, 130.

«этого выражения»: Там же, 149 / 143–144.

противоположных желаниях: См. там же, 163 / 157.

«(подавленного, вытесненного) желания»: Там же, 166 / 160.

«безобидных снов не существует»: Там же, 169, 189 / 163, 182.

«не так безобидно»: Там же, 193–194 / 186–187.

«получал подкрепление»: Там же, 170 / 165.

в витрине книжного магазина: См. там же, 175–182, 287–290 / 169–176, 281–284.

«жить своими импульсами»: Там же, 197 / 191.

никаких достоинств: См. там же, 214–224 / 208–218.

«все-таки кое-что вышло»: Там же, 221–222 / 216.

«ядерный комплекс»: Über infantile Sexualtheorien (1908), GW VII, 176 / On the Sexual Theories of Children, SE IX, 214.

«ненависть к другому»: Traumdeutung, GW II–III, 267 / Interpretation of Dreams, SE IV, 260.

«или словом»: Там же, 283–284 / 277–278.

«*учет изобразительных возможностей»:* Там же, 344 / 339.

«мыслей сновидца»: Traumdeutung, GW II–III, 365 / Interpretation of Dreams, SE V, 359–360 (предложение добавлено в 1909 году).

«языка подсознания»: Фрейд Пфистеру, 6 ноября 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

удачно женился: См.: Traumdeutung, GW II–III, 284, 304–308 / Interpretation of Dreams, SE IV, 279, 298–302.

покажутся неприятными: См.: Traumdeutung, GW II–III, 424–425 / Interpretation of Dreams, SE V, 421–422.

«перееду в Париж»: Там же, 425–426, 484–485, 489 / 423–424, 480–481, 485.

еврейских анекдотов: См.: *Фрейд Флиссу*, 22 июня 1897. Freud – Fliess, 271 (254).

применению теории: См.: Interpretation of Dreams, SE IV, xxiii.

«нормальных психических процессов»: Фрейд Флиссу, 25 мая 1895. Freud – Fliess, 130 (129).

«к психологии»: Фрейд Флиссу, 2 апреля 1896. Там же, 190 (180).

«цели – философии»: Фрейд Флиссу, 1 января 1896. Там же, 165 (159).

«сперматозоида с яйцом»: Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci (1910), GW VIII, 210 / Leonardo da Vinci and a Memory of His Childhood, SE XI, 137.

«те или иные решения»: Das Ich und das Es (1923), GW XIII, 28on / The Ego and the Id, SE XIX, 5on.

«в центральной нервной системе»: Krafft-Ebing R. von, Nervosität und Neurasthenische Zustände (1895), 4, 16, 9, 17.

с нервной конституцией: См. там же, 37, 51, 53.

электротерапию, массаж: См. там же, 124–160.

к причине: См. там же, 188–210.

«болезнь мозга»: Цит. по: *Lesky E.*, The Vienna Medical School of the 19th Century (1965; tr. L. Williams and I. S. Levij, 1976), 345.

«его подкладку»: Sterne L., Tristram Shandy (1760–1767), book III, ch. 4.

«физической функции»: William Hammond, рецензия на *Gray J. P.*, The Dependence of Insanity on Physical Disease (1871), in: Journal of Psychological Medicine, V (1876), 576. Цит. по: *Blustein B. E.*, A Hollow Square of Psychological Science: American Neurologists and Psychiatrists in Conflict, in: Madhouses, Mad-Doctors, and Madmen: The Social History of Psychiatry in the Victorian Era, ed. Andrew Scull (1981), 241.

«физической области»: *Maudsley H.*, Responsibility in Mental

Disease (2d ed., 1874), 154. Цит. по: *Clark M. J.*, The Rejection of Psychological Approaches to Mental Disorder in Late Nineteenth-Century British Psychiatry, там же, 271.

«*заболевание мозга*»: *Esquirol J. É.*, Des Maladies mentales considérées sous les rapports médical, hygiénique et médico-légal, 3 vols. (1838), I, 5 (из трактата 1816 года, включенного в более позднюю, объемную работу).

«полностью игнорировалась»: Цит. по: *Obholzer K.*, The Wolf-Man Sixty Years Later: Conversations with Freud's Controversial Patient (1980; tr. Michael Shaw, 1982), 30.

«соматическую сторону»: Selbstdarstellung, GW XIV, 50 / Autobiographical Study, SE XX, 25.

«органической основы»: Фрейд Флиссу, 22 сентября 1898. Freud – Fliess, 357 (326).

«состояния государств»: Esquirol, Des maladies mentales, I, 24.

значение наследственности: См.: Three Essays on the Theory of Sexuality, SE VII, 173.

«происхождение и смысл»: Freud M., Freud, 67.

сна об инъекции Ирме: См.: *Абрахам Фрейду*, 8 января 1908. Freud – Abraham, 32 (18).

«все они мои!»: Фрейд Абрахаму, 9 января 1908. Там же, 34 (20).

«истинные мотивы»: Юнг Фрейду, 14 февраля 1911. Freud – Jung, 433 (392).

«раздевался перед ним»: Фрейд Юнгу, 17 февраля 1911. Там же, 435–436 (394–395).

окольные пути психики: См. примечание редактора к Freud – Fliess, 355.

до своего детства: См.: *Фрейд Флиссу*, 26 августа 1898. Там же, 354–355 (324).

«в это поверить?»: Фрейд Флиссу, 22 сентября 1898. Там же, 357–358 (326–327).

психологии и психиатрии: См.: The Psychical Mechanism of Forgetfulness (1898), SE III, 289–297.

«2467 ошибок»: Фрейд Флиссу, 27 августа 1899. Freud – Fliess, 404 (368).

прислать его: См. *Фрейд Флиссу*, 24 сентября 1900. Там же, 467 (425).

активной жизни: См.: Psychopathology of Everyday Life, SE VI, 242–243.

еще больше: См.: *Фрейд Флиссу*, 8 мая 1901. Freud – Fliess, 485 (441).

«до настоящего времени»: Фрейд Флиссу, 7 августа 1901. Там же, 492 (447).

впечатлений и намерений: См.: Psychopathology of Everyday Life, SE VI, 143–144. Сокращение фамилии Флисса появляется только в самых первых изданиях (1901 и 1904), поэтому упоминание должно было произвести на него впечатление.

объявив его закрытым: См. там же, 59. Он цитирует статью *R. Meringer,* Wie man sich versprechen kann, Neue Freie Presse, 23 August 1900.

на 12 языков: См.: Editor's Introduction to Psychopathology of Everyday Life, SE VI, ix – x.

мозга во сне: См.: *James H.*, The Aspern Papers (1888), in: Tales of Henry James, ed. Christof Wegelin (1984), 185.

«бессознательное» всерьез: Selbstdarstellung, GW XIV, 56 / Autobiographical Study, SE XX, 31.

«теории неврозов»: Там же, 55 / 30.

«память уступает»: Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose (1909), GW VII, 407 / Notes upon a Case of Obsessional Neurosis, SE X, 184. Цитата из *Nietzsche*, Beyond Good and Evil, iv, 68.

«автобиографических временах»: Carlyle, Sartor Resartus, book II, ch. 2.

«препарированию мотивов»: Цит. по: *Buckley J. H.*, The Turning Key: Autobiography and the Subjective Impulse since 1800 (1984), 4.

«свое толкование жизни»: Kraus, Die demolierte Literatur, рукопись черновика в: Zeller, ed., Jugend in Wien, 265–266.

осмеливаются выползти: Цит. по: *Elon A.*, Herzl (1975), 109.

«тайному знанию»: Фрейд Шницлеру, 8 мая 1906. Briefe, 266–267.

«желание из бессознательного»: Traumdeutung, GW II–III, 559, 566 / Interpretation of Dreams, SE V, 553, 561.

«материальной реальностью»: Там же, 583, 625 / 577, 620.

«новую основу»: Фрейд Дармштедеру, 3 июля 1910. Freud Collection, B3, LC.

«конгрессов» в Риме: См.: *Фрейд Флиссу*, 3 декабря 1897. Freud – Fliess, 309 (284–285).

на Пасху: См.: *Фрейд Флиссу*, 6 февраля 1899. Там же, 376 (344).

«в Вечном городе»: Фрейд Флиссу, 27 августа 1899. Там же, 404 (368).

мучительном томлении: См.: *Фрейд Флиссу*, 23 октября 1898. Там же, 363 (332).

«героя-семита Ганнибала»: Фрейд Флиссу, 3 декабря 1897. Там же, 309 (285).

«страстных желаний»: Traumdeutung, GW II–III, 202 / Interpretation of Dreams, SE IV, 196–197.

властвовать над Римом: См. там же, 403n / 398n.

«собственные переживания»: Фрейд Флиссу, 4 октября 1899. Freud – Fliess, 414 (376, 377).

«с покорностью и смирением»: Фрейд Флиссу, 27 октября 1899. Там же, 417–18 (380).

«эпохальный»: Фрейд Флиссу, 21 декабря 1899. Там же, 430 (392). Кроме того, см. примечание редактора, там же, 430 (392).

«ужасно скучно»: Там же, 430, 431 (392).

необыкновенно необъективного: См.: *Фрейд Флиссу*, 8 января 1900. Там же, 433 (394).

«всегда один»: Фрейд Флиссу, 1 февраля 1900. Там же, 437 (398).

«в течение дня»: Фрейд Флиссу, 11 марта 1900. Там же, 441, 443 (402–403, 404).

«человеческих страданий»: Фрейд Флиссу, 7 мая 1900. Там же, 452 (412).

его мучителями: См.: *Фрейд Флиссу*, 11 марта 1900. Там же, 442 (404).

«возводить их заново»: Фрейд Флиссу, 23 марта 1900. Там же, 444 (405).

«измученный еврей»: Фрейд Флиссу, 7 мая 1900. Там же, 452–453 (412).

старым дядюшкой: См.: *Фрейд [Маргарите, Лили и Марте Гертруде Фрейд]* (открытка), 20 мая 1900. Freud Collection, B2, LC.

«дни рождения стариков»: Фрейд [Маргарите, Лили и Марте Гертруде Фрейд], 8 мая 1901. Там же.

«*ребенка, о котором он мечтал»: Фрейд Флиссу*, 23 марта 1900. Freud – Fliess, 444 (405).

«с моим окружением»: Фрейд Флиссу, 11 марта 1900. Там же, 442 (403).

самые яркие впечатления: См.: *Фрейд Флиссу*, 19 сентября 1901. Там же, 493 (449).

«боялся столько лет!»: Фрейд Марте Фрейд (открытка), 3 сентября 1901. Музей Фрейда, Лондон.

«и о других вещах»: Фрейд Марте Фрейд (открытка), 5 сентября 1901. Там же.

«многие годы»: Фрейд Марте Фрейд (открытка), 6 сентября 1901. Там же.

красотами Венеции: См.: *Фрейд Минне Бернайс* (открытка), 27 августа 1902. Там же.

этот святой город: См.: *Эрнест Джонс Фрейду* из Рима, 5 декабря [1912]. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«обнаружили многие»: Фрейд Матильде Фрейд, 17 сентября

1907. Freud Collection, B1, LC.

«чудесной изоляции»: Фрейд Флиссу, 7 мая 1900. Freud – Fliess, 452 (412). Freud used this phrase, на английском, more than once.

«делает врача полубогом для его больных»: Traumdeutung, GW II–III, 142 / Interpretation of Dreams, SE IV, 137.

«скользкий склон»: Фрейд Элизе Гомперц, 25 ноября 1901. Briefe, 256.

вызывала у него отвращение: См.: *Eissler K.* R., Sigmund Freud und die Wiener Universität. Über die Pseudo-Wissenschaftlichkeit der jüngsten Wiener Freud-Biographik (1966), 170.

продвижении по службе: См.: *Филипп Фрейд Мари Фрейд*, 12 марта 1902. Freud Collection, B1, LC.

«дарить радость моим детям»: Фрейд Флиссу, 11 марта 1902. Freud – Fliess, 501–502 (455–456).

«посетить Рим»: Там же, 502–503 (456–457).

ждали дольше: См.: *Eissler*, Sigmund Freud und die Wiener Universität, 181–185.

«дальнейшие трудности»: Фрейд Флиссу, 8 февраля 1897. Freud – Fliess, 244 (229).

«чем кто-то другой»: Цит. по: *Eissler*, Sigmund Freud und die Wiener Universität, 135.

Streber: См.: *Фрейд Элизе Гомперц*, 25 ноября 1901. Briefe, 256.

«несколько ослабло»: Фрейд Флиссу, 11 марта 1902. Freud – Fliess, 501 (456).

«от моей смелости»: Фрейд Бней-Брит (6 мая 1926). Briefe, 381. См. также: *Knoepfmacher H.*, Sigmund Freud and the B'nai B'rith. Рукопись без даты, Freud Collection, B27, LC.

рецензий в специальных журналах: См.: Selbstdarstellung, GW XIV, 74 / Autobiographical Study, SE XX, 48.

«книги о снах»: Фрейд Флиссу, 11 октября 1899. Freud – Fliess, 416 (379).

«от внезапно возникшей искры»: Фрейд Флиссу, 26 января 1900. Там же, 436 (397).

«не нахожу ничего полезного»: Фрейд Флиссу, 1 февраля 1900. Там же, 437 (398).

«явно не наступило»: Фрейд Флиссу, 25 ноября 1900. Там же, 471 (429).

«свободную половую жизнь»: Фрейд Патнему, 8 июля 1915. James Jackson Putnam and Psychoanalysis: Letters between Putnam and Sigmund Freud, Ernest Jones, William James, Sándor Ferenczi, and Morton Prince, 1877–1917, ed. Nathan G. Hale, Jr. (1971), 376.

либидо: Ответы Фрейда на анкету, распространявшуюся культурно-политическим обществом, впервые были полностью опубликованы в Германии: *Boyer J. W.*, Freud, Marriage, and Late

Viennese Liberalism: A Commentary from 1905, Journal of Modem History, L (1978), 72–102. Цитируемые отрывки см. на с. 100.

чем утверждали их критики: Документы см. в: *Gay P.*, The Bourgeois Experience: Victoria to Freud, vol. I, Education of the Senses (1984), and vol. II, The Tender Passion (1986).

«известные публикации»: Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905), GW V, 33n; см. также 74n / Three Essays on the Theory of Sexuality, SE VII, 135n; 174n.

у маленьких детей: См.: *Patze A.*, Ueber Bordelle und die Sittenverderbniss unserer Zeit (1845), 48n. См.: *Gay P.*, Freud for Historians (1985), 58.

«события собственного детства»: Maudsley H., The Physiology and Pathology of Mind (1867), 284. См.: *Kern S.*, Freud and the Discovery of Child Sexuality, History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory, I (Summer 1973), 117–141.

«неведомы пока еще сексуальные страсти»: Traumdeutung, GW II–III, 136 / Interpretation of Dreams, SE IV, 130.

полную теорию сексуальности: См.: Three Essays, SE VII, 130.

«с «Толкованием сновидений»: Фрейд Абрахаму, 12 ноября 1908. Freud – Abraham, 67 (57–58).

«в этих ее заблуждениях»: Drei Abhandlungen, GW V, 59–60 / Three Essays, SE VII, 161.

«сексуальное поведение больных»: Там же, 71, 63 / 171, 163.

составных мотивах: См. там же, 67–69 / 167–169.

«влечения в детстве»: Там же, 73 / 173.

«предрасположенность»: Там же, 88, 91 / 187, 191.

«*божественного Платона»:* Там же, 32 / 134.

Глава четвертая. Портрет критикуемого основателя

выбрали для медальона: См.: Jones II, 13–14.

«и наоборот»: Флисс Фрейду, 20 июля 1904. Freud – Fliess, 508 (463).

обсуждают уже несколько лет: См.: *Фрейд Флиссу*, 23 июля 1904. Там же, 508 (464).

интеллектуальный грабеж: См.: *Флисс Фрейду*, 26 июля 1904. Там же, 510–511 (465–466).

опубликовал свой труд: См.: *Фрейд Флиссу*, 27 июля 1904. Там же, 512–515 (466–468).

в письме Карлу Краусу: См.: *Фрейд Краусу*, 12 января 1906. Briefe, 265–266.

«угнетает комплекс по поводу старости»: Абрахам Эйтингону, 1 января 1908. Письмо цитируется полностью в: *Abraham H.*,

Abraham K., Sein Leben für die Psychoanalyse (1974; перевод на немецкий Ханса-Хорста Хеншена, 1976), 73.

«1916 или 1917-м»: Фрейд Шандору Ференци, 10 января 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«словно из глубины»: Graf M., Reminiscences of Professor Sigmund Freud, Psychoanalytic Quarterly, XI (1942), 467.

«пронзительных глаз»: Riviere J., An Intimate Impression, The Lancet (30 September 1939). Перепечатано в: Freud As We Knew Him, ed. Ruitenbeek, 129.

«сутулость ученого»: Wittels, Sigmund Freud, 129.

«ничто в мире»: Фрейд Пфистеру, 6 марта 1910. Freud – Pfister, 32 (35).

жил по часам: См.: *Waldinger E.*, My Uncle Sigmund Freud, Books Abroad, XV (Winter 1941), 7.

он ложился в час ночи: См.: For a most revealing catalogue of Freud's day's doings, *Анна Фрейд Джонсу*, 31 января 1954. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

Tarockexzess: Фрейд Флиссу, 11 марта 1900. Freud – Fliess, 443 (404).

«проблема лета»: Фрейд Абрахаму, 24 апреля 1914. Karl Abraham papers, LC.

только по книгам: См.: Jones II, 379–402; *Freud M.*, Freud, passim; and A Disturbance of Memory on the Acropolis: An Open Letter to Romain Rolland on the Occasion of his Seventieth Birthday (1936), SE XXII, 239–248.

своим домашним: См. недатированные воспоминания психоаналитика (и пациента Фрейда) Людвига Йекельса, очевидно в ответ на вопросы Зигфрида Бернфельда для подготовки биографии Фрейда, которую тот так и не написал. Siegfried Bernfeld papers, container 17, LC.

«приятные дни»: Абрахам Эйтингону, 1 января 1908. Цит. по: *Abraham H.*, Abraham, 72.

«по-юношески бодрым и здоровым»: «Selbstdarstellung», GW XIV, 78 / «Autobiographical Study», SE XX, 52.

веселое сердце: См.: *Freud M.*, Freud, 9, 27.

«и даже веселым»: Анна Фрейд Джонсу, 16 июня 1954. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

мрачнее, чем в жизни: См.: Jones II, 415–416.

«остроумно и решительно»: Wittels, Sigmund Freud, 129–130.

«поденщиком»: Фрейд Лили Фрейд-Марле, 14 марта 1911. Freud Collection, B2, LC.

«разрыдался»: Goetz B., Erinnerungen an Sigmund Freud, Neue Schweizer Rundschau, XX (May 1952), 3–11.

«самостоятельными людьми»: Freud M., Freud, 32.

«этому помешать»: Марта Фрейд Эльзе Рейсс, 17 января 1950. Freud Collection, B1, LC.

«ничего не значащего пустяка»: Freud M., Freud, 40–43.

«вынужденно целовал при расставании»: Dyck R., Mein Onkel Sigmund, интервью с Гарри Фрейдом в Aufbau (Нью-Йорк), 11 мая 1956, 3–4.

«об этом известно»: Фрейд Джонсу, 1 января 1929. Briefe, 402.

сидела у него на коленях: См.: Jones II, 387.

«и строгим отцом»: Фрейд Юнгу, 9 июня 1910. Freud – Jung, 361 (327).

«конечно, не так»: Фрейд Флиссу, 17 декабря 1896. Freud – Fliess, 229 (217).

а эротическое волнение: См.: *Фрейд Флиссу*, 31 мая 1897. Там же, 266 (249).

«покончил с рождением детей»: Фрейд Флиссу, 11 марта 1900. Там же, 443 (404).

«в среду утром»: Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон. Собственноручно написанный оригинал не найден (пока). Описание снов Фрейда и их анализ занимают пять страниц. Название «Сон 8/9 июля, ч [етверг]. П [ятница], после пробуждения». Фрейд отправил часть этого описания с пророческим (но, к счастью, ошибочным) сном о смерти его сына Мартина, который в то время служил в армии, Ференци 10 июля 1915 года (Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC). Данное письмо убедительно подтверждает аутентичность этой несколько загадочной записки.

«весьма умеренно пользовался»: Фрейд Патнему, 8 июля 1915. James Jackson Putnam: Letters, 376

«*ars amandi*»: Фрейд на заседании Психологического общества по средам, 16 октября 1907 и 12 февраля 1908. Protokolle, I, 202, 293.

«а не основателем психоанализа»: Malcolm J., In the Freud Archives (1984), 24.

«одно – умереть»: Эмма Юнг цитирует Фрейда в письме к нему от 6 ноября [1911]. Freud – Jung, 504 (456).

«расплачиваются здоровьем»: Die ‘kulturelle’ Sexualmoral und die Moderne Nervosität (1908), GW VII, 156 / «Civilized» Sexual Morality and Modern Nervous Illness, SE IX, 193.

«Любовную жизнь человечества»: Фрейд Юнгу, 19 сентября 1907. Freud – Jung, 98 (89).

«ничем не вознаграждая»: Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten (1905), GW VI, 120 / Jokes and Their Relation to the Unconscious, SE VIII, 109.

«маленький бриллиант»: Фрейд Абрахаму, 31 июля 1913. Freud

– Abraham, 144 (145).

«к современному «искусству»: Фрейд Абрахаму, 26 декабря 1922. Там же, 309 (332). Эпитет «в высшей степени современный» принадлежит Абрахаму и характеризует эстетическое направление, к которому недавно примкнул художник, нарисовавший его портрет (*Абрахам Фрейду*, 7 января 1923. Там же, 310 [333]).

в своей ограниченности: См.: *Фрейд Пфистеру*, 21 июня 1920. Freud – Pfister, 80 (77).

Дороти Сэйерс: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, машинописные комментарии без даты к тому III биографии Фрейда, написанной Джонсом. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

и Марк Твен: См.: Contribution to a Questionnaire on Reading (1907), SE IX, 245–247.

«правильного понимания»: Der Moses des Michelangelo (1914), GW X, 172 / The Moses of Michelangelo, SE XIII, 211. Фрейд опубликовал эту статью в Imago анонимно и признал свое авторство только десять лет спустя.

«*руководствуются Lustprinzip»: Фрейд Джонсу*, 8 февраля 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

не узнал бы мотив: См.: Traumdeutung, GW II–III, 214 / Interpretation of Dreams, SE IV, 208.

подтверждали эти слова: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 29 мая 1951. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

не ходил на концерты: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 23 января 1956. Там же.

«Нюрнбергские мейстерзингеры» Вагнера: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 29 и 31 мая 1951; *Мари Бонапарт* Джонсу (передавая комментарий Матильды, старшей дочери Фрейда), 8 ноября 1951. Все там же.

27 раз: См.: *Curtiss M.*, Bizet and His World (1958), 426–430.

победы Дон Жуана: о Фигаро см.: «Толкование сновидений», SE IV, 208; о Зарастро см.: *Фрейд Ференци*, 9 августа 1909 (Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC); о Лепорелло см.: *Фрейд Флиссу*, 25 мая 1897 (Freud – Fliess, 261 [245]).

цветную капусту и курицу он недолюбливал: См.: *Freud M.*, Freud, 33. См. также *Фрейд Флиссу*, 27 октября 1899. Freud – Fliess, 418 (381).

оставался им до 81 года: Фрейд Виктору Рихарду Рубенсу, ответ на вопросы об отношении к курению (Arents Collection, No. 3270, New York Public Library). Это письмо полностью цитируется в оригинале, на немецком языке в: *Schur M.*, Freud, Living and

Dying (1972), 535, но ошибочно называется адресованным Вильгельму Флиссу.

«беседовать, не задыхаясь»: Freud M., Freud, 110.

«мне тебя жаль»: Dyck R., Mein Onkel Sigmund, интервью с Гарри Фрейдом, Aufbau, 11 мая 1956, 4.

«мастурбации»: Фрейд Флиссу, 22 декабря 1897. Freud – Fliess, 312–313 (287).

к старине: См.: *Фрейд Флиссу*, 30 января 1899. Там же, 374 (342).

страсти к курению: См.: *Schur*, Freud, Living and Dying, 247.

«притягивают взгляд посетителя»: Sachs H., Freud: Master and Friend (1945), 49.

«давно прошедших эпох»: My Recollections of Sigmund Freud, in: The Wolf-Man by the Wolf-Man, ed. Muriel Gardiner (1971), 139.

«по археологии, нежели по психологии»: Фрейд Стефану Цвейгу, 7 февраля 1931. Briefe, 420–421.

«самых ценных сокровищ»: My Recollections, in: The Wolf-Man, ed. Gardiner, 139.

«(Неаполь, Помпеи)»: См.: *Фрейд Флиссу*, 6 декабря 1896. Freud – Fliess, 226 (214).

«далеких странах»: Фрейд Флиссу, 6 августа 1899. Там же, 402 (366).

«не приспособятся к действительности»: Фрейд Ференци, 30 марта 1922. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«исполнение детской мечты»: Фрейд Флиссу, 28 мая 1899. Freud – Fliess, 387 (353).

«Камни говорят!»: Zur ätiologie der Hysterie (1896), GW I, 427 / The Aetiology of Hysteria, SE III, 192.

«считавшуюся мифической»: Фрейд Флиссу, 21 декабря 1899. Freud – Fliess, 430 (391–392).

«с достоверным»: Bruchstück einer Hysterie-Analyse [Dora] (1905), GW V, 169–170 / Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria [Dora], SE VII, 12.

археологических раскопок: См.: Civilization and Its Discontents (1930), SE XXI, 69–70.

курения на психику: См.: The Autobiography of Wilhelm Stekel: The Life Story of a Pioneer Psychoanalyst, ed. Emil A. Gutheil (1950), 116.

«эффективности аналитической терапии»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 63 / History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 25.

«был моим Христом!»: Autobiography of Wilhelm Stekel, 106.

оставаться довольным: См.: History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 25.

после Фрейда: См.: Jones II, 7.

«подобен откровению»: Autobiography of Wilhelm Stekel, 116. Несколько первых замечаний Рейтлера см. в: Protokolle, I, 70–76, 105–106, 149, 167.

«исследования психики»: Graf, Reminiscences, 470–471.

друга, страдавшего импотенцией: См. 9 октября 1907. Protokolle, I, 194.

научными саморазоблачениями: См. 15 января 1908. Там же, 264–268.

«Теория неврозов Фрейда»: Книга была переведена на английский язык С. Р. Пэйном и издана под этим названием в 1921 году с благожелательным введением, написанным Эрнестом Джонсом. Оригинальное немецкое название Freud's Neurosenlehre (1911).

инцеста в литературе: В конечном счете книга Ранка «Мотив инцеста в литературе и легендах» вышла только в 1912 году.

всеобщим достоянием: См. 5 февраля 1908. Protokolle, I, 284–285.

грубых слов: См. 4 декабря 1907. Там же, 239–243.

«что было прежде»: 5 февраля 1908. Там же, 284.

с целями Фрейда: См.: *Фрейд Ранку*, 22 сентября 1907. Машинописная копия, Freud Collection, B4, LC.

«и доктор Граф тоже…»: Абрахам Эйтингону, 1 января 1908. Цит. по: *Abraham H.*, Abraham, 73.

«что было доступно»: Ernest Jones, Free Associations: Memories of a Psycho-Analyst (1959), 169–170.

среди этой толпы: См.: Ludwig Binswanger, Erinnerungen an Sigmund Freud (1956), 13.

«малыша Ранка»: Фрейд Абрахаму, 14 марта 1911. Karl Abraham papers, LC.

«психоаналитического метода»: Эйтингон Фрейду, 6 декабря 1906. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«нашего учения»: Эйтингон Фрейду, 10 декабря 1906. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

ловцом человеков: Фрейд использовал звучный термин Menschenfischer, вспоминая, естественно, слова Иисуса, обращенные к его ученикам (Матфей, 4: 19), в письме от 3 марта 1910 года, вероятно английскому врачу Джону Рикману, который впоследствии стал психоаналитиком. Машинописная копия, Freud Collection, B4, LC.

«первый урок психоанализа»: Jones II, 32.

учеником Фрейда: Эйтингон назвал себя учеником Фрейда за полгода до переезда в Берлин (*Эйтингон Фрейду*, 5 февраля 1909. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe).

Фрейд соглашался: См.: *Эйтингон Фрейду*, 9 февраля, 5 мая и 10 июня 1912. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«из произведений Д…»: Эйтингон Фрейду, 17 февраля 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«Братьям Карамазовым»: См.: *Эйтингон Фрейду*, 10 февраля 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«нет и предателей»: Эйтингон Фрейду, 10 июля 1914. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

подсказывает ему совесть: См.: *Abraham H.*, Abraham, 41.

вокруг Фрейда: См.: Jones II, 159.

официальным сбродом: См.: *Фрейд Абрахаму*, 19 апреля 1908. Karl Abraham papers, LC.

с братской симпатией: См.: *Джонс Абрахаму*, 18 июня 1911. Там же.

«Все будет хорошо»: Фрейд Абрахаму, 11 июля 1909. Там же.

борцу за права гомосексуалистов: См.: *Фрейд Абрахаму*, 19 апреля 1908. Там же.

гостеприимству Абрахама: См.: *Фрейд Абрахаму*, 29 мая 1908. Там же.

под догму: См.: *Андреас-Саломе Абрахаму*, 6 ноября 1914. Там же.

«стены нашей школы»: Холл Абрахаму, 2 января 1914. Там же.

«уже довольно давно»: Абрахам Фрейду, 26 февраля 1911. Там же.

даже бурная: См.: *Абрахам Фрейду*, 9 марта 1911. Там же.

мало времени для науки: См. там же.

«не обязательно быть мучеником»: Абрахам Фрейду, 24 июля 1912. Там же.

«затягивает меня»: Абрахам Фрейду, 28 апреля 1912. Там же.

«стерильная среда»: Абрахам Фрейду, 25 декабря 1911. Там же.

«недостаток подходящих людей»: Абрахам Фрейду, 28 мая 1912. Там же.

стал альпинизм: См.: *Abraham H.*, Abraham, 39.

«извращенность, а не невроз»: Фрейд Абрахаму, 13 февраля 1911. Karl Abraham papers, LC. (Freud – Abraham, 105 [100–101], представлена только часть письма; опущены характеристика «злой» и предостережение против фрау Флисс.)

проявлять должное благоразумие: См.: *Абрахам Фрейду*, 17 февраля 1911. Karl Abraham papers, LC.

сколько-нибудь очаровательным: См.: *Абрахам Фрейду*, 26 февраля 1911. Freud – Abraham, 106–107 (102).

фрау Флисс: См., например, *Абрахам Фрейду*, 9 апреля 1911 года, где он пишет о том, что Флисс направил к нему пациента, но ни словом не упоминает о его жене. Karl Abraham papers, LC.

«открывать нам глаза!»: Флисс Абрахаму, 26 сентября 1917. Там же.

«*настоящим психологом»: Jones*, Free Associations, 159–160.

сердечный прием: 13 мая 1908, Джонс поблагодарил Фрейда за учтивый прием в Вене. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«девяти членов»: Джонс Фрейду, 3 ноября 1913. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. Кстати, не все члены общества оказались сторонниками Фрейда, некоторые предпочтут Юнга.

«оплодотворение мужчиной»: Джонс Фрейду, 19 июня 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«противостоять аргументам других»: Фрейд Джонсу, 28 апреля 1912. Freud Collection, D2, LC.

перешел на английский: См.: *Джонс Фрейду*, 8 ноября [1908]. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. См. также: *Фрейд Джонсу*, 20 ноября 1908. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«оппортунист – с другой?»: Юнг Фрейду, 12 июля 1908. Freud – Jung, 181–182 (164).

«уроженцам Средиземноморья»: Фрейд Юнгу, 18 июля 1908. Там же, 183 (165).

«сильного «комплекса отца»: Джонс Фрейду, 18 декабря 1909. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«и работать вместе»: Фрейд Джонсу, 15 апреля 1910. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«великолепно ладить»: Фрейд Джонсу, 24 февраля 1912. На английском. Там же.

«и смены настроений»: Джонс Фрейду, 3 и 25 июня, 8 июля [1913]. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«большую работу»: Фрейд Джонсу, 22 февраля 1909. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«спешу с ответом»: Фрейд Джонсу, 1 июня 1909. На английском. Там же.

«письма и статьи»: Фрейд Джонсу, 10 марта 1910. На английском. Там же.

«и размышлений»: Фрейд Джонсу, 16 января 1914. На английском. Там же.

«на этот раз»: Фрейд Джонсу, 8 февраля 1914. На английском. Там же. *Cet. censeo*, как должно было быть известно Джонсу, это первые слова знаменитой речи Катона, в которой он заявлял, что Карфаген должен быть разрушен: Ceterum censeo Cartaginem esse delendam.

высказывал свои мысли: См.: *Фрейд Джонсу*, 21 февраля 1914. На английском. Там же.

не более того: См.: *Фрейд Джонсу*, 1 января 1929. Briefe, 402.

ближе всех Фрейду: См.: Jones II, 157.

«его достижений»: Andreas-Salomé L., In der Schule bei Freud. Tagebuch eines Jahres, 1912/1913, ed. Ernst Pfeiffer (1958), 193.

«ассоциативного эксперимента»: Balint M., Einleitung des Herausgebers, in: *Ferenczi S.*, Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint, 2 vols. (1970), I, xi.

в воскресенье после обеда: См.: *Фрейд Ференци*, 30 января 1908. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. См. также: Jones II, 34–35.

«заставляющего думать»: Джонс Фрейду, 8 июля [1913]. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«стать весьма поучительным»: Фрейд Ференци, 11 февраля 1908 года. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«сохранять свободу»: Фрейд Ференци, 4 августа 1908 года. Там же.

удостаивались немногие: См., например, *Фрейд Ференци*, 6 октября 1909 года. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. К Абрахаму Фрейд обратился со словами «дорогой друг» лишь год спустя, летом 1910-го. См. его письмо от 22 августа 1910 года. Freud – Abraham, 97 (91).

относительно фантазий: См.: *Фрейд Ференци*, 27 октября 1908. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«вам не удалось сделать»: Фрейд Ференци, 2 октября 1910. Там же.

«с отцовским приветом»: Фрейд Ференци, 17 ноября 1911. Там же.

«отказаться от такого обращения»: Фрейд Ференци, 30 ноября 1911. Там же.

«Дорогой друг»: Фрейд Ференци, 5 декабря 1911. Там же.

«много прусскости»: Фрейд Джонсу, 2 августа 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC. Прусскость – это один из английских неологизмов, которыми изобилуют письма Фрейда к Джонсу.

«нашей работой»: Фрейд [Рикману?], 3 марта 1910. Freud Collection, B4, LC.

и их развития: См.: *Pfister O.*, Oskar Pfister, in: Die Pädagogik der Gegenwart in Selbstdarstellungen, ed. Erich Hahn, 2 vols. (1926–1927), II, 168–170.

отказаться от изучения медицины: Много лет спустя Пфистер выражал благодарность Фрейду за то, что в 1912 году тот отсоветовал ему изучать медицину. (См.: *Пфистер Фрейду*, 14 июня 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.)

и добрым другом Фрейда: См.: *Вилли Хоффер*, некролог

Пфистера, Int. J. Psycho-Anal., XXXIX (1958), 616. См. также: *Gay P.*, A Godless Jew: Freud, Atheism, and the Making of Psychoanalysis (1987), 74.

для борьбы с грехом: См.: *Фрейд Юнгу*, 17 января 1909. Freud – Jung, 217 (195–196).

«добрыми друзьями»: Фрейд Ференци, 26 апреля 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

их знаменитому отцу: См.: Anna Freud, prefatory remark, dated 1962. Freud – Pfister, 10 (11).

внимательными глазами: См.: *Hoffer,* Obituary of Pfister, Int. J. Psycho-Anal., XXXIX (1958), 616.

«был бы уже сломлен»: Пфистер Фрейду, 25 ноября 1926. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«кабинет профессора Фрейда»: Пфистер Фрейду, 30 декабря 1923. Freud – Pfister, 94–95 (90–91).

«еще не было»: Пфистер Фрейду, 29 октября 1918. Там же, 64 (63).

«нисколько не изменился!»: Фрейд Пфистеру, 16 октября 1922. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

музой: См.: Lou Andreas-Salomé (1937), GW XVI, 270 / Lou Andreas-Salomé SE XXIII, 297.

«понимания психоанализа»: Абрахам Фрейду, 28 апреля 1912. Freud – Abraham, 118 (115).

«для изучения психоанализа»: Фрейд Ференци, 2 октября 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

женщиной опасного ума: См.: *Фрейд Ференци*, 31 октября 1912. Там же.

«достойная женщина»: Фрейд Ференци, 20 марта 1913. Там же.

30 октября: См.: 30 октября 1912. Protokolle, IV, 104.

«писателя»: 23 октября 1912. Там же, 103.

просто Лу: См., например, 27 ноября 1912. Там же, 120. Исключение составляет запись от 15 января 1913, где она появляется как фрау Лу. Там же, 138.

весьма польстил: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 10 ноября 1912. Freud – Salomé, 12 (11).

не читал «Толкование сновидений»: См.: Autobiographical Study, SE XX, 48.

и ненужный: См.: Jones II, 122, 115, 111.

«говорить на эту тему»: Юнг Фрейду, 4 сентября 1907. Freud – Jung, 92–93 (84).

против психоанализа: Юнг Фрейду, 11 сентября 1907. Там же, 93–94 (84–85).

«наполовину убежденными»: *Абрахам Фрейду*, 10 ноября 1908. Freud – Abraham, 65 (55–56).

«за эту «чушь»: Фрейд Абрахаму, 14 декабря 1908. Karl Abraham papers, LC.

«обходиться без него»: Фрейд Абрахаму, 9 марта 1909. Там же.

непоследовательной: См.: Three Essays, SE VII, 174n, 180n.

Winkeladvokat: См.: *Фрейд Абрахаму*, 23 мая 1909. Karl Abraham papers, LC.

«и мелочный человек»: Фрейд Ференци, 26 апреля 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

не слишком благожелательно: См.: *Weygandt W.*, Review of Interpretation of Dreams in Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatric, XXIV (1901), 548–549.

забота полиции: См.: Jones II, 109.

«в дикое состояние!!!»: Джонс Фрейду, 20 апреля 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«религиозным сексуалистом»: Джонс Фрейду, 2 января 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«на сексуальные темы»: Sidis B., Fundamental States in Psychoneuroses, Journal of Abnormal Psychology, V (февраль – март 1911), 322–323. Цит. по: *Hale N. G., Jr.*, Freud and the Americans: The Beginnings of Psychoanalysis in the United States, 1876–1917 (1971), 297.

и нарушение закона: См.: *Sidis B.*, Symptomatology, Psychogenesis and Diagnosis of Psychopathic Diseases (1914), VI–VII. Цит. там же, 300.

«новой науки, психоанализа»: Attacks Dr. Freud's Theory / Clash in Academy of Medicine When Vienna Physician Was Honored, New York Times, 5 April 1912, 8.

«оружие американских неврологов?»: Фрейд Джонсу, 28 апреля 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

профессором из Цюриха: Dreams of the Insane Help Greatly in Their Cure, New York Times, Sunday, 2 March 1913, 10.

Глава пятая. Позиционная борьба в психоанализе

«привлекательная личность»: Jones, Free Associations, 165.

творческое своеобразие: См.: *McGuire W.*, Introduction to Freud – Jung, XV.

по всей видимости, делает Фрейд: См.: *Jung C. G.*, Über die Psychologie der Dementia Praecox. Ein Versuch (1907), Introduction (июль 1906), III–IV.

с явным уважением: См. там же, iv; 38, 50n, 62.

свободной ассоциации Фрейда: См.: Psychoanalysis and Association Experiments (1906), translated by R.F.C. Hull and Leopold

Stein in collaboration with Diana Riviere, in: *Jung C. G*, The Psychoanalytic Years, ed. William McGuire (1974), 3–32.

«вкладом в науку»: Jones, Free Associations, 165.

«в чем-то поправите»: Фрейд Юнгу, 11 апреля 1906. Freud – Jung, 3.

«теперь полностью обращен»: Юнг Фрейду, 5 октября 1906. Там же, 5.

«в своем мышлении»: Фрейд Юнгу, 7 октября 1906. Там же, 5–6.

«распространяются в Швейцарии»: Юнг Фрейду, 26 ноября 1906. Там же, 10.

«принимаю ваши методы лечения»: Юнг Фрейду, 4 декабря 1906. Там же, 11.

«совершать ошибки»: Фрейд Юнгу, 6 декабря 1906. Там же, 12–13.

возможно, страдавшем dementia praecox: См.: *Фрейд Юнгу*, 30 декабря 1906. Там же, 16–17.

«когда-либо у меня были»: Фрейд Юнгу, 1 января 1907. Там же, 18 (17).

врагов психоанализа: Фрейд в своих письмах к Ференци не меньше трех раз использует характеристику Юнга как prächtig. См. его письма от 18 января 1909, 17 мая 1909 и 29 декабря 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«человек будущего»: Фрейд Ференци, 29 декабря 1910. Там же.

во внешнем мире: См.: *Фрейд Юнгу*, 13 августа 1908. Freud – Jung, 186 (168).

«уместной и естественной»: Юнг Фрейду, 20 февраля 1908. Там же, 135 (122).

«с нескрываемым удовольствием слушал»: Freud M., Freud, 108–109.

практически без перерыва: См.: *Jung C. G.*, Memories, Dreams, Reflections (1962; tr. Richard and Clara Winston, 1962), 146–147.

«коротко подстриженными волосами»: Freud M., Freud, 109.

«абсолютно свободный тон»: Binswanger, Erinnerungen, 11.

ослабевало: См.: *Юнг Фрейду*, 31 марта 1907. Freud – Jung, 26 (25).

«незаконченную работу»: Фрейд Юнгу, 7 апреля 1907. Там же, 29 (27).

развенчать его: Бинсвангер, записавший этот эпизод, не смог вспомнить содержание сна Юнга – только интерпретацию его Фрейдом. (См.: Binswanger, Erinnerungen, 10.)

в учении Фрейда: См.: *Юнг Фрейду*, 24 мая 1907. Freud – Jung, 54 (49).

«на малую часть»: Фрейд Юнгу, 21 апреля 1907. Там же, 44 (40).

«со стола богача»: Юнг Фрейду, 4 июня 1907. Там же, 62 (56).

«превратились в необходимость»: Фрейд Юнгу, 10 июля 1907. Там же, 83 (75).

«учителем и руководителем»: Фрейд Юнгу, 18 августа 1907. Там же, 85 (77).

«к проблеме сексуальности»: Фрейд Юнгу, 27 августа 1907. Там же, 88 (79).

«чувстве зависти»: Юнг Ференци, 6 января 1909. *Jung C. G.*, Briefe, ed. Aniela Jaffé with Gerhard Adler, 3 vols. (1946–1955; 3d ed., 1981), I, 26.

«раньше почитал»: Юнг Фрейду, 28 октября 1907. Freud – Jung, 105 (95).

«объект для культа»: Фрейд Юнгу, 15 ноября 1907. Там же, 108 (98).

«национальное еврейское занятие»: Фрейд Абрахаму, 3 мая 1908. Freud – Abraham, 47 (34).

«и не оценят»: Фрейд Сабине Спилрейн, 28 августа 1913. Машинописная копия. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«гораздо меньшее сопротивление»: *Фрейд Абрахаму*, 23 июля 1908. Freud – Abraham, 57 (46).

«мне чужие»: Фрейд Абрахаму, 11 октября 1908. Там же, 64 (54).

«жертвой антисемитизма»: Фрейд Абрахаму, 26 декабря 1908. Там же, 73 (64).

чем Абрахам: См.: *Фрейд Абрахаму*, 20 июля 1908. Karl Abraham papers, LC.

некоторую несправедливость: См.: *Фрейд Абрахаму*, 23 июля 1908. Freud – Abraham, 57 (46).

«мистического элемента»: Фрейд Абрахаму, 20 июля 1908. Там же, 57 (46).

«между арийской и еврейской наукой»: См.: *Фрейд Ференци*, 8 июня 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, LC.

«предан ей»: Юнг Фрейду, 8 января 1907. Freud – Jung, 21 (20).

«того, что с Флиссом»: Юнг Фрейду, 11 марта 1909. Там же, 234 (211–212).

тайным покровителем: Selbstdarstellung, GW XIV, 78 / Autobiographical Study, SE XX51.

назвал безумцем: См.: *Торндайк Джеймсу Каттелу*, 6 июля 1904. Цит. по: *Ross D.*, G. Stanley Hall: The Psychologist as Prophet (1972), 385.

«в нашей стране»: Холл «Сигмунду» Фрейду, 15 декабря 1908. Цит. там же, 386.

«наших усилий»: См.: *Koelsch W. A.*, Incredible Day Dream: Freud

and Jung at Clark, The Fifth Paul S. Clarkson Lecture (1984), с ненумерованными страницами.

«считается неприличным»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 44, 70 / History of the Psychoanalytic Movement, SE XIV, 7, 30–31.

«реальной действительности»: Selbstdarstellung, GW XIV, 78 / Autobiographical Study, SE XX, 52.

«нашей психологии»: Фрейд Ференци, 10 января 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«нового континента»: Фрейд Ференци, 17 января 1909. Там же.

«новостей из США»: Фрейд Ференци, 2 февраля 1909. Там же.

«принять приглашение»: Фрейд Ференци, 28 февраля 1909. Там же.

позволить себе путешествие: См.: *Ференци Фрейду*, 11 января 1909. Там же.

литературы о Соединенных Штатах: См.: *Ференци Фрейду*, 2 марта 1909. Там же.

громадным событием: См.: *Фрейд Ференци*, 9 марта 1909. Там же.

«грандиозные новости»: Фрейд Абрахаму, 9 марта 1909. Karl Abraham papers, LC.

«еще не скоро»: Фрейд Ференци, 25 апреля 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«совместного путешествия»: Фрейд Ференци, 25 июля 1909. Там же.

среди психологов: См.: *Фрейд Юнгу*, 18 июня 1909. Freud – Jung, 258 (234).

«для меня неожиданностью»: Фрейд Ференци, 25 июля 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

такой же спонтанности: См.: *Фрейд Юнгу*, 7 июля 1909. Freud – Jung, 264 (240).

читал «Психопатологию обыденной жизни»: См.: Jones II, 55.

«душили» его: Брилл Смиту Эли Джелиффу, 4 декабря 1940. Цит. по: *Hale*, Freud and the Americans, 390.

«не ротного старшину»: Там же, 391.

«сомнений не было»: Jones, Free Associations, 230–231.

профессора Фрейда из Вены: Цит. по: Jones II, 55–56.

неважное пищеварение: о воде со льдом: См.: *Анна Фрейд Эрнесту Джонсу*, 10 марта 1954. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«своей кухней»: Джонс Фрейду, 12 февраля 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

жаловался на пищеварение: См.: *Фрейд Пфистеру*, 17 марта 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

ухудшения его почерка: См.: *Фрейд Джонсу*, 27 января 1910. Freud Collection, D2, LC. См. также: Jones II, 59–60.

«ничего общего»: Jones II, 59.

это было исключение: См.: *Koelsch*, Incredible Day Dream, unpaged.

о неприятии: См.: *Hale*, Freud and the Americans, 3–23.

«близящегося конца жизни»: Selbstdarstellung, GW XIV, 78 / «Autobiographical Study», SE XX, 52.

«вашей работе»: Jones II, 57.

«настоящая психология»: Джемс Мэри У. Колкинз, 19 сентября 1909. Цит. по: *Perry R. B.*, The Thought and Character of William James, 2 vols. (1936), II, 123.

«на природу человека»: Джемс Флурнуа, 28 сентября 1909. The Letters of William James, ed. Henry James, 2 vols. (1920), II, 327–328.

экспериментам со словесной ассоциацией: См.: *Юнг Вирджинии Пэйн*, 23 июля 1949. Jung, Briefe, II, 159.

с пользой для него: См.: *Юнг Фрейду*, 14 октября 1909. Freud – Jung, 275 (250). См. также: *Юнг Вирджинии Пэйн*, 23 июля 1949. Jung, Briefe, II, 158.

«огромным успехом»: Фрейд Матильде Холличер, 23 сентября 1909. Freud Collection, B1, LC.

в Цюрих: См.: *Юнг Фрейду*, 14 октября 1909. Freud – Jung, 275 (250).

«отлупить их всех одной палкой»: Фрейд Юнгу, 11 ноября 1909. Там же, 286 (260). Фрейд отметил эту оговорку в комментариях на полях, но преуменьшил ее значение.

«эти двое»: Фрейд Ференци, 6 апреля 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

превратилось в дежурную шутку: См.: *Jones*, Free Associations, 219.

эти имена вымышленные!: См. там же, 219–220.

«скрытого и бессознательного»: Фрейд Джонсу, 20 ноября 1908. На английском. Freud Collection, D2, LC. Это письмо цитируется полностью, но без указания даты, в: Jones II, 62.

Eifersüchteleien: См.: *Фрейд Ранку*, 13 сентября 1912. Rank Collection, Box 1b. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«абсолютно неуправляемого»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 58 / History of the Psychoanalytic Movement, SE XIV, 19.

бесстыдным лжецом: См.: *Фрейд Джонсу*, 15 ноября 1912. Freud Collection, D2, LC.

mauvais sujet: См.: *Фрейд Ференци*, 10 апреля 1911. Freud –

Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

и даже свиньей: См.: *Фрейд Ференци*, 17 октября 1912. Там же.

слишком доверял Штекелю: См.: *Фрейд Джонсу*, 21 февраля 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«Язык снов»: См.: 26 апреля 1911. Protokolle, III, 223–226. «talented beast, K.K.»: *Фрейд Ференци*, 13 февраля 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«актерским талантом»: Фрейд Ференци, 12 апреля 1910. Там же.

«считаю его опасным»: Блейлер Фрейду, 4 декабря 1911. Freud Collection, D2, LC.

«Блейлер невыносим»: Фрейд Ференци, 30 ноября 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

жаждущего признания: См.: *Jones*, Free Associations, 169.

в формировании неврозов: См.: 7 ноября 1906. Protokolle, I, 36–46.

сексуальных травм и неразрешенных конфликтов: См.: 27 ноября 1907. Там же, 237.

«в связи с неполноценностью органов»: 18 декабря 1907. Там же, 257.

«Политика портит характер»: Фрейд Абрахаму, 1 января 1913. Karl Abraham papers, LC.

«время юности»: Фрейд Ференци, 3 апреля 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«не нужно никаких комплиментов!»: Фрейд Джонсу, 15 апреля 1910. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«на венцев»: Фрейд Ференци, 3 апреля 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«и вас тоже»: Wittels, Sigmund Freud, 140. Более мелодраматичный, но менее правдоподобный рассказ, в котором по щекам Фрейда текут слезы, см. в автобиографии Вильгельма Штекеля, 128–129.

«Международного психоаналитического объединения»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 84–86 / History of the Psychoanalytic Movement, SE XIV, 42–44.

«на нас, венцев»: 6 апреля 1910. Protokolle, II, 427.

нового журнала: См. там же, 425.

«герцогом во главе»: Фрейд Ференци, 12 апреля 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

назначили на нее Фрейда: См.: 6 апреля 1910. Protokolle, II, 422–430.

необоснованны и иррациональны: См.: «History of the Psychoanalytic Movement», SE XIV, 50.

«защиту общего дела»: Фрейд Ференци, 3 апреля 1910. Freud –

Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

глубоко сочувствующий: Особенно информативна статья *Furtmüller C.*, *Adler A.*: A Biographical Essay, in: *Adler A.*, Superiority and Social Interest: A Collection of Later Writings, ed. Heinz L. and Rowena R. Ansbacher (1964; 3d ed., 1979), 345–348, поскольку Фуртмюллер был верным сторонником Адлера.

«держаться за него»: Фрейд Юнгу, 18 июня 1909. Freud – Jung, 259–260 (235).

«богиня Либидо»: Фрейд Пфистеру, 26 февраля 1911. Freud – Pfister, 47 (48).

«становится совсем плохо»: Фрейд Юнгу, 3 декабря 1910. Freud – Jung, 415 (376).

«намного приятнее»: Фрейд Ференци, 23 ноября 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«что-то другое»: 4 января и 1 февраля 1911. Protokolle, III, 103–111, 139–149.

«нанесут ущерб психоанализу»: 1 февраля 1911. Protokolle, III, 143–147.

вступить в схватку: См. там же, 147–148.

«эти противоречия видят»: 22 февраля 1911. Там же, 168–169.

«продемонстрировать свою дружбу»: Фрейд Ференци, 12 марта 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«и садизма»: Фрейд Джонсу, 9 августа 1911. На английском. Freud Collection, D2, LC.

бредом преследования: См.: *Фрейд Юнгу*, 15 июня и 13 июля 1911. Freud – Jung, 473, 479 (428, 434).

«и истинно независимые люди»: Адлер Джонсу, 7 июля 1911. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«меня неправильно»: Адлер Джонсу, 10 июля 1911. Там же Адлер преувеличивал период своей верности психоанализу: если его датировка верна, то он должен был быть сторонником Фрейда с 1896 года.

«в характере»: Адлер Джонсу, 7 сентября 1911. Там же.

«изгнать шайку Адлера»: Фрейд Ференци, 5 октября 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«сделал подобный симбиоз невозможным»: Фрейд Юнгу, 12 октября 1911. Freud – Jung, 493 (447).

отодвигалась в сторону: См.: *Bottome Ph.*, Alfred Adler: Apostle of Freedom (1939; 3d ed., 1957), 76–77. Поскольку Боттом был уполномоченным биографом Адлера, а этот инцидент вряд ли свидетельствует в пользу последнего, рассказ о нем кажется правдоподобным, хотя Фрейд вряд ли мог просить Адлера остаться.

endlos: См.: *Фрейд Юнгу*, 15 июня 1911. Freud – Jung, 472 (428).

«могут и должны быть»: Эмма Юнг Фрейду, 30 октября 1911. Там же, 499 (452).

не понимает, о чем речь: См.: *Фрейд Ференци*, 5 ноября 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

выше истины: См.: *Юнг Фрейду*, 3 декабря 1912. Freud – Jung, 583–584, 584n (526, 526n). См. также: *Jung C. G.*, Memories, Dreams, Reflections, 158.

«угрызений совести»: Фрейд Пфистеру, 4 июля 1912. Freud – Pfister, 57 (56–57).

«не мог принять ее»: The Houston Films (1957), an interview in C. G. Jung Speaking: Interviews and Encounters, ed. William McGuire and R.F.C. Hull (1977), 339.

«целым рядом его идей»: The 'Face to Face' Interview with John Freeman, on the BBC, 1959. См. там же, 433.

«высшим божеством»: Юнг Фрейду, 14 декабря 1909. Freud – Jung, 303 (275).

«Pater peccavi»: Юнг Фрейду, 15 ноября 1909. Там же, 289 (262).

«задать вам несколько вопросов»: Юнг Фрейду, 30 ноября / 2 декабря 1909. Там же, 297 (270).

«свою позицию к вашей»: Юнг Фрейду, 25 декабря 1909. Там же, 308 (280).

«инфантильной беспомощности»: Фрейд Юнгу, 2 января 1910. Там же, 312 (283–284).

Нового года: См.: *Фрейд Ференци*, 1 января 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

полигамными составляющими: См.: *Юнг Фрейду*, 7 марта 1909. Freud – Jung, 229 (207).

сексуальной свободы: См.: *Юнг Фрейду*, 11 февраля 1910. Там же, 324 (294).

«вести наше дело к успеху»: Фрейд Юнгу, 13 января 1910. Там же, 316 (287).

вынужденными и отстраненными: См.: *Фрейд Ференци*, 13 февраля 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«а только беспокоился»: Фрейд Ференци, 3 марта 1910. Там же.

«делать все самим»: Фрейд Юнгу, 19 декабря 1909. Freud – Jung, 304 (276).

«не подхожу для этой работы»: Юнг Фрейду, 25 декабря 1909. Там же, 307 (279).

«вспомогательных войсках»: Фрейд Юнгу, 2 января 1910. Там же, 311 (282).

«считать меня дикарем!»: Фрейд Юнгу, 6 марта 1910. Там же,

331 (300).

«на мои проказы!»: Юнг Фрейду, 9 марта 1910. Там же, 333 (302).

«со стороны отца»: Юнг Фрейду, 26 июля и 29 августа 1911. Там же, 482, 484 (437, 438).

«если речь идет о соперничестве»: Юнг Фрейду, 14 ноября 1911. Там же, 509 (460).

«хоть капля ереси»: Юнг Фрейду, 3 марта 1912. Там же, 544 (491).

«подражать Адлеру»: Юнг Фрейду, 10 марта 1912. Там же, 546 (493).

«так быть и впредь?»: Фрейд Юнгу, 5 марта 1912. Там же, 546 (493).

«ощипать венок мой?»: Юнг Фрейду, 3 марта 1912. Там же, 544 (491). Цит. по: «Так говорил Заратустра», часть I, раздел 3.

«пишете мне редко»: Фрейд Юнгу, 5 марта 1912. Freud – Jung, 545 (492).

«стать моим продолжением»: Фрейд Бинсвангеру, 14 апреля 1912. Машинописная копия, Freud Collection, D1, LC.

не воспользовался возможностью заехать к нему: 3 июня 1912 года Фрейд в письме Абрахаму заметил, что у него нет времени навестить Юнга: «Недостаточно времени для Цюриха» – «Nach Zürich gings nicht mehr». (Karl Abraham papers, LC.)

его независимостью: См.: *Юнг Фрейду*, 8 июня 1912. Freud – Jung, 564 (509). Выражение «кройцлингенский жест» Юнг впервые использовал в письме Фрейду от 18 июля 1912. Там же, 566 (511).

«моей персоны»: Фрейд Юнгу, 13 июня 1912. Там же, 565–566 (510–511).

детской сексуальности: См.: Jones II, 152.

«нашего знакомства»: Фрейд Джонсу, 1 августа 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«требованиям реальности»: Там же.

этой идеи: См.: *Фрейд Джонсу*, 10 августа 1912. На английском. Там же.

«моего собственного романтизма»: Джонс Фрейду, 7 августа 1912. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«и многих других»: Фрейд Джонсу, 22 июля 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«предпочитал игнорировать»: Фрейд Абрахаму, 29 июля 1912. Karl Abraham papers, LC.

«деловое сообщество сохранится»: Там же.

«как вода и масло»: Фрейд Ференци, 28 июля 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«на почве ψA»: Фрейд Ранку, 18 августа 1912. Rank Collection,

Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«интеллектуальным превосходством»: Фрейд Ференци, 28 июля 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«уже не восстановить»: Фрейд Джонсу, 22 сентября 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

под управлением иезуитов: См.: *Фрейд Ференци*, 23 июня 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«что я считаю истиной»: Юнг Фрейду, 11 ноября 1912. Freud – Jung, 571–572 (515–516).

«об эксгибиционизме»: Там же, 573 (516–517).

редактора журнала Zentralblatt: См.: 9 октября 1912. Protokolle, IV, 99.

считал врагом: См. автобиографию Вильгельма Штекеля, 141–143.

в отличие от Адлера: См.: *Фрейд Джонсу*, 9 августа 1911. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«невыносимый человек»: Фрейд Абрахаму, 3 ноября 1912. Freud – Abraham, 127 (125). См. также: 6 ноября 1912. Protokolle, IV, 108–109n.

«его личная собственность»: Фрейд Джонсу, 15 ноября 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«на службе у адлеризма»: Фрейд Абрахаму, 1 января 1913. Karl Abraham papers, LC.

«уладить в письмах»: Фрейд Юнгу, 14 ноября 1912. Freud – Jung, 573 (517).

«и изгнания»: Эйтингон Фрейду, 11 ноября 1912. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«Не считайте меня пропащим!»: Фрейд Ференци, 26 ноября 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«вскоре пришел в себя»: Jones I, 317.

«или приуменьшать»: Юнг Фрейду, 26 ноября 1912. Freud – Jung, 579 (522).

«всего мистицизма»: Фрейд Юнгу, 29 ноября 1912. Там же, 581–582 (524).

в целях осуждения: См.: *Юнг Фрейду*, 3 декабря 1912. Там же, 583–584 (525–526).

«чем неврозом соседа»: Фрейд Юнгу, [5 декабря], 1912. Там же, 587 (529).

книгу Адлера: См.: *Юнг Фрейду*, 7 декабря 1912. Там же, 589–591 (531–532).

теории либидо: См.: *Фрейд Юнгу*, 9 декабря 1912. Там же, 592 (532–533).

ihrigen – «них»: Юнг Фрейду, без даты [написано в период с 11 декабря и 14 декабря 1912]. Там же, 592 (533).

без злобы: См.: *Фрейд Юнгу*, 16 декабря 1912. Там же, 593 (534).

здоровой грубости: См.: Freud in conversation with Jones. (Jones II, 86.)

«раскусить ваш трюк»: Юнг Фрейду, 18 декабря 1912. Freud – Jung, 594 (534–535). Юнг использовал французское слово truc.

в таком раболепии: См. там же, 594 (535).

их анализу: См.: *Фрейд Юнгу*, 22 декабря 1912. Там же, 596 (537).

Aiglon: Фрейд Джонсу, 26 декабря 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«себе на пользу»: Фрейд Ференци, 23 января 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

чувство стыда: См.: *Фрейд Джонсу*, 26 декабря 1912. Freud Collection, D2, LC.

«собственной важности»: Там же.

«общие интересы»: Фрейд Джонсу, 1 января 1913. На английском. Там же.

«испытанных прежде разочарований»: Фрейд Юнгу, 3 января 1913. Freud – Jung, 598–599 (538–539).

«и грубияном»: Фрейд Ференци, 23 декабря 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«Дальше – тишина»: Юнг Фрейду (напечатанная, подписанная открытка), 6 января 1913. Freud – Jung, 600 (540).

«Конфиденциально!»: Машинописный меморандум, Karl Abraham papers, LC. Без даты, но 13 марта Джонс написал подробный ответ (там же), и поэтому он, вероятно, был отправлен 10 или 11 марта 1913 года.

«еще пятнадцать лет назад»: Фрейд Ференци, 8 мая 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

авторитетов в психоанализе: Отправлено 4 июля 1913. Freud – Jones Correspondence, Freud Collection, D2, LC.

не ограничиваются ею: См.: *Юнг Фрейду*, 29 июля 1913. Freud – Jung, 609–610 (548).

модель поведения: См.: *Юнг Анри Флурнуа*, 29 марта 1949, термин «модель поведения» приводится на английском языке. *Jung*, Briefe, II, 151.

«здравого смысла»: Юнг Г. Х. ван дер Хоопу, 14 января 1946. Там же, 9.

«религиозно-либидным облаком»: Фрейд Юнгу, 18 февраля 1912. Freud – Jung, 537 (485).

«бок о бок с творцом»: Юнг Фрейду, 25 декабря 1909. Там же, 307 (279).

«не принесет вреда»: Фрейд Ференци, 8 июня 1913. Freud –

Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«от арийского покровительства»: Фрейд Ференци, 4 мая 1913. Там же.

87 участников и гостей: См.: Jones II, 102.

непримиримых противоречиях лидеров: См.: *Jones*, Free Associations, 224.

«встречаться в дальнейшем»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 88 / History of the Psychoanalytic Movement, SE XIV, 45.

«не признавая действительность»: Andreas-Salomé L., In der Schule bei Freud, 190–191.

оскорбленную невинность: См.: *Фрейд Абрахаму*, 2 ноября 1913. Freud – Abraham, 150 (152).

неприятие публичной дискуссии: См.: Jung's statement in the Jahrbuch, reproduced in Freud – Jung.

bona fides: Юнг Фрейду, 27 октября 1913. Там же, 612 (550).

«забрать все себе»: Фрейд Джонсу, 13 ноября 1913. На английском. Freud Collection, D2, LC.

вызвал Ференци в Вену: См.: *Фрейд Ференци*, 30 октября 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

временами нечестным: См.: *Фрейд Джонсу*, 8 января 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«подражать грубости Юнга»: Фрейд Абрахаму, 17 мая 1914. Karl Abraham papers, LC.

«как говорят психиатры»: Джонс Абрахаму, 29 декабря 1913. Там же.

«Мы должны разделиться»: Джонс Абрахаму, 14 января 1914. Там же.

неестественным браком: См.: *Абрахам Джонсу*, 11 января 1914. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«с открытой критикой Адлера и Юнга»: Фрейд Ференци, 9 ноября 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«над «Историей»: Фрейд Ференци, 12 января 1914. Там же.

«от Абрахама, Эйтингона»: Абрахам и Эйтингон Фрейду (телеграмма), 22 апреля 1914. Karl Abraham papers, LC.

упростило задачу: См.: *Фрейд Ференци*, 24 апреля 1914. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«торжествующего крика»: Фрейд Абрахаму, 18 июля 1914. Freud – Abraham, 178 (184).

Nachbeter: Фрейд Абрахаму, 26 июля 1914. Там же, 180 (186).

«кто уже не с нами»: Эйтингон Фрейду, 6 июля 1914. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«по отношению ко мне»: Фрейд Патнему, 8 июля 1915. James

Jackson Putnam: Letters, 376.

«быть чуть более терпимым»: Фрейд Абрахаму, 14 июня 1912. Karl Abraham papers, LC.

«ничем не омраченная дружба»: Selbstdarstellung, GW XIV, 80 / Autobiographical Study, SE XX, 53.

«священно в каждом человеке»: Фрейд Бинсвангеру, 31 декабря 1909. Цит. по: Binswanger, Erinnerungen, 32.

(докторе права): См.: 6 ноября 1907. Protokolle, I, 213. См. также 30 октября и 6 ноября 1907. Там же, 212–223.

«такого не было»: Jones, Free Associations, 166.

пиром интеллекта и артистизма: См. там же.

в октябре 1900-го: Настоящее имя пациентки Ида Бауэр, а ее брат Отто станет ведущим политиком-социалистом Австрии.

существующей у него коллекцией отмычек: См.: *Фрейд Флиссу*, 14 октября 1900. Freud – Fliess, 469 (427).

«не на день»: Фрейд Флиссу, 25 января 1901. Там же, 476 (433).

«книги о сновидении»: Там же.

«последнего слушателя»: Фрейд Флиссу, 11 марта 1902. Там же, 501 (456).

навязчивой идеи: См.: Editor's Note, SE VII, 5.

«изумление и сопротивление»: Bruchstück einer Hysterie-Analyse [Dora] (1905), GW V, 164 / Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria [Dora], SE VII, 11.

«предназначенный для их увеселения роман»: Там же, 165–166 / 9.

к ее телу: См. там же, 186 / 28.

ее доверия: «Дора, вне всякого сомнения, была влюблена в господина К., которого Фрейд считал вполне приличным человеком. Но я задаюсь вопросом, кто из нас сегодня сможет согласиться с заявлением Фрейда, что здоровая молодая девушка в таких обстоятельствах не должна считать действия господина К. нетактичными или оскорбительными» (*Erikson E. H.*, Psychological Reality and Historical Actuality [1962], in: Insight and Responsibility: Lectures on the Ethical Implications of Psychoanalytic Insight [1964], 169).

желанное «да»: См.: Dora, GW V, 219 / SE VII, 58–59.

кашель исчез: См. там же, 207 / 47–48.

«была к нему любовь»: Там же, 231–232 / 69–70.

«участвовать не хотелось»: Там же, 232 / 70.

«больше не появилась»: Там же, 272–273 / 108–109.

«психологическим искусством»: Там же, 272 / 109.

«первые признаки переноса»: Там же, 282 / 118.

к неудаче психоанализа: См. там же, 281–283 / 117, 119.

«в этой борьбе»: Там же, 272 / 109.

«на его бессознательные чувства»: Die zukünftigen Chancen der psychoanalytischen Therapie (1910), GW VIII, 108 / The Future Prospects of Psychoanalytic Therapy, SE XI, 144.

внутреннее сопротивление: См. там же, 108 / 144–145.

«лезет измена»: Dora, GW V, 240 / SE VII, 77–78.

пантомиму мастурбации: См. там же, 239–240 / 77.

«в себе самом»: Фрейд Джонсу, 22 сентября 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«в душу ребенку»: Фрейд Джонсу, 1 июня 1909. На английском. Там же.

«нашим маленьким героем»: Фрейд Джонсу, 15 апреля 1910. На английском. Там же.

«за фобией Ганса»: Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben [Der kleine Hans] (1909), GW VII, 377 / Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old Boy [Little Hans], SE X, 147.

Красивая мать: См. там же, 372 / 141.

«образцом всех низостей!»: Там же, 252 / 15.

легенде об аисте: См. там же, 245, 247 / 7–8, 10.

пытался соблазнить: См. там же, 260–261 / 25.

«облегчить себе задачу»: Там же, 263 / 27.

неясным и ненадежным: См. там же, 299 / 64.

«она ведь прикреплена»: Там же, 269 / 34.

«лучшего понимания психоанализа»: Там же, 307, 307n / 72, 72n.

«последующей жизни»: Там же, 243–244 / 6.

типичным и образцовым: См. там же, 377 / 147.

статным 19-летним юношей: См.: Nachschrift zur Analyse des Kleinen Hans (1922), GW XIII, 431 / Postscript, SE X, 148.

Rattenmann: См.: *Фрейд Юнгу*, 7 июля 1909. Freud – Jung, 263 (239).

«человек с крысами»: Фрейд Джонсу, 1 июня [1909]. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«в великой войне»: Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose [Rattenmann] (1909), GW VII, 463n / Notes upon a Case of Obsessional Neurosis [Rat Man], SE X, 249n (note added in 1923).

с ясным умом: См.: Rat Man, SE X, 158. Настоящее имя «человека с крысами» впервые было раскрыто в: *Mahony P. J.*, Freud and the Rat Man (1986).

«других исследователей»: Rattenmann, GW VII 382–383 / Rat Man, SE X, 156–157.

делал каждый вечер: Сохранившиеся заметки охватывают только первые три с половиной месяца лечения, начиная с сеанса 1 октября 1907 и заканчивая сеансом 20 января 1908 года. Скорее всего, Фрейд по-прежнему делал записи, но остальные были утеряны.

сексуальную жизнь в детстве: См. там же, 386 / 160.

начало своей болезни: См. там же, 3843–3887 / 158–162.

последующего недуга: См. там же, 388 / 162.

за него Фрейд: См. там же, 391–392 / 166.

«неизвестного ему удовольствия»: Там же, 392 / 167.

«ужасно запутанным»: Там же, 394, 397 / 169, 173.

«психической природы!»: Фрейд Юнгу, 30 июня 1909. Freud – Jung, 263 (238).

«склоняюсь к последнему»: Юнг Ференци, 25 декабря 1909. Jung, Briefe, I, 33.

«после того как ее обнаружили»: Rattenmann, GW VII, 400 / Rat Man, SE X, 176.

«из бессознательного»: Там же, 404–405n / 181n.

с ранней юности: См. там же, 400–401 / 178–179.

детей, матери: См. заметки, полностью отредактированные и точно расшифрованные (снабженные примечаниями и комментариями), *Freud S.*, *Ribeiro-Hawelka E.*, L'Homme aux rats. Journal d'une analyse (1974), 230–234.

«и своего отца!»: Rattenmann, GW VII, 423 / Rat Man, SE X, 201.

«неповиновение требованию»: Там же, 426 / 204.

«и наоборот»: Там же, 426–427, 454 / 205, 238.

«крысиную валюту»: Там же, 433 / 213.

Делирий, связанный с крысами: Там же, 438 / 220.

«школу страдания»: Там же, 429 / 209.

«и накормлен»: Freud, L'Homme aux rats, ed. Hawelka, 210 / Rat Man, SE X, 303.

«знаменитым» пациентом: См.: *Фрейд Ференци*, 10 ноября 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«первым шагом в биографии»: Фрейд Юнгу, 17 октября 1909. Freud – Jung, 280 (255).

«великого и загадочного человека»: Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci (1910), GW VIII, 207 / Leonardo da Vinci and a Memory of His Childhood, SE XI, 134.

«никогда не познать»: Там же, 128, 128n / 63, 63n.

«самого знаменитого левшу»: Фрейд Флиссу, 9 октября 1898. Freud – Fliess, 362 (331).

еще раз полюбоваться: См.: *Фрейд Абрахаму*, 30 августа 1910. Freud – Abraham, 98 (92).

«и мифологией»: Фрейд Ференци, 21 ноября 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«хочется писать о Леонардо»: Фрейд Ференци, 17 марта 1910. Там же.

«которую я написал»: Фрейд Андреас-Саломе, 9 февраля 1919. Freud – Salomé, 100 (90).

нечто большее: См.: *Фрейд Ференци*, 10 ноября 1909. Freud –

Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«вы получите большее удовольствие»: Фрейд Джонсу, 15 апреля 1910. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«по этому образцу»: Фрейд Штруку, 7 ноября 1914. Briefe, 317–18.

«удовольствие нашим товарищам»: Фрейд Ференци, 7 июня 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«*с ним сравниться»: Абрахам Фрейду*, 6 июня 1910. Freud – Abraham, 96 (90).

«прекрасен»: Юнг Фрейду, 17 июня 1910. Freud – Jung, 364 (329).

дружелюбен, как всегда: См.: *Фрейд Абрахаму*, 3 июля 1910. Freud – Abraham, 97 (91).

«у всех чужаков»: Там же.

«над нормальным и болезненным»: Leonardo, GW VIII, 128 / SE XI, 63.

«моих выводов»: Там же, 202, 203, 207 / 130, 131, 134.

«в мои губы»: Там же, 150 / 82.

«часть его мужественности»: Там же, 158–160, 186–187 / 90–92, 116–117.

«у невротика»: Фрейд Юнгу, 17 октября 1909. Freud – Jung, 281 (255).

«как собственное изображение»: Leonardo, GW VIII, 170 / SE XI, 100.

«чтобы работать умом»: Там же, 194 / 122.

в 1923 году: См.: *Maclagan E.*, Leonardo in the Consulting Room, Burlington Magazine, XLII (1923), 54–57.

«с преступной несерьезностью»: Фрейд Юнгу, 21 ноября 1909. Freud – Jung, 292–293 (266).

некоторую передышку: См.: *Фрейд Юнгу*, 2 декабря 1909. Там же, 298 (271).

«с тем же именем Вильгельм»: Фрейд Ференци, 16 декабря 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«Та же самая паранойя»: Фрейд Юнгу, 3 декабря 1910. Freud – Jung, 415 (376).

подтвержденную несколькими пациентами: См.: *Фрейд Юнгу*, 17 февраля 1908. Там же, 134 (121).

«потерпел неудачу параноик»: Фрейд Ференци, 6 октября 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«считать его женщиной»: Фрейд Юнгу, 24 сентября 1910. Freud – Jung, 390 (353).

элементом в самом себе: См.: *Фрейд Флиссу*, 7 августа 1901. Freud – Fliess, 492 (447).

«выйти из-за стола»: Фрейд Джонсу, 8 декабря 1912. На

английском. Freud Collection, D2, LC.

с греховным облегчением: См.: *Фрейд Ференци*, 9 декабря 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«гомосексуального влечения»: Фрейд Джонсу, 8 декабря 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«вашей привязанности»: Джонс Фрейду, 23 декабря 1912. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«обсудим этот вопрос»: Фрейд Джонсу, 26 декабря 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«сыграло главную роль»: Фрейд Бинсвангеру, 1 января 1913. Цит. по: Binswanger, Erinnerungen, 64.

«от сильной мигрени»: Фрейд Ференци, 1 июня 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«я теперь избавился»: Фрейд Ференци, 31 декабря 1912. Там же.

«пользу из всего»: Фрейд Юнгу, 17 февраля 1908. Freud – Jung, 134 (121).

клиники для душевнобольных: См.: *Фрейд Юнгу*, 22 апреля 1910. Там же, 343 (311).

«многому научиться»: Фрейд Ференци, 11 февраля 1908. Freud-Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«всех неврозов»: Фрейд Ференци, 25 марта 1908. Там же.

«собирать материал и учиться»: Фрейд Ференци, 2 мая 1909. Там же.

проник в паранойю: См.: *Фрейд Абрахаму*, 24 октября 1910. Freud – Abraham, 101 (95). Фрейд вежливо прибавил, что двигается «по пути, на который ступили вы». Он имел в виду статью Абрахама Psychosexual Differences between Hysteria and Dementia Praecox (Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox, Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie, New Series, XIX [1908], 521–533).

в Риме: См.: *Фрейд Юнгу*, 24 сентября 1910. Freud – Jung, 390 (353).

«от собственных комплексов»: Фрейд Юнгу, 22 декабря 1910. Там же, 422–423 (382).

внимание к Шреберу: См. примечание Юнга в: Symbols of Transformation (1952), цит. по: Freud – Jung, 339n (307n).

блестяще написанную: См.: *Юнг Фрейду*, 19 марта 1911. Там же, 449 (407).

«пересеклась с вашей»: Юнг Фрейду, 14 ноября 1911. Там же, 509 (461).

к больным психозом: См.: *Юнг Фрейду*, 11 декабря 1911. Там же, 521 (471).

«превратится в женщину»: Цит. по: Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von

Paranoia (Dementia Paranoides) [Schreber] (1911), GW VIII, 248 / Psychoanalytic Notes on an Autobiographical Account of a Case of Paranoia (Dementia Paranoides) [Schreber], SE XII, 16.

«позволяет себя е…»: Там же, 252 / 20.

душегубом: См. там же, 245 / 14.

«Почему вы не какали?»: См. там же, 259 / 25–26.

«любви к мужчине»: Там же, 299 / 62.

фатальную последовательность: См. там же, 299–300 / 63.

«*попытку исцеления, реконструкцию»:* Там же, 308 / 71.

«человеческих мотивов»: Там же, 272 / 37.

«скажу об этих вещах публично»: Фрейд Ференци, 6 октября 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

толкование Шребера: См. там же.

«лечебной гимнастики в Германии»: Schreber, GW VIII, 286–87 / SE XII, 51.

«позитивная, по существу, окраска»: Там же, 315 / 78.

«прославляться как бог»: Там же, 287 / 51.

в декабре 1910-го: См.: *Фрейд Абрахаму*, 18 декабря 1910. Freud – Abraham, 102 (97).

existenzunfähig: См.: Aus der Geschichte einer infantilen Neurose [Wolfsmann] (1918), GW XII, 29 / From the History of an Infantile Neurosis [Wolf Man], SE XVII, 7.

«с навязчивыми ощущениями»: Фрейд Ференци, 8 февраля 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

психоаналитических результатов: См.: Wolfsmann, GW XII, 29n / Wolf Man, SE XVII, 7n. Перевод «новые истолкования» для Umdeutungen был предложен, как сообщают нам редакторы Standard Edition, самим Фрейдом.

того же года: Фрейд говорил о том, что составил эту историю болезни зимой 1914/15 года, но, по всей видимости, на самом деле закончил ее осенью 1914-го.

«неудобного психоанализа»: Там же, 82 / 53.

«мне на голову»: Фрейд Ференци, 13 февраля 1910. Там же. Этот фрагмент в немного смягченном виде пересказан в: Jones II, 274, и цитируется Джеффри Муссаеффом Мэссоном в рецензии на: *Obholzer K.*, Gespräche mit dem Wolfsmann. Eine Psychoanalyse und die Folgen (1980), в Int. Rev. Psycho-Anal., IX (1982), 117.

в тревожном состоянии: См.: Wolfsmann, GW XII, 54 / Wolf Man, SE XVII, 29.

смотрели на сновидца: Рисунок см. там же, 55 / 30.

«меня оставит вера читателя»: Там же, 63 / 36.

«благодаря личному переживанию»: Там же, 131 / 97.

ментальной реальности: См. там же, 84 / 55.

«материальной реальности»: Traumdeutung, GW II–III, 625 /

Interpretation of Dreams, SE V, 620.

«жизненных проблем»: Wolfsmann, GW XII, 83 / Wolf Man, SE XVII, 54.

отдельную книгу: Первая из этих статей, «Об особом типе выбора объекта у мужчины», вышла в 1910 году, вторая, «О самом обычном уничижении любовной жизни», в 1912-м, третья, «Табу девственности», сначала прочитана как лекция в 1917-м, после того как был закончен анализ «человека-волка», но до публикации материалов.

«когда-то было сказано»: Angst und Triebleben, in: Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933), GW XV, 115 / Anxiety and Instinctual Life, in: New Introductory Lectures on Psycho-Analysis, SE XXII, 107.

«нежное и чувственное»: Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens (1912), GW VIII, 79 / On the Universal Tendency to Debasement in the Sphere of Love, SE XI, 180.

вожделея, не могут любить: См. там же, 82 / 183.

«над его поведением»: Wolfsmann, GW XII, 32–33 / Wolf Man, SE XVII, 10–11.

устранения симптомов: Там же, 33–34 / 11.

«только раз»: Die endliche und die unendliche Analyse (1937), GW XVI, 62 / Analysis Terminable and Interminable», SE XXIII, 218–219.

диапазона применения психоанализа: См.: «Die zukünftigen Chancen», GW VIII, 107–108 / Future Prospects, SE XI, 144–145.

подтвердит его диагноз: Über «wilde» Psychoanalyse (1910), GW VIII, 118 / «Wild» Psychoanalysis, SE XI, 221.

«врачебный такт»: Там же, 122, 124 / 224, 226.

«критические намерения»: Фрейд Абрахаму, 14 июня 1912. Karl Abraham papers, LC.

«уже 24 страницы»: Фрейд Ференци, 26 ноября 1908. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

совсем немного: См.: *Фрейд Ференци*, 11 декабря 1908. Там же.

до летних каникул: См.: *Фрейд Ференци*, 2 февраля 1909. Там же.

«довести дело до конца»: Фрейд Джонсу, 1 июня 1909. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«исследований техники»: Фрейд Ференци, 22 октября 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«Общей методике психоанализа»: Die zukünftigen Chancen, GW VIII, 105 / Future Prospects, SE XI, 142.

«как друзья, так и враги»: Джонс Фрейду, 6 ноября 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

уже занимается анализом: См.: *Фрейд Ференци*, 26 ноября

1908. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«попытки лечения»: Zur Einleitung der Behandlung (1913), GW VIII, 455 / On Beginning the Treatment, SE XII, 124.

на его реакцию: См. там же, 467 / 133–134.

«они при этом нашли»: Там же, 467 / 134.

мощные сексуальные факторы: См. там же, 464 / 131.

«значение которого он не знал»: Там же, 460, 462 / 127, 129.

о данном правиле: Фрейд обсуждает это основное правило в: On Beginning the Treatment, SE XII, 134–135, 135–136n, и в: Recommendations to Physicians Practising Psycho-Analysis, там же, 112, 115.

«ни единого слова»: Фрейд Ференци, 26 ноября 1908. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«лучше не следовать»: Zur Einleitung der Behandlung, GW VIII, 474 / On Beginning the Treatment, SE XII, 140.

«*является сопротивлением»:* Traumdeutung, GW II–III, 521 / Interpretation of Dreams, SE V, 517.

«противодействующими ему»: Zur Dynamik der übertragung (1912), GW VIII, 368–369 / The Dynamics of Transference, SE XII, 103.

«настоящий раппорт»: Zur Einleitung der Behandlung, GW VIII, 473 / On Beginning the Treatment, SE XII, 139.

полем битвы переноса: См.: *Эйтингон Фрейду*, 13 февраля 1912. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«лечение посредством любви»: Фрейд Юнгу, 6 декабря 1906. Freud – Jung, 13 (12–13).

«самое сильное неодобрение»: Фрейд Абрахаму, 4 марта 1915. Freud – Abraham, 204 (213).

«как и звание врача»: Bemerkungen über die Übertragungsliebe (1915), GW X, 307 / Observations on Transference-Love, SE XII, 160.

уходит застрахованный: См. там же, 312, 314 / 164, 165.

«успокаивать их суррогатами»: Там же, 308, 313 / 160–161, 165.

«что показывают ему»: Ratschlage für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung (1912), GW VIII, 380–381, 384 / Recommendations to Physicians Practising Psycho-Analysis, SE XII, 115, 118.

неформальных экспериментов: Об анализе Фрейдом Эйтингона см.: *Фрейд Ференци*, 22 октября 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«не всегда можно ускорить»: Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten (1914), GW X, 136 / Remembering, Repeating and Working-Through, SE XII, 155.

«терапевтической работе»: Там же, 136, 134–135 / 155–156,

154.

Abschiedsschwierigkeiten: См.: *Эйтингон Фрейду*, 23 июня 1912. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

смог многое узнать: См.: *Эйтингон Фрейду*, 18 июня 1912. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

Глава седьмая. Приложения и следствия

может быть не бесплодным: См.: Der Dichter und das Phantasieren (1908), GW VII, 213, 222 / Creative Writers and Day-Dreaming, SE IX, 143, 152.

«но – действительность»: Там же, 214 / 143–144.

«к неудовлетворяющей действительности»: Там же, 216 / 146.

«душевных сил»: Там же, 223 / 153.

перитонит: См.: *Фрейд Абрахаму*, 19 января 1908. Karl Abraham papers, LC.

еще одну серьезную операцию: См.: *Фрейд Пфистеру*, 17 марта 1910. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«приятнее и легче»: Фрейд Матильде Фрейд, 26 марта 1008. Briefe, 286–288.

видеть своим зятем его: См.: *Фрейд Ференци*, 7 февраля 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. См. также: Jones II, 55.

четыре года назад: Фрейд Хальберштадту, 7 июля 1912. Freud Collection, B1, LC.

Sie: Фрейд Хальберштадту, 24 июля 1912. Там же.

счастливый брак: Фрейд Матильде Холличер, 24 июля 1912. Там же.

«дорогой Макс»: Фрейд Хальберштадту, 27 июля 1912. Там же.

du: Фрейд Хальберштадту, 12 августа 1912. Там же.

«осиротевший отец»: Фрейд Хальберштадту (открытка), 17 сентября 1912. Там же.

«без жалоб»: Sachs, Freud: Master and Friend, 68–69, 71.

«для философии и общества»: Фрейд Юнгу, 5 июля 1910. Freud – Jung, 375 (340).

«*еще не знает сам Господь»: Фрейд Ференци*, 10 января 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

к самокритике: См.: *Фрейд Ференци*, 17 октября 1910. Там же.

с точки зрения психоанализа: См.: Das Interesse an der Psychoanalyse (1913), GW VIII, 414–415/ The Claims of Psycho-Analysis to Scientific Interest, SE XIII, 185–186.

прогрессивных людей: См.: *Фрейд Юнгу*, 17 октября 1909. Freud – Jung, 280 (255).

«мифологическими снами»: Юнг Фрейду, 17 апреля 1910. Там же, 340–341 (308).

«против всего и всех»: См. изложение Фрейдом этой дискуссии Ференци, 29 декабря 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«Эрос и Психея»: Фрейд Джонсу, 10 марта 1910. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«два умных и честных парня»: *Фрейд Джонсу*, 24 февраля 1912. На английском. Там же.

«печатные органы»: Фрейд Джонсу, 28 апреля 1912. На английском. Там же.

отсутствие интереса в Вене: См.: *Фрейд Абрахаму*, 14 июня 1912. Karl Abraham papers, LC.

с величайшим интересом: См.: *Фрейд Абрахаму*, 18 июня 1911. Там же.

все возрастающим удовольствием: См.: *Абрахам Фрейду*, 29 июня 1913. Freud – Abraham, 141 (141).

неудовлетворенных желаний: См.: Das Interesse an der Psychoanalyse, GW VIII, 415 / The Claims of Psycho-Analysis to Scientific Interest, SE XIII, 185–186.

«Гёте ошибся»: Фрейд Джонсу, 1 июня 1909. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«обязан проследить»: Фрейд Абрахаму, 14 июня 1912. Karl Abraham papers, LC. В 1913 году Фрейд опубликовал в журнале *Imago* статью «Мотив выбора ларца», где связал эти три истории.

«не выдержит психоанализа»: Фрейд Ференци, 21 мая 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«не нашел решения»: Фрейд Ференци, 17 июля 1914. Там же.

такого сильного впечатления: См.: The Moses of Michelangelo (1914), SE XIII, 213.

«несколько слов»: Фрейд Марте Фрейд, 25 сентября 1912. Briefe, 308.

«не узнает коготь льва?»: *Абрахам Фрейду*, 2 апреля 1914. Karl Abraham papers, LC.

«дитя любви»: Фрейд Эдуардо Вейссу, 12 апреля 1933. Sigmund Freud – Edoardo Weiss. Briefe zur psychoanalytischen Praxis. Mit den Erinnerungen eines Pioniers der Psychoanalyse, introduction by Martin Grotjahn (1973), 84.

«этого ребенка»: Фрейд Джонсу, 19 марта 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«напишите мне о нем»: Фрейд Джонсу, 15 ноября 1912. На английском. Там же.

«Удивительная статуя!»: Джонс Фрейду, 5 декабря [1912]. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

должно было интриговать: См.: Jones II, 364.

«на бумаге»: Фрейд Вейссу, 12 апреля 1933. Freud – Weiss Briefe, 84.

«крайние точки зрения»: Der Moses des Michelangelo (1914), GW X, 175 / The Moses of Michelangelo, SE XIII, 213.

«мою точку зрения»: Фрейд Ференци, 3 ноября 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

краев скрижалей Завета: Фрейд Джонсу, 26 декабря 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC. В оригинале письма есть ошибки, которые встречаются в письмах Фрейда на английском, – «indiscrete» вместо «indiscreet» и «tables» вместо «tablets».

значат детали: См.: Jones II, 365.

загадочной статуи: См.: *Фрейд Ференци*, 13 августа 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«еще не восстановилась»: Фрейд Джонсу, 21 сентября 1913. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«17 дней в Риме»: Фрейд Ференци, [1?] октября 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«начинаю сомневаться»: Фрейд Джонсу, 8 февраля 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«над собственной природой»: Moses, GW X, 194, 199 / SE XIII, 229, 234.

«я проанализировал»: Фрейд Ференци, 17 октября 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. Джонс, цитируя это письмо в Jones II, 367, ошибочно датирует его 10 октября 1912 года.

тайн художественного творчества: См.: 11 декабря 1907. Protokolle, I, 249.

«путем напряженных исследований»: Фрейд Шницлеру, 8 мая 1906. Briefe, 266–267.

«подходящий ключ»: Цит. по: Jones I, 111. На этот отрывок есть ссылка в: *Spector*, The Aesthetics of Freud, 33.

с теорией психоанализа: См.: *Фрейд Юнгу*, 26 мая 1907. Freud – Jung, 57 (52). Письма Йенсена Фрейду см. в: Psychoanalytische Bewegung, I (1929), 207–211.

как и профессионал: См.: Der Wahn und die Träume in W. Jensens Gradiva (1907), GW VII, 120–121 / Delusions and Dreams in Jensen's Gradiva, SE IX, 92.

«это содержание»: Эйтингон Фрейду, 23 декабря 1909. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. Фрейд согласился бы с этой формулировкой.

«приукрашенным, вытесненным»: Фрейд Стефану Цвейгу, 4 сентября 1926. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«наслаждаться нашим богатством»: Фрейд Юнгу, 26 мая

1907. Freud – Jung, 57 (51).

на стене своего кабинета: См.: «Gradiva», GW VII, 35 / SE IX, 10. Я использую Gradiva для ссылок на статью Фрейда о романе Йенсена и «Gradiva» для ссылок на принадлежавший мэтру экземпляр книги с комментариями на полях, который хранится в Музее Фрейда, в Лондоне.

«на службе ф [антазии]»: «Gradiva», на с. 7. Музей Фрейда, Лондон.

«с [ексуальное] вытеснение»: Там же, на с. 22.

«асексуальную атмосферу»: Там же.

«источник»: Фрейд сделал пометку «источник Цоё» на с. 7, там же, а затем ниже, дополнив ассоциациями, на с. 135, 136, 142.

«это необходимо»: Там же, с. 141.

«опять восстал»: Gradiva, GW VII, 65 / SE IX, 40.

«целительную силу любви»: Там же, 47 / 22.

«интерес к ногам»: «Gradiva», на с. 88. Музей Фрейда, Лондон.

«фантазии; примирение»: Там же, на с. 151.

«не видел во сне»: Gradiva, GW VII, 31 / SE IX, 7.

их последствия: См.: «Gradiva», на с. 11–12, 31, 76, 92, 96–97. Музей Фрейда, Лондон.

тревога: См. там же, на с. 13.

агрессивные мысли: См. там же, на с. 94.

и ревность: См. там же, на с. 108, 112.

двусмысленности: См. прежде всего там же, на с. 58, 84.

бред от действительности: См. там же, в разных местах, но особенно на с. 124, 139.

«творения художника»: Gradiva, GW VII, 122 / SE IX, 93.

«устроиться с комфортом»: Эту оценку см. в: *Фрейд Юнгу*, 8 декабря 1907. Freud – Jung, 114 (103).

«недоступна для психоанализа»: Leonardo, GW VIII, 202, 209 / SE XI, 130, 136.

«гениальность поэта»: Предисловие к: Edgar Poe, Eine psychoanalytische Studie, немецкому изданию (1934) *Bonaparte M.*, Edgar Poe, étude psychanalytique (1933).

«сексуальных импульсов»: 11 ноября 1908. Protokolle, II, 46.

«бунт против отца»: 25 ноября 1908. Там же, 64.

«продвигается медленно»: Фрейд Ференци, 13 ноября 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«мне уже известны»: Фрейд Ференци, 30 ноября 1911. Там же.

«практически «идиотом»: Фрейд Ференци, 1 февраля 1912. Там же.

«не назовешь знаменитой»: Фрейд Джонсу, 24 февраля 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

Венского психоаналитического общества: См.: 15 мая 1912. Protokolle IV, 95.

«будет устранено»: Фрейд Джонсу, 1 августа 1912. На английском и немецком. Freud Collection, D2, LC.

над третьим очерком: См.: *Фрейд Ференци*, 16 декабря 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«чего-то достичь»: Фрейд Ференци, 31 декабря 1912. Там же.

«тотемную работу»: Фрейд Ференци, 10 апреля 1913. Там же.

«последняя хорошая вещь»: Фрейд Ференци, 4 мая 1913. Там же.

«для меня редкость»: Фрейд Ференци, 13 мая 1913. Там же.

«бодрость духа»: Фрейд Ференци, 8 июня 1913. Там же.

«психоаналитиками – с другой»: Vorwort to Totem und Tabu (1913), GW IX, 3 / Preface to Totem and Taboo, SE XIII, xiii.

«состоятся летом»: Фрейд Юнгу, 12 февраля 1911. Freud – Jung, 432 (391).

«арийско-религиозного»: Фрейд Абрахаму, 13 мая 1913. Freud – Abraham, 139 (139).

«после завершения работы»: Фрейд Ференци, 26 июня 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

убедил его: См.: *Абрахам Фрейду*, 29 июня 1913. Freud – Abraham, 141 (141).

расстроить его: См.: *Фрейд Абрахаму*, 1 июля 1913. Там же, 142 (142).

несогласие с ними: См.: Vorwort to Totem und Tabu, GW IX, 3 / Preface to Totem and Taboo, SE XIII, XIII.

«не хватает воображения»: Фрейд Джонсу, 8 марта 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«во все новые области»: Massenpsychologie und Ich-Analyse (1921), GW XIII, 136 / Group Psychology and the Analysis of the Ego, SE XVIII, 122.

«связанная с тотемизмом экзогамия»: Totem und Tabu, GW IX, 129 / Totem and Taboo, SE XIII, 105.

«маленького Арпада»: Там же, 160 /132.

«преступного деяния»: Там же, 171–173 / 141–142.

«требовать полных гарантий»: Там же, I72n / 142–143n.

«добавить новый момент»: Там же, 189n / 157n.

завоевание матери: См. там же, 173 / 143.

«в истории человечества»: Там же, 186 / 155.

первобытных братьев: См. там же, 189 / 157–158.

«В начале было дело»: Там же, 194 / 161.

«нравственные ограничения и религия»: Там же, 172 / 142.

«запрещают себе понимать»: Jung C. G., Freud and Jung – Contrasts (1931), in: Modern Man in Search of a Soul, tr. W. S. Dell and Cary F. Baynes (1933), 140.

«то есть отец»: Totem und Tabu, GW IX, 182 / Totem and Taboo, SE XIII, 151.

«общества и искусства»: Там же, 188 / 156.

в истории болезни Доры: См.: Dora, SE VII, 56.

маленьким Эдипом: См.: Der kleine Hans, GW VII, 332 / Little Hans, SE X, 97.

в неопубликованном письме к Ференци: См.: *Фрейд Ференци*, 28 июня 1908. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

в истории болезни «человека с крысами»: Rattenmann, GW VII, 428n / Rat Man, SE X, 208n.

превратностям любви: См.: A Special Type of Choice of Object Made by Men (1910), SE XI, 171.

«от его противников»: Drei Abhandlungen, GW V, 127n / Three Essays, SE VII, 226n (note added in 1920).

доктрину первородного греха: Возможно, Эрнест Джонс был первым, кто указал на это, но не последним. (См.: Jones III, 311.)

о религии семитов: См.: *Фрейд Ференци*, 8 августа 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

ни теперь, ни позже: См.: *Фрейд Джонсу*, 28 апреля 1912. Freud Collection, D2, LC.

«всего лишь его реакцией»: Jones II, 354.

«большой шаг»: См. там же.

«смогу ее съесть»: Ferenczi S., Ein kleiner Hahnemann (1913), in: Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint, I, 169. См. также *Freeman D.*, Totem and Taboo: A Reappraisal, in: Man and His Culture: Psychoanalytic Anthropology after Totem and Taboo, ed. Warner Muensterberger, (1970), 61.

и невроза навязчивости: См.: *Фрейд Флиссу*, 22 декабря 1897. Freud – Fliess, 312–314 (287–288).

«вытеснение анальной эротики»: Фрейд Юнгу, 27 октября 1906. Freud – Jung, 8–9 (8–9).

дополнил этот список: См. примечания редактора к Character and Anal Erotism, SE IX, 168.

с опытом развития: Эта рыболовная метафора позаимствована у Фрейда. В письме Отто Ранку с курорта Бадгастайн, где он обдумывал некоторые важные идеи, мэтр предостерегал: «Кстати, не стоит думать, что я достигну чего-то особенного во время каникул. Рыбак закидывает свою сеть; иногда в нее попадает жирный карп, но зачастую лишь несколько маленьких белых рыбок» (*Фрейд Ранку*, 8 июля 1922. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University).

«тупого несогласия»: Фрейд Ференци, 27 октября 1910. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. См. также 26 октября

1910. Protokolle III, 33–40.

серьезные последствия: См.: Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Gesche-hens (1911), GW VIII, 232 / FormuIations on the Two Principles of Mental Functioning, SE XII, 219.

«его обеспечение»: Там же, 235–236 / 223.

«внешняя реальность»: Там же, 232 / 220.

невротическая валюта: См. там же, 237–238 / 224–225.

«сведение счетов с Адлером»: Фрейд Ференци, 17 июня 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«17 приятных дней»: Фрейд Джонсу, 1 октября 1913. На английском. Freud Collection, D2, LC.

практически готова: См.: *Фрейд Ференци*, 1 [?] октября 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

Ранком и Заксом: См.: *Фрейд Джонсу*, 1 октября 1913. На английском. Freud Collection, D2, LC.

статья смутила: См.: Jones II, 302.

«предложить не могу»: Фрейд Абрахаму, 16 марта 1914. Freud – Abraham, 163 (167).

проблемы с кишечником: См.: *Фрейд Абрахаму*, 25 марта 1914. Там же, 164 (168).

блестящая и убедительная: См.: *Абрахам Фрейду*, 2 апреля 1914. Там же, 165 (169).

«серьезных недостатков»: Фрейд Абрахаму, 6 апреля 1914. Там же, 166 (170–171).

«к объектной любви»: 10 ноября 1909. Protokolle, II, 282.

шизофреники: У Фрейда был собственный термин для шизофреников. «Я намерен придерживаться названия «парафреники», – писал он Ференци (*Фрейд Ференци*, 31 июля 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC), но в конечном счете в литературе стал преобладать неологизм Брейлера, а не Фрейда.

«влечения к самосохранению»: Zur Einführung des Narzissmus, (1914), GWX, 138–139 / On Narcissism: An Introduction, SE XIV, 73–74.

дать объяснение: См. там же, 142 / 77.

«нарциссизм родителей»: Там же, 156–158 / 90–91.

теории влечений: См.: *Абрахам Фрейду*, 2 апреля 1914. Freud – Abraham, 165 (169).

сохранения вида: См.: The Psycho-Analytic View of Psychogenic Disturbance of Vision (1910), SE XI, 211–218.

нет ничего особенно нового: См.: Narzissmus, GW X, 143 / Narcissism, SE XIV, 77.

«работали психоаналитики»: Jones II, 303.

надежные ориентиры: Narzissmus, GW X, 143 / Narcissism, SE XIV, 78. Уже в 1932 году, закончив с теорией, Фрейд одновременно насмешливо и снисходительно охарактеризовал влечения: «…скажем так, наша мифология». Они «мифические сущности, огромные в своей неопределенности». (Angst und Triebleben, in: Neue Folge der Vorlesungen, GW XV, 101 / Anxiety and Instinctual Life, in: New Introductory Lectures, SE XXII, 95.)

любовь и голод: Впервые я наткнулся на эту цитату в неопубликованном письме к Марте Бернайс от 12 февраля 1884.

боснийскими боевиками: См.: Memoirs of the Wolf-Man, in: The Wolf-Man, ed. Gardiner, 90.

к императорскому дому: См.: *Фрейд Ференци*, 28 июня 1914. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«бомба взорвалась»: Фрейд Абрахаму, 25 июня 1914. Freud – Abraham, 175 (181).

«властители прежних времен»: Keynes J. M., The Economic Consequences of the Peace (1920), 11.

влияния на его жизнь: См. там же, 11–12.

реальную опасность: См.: *Wallas G.*, Human Nature in Politics (1908), 285.

«не дает нам дышать»: Фрейд Пфистеру, 9 декабря 1912. Freud – Pfister, 59 (58).

«военное настроение»: Фрейд Ференци, 9 декабря 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«подобному принуждению»: Zeitgemässes Über Krieg und Tod (1915), GW X, 340 / Thoughts for the Times on War and Death, SE XIV, 288.

женоподобия и бессилия: Собрание подобных заявлений см. в: Fritz Fischer, Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918 (1961; 3d ed., 1964), в разных местах, особенно 60–79.

«будет большим разочарованием»: Цит. по: *Hale O. J.*, The Great Illusion, 1900–1914 (1971), 300.

«*не могло продолжаться*»: *Александр Фрейд Фрейду*, 29 июля 1914. Музей Фрейда, Лондон.

«бесперспективной империи»: Фрейд Абрахаму, 26 июля 1914. Freud – Abraham, 180 (186).

отправилась в середине июля: См.: Jones II, 169, p. 346.

в начале августа: См.: *Эйтингон Фрейду*, 10 июля 1914. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

не нужно общение: См.: *Фрейд Ференци*, 22 июля 1914. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«вероятности войны или мира»: Матильда Холличер Фрейду (открытка), 23 июля 1914. Музей Фрейда, Лондон.

«это будет не слишком плохо»: Фрейд Абрахаму, 26 июля 1914. Freud – Abraham, 180 (186).

уже близится: См.: *Фрейд Абрахаму*, 29 июля 1914. Там же, 181 (186).

«большую войну»: Абрахам Фрейду, 29 июля 1914. Там же, 182 (188).

«до конца жизни»: Viscount Grey of Fallodon, Twenty-Five Years, 1892–1916, 2 vols. (1925), II, 20.

«встать на сторону русских»: Александр Фрейд Фрейду, 4 августа 1914. Музей Фрейда, Лондон.

«не осмеливается подступить»: Там же.

«мечет пожар»: Rilke R. M., Fünf Gesänge: August 1914, in: Werke in drei Bänden, ed. Ruth Sieber-Rilke and Ernst Zinn (1966), II, 86–87.

воинственным бесстрашием: См.: *Timms E.*, Karl Kraus, Apocalyptic Satirist: Culture and Catastrophe in Habsburg Vienna (1986), 289–295.

«сыт по горло!»: Mann T., Gedanken im Krieg, Neue Rundschau, XXV (ноябрь 1914), 1475.

«на суше»: Абрахам Фрейду, 29 августа 1914. Freud – Abraham, 187 (194).

«в основном покончено»: Абрахам Фрейду, 13 сентября 1914. Там же, 189 (196).

«немного замедлился»: Эйтингон Фрейду, 11 сентября 1914. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«битвы миллионов»: Фрейд Абрахаму, 22 сентября 1914. Freud – Abraham, 190 (197).

«победе под Парижем»: Эйтингон Фрейду (открытка), 15 сентября 1914. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«симптоматическое поведение»: Фрейд Абрахаму, 26 июля 1914. Freud – Abraham, 180 (186).

«на другой стороне»: Фрейд Абрахаму, 2 августа 1914. Там же, 184 (190).

«среди наших «врагов»?»: Абрахам Фрейду, 29 августа 1914. Там же, 188 (194).

«не считать вас врагом!»: Фрейд Джонсу, 22 октября 1914. Переписано Джонсом. Freud Collection, D2, LC.

и Нидерланды: См.: Jones II, 170.

«доходы уменьшились»: Фрейд Ференци (открытка), 14 августа 1914. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

в 40 тысяч крон: См.: *Фрейд Ференци*, 8 апреля 1915. Там же.

«парализованы войной»: Фрейд Ференци, 31 июля 1915. Там же.

негодным к военной службе: См.: *Фрейд Абрахаму*. 11 декабря 1914. Freud – Abraham, 197 (205).

«от отечества»: Фрейд Ференци, 2 декабря 1914. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. См. также Jones II, 176.

«чувствует себя довольно скверно»: Фрейд Абрахаму, 26 декабря 1917. Freud – Abraham, 252 (267).

«бежит с тонущего корабля»: Фрейд Джонсу, 25 декабря 1914. Transcribed in Jones's hand. Freud Collection, D2, LC. См. также Jones II, 179.

«Наука спит»: Фрейд [*Джонсу*? или *Патнему?*], 17 января 1915. Машинописная копия в Freud – Jones Correspondence, Freud Collection, D2, LC.

в середине июля: См.: *Фрейд Ференци*, 17 июля 1914 и 14 августа 1914 (открытка). Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. См. также *Эйтингон Фрейду*, 28 августа 1914 (открытка). С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. См. также Jones II, 173.

«которая за этим стоит»: Фрейд Джонсу, 22 октября 1914. Переписано почерком, отличающимся от почерка Джонса. Freud Collection, D2, LC.

и освободили третьего: См.: *Фрейд Абрахаму*, 27 июля 1914. Karl Abraham papers, LC.

«незаслуженно» в безопасности: См.: *Эйтингон Фрейду*, 29 июля 1914. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

требовала у евреев: См.: *Мартин Фрейд Фрейду*, 17 августа 1914. Музей Фрейда, Лондон.

«покорение горной вершины»: Мартин Фрейд Фрейду, 18 августа 1914. Музей Фрейда, Лондон.

посылки с продуктами: См. примеры благодарностей, *Мартин Фрейд Фрейду* (открытки) 13 сентября и 2 октября 1914, а также *Эрнст Фрейд Фрейду* 20 ноября и 6 декабря 1914 и 19 марта [1915]. Все в Музее Фрейда, Лондон.

«поддерживают нас»: Эйтингон Фрейду, 17 января 1915. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

невероятное высокомерие: См.: *Фрейд Абрахаму*, 25 ноября 1914. Karl Abraham papers, LC.

печальные времена: См.: *Фрейд Джонсу*, 22 октября 1914. Переписано почерком, отличающимся от почерка Джонса. Freud Collection, D2, LC.

«с другой расой»: Фрейд Андреас-Саломе, 25 ноября 1914. Freud – Salomé, 22–23 (21).

«станет стойкость»: Фрейд Абрахаму, 3 сентября 1914. Freud – Abraham, 188 (195).

«не покидает уверенность»: Абрахам Фрейду, 28 октября 1914. Там же, 193 (200).

«неисправимого оптимиста»: Фрейд часто так называл Абрахама. Например, см.: *Фрейд Абрахаму*, 19 октября 1923. Там же, 318 (342).

«исполненное ожиданий»: Абрахам Фрейду, 19 ноября 1914. Там же, 194 (202).

«Конца не видно»: Эйтингон Фрейду, 3 января 1915 (открытка). С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«снова взойдет солнце»: Фрейд Абрахаму, 25 января 1915. Freud – Abraham, 201 (209).

«мы держимся»: Фрейд [*Джонсу*? или *Патнему*?], 17 января 1915. Машинописная копия в Freud – Jones Correspondence, Freud Collection, D2, LC.

«оптимизма»: Фрейд Абрахаму, 18 февраля 1915. Freud – Abraham, 203 (212).

«растет с каждым днем!»: Фрейд Абрахаму, 4 мая 1915. Там же, 212 (221).

«прекрасными победами»: Фрейд Абрахаму, 3 июля 1915. Там же, 215 (225).

«мне они кажутся абсурдом»: Фрейд Ференци, 8 апреля 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«при ее начале»: Фрейд Ференци, 10 июля 1915. Там же.

«в первую очередь Мартина»: Там же. См. также записку, Traum vom 8/9. Juli Dr. [Donnerstag] Fr. [Freitag] 3/4 2 [1:45 A.M.] beim Erwachen. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон.

уничтожает себя: Статьи были опубликованы в журнале Imago под общим названием «Мысли о войне и смерти в духе времени».

отвращения к врагу: Zeitgemässes über Krieg und Tod, GW X, 324–329 / Thoughts for the Times on War and Death, SE XIV, 275–279.

разочарование, утрата иллюзий: См. там же, 324–325 / 275.

«про них думали»: Там же, 336 / 285.

«самые послушные верующие»: Das Unbehagen in der Kultur (1930), GW XIV, 506 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 145.

«прекращения войн»: Zeitgemässes über Krieg und Tod, GWX, 325 / Thoughts for the Times on War and Death, SE XIV, 276.

«в которых нуждаемся»: Там же, 344 / 291.

«мучителей животных»: Там же, 333 / 282.

«готовься к смерти»: Там же, 354–355 / 299–300.

Глава восьмая. Агрессия

«чтобы терпеть»: Фрейд Андреас-Саломе, 30 июля 1915. Freud

– Salomé, 35 (32).

«мне хорошо известен»: Фрейд Абрахаму, 18 декабря 1916. Freud – Abraham, 232 (244).

«чрезвычайно важными вещами»: Фрейд Андреас-Саломе, 25 ноября 1914. Freud – Salomé, 23 (21).

фундаментальных идей психоанализа: См.: This is also the view of Barry Silverstein, «Now Comes a Sad Story»: Freud's Lost Metapsychological Papers, in: Freud, Appraisals and Reappraisals, ed. Stepansky, I, 144.

«и бессознательного»: Фрейд Абрахаму, 21 декабря 1914. Freud – Abraham, 198 (206).

назовут метапсихологическим: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 31 января 1915. Freud – Salomé, 29 (27).

«прямо Абрахаму»: Фрейд Ференци, 18 февраля 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. Вполне вероятно, это была первая версия (возможно, резюме) одной из статей по метапсихологии, которые он опубликует только в 1917 году.

«перемене отношения к деньгам»: Фрейд Ференци, 8 апреля 1915. Там же. Этими сведениями я обязан эссе *Grubrich-Simitis I.*, Metapsychologie und Metabiologie: Zu Sigmund Freuds Entwurf einer «Übersicht der Übertragungsneurosen», в изданном ею неопубликованном черновике двенадцатого очерка по метапсихологии, Übersicht der Übertragungsneurosen (1985), 83–119.

«Черновик ее уже готов»: Фрейд Ференци, 23 апреля 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«по-прежнему отсутствуют»: Фрейд Ференци, 21 июня 1915. Там же.

«необходимой правки»: Фрейд Андреас-Саломе, 30 июля 1915. Freud – Salomé, 35 (32).

«позади» него: См.: *Фрейд Флиссу*, 10 марта 1898. Freud – Fliess, 329 (301–302).

философской мечте – метафизике и победить ее: См.: Psychopathology of Everyday Life, SE VI, 259.

«проблемный ребенок»: Фрейд Флиссу, 17 декабря 1896. Freud – Fliess, 228 (216).

«в более спокойные времена»: Фрейд Абрахаму, 4 мая 1915. Freud – Abraham, 212 (221). См. также: Editor's Introduction к Papers on Metapsychology, SE XIV, 105.

«на эту добродетель»: Фрейд Ференци, 8 апреля 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«это будет прогресс»: Фрейд Абрахаму, 4 мая 1915. Freud – Abraham, 212 (221).

«оказывается полезной»: Triebe und Triebschicksale (1915), GW

X, 216–217 / Instincts and Their Vicissitudes, SE XIV, 124.

за пределами компетенции психологии: См. там же, 214–216 / 122–123.

удовольствия и неудовольствия: См. там же, 232 / 140.

«защиты от влечений»: Там же, 219 / 127. В 1936 году его дочь Анна перечислит и проанализирует защитные механизмы, описанные Фрейдом в разных работах, и добавит к ним собственные. См.: *Freud A.*, The Ego and the Mechanisms of Defence (1936; tr. Cecil Baines, 1937).

«его важнейшая часть»: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GWX, 54 / History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 16. Этим материалом я обязан комментариям английских издателей Фрейда в: Editor's Note к Repression, SE XIV, 143–144.

своей неначитанности: См.: Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, GW X, 53 / History of the Psycho-Analytic Movement, SE XIV, 15. В «Жизнеописании», написанном в 1925 году, Фрейд настаивает на своем первенстве: «Это было совершенно ново, ничего подобного о душевной жизни ранее не знали». (Selbstdarstellung, GW XIV, 55 / Autobiographical Study, SE XX, 30.)

теорию вытеснения: См. Autobiographical Study, SE XX, 29.

«затрат энергии»: Die Verdrängung (1915), GW X, 253 / Repression, SE XIV, 151.

почти не слушая возничего: См. этот образ в: Plato, Phaedrus, 246, 253–254.

«областях сознания»: Цит. по: *Whyte L. L.*, The Unconscious before Freud (1960; paperback ed., 1962), 126.

не проникает солнце: См.: *Wordsworth W.*, The Prelude, Book First, 1. 562, и Book Third, ll. 246–247.

необходимой отточенности: См.: *Фрейд Ференци*, 21 июня 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«*как будто готовы»: Фрейд Ференци*, 9 августа 1915. Там же.

«реалистичной критики»: Фрейд Ференци, 8 апреля 1915. Там же.

«филогенетической фантазии»: Фрейд Ференци, 18 июля 1915. Там же. См. также: *Фрейд Ференци*, 28 июля 1915, и *Ференци Фрейду*, 24 июля 1915. Там же.

душевных расстройств: См.: *Фрейд Ференци*, 12 июля 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«обоего пола»: Vorwort to Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1916–1917), GW XI, 3 / Preface to Introductory Lectures on Psycho-Analysis, SE XV, 9.

дочь Анна: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 6 марта 1917, в примечании к письму отца. Freud – Jones Correspondence, Freud Collection, D2, LC. Еще одно подтверждение можно найти в более

позднем письме: «Я сопровождала отца и слушала все эти Vorlesungen» (*Анна Фрейд Джонсу*, 10 ноября 1953. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London).

на шрифт Брайля: См.: Bibliographische Anmerkung, CW XI, 484–485.

не могла быть неэффективной: См.: *Абрахам Фрейду*, 2 января 1917. Freud – Abraham, 232–233 (244–245).

элементарными: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 9 ноября 1915. Freud – Salomé, 39 (35).

«что-либо новое»: Фрейд Андреас-Саломе, 25 мая 1916. Там же, 50 (45).

«для масс»: Фрейд Андреас-Саломе, 14 июля 1916. Там же, 53 (48).

очень уставал: См.: *Фрейд Абрахаму*, 27 августа 1916. Freud – Abraham, 228 (239).

«истощает силы»: Фрейд Ференци, 8 апреля 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

Greisenalter: Эйтингон Фрейду, 8 мая 1916. Jones II, 188.

«радость от творчества»: Абрахам Фрейду, 1 мая 1917, Freud – Abraham, 224 (235).

«болезненным и легко устающим»: Фрейд Абрахаму, 20 мая 1917. Там же, 238 (251).

с его «воинами» все в порядке: См.: *Фрейд Андреас-Саломе* (открытка), 23 ноября 1916. Freud – Salomé, 59 (53).

победу и мир: См.: *Абрахам Фрейду*, 11 февраля 1917. Karl Abraham papers, LC.

«будут ужасными»: Фрейд Ференци, 30 апреля 1917. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«Революция в России»: Prochaskas Familienkalender, 1917. Freud Collection, B2, LC.

не заложено зло?: Vorlesungen zur Einführung, GW XI, 1 47 / Introductory Lectures, SE XV, 146.

подводной войны: См.: *Фрейд Ференци*, 9 октября 1917. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

Kältetremor!: Фрейд Абрахаму, 18 января 1918. Freud – Abraham, 253 (268).

было нельзя: Подробности см. в: Jones II, 192.

«без Нобелевской премии в 1917»: Prochaskas Familienkalender, 1917. Freud Collection, B2, LC.

что выбор остановили на нем: См.: *Абрахам Фрейду*, 10 декабря 1916, и *Фрейд Абрахаму*, 18 декабря 1916. Оба письма в: Freud – Abraham, 231–232 (243–244).

«к Рош Ха-Шана»: Два листка из блокнота, озаглавленные «Kriegswitze». Freud Collection, LC, некаталогизировано.

английской манерой: См.: *Фрейд Абрахаму*, 5 октября 1917. Freud – Abraham, 244 (258). Оптимизм Джонса оставался неизменным всю войну. Еще 3 августа 1914 года он с уверенностью писал Фрейду: «Здесь никто не сомневается… что Австрия и Германия потерпят сокрушительное поражение». (С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.)

по метапсихологии: Фрейд Абрахаму, 11 ноября 1917. Freud – Abraham, 246–247 (261). Этими двумя статьями были «Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях» и «Печаль и меланхолия».

на свое государство: См.: *Фрейд Абрахаму*, 10 декабря 1917. Там же, 249 (264).

до полного поражения: См.: *Фрейд Ференци*, 9 октября 1917. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«немецкое отечество»: Фрейд Абрахаму, 10 декабря 1917. Freud – Abraham, 249 (264).

«в мою апатию»: Фрейд Абрахаму, 22 марта 1918. Там же, 257 (272).

«ожидаемой даты»: Фрейд Андреас-Саломе, 25 мая 1916. Freud – Salomé, 50 (45).

до окончания войны: См. там же.

«*verschwiegen werden*»: *Фрейд Ференци*, 20 [?] ноября 1917. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

неподходящее время для книги: См.: *Фрейд Абрахаму*, 11 ноября 1917. Freud – Abraham, 246–247 (261).

«другие указания»: Фрейд Андреас-Саломе, 1 июля 1918. Freud – Salomé, 92 (82).

тонущего человека: См.: Kann, History of the Habsburg Empire, 481.

«новое еще не пришло»: Эйтингон Фрейду, 25 октября 1918. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

слишком голоден: См.: *Фрейд Абрахаму*, 27 августа 1918. Freud – Abraham, 261 (278).

будапештских днях: См.: *Фрейд Абрахаму*, 27 октября 1918. Там же, 263 (279).

в армейских планах: См.: Jones II, 197, а также: *Фрейд Андреас-Саломе*, 4 октября 1918. Freud – Salomé, 92–93 (83–84).

«функциональных нервных болезней»: Rivers W. H.R., Freud's Psychology of the Unconscious, доклад, прочитанный на собрании Edinburgh Pathological Club 7 марта 1917 года и опубликованный в The Lancet (16 июня 1917 года). Цит. по: *Clark*, Freud, 385.

«были симулянтами»: Memorandum on the Electrical Treatment of War Neurotics, SE XVII, 213. Оригинальная пятистраничная записка, Gutachten über die elektrische Behandlung der

Kriegsneurotiker von Prof. Dr. Sigm. Freud, датированная: «Вена, 23 февраля 1920», не была опубликована.

«Республика в Венгрии»: Prochaskas Familienkalender, 1918. Freud Collection, B2, LC.

Кошмарный сон войны наконец закончился: См.: *Фрейд Абрахаму*, 25 декабря 1918. Freud – Abraham, 266 (283).

«с 27 окт [ября]»: Prochaskas Familienkalender, 1918. Freud Collection, B2, LC. Среди писем Мартина Фрейда семье есть открытка от 8 ноября 1918 года, помеченная «от военнопленного»; письмо от 14 ноября с сообщением, что он еще в госпитале, но ему уже лучше, – похоже, оно добиралось до Вены неделю, и письмо от 24 декабря 1918 года. (Все в Музее Фрейда, Лондон.)

«этой Германии»: Эйтингон Фрейду, 25 октября 1918. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

кровавым столкновениям: См.: *Фрейд Ференци*, 9 ноября 1918. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«кроме кучи навоза»: Фрейд Ференци, 17 ноября 1918. Там же.

на психоанализ: См.: *Фрейд Ференци*, 27 октября 1918. Там же.

ничего не вышло: См.: *Фрейд Ференци*, 7 ноября 1918. Там же.

«проходить в помещении»: Цит. по: Jones II, 201.

«признаков сопротивления»: Эйтингон Фрейду, 25 ноября 1918. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«вещи моей дочери»: Фрейд Джонсу, 22 декабря 1918. На английском. Freud Collection, D2, LC. Бóльшая часть вещей Анны Фрейд была отправлена назад и благополучно прибыла в Вену. (См.: *Фрейд Джонсу*, 18 апреля 1919. На английском. Там же.)

«следующих тоже»: Фрейд Ференци, 24 января 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«Перспективы мрачные»: Фрейд Джонсу, 15 января 1919. На английском. Freud Collection, D2, LC.

жаждет душа человечества: См.: *Lichtheim G.*, Europe in the Twentieth Century (1972), 118.

«поверить в президента»: Фрейд Абрахаму, 5 февраля 1919. Freud – Abraham, 267 (285).

гаванских сигар: См.: *Bernays E.*, Uncle Sigi, Journal of the History of Medicine and Allied Sciences, XXXV (April 1980), 217.

«узнаю отовсюду»: Фрейд Джонсу, 18 апреля 1919. На английском. Freud Collection, D2, LC.

в Сен-Жерменском договоре: См.: *Эйтингон Фрейду*, 25 октября 1918. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«будет чужой территорией»: Фрейд Ференци, 17 марта 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

чтобы как-то выжить: См.: *Zweig S.*, Die Welt von Gestern.

Erinnerungen eines Europäers (1944), 259–266.

картошку не достать: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 7 марта 1955. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«Kartoffelschmarm»: Kartoffel, конечно, означает «картофель»; Schmarm – это нечто вроде лепешки, популярной в Австрии и Баварии. Переносное значение Schmarm – мусор или чепуха.

«Глупая голодная шутка!»: Фрейд Ференци, 17 марта 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

вполне обнадеживающие: Фрейд Абрахаму, 13 апреля 1919. Freud – Abraham, 269 (287).

«по его письмам»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 22 мая 1919. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«в превосходном состоянии»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 27 октября 1919. На английском. Там же.

«Hungerkost»: Фрейд Ференци, 9 апреля 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

746 килокалорий: См. цитату из Reichspost, 25 December 1918, в: Dokumentation zur österreichischen Zeitgeschichte, 1918–1928, ed. Christine Klusacek and Kurt Stimmer (1984), 124.

жутко холодной комнате: См.: *Фрейд Абрахаму*, 5 февраля 1919. Freud – Abraham, 267 (284).

исправную авторучку: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 9 февраля 1919. Freud – Salomé, 100 (90).

нехватка бумаги: См.: *Фрейд Абрахаму*, 4 июня 1920. Karl Abraham papers, LC.

«совершающиеся в мире глупости»: Фрейд Джонсу, 18 апреля 1919. На английском. Freud Collection, D2, LC.

над бодростью: См.: *Фрейд Максу и Мирре Эйтингон*, 9 мая 1919. Машинописная копия. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«открытия границ и т. д.»: Фрейд Джонсу, 28 мая 1919. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«повсюду нужда и неуверенность»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 22 мая 1919. На английском. Rylands University Library, Manchester.

носить жакет летом: Марта Фрейд Джонсу, 26 апреля 1919. Freud Collection, D2, LC.

не волноваться: См.: *Фрейд Абрахаму*, 18 мая 1919. Karl Abraham papers, LC.

15 тысяч жителей Вены: См.: Dokumentation, ed. Klusacek and Stimmer, 156, 296–297.

«снова началась лихорадка»: Фрейд Джонсу, 28 мая 1919. На английском. Freud Collection, D2, LC.

только в начале июля: См.: *Фрейд Абрахаму*, 6 июля 1919. Karl

Abraham papers, LC.

«последнего года жизни»: Фрейд Джонсу, 28 июля 1919. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«из других стран невозможны»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 27 октября 1919. На английском. Rylands University Library, Manchester.

а какие нет: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 27 октября 1919. На английском. Там же.

сохранять присутствие духа: См.: *Эйтингон Фрейду*, 2 декабря 1919. Briefe, 341–342.

«чтобы хватило на костюм»: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 22 февраля 1920. На английском. Rylands University Library, Manchester.

развалилась: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 5 февраля 1922. На английском. Там же.

«мы просто жертвы!»: Фрейд Максу и Мирре Эйтингон, 9 мая 1919. Машинописная копия. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«бессильной яростью»: Фрейд Ференци, 10 июля 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«работников железной дороги»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 27 октября 1919. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«связь между нами»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 24 ноября 1919. На английском. Там же.

«до нас дойдет»: Фрейд Сэмюелю Фрейду (открытка), 8 декабря 1919. На английском. Там же.

«Г [ермании] и А [встрии]»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 17 декабря 1919. На английском. Там же.

«больше трех месяцев»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 26 января 1920. На английском. Там же.

«плиток шоколада»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 15 октября 1920. На английском. Там же.

«о неприемлемости ваших действий»: Фрейд Ассоциации американской помощи в Вене, 7 мая 1920. (На это письмо мое внимание обратил доктор Дж. Алексис Берланд.)

переводчик был не нужен: См.: доктор Дж. Алексис Берланд, личная переписка с автором, 29 декабря 1986.

«гонорар от английского пациента»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 15 февраля 1920. На английском. Rylands University Library, Manchester.

восемь фунтов: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 22 июля 1920. На английском. Там же.

«в Гааге»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 15 октября 1920. На

английском. Там же.

уже было достаточно: См.: *Zweig*, Die Welt von Gestern, 279.

взбитые сливки: См.: *Sterba R. F.*, Reminiscences of a Viennese Psychoanalyst (1982), 21.

воспряли духом: См.: *Zweig,* Die Welt von Gestern, 279.

«иначе не смогу жить»: Фрейд Абрахаму, 21 июня 1920. Freud – Abraham, 291 (312).

еще и отапливается: См.: *Фрейд Абрахаму*, 9 декабря 1921. Там же, 304 (327).

«только что взял верх»: Фрейд Ката Леви, 18 октября 1920. Freud Collection, B9, LC.

«вокруг этого переезда»: Фрейд Ранку, 8 сентября 1922. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«еще работает»: Фрейд Джонсу, 28 июля 1919. На английском. Freud Collection, D2, LC.

нуждался в лечении: См.: *Эйтингон Фрейду*, 31 октября 1920. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«а не чеками»: Фрейд Леонарду Блумгарту, 10 апреля 1921. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute. Блумгарт с 1942 по 1945 год был президентом Нью-Йоркского психоаналитического института.

ежедневно обесценивающиеся: См.: *Фрейд Абраму Кардинеру*, 10 апреля 1921. На английском. Цит. по: *Kardiner A.*, My Analysis with Freud: Reminiscences (1977), 15.

сводить концы с концами: См.: *Фрейд Джонсу*, 8 марта 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

вошел во вкус западной валюты: См.: *Фрейд Джонсу*, 28 января 1921. На английском. Там же.

«Такова война»: Фрейд Ката Леви, 28 ноября 1920. Freud Collection, B9, LC.

«отшлифовать мой английский»: Фрейд Эйтингону, 12 октября 1919. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«на нем остановиться»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 28 ноября 1920. На английском. Rylands University Library, Manchester.

четким произношением: См.: *Фрейд Джонсу*, 8 марта 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«языке»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 25 июля 1921. На английском. Rylands University Library, Manchester. Сокращение «п…м» выглядит немного странно для человека, который считал важным называть вещи своими именами, но это пережиток XIX века, когда Фрейд учил английский.

«критиковать мой английский»: Фрейд Блумгарту, 12 мая 1921. На английском. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic

Institute.

«ни на что не годен»: Фрейд Ференци, 28 ноября 1920. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

оставляет эту обязанность на воскресенья: См.: *Фрейд Ката Леви*, 28 ноября 1920. Freud Collection B9, LC.

«нового богатства»: Фрейд Андреас-Саломе, 20 октября 1921. Freud – Salomé, 120 (109).

согласилась принять: См., например, *Андреас-Саломе Фрейду* [начало сентября 1923]. Там же, 139 (127), и множество других.

уменьшить число пациентов: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 5 августа 1923. Там же, 137 (124).

если точнее, то шестерых: См.: *Фрейд Блумгарту*, 12 мая 1921. На английском. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

по десять человек: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 4 декабря 1921. Rylands University Library, Manchester.

о своем преклонном возрасте: См.: *Фрейд Блумгарту*, 10 апреля 1921. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

работа пожирает науку: См.: *Фрейд Джонсу*, 18 ноября 1920. На английском и немецком. Freud Collection, D2, LC.

«перевернуло мне душу»: Фрейд Джонсу, 12 февраля 1920. На английском. На самом деле Фрейду было 40 лет, а не 43 года, когда в 1896-м умер его отец.

в официальном некрологе: См.: Victor Tausk, SE XVII, 273–275. Первоначально некролог появился в Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse, V (1919), с подписью «Die Redaktion» – «редакция».

«он был бесполезен»: Фрейд Абрахаму, 6 июля 1919. Karl Abraham papers, LC. В своих машинописных воспоминаниях (с. 8) психоаналитик Людвиг Йекельс сообщает, что задавал Фрейду вопрос, почему тот не взялся за анализ Тауска, и мэтр ответил: «Он хочет меня убить!» (Siegfried Bernfeld papers, container 17, LC.)

в себе настоящего сочувствия: См.: *Фрейд Ференци,* 10 июля 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

то, что говорил Абрахаму: См.: *Фрейд Андреас-Саломе,* 1 августа 1919. Freud – Salomé, 109 (98–99).

и психоанализа: См.: *Андреас-Саломе Фрейду*, 25 августа 1919. Там же, 109 (99). Она образно назвала Тауска мятущейся душой – Seelenberserker – с нежным сердцем.

«Шопенгауэра – впервые»: Фрейд Андреас-Саломе, 1 августа 1919. Там же, 109 (98–99).

надеялся умереть сам Фрейд: См.: *Эйтингон Фрейду*, 21 января 1920. Оригинальная фраза по-немецки цит. по: *Schur,* Freud, Living and Dying, 553.

«цветущей Софи»: Фрейд своей матери Амалии, 26 января 1920. Briefe, 344.

третьим ребенком: Об этом Фрейд рассказал своему психоаналитику, а впоследствии другу Жанне Лампль де Гроот. (Интервью автора с Лампль де Гроот, 24 октября 1985 года.)

«оплакивать мою Софи»: Фрейд Ката Леви, 26 февраля 1920. Freud Collection, B9, LC.

«ушли навсегда»: Марта Фрейд Катарине (Китти) Джонс, 19 марта 1928. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«к цепочке для часов»: H.D. [Hilda Doolittle], Advent, in: Tribute to Freud (1956), 128.

«нашего бедного удачливого ребенка!»: Фрейд Пфистеру, 27 января 1920. Freud – Pfister, 77–78 (74–75).

«и отца тоже»: Фрейд фрау Хальберштадт, 23 марта 1920. Freud Collection, B1, LC.

печально – папа: См.: *Фрейд Максу Хальберштадту*, 25 января 1920. Briefe, 343–344.

«*этот порядок старшинства»: Фрейд Лайошу Леви*, 4 февраля 1920. Freud Collection, B9, LC.

«не преодолеть»: Фрейд Ференци, 4 февраля 1920. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«пока мы существуем»: Фрейд Джонсу, 6 февраля 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«за это отвлечение»: Фрейд Пфистеру, 27 января 1920. Freud – Pfister, 78 (75).

«на очень хорошем английском»: Jones III, 27.

усилия Абрахама: См.: *Абрахам Джонсу*, 4 января 1920. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«обещаю дополнить ее»: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 2 апреля 1919. Freud – Salomé, 105 (95).

«отправились на войну»: Wittels, Sigmund Freud, 231. (Эта книга датирована 1924 годом, но из письма Фрейда, отправленного сразу после ее получения, 18 декабря 1923-го, нам известно, что она была закончена в 1923-м. См.: Briefe, 363–364.)

еще до смерти Софи: Например, 18 июля 1920 года Фрейд писал Эйтингону: «По ту сторону…» наконец завершена. Ты сможешь подтвердить, что она была наполовину закончена, когда Софи была жива и здорова». (С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) См. также: *Фрейд Джонсу*, 18 июля 1920. Машинописный фрагмент, Freud Collection, D2, LC.

«не всегда правда»: Фрейд Виттельсу [декабрь 1923]. Оригинал этого письма не сохранился (я, по крайней мере, его не нашел), но на полях книги Виттельса «Зигмунд Фрейд», которая

сейчас хранится в библиотеке Университета штата Огайо и которая была рабочим экземпляром для переводчиков, Виттельс скопировал текст письма Фрейда к нему, и именно данную запись я цитирую. Переводчики включили отрывки письма в английское издание.

не смерть члена семьи: Осенью 1919 года Фрейд опубликовал любопытную статью «Зловещее», отчасти лексографическое исследование, отчасти психоаналитическую гипотезу, в которой уже содержались некоторые главные идеи работы «По ту сторону принципа удовольствия», в частности навязчивое повторение. Но даже тогда эти идеи не были новыми для Фрейда. (См. примечание редактора к The «Uncanny», SE XVII, 218.)

после смерти Софи?: См.: *Эйтингон Фрейду*, 8 февраля 1920. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. См. также обсуждение в *Schur,* Freud, Living and Dying, 328–333, особенно 329.

«агрессией в детстве»: Zur ätiologie der Hysterie, GW I, 457 / The Aetiology of Hysteria, SE III, 220.

«обнаруживает примесь агрессии»: Drei Abhandlungen, GW V, 57 / Three Essays, SE, VII, 157.

«стремления к агрессии?»: Angst und Triebleben, in: Neue Folge der Vorlesungen, GW XV, 110 / Anxiety and Instinctual Life, in: New Introductory Lectures, SE XXII, 103.

«не стал восприимчив к ней»: Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 479 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 120.

на Берггассе, 19: См.: 29 ноября 1911. Protokolle, III, 314–320.

год спустя: Признание вклада Шпильрейн см.: Beyond the Pleasure Principle, SE XVIII, 55n.

но и на смерть: См. одно из многих заявлений*, Юнг Дж. Дж. Аллену Гилберту,* 4 марта 1930. Briefe, I, 102.

«дуалистическую» концепцию: См.: Jenseits des Lustprinzips (1920), GW XIII, 56–57 / Beyond the Pleasure Principle, SE XVIII, 53.

«все же не продается»: Там же, 63–64 / 59.

«умозрительные»: Там же. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд несколько раз использовал это бесперспективное слово – «умозрительные».

развлек себя этой работой: См.: *Фрейд Ференци*, 28 марта 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«к проявлению принципа удовольствия»: Jenseits des Lustprinzips, GW XIII, 3, 5 / Beyond the Pleasure Principle, SE XVIII, 7, 9.

как предполагали психоаналитики: См. там же, 11–15 / 14–17.

снова ранил возлюбленную: См. там же, 21 / 22.

есть что-то «демоническое»: См. там же, 20 / 21.

«умереть по-своему»: Там же, 36–41 / 35–39.

своего рода бессмертию: См.: там же, 41 / 39.

«не мог думать иначе»: Das Unbehagen in der Kultur, G W XIV, 478–479 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 119.

«ни одно из них по отдельности»: Die endliche und die unendliche Analyse, GW XVI, 88–89 / Analysis Terminable and Interminable, SE XXIII, 243.

«что-нибудь лучшее»: Фрейд Джонсу, 3 марта 1935. Freud Collection, D2, LC.

далеко за его пределы: См.: Selbstdarstellung, GW XIV, 84 / Autobiographical Study, SE XX, 57.

«в нашу неоконченную работу»: Фрейд Джонсу, 4 октября 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«что-то очень глупое»: Эйтингон Фрейду, 27 марта 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«к этим серьезным проблемам»: Фрейд Джонсу, 2 августа 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

принялся за окончательный вариант: См.: Jones III, 42–43.

«над брошюрой по психологии масс»: Фрейд Джонсу, 18 марта 1921. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«к пониманию общества»: Фрейд Роллану, 4 марта 1923. Briefe, 360.

«одновременно и психологией социальной»: Massenpsychologie und Ich-Analyse (1921), GW XIII, 73 / Croup Psychology and the Analysis of the Ego, SE XVIII, 69.

«как социальные феномены»: Там же.

«последней великой войной»: Там же, 130 / 118.

das blöde Volk: Фрейд Андреас-Саломе, 22 ноября 1917. Freud – Salomé, 75 (67).

«с другими массовыми индивидами»: Massenpsychologie, GW XIII, 100, 104 / Group Psychology, SE XVIII, 91, 95.

«кто к ней не принадлежит»: Там же, 110, 107 / 101, 98.

«развития «Я» и либидо»: Ferenczi, Freuds «Massenpsychologie und Ich-Analyse». Der individualpsychologische Fortschritt (1922), in: Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint, II, 123–124.

«или ни во что»: Фрейд Ференци, 21 июля 1922. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«не может быть завершено»: Фрейд Ранку, 4 августа 1922. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

позаимствовал у Гроддека: См. там же.

и некоторому мистицизму: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 7 октября 1917. Freud – Salomé, 71 (63).

считать себя его учеником: См.: *Гроддек Фрейду*, 27 мая 1917.

Georg Groddeck – Sigmund Freud: Briefe über das Es, ed. Margaretha Honegger (1974), 7–13.

«Я «дикий» аналитик»: Цит. по: *M. C. and Grossman S.*, The Wild Analyst: The Life and Work of Georg Groddeck (1965), 95.

что хотел: См.: *Гроддек Фрейду*, 11 сентября 1921. Briefe über das Es, 32.

и остался доволен: См.: *Фрейд Гроддеку*, 7 и 8 февраля 1920. Там же, 25–26.

«с начала и до конца»: Ferenczi, Georg Groddeck, Der lensucher. Ein psychoanalytischer Roman (1921), Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint, II, 95.

«*вульгарными пассажами»:* Jones III, 78.

«не хотел с ним расставаться»: Эйтингон Фрейду, 27 мая 1920. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«современником Рабле?»: Фрейд Пфистеру, 4 февраля 1921 (открытка). Freud – Pfister, 83 (80–81).

между наукой и беллетристикой: См.: *Пфистер Фрейду*, 14 марта 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«Пять писем очаровательны»: Фрейд Гроддеку, 17 апреля 1921. Briefe über das Es, 38.

«живет «Оно»: Groddeck, Das Buch vom Es. Psychoanalytische Briefe an eine Freundin (1923; rev. ed., 1979), 27.

«вместе с ядром вытесненного»: Фрейд Гроддеку, 17 апреля 1921. Briefe über das Es, 38–39.

«за ним стоит нечто реальное»: Фрейд Андреас-Саломе, 7 октября 1917. Freud – Salomé, 71 (63).

«собрать урожай»: Гроддек Фрейду, 27 мая 1923. Briefe über das Es, 63.

«в следующий раз»: Гроддек своей второй жене, 15 мая 1923. Там же, 103.

«поздравляют ваше «Оно»: Фрейд Гроддеку, 13 октября 1926. Там же, 81.

«мы все же недооцениваем»: Das Ich und das Es (1923), GW XIII, 289/The Ego and the Id, SE XIX, 59.

и хорошо написанной: См.: *Фрейд Ференци*, 17 апреля 1923. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

в этом нет необходимости: См.: Ich und Es, GW XIII, 237/Ego and Id, SE XIX, 12.

назвать значительную часть бессознательного «Оно»: См. там же, 251 / 23.

«нежели умозрительного заключения»: Там же, 239 / 12.

«первый шибболет»: Там же, 239 / 13.

«во тьме глубинной психологии»: Там же, 245 / 18.

«образец бессознательного»: Там же, 241 / 15.

«от значения симптома «сознательность»: Das Unbewusste (1915), GW X, 291 / The Unconscious, SE XIV, 192–193.

содержащему страсти: См.: Ich und Es, GW XIII, 244, 252–53 / Ego and Id, SE XIX, 18, 25.

«его собственная воля»: Там же, 253 / 25.

«благосклонность общественного мнения»: Там же, 286–287 / 56.

«от телесных ощущений»: Там же, 255 / 26, 26n. Примечание, впервые появившееся на английском языке в переводе 1927 года, с одобрением Фрейда. Похоже, немецкого варианта не существует.

бессознательном чувстве вины: См. там же, 254–255 / 26–27.

чем знает: См. там же, 280–282 / 50–52.

«чувствует себя не виноватым, а больным»: Там же, 278–280 / 49–50.

«от одного поколения к другому»: Die Zerlegung der psychischen Persönlichkeit, in: Neue Folge der Vorlesungen, GW XV, 73 / The Dissection of the Psychical Personality, in: New Introductory Lectures, SE XXII, 67.

с судьбами эдипова комплекса: См.: Ich und Es, GW XIII, 262–264 / Ego and Id, SE XIX, 34–36.

запутанного вопроса: См.: *Фрейд Джонсу*, 20 ноября 1926. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«клоаки их домов»: Пфистер Фрейду, 5 сентября 1930. Freud – Pfister, 147 (135).

во «влечение к смерти»: См.: *Пфистер Фрейду*, 4 февраля 1930. Там же, 142 (131). Энергичную защиту Фрейдом своей позиции см. в его ответе от 7 февраля 1930 года. Там же, 143–145 (132–134).

Глава девятая. Смерть против жизни

«в Нью-Йорке 20 долларов за полчаса»: Фрейд Ранку, 4 августа 1922. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«перспективы политической ситуации»: Фрейд Джонсу, 25 июня 1922. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«в этом центральноевропейском аду»: Фрейд Ранку, 8 июля 1922. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«насчет своего здоровья»: Фрейд Ранку, 4 августа 1922. Там же.

«милая девушка 23 лет»: Фрейд Джонсу, 24 августа 1922. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«и так весело»: Цецилия Граф Розе Граф, 16 августа 1922. Машинописная копия, Freud Collection, LC.

«общей неуверенностью нашего времени»: Фрейд Джонсу, 24 августа 1922. На английском. Freud Collection, D2, LC. Несмотря на потрясение, Фрейд не мог сдержать язвительность. Он назвал свою сестру Розу, у которой Цецилия была единственным ребенком, виртуозом отчаяния (*Фрейд Ференци*, 24 августа 1922. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC).

удалили новообразование: См.: *Фрейд Джонсу*, 25 апреля 1923. На английском. Freud Collection, D2, LC.

закурил одну: См.: *Фрейд Ференци*, 6 ноября 1917. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC. Анна Фрейд скопировала соответствующие фрагменты в письме Максу Шуру от 20 августа 1965 года. Max Schur papers, LC.

«видят в курении»: Фрейд Джонсу, 25 апреля 1923. На английском. Freud Collection, D2, LC.

и удалить опухоль: См.: *Schur*, Freud, Living and Dying, 350. Материал, на который я в основном опирался в этих абзацах, см. в библиографическом очерке для данной главы.

ни с кем не посоветовавшись: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 4 января 1956. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London. С учетом того, что Анна Фрейд не любила критиковать отца, это убедительное свидетельство.

«(других там не было)»: Deutsch, Reflections, 280.

слабоумного карлика: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 16 марта 1955. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

спас основателю психоанализа жизнь: Это логичное предположение Эрнеста Джонса. (Jones III, 91.)

ежедневный обход: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 16 марта 1955. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London. Рассказ Джонса (Jones III, 90–91) повторяет свидетельство Анны Фрейд практически слово в слово. Этот же рассказ, который основан на пересказе Джонса и Дойча, можно найти в: *Clark*, Freud, 440.

благоприятен: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 10 мая 1923. Freud – Salomé, 136 (124).

«и больше никаких опухолей!»: Фрейд Абрахаму, 10 мая 1923. Freud – Abraham, 315 (338). Последняя часть предложения («долгих лет жизни…») написана на английском языке.

«этого не произошло»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 26 июня 1923. На английском. Rylands University Library, Manchester.

долгие страдания: Из заметок, которые Феликс Дойч сделал после визита 7 апреля 1923 года, когда он увидел опухоль

Фрейда. Цит. по: *Gifford,* Notes on Felix Deutsch, 4.

«одни глаза, волосы и кости»: Фрейд Ференци, 17 апреля 1923. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«не любил так сильно»: Фрейд Ката и Лайошу Леви, 11 июня 1923. Briefe, 361–362.

«Все утратило для меня смысл»: Там же.

«ничего не выйдет»: Там же, 361. В письме Фрейда эта цитата приводится на английском языке.

«милый малыш»: Фрейд Ференци, 20 июня 1923 (открытка). Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

в жизни не проливший ни слезинки, заплакал: См.: Jones III, 92.

«именно в таком состоянии»: Фрейд Ференци, 18 июля 1923. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«по милому малышу»: Фрейд Эйтингону, 13 августа 1923. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«унес будущее с собой»: Фрейд Рие, 18 августа 1923. Музей Фрейда, Лондон.

«к опасности, угрожающей моей жизни»: Фрейд Бисвангеру, 15 октября 1926. Цит. по: Binswanger, Erinnerungen, 94–95.

«никакого утешения»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 24 сентября 1923. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«окажется очень полезной»: Фрейд Джонсу, 4 октября 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«беспомощен и неполноценен»: См.: *Фрейд Джонсу*, 11 декабря 1919. На английском. Там же.

«все в порядке»: Фрейд Джонсу, 23 декабря 1919. На английском. Там же.

на лучшие времена: См.: *Фрейд Джонсу*, 7 января 1922. Там же.

«совсем несправедливо»: Джонс «комитету», август 1922. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«добрые отношения друг с другом»: Фрейд Джонсу, 24 сентября 1923. На английском. Freud Collection, D2, LC.

stark übertrieben: См.: *Джонс Катарине Джонс*, 26 августа 1923. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

Erlebnis: См.: *Джонс Катарине Джонс*, 28 августа 1923. Там же.

«Mit welchem Recht?»: Jones III, 93.

«совершенно ясно»: Анна Фрейд Джонсу, 8 января 1956. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«многогранного Рима»: Фрейд Эйтингону, 11 сентября 1923. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«в самом выгодном свете»: Фрейд Джонсу, 24 сентября 1923.

На английском. Freud Collection, D2, LC.

«не уверен в будущем»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 24 сентября 1923. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«есть и говорить»: Фрейд Эйтингону, 26 сентября 1923. Цит. по: *Schur M.*, Freud, Living and Dying, 554 (на немецком языке). См. также *Фрейд Джонсу*, 26 сентября 1923, где он буквально слово в слово повторяет то, что писал Эйтингону. (Freud Collection, D2, LC.)

4 и 12 октября: Здесь я следую: *Schur*, Freud, Living and Dying, 362.

«отправлюсь домой»: Фрейд Абрахаму, 19 октября 1923. Freud – Abraham, 318 (342).

было увеличено до 2000 фунтов: См.: *Фрейд Мартину Фрейду*. 30 октября 1923. Подписано «Искренне твой, папа». Музей Фрейда, Лондон. За исключением подписи, почерк не Фрейда.

«артерий с обеих сторон»: Jones III, 98–99. См. также: *Romm Sh.*, The Unwelcome Intruder: Freud's Struggle with Cancer (1983), 73–85.

«и способность к работе»: Schur M., The Medical Case History of Sigmund Freud, неопубликованная записка, датированная 27 февраля 1954 года. Max Schur papers, LC.

моложе и крепче: Интервью с Хелен Шур, 3 июня 1986.

«гомосекс [уальную] привязанность»: Фрейд Ранку, 26 ноября 1923. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«шипящий звук»: Фрейд Эйтингону, 22 марта 1924. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

левым ухом: рисунок расположения кушетки до операции и после нее см. в: *Анна Фрейд Джонсу*, 4 января 1956. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«разновидность увеличенного зубного протеза»: Jones III, 95.

«она вполне внятна»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 9 января 1924. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«найти у старика Гомера»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 4 мая 1924. На английском. Там же.

«в очень хорошем настроении»: Аликс Стрейчи Джеймсу Стрейчи, 13 октября [1924]. Bloomsbury / Freud: The Letters of James and Alix Strachey, 1924–1925, ed. Perry Meisel and Walter Kendrick (1985), 72–73.

«чем можно было ожидать»: Аликс Стрейчи Джеймсу Стрейчи, 20 марта [1925]. Там же, 224.

и двумя его сыновьями: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 2 апреля 1922. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«уже 4 недели в Гамбурге»: Фрейд Ференци, 30 марта 1922.

Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«тебя полностью заменить»: Фрейд Анне Фрейд, 7 марта 1922. Freud Collection, LC.

но постеснялась: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 4 августа 1920. Там же.

«задержит меня в Вене»: Фрейд Анне Фрейд, 21 июля 1923. Там же.

«главной опорой во всем»: Фрейд Рие, 18 августа 1923. Музей Фрейда, Лондон.

«тревогами и заботами»: Фрейд Лерману, 21 марта 1929. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

«не обретем вечный покой»: Фрейд Лерману, 27 января 1930. Там же. Слова «Какая жалость» написаны на английском.

«интересное существо»: Фрейд Ференци, 7 сентября 1915. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

чисто женскими занятиями: См.: *Фрейд Анне Фрейд*, 22 июля 1914. Freud Collection, LC.

согласие самого Фрейда: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 13 июля 1910. Там же.

«этого не хватает»: Анна Фрейд Фрейду, 15 июля 1911. Там же.

«чуть-чуть поможешь»: Анна Фрейд Фрейду, 7 января 1912. Там же.

дорогой единственной дочерью: См.: *Фрейд Анне Фрейд*, 21 июля 1912. Там же. Еще один пример использования Фрейдом этого выражения см. в: *Фрейд Анне Фрейд*, 2 февраля 1913. Там же.

чувствовать себя лучше: См.: *Фрейд Анне Фрейд*, 28 ноября 1912. Там же.

«будет время написать»: Анна Фрейд Фрейду, 26 ноября 1912. Там же.

остаться подольше: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 16 декабря 1912. Там же. См. также: *Фрейд Анне Фрейд*, 1 января 1913. Там же.

игнорировала ее: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 7 января 1912. Там же.

«этому научиться»: Анна Фрейд Фрейду, 16 декабря 1912. Там же.

«что она с собой приносит»: Фрейд Анне Фрейд, 5 января 1913. Там же.

«теперь единственной дочерью»: Фрейд Пфистеру, 11 марта 1913. Freud – Pfister, 61 (61).

«маленькой, теперь единственной дочерью»: Фрейд Абрахаму, 27 марта 1913. Freud – Abraham, 137 (136).

«чем было бы без тебя!»: Анна Фрейд Фрейду, 13 марта 1913. Freud Collection, LC.

младшей дочери короля Лира: См.: *Фрейд Ференци*, 7 июля 1913. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«моя маленькая дочь»: Фрейд Джонсу, 22 июля 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«(в данном случае моем) согласии»: Фрейд Анне Фрейд, 17 июля 1914. Freud Collection, LC.

не оставаться с ним наедине: См. там же.

достигается особенно легко: См.: *Фрейд Анне Фрейд*, 22 июля 1914. Там же.

«для личных обид»: Фрейд Анне Фрейд, 24 июля 1914. Там же.

«и понимать мир»: Фрейд Джонсу, 22 июля 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

прямо говорил Анне: См.: *Фрейд Анне Фрейд*, 22 июля 1914. Freud Collection, LC.

«она нарушит договор»: Фрейд Джонсу, 22 июля 1914. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«ощущаю только я»: Анна Фрейд Фрейду, 26 июля 1914. Freud Collection, LC.

«соответствует отцу-имаго»: Джонс Фрейду, 27 июля 1914. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«очень полезно»: Анна Фрейд Джозефу Гольдштейну, 2 октября 1975. Цит. по: *Goldstein J.*, Anna Freud in Law, The Psychoanalytic Study of the Child, XXXIX (1984), 9.

«они мне интересны»: Анна Фрейд Фрейду, 31 января 1913. Freud Collection, LC.

как «перенос»: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 30 июля 1915. Там же.

он читал в университете: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 28 августа 1916. Там же.

без медицинского образования: Данным свидетельством я обязан доктору Джею Кацу, который слышал это от самой Анны.

работы в школе: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 13 сентября 1918. Freud Collection, LC.

предлагал свои толкования: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 24 июля и 2 августа 1919. Там же.

ошибки при письме: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 28 июля 1919. Там же.

«больше, чем я»: Анна Фрейд Фрейду, 12 ноября 1920. Там же.

что такое смерть: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 4 июля 1921. Там же.

сильно заболеет: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 4 августа 1921. Там же.

сны других людей: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 9 августа 1920. Там же.

заветная мечта: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 27 апреля 1922. Там

же.

внутренней жизни: Свидетельства см. в готовящейся к выпуску биографии Анны Фрейд, написанной Элизабет Янг-Брюль, фрагменты из которой она представила 15 января 1987 года в Йельском университете на конференции по программе Мюриел Гардинер.

«*в прошлую среду»: Фрейд Джонсу*, 4 июня 1922. На английском. Freud Collection, D2, LC.

от его собственного стиля: См.: *Бинсвангер Фрейду*, 27 августа 1923. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

присутствовать на встречах: Абрахам, Эйтингон и Закс Фрейду, 26 ноября 1924. Karl Abraham papers, LC.

«на более долговечную»: Фрейд Эйтингону, 11 ноября 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«который ей подходит»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 7 марта 1922. На английском. Rylands University Library, Manchester.

о фантазиях избиения: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 30 апреля 1922. Freud Collection, LC. См. также: *Анна Фрейд Фрейду*, 27 апреля и 15 июля 1922. Там же.

в июне 1922 года: См.: *Фрейд Джонсу*, 4 июня 1922. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«боюсь потерять ее»: Фрейд Андреас-Саломе, 3 июля 1922. Freud Collection, B3, LC.

казалась долговечной: В 1930 году в нежном постскриптуме к письму отца Анна писала: «Я целую тебя много-много раз. Твоя Анна» (*Фрейд и Анна Фрейд Андреас-Саломе*, 22 октября 1930. Там же).

«придется жить без отца?»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 19 декабря 1925. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«как много я думаю о тебе»: Анна Фрейд Фрейду, 9 августа 1920. Freud Collection, LC.

«как прежде?»: Анна Фрейд Фрейду, 18 июля 1922. Там же.

«больше нечем заняться»: Анна Фрейд Фрейду, 20 июля 1922. Там же.

«неприятной»: Анна Фрейд Фрейду, 23 июля 1915. Там же.

«стрельбой или умиранием»: Анна Фрейд Фрейду, 5 августа 1919. Там же.

приводило ее в ужас: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 12 июля 1915. Там же.

беспомощной перед лицом врага: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 27 июля 1915. Там же.

из пистолета: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 24 июля 1919. Там же.

«и очень тревожно»: Анна Фрейд Фрейду, 6 августа 1915. Там

же.

было невозможно: См. юмористическое «толкование» сна Анны Фрейд о короле и принцессе, *Фрейд Анне Фрейд*, 14 июля 1915. Там же.

комплекс отца: См.: *Фрейд Эйтингону*, 2 декабря 1919. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«для нее унижением»: Kardiner, My Analysis with Freud, 77.

в 1924-м еще год, после перерыва: данными сведениями я вновь обязан докладу Элизабет Янг-Брюль 15 января 1987 года в Йельском университете на конференции по программе Мюриел Гардинер.

рассказанными самой себе: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 5 августа 1918 и 16 ноября 1920. Freud Collection, LC.

«ты меня анализируешь»: Анна Фрейд Фрейду, 24 июля 1919. Там же.

«дружеских чувств к вам»: Фрейд Ката Леви, 16 августа 1920. Freud Collection, B9, LC.

«до завершения анализа»: Фрейд Джонсу, 23 марта 1923. На английском. Freud Collection, D2, LC. См. также, среди многих других писем, *Фрейд Джонсу*, 4 и 25 июня, 1922. На английском. Там же.

«все получилось хорошо»: Фрейд Вейссу, 1 ноября 1935. Freud – Weiss Briefe, 91.

«моложе нас обоих!»: Фрейд Андреас-Саломе, 13 мая 1924. Freud Collection, B3, LC.

«подготовительной стадией»: Фрейд Андреас-Саломе, 11 августа 1924. Там же.

«в этом не помогает»: Фрейд Андреас-Саломе, 10 мая 1925. Там же.

если бы бросил курить: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 13 марта 1922. Там же.

«подходит к концу»: Фрейд Андреас-Саломе, 13 марта 1922. Там же.

своей Антигоной: Этот аспект, как и многие другие, был отмечен Уве Хенриком Петерсом в работе Anna Freud, Ein Leben für das Kind (1979), 38–45.

«нежно ухаживали за мной»: Фрейд Ференци, 10 мая 1923. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«и двух дочерей»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 13 декабря 1923. На английском. Rylands University Library, Manchester.

мучиться с неудобным приспособлением целых полчаса: См.: Jones III, 95, 196.

«не одно и то же!»: Фрейд Эйтингону, 24 апреля 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. Фрейд впервые

назвал в письме Эйтингона «дорогой Макс» 4 июля 1920 года и впоследствии придерживался этого обращения. После некоторых колебаний он стал относиться к Эйтингону как к члену семьи. (См.: *Фрейд Эйтингону*, 24 января 1922. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) Вероятно, Эйтингон был единственным из близкого круга коллег, на кого Фрейд никогда не сердился – по крайней мере, долго.

«в отцовском доме»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 4 декабря 1921. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«или в независимость»: Freud Collection, LC.

«телепатической чувствительностью»: Фрейд Абрахаму, 9 июля 1925. Freud – Abraham, 360 (387).

«и отталкивал его»: Анна Фрейд Джонсу, 24 ноября 1955. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

и не слишком: См.: Jones III, 380–381.

любимых древностей: См. там же, 382.

«материалистических предубеждений»: Фрейд Нандору Фодору, 24 июля 1921. Машинописная копия, Siegfried Bernfeld papers, container 17, LC.

«механисты и материалисты»: Psychoanalyse und Telepathie (написана в 1921, опубликована в 1941), GWXVII, 28–29 / Psycho-Analysis and Telepathy, SEXVIII, 178–179.

«существование «телепатии» или нет»: Traum und Telepathie (1922), GWXIII, 165 / Dreams and Telepathy, SEXVIII, 197.

«ничего об этом не знаю»: Там же, 191 / 220.

«с осторожностью неверия»: Jones III, 406.

«Не делайте этого»: Фрейд Ференци, 20 марта 1925. Freud – Ferenczi Correspondence, LC. См. также: *Ференци «дорогим друзьям»,* 15 февраля и 15 марта 1925, и *Ференци Фрейду*, 16 февраля и 16 марта 1925. Там же.

«несущественна для психоанализа»: Фрейд Джонсу, 7 марта 1926. Машинописная копия, Freud Collection, D2, LC. В начале 30-х годов XX столетия в одной из новых лекций по введению в психоанализ Фрейд упоминал телепатию несколько менее сдержанно.

«мостика сознательного»: Анна Фрейд Джонсу, 24 ноября 1955. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«программа жизни и работы»: Фрейд Ранку, 10 апреля 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«на горизонте не видно»: Фрейд Джонсу, 25 сентября 1924. На английском. Freud Collection, D2, LC.

в сторону смерти: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 10 мая 1925. Freud – Salomé, 169 (154).

«разума и души»: H.D., Advent, in: Tribute to Freud, 171.

«своей реконструкции»: Анна Фрейд Абрахаму, 20 марта 1925, в длинном постскриптуме к письму, которое продиктовал ей отец. Karl Abraham papers, LC.

«называть себя евреем»: George Sylvester Viereck, Glimpses of the Great (1930), 34. Это интервью также было опубликовано отдельно тремя годами раньше, в 1927 году.

«непреодолимая пропасть»: Фрейд Пфистеру, 25 декабря 1920. Freud – Pfister, 81–82 (79).

«не будет в живых»: Фрейд Эйтингону, 23 ноября 1919. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

неконтролируемых психических сил: См.: Introductory Lectures, SE XVI, 284–285.

«дикими теориями»: Popper K. R., Philosophy of Science: A Personal Report (1953), in: British Philosophy in the Mid-Century: A Cambridge Symposium, ed. C. A. Mace (1957), 156–158.

«его конечной ценности»: Masson T. L., Psychoanalysis Rampant, New York Times, 4 February1923, sec. 3, 13.

недавно изобретенной дисциплиной: См.: *Isham M. K.*, рецензия на Beyond the Pleasure Principle and Group Psychology and the Analysis of the Ego, New York Times, 7 September 1924, sec. 3, 14–15.

«все сводит к сексу»: Critics Make Freud Symposium Target / Dr. Brian Brown Calls His Interpretation of the Unconscious Mind «Rotten» / Discussion at St. Mark's / Dr. Richard Borden Explains Soul-Sickness, Libido, Complexes and the «Old Adam», New York Times, 5 May1924, 8.

«фантазий и страстей»: Dr. Wise Attacks Modern Writers / Tells Students at International House to Abandon Mencken for the Classics / Regrets Freudian Vogue / Declares War Has Lost for Religion the Faith and Loyalty of Millions, New York Times, 16 March 1925, 22.

«написать это слово»: Declares Freud Devotees / Can't Spell Psychoanalysis, New York Times, 27 August 1926, 7.

«этот господин Амар»: Эйтингон Фрейду, 10 ноября 1922. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«что это такое»: Mind Cure / Professor Freud's Lectures, London Times, 15 April 1922, 17.

«стало модным»: Bjerre P., Wie deine Seele geheilt wird! Der Weg zur Lösung seelischer Konflikte, перевод со шведского Амалии Брюкнер (1925), 163.

«так и Англии»: William McDougall, An Outline of Abnormal Psychology (1926), 22. Цит. по: *Clemen C. Ch.*, Die Anwendung der

Psychoanalyse auf Mythologie und Religionsgeschichte (1928), 2–3.

«к христианской религии»: Абрахам, Эйтингон и Закс «дорогим друзьям», 16 мая 1925. Karl Abraham papers, LC.

«так силен, как теперь»: Абрахам «дорогим друзьям», 17 октября 1925. Там же.

«предлагает им психоанализ»: Canetti E., Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte 1921–1931 (1980), 137–139.

изложении психоанализа: См.: Bjerre, Wie deine Seele geheilt wird! 163.

«разума и души»: William Bayard Hale papers, box 1, folder 12. Y-MA.

«с широкой публикой»: Topics of the Times, New York Times, 8 May 1926, 16.

«за весь курс обучения!»: Jones III, 48n.

молодых убийц: Цит. там же, 103.

Фрейд отказался: См. там же.

«и вытесненные желания?»: To Ask Freud to Come Here, New York Times, 21 December 1924, sec. 7, 3. См. также: Jones III, 114, и *Clark*, Freud, 461.

«с мистером Голдвином»: Цит. по: New York Times, 24 January 1925, 13. См. также: Jones III, 114, и *Clark*, Freud, 462. Оригинал предполагаемого письма Фрейда не был найден.

«для более серьезных достижений»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 5 ноября 1920. На английском. Rylands University Library, Manchester.

была для него бременем: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 4 декабря 1921. На английском. Там же.

находит свою популярность отвратительной: См.: *Фрейд Эйтингону*, 24 января 1922. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«это занятно»: Фрейд Эйтингону, 17 февраля 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«сравнивая меня с Эйнштейном»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 19 декабря 1925. На английском. Rylands University Library, Manchester.

влияние на современное мышление: См.: Jones III, 109–110.

«с избранным народом»: Фрейд Абрахаму, 10 декабря 1917. Freud – Abraham, 249 (264).

«лестное упоминание»: Фрейд Джонсу, 9 июня 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«что обеспечил жену»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 19 декабря 1925. На английском. Rylands University Library, Manchester.

огромное удовольствие: См. свидетельство, присланное Фрейду *Нидерландским обществом психиатрии и неврологии* после

собрания 17 ноября 1921. Музей Фрейда, Лондон. См. также: Jones III, 82 (Джонс пишет, что это было в декабре, а не в ноябре).

«ко мне поговорить»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 19 декабря 1925. На английском. Rylands University Library, Manchester.

всегда тщетно: См.: *Фрейд Эмми Гроддек*, 18 декабря 1923. Groddeck, Briefe über das Es, 70–71.

номинация по медицине: См.: *Манн Менгу*, 8 сентября 1930. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

«заниматься этим делом?»: Фрейд Джонсу, 18 февраля 1928. На английском. Freud Collection, D2, LC.

присудят Нобелевскую премию: См.: *Фрейд Эйтингону*, 18 августа 1932. Цит. по: Jones III, 175.

Гириндрасехаром Бозе: См.: Bose – Freud Correspondence (без даты [1964?]), брошюру, опубликованную в Калькутте. Freud Collection, B9, LC.

«трансформацией душ»: Стефан Цвейг Фрейду, 8 декабря 1929. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«и стреляется»: Цит. по: *Torberg F.*, Die Erben der Tante Jolesch (1978; 2d ed. 1982), 26–27.

на фрейдистском жаргоне: См.: *Knox R. A.*, Jottings from a Psycho-Analyst's Note-Book, in: Essays in Satire (1928), 265–276.

на «принцип удовольствия»: См.: *Thurber J. and White E. B.*, Is Sex Necessary? or, Why You Feel the Way You Do (1929), 190–193.

«мир был очень молод»: Липпман Уоллесу, 30 октября 1912. Цит. по: *Steel R.*, Walter Lippmann and the American Century (1980), 46.

«просто слышали о нем»: Липпман Фридриху Хоффману, 18 ноября 1942. Public Philosopher: Selected Letters of Walter Lippmann, ed. John Morton Blum (1985), 429.

среди своих студентов: См.: *Пфистер Фрейду*, 24 октября 1921, 23 декабря 1925, 6 мая и 21 октября 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«само собой разумеющееся»: *Krutch J. Wood,* Freud Reaches Seventy Still Hard at Work / Father of Psychoanalysis Continues to Expand and Alter the Theories That Have Made Him a Storm Centre, New York Times, 9 May 1926, sec. 9, 9.

«звучит как «фальшивой»: Topics of the Times, New York Times, 10 May 1926, 20.

«дурной славой»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 20 декабря 1937. Freud – Zweig, 164 (154). Слова «дурной славой» написаны по-английски.

будет жить: См.: Nachschrift 1935 to Selbstdarstellung, GWXVI, 34 / Postscript (1935), to Autobiographical Study, SEXX, 73. (В английском варианте с одобрения Фрейда в список была

добавлена Россия, случайно пропущенная в немецком оригинале.)

чем Фрейд: См.: *Аликс Стрейчи Джеймсу Стрейчи*, 9 февраля 1925. Bloomsbury / Freud, 184.

типично немецким: См.: The Reminiscences of Rudolph M. Loewenstein (1965), 19–25. Oral History Collection, Columbia University.

«в основном богословов»: Абрахам, Эйтингон и Закс «дорогим друзьям», 16 декабря 1924. Karl Abraham papers, LC.

доверием к докладчику: См.: *Абрахам, Эйтингон и Закс «дорогим друзьям»,* 15 марта 1925. Там же.

«Признак успеха!»: Абрахам и Закс «дорогим друзьям», 13 апреля 1925. Там же.

на деньги Эйтингона: См.: *Grosskurth Ph.*, Melanie Klein: Her World and Her Work (1986), 94.

приписывали идею Фрейду: См.: *Simmel E.*, Zur Geschichte und sozialen Bedeutung des Berliner Psychoanalytischen Instituts, in: Zehn Jahre Berliner Psychoanalytisches Institut (Poliklinik und Lehranstalt), ed. Deutsche Psychoanalytische Gesellschaft (1930), 7–8.

«должны будут прийти»: Wege der psychoanalytischen Therapie (1919), GW XII, 192–193 / Lines of Advance in Psycho-Analytic Therapy, SE XVII, 167.

«общественного мнения»: Simmel, Zur Geschichte, in: Zehn Jahre Berliner Psychoanalytisches Institut, 12.

считаются излеченными: См.: *Fenichel O.*, Statistischer Bericht über die therapeutische Tätigkeit 1920–1930, там же, 16.

опытным специалистом: См. там же, 19.

не менее года: См.: Anhang: Richtlinien für die Lehrtätigkeit des Instituts, согласно *Horney K.*, Die Einrichtungen der Lehranstalt, A) Zur Organisation, там же, 50.

в церкви: См.: *Sachs H.*, Die Einrichtungen der Lehranstalt, B) Die Lehranalyse, там же, 53.

«Pontifex maximus»: Фрейд Джонсу, 4 июня 1922. На английском. Freud Collection, D2, LC.

вдохновляющей серьезности: См., например, *Zilboorg G.*, Ausländisches Interesse am Institut, A) Aus Amerika, in: Zehn Jahre Berliner Psychoanalytisches Institut, 66–69, и *Raknes O.*, Ausländisches Interesse am Institut, B) Aus Norwegen, там же, 69–70.

своей дочери Софи: Интервью автора с Жанной Лампль де Гроот, 24 октября 1985.

«дорогую Жанну»: См., например, *Фрейд Лампль де Гроот*, 28 августа 1924. Freud Collection, D2, LC.

«без расчета на меня»: Фрейд Абрахаму, 3 марта 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Karl Abraham papers, LC.

и остроумием: Так, в 1916 году, когда Брилл работал над

книгой Фрейда о шутках, Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten, он перевел название как «Остроумие и его отношение к бессознательному».

«с алым зонтиком»: West K., Inner and Outer Circles (1958). Цит. по: *Heimann P.*, Obituary, Joan Riviere (1883–1962), Int. J. Psycho-Anal., XLIV (1963), 233.

«почти не смел надеяться»: Фрейд Джонсу, 16 ноября 1924. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«будет очень медленным»: Фрейд Джонсу, 13 декабря 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Там же.

«двух смуглых венгров»: Аликс Стрейчи Джеймсу Стрейчи, 13 декабря 1924 [на самом деле 14 декабря]. Bloomsbury / Freud, 131–132.

«гораздо больше, чем обычно»: Там же, 132–133.

«о педагогических материях»: Фрейд Джонсу, 22 июля 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«всем моим предположениям»: Фрейд Джонсу, 31 мая 1927. Продиктовано Анне Фрейд. Там же.

не является доказательством: См.: *Фрейд Джонсу*, 6 июля 1927. Там же.

«вы сами»: Фрейд Джонсу, 23 сентября 1927. Там же.

нападками на него самого: См.: *Фрейд Джонсу*, 23 сентября и 9 октября 1927. Там же.

обращения с ребенком: См.: CivilizationandIts Discontents, SEXXI, 130n, 138n.

«моей дочери Анны Фрейд»: Selbstdarstellung, GW XIV, 96n / Autobiographical Study, SE XX, 70n.

истерическую веселость: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 8 января 1956. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«множество его копий»: Фрейд Ференци, 18 июля 1920. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

Hochstaplernatur: Фрейд Эйтингону, 2 июля 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«замечательную книгу»: Фрейд Ранку, 18 августа 1912. Rank Collection, Box 1b. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Он имел в виду объемное исследование Ранка о теме инцеста в литературе.

«и совсем непонятно»: Фрейд Абрахаму, 25 декабря 1918. Karl Abraham papers, LC.

о «сверхъестественном»: См.: The Uncanny (1919), SEXVII, 230 n.

обосновывать свой совет: См.: *Фрейд Ранку*, 8 июля 1922. Rank Collection, Box 1b. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

доказательство обратного: См.: *Фрейд Ранку*, 8 сентября 1922. Там же.

«Р [анком] и Джонсом»: Эйтингон Фрейду, 31 января 1924. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

нисколько не пострадает: См.: *Фрейд «дорогим друзьям»*, январь 1924. Фотокопия машинописной копии, Rank Collection, Boxlb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«или от Ф [еренци]»: Фрейд Эйтингону, 7 февраля 1924. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

за примирительный настрой: См.: *Ранк Фрейду*, 15 февраля 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«подает предупредительный сигнал»: Абрахам Фрейду, 21 февраля 1924. Freud – Abraham, 324 (348–349).

«был злым парнем»: Фрейд Ференци, 20 марта 1924. Машинописная копия, Rank Collection, Boxlb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

как проявления измены: См.: *Ференци Ранку*, 18 марта 1924. Там же.

неприязнь Ранка к Абрахаму: См.: *Фрейд Ференци*, 26 марта 1924. Машинописная копия. Там же.

будет ли опубликована вообще: См.: *Ранк Ференци*, 20 марта

1924. Там же. На самом деле циркулярные письма, которые Фрейд рассылал в этот период, указывают на то, что он понял смысл послания Ранка.

«Я ее не вижу»: Фрейд «дорогим друзьям», 25 февраля 1924. Там же.

не для психоаналитиков: 5 марта 1924. Vienna Psychoanalytic Society, протоколы за 1923–1024, которые вел Отто Исаковер. Freud Collection, B27, LC.

«источник страха»: 25 ноября 1908. Protokolle, II, 65.

«начиная с акта рождения»: 17 ноября 1909. Там же, 293.

«прообраз аффекта страха»: Traumdeutung, GW II–III, 406n / Interpretation of Dreams, SE V, 400–401n.

«Non omnis moriar»: Фрейд Ранку, 1 декабря 1923. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

кто из теоретиков прав: См.: *Фрейд Абрахаму*, 4 марта 1924. Freud – Abraham, 328 (352–353).

Оно даже нежелательно: См.: *Фрейд «дорогим друзьям,* январь 1924. Rank Collection, Boxlb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

недостаточно добры к нему: См. особенно: *Фрейд Ференци*, 26 марта 1924. Машинописная копия. там же.

«воздействие на его разум»: Фрейд Джонсу, 25 сентября 1924. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«научной регрессией»: Абрахам Фрейду, 26 февраля 1924. Freud – Abraham, 326 (350–351).

конечно, на первом месте: См.: *Джонс Абрахаму*, 8 апреля 1924. Karl Abraham papers, LC.

только одной третью: См.: *Фрейд Ференци*, 26 марта 1924. Машинописная копия, Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

пьяным говоруном: См.: *Фрейд Шандору Радо*, 30 сентября 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, B9, LC.

«его предшественники». Фрейд Барроу, 31 июля 1924. Trigant Burrow papers, series I, box 12. Y-MA.

«ze mozer!»: Цит. по: *Lieberman E. J.*, Acts of Will: The Life and Work of Otto Rank (1985), 235.

«возможность отступления»: Фрейд Ранку, 23 июля 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«понимание совершенно невозможно»: Ранк Фрейду, 7 августа 1924. Там же. Письмо, которое он отправил, очень похоже, но без этого резкого пассажа. (9 августа 1924. Там же.)

«ничто не может поколебать»: Фрейд Ранку, 27 августа 1924.

Там же.

«берлинском заговоре»: Эйтингон Фрейду, 2 сентября 1924. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«при упоминании имени Ранка»: Фрейд Эйтингону, 7 октября 1924. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«отделить его личность от травмы рождения»: Фрейд Абрахаму, 17 октября 1924. Freud – Abraham, 345 (371).

«результата этого разговора»: Фрейд Джонсу, 23 октября 1924. На английском. Freud Collection, D2, LC. Примеры того, как Фрейд в тот период готовил себя к разрыву с Ранком, см.: *Фрейд Эйтингону*, 27 сентября и 19 ноября 1924. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«оказались правы»: Фрейд Джонсу, 5 ноября 1924. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«оставался джентльменом»: Джонс Абрахаму, 12 ноября 1924. Karl Abraham papers, LC. См. также циркулярное письмо «дорогим друзьям» из Берлина, 26 ноября 1924. Там же.

получившего взбучку: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 17 ноября 1924. Freud – Salomé, 157 (143).

не может себя винить: См.: *Фрейд Джонсу*, 16 ноября 1924. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

прибавился комплекс брата: См.: *Ранк «комитету»,* 20 декабря 1924. Цит. по: *Lieberman*, Rank, 248–250.

занять ответственные должности: См.: *Джонс Абрахаму*, 29 декабря 1924. Karl Abraham papers, LC.

«как убитого или мародера»: Фрейд Джонсу, 6 января 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«может случиться снова»: Фрейд Эйтингону, 6 января 1925. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

критики коллег: См.: *Эйтингон, Закс и Абрахам Ранку*, 25 декабря 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

ist die tat: Джонс Ранку, 3 января 1925. Там же.

первой поездкой: См.: *Фрейд Джонсу*, 6 января 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

свое полное доверие: См.: *Фрейд Абрахаму*, 3 марта 1925. Karl Abraham papers, LC.

непредсказуемого ученика: См.: *Фрейд Эйтингону*, 16 июля 1925. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

казались ему уместными: См.: *Абрахам Фрейду*, 26 февраля 1924. Freud – Abraham, 326 (350–451). Сам Фрейд не решался на такое сравнение. См.: *Фрейд Ференци*, 20 марта 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«опровергнуть мою работу»: Фрейд Ранку, 26 ноября 1923. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

честолюбивое сооружение: См.: *Фрейд Ранку*, 23 июля 1924. Там же.

предлагал ему Нью-Йорк: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 17 ноября 1924. Freud – Salomé, 157 (143).

«предположительно Фрейду»: Джонс Фрейду, 29 сентября 1924. Цит. по: *Brome V.*, Ernest Jones: Freud's Alter Ego (Englished., 1982; Americaned., 1983), 147.

«анально-садистское состояние»: Абрахам Фрейду, 20 октября 1924. Freud – Abraham, 347 (373).

«и эгоистическим мотивам»: Фрейд Абрахаму, 4 марта 1924. Там же, 327 (352).

от ссор между психоаналитиками: См.: *Фрейд Абрахаму*, 31 марта 1924. Там же, 331 (355).

«так и не затянулась»: Фрейд Роберту Брейеру, 26 июня 1925. Полностью цит. по: *Hirschmüller A.*, «Balsam auf eine schmerzende Wunde» – Zwei bisher unbekannte Briefe Sigmund Freuds über sein Verhältnis zu Josef Breuer, Psyche, XLI (1987), 58.

лежа в постели: См.: *Абрахам Фрейду*, 7 июня 1925. Freud – Abraham, 355 (382).

«вскоре победит нездоровье»: Фрейд Абрахаму, 11 сентября 1925. Там же, 367 (395).

«его теорию периодов»: Абрахам «дорогим друзьям», 17 октября 1925. Karl Abraham papers, LC.

«кажутся такими необъяснимыми»: Фрейд Джонсу, 13 декабря 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«это ужасное событие»: Фрейд Джонсу, 16 декабря 1925. На английском. Там же.

сердце у Абрахама крепкое: См.: *Фрейд Джонсу*, 21 декабря 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Там же.

«она отражает истину»: Фрейд Джонсу, 30 декабря 1925. Там же.

«урон будущему психоанализа»: Karl Abraham (1926), GWXIV, 564 / Karl Abraham, SEXX, 277. Впервые опубликовано в: Internationale Zeitschriftfür Psychoanalyse, XII (1926), 1.

«возможности зарабатывать»: Фрейд Эйтингону, 19 марта 1926. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«была очень велика»: Фрейд Эйтингону, 13 апреля 1926. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«больше не с нами»: Фрейд Эйтингону, 7 июня 1926. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«я не мог далее соглашаться»: Hettmng, Symptom und Angst

(1926), GW XIV, 194 / Inhibitions, Symptoms and Anxiety, SE XX, 161.

«не такие уж подрывные»: Фрейд Андреас-Саломе, 13 мая 1926. Freud – Salomé, 178 (163).

«казалось обоснованным раньше»: Hemmung, Symptom und Angst, GW XIV, 193 / Inhibitions, Symptoms and Anxiety, SE XX, 160–161.

заглушенный голос самокритики: См.: Psychopathologie des Alltagslebens, GW IV, 112 / Psychopathology of Everyday Life, SE VI, 101.

«в прекордиальной области»: Tuke D. H., ed., A Dictionary of Psychological Medicine, vol. I, 96.

прояснил его Фрейд: См.: *Bleuler E.*, Textbook of Psychiatry (1916; 4th ed., 1923; tr. A. A. Brill, 1924), 119.

уже сделали свое дело: См.: Inhibitions, Symptoms and Anxiety, SE XX, 139.

такого метода защиты: См. там же, 195–196 / 163.

от своего аффекта: См. там же, 149–152 / 119–121.

«ко мне прислушаются»: Фрейд Абрахаму, 28 ноября 1924. Karl Abraham papers, LC.

запрещенной медицинской практике: Цитируется в длинном письме Рейка Абрахаму от 11 апреля 1925. Karl Abraham papers, LC.

продолжал принимать пациентов: См. там же.

«первым непрофессиональным учеником Фрейда»: Пфистер Фрейду, 10 сентября 1926. Freud – Pfister, 109 (104). Главным оппонентом Пфистера был Эмиль Оберхольцер, президент Швейцарского общества психоанализа до 1927 года, – его Фрейд, ставший на сторону Пфистера, называл упрямым дураком, которого лучше оставить в покое. (См.: *Фрейд Пфистеру*, 11 февраля 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) См. также отчеты Пфистера о положении психоанализа в Швейцарии, прежде всего в: *Пфистер Фрейду*, 16 февраля 1925. (Там же.)

«поглощению психоанализа медициной»: Фрейд Федерну, 27 марта 1926. Машинописная копия. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«долго обсуждали ее»: Цит. по: *Freeman E.*, Insights: Conversationswith Theodor Reik (1971), 86–87.

«и психоаналитическим исследованиям»: Цит. там же, 87. Это же Рейк вспоминал в своем длинном письме к Абрахаму от 11 апреля 1925. Karl Abraham papers, LC.

«и хорошим слогом»: Фрейд Абрахаму, 15 февраля 1914. Karl Abraham papers, LC. См. также: *Фрейд Абрахаму*, 25 марта 17 мая и

15 июля 1914. Там же.

«может помочь мое лечение»: New York Times, 25 May 1927, 6.

сокрушительным провалом: Geleitwort (1913), GWX, 450 / Introductionto Pfister's ThePsycho-Analytic Method, SEXII, 330–331.

«в учебнике психиатриш»: Die Frage der Laienanalyse. Unterredungen mit einem Unparteiischen (1926), GW XIV, 261, 282–283 / The Question of Lay Analysis: Conversations with an Impartial Person, SE XX, 229, 247–248.

«картины отдаленного будущего»: Jones III, 287, 289.

знакомить с биологией и психиатрией: См.: Lay Analysis, SEXX, 246.

с суровой действительностью: См.: Jones III, 289.

извращенного секса: См.: *Burnham J. C.*, The Influence of Psychoanalysis upon American Culture, in: American Psychoanalysis: Origins and Development, ed. Jacques M. Quen and Eric T. Carlson (1978), 61.

лекции «Философия индивидуализма»: См.: American Accused As London «Charlatan» / Bow Street Police Recommend Deportation for Homer Tyrell Lane, Psychoanalist [sic], «Individualist», New York Times, 18 March 1925, 19.

никогда туда не возвращаться: Imprisons Psychoanalyst / London Magistrate Sentences H. T. Lane of Boston, New York Times, 25 March 1925, 2. См. также: London Court Fines American Alienist / And He Must Leave Country / Letters From Women Signed 'God' and 'Devil' Read, New York Times, 15 May 1925, 22.

«чтения книг Фрейда и Юнга»: Pastor Rakes Quacks in Psychoanalysis / Many Mulcted by Fakers, Warns Rev. C. F. Potter – / Would License Teachers, New York Times, 30 March 1925, 20.

«не работал «доктор»: Джелиффе Джонсу, 10 февраля 1927. Цит. по: *Burnham J. C.*, Jelliffe: American Psychoanalyst and Physician (1983), 124.

но совершенно неубедительно: Discussion on Lay Analysis, Int. J. Psycho-Anal., VIII (1927), 221–222.

«занятие для врача»: Там же, 246.

«таких людей непрофессиональными психоаналитиками»: Там же, 274.

это дело врача: См. там же, 251.

оставлена врачу: См.: Rickman, там же, 211.

не имели диплома врача: См.: Jones III, 293.

«какого-либо вреда пациентам»: The Hungarian Psycho-Analytical Society, Discussion on Lay Analysis, Int. J. Psycho-Anal., VIII (1927), 281.

«находит свою идеологию»: Там же, 248.

«не очень навредило моим пациентам»: Nachwort to

Laienanalyse, GW XIV, 290–291 / Postscript to Lay Analysis, SE XX, 253–254.

смягчить некоторые крайние взгляды: См.: *Фрейд Джонсу*, 31 мая 1927. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«чем к психологическим»: Фрейд «дорогим друзьям», 19 октября 1927. Freud Collection, B4, LC.

«генералом без армии»: Фрейд Эйтингону, 3 апреля 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

со всей возможной серьезностью: См.: Nachwort to Laienananalyse, GWXIV, 295–296 / Postscript to Lay Analysis, SEXX, 258.

«интерес к психоанализу»: Constitution of the New York Psychoanalytic Society, adopted 28 March 1911. Цит. по: *Samuel Atkin*, The New York Psychoanalytic Society and Institute: Its Founding and Development, in: American Psychoanalysis, ed. Quen and Carlson, 73.

«в области анатомии и патологии»: Brill A. A., Fundamental Conceptions of Psychoanalysis (1921), iv.

резко отчитал его: См.: *Брилл Джелиффе*, 1 мая 1921. Цит. по: *Burnham,* Jelliffe, 118.

проходила анализ у Фрейда: См.: *Фрейд Леонарду Блумгарту*, 19 июня 1921. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute. Из письма становится ясно, что перед приездом в Вену Ньютон проходила анализ у Блумгарта.

требование разумным: См.: *Абрахам, Закс и Эйтингон «дорогим друзьям»,* 15 марта 1925. Karl Abraham papers, LC.

«эгоистическими интересами»: Фрейд Джонсу, 25 сентября 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC.

«психоаналитической терапией»: Протоколы Нью-Йоркского психоаналитического общества за 27 октября 1925. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

«своими усилиями»: Фрейд Джонсу, 27 сентября 1926. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«субъектом которых они являются»: Discussion on Lay Analysis, Int. J. Psycho-Anal, VIII (1927), 283.

«добрые отношения»: Фрейд Джонсу, 23 сентября 1927. Freud Collection, D2, LC. Цитаты, очевидно взятые прямо из письма Брилла, приводятся на английском языке.

«будущее психоанализа»: Фрейд де Соссюру, 21 февраля 1928. Freud Collection, Z3, LC.

на дилетантский анализ: См.: Jones III, 297–298.

«к нашей точке зрения»: Фрейд Джонсу, 4 августа 1929. Freud Collection, D2, LC.

«на шестнадцатую часть – психоаналитикам»: Фрейд Джонсу,

19 октября 1929. Там же.

«из повестки дня»: Ференци «дорогим друзьям», 30 ноября 1930. Freud Collection, LC.

«необыкновенно туманен»: Фрейд Абрахаму, 8 декабря 1924. Freud – Abraham, 350 (376).

«неудовлетворительным и неопределенным»: Фрейд Джонсу, 22 февраля 1928. Freud Collection, D2, LC.

«черного континента»: Laienanalyse, GW XIV, 241 / Lay Analysis, SE XX, 212. В оригинале слова «черный континент» написаны на английском языке.

«воздержаться от суждения»: Фрейд Джонсу, 22 февраля 1928. Freud Collection, D2, LC.

«Чего хочет женщина?»: Ремарка Мари Бонапарт, без даты. Цит. по: Jones II, 421.

«согласующиеся между собой сведения»: Die Weiblichkeit, in: Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933), GW XV, 145 / Femininity, in: New Introductory Lectures on Psycho-Analysis, SE XXII, 135. Датированная 1933 годом, эта работа в действительности была опубликована в декабре 1932-го.

«исключать женщин в принципе»: 13 апреля 1910. Protokolle, II, 440.

компетентнее мужчины: См.: Über die weibliche Sexualität (1931), GW XIV, 519 / Female Sexuality, SE XXI, 226–227.

еще не исполнилось десяти: Эту датировку, противоречащую заявлению Фрейда о семи– или восьмилетнем возрасте, см.: *McGrath W. J.*, Freud's Discovery of Psychoanalysis: The Politics of Hysteria (1986), 34; и *Rosenfeld E. M.*, Dreams and Vision: Some Remarks on Freud's Egyptian Bird Dream, Int. J. Psycho-Anal, XXXVII (1956) 97–105.

от собственного крика: См.: Traumdeutung, GW II–III, 589–590 / Interpretation of Dreams, SEV, 583.

и очень умна: См.: *Freud M.*, Who Was Freud? in: The Jews of Austria: Essays on Their Life, History and Destruction, ed. Josef Fraenkel (1967), 202.

«высмеивать себя»: Bernays-Heller J., Freud's Mother and Father: A Memoir, Commentary, XXI (1956), 420.

золотым сыном: Сохранилась художественная открытка (без даты), которую Амалия отправила сыну, с фотографией на фоне Альп и надписью «Моему золотому сыну» (Музей Фрейда, Лондон).

«с самого раннего детства»: Drei Abhandlungen, GWV, 129 / Three Essays, SEVII, 228.

психозом домохозяйки: См.: Dora, GW V, 178 / SE VII, 20.

вовсе не существует: «Читая эти истории болезни, я не

переставала удивляться разнице в описании Фрейдом отцов и матерей своих пациентов. Почему отец всегда становится центральной фигурой в отношении родителя и ребенка, независимо от того, мальчик это или девочка?.. Возможно, эти изображения были связаны с самоанализом Фрейда, а если конкретнее – с его тогдашней поглощенностью отношениями с отцом. Какова бы ни была причина, «эдипова мать» в ранних работах Фрейда представляет собой статическую фигуру, Иокасту, которая неосознанно идет навстречу своей судьбе, тогда как Лай снова возвращается к жизни» (*Erlich I. S*., What Happened to Jocasta? Bulletin of the Menninger Clinic, XLI [1977], 283–284).

«более поздним соперничеством»: Massenpsychologie, GW XIII, 110 n / Group Psychology, SE XVIII, 101n.

«свободные от амбивалентности»: Die Weiblichkeit, in: Neue Folge der Vorlesungen, GW XV, 143 / Femininity, in: New Introductory Lectures, SE XXII, 133. То же самое он говорил чуть раньше, когда писал, что агрессия «образует сгусток всех нежных и любовных отношений между людьми, быть может, за единственным исключением – отношением матери к своему сыну» (Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 473 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 113).

«любви к нему его матери?»: Jones II, 433.

доэдиповой стадии развития: См.: Female Sexuality, SE XXI, 235.

«не понять это положение вещей»: Die Weiblichkeit, in: Neue Folge der Vorlesungen, GW XV, 131 / Femininity, in New Introductory Lectures, SE XXII, 122–223.

желанием его смерти: Эрнест Джонс (Jones I, 7), а также Роберт Д. Столороу и Джордж И. Атвуд (A Defensive-Restitutive Function of Freud's Theory of Psychosexual Development, Psychoanalytic Review, LXV [1978], 217–238) утверждали, что на самом деле Фрейду было 11 месяцев, когда родился его брат Юлиус. В таком случае это значительно усиливает эмоциональную значимость и доказательную ценность упоминания мэтром «одиннадцати месяцев» в его статье о женственности. Конечно, Фрейд мог в это верить: Джонс не приводит никаких документальных доказательств данного утверждения, и вполне возможно, что информацию он получил от самого мэтра. Факты, однако, свидетельствуют о другом: Фрейд родился 6 мая 1856 года, а Юлиус в октябре 1857-го и умер 15 апреля 1858 года. (См.: Chronology, in: *Krüll,* Freud and His Father, 214. Эти даты Крулл цитирует по исследованиям Йозефа Зайнера.)

«не допускают дележки»: Die Weiblichkeit, in: Neue Folge der

Vorlesungen, GW XV, 131 / Femininity, in: New Introductory Lectures, SE XXII, 123.

в медицинских терминах: См.: *Фрейд Флиссу*, черновик B, вложенный в письмо от 8 февраля 1893. Freud – Fliess, 27 (39).

практически не уступает мужчине: См.: Frau Emmy von N., in: Breuer and Freud, Studies on Hysteria, SE II, 103.

сексуально пассивна: См.: *Фрейд Флиссу*, черновик K, вложенный в письмо от 1 января 1896. Freud – Fliess, 176–177 (169).

навязана обществом: См.: *Фрейд Флиссу*, черновик G, без даты [издатели датируют его 7 января 1895]. Там же, 101 (101).

предназначена роль агрессора: См.: Gradiva, SE, IX, 38.

«как это обычно делают мужчины»: Фрейд Ференци, 12 января 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«ее женственность»: Фрейд Джонсу, 23 марта 1923. На английском. Freud Collection, D2, LC.

фрейдистский анализ: Я попытался предложить такой анализ в Educationofthe Senses, V. I, The Bourgeois Experience; см. особенно главу 2, Offensive Women and Defensive Men.

духовное рабство: См.: *Weinzierl E.*, Emanzipation? Österreichische Frauen im 20. Jahrhundert (1975), 37.

немецко-патриархальными: См.: *Weber H.*, Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung. Eine Einführung (1907), 343. См. также Evans R. J., The Feminists: Women's Emancipation Movements in Europe, America and Australasia 1840–1920 (1977), 92–98.

«подчиняться мужчине»: Zweig, Die Welt von Gestem, 79, 81.

«всей душой»: Цит. по: *Mitchell J.*, Psychoanalysis and Feminism: Freud, Reich, Laing and Women (1974; paperback ed., 1975), 419.

физиологически слабоумны: Лекция Фрейда изложена в: *Klein*, Jewish Origins of the Psychoanalytic Movement, 159.

Мебиусу в печатном виде: См. «Civilized» Sexual Morality and Modern Nervous Illness, SE IX, 199.

больше всего – на сексуальность: См.: Die Zukunft einer Illusion (1927), GW XIV, 371 / The Future of an Illusion, SE XXI, 48.

«какими бывают другие собаки»: Фрейд Андреас-Саломе, 8 мая 1930. Freud – Salomé, 205 (188).

einfälliger: Фрейд Арнольду Цвейгу, 18 августа 1933. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

даже женщины: См.: 11 марта 1908. Protokolle, I, 329.

«очень немногие»: Там же, 331.

«сексуальными чувствами любого рода»: Acton W., The Functions and Disorders of the Reproductive Organs, in Childhood, Youth, Adult Age, and Advanced Life, Considered in their Physiological, Social, and Moral Relations (1857; 3d ed., 1865), 133.

«чем у мужчины»: Adler O., Die mangelhafte Ceschlechtsempfindung des Weibes. Anaesthesia sexualis feminarum. Dyspareunia. Anaphrodisia (1904), 124.

слабее, чем у мужчин: См.: Civilized' Sexual Morality and Modern Nervous Illness, SE IX, 191–192.

«вполне мужской характер»: Drei Abhandlungen, GW V, 120 / Three Essays, SE VII, 219.

«*сексуальность мальчика»:* Die Disposition zur Zwangsneurose (1913), GW VIII, 452 / The Disposition to Obsessional Neurosis, SE XII, 325.

оно активное: См.: Drei Abhandlungen, GW V, 12m / Three Essays, SE VII, 219n (примечание добавлено в 1915 году).

назвал фаллической: См.: The Infantile Genital Organization (An Interpolation into the Theory of Sexuality) (1923), SE XIX, 141–145.

«это судьба»: Der Untergang des ödipuskomplexes (1924), GW XIII, 400 / The Dissolution of the Oedipus Complex, SE XIX, 178.

потерять любовь: См. там же.

«или враждебными чувствами»: Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925), GW XIV, 29–30 / Some Psychical Consequences of the Anatomical Distinction between the Sexes, SE XIX, 257–258. Споры относительно представлений Фрейда о женской сексуальности продолжаются как в психоаналитических кругах, так и за их пределами. Главный критик Фрейда Джеймс А. Климан (сам психоаналитик) тем не менее отметил: «В идеях Фрейда о детской сексуальности, выведенных по большей части из анализа взрослых, примечательно то, что многие из них выдержали проверку временем». (См.: *Kleeman J. A.*, Freud's Views on Early Female Sexuality in the Light of Direct Child Observation, in: Female Psychology: Contemporary Psychoanalytic Views, ed. HaroldP. Blum [1977], 3.) Подробное изложение дебатов и литературу см. в библиографическом очерке для этой главы.

«в положении и ценности»: Einige psychische Folgen, GW XIV, 30 / Some Psychical Consequences, SE XIX, 258.

«океанов времени»: Там же, 20 / 249. В оригинале фраза приводится на английском языке.

«позади греческой»: Weibliche Sexualität, GW XIV, 519 / Female Sexuality, SE XXI, 226.

чем для мужчин: См. там же, 523, 529, 531–533 / 230, 235, 237–239.

«доступны пониманию»: Там же, 523 / 230.

«возникает благодаря комплексу кастрации»: Einigepsychische Folgen, GWXIV, 28 / Some Psychical Consequences, SEXIX, 256.

«образования и чтения»: Das Ich und das Es, GW XIII, 263 / The

Ego and the Id, SE XIX, 34.

«господствующей эрогенной зоны»: Die Disposition zur Zwangsneurose, GW VIII, 452 / The Disposition to Obsessional Neurosis, SE XII, 325–326.

привязанности к отцу: См.: *Horney K.*, On the Genesis of the Castration Complex in Women, in: Feminine Psychology, a collection of Horney's papers, ed. Harold Kelman (1967), 52–53. Статья была впервые опубликована в Германии в 1923 году, а затем появилась на английском языке в: Int. / Psycho-Anal., V, part 1 (1924), 50–65.

«для биологической науки»: Там же, в Feminine Psychology, ed. Kelman, 38.

мужскую психологию: См.: *Homey,* The Flight from Womanhood: The Masculinity-Complex in Women as Viewed by Men and by Women, in: Feminine Psychology, ed. Kelman, 54. Статья была опубликована в Германии в 1926 году и появилась на английском языке в: Int. J. Psycho-Anal, VII (1926), 324–339.

распространенным среди психоаналитиков: См. там же, в: Feminine Psychology, ed. Kelman, 57–58.

«*из бессознательной предвзятости мужчин»:* Там же, 62.

«она маленький мужчина»: Lampl-de Groot J., The Evolution of the Oedipus Complex in Women, in: The Development of the Mind: Psychoanalytic Papers on Clinical and Theoretical Problems (1965), 9.

«новой проработки»: Фрейд Джонсу, 23 января 1932. Freud Collection, D2, LC.

или ею становятся?: См.: *Jones E.*, Early Female Sexuality (1935), in: Papers on Psycho-Analysis (4th ed., 1938), 606, 616.

в знак благодарности автора: См.: Dedication in Jones, Papers on Psycho-Analysis.

психологическими событиями: См.: *Fenichel O.*, The Pregenital Antecedents of the Oedipus Complex (1930), Specific Forms of the Oedipus Complex (1931), и Further Light upon the Pre-oedipal Phase in Girls (1934), in: The Collected Papers of Otto Fenichel, ed. Hanna Fenicheland David Rapaport, 1st Series (1953), 181–203, 204–220, и 241–288. Фрейд упоминает первую из этих статей в своей работе «О женской сексуальности» (SEXXI, 242).

«бесконечно разнообразны»: Fenichel, Specific Forms of the Oedipus Complex, in: Collected Papers, 1st Series, 207.

«у мужчины отсутствуют»: Selbstdarstellung, GW XIV, 64n / Autobiographical Study, SE XX, 36 (примечание добавлено в 1935 году). «Мы имеем дело только с либидо, которое действует по-мужски», – писал Фрейд немецкому психоаналитику Карлу Мюллеру-Брауншвейгу 21 июля 1935 года. (Цитируется полностью оригинал на немецком языке, переведен в: *Burnham D. L.*, Freud and Female Sexuality: A Previously Unpublished Letter,

Psychiatry, XXXIV [1971], 329.)

«Правильно делает!»: См. дневник Мари Бонапарт. Цит. по: New York Times, 12 November 1985, sec. C. 3.

«лучшего, чем мудрость»: Фрейд Эмилю Флюсу, 7 февраля 1873. Selbstdarstellung, 111–112.

не приводит к решению: См.: Weibliche Sexualität, GW XIV, 523n / Female Sexuality, SE XXI, 230n.

Глава одиннадцатая. Природа человека в действии

анализировать клинические данные: См.: Postscript to Lay Analysis, SE XX, 257.

«подчинен одной-единственной цели»: Ansprache im Frankfurter Goethe-Haus (1930), GW XIV, 547 / Address Delivered in the Goethe House at Frankfurt, SE XXI, 208.

как признание: См.: *Фрейд Ференци*, 23 октября 1927. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

гранок «Я» и «Оно»: См.: *Фрейд Ференци*, 17 апреля 1923. Там же.

сто́ит не очень много: См.: *Фрейд Эйтингону*, 16 октября 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«скоро исполнится 71»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 20 марта 1927. Freud – Zweig, 10 (2).

«для меня невыносимо»: Фрейд Эйтингону, 22 марта 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«шансов для встречи»: Фрейд Джеймсу Стрейчи, 13 августа 1927. На английском. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«внутренним угасанием»: Фрейд Андреас-Саломе, 11 мая 1927. Freud – Salomé, 181 (165).

«необязательным и ленивым»: Фрейд Андреас-Саломе, 11 декабря 1927. Там же, 188 (171).

«verloren gegangen»: Рассказ Лафорга об этом эпизоде цит. по: *Clark,* Freud, 471.

«от священников»: Фрейд Пфистеру, 25 ноября 1928. Freud – Pfister, 136 (126).

«не изобрел фонарь»: Фрейд Зильберштейну, 6 августа 1873. Freud Collection, D2, LC.

«переедание опасно»: Фрейд Зильберштейну, 18 сентября 1874. Там же.

безбожным студентом-медиком: См.: *Фрейд Зильберштейну*, 8 ноября 1874. Там же.

«абсолютного неверия»: Фрейд Карлу Зингеру, 31 октября 1938.

Briefe, 469.

«личная религия»: Freud Collection, LC, не каталогизировано.

«всеобщий невроз навязчивости»: Zwangshandlungen und Religionsübungen (1907), GW VII, 138–139 / Obsessive Actions and Religious Practices, SE IX, 126–127.

разработает эту идею: См.: *Фрейд Ференци*, 20 августа 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«многие достойные аналитики»: Фрейд Пфистеру, 26 ноября 1927. Freud – Pfister, 126 (117).

«будет вам неприятно»: Фрейд Пфистеру, 16 октября 1927. Там же, 116 (109–110).

бесполезных верующих: См.: *Пфистер Фрейду*, 21 октября 1927. Там же, 117 (110).

«равно подлежат критике»: Diderot D., Fait, in: Encyclopedie (1756). Перепечатано в: Œuvres complètes, ed. Jules Assézat et Maurice Tourneux, 20 vols. (1875–1877), XV, 3.

«современной личиной»: Пфистер Фрейду, 24 ноября 1927. Freud – Pfister, 123 (115).

в один ряд с ними: См.: Die Zukunft einer Illusion, GW XIV, 358 / The Future of an Illusion, SE XXI, 35.

«в человеческом обществе»: Там же, 326–327, 328 / 6, 7.

«против их страстей»: Там же, 328–329 / 7–8.

сдерживают естественные импульсы: См.: *Фрейд Марте Бернайс*, 29 августа 1883. Briefe, 56.

«не заслуживает этого»: Die Zukunft einer Illusion, GW XIV, 333 / The Future of an Illusion, SE XXI, 12.

справиться с жизнью непросто: См. там же, 336–337 / 15–16.

несовершенства культуры: См. там же, 343 / 21.

«в силе этих желаний»: Там же, 352 / 30.

«из человеческих желаний»: Там же, 353 / 31.

только философ: См. там же, 351 / 29.

«стоящей над разумом»: Там же, 350 / 28.

«чем нравственность»: Там же, 361 / 37–38.

«народов и эпох»: Там же, 361–362 / 38.

«фундаментальных предположений»: Там же, 362 / 38.

«бесконечно малых величин»: Там же, 360 / 36.

исследовать и помогать: См.: *Фрейд Ференци*, 20 апреля 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«обещали его предшественники»: Die Zukunft einer Illusion, GW XIV, 378–379 / The Future of an Illusion, SE XXI, 54.

«нам дать не может»: Там же, 380 / 56.

и иллюзии человечества: См.: *Фрейд Роллану*, 4 марта 1923. Briefe, 359.

чем-то вроде сенсации: См.: Петрикович Фрейду, черновик

письма от 1 января 1928. Leo Baeck Institute, New York. См. также *Grubel F.*, Zeitgenosse Sigmund Freud, Jahrbuch der Psychoanalyse, XI (1979), 73–80.

«ihr gekräht»: Фрейд Петриковичу, 17 января 1928. Цит. там же, 78.

«вызвать раскол»: New York Times, 27 December 1927, 6 (датировка «Вена, 26 декабря»).

«приглушенные инсинуации»: Фрейд Эйтингону, 3 апреля 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«себе в этом отчета»: Эйтингон Фрейду, 19 июня 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«на вашей стороне»: Pfister O., Die Illusion einer Zukunft. Eine freundschaftliche Auseinandersetzung mit Prof. Dr. Sigmund Freud, Imago, XIV (1928), 149–150.

мягким ответным ударом: См.: *Фрейд «дорогим друзьям»,* 28 февраля 1928. Циркулярное письмо продиктовано Анне Фрейд. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«уважать его теологию»: Krass N., 22 января 1928, как изложено в статье Psychoanalyzing a Psychoanalyst, New York Times, 23 January 1928. Цит. по: *Clark,* Freud, 469–470.

современного мира: См., например, *Pfennigsdorf E.*, Praktische Theologie, 2 vols. (1929–1930), II, 597.

для той эпохи: Psychoanalyse und Religion, Süddeutsche Monatshefte, XXV (1928). Цит. по: *Storfer A. J.*, Einige Stimmen zu Sigm. Freuds «Zukunft einer Illusion», Imago, XIV (1928), 379.

«также и пациенты»: Clemen, Die Anwendung der Psychoanalyse auf Mythologie und Religionsgeschichte, 127–128.

о христианской вере: См.: *Abderhalden E.*, Sigmund Freuds Einstellung zur Religion, Ethik, V (1928–1929), 93.

«Или что-то еще?»: Фрейд Холлосу, 10 апреля 1928. Музей Фрейда, Лондон.

«скорых перемен»: Фрейд Виттельсу, 20 апреля 1928. Там же (полностью Виттельс цитирует письмо – в довольно нескладном переводе – в неопубликованной автобиографии, Wrestling with the Man: The Story of a Freudian, 176. Typescript, Fritz Wittels Collection, Box 2. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute).

тем сильнее огорчался: См.: *Фрейд Виттельсу*, 11 июля 1928. Процитировано в переводе в: *Wittels*, Wrestling with the Man, 176–177. Там же.

«к кому-нибудь другому»: Фрейд Джонсу, 1 июля 1928. Freud Collection, D2, LC.

был в недоумении: См. изложение заметок Пихлера за 8 мая

1928 года в: Jones III, 141.

стала критической: См.: *Фрейд Джонсу*, 1 июля 1928. Freud Collection, D2, LC.

«раздражение и покраснение»: Пихлер, заметки за 16 апреля 1928. Цит. по: Extract of Case History, Jones III, 479.

«толстый и большой»: Пихлер, заметки за 24 апреля 1928. Там же.

сильно мешал языку: См.: Пихлер, заметки за 7 мая 1928. Там же.

«протезных страданий»: Фрейд Андреас-Саломе, 9 мая 1928. Freud – Salomé, 191 (174).

«Итак: осторожность!»: Фрейд Джонсу, 1 июля 1928. Freud Collection, D2, LC.

самым лучшим рукам: См.: *Фрейд Александру Фрейду*, 28 сентября 1928. Там же, Bi, LC.

районе города: См.: *Фрейд Александру Фрейду*, 24 сентября 1928. Там же. См. также *Фрейд Александру Фрейду*, 4 сентября 1928. Там же.

«интересам высшего порядка»: Фрейд Андреас-Саломе, без даты [вскоре после 10 июля 1931]. Freud – Salomé, 212 (194).

«и поэтому я молчал»: Фрейд Андреас-Саломе, 9 мая 1929. Там же, 196 (179).

явно постаревшим: Эти кадры вошли в серию фильмов Sigmund Freud, His Family and Colleagues, 1928–1947, ed. Lynne Weiner. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

поискать их: См.: *Фрейд Иде Флисс*, 17 декабря 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«от последующего использования»: Фрейд Иде Флисс, 30 декабря 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

от Волка и всей семьи: См.: *Фрейд Анне Фрейд* (телеграмма), 12 апреля 1927. Freud Collection, LC.

ничем не омраченной дружбы: См.: *Анна Фрейд Фрейду*, без даты [весна 1927]. Там же.

несчастной и наивной: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 11 мая 1927. Freud Collection, B3, LC.

«много радости»: Фрейд Эйтингону, 22 июня 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

подружился с ней: См.: *Брандес Фрейду*, 11 и 26 июня 1928. Музей Фрейда, Лондон.

тихо сидела в ногах кушетки: См.: *Wortis J.*, Fragments of an Analysis with Freud (1954), 23.

пошли Анне на пользу: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 11 мая 1927. Freud Collection, B3, LC.

«без отца?»: Фрейд Андреас-Саломе, 11 декабря 1927. Там же.

отозвался о ней основатель психоанализа: См.: *Фрейд Ференци*, 23 октября 1927. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

стать пациенткой Фрейда: См.: *Лафорг Фрейду*, 9 апреля 1925. Из переписки Фрейда с Лафоргом, перевод на французский язык, Pierre Cotet and ed. André Bourguignon et al., Memorial, Nouvelle Revue de Psychanalyse, XV (апреля 1977), 260. Некоторые из использованных цитат также были опубликованы в: *Bertin C.*, Marie Bonaparte: A Life (1982), 145–150.

«что и другие»: Фрейд Лафоргу, 14 апреля 1925. Memorial, 260–261.

по два часа в день: См.: *Лафорг Фрейду*, 1 мая 1925. Там же, 261.

«я видела Фрейда»: Цит. по: *Bertin*, Marie Bonaparte, 150.

«наполовину мужского типа»: Фрейд Эйтингону, 30 октября 1925. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«своим пребыванием здесь»: Фрейд Лафоргу, 15 ноября 1925. Memorial, 275.

от семи до девяти лет: См. пять тетрадей, сшитых в обложку из черного ледерина, с записями, датированными периодом с 22 ноября 1889 до 21 июля 1891 года. На английском, французском и немецком языках. Музей Фрейда, Лондон.

не удалось разгадать: См. заметки Мари Бонапарт к предполагаемой биографии Фрейда, «сообщено мне Фрейдом в апреле 1928 года». На французском языке. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

в начале июля 1929 года: Цит. по: *Андреас-Саломе Фрейду*, 14 июля 1929. Freud – Salomé, 198 (181).

«приятно провел время»: Фрейд Андреас-Саломе, 28 июля 1929. Там же, 198 (181).

«заново открыл прописные истины»: Там же.

«аналитическое исследование»: Фрейд Джонсу, 26 января 1930. Freud Collection, D2, LC.

и типографскую краску: См.: Civilization and Its Discontents, SE XXI, 117.

далась ему нелегко: См.: *Фрейд Эйтингону*, 8 июля 1929. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. См.: Editor's Introduction to Civilization and Its Discontents, SE XXI, 59–60.

в определенные каналы: См.: Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 421–422 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 64.

«к ним нечувствительными»: Там же, 432 / 75.

«неразрешимых проблем»: Там же.

«не предусматривал»: Там же, 438n, 434 / 80n, 76.

«не чувствуем себя хорошо»: Там же, 445–447 / 87–89.

бог на протезах: См. там же, 451 / 91–92.

Homo homini lupus est: Там же, 471 / 111. Впервые это выражение встречается у древнеримского комедиографа Плавта в произведении «Ослы».

«сцене всемирной истории»: Nachschrift 1935, Selbstdarstellung, GW XVI, 32–33 / Postscript, Autobiographical Study, SE XX, 72.

отвергла большевизм: См.: *Фрейд Ференци*, 17 ноября 1918. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

при современных проблемах: См.: Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 504 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 143.

«ощутимыми ограничениями»: Там же, 462 / 103.

«агрессивной наклонности»: Там же, 469–470 / 110–111.

ошибочной идеализацией человеческой природы: См. там же, 504 / 143.

«при этом себя чувствуют»: Там же, 473 / 113–114.

нарциссизмом небольших различий: См. там же, 474 / 114. Как указано в примечании к тексту Фрейда (см. там же, 475n / 114n), он придумал этот термин несколько раньше и использовал в 1918 году в статье «Табу девственности», а также в работе «Психология масс и анализ «Я» (1921).

«истреблены буржуа»: Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 474 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 114–115.

«колыбельной песней о небесах!»: Там же, 474, 481 / 115, 122.

культурное «Сверх-Я»: См. там же, 502–506 / 141–144.

«их тревожного настроения»: Там же, 506 / 145.

«Плохо с сердцем»: Kürzeste Chronik, 11 и 14 ноября, 7–10 декабря, 1929. Музей Фрейда, Лондон.

«Не прошел на Нобелевскую премию»: 7 ноября и 31 октября 1929. Там же.

распродано в течение года: См.: Jones III, 148.

к необоснованному обобщению: См.: *Джонс Фрейду*, 1 января 1930. Машинописная копия, Freud Collection, D2, LC.

«к нему дорогу»: Фрейд Джонсу, 26 января 1930. Там же.

ослабление жизненной силы: См.: *Пфистер Фрейду*, 4 февраля 1930. Freud – Pfister, 142 (131).

«счастливее меня»: Фрейд Пфистеру, 7 февраля 1930. Музей Фрейда, Лондон.

«предвидеть ее результат и исход?»: Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 506 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 145.

«за своих семерых внуков»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 7 декабря 1930. Freud – Zweig, 37 (25).

саморазрушающего поведения: См.: *Brownell W. and Billings R. N.*, So Close to Greatness: A Biography of William C. Bullitt (1987), 123.

его разум опустошен: См.: *Bullitt W.*, Foreword to Freud and Bullitt, Thomas Woodrow Wilson: A Psychological Study (1967; paperback ed., 1968), v – vi.

«все эти обещания»: Jones III, 16–17.

которым излишне доверяли: См.: Massenpsychologie, GW XIII, 103 / Group Psychology, SE XVIII, 95.

питать отвращение: См.: *Фрейд Уильяму Байярду Хейлу*, 15 января 1922. На английском. William Bayard Hale papers, box 1, folder 12. Y – MA.

«сдержанности с моей стороны»: Фрейд Хейлу, 3 января 1922. На английском. Там же.

как психоаналитическое исследование: См.: *Фрейд Хейлу*, 15 января 1922. На английском. Там же.

конечно, не является: Когда Эрнест Джонс писал рецензию на книгу, он похвалил ее как замечательное и оригинальное исследование, но согласился с Фрейдом, что это не психоанализ. (См.: Int. J. Psycho-Anal., III [1922], 385–386.)

«он ее несет»: Фрейд Хейлу, 15 января 1922. На английском. William Bayard Hale papers, box 1, folder 12. Y – MA.

ныне здравствующей публичной фигуры: См.: *Фрейд Хейлу*, 20 января 1922. На английском. Там же.

уже несколько лет: Bullitt, Foreword to Thomas Woodrow Wilson, v.

«поеду в Москву»: Буллит Хаусу, 29 июля 1930. Colonel E. M. House papers, series I, box 21. Y – MA.

«принесет пользу миру»: Хаус Буллиту, 31 июля 1930. Там же.

при изучении личности Вильсона: Буллит Хаусу, 4 августа 1930. Там же.

прийти в форму: См.: *Буллит Хаусу*, 3 сентября 1930. Там же.

начать работу: См.: *Буллит Хаусу*, 20 сентября 1930. Там же.

была высокая температура: См.: Kürzeste Chronik, 17 октября 1930. Музей Фрейда, Лондон.

«приступаем к работе»: Буллит Хаусу, 26 октября 1930. Colonel E. M. House papers, series I, box 21. Y – MA.

опасного состояния здоровья Ф.: См. там же.

«Работа началась»: Kürzeste Chronik, 29 октября 1930. Музей Фрейда, Лондон.

к середине декабря: См.: *Буллит Хаусу*, 23 ноября 1930. Colonel E. M. House papers, series I, box 21. Y – MA.

«не догадаетесь, что это»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 7 декабря 1930. Freud – Zweig, 37 (25).

«увлекательная задача»: Буллит Хаусу, 17 августа 1931. Colonel E. M. House papers, series I, box 21. Y-MA.

«в пропасть стагнации и голода»: Буллит Хаусу, 13 декабря

1931. Там же.

«не терпится ее увидеть»: Хаус Буллиту, 28 декабря 1931. Там же.

«думать о политике»: Буллит Хаусу, 29 апреля 1932. Там же.

предстать перед публикой: См.: *Фрейд Эйтингону*, 20 ноября 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

и ничем большим: См.: *Freud and Bullitt,* Thomas Woodrow Wilson, 59–60.

«хоть на малейшую мужественность»: Там же, 69.

«такого отождествления с отцом»: Там же, 86.

в случае Томми Вильсона: См. там же, 83.

«спасителем человечества»: Там же, 228.

«на многих людей»: Там же, 338.

до неузнаваемости: Согласно записке Алека Бартоломью, редактора из издательства Houghton Mifflin, которое выпустило это психологическое исследование, Анна Фрейд заявила: «… опубликованная книга стала чем-то вроде пародии с бессмысленно повторяющимися фразами, такими как «пассивность к своему отцу» и «отождествление с Иисусом Христом». Повторение психоаналитической формулы превращается в заклинание». (Цит. по: *Brownell and Billings,* So Close to Greatness, 349.) В августе 1965 года, перечитав работу, она выразилась не менее решительно: «Интерпретация Б [уллитом] данных ему аналитических толкований является невозможной, детской и неуклюжей, почти нелепой» (*Анна Фрейд Шуру*, 10 августа 1965. Max Schur papers, LC).

«пациент (и соавтор)»: Фрейд Эйтингону, 25 июля 1931. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

личных осложнений: См.: *Фрейд Полу Хиллу*, 16 ноября 1934. Paul Hill Collection, Hoover Institution Archives, Stanford University. (Этой ссылкой я обязан Джульетте Джордж.)

чистых сердцем: См.: *Hofstadter R.*, The American Political Tradition and the Men Who Made It (1948), 248.

«также не прибавилось»: Freud, Introduction to Thomas Woodrow Wilson, xiii – xiv.

к его 70-летию: См.: Jones III, 124.

отсрочили финансовый кризис: См. там же, 144.

не хотел пережить его: См.: *Фрейд Пфистеру*, Пасха 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

стала бы катастрофой: См.: *Фрейд Джонсу*, 12 сентября 1932. Freud Collection, D2, LC.

«финансового восстановления»: Фрейд Эйтингону, 15 ноября 1931. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

в счет американского гонорара: См.: Kürzeste Chronik, 18

января 1932. Музей Фрейда, Лондон. В письме к Эйтингону основатель психоанализа ошибочно использовал знак доллара, когда сообщал эту новость. Это была явная описка, поскольку мэтр тут же спрашивал Эйтингона: «Сколько это в долларах?» (*Фрейд Эйтингону*, 19 января 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.)

где властвует доллар: См.: *Фрейд Флиссу*, 11 марта 1902. Freud – Fliess, 503 (457).

«не начнут подавать надежды»: *Фрейд Ференци*, 20 апреля 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

антирай: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 5 марта 1939. Freud – Zweig, 186 (178).

«гигантская ошибка»: Jones, Free Associations, 191.

а не расходы: См.: *Фрейд Ференци*, 10 января 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«ни на что не годны»: Фрейд Джонсу, 25 сентября 1924. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«только как источник денег»: Фрейд Джонсу, 21 декабря 1925. Продиктовано Анне Фрейд. Там же.

как белая рубашка ворону: См.: *Фрейд Ранку*, 23 мая 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

«они значительно нас опередили!»: Фрейд Пфистеру, 11 марта 1913. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«опасная разновидность людей»: Freud to «Miss Downey», 1 марта 1922. Freud Collection (to be placed in series B), LC.

два жулика: См.: *Фрейд Ранку*, 6 августа 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

богатенького дядюшки: См.: *Фрейд Ференци*, 30 марта 1922. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

вопросов техники: См.: *Фрейд Эйтингону*, 11 ноября 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

находчивым и умным человеком: См.: *Пфистер Фрейду*, 21 июля 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«которых открыл Колумб»: Фрейд Абрахаму, 24 августа 1912. Karl Abrham papers, LC.

не слишком достойным: См.: *Фрейд Пфистеру*, 29 июля 1921. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«его разум и сердце?»: Фрейд Джонсу, 9 декабря 1921. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«нужно порвать»: Фрейд Джонсу, 18 марта 1921. На английском. Там же.

«к своим женщинам»: Фрейд Блумгарту, 28 ноября 1922. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

«от американского журналиста»: Фрейд Лерману, 27 января 1930. Там же.

разве бывают не процветающие американцы?: См.: *Фрейд Лерману*, 5 октября 1930. Там же.

«психоанализа в психиатрию»: Фрейд Джонсу, 25 сентября 1924. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«популярного источника»: Фрейд Джонсу, 4 января 1929. Там же. В немного отличающемся переводе Джонса см. в: Jones III, 143.

говорил то, что думал: См.: Introduction to the Special Psychopathology Number of The Medical Review of Reviews (1930), SE XXI, 254–255. В оригинале Фрейда выделенные курсивом слова написаны по-английски.

на стороне либидо: См.: *Фрейд Джонсу*, 26 декабря 1912. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«ничего не добиваются»: Фрейд Радо, 30 сентября 1925. Там же, B9, LC.

«количество заменит качество»: Фрейд Фрэнквуду Уильямсу, 22 декабря 1929. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон.

являлась реальной: См.: Jones II, 59–60.

«дорого обошлась»: Фрейд Ференци, 21 ноября 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

в Нью-Йорке: См.: *Фрейд Джонсу*, 10 марта 1910. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«десять лет назад, в Америке»: Фрейд Ференци, 20 апреля 1919. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«чтобы есть»: Цит. по: *Шур Джонсу*, 30 сентября 1955. Max Schur papers, LC.

«готовы делать мы?»: Фрейд Джонсу, 12 апреля 1921. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«анальный Adlerei»: Фрейд Ранку, 23 мая 1924. Rank Collection, Box lb. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.

жизнь американцев суматошна: См.: Die endliche und die unendliche Analyse, GW XVI, 60 / Analysis Terminable and Interminable, SE XXIII, 216.

«он американизировался»: Фрейд Джонсу, 8 марта 1920. На английском. Freud Collection, D2, LC.

«Долларию»: Фрейд Пфистеру, 20 августа 1930. Freud – Pfister, 147 (135).

«купить себе аналитика»: Лафорг Фрейду, 8 июля 1927. Memorial, 288.

«более глубокий аспект игнорируется»: Warns of Danger in American Life / Dr. Ferenczi of Budapest Sees Need for Psychoanalysis to Treat Neurotics / Sails after Lecture Tour / Associate of Dr. Freud

Trained Psychoanalysts Here to Carry on His Work, New York Times, 5 June 1927, sec. 2, 4.

«о приданом будущего мужа»: Stendhal, De l'amour (1822), ed. Henri Martineau (1938), 276.

как их скопить: См.: *Stendhal*, Lucien Leuwen (posthumously published), ed. Anne-Marie Meininger, 2 vols. (1982), I, 113.

«переплавлены в доллары»: Dickens Ch., The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit (1843), ch. 16.

«доллары-доллары-доллары»: Burne-Jones Ph., Dollars and Democracy (1904), 74. (Этой ссылкой я обязан К. Ванну Вудварду.)

ханжества нового континента: См.: *Фрейд Ференци*, 17 января 1909. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

нет времени на либидо: См.: *Фрейд Юнгу*, 17 октября 1909. Freud – Jung, 282 (256).

американского целомудрия: См.: *Фрейд Джонсу*, 21 сентября 1913. На английском. Freud Collection, D2, LC.

ханжеской: См.: *Фрейд доктору Сэмюелю А. Танненбауму*, 19 апреля 1914. Там же, B4, LC.

добродетельной: См.: *Фрейд Джонсу*, 11 мая 1920. На английском. Там же, D2, LC.

существуют в Соединенных Штатах: См.: *Фрейд Патнему*, 8 июля 1915. James Jackson Putnam: Letters, 376.

«работать за доллар»: Фрейд Пфистеру, 3 ноября 1921. Freud – Pfister, 86 (83).

«в отношении Америки непобедима»: Фрейд Эйтингону, 21 июля 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

внешних почестях: См. официальное письмо о присуждении премии Гёте, подписанное Ландманом, мэром Франкфурта. Машинописная копия, Freud Collection, B13, LC. См. также письмо от доктора Альфонса Паке, секретаря попечительского совета премии Фрейду от 26 июля 1930 года, информировавшее его о премии (GW XIV, 545–546n).

«на Нобелевскую премию»: Kürzeste Chronik, 6 ноября 1930. Музей Фрейда, Лондон.

хотя и крещеным: См.: *Фрейд Эйтингону*, 26 августа 1930. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

любимого Гёте: См.: Jones III, 151.

«слушать ее, чем меня»: Фрейд Паке, 3 августа 1930. GW XIV, 546 / SE XXI, 207.

симпатию к психоанализу: См.: *Фрейд Джонсу*, 30 августа 1930. Freud Collection, D2, LC.

«сопротивление не усилится»: Там же.

«покончить со мной»: Фрейд Джонсу, 15 сентября 1930. Там же.

«присуждением мне премии»: Фрейд Андреас-Саломе, 22 октября 1930. Freud – Salomé, 207 (190).

непереносимость сигар: См.: *Фрейд Джонсу*, 12 мая 1930. Freud Collection, D2, LC.

«единственную сигару в день»: Фрейд Джонсу, 19 мая 1930. Там же.

очень старый Фрейд: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 8 мая 1930. Freud – Salomé, 205 (187–188).

с дипломом премии Гёте: См.: Kürzeste Chronik, 24 августа 1930. Музей Фрейда, Лондон.

трудно описать: См.: *Фрейд Эйтингону*, 1 декабря 1929. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. См. также: *Фрейд Абрахаму*, 29 мая 1918. Freud – Abraham, 259 (275). См.: *Schur*, Freud, Living and Dying, 314–315, 423–424.

не присутствовал: См.: *Фрейд Джонсу*, 15 сентября 1930. Freud Collection, D2, LC. Фраза «нет нужды говорить» написана на английском языке.

не любит церемоний: См.: *Фрейд Александру Фрейду*, 10 сентября 1930. Там же, B1, LC.

«едва ли можно переоценить»: Фрейд Джонсу, 15 сентября 1930. Там же, D2, LC.

Иван Петрович Павлов: См.: *Форсайт Фрейду*, 7 января 1931. Музей Фрейда, Лондон.

«ни один немец»: Фрейд Эйтингону, 18 января 1931. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe См. также *Фрейд Джонсу*, 12 февраля 1931. Freud Collection, D2, LC.

«последние 8 лет»: Фрейд Джонсу, 2 июня 1931. Там же.

«остатки реальности»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 10 мая 1931. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

семьдесят пятого дня рождения: См.: Kürzeste Chronik, 5 мая 1931. Музей Фрейда, Лондон.

как потоп: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 9 мая 1931. Freud – Salomé, 210 (193).

«и науку, и саму жизнь»: Цит. по: Jones III, 158.

между верой и неверием: См.: *Эйнштейн Фрейду*, 29 апреля 1931. Freud Collection, B3, LC.

«для всего еврейства»: Доктор. М. Бернхард, президент клуба Герцля, и доктор Вильгельм Штайн, секретарь, Фрейду, 5 мая 1931. Музей Фрейда, Лондон.

самые теплые поздравления: Все в Музее Фрейда, Лондон.

холодным благодарственным письмом: См.: Jones III, 155.

ближе, чем верующие: См.: *Фейхтванг Фрейду*, 7 апреля 1931. Музей Фрейда, Лондон.

Фрайберге, Моравия: См. отпечатанное приглашение на

праздник в Пршиборе 25 октября 1931 года. Там же.

«воздуха тех мест»: Фрейд мэру Пршибора, 25 октября 1931. Машинописная копия, Freud Collection, B3, LC / Letter to the Burgomaster of Přibor, SE XXI, 259.

около двух минут: См.: Jones III, 157.

предприняли до войны: См.: *Ференци Фрейду*, 15 мая 1922. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

в 1915 году: См.: *Ференци Фрейду*, 14 октября 1915. Там же.

делать из него идола: См., например, *Фрейд Ференци*, 8 апреля 1915. Там же.

источником энергии мэтра: См.: *Ференци Фрейду*, 20 марта 1922. Там же.

«что это неправда»: Фрейд Ференци, 30 марта 1922. Там же.

«вы для меня были»: Ференци Фрейду, 3 сентября 1923. Там же.

сверхчеловеком психоанализа: См.: *Фрейд Ференци*, 6 октября 1910. Там же.

только вопросительные знаки: См.: *Фрейд Ференци*, 28 июня 1909. Там же.

«еще реже»: Фрейд Ференци, 21 июля 1922. Там же.

«все против вас»: Эйтингон Фрейду, 30 июня 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«в сильной тревоге»: Эйтингон Фрейду, 10 августа 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«до Рождества»: Фрейд Ференци, 18 декабря 1927 (открытка). Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«*переписка оживилась»: Фрейд Эйтингону*, 8 августа 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«не совсем понимаю»: Эйтингон Фрейду, 26 августа 1927. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

внутренней неудовлетворенности: См.: *Фрейд Ференци*, 18 сентября 1931. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«сказать ничего плохого»: Ференци Фрейду, 6 февраля 1925. Там же.

страх преждевременно состариться: См.: *Ференци Фрейду*, 14 февраля 1930. Там же.

«изолирует себя»: Фрейд Эйтингону, 3 ноября 1930. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

не дала определенных результатов: См.: *Ференци Фрейду*, 15 сентября 1931. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«вашу независимость»: Фрейд Ференци, 18 сентября 1931. Там же.

«в Баден-Баден»: Ференци Фрейду, 17 августа 1922. Там же.

долг он исполнил: См.: *Фрейд Ференци*, 13 декабря 1931. Там же.

и научному согласию: См.: *Ференци Фрейду*, 27 декабря 1931. Там же.

и искренности психоаналитика: См.: 7 января 1932, Klinisches Tagebuch. Машинопись, с несколькими рукописными страницами, Freud Collection, B22, LC, каталогизирован как Scientific Diary.

«сильную эмпатию»: 17 марта 1932. Там же.

отсутствием аффекта: См.: 7 января 1932. Там же.

скрывать от пациентов: См.: 20 марта 1932. Там же.

подробности своего прошлого: См.: 7 января 1932. Там же.

«их самооценку»: 20 марта 1932. Там же.

«и значит, разумной»: 14 февраля 1932. Там же.

«через понимание»: 28 июня 1932. Там же.

будут обузданы: См. там же.

к так называемому метафизическому: См.: *Ференци Георгу и Эмми Гроддек*, 3 марта 1932. *Ferenczi S.*, *Groddeck G.*, Briefwechsel 1921–1933, ed. Willi Köhler (1986), 85.

«так презираю американцев?»: 4 августа 1932, Klinisches Tagebuch. Freud Collection, B22, LC.

отцеубийства: См. там же.

фантазиями о «наследном принце»: См. там же.

«кастрирует сына»: Там же.

«в отношении детей»: 5 апреля и 26 июля 1932. Там же.

«как помощник»: 4 августа 1932. Там же.

причины неврозов: См.: 7 июля 1932. Там же.

«со своими ученицами»: Фрейд Эйтингону, 18 апреля 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«я еще здесь»: Фрейд Джонсу, 12 сентября 1932. Freud Collection, D2, LC.

по пути Ранка: См.: *Фрейд Эйтингону*, 24 августа 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

будет трудно: См.: *Фрейд Ференци*, 12 мая 1932. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

может не получиться: См.: *Ференци Фрейду*, 19 мая 1932. Там же.

абсолютно нечестно: См.: *Ференци Фрейду*, 21 августа 1932. Там же.

как поступить: См.: *Фрейд Ференци*, 24 августа 1932. Там же.

уже три года: См.: *Фрейд Джонсу*, 12 сентября 1932. Freud Collection, D2, LC.

«Впечатление неприятное»: Эйтингон Фрейду (telegram), 2 сентября 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«собственные ошибки»: Фрейд Анне Фрейд, 3 сентября 1932.

Freud Collection, LC.

«гораздо печальнее»: Там же. В письме слова Брилла, «Он неискренен», приводятся на английском языке. Примечательно, что рассказ Эрнеста Джонса об этой встрече в точности соответствует письму (См.: Jones III, 172–173).

В конце августа: См.: *Фрейд Эйтингону*, 24 августа 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«судить о нем сама»: Фрейд Анне Фрейд, 3 сентября 1932. Freud Collection, LC. Последнее предложение опровергает измышления Джеффри Муссаеффа Мэссона, что Фрейд отверг идеи Ференци, не читая, в письме Эйтингону от 29 августа, за день до того, как Ференци прочел свой доклад мэтру в Вене. (См.: *Masson,* The Assault on Truth, 170–171.) Очевидно, Фрейд, как и его дочь, уже был подробно осведомлен о последних идеях Ференци.

«как о больном ребенке»: Фрейд Джонсу, 12 сентября 1932. Freud Collection, D2, LC.

злокачественную анемию: См.: *Фрейд Эйтингону*, 20 октября 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

переписка угасла: См.: *Spector*, The Aesthetics of Freu, 149–155.

психологической катастрофой: См.: *Фрейд Ференци*, 11 января 1933. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

вроде нервного срыва: См.: *Ференци Фрейду*, 27 марта 1933. Там же.

может подождать: См.: *Фрейд Ференци*, 2 апреля 1933. Там же.

пошел на поправку: См.: *Фрейд Эйтингону*, 3 апреля 1933. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«останется нашей тайной»: Фрейд Джонсу, 29 мая 1933. Freud Collection, D2, LC.

«частью психиатрии»: Фрейд Джонсу, 23 августа 1933. Там же.

hat Humor: См.: *Busch W.*, Es sitzt ein Vogel auf dem Leim, in: Kritik des Herzens (1874), Wilhelm Busch Gesamtausgabe, ed. Friedrich Bohne, 4 vols. (1959), II, 495.

Глава двенадцатая. Умереть на свободе

«охвачен пламенем»: Фрейд Джонсу, 26 апреля 1932. Freud Collection, D2, LC.

над «Новым циклом лекций по введению в психоанализ»: См.: *Фрейд Джонсу*, 17 июня 1932. Там же.

«Это свинство»: Фрейд Ференци, 16 июля 1927. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

положение в Вене плохое: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 3

августа 1927. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«особенно печальное»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 31 декабря 1930. На английском. Там же.

«к еще худшему»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 1 декабря 1931. На английском. Там же.

«которые я им даю»: Там же.

«Он крепче, чем мы»: Фрейд Пфистеру, 15 мая 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

нацистско-нарциссической регрессией: См.: *Хольштейн Карлу Ландауэру*, сентябрь 1933. Цит. по: Karen Brecht et al., eds., Hier geht das Leben auf eine sehr merkwürdige Weise weiter… Zur Geschichteder Psychoanalyse in Deutschland (1985), 57.

стала невозможной: См.: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 31 июля 1933. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«впоследствии сжигают и людей»: Karl Dietrich Bracher, The German Dictatorship: The Origins, Structure, and Effects of National Socialism (1969; tr. Jean Steinberg, 1970), 258.

«безумные времена!»: Фрейд Андреас-Саломе, 14 мая 1933. Freud – Salomé, 218 (200).

«и даже разоряет библиотеки»: Пфистер Фрейду, 24 мая 1933. Freud – Pftster, 151 (139).

«сожжением моих книг»: Цит. по: Jones III, 182.

«непосредственной угрозы жизни»: См.: *Фрейд Ференци*, 2 апреля 1933. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«никогда этого не позволят»: Фрейд Джонсу, 7 апреля 1933. Freud Collection, D2, LC.

ведьминого котла: См.: *Фрейд Джонсу*, 23 июля 1933. Там же.

«не так уж плохо»: Фрейд Сэмюелю Фрейду, 31 июля 1933. На английском. Rylands University Library, Manchester.

«заставят меня покинуть Вену»: Фрейд Хильде Дулитл, 27 октября 1933. На английском. Hilda Doolittle papers, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University.

«славится особым негостеприимством»: Фрейд Пфистеру, 27 февраля 1934. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«очень неприятна»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 25 февраля 1934. Freud – Zweig, 76 (65).

«как при землетрясении»: Фрейд Хильде Дулитл, 5 марта 1934. На английском. Полностью цитируется в: Appendix to H.D., Tribute to Freud, 192.

«ни одной из противоборствующих сторон»: Там же.

«придется уехать»: Фрейд Эрнсту Фрейду, 20 февраля 1934. Freud Collection, B1, LC.

«Чума на оба ваших дома!»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 25

февраля 1934. Freud – Zweig, 77 (65). Цитата из Шекспира приводится на английском языке.

не важно куда: См. там же, 76–77 (65).

записи в его Chronik: См.: Kürzeste Chronik, 5 июня 1933. Музей Фрейда, Лондон.

«представляется катастрофическим»: Фрейд Хильде Дулитл, 5 марта 1934. На английском. Полностью цитируется в: Appendix to H.D., Tribute to Freud, 192.

«Я еще голоден!»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 15 июля 1934. Freud – Zweig, 96–97 (86).

«Но в 78 лет не создает нового»: Фрейд Андреас-Саломе, без даты [16 мая 1934]. Freud – Salomé, 220 (202).

«но и бессмысленно»: Фрейд Бнай-Брит, без даты [6 мая 1926]. Briefe, 381.

«из Австрийской Галиции»: Фрейд Фехлю, 12 ноября 1935. Машинописная копия, Freud Collection, B2, LC.

насладившись запрещенной сигарой: См.: *Фрейд Флиссу*, 8 ноября 1895. Freud – Fliess, 153 (150).

«нельзя дать отечества»: Traumdeutung, GW II–III, 444 / Interpretation of Dreams, SE V, 442.

«своего иудаизма»: Фрейд Мари Бонапарт, 10 мая 1926. Briefe, 383.

в 1929 году: См.: *Фрейд Исааку Ландману*, 1 августа 1929. Машинописная копия, Freud Collection, B3, LC.

«в эмоциональном отношении»: Фрейд Шницлеру, 24 мая 1926. Sigmund Freud, Briefe an Arthur Schnitzler, Neue Rundschau, LXVI (1955), 100.

к своему народу: См.: Vorrede zur hebräischen Ausgabe von Totem und Tabu (написано в 1930, опубликовано в 1934), GW XIV, 569 / Preface to the Hebrew Edition of Totem and Taboo, SE XIII, xv.

«нечестивым евреем»: Цит. по: A Religious Experience (1928), SE XXI, 170. В оригинале Фрейда эти слова написаны на английском языке.

древнееврейский язык и литературу: См.: Brief an den Herausgeber der Jüdischen Presszentrale Zurich (1925), GW XIV, 556 / Letter to the Editor of the Jewish Press Centre in Zurich, SE XIX, 291.

что связано с иудаизмом: См.: *Фрейд Двосису*, 15 декабря 1930. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон.

перевод просто превосходен: См.: *Фрейд Двосису*, 20 сентября 1928. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон. В 1930 году он упоминал о том, что не знает древнееврейский, в предисловии к переводу Двосиса его работы «Тотем и табу», а в 1938-м повторил свое признание: «К сожалению, я не читаю на

древнееврейском». (*Фрейд Двосису*, 11 сентября 1938. Музей Фрейда, Лондон.)

«и сестры тоже»: Freud M., Who Was Freud? in: The Jews of Austria, ed. Fraenkel, 203.

нужным вмешиваться: См.: *Эрнст Фрейд Зигфриду Бернфельду*, 20 декабря 1920. Siegfried Bernfeld papers, container 17, LC. См. также: *Avner Falk*. Freud and Herzl, Contemporary Psychoanalysis, XIV (1978), 378.

действия того, кто стоял слева: См.: *Freud M.*, Who Was Freud? in: The Jews of Austria, ed. Fraenkel, 203–204.

«устройства ума»: Фрейд Бнай-Брит, без даты [6 мая 1926]. Briefe, 381.

«к действительности»: Фрейд Ференци, 30 марта 1922. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.

«и понимать ее»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 8 мая 1932. Freud – Zweig, 51–52 (40).

«научному пониманию»: Vorrede zur hebräischen Ausgabe, GW XIV, 569 / Preface to the Hebrew Edition, SE XIII, xv.

«абсолютного безбожника еврея?»: Фрейд Пфистеру, 9 октября 1918. Freud – Pfister, 64 (63).

«лучшего христианина»: Пфистер Фрейду, 29 октября 1918. Там же, 64 (63).

«независимости суждений»: Selbstdarstellung, GW XIV, 35 / Autobiographical Study, SE XX, 9.

свое происхождение: См. The Resistances to Psycho-Analysis (1925), SE XIX, 222.

«мнению единого большинства»: Фрейд Бнай-Брит, без даты [6 мая 1926]. Briefe, 381–382.

«почти таким же сильным»: Jones, Free Associations, 208–209.

«великий момент в истории»: Фрейд Марте Бернайс, 2 февраля 1886. Briefe, 208–209.

всю жизнь: См.: *Фрейд Андреас-Саломе*, 6 января 1935. Freud – Salomé, 224 (205).

ее издалека: См.: *Фрейд Юнгу*, 17 января 1909. Freud – Jung, 218 (196–197).

«И определенно был прав»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 18 августа 1933. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

о ее содержании: Цит. по: *Андреас-Саломе Фрейду*, 2 января 1935. Freud – Salomé, 221 (203).

«исторического романа»: Фрейд Андреас-Саломе, 6 января 1935. Там же, 222–223 (204).

явно недостаточно: См.: *Фрейд Эйтингону*, 13 ноября 1934. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

объявить психоанализ вне закона: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*,

30 сентября 1934. Freud – Zweig, 102 (91–92).

«что Моисей существовал?»: Voltaire, Moses, in: Philosophical Dictionary (1764; tr. Peter Gay, 1962), 2 vols, continuously paginated, II, 400n.

чем реальный персонаж: См.: *Buber M,* Moses: The Revelation and the Covenant (1946; paper-back ed. 1958), 7.

культ бога Атона: Карл Абрахам уже упоминал об этом фараоне и его религиозном нововведении в своей важной статье 1912 года, о которой Фрейд почему-то забыл сказать в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия». Статья Amenhotep IV: A Psycho-Analytical Contribution towards the Understanding of His Personality and the Monotheistic Cult of Aton доступна в: Abraham's Clinical Papers and Essays in Psycho-Analysis, tr. Hilda C. Abraham and D. R. Ellison (1955), 262–290.

«богу вулканов»: Der Mann Moses und die monotheistische Religion. Drei Abhandlungen (1939), GW XVI, 133 / Moses and Monotheism: Three Essays, SE XXIII, 34.

«на горе Синай»: Там же, 132 / 33.

оказалась заброшена: См.: *Sellin E.*, Mose und seine Bedeutung fur die israelitisch-jüdische Religionsgeschichte (1922).

«Восемнадцатой династии»: Der Mann Moses, GW XVI, 148 / Moses and Monotheism, SE XXIII, 47.

со стороны австрийских властей: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 16 декабря 1934. Freud – Zweig, 108–109 (98).

«на шатком основании»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 6 ноября 1934. Там же, 108 (97).

«постоянно преследуют меня»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 16 декабря 1934. Там же, 108 (98).

его воображение: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 2 мая 1935. Там же, 117 (106).

«с ним дальше»: Фрейд Эйтингону, 12 мая 1935. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«по 5 часов в день»: Фрейд Хильде Дулитл, 19 мая 1935. На английском. Hilda Doolittle papers, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University.

«в очень комфортной тюрьме»: Фрейд Хильде Дулитл, 3 ноября 1935. На английском. Там же.

«наших людей»: Фрейд Хильде Дулитл, 19 мая 1935. На английском. Там же.

по ложному пути: См.: *Фрейд Джонсу*, 26 мая 1935. Freud Collection, D2, LC.

«значительно повысилось»: Там же.

поддерживала с ними связь: См.: *Фрейд Хильде Дулитл*, без даты [16 или 17 ноября], 1935. Hilda Doolittle papers, Beinecke

Rare Book and Manuscript Library, Yale University.

«или изменится»: Фрейд миссис N.N., 9 апреля 1935. На английском. Briefe, 438.

«отсюда уезжать»: Там же.

«не можем иначе!»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 14 октября 1935. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«не прописывает немецких лекарств»: Там же.

«не увидит света дня»: Фрейд Стефану Цвейгу, 5 ноября 1935. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

это сон: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 20 января 1936. Freud-Zweig, 129 (119).

«прочли эту вещь»: Фрейд Джонсу, 3 марта 1936. Freud Collection, D2, LC.

«фантазировать о Моисее»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 21 февраля 1936. Freud – Zweig, 133 (122).

«с Арн. Цвейгом»: Kürzeste Chronik, 18 августа 1936. Музей Фрейда, Лондон.

разыгран снова: О попытках Фрейда избежать празднеств, юбилейных сборников и т. п. см.: *Фрейд Джонсу*, 21 июля 1935 и 3 марта 1936. Freud Collection, D2, LC. См. также: Jones III, 200–201.

для какого-либо празднества: См.: *Фрейд Джонсу*, 21 июля 1935. Freud Collection, D2, LC. См. также: Jones III, 200–201.

«необходимых благодарностей»: Марта Фрейд Лили Фрейд Мари, 5 июня 1936. Freud Collection, B2, LC.

«с чем-то вроде желания»: Фрейд Стефану Цвейгу, 18 мая 1936. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

14 июня: См.: Kürzeste Chronik, 14 июня 1936. Музей Фрейда, Лондон.

как Ньютон и Дарвин: См.: Kürzeste Chronik, 30 июня 1936. Там же.

которой его удостоили: См.: *Фрейд Джонсу*, 4 июля 1936. Freud Collection, D2, LC.

«мои книги и письма»: Фрейд Швадрону, 12 июля 1936. Музей Фрейда, Лондон.

«отбрасывает сексуальность!»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 17 июня 1936. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

с ней все хорошо: См.: *Фрейд Эйтингону*, 5 февраля 1937. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«здорова и активна»: Фрейд Мари Бонапарт, 27 сентября 1936. Цит. по: Jones III, 209.

смертельно больным: См.: Kürzeste Chronik, 23 июля 1936. Музей Фрейда, Лондон.

«Рождество в боли»: Kürzeste Chronik, 24 декабря 1936. Там же.

«знаком ваш почерк!»: Мари Бонапарт Фрейду, 30 декабря 1936. Цитируется в предисловии к Freud – Fliess, XVIII.

«так называемого потомства»: Фрейд Мари Бонапарт, 3 января 1937. Там же, xviii – xix.

«преклоняюсь перед вами»: Мари Бонапарт Фрейду, 7 января 1937. Там же, xix – xx.

«глубоко личные»: Фрейд Мари Бонапарт, 10 января 1937. Там же, xx.

не был энтузиастом терапии: См.: Editor's Note to Analysis Terminable and Interminable, SE XXIII, 212.

«осушения Зейдер-Зее»: Die Zerlegung der psychischen Persönlichkeit, in: Neue Vorlesungen, GW XV, 86 / The Dissection of the Psychical Personality, in: New Introductory Lectures, SE XXII, 80.

«сопротивлению психоанализу»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 22 июня 1937. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

сексуального притяжения: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 10 февраля 1937. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

сердечном некрологе: См.: Lou Andreas-Salomé (1937), SE XXIII, 297.

«она неподвластна времени»: Эйтингон Фрейду, 24 февраля 1937. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«куда они движутся в Америке, непонятно»: Фрейд Джонсу, 23 августа 1933. Freud Collection, D2, LC.

«чем вы приедете ко мне»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 23 сентября 1935. Freud – Zweig, 121 (111).

монархия с либеральным оттенком: См.: *Арнольд Цвейг Фрейду*, 22 ноября 1935. Там же, 124 (113–114).

до падения нацистского режима: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 21 февраля 1936. Там же, 132 (122).

«опустится мой занавес»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 22 июня 1936. Там же, 142–143 (133).

«в Рим, как вы»: Фрейд Джонсу, 2 марта 1937. Freud Collection, D2, LC.

«все более настойчивым»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 2 апреля 1937. Freud – Zweig, 149 (139–140).

германской жестокостью: См.: *Фрейд Джонсу*, 7 апреля 1933. Freud Collection, D2, LC.

«мы еще дышим»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 20 декабря 1937. Freud – Zweig, 163 (154).

предотвратить захват Австрии нацистами: См.: *Фрейд Эйтингону*, 6 февраля 1938. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

«Мы не поддаемся панике»: Анна Фрейд Джонсу, 20 февраля 1938. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society,

London.

придется оставить: См.: *Фрейд Эрнсту Фрейду*, 22 февраля 1938. Freud Collection, Bi, LC.

«Quien sabe?»: Фрейд Мари Бонапарт, 23 февраля 1938. Jones III, 217.

«Finis Austriae»: Kürzeste Chronik, 11 марта 1938. Музей Фрейда, Лондон.

Гитлер в Вене: См.: Kürzeste Chronik, 13 и 14 марта, 1938. Там же.

«безжалостной жажды мести»: Zucktmayer C., Als war's ein Stuck von mir. Horen der Freundschaft (1966), 71.

«он дал работу евреям!»: G.E.R. Gedye (London Daily Telegraph). Цит. по: *Wagner D.*, *Tomkowitz G.*, Ein Volk, Ein Reich, Ein Führer! Der Anschluss österreichs 1938 (1968), 267.

в нацистском приветствии: Подробности и документы см.: *Rosenkranz H.*, The Anschluss and the Tragedy of Austrian Jewry, 1938–1945, in: The Jews of Austria, ed. Fraenkel, 479–545.

сорвали эмблему организации: См.: Vienna Jews Beaten; Stores Plundered / Offices of Societies and Papers Occupied by Nazis-Arrests Made on Money Charges, New York Times, 14 March 1938, 2.

«чем это происходит в Германии»: Там же.

были постепенными: Jews Humiliated by Vienna Crowds / Families Compelled to Scrub Streets, Though German Guards Drive Off Mob / Nazis Seize Big Stores / Total of Arrests Enormous-Austria German District as Ministries Are Absorbed, New York Times, 16 March 1938, 3 (Associated Press dispatch).

«Оппозиции не видно»: New York Times, 14 March 1938, 3 (Associated Press dispatch, date line 13 March 1938).

буквально затоптали: См.: *Torberg F.*, Die Tante Jolesch, oder Der Untergang des Abendlandes in Anekdoten (1975; paperback ed., 1977), 154–167, esc. 155.

обыскивали его дом: См.: *Hilberg R.*, The Destruction of the European Jews (1961; 2d ed., 1981), 61.

были евреями: См.: *Wagner, Tomkowitz,* Ein Volk, Ein Reich, Ein Führer! 341.

в концентрационные лагеря: См.: *Gilbert M.*, ed., The Macmillan Atlas of the Holocaust (1982), 22. Из 60 000 евреев, которые не смогли уехать из Австрии, 40 000 были уничтожены.

политической ситуации в Австрии: См.: Jews Scrub Streets in Vienna Inner City / Forced to Remove Crosses of Fatherland Front, New York Times, 24 March 1938, 7 (Associated Press dispatch, dateline 23 March 1938).

«Потому, что они этого желают?»: Schur, Freud, Living and Dying, 499.

в издательстве Verlag: Kürzeste Chronik, 15 марта 1938. Музей Фрейда, Лондон.

предложила не стесняться: См.: *Анна Фрейд Эрнесту Джонсу*, без даты, Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London. Этот рассказ противоречит популярной истории о том, как фрау Фрейд предложила им сесть, а потом высыпала перед ними содержимое шкатулки, где хранились деньги на хозяйственные расходы.

не выдавала ему паспорт: См.: Aid for Freud Offered / Palestine Will Grant Entry to Professor Neumann Also, New York Times, 23 March 1938, 5 (dateline Jerusalem, 22 March 1938). См. также: Freud Forbidden to Go / Can't Get Passport, Member of Dutch Group Inviting Him Says, New York Times, 30 March 1938, 4 (dateline The Hague, 29 March 1938).

днем позже: См.: Kürzeste Chronik, 16 и 17 марта, 1938. Музей Фрейда, Лондон.

«готовы помочь»: Бинсвангер Фрейду, 18 марта 1938. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

призывавшее к благоразумию: Это интерпретация Макса Шура, которую я нахожу убедительной; см.: *Schur*, Freud, Living and Dying, 496.

«Фрейд в опасности»: В данном случае и в следующих абзацах я цитирую фотокопии оригинальных телеграмм, с разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe. См. также: *Clark,* Freud, 505–511, где приводятся документы из Государственного архива и Министерства иностранных дел в Лондоне, а также Национального управления архивов и документации в Вашингтоне. Наши с Кларком интерпретации этих документов практически совпадают.

для предполагаемых эмигрантов: См.: Jones III, 220.

окончательного согласия Фрейда на отъезд: См. там же, I, 294.

«Анна в гестапо»: Kürzeste Chronik, 22 марта 1938. Музей Фрейда, Лондон.

самый ужасный день: Schur, Freud, Living and Dying, 498. См. также: *Анна Фрейд Шуру*, 28 апреля 1954. Max Schur papers, LC, and *Freud M.*, Freud, 214.

«как только мог»: Schur, Freud, Living and Dying, 498.

чисто научную организацию: См.: *Freud M.*, Freud, 212–213.

«умереть на свободе»: Freud to Ernst Freud, 12 мая 1938. Briefe, 459. Слова «умереть на свободе» написаны на английском языке.

все было конфисковано: См.: Jones III, 221.

назад в Австрию: «Нацистский чиновник, который занимался организацией этого, проявил странное чувство юмора, прибавив к счету отца значительную стоимость транспортировки книг до их

погребального костра в Вене» (*Freud M.*, Freud, 214).

чтобы ее тоже забрали в гестапо: См. там же. Стоит отметить, что Фрейд, всегда отличавшийся щепетильностью в финансовых делах, вернул все деньги, как только смог.

«для нас делаешь»: Анна Фрейд Джонсу, 3 апреля 1938. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

«очень медленно»: Анна Фрейд Джонсу, 22 апреля 1938. Там же.

«лучше не задумываться»: Анна Фрейд Джонсу, 26 апреля 1938. Там же.

из корзины для мусора: См.: *McGuire*, предисловие к Freud – Jung, xx note.

над «Человеком Моисеем и монотеистической религией»: Фрейд Джонсу, 28 апреля 1938. Freud Collection, D2, LC.

«выносливее мужчин»: Фрейд Эрнсту Фрейду, 9 мая 1938. Фотокопия, с любезного разрешения Дэниела Оффера. (Этой ссылкой я обязан Джорджу Ф. Малу.)

«времени и сил»: Фрейд Джонсу, 13 мая 1938. Freud Collection, D2, LC.

beste empfehlen: См.: *Freud M.*, Freud, 217.

«но еще и не там»: Анна Фрейд Джонсу, 25 мая 1938. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

пока не готовы: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 30 и 31 мая, 1938. Там же.

с указанием нового адреса в Лондоне: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 4 июня 1938. Freud – Zweig, 168 (160). См. также: *Фрейд Сэмюелю Фрейду*, 4 июня 1938. На английском. Rylands University Library, Manchester.

вместо 4 июня: См.: Kürzeste Chronik за соответствующие даты. Музей Фрейда, Лондон. Вплоть до судьбоносного дня отъезда даты в дневнике абсолютно верные, однако «суббота, 3 июня» следует за «четверг, 2 июня». Фрейд исправил неверную датировку только в середине следующей недели, то есть первая запись в Лондоне идет с датой «понедельник, 5 июня», тогда как должно быть «6 июня»; затем, в четверг, дата уже указана верно, «четверг, 9 июня».

«через две недели?»: Kürzeste Chronik, 10 мая 1938. Там же.

«из которой меня освободили»: Фрейд Эйтингону, 6 июня 1938. Briefe, 462.

«умудрился»: Там же, 461.

«2:45 утра»: Kürzeste Chronik, 3 июня 1938. Музей Фрейда, Лондон. Как отмечалось выше, записи за этот период датированы неправильно. Суббота была 4 июня, а не 3 июня. И разумеется, в 2:45 утра, строго говоря, уже было воскресенье, 5 июня.

«прекрасный город»: Фрейд Эйтингону, 6 июня 1938. Briefe, 461–462.

показывал их жене: См.: Jones III, 228.

«до того как приобрел почтовую бумагу»: Фрейд Эйтингону, 6 июня 1938. Briefe, 461.

совершенно счастливым: См.: *Марта Фрейд Лили Фрейд-Марле* и ее мужу Арнольду, 22 июня [1938]. Freud Collection, B2, LC.

«и боевой настрой»: Фрейд Эйтингону, 6 июня 1938. Briefe, 461–463.

и ее народ: См.: Prof. Freud / In London After Sixty Years / Well But Tired, Manchester Guardian, 7 июня 1938, 10.

«Зигм. Фрейд»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 28 июня 1938. Freud – Zweig, 173 (164). Слово «подпись» написано на английском языке. Полвека назад в первых письмах к Флиссу он подписывался «Др. Зигм. Фрейд».

«не вскрываются»: Фрейд Эйтингону, 6 июня 1938. Briefe, 463. Цитируемый отрывок написан на английском языке.

над Риджентс-парк: См.: *Фрейд Александру Фрейду*, 22 июня 1938. Там же, 463–464.

не меньше его: «Уже на второй неделе, – писала она, – стали приходить письма с таким неопределенным адресом, как «Фрейду, Лондон» (*Марта Фрейд Лили Фрейд-Марле и ее мужу Арнольду,* 22 июня 1938. Freud Collection, B2, LC).

«что такое слава»: Фрейд Александру Фрейду, 22 июня 1938. Briefe, 464.

«не нужно быть немцем»: Фрейд де Соссюру, 11 июня 1938. Freud Collection, Z3, LC.

«взялся за Моисея III»: Kürzeste Chronik, 21 июня 1938. Музей Фрейда, Лондон.

«и последнее утешение»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 28 июня 1938. Freud – Zweig, 172 (163).

с такой же просьбой: См.: Jones III, 234.

религиозного еврея: См.: *Фрейд Арнольду Цвейгу*, 28 июня 1938. Freud – Zweig, 172 (163).

«мнимым национальным интересам»: Der Mann Moses, GW XVI, 103 / Moses and Monotheism, SE XXIII, 7.

«Моисея III»: Фрейд Александру Фрейду, 17 июля 1938. Freud Collection, B1, LC. См. также: Kürzeste Chronik, 17 июля 1938. Музей Фрейда, Лондон.

«не могли оставаться в Нидерландах?»: Фрейд Рейку, 3 июля 1938. Машинописная копия, Siegfried Bernfeld papers, container 17, LC. В другом переводе письмо цитируется в: *Reik Th.*, The Search Within: The Inner Experience of a Psychoanalyst (1956), 656.

тут же согласился: См.: *Фрейд Заксу*, 11 июля 1938. Цит. по:

Sachs, Freud: Master and Friend, 180–181.

«техническим мастерством»: Фрейд Стефану Цвейгу, 20 июля 1938. Полностью цит. в: Jones III, 235.

увлекательным занятием: См.: *Фрейд Анне Фрейд*, 3 августа 1938. Freud Collection, LC.

«сегодняшний день»: Анна Фрейд Мари Бонапарт, 8 сентября 1938. Цит. по: *Schur*, Freud, Living and Dying, 510.

пока не заплатят ее сами: См.: *Арнольд Цвейг Фрейду*, 8 ноября 1938. Freud – Zweig, 179 (170).

«Мир»: Kürzeste Chronik, 30 сентября 1938. Музей Фрейда, Лондон.

трех пациентов в день: См.: *Фрейд Мари Бонапарт*, 4 октября 1938. Briefe, 467.

«но больше ничего»: Фрейд Мари Бонапарт, 12 ноября 1938. Там же, 471.

«воспринимается болезненно»: Фрейд Иветте Гильбер, 24 октября 1938. Там же, 468.

очень утомительные: См.: *Арнольд Цвейг Фрейду*, 5 августа и 16 октября 1938. Freud – Zweig, 176, 178 (167–168, 169–170).

«я должен рискнуть»: Фрейд Сингеру, 31 октября 1938. Briefe, 469–470.

уже получили платеж: См.: *Фрейд Джонсу*, 1 ноября 1938. Freud Collection, D2, LC.

незначительные предложения: См.: *Бланш Кнопф Фрейду*, 15 ноября 1938. Музей Фрейда, Лондон.

в Соединенных Штатах: См.: *Бланш Кнопф Мартину Фрейду*, 19 и 27 сентября 1938; *Бланш Кнопф Фрейду*, 15 ноября, 9 и 22 декабря 1938, 16 января, 31 марта и 28 апреля 1939. Все в Музее Фрейда, Лондон. Книга вышла в США в середине июня 1939 года.

«перед наукой»: Фрейд Двосису, 11 декабря 1938. Машинописная копия. Музей Фрейда, Лондон.

«Погромы в Германии»: Kürzeste Chronik, 10 ноября 1938. На английском. Музей Фрейда, Лондон.

их во Францию: См.: *Фрейд Мари Бонапарт*, 12 ноября 1938. Briefe, 471. По крайней мере, несколько месяцев сестрам Фрейда выплачивали содержание из денег, которые он им оставил. См.: *Фрейд Анне Фрейд*, 3 августа 1938. Freud Collection, LC.

центром психоаналитического движения: Фрейд Джонсу, 7 марта 1939. Freud Collection, D2, LC.

сборника его работ: См.: Jones III, 233.

«события в Австрии»: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse und Imago, XXIV (1939), nos. 1 / 2 (combined issue), title page.

«огромная сила»: Woolf L., Downhill All the Way (1967), 166,

168–169.

«Потрясающий человек»: Там же, 169.

незабываемое впечатление: См.: The Diary of Virginia Woolf, ed. Anne Olivier Bell, vol. V, 1936–1941 (1984), 202.

«боли в костях»: Kürzeste Chronik, 2 и 31января, 1939. Freud Museum. London.

как пирамидон: См.: *Анна Фрейд* [Пихлеру?], 20 сентября 1938. Max Schur papers, LC.

«с этими невыносимыми болями»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 20 февраля 1939. Freud – Zweig, 183–184 (175–176).

курс лечения радием: См. рукописную копию письма Мари Бонапарт от доктора Лакассаня, датированного 28 ноября 1954 года, в котором указывается, что он осмотрел Фрейда 26 февраля 1939 года и ассистировал при применении радия 14 марта. (Вложено в письмо Мари Бонапарт к Джонсу, без даты. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.)

«отца-садиста!»: Пфистер Фрейду, 21 февраля 1939. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

анализе «нацистской души»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 5 марта 1939. Freud – Zweig, 186–187 (178).

«я бы его не выбрал»: Фрейд Заксу, 12 марта 1939. Цит. по: *Sachs,* Freud: Master and Friend, 181–182.

«этому жестокому процессу»: Фрейд Мари Бонапарт, 28 апреля 1939. Briefe, 474–475.

как можно быстрее: См.: *Schur*, Freud, Living and Dying, 522–525.

лейб-медиком: Одно из таких упоминаний содержится, например, в: *Фрейд Мари Бонапарт*, 28 апреля 1939. Briefe, 474.

в марте 1929 года: См.: *Фрейд Мари Бонапарт*, 6 марта 1929: «Я пригласил Шура в качестве нашего домашнего врача». (Цит. по: *Джонс Шуру*, 9 октября 1956. Max Schur papers, LC.)

это для него нелегко: См.: *Фрейд Шуру*, 28 июня 1930. Briefe, 415. Об отношениях Шура и Фрейда см. его книгу Freud, Living and Dying, особенно введение и главу 18.

в своих счетах: См.: *Фрейд Шуру*, 10 января 1930, 10 января и 26 июля 1938. Max Schur papers, LC.

друг другу руки: Цит. по: *Schur*, Freud, Living and Dying, 408.

6 Mai 139: См.: Ernst Freud et al., eds., Sigmund Freud: His Life in Pictures and Words», 315.

«Моисей на английском»: Kürzeste Chronik, 19 мая 1939. Музей Фрейда, Лондон.

самого Фрейда: См.: Moses and Monotheism, SE XXIII, 90.

изумленным корреспондентам: См. там же, 65n.

«стало религией сына»: Der Mann Moses, GW XVI, 193–194 /

Moses and Monotheism, SE XXIII, 87–88.

благой вести: См. там же, 244 / 135.

«к которой вознесся иудаизм»: Там же.

подчеркиванию этического: См. там же, 194, 191–192 /88, 85–86.

«нравственные поступки»: Цит. по: Anna Freud Bernays, page proofs of Erlebtes (1933), 5. Freud Collection, B2, LC.

«ее письменность»: Der Mann Moses, GW XVI, 222–223 / Moses and Monotheism, SE XXIII, 115.

варварский политеизм: См. там же, 198 / 91.

«собратья автора!»: Fyfe H., review of Moses and Monotheism, John O'London's Weekly, 2 June 1939.

на беспочвенной гипотезе: См.: *Buber,* Moses, 7n.

невежественным профаном: См.: *Lask J. M.*, Review of Moses and Monotheism, Palestine Review (Jerusalem), IV (30 June 1939), 169–170.

ненависти к Израилю: Цит. по: Jones III, 370.

«христианской страной»: McNabb V., O.P., review of Moses and Monotheism, Catholic Herald (London), 14 July 1939.

истин иудаизма: См.: *Н. Перельман (из Тель-Авива) Фрейду*, 2 июля 1939. Музей Фрейда, Лондон.

и другим зверям: См.: *С. Дж. Бирнбаум (из Торонто) Фрейду*, 27 февраля 1939. Там же.

«где вам и место»: Неподписанное письмо Фрейду, 26 мая 1939. Там же. Другие мнения см. в: Jones III, 362–374.

наложенным платежом: См.: *Александр Бурначев Фрейду*, 4 июля 1939. Музей Фрейда, Лондон.

«изобретением»: Фрейд Рафаэлю да Косте, 2 мая 1939. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон.

«отложил в сторону»: Фрейд Арнольду Цвейгу, 13 июня 1935. Freud – Zweig, 118 (107).

«как хочу или должен»: Vorbemerkung I I, in: Der Mann Moses, GW XVI, 159 / Prefatory Note II, in: Moses and Monotheism, SE XXIII, 57.

«неприкаянный дух»: Zusammenfassung und Wiederholung, там же, 210 / Summary and Recapitulation, там же, 103.

«1800 экземпляров»: Фрейд Мари Бонапарт, 15 июня 1939. Цитируется в оригинале на немецком языке по: *Schur*, Freud, Living and Dying, 567.

очень неприятный запах: См.: *Анна Фрейд Шуру*, 9 июня 1939. Max Schur papers, LC.

«один друг»: Sachs, Freud: Master and Friend, 185–187.

решительный жест прощания: См.: Kürzeste Chronik, 1 августа 1939. Музей Фрейда, Лондон.

«уже не застанешь»: Dyck R., Mein Onkel Sigmund, интервью с Гарри Фрейдом, Aufbau, 11 May 1956, 4.

ждать, ждать: См.: *Фрейд Шефферу*, 19 августа 1939. Продиктовано Анне Фрейд. Isakower Collection, LC.

еще не прибыли: См.: *Роза Граф Эльзе Рейсс*, без даты [23 августа 1939]. Freud Collection, B2, LC.

«Военная паника»: Kürzeste Chronik, 27 августа 1939. Музей Фрейда, Лондон.

с глубочайшей печалью: См.: The Medical Case History of Sigmund Freud, 27 February1954. Max Schur papers, LC.

в его жизнь: См.: *Джонс Фрейду*, 3 сентября 1939. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.

чувств к дочери: См.: The Medical Case History of Sigmund Freud. Max Schur papers, LC.

близкие отношения с ними: Шур описывал последние дни Фрейда в своей лекции The Problem of Death in Freud's Writings and Life, прочитанной 19 мая 1964 года в Нью-Йоркском психоаналитическом обществе и приуроченной к 25-летней годовщине смерти основателя психоанализа. В том же году Анна Фрейд прокомментировала лекцию: «Разве в ней не должна упоминаться доктор Штросс? Она была незаменима во время путешествия и в последние ночи, которые мы с ней полностью разделили» (*Анна Фрейд Шуру*, 12 октября 1964. Max Schur papers, LC).

время заканчивалось: См.: *Анна Фрейд Джонсу*, машинописный комментарий к тому III биографии, написанной Джонсом, Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.

снова задремал: См.: Jones III, 245–246. Важные подробности, такие как вызов Анны Фрейд, взяты из письма Джонса Максу Шуру, отправленного 21 февраля 1956 года. (См.: Max Schur papers, LC.) Джонс думал, что Фрейд впал в беспамятство и уже не очнулся. Свидетельство Шура в The Medical Case History of Sigmund Freud опровергает это. (Там же.)

«этому конец»: Там же.

«как сказал король Макбет»: Фрейд Пфистеру, 6 марта 1910. Freud – Pfister, 33 (35).

до самого конца: Главным источником моего рассказа о последних днях Фрейда послужила неопубликованная записка Макса Шура The Medical Case History of Sigmund Freud, датированная 27 февраля 1954 года. (См.: Max Schur papers, LC.)

Записка предназначалась для архива Фрейда – Freud Collection, LC – и как материал для Эрнеста Джонса, который в то время писал биографию мэтра. Впоследствии она послужила основой для лекции Шура 1964 года The Problem of Death in

Freud's Writings and Life. (Реферат см. в: Psychoanalytic Quarterly, XXXIV [1965], 144–147.) Судя по тому, что среди бумаг Шура сохранилось шесть или даже больше черновиков этой лекции, она далась ему с огромным трудом. Записку Шура я дополнил приятным и в высшей степени плодотворным интервью с Хелен Шур (3 июня 1986 года), а также нашей перепиской с ней. Некоторые подробности подтверждает письмо племянника Фрейда Гарри, датированное 25 сентября 1939 года, которое он отправил из Нью-Йорка своим теткам в Вену и которое, как там пишет Гарри, основано отчасти на непосредственной информации, отчасти на телеграммах от друзей (см.: Freud Collection B1, LC). Я нашел чрезвычайно полезными несколько писем Анны Фрейд к Эрнесту Джонсу, в частности от 27 февраля 1956 года, в котором содержатся важные подробности (см.: Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). Остается несколько разночтений, которые, на мой взгляд, можно приписать сильным чувствам, испытываемым участниками событий и отразившимся на их воспоминаниях.

Мой рассказ о некоторых на первый взгляд незначительных, но на самом деле важных деталях отличается от опубликованной версии Макса Шура (см.: Freud, Living and Dying, 526–529), а также от конспекта его лекции 1964 года. В лекции он ошибочно утверждает: «21 сентября он [Фрейд] сказал врачу, что его мучения уже бессмысленны, и *попросил успокоительное. После введения морфия в качестве обезболивающего* он мирно заснул, а затем впал в кому и умер в три часа утра 23 сентября». (Конспект лекции Шура, с. 147, курсив мой.) Впоследствии биографы за неимением другого надежного источника – как бы то ни было, Шур являлся самым авторитетным и красноречивым свидетелем, – просто повторяли сведения из опубликованной версии и лекции (см., например: *Clark*, Freud, 526–527).

Работая над биографией Фрейда, ставшей классической, Эрнест Джонс поначалу избегал «нездоровых» подробностей, но затем воспользовался запиской Шура, пересказывая ее близко к тексту, а местами практически цитируя. Анна Фрейд сообщала Шуру, что Джонс не хочет писать о серьезных недомоганиях ее отца, однако отметила, что болезнь со всеми ее ужасающими подробностями в то же время была наивысшим выражением его отношения к жизни (см.: *Анна Фрейд Шуру*, 2 сентября 1956. Max Schur papers, LC). Анна хотела, чтобы Джонс включил записку Шура в последнюю главу биографии, но он решил, вполне справедливо, просто пересказать ее и процитировать (см.: Jones III, 245–246). Джонс тепло поблагодарил Шура в предисловии к книге (см. там же, XII–XIII). Разница между запиской Шура и

рассказом Джонса невелика, но необходимо отметить следующее: Шур, уподобившись адвокату, никак не комментировал этот деликатный момент, тогда как Джонс со всей определенностью (и неточно, если следовать лекции Шура) утверждал, что, когда Фрейд, жизнь которого превратилась в невыносимую пытку, обратился за помощью к Шуру, тот «сжал его руку и пообещал, что даст ему *седативное средство*» (Jones III, 246, курсив мой). Джонс также пишет, что 22 сентября Шур дал Фрейду треть грана морфия. Эта доза соответствует 0,0216 грамма, что буквально совпадает с той, которая приведена Шуром в его книге, где он пишет, что ввел мэтру подкожно два сантиграмма морфия. Но если Джонс упоминает только одну инъекцию, то Шур – две, даже в опубликованной книге: «Я повторил эту дозу примерно через двенадцать часов» (там же), а в пояснении, которое Шур написал для своей неопубликованной записки, он отмечает, что в опубликованных материалах изменил дозировку и опустил свой разговор с мэтром. В письме к Анне Фрейд от 7 апреля 1954 года он предложил поправки, указав, что «правильная версия (дозировка, более одной инъекции) отправлена в архив [Фрейда]». (Дубликат, Max Schur papers, LC.)

В своем тексте я опираюсь в основном на эту «правильную версию»: доза три сантиграмма, а не два, как указано в книге Шура, а также три, а не две инъекции. В письме к Анне Фрейд от 19 марта 1954 года Шур пояснил, что проконсультировался у адвоката по вопросу эвтаназии и, соответственно, исправил свой рассказ. (Дубликат, там же.) Как указывают Джером Х. Джаффе и Уильям Р. Мартин в статье «Опиоидные анальгетики и антагонисты» в популярном лекарственном справочнике Goodman & Gilman's The Pharmacological Basis of Therapeutics, ed. Alfred Goodman Gilman, Louis S. Goodman, and Alfred Gilman (1941; 6th ed., 1980), один сантиграмм – это нормальная доза для обезболивания: «10 мг обычно считается оптимальной начальной дозой морфия, которая обеспечивает удовлетворительную аналгезию у примерно 70 % пациентов с умеренным и сильным болевым синдромом». И хотя последующие дозы могут быть выше, авторы нигде не рекомендуют больше двух сантиграммов. Несмотря на то что организм тяжелобольного или очень старого человека – в случае Фрейда имело место и то и другое – может абсорбировать препарат очень медленно и способен выдержать бóльшую дозу, чем пациент в лучшем состоянии, три сантиграмма, по всей вероятности, будут смертельной дозой практически для всех.

Еще одна неточность в опубликованной Шуром версии последних дней Фрейда, объяснявшаяся его уважением к

желанию дочери мэтра сохранить тайну частной жизни, заключается в преуменьшении ее роли. В одном из черновиков своей лекции Шур вообще опускает эпизод со словами Фрейда «Расскажите об этом Анне». Этот аспект тоже требует комментария: в опубликованной версии фраза звучит как «Sagen Sie es der Anna» – «Расскажите об этом Анне» (*Schur*, Freud, Living and Dying, 529). Джонс повторяет вслед за Шуром: «Расскажите Анне о нашем разговоре» (Jones III, 246). Но в неопубликованной записке фраза выглядит несколько иначе: «Besprechen Sie es mit der Anna», то есть «обсудите это с Анной». Похоже, именно данная версия аутентична, поскольку лучше сочетается со следующими словами Фрейда, как их запомнил Шур: «…и, если она одобрит, положите этому конец». Можно предположить, что Анна, которая никак не могла повлиять на конечный результат, руководствовалась благими намерениями и действия которой, как и действия Шура, были оправданны, все же носила в душе тяжелый груз вины за участие в решении избавить отца от мучений. Она возражала, вспоминает Шур в своей записке, но потом уступила. Такое прочтение ситуации и определило мой текст: я воспринимаю смерть Зигмунда Фрейда как самоубийство стоика, совершенное по его поручению – поскольку он был слишком слаб, чтобы сделать это сам, – верным и любящим врачом с вынужденного согласия не менее верной и еще более любящей дочери.

Библиографический очерк

Общие замечания

Литература о Фрейде обширна, и количество ее быстро и почти неконтролируемо растет. Что-то из этой лавины открывает новое, большая часть полезна, однако в ней много провокационного и на удивление огромное количество злобы и просто абсурда. Этот очерк не претендует на полноту: я сосредоточился на работах, которые нашел информативными с точки зрения фактов, интересными своими интерпретациями или достойными обсуждения. Я написал этот очерк, чтобы, если так можно выразиться, объяснить причины (кратко), по которым принял или не принял ту или иную точку зрения, и указать источники, которые считал наиболее надежными.

Лучшим немецким изданием Фрейда считается 18-томное Gesammelte Werke, Chronologisch Geordnet, под редакцией Анны Фрейд, Эдварда Брайбинга, Вилли Хоффера, Эрнста Криса и Отто Исаковера, в сотрудничестве с Мари Бонапарт (1940–1968). Несмотря на его огромную ценность, это издание имеет определенные недостатки: оно неполное, колонтитулы менее полезные, чем могли бы быть, а примечания редакторов и указатели к отдельным томам достаточно скудны. Но самое неудобное, что Gesammelte Werke не указывает различий между изданиями таких подвергавшихся исправлениям работ, как «Толкование сновидений» и «Три очерка по теории сексуальности». Эти различия приведены в удобном 12-томном издании Studienausgabe, ed. Alexander Mitscherlich, Angela Richards, and James Strachey (1969–1975). Studienausgabe также нельзя назвать полным; в нем отсутствуют несколько небольших статей и автобиографические работы Фрейда, а материал расположен не в хронологическом порядке, а по темам. Но редакторский аппарат, основанный на английском Standard Edition, достаточно богат.

Заслуженным международным авторитетом пользуется английское 24-томное издание Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, переведенное под общим руководством Джеймса Стрейчи, в сотрудничестве с Анной Фрейд и при помощи Аликс Стрейчи и Алана Тайсона (1953–1974), независимо от новых и, возможно, лучших переводов, которые могут появиться в будущем. При необходимости оно приводит различные варианты текстов, снабжая их необходимыми комментариями, мужественно сражается с неподатливым материалом (например, немецкие анекдоты в книге Фрейда о шутках) и сопровождает каждую работу, даже самую короткую

статью, незаменимой библиографической и исторической информацией. Перевод считается достаточно спорным – и не без оснований: встречается путаница во временах глаголов, а громоздкие переводы специальных терминов, например «анаклитический» или «катексис», для которых Фрейд использовал простые и информативные немецкие слова, вызвали серьезную критику. Самая резкая критика содержится в книге Bruno Bettelheim, Freud and Man's Soul (1983), где утверждается, что переводчики разрушили аргументацию Фрейда и что всякий, кто прочтет Фрейда только в английском переводе Стрейчи, не сможет понять озабоченность Фрейда душой человека. Гораздо более сдержанными и аргументированными являются статьи Дариуса Дж. Орнстона, особенно «Freud's Conception Is Different from Strachey's», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXXIII (1985), 379–410, «The Invention of 'Cathexis' and Strachey's Strategy», *Int. Rev. Psycho-Anal,* XII (1985), 391–399, и «Reply to William I. Grossman», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXXIV (1986), 489–492. В настоящее время Standard Edition можно использовать совместно с S. A. Guttman, R. L. Jones, and S. M. Parrish, The Concordance to the Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, 6 vols. (1980). Самый убедительный перевод на английский, в котором передан точный и остроумный немецкий Фрейда, можно найти в первых четырех томах Collected Papers (1924–1925) превосходной переводчицы Джоан Ривьер. Пятый том под редакцией Джеймса Стрейчи появился в 1950 году. Неудивительно, что это издание, в которое включены почти все короткие статьи Фрейда, а также истории болезни, предпочитают американские психоаналитики старшего поколения.

Обогащают корпус психоаналитических работ Фрейда и редкие находки. Одной из последних волнующих находок – считавшейся утраченной статьей по метапсихологии – мы обязаны Ильзе Грубрих-Симитис, которая также отредактировала статью и снабдила предисловием: Sigmund Freud, A Phylogenetic Fantasy: Overview of the Transference Neuroses (1985; tr. Axel and Peter T. Hoffer, 1987). Издание многочисленных и очень важных для биографа работ Фрейда, относящихся к периоду до появления психоанализа, уже давно готовится, и его с нетерпением ждут.

Большая часть обширной переписки Фрейда была опубликована. Интересной хронологической подборкой является Briefe 1873–1939, ed. Ernst and Lucie Freud (1960; 2d enlarged ed., 1968; английская версия – Letters of Sigmund Freud, 1873–1939, tr. Tania and James Stern, 1961, 2d ed., 1975). В большинстве других изданий письма распределены по именам корреспондентов. Эти издания значительно отличаются по своей ценности, и

пользоваться ими следует осторожно. Среди самых авторитетных: Sigmund Freud, C. G. Jung, Briefwechsel, ed. William McGuire and Wolfgang Sauerländer (1974; английская версия, The Freud / Jung Letters: The Correspondence between Sigmund Freud and C G. Jung, ed. William McGuire and tr. Ralph Manheim [Freud's letters] and R. F. C. Hull [Jung's], также 1974). В третье издание на немецком языке (1979) внесены некоторые исправления, по большей части в примечаниях. Перевод Халла представляет Юнга в еще более неприятном свете: он доводит и без того довольно грубый язык Юнга до настоящей вульгарности. Например, юнговское выражение «schmutziger Kerl», буквально означающее «грязный парень», переводится как «скользкий ублюдок». (*Юнг Фрейду*, 2 июня 1910, 359 [325]). Еще один пример: судя по переводу Халла, Юнг писал Фрейду, что у психиатра Адольфа Альбрехта Фридландера, яростного критика психоанализа, «опять блевотина» (17 апреля 1910, 339 [307]); на самом деле Юнг сообщал, что «Friedländer hat sich wieder übergeben» – гораздо более точный перевод звучал бы как «Фридландера снова вырвало». С чрезвычайно важными письмами Фрейда к «другому», Вильгельму Флиссу (собрание, для которого в полной мере подходит эпитет «незаменимый»), трудностей меньше. Американское издание, The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904, ed. and tr. Jeffrey Moussaieff Masson (1985), очень ценно, несмотря на мелкие причуды в интерпретации. Но издание оригиналов писем на немецком, Briefe an Wilhelm Fliess 1887–1904, которое появилось позже и которое также редактировал Массон, которому помогали Михаэль Шрёдер и Герхард Фихтнер, превосходит его по части аннотаций и включает длинное, блестящее введение Эрнста Криса к подборке писем, впервые появившейся в 1950 году. Интересную, хотя и ограниченную подборку писем можно найти в Martin Grotjahn, ed., Sigmund Freud as a Consultant: Recollections of a Pioneer in Psychoanalysis (1970), где есть письма Фрейда итальянскому психоаналитику Эдуардо Вейссу с комментариями последнего. Немецкое издание: Sigmund Freud-Edoardo Weiss. Briefe zur psychoanalytischen Praxis. Mit den Erinnerungen eines Pioniers der Psychoanalyse (1973). В книгу H. D. [Hilda Doolittle], Tribute to Freud (1956) в качестве приложения включено несколько писем от Фрейда к автору; полное собрание этих писем хранится в библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке в Йельском университете. Школьные письма Фрейда к его другу Эмилю Флюсу (еще не переведенные на английский) тщательно подготовлены и изданы Ильзой Грубрих-Симитис в ее превосходном издании «автопортрета» Фрейда Sigmund Freud,

Selbstdarstellung. Schriften zur Geschichte der Psychoanalyse (1971; corr. ed., 1973), 103–123. (В этом издании содержится полная версия автобиографии Фрейда; в версии *GW,* которую я обычно цитирую как Selbstdarstellung, пропущены несколько предложений, которые я беру из Selbstdarstellung. Кроме писем Фрейда Эмилю Флюсу, в книгу включены и другие документы.) Что касается писем к еще более близкому другу Фрейда Эдуарду Зильберштейну, давно подготавливаемым для научного исследования, я использовал оригиналы из Библиотеки конгресса. К моменту выхода этой книги они еще не появились в печати. Я также обращался, причем с большой пользой, к книге о детстве Фрейда, William J. McGrath, Freud's Discovery of Psychoanalysis: The Politics of Hysteria (1986). (Оценку этой работы см. ниже, в данном очерке, раздел для главы 1.) См. также Heinz Stanescu, Unbekannte Briefe des jungen Sigmund Freud an einen rumänischen Freund, Zeitschrift des Schriftstellerverbandes des RVR, XVI (1965), 12–29.

Издания других писем Фрейда, к сожалению, – именно потому, что в этих письмах можно найти чрезвычайно много информации, – не столь многочисленны. Подборка важных писем Фрейда к его любимому и самому верному ученику в Берлине, Карлу Абрахаму, представлена в работе Sigmund Freud, Karl Abraham, Briefe 1907–1926, ed. Hilda Abraham and Ernst L. Freud (1965; English version, A Psycho-Analytic Dialogue: The Letters of Sigmund Freud and Karl Abraham, 1907–1926, tr. Bernard Marsh and Hilda Abraham, 1965). В этом издании приведено общее количество писем, которыми обменялись Фрейд и Абрахам, и количество опубликованных, но не указано, *какие* именно письма исключены из книги; редакторы также пропускали абзацы, предложения и отдельные слова, не обозначая пропуски многоточием. Каждое неполное письмо они пометили звездочкой – но толку от этого мало. Эрнст Пфайфер, редактор сборника Sigmund Freud, Lou Andreas-Salomé, Brief-wechsel (1966; English version, Sigmund Freud, Lou Andreas-Salomé, Letters, tr. William and Elaine Robson-Scott, 1972), по крайней мере, использует многоточия для указания пропусков, однако полностью исключает многие важные письма (в частности, те, которые касаются Анны Фрейд и хранятся в Freud Collection, LC). Эрнст Л. Фрейд и Генрих Менг, редакторы работы Sigmund Freud, Oskar Pfister, Briefe 1909–1939 (1963; English version, Psychoanalysis and Faith: The Letters of Sigmund Freud and Oskar Pfister, tr. Eric Mosbacher, 1963), используют многоточия для указания мест, где они применили редакторские ножницы, но пропускают многие важные (вне всякого сомнения, самые личные) письма, которыми

обменивались друзья. Пропуски также уменьшают ценность работы Sigmund Freud, Arnold Zweig, Briefwechsel, ed. Ernst L. Freud (1968; paperback ed., 1984; English version, The Letters of Sigmund Freud and Arnold Zweig, tr. William and Elaine Robson-Scott, 1970), где сделаны серьезные сокращения без каких бы то ни было указаний на них. Людвиг Бинсвангер приводит собственную подборку из своей переписки с Фрейдом, вместе с комментариями, в Erinnerungen an Sigmund Freud (1956). См. также F. B. Davis, «Three Letters from Sigmund Freud to André Breton», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXI (1973), 127–134. Другая в высшей степени информативная переписка (в частности, Фрейда с Джонсом и Фрейда с Ференци, в настоящее время доступная только в архивах) находится в процессе подготовки к публикации. Также достойна опубликования переписка Фрейда с Эйтингоном. Это же справедливо и для переписки Фрейда с дочерью Анной, не говоря уже о его переписке с невестой, Мартой Бернайс, из которой Эрнст Фрейд опубликовал только девяносто три письма. Еще сотни писем лежат под замком в Библиотеке конгресса, а некоторое количество неопубликованных в Sigmund Freud Copyrights. Эрнест Джонс в своей трехтомной биографии приводит многочисленные и довольно большие отрывки из писем Фрейда, но, как я уже отмечал в тексте, Анна Фрейд попросила его исправить «самые неприятные ошибки» в письмах отца на том основании, что он очень переживал из-за несовершенства своего английского (*Анна Фрейд Эрнесту Джонсу*, 8 апреля 1954. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). Я цитировал фразы Фрейда на английском так, как он их написал, восстановив мелкие ошибки и восхитительные придуманные им термины.

Совершенно очевидно, что высказывания Фрейда биографического характера, и прямые, и косвенные, трудно переоценить – как из-за того, что они раскрывают, так и из-за того, о чем умалчивают. Вне всякого сомнения, самым важным из этих документов является «Автопортрет», опубликованный в 1925 году. Буквально все воспоминания Фрейда в работе «Толкование сновидений» (1900), всплывшие в процессе анализа сновидений, бесценны, и их часто цитируют. Их следует читать, по возможности наряду с другими известными материалами о Фрейде. То же самое справедливо в отношении откровений, разбросанных по таким статьям, как «О покрывающих воспоминаниях» (1899) и «Психопатология обыденной жизни» (1901).

Многочисленные биографические работы, освещающие конкретные периоды жизни Фрейда, указаны в соответствующих

главах. Классической биографией Фрейда – несмотря на свои очевидные и резко критикуемые недостатки – остается 3-томник Ernest Jones, The Life and Work of Sigmund Freud, 3 vols. (1953–1957; сокращенный однотомник Лайонела Триллинга и Сивена Маркуса, 1961). Джонс близко знал Фрейда и выдержал многолетнюю битву (с другими и, в меньшей степени, с самим Фрейдом). Один из первых психоаналитиков и, вне всякого сомнения, верный последователь Фрейда, Джонс был очень хорошо информирован по всем специальным вопросам. И он мог с такой же уверенностью говорить о семейной жизни Фрейда, как и о разногласиях в среде психоаналитиков. Несмотря на довольно тяжеловесный стиль и (что еще важнее) прискорбную склонность разделять личность и работу, составленная Джонсом биография содержит множество проницательных наблюдений. Самым серьезным обвинением против него была неприязнь к другим последователям Фрейда и якобы непреодолимая ревность, которая заставляла его злословить по поводу таких соперников, как Ференци. В этих упреках есть доля истины, но меньшая, чем обычно думают. И действительно, окончательный вердикт Джонса о Ференци, в котором содержится явный намек на то, что в последние годы Ференци страдал от приступов психоза и на это следует делать скидку, во многом совпадает с мнением Фрейда, изложенным в неопубликованном письме к Джонсу. Написанная Джонсом биография Фрейда остается незаменимой.

Опубликовано также много других жизнеописаний, на разных языках. Самым первым из них, которое не очень понравилась Фрейду и которое он критиковал в письме к автору, была книга Fritz Wittels, Sigmund Freud: His Personality, His Teaching, and His School (1924; tr. Eden and Cedar Paul, 1924). Наиболее полезная из современных биографий – работа Ronald W. Clark, Freud: The Man and the Cause (1980), основанная на прилежных исследованиях, разумная в своих суждениях, с особенно полным описанием частной жизни Фрейда, но довольно скудной и в значительной степени заимствованной информацией о его работах. Жизнь Фрейда в фотографиях, с подробными комментариями и цитатами из Фрейда в качестве заголовков – Ernst Freud, Lucie Freud, and Use Grubrich-Simitis, eds., Sigmund Freud: His Life in Pictures and Words (1976; tr. Christine Trollope, 1978) – включает заслуживающий доверия биографический очерк К. Р. Эйслера. Книга Max Schur, Freud, Living and Dying (1972), написанная врачом, который лечил Фрейда последние десять лет его жизни и впоследствии стал психоаналитиком, бесценна своими подробностями частной жизни, а также разумными, основанными на достоверной информации суждениями. Среди кратких

биографий, вероятно, самой информативной можно считать O. Mannoni, Freud (1968; tr. from the French by Renaud Bruce, 1971). Книга J. N. Isbister, Freud: An Introduction to His Life and Work (1985), типичная для очернителей Фрейда, некритично основывается на биографических спекуляциях и реконструкциях Питера Дж. Свейлса. Стивен Маркус написал разгромную – и заслуженно – рецензию на эту книгу, «The Interpretation of Freud», Partisan Review (Winter 1987), 151–157. Работа (Gunnar Brandell, Freud: A Man of His Century (1961; rev. ed., 1976; tr. from the Swedish by Iain White, 1979) пытается поставить Фрейда в один ряд с такими представителями натурализма, как Золя и Шницлер. Стоит также обратить внимание на работу Louis Breger, Freud's Unfinished Journey: Conventional and Critical Perspectives in Psychoanalytic Theory (1981), которая рассматривает Фрейда как связующее звено между культурой XIX и XX веков. Одно из первых жизнеописаний, Helen Walker Puner, *Freud: His Life and His Mind* (1947), отличается явной враждебностью, а также не слишком научно и не слишком достоверно; тем не менее оно было достаточно влиятельным, чтобы Джонс критиковал его в первых двух томах написанной им биографии Фрейда.

Нельзя также не упомянуть о Поле Розене. В его Freud and His Followers (1975) особое внимание обращается на окружение Фрейда и содержится масса полезного материала. Увлекательная смесь из глубоких изысканий, многочисленных интервью, неожиданных суждений и неуверенного тона, она требует осторожности в использовании. В рецензии на эту книгу в Times Literary Supplement (26 марта 1986, 341) Ричард Вуллхейм дал меткую характеристику как ему, так и всей его школе: «Профессор Розен многократно критикует Фрейда. Фрейд, постоянно напоминает он нам, был холодным, снобистским, чрезмерно интересующимся деньгами, безразличным к семье: он никогда не кормил детей из бутылочки, не менял им пеленки; он уважал людей, а не истину, был слишком сдержанным, обидчивым, ограниченным, авторитарным. Однако наряду с этой разнообразной критикой, а также другой, скрытой, на страницах книги много раз повторяется панегирик: Фрейд был великим человеком, мы не должны забывать хвалить его за смелость и гениальность. Профессор Розен такой же друг Фрейду, каким был Брут для Марка Антония». Именно так. Полной противоположностью и лучшей, на мой взгляд, биографией Фрейда стала компактная и точная книга самого Ричарда Вуллхейма, Freud (1971). Должен признать, что Розен вполне обоснованно жаловался, что семья и обожатели Фрейда скрывали самый интересный материал или стремились «исправить» его

образ для потомков; см. его работу «The Legend of Freud», *Virginia Quarterly Review,* XLVII (Winter 1971), 33–45.

Естественно, многие из этих произведений открыто или неявно оценивали характер Фрейда; из других работ, которые будут отмечены ниже, следует выделить главу «The Man» в 3-й части II тома Джонса, отважную попытку последовательной оценки, ценную, но (как я пытаюсь показать в тексте) переоценивающую безмятежную «зрелость» Фрейда и неверно трактующую взаимоотношения Фрейда с матерью, которые, по моему убеждению, были совсем не такими безоблачными, как считал Джонс. Книга Jones, Sigmund Freud: Four Centenary Essays (1956), естественно, пронизана восхищением, но и в ней есть ценные догадки. Изящное, объемное эссе Philip Rieff, Freud: The Mind of the Moralist (1959; rev. ed., 1961) достойно того, чтобы его прочесть. Среди множества других восхвалений я бы выделил John E. Gedo, «On the Origins of the Theban Plague: Assessments of Freud's Character», в Freud, Appraisals and Reappraisals: Contributions to Freud Studies, ed. Paul E. Stepansky, I (1986), 241–259. Работа Hanns Sachs, Freud: Master and Friend (1945) невелика по объему и глубока по содержанию; восторженная, но без лести, она не раздражает. Freud and the Twentieth Century, ed. Benjamin Nelson (1957) содержит ряд коротких и иногда неожиданных оценок и мнений Альфреда Казина, Грегори Зильбурга, Абрама Кардинера, Гарднера Мерфи, Эрика Х. Эриксона и др. Lionel Trilling, Freud and the Crisis of Our Culture (1955) – это исправленная и дополненная лекция, которая была прочитана в 1955 году, изысканная и вдумчивая защита Ильзы Грубрих-Симитис, выполнившей бесценную редактуру текстов Фрейда, с особенно прочувствованным введением к ее изданию Selbstdarstellung (см. выше), 7–33. Рихард Штерба, который знал Фрейда в старости, когда жил в Вене, посвятил ему трогательные слова признательности в статье «On Sigmund Freud's Personality», *American Imago,* XVIII (1961), 289–304.

Споры вокруг научного статуса идей Фрейда были такими долгими (и временами злобными), что я приведу здесь лишь несколько источников. Самое вдумчивое, самое осторожное и, на мой взгляд, самое удовлетворительное исследование – это работа Paul Kline, Fact and Fantasy in Freudian Theory (1972; 2d ed., 1981). См. также Seymour Fisher and Roger P. Greenberg, The Scientific Credibility of Freud's Theories and Therapy (1977), всеобъемлющее и квалифицированное исследование, несколько менее позитивное, чем у Клайна; его следует дополнить антологией тех же авторов, The Scientific Evaluation of Freud's Theories and Therapy (1978), в которой беспристрастно отражены разные взгляды.

Работа Helen D. Sargent, Leonard Horwitz, Robert S. Wallerstein, and Ann Appelbaum, Prediction in Psychotherapy Research: A Method for the Transformation of Clinical Judgments into Testable Hypotheses, Psychological Issues, monograph 21 (1968) отличается технической точностью и доброжелательностью. Empirical Studies of Psychoanalytic Theories, ed. Joseph Masling, 2 vols. (1983–1985) включает массу увлекательного материала о работах таких экспериментаторов в области психоанализа, как Хартвиг Даль. Самым влиятельным скептиком, который сделал достоверность (или ее отсутствие) фрейдистской науки навязчивой идеей на целое десятилетие, был философ Адольф Грюнбаум; результаты своих исследований он суммировал в работе The Foundations of Psychoanalysis: A Philosophical Critique (1984). Этот труд серьезно анализируется, но справедливо ставится под сомнение в Marshall Edelson, Is Testing Psychoanalytic Hypotheses in the Psychoanalytic Situation Really Impossible? The Psychoanalytic Study of the Child, XXXVIII (1983), 61–109. См. также Edelson, «Psychoanalysis as Science, Its Boundary Problems, Special Status, Relations to Other Sciences, and Formalization», *Journal of Nervous and Mental Disease,* CLXV (1977), 1–28; и Edelson, Hypothesis and Evidence in Psychoanalysis (1984). Полемика с Грюнбаумом, с фрагментом книги, рядом комментариев и ответом автора, представлена в «Precis of The Foundations of Psychoanalysis: A Philosophical Critique», *Behavioral and Brain Sciences,* IX (June 1986), 217–284. Тщательный, критичный и совсем не сочувственный широкий анализ работы Грюнбаума содержится в Edwin R. Wallace IV, «The Scientific Status of Psychoanalysis: A Review of Grünbaum's The Foundations of Psychoanalysis», *Journal of Nervous and Mental Disease,* CLXXIV (July 1986), 379–386. Неожиданная польза от полемики с Грюнбаумом состояла в том, что она развенчала аргумент Карла Поппера, долгое время считавшийся (многими) неоспоримым: психоанализ есть псевдонаука, поскольку его предположения невозможно опровергнуть. Об этом аргументе см. Popper, «Philosophy of Science: A Personal Report», в *British Philosophy in the Mid-Century: A Cambridge Symposium,* ed. C. A. Mace (1957), 155–191; этот очерк также включен в Popper, Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge (1963; 2d ed., 1965), 33–65. Другие инструктивные оценки претензий психоаналитической теории на научность можно найти в серии лекций, Ernest R. Hilgard, Lawrence S. Kubie, and E. Pumpian-Mindlin, Psychoanalysis as Science, ed. E. Pumpian-Mindlin (1952); они в достаточной степени позитивны. Книга B. A. Farrell, The Standing of Psychoanalytic Theory (1981) гораздо более критична, как и работа Barbara Von Eckardt, «The Scientific Status of Psychoanalysis», в

Introducing Psychoanalytic Theory, ed. Satlder L. Gilman (1982), 139–180. Некоторые любопытные статьи о Фрейде можно найти в антологии Freud: A Collection of Critical Essays, ed. Richard Wollheim (1974; 2d ed., enlarged, Philosophical Essays on Freud, ed. Wollheim and J. Hopkins, 1983). Книга Paul Ricœur, Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation (tr. Denis Savage, 1970) представляет собой в высшей степени упорядоченное исследование главного защитника психоанализа как герменевтики. Это вызывающее (как говорят) прочтение идей Фрейда заслуживает пристального внимания, но Фрейд Рикера – это не мой Фрейд. Взгляд на Фрейда как на дитя Просвещения см. в Peter Gay, A Godless Jew: Freud, Atheism, and the Making of Psychoanalysis (1987), особенно гл. 2; и в Ilse Grubrich-Simitis, Reflections on Sigmund Freud's Relationship to the German Language and to Some German-Speaking Authors of the Enlightenment, *Int. J. Psycho-Anal,* LXVII (1986), 287–294 – краткая, но ценная рецензия на доклады Дидье Анзье и Эрнста А. Тихо на международном психоаналитическом конгрессе в 1985 году.

Окончательный перечень работ Фрейда еще не составлен, но с предварительной оценкой можно ознакомиться в статье Harry Trosman and Roger Dennis Simmons, The Freud Library, *J. Amer. Psychoanal Assn.,* XXI (1973), 646–687.

Глава первая. Жажда знаний

Происхождение Фрейда, прошлое его отца, загадочная первая жена, а также детство во Фрайберге и в Вене подробно освещены в книге Marianne Krüll, Freud and His Father (1979; tr. Arnold J. Pomerans, 1986), в основе которой лежат довольно кропотливые, но временами несколько умозрительные исследования. Крулл – как и все, кто изучает тот период в жизни Фрейда, – опирается на оригинальные исследования Йозефа Зайнера: Sigmund Freuds Beziehungen zu seinem Geburtsort Freiberg (Príbor) und zu Mähren, *Clio Medica*, III (1968), 167–180, и Drei dokumentarische Beiträge zur Sigmund-Freud-Biographik aus Böhmen und Mähren, *Jahrbuch der Psychoanalyse*, XIII (1981), 143–152. Материал о Богемии можно найти в антологии Wilma Iggers, Die Juden in Böhmen und Mähren: Ein historisches Lesebuch (1986). Didier Anzieu, Freud's Self-Analysis (2d ed., 1975; tr. Peter Graham, 1986) – это серьезное и необыкновенно подробное (хотя в мелочах спорное) исследование детства Фрейда, нашедшего отражение в снах, которые он выбрал для изложения и анализа в «Толковании сновидений». Еще одно, очень ясное описание детских лет Фрейда представлено в Alexander Grinstein, On Sigmund Freud's Dreams (1968; 2d ed., 1980). Часто цитируются воспоминания сестры Фрейда, Анны Фрейд Бернайс, Erlebtes (частное издание, около 1930) и «My Brother, Sigmund Freud», *American Mercury,* LI (1940), 335–342, поскольку в них рассказываются яркие эпизоды из детства Фрейда (например, когда он возражал против уроков игры на пианино у сестры), которые больше нигде невозможно найти (и проверить). К сожалению, к ее книгам следует относиться с большой осторожностью, поскольку некоторые факты, для которых *возможна* независимая проверка, например возраст отца, когда он женился на матери, оказались неверными. Книга Judith Bernays Heller, «Freud's Mother and Father», *Commentary,* XXI (1956), 418–421, краткая, но информативная. См. также Franz Kobler, «Die Mutter Sigmund Freuds», *Bulletin des Leo Baeck Instituts,* V (1962), 149–171, достаточно информативная, насколько это возможно для ограниченного материала. Детские годы Фрейда также описаны в Siegfried and Suzanne Cassirer Bernfeld, «Freud's Early Childhood», *Bulletin of the Menninger Clinic,* VIII (1944), 107–115. Marie Balmary, Psychoanalyzing Psychoanalysis: Freud and the Hidden Fault of the Father (1979; tr. Ned Lukacher, 1982), достаточно творческой работе, чтобы представлять интерес даже для тех, кто подобно мне не находит рациональной основы для предположений автора, что мать Фрейда забеременела еще до

свадьбы, – утверждение верное, только если Фрейд родился 6 марта, а не 6 мая 1856 года, что считается общепринятой и, по моему мнению, верной датой. Балмари также утверждает, что первая жена Якоба Фрейда, Ребекка, о ком мы в настоящее время ничего не знаем, покончила с собой, выбросившись из поезда. Когда дело касается Фрейда, похоже, фантазия легко подменяет факты. Работа Kenneth A. Grigg, «'All Roads Lead to Rome': The Role of the Nursemaid in Freud's Dreams», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXI (1973), 108–126, суммирует материал о няне-католичке, которую любил маленький Фрейд. В статье P. C. Vitz, in «Sigmund Freud's Attraction to Christianity: Biographical Evidence», *Psychoanalysis and Contemporary Thought,* VI (1983), 73–183, собрано большое количество католических тем в детстве Фрейда, но, как мне кажется, не удалось продемонстрировать интерес Фрейда к христианству.

Дядя Фрейда, Иосиф Фрейд, сбывавший фальшивые деньги и фигурирующий в сновидении «Р. – мой дядя» в работе «Толкование сновидений», достаточно полно, с использованием ценной архивной документации, хотя и кратко, описан в Krüll, Freud and His Father, 164–166. Крулл справедливо критикует сердитый и недоброжелательный памфлет Renée Gicklhorn, Sigmund Freud und der Onkeltraum. Dichtung und Wahrheit (1976) за необоснованные предположения. Дополнительные данные о преступной деятельности Якоба Фрейда (а также, возможно, его сыновей Эммануила и Филиппа, в 1865 году переехавших в Манчестер) будут только приветствоваться. См. также интересное исследование, Leonard Shengold, «Freud and Joseph», в *The Unconscious Today: Essays in Honor of Max Schur,* ed. Mark Kanzer (1971), 473–494, которое переходит от дяди Иосифа к язвительным описаниям встреч Фрейда с другими людьми по имени Иосиф, а также к формированию характера Фрейда.

Интеллектуальное и эмоциональное развитие Фрейда в школе, в университете и во время медицинской практики, вплоть до открытия психоанализа в 1890-х годах, разумеется, описано в работе Фрейда «Толкование сновидений», а также на первых страницах «Автопортрета». Особенно информативна книга Anzieu, Freud's Self-Analysis. Много ценного материала (зачастую с оригинальными иллюстрациями) содержится в Ernst Freud et al., eds., Sigmund Freud: His Life in Pictures and Words; см. также *Jones* I, которая в значительной степени опирается на оригинальные исследования Зигфрида Бернфельда. Кроме статьи, упомянутой выше, к ним относятся «Freud's Earliest Theories and the School of Helmholtz», *Psychoanalytic Quarterly,* XIII (1944), 341–362, a most influential paper; «An Unknown Autobiographical Fragment by

Freud», *American Imago,* IV (1946–1947), 3–19; «Freud's Scientific Beginnings», *American Imago,* VI (1949), 163–196; «Sigmund Freud, M.D., 1882–1885», *Int. J. Psycho-Anal,* XXXII (1951), 204–217; и, совместно с Сюзанной Кассирер Бернфельд, «Freud's First Year in Practice, 1886–1887», *Bulletin of the Menninger Clinic,* XVI (1952), 37–49. Почти недоступная история учебы Фрейда в школе (я обнаружил ее в Siegfried Bernfeld papers, container 17, LC), A. Pokorny, Das erste Dezennium des Leopoldstädters Communal-Real- und Obergymnasiums (1864–1874). Ein historisch-statistischer Rückblick (без даты, очевидно 1874) показывает (с. 44), что если в 1865 году в этой гимназии учились 32 еврея, то в 1874 году их уже было 335; количество католиков увеличилось только с 42 до 110, а протестантов с 1 до 3. В работе Dennis B. Klein, Jewish Origins of the Psychoanalytic Movement (1981) есть информативные страницы об учебе Фрейда (о восприятии своего еврейства). McGrath, Freud's Discovery of Psychoanalysis – это впечатляющее научное исследование (особенно ценное описанием университетских лет Фрейда и его работы с Брентано), несколько подпорченное неубедительным тезисом, что Фрейд разработал психоанализ как «контрполитику», как сознательный вызов, полагает Макграт, поскольку в антисемитской Вене политическая карьера, которую хотел выбрать Фрейд, была для него закрыта. (Этот тезис впервые был выдвинут учителем Макграта, Карлом Шорске, во влиятельной, но, на мой взгляд, эксцентричной статье «Politics and Patricide in Freud's Interpretation of Dreams», *American Historical Review,* LXXVIII [1973], 328–347, перепечатанной в его книге Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture [1980], 181–207.) Если не считать этой гипотезы, книга Макграта очень информативна. История переводов из Милля, сделанных Фрейдом, изложена в Adelaide Weinberg, Theodor Gomperz and John Stuart Mill (1963). Много интересного также содержится в работе Théo Pfrimmer, Freud lecteur de la Bible (1982), где объемный раздел посвящен юному Фрейду в семье, а также размышлениям о роли религии в формировании его мышления.

Из богатой коллекции биографических исследований в сборнике Freud: The Fusion of Science and Humanism: The Intellectual History of Psychoanalysis, ed. John E. Gedo and George H. Pollock (1976) особенно важны для этой главы следующие: Gedo and Ernest S. Wolf, «From the History of Introspective Psychology: The Humanist Strain», 11–45, Harry Trosman, «Freud's Cultural Background», 46–70, Gedo and Wolf, «The 'Ich.' Letters», 71–86, Gedo and Wolf, «Freud's Novelas Ejemplares», 87–111, Julian A. Miller, Melvin Sabshin, Gedo, Pollock, Leo Sadow, and Nathan Schlessinger, «Some Aspects of Charcot's Influence on Freud», 115–132. В статье S.

B. Vranich, «Sigmund Freud and 'The Case History of Berganza': Freud's Psychoanalytic Beginnings», *Psychoanalytic Review,* LXIII (1976), 73–82, содержится интересное (и несколько необычное) заявление о роли Фрейда как «психоаналитика» в отождествлении себя со Сципионом, одной из собак в новелле Сервантеса «Беседа собак». Юношеская любовь Фрейда к Гизеле Флюс описана в обстоятельной статье K. R. Eissler, «Creativity and Adolescence: The Effect of Trauma on Freud's Adolescence», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XXXIII (1978), 461–517. Одно из юношеских стихотворений Фрейда опубликовано в статье Heinz Stanescu «Ein 'Gelegenheitsgedicht' des jungen Sigmund Freud», *Deutsch für Ausl ädnder: Informationen für den Lehrer* (1967), 13–16.

Вена Фрейда была препарирована в Ilsa Barea, Vienna (1966), лишенном иллюзий, отрезвляющем очерке о городе, ошибочно считавшемся мировым центром веселья, вальсов и прекрасного голубого Дуная. Посмертная автобиография Артура Шницлера, My Youth in Vienna (1968; tr. Catherine Hutter, 1970), полна резких, заслуживающих цитирования наблюдений. В книге Robert A. Kann, A History of the Habsburg Empire, 1526–1918 (1974; corr. ed., 1977) город рассматривается в контексте истории Австрии. A. J. P. Taylor, The Habsburg Monarchy, 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary (1941; 2d ed., 1948) – это классический Тейлор: увлекательный, яркий, категоричный. Интересна также обстоятельная монография David F. Good, The Economic Rise of the Habsburg Empire, 1750–1914 (1984). В работе William M. Johnston's full The Austrian Mind: An Intellectual and Social History, 1848–1938 (1972) дана беспристрастная оценка лидеров культуры того времени (экономистов, юристов и политических деятелей, наряду с музыкантами и художниками); богато иллюстрированная книга Vienna, Vienna: The Golden Age, 1815–1914 (1981; итальянская версия 1980) включает массу как известного, так и неизвестного материала. См. также чрезвычайно интересный каталог выставок в Schiller-Nationalmuseum, Marbach: Jugend in Wien: Literatur um 1900, ed. Ludwig Greve and Werner Volke (1974). Особенно информативна несколько старомодная объемная работа о политике, Richard Charmatz, Adolf Fischhof. Das Lebensbild eines Österreichischen Politikers (1910). Много любопытного можно узнать из книги Joseph Roth Radetzkymarsch (1932), увлекательного романа о закате Австро-Венгерской империи. Allan Janik and Stephen Toulmin, Wittgenstein's Vienna (1973) – это изящный обзор интеллектуальной жизни Вены, хотя, на мой взгляд, с не совсем обоснованными попытками установить связи между разрозненными группами. Об отстраненности Фрейда практически от всей этой Вены см. превосходную статью

George Rosen, «Freud and Medicine in Vienna», *Psychological Medicine,* II (1972), 332–344, которая включена в работу *Freud: The Man, His World, His Influence,* ed. Jonathan Miller (1972), 21–39. Большинство коротких очерков в богато иллюстрированном томе Миллера относительно бедны информацией. См. также Rupert Feuchtmüller and Christian Brandstätter, Markstein der Modeme: Österreichs Beitrag zur Kultur– und Geistesgeschichte des 20. Jahrhunderts (1980) и первые главы David S. Luft, Robert Musil and the Crisis of European Culture, 1880–1942 (1980).

Работа Schorske, Fin-de-Siècle Vienna представляет собой сборник изящных очерков; лучшим из них, наиболее обоснованным, можно считать «The Ringstrasse, Its Critics, and the Birth of Modern Urbanism» (24–115). На эту тему см. также William J. McGrath's first book, Dionysian Art and Populist Politics in Austria (1974). Работа John W. Boyer, Political Radicalism in Late Imperial Vienna: Origins of the Christian Social Movement, 1848–1897 (1981) впечатляет своей научной скрупулезностью и описывает политическую ситуацию, в которой жил сорокалетний Фрейд. Kirk Varnedoe, Vienna 1900: Art, Architecture and Design (1986) – это прекрасно иллюстрированный каталог выставок, текст которого разумно избегает идеализации художников и дизайнеров того периода, а также выявления несуществовавших связей между ними и Фрейдом.

Существует большое количество надежных научных исследований о евреях в Вене. Прежде всего, это авторитетная краткая монография Marsha L. Rosenblit, The Jews of Vienna, 1867–1914: Assimilation and Identity (1983) и работа John W. Boyer, «Karl Lueger and the Viennese Jews», *Leo Baeck Yearbook,* XXVI (1981), 125–141. Ценным источником информации для меня стала статья Steven Beller, «Fin de Siècle Vienna and the Jews: The Dialectic of Assimilation», *Jewish Quarterly,* XXXIII (1986), 28–33, а также неопубликованная рукопись Беллера, «Religion, Culture and Society in Fin de Siècle Vienna: The Case of the Gymnasien», которую он позволил мне прочесть летом 1986 года. См. также Wolfdieter Bihl, «Die Juden», в *Die Habsburger Monarchie, 1848–1918,* ed. Adam Wandruszka и Peter Urbanitsch, vol. III, Die Völker des Reiches (1980), part 2, 890–896. О еврейском либерализме, сторонником которого был Фрейд, рассказывает статья Walter B. Simon, «The Jewish Vote in Austria», *Leo Baeck Yearbook,* XVI (1971), 97–121. The Jews of Austria: Essays on Their Life, History and Destruction, ed. Josef Fraenkel (1967) представляет собой трогательное собрание очерков, на немецком и английском языках, о евреях Вены – размышления, воспоминания, документы об участии евреев в жизни города, об истории общины и о ее уничтожении; неизбежно

неровное, это собрание освещает более столетия еврейской жизни города. В него включен чрезвычайно информативный очерк Мартина Фрейда об отце, с вкраплением комментариев о матери – «Who Was Freud?», 197–211. Трогательная, пронизанная юмором книга Мартина Фрейда Sigmund Freud: Man and Father (1958) особенно ценна для главы 4, но в ней также есть полезный материал о юности Фрейда. Разнообразная информация содержится также в Johannes Barta, Jüdische Familienerziehung. Das Jüdische Erziehungswesen im 19. und 20. Jahrhundert (1975), в мемуарах Friedrich Eckstein, «Alte unnennbare Tage!» Erinnerungen aus siebzig Lehr– und Wanderjahren (1936), а также Sigmund Mayer, Ein Jüdischer Kaufmann 1891 bis 1911. Lebenserinnerungen (1911). Mayer, Die Wiener Juden. Kommerz, Kultur, Politik (1917; 2d ed., 1918). Lebenserinnerungen (1911). Mayer, Die Wiener Juden. Kommerz, Kultur, Politik (1917; 2d ed., 1918) – это глубоко личный, печальный, но информативный рассказ о конце XIX столетия. В превосходном кратком исследовании G. J. Pulzer, The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria (1964) особенно полезна глава 4, «Austria, 1867–1900».

О том, чем обязан Фрейд мыслителям того времени, см. статьи Люсиль Б. Ритво, особенно «Darwin as the Source of Freud's Neo-Lamarckianism», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XIII (1965), 499/96 + 517, «Carl Claus as Freud's Professor of the New Darwinian Biology», *Int. J. Psycho-Anal.,* LIII (1972), 277–283, «The Impact of Darwin on Freud», *Psychoanalytic Quarterly,* XLIII (1974), 177–192, и, в соавторстве с Максом Шуром, «The Concept of Development and Evolution in Psychoanalysis», в *Development and Evolution of Behavior,* ed. L. R. Aronson et al. (1970), 600–619. Знакомство Фрейда с Фридрихом Экштейном, определившее переключение интересов Фрейда с юриспруденции на медицину, освещено в *«Alte unnennbare Tage!».* О влиянии Брентано на Фрейда – кроме McGrath, Freud's Discovery of Psychoanalysis – см. Philip Merlan, «Brentano and Freud», *Journal of the History of Ideas,* VI (1945), 375–377, и более подробную статью Raymond E. Fancher «Brentano's Psychology from an Empirical Standpoint and Freud's Early Metapsychology», *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* XIII (1977), 207–227. Marx W. Wartofsky, Feuerbach (1977) – это стандартное исследование на английском языке, посвященное Фейербаху; об изучении Фрейдом работ этого мыслителя см. Simon Rawidowicz, Ludwig Feuerbachs Philosophie Ursprung und Schicksal (1931), 348–350. Основательное исследование Peter Amacher, Freud's Neurological Education and Its Influence on Psychoanalytic Theory, *Psychological Issues*, monograph 16 (1965) могло быть немного объемнее. Работа Larry Stewart, «Freud before

Oedipus», *Journal of the History of Biology,* IX (1976), 215–228, довольно поверхностна. Более основательна статья Rudolf Brun, «Sigmund Freuds Leistungen auf dem Gebiet der organischen Neurologie», *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie,* XXXVII (1936), 200–207.

Об учителях Фрейда в области медицины (в дополнение к статье Rosen «Freud and Medicine in Vienna») см. монументальный труд Erna Lesky The Vienna Medical School of the 19th Century (1965; tr. L. Williams and I. S. Levij, 1976), которому должен быть благодарен любой исследователь истории медицины в Вене, а также Dora Stockert Meynert, Theodor Meynert und seine Zeit: Zur Geistesgeschichte Österreichs in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (1930), Ernst Theodor Brücke, Ernst Brücke (1928), и Sherwin B. Nuland, The Masterful Spirit-Theodor Billroth, The Classics of Surgery Library (1984), 3–44. Несколько ярких зарисовок о Фрейде можно найти в Julius Wagner-Jauregg, Lebenserinnerungen, ed. and completed by L. Schönbaue and M. Jantsch (1950).

Лучшее собрание материалов о неоднозначном эпизоде с кокаином – это Cocaine Papers by Sigmund Freud, ed. Robert Byck (1974), с примечаниями Анны Фрейд; книга включает публикации Фрейда по этому вопросу, а также подробное и заслуживающее доверия введение. См. также Siegfried Bernfeld, «Freud's Studies on Cocaine, 1884–1887», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* I (1953), 581–613. В работе Hortense Koller Becker, «Carl Koller and Cocaine», *Psychoanalytic Quarterly,* XXXII (1963), 309–373, подробно рассмотрен вклад друга Фрейда в открытие анестезирующих свойств кокаина. Статья Peter J. Swales, «Freud, Cocaine, and Sexual Chemistry: The Role of Cocaine in Freud's Conception of the Libido» (частное издание, 1983) содержит некоторые наиболее распространенные гипотезы. См. также Jürgen vom Scheidt, «Sigmund Freud und das Kokain», *Psyche,* XXVII (1973), 385–430. Работа E. M. Thornton, Freud and Cocaine: The Freudian Fallacy (1983) – это образец клеветнической литературы; в ней сделана попытка убедить читателя, что Фрейд является «фальшивым и неверующим пророком» (с. 312), а истоки психоанализа находятся в кокаиновом психозе. Автор утверждает, что «бессознательного» не существует, что теории Фрейда безосновательны и иррациональны, а самым большим оскорблением является то, что сам Фрейд, когда их формулировал, находился под воздействием токсичного вещества со специфическим воздействием на мозг» (с.1).

Материалы о Шарко можно найти в не слишком подробной работе A. R. G. Owen Hysteria, Hypnosis and Healing: The Work of J. – M. Charcot (1971). Книга Georges Guillain, J. – M. Charcot,

1825–1893: His Life-His Work (1955; tr. Pearce Bailey, 1959) более основательна, но в ней главное внимание уделяется ранним неврологическим работам Шарко в ущерб последующим исследованиям истерии. Этот вопрос подробно освещен в статье Mark S. Micale «The Salpêtrieré in the Age of Charcot: An Institutional Perspective on Medical History in the Late Nineteenth Century», *Journal of Contemporary History,* XX (1985), 703–731 (этот автор защитил заслуживающую внимания диссертацию о Шарко и мужской истерии [Yale, 1987]). См. также статью Miller et al., «Some Aspects of Charcot's Influence on Freud».

Глава вторая. Создание теории

Естественно, бесценным источником сведений о судьбоносной дружбе Фрейда и Флисса является их переписка. Макс Шур, который в 1960-х годах имел доступ к неопубликованной части переписки, дал к ней проницательные комментарии в своей книге Max Schur, Freud, Living and Dying. Новаторская статья Шура «Some Additional 'Day Residues' of 'The Specimen Dream of Psychoanalysis'» в Psychoanalysis – a General Psychology: Essays in Honor of Heinz Hartmann, ed. Rudolph M. Loewenstein, Lottie M. Newman, Schur, and Albert J. Solnit (1966), 45–85, несмотря на свое невинное название, стала настоящей бомбой: растолковывая сон об инъекции Ирме, она проливает несколько зловещий свет на страстное увлечение Фрейда Флиссом. K. R. Eissler, «To Muriel M. Gardiner on Her 70th Birthday», *Bulletin of the Philadelphia Association for Psychoanalysis,* XXII (1972), 110–130 – это содержательный и в лучшем смысле этого слова умозрительный очерк о Фрейде и Флиссе. См. также Edith Buxbaum, «Freud's Dream Interpretation in the Light of His Letters to Fliess», *Bulletin of the Menninger Clinic,* XV (1951), 197–212. Объемная работа Frank J. Sulloway, Freud, Biologist of the Mind: Beyond the Psychoanalytic Legend (1979) страдает от некоторой радикальности, представляясь великим, срывающим маски документом, но сообщая лишь давно известный факт, что теория Фрейда имеет биологическую основу; тем не менее главы 5 и 6, в которых анализируется зависимость Фрейда от Флисса и то, что Саллоуэй называет «психофизикой XIX века», представляют несомненную ценность. В работе Patrick Mahony, «Friendship and Its Discontents», *Contemporary Psychoanalysis,* XV (1979), 55–109, дотошно исследуется жизнь Фрейда в 1890-х годах, причем особое внимание уделяется немецким материалам. Статья Erik H. Erikson, «The Dream Specimen of Psychoanalysis», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* II (1954), 5–56, посвящена в основном исследованию сна об Ирме, но в ней также содержатся комментарии к отношениям Фрейда с Флиссом. В работе Peter J. Swales, «Freud, Fliess, and Fratricide: The Role of Fliess in Freud's Conception of Paranoia» (частное издание, 1982) автор даже выдвигает предположение о том, что Фрейд мог пытаться убить Флисса во время их последнего «конгресса» в 1900 году. Еще неопубликованная статья George F. Mahl, «Explosions of Discoveries and Concepts: The Freud-Fliess Letters», ch. 4 of A First Course in Freud, подробно и основательно анализирует переписку Фрейда с Флиссом. Угасание дружбы Фрейда с Флиссом оставило следы в

надписях, которые Фрейд делал на книгах. В 1897 году, отправляя Флиссу свою объемную монографию Die Beziehung zwischen Nase und weiblichen Geschlechtsorganen. In ihrer biologischen Bedeutung dargestellt, он написал: «Seinem teuren Sigmund, innigst, d. V».; пять лет спустя он сопроводил свою Über den ursächlichen Zusammenhang von Nase und Geschlechtsorgan гораздо более сдержанной надписью «Seinem lieben Sigmund!». Teuer – очень нежное обращение, которое наиболее точно переводится как «дражайший», а innigst означает нечто вроде «с огромной любовью». Однако слово lieb – это общеупотребительная форма обращений, нечто вроде «дорогой». (Копии этих писем хранятся в Музее Фрейда, Лондон.)

Сведения о Марте Бернайс можно найти в биографиях ее мужа, в частности, в *Jones* I, а также в неопубликованных фрагментах писем, которые я цитирую в тексте. Небольшая статья жены Мартина Фрейда, Esti D. Freud, «Mrs. Sigmund Freud», *Jewish Spectator,* XLV (1980), 29–31, рассказывает о «безмятежности», которой якобы обладала Марта Фрейд (хотя на этот счет существуют некоторые сомнения). В статье Peter Gay, «Six Names in Search of an Interpretation: A Contribution to the Debate over Sigmund Freud's Jewishness», *Hebrew Union College Annual,* LIII (1982), 295–307, содержатся намеки на то, что Фрейд был тираном в семье. Из всех исследований о Стефане Цвейге (Марта Фрейд нелестно отзывалась о нем) необходимую информацию раскрывает работа D. A. Prater, *European of Yesterday: A Biography of Stefan Zweig* (1972).

До сих пор самым авторитетным исследованием случая «Анны О». и Брейера была объемная (но не утомительная) диссертация, Albrecht Hirschmüller, Physiologie und Psychoanalyse im Leben und Werk Josef Breuers, supplement 4 to *Jahrbuch der Psychoanalyse,* X (1978); в ней удовлетворительно опровергаются неверные предположения и сомнительные интерпретации, решительно определяется место Брейера в обучении Фрейда и исследуются медицинские связи Фрейда. Документы, касающиеся истории болезни Анны О. и самой Анны О., представляют огромный интерес. Хиршмюллер убедительно возражает работам Julian A. Miller, Melvin Sabshin, John E. Gedo, George H. Pollock, Leo Sadow, and Nathan Schlessinger, «The Scientific Styles of Breuer and Freud and the Origins of Psychoanalysis», и Pollock, «Josef Breuer», опубликованным в Freud, Fusion of Science and Humanism, ed. Gedo and Pollock, 187–207, 133–163. Статья Paul F. Cranefield, «Josef Breuer's Evaluation of His Contribution to Psycho-Analysis», *Int. J. Psycho-Anal.,* XXXIX (1958), 319–322, воспроизводит и анализирует интересное письмо Брейера Огюсту Форелю от 1907

года, проливающее свет на его ранние взгляды. Работа Henri Ellenberger, «The Story of 'Anna O.': A Critical Review with New Data», *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* VIII (1972), 267–279, убедительно корректирует неверные толкования Джонса и ошибки в воспоминаниях Фрейда, связанные с этим случаем. Хиршмюллер также раскопал удивительную историю болезни пациентки с тяжелой истерией, «Нины Р.», которую направили в санаторий Bellevue: «Eine bisher unbekannte Krankengeschichte Sigmund Freuds und Josef Breuers aus der Entstehungszeit der 'Studien über Hysterie'», *Jahrbuch der Psychoanalyse,* X (1978), 136–168. Достойная восхищения жизнь Анны О., выдающейся еврейской феминистки и социального работника, описана в Ellen Jensen, «Anna O., a Study of Her Later Life», *Psychoanalytic Quarterly,* XXXIX (1970), 269–293. Статья Richard Karpe, «The Rescue Complex in Anna O's Final Identity», *Psychoanalytic Quarterly,* XXX (1961), 1–24, связывает ее невроз с последующими достижениями. В популярном виде эта история изложена в книге Lucy Freeman, The Story of Anna O. (1972). Превосходное историческое исследование Marion Kaplan, The Jewish Feminist Movement in Germany: The Campaign of the Jüdischer Frauenbund, 1904–1938 (1979), приводит ценный материал о карьере Берты Паппенгейм.

Работу Фрейда об афазии, которая зачастую ускользает от внимания исследователей, анализирует очень полезная, хотя, наверное, слишком краткая статья E. Stengel, «A Re-evaluation of Freud's Book 'On Aphasia': Its Significance for Psycho-Analysis», *Int. J. Psycho-Anal,* XXXV (1954), 85–89. Одна из пациенток Фрейда, страдающих истерией, «фрау Цецилия М.», с достойными внимания подробностями исследована в работе Peter J. Swales, «Freud, His Teacher, and the Birth of Psychoanalysis», в *Freud, Appraisals and Reappraisals,* ed. Stepansky, I, 3–82. Очерк о «Катарине»: Swales, «Freud, Katharina, and the First 'Wild Analysis'» – это распечатка лекции с дополнительными материалами (1985). Работа Ola Andersson, «A Supplement to Freud's Case History of 'Frau Emmy v. N.' в Studies on Hysteria 1895», *Scandinavian Psychoanalytic Review,* II (1979), 5–15, включает биографический материал. См. также Else Pappenheim, «Freud and Gilles de la Tourette: Diagnostic Speculations on 'Frau Emmy von N.'», *Int. Rev. Psycho-Anal,* VII (1980), 265–277, где предполагается, что эта пациентка, возможно, страдала не истерией, а синдромом Туретта (Фрейд тоже высказывал такое предположение).

Незаконченная работа Фрейда «Психология для неврологов» впервые была опубликована в Aus den Anfängen der Psychoanalyse. Briefe an Wilhelm Fliess, Abhandlungen und Notizen aus den Jahren 1887–1902, ed. Ernst Kris, Marie Bonaparte, and Anna Freud (1950;

английская версия, The Origins of Psychoanalysis, tr. Eric Mosbacher and James Strachey, 1954). В своем предисловии к первому, сильно сокращенному изданию писем Флисса Крис определяет место этого проекта в теории Фрейда. Проект доступен на английском: «Project for a Scientific Psychology», в *SE* I, 283–397. Высокая оценка ему дана в книге Wollheim, Freud, особенно гл. 2. В работе Isabel F. Knight argues in «Freud's 'Project': A Theory for Studies on Hysteria, *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* XX (1984), 340–358, утверждается, что проект был задуман как критика теорий Брейера. В убедительном очерке John Friedman and James Alexander, «Psychoanalysis and Natural Science: Freud's 1895 Project Revisited», *Int. Rev. Psycho-Anal.,* X (1983), 303–318, предполагается, что уже в то время Фрейд пытался освободиться от ограничений научного дискурса конца XIX века. О «неоплатонизме» Фрейда см. статью Robert C. Solomon, «Freud's Neurological Theory of Mind», in *Freud: A Collection of Critical Essays,* ed. Wollheim, 25–52.

Обсуждение так называемой теории совращения Фрейда было запутано работой Jeffrey Moussaieff Masson, The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory (1984), в которой утверждается – абсурдно, – что Фрейд отказался от своей теории, потому что не мог вынести изоляции от медицинского истеблишмента, на которую обрекали его радикальные идеи. Остается удивляться: если Фрейд так беспокоился, то почему продолжал публиковать еще более скандальные теории, такие как детская сексуальность и повсеместность извращений. На самом деле Фрейд в письме Флиссу от 21 сентября 1897 года *(Freud Fliess,* 283–286 [264–267]) достаточно полно и подробно изложил эти причины (при всем уважении к Круллу). Более того, Фрейд никогда не отрицал неприятную истину, что совращение или изнасилование маленьких девочек (и мальчиков) либо попытка совращения или изнасилования – чрезвычайно важное событие. Он мог привести в пример собственных пациентов (включая Катарину). Об отношении Фрейда к своей теории совращения см. *Jones* I, особенно 263–267, а также другие работы.

О самоанализе Фрейда, особенно в отношении отца, см. материалы, уже перечисленные в данном очерке для главы 1, в частности «Толкование сновидений», Krüll, Freud and His Father; Anzieu, Freud's Self-Analysis; and Grinstein, On Sigmund Freud's Dreams. См. также George F. Mahl, «Father-Son Themes in Freud's Self-Analysis», в *Father and Child: Developmental and Clinical Perspectives,* ed. Stanley H. Cath, Alan R. Gurwitt, and John Munder Ross (1982), 33–64, и Mahl, «Freud, Father and Mother: Quantitative Aspects», *Psychoanalytic Psychology,* II (1985), 99–113; обе работы

проливают свет на эту туманную область. Незаменимы также обширные комментарии Шура в Schur, Freud, Living and Dying. В работе Freud and His Self-Analysis, ed. Mark Kanzer and Jules Glenn (1979), собраны несколько интересных статей, хотя и несколько разноплановых.

Был ли у Фрейда роман с его свояченицей Минной Бернайс? Первым это обвинение выдвинул, вероятно, Карл Г. Юнг в частном порядке, а затем в 1957 году в интервью своему другу Джону М. Биллински, который опубликовал его в 1969 году: «Jung and Freud (the End of a Romance)», *Andover Newton Quarterly,* X (1969), 39–43. «Вскоре я повстречался с младшей сестрой госпожи Фрейд. Она была очень миловидна и хорошо знакома не только с психоанализом, но и со всем, чем занимался Фрейд. Когда через несколько дней я собирался посетить фрейдовскую лабораторию, его свояченица спросила, может ли она пойти со мной. Она была очень обеспокоена своими отношениями с Фрейдом и испытывала по этому поводу чувство вины. От нее я узнал, что Фрейд был влюблен в нее, что их дружба на самом деле носила весьма интимный характер. Это открытие было для меня шокирующим, и я до сих пор не забыл, как больно меня это задело. Два года спустя нас с Фрейдом пригласили в Университет Кларка в Вустере, и на протяжении почти семи недель мы почти каждый день были вместе. С самого начала нашего путешествия мы занялись анализом наших снов. У Фрейда было несколько снов, которые сильно его беспокоили. Сны явно касались любовного треугольника между Фрейдом, его женой и ее младшей сестрой. О том, что я знаю об этом треугольнике и о его интимных отношениях со свояченицей, Фрейд не имел понятия. И вот, когда Фрейд рассказал мне о сне, в котором его жена и ее сестра играли важную роль, я попросил его дать несколько личных ассоциаций, связанных с этим сном. Он посмотрел на меня с горечью и сказал: «Я мог бы сообщить вам больше, но не могу рисковать своим авторитетом» (с. 42).

Что из этого следует? Юнга никак нельзя считать надежным источником, о чем свидетельствуют многочисленные противоречия в его автобиографических комментариях. История о том, как Фрейд отказался помочь истолковать один из своих снов на борту корабля, может быть вполне правдивой; Юнг повторял ее несколько раз при жизни Фрейда, причем один раз в письме к Фрейду (*Юнг Фрейду,* 3 декабря 1912, *Freud Jung,* 583–584, 584n [526, 526n]), и Фрейд никогда не отрицал ее. Но в других отношениях этот рассказ выглядит очень странно. Разумеется, у Фрейда никогда не было «лаборатории». Комната для приема пациентов примыкала к кабинету, и Юнг мог иметь в виду одно

из этих помещений, хотя использовал весьма необычное название. Более того, хотя подобные суждения крайне субъективны, я могу сказать, что на доступных нам фотографиях Минна Бернайс не выглядит «очень миловидной». Возможно, она действительно нравилась Фрейду, но представляется в высшей степени неправдоподобным, что Юнг, разбиравшийся в женской красоте и в тот период весьма активный в сексуальном плане, хотя и связанный узами брака, действительно считал ее миловидной. Шур, который, естественно, знал Минну Бернайс уже в относительно преклонном возрасте, находил ее совсем непривлекательной (интервью с Хелен Шур, 3 июня 1986). Опять-таки трудно поверить, что Минна Бернайс рассказала такие интимные подробности абсолютно незнакомому человеку, которого только что встретила и который был ей чужим в культурном, религиозном и профессиональном плане. Конечно, она могла счесть незнакомца, особенно того, с кем скоро расстанется, наиболее подходящим объектом для признаний. Но я никак не могу представить себе эту сцену.

Не так давно Питер Дж. Суэйлз сделал такое же заявление, выдав предположения за доказанный факт в своих статьях «Freud, Minna Bernays, and the Imitation of Christ» (неопубликованная лекция 1982 года, фотокопия любезно предоставлена мистером Суэйлзом) и «Freud, Minna Bernays, and the Conquest of Rome: New Light on the Origins of Psychoanalysis», *New American Review: A Journal of Civility and the Arts,* I (Spring/Summer 1982), 1–23. Суэйлз пользуется тем, что я назвал бы «прочтением Бернфельда», плодотворным, но рискованным методом. Зигфрид Бернфельд, который намеревался написать биографию Фрейда и собрал огромное количество материала, истолковывал некоторые тексты Фрейда, в частности его статью «О покрывающих воспоминаниях» (1899), как скрытые автобиографические откровения. Именно так он обнаружил юношеское увлечение Фрейда Гизелой Флюс. Естественно, из многих произведений Фрейда (особенно богатым источником косвенных саморазоблачений является «Психопатология обыденной жизни») можно вывести совершенно правдоподобные и иногда верные заключения; собранные вместе в связную историю, они могут иметь больший вес, чем каждое по отдельности. Суэйлз прекрасно справляется с этой задачей, чему способствует психоаналитическая техника поиска скрытого смысла. Сосредоточившись на материале из таких работ Фрейда, как «О покрывающих воспоминаниях», «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни», Суэйлз конструирует последовательность событий в жизни Фрейда, с помощью которой пытается доказать, что у Фрейда действительно был роман со

свояченицей. Когда суждение Фрейда о ком-то другом может быть применено к нему самому, Суэйлз принимает это как доказательство; если же данное утверждение не подходит, он обвиняет Фрейда в сокрытии материала или откровенном обмане. Конечно, он может быть прав: работа сновидения, смесь откровения и утаивания, протекает именно так, а любой опытный рассказчик знает, что самая эффективная тактика – это смешивать правду с вымыслом. Таким образом, у Фрейда *мог быть* роман с Минной Бернайс.

Комментарии на эту тему Эрнеста Джонса указывают, что, хотя история Юнга не обязательно правдива, она была широко известна, звучит достаточно убедительно (по крайней мере, для некоторых), и поэтому требует прямого опровержения. Конечно, сочувственное отношение Джонса может вызвать подозрения, не оправдывается ли он. Так, Джонс называет Фрейда «в высшей степени моногамным» человеком, который «всегда производил впечатление необычайно целомудренного – слово «пуританский» не будет здесь лишним» (*Jones* I, 139, 271). Критикуя биографию Фрейда, написанную Пунер, он считает себя обязанным сказать несколько слов «о супружеской жизни Фрейда, так как различные странные легенды об этой стороне его жизни, по-видимому, вошли в моду. Его жена, несомненно, являлась единственной женщиной в любовной жизни Фрейда, и он всегда отдавал ей предпочтение перед всеми другими людьми… [что касается Минны Бернайс] Ее колкий язык породил множество эпиграмм, которые цитировались в семье. Фрейд, несомненно, ценил общение с ней, но сказать, что она каким-либо образом заменяла свою сестру в его любовных чувствах, – значит сказать сущий вздор» (*Jones* II, 386–387). Кларк также (см. его работу *Freud,* 52) считал свидетельства, особенно интервью Юнга, крайне ненадежными и отвергал их.

В Библиотеке конгресса и в Freud Collection хранится переписка Фрейда и Минны Бернайс, которая тщательно изучается перед публикацией; в данный момент письма еще недоступны (что очень раздражает). С учетом неполноты свидетельств (еще один пример того, как запретительная политика стражей репутации Фрейда, которые отказывают в доступе к важным материалам или замедляют этот доступ, порождает слухи), не следует принимать любую гипотезу за непреложную истину – по крайней мере, я этого не делаю. Фрейд написал несколько страстных писем Минне Бернайс, когда был помолвлен с ее сестрой, но этот факт не подтверждает теорию Юнга и Суэйлза, а, как мне кажется, наоборот, делает ее менее вероятной. Если появятся надежные независимые доказательства

(не предположения, а логичные цепочки умозаключений), что у Фрейда действительно был роман со свояченицей и он действительно (как подробно описывает Суэйлз) устроил так, чтобы ей сделали аборт, я соответственно исправлю свой текст. А пока буду считать верной общепризнанную, менее скандальную версию.

Глава третья. Психоанализ

В отношении работы над «Толкованием сновидений» непревзойденным источником информации, конечно, служат письма Фрейда к Флиссу. Подробное исследование снов, которые Фрейд использует в своей книге, см. Anzieu, Freud's Self-Analysis и Grinstein, On Sigmund Freud's Dreams. Кроме того, теория сновидений Фрейда рассматривается в Fisher and Greenberg, Scientific Credibility of Freud's Theories, ch. 2 (хорошее, полное обсуждение) и в *Jones* I, а также в других биографических работах, упоминавшихся выше. По причинам, указанным в разделе для главы 1, я не могу согласиться с «политической» интерпретацией в работе McGrath, Freud's Discovery of Psychoanalysis, однако нахожу многие толкования Макгратом снов Фрейда необыкновенно тонкими. См. также Ella Freeman Sharpe, Dream Analysis (1937; 2d ed., 1978), изящный текст выдающегося английского психоаналитика-непрофессионала, неоднозначные лекции Bertram D. Lewin, Dreams and the Uses of Regression (1958), несколько ранних статей Эрнеста Джонса, собранных в его книге Papers on Psycho-Analysis (3d ed., 1923) и представляющих интересную иллюстрацию того, как толкование снов проникло в профессию психоаналитика: «Freud's Theory of Dreams» (1910), 212–246, «Some Instances of the Influence of Dreams on Waking Life» (1911), 247–254, «A Forgotten Dream» (1912), 255–265; «Persons in Dreams Disguised as Themselves» (1921), 266–269, и «The Relationship between Dreams and Psychoneurotic Symptoms» (выпущенную в 1911), 270–292.

Среди более поздних работ можно отметить исследование D. R. Hawkins, «A Review of Psychoanalytic Dream Theory in the Light of Recent Psycho-Physiological Studies of Sleep and Dreaming», *British Journal of Medical Psychology,* XXXIX (1966), 85–104, и полезную статью Leonard Shengold, «The Metaphor of the Journey in 'The Interpretation of Dreams'», *American Imago* XXIII (1966), 316–331. В кратком, занимательном и эклектичном очерке Charles Rycroft, The Innocence of Dreams (1979) исследуется недавно изданная литература, причем не только по психоанализу. Продолжается и исследование сновидений; одна интересная теория, хотя и довольно осторожная (и открыто противостоящая теории Фрейда), изложена в статье Francis Crick and Graeme Mitchison, «The Function of Dream Sleep», *Nature,* CCCIV (1983), 111–114; авторы высказывают предположение, что быстрый сон предназначен для удаления «нежелательных типов взаимодействий в цепочках клеток коры головного мозга». См.

также James L. Fosshage and Clemens A. Loew, eds., Dream Interpretation: A Comparative Study (1978), и Liam Hudson, Night Life: The Interpretation of Dreams (1985), где автор предлагает собственную интерпретацию. Еще один полезный источник, относящийся к литературе о теории сновидений Фрейда, Walter Schönau, Sigmund Freuds Prosa. Literarische Elemente seines Stils (1968), содержит интересный и, на мой взгляд, убедительный материал (с. 53–89) об эпиграфах для «Толкования сновидений», отвергнутых Фрейдом, и о том, который он использовал. Erikson, «The Dream Specimen of Psychoanalysis» – это интересная и объемная статья о сне Ирмы. См. также A. Keiper and A. A. Stone, «The Dream of Irma's Injection: A Structural Analysis», *American Journal of Psychiatry,* CXXXIX (1982), 1225–1234. Среди других полезных работ о снах Фрейда можно отметить краткую статью Leslie Adams, «A New Look at Freud's Dream 'The Breakfast Ship'», *American Journal of Psychiatry,* CX (1953), 381–384, пользующуюся заслуженной известностью работу Eva M. Rosenfeld, «Dream and Vision: Some Remarks on Freud's Egyptian Bird Dream», *Int. J. Psycho-Anal,* XXXVIII (1956), 97–105, и Buxbaum, «Freud's Dream Interpretation in the Light of His Letters to Fliess» (приведенную в разделе для главы 2).

Жанр автобиографии, который пережил необыкновенный расцвет в XIX веке и к которому в определенном, хотя и несколько необычном смысле принадлежит программа Фрейда, привлекает все большее число ученых. Здесь я упомяну только о самых интересных из последних работ: Jerome Hamilton Buckley, The Turning Key: Autobiography and the Subjective Impulse since 1800 (1984), откуда я почерпнул много полезного, William C. Spengemann, The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre (1980), где в последней главе приводятся примеры, относящиеся к XIX веку, Linda H. Peterson, Victorian Autobiography: The Tradition of Self-Interpretation (1986), гораздо более концентрированная, A. O. J. Cockshut, The Art of Autobiography in Nineteenth and Twentieth Century England (1984), с многочисленными глубокими комментариями, а также Avrom Fleishman, Figures of Autobiography: The Language of Self-Writing (1983).

Теперь непосредственно о работе Фрейда. Идеи Фрейда тех лет рассмотрены в ценном исследовании Kenneth Levin, Freud's Early Psychology of the Neuroses: A Historical Perspective (1978). Историки не пришли к согласию относительно психиатрии XIX века и лечебниц для душевнобольных. Не так давно эти вопросы привлекли усиленное внимание и вызвали серьезные споры, не в последнюю очередь благодаря радикальному ревизионизму (на

мой взгляд, возможно, и стимулирующему, но в целом вредному); в частности, я имею в виду его известную работу Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason (1961; tr. Richard Howard, 1965). Lancelot Law Whyte, The Unconscious before Freud (1960; paperback ed., 1962) это краткое, но полезное исследование. Работа Henri F. Ellenberger, The Discovery of the Unconscious: The History and Evolution of Dynamic Psychiatry (1970), гораздо более полная – объемный девятисотстраничный том с длинными главами о начальных этапах развития психологии, а также о Юнге, Адлере и Фрейде. Довольно далекая от изящества, предвзятая и не всегда надежная в своих поспешных суждениях (например, вердикт, что Фрейд был олицетворением жителя Вены), эта работа может служить богатым источником информации. Robert M. Young, Mind, Brain and Adaptation in the Nineteenth Century: Cerebral Localization and Its Biological Context from Gall to Ferrier (1970) – это современная классика. В прекрасной антологии Madhouses, Mad-Doctors, and Madmen: The Social History of Psychiatry in the Victorian Era, ed. Andrew Scull (1981) я не могу выделить какую-либо работу в ущерб другим, хотя стоит отметить, что больше всего сведений почерпнул из William F. Bynum, Jr., «Rationales for Therapy in British Psychiatry», 35–57, и Michael J. Clark, «The Rejection of Psychological Approaches to Mental Disorder in Late Nineteenth-Century British Psychiatry», 271–312. Еще одна замечательная антология, в которой проявляется влияние Фуко, но которая сопротивляется сенсуализму, – это The Anatomy of Madness: Essays in the History of Psychiatry, vol. I, People and Ideas, и vol. II, Institutions and Society, ed. Bynum, Roy Porter, and Michael Shepherd (1985). Работа Raymond E. Fancher, Pioneers of Psychology (1979) ясно, хотя и довольно кратко освещает эту область науки, от Рене Декарта до Б. Ф. Скиннера. Книга J. C. Flugel, A Hundred Years of Psychology: 1833–1933 (1933) охватывает широкую область, хотя, естественно, очень кратко. См. также Clarence J. Karier, Scientists of the Mind: Intellectual Founders of Modem Psychology (1986), с примерно одинаковыми по объему главами о десяти современных психологах, от Уильяма Джеймса до Отто Ранка, не забывая Фрейда, Адлера и Юнга. Работа The Inner World of American Psychiatry, 1890–1940: Selected Correspondence (1985) отличается тщательно подобранным и аннотированным материалом. См. также превосходную короткую монографию Kenneth Dewhurst, Hughlings Jackson on Psychiatry (1982), и Essays in the History of Psychiatry, ed. Edwin R. Wallace IV and Lucius C. Pressley (1980), полезная подборка статей о М. Берде (Эрика Т. Карлсона) и других. Авторы работы Steven R. Hirsch and

Michael Shepherd, Themes and Variations in European Psychiatry: An Anthology (1974) среди богатого материала периода до начала Первой мировой войны нашли статьи Эмиля Крепелина, Карла Бонхеффера и других психиатров. Статья Barry Silverstein, «Freud's Psychology and Its Organic Foundations: Sexuality and Mind-Body Interactionism», *Psychoanalytic Review,* LXXII (1985), 203–228, приводит убедительные аргументы, что не следует переоценивать влияние специализации Фрейда в области неврологии и что психоанализ, хотя и не отказываясь от связи психики с телом, настаивает на независимости психики. Увлекательная попытка связать психоанализ с неврологическими теориями сделана в современной работе Morton F. Reiser, Mind, Brain, Body: Toward a Convergence of Psychoanalysis and Neurobiology (1986). См. также R. W. Angel, «Jackson, Freud and Sherrington on the Relation of Brain and Mind», *American Journal of Psychiatry* (1961), 193–197. Прекрасное специализированное исследование Anne Digby, Madness, Morality and Medicine: A Study of the York Retreat, 1796–1914 (1986) может служить образцом для других. Достойны подражания также работы Джанет Оппенгейм, в частности статья «The Diagnosis and Treatment of Nervous Breakdown: A Dilemma for Victorian and Edwardian Psychiatry», в The Political Culture of Modem Britain: Studies in Memory of Stephen Koss, ed. J. M. W. Bean (1987), 75–90, и монография, The Other World: Spiritualism and Psychical Research in England, 1850–1914 (1985).

Авторитетное исследование K. R. Eissler, Sigmund Freud und die Wiener Universität. über die Pseudo-Wissenschaftlichkeit der jüngsten Wiener Freud-Biographik (1966) превосходит все остальные в освещении долгой дороги Фрейда к профессорскому званию; в острой полемике с двумя австрийскими исследователями, Йозефом и Рене Гикльхорн, в ней доказывается, что на протяжении многих лет профессиональная карьера Фрейда действительно тормозилась.

Самое тщательное и в высшей степени негативное исследование тезиса Фрейда, что состояние психики проявляется в непроизвольных ошибках речи и является симптоматическим, выполнено в работе Sebastiano Timpanaro, The Freudian Slip: Psychoanalysis and Textual Criticism (1974; tr. Kate Soper), которую стоит прочесть, хотя я и не считаю ее убедительной.

Сексуальность Фрейда исследовалась, вероятно, даже больше, чем его сны. Анализ сдержанной сексуальности XIX века, норм и реальности – Фрейд жил в ней, а не только критиковал ее – содержится в Peter Gay, Education of the Senses (1984), а также в The Tender Passion (1986), I и II тома The Bourgeois Experience: Victoria to Freud; в них «викторианская» буржуазия изображена не

такой ханжеской и подавляющей свои чувства, как утверждали критики. См. также очерк, информативный, с широким охватом, Stephen Kern, «Freud and the Discovery of Child Sexuality», *History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory,* I (Summer 1973), 117–141; его следует читать вместе с Kern, «Freud and the Birth of Child Psychiatry», *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* IX (1973), 360–368. Полезна также статья Sterling Fishman, «The History of Childhood Sexuality», *Journal of Contemporary History,* XVII (1982), 269–283. Исследование медицинских взглядов того времени проведено в K. Codell Carter, «Infantile Hysteria and Infantile Sexuality in Late Nineteenth-Century German-Language Medical Literature», *Medical History,* XXVII (1983), 186–196. Взгляды Фрейда на брак обсуждаются в статье John W. Boyer, «Freud, Marriage, and Late Viennese Liberalism: A Commentary from 1905», *Journal of Modern History,* L (March 1978), 72–102, в которой приводятся важные высказывания Фрейда в оригинале, на немецком языке.

Глава четвертая. Портрет критикуемого основателя

При написании портрета пятидесятилетнего Фрейда я опирался на все упоминавшиеся выше биографии, монографии и мемуары, на опубликованную и неопубликованную переписку, на письма Анны Фрейд к Эрнесту Джонсу (Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London), а также на неопубликованные воспоминания пациента Фрейда Людвига Йекельса (Siegfried Bernfeld papers, container 17, LC). Незаменимыми были книги Джонса, Шура, Закса и, прежде всего, Мартина Фрейда. Для описания квартиры Фрейда очень пригодились фотографии из книги Edmund Engelman in Berggasse 19: Sigmund Freud's Home and Offices, Vienna 1938 (1976). На этих снимках, сделанных в мае 1938 года, в кабинете для приема пациентов сделана перестановка после того, как Фрейд оглох на одно ухо. См. также мое введение к этому сборнику, «Freud: For the Marble Tablet», 13–54, и исправленную версию, «Sigmund Freud: A German and His Discontents», in Freud, Jews and Other Germans: Masters and Victims in Modernist Culture (1978), 29–92. Подписи к фотографиям Энгельмана, автором которых была Рита Ранскхофф, помогают лишь отчасти; недостает профессионального каталога вещей Фрейда, особенно древностей. См. также глубокие комментарии друга Фрейда Макса Графа, Max Graf, «Reminiscences of Professor Sigmund Freud», *Psychoanalytic Quarterly,* XI (1942), 465–477, Эрнста Уолдингера, Ernst Waldinger, «My Uncle Sigmund Freud», *Books Abroad,* XV (Winter 1941), 3–10; и интервью Ричарда Дика с другим племянником Фрейда, Гарри Фрейдом: «Mein Onkel Sigmund», *Aufbau* (New York), May 11, 1956, 3–4. Короткая статья Bruno Goetz, «Erinnerungen an Sigmund Freud», *Neue Schweizer Rundschau,* XX (May 1952), 3–11, очаровательна и трогательна. Выдержки из этих и многих других воспоминаний старательно собраны в объемной антологии Freud As We Knew Him, ed. Hendrik M. Ruitenbeek (1973). Для описания контекста музыкальных вкусов Фрейда (особенно оперы) я использовал большое количество литературы, среди которой можно выделить увлекательную и убедительную книгу Paul Robinson, Opera and Ideas from Mozart to Strauss (1985), в которой утверждается, что музыка *способна* передавать идеи. Сведения о Карле Краусе можно найти в Edward Timms, Karl Kraus, Apocalyptic Satirist: Culture and Catastrophe in Habsburg Vienna (1986), научной биографии, которая тщательно

исправляет широко распространенные неверные толкования отношений Фрейда с самым известным литературным критиком Вены.

О первых сторонниках Фрейда можно узнать в Franz Alexander, Samuel Eisenstein, and Martin Grotjahn, eds., Psychoanalytic Pioneers (1966), богатой, но неровной антологии, содержащей материал, которого нет в других источниках. Биографические комментарии в четырех томах Protokolle Венского психоаналитического общества, касающиеся близкого круга Фрейда, довольно информативны, но отличаются излишней краткостью. Работа Lou Andreas-Salomé, In der Schule bei Freud. Tagebuch eines Jahres, 1912/1913, ed. Ernst Pfeiffer (1958), энергична и проницательна. Одной из самых ярких фигур среди венских психоаналитиков, Отто Ранку, посвящена достойная восхищения биография, Jesse Taft, Otto Rank (1958), а также глубокое исследование, E. James Lieberman, Acts of Will: The Life and Work of Otto Rank (1985), в котором акценты расставлены несколько иначе, чем у меня в этой и последующих главах. О начале психоаналитического движения в Вене и других местах см. Ernest Jones, Free Associations: Memories of a Psycho-Analyst (1959), краткую, самоуверенную и информативную автобиографию.

«Иностранцы» могли бы удостоиться большего внимания, чем они до сих пор получали. Нет биографии Пфистера, но хорошей отправной точкой могут послужить его автобиографические заметки, «Oskar Pfister», in Die Pädagogik der Cegenwart in Selbstdarstellungen, ed. Erich Hahn, 2 vols. (1926–1927), II, 161–207. Почти полная переписка Пфистера с Фрейдом хранится в Sigmund Freud Copyrights, и вместе с бумагами Пфистера в центральной библиотеке Цюриха она может составить основу для его биографии. См. также некролог Пфистера, составленный Вилли Хоффером, *Int. J. Psycho-Anal.,* XXXIX (1958), 615–616, и работу Gay, A Godless Jew, ch. 3. Биография Карла Абрахама, написанная его дочерью, Hilda Abraham, Karl Abraham: An Unfinished Biography (1974), – это первая отважная попытка, однако эта работа неполная (немецкая версия, Karl Abraham. Sein Leben für die Psychoanalyse, tr. into German by Hans-Horst Henschen, 1976, содержит насколько важных писем Абрахама, приведенных в оригинале) и требует существенных дополнений. Очаровательная и хорошо задокументированная фигура Эрнеста Джонса заслуживает лучшего, чем Vincent Brome, Ernest Jones: Freud’s Alter Ego (English ed., 1982; American ed., 1983); основное достоинство книги составляют рассказы об интервью с Джонсом и многочисленные цитаты из архивных документов, однако в ней отсутствует критический подход, и она очень небрежна. Статьи,

опубликованные к столетию со дня рождения Джонса в *Int. J. Psycho-Anal.,* LX (1979), ожидаемо хвалебные, но содержат крупицы ценных сведений: Katharine Jones, «A Sketch of E. J.'s Personality», 171–173; William Gillespie, «Ernest Jones: The Bonny Fighter», 273–279; Pearl King, «The Contributions of Ernest Jones to the British Psycho-Analytical Society», 280–287; и Arcangelo R. T. D'Amore, «Ernest Jones: Founder of the American Psychoanalytic Association», 287–290. Выше уже упоминалась книга Binswanger, Erinnerungen, в которой цитируется много писем Фрейда, а также ответов самого Бинсвангера. Слишком мало написано о красивой, элегантной и блистательной Джоан Ривьер, но у нас есть два трогательных некролога, Джеймса Стрейчи и Паулы Хейманн, в *Int.* J. *Psycho-Anal,* XLIV (1963), 228–230, 230–233. Возможно, самый серьезный пробел – это отсутствие полной биографии Ференци (или, если уж на то пошло, Будапештского института). В настоящее время лучшие источники – это Michael Balint «Einleitung des Herausgebers», в Sándor Ferenczi, Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint, 2 vols. (1970), I, IX–XXII; и Ilse Grubrich-Simitis, «Six Letters of Sigmund Freud and Sándor Ferenczi on the Interrelationship of Psychoanalytic Theory and Technique», *Int. Rev. Psycho-Anal.,* XIII (1986), 259–277, с подробными аннотациями и комментариями.

Монографию Hannah S. Decker, Freud in Germany: Revolution and Reaction in Science, 1893–1907 (1977) можно считать образцом исследования о первой реакции на идеи Фрейда в Германии; она пересматривает упрощенный взгляд Фрейда и Джонса на эту реакцию, избегая ловушки ревизионизма ради ревизионизма. Было бы желательно иметь подобные монографии о восприятии теорий Фрейда в других странах.

Что касается Отто Вейнингера, о котором собрана обширная библиография, особенно полезным мне показались: памфлет Hans Kohn Karl Kraus. Arthur Schnitzler. Otto Weininger. Aus dem jüdischen Wien der Jahrhundertwende (1962), соответствующие страницы в Johnston, The Austrian Mind, esp. 158–162; Paul Biro, Die Sittlichkeitsmetaphysik Otto Weininger. Eine geistesgeschichtliche Studie (1927), и Emil Lucka, Otto Weininger, sein Werk und seine Persönlichkeit (1905; 2d ed. 1921).

По поводу Эйтингона: 24 января в New York Times Book Review была опубликована статья Стивена Шварца, названного «сотрудником Института современных исследований в Сан-Франциско», в которой содержались серьезные обвинения в адрес Макса Эйтингона. Шварц связывает Эйтингона с международной сетью людей творческих профессий и интеллектуалов, которая – главным образом в 1930-х годах – служила проводником

жестокой политики Сталина на Западе, во Франции, в Испании, Соединенных Штатах, Мексике и помогала организовывать или непосредственно участвовала в похищениях и убийствах людей, которых хотел устранить Сталин или его спецслужбы. Эти заявления появились в крайне неподходящее для меня время. Я никогда не слышал ни о чем подобном в отношении Эйтингона, а основной материал моей книги уже прошел страничную корректуру; возможность для комментариев оставалась только в библиографическом очерке. Я полагал, что достаточно много узнал об Эйтингоне в процессе работы над книгой, и утверждение, что он мог быть среди тех, кто был готов отбросить свою независимость и гуманность, чтобы помочь сталинской машине убийств, казалось мне абсурдным. Однако я не стал отмахиваться от обвинений Шварца, даже несмотря на то, что в отношении Эйтингона они звучали неубедительно. (Помимо других неточностей, Шварц пишет, что Эйтингон «с 1925 по 1937 год» был для Фрейда «главным помощником и защитой от внешнего мира. Абрахам умер, Ранк поссорился с мэтром, а Закс и Джонс не подходили для той роли, которую так хорошо исполнял Эйтингон, который неизменно проявлял доброту к больному Фрейду. Он в буквальном смысле был для старика секретарем по протокольным вопросам». Читатели написанной мной биографии понимают, что это нелепость: за эти годы Эйтингон виделся с Фрейдом лишь несколько раз, во время своих редких визитов в Вену или еще более редких визитов Фрейда в Берлин. Как свидетельствует Chronik Фрейда, после эмиграции Эйтингона в Палестину в 1933 году он появлялся в доме на Берггассе, 19, один раз в год.

Тем не менее, каким бы неинформированным ни был Шварц или его ассистент относительно жизни психоаналитического сообщества, это незнание само по себе не опровергает его утверждения. И хотя в письмах Эйтингона к Фрейду не было ни малейшего намека на симпатию к большевикам, я не стал автоматически оправдывать его. Как бы то ни было, если бы Эйтингон на самом деле был советским агентом, он не стал бы признаваться в этом своим друзьям – особенно Фрейду, чье отвращение к большевизму и даже социализму было хорошо известно. Но если обвинения Шварца подтвердятся, я просто обязан сообщить читателям об этом ужасающем факте, даже при том, что фигура Эйтингона далеко не главная в моем повествовании.

Поэтому я решил изучить этот вопрос настолько глубоко, насколько позволяло время. Я связался с Вольфгангом Леонардом, одним из самых известных в мире специалистов по

беззаконным действиям Советского Союза. Он никогда не слышал о Максе Эйтингоне и не смог ничего о нем найти в своей обширной специализированной библиотеке. Кроме того, я изучил массу литературы о деятельности советских спецслужб дома и за рубежом, включая такой классический текст, как Robert Conquest, Inside Stalin's Secret Police: NKVD Politics, 1936–1939 (1985), и ряд других монографий на английском, французском и немецком. Несмотря на изобилие имен советских агентов вместе с описанием их деятельности, ни одна из этих книг не упоминала Макса Эйтингона. Кроме того, особое внимание я уделил двум источникам, на которые опирался в своих выводах Шварц, John J. Dziak, Chekisty: A History of the KGB (1988) и Vitaly Rapoport and Yuri Alexeev, High Treason: Essays on the History of the Red Army, 1918–1938, ed. Vladimir G. Treml and Bruce Adams, and tr. Adams (1985). Первое обвинение Шварца состояло в том, что Эйтингон в 1937 году в Париже участвовал в похищении белогвардейского генерала Евгения Карловича Миллера, якобы в сотрудничестве с русской исполнительницей народных песен Надеждой Плевицкой и ее мужем Николаем Скоблиным, которые были сотрудниками советских спецслужб. Кроме того, Шварц мрачно намекает на еще одно преступление. «Имеются свидетельства, – пишет он, – что доктор Макс Эйтингон оказывал помощь при подготовке тайного судебного процесса, во время которого высшие чины Красной армии, в том числе главный армейский комиссар и восемь генералов стали жертвами репрессивной сталинской машины». Должен заметить, что это тайное судилище выявило зловещее сотрудничество агентов НКВД с такими видными нацистскими чиновниками, как Рейнхард Гейдрих, который хотел уничтожить руководство Красной армии. Шварц не подтверждает это обвинение документами, заявляя о существовании свидетельств, в которых он не сомневается. «Честно говоря, не очень приятно представить, что соратник Фрейда сотрудничал с подручным Гейдриха». Конечно, неприятно. Но правда ли это?

Поскольку Шварц не привел никаких доказательств второго обвинения, я ограничил свое исследования первым. Вот как Шварц суммирует то, что он прочел в Chekisty: «Мистер Дзяк сообщает, что членом группы ключевых агентов, участвовавших в похищении генерала Миллера, был близкий друг Зигмунда Фрейда и столп психоаналитического движения, доктор Макс Эйтингон… брат Леонида Эйтингона». Следует отметить, что Леонид был загадочной фигурой, и как минимум один источник называет его Наумом Эйтингоном; похоже, он занимал высокий пост в НКВД и в 1940 году руководил убийством Троцкого. «В своей книге, – пишет Шварц, – мистер Дзяк делает вывод, что

именно доктор Макс Эйтингон завербовал Скоблина и Плевицкую в специальное подразделение [сталинских убийц]». В конце статьи Шварц уже не столь категоричен: «Можно возразить, что его [Макса Эйтингона] личное участие, в конце концов, было незначительным…» Однако это частичное оправдание не может компенсировать ущерб, нанесенный предыдущими обвинениями. На самом деле Дзяк гораздо более осторожен в своих выводах, чем представляет его Шварц. Дзяк в своей книге упоминает Макса Эйтингона всего три раза, причем вскользь, и отмечает, что «Маркс [*sic!*], *вероятно,* был связан с генералом Скоблиным и его женой Плевицкой» (с. 100, курсив мой). Однако в «финансовой связи» Плевицкой с Максом Эйтингоном, который «*якобы* оказывал ей существенную финансовую поддержку», автор не уверен, поскольку неизвестно, «откуда поступали деньги, от Эйтингона или из советских источников» (с. 101, курсив мой). Действительно, «на суде [над Плевицкой] всплыло имя Макса Эйтингона, а не Наума. Но советский *источник из диссидентов* утверждает, что именно *Наум* организовал и осуществил похищение Миллера» (с. 102, курсив мой). В примечании Дзяк, проявляя явную сдержанность перед лицом недостатка надежного материала, вынужден признать, что «существует значительная путаница по поводу деятельности двух братьев Эйтингон» (с. 199). Это не обеляет имя Макса Эйтингона, но вызывает серьезные сомнения в его участии.

Второй из своих главных источников информации Шварц использует с такой же небрежностью. Вот как он пересказывает выводы Рапопорта и Алексеева: они «прямо заявляют… что доктор Эйтингон был руководителем Скоблина и Плевицкой». На самом деле они этого не утверждали. «Руководителем Плевицкой по линии НКВД был легендарный Наум Эйтингон; связным и казначеем, – пишут они, – служил его брат Марк [sic]». Далее авторы отмечают: «В течение многих лет он был щедрым покровителем Надежды Плевицкой. Она даже проговорилась на суде, что он «одевал ее с головы до ног». Он же финансировал издание двух ее автобиографических книг». На основе этих скудных фактов они делают следующее предположение: «Только он вряд ли делал это из одной любви к русскому вокалу. Более вероятно, что он выступал как связной и финансовый агент своего брата Наума». Как бы ни относиться к этим предположениям, звучат они гораздо менее уверенно, чем решительные обвинения Шварца.

В конечном счете практически все обвинения против Макса Эйтингона ведут к книге B. Prianishnikov, Nezrimiaia pautina (The Invisible Web), опубликованной в Соединенных Штатах в 1979

году. Прянишников приводит важные отрывки из свидетельских показаний защиты во время судебного процесса над Плевицкой в Париже после похищения генерала Миллера. По очевидным причинам это в высшей степени сомнительный источник: очень трудно определить, какие именно показания сторона процесса посчитает выгодными для себя. С учетом этого прозвучавшие на суде свидетельства выглядят набором невинных утверждений: Плевицкая была хорошо знакома с Максом Эйтингоном; он часто делал ей подарки; он был очень щедр (что могут подтвердить читатели этой книги); она никогда не «продавала» себя за деньги или подарки (и точно не Максу Эйтингону); он был чистым, достойным человеком, не интересующимся любовными приключениями. Его репутация была настолько безупречна, что, когда французский следователь упомянул о Максе Эйтингоне, русский свидетель поправил его, сказав, что речь идет о брате Макса.

Все это, разумеется, не гарантирует невиновности Макса Эйтингона. Тот факт, что у него был брат, который, как подтверждают более достоверные данные, являлся одним из руководителей советской секретной службы, ничего или почти ничего не говорит о его возможной роли в этих подлых делах. Из переписки Фрейда с Эйтингоном и Арнольдом Цвейгом, который очень сблизился с Эйтингонами после эмиграции в Палестину, нам известно, что Эйтингон бóльшую часть времени проводил в Иерусалиме, занимаясь аналитической практикой и организацией там психоаналитических институтов. Мы также знаем, из личного дневника Фрейда, что Эйтингон приезжал в Европу летом 1937 года. Конечно, раскрытие деятельности тайного агента – это по определению нелегкая задача. Однако не следует сбрасывать со счетов почти полное отсутствие сведений о Максе Эйтингоне в литературе по этому вопросу. Иногда, если собака не лает ночью, это означает, что она просто мирно спит. Возможно также, что Шварц в своей будущей книге или другие исследователи, на которых он ссылается, опубликуют имеющиеся у них новые материалы, которые указывают на вину Эйтингона. Но пока эти свидетельства не опубликованы, я делаю вывод, что выводы Шварца необоснованны.

Глава пятая. Позиционная борьба в психоанализе

К сожалению, у нас нет биографии Юнга, сравнимой с жизнеописанием Фрейда, автором которого был Джонс. Существует оригинальная, в высшей степени интроспективная автобиография Юнга, Memories, Dreams, Reflections (1962; tr. Richard and Clara Winston, 1962), с удачными заголовками и с акцентом на снах. Подобно многим автобиографиям, она более откровенна, чем того хочет автор. Не менее ценной является и обширное собрание высказываний Юнга, C. G Jung Speaking: Interviews and Encounters, ed. William McGuire and R. F. C. Hull (1977), которое дополняет и подправляет его автобиографию, а иногда и противоречит ей. Кроме того, имеются несколько довольно информативных жизнеописаний, по большей части тех, кто знал его и восхищался им. Примером такой литературы может служить Liliane Frey-Rohn, From Freud to Jung: A Comparative Study of the Psychology of the Unconscious (1969; tr. Fred E. and Evelyn K. Engreen, 1974). Среди других жизнеописаний следует отметить работу E. A. Bennet, C. *G Jung* (1961), несмотря на ее краткость, а также Barbara Hannah, Jung: His Life and Work, A Biographical Memoir (1976), в которой автор подчеркивает – и разделяет – мистицизм Юнга. Стоит также прочесть очень подробную гл. 9 в Ellenberger, Discovery of the Unconscious. Robert S. Steele, Freud and Jung: Conflicts of Interpretation (1982). Книга Aldo Carotenuto, A Secret Symmetry: Sabina Spielrein between Jung and Freud (1980; tr. Arno Pomerans, John Shepley, and Krishna Winston, 1982; 2d ed. with additional material, 1984) использует много документального материала и выставляет Юнга в не очень выгодном свете, рассказывая историю блистательной пациентки (и любовницы) Юнга – историю, из которой сам Юнг с трудом выпутался. Работы Юнга доступны в многочисленных изданиях как на немецком, так и на английском. О годах сотрудничества с Фрейдом см. статьи в сборнике Jung, Freud and Psychoanalysis (1961, corr. ed., 1970), vol. IV of the Collected Works, а также в Jung, The Psychoanalytic Years, ed. William McGuire (1974), из томов II, IV и XVII. Я уже упоминал достойное восхищения издание переписки Фрейда и Юнга под редакцией Макгайра. В растущем потоке монографий я нашел особенно вдумчивым «контекстуальный подход» в работе Peter Homans, Jung in Context: Modernity and the Making of a Psychology (1979). Книга Ernest Glover, Freud or Jung? (1956) явно симпатизирует Фрейду, хотя,

на мой взгляд, она довольно спорна. С другой стороны, осторожная и разумная статья Paul E. Stepansky, «The Empiricist as Rebel: Jung, Freud and the Burdens of Discipleship», *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* XII (1976), 216–239, по моему мнению, излишне благоволит к Юнгу. Работа K. R. Eissler, «Eine angebliche Disloyalität Freuds einem Freunde gegenüber», *Jahrbuch der Psychoanalyse,* XIX (1986), 71–88, предлагает тщательно аргументированное оправдание поведения Фрейда в отношении Юнга в 1912 году. В работе Andrew Samuels, Jung and the Post-Jungians (1984) прослеживается судьба идей Юнга после его смерти, с точки зрения последователя Юнга. Среди многочисленных обзоров переписки Фрейда и Юнга я бы выделил как наиболее полезный Hans W. Loewald, «Transference and Counter-Transference: The Roots of Psychoanalysis», *Psychoanalytic Quarterly,* XLVI (1977), 514–527, доступный в Loewald, *Papers on Psychoanalysis* (1980), 405–418, Leonard Shengold, «The Freud/Jung Letters: The Correspondence between Sigmund Freud and C. G. Jung», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXIV (1976), 669–683, и D. W. Winnicott, in *Int. J. Psycho-Anal.,* XLV (1964), 450–455. Болезненному вопросу разрыва между Юнгом и Фрейдом посвящена статья Herbert Lehman, «Jung contra Freud / Nietzsche contra Wagner», *Int. Rev. Psycho-Anal.,* XIII (1986), 201–209, в которой делается попытка представить душевное состояние Юнга. См. также сбалансированный очерк Hannah S. Decker, «A Tangled Skein: The Freud-Jung Relationship», in Essays in the History of Psychiatry, ed. Wallace and Pressley, 103–111.

Поездка Фрейда в Соединенные Штаты достойна подробного изучения. Краткая и популярная лекция William A. Koelsch, «Incredible Day Dream»: Freud and Jung at Clark, The Fifth Paul S. Clarkson Lecture (1984) тем не менее авторитетна и основана на глубоком знании архивного материала. Nathan G. Hale, Jr., Freud and the Americans: The Beginnings of Psychoanalysis in the United States, 1876–1917 (1971) – это превосходное, подробное исследование (о Фрейде и Кларке см. часть I), освещающее контекст визита Фрейда в Соединенные Штаты. Работа Dorothy Ross, G. Stanley Hall: The Psychologist as Prophet (1972) представляет собой очень полную и ответственную биографию Кларка.

Плодовитый Штекель рассказывает свою версию разрыва с Фрейдом (или разрыва Фрейда с ним) в посмертно опубликованной The Autobiography of Wilhelm Stekel: The Life Story of a Pioneer Psychoanalyst, ed. Emil A. Gutheil (1950). Неопубликованная автобиография Фрица Виттельса «Wrestling with the Man: The Story of a Freudian» (typescript, Fritz Wittels

Collection, Box 2, A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute) гораздо добрее к Штекелю, чем позволял себе Фрейд. Долгая дискуссия о мастурбации в Венском психоаналитическом обществе, в которой принимал участие Штекель, освещена в Annie Reich, «The Discussion of 1912 on Masturbation and Our Present-Day Views», *The Psychoanalytic Study of the Child,* VI (1951), 80–94. Лучшим жизнеописанием Адлера является авторизованная биография Phyllis Bottome, Alfred Adler: Apostle of Freedom (1939; 3d ed., 1957); она построена на отдельных эпизодах, не очень глубока и, что неудивительно, представляет свой объект в самом выгодном свете. Гораздо более утонченная работа Paul E Stepansky, In Freud's Shadow: Adler in Context (1983) тщательно анализирует отношения Фрейда и Адлера, в том числе решительный разрыв, но (судя по эпитетам, используемым автором) склонна в этом споре толковать сомнения в пользу Адлера. В книге Ellenberger, Discovery of the Unconscious большая глава (восьмая) в числе других неопубликованных материалов использует рукопись усердного исследователя жизни Адлера: Hans Beckh-Widmanstetter, «Kindheit und Jugend Alfred Adlers bis zum Kontakt mit Sigmund Freud». Работы Адлера доступны на английском и немецком в изданиях в мягкой обложке; информативные биографические подробности можно найти во вводном очерке Ансбахера о растущем влиянии Адлера и в исследовании Карла Фуртмюллера, в книге Alfred Adler, Superiority and Social Interest: A Collection of Later Writings, ed. Heinz L. and Rowena R. Ansbacher (1964; 3d ed., 1979). Статья самого Фрейда «Об истории психоаналитического движения» (1914) SE XIV, 1–66, отличается пылкостью и верой, и ее следует воспринимать как полемичную, однако она остается наиболее информативной. В автобиографии Джонса, Free Associations, также есть страницы, проливающие свет на этот период и на тогдашние дискуссии. Всестороннее исследование Walter Kaufmann Discovering the Mind, vol. III, Freud versus Adler and Jung (1980) рассматривает споры, которые вел Фрейд, в более широком контексте.

Глава шестая. Клинические случаи и техника анализа

Литературу, посвященную опубликованным Фрейдом историям болезни, конечно, всю изучить невозможно. Естественно, что случай «Доры», с его непреодолимыми последствиями для феминистских и литературных толкователей, генерировал самую большую и самую страстную часть этой литературы; ниже дана лишь репрезентативная выборка. Психоаналитические статьи представлены работами Jules Glenn, «Notes on Psychoanalytic Concepts and Style in Freud's Case Histories» и «Freud's Adolescent Patients: Katharina, Dora and the 'Homosexual Woman'», обе в Freud and His Patients, ed. Mark Kanzer and Glenn (1980), 3–19, 23–47; этот же том содержит такие полезные источники, как Melvin A. Scharfman, «Further Reflections on Dora», 48–57, Robert J. Langs, «The Misalliance Dimension in the Case of Dora», 58–71, Kanzer, «Dora's Imagery: The Flight from a Burning House», 72–82, и Isidor Bernstein, «Integrative Summary: On the Re-viewings of the Dora Case», 83–91. См. также специальное издание *Revue Française de Psychanalyse,* XXXVII (1973), с семью статьями, посвященными одному этому случаю, а также Alan and Janis Krohn, «The Nature of the Oedipus Complex in the Dora Case», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXX (1982), 555–378, и Hyman Muslin and Merton Gill, «Transference in the Dora Case», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXVI (1978), 311–328. Вдумчивый анализ этого же случая с исторической перспективы был проведен в работе Hannah S. Decker, «Freud and Dora: Constraints on Medical Progress», *Journal of Social History,* XIV (1981), 445–464, а также в оригинальной статье того же автора «The Choice of a Name: 'Dora' and Freud's Relationship with Breuer», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXX (1982), 113–136. Известное (надеюсь, печально известное) и необоснованно грубое наблюдение Феликса Дойча, который в самой бесчувственной манере описал достигшую среднего возраста Дору, «A Footnote to Freud's 'Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria'», *Psychoanalytic Quarterly,* XXVI (1957), 159–167, может служить примером психоанализа как агрессии. Статья Arnold A. Rogow, «A Further Footnote to Freud's 'Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria'», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXVI (1978), 331–356, – это более доброжелательное послесловие к Дойчу, рассматривающее жизнь Доры в широком контексте. См. также блестящие (хотя, на мой взгляд, и несколько резкие) комментарии в книге Janet Malcolm, Psychoanalysis: The Impossible

Profession (1981); автор предполагает (167–168), что псевдоним Дора ассоциируется с именем героини мифа, которая принесла беды в этот мир своим «ящиком».

In Dora's Case: Freud-Hysteria-Feminism, ed. Charles Bernheimer and Claire Kahane (1985) – это интересная антология очерков, в основном литературных критиков; статьи значительно отличаются по своей ценности, а авторы преследуют разные цели. Книга включает два пространных предисловия редакторов и большие фрагменты работы Steven Marcus, «Freud and Dora: Story, History, Case History» (первоначально опубликованной в *Partisan Review,* [Winter 1974], 12–108, и переизданной в *Representations* [1975], 247–309). Маркус, настаивающий на прочтении истории болезни как произведения литературы, отчасти виноват в тяжелой ноше зачастую произвольных толкований, которую вынуждена нести Дора. Наглядным примером такого подхода в этой антологии может служить статья Toril Moi, «Representation of Patriarchy: Sexuality and Epistemology in Freud's Dora», 181–199. Автор цитирует Фрейда, который писал, что извлек на свет дня «бесценные, хотя и искалеченные, остатки древности» *(SE* VII, 12), и делает далеко идущие выводы из метафоры Фрейда. «Искалеченные» – это обычный [для Фрейда] способ описания эффекта кастрации, а «бесценный»… следует понимать буквально: не имеющий ценности. Какая может быть цена, когда ценная часть отрезана?» (с. 197). Это звучит нелепо, но Мои использовал только английский перевод из *Standard Edition,* не пожелав заглянуть (или не смог этого сделать) в немецкий оригинал. Фрейд использовал слово *unschätzbaren*, которое никоим образом нельзя перевести как «не имеющий ценности». Этот термин означает «не поддающийся оценке» или, если хотите, «выше всякой цены» – высшая степень ценности, которую может выразить немецкое прилагательное.

Маленький Ганс удостоился гораздо меньшего внимания. Работа Joseph William Slap, «Little Hans's Tonsillectomy», *Psychoanalytic Quarterly,* XXX (1961), 259–261, выдвигает интересную гипотезу, которая дополняет фрейдовскую интерпретацию фобии Ганса. В статье Martin A. Silverman «A Fresh Look at the Case of Little Hans», в Freud and His Patients, ed. Kanzer and Glenn, 95–120, приведена полная библиография этого детского случая. В том же томе см. также интересную статью Glenn «Freud's Advice to Hans' Father: The First Supervisory Sessions», 121–134.

Самое полное исследование «Крысина», его семьи, его невроза, а также различий между заметками Фрейда в процессе лечения и опубликованной историей болезни можно найти в

книге Patrick J. Mahony, Freud and the Rat Man (1986). В работе Elza Ribeiro Hawelka, Freud, L'homme aux rats. Journal d'une analyse (1974) автор выполнила точный перевод с немецкого заметок Фрейда (широко используемый английский текст в *SE* X, 253–318, не является полным и абсолютно достоверным), дополнив его французским переводом, примечаниями и комментариями. Оригинал заметок, снабженных комментариями, которые выглядят как более поздние записи Фрейда, хранится в LC вместе с другими разрозненными материалами. Довольно редкие подчеркивания и пометки на полях указывают, что Фрейд, возможно, собирался вернуться к этому случаю, однако никакой другой рукописи о «Крысине» пока не обнаружено. Некоторые психоаналитические догадки задним числом предлагаются в работе Elizabeth R. Zetzel «1965: Additional Notes upon a Case of Obsessional Neurosis: Freud 1909», *Int. J. Psycho-Anal,* XLVII (1966), 123–129, которую следует читать вместе со следующей статьей, Paul G. Myerson, «Comment on Dr. Zetzel's Paper», 130–142. См. также в *Int. J. Psycho-Anal*: Samuel D. Lipton, «The Advantages of Freud's Technique As Shown in His Analysis of the Rat Man», LVIII (1977), 255–273, и его же продолжение, «An Addendum to 'The Advantages of Freud's Technique As Shown in His Analysis of the Rat Man'», LX (1979), 215–216, а также Béla Grunberger, «Some Reflections on the Rat Man», LX (1979), 160–168. Как и прежде, представляет интерес сборник Freud and His Patients, ed. Kanzer and Glenn, в частности, Judith Kestenberg, «Ego Organization in Obsessive-Compulsive Development: The Study of the Rat Man, Based on Interpretation of Movement Patterns», 144–179, Robert J. Langs, «The Misalliance Dimension in the Case of the Rat Man», 215–230, и Mark Kanzer, «Freud's Human Influence on the Rat Man», 231–240. Один из первых комментариев можно найти в статье Джонса «Hate and Anal Erotism in the Obsessional Neurosis» (1913), в Jones, *Papers on Psycho-Analysis* (3d ed., 1923), 553–561.

Исследование статьи Фрейда о Леонардо да Винчи, Meyer Schapiro, «Leonardo and Freud: An Art-Historical Study», *Journal of the History of Ideas,* XVII (1956), 147–178, в полном смысле этого слова незаменимо. В ответе на эту работу, K. R. Eissler's, Leonardo da Vinci: Psycho-Analytic Notes on the Enigma (1961), можно найти широкий подход и блестящие комментарии, но в данном случае Эйслер перестарался – в 350-страничной книге он пытается препарировать статью объемом около 30 страниц. Из литературы о Леонардо я бы выделил книгу Kenneth Clark, Leonardo da Vinci: An Account of His Development as an Artist (1939; rev. ed., 1958), краткую, ясную, обоснованную и доброжелательную. Впервые на ошибку Фрейда относительно «грифа» было указано в работе Eric

Maclagan, «Leonardo in the Consulting Room», *Burlington Magazine,* XLII (1923), 54–57. Очень информативна также работа Edward MacCurdy, ed., The Notebooks of Leonardo da Vinci (1939).

Авторитетное исследование Шребера, прилежно исправляющее неточности предыдущей работы, – это работа Han Israels, Schreber, Father and Son (1980); перевод с голландского, 1981, дополненная во французской версии, Schreber, père et fils, tr. Nicole Sels (1986). Несомненным достоинством этой работы является то, что автор рассматривает Шребера в контексте отношений в семье. Тем не менее эта книга не сделала устаревшими ряд оригинальных статей Уильяма Г. Нидерланда, три из которых включены в его книгу Freud and His Patients, ed. Kanzer and Glenn, 251–305, а также собраны в The Schreber Case: Psychoanalytic Profile of a Paranoid Personality (1974). Они демонстрируют, что некоторые «изобретения» Шребера, такие как устройства для пыток, очень похожи на приспособления, к которым отец привязывал его в детстве. У Израэльса и Нидерланда в достаточной степени освещены как реальные, так и полемические аспекты.

В работе Patrick J. Mahony Cries of the Wolf Man (1984) автор тщательно исследует «Волкова», как прежде «Крысина», уделяя особое внимание стилю Фрейда. (Этому стилю Махони посвятил отдельное исследование, Freud as a Writer [1982].) Среди работ психоаналитиков, рассматривавших этот случай, наибольший интерес представляет William Offenkrantz and Arnold Tobin, «Problems of the Therapeutic Alliance: Freud and the Wolf Man», *Int. J. Psycho-Anal,* LIV (1973), 75–78. Статья Harold P. Blum, «The Borderline Childhood of the Wolf Man», *J. Amer. Psychoanal Assn.,* XXII (1974), 721–742, включенная в сборник *Freud and His Patients,* ed. Kanzer and Glenn, 341–358, предполагает, что состояние знаменитого пациента было гораздо серьезнее, чем диагностировал Фрейд. В этом сборнике также есть еще одна превосходная статья, Mark Kanzer, «Further Comments on the Wolf Man: The Search for a Primal Scene», 350–366. Рут Мак Брунсвик, которая в 1920-х годах анализировала «Волкова», пишет о нем в статье «A Supplement to Freud's History of an Infantile Neurosis» (1928), перепечатанной в The Wolf-Man by the Wolf-Man, ed. Muriel Gardiner (1971), 263–307. Этот интересный сборник также содержит воспоминания «Волкова», в том числе о Фрейде, и рассказ Гардинера о дальнейшей жизни этого пациента. Достойная внимания дискуссия, содержащая критику подхода Брунсвик к «Волкову» начата в J. Harnik, «Kritisches über Mack Brunswicks 'Nachtrag zu Freud's «Geschichte einer infantilen Neurose'», *Int. J. Psycho-Anal.,* XVI (1930), 123–127; ответом

Брунсвик стала статья «Entgegnung auf Harniks kritische Bemerkungen», 128–129. Она, в свою очередь, вызвала появление работы Харника «Erwiderung auf Mack Brunswicks Entgegnung», *Int. J. Psycho-Anal.,* XVII (1931), 400–402, за которой в этом же номере журнала опубликовано окончательное слово Брунсвик, «Schlusswort», 402. В книге Karin Obholzer, The Wolf-Man Sixty Years Later: Conversations with Freud's Controversial Patient (1980; tr. Michael Shaw, 1982) приведены интервью с «Волковым» в очень преклонном возрасте, однако они имеют ограниченную ценность, и относиться к ним следует с осторожностью.

Большинство более поздних статей и книг по технике психоанализа можно читать как комментарии к классическим статьям Фрейда, хотя лучшие из них, разумеется, не лишены оригинальности и предлагают усовершенствования первоначальных приемов Фрейда. Среди тех, которые я нашел наиболее полезными, – я исключаю несколько значимых коротких статей – можно отметить ясную и энергичную работу Edward Glover, Technique of Psycho-Analysis (1955), достойную зависти по части краткости книгу Karl Menninger, Theory of Psychoanalytic Technique (1958) и превосходный очерк, представляющий собой дополненную лекцию, Leo Stone, The Psychoanalytic Situation: An Examination of Its Development and Essential Nature (1961). Ralph R. Greenson, The Technique and Practice of Psychoanalysis, vol. 1 (1967), единственный вышедший из печати том – это подробный, в высшей степени специализированный учебник с поучительным анализом сотрудничества; он предназначен в основном для желающих стать психоаналитиками. Я многое почерпнул из серии статей Loewald, «The Psychoanalytic Process», в сборнике Papers on Psychoanalysis, в частности «On the Therapeutic Action of Psychoanalysis», 221–256, «Psychoanalytic Theory and the Psychoanalytic Process», 277–301, «The Transference Neurosis: Comments on the Concept and the Phenomenon», 302–314, «Reflections on the Psychoanalytic Process and Its Therapeutic Potential», 372–383, и в оригинальной, наталкивающей на размышления «The Waning of the Oedipus Complex», 384–404. Спорные статьи Шандора Ференци по технике психоанализа можно найти в двухтомнике Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint; в переводе на английский многие из них включены в сборник Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-Analysis (1926, 2d ed., 1960). Среди самых ценных работ по технике психоанализа можно отметить краткий обзор Rudolph M. Loewenstein, «Developments in the Theory of Transference in the Last Fifty Years», *Int. J. Psycho-Anal,* L (1969), 583–588, и насколько работ Филлис Гринакр, собранных в ее книге Emotional Growth:

Psychoanalytic Studies of the Gifted and a Great Variety of Other Individuals, 2 vols. (1971), в частности, Evaluation of Therapeutic Results: Contributions to a Symposium» (1948), 619–226, «The Role of Transference: Practical Considerations in Relation to Psychoanalytic Therapy» (1954), 627–640, «Re-evaluation of the Process of Working Through» (1956), 641–650, и «The Psychoanalytic Process, Transference, and Acting Out» (1968), 762–776, не говоря уже о менее значительных. Остроумная и язвительная работа Janet Malcolm Psychoanalysis: The Impossible Profession заслужила (вполне справедливо) высокую оценку психоаналитиков как надежное введение в теорию и практику психоанализа. Ее преимущество над более серьезными текстами заключается в том, что она не только информативна, но и забавна.

Глава седьмая. Приложения и следствия

Работы Фрейда по эстетике довольно разрозненны. Если не считать нескольких намеков в письмах к Флиссу и «Толкования сновидений», работа «Бред и сновидения в «Градиве» В. Йенсена» (1907), *SE* IX, 3–95, стала первым опытом применения психоанализа к литературному произведению. (Кстати, письма Вильгельма Йенсена Фрейду, касающиеся «Градивы», можно найти в *Psychoanalytische Bewegung,* I (1929), 207–211.) Ранняя работа «Поэт и фантазирование» (1908) была пробой пера, так и не оформившейся в теорию. См. также трогательное прочтение Фрейдом двух знаменитых шекспировских сцен, в «Короле Лире» и в «Венецианском купце» в очерке «Мотив выбора ларца» 1913), *SE* XII, 291–301. Первым экскурсом Фрейда в биографию творческой личности, естественно, является «Воспоминание детства Леонардо да Винчи» (1910), *SE* XI, 59–137, дерзкое исследование с серьезными ошибками. (Об этой знаменитой работе можно многое узнать из превосходной, уже упоминавшейся выше статьи Schapiro, «Leonardo and Freud: An Art-Historical Study».) Следующей работой Фрейда, опубликованной под псевдонимом, стала «Моисей» Микеланджело» (1914) с «Послесловием» (1927), *SE* XIII, 211–238. Среди огромного количества литературы на эту тему можно выделить особенно значимые заметки о статуе в Erwin Panofsky, Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance [1939], ch. 6; см. также размышления в Robert S. Liebert, Michelangelo: A Psychoanalytic Study of His Life and Images [1983], ch. 14. Еще одна неоднозначная работа Фрейда, «Достоевский и отцеубийство» (1928), *SE* XXI, 175–196, подверглась слишком яростным нападкам (хотя и не без оснований) в Joseph Frank «Freud's Case-History of Dostoevsky», приложении к его книге Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821–1849 (1976), 379–391.

Наиболее удовлетворительный общий анализ сложного отношения Фрейда к искусству, из которого я многое узнал, содержится в точной и проницательной книге Jack J. Spector, The Aesthetics of Freud: A Study in Psychoanalysis and Art (1972). См. также Harry Trosman, Freud and the Imaginative World (1985), особенно часть II. Среди литературных критиков того времени наибольший интерес, пожалуй, представляет Роджер Фрай, который в своей работе The Artist and Psycho-Analysis (1924) критиковал Фрейда за неуместное преуменьшение эстетического наслаждения, присутствующего в формальных аспектах искусства, – именно с этой критикой Фрейд соглашался.

Многие психоаналитики из первых сторонников Фрейда не смогли удержаться от искушения проанализировать поэтов и художников (иногда к неудовольствию Фрейда). Среди самых известных и заслуживших одобрение работ можно выделить ранний очерк Карла Абрахама Giovanni Segantini с подзаголовком Ein psychoanalytischer Versuch (1911). В докладе «Methodik der Dichterpsychologie», прочитанном на заседании Психологического общества по средам 11 декабря 1907 года, музыковед Макс Граф, который уже несколько лет поддерживал близкие отношения с Фрейдом, попытался своим увлекательным предположением отвлечь коллег от традиционной пантографии художников и писателей. (См. *Protokolle,* I, 244–249.) В отличие от этого неопубликованного доклада Граф издал свои статьи Aus der inneren Werkstatt des Musikers (1911) and Richard Wagner im «Fliegenden Hollander». Ein Beitrag zur Psychologic des künstlerischen Schaffens (1911); вторая была сначала представлена в виде доклада Психологическому общества по средам. В предисловии Граф с благодарностью отмечает «непрерывный обмен взглядами с профессором Фрейдом». Эдуард Хичманн, который много лет был членом венского психоаналитического сообщества, написал несколько «психоанализов» поэтов и писателей, скорее робких попыток, чем серьезных исследований. Несколько таких работ доступны на английском в Hitschmann, Great Men: Psychoanalytic Studies, ed. Sydney G. Margolin, при участии Hannah Gunther (1956). Эрнест Джонс, также пробовавший свои силы в литературном психоанализе, начал с нескольких содержательных страниц в статье 1910 г. (последовательно увеличивавшейся в объеме и в итоге в 1949 году превратившейся в книгу Hamlet and Oedipus). Эссе подверглось суровой и, на мой взгляд, чрезмерной критике за предполагаемый редукционизм, однако неоднозначный подход Джонса по-прежнему представляет интерес. Поистине неутомимым в психоанализе литературных героев и тем был Отто Ранк. Рукопись, которую он принес на первую встречу с Фрейдом, была опубликована под названием Der Künstler (1907; 4-е дополненное изд., 1918). Его работу The Myth of the Birth of the Hero (1909; tr. F. Robbins and Smith Ely Jelliffe, 1914), вероятно, можно считать самой значительной. (Ей посвящено изящное исследование Ernst Kris and Otto Kurz, Legend, Myth, and Magic in the Image of the Artist: A Historical Experiment [1979], опирающееся на материал, впервые опубликованный в 1930-х годах.) Но самое глубокое из его исследований и, по всей видимости, заслужившее одобрение Фрейда – это работа о теме инцеста в поэзии, прозе и мифах, Das Inzest-Motiv in Dichtung und

Sage (1912; 2d ed., 1926). Среди других работ Ранка наибольший интерес вызывает длинный очерк «Der Doppelgänger», *Imago,* III (1914), 97–164 (английская версия The Double, tr. Harry Tucker, 1971). Представляется полезным также сборник статей из журнала *Imago: Psychoanalytische Literaturinterpretationen,* ed. Jens Malte Fischer (1980), снабженный солидным введением; эта антология также содержит (помимо всего прочего) статьи Ганса Закса и Теодора Рейка. Последний, что я отмечаю в тексте, познакомился с Фрейдом благодаря своей диссертации о Флобере, впоследствии опубликованной под названием Flaubert und seine «Versuchung des Heiligen Antonius», Ein Beitrag zur Künstlerpsychologie (1912). Важным текстом в «прикладном психоанализе» была психобиография Marie Bonaparte, The Life and Works of Edgar Allan Poe: A Psycho-Analytic Interpretation (1933; tr. John Rodker, 1949); она несколько жесткая и механическая, но в то же время вдохновляющая. Прожив десять лет в Соединенных Штатах, утонченный уроженец Центральной Европы Ганс Закс опубликовал серию статей об искусстве и красоте, The Creative Unconscious: Studies in the Psychoanalysis of Art (1942), незаслуженно проигнорированных; в частности, глава 4, «The Delay of the Machine Age», представляет собой фрагмент гипотетической истории с точки зрения фрейдизма.

Неудивительно, что психоаналитики (и обучившиеся психоанализу обычные люди) продолжали играть активную роль в этой сфере. Приведу несколько примеров. Начнем с психоаналитиков: содержательная работа Gilbert J. Rose, The Power of Form: A Psychoanalytic Approach to Aesthetic Form (1980) исследует сложное взаимодействие первичных и вторичных процессов в искусстве. Одаренный богатым воображением английский психоаналитик Д. У. Уинникотт обратился к эстетическому опыту в нескольких статьях, наиболее подробно в «Transitional Objects and Transitional Phenomena» (1953), в настоящее время доступной в другом варианте, который автор называет «развитием», в его Playing and Reality (1971), 1–25. В этот сборник также включена его важная статья «The Location of Cultural Experience» (1967), 95–103. Работа William G. Niederland, «Psychoanalytic Approaches to Artistic Creativity», *Psychoanalytic Quarterly,* XLV (1976), 185–212, полностью раскрывается при внимательном прочтении, как и более ранняя статья того же автора, «Clinical Aspects of Creativity», *American Imago,* XXIV (1967), 6–34. Фрейдовская лекция Robert Waelder, Psychoanalytic Avenues to Art (1965) богата гипотезами, несмотря на свою краткость. Сборник очерков John E. Gedo, Portraits of the Artist: Psychoanalysis of Creativity and Its Vicissitudes (1983) – это попытка проникнуть в

тайны творчества художника. Из многочисленных попыток психоаналитиков написать полноценную психобиографию я бы выделил Liebert, Michelangelo (cited above), не бесспорную, но чрезвычайно интересную, а также and Bernard C. Meyer, Josef Conrad: A Psychoanalytic Biography (1967).

Теперь что касается «любителей». Работа Meredith Anne Skura, The Literary Use of the Psychoanalytic Process (1981) представляет собой изящное исследование, рассматривающее четыре основные темы психоанализа – история болезни, фантазия, сон, перенос – как возможные образцы для литературной критики. Я также многое почерпнул из краткого, дерзкого очерка Elizabeth Dalton, Unconscious Structure in «The Idiot»: A Study in Literature and Psychoanalysis (1979), в котором делается попытка (как мне представляется, успешная) относиться к персонажам романа Достоевского как к психологически цельным фигурам. Книга Ellen Handler Spitz, Art and Psyche: A Study in Psychoanalysis and Aesthetics (1985) исследует присутствие художника в своем произведении, психологические последствия этого присутствия и связи художника с аудиторией. Среди самых точных и наводящих на размышление работ по последней проблеме – восприятие произведений искусства – я бы выделил такие, как Norman N. Holland, Psychoanalysis and Shakespeare (1966); The Dynamics of Literary Response (1968) и Poems in Persons: An Introduction to the Psychoanalysis of Literature (1973). Статья Richard Ellmann, «Freud and Literary Biography», *American Scholar,* L11I (Fall 1984), 465–478, одновременно критическая и необыкновенно глубокая.

Сборник The Practice of Psychoanalytic Criticism, ed. Leonard Tennenhouse (1976) представляет ряд относительно недавних статей, по большей части из журнала *American Imago.* Антология Literature and Psychoanalysis, ed. Edith Kurzweil and William Phillips (1983) начинается со статей Фрейда, а затем переходит к современной психоаналитической литературной критике, среди образцов которой такая классическая работа, как Lionel Trilling, «Art and Neurosis», ранее опубликованная в книге Trilling, The Liberal Imagination: Essays on Literature and Society (1950), 160–180. См. также теоретическое исследование by Simon O. Lesser, Fiction and the Unconscious (1957), которое следует дополнить собранием статей Лессера, The Whispered Meanings, ed. Robert Sprinch and Richard W. Noland (1977).

Философы также не обошли своим вниманием эту область. См. особенно Richard Wollheim, On Art and the Mind (1974) и антологию Philosophical Essays on Freud, ed. Wollheim and Hopkins (уже упоминавшуюся). Работа Richard Kuhns, Psychoanalytic Theory of Art: A Philosophy of Art on Developmental Principles

(1983) для интеграции всех граней творчества опирается на труды психолога, специалиста по теории «Я» Хайнца Хартманна и исследователя объектных отношений Д. У. Уинникотта. В работе Art and Act-On Causes in History-Manet, Gropius, Mondrian (1976) я попытался поместить художественное произведение в контекст личного, профессионального и культурного опыта. Freud for Historians (1985) – это моя попытка убедить коллег историков, что психоанализ можно продуктивно (и безопасно) использовать в нашей профессии, однако эта попытка, насколько я могу судить, по большей части оказалась безрезультатной. Из обнадеживающего я бы выделил серию статей (в большинстве своем предшествовавших моей работе) по теории и применению психоанализа, Peter Loewenberg, Decoding the Past: The Psychohistorical Approach (1983), автор которых – историк, обучавшийся психоанализу. В первой главе, «Psychohistory: An Overview of the Field», 9–41, умело исследуется территория, а последующие главы иллюстрируют психоаналитический подход, в том числе на примере истории Австрии: «Theodor Herzl: Nationalism and Politics», 101–135, «Victor and Friedrich Adler: Revolutionary Politics and Generational Conflict in Austro-Marxism», 136–160, а также «Austro-Marxism and Revolution: Otto Bauer, Freud's 'Dora' Case, and the Crises of the First Austrian Republic», 161–204, которая связана с его биографией. Примером рациональной аргументации может служить работа Saul Friedländer, *History and Psychoanalysis: An Inquiry into the Possibilities and Limits of Psychohistory* (1975, tr. Susan Suleiman, 1978).

Превосходное, взвешенное исследование «Тотема и табу» можно найти в Edwin R. Wallace IV, Freud and Anthropology: A History and a Reappraisal (1983). Заслуживают прочтения также две знаменитые рецензии Альфреда Кребера на книгу Фрейда (вторая не такая язвительная, как первая): «Totem and Taboo: An Ethnologic Psychoanalysis», *American Anthropologist,* XXII (1920), 48–55, и «Totem and Taboo in Retrospect», *American Journal of Sociology,* LV (1939), 446–457. То же самое относится к остроумной статье R. R. Marett, «Psycho-Analysis and the Savage», *Athenaeum* (1920), 205–206. Работа Suzanne Cassirer Bernfeld, «Freud and Archeology», *American Imago,* VIII (1951), 107–128, служит богатым источником сведений для других. Самая убедительная из последних попыток спасти главный аргумент Фрейда (но не историческую реальность первичного преступления) сделана в статье Derek Freeman, «Totem and Taboo: A Reappraisal», в Man and His Culture: Psychoanalytic Anthropology after «Totem and Taboo», ed. Warner Muensterberger (1970), 53–78. Дополнением к ней может служить работа Sandor S. Feldman, «Notes on the 'Primal Horde'», в *Psychoanalysis and the Social*

Sciences, ed. Muensterberger, I (1947), 171–193. См. также Robin Fox, «Totem and Taboo Reconsidered», in The Structural Study of Myth and Totemism, ed. Edmund Leach (1967), 161–178. Не могу не отметить блестящий очерк Melford E. Spiro, Oedipus in the Trobriands (1982), автор которого, разбирающийся в психоанализе антрополог, отвергает сомнения Малиновского в применимости идей Фрейда к жителям островов Тробриан, основанные исключительно на работах одного Малиновского.

Поскольку Фрейд так до конца и не разработал идею характера – организованного набора привычек и фиксаций, – то было бы логично вернуться к его ранним идеям, к короткой, но важной статье «Характер и анальная эротика» (1908) и к трем статьям, опубликованным восемью годами позже под общим названием «Некоторые типы характера из психоаналитической практики» *SE* XIV, 309–333, – «Исключения», «Крах от успеха», «Преступники из чувства вины». Интересное дополнение к фрейдовскому определению «исключений» содержится в статье Edith Jacobson, «The 'Exceptions': An Elaboration of Freud's Character Study», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XIV (1959), 135–154, а не менее интересные комментарии к той же работе Фрейда – в статье Anton O. Kris, «On Wanting Too Much: The 'Exceptions' Revisited», *Int. J. Psycho-Anal,* LVII (1976), 85–95. С учетом неудачных попыток суммировать весь имеющийся материал, особенно полезными могут оказаться систематизированные комментарии Отто Фенихеля. Прежде всего, это статья «Psychoanalysis of Character» (1941), в *The Collected Papers of Otto Fenichel,* ed. Hanna Fenichel and David Rapaport, 2d Series (1954), 198–214. См. также соответствующие главы в значительной и совсем не устаревшей работе *The Psychoanalytic Theory of Neurosis* (1945), в частности «Digression about the Anal Character», 278–284, и «Character Disorders», 463–540. В этой связи много полезного можно найти в кратком эссе David Shapiro *Neurotic Styles* (1965) и в работе P. C. Giovacchini, *Psychoanalysis of Character Disorders* (1975).

Здесь нет места, чтобы воспроизводить споры вокруг нарциссизма, будоражившие психоаналитиков в последние годы. Прояснить эту проблему поможет исследование Sydney Pulver, «Narcissism: The Term and the Concept», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XVIII (1970), 319–341. Среди многочисленных клинических и теоретических работ о нарциссических расстройствах Отто Ф. Кернберга особое внимание стоит обратить на Borderline Conditions and Pathological Narcissism (1975). Две статьи Хайнца Кохута в *Psychoanalytic Study of the Child*, «The Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorders», XXIII (1968), 86–113, и «Thoughts on Narcissism and Narcissistic Rage», XXVII (1972),

360–400, носят экспериментальный и предположительный характер и были написаны до того, как Кохут превратил свой особый взгляд на нарциссизм в идеологию. См. также R. D. Stolorow, «Toward a Functional Definition of Narcissism», *Int. j. Psycho-Anal,* LVI (1975), 179–185, и Warren Kingston, «A Theoretical and Technical Approach to Narcissistic Disorders», *Int. J. Psycho-Anal.,* LXI (1980), 383–394. Работа Arnold Rothstein, The Narcissistic Pursuit of Perfection (1980) предлагает обзор концепции Фрейда и пытается дать ей новое определение. Среди мнений «классических» психоаналитиков особый интерес представляют некоторые статьи Хайнца Хартманна, в частности «Comments on the Psychoanalytic Theory of the Ego» (1950) и «The Development of the Ego Concept in Freud's Work» (1956), в *Essays on Ego Psychology: Selected Problems in Psychoanalytic Theory* (1964), 113–141, 268–296. Не менее значима известная монография Edith Jacobson, *The Self and the Object World* (1964).

Атмосфера перед Армагеддоном искусно воссоздана в монографии Oron J. Hale, The Great Illusion, 1900–1914 (1971). Вальтер Лакер и Джордж Л. Мосс были редакторами интересного сборника очерков, распределенных по странам: 1914: The Coming of the First World War (1966). О военном психозе, охватившем космополитичных и интеллигентных профессионалов, в том числе до некоторой степени Фрейда, рассказывает подтвержденное документами, отрезвляющее эссе Roland N. Stromberg, Redemption by War: The Intellectuals and 1914 (1982); дополнением к нему может служить работа Robert Wohl, The Generation of 1914 (1979). Что касается Первой мировой войны, из книг о которой можно собрать не одну библиотеку, то достаточно назвать несколько надежных источников: B. H. Liddell-Hart, The Real War, 1914–1918 (1930), Corelli Barnett, The Swordbearers: Supreme Command in the First World War (1964), и Rene Albrecht-Carrié, The Meaning of the First World War (1965). Книга Fritz Fischer, Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918 (1961; 3d ed., 1964) вызвала бурю среди немецких историков своей яростной критикой немецких целей войны, а также нарушением немецких табу против честного исследования причин войны. Это полезный текст, особенно для данной главы, собранием воинственных, «мужественных» заявлений дипломатов. Как дополнение к этой книге можно рассматривать Hans W. Gatzke, Germany's Drive to the West (1950).

Глава восьмая. Агрессия

Историю бессознательного с точки зрения не психоаналитика см. в Whyte, The Unconscious before Freud, а также в более подробной работе Ellenberger, Discovery of the Unconscious. Комментарии психоаналитиков о бессознательном см., прежде всего, Edward Bibring, «The Development and Problems of the Theory of the Instincts», *Int. J. Psycho-Anal.,* XXII (1934), 102–131, Bibring, «The Conception of the Repetition Compulsion», *Psychoanalytic Quarterly,* XII (1942), 486–516, Robert Waelder, «Critical Discussion of the Concept of an Instinct of Destruction», *Bulletin of the Philadelphia Association for Psychoanalysis,* VI (1956), 97–109, а также несколько авторитетных статей специалиста по психологии «Я» Хайнца Хартманна в его сборнике Essays on Ego Psychology. К ним относятся «Comments on the Psychoanalytic Theory of Instinctual Drives» (1948), 69–89, «The Mutual Influences in the Development of Ego and Id» (1952), 155–181, уже упоминавшаяся «Comments on the Psychoanalytic Theory of the Ego», а также особенно полезный исторический очерк «The Development of the Ego Concept in Freud's Work». Работа Хартманна «Comments on the Formation of Psychic Structure» (1946) включена в сборник Ernst Kris and Rudolph M. Loewenstein, Papers on Psychoanalytic Psychology (1964), 27–55. Краткость исследования Max Schur, The Id and the Regulatory Principles of Mental Functioning (1966) нисколько не мешает его ценности. Книга David Holbrook, ed., Human Hope and the Death Instinct: An Exploration of Psychoanalytic Theories of Human Nature and Their Implications for Culture and Education (1971) ни в коей мере не враждебная психоанализу, включает статьи, посвященные бегству от деструктивности и поискам гуманистического сознания.

В вопросе взаимоотношений Фрейда со смертью – как идеей, так и непосредственной угрозой – самым авторитетным источником является книга Schur, Freud, Living and Dying. О признании Фрейдом, так долго откладываемом, своей агрессивности (хотя и не совсем игнорируемой) см. исследование Paul E. Stepansky, A History of Aggression in Freud (1977). Дополнением к нему может служить Rudolf Brun, «Über Freuds Hypothese vom Todestrieb», *Psyche,* VII (1953), 81–111. Из лавины статей на эту тему я выбрал несколько, которые внесли самый весомый вклад. Это важная статья Otto Fenichel «A Critique of the Death Instinct» (1935), в *Collected Papers,* 1st Series (1953), 363–372, две статьи в *The Psychoanalytic Study of the Child,* III/IV (1949): Anna Freud, «Aggression in Relation to Emotional Development: Normal

and Pathological», 37–42, и Beata Rank, «Aggression», 43–48, – Heinz Hartmann, Ernst Kris, and Rudolph M. Loewenstein, «Notes on the Theory of Aggression» (1949), в их *Papers on Psychoanalytic Psychology,* 56–85, Rene A. Spitz, «Aggression: Its Role in the Establishment of Object Relations», в Drives, Affects, Behavior: Essays in Honor of Marie Bonaparte, ed. Rudolph M. Loewenstein (1953), 126–138, T. Wayne Downey, «Within the Pleasure Principle: Child Analytic Perspectives on Aggression», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XXXIX (1984), 101–136, Phyllis Greenacre, «Infant Reactions to Restraint: Problems in the Fate of Infantile Aggression» (1944), в ее Trauma, Growth, and Personality (1952), 83–105, Albert J. Solnit, «Aggression», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XX (1972), 435–450, а также – на мой взгляд, самая важная – Solnit, «Some Adaptive Functions of Aggressive Behavior», в *Psychoanalysis-A General Psychology,* ed. Loewenstein, Newman, Schur, and Solnit, 169–189. Среди тех, кто, в отличие от большинства других психоаналитиков, всерьез относились к доктрине Фрейда о влечении к смерти, самым убедительным – или, по крайней мере, наименее неубедительным – был К. Р. Эйслер в своей работе «Death Drive, Ambivalence, and Narcissism», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XXVI (1971), 25–78, вдохновенной защите неоднозначной идеи Фрейда. В статье Alexander Mitscherlich «Psychoanalysis and the Aggression of Large Groups», *Int. J. Psycho-Anal.,* LII (1971), 161–167, влечение к смерти исследуется с точки зрения социальной психологии. Познакомиться с глубоко скептическим взглядом на эту теорию известного психоаналитика можно в работе Leo Stone, «Reflections on the Psychoanalytic Concept of Aggression», *Psychoanalytic Quarterly,* XL (1971), 195–244, которая оставляет весьма тревожное впечатление.

По очевидным причинам количество материала, посвященного «утраченным» метафизическим статьям Фрейда, невелико. Блестящий очерк Ilse Grubrich-Simitis, «Trauma or Drive; Drive and Trauma: A Reading of Sigmund Freud's Phylogenetic Fantasy of 1915» – это фрейдовская лекция, прочитанная в Нью-Йорке 28 апреля 1987 года, но на момент написания этой книги еще не опубликованная. В своей работе о двенадцатой метапсихологической статье Фрейда, которую она обнаружила, расшифровала и опубликовала под названием «Филогенетическая фантазия», Ильза Грубрих-Симитис предполагает связь между высоким полетом теоретической мысли в филогенетической фантазии Фрейда и продолжавшейся всю жизнь битвой в его мышлении между двумя теориями происхождения неврозов, теории травмы и теории влечений. Такой подход совпадает с тем, которого я придерживаюсь в этой книге: человек, вовлеченный в

невидимую титаническую битву между желанием фантазировать и необходимостью самодисциплины. Полезные гипотезы также содержатся в работе Barry Silverstein, «'Now Comes A Sad Story': Freud's Lost Metapsychological Papers», в Freud, Appraisals and Reappraisals, ed. Stepansky, I, 143–195. (Еще я бы хотел привлечь внимание к антиметапсихологической школе психоанализа, которая делает упор на клиническое мышление Фрейда. Одними из самых оригинальных, но, на мой взгляд, в конечном счете неубедительных работ этого направления являются статьи Джорджа С. Клейна, в частности «Two Theories or One?» в его книге George S. Klein, Psychoanalytic Theory: An Exploration of Essentials [1976], 41–71, которую рекомендуется читать вместе с другими работами этого тома. Подобные взгляды также широко представлены в сборнике M. Gill and Philip S. Holzman, Psychology versus Metapsychology: Psychoanalytic Essays in Memory of George S. Klein [1976].)

Окончание войны и первые послевоенные годы в потерпевших поражение Центральных державах лучше всего описаны в научном исследовании F. L. Carsten Revolution in Central Europe, 1918–1919 (1972), которое опирается не только на опубликованный материал, но также использует неопубликованные источники и содержит подробные главы, посвященные Австрии. Книга John Williams, The Other Battleground: The Home Fronts, Britain, France and Germany 1914–1918 (1972) выходит за рамки своего названия в описании пути Австрии к поражению. Otto Bauer, Die Österreichische Revolution (1923) – это свидетельство участника революции, социалиста. Современные взгляды кратко и беспристрастно изложены в сборнике Österreich 1918–1938. Geschichte der Ersten Republik, ed. Erika Weinzierl and Kurt Skalnik, 2 vols. (1983); особого внимания заслуживают такие статьи, как Wolfdieter Bihl, «Der Weg zum Zusammenbruch-Österreich-Ungarn unter Karl I. (IV.)», 27–54, Karl R. Stadler, «Die Gründung der Republik», 55–84, и Fritz Fellner, «Der Vertrag von St. Germain», 85–106. В этом же сборнике также стоит прочесть работы Hans Kernbauer, Eduard März, Fritz Weber, «Die wirtschaftliche Entwicklung», 343–379, Ernst Bruckmüller, «Sozialstruktur und Sozialpolitik», 381–436, и Erika Weinzierl, «Kirche und Politik», 437–496. У одного из этих авторов есть переводы на английский: Karl R. Stadler, The Birth of the Austrian Republic (1966). Воспоминания Anna Eisenmenger, Blockade: The Diary of an Austrian Middleclass Woman, 1914–1924 (tr. anon., 1932) очень трогательны. В этой связи также стоит прочесть книгу Ottokar Landwehr-Pragenau, Hunger. Die Erschöpfungjahre der Mittel-mächte 1917/18 (1931). Ярким дополнением может

послужить сборник Aufbruch und Untergang. Österreichische Kultur zwischen 1918 und 1938, ed. Franz Kadrnoska (1981), в котором собраны очерки о театре и цирке, карикатурах и фильмах, о художниках и фестивалях; особенно информативна статья Ursula Kubes «'Moderne Nervositäten' und die Anfänge der Psychoanalyse», 267–280. В книге Walter Goldinger, Geschichte der Republik Österreich (1962) представлена беспристрастная оценка событий того времени. Из многочисленных мемуаров стоит обратить внимание на Bertha Zuckerkandl, Österreich intim. Erinnerungen 1892–1942, ed. Reinhard Federmann (1970). Работа Christine Klusacek, Kurt Stimmer, eds., Dokumentation zur Österreichischen Zeitgeschichte, 1928–1938 (1982) предлагает тщательно подобранные очерки по истории Австрии этого десятилетия. Jacques Hannak, Karl Renner und seine Zeit. Versuch einer Biographie (1965) – это обстоятельная биография видного социалиста, политика и теоретика, с многочисленными цитатами из документов. Книга Peter Csendes, Geschichte Wiens (1981) – это краткий обзор. Работа The Jews of Austria, ed. Fraenkel, незаменима по части подборки документов. Также очень полезен очерк A. J. May, «Woodrow Wilson and Austria-Hungary to the End of 1917», in Festschrift für Heinrich Benedikt, ed. H. Hantsch et al. (1957), 213–242. Личность Вудро Вильсона становится предметом анализа в работе Klaus Schwabe, Woodrow Wilson, Revolutionary Germany, and Peacemaking 1918–1919: Missionary Diplomacy and the Realities of Power (1971; tr. Rita and Robert Kimber, 1985). Выше уже упоминались три биографии, содержащие ценные сведения об этой эпохе: Timms, Karl Kraus, Apocalyptic Satirist, Luft, Robert Musil and the Crisis of European Culture и Prater, European of Yesterday: A Biography of Stefan Zweig.

Самоубийство Виктора Тауска стало причиной яростных споров. Впервые оно было описано в тенденциозном исследовании Paul Roazen, Brother Animal: The Story of Freud and Tausk (1969), где роль злодея в пьесе отведена Фрейду; ответом стала исполненная негодования и очень обстоятельная работа K. R. Eissler, Talent and Genius: The Fictitious Case of Tausk Contra Freud (1971), а затем еще одна работа Эйслера, Victor Tausk's Suicide (1983).

Свидетельские показания Фрейда о военных неврозах на судебных заседаниях представлены в очень подробном исследовании Freud as an Expert Witness: The Discussion of War Neuroses between Freud and Wagner-Jauregg (1979; tr. Christine Trollope, 1986). См. также Eissler, «Malingering», в Psychoanalysis and Culture, ed. George Wilbur and Warner Muensterberger (1951), 218–253. Признание психоаналитиков, что психологическая

травма солдат свидетельствует в их пользу, получило широкую известность после докладов на международном психоаналитическом конгрессе в Будапеште в 1918 году; см. Sándor Ferenczi, Karl Abraham, Ernst Simmel, and Ernest Jones, Psycho-Analysis and the War Neuroses (1919; перевод, вероятно, Эрнеста Джонса, 1921). Написанное Фрейдом введение к этой книге, а также его «Записка о лечении военных неврозов электричеством», составленная в 1920 году и опубликованная в 1955 году, доступны в *SE* XVII, 205–215. Новаторской работой на эту тему в Германии была Ernst Simmel, Whose Kriegsneurosen und psychisches Trauma (1918), а в Англии – M. D. Eder, War-Shock. The Psycho-Neuroses in War: Psychology and Treatment (1917).

Подробностями жизни Фрейда в голодной и холодной Вене после 1918 года изобилует его переписка с близкими друзьями из Будапешта, Берлина и Лондона, а также с племянником Сэмюелем, который жил в Манчестере. См. также короткую статью другого племянника, Edward L. Bernays, «Uncle Sigi», *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences,* XXXV (April 1980), 216–220. Много полезного я нашел в статье о влиянии войны и «социальной реальности» на мышление Фрейда в тот период: Louise E. Hoffman, «War, Revolution, and Psychoanalysis: Freudian Thought Begins to Grapple with Social Reality», *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* XVII (1981), 251–269. Книга Stefan Zweig, Die Welt von Gestem. Erinnerungen eines Europäers (1944), особенно глава «Heimkehr nach Österreich», богата яркими – возможно, как обычно, чересчур яркими – деталями. Более трезвый взгляд, дополняющий многоречивую гиперболу Цвейга, можно найти в уже упоминавшейся работе Prater, European of Yesterday: A Biography of Stefan Zweig, особенно гл. 4, «Salzburg and Success, 1919–1925». Автобиографический текст Richard F. Sterba, Reminiscences of a Viennese Psychoanalyst (1982) довольно поверхностен. Работа A [brain] Kardiner, My Analysis with Freud: Reminiscences (1977) далека от скрупулезности, но дает некоторое представление о том, каково приходилось иностранным «ученикам» Фрейда после войны.

Материал о Гроддеке см. Carl M. and Sylva Grossman, The Wild Analyst: The Life and Work of Georg Groddeck (1965), краткая и популярная работа, но с полной библиографией работ Гроддека. В 1921 году Шандор Ференци написал рецензию на роман Гроддека, Der Seelensucher (см. Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint, II, 94–98). Интересна также работа Lawrence Durrell, «Studies in Genius: VI. Groddeck», *Horizon,* XVII (июнь 1948), 384–403. Главная книга Гроддека доступна на английском: The Book of the It (1923; tr. M. E. Collins, 1950). Маргарета Хоннегер выступила

редактором сборника переписки Гроддека с Фрейдом и другими корреспондентами: Georg Groddeck – Sigmund Freud. Briefe über das Es (1974).

О социальной психологии Фрейда см. Sandor Ferenczi, «Freuds 'Massenpsychologie und Ich-Analyse.' Der individualpsychologische Fortschritt» (1922), в Schriften zur Psychoanalyse, ed. Balint, II, 122–126, и Philip Rieff, «The Origins of Freud's Political Psychology», *Journal of the History of Ideas,* XVII (1956), 235–249. Фрейд в роли социолога рассматривается в работе Robert Bocock, Freud and Modern Society: An Outline and Analysis of Freud's Sociology (1976). Кстати, полезной находкой оказалась неаннотированная рукопись работы Фрейда Massenpsychologie und Ich-Analyse в хранилище редких книг и рукописей Колумбийского университета.

Глава девятая. Смерть против жизни

О борьбе Фрейда с раком см. Schur, Freud, Living and Dying, особенно главы 13–16, а в качестве дополнения (а иногда и корректировки) неопубликованную записку, «The Medical Case History of Sigmund Freud», датированную 27 февраля 1954 года, Max Schur papers, LC. Письма Анны Фрейд к Шуру и Эрнесту Джонсу одновременно точны и исполнены горечи. Работа Sharon Romm, The Unwelcome Intruder: Freud's Struggle with Cancer (1983) содержит медицинские подробности, а также информацию о врачах Фрейда и проведенных операциях, которую не найдешь в других источниках. Я многим обязан необыкновенно информативной неопубликованной рукописи Sanford Gifford, «Notes on Felix Deutsch as Freud's Personal Physician» (1972), сочувствующей Дойчу, но ни в коем случае не сентиментальной. Полезными были также воспоминания самого Дойча, «Reflections on Freud's One Hundredth Birthday», *Psychosomatic Medicine,* XVIII (1956), 279–283. Бесценно и мое интервью с Хелен Шур от 3 июня 1986 года. О внуке Фрейда Хейнеле я много узнал из личной переписки с Хильдой Браунталь, которая в студенческие годы работала в доме Матильды и Роберта Холличер, где Хейнеле провел последние месяцы жизни. Ретроспективный взгляд из 1930-х годов в 1920-е представлен в книге H. D. [Hilda Doolittle], Tribute to Freud. Интервью Фрейда Джорджу Сильвестру Виреку в 1926 году, опубликованное отдельно в 1927 году, а затем в книге Glimpses of the Great (1930), содержит интересные цитаты, но относиться к нему следует с осторожностью.

Любопытные сведения о популярности Фрейда в Австрии в 1920-х годах можно найти в Elias Canetti, Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte 1921–1931 (1980), особенно с. 137–139. Информацию об Америке в Ronald Steel, Walter Lippmann and the American Century (1980) могут дополнить письма Липпмана, умело отредактированные Джоном Мортоном Блумом в Public Philosopher: Selected Letters of Walter Lippmann (1985). В работе Alfred Kazin, On Native Grounds: An Interpretation of Modern American Prose Literature (1942; paperback ed., 1956) вскользь упоминается о влиянии Фрейда в 1920-х годах; подобные сведения можно найти и в Richard Weiss, The American Myth of Success, from Horatio Alger to Norman Vincent Peale (1969). Работа Martin Wangh, ed., Fruition of an Idea: Fifty Years of Psychoanalysis in New York (1962) отличается краткостью и некоторым самодовольством; ее достоинство – полностью задокументированная история Нью-Йоркского

психоаналитического института. Более раннее исследование очевидца, C. P. Oberndorf, A History of Psychoanalysis in America (1953), очень личное, но полезное. Работа David Shakow and David Rapaport, The Influence of Freud on American Psychology (1964) дополняет превосходную книгу Hale Freud and the Americans. Еще одним хорошим дополнением может служить John C. Burnham, Psychoanalysis in American Medicine, 1894–1918: Medicine, Science, and Culture (1967). Полезный материал содержится в книге Burnham, Jelliffe: American Psychoanalyst and Physician (1983), в которую включена переписка Джелиффе с Фрейдом и Юнгом, под редакцией Уильяма Макгира. См. также рассудительную и информативную статью John Demos, «Oedipus and America: Historical Perspectives on the Reception of Psychoanalysis in the United States», *The Annual of Psychoanalysis*, VI (1978), 23–39. (Литература о дилетантском анализе в Соединенных Штатах приведена ниже, в разделе для главы 10.)

В работе Uwe Henrik Peters, Anna Freud: A Life Dedicated to Children (1979; tr. anon., 1985) авторы храбро, но неэффективно сражаются без помощи архивов Анны Фрейд, в отличие от других биографий; придется подождать выхода биографии Анны Фрейд, написанной Элизабет Янг-Брюль. Частью своих находок она поделилась 15 января 1987 года в Йельском университете на конференции по программе Мюриел Гардинер, в нескольких беседах и в письме ко мне от 17 мая 1987 года. Несколько статей с воспоминаниями об Анне Фрейд в сборнике The Psychoanalytic Study of the Child, XXXIX (1984) помогли мне составить портрет этой удивительной и чрезвычайно сдержанной женщины. См., в частности, Joseph Goldstein, «Anna Freud in Law», 3–13, а также Peter B. Neubauer, «Anna Freud's Concept of Developmental Lines», 15–27, Leo Rangell, «The Anna Freud Experience», 29–42, Albert J. Solnit and Lottie M. Newman, «Anna Freud: The Child Expert», 45–63, и Robert S. Wallerstein, «Anna Freud: Radical Innovator and Staunch Conservative», 65–80. Лекция племянницы Анны Фрейд, Sophie Freud, The Legacy of Anna Freud (1987), носит глубоко личный характер и очень трогательна. Книга Kardiner, My Analysis with Freud содержит несколько интересных комментариев. Неопубликованные письма Анны Фрейд, особенно к Максу Шуру и Эрнесту Джонсу, неопубликованные письма Фрейда к Эрнесту Джонсу – и еще в большей степени своему другу и доверенному лицу Лу Андреас-Саломе – являются неоценимой помощью для биографа. (Об Андреас-Саломе см. ее автобиографические произведения, особенно Lebensrückblick [1951], а также работу Angela Livingstone, Lou Andreas-Salomé [1984], в которой есть ссылки на неопубликованные материалы.) Самым полезным

источником сведений об Анне Фрейд, разумеется, служит ее неопубликованная переписка с отцом, Freud Collection, LC.

О психоанализе в Берлине см. информативную (и очень увлекательную) переписку между супругами Стрейчи: Bloomsbury/Freud: The Letters of fames and Alix Strachey, 1924–1925, ed. Perry Meisel and Walter Kendrick (1985). Кроме того, много полезного можно найти в работе Festschrift, Zehn Jahre Berliner Psychoanalytisches Institut (Poliklinik und Lehranstalt), ed. Deutsche Psychoanalytische Gesellschaft (1930), содержащей короткие содержательные высказывания Эрнста Зиммеля, Отто Фенихеля, Карен Хорни, Ганса Закса, Грегори Зилбурга и др. по всем аспектам деятельности института – правилам, студентам, пациентам и программе. Мелани Кляйн, впервые проявившая себя в Берлине, остается необычайно противоречивой фигурой; ее биография, Phyllis Grosskurth, Melanie Klein: Her World and Her Work (1986), несмотря на полноту и глубокое исследование архивов Кляйн, нисколько не уменьшила остроты споров о ее личности. Я многое узнал из этой книги, но не согласен с Гросскурт в довольно низкой оценке Анны Фрейд. Ханна Сегал, видная сторонница Кляйн, написала два очень полезных кратких очерка: Introduction to the Work of Melanie Klein (1964) и Klein (1979).

О влиянии Фрейда во Франции см. краткую, но содержательную работу Sherry Turkle Psychoanalytic Politics: Freud's French Revolution (1978), в которой описывается формирование типично французской психоаналитической культуры. Очень информативна также переписка Фрейда с Рене Лафоргом, переведенная Пьером Коте и изданная под редакцией Андре Бургуньона, Memorial, *Nouvelle Revue de Psychanalyse,* XV (April 1977), 236–314. Много полезных сведений содержится в Elisabeth Roudinesco, La bataille de cent ans. Histoire de la psychanalyse en France, vol. I, 1885–1935 (1982) и vol. II, 1925–1985 (1986). См. также Use и Robert Baraude, Histoire de la Psychanalyse en France (1975). Разумеется, психоанализ во Франции неразрывно связан с Мари Бонапарт. К сожалению, ее жизнеописание, Celia Bertin, Marie Bonaparte, la dernière Bonaparte (1982), лишено прочной документальной основы, особенно в части идей Бонапарт и ее роли в организации психоаналитических институтов во Франции. Остается ждать более полной биографии.

Из пациентов, поделившихся воспоминаниями о Фрейде, следует отметить Хильду Дулитл [Х. Д.] и Жанну Лампль де Гроот (особенно ее сердечное, трогательное и чрезвычайно интересное интервью мне 24 октября 1985 года). Подробное

жизнеописание Хильды Дулитл можно найти в Janice S. Robinson, H. D.: The Life and Work of an American Poet (1982); дополнением к ней послужит статья Susan Stanford Friedman, «A Most Luscious 'Vers Libre' Relationship: H. D. and Freud», *The Annual of Psychoanalysis,* XIV (1986), 319–343. Книга «экспериментального» пациента Фрейда, Joseph Wortis, Fragments of an Analysis with Freud (1954), сообщает необычные подробности о практике Фрейда, но в целом абсолютно неудовлетворительна, поскольку Вортис сопротивлялся психоанализу. О знакомых и корреспондентах Фрейда в те годы рассказывают две статьи Дэвида С. Вермана в *Int. Rev. Psycho-Anal*: «Stefan Zweig and His Relationship with Freud and Rolland: A Study of the Auxiliary Ego Ideal», VI (1979), 77–95, и «Sigmund Freud and Romain Rolland», IV (1977), 225–242. Кроме того, можно обратиться к очерку David James Fisher, «Sigmund Freud and Romain Rolland: The Terrestrial Animal and His Great Oceanic Friend», *American Imago,* XXXIII (1976), 1–59. Работа Mary Higgins and Chester M. Raphael, eds., Reich Speaks of Freud: Wilhelm Reich Discusses His Work and His Relationship with Sigmund Freud (1967) содержит несколько любопытных (хотя и сомнительных по достоверности) рассказов о последних годах Фрейда, в том числе длинное интервью К. Р. Эйслера с Райхом. Альберт Хиршмюллер опубликовал два интересных письма Фрейда к сыну Йозефа Берейра после смерти Брейера: «'Balsam auf eine schmerzende Wunde'-Zwei bisher unbekannte Briefe Sigmund Freuds über sein Verhältnis zu Josef Breuer», *Psyche,* XLI (1987), 55–59.

Болезненный интерес Фрейда к оккультным явлениям освещен недостаточно подробно. Работа Nandor Fodor, Freud, Jung, and Occultism (1971) выглядит совсем не убедительной. С другой стороны, полный и откровенный рассказ можно найти в *Jones* III, 375–407.

Глава десятая. Мерцающие огни на «черных континентах»

Что касается Отто Ранка, то кроме двух уже упомянутых работ – Lieberman, *Rank* и Taft, Otto Rank, написанных с большой любовью, – см. также книгу Esther Menaker, Otto Rank: A Rediscovered Legacy (1983), которая рассматривает Ранка как специалиста по психологии «Я» и опровергает некоторые критические замечания Джонса относительно его работ и характера. Работа Ранка и Ференци, The Development of Psychoanalysis (1924; tr. Caroline Newton, 1925) выдержала не одно издание. Доступна также самая популярная книга Ранка, The Trauma of Birth (1924; tr. anon., 1929). Подборка из его многочисленных работ, в основном об искусстве и мифологии, включена в Philip Freund, ed., The Myth of the Birth of the Hero and Other Writings (1959). Одним из самых известных сторонников Ранка был социолог Эрнест Бекер, о чем свидетельствуют его работы The Denial of Death (1973) и Escape from Evil (1975).

При изучении проблемы тревоги особенно полезна работа Фрейда «Торможение, симптом и страх» *SE* XX, 77–86. Более подробно эта тема освещена в трехтомном исследовании Allan Compton, «A Study of the Psychoanalytic Theory of Anxiety», которое появилось в *J. Amer. Psychoanal. Assn.:* «I. The Development of Freud's Theory of Anxiety», XX (1972), 3–44, «II. Developments in the Theory of Anxiety since 1926», XX (1972), 341–94, и «III. A Preliminary Formulation of the Anxiety Response», XXVIII (1980), 739–74. Несколько интересных статей, как обычно, есть у Отто Фенихеля, в частности «Organ Libidinization Accompanying the Defense against Drives» (1928), *Collected Papers,* 1st Series, 128–460, «Defense against Anxiety, Particularly by Libidinization» (1934), *Collected Papers,* 1st Series, 303–317, и особенно оригинальная «The Counter-Phobic Attitude» (1939), *Collected Papers,* 2d Series, 163–173. Убедительная статья в двух частях Phyllis Greenacre «The Predisposition to Anxiety» (1941), в Trauma, Growth, and Personality, 27–82, прослеживает предрасположенность к страху вплоть до внутриутробного развития. См. также Ishak Ramzy and Robert S. Wallerstein, «Pain, Fear, and Anxiety: A Study in Their Interrelations», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XIII (1958), 147–189, Rene A. Spitz, «Anxiety in Infancy», *Int. J. Psycho-Anal,* XXXI (1965), 138–143, в дополнение к увлекательному материалу в Spitz, The First Year of Life (1965), Clifford Yorke and Stanley Wiseberg, «A Developmental View of Anxiety: Some Clinical and Theoretical Considerations», *The*

Psychoanalytic Study of the Child, XXXI (1976), 107–135, Betty Joseph, «Different Types of Anxiety and Their Handling in the Analytic Situation», *Int. J. Psycho-Anal,* LIX (1978), 223–228, и следующую статью: Leo Rangell, «On Understanding and Treating Anxiety and Its Derivatives», 229–236. Небольшая работа Max Schur, «The Ego in Anxiety», в Drives, Affects, Behavior, ed. Loewenstein, 67–103, считается классической. Довольно необычный подход к этой теме можно найти в таком тексте, как Silvan Tomkins, Affects, Imagery, Consciousness, vol. II, The Negative Affects (1963), особенно 511–529. Откровенные (и временами язвительные) дискуссии относительно странных идей Ранка можно найти в протоколах заседаний Нью-Йоркского психоаналитического общества, A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.

Воспоминания Теодора Райка (с цитатами из писем Фрейда к нему) открывают много интересных подробностей: пространный сборник The Search Within: The Inner Experience of a Psychoanalyst (1956) и его предыдущая работа From Thirty Years with Freud (tr. Richard Winston, 1940), более краткая и конкретная. К написанию мемуаров Райка побудила Эрика Фримен – см. ее книгу Insights: Conversations with Theodor Reik (1971). Грандиозный симпозиум по вопросам дилетантского анализа, организованный Максом Эйтингоном и Эрнестом Джонсом, появился (на английском) в *Int. J. Psycho-Anal.,* VIII (1927), 174–283, 391–401. Всеобъемлющая история отношения американцев к дилетантскому анализу еще не написана, и в связи с большим историческим интересом, который она представляет, ее появление весьма желательно. К сожалению, в протоколах Нью-Йоркского психоаналитического общества вопросы дилетантского анализа отражены мало. Соответствующие материалы богаче всего представлены в American Psychoanalysis: Origins and Development, ed. Jacques M. Quen and Eric T. Carlson (1978). В книге Oberndorf, History of Psychoanalysis in America, энергичной, субъективной и слишком краткой, особое внимание следует обратить на гл. 9, «Status of Psychoanalysis at the Beginning of the Third Decade», и гл. 10, «Stormy Years in Psychoanalysis under New York Leadership». В качестве ознакомительного материала можно использовать работу Hale, Freud and the Americans, хотя она охватывает период только до 1917 года; полезна также книга Burnham, Jelliffe.

В *Jones* III, 287–301, предлагается беспристрастный конспект дискуссии о дилетантском анализе, необыкновенно информативный, несмотря на свою краткость. Никто не может обвинить в излишней краткости К. Р. Эйслера, чей труд Medical Orthodoxy and the Future of Psychoanalysis (1965) обширен, перегружен отступлениями саомооправдательного характера,

однако отчасти проясняет дело. Из последних работ по этому вопросу можно выделить Lawrence S. Kubie, «Reflections on Training», *Psychoanalytic Forum,* 1 (1966), 95–112, Shelley Orgel, «Report from the Seventh Pre-Congress Conference on Training», *Int. J. Psycho-Anal,* LIX (1978), 511–515, Robert S. Wallerstein, «Perspectives on Psychoanalytic Training Around the World», *Int. J. Psycho-Anal,* LIX (1978), 477–503, и Newell Fischer, «Beyond Lay Analysis: Pathways to a Psychoanalytic Career», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXX (1982), 701–715, рассказывающую о круглом столе Американской психоаналитической ассоциации. Дополнительные материалы содержит статья Harald Leupold-Löwenthal, «Zur Geschichte der 'Frage der Laienanalyse'», *Psyche,* XXXVIII (1984), 97–120.

Значительная – а на самом деле бóльшая – часть литературы, посвященной взглядам Фрейда на развитие женщины, в частности женской сексуальности, носит полемический характер, поскольку этот вопрос почти полностью политизирован. К счастью, психоаналитики, мужчины и женщины, сохраняли спокойствие. Можно назвать два ответственных исследования истории идей Фрейда, принадлежащие перу одного автора, Zenia Odes Fliegel, «Feminine Psychosexual Development in Freudian Theory: A Historical Reconstruction», *Psychoanalytic Quarterly,* XLII (1973), 385–408, и «Half a Century Later: Current Status of Freud's Controversial Views on Women», *Psychoanalytic Review,* LXIX (1982), в которых представлена превосходная библиографическая информация. Всеобъемлющая антология, Female Psychology: Contemporary Psychoanalytic Views, ed. Harold P. Blum (1977) включает щедрую подборку статей из *J. Amer. Psychoanal. Assn.* Из самых полезных для меня я бы выделил следующие: James A. Kleeman, «Freud's Views on Early Female Sexuality in the Light of Direct Child Observation», 3–27, одновременно критичную и восприимчивую к идеям Фрейда, чрезвычайно интересную работу Eleanor Galenson and Herman Roiphe, «Some Suggestive Revisions Concerning Early Female Development», 29–57, Samuel Ritvo, «Adolescent to Woman», 127–137, которая убедительно расширяет историю за границы детства, William I. Grossman and Walter A. Stewart, «Penis Envy: From Childhood Wish to Developmental Metaphor», 193–212, еще один указатель на ревизию внутри психоанализа, Roy Schafer, «Problems in Freud's Psychology of Women», 331–360, глубокий анализ некоторых важных вопросов, Daniel S. Jaffe, «The Masculine Envy of Woman's Procreative Function», 361–392, в которой речь идет об обратной стороне зависти к пенису, и Peter Barglow and Margret Schaefer, «A New Female Psychology?», 393–438, где подвергается строгому анализу не-, полу– и

псевдопсихоаналитическая литература. В этой антологии собраны и другие информативные статьи: Kleeman, «The Establishment of Core Gender Identity in Normal Girls, (a) Introduction; (b) Development of the Ego Capacity to Differentiate», *Archives of Sexual Behavior,* I (1971), 103–129, и Galenson and Roiphe, «The Impact of Early Sexual Discovery on Mood, Defensive Organization, and Symbolization», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XXVI (1971), 195–216, дополнением (и контрастом) к которым может служить их совместная работа «The Preoedipal Development of the Boy», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXVIII (1980), 805–828. Беспристрастный анализ материала, появившегося после выхода антологии в 1977 году, см. в Shahla Chehrazi, «Female Psychology: A Review», *J. Amer. Psychoanal. Assn.,* XXXIV (1986), 141–162. См. также чрезвычайно полезную короткую статью Iza S. Erlich, «What Happened to Jocasta?» *Bulletin of the Menninger Clinic,* XLI (1977), 280–284, в которой описаны матери из историй болезни пациентов Фрейда. См. также Jean Strouse, ed., Women and Analysis: Dialogues on Psychoanalytic Views of Femininity (1974).

Самым известным из классических психоаналитических текстов, которые следуют фрейдовскому представлению о развитии женщины, хотя и не без некоторых оговорок, является работа Marie Bonaparte, *Female Sexuality* (1951; tr. John Rodker, 1953), которая сначала появилась в виде трех статей в *Revue Française de Psychanalyse* в 1949, а также Helene Deutsch, The Psychology of Women, *2* vols. (1944–1945) и Ruth Mack Brunswick, «The Preoedipal Phase of Libido Development» (1940), в The Psychoanalytic Reader, ed. Robert Fliess (1948), 261–284. Статьи Жанны Лампль де Гроот в ее сборнике The Development of the Mind: Psychoanalytic Papers on Clinical and Theoretical Problems (1965) излагают взгляды Фрейда с особенной ясностью. Это «The Evolution of the Oedipus Complex in Women» (1927), 3–18, «Problems of Femininity» (1933), 19–46, обзор работ Шандора Радо «Fear of Castration in Women» (1934), 47–57, а также серьезный вклад в вопрос о самой ранней стадии развития мужчины, «The Preoedipal Phase in the Development of the Male Child» (1946), 104–113. См. также Joan Riviere, «Womanliness as a Masquerade» (1929), в Psychoanalysis and Female Sexuality, ed. Hendrik M. Ruitenbeek (1966), 209–220.

О взглядах Абрахама на эту проблему см. его переписку с Фрейдом, а также статью «Manifestations of the Female Castration Complex» (1920), в Selected Papers of Karl Abraham (1927), 338–369. Самые важные статьи Джонса, все в сборнике Papers on Psycho-Analysis (4th ed., 1938): «The Early Development of Female Sexuality» (1927), 556–570, «The Phallic Phase» (1933), 571–604, и

«Early Female Sexuality» (1935), 605–616.

Работы Карен Хорни доступны в переводе на английский. Самые значительные собраны в ее книге Feminine Psychology, ed. Harold Kelman (1967): «On the Genesis of the Castration Complex in Women» (1924), 37–53, «The Flight from Womanhood: The Masculinity-Complex in Women as Viewed by Men and Women» (1926), 54–70, «The Dread of Women: Observations on a Specific Difference in the Dread Felt by Men and by Women Respectively for the Opposite Sex» (1932), 133–146, и «The Denial of the Vagina: A Contribution to the Problem of the Genital Anxieties Specific to Women» (1933), 147–161. В этом сборнике ее текстов есть еще несколько информативных работ: трогательная и откровенная The Adolescent Diaries of Karen Horney (1980) и Marcia Westkott, The Feminist Legacy of Karen Homey (1986), где ее идеи рассматриваются в широком контексте. Новая биография Хорни (автор позволила мне прочесть рукопись), Susan Quinn, A Mind of Her Own: The Life of Karen Homey (1987), представляет собой полное жизнеописание, в том числе ее личной жизни.

Здесь нет места обсуждать протесты феминистов против «фаллоцентрических» взглядов Фрейда, которые представляют интерес сами по себе; статья Барглоу и Шафера (упоминавшаяся выше) энергично и даже воинственно защищает точку зрения психоаналитиков. Самая информативная и ответственная работа, которая пытается принять во внимание «сексуальную политику» и в то же время подняться над ней, а также «мужской шовинизм» Фрейда, – это исследование опытного психотерапевта и активной феминистки, Juliet Mitchell, Psychoanalysis and Feminism (1974). Книга Mary Jane Sherfey, The Nature and Evolution of Female Sexuality (1972) представляет собой рациональную попытку пересмотра теории Фрейда на основе современной биологии. В работе K. R. Eissler, «Comments on Penis Envy and Orgasm in Women», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XXXII (1977), 29–83, сделана попытка учесть новейшую феминистскую и психоаналитическую литературу. Разнообразные аспекты увлекательной истории женской сексуальности и отношения к любви в Европе XIX века, повлиявшие на взгляды Фрейда, см. в Gay, The Bourgeois Experience, vol. I, Education of the Senses, и vol. II, The Tender Passion. Из обширной литературы о положении женщин я бы выделил только Helene Weber, Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung. Eine Einführung (1907), где есть раздел, посвященный Австрии, – как и в Richard J. Evans, The Feminists: Women's Emancipation Movements in Europe, America and Australasia 1840–1920 (1977). Лучшая краткая история положения женщины в Австрии в нашу эпоху – это введение к книге Erika

Weinzierl, Emanzipation? Österreichische Frauen im 20. Jahrhundert (1975). Более подробное исследование еще ожидает своего часа.

Деликатный вопрос отношений Фрейда с матерью помимо книг Джонса и работы McGrath, Freud's Discovery of Psychoanalysis освещен в Eva M. Rosenfeld, «Dreams and Vision: Some Remarks on Freud's Egyptian Bird Dream», *Int. J. Psycho-Anal.,* XXXVII (1956), 97–105, и в Robert D. Stolorow and George E. Atwood, «A Defensive-Restitutive Function of Freud's Theory of Psychosexual Development», *Psychoanalytic Review,* LXV (1978), 217–238, важной работе, в которой взгляд на отношения Фрейда с матерью совпадает с моим. Авторы умело используют материал работы Tomkins, Affect, Imagery, Consciousness. Дональд Л. Бернхем опубликовал письмо Фрейда немецкому психоаналитику Карлу Мюллеру-Брауншвейгу: «Freud and Female Sexuality: A Previously Unpublished Letter», *Psychiatry,* XXXIV (1971), 328–329.

Большое количество материала впервые опубликовано в книге Arnold Zweig, 1887–1968. Werk und Leben in Dokumenten und Bildern, ed. Georg Wenzel (1978).

Глава одиннадцатая. Природа человека в действии

Я уже отмечал, что жизнь и работы Ференци исследованы недостаточно. Основные сведения о его последних годах, конечно, содержит его переписка с Фрейдом, Freud Collection, LC. Важные комментарии можно найти в Michael Balint, The Basic Fault: Therapeutic Aspects of Regression (1968), особенно гл. 23, «The Disagreement between Freud and Ferenczi, and Its Repercussions». На многое проливает свет переписка Ференци с его близким другом в последние годы, Georg Groddeck, Briefwechsel 1921–1933 (1986). В работе Masson, Assault on Truth есть на первый взгляд убедительная, но абсолютно неподтвержденная глава об отношениях Ференци и Фрейда в последние годы, «The Strange Case of Ferenczi's Last Paper». Как пример сильных позитивных чувств Фрейда к Ференци Массон приводит тот факт, что Фрейд «часто обращался к нему «дорогой сын» (с. 145). На самом деле я встретил такое обращение только один раз, причем Фрейд использовал его для того, чтобы подчеркнуть неспособность Ференци повзрослеть. (См. письма Фрейда к Ференци от 30 ноября и 5 декабря 1911 года, Freud-Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC.) Также противоречит фактам утверждение Массона, что упорство Ференци в возрождении теории совращения «стоило ему дружбы с Фрейдом» (с. 148). Клинический дневник Ференци, который я цитировал в тексте по рукописи из Freud Collection, LC, находится в процессе публикации: S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main: Judith Dupont, ed., Ohne Sympathie keine Heilung. Das klinische Tagebuch von 1932 (1988).

Не существует полного анализа антиамериканизма Фрейда. В книге Hale, Freud and the Americans дается лишь основа до 1917 года. Сведения об одном из самых первых и самых серьезных сторонников Фрейда в Америке см. в Steel, Walter Lippmann. (Martin Wiener, Between Two Worlds: The Political Thought of Graham Wallas [1971] содержит интересные комментарии по поводу Липпмана.) Полезной также была книга Burnham, Jelliffe. Самое подробное исследование биографии Буллита – это работа Will Brownell and Richard N. Billings, So Close to Greatness: A Biography of William C. Bullitt (1987), с которой у меня была возможность ознакомиться в рукописи. Однако и она не в состоянии полностью разрешить загадки, окружающие историю изучения Вудро Вильсона Фрейдом и Буллитом. Пытаясь

реконструировать создание книги, я использовал письма Буллита к полковнику Хаусу (Colonel E. M. House papers, series I, box 21, Y-MA). Работа Beatrice Farnsworth, William C. Bullitt and the Soviet Union (1967) посвящена в основном первым дипломатическим миссиям Буллита, но, к счастью, выходит за рамки этой темы. William Bayard Hale, The Story of a Style (1920) – книга, которой восхищался Фрейд, но публично не хвалил – тщательно препарирует Вильсона, используя его стиль. Статья Wilson, see H. L. Mencken, «The Archangel Woodrow» (1921), in The Vintage Mencken, ed. Alistair Cooke (1955), 116–120, – это американская рецензия на книгу, которая дает автору повод для яростных нападок на Вильсона.

Орвилл Х. Буллит, который видел рукопись книги «Томас Вудро Вильсон» в 1932 году, когда приезжал к своему брату Уильяму, подтверждает, что Фрейд и Буллит действительно подписывали главы, сочиненные соавтором. Приблизительно в 1950 году он снова видел рукопись и не заметил никаких изменений. (См. письмо Орвилла Буллита к Александру Л. Джорджу от 31 мая 1886 года, с любезного разрешения Александра Джорджа.) Др. Орвилл Хорвиц, двоюродный брат, который тоже прочел рукопись в 1930-х годах, согласен с ним. (Телефонный разговор с доктором Хорвицем, 31 мая 1986 года.) С другой стороны, стиль книги противоречит этим воспоминаниям: многие рецензенты ответили, что если введение, вне всякого сомнения, принадлежит Фрейду, то остальной текст лишен его юмора, точности выражений и формулировок. Так, например, Макс Шур 9 января 1968 года писал мисс М. Легру в издательство Houghton Mifflin: «Изучение рукописи ясно показало, что только введение, хотя и не написанное его почерком (все свои письма и рукописи Фрейд писал без сокращений), содержит несомненные признаки стиля Фрейда и отражает его аналитическую точку зрения. Мы [Шур, Эрнст Фрейд и Анна Фрейд] пришли к выводу, что это сохранившаяся копия оригинальной рукописи Фрейда. Что касается остальной книги, она, вероятно, написана мистером Буллитом, который применил, насколько смог (*ни в коем случае не ставя под вопрос его благие намерения*), воспоминания и записи, сделанные во время и после встреч с Фрейдом, и сообщенные ему аналитические формулировки». (С любезного разрешения Хелен Шур.) Сам Фрейд писал Арнольду Цвейгу в декабре 1930 года: «Я снова пишу предисловие к работе кого-то другого. Я не могу сказать, что это; анализ, но в то же время в высшей степени современный, почти политический» (*Фрейд Арнольду Цвейгу*, 7 декабря 1930. *Freud-Zweig*, 37 [25]).

Я убежден, что наиболее приемлемый способ разрешить эти

противоречия – предположить, что Буллит исправил рукопись после смерти Фрейда. Анна Фрейд высказывала другое мнение. «Вы знаете, как я не люблю Буллита, – писала она Шуру 24 октября 1966 года. – Но такого он не стал бы делать» (Max Schur papers, LC). С другой стороны, 6 ноября 1966 года она писала Максу Шуру: «Я абсолютно уверена, что отец сам написал предисловие. Это его стиль, его манера мышления, и я готова поклясться в этом в любой момент. Я в равной степени уверена и точно так же готова поклясться, что ни одна из последующих глав не написана отцом, ни частично, ни полностью. Во-первых, это не его стиль; во-вторых, он никогда в жизни не прибегал к повторениям, которых в книге до отвращения много; в-третьих, он никогда не унижал и не высмеивал субъект анализа, как это делается в книге». Вне всякого сомнения, прибавила Анна, ее отец «предложил Буллиту психоаналитические толкования, не представляя, что их будут использовать так неудачно» (Max Schur papers, LC). Из некоторых писем Анны Фрейд к Джонсу в середине 1950-х годов. становится понятно, что она не видела рукопись исследования Вильсона при жизни отца. (См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 16 апреля и 25 апреля 1955 года, Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) Сам Буллит 22 июля 1955 года писал Джонсу, что книга «была результатом серьезной борьбы. Мы с Фрейдом оба были очень упрямы: каждый считал себя кем-то вроде Бога. Поэтому каждая глава, даже каждое предложение становились предметом ожесточенного спора». В июне 1956 года, снова в письме к Джонсу, Буллит прибавил: «Я дважды посетил Лондон [в 1939 году], чтобы обсудить с ним [Фрейдом] некоторые изменения, которые я считал важными. Мы согласились относительно формулировок этих изменений, и я их сделал. Но затем я посчитал, что его смерть не позволяет вносить дальнейшую правку». (Оба письма в Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) Возможно, точнее всего выразилась Анна Фрейд: «Не подлежит сомнению, что отец переоценил Буллита. В отличие от меня. Но в подобных делах отец не слушал ничьих советов» (*Анна Фрейд Максу Шуру,* 6 ноября 1966. Max Schur papers, LC). Как бы то ни было, рукопись книги недоступна.

О происшествии с Хорасом Фринком см. работу Michael Specter, «Sigmund Freud and a Family Torn Asunder: Revelations of an Analysis Gone Awry», Washington Post, November 8, 1987, sec. G, 1, 5. Дополнительные сведения можно найти в архиве Фринка, Alan Mason Chesney Medical Archives, The Johns Hopkins University.

Среди многочисленных исследований религиозности Фрейда интерес представляет диссертация Reuben M. Rainey, Freud as

Student of Religion: Perspectives on the Background and Development of His Thought (1975). В вопросе отношения Фрейда к еврейству незаменима статья его сына Мартина «Who Was Freud?» в The Jews of Austria, ed. Fraenkel, 197–211. Работа A. A. Roback, Freudiana (1957), содержащая «неопубликованные письма от Фрейда, Хэвлока Эллиса, Павлова, Бернарда Шоу, Ромена Роллана и т. д»., больше раздражает, чем информирует. В этой главе я заимствовал материал своей книги A Godless Jew, которая освещает эти вопросы более полно, чем я смог сделать здесь. (Литературу о еврействе Фрейда см. ниже, в разделе для гл. 12.)

Среди работ, восхваляющих статью Фрейда «Неудовлетворенность культурой», можно выделить исследование Paul Roazen, Freud: Political and Social Thought (1968), в котором есть несколько страниц о проявлении человеческой природы в политике. Интересный обзор влияния идей Фрейда на общественную жизнь (и политику), выражающий фрейдистскую точку зрения, можно найти в J. C. Flugel, Man, Morals and Society: A Psycho-Analytical Study (1945). Работа R. E. Money-Kyrle, Psycho-analysis and Politics: A Contribution to the Psychology of Politics and Morals (1951) – это краткий, но содержательный очерк, отражающий ту же точку зрения. В книге Rieff, Freud: The Mind of the Moralist содержится превосходная глава «Politics and the Individual». Заслуживает прочтения также значительно дополненная лекция Хайнца Хартманна на фрейдовских чтениях, Psychoanalysis and Moral Values (1960), искусно защищает концепцию «сверх-Я» и (по большей части косвенно) социальную и политическую теорию Фрейда. Теме «сверх-Я» также посвящена статья Michael Friedman, «Toward a Reconceptualization of Guilt», *Contemporary Psychoanalysis,* XXI (1985), 501–547, в которой рассматривается постфрейдистский пересмотр его идей, в том числе со стороны Мелани Кляйн и таких теоретиков объектных отношений, как У. Р. Д. Фейрбейрн и Д. У. Уинникотт. Выдающийся американский социолог Толкотт Парсонс исследовал социальное значение идей Фрейда в нескольких интересных статьях, в частности «The Superego and the Theory of Social Systems» (1952), вместе с другими работами по табу отца и табу инцеста, а также об отношениях характера и общества, вошедшими в книгу Social Structure and Personality (1964). Полезные сведения также можно найти в Bocock, Freud and Modem Society. Пример того, как историк может связать идеи психоанализа с культурой, я попытался привести в статье «Liberalism and Regression», *The Psychoanalytic Study of the Child,* XXXVII (1982), 523–545.

Глава двенадцатая. Умереть на свободе

Великая экономическая – и в конечном счете политическая – катастрофа, начавшаяся осенью 1930 года и ставшая причиной событий 1930-х годов, лучше всего описана в работе John A. Garraty, The Great Depression (1986), превосходном сравнительном исследовании, включающем сведения об Австрии. О жизни Фрейда в Австрии в период с 1933 по 1938 год см. переписку Фрейда с Цвейгом и некоторые более поздние письма Фрейда к Лу Андреас-Саломе и к Максу Эйтингону (после 1933 года в Палестину). Книга Schur, Freud, Living and Dying – необходимое свидетельство очевидца нескольких месяцев жизни Фрейда при Гитлере. В основе Clark, Freud, особенно гл. 23, «An Order for Release», лежат дипломатические документы, проигнорированные другими биографами, – я использовал их независимо от Кларка. Доктор Жозефина Штросс, которая находилась рядом (в буквальном смысле) с Фрейдом с мая 1938 года до его смерти, любезно дополнила мои знания о жизни Фрейда в эти месяцы (особенно в письмах от 12 мая и 19 июня 1987 года). Работа Detlef Berthelsen, Alltag bei Freud. Die Erinnerungen der Paula Fichtl сообщает много исключительно личных деталей о домашней жизни Фрейда, основанных на воспоминаниях служанки, которая работала у Фрейдов с 1929 года и сопровождала их в Лондон. Среди «откровений» автора есть шок девственницы Фихтль при виде пениса Фрейда; в целом непроверенные воспоминания престарелой служанки не могут считаться надежным документом. Автобиография Карла Цукмайера, Als wär's ein Stück von mir. Horen der Freundschaft (1966), особенно с. 64–69, ярко описывает его впечатления от Австрии – Вены и других мест – в марте 1938 года. Лучшее из литературы о событиях в Австрии времен аншлюса я указывал в разделе для главы 8; особое внимание следует обратить на работы таких авторов, как Кадрноска, Голдингер, Цукеркандль, Клусачек и Штиммер, Ханнак, Сендес, а также Вейнзиерль и Скалник. Следует отметить одну главу сборника Österreich 1918–1938, под редакцией двух последних, Norbert Schausberger, «Der Anschluss», 517–552. Дополнительный материал можно найти также в таких работах, как Dokumentation zur Österreichischen Zeitgeschichte, 1938–1945, ed. Christine Klusacek, Herbert Steiner, and Kurt Stimmer (1971), первые два раздела которой состоят из богатого (и ужасающего) материала об аншлюсе и об Австрии как «Ostmark» до начала Второй мировой войны, Christine Klusacek, Österreichs Wissenschaftler und Künstler unter dem NS-Regime (1966), лаконичное и красноречивое

перечисление подвергшихся репрессиям ученых (включая Фрейда) и людей творческих профессий, с указанием их дальнейшей судьбы, Dieter Wagner and Gerhard Tomkowitz, «Ein Volk, Ein Reich, Ein Führer!» Der Anschluss Österreichs 1938 (1968), популярная, но заслуживающая доверия и содержащая впечатляющие фотографии евреев, над которыми издевались в марте 1938 года; см. также некоторые статьи в The Jews of Austria, ed. Fraenkel, особенно Herbert Rosenkranz, «The Anschluss and the Tragedy of Austrian Jewry, 1938–1945», 479–545, с ужасающей статистикой и такими же ужасающими воспоминаниями. См. также работу T. Friedmann, ed., «Die Kristall-Nacht». Dokumentarische Sammlung (1972), в которой задокументированы варварские нападения на синагоги, культурные центры, общины и самих евреев в ноябре 1938 года. Книга Raul Hilberg, The Destruction of the European Jews (1961; 2d ed., 1981), хотя и спорная в своем главном тезисе о пассивности евреев, безупречна по своей научной строгости. Надежная статистика о жизни австрийских евреев при Гитлере доступна также в Martin Gilbert, ed., The Macmillan Atlas of the Holocaust (1982). Ярким свидетельством тех событий могут служить приведенные в тексте ежедневные сообщения корреспондентов New York Times, Manchester Guardian и лондонской Daily Telegraph.

Немецкий психоанализ и психиатрия при Гитлере подробно задокументированы в работе Karen Brecht et al., eds., «Hier geht das Leben auf eine sehr merkwürdige Weise weiter… Zur Geschichte der Psychoanalyse in Deutschland (1985), отрезвляющем, информативном каталоге. Дополнить ее может Geoffrey Cocks, Psychotherapy in the Third Reich: The Goering Institute (1985), эрудированная и, в сущности, ревизионистская работа, склонная находить больше признаков выживания психоанализа при нацистах, чем, на мой взгляд, подтверждается доказательствами. Среди массы литературы о нацистской Германии самой авторитетной остается работа Karl Dietrich Bracher, The German Dictatorship: The Origins, Structure, and Effects of National Socialism (1969; tr. Jean Steinberg, 1970).

Еврейство Фрейда привлекает все больше и больше комментариев. Мои взгляды представлены в книге A Godless Jew. Частично я изложил их в уже упоминавшейся статье «Six Names in Search of an Interpretation». В работе Justin Miller, «Interpretation of Freud's Jewishness, 1924–1974», *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* XVII (1981), 357–374, приведен подробный обзор литературы за полвека. Интересный очерк, в котором сделана попытка определить место Фрейда, Ernst Simon, «Sigmund Freud, the Jew», *Leo Baeck Yearbook,* II (1957), 270–305, следует

читать совместно с работой Peter Loewenberg, «'Sigmund Freud as a Jew': A Study in Ambivalence and Courage», *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* VII (1971), 363–369. Статья Martin S. Bergmann, «Moses and the Evolution of Freud's Jewish Identity», *Israel Annals of Psychiatry and Related Disciplines,* XIV (March 1976), 3–26, которой я многим обязан, подробно разбирает комментарии Фрейда по этому вопросу и содержит любопытные наблюдения по поводу религиозности отца Фрейда. Marthe Robert, From Oedipus to Moses: Freud's Jewish Identity (1974; tr. Ralph Manheim, 1976) – это впечатляющая и тонкая интерпретация, хотя, возможно, и преувеличивающая отождествление Фрейдом себя с Моисеем, убитым пророком. Статья Stanley Rothman and Phillip Isenberg, «Sigmund Freud and the Politics of Marginality», *Central European History,* VII (1974), 58–78, квалифицированно разоблачает тенденциозные и неверные истолкования. Работа тех же авторов, «Freud and Jewish Marginality», *Encounter* (December 1974), 46–54, также помогает опровергнуть уже упоминавшуюся статью Schorske, «Politics and Patricide in Freud's Interpretation of Dreams». В статье Henri Baruk, «La signification de la psychanalyse et le Judaïsme», *Revue d'Histoire de la Médicine Hébraique,* XIX (1966), 15–28, 53–65, довольно критичной к Фрейду, решительно отвергается такое нелепое предположение, что Фрейд находился под сильным влиянием каббалы, как утверждалось (без каких-либо убедительных доказательств) в David Bakan, Sigmund Freud and the Jewish Mystical Tradition (1958). (Среди самых убедительных критиков Дэвида Бакана можно назвать Гарри Тросмана; в его уже упоминавшейся работе Freud and the Imaginative World также содержатся интересные комментарии по поводу еврейской идентичности Фрейда.) В книге A. A. Roback, Jewish Influence in Modem Thought (1929) излагается такая же необоснованная версия, как у Бакана, но в ней содержится несколько писем Фрейда автору. См. также Roback, Freudiana. Sander Gilman, Jewish Self-Hatred: Anti-Semitism and the Hidden Language of the Jews (1986), удивительно изобретательную в самобичевании и показавшуюся мне эксцентричной. Сборник Judaism and Psychoanalysis, ed. Mortimer Ostow (1982) содержит разнообразные статьи, включая главу из спорного исследования Rabbi Richard Rubinstein, The Religious Imagination (1968). Как бы то ни было, я предпочитаю более беспристрастный анализ Бергманна, Ротмана и Азенберга и даже Роберта. Из возможных ключей к идентичности Фрейда не следует исключать и еврейский юмор. Полезной в этом смысле является работа Kurt Schlesinger, «Jewish Humor as Jewish Identity», *Int. Rev. Psycho-Anal,* VI (1979), 317–330. Теодор Рейк сделал эту тему предметом своих исследований,

наиболее значительным из которых является работа Jewish Wit (1962). См. также Elliott Oring, The Jokes of Sigmund Freud: A Study in Humor and Jewish Identity (1984), краткую, умозрительную, несколько мрачноватую. К «Mein Onkel Sigmund», интервью (уже упоминавшееся) Ричарда Дика с племянником Фрейда Гарри, который отрицает, что его знаменитый дядя был атеистом, следует относиться скептически. Статья Avner Falk, «Freud and Herzl», *Contemporary Psychoanalysis,* XIV (1978), 357–387, исследует еврейство Фрейда с точки зрения знакомства с идеями Герцля.

Многие из уже упоминавшихся источников, особенно Bergmann, «Moses and the Evolution of Freud's Jewish Identity» и Robert, From Oedipus to Moses, большое внимание уделяют работе Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия». Я дополнил их книгой Rieff, Freud: The Mind of the Moralist, ch. 6, «The Authority of the Past», и двумя работами одного автора, Edwin R. Wallace IV, Freud and Anthropology и «The Psychodynamic Determinants of Moses and Monotheism», *Psychiatry*, XL (1977), 79–87. См. также аккуратную дискуссию в W. W. Meissner, Psychoanalysis and Religious Experience (1984) ch. 5, «Freud and the Religion of Moses», а также F. M. Cross, «Yahweh and the God of the Patriarchs», *Harvard Theological Review,* LV (1962), 225–259. Некоторые интересные предположения, почему Фрейд не упомянул раннюю статью Абрахама об Аменхотепе IV, имевшую прямое отношение к экскурсу Фрейда в историю Древнего Египта, высказаны в статье Leonard Shengold, «A Parapraxis of Freud's in Relation to Karl Abraham», *American Imago,* XXIX (1972), 123–159.

Несколько рассказов очевидцев позволяют почувствовать атмосферу последних полутора лет жизни Фрейда. Воспоминания Вульфов о чаепитии с Фрейдом в доме номер 20 по Мэрсфилд-Гарденс очень любопытны и немного противоречивы по тону: см. Leonard Woolf, Downhill All the Way (1967), 95–96, 163–169; и The Diary of Virginia Woolf, ed. Anne Olivier Bell, при участии Andrew McNeillie, vol. V, *1936–1941* (1984), 202, 248–252. Свое прощание с Фрейдом Ганс Закс описал в книге Freud: Master and Friend, ch. 9, «The Parting», а о прощании Джонса можно прочесть в *Jones* III, ch. 6, «London, The End».

Знаменитое письмо Фрейда анонимной американской матери см. в информативной статье Henry Abelove, «Freud, Male Homosexuality and the Americans», *Dissent* (Winter 1986), 59–69.

Кроме обычных некрологов, на смерть Макса Шура вышла статья в American Psychoanalytic Association Newsletter, III (December 1969), 2, слишком краткая.

Мой взгляд на последние дни Фрейда изложен в последнем примечании к главе 12.

Постскриптум. В процессе работы я наткнулся на интригующий, но, как мне показалось, довольно подозрительный рассказ об эпизоде, который якобы имел место в доме по Берггассе, 19, после аншлюса. Барбара Ханна в своих восторженных «биографических мемуарах» Jung: His Life and Work (уже упоминавшихся) сообщает (с. 254–255), что вскоре после вторжения нацистов в Австрию в середине марта 1938 года Франц Риклин-младший, сын Франца Риклина, в прошлом сторонника Фрейда, «был выбран несколькими чрезвычайно богатыми швейцарскими евреями, чтобы *немедленно* поехать в Австрию с большой суммой денег и сделать все возможное, чтобы убедить видных евреев покинуть страну до того, как нацисты начнут их преследовать». Младший Риклин – в то время ему еще не исполнилось тридцати, и он только начал карьеру врача – считал, что его выбрали для этой деликатной миссии из-за самообладания и «типично тевтонской внешности». В целом он «чрезвычайно успешно выполнил поручение», но не в отношении Фрейдов. Отец Риклина настаивал, чтобы сын уговорил Фрейда незамедлительно покинуть Австрию и «воспользоваться самыми выгодными условиями, которые он мог предложить». Но когда молодой Риклин пришел к Фрейду и «объяснил ему ситуацию», то Фрейд разочаровал его, строго сказав: «Я отказываюсь быть в долгу у своих врагов». Риклин снова объяснил положение вещей, заявив, что ни его отец, ни Юнг не испытывают враждебности к Фрейду. Однако Фрейд лишь подтвердил свою позицию. Тем не менее, утверждает Ханна, Фрейды сердечно приняли посланника и даже пригласили остаться на ужин.

Такова версия Ханны. Автор не подтверждает документами эту удивительную историю, но, судя по тому, что она была близко знакома с молодым Риклином и часто встречала его у Юнга дома, ее источником информации, скорее всего, был Риклин. Тем не менее в ее рассказе есть неправдоподобные детали: «чрезвычайно богатые швейцарские евреи» должны были знать, что преследование евреев в Австрии началось, как только нацисты вошли в страну. Но еще более странным выглядит утверждение, что швейцарские евреи выбрали в качестве своего эмиссара сына одного из самых известных врагов Фрейда. Правдоподобным выглядит только твердый и бескомпромиссный отказ Фрейда. Поэтому я отложил эту историю в сторону.

Затем, в прошлом году, когда текст биографии Фрейда уже пошел в печать, доктор Роберт С. Маккалли (в настоящее время профессор психологии, а в 1960-х годах студент медицинского колледжа Корнеллского университета в Нью-Йорке и слушатель местного отделения Института Юнга) частично подтвердил и

существенно поправил рассказ Ханны. Когда Риклин-младший читал лекции в Нью-Йорке, Маккалли встречался с ним и слышал подробности истории поездки в Вену. Насколько он помнит рассказ Риклина, сумму 10 тысяч долларов выделили не швейцарские евреи, а Юнг и Риклин из собственных средств, и они хотели, чтобы деньги были вручены только Фрейду. Когда Риклин прибыл в дом по Берггассе, 19, дверь приоткрыла Анна Фрейд, но не впустила гостя в квартиру, сообщив, что отец его не примет. Затем к двери подошел сам Фрейд и сказал фразу, которую приводит в своей книге Ханна: «Я отказываюсь быть в долгу у своих врагов». Враждебность Фрейдов была настолько сильной, рассказывал Риклин Маккалли, что он ушел и вернулся в Цюрих, так и не вытащив деньги из специального пояса. (См. Robert S. McCully, «Remarks on the Last Contact Between Freud and Jung», письмо к издателю, *Quadrant: Journal of the C. G. Jung Foundation* [New York], XX [1987], 73–74.)

Доктор Маккалли (с которым я советовался) очень хорошо помнит рассказ Риклина, и его версия выглядит гораздо правдоподобнее, чем версия Ханны, – и интереснее. Это представляет Юнга в другом свете. Судя по его письму, доктор Маккалли может только догадываться, «как мисс Ханна пришла к своему описанию этого события», но уверен, что «Франц Риклин-младший (ныне покойный) не видел ее рукописи, и с ним не консультировались» (с. 73). Как я уже отмечал, у меня нет сомнений, что источником Ханны – несмотря на все возможные искажения в ее рассказе – был сам Риклин, а (как я тоже отмечал) краткий и решительный ответ Фрейда очень правдоподобен. Но в отсутствие независимых документов – как бы то ни было, у меня лишь два рассказа о рассказе – я решил не отзывать последнюю главу книги из печати, чтобы вставить эту интересную историю в свой текст. Тем не менее она заслуживает упоминания. Возможно, после того, как будет открыт доступ к архивам Юнга, она превратится в исторический факт.

Благодарности

Работа над этой книгой заняла очень много времени, гораздо больше, чем два с половиной коротких года очень интенсивной работы, которые потребовались, чтобы ее написать. Мой интерес к Фрейду зародился еще в магистратуре в конце 1940-х годов, и я сделал этот интерес главным в своей работе как историка в середине 1970-х годах, когда меня приняли кандидатом в Психоаналитический институт Новой Англии. Статус кандидата дал мне непревзойденные возможности почувствовать себя своим в мире психоанализа. Это был неоценимый опыт для написания данной биографии, однако я опирался на профессиональную дистанцированность историка, чтобы избежать искушения идеализации, которую Фрейд считал неизбежной судьбой биографа.

Размышляя об удивительной разнице между временем написания и годами инкубации, я вспомнил о знаменитой ремарке Уистлера во время дела о клевете, которое он возбудил против Раскина за слова, что он брызнул краской из горшка в лицо публике. Адвокат Раскина выставил одну из туманных ночных сцен работы Уистлера и спросил, сколько времени потребовалось художнику, чтобы написать *это*. Ответ Уистлера остался в истории: «Вся жизнь». В моем случае «вся жизнь» – это гипербола, особенно в приложении к биографии Фрейда. Однако во время работы бывали моменты, когда мне казалось, что я никогда не занимался ничем другим. К счастью, я пользовался неизменной и продолжающейся поддержкой архивистов, библиотекарей, друзей и коллег. Незнакомые люди разыскивали меня после лекции или добровольно присылали материал после того, как узнавали о моем проекте, проявляли интерес и предлагали помощь.

Великий стимулятор диалога – в истинном значении этого слишком часто используемого слова, – на который я в значительной степени опирался и который упоминал в других книгах, снова проявил себя во всей полноте: официальная лекция, результатом которой становятся вопросы, комментарии, иногда решительные возражения, а несколько раз неопубликованные письма. С 1985 года я выступал в разных аудиториях, рассказывая о том, как продвигается работа над биографией, о важных вещах в жизни Фрейда, о связи психоанализа с историей и биографией, о том, как в настоящее время воспринимается Фрейд. Я получил огромное удовольствие от этих лекций – и огромную пользу. В 1985 году в Университете Кларка я рассказывал о вкусах Фрейда

в литературе, в Историческом обществе Индианы и Американской психологической ассоциации – о взаимоотношениях между психоанализом и историей, теме, которую я с разных сторон осветил также в Университете Райса в Хьюстоне и на большой публичной лекции в Гронингене в Нидерландах. В 1986 году я продолжил серию этих презентаций на более или менее официальных форумах в Йеле: на собраниях организации Гилель и Ассоциации выпускников, перед выпускниками моего факультета и студентами, изучающими архитектуру, а также прочел полноценную лекцию перед обществом друзей медицинской литературы. В том же году я выступал в Университете штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук, в Университете Огайо в Атенсе, штат Огайо, в Бостонском психоаналитическом обществе, в Калифорнийском университете в Сан-Диего (веселое и трогательное мероприятие в честь выдающейся карьеры Х. Стюарта Хагиса), на ленче в Исторической ассоциации Юга во время форума в Шарлотте, в Северной Каролине, и – особенно приятное и полезное мероприятие – в Колледже Еврейского союза в Цинциннати, где целую неделю читал лекции о Фрейде, безбожном еврее. В 1987 году я выступал в Чикагском институте психоанализа, на семинаре по психоанализу и общественным наукам в Чикагском университете, на чтениях в память Джорджа Розена в Бомонтском клубе на медицинском факультете моего университета и, наконец, перед своими коллегами в Гуманитарном центре Йеля. Как я уже отметил, все эти выступления были чрезвычайно мотивирующими и полезными – по крайней мере, для меня. Я очень многим обязан людям, которые собирались в этих аудиториях, и также чувствую себя в долгу перед многими другими и могу лишь надеяться, что никого не пропустил, выражая здесь свою благодарность.

Прежде всего, я глубоко признателен Рональду С. Уилкинсону, специалисту по историческим рукописям в отделе рукописей Библиотеки конгресса. Распоряжаясь громадным и бесценным сокровищем материалов о Фрейде, которых больше нигде нет, он с готовностью делился знаниями о своих фондах, а также о фондах других архивов; щедро и творчески он облегчал мои поиски неуловимых документов. Марк Питерсон, директор Sigmund Freud Copyrights, в Уивенхо, близ Колчестера, любезно предоставил в мое распоряжение все богатство материалов о Фрейде. Ему умело помогали два архивиста, Селия Хирст и Джо Ричардсон. Дэвид Л. Ньюленд, который во время моей работы над книгой был куратором Музея Фрейда в доме 20 по Мэрсфилд-Гарденс, Хэмпстед, Лондон, гостеприимно встретил меня, а работник музея Стив Нефилд сэкономил мне бессчетное

количество часов, снабжая бесценной информацией и открывая для меня редкие крупицы золота. Перл Х. М. Кинг, почетный архивист в архиве Британского психоаналитического общества, также находящегося в Лондоне, дал мне разрешение исследовать и использовать богатства из архива Эрнеста Джонса, что позволило мне реконструировать процесс создания Джонсом биографии Фрейда, а Джилл Дункан, заведующая архивом, выполняла мои запросы и нашла для меня несколько важных писем. Два библиотекаря-архивиста, Эллен Гилберт, а после нее Дэвид Дж. Росс, доброжелательно приняли меня в Библиотеке А. А. Брилла в Нью-Йоркском психоаналитическом институте и стали моими проводниками среди ее интересных фондов, в основном (хотя и не только) к документам американских пациентов Фрейда. Кеннет А. Лоф, библиотекарь в собрании редких книг и рукописей Колумбийского университета, помог мне с архивом Отто Ранка – как и Рудольф Элленбоген. Глениз А. Матесон, хранитель рукописей в Университетской библиотеке Джона Райлендза в Манчестере, Англия, любезно предоставила очень ценную переписку Фрейда со своим племянником Сэмюелем. Джудит А. Шифф, главный архивист-исследователь отдела рукописей и архивов в библиотеке Йельского университета была (как всегда) готова помочь, на этот раз в основном с бумагами полковника Хауса. Алан С. Дайвак, помощник архивиста в Институте Лео Баека в Нью-Йорке, предоставил мне несколько неопубликованных писем. Бернард Мактиг, куратор коллекции Арентса в Нью-Йоркской публичной библиотеке, нашел для меня важное письмо о привычке Фрейда к сигарам (ранее опубликованное, но неверно идентифицированное). Я также благодарен Елене С. Дэниельсон, помощнику архивиста в Гуверовском институте войны, революции и мира, за переправленное мне письмо Фрейда к Полу Хиллу. А. М. Дж. Изерманс из Международного института общественной истории в Амстердаме, дал мне разрешение опубликовать фрагмент письма Фрейда к Хердрику Де Ману. Салли Лич из Гуманитарного исследовательского центра имени Гарри Рэнсома Университета штата Техас в Остине помогла найти часть переписки между Бланш Кнопф и Фрейдами. Как всегда, сердечный прием мне оказал исторический отдел медицинской библиотеки в Йеле (под началом Ференца А. Георгиева).

Я чрезвычайно благодарен тем, кто добровольно предоставил мне неопубликованный материал или информацию о малоизвестных событиях в жизни Фрейда. Дж. Алексис Берланд прислал мне интересное письмо, которое Фрейд написал его отцу

вскоре после Первой мировой войны, и рассказал его историю. Антон О. Крис и его сестра Анна К. Вольф любезно предоставили мне несколько писем Фрейда к Эрнсту Крису и Оскару Ри, дополнив их полезной разрозненной информацией. Сэнфорд Гиффорд прислал мне любопытную неопубликованную рукопись о Феликсе Дойче, содержащую ценный, ранее неизвестный материал. Вилли Колер, мой редактор в издательстве S. Fischer Verlag во Франкфурте-на-Майне, еще до публикации снабдил меня ценным материалом. Жозефина Штросс, которая была близка с Фрейдами в последние годы жизни Фрейда, поделилась со мной воспоминаниями, не нарушая своей обязанности хранить врачебную тайну.

Ныне покойная Жанна Лампль де Гроот, пациентка Фрейда и выдающийся голландский психоаналитик, преодолела свой скепсис по поводу очередного биографа Фрейда и подарила мне запоминающееся интервью в ее доме в Амстердаме 24 октября 1985 года. Хелен Шур, не проявлявшая скепсиса с самого начала, последовала ее примеру 3 июня 1986 года. И не только: покопавшись в своей памяти и в своем сейфе, она пришла с письмами к ее мужу, а также от него, которые проливают свет на последние годы жизни Фрейда. Архив Макса Шура в Библиотеке конгресса, который мне посчастливилось исследовать первому, обогатил главы 11 и 12. Ингеборг Мейер-Пальмедо из издательства S. Fischer Verlag взяла на себя труд прислать мне скорректированную версию переписки Фрейда и Эдуардо Вейсса. Особую благодарность я также хочу выразить Ильзе Грубрих-Симитис – психоаналитику, издателю, писателю – за письма, беседы и огромную любезность в предоставлении мне корректурных гранок важных текстов (таких, как письма Фрейда к Флиссу в оригинале на немецком) задолго до того, как они становились достоянием публики. Ей известно, что наше видение Фрейда совпадает, однако она не слишком прояснила для меня этого Фрейда.

Друзья раз за разом давали мне стимулы для содержательной беседы или переписки. Дженет Малкольм, чьи остроумные и точные книги по психоанализу просвещали несведущих и доставляли удовольствие сведущим, была непревзойденным собеседником, от разговора с которым получаешь истинное удовольствие. Катвансы, Джеки и Габи, были просто очаровательны. Ильза Эрлих, практикующий психоаналитик и добрый друг, с которой я больше десяти лет обсуждал Фрейда, прислала свою статью, раскрывшую мне глаза, и указала, где найти другие подобные материалы. Элиза Снайдер была моим верным помощником, открывая для меня всевозможные двери (и

не только). На протяжении многих лет Сюзанна Барроуз делала мою жизнь ученого легче и гораздо приятнее. Питер Левенберг, который давно благоволил мне и моей работе, исследовал теоретические вопросы, присылал оттиски и снабжал указателями к источникам информации. Джульетт Л. Джордж и ее муж Александр существенно обогатили мое понимание совместного исследования Фрейдом и Буллитом Вудро Вильсона. Джо Кац рассказал мне интересные и правдивые истории об Анне Фрейд, которые я мог использовать в работе. Джозеф Голдстейн оказывал мне поддержку и, должен признаться, помог изменить к лучшему свое отношение к психоанализу. То же самое относится к Альберту Дж. Солниту, моему коллеге и другу, перед которым я в огромном долгу за своевременную поддержку, точную информацию и быстрый доступ к редким материалам. С Эрнстом Прелингером мы больше десяти лет вели плодотворные дискуссии о Фрейде; он оставил свой след в этой книге. Мой друг, ныне покойный Ричард Эллман, чья потрясающая биография Джеймса Джойса служила для меня образцом и чье отсутствие я остро ощущаю, прояснил несколько туманных моментов. Мартин С. Бергман показал мне рукопись своего психоаналитическо-исторического исследования о любви, присылал ценные оттиски статей и, вместе с Мари Бергман, поддерживал наши беседы о Фрейде. Я могу назвать не просто случайными знакомыми людей – Джеймс Климан, Ричард Ньюмен, Мортон Рейзер, Сэмюель Ритво, Пол Швабер, Лоррейн Сиггинс, – которые заслужили мою благодарность, снабжая меня информацией, печатной продукцией и (бесценными для охотника за документами в деликатной области) тактическими советами. Мы с Филлис Гросскурт мирно дискутировали по поводу наших разных оценок Анны Фрейд. Уильям Макгайр терпеливо делился со мной своей научной информацией о Юнге, Ференци, Шпильрейне и др. Много полезного я вынес из бесед с Айво Банаком, Джоном Демосом, Ханной С. Декер и Дэвидом Мусто. Стенли А. Леви помог мне достать монографию Эрнеста Джонса о фигурном катании. Мои друзья К. Ванн Вудворд и Гарри Франкфурт показали себя внимательными слушателями или хорошими скептиками, когда мне были нужны обе эти реакции. Как всегда, Боб и Патти Веббс, с которыми меня уже тридцать лет связывает нежная дружба, превратили мои поездки в Вашингтон в настоящее удовольствие. То же самое я могу сказать о Джо и Милли Глейзер. Далеко выходя за рамки своих обязанностей опытного редактора в издательстве Yale University Press, мой старый друг Глэдис Топкис понимала потребности автора, даже если он делает книгу для другого издательства.

Я также благодарю (за предоставление информации, ответы на вопросы и пересылку оттисков статей и книг) Генри Абелова, Ола Андерсона, Роджера Николаса Бальзигера, Гортензию К. Бекер, Стивена Беллера, Эдварда Л. Бернайса, Джеральда Браутналя, Хильду Брауналь, Пола Брукса, Роберта Бика, Эдварда Т. Чейза, Фрэнсиса Крика, Хану Дэвис, Говарда Дэвиса, Джорджа И. Эрлиха, Рудольфа Экштейна, Джейсона Эпштейна, Анвера Фалька, Макса Финка, Дэвида Джеймса Фишера, Софи Фрейд, Альфреда С. Гейта, Джона И. и Мэри Гедо, Роберта Готлиба, Генри Ф. Граффа, Фреда Грубеля, Эдвина Дж. Хаберле, Хендрика С. Хальберштадт-Фрейда, Хью Р. Б. Гамильтона, Джона Харрисона, Луизу И. Хофман, Марго Говард, Джудит М. Хадес, Орвилла Гурвица, Хана Израэльса, Элис Л. Калет, Мари Кан, Марка Канзера, Джонатана Каца, Джона Кебабиана и Роберта Кебабиана (который идентифицировал ковер на кушетке Фрейда), Джорджа Кеннана, Пола Кеннеди, Денниса Б. Клейна, У. А. Коэлша, Ричарда Кузеля, Натаниеля С. Лермана, Гарри М. Лессина, И. Джеймса Либермана, Артура С. Линка, Мюррея Луиса, Х. И. Лука, Джона Мааса, Патрика Дж. Мэхони, Генри Маркса, Роберта С. Макгалли, Фрэнка Мейстнера, Грэма Митчисона, Мелвина Мюроффа, Питера Б. Небауэра, Лотти М. Ньюмен, Фран Х. Нг, Шервин Б. Нуланда, Р. Мора О'Феррала, Дэниела Оффера, Элис Оливер, Дариуса Орнстона, Питера Парета, Алана П. Полларда, Сьюзен Квин, Пердиту Шефнер, Джозефа и Эту Селка, Леонарда Шенгольда, Майкла Шепарда, Барри Сильверстейна, Рози Штайн, Лео Штейнберга, Рикардо Штейнера, Пола И. Степански, Энтони Сторра, Питера Дж. Суэйлза (который, несмотря на то что знал мое неоднозначное отношение к его биографическим реконструкциям, снабдил меня экземплярами своих произведений и другими материалами, доступ к которым затруднен), Джона Тоеса, Дона Генриха Тольцмана, Эдвина Р. Уоллеса IV, Роберта С. Уоллерштейна, Линн Л. Вейнер, Дэвида С. Вермана, Дэна С. Уайта, Джей Винтер, Элизабет Янг-Брюль (которая щедро поделилась со мной своими находками об Анне Фрейд) и Артура Цитрина.

Мой коллега Уильям Кронон заслуживает отдельного абзаца. Без его подробных и вдохновенных наставлений, нередко утомительных, но всегда доброжелательных, и без его спасательных операций в критические моменты я бы никогда не освоил нюансы своего текстового процессора, а эта книга вышла бы на много месяцев позже.

Бывшие – особенно Карл Ландауэр, Марк Микале и Крейг Томлисон – и нынешние студенты, такие как Эндрю Айзенберг, Патриция Бере, Джон Корнелл, Роберт Дитле, Джудит Форрест,

Мишель Плотт и Гельмут Шмит, терпеливо уделяли время Фрейду и предлагали собственные ценные комментарии. Я также хочу поблагодарить за поддержку моих помощников из числа первокурсников, Джеймса Локарта и Ребекку Хальцель.

Полагаю, мне особенно повезло, что У. У. Нортон одолел это длинную и совсем не простую рукопись. Дональд С. Ламм, пренебрегая своими основными обязанностями главы издательского дома, выступил в роли моего редактора. Я рад, что он это сделал; несмотря на весь свой опыт в мире печатной продукции, я никогда не писал биографию, и Дон многому меня научил в отношении ясности и хронологии, что я прежде не слишком хорошо себе представлял. Эми Черри выполняла роли коммуникатора и буфера – обе превосходно. Эстер Джекобсон может служить образцом литературного редактора; многочисленные пометки на полях рукописи стали напоминанием, что какими бы бдительными ни были я и мои первые читатели, возможно и желательно быть еще бдительнее. Мерой моей благодарности ей может служить то, что после сотен страниц мы по-прежнему сердечно разговариваем друг с другом.

После всех этих благодарностей мне немного неловко переходить к менее приятной теме. Но я считаю необходимым предупредить читателей о пробелах в этой биографии, – пробелах, в которых я не виноват и которые безуспешно пытался заполнить, применив столько энергии и красноречия и отправив столько умоляющих писем, что даже не могу точно припомнить. Разрешение на публикацию слов Фрейда выдает Sigmund Freud Copyrights, Ltd, а право давать консультации по массе неопубликованного материала о Фрейде принадлежит The Sigmund Freud Archives, Inc., в Нью-Йорке. Эта организация была основана доктором Куртом Р. Эйслером, который много лет управлял ею твердой рукой. Теперь его сменил доктор Гарольд П. Блум. Доктор Эйслер собрал бесчисленное количество документов, которые в противном случае остались бы разбросанными по разным местам или могли бы вообще потеряться; он также взял десятки интервью у многих пациентов Фрейда, коллег, друзей, знакомых и поместил этот огромный и бесценный материал в отдел рукописей Библиотеки конгресса. Своим усердием и прилежанием при выполнении этой работы, практически в одиночку, он заслужил благодарность всех ученых, намеренных изучать Фрейда и историю психоанализа. Но его политика – за редкими исключениями – заключалась в том, чтобы держать материалы о Фрейде закрытыми на протяжении десятилетий; он установил даты (не всегда к удовольствию

дарителей), когда будут сняты ограничения, и эти даты уходят далеко в XXI век, зачастую за пределы продолжительности жизни ученых, которые работают в настоящее время. Доктор Эйслер часто и охотно повторял, что все – я подчеркиваю, *все,* – что Фрейд не предназначал для публикации, не должно быть опубликовано. Я не раз имел возможность выступить с более либеральных позиций. Несколько лет назад, когда я обсуждал этот вопрос с доктором Эйслером на собрании Комитета по истории и архивам Американской психоаналитической ассоциации (членом которой я к тому времени уже был несколько лет), он выразил мнение, что даже публикация переписки Фрейда и Юнга только навредила Фрейду, поскольку ее использовали для клеветы на Фрейда. Мои возражения были чрезвычайно просты: плохая история или плохая биография могут быть заменены только хорошей историей и хорошей биографией, которые возможны лишь при условии доступности документов для ученых. Страсть к секретности, которой был – и остается – подвержен доктор Эйслер, только способствует распространению самых невероятных слухов о человеке, чью репутацию он пытается защитить. Я также отметил явное противоречие в том, что дисциплина, которая призывала к максимально возможной откровенности, то есть психоанализ, являет себя перед миром скрытной, если не сказать – неискренней. Очевидно, мои аргументы его не убедили. Я веду переписку с доктором Эйслером на эту болезненную тему вот уже двадцать лет и запрашивал хранящиеся у него материалы с момента начала работы над этой биографией. Но результат для меня всегда был одинаковым – полная неудача.

Вероятно, самой большой жертвой политики доктора Эйслера стало собрание писем, которыми Фрейд и его невеста обменивались на протяжении пяти долгих лет помолвки, когда они чаще были в разлуке, чем вместе. Эти так называемые Brautbriefe могли бы показать, каким был молодой Фрейд в работе или в любви в начале 1880-х годов так же полно, как письма к Флиссу показывают процесс создания психоанализа в 1890-х годах. На собрании Комитета по истории и архивам в 1986 году доктор Блум назвал эту коллекцию величайшим собранием любовных писем в истории западной культуры. Можно лишь поинтересоваться: откуда он это знает? В 1960 году Эрнст и Люси Фрейд отредактировали для публикации довольно большую (но все же фрагментарную) подборку переписки Фрейда, содержащую почти сотню из этих писем. Это количество не увеличилось во втором издании 1968 года. Мои неоднократные попытки получить доступ к остальным письмам отражались доктором

Эйслером вежливо, но решительно. Поэтому мне пришлось опираться на горстку неопубликованных писем, которые мне удалось получить (в том числе несколько от Марты Бернайс к Фрейду), чтобы дополнить уже опубликованные.

Нынешняя политика The Sigmund Freud Archives, Inc. под руководством доктора Блума дает больше надежды, поскольку менее предсказуема. В начале работы над книгой мне открыли доступ к полной переписке Фрейда и Абрахама (в отделе рукописей Библиотеки конгресса, где хранится архив Абрахама), а также к полной серии D из Freud Collection, которая в качестве приза включает бóльшую часть писем Фрейда к Эрнесту Джонсу. 17 июля 1986 года New York Review of Books опубликовал письмо доктора Блума, подписанное «исполнительный директор», в котором отмечалось, что «все бумаги и документы, принадлежащие и находящиеся в управлении The Sigmund Freud Archives, которые проходят процесс публикации или уже опубликованы, будут открыты для всех ученых на принципах равного доступа». Письмо также содержало обещание «снять ограничения со всех писем и документов как можно быстрее, в соответствии с юридическими и этическими нормами и обязательствами». Единственный материал, который не откроют для читателей, постоянно повторял доктор Блум, подтвердив это в переписке со мной, – это предложения или абзацы, которые прямо указывают или дают возможность установить личность пациента. Мое предложение, чтобы ученым предоставили доступ ко всем ранее закрытым материалам после подписания строгих обязательств, которые разработает Библиотека конгресса и в которых будет указано обязательство пользователя не публиковать или не использовать иным способом указанные пассажи или письма, которые могут раскрыть личность пациента, было отклонено. Поэтому доверенное лицо, назначенное The Sigmund Freud Archives, должно читать каждое из еще не разрешенных к публикации писем, а затем отмечать, какие фрагменты должны оставаться скрытыми от широкой публики. Эта процедура оказалась медленной и чрезвычайно неудобной. Было бы справедливо отметить, что бóльшая часть материалов о Фрейде доступна ученым; часть доступна уже много лет, и все больше открывается с каждым годом. Но, разумеется, именно пока еще недоступные материалы представляют – или по этой причине так кажется – самый большой интерес для историка.

Теперь вернемся к более приятному. Как и с моими предыдущими книгами, я в значительной степени опирался на информированных читателей. Мой бывший студент, а теперь

добрый друг историк Хэнк Гиббонс, очень чувствительный к требованиям интеллектуальной истории, давал мне оригинальные и необыкновенно ценные советы по мелким и крупным вопросам, особенно по крупным. Дик и Пегги Канн внимательно прочли эту рукопись опытным глазом разбирающегося в психоаналитике философа и психолога соответственно; их замечания в сочетании с чудесными беседами, которые мы на протяжении многих лет вели о Фрейде, оставили глубокий отпечаток на этой книге. Джерри Мейер, мой одноклассник по Психоаналитическому институту Новой Англии, практикующий психоаналитик и внимательный читатель, особенно пристальное внимание обратил на технические и медицинские аспекты, затронутые в этой биографии, и способствовал той ясности, которой они могут похвастаться. Еще я хочу выразить особую благодарность Джорджу Малу, опытному психоаналитику и преподавателю, который бескорыстно прервал работу над своей книгой о Фрейде, чтобы внимательно прочесть этот текст. Превосходное знание истории психоанализа, неизменное уважение к точности, доброжелательная и бескомпромиссная манера исправления ошибок и предложения усовершенствований и более удачных формулировок – все это заставляет меня чувствовать себя в неоплатном долгу перед ним. Моя жена Рут виртуозно и тактично играла привычную роль последней инстанции. Я благодарю всех моих читателей, надеясь, что законченная работа оправдает потраченные на нее время и усилия.

П. Г.
Хамден, Коннектикут
Декабрь 1987 года

Фотоматериалы

1. Фрайберг (ныне Пршибор в Чехии), родной город Фрейда, с высокой колокольней и полями окрест – их основатель психоанализа любил в раннем детстве и помнил всю жизнь.

Pecold / Shutterstock.com

2. Дом № 117 на Шлосергассе. Здесь 6 мая 1856 года родился Сигизмунд Шломо Фрейд. Petr Jilek / Shutterstock.com

3. Шестнадцатилетний Сигизмунд Фрейд с матерью Амалией. 1872 год.

4. Вена в 1873 году, когда Фрейд поступил в университет. Вид с высоты птичьего полета. *Литография.*

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-USZ62-58761

5. Теодор Мейнерт, профессор психиатрии в Венском университете, пользовавшийся в то время международным признанием. *Литография Баэльца.*

Wellcome Images CC / Diomedia.com

6. Амалия и Якоб Фрейд с детьми. Двадцатилетний Зигмунд в центре, смотрит в камеру, сводный брат Эммануил повернулся к нему спиной. В этом же ряду (слева направо) сестры Фрейда Паулина, Анна, Роза и Мария, а также кузен Амалии Симон Натансон. Ниже сидят сестра Фрейда Адольфина и их родители. Мальчик в кресле – вероятно, брат Фрейда Александр. Другие дети неизвестны. Около 1876 года.

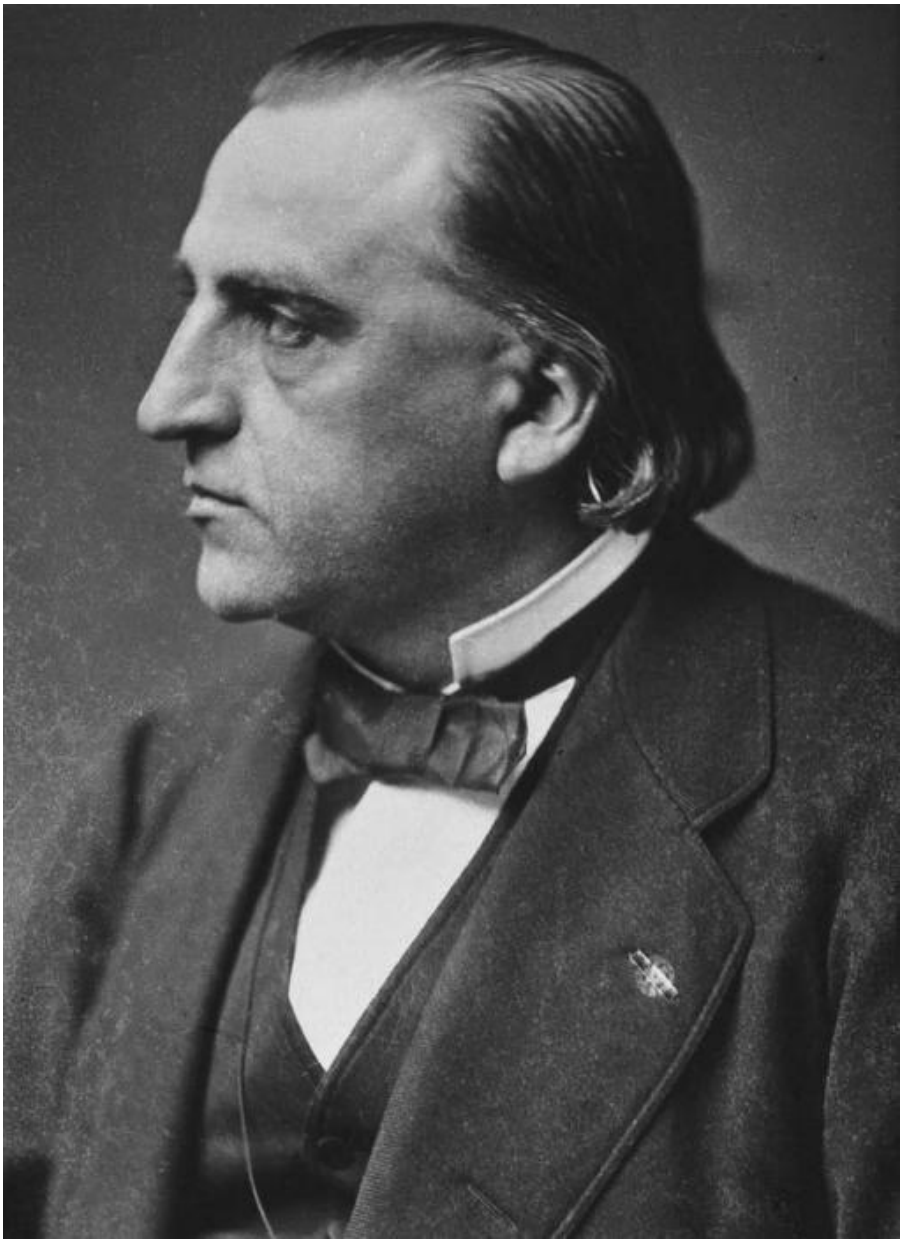
Wellcome Images CC / Diomedia.com

7. Великий немецкий физиолог Эрнст Брюкке, впоследствии Эрнст фон Брюкке, повлиявший на Фрейда больше, чем любой другой профессор. *Фотограф А. Ф. Башта.*

Wellcome Images CC / Diomedia.com

8. Марта Бернайс, будущая жена Зигмунда Фрейда. 1882 год. Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-USZ62-117969

9. Марта с младшей сестрой Минной Бернайс. 1882 год.
Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-USZ62-119770



10. Жан Мартен Шарко. *Фотограф Пьер Пети.*
Wellcome Images CC / Diomedia.com

11. Приват-доцент Зигмунд Фрейд, старший врач психиатрического отделения Венской городской больницы. 1885 год.

Everett Historical / Shutterstock.com

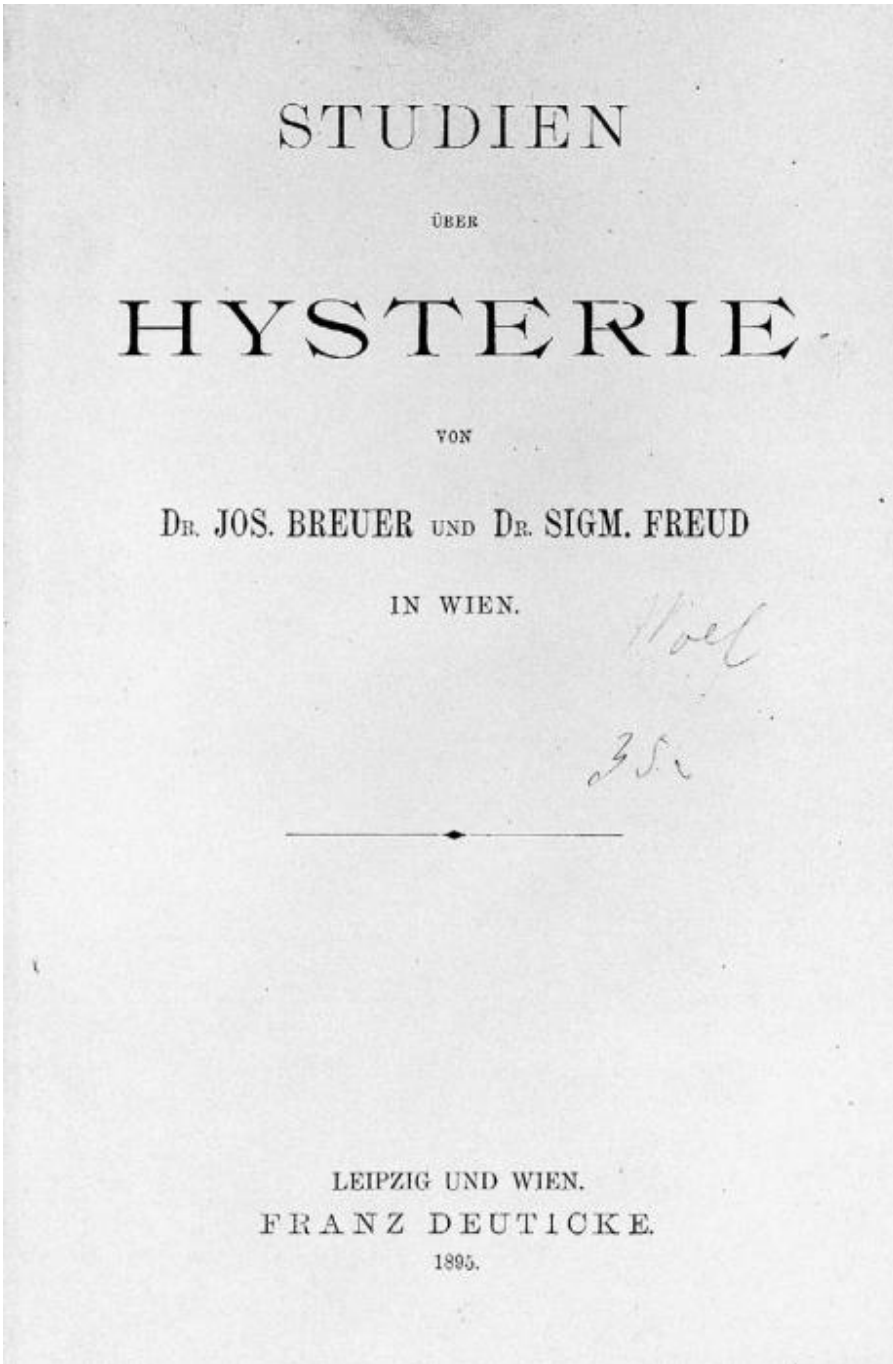
12. На гравюре по картине Андре Бруйе «Лекция доктора Шарко в больнице Сальпетриер» (1887), висевшей в кабинете Фрейда на Берггассе, 19, Шарко демонстрирует публике женщину в истерическом припадке. Wellcome Images CC / Diomedia.com

13. Окна (одно открыто) в доме на Берггассе, 19, возможно, в кабинете Фрейда. Сейчас в доме расположен Музей Фрейда в Вене.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-USZ62-130266

14. Фрейд в 1891 году, когда была опубликована работа «К вопросу о трактовке афазии».

Wellcome Images CC / Diomedia.com



STUDIEN

ÜBER

HYSTERIE

VON

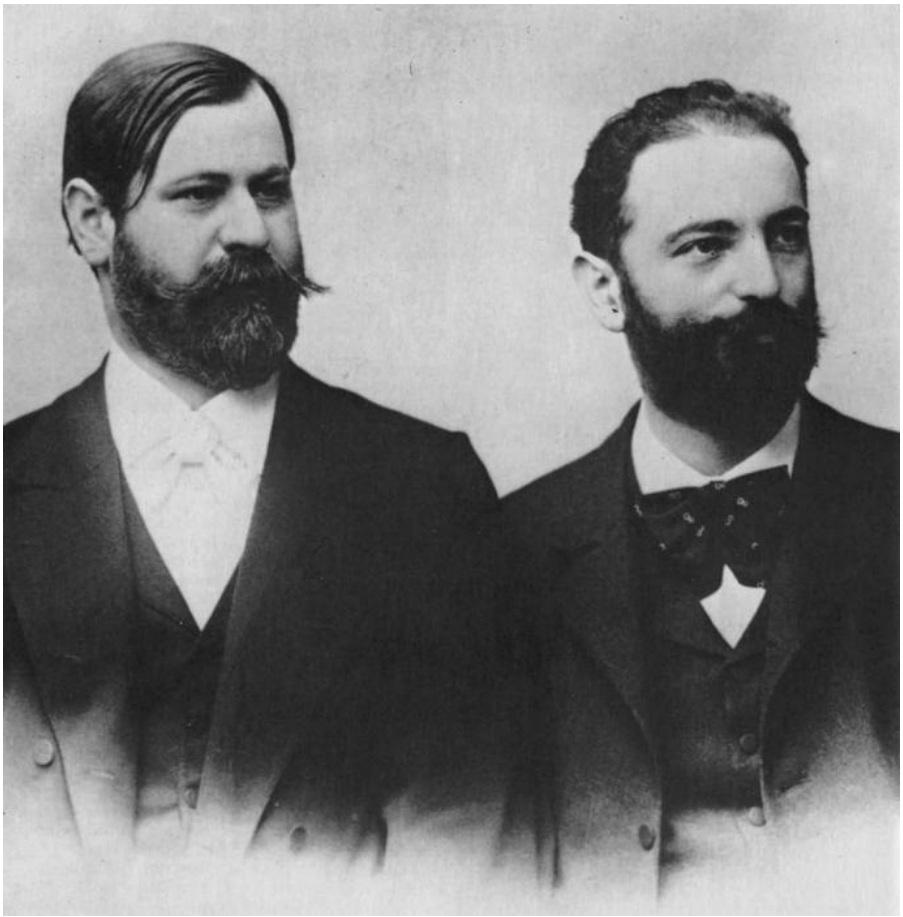
DR. JOS. BREUER UND DR. SIGM. FREUD

IN WIEN.

LEIPZIG UND WIEN.
FRANZ DEUTICKE.
1895.

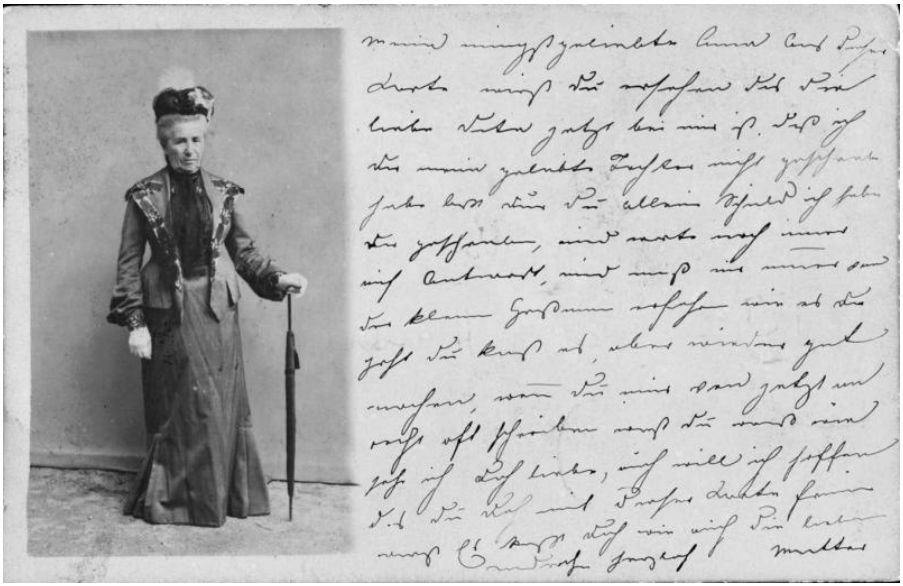
15. Титульный лист «Исследования истерии» Йозефа Брейера и Зигмунда Фрейда. Вена, 1895 год.

Wellcome Images CC / Diomedia.com



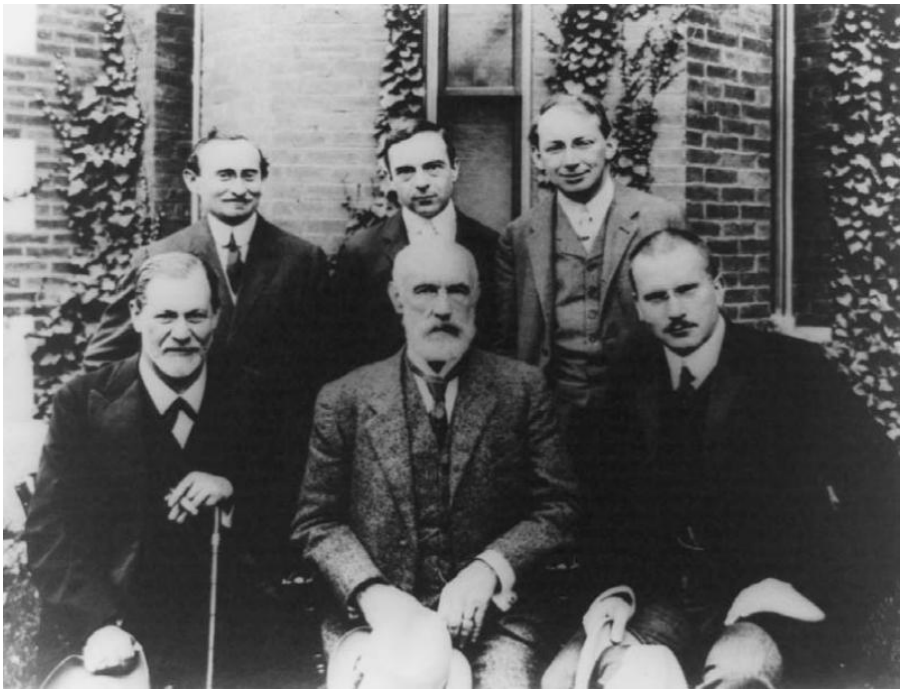
16. Фрейд с Вильгельмом Флиссом, самым значительным и самым неоднозначным своим другом. 90-е годы XIX века.

17. Зигмунд Фрейд. Около 1900 года.



18. Открытка с фотографией матери Фрейда Амалии, отправленная дочери Анне Бернайс в США. 14 августа 1903 года.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-DIG-ppmsca-38616



19. Грэнвилл Стэнли Холл, Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг (сидят), Абрахам А. Брилл, Эрнест Джонс и Шандор Ференци (стоят) в Университете Кларка. Вустер, Массачусетс, США.

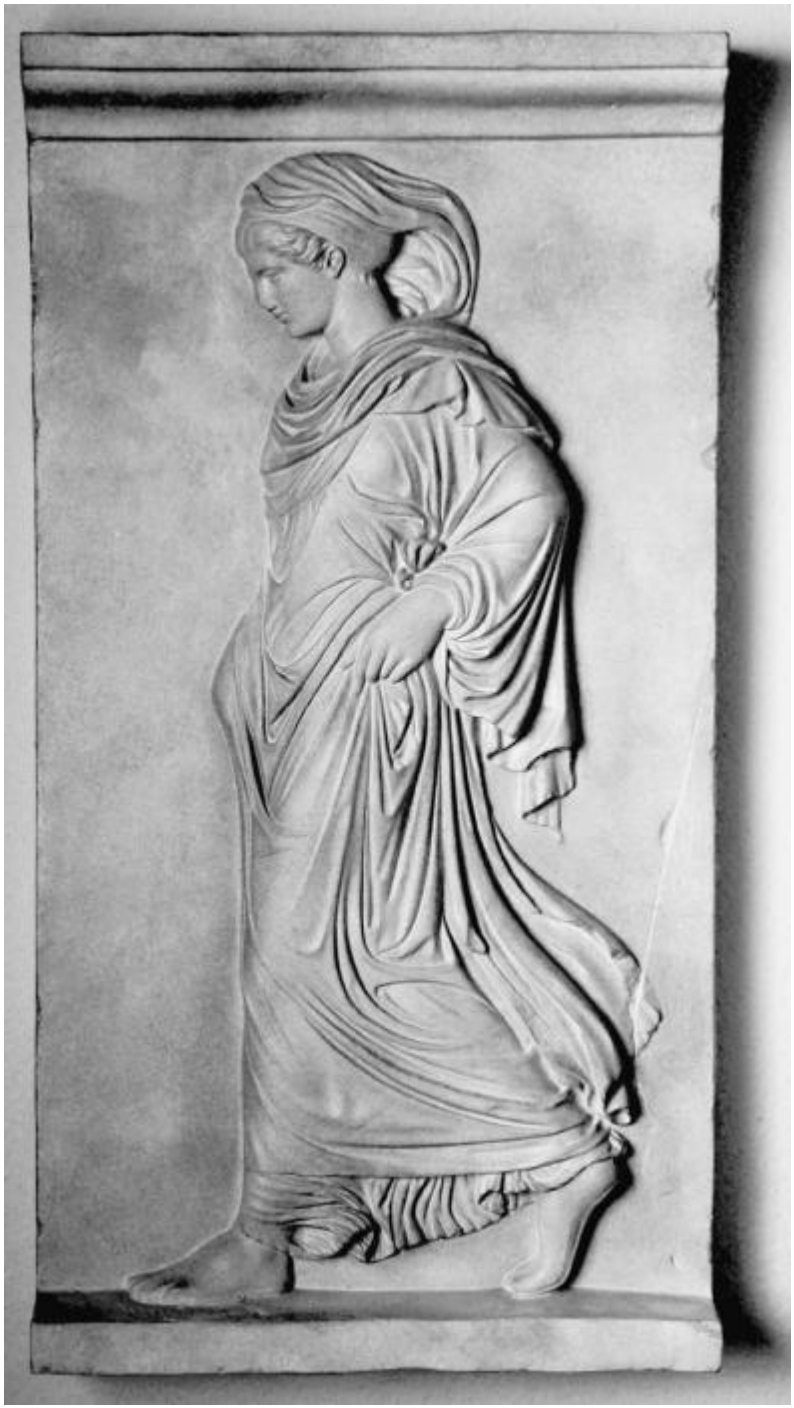
Сентябрь 1909 года.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-USZ62-94957

20. Фрейд с семнадцатилетней дочерью Анной на прогулке в Доломитовых Альпах. Италия, лето 1913 года. В конце жизни

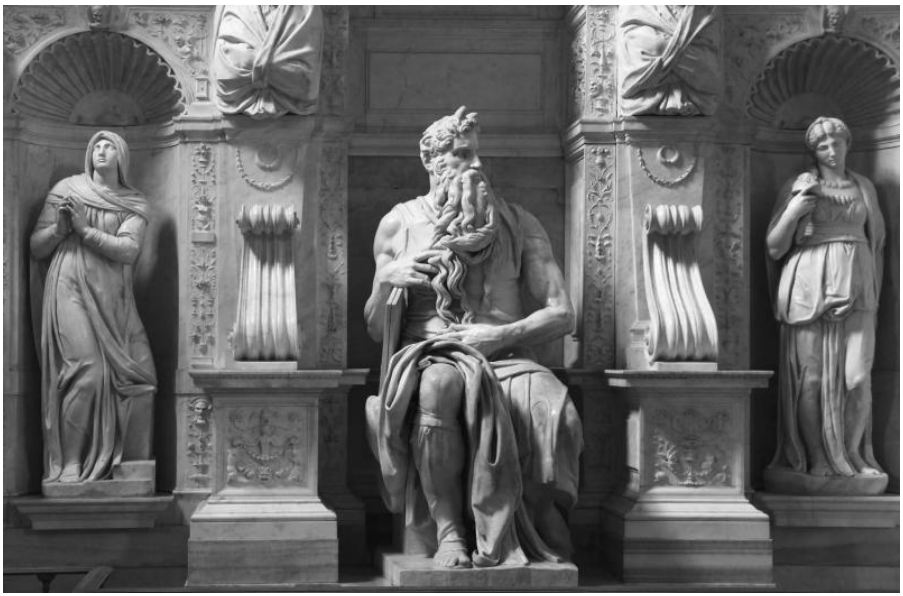
Фрейд называл младшую дочь Анну своей Антигоной.

Library of Congress, Prints & Photographs Division, Sigmund Freud Collection / Reproduction Number: USZ62-117972



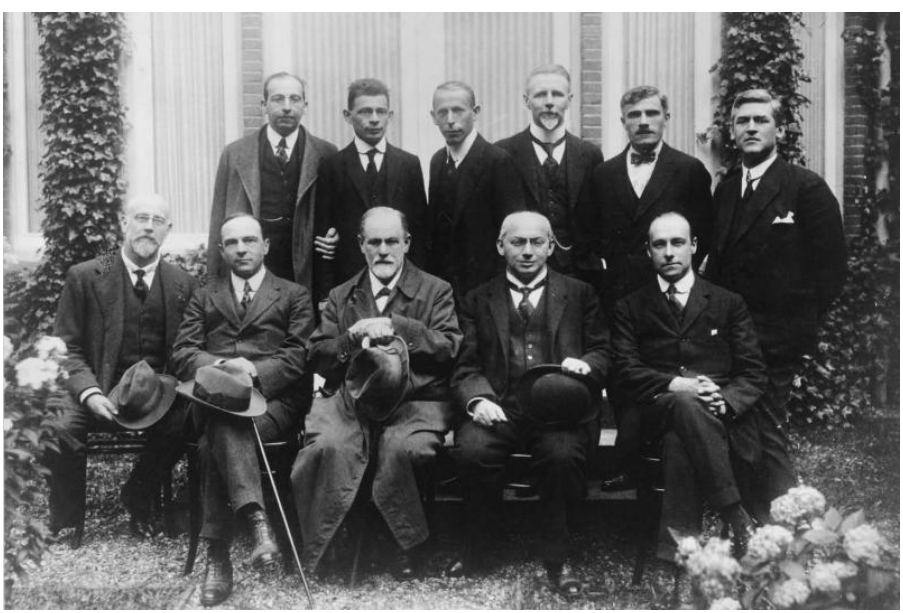
21. Гипсовую копию барельефа из Помпей, известного как «Градива», Фрейд поместил в своем кабинете. Оригинал барельефа хранится в музее Ватикана.

Photograph by Rama, Wikimedia Commons, CC-BY-SA-2.0-fr



22. В работе о «Моисее» Микеланджело (1914) Фрейд проанализировал статую могучего Моисея из церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи в Риме.

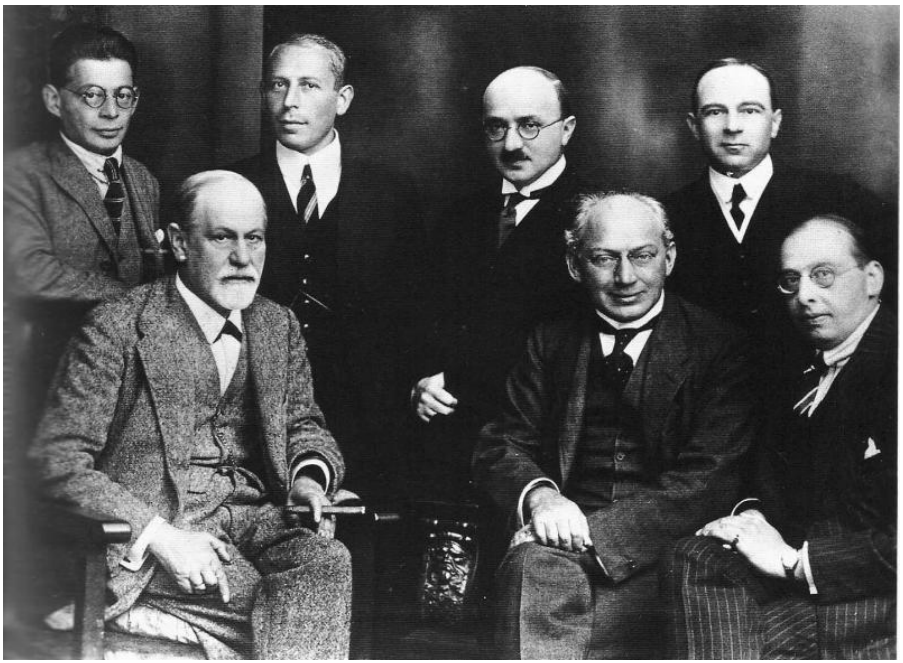
Tupungato / Shutterstock.com



23. Фрейд (сидит в центре), Эрнест Джонс (второй слева),

Шандор Ференци (второй справа) и Карл Абрахам (стоит третий слева) на конгрессе в Гааге. 1920 год.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-USZ62-139123



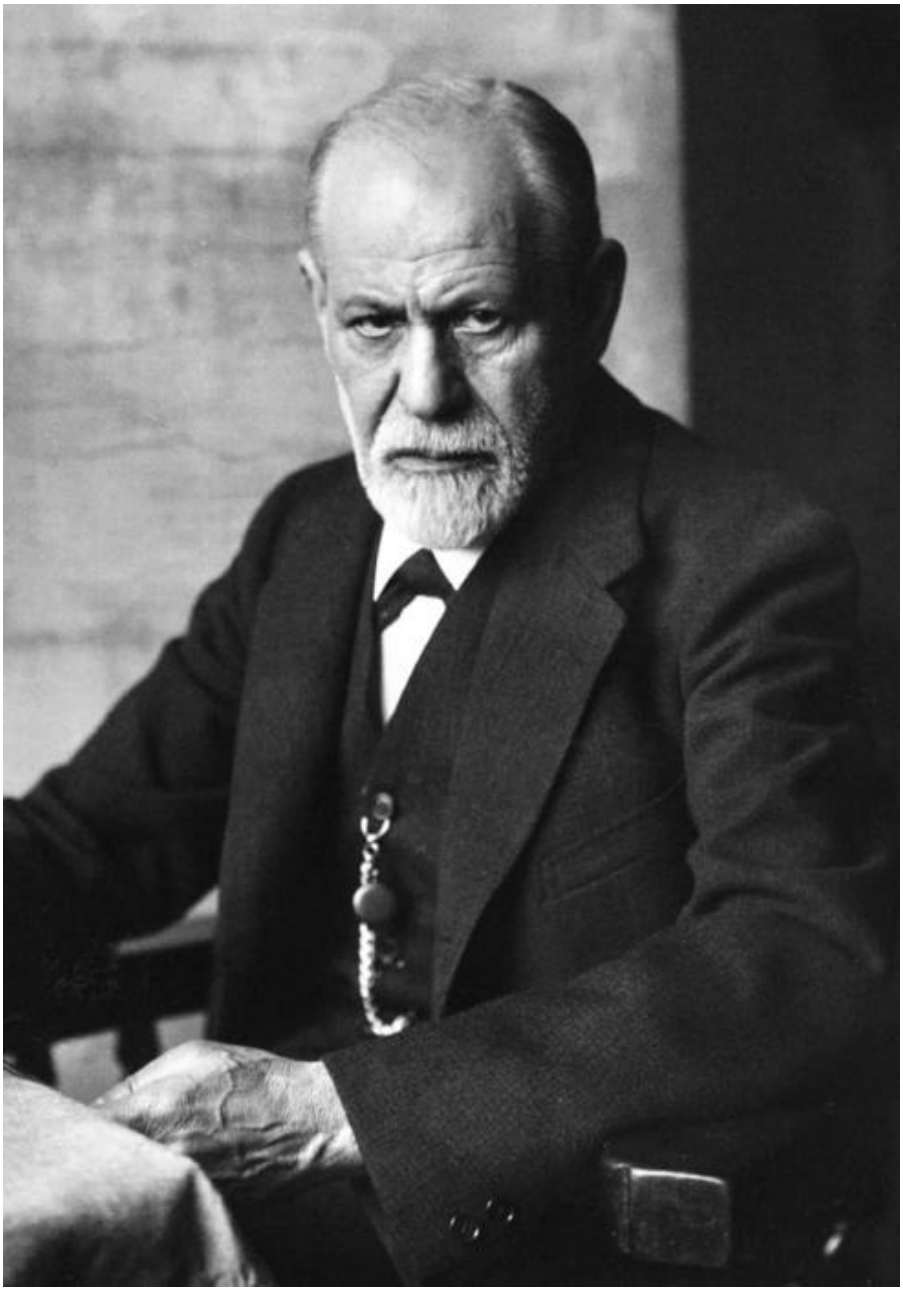
24. Фрейд с членами «комитета» – группы ближайших соратников, сложившейся в 1912 году. Слева направо стоят: Отто Ранк, Карл Абрахам, Макс Эйтингон, присоединившийся к «комитету» в 1919-м, и Эрнест Джонс. Сидят, также слева направо: Зигмунд Фрейд, Шандор Ференци и Ганс Закс. Becker & Maass. Берлин, 1922 год.

Library of Congress, Prints & Photographs Division, Sigmund Freud Collection / Reproduction Number: USZ62-117973

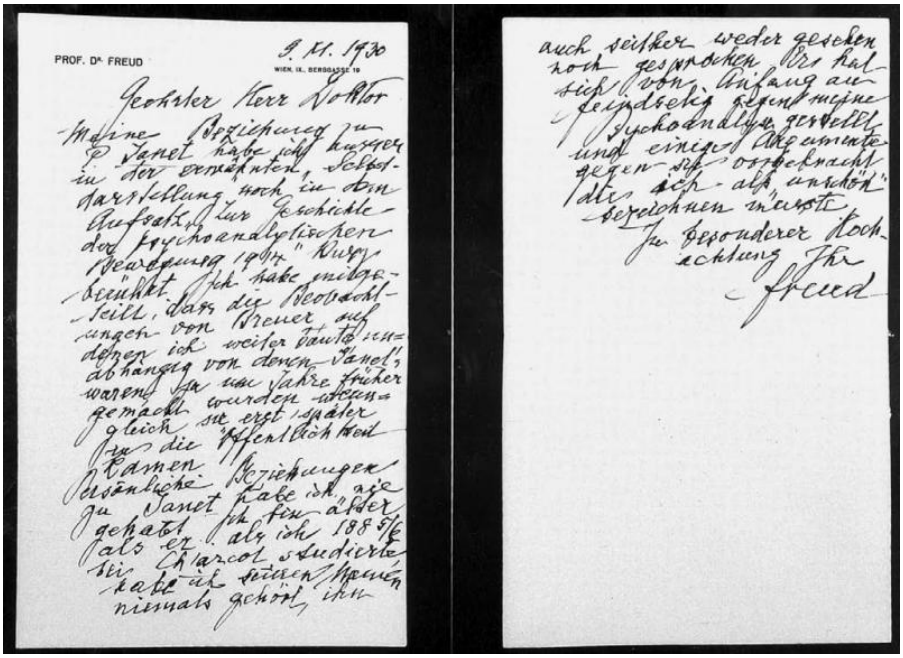
25. Зигмунд Фрейд с матерью Амалией Фрейд. 1925 год.
Everett Historical / Shutterstock.com

26. Мари Бонапарт, принцесса греческая и датская, последовательница и верный друг Зигмунда Фрейда.

Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-DIG-ggbain-06114



27. Зигмунд Фрейд. 1926 год. *Фотограф Фердинанд Шмутцер (1870–1928).*


PROF. Dr. FREUD

WIEN, IX., BERGGASSE 19

9. XI. 1930

Geehrter Herr Doktor

Meine Beziehung zu Janet habe ich kürzer in der erwähnten Selbstdarstellung noch in dem Aufsatze zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung 1914 "Kurz gefasst" habe mitgeteilt, dass die Beobachtungen von Breuer, auf denen ich weiter baute, unabhängig von denen Janet's waren, ja um Jahre früher gemacht wurden, ohne gleich so ergiebig zu sein, später die öffentliche Kenntnis. Persönliche Beziehungen zu Janet habe ich nie gehabt. Ich sah ihn aber, als er 1885/6 als Charcot studierte. Sie sehr ergebener

Freud

auch seither weder gesehen noch gesprochen. Er hat sich von Anfang an feindselig gegen meine Psychoanalyse gestellt und einige Argumente gegen sie vorgebracht, die ich als unsachlich bezeichnen musste.

In besonderer Hochachtung Ihr

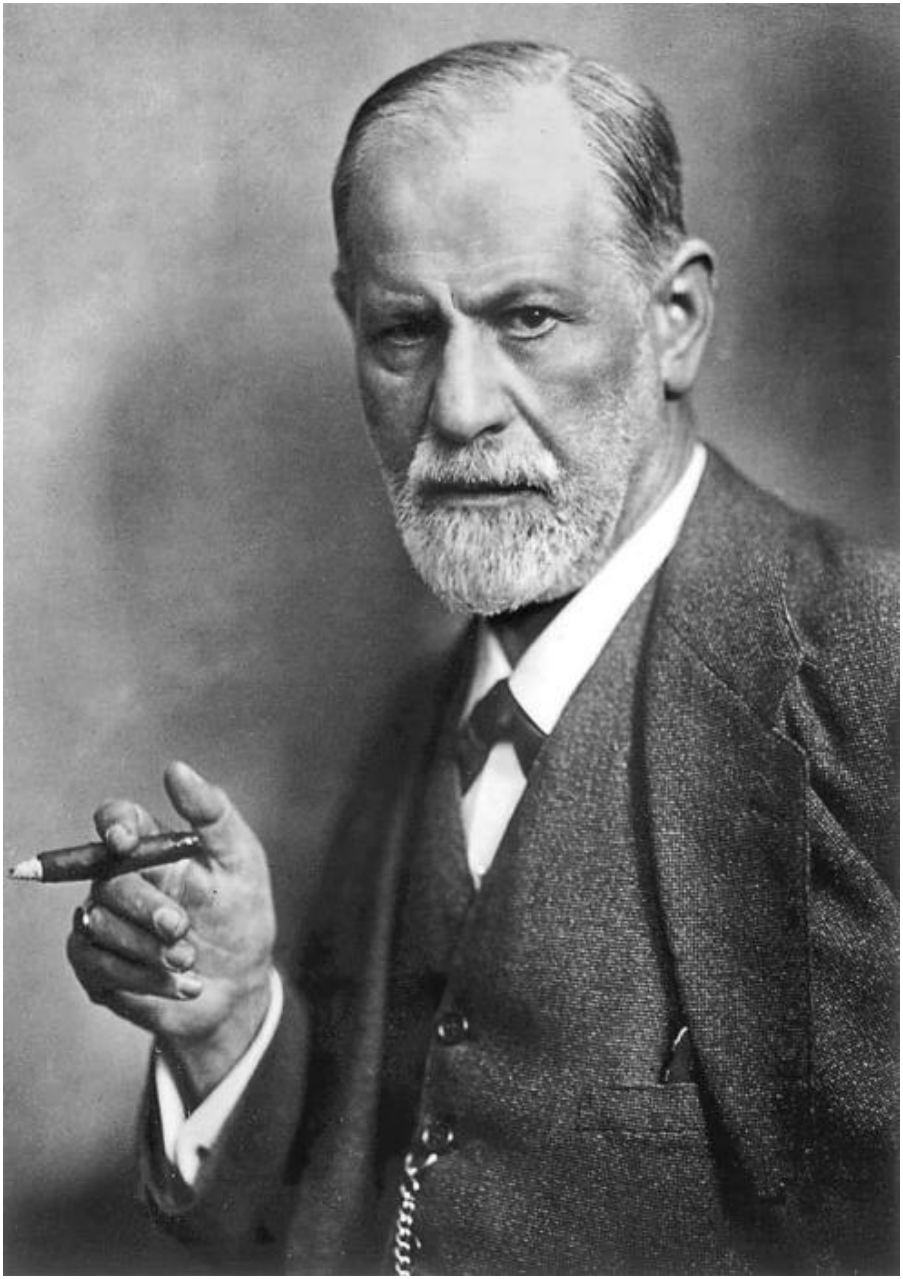
Freud

28. Письмо Зигмунда Фрейда. 1930 год.
Wellcome Images CC / Diomedia.com

29. В центре – Мелани Кляйн, справа от нее – Анна Фрейд,

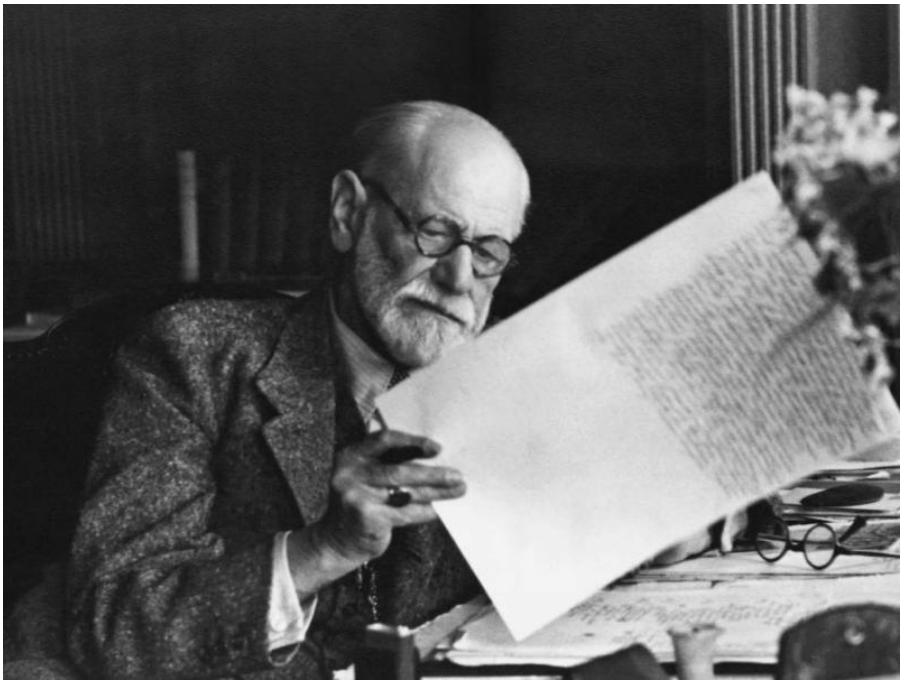
Эрнест Джонс.

Wellcome Images CC / Diomedia.com



30. Зигмунд Фрейд со своей неизменной сигарой.

Library of Congress, Prints & Photographs Division, Sigmund Freud Collection / Reproduction Number: LC-USZ62-73426



31. Фрейд в своем кабинете в Вене перед отъездом в Англию. Май 1938 года.

Library of Congress, Prints & Photographs Division, Sigmund Freud Collection / Reproduction Number: USZ62-85884

32. Фрейд в сопровождении Мари Бонапарт и американского

посла во Франции Уильяма К. Буллита на вокзале в Париже по пути в Англию. 1938 год.

Library of Congress, Prints & Photographs Division, NYWT&S Collection / Reproduction Number: LC-USZ62-119877

33. Зигмунд Фрейд. 1938 год.

Library of Congress, Prints & Photographs Division, Sigmund

Freud Collection / Reproduction Number: LC-USZ62-72266

34. Дом, где Фрейд провел последний год жизни и где Анна жила до своей смерти в 1982 году, ныне Музей Фрейда в Хэмпстеде (Северный Лондон).

Bas Photo / Shutterstock.com

35. Сестра Фрейда Адольфина в молодости. 1882–1900 годы. Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C. / Reproduction Number: LC-USZ62-130272

36. Сестры Фрейда (слева направо): Паулина (младшая), Мария (третья), Анна (старшая), Адольфина (четвертая) на курорте в Бад-Ишле. Адольфина умерла от голода в лагере Терезиенштадт, еще три сестры Фрейда погибли в 1942 году, вероятно в Аушвице. Из пяти сестер выжила только Анна, которая вышла замуж за Эли Бернайса и задолго до войны эмигрировала в Соединенные Штаты.

Library of Congress, Prints & Photographs Division, Sigmund Freud Collection / Reproduction Number: LC-USZ62-130267

37. Подаренная Фрейду около 1890 года знаменитая психоаналитическая кушетка, отлитая в бронзе, перед домом Фрейдов во Фрайберге (ныне Музей Фрейда в Пршиборе).

Petr Jilek / Shutterstock.com

notes

Примечания

1

Перевод С. В. Лайне (*Фрейд З.* Письма к невесте. М.: Московский рабочий, 1994). – Здесь и далее примечания с пометой *Авт.* принадлежат Питеру Гаю, все прочие сделаны редактором.

Фрейд З. Тотем и табу. СПб. – М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998.

3

Психоанализ – это я (*фр.*).

4

Здесь и далее цитаты из «Фрагмента анализа одного случая истерии» даны в переводе С. Панкова. (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 26 томах. Восточно-Европейский институт психоанализа.)

5

Даже тогда Фрейд продолжал колебаться: в 1872 году, еще в школе, он подписал одно из писем именем Зигмунд, но тремя годами позже, когда уже изучал медицину в Венском университете, на своем экземпляре книги Дарвина Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchtwahl, немецком переводе работы «Происхождение человека и половой отбор», написал: «Сигизмунд Фрейд, студент медицинского факультета, 1875». Поскольку он сам никогда не объяснял причин, по которым сократил свое имя, все рассуждения о том, какое это имело для него значение, остаются лишь гипотезами. *Авт.*

6

Здесь и далее цитаты из «Жизнеописания» даны в переводе А. Жеребина (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 26 томах).

7

Согласно семейному преданию, рассказанному сестрой Фрейда Анной, имя Александр было выбрано на семейном совете, и предложил его десятилетний Сигизмунд – как символ благородства и таланта военачальника. (См.: *Jones I,* 18. Это и другие сокращения см. с. 816.) *Авт.*

8

К матери *(лат.)*.

9

Нагишом *(лат.)*.

10

Здесь и далее цитаты из «Толкования сновидений» даны в переводе А. Боковикова (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах. М.: Фирма СТД, 2003).

11

Подозреваю, что у Фрейда была еще одна причина выбрать любимым героем великого полководца, который вопреки всему едва не одержал победу над отвратительным и ненавистным Римом, причем сам Фрейд, скорее всего, о ней не догадывался. Выбирая имя младшему брату Александру, он отдавал дань завоевателю, превзошедшему своего отца, Филиппа Македонского, – который сам был великим человеком, – и поэтому в случае с Ганнибалом мог отождествлять себя с другой известной фигурой, чья слава затмила славу отца, – Гамилькара, который подобно Филиппу Македонскому являлся выдающимся государственным деятелем и военачальником, оставившим след в истории. В «Психопатологии обыденной жизни» сам Фрейд связывает выбор Ганнибала с отцом: в «Толковании сновидений» он делает любопытную ошибку, называя отца Ганнибала не Гамилькаром, а Гасдрубалом, что, по его мнению, объясняется недовольством поведением Якоба Фрейда по отношению к антисемитам. (См.: Psychopathology of Everyday Life, SE VI, 219–220.) Тем не менее в выборе Фрейда, скорее всего, присутствовал и элемент эдипова комплекса: он мог демонстрировать, что сильнее отца, то есть выиграл эдипово противостояние, не слишком унижая его. Таким образом, дома Фрейд мог торжествовать победу, одновременно уважая «врага». *Авт.*

12

В действительности в результате биржевого краха австрийские евреи пострадали не меньше остальных. Отец будущего писателя Артура Шницлера, например, вместе с другими жертвами потерял все, что сумел скопить. (См.: *Schnitzler A.* Jugend in Wien [1968], 48.) *Авт.*

13

В 1930 году, вспоминая эти дни в своем письме к Й. Двосису, иерусалимскому переводчику его работ на иврит, Фрейд прямо писал о «немецком антисемитизме». (См.: *Фрейд Й. Двосису* (в Иерусалим), 15 декабря 1930. Музей Фрейда, Лондон.) И действительно, в начале 70-х годов XIX века в Германии отмечались такие же настроения, с той же самой, пропитанной нетерпимостью риторикой. Однако австрийский вариант антисемитизма не нуждался в помощи северного соседа – как и в будущем. *Авт.*

14

2 июня 1885 года Фрейд писал своей невесте Марте Бернайс: «Выборы прошли вчера, и это очень волнующий день для Вены. Либеральная партия потеряла четыре места; в районах Мариахильф и Баднер были избраны антисемиты». (С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

15

Ультрамонтанство – идеология и течение в Римско-католической церкви, выступавшие за жесткое подчинение национальных католических церквей папе, а также защищавшие верховную светскую власть понтифика над светскими государями Европы.

16

В отсутствие других свидетельств это презрительное описание остается не до конца понятным. Возможно, это всего лишь снобизм хорошо образованного, говорящего на немецком языке еврея, который он демонстрировал своим друзьям. Но поскольку мать Фрейда, вне всяких сомнений, была родом из Восточной Европы, остается лишь гадать, то ли Фрейд отрицал корни матери, то ли – не так выраженно и не совсем осознанно – бунтовал против нее. *Авт.*

17

Вспоминая о своем пребывании в Вене в конце века, немецкий писатель еврейского происхождения Якоб Вассерман подчеркивал, что, в отличие от Германии, «почти все люди, с которыми у меня возникал интеллектуальный или душевный контакт, были евреями… Вскоре я понял, что во всей общественной жизни доминировали евреи. Банки, пресса, театр, литература, общественные функции – все находилось в руках евреев. Поскольку австрийская аристократия не проявляла интереса к подобным занятиям, они оставались немногим нонконформистам – и евреям». (См.: *Wassermann J.* Mein Weg als Deutscher und Jude [1922], 102.) *Авт.*

18

Фрейд вспомнил эту сцену в анализе своего сна о графе Туне. Как справедливо указывали комментаторы, там все невероятно запутано. Вполне возможно, что Фрейд вторгся в спальню родителей из-за сексуального любопытства, а мочеиспускание стало результатом волнения. Показательно, что в 1924 году мэтр добавил комментарий о том, что ночное недержание мочи, которое временами случалось у него до двух лет и с которым он связывал эпизод в спальне, ассоциируется с честолюбием как с чертой характера. (См.: Interpretation of Dreams, SE IV, 216.) Лучшее изложение см.: *Anzieu D.* Freud's Self-Analysis (2d ed., 1975; tr. Peter Graham, 1986), 344–346. *Авт.*

19

Незадолго до Рождества 1923 года Фрейд прочитал сигнальный экземпляр своей биографии, написанной Фрицем Виттельсом, и снабдил ее комментариями. Рассказывая о молодости Фрейда, Виттельс писал: «Его судьба как еврея в немецкой культурной зоне с ранних лет заразила его чувством неполноценности, которого не мог избежать ни один немецкий еврей». На полях Фрейд поставил «!» – знак категорического несогласия. Вполне возможно, его заявление, что он никогда не считал себя неполноценным, было косвенным ответом на описание Виттельса. (См. принадлежавший Фрейду экземпляр книги Виттельса «Зигмунд Фрейд», с. 14–15. Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

Этот подход был важной составляющей его аргументов в пользу анализа, проводимого дилетантами. *Авт.*

21

Английской болезнью – die englische Krankheit – немцы называли рахит. *Авт.*

22

Когда в 1936 году швейцарский психиатр Рудольф Брюн попросил Анну Фрейд прислать несколько ранних работ мэтра по неврологии, она ответила, что ее отец довольно низко оценивал их: «Он полагает, что вы будете разочарованы, прочтя их» (*Анна Фрейд Рудольфу Брюну*, 6 марта 1936. Freud Collection, B1, LC).

Существует соблазн рассматривать исследование угрей, выполненное Фрейдом, как одно из первых проявлений его интереса к сексуальности. Но эта гипотетическая реконструкция развития его личности подобна утверждению о глубоком смысле того факта, что Фрейду, открывшему эдипов комплекс, на выпускном экзамене в гимназии предложили перевести 33 стиха из «Царя Эдипа» Софокла. И то и другое было заданием преподавателя. *Авт.*

23

Во время своих ежедневных обходов лаборатории в Вене, как отмечала историк венской медицинской школы Эрна Лески, Брюкке вел себя не только как преподаватель физиологии, но и как представитель общей культурной идеи. (См.: *Lesky E.* The Vienna Medical School of the 19th Century [1965; tr. L. Williams and I. S. Levij, 1976], 231.) *Авт.*

То, что это был подарок к Рождеству, ярко характеризует истинное отношение Фрейда к иудаизму. *Авт.*

25

«Реферат» с рекомендацией присвоить ему звание приват-доцента в самых убедительных выражениях был представлен на факультет 28 февраля 1885 года и подписан Брюкке, Мейнертом и Нотнагелем, но назначение утверждено лишь в сентябре. (См.: Фотокопия рукописного четырехстраничного «Реферата». Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

26

«Кокаин, – писал Фрейд своей свояченице Минне Бернайс 29 октября 1884 года, – создал мне хорошую репутацию, но львиная доля успеха ушла к другому». (С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

27

Так, 2 июня 1884 года он шутливо угрожал Марте, что при их следующей встрече будет сильнее ее, «высокий пылкий господин с кокаином в теле». *Авт.*

28

Это довольно запутанный вопрос: Флейшль-Марксоу сам делал себе инъекции кокаина, а Фрейд в то время не возражал. Впоследствии Фрейд отказался от данного метода и отрицал, что когда-либо пропагандировал его. *Авт.*

29

См., прежде всего, важные сны об инъекции Ирме и ботанической монографии, проанализированные в «Толковании сновидений» (SE IV, 106–121, 169–176). Рассказывая о первом из них, увиденном и проанализированном в 1895 году, Фрейд отмечал, что недавно прибегал к кокаину для снятия отека в носу. *Авт.*

30

«Не наделенный природой талантом к философии, – писал он в 1931 году, вспоминая то время, – я сделал достоинством необходимость». Он учился по возможности преобразовывать факты, которые узнавал, в «открытую, беспристрастную и неподготовленную форму». Изучение какого-либо философа неизбежно усиливало неприемлемую и предвзятую точку зрения. «Таким образом я отказался изучать Ницше, хотя – нет, потому что – было понятно, что у него я найду догадки, очень похожие на мои, психоаналитические» (*Фрейд Лотару Бикелю*, 28 июня 1931 года. Машинописная копия, с разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe). *Авт.*

31

В течение нескольких лет после возвращения в Вену он пробовал применять этот метод к своим пациентам – без явно выраженного результата, за исключением нескольких успешных случаев. *Авт.*

32

Еврей (*фр.)*.

Журфикс (*фр.),* день недели, отведенный для приема гостей.

34

Здесь и далее цит. по: «Отчет о моей стажировке в Берлине и Париже» в переводе С. Панкова (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 26 томах).

35

Записка Шарко краткая и наполнена аллюзиями: он выражает надежду, что имена евангелиста и благородного центуриона, которые носит сын Фрейда, принесут ему удачу. Шарко явно надеялся, что Фрейд поймет его намек на евангелиста Иоанна и на языческого рыцаря Мартина, который отдал нищему свой плащ и впоследствии стал христианским святым. *Авт.*

Домашняя хозяйка *(нем.)*.

37

Несмотря на ужасную смерть Стефана Цвейга (он покончил с собой в 1942 году после длительной депрессии), она так и не простила его за то, что тот бросил свою жену Фридерику ради молодой женщины, на которой потом женился. Она не могла понять, признавалась Марта Фридерике Цвейг, «неверность тебе нашего друга…». Даже его смерть, прибавила она, не уменьшила ее возмущение (*Марта Фрейд Фридерике Цвейг*, 26 августа 1948 года. Freud Collection, B2, LC). *Авт.*

38

Конечно, в то время границы среднего возраста были совсем другими. В 90-х годах XIX века Фрейд говорил о «стареющей старой деве (около тридцати)». (*Фрейд Флиссу*, черновик H, включенный в письмо от 24 января 1895 года. Freud-Fliess, 107 [108].) *Авт.*

39

Убожество *(фр.)*.

Жизнерадостность *(фр.)*.

41

Прерванный половой акт *(лат.)*.

42

Статья «Предуведомление», написанная Брейером и Фрейдом, появилась в 1893 году и была переиздана в 1895-м в качестве первой главы «Исследования истерии». *Авт.*

43

Здесь и далее цитаты из «Исследования истерии» даны в переводе С. Панкова *(Фрейд З.* Собрание сочинений в 26 томах).

Альковные тайны *(фр.)*.

45

Hase, spricht das Reh, / ‘Tut’s Dir beim Schlucken im Halse noch weh? (*Фрейд Флиссу*, 16 мая 1897 года. Freud-Fliess, 260 [244].) *Авт.*

46

Ich liebe Dich, / herzinniglich, / komm, küsse mich, / Du könntest mir von allen / Tieren am besten gefallen» (*Фрейд Флиссу*, 24 марта 1898 года. Там же, 334 [304]). *Авт.*

47

В 90-х годах XIX столетия, как рассказывал Фрейд Мари Бонапарт много лет спустя, в него верили только Флисс и Минна Бернайс. (См.: *Мари Бонапарт Эрнсту Джонсу*, 16 декабря 1953 года. Документы Джонса. Архив Британского психоаналитического общества, Лондон.) *Авт.*

48

Слухи, запущенные Карлом Г. Юнгом, о романе Фрейда с Минной Бернайс, не нашли убедительного подтверждения. (Подробное обсуждение этого вопроса см. в библиографическом очерке к этой главе.) *Авт.*

Мерзкий *(нем.)*.

50

Она осталась другом семьи и затем стала его коллегой. В письме Фрейда Флиссу от 12 декабря 1897 года сообщается, что Эмма сама занялась психоанализом пациентов. (См.: Freud-Fliess, 312 [286].) *Авт.*

51

В 1936 году швейцарский невролог Рудольф Брюн отметил: «…монография Фрейда представляет собой самое глубокое и полное описание детских церебральных параличей, которое когда-либо было дано… Можно составить впечатление о непревзойденном мастерстве по собранию и критической переработке в этом трактате огромного клинического материала по тому факту, что одна его библиография занимает 14,5 страницы. Этого великолепного исследования достаточно, чтобы навсегда обеспечить имени Фрейда место в области клинической невропатологии». *Авт.*

52

В одном из писем Фрейд писал о самобичевании, которое часто наблюдается у «выживших» (*Фрейд Флиссу*, 2 ноября 1896. Freud-Fliess, 214 [202]). *Авт.*

53

Хотя большинство жертв таких действий были девочками, Фрейд знал, что мальчики тоже подвергаются опасности. В 1895 году, когда его уверенность в правильности этой теории была особенно велика, Фрейд сообщил Флиссу, что один из его страдающих неврозом пациентов «дал мне ожидаемое (сексуальный страх, то есть детское насилие с мужской истерией!)». (*Фрейд Флиссу*, 2 ноября 1895. Freud-Fliess, 153 [149].) *Авт.*

Свое представление о сложности Фрейд воплотил в понятие «множественность причин», термин, впервые появившийся в 1895 году: симптомы, сны и другие продукты работы подсознания должны иметь несколько причин, обусловленных наследственностью и окружающей средой, предрасположенностью и травмами, и все они обычно сводят разнообразие импульсов и ощущений к обманчиво простым проявлениям. *Авт.*

55

Но в подобных случаях всегда все объясняется гениталиями, всегда… всегда… всегда *(фр.)*.

Пенис обыкновенный. Многократно! *(лат.)*

57

В медицинской литературе эта тема поднималась с осторожностью, но с начала XIX века сексуальные домогательства к маленьким девочкам со стороны отцов обсуждались публично. Еще в 1821 году французский психиатр Жан-Этьен Эскироль сообщал о таком случае, попытке отца изнасиловать 16-летнюю дочь, что привело к нервному срыву у девочки и повторяющимся попыткам самоубийства. (См.: «Suicide», Dictionnaire des Sciences Médicales, «A Group of Physicians and Surgeons», LIII [1821], 219–220. Этой ссылкой я обязан Лизе Либерман.) *Авт.*

58

В 1935 году Фрейд убедительно напомнил психиатру Паулю Шильдеру, с которым сообщество психоаналитиков спорило по поводу обучения, что те психоаналитики первого поколения, которые сами не подвергались психоанализу, никогда этим не гордились. На самом деле, если представлялась возможность пройти процедуру психоанализа, это было сделано, – примером тому могут служить Джонс и Ференци. Говоря о себе, Фрейд предположил, что, возможно, имеет право претендовать на исключительное положение. (См.: *Фрейд Шильдеру*, 26 ноября 1935 года. Freud Collection, B4, LC.) *Авт.*

59

Мари Бонапарт говорила Эрнесту Джонсу 16 декабря 1953 года: «…*преимущественно* анализ его собственных снов, как вы верно заметили, был его самой устойчивой *опорой*». Речь шла о самоанализе Фрейда. (Документы Джонса, архив Британского общества психоанализа, Лондон.) *Авт.*

60

Среди примечаний Мари Бонапарт к биографии Фрейда есть запись по – французски, без даты: «Мадам Фрейд сообщила мне, что психоаналитическая кушетка (которую Фрейд увезет в Лондон) была подарена ему благодарной пациенткой, мадам Бенвенисти, приблизительно в 1890 году». *Авт.*

61

«Если небесных богов не склоню, Ахеронт я подвигну» (*лат.*), то есть приведу в движение подземные силы (Вергилий. Энеида. Перевод С. Ошерова. Ахеронт – мифическая река подземного царства).

62

Когда Фрейд впервые упомянул эти строки в письме к Флиссу в конце 1896 года, он сказал, что намерен использовать их как эпиграф к разделу о формировании симптомов в книге, которую собирался посвятить психологии истерии. (См.: *Фрейд Флиссу*, 4 декабря 1896 года, Freud-Fliss, 217 [205].) *Авт.*

63

Только в 20-х годах XX столетия в обращении к международному конгрессу психоаналитиков Фрейд позволил себе признать исключения: класс травматических сновидений, которые воспроизводят недавние несчастные случаи или детские травмы. Но даже они не являются настоящими исключениями: травматические сновидения также согласуются с теорией исполнения желания в том смысле, что включают желание преодолеть травму, переработав ее. (См.: Дополнения к теории сновидений [1920], SE XVIII, 4–5.) *Авт.*

Фрейд конкретизирует этот хитрый ход в 1919 году. (См.: Толкование сновидений, SE V, 580–581n.) Его аргументация вызывает неудобный вопрос: утверждает ли он, что прав в любой возможной ситуации и его теория не может быть опровергнута? Сон, который можно без труда истолковать как исполнение желания, подтверждает теорию, а неприятный сон, якобы ее опровергающий, тоже каким-то образом в нее вписывается. Объяснение содержится во взгляде Фрейда на психику как на ряд структур, конфликтующих друг с другом. Желание одного сегмента, скорее всего, отвергается другим, зачастую чрезвычайно решительно. *Авт.*

65

Фрейд цитирует слова арии: «Угодно графу в пляс пуститься – пусть граф распорядится, и я начну», однако он не упоминает о том, что мог иметь в виду и Генриха Гейне, одного из своих любимых сатириков. Гейне использовал эти строки в качестве эпиграфа к предисловию к «Луккским водам», едкой сатире на поэта графа Платена, гомосексуалиста, которого он считал своим врагом и центральной фигурой заговора против него. *Авт.*

66

В своей популяризаторской статье «О сновидении» (1901) Фрейд в качестве основных инструментов, доступных «работе сновидения», называет сгущение, смещение и драматизацию. (См.: GW II–III, 699 / SE V, 685.) *Авт.*

67

В неофициальной переписке Фрейд и его коллеги использовали сим– вол ψA как сокращение для термина «психоанализ». *Авт.*

Перевод Адриана Франковского.

69

6 марта 1917 года выдающийся американский психиатр Уильям Алансон Уайт, один из первых, кто позитивно воспринял Фрейда, писал У. А. Робинсону: «Если вы знакомы с историей лечения так называемого безумия в этой стране, то знаете примечательный факт, что лишь в последние несколько лет к душевным болезням относятся как к душевным болезням. Обычно на них смотрели как на проявления физических нарушений. Мы уже давно подходили к этому предмету с позиций души, в последние годы и с позиций психиатрии. Мы следовали работе профессора Фрейда и использовали его методы психоанализа, но не догматизируя их и не причисляя себя к какому-то особому культу». (Письмо в Gerald N. Grob, ed., *The Inner World of American Psychiatry, 1890–1940: Selected Correspondence* [1985], 107.) *Авт.*

70

Неудачная теория совращения середины 90-х годов XIX века называла в качестве причины всех неврозов физическую травму. Но даже после того, как Фрейд был вынужден отказаться от этой теории, он никогда окончательно не расставался с мыслью, что психические события зачастую имеют соматическую основу. *Авт.*

71

Впоследствии Фрейд называл такое «полезное» забывание криптомнезией – термином, предложенным профессором психологии Теодором Флурнуа. *Авт.*

72

В свете детерминизма Фрейда психоаналитики справедливо указывали, что их метод свободной ассоциации носит неверное название. В конце концов, последовательность мыслей и воспоминаний, которые возникают у пациента на кушетке, интересны именно потому, что они связаны невидимыми, но нерасторжимыми узами. *Авт.*

73

Träume sind Begierden ohne Mut, Sind freche Wünsche, die das Licht des Tags Zurückjagt in die Winkel unserer Seele, Daraus sie erst bei Nacht zu kriechen wagen.

Психоаналитический смысл этого поцелуя (хотя Фрейд прямо об этом не говорит) – победа над отцом. Здесь могут присутствовать более глубокие загадки и далеко идущие последствия, но Фрейд не предоставил достаточно материала для обоснованных предположений. *Авт.*

75

1 сентября 1902 года Фрейд отправил жене открытку из Неаполя, в которой высоко оценивал живописное расположение города, особенно красивый вид на Везувий. Однако, прибавлял он, «люди здесь неприятные, похожие на галерных рабов. Шум и грязь тут как в Средневековье. И помимо прочего, невыносимо жарко» (Музей Фрейда, Лондон). *Авт.*

Протекция, покровительство *(нем.)*.

77

Хождение в Каноссу, или Каносское унижение, – эпизод из истории средневековой Европы, связанный с борьбой римских пап с императорами Священной Римской империи.

78

«Глубокая самоуверенность Фрейда, – писал Эрнест Джонс, – маскировалась странным чувством неполноценности, даже в интеллектуальной сфере». Фрейд пытался совладать с этим чувством, поднимая учителей на недосягаемую высоту, что позволяло ему оставаться зависимым от них. Он «идеализировал шестерых, которые играли важную роль в его молодости», и Джонс перечисляет Брюкке, Мейнерта, Флейшль-Марксоу, Шарко, Брейера и Флисса. Но затем, утверждает Джонс, самоанализ привел Фрейда к «полной зрелости» и сделал такие конструкции излишними. (См.: *Jones* II, 3.) Мои взгляды не столь категоричны. *Авт.*

Вот один из примеров. В «Наблюдении № 124» Крафт-Эбинг рассказывает о враче-гомосексуалисте: «Однажды вечером в опере около меня сидел пожилой господин. Он стал любезничать со мной. Я от души смеялся над глуповатым стариком и отвечал на его шутки. Exinopinato genitalia mea prehendit, quo facto statim penis meus se erexit». (Внезапно он схватил мой половой член, так что у меня тут же произошла эрекция (*лат.*).) Испугавшись этого, Крафт-Эбинг спросил старика, что ему надо. «Он стал мне объясняться в любви. Так как в клинике мне уже приходилось слышать о гермафродитах, я решил, что имею дело именно с подобным экземпляром». Затем врач из любопытства выразил желание посмотреть на его гениталии: «Curiosus factus genitalia eius videre volui». Но, увидев сильную эрекцию старика, он в страхе удалился: «Sicuti penem maximum eius erectum adspexi, perterritus effugi». (*Richard von Krafft-Ebing*. Psychopathia Sexualis [11th ed., 1901], 218–219.) *Авт.*

Фраза о детской невинности, как отметили английские редакторы Фрейда, вне всяких сомнений, осталась от первого черновика книги («Editor's Note», Three Essays, SE VII, 129). Под давлением Юнга, который протестовал против этого отрывка «на основании фрейдистской теории секса» (*Юнг Фрейду*, 14 февраля 1911 года, Freud-Jung, 433 [392]), в издание 1911 года основатель психоанализа добавил опровержение, но только в сноске, а само предложение оставил нетронутым. Объяснение Фрейда Юнгу, что «Толкование сновидений» было лишь введением в теорию снов и, опубликованное в 1900-м, не могло обнаруживать знание идей, которые он обнародовал только в 1905-м, абсолютно неубедительно. (См.: *Фрейд Юнгу*, 17 февраля 1911 года. Там же, 435–436 [394–395].) Как я отмечал раньше, в 1900 году Фрейд в целом уже пришел к идее детской сексуальности; более того, было продано так мало экземпляров его книги о сновидениях, что он должен был понимать, что обращается к специалистам, которые в 1911-м уже познакомились с «Тремя очерками» и приветствовали бы исправления. *Авт.*

81

Этот вопрос волновал Фрейда даже в 1938 году. Он настаивал, что был первым, кто прочитал рукопись [Вейнингера] – и осудил ее. (См.: *Фрейд Дэвиду Абрахамсену*, 14 марта 1938 года. Freud Collection, B3, LC.) *Авт.*

82

Когда Виттельс в своей биографии написал о «вулканической натуре» Фрейда, тот поставил на полях против этой характеристики восклицательный знак. (См. с. 29 принадлежавшего Фрейду экземпляра книги *Wittels*, Sigmund Freud. Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

83

28 января 1952 года после прочтения писем своего отца Абрахаму и Эйтингону Анна написала Джонсу: «Меня часто поражал тот факт, что в этих письмах он жаловался на здоровье, хотя дома мы от него никогда не слышали подобных жалоб. Почему-то мне показалось, что таким способом он защищал себя от требований, предъявляемых ему извне». Подтверждая свою мысль, она заметила, что «в отношениях с Флиссом, когда отец жаждал дружбы, он никогда не прибегал к этому защитному маневру». (*Jones papers,* Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) *Авт.*

84

За одним важным исключением, после Первой мировой войны. *Авт.*

Следует отметить, что ни у одного из трех сыновей, похоже, не обнаружилось ни склонности, ни таланта к профессии врача. *Авт.*

Наука любви *(лат.)*.

87

В милом маленьком очерке о бренности, написанном, следует отметить, в разгар бессмысленной бойни – Первой мировой войны, Фрейд утверждал, что, хотя любая красота обречена на увядание, эта истина не содержит ни мифического бессмертия, ни печального уныния: «Если цветок расцветает только на один вечер, его красота по этой причине нисколько не меркнет в наших глазах». В чувстве важно то, что красота и совершенство возникают в тот момент, когда мы их видим. («Verganglichkeit» [1916], GW X, 359 / «On Transience», SE XIV, 306.) *Авт.*

Перевод М. Н. Попова.

89

Фрейд был великолепным стилистом и безжалостным критиком собственных произведений. Его «самокритика», говорил он Ференци, «не самый приятный дар», однако он считал его, вместе со смелостью, своей лучшей чертой. Именно самокритика «обеспечила строгий отбор моих публикаций. Без нее я мог бы опубликовать в три раза больше». (*Фрейд Ференци*, 17 октября 1910 года. Freud-Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC). Это выглядит преувеличением, но с учетом того, что Фрейд имел привычку уничтожать все черновики и наброски, вполне может оказаться правдой. Тем не менее он не стал литературным критиком. *Авт.*

Следует отметить, что в особенно любимом Фрейдом «Дон Жуане» эта победа в высшей степени двусмысленна: Дон Жуан, который бросает вызов общепринятым нормам морали и религии, отправляется в преисподнюю, но его стремление к удовольствиям так беззаботно, а поведение перед угрозой проклятия и смерти настолько мужественно, что опера вызывает более сложные чувства, чем, скажем, примирение в «Свадьбе Фигаро». Однако в отсутствие подробных комментариев Фрейда к «Дон Жуану» невозможно предположить, что значила для него эта опера. *Авт.*

91

Когда Фрейд прочитал свою биографию, написанную Виттельсом, и наткнулся на его экстравагантную ремарку, что Штекель заслуживает памятника, он написал на полях, явно раздраженный: «Слишком много Штекеля». (См. с. 47 в принадлежавшем Фрейду экземпляре книги *Wittels*, Sigmund Freud. Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

В свете постоянных обвинений, что Фрейд основал светскую религию, стоит отметить, что Эрнест Джонс посчитал себя обязанным ответить на эту критику. Одну главу автобиографии он назвал «Психоаналитическое «движение» и отметил, что взял слово «движение» в кавычки, чтобы, если можно так выразиться, пригвоздить к позорному столбу. Это слово подходит к таким явлениям, как трактарианское движение, чартистское движение и многие тысячи других, отличающихся страстным желанием распространять взгляды, которые считаются чрезвычайно важными.

«Именно этот элемент послужил поводом для общей критики нашей якобы научной деятельности, которую они воспринимали скорее как религиозное движение, проводя забавные параллели. Разумеется, Фрейд был у них папой новоявленной секты или еще более высокопоставленной персоной, которой все должны были повиноваться; его труды представляли собой священный текст, вера в который обязательна для обращенных и верующих в его непогрешимость. Имеются также еретики, отлученные от церкви. Это была явная карикатура, но содержавшееся в ней крошечное зерно истины использовалось для подмены действительности, которая была совсем иной». (*Jones E.,* Free Associations: Memories of a Psycho-Analyst [1959], 205.) *Авт.*

93

Вдова Абрахама вспоминала: «…профессор проявлял огромный интерес к здоровью и развитию наших детей и также часто рассказывал о событиях в его семье. Когда он приезжал к нам после Гаагского конгресса (1920), то отдал нам остаток суммы, врученной ему за пребывание в Голландии, и попросил меня купить велосипеды *[sic]* для наших детей в качестве подарка на Рождество, исполнив их заветное желание». (*Хильда Абрахам Джонсу,* 1 апреля 1952 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) *Авт.*

Впервые Джонс опубликовал свою специальную, хотя и изящно написанную и подробно иллюстрированную работу «Элементы фигурного катания» в 1931 году. Исправленное и дополненное издание вышло в 1952-м. Изобилующая тщательно выполненными схемами огромного количества самых разнообразных фигур и, казалось бы, далекая от его профессиональных интересов книга выражает неудержимый эротический импульс. «Источником всего искусства, какими бы утонченными, скрытыми и сложными ни были его средства выражения, – пишет Джонс во введении, – в конечном счете является любовь к человеческому телу и желание управлять им». В книге он с явным удовольствием рассуждает о наслаждении, которое могут доставить изящное движение и радостное, кажущееся непринужденным скольжение. *Авт.*

95

Редкая птица *(лат.)*.

96

Впервые Джонс услышал о Фрейде от своего друга (впоследствии зятя) Уильяма Троттера, блестящего хирурга и специалиста по психологии толпы. Но именно история болезни Доры превратила его в сторонника психоанализа. *Авт.*

97

В автобиографии Эрнест Джонс откровенно и убедительно описывает подробности этих двух случаев и утверждает, достаточно обоснованно, что дети проецировали на него собственные сексуальные ощущения, – в атмосфере, преобладавшей в медицинских кругах Англии до Второй мировой войны, это объяснение никого не могло убедить. Во время этих инцидентов Джонс уже окончательно пришел к выводу, что только психоанализ способен добраться до самых глубин психики (Free Associations, 145–152). *Авт.*

98

Джонс не просто слепо следовал за Фрейдом. В 20-е годы прошлого века он упорно не соглашался с основателем психоанализа по поводу женской сексуальности, а еще раньше, во время Первой мировой войны, спорил с ним, какая сторона в конечном счете одержит победу. *Авт.*

99

За исключением писем периода Первой мировой войны и нескольких последних лет, Фрейд писал Эрнесту Джонсу на английском языке. К сожалению, Джонс в своей авторитетной трехтомной биографии взял на себя труд исправить большие фрагменты писем мэтра, «улучшив» временами неестественные, очаровательно неправильные формулировки. Я восстановил оригинальный язык Фрейда, с мелкими ошибками и всем остальным, не давая себе труда ставить *sic* после каждого отклонения от языка, на котором говорят король или королева. *Авт.*

100

Джонс, который со временем овладел немецким не хуже, чем Фрейд английским, а возможно, и лучше, никогда не просил мэтра писать ему по-английски. Тем не менее Фрейд переключился на английский и предупреждал Джонса: «Вы отвечаете за мои ошибки». (*Фрейд Джонсу*, 20 ноября 1908. Freud collection, D2, LC.) 18 июня 1911 года Джонс извинился перед Абрахамом за то, что пишет ему по-английски, «…но я уверен, что ваш английский лучше моего немецкого». Однако, судя по более поздним письмам (например, по длинному письму Абрахаму от 9 января [1914], идиоматическому и безукоризненному), Джонс быстро учился (Karl Abraham papers, LC). *Авт.*

101

Это одно из немногих критических замечаний Джонса по поводу того, что основатель психоанализа может быть крайне неосторожным: «Как ни странно, но Фрейд не являлся человеком, который умеет хранить секреты других людей… Несколько раз он рассказывал мне такие подробности о личной жизни своих коллег, которые ему не следовало бы раскрывать» (Jones II, 409). В письме Максу Шуру, написанном после публикации второго тома его биографии Фрейда, Джонс указал конкретный случай, который имел в виду. Фрейд, сообщал он Шуру, рассказал ему о «природе сексуального извращения Штекеля, чего не должен был делать и о чем я никогда никому не говорил» (*Джонс Шуру*, 6 октября 1955 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). *Авт.*

Я утверждаю *(лат.)*.

103

Гости, которые оставались на ужин, как вспоминал Мартин Фрейд, почти не проявляли интереса к еде, которую им предлагали. Однако они всегда очень старались поддерживать вежливый разговор с хозяйкой и ее детьми, чаще всего о театре и спорте, поскольку в таких случаях погода не была столь надежной опорой, как в Англии. Тем не менее совсем нетрудно было заметить, что все они «стремились быстрее покончить с этим обязательным общением и удалиться с отцом в его кабинет, чтобы больше узнать о психоанализе» (*Freud M.*, Sigmund Freud: Man and Father [1958], 108). *Авт.*

104

Когда Анна Фрейд много лет спустя обнаружила это письмо, то, вполне естественно, посчитала его непонятным: «Что Пфистер имел здесь в виду и почему он захотел обсудить тот факт, что мой отец еврей, вместо того чтобы просто принять его?» (*Анна Фрейд Эрнесту Джонсу*, 12 июля 1954 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). *Авт.*

105

Юнг утверждал, что именно во время этого визита ему рассказали о романе Фрейда и его свояченицы Минны Бернайс. *Авт.*

Галлюцинирует *(фр.)*.

107

Гиффордские лекции (Gifford Lectures), задача которых состоит в поощрении, продвижении, преподавании и распространении познания в сфере теологии, получили название в честь шотландского судьи лорда А. Гиффорда (1820–1887). Начиная с 1888 года читаются в четырех старейших шотландских университетах.

108

В неопубликованной автобиографии Фриц Виттельс писал, что, узнав о новом издании «Истории психоаналитического движения», он попросил Фрейда смягчить это язвительное высказывание о неуправляемости Штекеля, и мэтр согласился использовать более мягкое выражение, хотя и не отказался от своего мнения. (См.: *Wittels F.* Wrestling with the Man: The Story of a Freudian, 169–170. Машинописный текст, Fritz Wittels Collection, Box 2. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.) *Авт.*

109

Негодяй *(фр.)*.

110

«Я никогда не боролся с разнообразием мнений в кругу ψА исследований, – однажды написал он Лу Андреас-Саломе, – особенно с учетом того, что у меня самого несколько мнений по одному вопросу, – то есть пока я не опубликую одно из них. Но следует придерживаться основ, а иначе это что-то другое» (*Фрейд Андреас-Саломе*, 7 июля 1914 года. Freud – Salome, 21 [19]). *Авт.*

111

В марте 1911 года, в разгар последней битвы с Адлером, Фрейд писал Людвигу Бинсвангеру: «Когда созданное мной королевство осиротеет, никто, кроме Юнга, не сможет его унаследовать. Понимаете, моя политика неизменно преследует эту цель, и мое отношение к Штекелю и Адлеру укладывается в эту систему» (*Фрейд Бинсвангеру*, 14 марта 1911 года. Цит. по: *Binswanger L.*, Erinnerungen an Sigmund Freud [1956], 42). *Авт.*

112

В целом Фрейд был склонен преуменьшать рациональные или интеллектуальные объяснения разногласий. Однажды он заметил, что, когда различия во мнениях делают невозможными дружеские отношения, «научные разногласия не так важны, а причины возникновения враждебности другие, ревность или месть. Научные разногласия появляются позже» (*Wortis J.* Fragments of an Analysis with Freud [1954], 163). Сам Фрейд, если уж на то пошло, был склонен поступать наоборот – делать интеллектуальные разногласия причиной довольно эмоциональных ссор. *Авт.*

113

Одна из проблем, как признавался Фрейд, заключалась в том, что Адлер напоминал ему о Флиссе. *Авт.*

114

Проницательный Ференци заметил у Адлера эту тенденцию двумя годами раньше. «Вне всякого сомнения, доктрина Адлера о неполноценности, – писал он Фрейду 7 июня 1908 года, – не последнее слово в этом спорном вопросе; на самом деле этот лишь более широкое толкование вашей идеи «соматической совместимости» (*Freud-Ferenczi* Correspondence, Freud Collection, LC). *Авт.*

115

В 1914 году, когда Абрахам прочитал рукопись статьи Фрейда «Об истории психоаналитического движения», он возражал против слова «преследования»: «А[длер] будет защищаться от того, чтобы его называли параноиком». Основатель психоанализа настаивал, что Адлер действительно жаловался, что его преследуют, но согласился вычеркнуть этот термин. После публикации полемики Фрейда слово Verfolgungen попало в печать. (*Абрахам Фрейду*, 2 апреля 1914 года. Freud-Abraham, 165 [169]. См. также *Фрейд Абрахаму* 6 апреля 1914. Там же, 166 [170].) *Авт.*

116

В несколько отличающейся версии Юнг, утверждавший, что ему известно о романе Фрейда со свояченицей, связал сон, который мэтр не мог объяснить, с его предполагаемой неверностью жене. (См. библиографический очерк для главы 2.) *Авт.*

117

Мысленная оговорка *(лат.)*.

Отец, я согрешил *(лат.)*.

119

В конечном счете Бинсвангер прожил до 1966 года. *Авт.*

120

От остальных он тоже скрывал новости о Бинсвангере. «После Троицына дня, – писал Фрейд Абрахаму, – я провел два дня в гостях у Бинсвангера» (3 июня 1912 года. Karl Abraham papers, LC). См. также его письмо к Ференци, в котором Фрейд просто сообщает, что провел выходные у Бинсвангера, не называя истинной причины поездки (30 мая 1912 года. *Freud-Ferenczi* Correspondence, Freud Collection, LC). *Авт.*

121

Добросовестность *(лат.)*.

122

Отчуждение между двумя старыми друзьями было полным. 21 ноября 1907 года Брейер писал Огюсту Форелю: «Лично я теперь окончательно порвал с Фрейдом». Естественно, прибавил он, это был не совсем безболезненный процесс. Не изменив своему великодушию, он по-прежнему называл работу Фрейда великолепной: построенной на самых напряженных исследованиях в его частной практике и очень важной, однако был вынужден отметить, что «немалая часть этого сооружения, вне всякого сомнения, снова осыплется». (Полностью цит. в: *Paul F. Cranefield*. Joseph Breuer's Evaluation of His Contribution to Psycho-Analysis, Int. J. Psycho-Anal., XXXIX [1958], 319–320.) *Авт.*

123

Как мы уже знаем, Эрнест Джонс перешел в лагерь психоаналитиков после знакомства с историей болезни Доры, описанной Фрейдом. Однако он был всего лишь самым видным из приверженцев мэтра, которых убедили эти зафиксированные им на бумаге случаи. Оглядываясь назад, можно заметить, что эти классические истории болезни производили большее впечатление своими дидактическими, а не клиническими особенностями. В последние десятилетия психоаналитики, вооруженные новыми знаниями и изощренными диагностическими приемами, тщательно изучили их и пришли к выводу, что патология самых известных пациентов Фрейда, как правило, была более серьезной, чем на то указывал он сам. Но в наше время, когда все, кажется, забыли, как нужно писать истории болезни, они – в качестве учебного пособия – остаются превосходным образцом. *Авт.*

Здесь и далее цитаты из «Фрагмента анализа одного случая истерии» даны в переводе А. Боковикова (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах).

125

«Таким образом, – бесстрастно констатирует Фрейд, – обычная сексуальная притягательность отца и дочери, с одной стороны, матери и сына – с другой, сближала их еще больше» («Dora», GW V, 178 / SE VII, 21).

Фрейд в то время не признал опасностей подобной позиции; он открыто заявил о них лишь много лет спустя. «Если пациент соглашается с нами, – писал основатель психоанализа в 1937 году в одной из своих последних статей, перефразируя неназванного критика, – то тогда все в порядке; если же он возражает, то тогда это всего лишь признак его сопротивления, и, стало быть, мы опять правы. Таким образом, мы всегда оказываемся правыми по отношению к беспомощному бедному человеку, которого мы анализируем, как бы он ни относился к нашим предположениям». Фрейд процитировал английскую поговорку Heads I win, tails you lose (Если орел – я выиграл, если решка – ты проиграл) как суть распространенных представлений о процедуре психоанализа. На самом деле, возражал он, психоаналитик действует совсем не так. Мэтр скептически оценивает как согласие, так и возражения пациента («Konstruktionen in der Analyse» [1937], GW XVI, 41–56 / «Constructions in Analysis», SE XXIII, 257–269). *Авт.*

127

В последние годы многие психоаналитики настойчиво утверждали, что зачастую оказывалось полезным использовать чувства, которые вызывали у них пациенты, для того чтобы углубить понимание психики этих больных. Но Фрейд вряд ли одобрил бы такой подход. *Авт.*

128

К середине 20-х годов прошлого столетия от кандидатов в психоаналитики требовалось умение выявить и, если это возможно, преодолеть свои комплексы и сопротивления посредством дидактического анализа, который к тому времени стал обязательным элементом обучения. Опытные практикующие врачи, со своей стороны, консультировали коллегу, если у них были основания полагать, что тот не выслушивает пациента с требуемых клинических позиций. Когда Фрейд писал историю болезни Доры, в его распоряжении подобных средств не было. *Авт.*

129

Писатель Лоренс Стерн, произведения которого отличались глубоким психологизмом, сказал нечто подобное за полтора столетия до Фрейда: «Есть тысяча незаметных отверстий, – продолжал отец, – позволяющих зоркому глазу сразу проникнуть в человеческую душу; и я утверждаю, – прибавил он, – что стоит только умному человеку положить шляпу, войдя в комнату, – или взять ее, уходя, – и он непременно проявит себя чем-нибудь таким, что его выдаст». *Авт.* («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», перевод Адриана Франковского. Tristram Shandy, book VI, ch. 5).

Здесь и далее цитаты из «Анализа фобии пятилетнего мальчика» даны в переводе А. Боковикова (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах).

131

Фрейд также использовал материал из истории болезни маленького Ганса в двух коротких статьях, опубликованных в тот же период, об инфантильных сексуальных теориях и о сексуальном просвещении. *Авт.*

132

Американский психоаналитик Джозеф Уильям Слэп предложил интересное дополнительное толкование (не противоречащее интерпретации Фрейда) страха маленького Ганса перед лошадьми: в феврале 1908 года, во второй месяц развития невроза, мальчику удалили миндалины (см.: «Little Hans», SE X, 29), после чего фобия усилилась. Вскоре после этого он открыто заявил, что белые лошади кусаются. На основе этого и других, связанных с ним фактов Слэп предположил, что страх Ганса перед хирургом (в белом халате и маске) добавился к страху перед усатым отцом (*Slap J. W.* Little Hans's Tonsillectomy, Psychoanalytic Quarterly, XXX [1961], 259–261). *Авт.*

133

Здесь и далее цитаты из работы «Заметки об одном случае невроза навязчивости». (См.: *Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах.)

Последующие поколения психоаналитиков не стали бы этого делать и позволили бы «человеку с крысами» самому искать выход, чтобы затем проанализировать его мучительные сомнения. *Авт.*

135

В немецком языке заядлый игрок – Spielratte, а крыса – Ratte.

136

Перевод в Standard Edition не передает лаконичность фразы Фрейда. В прозаичном «Он был голоден и накормлен» нет архаичного оттенка hungerig и библейского звучания gelabt. (См. примечание редактора в: *Freud S*. L'Homme aux rats. Journal d'une analyse, ed. Elza Ribeiro Hawelka [1974], 21n.) *Авт.*

137

Позже критики Фрейда, заново проанализировавшие этот случай, винили мэтра за то, что он не уделил достаточного внимания матери «человека с крысами» и, учитывая необычную озабоченность пациента этими животными, его анальной эротике. Оба аспекта более отчетливо проявляются в рабочих заметках Фрейда, а не в самом тексте. В начале лечения, когда основатель психоанализа объясняет его процедуру и ставит свои условия, Rattenmann отвечает, что должен посоветоваться с матерью. (См.: *Freud S.* L'Homme aux rats, ed. Hawelka, 32; and «Rat Man», SE X, 255.) *Авт.*

138

Позже, в 1931 году, он писал: «Однажды я замахнулся на величайшего из величайших, о ком, к сожалению, мало что известно, – я имею в виду Леонардо да Винчи. Я осмелился по крайней мере предположить, что «Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом», которую вы можете каждодневно видеть в Лувре, недостаточно понятна без своеобразной детской истории Леонардо» (*Фрейд Максу Шиллеру*, 26 марта, 1931. Briefe, 423). *Авт.*

139

Фрейд следовал некоторым теоретическим положениям, которые незадолго до этого развил в статье о воображении писателя и о мечтах. *Авт.*

140

Историк искусства Кеннет Кларк, не будучи фрейдистом, принял «прекрасную и, как я убежден, глубокую интерпретацию Фрейда» картины Леонардо с изображением святого трио и вместе с Фрейдом видел в лицах женщин бессознательную память Леонардо о двух матерях. (См.: *Clark K.*. Leonardo da Vinci: An Account of His Development as an Artist [1939; rev. ed., 1958], 137.) *Авт.*

141

По всей видимости, Фрейд проигнорировал французское исследование о Леонардо, хотя оно имелось у него в библиотеке и содержало его пометки, где утверждалось, что отец Леонардо взял сына к себе в том же году, когда женился. Конечно, основатель психоанализа мог не согласиться с этим аргументом, однако он знал о нем. (См.: *Spector J. J.* The Aesthetics of Freud: A Study in Psychoanalysis and Art [1972], 58.) *Авт.*

142

Фрейд [в статье о Леонардо] излагал выводы, которые, по всей вероятности, были результатом самоанализа и поэтому очень важны для изучения его личности. Его письма того периода дают ясное представление, с каким необыкновенным усердием он погрузился в это исследование (Jones II, 78.). *Авт.*

143

В апреле 1907 года Фрейд отправил Юнгу нечто вроде записки о паранойе (похожей на записки, которые он посылал Флиссу в 90-х годах XIX столетия). В ней он еще не обращается к гомосексуальной составляющей заболевания. (См.: Freud-Jung, 41–44 [38–40].) *Авт.*

144

Рассуждая о формировании символов в снах, что особенно интересовало Штекеля, которому Фрейд перестал доверять, он в 1911 году отметил: «…дело темное… Здесь мы должны долго наблюдать и собирать материал» (*Фрейд Ференци*, June 5 июня 1911. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC). *Авт.*

145

Здесь и далее цитаты из работы «Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании паранойи)» (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах).

146

Фрейд неодобрительно относился к «стыдливому» поведению редакторов Denkwürdigkeiten Шребера, которые не решились полностью написать грубые и нецензурные слова, прибегнув к многоточию. (См.: *Schreber,* CW VIII, 252n / SE XII, 20n.) *Авт.*

147

Проекция есть процесс избавления от чувств или желаний, которые человек считает абсолютно неприемлемыми – стыдными, непристойными, опасными, – посредством приписывания их другим людям. Данный механизм заметен, например, у антисемитов, которым необходимо перенести собственные чувства, которые они считают низкими или грязными, на еврея, а затем «выявить» эти чувства у него. Это самый примитивный из защитных механизмов, присутствующий и в поведении людей с нормальной психикой, хотя и не так выраженно, как у невротиков и страдающих психозом. *Авт.*

148

Проявление таланта, мастерства *(фр.)*.

149

Как и в других случаях, психоаналитики, впоследствии изучавшие материал, оставленный им Фрейдом, пришли к заключению, что состояние «человека-волка» было более серьезным, чем предполагает использованный основателем психоанализа термин, «невроз». *Авт.*

150

Поза на коленях (*лат.*).

151

Здесь мы встречаем, и будем встречать снова и снова, одно из самых необычных и наименее доказуемых теоретических положений Фрейда: он придерживался одной из версий теории Ламарка – вероятнее всего, почерпнутой из трудов Дарвина, который сам отчасти склонялся к этой теории, – о том, что приобретенные характеристики (в данном случае «память» о совращении в детстве или об угрозе кастрации) могут наследоваться. Лишь немногие известные биологи того времени, не говоря уж о психоаналитиках, признавали данный тезис, но Фрейд твердо стоял на этих позициях. *Авт.*

152

Термин предложен Фрейдом еще во время совместной работы с Йозефом Брейером. Входит в систему ортодоксальных, с точки зрения психоанализа, теоретических взглядов на функционирование и принципы работы психики (наряду с топографическим и динамическим подходом).

153

Будущее заставило Фрейда добавить несколько более мрачных штрихов к этому оптимистичному описанию состояния «человека-волка». В 1919 году бежавший из России после революции и нуждавшийся в финансовой поддержке (ее предоставили Фрейд и друзья) Панкеев ненадолго возобновил сеансы психоанализа с мэтром. Часть переноса пациента, как впоследствии признал и сообщил Фрейд, не была устранена. В середине 20-х годов прошлого столетия после приступа паранойи он снова прибег к помощи психоаналитика, на этот раз Рут Мак Брунсвик. Тем не менее Панкеев стал в достаточной степени психологически независим, чтобы жениться, со зрелым смирением пережить потерю семейного состояния и найти работу. «Человек-волк» всю жизнь страдал. Он так и не реализовал свои несомненные способности и словно притягивал несчастья. До самого конца жизни он был благодарен Фрейду и восхищался им, получая определенное удовольствие от славы самого известного пациента самого известного врачевателя душевных ран. *Авт.*

В этих статьях не содержится требования, чтобы каждый будущий психоаналитик проходил учебный анализ, и почти никто из психоаналитиков, для которых были предназначены данные работы, сам не подвергался анализу. Это дополнительное требование появилось после Первой мировой войны. *Авт.*

В последнее время психоаналитики стали называть этот раппорт рабочим союзом или терапевтическим союзом, но если они снова перечитают работы Фрейда по технике анализа – это не будет считаться поклонением кумирам, – то поймут, что их снова предвосхитили. *Авт.*

В этой дискуссии Фрейд использовал упрощенную модель: мужчина-аналитик и женщина-пациент. Но те же правила применимы для женщины-психоаналитика, которая лечит пациентов-мужчин, а также для врачей, которые имеют дело с пациентами одного с ними пола. Изобретательность эротического переноса поистине безгранична. *Авт.*

157

Вскоре, в конце сентября 1918 года, обращаясь к коллегам на конгрессе в Будапеште, Фрейд сформулировал данную мысль так: «Как бы жестоко это ни звучало, мы должны заботиться о том, чтобы страдание больного в какой-либо действенной степени не закончилось преждевременно» (Wege der psychoanalytischen Therapie [1919], GW XII, 188 /Lines of Advance in Psycho-Analytic Therapy, SE XVII, 163). *Авт.*

Удобный, но непереводимый немецкий термин Dichter в равной степени применим к романисту, драматургу и поэту. *Авт.*

159

На рождение у Софи первого ребенка Фрейд отреагировал изумлением. «Прошлой ночью, – писал он в открытке Ференци 11 марта 1914 года, – около 3 часов родился маленький мальчик, первый внук! Просто поразительно! Почтенное чувство, восхищение чудесами сексуальности!» (Переписка Фрейда с Ференци, Freud Collection, LC.) *Авт.*

160

В волнении Фрейд написал Welt – «мир, вселенная» – вместо Wert – «ценность» – небольшая, но показательная ошибка, открывающая, насколько серьезными он считал свои идеи. *Авт.*

161

Слова, сказанные фламандскому социалисту Хендрику де Ману в 1925 году, выражали твердое убеждение, которого придерживался Фрейд на протяжении уже полутора десятилетий: «Я всегда полагал, что немедицинские приложения психоанализа не менее важны, чем медицинские; и действительно, первые могут иметь большее влияние на психическую ориентацию человечества» (*Фрейд Хендрику де Ману,* 13 декабря 1925. Archief Hendrik de Man, International Institute of Social History, Amsterdam). Это был голос сомневающегося врача, сердце которого принадлежало не медицине. *Авт.*

162

Флисс, заставляя себя быть любезным с Абрахамом, как он это часто делал, в ответ на получение оттиска статьи Абрахама об Аменхотепе написал автору, что теперь «попытается еще раз рассмотреть эту личность в свете вашей концепции» (*Флисс Абрахаму* [открытка], 12 октября 1912. Karl Abraham papers, LC). *Авт.*

163

Откликаясь на написанную Эмилем Людвигом биографию Гёте, о котором он почти не размышлял, Фрейд сетовал в письме к Отто Ранку: «Упреки, которые высказываются в адрес ψA биографий, в большей степени применимы к этой [биографии], как и всем остальным, не относящимся к аналитическим» (*Фрейд Отто Ранку,* 10 августа 1921. Rank Collection, Box 1b. Rare Book and Manuscript Library, Columbia University). *Авт.*

Как мы увидим дальше, этот гнев имел также и бессознательную основу, скорее всего обусловленную его разочарованием из-за постепенной утраты привилегированного положения как единственного ребенка матери, по мере того как Амалия Фрейд дарила своему первенцу братьев и сестер. *Авт.*

165

«На зиму 1913/14 года, после неудачного Мюнхенского конгресса в предыдущем сентябре, пришелся пик конфликта с Юнгом. «Моисей» Микеланджело» был написан в том же месяце, что и длинные очерки, в которых Фрейд объявил о серьезности своих расхождений с Юнгом («Введение в нарциссизм» и «Об истории психоаналитического движения»), и не подлежит сомнению, что в то время он чувствовал горькое разочарование из-за отступничества Юнга. Потребовались немалые усилия, чтобы сдержать свои эмоции и спокойно сказать то, что, как он считал, следовало сказать. Невольно приходишь к очевидному заключению, что в то время, а возможно и раньше, Фрейд отождествлял себя с Моисеем и старался повторить ту победу над чувствами, которую Микеланджело изобразил в своем великом произведении». (Jones II, 366–367.) *Авт.*

166

«Каждый слушатель, – писал Фрейд Флиссу в знаменитом письме от 15 октября 1897 года, – когда-то был эмбрионом и однажды бывал кем-то вроде Эдипа в своих фантазиях» (*Фрейд Флиссу,* 15 октября 1897. Freud – Fliess, 293 [272]). *Авт.*

167

Ему в голову пришла мысль, писал Фрейд Флиссу, что нечто, подобное бессознательному эдипову комплексу, «…может лежать и у истоков «Гамлета». Я не думаю, что у Шекспира были на этот счет какие-то сознательные соображения, но убежден, что, скорее всего, к написанию этой трагедии его побудило собственное бессознательное, растревоженное смертью отца» (*Фрейд Флиссу,* 15 октября 1897. Freud – Fliess, 293 [272]). *Авт.*

168

«Клинический анализ творческих личностей, – писал психоаналитик и историк искусства Эрнст Крис, – предполагает, что жизненный опыт художника иногда лишь в ограниченном смысле является источником его фантазии; таким образом, его способность вообразить конфликты может значительно превосходить его собственный опыт, или, если выразиться точнее, по крайней мере некоторые художники обладают особым даром обобщения своего опыта». Например, попытки обнаружить Шекспира, скажем, в Фальстафе или в принце Хэле были бы тщетными и «противоположны тому, на что, по всей видимости, указывает клинический опыт работы с художниками как объектами психоанализа. Некоторые великие художники, похоже, чрезвычайно близки к части своих персонажей и могут воспринимать их как часть самого себя. Художник создавал мир, а не предавался мечтам» (*Kris E.*, Psychoanalytic Explorations in Art [1952], 288). *Авт.*

169

Как нам известно, он сравнивал свою технику лечения с раскопками погребенного города еще в 1895 году, обсуждая историю болезни своей пациентки Элизабет фон Р. (См.: Studies on Hysteria, SE II, 139.) Другой эпизод, который Фрейд отметил восклицанием «прекрасно!», свидетельствует о его сильных антирелигиозных чувствах: «Если спасение [Ганольду] принесла вера, ему пришлось повсюду сталкиваться со значительным количеством непонятных вещей» (Gradiva, 140. Freud Museum, London). *Авт.*

170

Спустя почти три года Фрейд объяснял «человеку с крысами» работу вытеснения на этом же примере. *Авт.*

171

В конце 20-х годов прошлого столетия он повторил эту мысль в своей часто цитируемой фразе: «К сожалению, перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие» («Dostojewski und die Vatertötung» [1928], GW XIV, 399 / «Dostoevsky and Parricide», SE XXI, 177). *Авт.*

172

Слово «знаменитый» (famous) является примером иногда встречающихся у Фрейда ошибок из-за однокоренных английских слов. Очевидно, он имел в виду famos, что в переводе с немецкого означает «замечательный» или «превосходный», но не «знаменитый». *Авт.*

173

Перевод немецкой фразы звучит так: «Инфантильное возвращение тотемизма»… Каждый внутренний барьер вытеснения есть историческое последствие внешнего препятствия. Поэтому: интернализация сопротивлений, история человечества отложилась в характере сопротивлений, которые сегодня являются врожденными». *Авт.*

Подобно Огюсту Конту почти за 100 лет до него, Фрейд постулировал три стадии мышления – анимистическую (мифологическую), религиозную и научную. (См.: Totem and Taboo, SE XIII, 77.) Эта схема предполагает последовательность во времени и иерархию ценностей. В то время, когда Фрейд работал над своей книгой, и еще в большей степени в последующие за публикацией «Тотема и табу» десятилетия специалисты в области антропологии культуры отвергали эту схему, зачастую с презрением. *Авт.*

175

Эту альтернативу предлагали не только психоаналитики. Как выразился американский антрополог Альфред Л. Кребер, заново оценивая «Тотем и табу» (впервые он написал рецензию на книгу в 1920 году), «определенные психические процессы могут иметь важное значение и находить выражение в человеческих институтах» («Totem and Taboo in Retrospect», American Journal of Sociology, LV [1939], 447). *Авт.*

«Этой конструкции я придерживаюсь еще и сегодня, – писал Фрейд в конце жизни. – Мне не раз приходилось слышать резкую критику из-за того, что в более поздних изданиях книги я не изменил своего мнения после того, как современные этнологи единодушно отвергли построения Робертсон-Смита и выдвинули другие, полностью отличающиеся теории. Я должен возразить, что мне хорошо знакомы эти мнимые достижения. Но я не убежден ни в правильности этих новшеств, ни в заблуждениях Робертсон-Смита. Возражение – еще не опровержение, новшество – не обязательно прогресс». Далее мэтр несколько виновато заключает, что́ предполагает не проанализированный элемент его размышлений на эту тему: «Но прежде всего я не этнолог, а психоаналитик. У меня было право выбрать из этнологической литературы то, что я мог использовать для аналитической работы» (Der Mann Moses und die monotheistische Religion. Drei Abhandlungen [1939], GW XVI, 240 / Moses and Monotheism, SE XXIII, 131). *Авт.*

177

«Психоаналитическая характерология, – писал Отто Фенихель в своем классическом учебнике 1945 года, – является самой молодой ветвью психоанализа», поскольку психоанализ начинается с «изучения невротических симптомов, то есть с явлений, которые враждебны эго и не вписываются в «характер», привычную схему поведения. И лишь приняв во внимание поверхностный психический опыт, психоанализ может прийти к пониманию, что не только необычное и внезапное психическое состояние, но и обыкновенные типы поведения, такие как манера любить, ненавидеть и действовать в разных ситуациях, могут быть поняты генетически как обусловленные бессознательными кондициями». Это условие возможности систематического аналитического исследования характера (*Fenichel O.* The Psychoanalytic Theory of Neurosis [1945], 463). *Авт.*

Отношения между психологией личности и социальной психологией Фрейд рассматривает в работе «Психология масс и анализ «Я». *Авт.*

179

В работе «Введение в нарциссизм» сводились счеты и с Юнгом, хотя, как заметил Абрахам после прочтения черновика, Фрейд мог бы еще отчетливее подчеркнуть разницу между «терапией Юнга и психоанализом» (*Абрахам Фрейду,* 2 апреля 1914. Freud – Abraham, 165 [169]). *Авт.*

180

Прослеживая корни сексуальной энергии – либидо – в детстве, утверждал Фрейд, психоаналитики были вынуждены разделить его первую стадию, аутоэротизм, на две. В первой ряд независимых, неполных сексуальных влечений ищет примитивного удовлетворения в теле, тогда как во второй стадии сексуальные влечения, уже объединенные, воспринимают «Я» как объект. Именно эта вторая фаза и есть «нарциссизм». (См.: Totem und Tabu, GW IX, log/Totem and Taboo, SE XIII, 89.) *Авт.*

181

Самым оскорбительным пунктом списка был, разумеется, пункт «женщины», в чем признавался сам Фрейд: «Наверное, нелишне будет заверить, что, изображая в таком виде женскую любовную жизнь, я далек от какого-либо стремления принизить женщину». И отвергал малейший намек на такого рода тенденциозность («Narzissmus», GW X, 156 / «Narcissism», SE XIV, 89). *Авт.*

182

Почти за три десятилетия до этого, во время пребывания в Париже, Фрейд изображал себя патриотом, противопоставляя легкомысленным жителям столицы Франции, но даже тогда его лояльность была не безоговорочной. Как мы помним, он заявлял, что не является патриотом Франции, Австрии или Германии – он еврей. *Авт.*

183

Два брата, которые были во многом согласны друг с другом, по-разному относились к Англии. Зигмунд Фрейд, как нам известно, ею восхищался. Его чувства разделял сын Мартин. «Известие, что Англия присоединилась к нашим противникам, – писал он отцу через два дня после объявления войны, – было ожидаемым, но это все равно сильный удар по нашим чувствам, – и спрашивал главное: – У тебя есть новости от Аннерль?» (*Мартин Фрейд Фрейду*, 6 августа 1914. Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

Признаки этой лихорадки проявились даже у тех немногих, кто, подобно Артуру Шницлеру, героически отказывался менять свою гуманность на этот легкий, одурманивающий патриотизм. Фриц Виттельс вспоминал о том, как повстречался со Шницлером после одной из редких побед австрийцев над русскими и поразился тому, что этот самый суровый из писателей был растроган и доволен: «Он сказал мне: «Вы знаете, как сильно я ненавижу в Австрии почти все, но, когда я прочел, что угроза русского вторжения миновала, мне захотелось опуститься на колени и поцеловать нашу землю» (*Wittels*.Wrestling with the Man, 5). Это было не шовинистское возбуждение, а нечто вроде неприязни к русским, которую разделяли почти все австрийцы, в том числе Фрейд. *Авт.*

185

С 1916 года Ференци был еще свободнее, чем прежде: его перевели в Будапешт в военный госпиталь, психиатром на полставки, и он смог вернуться к психоанализу. (См.: *Balint M*. Einleitung des Herausgebers, in: *Sándor – Ferenczi*, Schriften zur Psychoanalyse, 2 vols. [1970], I, XIII.) *Авт.*

186

В конце 1912 года, когда стали распространяться слухи о войне, Фрейд уже волновался: «…вполне может случиться, что трое моих сыновей одновременно окажутся на фронте» (*Фрейд Ференци*, 9 декабря 1912. Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC). *Авт.*

187

Как оказалось, семье Фрейд повезло больше, чем большинству. Всего один из ее членов – Герман Граф, единственный сын сестры Фрейда Розы, – погиб на войне. *Авт.*

188

В процессе работы с термином «метапсихология», который он впервые использовал в письме к Флиссу от 13 февраля 1896 года (см. *Freud – Fliess,* 181 [172]), Фрейд постепенно давал ему все более точное определение, как психологии, которая анализирует работу психики с трех точек зрения – динамической, экономической и топографической. Первая предполагает прослеживание психических явлений до их корней в конфликтующих бессознательных силах, по большей части обусловленных, но не ограниченных влечениями; вторая пытается определить объем психической энергии и ее превращения; третья стремится выявить отдельные области внутри психики. Все вместе эти главные подходы резко отделяют психоанализ от других направлений психологии. *Авт.*

189

Во время войны Фрейд, как он сам признавался Абрахаму, обдумывал возможность использования идей Ламарка в психоанализе, продемонстрировав, что его понятие «потребность» есть не что иное, как «власть бессознательных идей над телом, последствия чего мы наблюдаем в истерии, – другими словами, всемогущество мысли» (*Фрейд Абрахаму*, 11 ноября 1917. Freud – Abraham, 247 [261–262]). *Авт.*

190

Фрейд рассматривал работу самобичевания, совершаемую этой особой инстанцией, в двух других коротких статьях того периода, опубликованных в 1916 году, – «Потерпевшие от успеха», где показал, что люди, у которых возникает невроз на вершине успеха, не могут насладиться этим успехом из-за карающей совести, а также в работе «Преступники из чувства вины», проанализировав там невротическую потребность в наказании. В обеих статьях важными инициаторами выступают детские эдиповы преступления, скорее воображаемые, чем реальные. *Авт.*

191

Летом 1918 года у Фрейда имелась еще одна причина для хорошего настроения. У Антона фон Фройнда, богатого пивовара из Будапешта, после операции по удалению раковой опухоли развился невроз, и мэтр, похоже, избавил его от этого состояния. Благодарный пациент, понимающий, что возможен рецидив, учредил и субсидировал издательство, которое должно было издавать психоаналитическую литературу, сделав основателя движения и других психоаналитиков независимыми от других издателей. Таким образом, обязанности по руководству Verlag легли на Фрейда. *Авт.*

192

Зигмунд Фрейд очень следил за своим питанием, и не без причины. В конце 1919 года он писал Эйтингону: «…мистер Верек, журналист, политик, писатель и очень милый парень, даже предложил мне «еду». Я принял ее, сказав, что мясной рацион, вне всякого сомнения, вернет мне способность к работе». (Слово «еда» было написано по-английски. *Фрейд Эйтингону*, 19 ноября 1919 года. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

193

Инфляция съедала не только его сбережения. Уже в конце 1924 года Ференци писал Фрейду: «Быстро происходит девальвация венг[ерской] кроны; вскоре она достигнет низшей точки австрийской. В кругах среднего класса преобладает нужда; медицинская практика почти совсем заглохла. У людей нет денег болеть» (Freud – Ferenczi Correspondence, Freud Collection, LC). *Авт.*

194

В сентябре 1922 года Фрейд отослал ей 20 000 марок – несмотря на инфляцию, это была приличная сумма. (*Фрейд Андреас-Саломе,* 8 сентября 1922, Freud Collection, B3, LC.) *Авт.*

195

Что касается австрийских, венгерских и немецких психоаналитиков, этот конгресс заставил их вспомнить мир изобилия, почти позабытый. Впоследствии Анна Фрейд сетовала, что у них с отцом было мало денег, «…но отец, как всегда, был очень щедрым. Он ежедневно выдавал мне определенную сумму на фрукты (бананы и т. д.), которых мы много лет не видели в Вене, и настаивал, чтобы я покупала себе новую одежду, ни в чем себя не ограничивая. Все, что мне нужно… Но я не помню, чтобы он купил что-то себе – за исключением сигар» (*Анна Фрейд Джонсу,* 21 января 1955. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). *Авт.*

Эту послевоенную модель принято называть структурной и противопоставлять топографической модели довоенных лет. Далее станет очевидно, что они тесно связаны и дополняют друг друга. Более того, сами названия лингвистически случайны и чисто условны: в обеих моделях описывается и топография, и структура психики. *Авт.*

197

См. письмо Фрейда в декабре 1914 года к голландскому поэту и психопатологу Фредерику ван Эйдену. Война, писал мэтр, только подтвердила то, что аналитики уже знали из «изучения сновидений и промахов нормальных людей, а также симптомов невротиков», то есть тех «примитивных, жестоких и злобных импульсов человечества, которые не исчезли в каждом человеке, а продолжают существовать, хотя и в вытесненном состоянии, и ждут возможности проявить себя». (Цит. по: Jones II, 368.) *Авт.*

198

См. статью Шпильрейн «Деструкция как причина становления» (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, IV (1912), 465–503), в которой она размышляет о работе деструктивных импульсов, содержащихся в самих сексуальных влечениях. Сабина Шпильрейн была выдающейся личностью. Эта русская девушка приехала в Цюрих изучать медицину, а затем, будучи в состоянии сильнейшего психического расстройства, обратилась за помощью к Юнгу. Сабина влюбилась в своего психоаналитика, и Юнг, воспользовавшись ее зависимостью, вступил с ней в любовную связь. После мучительной борьбы, в которой Фрейд сыграл небольшую, но не очень благовидную роль, Сабина освободилась от этой зависимости и сама стала психоаналитиком. Во время недолгого пребывания в Вене она регулярно участвовала в дискуссиях по средам. Впоследствии вернулась в Россию, где практиковала психоанализ. До 1937 года о ней ничего не было слышно. В 1941 году после вторжения нацистов в Советский Союз Сабина Шпильрейн и две ее взрослые дочери были убиты немцами. *Авт.*

Встречались и исключения. Одно из них мы рассмотрим при анализе его переработки теории тревожности в 1926 году. *Авт.*

200

Макс Шур, которого никто не может обвинить в предвзятом отношении к основателю психоанализа, бесстрастно заметил: «Мы можем только предположить, что выводы Фрейда… являются примером ad hoc рассуждений, чтобы доказать заранее сформулированные гипотезы… Этот ход мыслей, отличающийся от общего научного стиля Фрейда, можно видеть во всей работе «По ту сторону принципа удовольствия». (*Schur M.* The Id and the Regulatory Principles of Mental Functioning [1966], 184.) *Авт.*

201

Адвокат дьявола (*лат.*).

Некоторые последователи Фрейда, в частности детский психоаналитик Мелани Кляйн и представители ее школы, в этом вопросе проявили бóльшую бескомпромиссность, чем сам мэтр. «Повторяющиеся попытки улучшить человечество и особенно сделать его мирным, – писала Кляйн в 1933 году, – потерпели неудачу, потому что никто до конца не понимал глубину и силу инстинкта агрессии, присущего каждому человеку» («The Early Development of Conscience in the Child» [1933] in: Love, Guilt and Reparation and Other Works, 1921–1945 [1975], 257). Под инстинктом агрессии она понимала влечение к смерти во всей ее природной фрейдистской силе. В отличие от Кляйн Хайнц Хартман, самый известный из психологов, специализировавшихся на теории «Я» и в 20-х годах прошлого столетия значительно усложнивших фрагментарную структурную модель Фрейда, предпочел сосредоточиться на понятии влечений, с которыми мы сталкиваемся в клиническом применении психотерапевтической теории, и обойтись без других, по большей части биологически ориентированных гипотез мэтра об инстинктах жизни и смерти. (См.: «Comments on the Psychoanalytic Theory of the Instinctual Drives» [1948] in: Essays on Ego Psychology: Selected Problems in Psychoanalytic Theory [1964], 71–72.) *Авт.*

203

В качестве специального термина Фрейд использовал совершенно обычное немецкое слово. И действительно, термины мэтра – das Es, das Ich und das Über-Ich – буквально переводятся как «Оно», «Я» и «Сверх-Я». *Авт.*

Это был, конечно, и тонкий намек на названия книг, которые они опубликовали три года назад, с интервалом всего лишь в месяц, но фраза Фрейда в сжатой форме выражает несовместимость их идей. *Авт.*

205

Знакомые с психоанализом антропологи, социологи и историки в 30-х годах прошлого столетия взяли на вооружение гипотезы Фрейда. Они опирались на новый взгляд мэтра, который считал «Я» обращенным не только внутрь, но и наружу, сражаясь, торгуясь и договариваясь с внешним миром, а не только с «Оно» и «Сверх-Я». *Авт.*

Еще одна сложность выявилась при пересмотре Фрейдом своего взгляда на эмоциональное развитие мальчиков и девочек – вопроса, которому он стал уделять внимание в тот период. Как мы увидим дальше, мэтр пришел к выводу о существенных различиях «Сверх-Я» у представителей разного пола. *Авт.*

207

Впрочем, время от времени он смягчался и уступал просьбам, особенно когда его просили уделить внимание не пациенту, а «ученику» – будущему психоаналитику. Так, например, летом 1928 года мэтр предложил проанализировать американского психиатра Филиппа Лермана «на горе Земмеринг (2 ½ ч. от Вены), что для меня является исключением» (*Фрейд Лерману,* 7 мая 1928. На английском. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute). *Авт.*

208

В 1896 году, когда его отец был при смерти, Фрейд тоже использовал в письме прошедшее время – символ того, что он смирился с неизбежным. *Авт.*

209

Психотерапевт Хильда Браунталь, во время учебы работавшая в доме Матильды и Роберта Холличер, где Хейнеле провел последние месяцы жизни, полагает, что мэтр «не слишком часто виделся с внуком. Фрейды жили неподалеку от Холличеров. Я часто видела, как Фрейд идет по улице со своей собакой. Он казался глубоко погруженным в свои мысли» (личное письмо, 4 января 1986 года). Но даже если основатель психоанализа редко навещал внука, часть мыслей, которые его так поглощали, похоже, была о мальчике. *Авт.*

210

На основании немногих сохранившихся документов фразу Джонса реконструировать не представляется возможным. В 1924 году, после того как Ранк навлек на себя гнев не только Джонса, но и всех остальных, включая Фрейда, основатель движения с сожалением признал, что Джонс был прав относительно Ранка. В письме к Абрахаму Джонс воспроизвел этот фрагмент письма мэтра к нему и заметил: «Итак, подтвердилась по крайней мере часть моей знаменитой фразы Бриллу, которую у меня не хватило смелости защищать в Сан-Кристофоро. (Разумеется, я не имею в виду ошибочное дополнение к ней, сделанное Бриллом)» (*Джонс Абрахаму*, 12 ноября 1924. Karl Abraham papers, LC). *Авт.*

211

Событие, приключение *(нем.)*.

Дойч, вспоминала Анна Фрейд несколько лет спустя, «недооценил» независимость отца и «его способность воспринимать правду».(*Анна Фрейд Джонсу*, 4 января 1956. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) «Что мой отец не прощал, так это «опеку» (*Анна Фрейд Джонсу*, 8 января 1956. Там же). Какое-то время отношения между ними были натянутыми, что Дойч переживал очень тяжело, но потом дружба восстановилась. Тем не менее за медицинской помощью Фрейд обращался к другим врачам. *Авт.*

213

У самой Анны остались смешанные чувства: «Я получила незабываемое путешествие в Рим, и я до сих пор испытываю благодарность» (*Анна Фрейд Джонсу*, 8 января 1956. Там же). *Авт.*

214

Операции, которым был вынужден подвергаться Фрейд, делились на три типа, в зависимости от места и способа проведения: в кабинете доктора Пихлера под местной анестезией, в санатории Ауэршперг под местной анестезией и с «предварительно вызванным сном» и в санатории Ауэршперг под общей анестезией. (См.: *Анна Фрейд Джонсу*, 8 января 1956. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) Кроме того, Фрейд проходил регулярный осмотр в маленькой комнате, оборудованной рядом с его кабинетом для приема пациентов. *Авт.*

215

Тем не менее домашними делами по-прежнему заведовала ее мать. Когда в 1920 году Анна написала из поездки, что хотела бы сменить одну из двух принадлежавших ей комнат в квартире на Берггассе, 19, чтобы ее кабинет соединялся со спальней, Фрейд, одобривший это предложение, посоветовал обратиться к матери. Он сообщал, что тетя Минна согласна поменяться комнатой с Анной, но мать и слышать не желает о каких-либо серьезных переменах в квартире: она не хочет тратиться на новые обои, поскольку предпочла бы вообще переселиться в пригород. Такой переезд, сообщал Фрейд Анне, был бы абсолютно непрактичен. И все-таки Анне следовало бы обратиться к матери напрямую. «Я не могу заставить ее, – писал мэтр, – и я всегда позволял ей руководить домом» (*Фрейд Анне Фрейд*, 12 октября 1920 года. Freud Collection, LC). *Авт.*

216

В начале 20-х годов прошлого столетия Оливер Фрейд проходил лечение психоанализом у Франца Александера в Берлине. Несколько лет спустя в письме к Арнольду Цвейгу Фрейд с восхищением отзывался о «необычных» талантах Оливера, широте и прочности его знаний. «Его характер был безупречен. Но затем у него развился невроз, и все цветы облетели». «К несчастью, сильно ограниченный неврозом», он «не нашел удачи в жизни». Трудная судьба Оливера, писал мэтр Цвейгу, была для него тяжелым бременем. (*Фрейд Арнольду Цвейгу*, 28 января 1934 года. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

217

Некоторые из этих проблем со здоровьем, например задержка менструации, были постоянными. «Я очень рада, – писала Анна отцу в 1920 году, – что вчера у меня было недомогание, но я обошлась без лекарств и на этот раз хорошо его перенесла» (*Анна Фрейд Фрейду*, 16 ноября 1920. Freud Collection, LC). *Авт.*

218

Эта тема также постоянно возникала в переписке Анны с отцом. «Почему я всегда так счастлива, если я ничего не делаю? – недовольно спрашивала она летом 1919 года. – В конце концов, я люблю работать; или это только так кажется?» (*Анна Фрейд Фрейду*, 2 августа 1919 года. Там же.) *Авт.*

219

Тема младшей дочери никогда не теряла своей привлекательности для Фрейда. В 1933 году, когда Эрнест Джонс сообщил о беременности своей жены, Фрейд ответил: «Если это будет младшая дочь, то на примере моей семьи вы можете видеть, что младшая не обязательно худшая» (*Фрейд Джонсу,* 13 января 1933. Freud Collection, D2, LC). *Авт.*

Единственный сравнимый пассаж в произведениях Фрейда, где он так же решительно отказывается от своих открытий, можно найти в «Толковании сновидений» – об отсутствии сексуальных чувств у ребенка. *Авт.*

221

16 ноября 1920 года в письме из Берлина она сообщала Фрейду: «С большим удовольствием читаю твою новую работу [«По ту сторону принципа удовольствия»]. Думаю, «Я-идеал» – это как раз про меня» (Freud Collection, LC). *Авт.*

В августе она писала, что до сих пор «ни минуты не жалела о том, что ушла из школы» (*Анна Фрейд Фрейду*, 21 августа 1920 года. Там же), но в октябре жаловалась отцу, что несчастна и скучает по ней. (См.: *Анна Фрейд Фрейду*, 25 октября 1920. Там же.) *Авт.*

223

Анна Фрейд полностью осознавала детский характер своих снов того периода. За три дня до отправки этого письма она описывала сон о кофе и взбитых сливках. Этот сон, отметила Анна, был в буквальном смысле слова возвращением к сну о «клубнике», который она видела полуторагодовалой и о котором потом прочитала в «Толковании сновидений» (*Анна Фрейд Фрейду*, 3 августа 1915 года. Там же). *Авт.*

224

Когда Эрнест Джонс во время работы над биографией Фрейда консультировался с Анной, она без стеснения признавалась в своей ревности. «Я немного удивилась вашему упоминанию миссис Ривьер, психоаналитика и блестящего переводчика, среди женщин в его жизни. Должно быть, она играла какую-то роль, поскольку я помню, что ревновала к ней (верный признак!)». Когда же Джонс заметил, что в 1909 году мэтру помогала секретарша, Анна размышляла, кто бы это мог быть. Ее тетя Минна? Нет, это было гораздо раньше. Сестра Матильда? Скорее всего, нет. «Я действительно не знаю, и это заставляет меня ревновать» (*Анна Фрейд Джонсу*, 14 февраля и 24 апреля 1954 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). *Авт.*

225

К сожалению, Ференци не привел подробности об этих экспериментах. Анна Фрейд тоже. Но значительно позже дочь мэтра сообщила Эрнесту Джонсу, что они с отцом «разыграли» некоторые «суеверия», когда собирали грибы, и что эта «чушь» их тогда очень развлекла. Тем не менее Анна не оставила сомнений, что эти эксперименты были связаны с «передачей мыслей» (*Фрейд Эйтингону*, 6 марта 1926 года. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe). *Авт.*

Фашистская Италия была чем-то вроде исключения в смысле распространения антисемитизма среди новых режимов вплоть до конца 30-х годов XX века, когда Муссолини вслед за Гитлером ввел законы против евреев. По свидетельству итальянского психоаналитика Эдуардо Вейсса, жизненные пути Фрейда и Муссолини однажды пересеклись, хотя и не напрямую. Это произошло в 1933 году. «По своему обыкновению, я привел на консультацию к Фрейду очень больного пациента. Отец пациента, который нас сопровождал, был близким другом Муссолини. После консультации отец попросил у Фрейда что-нибудь из его работ с дарственной надписью для Муссолини. Я оказался в неловком положении, поскольку знал, что при таких обстоятельствах Фрейд не сможет отказать. Он выбрал, возможно с умыслом, работу «Почему война?», открытое письмо к Альберту Эйнштейну, в котором Фрейд признавался в своих пацифистских чувствах. В посвящении отдавалась дань уважения «пожилому человеку, который видит в правителе героя культуры» – намек, как отмечает Вейсс, на широкомасштабные археологические раскопки, которые инициировал Муссолини и которые очень интересовали Фрейда (*Weiss E.* Meine Erinnerungen an Sigmund Freud, in: Freud-Weiss Briefe, 34–35). *Авт.*

227

Это была и остается – самая распространенная и характерная ошибка. Современник Бьерре врач В. Шмидт-Медлинг в своей работе о роли эдипова комплекса в психоанализе Фрейда использует термин «бессознательное» как синоним «подсознательного». За два дня до 70-го дня рождения мэтра New York Times в статье Psychology Knows He Has Lived отмечала, что теории Фрейда о «подсознательном» остаются в высшей степени спорными. (См.: Topics of the Times, New York Times, May 8,1926, 16.) *Авт.*

228

Одним из лауреатов Нобелевской премии, отказавшихся поддержать кандидатуру Фрейда, был Альберт Эйнштейн, который 15 февраля 1928 года написал Менгу, что не может предложить обоснованное мнение относительно истинности учения Фрейда, «не говоря уж о вердикте, который будет авторитетен для других». Более того, Эйнштейн предупреждал, что ему представляется сомнительным, что психолог вроде Фрейда действительно может претендовать на Нобелевскую премию по медицине, как он полагает, единственную, которая может рассматриваться. (Этими сведениями я обязан профессору Хельмуту Люку и профессору Ханне С. Декер.) *Авт.*

Данная работа, похоже, так и не была проведена, по крайней мере в 20-х годах прошлого столетия. В Соединенных Штатах, например, в 1927 году Филипп Лерман защищал психоанализ на собрании Американской медицинской ассоциации от нападок Морриса Фишбейна, влиятельного редактора журнала American Medical Association, которого он храбро – и справедливо – назвал дезинформированным. (Presses the Value of Psychoanalysis / Dr. Lehrman Presents Present-Day Status of This Aid to the Mentally I11, New York Times, May 22, 1927, sec. 2, 4.) *Авт.*

230

Во Франции к тому времени уже велась частная, неорганизованная психоаналитическая деятельность – как и в Англии до официального основания британского общества. 25 октября 1923 года французский психоаналитик Рене Лафорг писал Фрейду: «Теперь, когда во Франции оформилось и добилось первого успеха психоаналитическое движение, я ощущаю потребность в более близком контакте с основателем психоанализа и с венской школой». (Из переписки Фрейда с Лафоргом / Пер. на французский Pierre Cotet and ed. André Bourguignon et al., in «Memorial», Nouvelle Revue de Psychanalyse, XV [April 1977], 251.) *Авт.*

231

Великий понтифик *(лат.)*.

232

Абрам Кардинер, который проходил психоанализ у Фрейда в 1921 году, вспоминает, как мэтр переключился с шестидневной на пятидневную рабочую неделю при приеме своих пациентов. Столкнувшись с требовательными американцами, которые отказывались проходить анализ у кого-либо другого, он посоветовался с дочерью Анной, «разбирающейся в математике», и она предложила принимать шестерых пациентов, если уделять каждому по пять часов, тогда как при старом графике он мог принимать только пятерых (*Kardiner A.* My Analysis with Freud: Reminiscences [1977], 17–18). *Авт.*

233

Фрейд знал об ошибках в переводах Брилла. В 1928 году он довольно деликатно намекал на них в письме к начинающему венгерскому психоаналитику Шандору Лоранду: «Из переводов моей работы «Толкование сновидений» я знаком только с английским переводом доктора Брилла. Но я полагаю, что для того, кто хочет вообще прочесть эту книгу, лучше читать ее на немецком» (*Фрейд Шандору Лоранду*, 14 апреля 1928. Freud Collection, B3, LC). *Авт.*

Одним очевидным недостатком этого перевода была замена непонятными неологизмами простых немецких терминов, которые предпочитал Фрейд. Самым вопиющим примером можно считать «катексис», прочно утвердившийся в английской и американской терминологии психоанализа. Он заменил фрейдовский термин Besetzung, обычное немецкое слово с широким диапазоном значений, среди которых есть «оккупация» (войсками) и «заряд» (электрический). Выбор самого Фрейда – о котором он, по всей видимости, не сообщил переводчикам – был изобретательным и удачным: в одном из первых писем Эрнесту Джонсу он говорил об «интересе (Besetzung)» (*Фрейд Джонсу*, 20 ноября 1908 года. На английском. Freud Collection, D2, LC). *Авт.*

235

15 марта 1925 года берлинское трио – Абрахам, Закс и Эйтингон – в своем циркулярном письме сообщило, что Гроддек, который время от времени приезжал в Берлин с лекциями, прочитал цикл – три доклада, в которых привлек «неприятное» внимание к себе. Во время одного выступления он умолк, услышав автомобильный клаксон на улице, и предложил слушателям свои свободные ассоциации по поводу этого звука. «Согласно надежному источнику, он больше часа излагал интимные подробности своей личной жизни, в том числе касающиеся жены, которая присутствовала в зале; при этом он постоянно прибегал к самым грубым выражениям». Одним из предметов обсуждения, вероятно, стали занятия Гроддека мастурбацией. 13 апреля Абрахам и Эйтингон рассказали о том, что один знакомый навестил Гроддека в Баден-Бадене, и тот «спонтанно» стал излагать ему свои свободные ассоциации прямо на людях. «Многие другие подробности свидетельствуют, что Г. присоединяется к психоанализу, когда это ему выгодно (Karl Abraham papers, LC). *Авт.*

236

Зигфрид Бернфельд и Август Айхорн, два самых талантливых венских психоаналитика из молодого поколения. Первый впоследствии собрал богатый биографический материал и опубликовал серьезные биографические статьи, которыми пользовался Эрнест Джонс в своем жизнеописании Фрейда. Второй приобрел известность психоанализом малолетних преступников. *Авт.*

237

Характерно, что мнение Анны Фрейд о Беате Ранк менялось вместе с мнением отца. Рассуждая об «изменении личности Ранка», она писала Эрнесту Джонсу: «Раньше я была склонна винить в этом ее, но потом выяснилось, что она была скорее жертвой, чем кем-то еще» (*Анна Фрейд Джонсу*, 8 февраля 1955. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). *Авт.*

238

Протоколы Нью-Йоркского психоаналитического общества свидетельствуют, что доклады Ранка выслушивались с искренним вниманием и вызывали оживленные дискуссии. Он приобрел горячих сторонников и не менее горячих противников. (См. протоколы от 27 октября, 30 октября и 25 ноября 1924 года. A. A. Brill Library, New York Psychoanalytic Institute.) *Авт.*

239

Бронзовый утес *(фр.)*.

240

Беспорочной жизни и не запятнанный преступлением *(лат.)*.

241

В письме доктору Фрэнквуду Уильямсу, уважаемому члену Нью-Йоркского психоаналитического общества и в то же время приверженцу идей Ранка, Фрейд в самой нелицеприятной форме выразил свое удивление тем, что Уильямс называет себя психоаналитиком. «О вас я знаю лишь то, что вы были поклонником Ранка, и мне не удалось в разговоре с вами убедить вас, что несколько месяцев работы с Ранком не имеют ничего общего с психоанализом, как его понимаем мы, а также в том, что Р. больше не психоаналитик. Если с тех пор с вами не произошло радикальных перемен, тогда я также оспариваю ваше право носить это звание» (*Фрейд Фрэнквуду Уильямсу*, 22 декабря 1929 года. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон). *Авт.*

Ранк ответил. В 1927 году в длинной рецензии на статью «Торможение, симптом и страх», напечатанной в профессиональном американском журнале Mental Hygiene, он еще раз повторил историю происхождения психоаналитического понятия травмы рождения, а также объяснил свои расхождения с Фрейдом в понимании этого события и его последствий. (См.: *Lieberman E. J.* Acts of Will: The Life and Work of Otto Rank [1985], 263–267.) *Авт.*

Эти главы продемонстрировали, что его субъективная самооценка требует двух оговорок. Фрейд не был лишен гуманитарной мотивации, даже несмотря на то, что научные исследования интересовали его больше, чем лечение. И его описание жизненного пути как затянувшегося на долгие годы отклонения от первоначального намерения не учитывает ту теоретическую и даже философскую работу, которую он проделал не только в 20-х годах XX века и позже, но еще в 90-х годах XIX столетия. *Авт.*

На самом деле Брилла намного опередил Исадор Кориат, который в 1917 году обратился к тем же сравнениям, указав, что практика психоанализа должна быть ограничена «теми, кто получил серьезную подготовку по теории психоанализа и психопатологии. Для необученного человека использование психоанализа недопустимо, как использование радия тем, кто незнаком с физикой радиоактивности, и опасно, как попытка хирургической операции без знания анатомии» (*Coriat I. H.* What Is Psychoanalysis? [1917], 22). Само по себе это заявление выглядит несколько двусмысленным, но у Кориата речь идет о «врачах». *Авт.*

245

В протоколах Нью-Йоркского психоаналитического общества от 24 февраля 1925 года указано, что привилегии гостя для Кэролайн Ньютон отозваны и секретарю, соответственно, поручено написать Абрахаму, что «по местным и другим причинам важно» ограничить «присутствие на наших собраниях профессионалами, то есть, разумеется, имеющими профессию врача» (A. A. Brill papers, container 3, LC). *Авт.*

246

Как и в прошлые годы, на этом международном конгрессе отца снова представляла дочь Анна. Фрейд посоветовал ей не воспринимать Эрнеста Джонса и, если уж на то пошло, весь конгресс слишком серьезно. «Отнесись к Оксфорду как к интересному приключению и радуйся, что ты не вышла за Джонса» (*Фрейд Анне Фрейд*, 25 июля 1929 года. Freud Collection, LC). Судя по жизнерадостным, исполненным юмора отчетам с конгресса, Анна прислушалась к совету отца. «Больше традиции, чем комфорта, – телеграфировала она домой 27 июля. – Держаться до конца!» (Freud Collection, LC.) Два дня спустя после выступления с докладом она отправила вторую телеграмму: «Выступление очень успешное. Не посрамила семью. Настроение хорошее». (Там же.) Вне всяких сомнений, настроение Анны улучшала мысль о том, что она не связала свою судьбу с Джонсом. *Авт.*

247

Следует отметить, что Адлер, выступавший непосредственно перед Фрейдом, ратовал за допуск «врачей-женщин и тех женщин, которые проявляют серьезный интерес и готовы к сотрудничеству» (13 апреля 1910. Protokolle, II, 440). Первой женщиной, принятой в общество, стала доктор Маргарет Хильфердинг, избранная 27 апреля 1910 года при соотношении голосов 12 к 2. (См. там. же, II, 461.) *Авт.*

Это характерное неоднозначное отношение усвоивших культурные нормы Запада евреев к восточноевропейским собратьям. Мартин Фрейд, открыто говоря о «недостатках», которые свойственны «типичным» польским евреям, в той же статье с явным восхищением отзывается о смелости студентов-юристов из Восточной Европы перед лицом антисемитских волнений на юридическом факультете Венского университета. Там «презираемые и ненавидимые» польские евреи оказали сопротивление, показав достойную физическую крепость, нападениям немецких и австрийских студентов, которые «значительно превосходили их числом» (*Freud M.* Who Was Freud? in The Jews of Austria: Essays on Their Life, History and Destruction, ed. Josef Fraenkel [1967], 207). *Авт.*

249

Макс Шур выражал такое же мнение, но с должной осторожностью. «Имеется, – писал он Эрнесту Джонсу, – множество свидетельств сложных прегенитальных отношений с матерью, которые он, возможно, никогда не анализировал» (*Шур Джонсу*, 6 октября 1955 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). *Авт.*

250

См.: Interpretations of Dreams, SE V, 398n (примечание добавлено в 1911 году) и A Childhood Recollection from Dichtung und Wahrheit (1917), SE XVII, 156. *Авт.*

251

Даже в 1938 году он писал Стефану Цвейгу в своем неповторимом стиле XIX века: «Анализ сродни женщине, которая хочет, чтобы ее покорили, но знает, что ее не будут уважать, если она не окажет сопротивления» (*Фрейд Стефану Цвейгу*, 20 июля 1938 года. By permission of Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe). *Авт.*

252

Благодаря любопытным особенностям законодательства Австро-Венгрии в последней четверти XIX века некоторые женщины были допущены к местным выборам – как владельцы недвижимости, а не как женщины. Даже радикальные защитники избирательных прав женщин выступали против этой странной привилегии. Как бы то ни было, в Вене эта норма не действовала. *Авт.*

253

Очаровательная девушка *(нем.)*.

Интересно, что Флисс, бывший друг Фрейда, также придерживался традиционных взглядов. В своем главном труде «Течение жизни» (1906) он писал: «В психологической жизни женщины доминирует закон праздности; если мужчина стремится к новому, то женщина противится переменам: она пассивно берет и не добавляет ничего своего… Чувства – вот ее территория. Симпатия – ее добродетель… По-настоящему типично в жизни здоровой женщины то, что ее сексуальная цель формирует центр, по отношению к которому все остальное отступает… Любовь к детям – отличительная черта здоровой женщины. (Цитируется на немецком языке в: *Mahony P.* FriendshipandIts Discontents, Contemporary Psychoanalysis, XV [1979], 61n.) *Авт.*

Фрейд уже говорит это в 1912 году в статье «О самом обычном уничижении любовной жизни» (SE XI, 189), но речь там шла не о разнице между мужчинами и женщинами. *Авт.*

256

В 1927 году в своей первой статье Жанна Лампль де Гроот без комментариев сообщала, что, по мнению Хорни, одна из причин, по которым женская сексуальность кажется такой загадочной, была в том, что до сих пор аналитики наблюдали в основном за мужчинами. (См.: *Lampl-de Groot J.* The Evolution of the Oedipus Complex in Women in: The Development of the Mind: Psychoanalytic Papers on Clinical and Theoretical Problems [1965], 4.) *Авт.*

257

Несостоявшийся мужчина *(фр.)*.

Фрейд с уважением относился к некоторым экспериментальным подтверждениям своей теории и даже цитировал их (см. особенно его комментарии к статьям об информации из снов Отто Петцля, на которые основатель психоанализа ссылался в издании книги «Толкование сновидений» 1919 года, SE IV, 18in.2), но в целом он был убежден, что тысячи часов психоанализа, проведенных с пациентами, к которым можно прибавить тысячи часов, потраченных его приверженцами, дают достаточно доказательств верности его идей. Такое отношение, не обеспечивающее полную победу, было по меньшей мере тактической ошибкой.

Когда в 1934 году американский психолог Саул Розенцвейг прислал Фрейду результаты ряда экспериментальных исследований, предназначенных для проверки некоторых предположений психоанализа, мэтр ответил вежливо, но довольно кратко, что находит подобные работы интересными, однако не видит в них особой ценности, поскольку масса надежных наблюдений, на которые опираются положения психоанализа, делает их независимыми от экспериментального подтверждения. Тем не менее вреда в них нет. (См.: *Фрейд Розенцвейгу*, 28 февраля 1934 года. Письмо цитируется полностью, в оригинале на немецком языке, в: *Shakow D. and Rapaport D.* The Influence of Freud on American Psychology [1964], 129n.) *Авт.*

259

Фрейд читал самый объемный и влиятельный труд Дюркгейма о религии, «Элементарные формы религиозной жизни», вышедший в 1912 году, и кратко упоминал его среди социологических теорий. (См.: Totem und Tabu, GW IX, 137 / Totem and Taboo, SE XIII, 113.) *Авт.*

На этих страницах я следую принципу Фрейда: «Я пренебрегаю различием между культурой и цивилизацией» (Die Zukunft einer Illusion, GW XIV, 326 / The Future of an Illusion, SE XXI, 6). *Авт.*

Это слово он использовал и в молодости, и в старости: школьником, когда описывал семью евреев из Восточной Европы, с которой столкнулся в поезде, и 70-летним стариком, когда размышлял о ненависти к евреям. «В вопросе антисемитизма, – писал Фрейд Арнольду Цвейгу, – у меня нет намерения искать объяснений, я испытываю сильное желание поддаться аффектам и укрепляюсь в моей ненаучной позиции, что в конечном счете люди – это жалкий сброд» (*Фрейд Арнольду Цвейгу*, 2 декабря 1927. Freud-Zweig, 11 [3]). Двумя годами позже, в 1929-м, он признался Лу Андреас-Саломе: «В глубине души я убежден, что мои дорогие собратья люди – за немногими исключениями – это сброд» (*Фрейд Андреас-Саломе*, 28 июля 1929. Freud – Salome, 199 [182]). В 1932 году Ференци в своем дневнике отметил, что Фрейд однажды сказал: «Невротики – это сброд, годный лишь на то, чтобы давать нам заработок и помогать нам учиться на их болезни» (4 августа 1932 года, Klinisches Tagebuch. Машинописный текст с несколькими рукописными страницами, Freud Collection, B 22, LC, каталогизировано как «Scientific Diary»). Воспоминания Ференци вполне правдоподобны. Разве Фрейд не писал ему еще в 1909 году: «Пац[иенты] отвратительны», но они «дают мне возможность для новых исследований техники»? *Авт.*

Здесь и далее цитаты из работы «Будущее одной иллюзии» даны в переводе А. Боковикова (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах).

263

Фрейд, разумеется, знал о существовании разного типа религий и о разном отношении к вере внутри любой культуры, а также о том, что на протяжении столетий наблюдались радикальные изменения в религиозном мышлении и религиозных чувствах. В работе «Будущее одной иллюзии» он вел речь в основном о религии обычных современных людей, а за подробностями эволюции религиозного мышления отсылал к «Тотему и табу». *Авт.*

В «Толковании сновидений» он уже прямо заявлял, что сложная мыслительная деятельность в поисках удовлетворения «представляет собой лишь окольный путь к исполнению желания, ставший необходимым вследствие опыта. Ведь мышление – это не что иное, как замена галлюцинаторного желания» (GW II–III, 572 / SE V, 567). *Авт.*

265

Лучшее, что мог сказать Фрейд о религии, – она обуздывает человека и спасает его от самоубийства. Как он сформулировал в истории болезни «человека-волка»: «Мы можем сказать, что в данном случае религия добилась всего, для чего она вводится в воспитание индивида. Она обуздала его сексуальные стремления, обеспечив им сублимацию и прочную фиксацию, обесценила его семейные отношения и этим предотвратила грозившую ему изоляцию, открыв ему место присоединения к великой общности людей. Дикий, запуганный ребенок стал социальным, благонравным и воспитуемым» (Wolfsmann, GW XII, 150 / Wolf Man, SE XVII, 114–115). *Авт.*

266

Нет никаких документальных подтверждений, что Фрейд читал рационалистический манифест Джона У. Дрейпера 1874 года «История конфликта между наукой и религией» или двухтомник Эндрю Диксона Уайта «История борьбы науки с богословием в христианстве», вышедший в 1896-м и защищавший свободу исследований, но их бескомпромиссные названия (гораздо сильнее, чем более осторожное содержание) напоминают о том, до какой степени рационалистическая позиция основателя психоанализа совпадает с антиклерикальным мышлением XIX столетия и наследует ему – мышлению, корни которого уходят в XVIII век, в эпоху Просвещения. Отношение Фрейда к религии как к врагу полностью разделяло первое поколение психоаналитиков. Попытки его последователей примирить психоанализ с религией не вызывали ни малейшей симпатии у основателя движения и его коллег. В 1911 году, когда Фрейд сообщил Эрнесту Джонсу, что работает над психоаналитическим исследованием религии (он имел в виду очерк, который превратится в «Тотем и табу»), Джонс отреагировал с энтузиазмом. «Очевидно, – писал он, – религия есть последний и самый прочный бастион того, что можно назвать антинаучной, антирациональной или антиобъективной идеологией, и здесь, вне всякого сомнения, мы можем ожидать самого сильного сопротивления и самой жестокой схватки» (*Джонс Фрейду*, 31 августа 1911 года. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe). *Авт.*

267

Самое эмоциональное выражение этой позиции можно найти в статье о мировоззрении, которая была опубликована в 1933 году как последняя из «Нового цикла лекций по введению в психоанализ». (См.: The Question of a Weltanschauung. SE XXII, 158–182.) *Авт.*

Работа «Будущее одной иллюзии» воспринималась как политический документ по еще одной причине, не связанной с защитой науки от религии: в июле 1928 года Фрейд сообщил Эрнесту Джонсу (получив известие от Эйтингона), что в Советском Союзе цензура запретила переводить эту книгу на русский язык (*Фрейд Джонсу*, 17 июля 1928 года. Freud Collection, D2, LC). *Авт.*

269

Раздражение Фрейда газетной статьей вполне понятно. Помимо искажения его идей там было много ошибок. Фрейда называли Сигизмундом – именем, которое не употреблялось уже больше полувека. Название самой работы перевели с забавной ошибкой – «Будущее одной аллюзии». Пфистер превратился в Пфайзера, его называли не кем-нибудь, а главой протестантской церкви в Цюрихе. Психоаналитический журнал Imago, в котором, как сообщалось читателям Times, должен был появиться ответ Пфистера Фрейду, стал церковным изданием. *Авт.*

Одним из самых любопытных «ответов» явилась работа английского педагога Дж. К. Хилла «Мечты и образование». Маленькая книжка Хилла была опубликована в 1926-м, за год до «Будущего одной иллюзии», но автор – он рекомендовал себя как большой почитатель, но не практикующий психоаналитик и не компетентный выражать свое мнение относительно некоторых произведений Фрейда (с. 1) – полагал, что она может служить ответом. Этот ответ в немалой степени озадачил мэтра. В серии доходчиво написанных пояснительных глав, изобилующих обыденными примерами, Хилл приложил психоаналитические идеи, как он их понимал, к «изучению нормального поведения» (с. 1), в частности образования, но затем, без всякого перехода или подготовки, он делал вывод, что преподаватель, который желает учиться у Фрейда, «иначе поймет истину христианства» (с. 114). Основатель психоанализа ответил на это несколькими любезными, хотя и краткими строками: «Я получил вашу брошюру, с удовольствием прочел ее и убежден, что она произведет сильное впечатление на многих людей. Одного лишь я не могу понять: как то, что вы говорите о психоанализе, приведет кого-либо к истине христианства?» (*Фрейд Хиллу*, 18 февраля 1928. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

Впоследствии его сестра Маргарет вышла замуж за психоаналитика Германа Нюнберга, и в обеих семьях потом были династии психоаналитиков. *Авт.*

Здесь и далее цитаты из работы «Недовольство культурой» даны в переводе А. Боковикова (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах).

Фрейд усилил язвительность метафоры, прибавив, что человек становится поистине величественным, когда использует все свои вспомогательные органы, но они с ним не «срослись» и иногда доставляют ему еще немало хлопот. (См.: Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 451 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 92.) *Авт.*

Фрейд осторожно высказал предположения, что навязчивая и властная культура, возможно, не единственный фактор, который ограничивает любовь. Не исключено, что в самой природе сексуальной любви есть нечто, мешающее ее полному удовлетворению. Но развивать этот намек дальше мэтр не стал. *Авт.*

275

В этом письме Фрейд сделал показательную описку, возможно намекающую на то, что он был готов забыть им же установленный запрет. Не следует практиковать психоанализ здравствующих исторических личностей, писал он, «за исключением случаев, когда человек соглашается помимо своей воли». Разумеется, Фрейд имел в виду добровольное согласие. *Авт.*

276

«Книга, о которой вы упоминаете, – писал Буллит Эрнесту Джонсу в 1955 году, – так и не была опубликована. Лично я считал, что ее не следует публиковать до смерти миссис В. Она еще жива!» (*Буллит Джонсу*, 18 июня 1955 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) *Авт.*

277

В данном случае я согласен с вердиктом Анны Фрейд: «Почему отец после долгого (и понятного) сопротивления в конце концов уступил? Я убеждена, что это было после его приезда в Лондон, и в то время многие вещи были гораздо важнее, чем книга Буллита» (*Анна Фрейд Шуру*, 17 сентября 1966. Max Schur papers, LC). *Авт.*

Сообщая о переводе денег, газета New York Times поведала своим читателям, что неизвестный жертвователь, которому помог психоанализ (а также его жене и двум детям), сделал следующее заявление: «Вне всяких сомнений, Фрейд самый значительный человек нашего времени. Те из нас, у кого есть деньги, должны позаботиться о том, чтобы Фрейду поступали необходимые средства для продолжения его научных исследований и обучения тех, кто продолжит их в будущем» (Gives $5,000 to Aid Freud / Anonymous Donor has Profited by Psychoanalysis / $ 100,000 Sought, New York Times, May 18, 1927, 25). *Авт.*

279

Немецкий вариант солидного труда Мари Бонапарт об Эдгаре Аллане По. *Авт.*

280

Дела Verlag стали для Фрейда постоянным бременем. Осенью 1931 года управлять издательством начал Мартин Фрейд, который делал все возможное в этой сложной и постоянно ухудшавшейся ситуации. Вливания средств со стороны щедрых жертвователей, таких как Мари Бонапарт, позволяли всего лишь затыкать дыры. В 1932-м Фрейд решился на еще на одну меру: мэтр написал цикл лекций, предназначенных для публикации в Verlag. Они никогда не читались с кафедры, но преподносились как дополнение к вводным лекциям, которые Фрейд читал во время Первой мировой войны. «Новые лекции по введению в психоанализ» были современным дополнением к предыдущим, суммировали новые размышления основателя движения относительно женской сексуальности и завершались важной главой о мировоззрении психоанализа. В своей последней лекции Фрейд еще раз выразил, более решительно – и резко, – собственное убеждение, что психоанализ не может и не должен формулировать собственный взгляд на мир. Это просто часть науки. *Авт.*

281

В 1932 году Фрейд говорил Эйтингону, что Бриллу, пытавшемуся организовать психоаналитическое движение в Соединенных Штатах, противостоит американский антисемитизм, латентно гигантский. (См.: *Фрейд Эйтингону*, 27 апреля 1932. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

Интересно отметить, что Фрейд облекал эти резкие высказывания в свою излюбленную форму. Так, например, 8 июля 1928 года он писал Виттельсу: «…американцы и психоанализ зачастую настолько не подходят друг другу, что вспоминается аллегория Граббе, словно ворону надевают белую рубашку». (*Wittels*. Wrestling with the Man, 177–178.) Неожиданный эпитет, «дикари», тоже не был единичным случаем. 10 июля 1935 года мэтр писал Арнольду Цвейгу, который торжествующе сообщал, что американский клуб любителей книги отметил один из его романов: «Разве не печально, что мы финансово зависим от этих дикарей, которые не принадлежат к лучшей человеческой породе? В конце концов, мы здесь находимся в таком же положении». (С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

Есть основания предполагать, что бессердечные обвинения Фринка в значительной степени были обусловлены не высказанным, но явно осознанным чувством вины. Прежде всего, Фрейд сначала не смог распознать потенциальный психоз, скрывавшийся за нервными проблемами Хораса, а затем отказался воспринимать приступ психоза всерьез. Более того, мэтр – с лучшими намерениями, но некоторым безразличным высокомерием – ухудшил эмоциональное состояние Фринка, вмешавшись в его личную жизнь. Проходя психоанализ у Фрейда, Хорас решил развестись с супругой и жениться на одной из своих пациенток, и мэтр поддержал его в этом намерении. Но когда в 1923-м, через месяц после развода, умерла первая жена Фринка, его душевное здоровье было серьезно подорвано, а год спустя распался и второй брак. В 1936-м, незадолго до его смерти, в возрасте 53 лет, дочь Фринка, Хелен Крафт, спросила, что передать Фрейду, если она когда-либо с ним увидится. «Скажи ему, что он был великим человеком, – ответил Фринк, – даже если бы не изобрел психоанализ». (Слова Хелен Крафт приведены в: *Specter M*. Sigmund Freud and a Family Torn Asunder: Revelations of an Analysis Gone Awry // Washington Post, November 8, 1987, sec. G, 5.) *Авт.*

284

В работе «Недовольство культурой» Фрейд отказался от безоговорочных учреждений и заявил о своем желании избегать соблазна заняться критикой американской культуры, чтобы самому не использовать американские методы. (См.: Das Unbehagen in der Kultur, GW XIV, 475 / Civilization and Its Discontents, SE XXI, 116.) *Авт.*

285

Вот один яркий пример. В 1908 году Эрнест Джонс писал Фрейду: «Американцы – особенная нация с собственными привычками. Они проявляют любопытство, но редко истинный интерес… Их отношение к прогрессу прискорбно. Они хотят узнать «новейший» метод лечения, ни на секунду не забывая о всемогущем долларе и думая только о выгоде или «славе», как они это называют. В последнее время было написано много хвалебных статей о психотерапии Фрейда, но они до абсурда поверхностны, и я боюсь, что американцы решительно проклянут ее, как только услышат о ее сексуальной основе и поймут, что это значит» (*Джонс Фрейду*, 10 декабря [1908 года]. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe). *Авт.*

286

В конце 1920 года он написал дочери Анне, что только что отказался от предложения провести шесть месяцев в Нью-Йорке за 10 000 долларов. По оценке Фрейда, половина ушла бы на расходы. Конечно, даже 5000 долларов – это 2,5 миллиона австрийских крон, но, с учетом налогов и прочих издержек, он примерно столько мог бы заработать дома. «В другие времена, – раздраженно заметил мэтр, – ни один американец не посмел бы обратиться ко мне с таким предложением. Но они рассчитывают на нашу бедность [основатель психоанализа использовал древнееврейское слово Dalles] и хотят дешево нас купить» (*Фрейд Анне Фрейд,* 6 декабря 1920 года. Freud Collection, LC). *Авт.*

287

В июне 1931 года он писал Джонсу: «Со времени присуждения мне премии имени Гёте мир изменил ко мне свое отношение в сторону неохотного признания, но лишь для того, чтобы показать мне, как мало все это в действительности значит. Каким контрастом всему этому были бы сносные протезы, которые не кричат во всю глотку о том, что они являются главной целью человеческого существования» (*Фрейд Джонсу*, 2 июня 1931 года. Продиктовано Анне Фрейд. Freud Collection, D2, LC). *Авт.*

Я не нашел независимых подтверждений этой претензии, хотя, как нам известно, в начале их дружбы Фрейд какое-то время мечтал о том, чтобы Ференци стал его зятем. *Авт.*

289

Эрнест Джонс повторяет рассказ Фрейда или, возможно, опирается на независимый источник, который не указывает. По его свидетельству, Ференци рассказывал, как одна из его американских пациенток, которой он имел обыкновение посвящать четыре или пять часов в день, проанализировала его и тем самым излечила от всех недугов. Более того, она сделала это с помощью телепатии, через Атлантический океан. (См.: Jones III, 178.) Личный дневник Ференци усиливает правдоподобность этого описания его душевного состояния, но прямо его не подтверждает. Ференци там сообщает о своей пациентке, которая была настолько «сверхчувствительна», что «способна посылать «телефонные сообщения» на очень большие расстояния. (Она убеждена в возможности лечения на расстоянии посредством концентрации воли и мысли, но особенно симпатии.)» (7 июля 1932 года. Klinisches Tagebuch. Freud Collection, B22, LC.) Но Ференци не утверждал, что во все это верит. *Авт.*

290

В своем жизнеописании Фрейда Джонс опубликовал только первую, уважительную часть письма (См.: Jones III, 179) и опустил аналитическую. Поэтому никто не знал, что описание душевного состояния Ференци (которое воспринималось как отражение зависти и ревности к аналитику, оказавшемуся ближе Фрейду, чем он сам) на самом деле почти слово в слово повторяет диагноз мэтра. *Авт.*

291

Это не твердые расценки. Фрейд, который иногда принимал пациентов бесплатно, был склонен учитывать финансовые возможности клиентов. Когда в 1935 году американец Смайли Блэнтон приехал к нему для повторного краткого анализа после лечения в 1929 и 1930 годах, он спросил, сохранились ли прежние цены. Фрейд ответил утвердительно, а затем поинтересовался, в состоянии ли Блэнтон платить такие суммы. «Его тон и манера речи ясно указывали, что он сделает скидку, если обычные 25 долларов в час мне не по карману», – отмечал впоследствии Блэнтон (*Blanton Smiley,* Diary of My Analysis with Sigmund Freud [1971], 63–64). *Авт.*

292

Настроение *(нем.)*.

293

«Сионизм, – писал мэтр в Иерусалим Й. Двосису, переводившему некоторые его работы на иврит, – пробудил во мне сильнейшие симпатии, которые по-прежнему со мной». С самого начала, отмечает Фрейд, он тревожился за движение, «… что в современной ситуации кажется совершенно оправданным. Хотел бы я ошибаться насчет этого» (*Фрейд Двосису*, 15 декабря 1930 года. Машинописная копия, Музей Фрейда, Лондон). Подробнее всего свои взгляды на сионизм основатель психоанализа изложил в письме к Альберту Эйнштейну. Вероятно, Эйнштейн просил его публично высказаться по этому вопросу, но Фрейд отказался: «Тот, кто хочет повлиять на массы, должен сказать что-то вдохновляющее, вызывающее отклик, а моя трезвая оценка сионизма не позволяет этого сделать». Он заявлял о своем сочувствии движению, говорил, что гордится «нашим» Иерусалимским университетом и радуется умножению «наших» поселений. «С другой стороны, – писал Фрейд, – я не верю, что Палестина когда-нибудь станет еврейским государством и что христианский или исламский мир когда-либо будут готовы оставить свои святыни в руках евреев. Я бы в большей степени понял поиск еврейского отечества на новой, исторически не обремененной земле». Он понимает, прибавил мэтр, что подобный рациональный подход никогда не привлечет энтузиазм масс и средства богатых людей, однако с сожалением наблюдает «нереалистичный фанатизм» своих еврейских братьев, вызывающий подозрения у арабов. «Я не могу испытывать никакой симпатии к ложным разглагольствованиям, которые из куска стены Ирода делают национальную религию и ради нее оскорбляют чувства местного населения» (*Фрейд Эйнштейну*, 26 февраля 1930 года. Freud Collection, B3, LC). *Авт.*

Если посвящение проанализировать как еврейский текст, становится очевидным, что Якоб Фрейд не был религиозным человеком или националистом, а принадлежал к организации «Хаскала» – движению, которое рассматривало иудаизм как религию просвещения. Ни один ортодокс не станет так легкомысленно упоминать Бога, который говорит с семилетним мальчиком. И ни один религиозный еврей не считает Ветхий Завет, общий священный текст иудаизма и христианства, входящий в Танах, принадлежащим всему человечеству. (См.: *Bergmann M. S.* «Moses and the Evolution of Freud's Jewish Identity», Israel Annals of Psychiatry and Related Disciplines, XIV [March 1976], 4.) *Авт.*

295

В 1930 году А. А. Робак – американский психолог и сторонник сохранения идиша как языка – прислал Фрейду одну из своих книг с надписью на древнееврейском. Мэтр, поблагодарив за подарок, заметил, что его отец, хотя и происходил из хасидской среды, почти двадцать лет был оторван от родного города. Он прибавил, что получил такое нееврейское воспитание, что сегодня даже не может прочитать посвящение Робака, явно написанное древнееврейскими буквами. Впоследствии он часто сожалел об этом пробеле в своем образовании. (См.: *Roback*, Freudiana [1957], 57.) *Авт.*

Небрежное замечание Флиссу в 1895 году свидетельствует, что об этом пробеле Фрейд жалел не только в последние годы жизни. Флисс прислал ему рассуждения о тревоге, присутствовавшей в чувстве стыда обнаженного Адама перед Богом, и Фрейд, который нашел сии рассуждения замечательными, ответил, что хотел бы проконсультироваться «с евреем [то есть с тем, кто знает древнееврейский] относительно значения слов». (*Фрейд Флиссу*, 27 апреля 1895 года. Freud-Fliess, 128 [127].) *Авт.*

297

Это важное воспоминание опровергает заявление Гарри, племянника Фрейда, что его дядя, несмотря на «глубокую антирелигиозность… ни в коем случае не атеист. Он просто особенно не задумывался о ритуалах и догмах и противился любому религиозному принуждению или религиозным обязанностям. Он не соблюдал священные праздники и вряд ли когда-то был в синагоге» (*Dyck R.* «Mein Onkel Sigmund», интервью с Гарри Фрейдом в Aufbau [New York], May 11, 1956, 3). Если основатель психоанализа и приходил в синагогу, то только для того, чтобы послушать кадиш шалем – заупокойную молитву по одному из своих друзей. Но документальных свидетельств этого нет. *Авт.*

Много лет спустя Анна Фрейд, читая это письмо, вполне справедливо удивилась: «Что имел в виду Пфистер и почему он захотел оспорить тот факт, что мой отец еврей, а не принять его?» (*Анна Фрейд Эрнесту Джонсу*, 12 июля 1954 года. Jones papers, Archives of the British Psycho – Analytical Society, London.) *Авт.*

Тем не менее Джонс, у которого были довольно примитивные представления о национальных и расовых особенностях, продолжил обобщать взгляды Фрейда на евреев, на их «способности к психологической интуиции, их способность противостоять публичным оскорблениям». По его мнению, это тоже может влиять на такое положение дел. (См.: Free Associations, 209.) *Авт.*

300

В 1937 году, благодаря Ганса Эренвальда за экземпляр его книги «О так называемом еврейском духе», Фрейд признался, что несколько лет назад начал задавать себе вопрос, как евреи приобрели свой особенный характер, и продвинулся с поиском ответа не слишком далеко. Пока что он пришел к следующему выводу: именно первый, так сказать, эмбриональный опыт народа, влияние Моисея и Исхода из Египта наложили отпечаток на евреев, сохранившийся на столетия. (См.: *Фрейд Эренвальду*, 14 декабря 1937 года. Машинописная копия. Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

301

Здесь и далее цитаты из работы «Человек Моисей и монотеистическая религия» даны в переводе А. Боковикова (*Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 томах).

302

Популярный английский писатель Джеймс Хилтон, произведениями которого восхищался Фрейд, разочаровал его романом «Луга Луны» (1926) – полный провал, по мнению мэтра, – и в целом своей плодовитостью. «Боюсь, он слишком много пишет», – заметил Фрейд в письме Хильде Дулитл от 24 сентября 1934 года. (На английском. Hilda Doolittle papers, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University.) *Авт.*

303

Эйтингон мужественно, но без особого успеха пытался почувствовать себя в Палестине как дома. Он основал там психоаналитический институт и, хотя по-прежнему ощущал себя чужаком, теперь был занят. «У нас, психоаналитиков, – сообщал он Фрейду весной 1935 года, – много дел». Пациенты, которых принимали Эйтингон и его коллеги, были такими же, как раньше. Ни арабы, ни ортодоксальные евреи, давно переселившиеся в Палестину, к ним не обращались (*Эйтингон Фрейду*, 25 апреля 1935 года. С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe). *Авт.*

В Freud Collection хранится фотокопия этого письма с припиской от «благодарной матери», передающей его Альфреду Кинси: «Сюда я вложила письмо от великого и доброго человека, которое вы можете сохранить» (Freud Collection, B4, LC). *Авт.*

305

Конец Австрии *(лат.)*.

306

В завещании, которое Фрейд подписал 28 июля 1938 года и заверил 1 декабря 1939-го, он назначил душеприказчиками Мартина, Эрнста и Анну. Дети и жена получали равные доли, свояченица Минна – 300 фунтов. Кроме того, к Анне переходили все древности и книги по психологии и психоанализу (A. A. Brill papers, container 3, LC). *Авт.*

307

В 50-х годах XX столетия Мари Бонапарт в письме к Джонсу указала сумму, которую заплатила за письма: 1200 немецких марок. (См.: Мари Бонапарт Джонсу, 8 ноября 1957 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London.) *Авт.*

Следует отметить, что политика покорного сотрудничества Римско-католической церкви с австрийскими нацистами сошла на нет уже к концу года, когда нацистские лидеры стали жаловаться на «политизированных священников». Однако сопротивление, которое австрийское духовенство могло оказать нацистам, естественно, было слабым и не принесло плодов. *Авт.*

309

Впоследствии, вспоминая эти события, Анна Фрейд полагала, что «могло иметь место закулисное вмешательство. По крайней мере, загадочный телефонный звонок после нескольких часов ожидания привел к тому, что меня из общего коридора перевели во внутреннюю комнату» (*Анна Фрейд Джонсу*, 20 февраля 1956 года. Jones papers, Archives of the British Psycho-Analytical Society, London). *Авт.*

310

Фрейд уже указывал на это. «Женщины, – писал он Джонсу 28 апреля, – наиболее эффективны» (Freud Collection, D2, LC). *Авт.*

Это был постоянный мотив в его аргументах. «Никому, кто ищет утешения в священной Библии или в молитвах в синагоге, – писал мэтр в июле 1939 года, – мои учения не грозят утратой веры. Подобными средствами веру поколебать невозможно. Я не пишу для верующего человека или для массы верующих. Я просто излагаю научный материал, интересный меньшинству, не имеющему веры, которой можно лишиться» (*Фрейд Магарику*, 4 июля 1939 года. На английском. Машинописная копия, Freud Collection, Z3, LC). *Авт.*

312

В октябре один корреспондент из Палестины, Исраэль Дорион, предположил, что идею о том, что Моисей был египтянином, Фрейд позаимствовал у Йозефа Поппера-Линкеуса, австрийского физика, философа и писателя, чьей изящной работой о сновидениях мэтр восхищался. Предположение Дориона совсем не расстроило Фрейда, а, наоборот, очень заинтересовало. Он писал: «Феномен так называемой криптомнезии – бессознательного и невинного заимствования материала – мне хорошо знаком, и он проясняет происхождение якобы оригинальных идей». Основатель движения не боялся быть неоригинальным; его вклад, писал он, состоял в небольшом подкреплении психоанализом старого спора. (См.: *Фрейд Дориону*, 7 октября 1938 года. Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

313

В эти годы Фрейд вел дружеский диспут с Мари Бонапарт, которая его боготворила, следует ли считать его великим человеком. Основатель психоанализа считал, что он не великий человек, но сделал великие открытия. *Авт.*

314

Фрейд охотился за этой химерой несколько лет, обсуждая ее с Эрнестом Джонсом, который храбро пытался разубедить мэтра. Фрейда впечатлила книга Томаса Луни «Шекспир опознан», в которой делается «открытие», что Шекспир – это граф де Вер, и основатель психоанализа прочитал ее дважды. (См. письма Фрейда, прежде всего *Фрейд Джонсу*, 11 марта 1928 года. Freud Collection, D2, LC.) Джонс проницательно связывает эту безвредную манию с загадочным увлечением Фрейда телепатией. И то и другое, предполагает Джонс, подкрепляло его точку зрения, что внешность обманчива. (См.: Jones III, 428–430.) *Авт.*

315

В начале 1939 года Макс Эйтингон после долгой дискуссии с Мартином Бубером в Иерусалиме сообщил Фрейду, что сразу же после выхода книги «Человек Моисей и монотеистическая религия» Бубер начнет писать ее опровержение. Как еврейский социолог религии, он почти ни с чем не соглашался уже в «Тотеме и табу». Бубер не принял также «Толкование сновидений», поскольку там, как он считал, принижается творческая работа сновидения. «Совершенно очевидно, – заметил Эйтингон, – что теперь в этой стране у нас есть суровый критик психоанализа» (*Эйтингон Фрейду*, 16 февраля 1939 года. Музей Фрейда, Лондон). Основатель движения ответил 5 марта раздраженным письмом: «Праведные речи Мартина Бубера немногим повредят «Толкованию сновидений». «Моисей» же куда более уязвим, и я готовлюсь к ожесточенному сопротивлению, которое эта книга встретит среди евреев». (С разрешения Sigmund Freud Copyrights, Wivenhoe.) *Авт.*

Интересна также реакция марксистов. Говард Эванс в лондонской Daily Worker, рассматривая вопрос со своих догматических позиций, проявил некоторую снисходительность к Фрейду: учитывая его идеологическую ограниченность, не стоит ждать, что этот великий буржуазный ученый в возрасте 83 лет примет диалектический подход. (См.: Review of Moses and Monotheism // Daily Worker [London], 5 July 1939. Музей Фрейда, Лондон.) *Авт.*

317

Несколькими неделями раньше, 2 августа 1939 года, Мари Бонапарт написала в греческое консульство с рекомендацией выдать визу Розе Граф. (См.: Freud Collection, B2, LC.) Но ни французская, ни греческая виза так и не пришли. К счастью для Фрейда, он не узнал о печальной судьбе сестер: Адольфина умерла от голода в лагере Терезиенштадт, а остальные три сестры погибли в 1942 году, вероятно в Аушвице. (См.: *Freud M.* Freud, 15–16.) Его сестра Анна, которая вышла замуж за Эли Бернайса, эмигрировала в Соединенные Штаты задолго до войны. *Авт.*